

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Povnyĭ sbirnyk tvoriv

Marko Lukych Kropyvnyts'kyĭ

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

120

MS. 1-3
1901

Матко Лукуч, Кропивицькый

Ромнї збитнук творив

ПОВНЫЙ СБИРНЫКЪ

ТВОРИВЪ

М. Л. КРОПИВНИЦЬКОГО

ВЫДАНИЯ ТРЕТЕ.

1. Дай серцеви волю, заведе у неволю. 2. Невольникъ. 3. Ломырыльсь.
4. Лошыльсь у дурни. 5. По ревизїи. 6. Лыхо не кожному лыхо,—
инчому й таланъ. 7. Вусы. 8. Лидгоряне. 9. Зайдыголова. 10. Дви семья.
11. Чмырь. 12. Олеся. 13. Джигунъ. 14. Куплеты.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ конторѣ газеты „ЮЖНЫЙ КРАЙ“, Харьковъ, Николаевская площадь.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія И. М. Варшавчика, Николаевская ул., д. № 3.

1895.

PG 3948
. K 73
1895
v. 1-2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 2-го Ноября 1894 года.

12-20-65

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.		Стран.
Дай сердцеви волю, заведе у неволю	1	Пидгоряне	160
Невольныкъ	34	Зайдыголова.	185
Помырылысь	58	Дви семьи.	223
Пошылысь у дурни	71	Чмырь	262
По ревызіи	100	Олеся	298
Лыхо не кожному лыхо,—инчому й таланъ	113	Джигунъ	350
Вусы.	122	Кулеты	379

Дай серцеви волю, заведе у неволю.

Драма въ 5-ты дїяхъ и 6-ты одинахъ.

Въ исправленномъ видѣ.

Л Ы Ц Е Д І И:

Семень **Мелныченко**, парубокъ.
Мывыта **Гальчукъ**, сынъ старшины.
Иванъ **Непокрытый**, сирота, побратымъ
Семенивъ.
Омелько **Вертелецьный**, парубокъ.
Одарка **Степаненнова**, дивчына.
Морозыха, удова.
Маруся }
Горшына } Дивчата.
Хрыстя }
1-й } Старосты.
2-й }

Зачепыха, баба Одарчына.

Скубодъ, пьсарь.

1 }
2 }
3 }
4 } Парубкы.
5 }
6 }
7 }

Селяне.

Діетьця у Херсонщыни.

Д І Я І.

Село, у праворучъ хата, навкруги городъ зашетеный лозою; у городчыку била хаты, зъ причилку, квиты, сояшыкы и маненька верба. У ливоручъ простяглося село: хаты у зелени, дали дерева, сады, скырты хлеба и витрякы. Смеркае.

Л В А І.

Семень Мелныченко (*зъ горы шляхомъ иде, надійшовшы посередъ кону, зупыняетця, здїйма брыля и нобы зачарованный дывуетця*). Ось и любый край и ридне село! Давно, давно я попрощався зъ тобою, ридна батькивеська осѣле, дорогая краино. Я покинувъ тебе раннѣю весною; тоди ты була яка-сь сумна, невесела, мовъ пилса пожежи, и на токахъ тилько де-не-дѣ маячывъ невеличкый сти-жечокъ; дерева були обголени лютою зимою... Теперь ты зновъ звеселила; зновъ пишаеся у скыртахъ та у стогахъ; зновъ хаты заквитчалысь и потонулы у зелени,

и тилькы де-не-дѣ биліють помижъ густыми садкамы,—то вырнуть, то знову урнуть, мовъ лебеди на безкраймъ мори... Чы знайдетця жъ у свити хочъ одна людына, щобъ не захохалась на цей любый та тыхый, та веселый рай? А онъ дали и церковця Божа, а генъ ледве мріють витрякы; дали степъ, степъ синій, якъ море!... А онъ и хата милои, весела, та свитла, якъ поглядъ дивочный. Чого жъ це у мене на серцеви нобы похолонуло? Руки тремтять и голова мовъ вогнемъ горить... (*Пидходить до хаты*). Боже мылый! якъ тутъ гарно, скилькы усякого цвиту! И свячена верба, що у двохъ, на вербній, зъ заутрени принесли и по-

садовылы, розрослась навдывовыжу: мабуць, часто польвана. А онъ сояшынкъ якъ высоченно рыгнався, ще й голову схлылвъ, наче зажурився и думае тяжки думы... Нибы то винъ розуміе и сумуе, що ось незабаромъ прыйде зима, звъялыть ёго, а буйный витерь вырве стебло зъ кориннемъ и занесе ёго далеко...

Я В А І І.

Семень и Одарка.

Одарка (*выйшла зъ хаты, признала Семена й ныщечкомъ до его пидійшла*). Хто це стоить?

Семень (*кынувся до неї*). Одарко, серденько мое!...

Одарка. Э, ни-ни, постривай, парубче! Рукамъ воли не давай!...

Семень (*треввижно*). Що це зъ тобою?

Одарка. Ачъ якый добренький, — пидійшовъ крадькомъ, тай въ хату не йде!

Семень. Я жъ оце тильки що прійшовъ и думавъ...

Одарка. Що вже Одарка не любить тебе?

Семень (*зитхнувся*). Не думавъ покы... А тепера думаю и думци не верю.

Одарка (*прожогомъ кынулася ему на шыю*). Орле мій! (*Зарыдала*). Щастя мое!... Охъ, Боже жъ мій, якъ думала, що тебе вже й на свети нема... Де-жъ це ты взявся? Звидкиль прылнувъ до свои мылой? (*Зъ радощивъ и плаче, и сміється*).

Семень. А ты безъ жартивъ а ни на ступинь! Така жъ жартовлыва, якъ и першъ була? Ажъ налякала мене, що й Господы!... (*Сміється*). „Стривай, каже, парубче!“ У мене ажъ душа замерла и нибы земля пидо мною заколыхалась..

Одарка (*сміється*). Коли бъ я не такъ дуже скучыла за тобою, то ще бъ и гиршъ налякала. Якъ же ты змарнивъ!...

Слабый бувъ? А оченята блыщать. якъ зори. Ты певно утомився, мій голубе? Ходимъ у хату, спочынешъ ..

Семень. Не годыцца у хату йты: люди постережуть, почнуть базикаты, шо я й до дому не зайшовъ, та... Мы жъ ще не заручени! Та тутъ такъ гарно, витрець свижий подыха! Сядьмо, та трохы побалакаемъ. (*Сидаютъ*). Що жъ бабуся твоя чы здрастуютъ ще?

Одарка (*жартуючы*). Пидскакують: зъ печи до долу, а зъ долу на пичъ. Вони такы частенько про тебе згадуютъ! Мабуть же й правду кажутъ, що не „втатця те коханячко, якъ у мишку шыло“. А ты й не бачышь нашои вербы, що удвохъ зъ завутрени прынесли та й посадовылы?

Семень. Я вже зъ нею зъ першою привитався!

Одарка. Що ранку й що вечора польвала я іи дрибненькымы слизоньками. Згадаю було тебе и гирко, гирко заплачу. Отъ и теперъ губы вже й сміютця, а слёзы-ще тремтять на очахъ. Не знаю, якъ я зъ жалю не вмерла. А оце якъ почалы повертатись зъ заробиткывъ, то я когб не зустрину, заразъ и пытаю: чы не бачылы, чы не чулы чогб про тебе? Прыйде вечоръ, дивчата зберутця на вулицю: спиваютъ, сміютця, а у мене й охоты нема—ни до писёнъ, ни до жартивъ... Такъ вже менё вси й прозвалы черныцею. А яку я писеньку склала про свою журбу! нехай колысь тоби заспиваю. Правду кажутъ, що „Боже, Боже, чого та любовь не зможе!“ А ты дуже скучавъ за мною?

Семень. Ты пытаешъ? Хиба твое сердце не яснишь мои мовы тоби розкажуе?...

Одарка. Воно мени завше каже, що ты мене любишь дуже, дуже, билшь всего на свети, и я вирыла ёму...

Семень. Вирь, вирь, голубко, ёму докы воно бьетця у грудяхъ!

Одарка (*обійма его*). Буду, буду вшити! (*Помовчала*). Отъ вже й зирочка вечирня зійшла и засяла, такъ теперъ свитло у мене на души. То моя зирочка! до неї я що вечора молилась; ії одній я розсказувала мое горе; передъ нею однією я слизъ не ховала. Якъ же небо захмаритця и моєи зирочки не выдко, то мени такъ важко стане, нибы навкруги мене все повимре и я одна, одна на божому свити... Иньколы выйду зъ хаты о пивночи, сяду на цимъ мисци й задумаюсь... Ото й почне мени ввыжатись, буцимъ сыдымо мы поручъ и тыхо балакаемо про коханне; и я нибы бачу тебе, бачу твои очи, зхылюся до твоихъ грудей и чую, якъ твое серце бьетця...

Семень. О, моя зоре, мій цвите рожывый! Я не знаю, я не вмюю тоби вымовыты, що зъ серцемъ монимъ діетця!... Скільки було въ нему смутку й горя... А теперъ все одлынуло, все забулось!... Скажы, голубко, за вищо ты мене такъ любишь?

Одарка. За вищо?... Чудно!... Коли бъ сердце змогло промовляты словами, то я бъ и розказала тоби... Воно нибы бъ то й промовляе и сама я розумю ёго мову, та пересказаты не зможу.

Семень. Правда, серденько! на одынці й балакаешъ зъ серцемъ нибы зъ людною, и выспяваешъ ёго й скаргы, ёго й радости... А захочешъ подилытысь зъ кымъ иншимъ тією вагою, и не знайдешъ мовы... Теперъ, мое серденько, мы вже николы не розлучимось.

Одарка. Николы, николы, мій голубе.

Семень. Мени, спасыби Богови, похвортуныло! Заробывъ ще бильшь, якъ торикъ; такы ни одного буденного дня не прогулявъ, а иноди то й у празныкъ робывъ, хай Господь Мылосердныи простыть... Довелось, бачъ, мени у нимцивъ стати на поденну; бачу, а воны роблять и въ празныкы; думавъ я, думавъ, а дали

й кажу соби: не вже жъ нимци не таки люде, якъ и мы? У йихъ тамъ же въ колоніи и церква е, кырка по йихнему, и молотця воны у кныжку... Дывылся у ранци винъ йде до службы Божои, а писля обидъ за роботу.. Ото де-хто зъ нашого брата почалы гомониты: „чы й справди жъ воно грихъ у празныкъ робыты“? То инчи, а найпаче стари люде, не згодылысь законъ ламаты: а други стали такъ миркуваты: „теперъ, каже, колы мога заробыты добру копійку, то треба зароблять; а прыйде зима, то й робывъ бы, такъ роботы бракуе, а бо й цина така, що не вартъ и пради!—отъ тоди и молытысь“... Подумалы мы, подумалы; перехрестылысь, тай гайда у покись!...

Одарка. Не знаю, чы воно грихъ, чы ни. (*Помовчала*). Отъ я заплющыла очи и ввыжаецця мени, що мы сыдымо у садку, кругомъ пташечкы тыхо щебечуть и лысть на дереви ледве-ледве колываецця. Надъ нашыми головами посхылялось гилле, витерь нибы потыху зворухне ёго и тыхотыхо паросыть лыстямъ. А лысть же такъ тыхо шепотыть, такъ тыхо,—нибы то старенька бабуся, куняючи, шепче онучатамъ вазку. Не ходы никуды сегодня, будемо сыдиты довго-довго.. Заспывай мени яку-небудъ писеньку, та тыхесеньку, такъ тыхо, щобъ окримъ Бога й мене ништо не почувъ тіеи писни!... (*Схыляе голову до его грудей*). Якъ твое серце бьетця! Отъ я й знову заплющыла очи, а все такы тебе бачу.

Я В А ІІІ.

Ти жъ та Мыкыта.

Мыкыта (*Спыва за лаштункамы*).

Вулиця гуде, до козакъ иде,
Ты, дубе, розывайся.
На козакови та два жупаны,
Ты, дивчыно, не важся.

*

Одарка (*тревожно*). Це вже й Мыкыту несе!

Семень. Нехай собі йде, хіба винь до тебе?

Одарка (*встає*). А хто ёго зна! Можо... Винь вже двичи прыславъ до мене за рушныкамы.

Семень. Це якъ и торикъ, знову вьяжетця?

Мыкыта (*спива*).

Ти два жупаны, що й скуру свыту

Винь пропье, прогайнуе;

Зведе дивчыну зъ ума, зъ розума,

Та й самъ помандруе.

Одарка. Торикъ у осени ажъ трычи простягався свататысь и теперь тїей жъ... Прыходъ на вечорныци, сегодня у перве зберутця. Прыйдешъ?

Семень. Добре! тилькы на хвылыну до дому забижу, бо я ще жъ не бачывся й зъ батькомъ. Прощай! (*Одарка йде у хату*).

Мыкыта (*здалеку*). Добры-вечиръ, Одарко! (*Прыдїйшовшы близьче*). Хто це такый?

Семень. Аджо бачъ, що людны!

Мыкыта. Бачу—та хто? (*Прыдывляетця и пизнає Семена*). Ты де у биса взявся?

Семень. А ты, певне, зъ бисомъ у добрый злагоди, що й противъ ночи его згадуешъ?

Мыкыта. Ачъ лыйкый мытець! Мабуть не вспивъ и перезутысь, та швыдчъ до Одаркы?

Семень (*усмихнувся*). Такъ—такъ! Захапався, бачъ, та гараздъ и не пидперезався! Дуже вже зкортило!

Мыкыта. Гляды, щобъ я тебе не пидперезавъ такъ, що й духъ зъ тебе выпре. Я тобі оскомыну зибью!

Семень (*спокойно*). Не хвалысь! Звисно, колы бъ свыни та рогы...

Мыкыта. Що?.. Геть видциля! нема тобі тутъ шляху, заросла вже твоя стежка! Ты знаешъ, що я сватаю Одарку?

Семень. Чувъ, чувъ! Оце жъ заразъ вона мени хвалылась.

Мыкыта. Ну!

Семень. Та не нукай! Колы не запрыгъ, то й не погайяй.

Мыкыта. Ты дуже ставъ балакущый! Я тобі утру носа!

Семень. Не хвалысь! Сказано: „покы хвалыкъ нахвалытця, то будыкъ набудетця!“

Мыкыта. Ой, бѣсуре, не попадайся ты мени! (*Йде до вкна*). Одарко, Одарко! а выйды сюды на часынку!

Семень (*сміетця*). Казала, що вчора выйде!

Мыкыта. Одїйды, кажу тобі, сатано! (*Йде оз хату*).

Семень. Пиды, пиды въ хату, може пиднесуть тамъ дви сухихъ, а дви порожнихъ. А ну-ну, послухаю, що-то винь казатыме? (*Прытулывся до вкна*). Мовчыть! Мабуть не зна, зъ чого почать!... Осмилысь, забалакавъ... (*Сміетця*). „Воды, каже, зайшовъ напытысь!“ Промочы, промочы горло: певно пересохло!

Я В А І V.

Иванъ (*выходе, спиваючы и прытанцевуючы*).

Якъ схватылась метельця,

Поламалася мелныця,—

Крыла жъ ии поламало

И мелныка занесло....

Якъ схватылась заверюха,

Поморозывъ песь вуха,

А прыкащыкъ собі носа,

Якъ ловылы вони лыса,

У ту самую годыну

Биля панського тыну...

Семень (*переходыть ему дорогу*). Здоровъ будъ, Иване!

Иванъ. Тю, дывы! видкиля це ты узався?

Семень. Та оце жъ тилькы що прышовъ. (*Обїймаютця*).

Иванъ. Ну, насылу тебе принесло. А тутъ, братъ така кумедія... Вже мабуть розказувала Одарка?...

Семень. Про Мыкыту?

Иванъ. Та эге жь! Въяжетця, тай въяжетця!... Вже я хотивъ ему ребра поличыты, та здорова, бисова лычына: боюсь, що бь самому часомъ печинокъ не видбывъ... Ну та дарма, вже винъ мени попадетця на зубокъ: я ёму допечу, колы не кулакомъ, то языкомъ.

Семень. Та цуръ ёму! Ну, якъ же ты пожываешъ?

Иванъ. А такъ: бреду горемъ, мовъ тимъ моремъ, и врагъ ёго зна, колы перебреду. Та про мене довга писня, багато говорыты, та нема чого слухаты. Стривай, стривай, дай я на тебе подывлюсь! Э, братухо, та й змарнивъ, неначе писля пропасныци!

Семень. Чужа сторона—не ридна маты.

Иванъ. Що й говорыты! А тутъ Одарка за тобою такъ вбывалась, що й... Часомъ почнешъ ии розважаты, то ще й гиршть! Чорты его батька знае, колы бь мене такъ дивчына любила... Що жь, далеко бувъ?

Семень. Та занесло мене ажъ у Басарабію!

Иванъ. Эге, близенькый свить! Багато заробывъ?

Семень. Висимдесять принись!

Иванъ. Ого! Та у Одарки зь пивсотни!

Семень. А ты жь почимъ знаешъ?

Иванъ. А якъ же, хвалылась, що давъ заховаты.

Семень. Що жь у васъ тутъ новбого?

Иванъ. Багато новбого! Земельне прибавылы, та ще на якусь школу!... Здырство, братъ, таке, що й!... Передъ Риздвомъ, кажуть, зновъ некрутына. Гаврыла Куксёнка у острогъ посадовылы, за те, що вкравъ курву у шинкаря!... Та цуръ ему зь такою новындою. Ходимо, тамъ хлопци зибралысь на раду.

Семень. На яку раду?

Иванъ. Березу на цю зиму обибраты. Та онъ же й вони йдуть сюды. Онъ и Омелько, и Савка! *(Гука)*. Говъ-говъ! *(Парубкы за лаштунками отклякаютця)*.

Я В А В.

Омелько и други парубны.

Омелько. Якъ соби хочете, панове—товарыство, а я не можу; зберить соби кого другого, а й такъ за дви зимы прийнявъ мукы.

1-й парубокъ. Велька мука! Може ты ремствуешъ на кого зь насъ, може тебе хто зобидывъ, такъ кажы?

Семень *(идійшовъ до парубоцтва)*. Добры-вечиръ вамъ, панове—товарыство!

Уси. Семень!... На жь тоби!... Здоровъ! Чы давно прийшовъ? Якъ пожываешъ?

Семень. Спасыби, братця, якъ васъ Господьмылуе? *(Цилуетця съ деякымы)*.

Иванъ. Що жь, обибралы березу?

2-й парубокъ. Та онъ Омелько ерепенытця!

Иванъ. Я жь казавъ, що безъ мене ладу не буде. Хлопци, хто за Омелька, обизвысь?

Голосы. Я! Я! Я!

Иванъ. Бачъ, Омельку, уси тебе бажакють; чого жь ты брыкаеся, мовъ той нёвукъ?

Омелько *(показуе на Семена)*. Ось вамъ береза! и розумный и дотепный!

Де-яки парубки. Молодый ще дужо: хочъ и повно въ его голови розуму, такъ глевкый же ще той розумъ,—нехай зачерствіе!...

Омелько *(чуха потылицю)*. Не хотилось бы мени... Ну, та нехай вже буде ваша зверху. Хто за мене, ставай у правдурчъ! *(Скільки парубкивъ переходять)*.

Иванъ (*ставъ на пивдорози*). А я, братця, ни сюды, ни туды. Якъ що Омелько постановыть могорычу, то й я за него. (*Зъ хаты выходыть Мыкыта*).

Голосы. Почавъ вже выгадуваты!...

Иванъ (*ныбы не бачыть Мыкыту*). Аджэ жъ Мыкытынъ батько усихъ людей могорычывъ, щобъ ёго обирали за старшыню.

Мыкыта. А ты жъ бачывъ?

Иванъ (*здійма картуза*). И вы тутъ? Я хочъ не бачывъ, та чувъ!

Мыкыта. Гляды, щобъ часомъ тоби не позеладало!

Иванъ (*глузуючы*). За що жъ вы гниваетесь на мене, панычу? Звынить, будь ласка, мени вже цей разъ, а то всё такъ буде! (*Регитъ*).

Голосы. Та годи тоби, Иване, перестань!

Иванъ. А що бо вы за народъ такий! тильки що вступывъ у речи зъ панычемъ, а вы вже й почалы гриматы.

Мыкыта. Я зъ такимъ дурнемъ и говорыты не хочу.

Иванъ. А звисно! бо вы жъ высокого коліна: вашъ батько, у купи зъ хортами, лызавъ панськи тарилки! Що жъ, Омельку, купышь могорычу?

Голосы. Годи-бо тоби теревѣни правыты!

Иванъ. И—лыхо, не дадутъ и поторгуватысь! Ну, нехай стара вьязне. (*Перейшовъ*).

2-й парубокъ (*переходючы*). И я туды, де бильшь!

3-й парубокъ (*тожъ*). У гурти й каша смажнищъ.

4-й парубокъ. Куды кобыла, туды й лоша!

5-й парубокъ. Що громади, те й баби!

6-й парубокъ. Гуртомъ и батька добре быты.

7-й парубокъ. Слушайте, хлопци, я ще вамъ торикъ казавъ, щобъ Соломію

прогнаты зъ нашої кумпаніи, бо вона въ гѣроди зовсімъ ошалила.

Иванъ. Стало быть, перевчылась на одынъ бикъ.

7-й парубокъ. Иноди такэ неподобне сплеще, що й парубкови соромно слухаты, не то що дивци. Тамъ якъ роспустыть губу, такъ и не вговтаешъ и!

6-й парубокъ. Такъ, такъ; вона такы любыть скордмынку.

Омелько. Та ну бо, не перебувай!

7-й парубокъ. Тенерь же зновъ кажу вамъ, що якъ вона буде ходыты на наши вечорныци, то я вамъ не товаришь.

Мыкыта. А я хочу, щобъ вона ходыла!

Омелько. Мало бъ чого ты не зхотивъ!

7-й парубокъ. Отъ, спарувать бы ии зъ Мыкытою,— була бъ пара.

Мыкыта. А чому жъ не зъ тобою?

7-й парубокъ (*сміючысь*). Бо вы обде панського кѣдла: твій батько зъ ланкызывъ, а ии зъ поваривъ!...

Иванъ. Отъ, якъ бы йихъ, братця, справди спарувать, якъ разъ на те бъ выйшло, що „чортъ симъ паръ черевыкывъ зтоптавъ, докы до купы зибравъ“.

Мыкыта (*згорда*). Ну, нехай бы вже хто пугній говорывъ, а то...

Иванъ. А то що? Ну-ну! Чого жъ ты замовкъ?

Омелько. Та перестань вже! (*До парубкывъ*). Я такъ, братця, думаю, що Соломія не зъ такъ-то й вынувата... Але жъ громада великий чоловікъ. Ну, одклякайтесь, хто не хоче, щобъ вона була въ нашіи кумпаніи.

Голосы. Я! Я! Я! Все не хочутъ!

Омелько. Що жъ, Мыкыто, бачышь, тильки ты одынъ за Соломію.

Мыкыта. Тьфу на ваши порядкы! (*Пишовъ*).

Омелько. Ой, не плюй, Мыкыто!

Иванъ. Знаешъ куды плюнь?

Голосы. Не зачепайте его, хай соби йде!

Иванъ. Що жъ винъ тутъ росплю-
вався!... Я не подивлюсь на его що винъ
папычъ!

Голосы. Та цуръ ёму!

Омелько. Та й то правда! Не зачи-
пай дурного, то й свого розуму не по-
щёрбышь! Слушайте жъ сюды, панове-то-
варыство: не хотилося мени, дуже не хо-
тилося буты за березу, ну та колы вже
ваша воля, то мушу послужыты. Будемо жъ
гуляты чесно, тыхо, та смирно, якъ слидъ
чесному й поважному парубоцтву, такъ
якъ гулялы наши диды й батькы... Ха-
зийку на вечорныцяхъ поважаты й ша-
нуваты, якъ матирь, зъ дивчатъмы оби-
ходытысь зъ повагою; та не забуваты,
братця, що чесна дивчына, то е краса
и честь усёго села.

Уси. Такъ, такъ!

Иванъ. Ну, вже Омелько що скаже,
то такъ, неначе дратвою прыстрёчыть.

Семень. Не пиде зъ идзыкою за ро-
зумомъ!

Омелько. Тепера у складчыну, та по-
кропымо вечорныци. Семене, ты будешъ
за михондшу: настановляй брыля! (*Кыда
у брыль Семенови срибни гроши*).
А ты, Гнате, збигай за музыкамы, та й
дивчатамъ дай звистку.

3-й парувокъ. Та це я знову за по-
пыхача!

Омелько. Бо ты жъ молодчый надъ
усихъ. (*Парубкы складають Семенови
гроши*).

Иванъ (*выверта кешени*). Де жъ
це мои гроши? Де жъ це воны у бисо-
вого батька подилысь? Отъ тоби й на!
Калавуръ! обикралы... Э ни, брешу, по-
стривай, постривай, - осьдечкы воны!...
Охъ, колы бъ же якъ не розсыпаты!...
На тоби, Семене, червинця.

Семень. Та це жъ шагъ, та ще й
щербатый!

Иванъ. Щербатый, тю! Така его й
маты щербата була. Веры, колы дають!

Знаешъ, бративу: зъ голого якъ зъ свя-
того!

Омелько. Теперь почынай песни—
звесельмо вулицю!

Голосы. А ну, гей, почнемо „чумака“!
Зачынай хто?...

Гулявъ чумака на рыночку,
Та пывъ чумака горилочку:
Пропывъ волю, пропывъ возы, }
Пропывъ ярма, ще й занозы — } ДВИЧИ.
Все свое добро!

Прокынувся чумака враньци,
Та полапавъ у карманьци —
Вси кешени вывертае,
Ажъ тамъ грошей вже й чортъ мае — } ДВИЧИ.
Ничымъ похмельтысь!

Ой, пиду я до шынкарькы:
„Всыпъ, шынкарько, хочъ зъ пивкварти“!
Шынкарочка къ чорту дметця }
Ще й съ чумаченька сміетця, — } ДВИЧИ.
Що гиркый пьяныця!

Скынувъ чумака жупаныну:
„Всыпъ, шынкарько, четвертыну“!
„Ой, по всыплю четвертыну,
Добудъ грошей хочъ зъ полтыну, — } ДВИЧИ.
Тоди пый, гуляй“!

Выйшовъ чумака на могылу,
Станувъ-глянувъ у долину:
Стоять волю, стоять возы,
Высятъ ярма ще й занозы, — } ДВИЧИ.
Не мое добро!...

Ой, пиду я у Молдаву,
Та симъ годъ я погорю;
Ой, симъ годъ я погорю,
Волю й возы покупуу — } ДВИЧИ.
Впьять буду чумака!

«Зависа».

Д І Я І І.

Серёдына хаты удовы Морозыхы, стиль, лавкы, пичь, кочергы, пиль, мыснѣкъ и усяке збижжа.

Я В А І.

Мыныта сыдытъ за столомъ и лузкае насиння; Маруся зв деркачемъ у рукахъ: Морозыха сыдытъ на полу.

Маруся. Прычепуру я, титочко, хочь трохы вашу хату, бо щобъ не прозвалы й вась нечупайдою, якъ спивають про ту удову, — що „симъ день печи не топыла, синей, хаты не мела“...

Морозыха. Прычепуры, чепурухо! Та не выкыдай смиття на двирь, бо противь ночи не годытця.

Маруся. Хйба жь я цёго не знаю? Я замету мижь кочергы! (*Зупынылася проты Мыкыты и зв жартомъ говорить*). А ты, парубче, не смиты по хаты, а то я тебе ось цимъ деркачемъ по губахъ!

Мыкыта (*дае йй хушпыння*). На, выкынь!

Маруся. Й самъ выкынешь, — не великый пань. Й — розлушывся!

Мыкыта. Видчепысь ты видь мене!

Я В А І І.

Ти жь и Одарна.

Одарка. Добры-вечирь!

Маруся (*швыдко*). „Сестры-вечирь, добрычкы, чы не телячылы вы моихъ бачагивъ? А якъ же, телячылы, телячылы: задралы лозы та побиглы у хвисть“. Якимъ це вась витромъ сюды занесло?

Одарка. Тыкимъ же, якъ и вась. Здрастуйте, титко, чы вы ще живеньки — здоровеньки? (*Кладе хлѣбъ на стиль*).

Морозыха. Здорова, здорова, дивонько Якъ тебе Господь мылуе?

Одарка. Спасыби Госнодеви Мылосердному. Бабуся вамъ кланяютця.

Морозыха. Спасыби, спасыби!

Маруся (*тыхо до Одаркы*). Що, вже бачылася?

Одарка (*соромлючысь*). Зь кымъ?

Маруся. Ачь, ще й пытае!

Мыкыта (*наслушавъ*). Такъ и вылетѣла ему на зустрічь!

Морозыха. Хто? Кому на зустрічь?

Мыкыта (*регоче*). То мы балакаемо про Одарчыного мыдруса.

Одарка. „Просымо вась, не смійтеса зь насъ; мы объ тимъ не спорымъ, що вась не стоимъ; вы за нами не дуже, а мы за вами й байдуже“!...

Маруся. Онъ якъ видчытала!

Мыкыта (*удае зв себе спокійного*). „Говорыла покійна до самисенькой смерты, та все чортъ батька-зна щоб“!

Одарка. Адже я зь тобою не балакаю, то й не лизь у вичи. Я тоби вже не разъ казала, — не зачепай мене!

Маруся (*регоче*). Закусы, Мыкыто, чымъ Богъ пославъ!

Мыкыта (*до Маруси*). А тоби зась, колы не до тебе ричь! (*До Одаркы*). Такъ кажешь: „не зачепай мене“? Ачь, яка велика парсона!

Жиночый голосъ (*за викномъ*). Чы е хто въ хаты? А выйдить сюды на чашынку?

Маруся (*зазыра у викно*). А кого вамъ треба? (*Прыдывллетця*). Та це Сыдорыха. Це до вась, титко!

Морозыха. До мене? чого-бъ то йй?

Маруся. Певно прыйшла прохаты, щобъ вы поворожылы. Вона вже лйбонь зь тыждень, мовъ не самовыта, по усяхъ ворожкѣхъ бигае, та пытае: чы скоро и чоловикъ повернетця зь наймивь?

Морозыха. Ну вже, хай выбача: проты недѣли я й картъ у руки не вызьму. (*Пишла*).

Маруся (*смиючыся*). Слухай, Одарко! А ты багато ворожокъ одвидала, докы джедалася Семена? (*Скынула окомъ на Мыкыту*).

Одарка. Не личыла!

Маруся (*чвалыво*). Чого жъ це вы такъ запышались,—чы не въ мищане прыпысались?... (*Помовчала*). Чы не ворожать оце титка на збряхъ?... Треба питы та й соби повчытыся; бо лубонь незабаромъ и мени прыйдетця дэ-кого одшиптуваты... (*Глянувши зъ смихомъ на Мыкыту, побигла зъ хаты*).

Мыкыта (*встае и довог ходить по хаты. Балака нобы про себе*). Парсона, настояща парсона!

Одарка (*не дывытця у вичи*). Яка е, такую вже й зостанусь!...

Мыкыта. Пава, панянка!...

Одарка. Куды жъ намъ до васъ ривнятыся? Мы за вами й не потрапымо!... То ты зъ себе удаешъ паняча, а мы люде прбсти..

Мыкыта. Що жъ, багато Семенъ заробывъ?

Одарка. Снытай ёго!

Мыкыта. А тоби бъ то винъ и не похвалывся?

Одарка. Скільки заробывъ, стильбн й буде... У шыногъ не понесе.

Мыкыта (*глузуючы*). Не понесе! Я, бачъ, черезъ те пытаю, що бачывъ сёгодня на ёму одежу и зовсимъ бы нова, та тилькы стари диркы та латкы!...

Одарка. Охъ, якъ же смийно! Чому жъ ты не регочешъ? А ну, зарегочы!...

Мыкыта. А тоби до плачу доходить?

Одарка. Мы у злыдняхъ выросли, то вже й звеклы.

Мыкыта. А вже грошей,—то певно повни кешени прынишь, та все мабуть балажки, чы може червиньци?.. Багатырь! А якъ же вы до виньця, у хургони пойдете, чы на волахъ?

Одарка. Пидемо пишны! „Пишны, кажуть, нема записны“!

Мыкыта. Воно й безпешнишь! А то якъ барскыхъ вбней запряжете, то щобъ бува не перекынули та не покаличылы... Або щобъ и на те не выйшло, якъ спивають: „Ой, йихалы, та возылыся,— тпру,—стали, зачепылыся“!...

Одарка. Эге! и я жъ такъ кажу, достойтно такъ!

Мыкыта. Ай гарный же якый ставъ Семенъ, мовъ намалёванный!...

Одарка. Эге жъ, гарнисенькый такый! (*Усмихаецця*). Мабуть, маты у лубыстку купала.

Мыкыта. Лице мовъ высмоктано, а очи якъ банькы!... Вже й говорыты трохы навчыся, а першь було усе мовчыты...

Одарка. „Хто мовчыты, той двохъ навчыты“!

Мыкыта. А звисно! Винъ такы влюбднйе!... Розумный парубокъ! тамъ такый розумный, якъ дядынина курка: що знесе яйце, той кудеудаха!... И такый вже тыхоня,—хочъ проты шерсты ёго гладь, не вкусе.

Одарка. Вже винъ никого не драгуе и ни зъ кымъ не заведетця!... (*Глянула на его*). Та й до шынку стежки не втопче!

Мыкыта. Справди? покирный, выходыты, мовъ той ледачый пуцкыкъ: хочъ на хвистъ ёму наступы, то й не пысне!

Одарка (*пидвела очи*). И ты думаешъ уразыты такымы речамы? Та хочъ ты соби що хочешъ выгадуй, мели соби языкомъ скільки влизе, а мени ажъ ничогисенько!...

Мыкыта. Такый вже то, стало быты, до вподобы: хочъ медомъ обмажь ёго, хочъ дэгтемъ? Але мени цикаво ось що. Скажи мени будь ласка... не разъ вже я тебе пытавъ, але ты все одмовчувалась! Скажи мени: чимъ винъ тоби до вподобы?

Одарка. А тымъ, чога въ тебе бракуе!

Мыкыта. Що жъ винъ наврѣду кращый видъ мене? чы разумишь? чы поstattю, чы хыстомъ взявъ?

Одарка. Ни, не те, все не те ты ка-женщ! Може розумомъ та хыстомъ ты ёго й переважишь,—не знаю. А ось що: ты багатый, дукаръ; а винъ бидный—и за те я ёго люблю! Ты спрыткый и на́дто балакучый; а винъ тихый — и за те я ёго люблю! У тебе що-разу смихъ та глумъ на уми; а у нѣго праця—и за те я ёго люблю! Ты кожного зачепышь, зъ кожного кепкуешъ; а винъ никого й словомъ не урѣзыть—и за те я ёго люблю! Ты выхваляеся та чваняеся тымъ багатствомъ, що батько твѣй прыдбавъ, а самъ за холодну воду не бересея, а винъ змалку працюе и батькови свѣму старому допомагае, и малыхъ бративъ та сестеръ до розуму доводить—и за те я ёго люблю! Ты мало що не що-дня пьяный, та бьесея, та бенькетуешъ; а ёго й зъ роду никто пьянымъ не бачывъ — и за це я ёго люблю! Чувъ? Отъ тоби и вся правда!... Що жъ це, ни титкы, ни Маруси? Це наче нарочыто насъ звелъ?... *(Хоче йты зв хаты)*.

Мыкыта. Ни, не вси ще ты одзнакы переличыла! Про те ще не сказала, що якъ винъ уміе улеслыво буркотаты, та слыны роспускаты!...

Одарка. А ты бъ то й не буркучучы задурывъ Маруси голову? звивъ дивку зъ ума, та й отсахнувся!...

Мыкыта. Нехай соби дуріе, колы прыступа!... *(Палко)*. Такъ ты певно йдешъ за Семена?

Одарка. Ще нехай зпершу подаю рушныкы, а тоди вже буде ричъ про весилле!...

Мыкыта *(скаженіе)*. Осахнысь видъ него! Осахнысь, кажу тоби!...

Одарка. Щуръ тоби! якый страшный у тебе поглядъ!... *(побигла зв хаты)*.

Мыкыта *(крычытъ)*. Одарко, постривай!... Що жъ теперь?... *(Ламае руки)*. „Страшный поглядъ!...“ Такъ!... Ажъ ось колы ты вся зъявилася передъ моими очыма мовъ на долони!... Тоби треба голубыной мовы, улеслывыхъ речей? А я тебе лякаю своимъ поглядомъ! Черезъ те я тоби не до вподобы?.. Не вирю, не вирю!... Це все никакемни речи!... Дратуешъ ты мене, якъ и торикъ дратувала, що слова правды у тебе николы не выпытаешъ? Але жъ першъ я николы не чувъ видъ тебе того, до чога заразы допытавъ!... Хочъ це й жартъ, але инчы; хочъ це й дратування, але воно вразкѣ, зневажлыве! Дратуешъ ты мене? постривай!... Я теперь тебе и люблю, й ненавядю!... Побачымъ, яки будутъ дыни зъ тѣи огудыны!

Я В А III.

Морозыха и Мыкыта.

Морозыха. Намоглась у одну душу: ворожы ий та й ворожы!... Ни жодной зиркы на неби, геть заволокло, та захмарыло... певно на дощъ! Дывылась, дывылась... блеснула одна зирка, та й знову заховалася: эге,—на мою думку такъ выпадаетъ, що колы не заслабъ де у до-рози, то чымъ-сь дуже бидкаетця. *(Сила на полу)*. Эге! то оце вже Семень и вернувся зъ заробиткывъ? Гарный парубокъ: тихый та покирный!... Отъ буде пара...

Мыкыта. Кому?

Морозыха. Одарци! Оце вже вони, мабудъ, у осены и поборутця!

Мыкыта. Наврядъ!

Морозыха. Чому жъ? Вони одно другого стоятъ! Та й люблятця, лыбонь соби.

Мыкыта. Наврядъ, кажу, чы поборутця! То пuste дило. що люблятця!

Морозыха. Оцего то вже я й не зрозумію! Може ии хто инчы свата?

Мыкыта. Я иі сватаю.

Морозыха. Ты? Опам'ятайся! Эге-ге, стривай, стривай! Правда, чула и я щось таке, нбы положе... Кто жь це мени казавъ — не прыгадаю?... Але жь, кажутъ, що вона тебе ненавдыты?

Мыкыта. Можно такъ зробыть, що й полюбе.

Морозыха. Конешне: чого чарамы не зробышь?... На свити усяке е зилля и до отруты, и до любощивь...

Мыкыта. И безъ чаривъ обйдемось!

Морозыха. А гроши — то, мовляв, найкращи чары! Эге-ге, ты якъ захочешъ, то знайдешъ соби такую дивчыну..

Мыкыта. А якъ я не хочу никого, опричь Одаркы?

Морозыха. Та що-бо ты це таке кажешъ? Якъ-же це?

Мыкыта. Те, що чуе! Та це, бачте, я шуткую! Я вчадивъ; а зъ чаду я можу такъ зробыты, що Семень и дутеля зьисть.

Морозыха. Якъ? що таке? И Бога жь ты не боишься стаке казаты? Оце выгадавъ! Певно ты, парубче, зъ жыру дуріешъ! одно слово — дука, багатырь! черезъ те тоби отаке никчемне и въ голову лизе!...

Мыкыта. Що жь мени робыты, колы я иі люблю? Тутъ и нехотячы зробыся нелюдыною, колы сердце болыть, мовъ гадына ёго ссе!... Кажутъ — сякый-такый Мыкыта, бешкедныкъ, коверзныкъ... А ништо не загляне Мыкыти у душу, ништо, не спыта, що тамъ у него дїетця. *(Надто зрушений)*. Знаете титко, що иноди щось на мене таке находыть, що здаеця, колы бь моя сыла, то я бь усихъ людей поризавъ; а Одарку розчавчывъ бы, мовъ ту гадыну, — на шматкы бь иі роздеръ! *(Помовчавъ)*. Нехай бы я бувъ паскудный на вроду, або жь злодїй, чы шыбенныкъ... Чому жь Одарва не хоче

мене любыты? за що вона зневажае мене? черезъ що я иі осоружный?...

Морозыха. Та адже не даромъ, мабудь, кажутъ: „не родыся багатымъ, а родыся щаслывымъ“.

Мыкыта. Такъ отъ же кажу: хочъ бы я мавъ и душу свою завапастыты, а не попущу, щобъ Семень на иі оженывся; не попущу, щобъ надо мною узавъ верхъ отой обшарпанецъ, голодранецъ! „Не родыся багатымъ“!... Що зъ того, що я багатый, колы сердце мое пошматоване, гиршь старцевои одежи?.. „Не родыся багатымъ“!...

Морозыха. Ты, мабуть, и справди пьяный?

Мыкыта. Ни, я не пьяный, а упрямый! Щобъ то я бувъ за парубокъ, щобъ не посватавъ, кого зхочу?

Морозыха. Бачу, парубче, що твое багатство тоби вже зовсимъ забыло паморкы. Жыруешъ ты!

Мыкыта. Та замочить вы Бога рады: не дорикайте мене, не ворухить мого сердца!... *(Довго ходыть по хатѣ)*. Титко, чы нема у васъ чаркы горилкы?

Морозыха. Та въ тебе й такъ хмелю того повно въ голови!

Мыкыта *(сизъ за стилъ)*. Не бй-теться, я розуму не пропью. А що у мене отутъ засило у кистци *(показуе на лобъ)*. того ни горилкою, ни отрутою на занымышь!.. *(Спива)*.

Гей и пье козакъ нье,
Бо въ козака гроши е,
Гей за нимъ, за нимъ ненька старенька
Дрибни слизонькы лье.

Ой ты, сыночку, мій,
Ты, дытно моя,
Гей не пий, не пий тїя горилочки,
Бо зйдешь зъ ума.

Якъ горилкы напыюсь
Та й ума я наберусь,
Гей зъ невірною дружыною
Жыты не поймусь.

Я В А І V.

Тижъ, Одарка, Маруся, Хрыстя, Горпына й други дивчата.

Дивчата. Добры-вечиръ вамъ у хати!

Морозыха. Здрастуйте, мои любі дивчаточка!... Отъ же й гараздъ, що вы попрыходылы, а то тутъ Мыкыта...

Мыкыта. Я чувъ колесь приказку: „Йижъ борщъ зъ грыбамы, держы языкъ за зубамы“.

Маруся. А вгадайте, титко, де це мы булы?

Хрыстя. Ну, та й языката!

Маруся. Це мы у насъ, на горищи, курей покралы!

Морозыха. Ой, буде тоби на горишх видъ батька!

Маруся. Про батька байдужэ, абы бь маты не дознались. Тоди буде мени сто чортивъ и сира свята! *(Регоче)*.

Мыкыта. Титко, дайте жь мени чарку горилкы!

Морозыха. И де бь то вона у мене взялась?

Мыкыта. А, чортъ батька-зна що!

Маруся. Давайте, дивчата, поскубемб курей, та зготовымо вечерю, а щобъ не посулы,—заспываемо.

Морозыха. Оце розумна ричь! Справди, заспывайте! Давно вже моя хата не чула спививъ!... Визьмы жь котра курей, та порижъ за хатою, а тоди вже й скубты!...

(Мыкыта зкрутывз цыгарку, одвернувся видъ дивчатъ и затулывз вуха; дивчата сидають на лавахъ, готують вечерю, инчи ложки перемывають та полумыскы; одна дивчина узляла курей и пишла зъ хаты).

Дивчата *(спивають)*.

Та нема гиршъ никому,

Якъ тій сыротнони,

Нихто не прыгорне } двичи.
Пры лыхій годыни. }

Та не прыгорне батько,
Не прыгорне маты;
Тилько той прыгорне, } двичи.
Що думае взаты. }

Налетили гусы
Зь далекого краю,
Замутылы воду } двичи.
Вь тихому Дунаю. }

Бодай сиры гусы
Зь пирьлячкомъ пропалы;
А що насъ розлучылы, } двичи.
Якъ голубивъ пару. }

Якъ мы кохался,
Якъ зерно вь гориси;
А теперь розійшлыся, } двичи.
Якъ туманъ по лиси. }

Мыкыта. Ну, вже завелы гарной! хай вамъ врагъ зь такою писнею.

Маруся. А ты заткны вуха, та й не слухай.

Мыкыта. Ба ни жь, завылы, не наче по мертвому!

Маруся. Я знаю, чому тоби не по нутру ця писня.

Мыкыта. Ты знаешъ—зъ носа та вь ротъ!... *(Смістця)*.

Маруся. „Засмійся Матвійку, дамъ копійку“.

Мыкыта *(зъ серцемъ)*. Що ты сказала?

Маруся. Те що чувъ! Хиба ты оглухъ?

Мыкыта. Щобъ тоби языкъ усохъ!

Маруся. „Богъ не дытна: не по-слуха дурного лытвына“!

Мыкыта. Гляды, щобъ я тебе иноди бува не мазнувъ по губахъ! Щось у мене дуже сверблять руки!

Маруся *(регоче)*. Охъ, лышенько! Я жь тебе такъ точнисенько боюсь, якъ то-ришнёго снугу.

Морозыха *(до Маруси)*. Але й ты яка дивка! чы вже жь не можна змовчаты?

Маруся. Щобъ я ёму змовчала? Не дидже винъ цёго, отъ що! Вельке цабё!

МЫКТА (*зкочывъ*). Чы тоби заципить сёгодня?...

МАРУСЯ (*регоче*). Охъ, якъ же ты мене налякавъ, ажъ сорочка на мени пополотнила!

МЫКТА (*скрегоче зубамы и кыдаеця до неи зв кулакамы*). Ну, идолка, дамся я тоби у знакы!...

Я В А В.

Ты жъ, Семень, Иванъ, Омелько и парубны.

Омелько (*кладѣ хлѣбъ на стилъ*). Добры-вечиръ вамъ, титко, чы прыймаете гостей?

МОРОЗЫХА. А яки жъ тамъ гости?

Омелько. Наше парубоцтво! Нараялысь мы прохаты васъ, щобъ зновъ прыйняли насъ и на цю зиму у вашу госпóду.

МОРОЗЫХА. Чёсному парубоцтву моя хата настижъ! А якъ що ты, Омельку, зновъ за березу, то за твоимъ розумомъ и моя голова не болитыме.

Омелько. Спасыби вамъ, титко. Теперъ же, хлопци, звеселить титчнну госпóду гарною писнею.

Иванъ (*прожогомъ вбига*). Осьдечкы й я! (*Швѣдко говорить*). Добры-вечиръ, титко, га? чы нема kota-тумана, выцьбы-шкюдливны,—попсы дитямъ дамъ; борщу забильного пидъ лавкою, хочъ покрышкою накрытого,—гребинка гарна е!... (*Парубкы тымъ часомъ чоломкуютця зв дивчатамы; дивчата соромлютця, штовхають одна другу. Иича ховаеця видъ парубка за дивчатъ*).

Семень. Ну, замоловъ! Почынай бо писни.

Иванъ. Писни? Ось заразь! (*Спира й прытанцевуе*).

Заграй мени трандыбала,

Щобъ я трошки подыбала...

Омелько. Не пустуй-бо, Йване, заводь гуртовóи.

Иванъ. Негнивайтесь, ваше благородіе, заразь почнемо. (*Спиваютъ*).

Та лугомъ иду, та коня веду,
Розывайся, луже.

„Сватай мене, козаченьку,

Колы любышь дуже;

А хочъ сватай, хочъ не сватай,

Та хочъ прысылайся,

Щобъ и слава не пропала,

Що рикъ ты кохався!“

Я кохався, та не сміявся,

Думавъ тебе взяти,

За лыхымы ворогамы

Мушу покидаты.

Покыдаю тебе, серденько,

Инчому такому,

Що не скажешъ ти щырой правды,

Що мени одному!

„Я ждала вечиръ, я ждала й другый—

Тебе не выдаты,

Та й мусыла чортъ-зна кому

Всю правду сказаты“!

МОРОЗЫХА. Спасыби, добри молодци, за писню!

Иванъ. Це я, титко, добрый молодець, а то усе шушваль!

МОРОЗЫХА. Що й казаты, безъ тебе яка й гульня!

Иванъ. А вже жъ, якый безъ жида ярмарокъ? може вамъ, титко, потанцюваты?

МОРОЗЫХА. Танцюй, колы охота! (*Омелько и Семень становлять пляшкы зв горилкою*).

Иванъ. Ажъ жыжкы трусятця, такъ хочю танцюваты. (*Спира й танцюе*).

Колы бъ мени жупанъ чорный,

Шаравары сини,

Щобъ до мене дивкы лыплы,

Якъ до брагы свини. .

Отакъ, а не чортъ-зна якъ! Колы бъ це хочъ невірненька музыка, то я бъ танцювавъ до самисенького свиту. Якъ тамъ кажуть, „хочъ погано, та за те довго“! (*Побачывъ пляшкы, почына*

стогнаты). Ой, дышонько! ой, пече жъ мене, пече! Мабуть сояшныци, або прыстрить!

Семень. Отакъ зъ нымъ, сиромою, разъ-по-разъ дiетця, якъ тильки уздрить горилку. (*Смiетця*).

Омелько. Де жъ тамъ у тебе пече?

Иванъ. Та отугъ... и осьдечки... охъ, пропавъ же я! Омельку, рятуй мене, наль швыдче чарку, — я унилью у середьну, то воно тамъ може й полегша.

Омелько (*бiре пляшку й чарку*). Постривай, тутъ е й старши видъ тебе (*Частуе Морозыху*).

Иванъ (*стогне*). Слабый та малый — то найстарши у хати.

Морозыха (*до Омелька*). У кого въ рукахъ, у того й въ устахъ! Дивчатка, подайте жъ тамъ закускы, та хутенько. (*Дивчата становлять на стилъ закуску*).

Омелько. Дай же, Боже, гуляты намъ тыхо, безъ сваркы и безъ худого слова. (*Одпывз трохы, частуе Морозыху*).

Уси. Дай Боже!

Морозыха. Щасты, Боже, на усе добре. Гуляйте, диткы, такъ, якъ колысь гулялы ваши диды й баткы: чесно, та тыхо, якъ слидъ поважному парубоцтву. (*Пiе*).

Иванъ. Та годи бо вамъ прычтываты. И почалы: „и дай Боже, и не дай Боже“! Тутъ чоловикъ пропада, а вони завелы такой довгой, що й до свита не переслухаешъ!..

Омелько (*частуе Ивана*). Нi вжe й тоби!

Иванъ (*вытывз*). Чусешъ, якъ задюркотило, неначе у порожне барыльце?... Чымъ бы тутъ закусыты? И на що вы, дивчата, постановылы оце сало? и хто ёго йистыме? (*Бiре сало й хутко йисть*).

Семень. Одначе намынаешъ, мовъ той кить!

Иванъ. Та знаешъ, абы чымъ небудь напхаты пельку. Тю! я й не бачу, що Мыкыта тутъ! Чого це ты замыслывся, мовъ панянка, що замижъ хоче?

Мыкыта. Пиды собя геть, не твое дило!

Иванъ (*шуткуючы*). Ой, який сердытый! Звыняйте, Мыкыто. Степановычъ! Мени здаетця, що у васъ мухы завельсь у носы?

Мыкыта. Чого ты чепляеся до мене, идоле?

Иванъ. Та цуръ тоби! Я тильки такъ... Слухайте, хлопци, я вамъ роскажу одну казку.

Дв-яки. А ну-ну, що ты тамъ збрешешъ?

Иванъ. Э, ни, це не брехня! Давно це, братця, було: ще за царя Хмеля, якъ було людей жменя. У однимъ сели та жывъ соби заможний чоловикъ; що за крипацтва винъ отаманувiвъ, такъ грошей нагарбавъ стилькы, що може ёго и въ дви тысячи не вберешъ; и бувъ у того чоловика одинъ-однымъ сынъ, гарный парубокъ и здоровый такый, що й вола-бъ на двое роздерь; и такый шырый парубокъ!... тильки не до работы, а до горилкы та до бiйки... Гуля той парубокъ, та й гуля! чы то будень, чы то свято, — для ёго однаково. Бъетця, та лаетця, та бенькетус; и никто ёго не зупыня, затымъ, що багатый! Ото разъ, насмоктавшысь у смакъ горилкы, ставъ винъ думаты та гадаты, щобъ ще таке выгадаты, щобъ людей здывуваты и себе удоволныты. Думавъ, думавъ, а дали й каже соби: „не достае мени гарной дивкы“! А у тимъ сели та була одна сырота, та ще й убога, и шыро вона покохалася зъ тавымъ же сыротою, якъ и сама; и вжe вони малы соби побратыся, тильки бъ диждаты осены. Якъ ось багатырь почавъ за тiею дивкою зорыты, и де-бъ то винъ ии не зуспивъ: чы на вулицы,

чы на работи, — лизе ій у вичи, та й лизе. Дивка плое ёму межы-очи, — а винь обитретця, та й зновь до неі!...

Мыкыта (*зкочывъ*). Брешешъ!

Иванъ. Хиба це про тебе? Правду жъ, мабутъ, кажуть, що на злодієви шапка горыть!

Одарка. Правда, правда, Иване!

Семенъ. Стривай, Иване, я докажу твою казку.

Мыкыта (*выходыть зз за столу*). Все вы брешете, якъ собаки! (*Иде зз хаты*).

Иванъ. Та хочъ попрощайся! (*Регитъ*).

Мыкыта (*до него*). Ну, сатано, одибью я тоби печинкы! (*Пишовъ*).

Иванъ. Отакъ! спасыби тоби, паниматко, за вчорашню квашу...

Омелько. Молодець Иванъ, — неначе окропомъ ошпарывъ.

Одарка. Добре видспивавъ.

Маруся. И за мене виддичывъ!

Омелько (*частуе Ивана*). За це — на тоби, Иване, чарку горилкы!

Иванъ. Та ты, Омельку, не дуже пиддобрыйся, бо я й про тебе де-що знаю.

Уси (*дывуючысь*). Про Омелька?

Омелько. Кажы, братъ, може що лыхе? Здаеця, за собою ничого такого не запримитывъ, але жъ зъ боку выднись!...

Иванъ. А вже жъ, що выднись! А чомъ ты не вышывъ повной чаркы, якъ титку частувавъ!

Омелько (*сміється*). Та й тилькы?

Иванъ. Ото й по всёму! Онъ якъ я, такъ разъ-у-разъ по повній пью. Не выршыть? А ну, налий!

Омелько. Бачъ куды гне! Дуже жирно буде. (*Частуе парубкивъ*).

Иванъ. Ачъ якый скупый! Хлопци, загадаю я вамъ загадку! Хто вгада? „Чотыри чотырынкы, пъятый кавурныкъ, несутъ кривулицю черезъ тынъ на вулицю“.

Семенъ. Я колысь іи знавъ.

Иванъ. Та й давно то, мабутъ було — „ще за царя Гороха, якъ було людей трохи“?

Омелько. А справди, и я знавъ іи.

Иванъ. Та справди жъ, справди у рѣшети диркы! Эхъ, вы, неграмотни! А ну, вгадайте другу?

Маруся. Та-ты бо не забигай напередъ, першь цю скажы!

Иванъ. Ты жъ така догадлива, чы й досы не догадалась? Чотыри чотырынкы — то оци чотыри пальци, пъятый кавурныкъ — оцей палець, кривулиця — ложка, тынъ — зубы.

Де-яки. Тю, дывы!

Маруся. А ну я загадаю?

Иванъ. Охъ, ты, моя зозулечко! А ну-ну, загадай!

Маруся. Що буде, якъ кози мыне симъ литъ?

Иванъ. „Маты привола Каленкы, та не скажу, якъ зовуть“! Восьмый годъ пиде! Ну, вже й загадку выдрала! А що, братця, значыть: „Андрій, симъ версть, по колина“?

Хрыстя. И де винъ, матинко, повдыравъ цихъ загабокъ?

Иванъ. Це, бачте, такъ було: йшлы три чоловикы надъ ричкою: ажъ йимъ на зустричъ йде чабанъ. Вони все трое и запыталы ёго разомъ: одынъ пыта — „какъ тебе звать“? другый — „чы далеко до села“? а третій — „чы глыбока ця ричка?“ Винъ йимъ усимъ трёмъ и одповивъ заразомъ: „Андрій, симъ версть, по колина“. Ну, годи теревени правыты! Отъ, колы бъ це хто загравъ, хочъ на губахъ, покы музыкы прыйдутъ, я бъ учыстывъ козака!... Ге, колы бъ вы, братця, зналы, яке мене лыхо спиткало, ажъ до плачу мени доходить!

Омелько. И певно, що лыхо велике, бо й тварь тоби зморщило, неначе постилъ.

МАРУСЯ. Й Богу! Це вже зновъ щось выгадавъ!

ИВАНЪ. Эге, добри выгадки! Коли бъ тоби такъ, якъ меня, то тоби бъ и голуу повернуло назадъ потылицю.

МАРУСЯ (*зареготала*). А хйба у мене голова потылицю напередъ?

ИВАНЪ. Догадалася! Знаете, панове—товариство, хотивъ я порадытиса зъ вами, що оце у осени вже хочу я женитиса, годи вже бурлакувать; та не знаю, яку мени й браты: чы слипу, чы криву, чы безносу,—бо проста не пиде за мене? Отъ добре моему побратымови Семенови, що ёму й на думку не спада женитиса!

СЕМЕНЪ. Отъ, чортивъ парубокъ яке приклавъ!

ОДАРКА (*засоромылась*). Тебе, Йване, и за ничъ не переслухашъ.

ИВАНЪ (*до Одарки*). И ты обизва-лася? Такъ и выдко, що замижъ не хоче! (*Регитъ*).

ОДАРКА. А бодай тебе!

МАРУСЯ. Це не въ вико, а прямо въ око попавъ!

ИВАНЪ (*до Маруси*). Слухай, чор-нява, бровы якъ сметана, сажоку пидведе-нены, глыною зашпаровани,—чы ты пи-дешъ за мене?

МАРУСЯ. Якъ за такого хорошуна не йты! (*Регоче*). Кругомъ багатырь: видъ халявъ до потылицы!

ИВАНЪ (*подумавъ*). Ни, не буду я тебе свататы! Бо коли бъ ты була хочъ трошки вышча, або жъ выжча, або товща, чы тамъ тонча... А то якось не пидъ ладъ. Та ще й зовсимъ не балакуча, не-наче у тебе й языка нема!...

ХРЫСТЯ. Иване, я пиду за тебе!

ИВАНЪ. Ты? а ну постривай, я пры-двлюсь на тебе! (*Дыгтыця йй у вичи*).

Эге жъ, та ты жъ калика!

ХРЫСТЯ. Отъ ще що выгадавъ!

ИВАНЪ (*шепче йй на вухо*). А правда? (*Хрыстя одныха его и би-жить мижъ дивчатъ*).

ОМЕЛЬКО. Ну, хлопци, шо жъ вы стовбычите? Поки музыкы прийдуть, грайте у картъ, або шо.

СЕМЕНЪ. Справдя, давайте згуляемъ у лавы! А въ кого е карты?

ОДЫНЪ ИЗЪ ПАРУБКЫВЪ (*выймае карты*). Ось у мене е!

ИВАНЪ. А ну, покажы!... (*Прыдыв-ляецця на карты*). Та й засмалцё-вани! Славни будуть блыны, якъ диж-демо масляной.

СЕМЕНЪ. Ну, хто у хвилькы? (*Се-менъ и тры парубкы сидають на пожу и грають у картъ; де-колы промов-ляють*). „А въ тебе дундыкъ“? „Ходы крало!“ „Клады, чуть—лизе!“ „А въ кого курятныкъ“? „Клады стару!“ „Та не пидглядай!“ „Та вы-бо не змбргуй-тесь!“ „За одно пропадаты, козыряй не-хвалыдомъ“. „Клады пошивну„!...

Я В А VI.

Ти жъ, Грыць и Васыль (*музыкы*).

ИВАНЪ. За вовка помовка, а вовкъ и въ хату. Грайте мени заразы! (*Схопывъ одного музыку и почавъ пустувать*). „Ой, грай, коли граешъ“!...

МУЗЫКА. Та-ну бо, не пустуй—штру-ментъ розибъешъ!

ОМЕЛЬКО (*частуе*). Выпийте, братця, та учыстыте намъ якои небудъ!

МУЗЫКА. Можна, якои завгодно можна!

ИВАНЪ. Заграйте мени такой, щобъ я ажъ не стямывса!

МУЗЫКА. Усякою можна! (*Настроюе скрыпку*). Тилькы щобъ на струны було.

ИВАНЪ. За це не турбуйся, я за все платю!

ОМЕЛЬКО. А зъ якыхъ бы-то грошей?

ИВАНЪ. Зъ якыхъ? Шо зъ тобою ро-сказувать!...

Омелько. Та ты, Иване, не хапайся, — нехай зпершу дивчата потанцюють.

Иванъ. Оце вже не по моему... (*Музыки заграли, дивчата по дві кружка танцюють*).

Иванъ (*довго дывитця, прытупючи ногою*). Та вже бильшъ копы лыха не буде. „Тряситеся, рубци, дывитеся, хлопци... Розступитеся, мыряне, нехай

гыря погуляе!“ (*Схопывз одну из дивчатъ и танцюе з нею*).

Ой, пиду я въ лисъ по опеньки,
Таки найду дубъ зелененький—
Сюды--туда дубкомъ стрепену,
Натрусыла жолудькивъ пелену.

(Зависа).

Д І Я ІІІ.

ЧЕРЕЗЪ ТЫЖДЕНЬ ПИСЛЯ ДРУГОЙ ДІИ.

На кону ти жъ обставины, якъ и въ першій дїи, тилькы хата Одарчына трохи дали къ селу; проты хаты, зовсимъ на переди, крыница и жолобъ. Вечеріе.

Я В А І.

Хрыстя и Маруся.

Маруся и Хрыстя (*идучы до крыницы з видрамы на плечахъ, співають*).

За тучамы, за хмарами
Совечко не сходять,
За лыхымы ворогамы
Мій мылій не ходыть.

Ой, вы, тучи, вы, гризныи,
Розійдитця ризно,
Прийды, мылій—чорнобрывый,
Хочъ не рано—пизно.

Прывыкайте, карі очи,
Самы ночуваты,—
Гей, пойхавъ мій мыленькій
У поле ораты.

Бодай волы живи булы,
А плугъ поламався,
Щобъ мій мылій—чорнобрывый
Зъ воламы прыгнався.

Хрыстя (*набира воду*). Чы буде жъ то Одарка клькаты на сватанняя?

Маруся (*тожъ перехыляетця у крыницю*). А хто їи зна! Ни, ты ось що скажи: що буде, якъ Мыкыта довидаеця про це сватанняя?

Хрыстя. А хйба жъ винъ и доси не знае? Та мина здаеця, що Мыкыта тилькы такъ соби коверзую!...

Маруся. Ой ни, не кажы цѣго, бо знаю я добре Мыкыту!... (*Озырнулася навкругы*). Чы ты знаешъ, що винъ ще позавчора пишовъ у Хвестунову, до якогось ворожбыта?

Хрыстя. Ой, лышенько! Эге!... И що жъ той ворожбытъ зробе?

Маруся. Що? Перекыне Семена ворулакою, отъ тоди й робы що хочешъ... Я вже шепнула про це Одарци, такъ вона, Господы, якъ плакала!

Хрыстя. Сердешна! Чула й я, сестрычко, що е таки ворожбыты... Хай Богъ боронить!... Адже онъ росказують, що позаторикъ, чы пакъ ще давнишъ, у Хайнивци, та одынь упырь за щось-то ремствувавъ на якогось парубка... Ото той парубокъ посватався, а дали и звинчався... Тилькы що, каже, вышлы вони зъ церкви, ажъ ёго молада заразы и перекынулася у зозулю, вылетила на тополью та й почала куваты; а винъ перекынувся у собаку, та й побигъ, гавкаючи, у подовжъ села... И видъ тоди й чуткы про ныхъ нема... Охъ, бороны Боже! Прощай, сестрычко! (*Пшла*).

Маруся. Ходы здорова. Господы, якъ то чудно у свити діетця: що кого широ покохаешъ,—одвертаетця видъ тебе, та ще й кепкуе, зневажае... Кого жъ ненавидышь, дывитця на ёго не хотила бъ,— у вичи лизе... Охъ, Мыкыто, завъязавъ ты мени свить, отруивъ ты мою душу!... За те жъ теперъ и самъ караеся. Нудышь свитомъ за Одаркою, а вона й дывитця не хоче на тебе!... И чого винъ до неї лыпне? Дивно! Чи зрозуміе жъ вона ёго речи, ёго поглядъ, ёго душу?... (Спива.)

Чы я впыла, чы я вбрела,
Чы мене пидмыто,
А чы козакъ любыть не ставъ,
Чы ёго отбыто?

Я В А II.

Иванъ и Маруся.

Иванъ (*выходе видъ села*). Чы ты тутъ, Марусе, спивала? Дивны! А я йду собі та й думаю,—певно, соловей!

Маруся. Тоби бъ тилько насмихатись..
Отъ щастя дивци!...

•Иванъ. Щастя, якъ трясеця,—кого нападе, не скоро покыне! Якій же то дивци?

Маруся. А вже безъ лыха не обійдетця, якъ хто-сь то довидаетця!

Иванъ. Про кого це ты кажешъ?

Маруся. Знаешъ про кого!... Щось буде, а чого-сь не стане...

Иванъ. Дурныця! хиба ты що чула про...

Маруся. Що вже я вухомъ чула, того у мене зъ языка не вхопышь!

Иванъ (*зазыра ій у вичи*). Справди? А ты не знаешъ, куды пропавъ Мыкыта?...

Маруся. А почимъ я знаю!... Хиба мени Мыкыта що? Свать винъ мени, чы братъ, чы яка ридня?...

Иванъ. Та такъ, nibы своякъ зъ ливов щокы?...

Маруся. Ты вже почнешъ чорты-батька-зья що выгадувати, та прытуляты горбатого до стины! Процай! (*Пшла*).

Иванъ. Идить здоровеньки! Ну, та й задрисна яка дивка! Вже ій, бачъ, и не по нутру, що Одарка першъ іи йде замижъ. Мабуть, ци пидстаркувати дивчата скризь однакови,—що дивку, котра йде ранишь йихъ замижъ, у ложки воды утопылы бъ!... Що жъ це Мыкыты ниде не выдко? Ще якъ позавчора бачывъ я ёго у ранци, у шыньку, та й доси! Такій понурый, та сердытый, усе пывъ горилку... О, завзятый, бисивъ парубокъ! Одначе, Маруся мабуть щось знае... Треба сёгодня буты на сторожи! Стривай, а це що? (*Прыдывляетця*). Хто жъ ото йде? Такъ и е! Семень зъ старостамы! А хто жъ то за старобтивъ? Бачъ: пысаръ Скубко и старый Кугуть! А ну, заховаюсь та послухаю, що вони казатымутъ; може це й мени на старистъ знадобытця! (*Ховаетця за жолобомъ*).

Я В А III.

Семень, пысаръ Скубко и два старосты.

1-й староста. Ты жъ, Семене, зостанеся на двори, а мы пидемо у хату, бо такъ законъ велыть; а тамъ вже, якъ що той... то й тебе поклычемо... Я пакъ и забувъ спытаты, якъ ты зъ дивкою,—що вона?... Бо треба знаты, зъ чого розмову початы!...

Семень. Вона согласна!... Тильки баба іи неначе трохи... Каже, що Одарка ще молода—„нехай, каже, погуля!“

2-й староста. А который же ій, къ примѣру, годъ?

Семень. Висимнадцатый.

Пысаръ. Што жъ, дѣвчонка якъ разъ у поръ! Уже законный срокъ переросла!...

1-й староста. Та вже якось воно буде, якось-то Господъ намъ допоможе...

Пысарь. Знаете, якъ то кажутъ: „що було, то бачили, а що буде, то побачимо“. Уміємъ заговорить зубы и всѣ будуть какурать!

1-й староста. Ну, то ходимъ, пора! Господы благословы! *(Старосты пишли у хату Одарчыну)*.

Семень. Хай Господь Милосердный помогае! *(Сиди на камені)*. И чога воно на вулицы такъ тихо: ни гомону, ни спививъ не чутъ? Хочъ бы що небудь гласъ подало. Тихо, всюды тихо! *(Задумався)*. Хочъ бы Иванъ на цей разъ трапывся, винъ бы розбывъ мою тугу. Правду мабуть кажутъ, що першь чымъ оженився, треба трычы зажуритись... Якисъ сумни думы роємъ обсили голову и одна другу жене и розбывае, мовъ хвѣля хвѣлю!.. Одна думка не лизе мени зъ головы: зъ якого побыту Одарка позавчора, на вечорныцяхъ, якъ сказавъ я їй, що пришло у неділю за рушныками, нибы злякалась и затремтила, а потімъ якось чудно спытала: „а чы будемо жъ мы щасливы“? Щось таке натянула про Мыкыту, що боитця ёго... Ставъ я їй допытувать: хіба може, кажу, Мыкыта похвалявся? Вона замовкла й замовкла, неначе воды въ ротъ набрала. Зъ того часу я серця свого не заспокою! Разъ-позразъ мени здаецця, що ось-ось незабаромъ, усе чымъ я живъ, усе що мене тишыло на свити и що керувало моею тяжкою працею, одіймуть у мене на вики... Мовъ выхоръ налетыть, зопеуе и полама мое щастя...

Иванъ *(тихо)*. Задумався! чы не налякаты мени ёго,—може звеселю?!..

Семень. Неначе хто балака?

Иванъ *(тихо)*. Почувъ! *(Почына гарчаты по собачи)*.

Семень *(приглядаецця)*. Щось неначе лежить? *(Иванъ гавка)*. Собака, чы що? *(Иванъ нявчить по кошечі)*. Що

воно таке? *(Иванъ спива пивнемъ)*. Справди, чы не видьма!

Иванъ *(хутко кыдаецця до ёго и балака не своимъ голосомъ)*. Здоровъ будь, козаче!

Семень. Це ты, Иване?

Иванъ *(своимъ голосомъ)*. А то жъ якый бись! А куды це ты налагодывся?

Семень *(усмихнувся)*. Хіба жъ видъ тебе выховаецця? Одначе, спасибі, що ты прыйшовъ, а то я трохы не здуривъ, тава мене туга взяла.

Иванъ. Чортъ-батька-зна чога журытця! Кажуть же, що кому хвортуна служе, то винъ ще й хвортуну лае. Дивка ёго любить, що й души не чуе, а ёго бере туга! Чудасія та й годи!

Семень. Та баба Одарчына щось морочыть.

Иванъ. Сказано—стара; треба жъ показаты, що у їй уся сыла. А може боитця, щобъ чога не нашкодывъ Мыкытынъ батько?

Семень. То-то бо и е! Щось и Одарка нибы не та стала.

Иванъ. Говоры! Одарка бабы не послуха; не такъ вона тебе любить, щобъ послухала бабныхъ вытребенѣкъ; тилькы...

Семень *(на порозі)*. Семень, говъ! А йды сюды.

Иванъ. Бачъ, онъ вже й гукають тебе. А що, тѣхнуло серденько? Иды жъ, иды, тамъ вже Одарка выгледае тебе зъ хусткою!

Семень *(весело)*. Приходъ же, Иване, на сватанна,—ты жъ у мене й за боярына будешъ! Та клянъ усихъ хлопцивъ.

Иванъ. А я думавъ, що ты за боярына поклычешъ якогъ небудъ дуку...

Семень. Отъ, ще що выгадавъ! Мы жъ зъ тобою не чужи,—памъятаешъ, якъ колымъ хрестами поминялись?

Иванъ. Я памъятаю, абы ты не забудъ.

Семень. Приходь же, Иване, на сватанья; та збигай за однимъ заходомъ и за музыками. (*Пишовъ. Иванъ дывытця ему у слидз*).

Иванъ (*одыгъ*). Чудный парубокъ: дивка безъ миры ёго любыть, а ёго бере туга!.. Колы бъ мене такъ дивчына любыла, то була бъ у мене й сорочка вышывана, и стёжка шовкова; а то яка у мене стёжка? Тилько слава, що стёжка! мотузка, а не стежка! Эхъ, чорты ёго батька знае, здаецця и робышь гирко, а йисы усе жъ такы не солодко! (*Махнувъ рукою*). Эхъ, танцюй лыхо, смійтесь злыдни! (*Спивае и танцюе*).

Ой, чомъ не прыйшовъ,
Колы мисяць зыйшовъ,
Тоди тебе прынёсло,
Якъ сонечко изыйшло!
Ой, чомъ не прыйшовъ,
Якъ я говорыла,—
Цилу ниченьку
Свичка прогорыла.
Ой, хто до кого,
А я до Параскы,
Бо у мене чортъ-ма штанивъ,
А въ неи запаскы! (*Пишовъ*).

Я В А І V.

Одарна (*выйшла зъ хаты*), потимъ Маруся.

Отъ и рушныки я вже подавала, а й сама не знаю, чы рада я, чы не рада, що йду за Семена? Кого жъ бы це мени повлыкаты у дружкы? Пиду на село,—яку першу дивчыну зустрину, ту й покличу. (*Иде на село, йй на зустрічъ Маруся*).

Маруся. Добры-вечирь! Не вже це ты й рушныки подавала?

Одарка. Подавала, сестрычко!

Маруся. За кого?

Одарка. Ще й пытае! Просю тебе, сестрычко, до мене за старшу дружку.

Маруся. Колы жъ весилля?

Одарка. У ту недилю.

Маруся. Щаслива ты! За Семена идешъ? И винъ щасливый!.. Бачъ, якъ то кажутъ: за териння Богъ дае спасынны; хочъ и довго ждала, а такы дждалася своего щастя.

Одарка. И ты диджешъ!

Маруся. И, дай помы! Мій суженый мабуць ще десь на прыпичку кашу йистъ.

Одарка. А Мыкыта? Не вже знову згордувавъ?

Маруся (*зъ серцемъ*). Дуже винъ за мною пеклуецця!

Одарка. Ну и якъ ты ёго, сестрычко, любышь! Мени здаецця, що я бъ ёго николи не покохала: такый у ёго страшный поглядъ,—мовъ опече тебе нимъ, якъ гляне! Та сердытый, та погавый на языкъ!.. Я й не знаю, чы зугаренъ винъ хочъ слово ласкове сказаты?

Маруся (*зитхае*). Черезъ те я ёго люблю й покохала, шо не вмие винъ щоразу ни ласкаты словами, ни голубыты речамы; а однимъ поглядомъ усе тоби скаже!.. Орель, а не парубокъ! Разъ тилько я учула ёго закохану розмову и зтерялась: и сердце и душу ёму виддала! Зневажа винъ мене, гордуе мною, якъ витерь горою! Передъ усымъ мыромъ знущаетця надо мною й глузуе мени у вичи. А одно слово тилько скаже, та такъ якъ тилько винъ умие сказаты,—однымъ поглядомъ усе скаже и я всю ёго зневагу забуду и знову збожевилю и зтеряюсь!

Одарка. Бидна ты, сердешна!

Маруся (*зирнула на ней*). Бидна?! Чого жъ тоби такъ стало жаль мене!..

Голосъ Скувка. А дежъ це наша молода?

Одарка. Це жъ вже мене шукають! Осъ я заразь! (*До Маруси*). Бижы жъ, Марусе, та кличъ усихъ—усихъ дивчатъ, а я пиду лагодыты закуску; бо баба сами не вправлятця. Гляды жъ, не барысь, приходь хутенько! (*Иде*). Стри-

вай — и забула: якъ думаешъ, сестро, кого мени ще кыкаты за другу дружку? Поклычу Хрыстю, або Горпыну, якъ ты думаешъ? Кого ты раешъ? *(Пишла)*.

Маруся *(дывлячысь їй у слидъ)*.
Про мене хочъ и Хрыстю! *(Регоче)*.
Тоби бѣ тилько щebetаты, та млиты видѣ солодкихъ речей!.. Чы тямшь же ты, що то таке коханья? Ты мене жаліешъ? Ты такъ багата щастямъ, що й мени хочешъ частыну ёго удилыты? Дурна, дурна!.. Однече дурному, та ледачому зажде щастыты!.. Що не говоры, а бисова тинь гарнаго парубка пидхопыла!.. Це видимсько чудо! Розквасыть губы, та й дума, що—ось то яка я красуня!.. Хороша якъ курка задрыпана! *(Чутно за лаштунками писню)*. Эге, це вже й парубкы йдуть на сватанья!.. Пиду та склычу тоби дивчатъ, а цѣтимъ будемъ дывуватыся на те щастя!.. ха-ха-ха! А Мыкыта десь запропаствися!.. О, теперь я зъ нѣго поглузую!.. *(Пишла)*.

Я В А V.

Омельно, Иванъ и парубкы *(йдуть черезъ конь зъ писнею)*.

Гей, по сынѣму морю

Хвыля грае,

Гей, турецкій кораблычокъ
Розбывае.

Гей, турецкій кораблычокъ
Розбывае,

Гей, сорокъ тысячь вѣйска
Вытопляе!

Гей, сорокъ тысячь вѣйска
Ще й чотыри.

Гей, то жъ йихалы козаченькы
Та изъ Украины.

Гей, вони посадалы на могылы,
Гей, выкрасалы вогныку зъ оружыны...

(Выходять Семень, уклоняетця парубкамъ и просе йихъ у хату).

Иванъ *(вертаетця)*. Треба побигты ще за музыкамы. Чортъ ёго зна, яку йимъ и цину даваты? Ондечкы й дивчата вже йдуть. *(Пишовъ)*.

Я В А VI.

Дивчата *(стають проты хаты и спивають)*.

Заручена та Одарка,

Зарученая;

Дала свою билу руку

На вичню заруку.

Чы мы жъ тоби, та й Одарко,

Не казалы.

Чы мы жъ твого та й серденька

Не втишалы,—

Не йды, не йды та до броду

Рано по воду,

Та не слухай тыхъ голубивъ,

Де два загудуть...

(Одарка выйшла зъ хаты и кланяетця дивчатамъ трычи у поясъ. Потимъ запрошуе йихъ до хаты).

Я В А VII.

Два музыкамы и Иванъ.

Иванъ. Идить же, дяденькы, прямо въ хату, а мени ще де-куды треба збигать. Такъ що жъ, дядюшка, договоръ такъ, якъ я казавъ?

Музыка. Ни, такъ буде не ловко! Четвертака до карбованця набавышь?

Иванъ. А, якый бо вы! Та берить двадцать копіекъ срибла,—прошу васъ!

Музыка. Якъ то можна! Штрументъ же що небудь стоить, ну й струнъ може на цилого грывевыка зопсуешъ,—такъ воно чого-сь коштуе? Тепера сама тонча струна—такъ вона, братъ, аглыцька, або ще й дорожча!...

Иванъ. Ну, нехай буде по вашому, зъ ващы не зговорышь!

Музыка. Чудный ты! Тепера хочь и на скрипци,— навука чого небудь стоять?... Я може не одного карбованця заплативъ, доки навчився. Дамъ я тепера тоби скрипку, ну ты й не заграешъ; бо звисно, не туды пальци стоять. Воно до всякого дила е навука... Мени дратвою привязували пальци до скрипки, доки навчили! А вотъ какъ етотъ мальчонка бувъ предоставленъ до меня у вдравоученіе такъ што я зъ нимъ воспримчивъ бувъ. Ось розкажи какъ я тебя муштровавъ?

2-й музыка. Мене дяденька были, здорово были.

1-й музыка. Мальчонка вонъ ничаво, ну тольки пьеть, бида якъ пьеть!.. Разъ — однажды договорылись мы свадьбу гратъ за 75 випеекъ. Положимъ, продешевыли. Такъ вонъ побачивъ на вокни пляшку та й укравъ ия, та въ горло. Штожъ ты думаешъ, чуть дуба не давъ. Такъ я его, якъ схвативъ за холку, якъ трипонувъ, такъ-такъ увесь канихволь зъ него и выскочивъ.

2-й музыка. Мени у сиривци вымочували руки, а дали шевською смолою натырали лучкы, щобъ отакъ-о гудило? (*Показуе на бубни*).

Иванъ. Та добре, добре, йды вже; бо тебе й за день не переслухаешъ!

1-й музыка. То-то жъ бо й е! До всякого дила треба знаты, якъ и що!.. (*Пишовз у хату настроюючи скрипку*). Я тоби усякій танецъ такъ заграю, що... Я можу козакъ-вальца, и жыдивочку, и всяки паньски танци!..

Я В А VIII.

Иванъ. У кого бъ же це мени позычты на сватанна цилу свиту, або хочъ невірненького жупанка? Пиду до старого Ганнушенка, у ёго, кажуть, е червоный жупавъ, ще прадидивскій, — чы не позыче? .. Язъ одягнуся, то-то зъ мене

козарлюга буде, та й ловный же! Заразъ шапку на бакырь, визьмусь у боки и никому не зверну зъ шляху!... (*Пишовз*).

Я В А IX.

Мыкыта и Маруся, а згодомъ Иванъ підкрадаеця и приляга за жолобомъ.

Мыкыта (*тягне за руку Марусю*). Кажешъ, що вже посватавъ?

Маруся. Оце тужъ-тужъ, — вже льбонь и гульня почалась. (*За лаштункамъ чутно музыки до кинця діи*).

Мыкыта. Онъ якъ!... Марусе, выкличъ мени Семена на часничку, будь ласка!

Маруся. Такъ бы я тебе й послухала! и не просы, и не говори мени, —ничого не хочу слухаты!

Мыкыта. Марусе, слухай сюды!...

Маруся. Шкода вже мене обдурюваты! Дуривъ, дуривъ мало не два roky та й кинувъ на посмихъ людямъ!... Ще й лыхословышъ мене, та гордуешъ передъ усима, що звивъ изъ ума! И на вечорницяхъ тоди, що ты мени казавъ?!... Ще й бувъ бы може, якъ бы... Пóтимъ знову підлястывся и знову видкынувся?... Отъ и докотылася ниточка до клубочка!...

Мыкыта. Просты мени, я тоди й самъ не памъятавъ, що балакавъ! Выкличъ мени Семена або Одарку, я тилько скажу одно слово, —та й чортъ зъ нымъ! Слухай, Марусе, колы ты выкличишъ Семена, то щобъ я кризъ землю провалився, щобъ я свита сопця не вздривъ, колы не буду тебе свататы!... Я хочу тилькы поглузуваты зъ ёго! (*Маруся пыльно дывытця ему вз вичи*). Скажи жъ, навчы мене, чымъ зможу тебе ублагаты?... Не ймешъ мени виры? О, Боже, який же я нещасный! Хочъ бы одна була людына така, щобъ повірыла мени на крыху... Ну, Марусе, колы й ты вже не ймешъ мени

виры, то пиду я, куды очи поведуть...
Та або втоплюся, або заряджусь!... (*Иде*).

Маруся (*кыдаецца до ёго*). Стривай, Мыкыто! Богъ одинъ бачыть, що ты робышь зъ моимъ сердцемъ! Не маю слы спретчатныя твой воли!...

Мыкыта. Ты выключешъ? Иды жъ, иды швидче, Марусе! Чого жъ ты стоишь?... Марусе, сердце мое! (*Пада передъ него на вколюшки*). Бачъ, Марусе, я на вколюшкахъ тебе благаю, грудку земли зъйми, щобъ тильки ты повирыла мени!

Маруся. Охъ, що жъ ты зо мною робышь?... (*Пидводе ёго*). Слухай сюды, Мыкыто! Похвалявся ты йти свить за-очи? и я тоби скажу, що загыну, коли ты ще разъ скрывдышь мени! Не губы жъ ты мене, не губы, мій орле! Во пропаду, ий Богу, пропаду за тобою!.. Пидожды жъ, мій соколе, тутъ, а я заразъ!... (*Побигла вхату*).

Мыкыта (*одыня*). Чары, чары! Бачъ, бисивъ дидъ, якъ прычарувавъ! Сказавъ, що ще й до села не дйду, якъ вона сама мени на зустрічъ выбижить! Обдуривъ, клятый ворожбыть! Тилько гроши зъ мене выдуривъ, та горилки у волю насмоктався!... О, не попадайся жъ и ты мени теперь, чортивъ дидугане! Я тебе на-десятеро розирву, зтопчу якъ гадюку, на шматки роздеру!... Добре прычарувавъ! О, чомъ я не зможу роздерты себе, щобъ вырвать зъ грудей сердце, зтоптаты ёго ногамы, собакамъ ёго жбурнуть, коли воно Одарци осоружле?!... Такъ ни, не буде цёго, николи не буде, щобъ Семень, отой обшарпанецъ, голодранецъ, узавъ верхъ надо мною! Та скорйшь пиду я на Сибирь, у каторгу, у пекло до самого сатаны—а не попушу тоби Одаркы! Задушу анахтежьску виру. убью якъ собаку! Де жъ ты, мій вороже, мій супостате? Выходъ мерщій! Дай же мени помстыть на тоби, сердце свое вдоволныты!...

Я В А X.

Ти жъ и Семень.

Семень (*на порози*). А хто тамъ мене клыче? Маруся сказала, що якый-сь чужый чоловікъ!...

Мыкыта. Семень?... Боже, въ мене руки дрижать!... голова горыть... Страшно мени!... Убыть?... Ни, ни, ни!... Убыть, а побтимъ утекты?... Куды утекты?... Заразъ утекты? А вони завтра звинчаютця?... Люде все знаютъ... Мене осміють!... Ни, разъ маты породыла, — не двичы й помырать!... (*Пидходыть до Семена и удае зъ себе спокойного*). Це я тебе клыкавъ! Чого жъ крадесся, мовъ той злодій? Бачъ, якъ ты загордувавъ, що мене й не клычешъ на сватанья!...

Семень. Тебе на сватанья? Ты бъ такы й лишовъ! Окримъ того, мени сказали, що тебе и въ сели нема...

Мыкыта. А де жъ я бувъ? Ты знаешъ, де я бувъ? (*Бере Семена за груды*).

Семень (*видныха ёго*). Що це ты—здуривъ, чы пьяный?

Мыкыта. Здуривъ?!.. Я пытаю тебе,—де я бувъ? де я бувъ? (*Зновъ ухватывъ его за груды*).

Семень. Та видчепысь ты видъ мене! (*Видкыда ёго*). Чого тоби треба?

Мыкыта. Ты ще й штовхаешъ мене? (*Хана ёго за горло*).

Семень (*пручаючысь*). Це розбой!

Мыкыта. Ни, я шуткую зъ тобою! (*Выйма зъ кешени складный ножъ*).

Иванъ (*хутко схватывъ Мыкыту за руки*). Постривай! Не втношь, бо коротка шпага! Хлопци, сюды! Э, братъ, шуткы—шуткы, а хвистъ на бикъ! Хлопци, сюды!.. (*Крутыть Мыкыти руки*).

Я В А XI.

Ти жъ, парубы, дивчата, музыкы, старосты, Одарка, Маруся и народъ.

Уси. А що тутъ таке?

Иванъ. Ще й пытають! Поможить бо в'язаты, бо пручаетця! (*Взянуть Мыкхту*). Бачъ, до якого ума довѣде горилка!

Мыкхта. Пустить мене! За що вы надо мною знущаетесь? Лучче утопить мене, або вб'ить! Собаки! Ироды! Катюгы!

Маруся (*св жахомъ*). Мыкнто, Мыкнто! що ты наробивъ?

Мыкхта. Геть зъ очей, гадьно!... (*Штовха ногою нижъ*). Семене, зарядь мене, бо ты моихъ руеъ не втечешъ!...

(Зависа).

Д І Я І V.

ЧЕРЕЗЪ ТРЯ ТЫЖНИ.

Середина Семенової хаты. Усе сбижжя новесеньке, хочъ и небогате.

Я В А І.

Зачепыха *сидить на печи*, Одарна *пеклуетця коло печи*.

Одарка. Отъ бачте, бабусю, яки бо вы недобреньки! Скільки васъ не просю, скільки не благаю—навчить мене старосвитськихъ писень—а вы все не хочете. Помрете, то й писни зъ вами помруть.

Зачепыха. И на що тоби та старовина? Теперь всюды вже спиваютъ новыхъ писень, або жъ московскихъ... Така вже теперь, бачъ, поведенція стала,—що старе, то те нибы й непотрибне!

Одарка. Якъ кому! Инчому стародавне до вподѣбы, а инчому новина!

Зачепыха. И тоби однаковисенько! Теперь вже усе пишло на выворотъ... Хиба я не бачу?... Що жъ, чы скоро тамъ твій обидъ поспіе? може бъ я тоби що помогла?

Одарка. Отакои выгадайте! Вы й рогача не пидіймете! Вамъ тепера тильки казкы казаты, та скубты пирья,—ото ваша уся й робота. Колы писни не хочете спиваты, то хочъ казку кажить!

Зачепыха. Казку? Я й до завтрѣго ни ѳдной не нагадаю... Уси позабувала... А що-то я йихъ знала! А писень, писень,—мабуть и за тыждень не переспивала бъ!... Мій батько бувъ зъ запорож-

цивъ. Господы! якъ почне було розказуваты про ту войну,—волосся до горы пидіймаецця! Охъ, давно те діялось!... (*Заснула*).

Я В А І I.

Ти жъ и Маруся (*у викини*).

Маруся. Чы жьви ще? Чы ще не задавлыло васъ щастя?

Одарка. Заходь у хату, сестрычко! Видь самого весилля ты й очей въ хату не навернула! Спасыби, що одвидала!

Маруся. Не дякуй, голубко, докы нема за що! А може я заступыла тоби сонечко, то я й видступлюсь видъ викина,—беры вже й весь свить сонця до себе!

Одарка. Ты щось чудне говоришь!...

Маруся. Я прыйшла до тебе зъ пѣзыкою! Удилы, сестрыце-багачко, и мени свого талану,—бо въ тебе ёго повно, якъ одежи у злыдня: „у щастя ходышь, щастя топчешъ, щастямъ умываецся, щастямъ укываецся!...“ Ха-ха-ха! Тамъ теперь у волосты роздають таланъ, твій чоловікъ набравъ повенъ запиль! Ха-ха-ха!...

Одарка. Бабусю, що вона таке говорить?

Маруся. Твое щастя—полова! докы витру нема, воно й держытця купы, а

внтрощь подыхне—и полбву якъ языкомъ злызало!... Позычь же мени хочъ частыну того, чого и въ самой бракуе... Ха-ха-ха! Охъ, яка жъ ты паслява!... Клычте й насъ на весели слёзы,—и мы зъ жалю потанцюемо! (*Зареготала и пишла*).

Одарка (*пидбигла до бабы*). Чуєте, бабуся, що вона вищуе?... Охъ, страшно мени!... Я речей їи не зрозумію!... Про які це вона весели слёзы говорила? Чы не стерялася вона?... Вона такъ страшно реготала, що й доси той регить лящыть и вчуваецця мени!... Чы не подіялось чого зъ Семеномъ? Здаецця, вона ничего такого страшного не сказала! Чого жъ л уся тремтѣ? Чого жъ на серцеви у мене нябы похолонуло?...

Я В А ІІІ.

Ти жъ и Семень (*засмученый*).

Одарка. Ось и Семень вернулся! А я тутъ безъ тебе мало не вморла! Бачышь, и доси мовъ пропасныця мене бѣе!... (*Семень мовчки сидае за стилъ*). Що це зъ тобою, мій голубе! Чого такъ засмутився? Голова болыть? Чому жъ ты, якъ першъ, не обіймешъ мене, не прыголубышь?...

Семень (*обійма їи*). Я?... Охъ, Боже мылый! Твоя святая воля!

Зачепыха (*прокынулась*). Отъ и гараздъ, що ты, Семене, вернулся. А я задримала и снытця мени, буцимъ-то у церкви стою. Охъ, Господы Мылосердый! Завтра великый празныкъ. Сходить, диточки, до церкви, та помолитесь Господеви... И я пошкандыбала бѣ, колы бѣ здужала...

Одарка. Я тоби, мій голубе, завтра щось таке гарне, гарне подарю... Вгадай що? Не кажить, бабуся. (*Бижытъ до сфыни и выйма вышывану сорочку*). Бачъ, яка гарна! (*Семень схыля го-*

лову на стилъ). Семене, та що це тоби подіялось? Ій Богу, я заплачу!...

Семень (*тыхо, у голоси чутно слезы*). Що жъ? Такъ, стало быть, на роду напысано! (*Спива*).

Ой годи журытыся,
Пора мени женытыся;
Визьму я чорнявую,
Ще й лыченькомъ билавую.
Вона гляне оченькамы,
Моргне чорнымы бровамы,
Мое сердце звеселытця!
Пора мени оженытця!
Гей, въ осены оженывся,
А на весни зажурывся,—
Запысаны у салдаты,
Треба жынку покыдаты...
Плачуть кары оченята,
Сохнуть, вьянуть бровенята;
Тяжко мени дывытыся!...
На що жъ було женытыся?

Одарка. Ему, бачъ, спивы на думци, а до мене й не забалака!... Чымъ я тебе прогнывыла?...

Я В А ІV.

Ти жъ и Иванъ.

Иванъ. Здрастуйте! Помагай Бигъ вамъ на усе добре! (*Одарка смутна видходытъ видъ Семена и стае била печи*). Чого жъ це вы уся мовчыте! Поглохлы, чы що? Здрастуйте, кажу вамъ! (*Помовчавъ*). „Мылосты просымо сидаты!“ Спасыби, сидемо! (*Сида*).

Одарка. Сидай у насъ, Ивано!

Иванъ. Тоди просышь, якъ самъ сивъ? Здрастуйте, бабуся, чы вы ще пидскакуете?

Зачепыха. Пидскакую: зъ печи додолу, а зъ долу на пичъ!..

Иванъ. Соромъ же вамъ! Таки молоденьки, що тилькы бѣ танцюваты, а вы все на пичи... Злазьте, мерщій, та потанцюемъ!... (*Танцюе и спива*).

Ходить гарбузь по городу,
Пытаецца своего роду:

„А чы жывы, чы здорови
Вси родычи гарбузови?“

Вылизъ ведмидь на бузыну,
Сказавъ кукуруку...

Якъ у тебе, такъ и въ мене
Бровы на шнурочку.

А въ горѣди бузына,

А въ Книви дядько;

Тымъ я тебе полюбыла,

Що на пъяти перстень?

Чого бо ты журыся, Семене? Ще
гиршь бува!

Семень (*схопывся*). Охъ, Иване! Не
кажы! Нехай Одарка докы не знае... Я
самъ ий пѣтимъ скажу... Охъ, Иване,
за що, за що на мою голову такъ горе?

Одарка (*зв лякомъ*). Та що тамъ такъ?

Иванъ. Дуже цікава! А я й забудь
вамъ розказаты!... Чы вы чулы про Мы-
кыту? Якый-сь мищаньнъ розказувавъ сѣ-
годня, били шынку, що; каже, бачывъ
ѣго ажъ идѣ Книвомъ. „Дывлюсь, каже,
йде шляхомъ; я й спытавъ ѣго: куды?
Куды очи, каже, втрапять!... Кланай-
тесь тамъ, каже, батькови й матери и
скажить йимъ, що вже на цимъ свити
мы не побачымось. Нехай, каже, не на-
рикають на сторѣжу, будимъ-то я ий
пидкупывъ; мени прынесла терпугъ одна
дивчына, я перепылавъ рещтуванна у
хвурдызи, та й утикъ“... Та вы, бачу,
й не слухаете мене? (*Пидійшовъ до
Семена*). Семене, дай сюды руку. (*Бере
его руку*). Жаль жынкы? Дуже жаль?
Эге! ажъ слѣзы у очахъ забыщали...

Семень. Охъ, Иване, колы бъ ты за-
глянувъ у мою душу!..

Иванъ. Видно, братухо, й по бчахъ!
Страшна салдацька шывеля?

Одарка (*учувшы це*). Охъ, матинко!
доленько моя злая!... (*Рыдаючи, би-
жыть до Семена й падае ему на*

шыю). Боже мій, Боже мій, на кого жъ
ты мене покынешъ?

Зачепыха. Що тамъ такъ? Чого вона
голосыть?

Иванъ (*зрушений*). То вона зъ дуру,
бабусю! Бачте, Семена назначылы у нѣ-
круты...

Зачепыха. Охъ, лыхо мое тяжке!...
у нѣкруты! (*Голосыть*).

Иванъ. Отакъ заспывалы! Це неначе
надъ мертвецемъ! Та вгомонитця, та по-
слухайте сюды! И—заголосылы! Та слу-
хайте бо! Ну, колы вы не хочете слу-
хаты, то я буду розказуваты зъ гор-
шкамы! Такъ слухайте, горшки, и вы,
кочергы! Назначылы Семена у нѣкруты,
а я якъ почувъ це, та й кажу соби: у
ѣго жинка молода, а у мене ни жинкы,
ни хатынкы!... Нехай же Семень знае,
що е у ѣго вирный и щырый побратымъ
Иванъ,—пиду я за ѣго у москалы!...

Семень и Одарка (*здыувалысь*).
Що ты кажешъ, Иване?

Иванъ. Та це я зъ кочергамы бала-
каю! Эге, та й кажу: пиду я за ѣго у
москалы!... (*Семень и Одарка кыдаютця
до Ивана*).

Семень. Опамъятайся, Иване! Моє
лыхо,—мени й одбувать!...

Иванъ (*крычыть*). Мовчы! (*Семень
и Одарка обіймають его*). Та ну васъ,
ще звалыте зъ нигъ! А вы думалы, що
Иванъ васъ тилько такъ любить? Що
Иванъ тилько вміе брехаты?... Такъ,
брате Семене? Ты мени ставъ замисць
батька!... Никлы и ни въ чимъ ты мени
не скрывдывъ, видъ тебе я николы лы-
хого слова не почувъ! Знай же й ты
що у Ивана, пидъ оцією драною свыты-
ною, е серце, горяче серце... (*Чанко
утыра рукавомъ очи и сміетця кризь
слезы*). Дурны очи, почалы плакаты!...

Семень и Одарка (*радіючи*). Иване,
брате, друже!... товаришу вирный!..

Иванъ. Сухий, намазаний!... *(оттира очи)*. Ачъ розплакалися! ще послитнуть, дїавольски очи! Давайте жъ хочъ горилки, або що! *(Сіда за стилз и бадёртыця; Семенъ и Одарка пеклюютця и подають горилку и закуску)*.

Зачепахъ *(хлыпа)*. Спасыби тоби, мій сыночку! Отъ и кажутъ, що товариство перевезлось!

Иванъ. Та ну-бо вже, не хвалить, а то перехвалите на одынь бикъ! Не рюмсай-бо, Одарко, та давай швидче по чарци, а то й я зновъ заплачу! *(Одарка частуе его)*. Прощай, парубоцтво! Прощай, моя латана свытыно! Прощай, моя пошарпана доле!... Э, та й бравый зъ мене буде москаль! Бережысь душа, — потопъ буде! *(Вытыва)*. Не бере, зовсимъ не бере? Лый, Одарко, ще. Прощай, розуме, завтра побачымся! *(Вытыва)*. Давай хочъ заспываю на оставци... *(Слива)*.

Гей, шпорышъ, шпорышъ по дорози,

А бурьянъ по облози;

Гей, та немає правдоньки ни въ кому,
Да тильки въ одному Бози..

Глады жъ, Семене, и ты, Одарко, — якъ побачыте колы сиротыну, то пошануйте й нагодуйте їи, якъ батько дытыну. Сироты — то моя ридня! Я за нымы по всякъ частъ пеклувався и побывався, я плакавъ зъ нымы... Плакавъ, та й тилько! Не забувайте мене, мои любї!

Семенъ и Одарка. Нехай Господь одъ насъ отступытця, якъ мы тебе забудемъ.

Иванъ. А якъ трапытця у васъ запышнїй карбованецъ, вы й прышлите ёго мени: я заразъ выпью, щобъ свить мени замакитрывся...

Семенъ. За це не турбуйся, брате!

Иванъ. Багато не треба, а такъ, колы не-колы карбованця, або й два! Эге, стривай, — ажъ ось колы джидусь! Слухай, Одарко, вышїи мени сорочку! Бо

въ мене ще й зъ роду не було вышываной сорочки.

Семенъ. Одарко, ты мени дарувала оцю сорочку, — подаруй же їи Иванови!

Одарка *(подае Иванови сорочку)*. Нехай тоби буде на спомынь!

Иванъ. Оце такъ гостынецъ! Та якъ же гарно вымережана! За такыи подарунокъ годытця й поцилуваты!

Одарка *(цилуе его)*. Чому жъ и не поцилуваты?

Иванъ. Ну, та й поцилувала, — не наче вогнемъ опекала!

Семенъ. Одъ шырого сердца!

Иванъ. А ты, Семене, не дримай, — частуй! *(Пжють)*.

Семенъ. Чы въ памытку тоби, Иване, якъ мы, ще за крипацтва, утикалы у Басарабію? И тоди прыкашыкъ хотивъ насъ покрыты ризкамы за те, що телятъ упустилы въ шкоду? А памытаешъ, якъ мы було въ Аккермани ховаемося по ровахъ та по плавняхъ, якъ було найиде становый? Зазналы мы тоди горя!..

Иванъ. Эхъ, лыхо, лыхо! Колы ты насъ перестанешъ нянычыты? Хочъ бы ты на времья покумалося зъ багачамы!..

Голосъ *(за выкномъ)*. Семене, а йды до волосты!

Иванъ. О, бачъ, вже й знову прыслалы! А що, тѣхнуло серденько? Ну, выпьемъ ще, та й ходимъ. *(Пжють)*.

Гей, пѣ козакъ, пѣ,

Бо въ козака гроши е;

Гей, за нымъ, за нымъ ненька старенька
Дрибни слизоньки лѣ.

А за мною ни якыи бисъ и слѣзынны не пролье. Вставаймо, та ходимъ! *(Налыва чарку)*. „Будь здоровъ, сволоче, колы никто не хоче!“ Прощавайте до якого часу! *(Одарка хоче обняты его)*. Постривай, ще влїємо попрощатысь! ще не одну квартиру осушымъ, помы лоба забриють.

Одарка. Приходь же до насъ обидати.

Иванъ. Хочъ и не просы, то прыйду.
(Танцюе и спивае).

Ой, йихавъ я по за токомъ,
Зустривъ дивку зъ однимъ окомъ;
Така гарна, така гожа,—
Побый ии сыла Божа.

Ой, йихавъ я изъ снопами,
Сыдыть дивка пидъ копами;

Я на нея задывывся—

Мени визъ поломывся...

Ой, не жаль було бъ воза,

Колы бъ дивчына гожа,

А то руда та погана,

Та й та визъ поламала.

Сватай мене, козаченьку,

Бо мій батько багачъ:

Симъ паръ воливъ на обори,

Ще й въ намысти дукачъ.

Чорты беры, дивчынонько,

Зъ твоимъ батькомъ багачемъ,—

Все прыдане поздыхае,

Ты погана зъ дукачемъ!

Не дывуйся, дивчынонько,

Що я упывався,

Бо мій батько пывавъ сладко,

Я жъ у ёго вдався:

Мого батька повисылы,

А я одирвався! (Выходятъ зъ Семеновъ).

«Зависа».

Д І Я V.

ЧЕРЕЗЪ ЧОТЫРИ РОКЫ ПИСЛЯ ТРЕТЁИ ДНІ

ОДИНА ПЕРША.

Середына Семеновои хаты. Семень и Иванъ сидятъ на лави, Одарка порядкуе била печи.

Я В А І.

Иванъ, Семень и Одарка.

Иванъ (на мыльци). Стало быть, отакъ стоимо мы, а насупротивъ насъ непрятель, одно слово—вармїа. Скамандувалы намъ „у штыкы!“ ну, воны заразъ навтикача. Ото вскочылы й мы въ лись, здоровенный такыи лись! Дывлюсь, турчынъ изъ за куца цїаеа прямо въ мене. Пафъ! а куля, надъ самисенькымъ вухомъ,—„дзизъ!..“ Винъ биче, що не попавъ, та драла, я за нымъ!.. Догнавъ ёго, та зъ переляку якъ шпортнувъ ёго штыкомъ, такъ наскрызъ и проколовъ!.. Ото пишылы мы дали. Колы це чую, щось пидъ колинномъ неначе мене цыганьскою голкою штрыкнуло. Я зыркъ,—а кровь джереломъ бижыть! Тутъ я, якъ побачывъ на соби кровь, то такъ якъ стоявъ, такъ и бабахнувъ объ землю... И вже

не памъятаю, якъ въ лазаретъ мене однеслы.

Семень. А страшно на вїйни?

Иванъ. Зпершу не такъ страшно, якъ сумно! Бо куды окомъ не зкынешъ, уси мовчать: салдаты якъ полотно; инчий мольтця, а инчий плаче, та просыть товариша податы звистку до дому, якъ що часомъ ёго вбъютъ. Дуже сумно! А якъ скомандують: „маршь!“—отоди тилькы почувешъ, якъ сердце тѣхне, а дали вже и не чуетъ ёго!..

Семень. Загре?! Отъ, ты тилькы росказуешъ, а у мене на сердцеви холоне й нобы волосся до горы лизе!..

Иванъ. Чого? Скилькы, братъ, не думай, а прыйдетця помырать; такъ хйба не однаково—чы дома вмерты, чы на вїйни? А то горе, якъ каликою на весь вѣкъ зоставлять...

Семень. И на щобъ-то воюваты?

Иванъ. Мабуть треба, коли воюють.

Семень. Звисно, не намъ, слипимъ людямъ, видаты про ти дила; але жъ на мою думву, то краще бь було не воуваты... А що, мабуть на служби й писень позабувавъ?

Иванъ. Правда, веселыхъ мало зосталось у голови, а ти, що йдуть до самого сердца, то разъ-у-разъ такъ и колупають тобі душу... Чы на часахъ було стоишь, чы походомъ йдешъ—усе мугычу соби яку небудь писню; и зъ кожною писнею згадаю кого небудь изъ нашихъ слобожанъ... Хто ёго зна, якъ бы я й на свити жывъ, коли бь не знавъ писень: певно, роспывся бь або здуривъ!.. Та то жъ коженъ день усе одно, та й одно: „на плечо! на калавурь! тыхымъ шагомъ!..“ Ляжешъ спаты, такъ и у снi тоби здаетця, що або маршируешъ, обо жъ ваксышь чоботы унтцёрови... Якъ заберусь було куды, такъ що ни жодна людыва не постереже, отоди то я набалакаюсь самъ съ собою та на спиваюсь!.. Згадаешъ було свое одыночество, парубоцькый викъ, свою драну свытynu—и гирко заплачешъ... Все жъ такы тоди краще було! Э, та що вже згадуваты те, що николи не вернетця! (*Помовчавъ*). Чувъ я, чувъ учора, йдучы селомъ, видъ де-которыхъ селянъ, що ты й геть-то гарный чоловикъ, що й людямъ помагашъ и сырить не забуваешъ... Учувшы такы речы, я прямо, брате, й причвалавъ до тебе въ хату. Вирь, братухо, що коли бь я почувъ про тебе инчу славу,—то вже на цимъ свити не побачивъ бы ты мене!..

Семень. Чы ты знаешъ, Иване, що завтра якъ разъ чотыри рокы, якъ мы побралися зъ Одаркою; такъ оце вона й заходылась зъ вечора коло печи, щобъ завтра нагодуваты усихъ старцивъ та сырить... Вона що году обидъ справля,—це твй заповидь!..

Иванъ (*до Одаркы*). Ай, молодыця! Оце саме спасене дило,—нагодуй сыроту разъ, то Богъ Мылосердный, якъ кажуть, воздасть тобі десятирцею!

Одарка. Богъ намъ дае хлибець то й мы жъ повинни зъ кожнымъ бидолахою подилытись. Що жъ це дивка й доси не несе хмызу? У пичи зовсимъ погасло!.. (*Пишла зъ хаты*).

Иванъ. Каже—„повинни дилытись!“ Коли бь уси такъ думалы та робылы, то й бидныхъ не було бь на свити.

Семень. Хто зазнавъ на своимъ вигу горя, у того сердце чуле й до чужого горя... Одначе, чы не пора й свичку за-свитыты, вже зовсимъ темнiе. (*Йде до комина и свите свичку*). А що, чы е яка чутка про войну! Чы може вже на-довго це замыренiе?

Иванъ. Чого не знаю, про те не охочый я балакаты!..

Я В А ІІ.

Ти жъ, Мыкыта и провидныкъ; (*згодомъ*) де-яки селяне.

Провидныкъ. Здрастуйте, съ празныкомъ будьте здоровы. А хто тутъ соцькый?

Семень. Я! що вамъ треба?

Провидныкъ. Приймыть орештанта, насылу довивъ.. Казавъ же соцькому, що треба пидводу, бо винъ зовсимъ немощный. Такъ ни! „Веды ёго, кажешъ, пшкы!..“

Семень (*бере хыстъ*). А ну, Иване, прочытай, що тутъ напысано? Ты жъ хвалывся мени, що трохы шурупаешъ грамоты.

Иванъ (*чытае*). „Отправляется при семъ для водворенiя на мiстѣ жительства бѣглый крестьянинъ Мыкыта Гальчукъ!..“

Семень и Иванъ. Мыкыта?!

Одынъ изъ селянъ. Я жъ казавъ, що ця людыва мени нибы по знаку!.. Ажъ це ось хто!

МЫКЫТА (*змучено*). Та що жъ, зрадили, що побачили?

СЕМЕНЬ. Та якъ же?... я думавъ, що тебе...

МЫКЫТА. Нома на свити? Якъ бачышъ, ще не здохъ! Подякувавъ бы Мылосердному, коли бъ було пропавъ!...

СЕМЕНЬ (*не зна що казаты*). Та якъ же ты змарнивъ!.. Тебе й признаты не можна.

МЫКЫТА (*зкыпиво*). Твое дило, коли ты соцькій,—роспысатысь! (*Иванъ роспысався, провидныкз пишовъ*).

СЕМЕНЬ. Що жъ, якъ ты тепера, Мыкыто?...

МЫКЫТА. Зрадють, мабуть, батько та маты, певно, зъ радощивъ не знатымуть, де й посадыты своего сына!...

СЕМЕНЬ. Та може бъ и справды зрадили, якъ бы... Хйба жъ ты й доси не чувъ?

МЫКЫТА. Що таке?

СЕМЕНЬ. Батько жъ твій померъ ще торикъ, а маты оце у Питривку.

МЫКЫТА (*мовъ приглушений*). Померлы?.. А хата?.. А худоба?..

СЕМЕНЬ. Усе ршылы! Якъ пишовъ ты зъ села, то лыбонь черезъ мислицъ, а може билшъ, Маруся збожевила и не тямлячи себе пидпалыла вашу хату, а сама десь помандрувала, та й чуткы про неи нема. Ото якъ згорело усе, батько твій почавъ пыты; пропывъ усе до тла, а дали й самъ померъ... А маты, на останци, жыла у мене; та Богъ ёго зна, чы ий пороблено такъ, чы що! дуже хворила а пбтимъ и померла...

МЫКЫТА (*зхотывъ себе за голову*). Обое померлы? „Усе ршылы?“ Такъ, чому жъ хочъ сокры не зоставылы? щобъ було чымъ зотнуты мени голову? На що жъ мене сюды привелы? На глумъ людямъ? И такъ вже я чотыри рокы, якъ той песь голодный, валявся по-пидъ чужымы тынамы!

Я В А III.

Ти жъ и Одарна.

ОДАРКА. Охъ горенько мое! Це жъ Мыкыта! сердешный!.. Боже мій, Боже мій!

МЫКЫТА. Пизнала? Чого жъ вы дывитесь на мене? Плюйте жъ на бродягу, каминнямъ у ёго жбурляйте... Жахайтесь ёго, якъ чумы! Теперъ ниhto вамъ не забороныть и вбты мене!... Теперъ вы смилыво можете помстытыся на мени!...

СЕМЕНЬ. Ось послухай, Мыкыто, що я тоби скажу!

МЫКЫТА. Ну?

СЕМЕНЬ. Коли жъ съ тобою и балакаты страшно...

МЫКЫТА. То й не балакай!

СЕМЕНЬ. Ты такый гордый, що й Господъ тебе знае!

МЫКЫТА. Гордый? Злыдень я, обшарпанецъ, старецъ!... Гордый! Собака, котру проганяють, якъ дармойида зъ двору, швыдче знайде соби прыстановыще, нижъ я... Правда, що е чимъ гордувать!..

СЕМЕНЬ. Слухай же! Пока тамъ що вдіемо, зоставайся у мене...

МЫКЫТА (*мовъ опеченый*). У тебе? Щобъ ты що-дня поприкавъ мене шматкомъ хлеба!

ОДАРКА. О, хай Богъ бороныть насъ!

СЕМЕНЬ. Я ни надъ чимъ горемъ николи не сміявся, зъ якого жъ побыту стану знуцатысь надъ тобою?

ИВАНЬ. Эхъ, Мыкыто, Мыкыто! довго я мовчавъ, та вже такъ приходится, що й мени треба сказаты слово! Чорты-батьвазна що выгадуешъ, таке верзешъ, що й купы не держытця! Та отъ же тутъ и люде стоять, наши селяне; спытай ихъ, нехай котрый изъ ныхъ скаже, чы зможе Семенъ поприкнуты ёго шматкомъ хлеба?

СЕЛЯНЕ. О, ни, за це грихъ сказаты.

СЕМЕНЬ. Забудь, брате, те, що волись було; нехай те лыхо плыве за водою!

МЫКТА. Забуты?! Ни, скорішъ перестане сердце бытись у грудяхъ, очи мои не зглянуть на свить сонця, нижъ я забуду, що я бувъ и що я теперь!..

ОДАРКА. Перестань, Мыкты, вирь моему слову, що мы тебе привитаемо, якъ ридного! (*Мыктыта мовчыть, схылывши голову на груди*). Ты мовчышь?

ИВАНЪ. Ну, й кляте жъ у тебе сердце!

ОДАРКА. Бачыть Богъ, якъ мени жалко тебе, Мыкты! Якъ мени тяжко дывтысь на твое безталанна, сердешный! (*Плаче*).

МЫКТА (*довго мовчыть, дали ледве промовывз*). Ну, робить зо мною, що хочете!

СЕМЕНЪ и ОДАРКА (*весело*). Отакъ бы й давно!

ИВАНЪ. Я теперь зъ радощивъ ажъ затапцюю! (*Приспивуе й танцюе*).

ГАНДЗЮ, ГАНДЗЮ кучерява,

Де ты въ биса почувала?..

Ой, ой, ой, кляте колино якъ запекло! (*Мыктыта зарыдавъ и впавъ на лаву*).

(Зависа).

ОДИНА ДРУГА.

У тій же хаті. Мыктыта лежить на печи, зодягнений у чысту сорочку; Семенъ спить біля столу, на лави; Одарка на полу; Иванъ доли біля печи, на соломи. Ничъ. Хату де-колы освичуе проминна мисяца.

МЫКТА (*винз зитхае и стогне; скильки разз пидводе голову и нибы прислухаецця, мовчыть. Черезз велику хвылыну пидводытця*). Послулы!... Вони щасливи, йихъ доля сміетця, йихъ доля дбае; а я, мовъ проклятый, мовъ матерью проплаканный, ни на хвылыну не заспокою свого замордованого сердца!.. Утекты видциля, утекты якъ найскорише!.. Завтра... Свить за очи!.. Щасливи!.. За вищо жъ йимъ судылося те щастя? Де жъ мои сылы? зтратывъ йихъ, блукаючи въ степахъ безкраихъ, въ байракахъ темныхъ!.. У тимъ, що мнуло, булы сылы, мыготило й щастя... Щастя? Чы знавъ же я ёго?.. Чы бувъ я колы щасливимъ?.. Ни, ни!.. Я знавъ горе, одне горе!.. А въ тимъ, що буде, окримъ кривавыхъ слизъ, окримъ безкраёго страшного горя, ничего не выдко!.. И не прыспышь ёго, того горя, не перебрядешъ ёго!.. Нема у мене ни батька, ни ненькы... Одну душу ридну—и сердце мое може спочыло бъ... Нема ни брата, ни сестры! — Срашно, страшно! Одынь, одынь, якъ былынка на голимъ поля!

Усе́му мирови свить сонця надае надію, а мени воно нибы слипыть очи, гноить мою душу... Настане день Божий,—я ёго клену; а ничцю нужусь, чому не свита!.. Все у мене поломане, все пошматоване!.. (*Мовчыть. Довго стогне, дали зновз встае*). Огыдло, остогыдло мени мое жыття!.. Та не маю сылы вкоротаты соби выгу! А на вищо жыты? (*Задумався*). Охъ, нене жъ моя ридненька, на що ты мене породыла? Краще бъ було мене маненькымъ утопыты, зтруйты, нижъ маю я безъ спочывку страждаты!.. Куды жъ я теперь подинусь? до кого прыхылюсь?.. (*Замовкз*). Де я? Ни, це сонъ!.. Якъ це такъ сталося, що я прыхыльвися до благання мого ворога!.. Я у Семена у хаті? Ни, я сплю! Щобъ я бачывъ Одарку, бачывъ Семена, Ивана... и сердце мовчыть? Ни, я не сплю, я выираю!.. Боже, Боже мылый! (*Пада на вколюшкы*). Давно, давно я не молився Тоби; теперь хочу молытись Тоби, хочу благаты Тебе!.. безъ краю, безъ спочывку!.. Охъ, не вмю я, забувъ молытись! А мени такъ багато треба бла-

гаты! Чы вже у Тебе Мылосерднаго, щедраго,— бракуе за для мене й твоя частыны талану, що маю комашка маненька?.. На що жъ Ты прымушешъ мене зкорятись никчемній доли, прымушешъ вклонятись тому, хто видорвавъ у мене половыну серця? Чы вже жъ я ажъ надто мавъ того талану и занедбавъ ёго? Де жъ мій таланъ, Боже? Кому жъ Ты ёго, Боже, виддавъ? Де жъ Твоя сыла, мылосердний? Я ремствую, я нарыкаю на Тебе!.. За що жъ Ты одному даешъ долю за долею, а у мене усе одймаешъ?.. (*Довго плаче, дали зхоплюетця*). Не хочу, не хочу Тоби молятись! Я давно вже запродавъ душу свою дїяволу!..

Сатано пекельна, де жъ ты? Допомогай же мени швидче! Я за чуже щастя здыхаю, караюсь, иду въ домовыну! Не хочу я въ домовыну!.. Я хочу жыты не людськымъ, а пекельнымъ жыттямъ! (*Шука пидъ положж*). Тутъ я йи бачывъ, тутъ! Де вона?.. Нема!.. Темно!.. И ты, мисяцю, зрадывъ мени?!.. Де жъ ты, бурлацьке сонце, захмарылося? Свиты жъ, свиты, зрадныку, у останне,— а тамъ хочъ и на выки заховайся за хиары!.. (*Проминя на той часъ освичуе хату, Мыкыта побачывз пидъ положж сокрыру*). А, осьдечкы вона! Радій, помсто, лютой, серце! (*Пидкрадаетця до Семена*).

Семень (*кризь сонз*). Богъ зъ тобою Мыкыто!.. Братомъ риднымъ ты мени будешъ...

Мыкыта. „Братомъ!“ (*Сокрыра падае зъ его рукъ*). Свята, свята душе!.. (*Прожогомж кыдаетця до дверей, ухопывся за одвирокъ и мовз бы зомливз*). Боже, Боже Мылосердний!..

Иванъ (*прокынувся*). Хто це по хати ходыть? (*Засвичуе свичку*). Це ты, Мыкыто. (*Пидходе до его*). Що це зъ тобою подїялось!

Мыкыта (*хапае его за руку*). Цыть, Цыть!.. Не буды Семена... Братъ! чуеть,— братъ!.. Не буды жъ ёго!.. Споглянь на мене,— я вже мертвецъ... Зъяжы мене, задушы... я не пручатымусь... Чуеть, я вже мертвецъ!.. Пташка манесенька крыльцемъ мене зачепе злегенька и я звалюсь, якъ снпть... Бачышь онъ сокрыру? Визьми жъ йи, зотны мови голу, тилькы не кажи Семенови!.. (*Шепотючи*). Свята, свята душа!..

Иванъ. Мыкыто, Мыкыто, що це ты задумавъ? Чы вже жъ ты забувъ, що Богъ Мылосердний е на неби, Котрый усе це бачыть?

Мыкыта. Цыть, цыть!... Мовчы!.. не гомоны!... Молись скорше Господеви! Вниъ вчуе твою молитву и обернетця до твого благання!.. А я боюсь пидвесты очи!.. (*Прыпада до его грудей и важко дыха*). Одарко, Одарко!... На що ты такъ любо глянула мени въ вичи! Охъ, задавы жъ мене, Иване! Бачышь ондечкы сокрыру? Дывысь, якъ вона блещыть!.. Я одвертаю видъ неи пбглядъ, а вона ще дужче лыннытця передъ очима... Розумиешъ, куды мене нечыстый вивъ? Я звирь лютой, скажений!...

Иванъ. Вгамуй свое серце, бидолахо! Бачышь, Господь одвивъ тебе одъ грѣха! Молись жъ Ёму, Мылосердному!

Мыкыта. Не вмю я молятись! Не вмю и не насмю!...

Иванъ. На що людямъ показуваты свое горе, колы у нихъ и свого до пропасты. Якъ-бы зибратъ слёзы усихъ тавыхъ бидолахъ якъ мы зъ тобою, то можна бъ було увесь свить затопыты!... Ты не злодїй, не душогуб!...

Мыкыта (*вхопывз его за руку*). Мовчы, мовчы!... Дывысь, дывысь! Ондечкы нечыстый простяга до мене свои залызни пазури!... Перехресты мене! Заховай, заховай мене видъ ёго пекельнаго пбгладу!...

Иванъ. Тоби зновъ невить-що ввыжаецця!... Заспокойся!...

Мыкыта. Ходимъ, пора... Ходимъ туды мерщій!.. Туды, на кладовище, до батька, до неньки... Ондечки кладовище!.. А на батьковій и неньчиній могыли и хреста нема!... Бачышь? Треба попрощатись, поблагословитись въ далеку дорогу... Помру въ степу, ниhto не побачыть, ниhto не поплаче... Прощай село, колысь рядне! Прощайте, батькивська, неньчина могыла... Прощайте вси... Прощай, Одарко!... А ты чы згадаешъ колы бидолашнёго Мыкыту?... Охъ, якъ тяжко вымовыты у останне—прощай, Одарко!... Орлы розирвуть тило, выелюють очи, вырвуть зъ грудей сердце... А! нехай рвуть, шматують, не жаль мени свого сердца!...

Иванъ. Ты все лютуешъ?... Заспокойся! Все смерть передъ тобою маріе! Ты ще будешъ жыты...

Мыкыта. Ни вже... А хочетця жыты!.. (Лякаецця). Одійды, сатано! Геть!.. Бачышь, якъ очи его горять!...

Иванъ (у бикъ). Що це зъ нимъ вчынылося? (До ёго). Опамъятайся, Мыкыто!.. Горенько мени зъ тобою!...

Мыкыта (тремтячы). Проказуй молитву, а я за тобою промовлятьму!... Боже, Боже, Боже!.. (Хапаецця за груды и встает). Що це зо мною?... У мене у грудяхъ холоне!... У очахъ свить темніе!... Свиты, свиты, мисяцю-зрадныку! Я вырраты не хочу, не хочу!... Воды, хочъ рясочку воды!... Боже, не карай мене!.. (Иванъ виходыть). Вона, ондечки вона, Одарка!.. Ты, ты зоре моя!.. Ты прыйшла до мене? Ты вже не боишься мене?... Сюды... Руку, дай твою руку, до головы... О, якъ мени легко... Одарко, Одар... Од... (Помырае).

Иванъ (увійшовъ зъ кухлемъ). Бидный, сердешный страдныку! Боже, прыйми ёго гришну душу!... Семене, Одарко, вставайте!

Семенъ (вставъ). А що таке?

Одарка (побачыла доли Мыкыту).
Що це зъ нимъ?

Иванъ. Не здолавъ, сердега, свого горя!

Одарка (крыкнула). Померъ!...

(Зависа).

Написана въ 1863 році,
въ городи Бобринци.

НЕВОЛЬНИКЪ.

Драматични картины у 5-ты одинахъ.

Въ исправленномъ видѣ.

Перероблено зъ поэмы Т. Г. Шевченка: „Невольникъ“.

ЛЫЦЕДИИ:

Василь Коваль, старый залорожець.
Ярына, его дочка, молоде дивча.
Степанъ, годованецъ его, молодой парубокъ.
Оксана, дивчына сусида.
Недобытый, бандурыста.
Опара.
Голощукъ.
Недоризаний.

} Запорожци.

Покрышка.
Неплюй.
Подорожній.
Зачепа.
Джура.
Поводарь, хлопецъ.
Запорожци, невольники, селяне и турецьки янычары.

ДІЯ І.

Село у литку. Хаты мовъ завитчаны у садахъ; по ливу ручъ хата Ковала зъ высокимъ частоколомъ, а надъ воритьми башта зъ виконцемъ; била хаты лавка, покрита килимомъ; на лави сидятъ Коваль и Недобытый, а трохи даля, видъ деревомъ, стоить Степанъ засмучений.

Я В А І.

Коваль и Недобытый (*гра на бандури и достивуе дужу*).

Коваль. Эге!... То мабуть якъ не думай, якъ не маракуй, а треба буде... Шкода хлопчыны,—молоде, ще й у колдочки не вбылось, але жъ...

Недобытый. У поли, на воли скорійшь вылюдніе.

Коваль. Рокивъ бы зо-два подождаты, ну тоди!.. Такъ думка жъ шыба, щобъ часомъ и люде не почалы дорикаты, що няньчусь зъ нимъ, та выхобую.

Недобытый. А правда, правда! А що правда, то не грихъ—дорикатымутъ!

Коваль. И такъ шкода, и такъ невыгода!.. Якъ бы моя сыла, самъ бы пойихавъ за нимъ, самъ бы доглядивъ. Кортыть ще разъ помиратысь зъ бусурменомъ, ще разъ глянуты у вичи смерты,—а тамъ хочъ бы и въ домовину! Якъ гляну на молодого юнака, то сердце вогнемъ запала, а якъ зарже, якъ заграе кинь вороненькій, то, здаеця, выхромъ схопывся бъ на ёго, та й полетивъ, що й витеръ не догнавъ бы! Сказано жъ, колы бъ думка та сылою стала, то й море бъ перескочывъ; а нема сылы. то на що жъ думка молодіе? Який вже зъ мене козакъ? бильшь здався на стару бабу... За для чого жъ я живу на свити?

Заплывли мои молодны дита за синее море и въ горахъ-хвляхъ потоплы мою сылу, мою козацьку одвагу!.. Колысь цією рукою коня-невука обертавъ у лялечку, а татарву душывъ, мовъ бы кошеня!

Недовытый. А зъ мене якый теперъ козакъ? Слыл нема въ долони и на те, щобъ табаку до ладу ростерты; та й струны не слухаютъ, джыжчатъ, неваче джмели. Думка бъ ушкварыть веселон, а струны, буцимъ на злысть тоби, загудуть сумнои и розбуркають у старимъ сердцеви колышне лыхо, розвередать болячкы и дила колышни, дила давни, незабутни зрнуть наверхъ и плавають передъ очыма...

Коваль. Эге! И якъ не видганяешъ ти думы видъ себе, а вони стовбычатъ передъ тобою и колунають старый мѳозокъ. Згадаешъ мученикывъ праведныхъ, що зложыли свои буйны головы за виру Христову православну, поглянешъ навкруги себе на высоки могылы и заплачешъ гирко!...

Недовытый. Ну, мени часъ рушаты. Прощавай, Василю, зоставайся здоровъ! А за хлопця не забувай мою порады.

Коваль. Ходы здоровъ! За пораду спасыби, не забуду. (*Недобытый пишовз*). Що жъ тутъ вже думаты, колы часъ прыспивъ! Степане, а йды сюды! Чого ты такый, мовъ изъ за вугла мяшкомъ прыбытый?.. Хворый, чы що?.. Сидай лышень отуть, била мене. (*Степанъ сида*). Дывысь бо веселишь, сынку, та слухай, а я тоби де-що роскажу таке, чого може тоби и у княжци не доведетця побачыть. Бачышь, сыну, генъ—ту мыгылу, що ледве-ледве сывіе?

Степанъ. Бачу, таточку.

Коваль (*глянувъ на ёго*). Та що це, хай Богъ боронить, зъ тобою, ты ледве не плачешъ?

Степанъ. Такъ, щось голова болыть...

Коваль. Эге! Ну, то на отій самій могылы колысь-то, йдучы зъ Молдави на Подолію, оташувався зъ своимъ вѳскомъ преславный гетьманъ Иванъ Пидкова. Лядьски посланци прыйшли до ёго и стали прохаты, щобъ винъ ййхавъ до нихъ меду-вына пыты; винъ, не вважачы на благанна своего вѳска, згѳдывся и пойхавъ; якъ пойхавъ, то вже й не вернувся зъ Варшавы: замистъ меду лыхы напоили его кровію, зотнули ёму, сердешному, голову—та й зотнули соби на погыбель: задалы запорожци такого йимъ чосу, такъ залылы за шкуру сала, що й доси длубаютця... хе, хе, хе!.. Завзяти чубати! Отакъ йимъ и треба, щобъ не ламалы прысягы, бо разъ давшы прысягу передъ Господомъ Мылосерднймъ, передъ Его святымъ хрестомъ,—крышысь, держи іи и въ домовыну несы іи зъ своимы кисткамы. Чы такъ, сынку? Та ты, бачу, мене й не слухаешъ?

Степанъ. Не здужаю я, тату: чого-сь мени млосно.. Пиду я, похожу по садочку, може полегша.

Коваль. Пиды, сыну! (*Тыхо*). Мабуть догадався, мабуть вже сердце вишуче!.. Охъ, диты, диты, рожевыи квыты!

Степанъ (*самъ зъ собою*). Батько замыслывся. Охъ, чые мое сердце, що не довго вже мени гуляты... Не даромъ батько що-дня оглядае та прымиряе зброю, та буланого муштруе... (*Пишовз*).

Коваль. И чого та татарва зновъ заворушылася? Зновъ забажалось погодуваты своимъ трупомъ вовкывъ-сироманцивъ, зновъ зкортило довидатись, чы не пощербылись ще шабли запорожеськы? А хотилося бъ мени на спомынъ души зъ десятокъ ще бусурменського падла послать Луцыперови на свидання!... А зъ Степана буде козакъ завзятый, чые мое сердце, що буде! Не разъ подякуе Сичъ-маты старому Ковалеви, що выгодувавъ и выпестувавъ такого молодця... Якъ не круты,

якъ не верты, — а не вдержышь дома, не выховаешъ. Зробымо, мабуть, такъ, що нехай рокивъ зо-два по свиту погуля, спизна, по чимъ кившь лыха, та своен доли пошука, якъ я колысь шукавъ, а тамъ, якъ повернетця здоровъ, то й нехай... Самъ складе цину козацькій воли и козацькій голови. Эге, такъ воно й буде... Ярыво!

Я В А ІІ.

Ти жъ и Ярына.

Ярына (*выходытъ изъ саду*). Вы мене клыкалы таточку?

Коваль. Та клыкавъ же... А де Степанъ?...

Ярына. А онъ де, пидъ тыномъ, не наче вкопаний стоить.

Коваль. Эге! А я байдуже, не бачу. Отаки-то стари очи, — колысь то у темну ничъ за гоны було пизнаю чоловіка, а теперь... А йдить, лышень, диткы, сюды, та йдить обое. Господь Мылосердныи пославъ намъ празничокъ, — не грихъ и повеселытсь, а то вы щось обойко блукаете мовъ непрыкаяни. А ну жъ, ушкварте, диточки, якои, звеселить мене, розворушить старечи кости. А ну жъ! (*Винз грае на бандури и тупцюе ногамы. Ярына и Степанъ танцюють, старый пидспивуе*).

Якъ бы мени лыха та лыха,
Якъ бы мени свекривонька тыха,
Якъ бы мени чоловікъ молодой,
До другои й не ходывъ, не любывъ.
Ой гоць чыкы-чыкы!
Та червони черевыкы,
Та тройисти музыкы...
Одъ вику до вику
Я любила бъ чоловіка.
Ой, гоць, заходывсь,
Зробывъ хату, оженывсь,
И ничъ затошывъ,
И вечерять наварывъ!...

(*Говорытъ*). А нуте, диткы, отавои! (*Хутко скочывъ и пишовъ прысти-вуючы*).

Ой, чы такъ, чы не такъ,
Уродывся постернакъ;
А петрушку крышы въ юшку —
Буде смакъ, буде смакъ.
Ой, такъ, такы такъ, —
Оженывся козакъ,
Кынувъ хату и кимнату
Та й потягъ у байракъ.

Э, шкода й зѣмаху! (*Сидает*). Горе тій оренди зъ поганимъ жыдомъ! Не та вже моя сыла, зовсимъ розкысь... втомывся... А все це вы, мене, старого розворушылы. О, бодай васъ! Шкода, не туды вже й ноги стоять, танцюють мерщій до лавы!.. Мабуть, за такы танци ныхто тютюну не дасть и на понюхъ, не то що на люльку; а колысь-то було самъ гетьманъ по таляру дававъ за одне колино. А теперь зовсимъ не доладу!... Думка танцюе й скаче, а ноги ледве волочуть, наначе тоби якый бисъ прычепывся зѣду та й гне до земли. Охъ, охъ, охъ! Литя моя, сыло моя, — де вы подивалыся? (*Сизъ*). Ну, пиды жъ ты, доню, до господы, та злагодъ що небудь пополуднуваты, — гуляючы, якъ-то кажуть, шматокъ хлиба зъйисты! Иды жъ, Ярыво, иды!.. (*Ярына пишла*). А ты, сынку, ходы сюды, сидай лышень тутъ, била мене. (*Степанъ сидает*). Слухай, сынку, сюды, що я тоби казатыму, слухай та не пропускай а ни жодного словечка! Якъ убылы твого батька Ивана въ Шляхетчныи, то ты ще бувъ тоди мапесенькымъ, Степане...

Степанъ (*здывувався*). Такъ я... я не сынъ? чужный вамъ, тату?

Коваль. Та не чужный бо, ни! Стривай, не забигай напередъ, а слухай готового. Отъ, померла й маты такы твоя...

Степанъ. Такъ я зовсимъ чужный вамъ?

Коваль. Якый бо ты нетерплячый! Ты слухай, та не хапайся попередь батька въ пекло! Ото, кажу, померла й твоя маты; а й кажу покійній Марыни, мойй жинци, а що, кажу, возьмео за дытну? тебе бь оде... Чого жь ты такъ засмутився?

Степанъ (*зв смуткомъ*). Чужый, сирота!... О, чомъ же я першъ цѣго не знавъ?...

Коваль. Бо тоби до цѣго часу и не слидъ було знаты. Слухай же дальше та не сумуй. Я, сынку, все бачу, бачу добре, де твои литають думкы и куды наляга твое сердце, я все бачу, дарма що стари очи... Добре, каже покійна Марына, чому не взять!.. взяли мы тебе, та й спарували зь Ярыночкою до купы...

Степанъ (*схотывши голову у руки*). О! Боже мій! Я жь цѣго не знавъ, я жь цѣго не гадавъ!..

Коваль. Теперъ же, сынку, ось що зробымо. Ты вже на лити, тоби лыбонь рокывъ зь двадцать два, колы й не бильшъ, и Ярына зрѣ,—йй вже поверта на высьнадцятый; треба буде людей шукаты, та де-що дѣяты... Якъ ты скажешъ, сынку?

Степанъ. Не знаю, не вмю зрозумиты... Я думавъ, що Ярына...

Коваль. Сестра тоби? Ажъ воно, бачъ, зовсямъ не те... Що жь, я не бороню: любитеся соби, та й зь Богомъ до шлюбу. Але жь, що ты бачывъ, що ты знаешъ жывучы отуть? Рисъ якъ у Бога за дверыма, тилько й лыха було, що якъ ще вчывся у бурси, то може ивколы доводилось сконштуваты березовой каши. Такъ за для того, сынку й треба буде грохы по свиту поблукаты, козацького жупана провитрыты, та й шаблю погострыты, щобъ не заржавыла и щобъ ты запевне знавъ, що не тилькы свита, що у вякни. Треба подывытысь на чужи люде, яки вони и якъ жывуть,—чы орють, чы

не на ороному сїють, а просто жнуть и немолочене віють. Годытця й те знаты, якъ тамъ мелють,—чы языкомъ, чы каменемъ та й йидять,—чы ложкамы, чы жменямы? Чого жь такъ замыслывся, мій друже, ты жь лыбонь козацького роду?.. чы може у твоихъ жылахъ тече вода, а у сердцеви, замисць козачої одвагы, заяча хвабрысть? У кого жь ты такый никчемный удався?

Степанъ (*стрепенувся*). Ни, я роду козацького и одвага у мойй души живе и розцвитае, а несподивана розлука зворушыла мое сердце, збаламутила мою кровь!.. Охъ, важко мени! (*Закрыва лыце руками*).

Коваль. Такъ треба въ люде на рикъ, на два питы, а тамъ вже побачымо, що дали буде. Той не вмытымо й пожыть, котрый не зугаренъ заробыть. Ну, то якъ же ты думаешъ, небоже?

Степанъ. Знаю, тату, що треба. И бороны мене, Боже, жыхатыся козацького дила! Давно вже кортыть мени помиратысь сылю зь бусурменомъ, зогриты сердце одвагою!.. Давно вже мои мрїи литають на степу и воюють зь ворогомъ лютымъ!.. Одно тяжко,—що васъ покынуты мұшу...

Коваль. Може не такъ жаль за мною, якъ... Не думай объ цимъ, сынку! Господь поможе и усе буде гараздъ!.. Ну, такъ якъ же, га? Зь Богомъ у дорогу? И колы кортыть тебе за певне знаты, де краще лыхомъ торгуваты,—иды ты у Сичъ: тамъ найисенся усихъ хлибывъ... Поповивъ и я ихъ за свій выкъ чымало — и досы нудно, якъ згадаю! Колы здобудешъ,—прынесешъ, а колы загубышъ,—пожывешъ мое добро!

Степанъ. Такъ, таточку... А сердце кровью облываеця!..

Коваль. Не потурай сердцеви, скораяй ёго рѣзумови; а видъ смерты не заховаеця и въ пичи не заслонисся, та й не

такий страшный чортъ, якъ ёго малюють. У Сичи набересся й розуму, навчыся козацького звичаю и молодецького хысту. Споглянь на себе, якый зъ тебе юнакъ? Ни у постати, ни въ очахъ—ни удали, ни одвагы, лице дивчаче, очи дытнячи,—ажъ соромъ дивытись! А пройды вулицю, чы застогне пидъ тобою земля? а скынь на дивчыну такимъ поглядомъ, щобъ усмихнулася чорнобрыва, та такъ усмихнулася. щобъ сердце ия замлило?.. Шкода! якый зъ тебе козакъ?..

Степанъ. Охъ, не зносыты мени моєи буйной головы!

Коваль. Одна голова на плечахъ, то й шануй ия. А тамъ, сыну, побачышь свита, та не такого, якъ у бурси, а живе „мыслыте“ прочитаешъ зъ товариствомъ... Тамъ навчыся й Богу молытись по молодечи, а не по чернечи харамаркаты!

Степанъ (*стрепенувся*). Серце вогнемъ запалало, душа просытця на волю, думкы витерь спережають! Выряжайте мене, тату, не гайте!..

Коваль. Отакъ зробимо, мій сыночку: помолывшысь Богу, осидлаешъ буланого, та й гайда въ дорогу. А й кинь же, кинь,— якъ змій, зо дна моря вынесе! Та що це й досы не дають полуднувати, Ярыно! чы злагодыла ты вже тамъ що небудь? Такъ отакъ, сынку!

Я В А III.

Ти жъ и Ярына (*вона выйшла ранишъ, учувшы розмову, ухотылась за одвирокъ и мовъ зомлила*).

Ярына (*ледве промовляе*). Уже, таточку! осьдечкы усе готово. Йижте на здоровьячко! (*Коваль йистъ, Степанъ засумовався*).

Коваль. Эге, яки смачни, вареныкы—самы у ротъ лизуть! Степане, ты жъ чому не йисы? (*Степанъ бере порожню ложку*).

Отакъ, порожню ложку у ротъ кладешъ?.. (*Сміється*).

Ярына (*дивлячысь на Степана*). Таточку, винь такы не здужае! Братыку, соколе мій! скажы, що въ тебе болыть? (*Степанъ похылышы голову мовчыть*).

Коваль (*самъ соби*). Чы жать, чы не жать,— а сяты треба!

Ярына. Степаночку, промовъ же хочъ одно словечко!

Коваль (*самъ соби*). А хто жъ поже тій жыва, що мы засивалы?

Ярына. О, Боже жъ мій! Що жъ це зъ тобою, Степаночку, подіялось? Таточку, чымъ вы ёго розгнивалы?

Коваль (*мовъ не чуе*). Отеперъ неначе трохи й пидершыньсь! Ну, колы йисты, то йисты, бо ничого гаятись! Спасыби тобі, доню, за полудень. Пиду жъ я оце до вечерни, може зъ кымъ зустринуся та порадюсь... А ты, Степане, ляжешъ спаты, щобъ до зори встаты, та коня сидлаты. (*Выйшовъ*).

Я В А IV.

Степанъ и Ярына.

Ярына. До зори коня сидлаты!.. Куды жъ то? Братыку, голубчыку, Степаночку! чого бо ты плачешъ? Глянь же на мене, на твою лжбу сестрычку! Усмихнися! Бачъ якый, не дивытця. Не любышь ты мене? Йй Богу, я заплачу. (*Плаче*). Богъ-зна за вищо розгнивався, та й зо мною не гово́рышь. Хочешъ, я тобі заспиваю ту писеньку, що ты найбыльшь любышь? (*Прыгорнула до ёго и спива*).

Ой, одбыла одъ берега
Щука рыба ряску,
Потеряла дивчынюкы
Козакову ласку.

А я тую дрибну ряску
Та зберу въ запаску,—
Такъ жь тому козакови
Пидійду пидъ ласку...

И песни не хочешъ слухаты?.. Ну, стривай же,—колы ты такый, то я утечу видь тебе! ий Богу утечу, та й сховаюсь у бурьяни,— вже тоди хочь гукай — не гукай, не докльчеса. А що, злякавсь? Ни, ни, я не втечу, я сяду биля тебе... (*Знову сида*). Ты справды може нежду-жаешь? Я зилля достаю, за бабою збигаю, колы хочешъ,— може це зь прыстриту?

Степанъ. Ни, сестрыце моя, ни яке зилля не загобить мого горя!..

Ярына. Горя? Яке жь тамъ горе?

Степанъ. Негадане й несподиване! Не вже ты не чула, що батько сказавъ? Я до сѣго часу... я думавъ, що мы... Не дивыся жь, не дивысь такъ, любо, на мене, не тудьсь до мого сердца, бо я не братъ твій!..

Ярына. Господь зь тобою! що це ты кажешъ?

Степанъ. Не братъ я,—я чужый тоби, я круглый сирота! Такъ заразы сказавъ отець!

Ярына (*дыветця*). Що винъ таке говоритъ? Хочь бы татко швидче вернулись... Що мени у свити Божему робиты?

Степанъ. Не обіймай же мене, не голубь мене! не сестра ты мени. Я чужый, зовсимъ чужый!

Ярына. Та схаменься бо! Годи бо тоби пустувати! Чы не гряхъ же тоби такъ муццатися надо мною? Ты морочышь мене; тоби жарты, а въ мене сердце розриваетця... Бачь, я плачу!..

Степанъ. Не плачь, моя зирочка, не завдавай ще бильшь жалю моему сердци, дивысь мени въ вичи: не жартую я, а щирую правду тоби кажу, що сказавъ мени зразь твій отець, що я годова-

нець, я сирота!.. Завтра я покину васъ и пойду далеко, далеко!..

Ярына. Степаночку, безъ тебе й мене не стане на свити! Я умру зь жалю за тобою! Охъ, чомъ же я першь не знала, що я не сестра твоя! Не любила бь тебе, не цилувала!.. Охъ, який соромъ! Не обіймай мене! Пусты мене! Бачь який ты добрый! Пусты мене, бо ий Богу заплачу! (*Притуляетця до ёго груди*). Боже, Боже!.. Я жь не знала!.. Я жь не знала!..

Степанъ. Ярыно! любо моя, квичотка моя, зоре моя! такъ ты и теперь мене любишь, хочь я й чужый тоби? О, який же я щасливый! Глянь же, глянь на мене своими оченятками карыми! Ты й теперь мене любишь? О, мои любими оченята!..

Ярына (*плачуць*). Та згаснуть вовы видь дрибненькыхъ слизь, потухнуть видь тяжкого смутку: покинешь мене, братику, суженый мій, дружно моя, покинешь одну однисеньку, якъ квичотку на голимъ поли!..

Степанъ. Годи жь, годи жь плакаты, мое серденько! Не вмю тоби вымовиты, якъ тяжко мени розризнытись зь тобою!..

Ярына. Може й забудешъ мене, Степаночку, на чужый стороны знайдешъ соби кращу!.. О, чомъ же я давнишь не знала своего горя,—не любила бь тебе, не цилувала бь, жахалась бы тебе!.. О, сердце мое, бидне сердце!.. (*За слезамы не може говориты*).

Степанъ. Не забуду тебе, моя зоре, докы свить сонця!.. не забуду, докы й не перестане бытись сердце у моихъ грудяхъ!.. Не хочу й не зможу я тебе забуты! Ты будешъ моею одвагою, моею молитвою, моимъ супокоемъ, моею надією! И колы я хочь на хвильну выкину тебе изъ сердца,— хай перша куля ёго пробь!.. Молысь за мене, моя ты зоре!..

Ярына. Буду молюсь, мій голубе, щиро буду молюсь!.. (*Обнялись и заговкли*).

Я В А V.

Ти жъ и Коваль.

Коваль (*самъ зъ собою балака*). Уси у одиный голосъ радять выряжати Степана,—вже такъ воно й повинно бути. Я тилько боявся, щобъ не вражало люде, що, мовлявъ, якъ бы свій ридный бувъ сынъ, то не хапався бъ выпыхати такъ хутко!.. (*Зупинився*). Отаки-то мои молодята, вже й послули! (*Зитхнувши*). Усе мынетця, усе забудетця: и горе, й радисть, и усяка прыгода; тилько щире вохання, якъ та искра, тлитиме у серци до вику й по всякъ часъ будытиме ёго и зворушатыме. (*Пидійшовъ до Степана и Ярыны*). А ну, диточки, пора й у господу,—на двори смерка, а нич коротенька! (*Степанъ и Ярына раптово схопылись*). Що жъ, набалакались у волю? Бачу, бачу, що у васъ одно серце й одна думка! Жалко мени васъ розлучаты, ще й якъ жалко,—але й те скажу, дитки мои, що я й самъ гараздъ не знаю, кого

бильшь люблю: чы васъ мои голубьята, чы Вкраину? Та хочъ бы й васъ бильшь любивъ, такъ хйба не грихъ великый ламаты намъ звычай батькывъ нашихъ? Йидь, сынку, на рикъ, або й на два, у Сичъ, скоштуй гиркди и своєю одвагою нагадай бусурменамъ своего батька, жвавого козака, щобъ ёго душа на неби звеселылась, щобъ кисточкамъ ёго легше було лежаты въ сырий земли; и я, якъ почуву, що про тебе йтиме добра слава, то й мени полегша! А Ярына твоя на вики. На возьми и!

Степанъ и Ярына. Таточку ридный, благословить насъ! Молите Господа Мылосердного, щобъ винъ допомигъ намъ одружытиса й буты втихою и обороною вашой старосты!

Коваль (*пидійма руки*). Боже Праведный, Боже Сильный!.. Обережи моихъ дитокъ одъ болисты, одъ лютого ворога, спаси ихъ, Мылосердный, и помылуй! Сюды, дитки мои, до моего серця! (*Обійма ихъ*). Боже, зглянься на мене старого! (*Плаче*).

«Зависа».

Д І Я І І.

Обстановка та жъ сама, що и въ первый дин. Свитае. За лаштунками чуты спивъ Ярыны и Степана.

Я В А I.

Коваль (*выкисы сидло и зброю, кладе усе до долу, бере шаблю у руку*). Шабле моя, гострая! Ты щиро мени служыла, послужы жъ такъ щиро молодий ще сыли! (*Выйма зъ пиховъ*). Багато ты зотнула бусурменскихъ головъ, а ще й досы не пощербылася, ще й досы гостра та блескуча! А я вже давно заржавивъ и пощербывся, мовъ той никчем-

ный гёрщывъ... Не пронесусь вже и зъ тобою, шабле моя, орломъ гордымъ, ирудкымъ соколомъ, буйнымъ витромъ; другой тобою орудуватеме, другому ты станешъ сестрыцею-втишныцею!.. Ты ке будешъ блещаты и вылыскуватиса страшенно передъ очима бусурмена,—а я... я вже скоро ляжу у сырую землю гылою колодою. Ты була мени щырымъ товаришомъ и побратымомъ, теперъ покидаешъ мене одынокымъ сыротою.. Про-

щай, прощай на вики вични! (*Плаче й цилує шаблю*). Сиделечко орихове! Багато рокивъ ты носило мене, багато коней зминылося пидъ тобою! Не разъ и не два облывавъ я тебе дрибненькими слизоньками, не одну ничку ты выслушувало мои тяжкы думы, не одну краплю горячої кровы ты выпыло зъ моихъ рань!.. Придетця ще тобі, та й не разъ, упытися теплою молодою кровію, обмытися молодими козацькими слизоньками гарячими, ще й не разъ, не два, учадіешъ, выслушаючи тяжкы думы! Рушныце моя гавивныце! Стара вже й ты, дуже стара! Похряпано тебе й понивечено лядськими шаблями та бусурменськими ятаганамы! Стрылай же митко, улучай хвацько, у самисеньке серце, щобъ ворогъ якъ снипъ валывся! Я звидциль серцемъ буду чуты, якъ ты гриматымешъ страшенно, серцемъ бачытиму, якъ ты нызатымешъ ворогивъ! Прощайте, мои вирны товариши, мои единыи другы! Пыстоли мои смертельныи! Зъ вами найважче мени розризнятыся! Дывлючыся на васъ, згадую я колышню давнину и воскресие передъ моими очыма колышние незабутне!.. Далеко, далеко я васъ здобувъ,—за моремъ за синимъ, еуды вже воронъ косты мою не занесе!.. (*Задумуетця*).

Я В А II.

Степанъ веде коня, поручъ зъ нимъ иде Ярына.

Ярына. Охъ, Степаночку! дывись, ондечкы татко вже й збрюу вынисъ! Охъ, скоро жъ, скоро, мій голубе, мы попрощаемось зъ тобою!

Коваль (*побачившы йихъ*). Гай, гай, якъ вы барытеся диты! Пора—вже й сонечко скоро зійде. (*Степанъ пидводе коня, Коваль ёго сидлае*). Пиды жъ, сыну, у комору, скынь свытну та надинь одежу,—жуцанъ и все якъ слидъ.

Тамъ визмешъ, я заготовывъ, и саквы зъ хлибомъ та зъ сорочкымы. (*Степанъ пишовъ*). А ты Ярыно, пиды здіймы зъ божныци срибный образокъ. Ёго колысь подарувавъ мени старый чернецъ у Кыиви... Пиды й принеси, доню, ёго сюды. (*Ярына пишла*). Що, буланый, чы чуешъ ты далеку дорогу? Ачъ якъ выкохався, мовъ обточенный! (*Надыва на его узду*). Постривай, потончаешъ! Мынулася твоя роскишъ-воля! Повезешъ свого пана, та вже не на полювання, не до сусидивъ пывамеду пыты, а повезешъ ёго у Сичъ... А я,—я вже николы не уздрю тебе, Сичматы! (*Усмихаецця*). Ачъ якый гарный у зброи,—хочъ бы й пидъ кошового, то не соромъ!

Я В А III.

Ты жъ и Степанъ.

Степанъ (*выходытъ у козацькій одежи*). Стривайте, тату, я самъ коня пидпопружу! (*Сидла коня*).

Коваль. Воно, сынку, такъ и годытця. (*Выходытъ Ярына*). А ты, донку, подавай ёму збрюу.

Ярына (*плачучы дае шаблю*). Рубай, мій соколе, лютыхъ ворогивъ, бороны виру Хрыстову! (*Надыва на его шаблю*).

Степанъ (*здержуе слезы*). Буду, моя зоре, борониты, не обезславлю козацького роду.

Ярына (*дае рушныцю й пыстоли*). Стрылай митко, смертельно, та вертайсь швыдче до своєї мылой!..

Степанъ. Вернусь, моя галочко, зо дня моря прылну до тебе, моя зоре!

Коваль. Бравный козаць, ажъ серце радуецця! Эхъ, колы бъ моя сыла!.. Хочъ бы мени якъ небудь доплентатыся до Сичы,—я бъ тамъ хочъ коней бы пасъ, або що... (*Плаче*). Та не плачь, сынку! не годытця! Годи, Ярыно, сумуваты,

пора мылого въ дорогу споряжати! (*Бере у неї образокъ и благословляе нымъ Степана*). Нехай хранишь тебе цей образокъ Почаивської Вожої Матери видъ болисты, видъ кули вражои, видъ замривъ лхого чоловіка! (*Надива Степанови на шыю*). А теперь прощай, мій сыночку! (*Цилуе его въ голову*). Не барыся, та швыдче повертайся. Ну, пора, бо ось-ось незабаромъ и товариство зберетця на выгонъ...

Степанъ (*обійма Ярыну*). Прощай, моя любя сужена! прощай, моя квичочка, зирочка моя!

Ярына (*рыдаючи*). Тату, тату!.. О, якъ важко розлучатися зъ мылымъ!..

Коваль. Годи, годи, донечко! Прощай же, сыночку, ще разъ! (*Степанъ, уклонившысь старому до нигъ, сивъ на коня*). А ты, Ярыно, визьми коня за поводы, та й выведи за двирь. Гляды жъ, сынку, живы правдою, ни передъ кымъ не роспадайся! та й никому не шкоди; дурной порады не слухай, а доброй не бери, не подякувавшы. Не витрусюй кешени по дурному, а зайвымъ шелягомъ подилысь зъ бидолахою; видъ кули не ховайся, бо сьризь вона тебе знайде; дивысь смерты прямо у вичы. Шануй старшину, почитуй старшихъ видъ себе, зъ товариствомъ поведься зъ повагою и живы у добрый злагоди. Прихавши на Сичъ, уклонись кошовому видъ старого Коваля, а оцей кашпукъ виддай

на церкву Божу, щобъ помолылись тамъ, у Сичы, за мою гришну душу... Горилку пий, та розуму не пропывай. Памъятай, сынку, що якъ сядешъ на коня, то памъятай Бога, а слизшы зъ коня, не забувай за коня! Шануватьмешъ ёго и годуватьмешъ, — то й винъ тоби вирно служытyme. Та не давай никому другому ни розсидлуваты, ни начуваты и привчай ёго до себе пбсвыстожъ! (*За лаштунками козацька писня*).

Ярына (*плаче*). Хто йтyme, або йхатyme, — передай звисточку хочъ на словахъ, хочъ на папери! Коню мій любый, коню буланенький! кохай мого мылого, шануй ёго!.. Прощай Степаночку, мій любый, мій орле сызокрылый! (*Рыдаючи пада до груди баткьови*).

Степанъ (*нызько кланяетця*). Прощайте, тату, прощай, моя зирочка! (*Швыдко одбійизжа*).

Коваль. Богъ тоби на помичъ, моя дитыно! Годи, Ярынонько, годи! Подывьсь, якъ полетивъ, — якъ стрилка зъ лука, ажъ сердце радуетця!

Ярына (*крычыть*). Степане!.. орле мій!.. Дывитця, таточку, оглянувся... махнувъ шапкою!.. Щось балака!.. Не чую!.. не чую!.. Все дальшъ, все дальшъ... вже ледве маначыть... Шапка червоніе... Потонувъ... зновъ зъявився... Зныкъ!.. (*Зомлила пада*).

(Зависа).

Д І Я ІІІ.

ЧЕРЕЗЪ РИКЪ.

Сьризь розпязты наметы. Подекуды горять костры; побиля костривъ лежать запорожци, инчы курать люльки, други лагодять зброю, бильшь лежать передъ вогнемъ.

Я В А І.

Опара, Кукса, Неплюй и други запорожци.

Опара. Сёгодня чымало недоличымось своихъ!..

Кукса. Тыбы певно и въ пивсотни не вберешъ.

Опара. А отаманъ молодець, довго не здавався, — чоловіка зъ десятокъ положывъ, докы й самого не протенулы.

Кукса. Завзятий бувъ козарлюга, вичный ему покой! Ну, та я такъ думаю, що й цей не дасть у кашу наплювати, дарма що молодой!

Опара. Молодой, та зъ старую головою. Выгодувавъ старый Коваль юнака козакамъ на втиху, а ворогамъ на погыбель!

Кукса. Запсуе не одинъ десятокъ голмозныхъ таракуцекъ!

Неплюй. Я сегодня зъ нимъ поручъ рубався. О, завзятий! Очи горять такъ страшенно, ажъ нибы пашыть видъ нихъ; зубы стиснувь, та такъ и сиче, такъ и руба, якъ дрова! Буде бравый вояка, якъ що не зледаше.

Кукса. А, ходимъ, братця, якъ хто охочий, та подывимось, якъ тамъ старшина бенъкетуе?

Опара. Кортить промочити горлянку?

Кукса. Во пересохла вже. А тоби бъ то й байдуже?

Опара Чого байдуже? Я пью докы пьетця. Сказано „пий, докы пьетця, лий, докы льетця“.

Неплюй. Який тамъ бенъкетъ? Може по коряку смыкнули!.. Не бійсь, цей отаманъ не въ покойного: якъ тильки ёго выголосылы, то заразъ наказъ давъ, щобъ пьяного ёго око не бачыло! Це Опари не на руку ковинька: коштуватыме ёго спына не разъ бычивъ!

Опара. Чья спына до чого здатня: моя до бычивъ, а твоя до того, щобъ чорты на ній гопкы были!

Неплюй. Молодець, ий Богу молодець! Не довго длубався въ кешени, докы найшовъ слово.

Опара. У мене кешени плодуча: не всию вынять слово—якъ вже у ній выдупытця новыхъ два!

Неплюй. Ай молодець, хвалю! А хочете, братця, я вамъ роскажу, яке мене колысь лыхо спыткало?

Опара. А ну-ну, выгадай що небудь! Та тильки цуръ,—колы брехать, то брехать до ладу, а то й слухаты не хочу.

Неплюй. Ни, я вамъ правду роскажу.

Опара. Чуете, братця,—и витерь не наче ставъ прытыхаты,—мабуть хоче послухаты тией правды, що брехнею зветця...

Запорожци. Та ну бо, не перебаранчай: хай хочъ и бреше,—хыба тоби якъ? (До Неплюя). Брешы, брешы!

Неплюй. Давно це було,—ще якъ я живъ на сели, та чумакувавъ зъ своимъ дидомъ, а мого батька тоди ще не було на свити...

Запорожци. Отъ чортивъ сынъ выгадавъ!

Неплюй. Ото справылы мы дванадцять возивъ, та накупылы дванадцять паръ воливъ, ще й дванадцять батогиивъ,—спорадылы настоящу чумачку. Пойихалы мы на Динь по рыбу. Тоди шляхивъ ще не було, такъ мы майнулы мавивцями, навпростецъ, черезъ лисы та черезъ боры, черезъ Туретчыну та черезъ Шляхетчыну. Прийихалы на Динь, ажъ рыбы нема,—самисыньки раки! И—лышенько! Що тутъ вдяты? Сталы мы радытысь; я й кажу дидови: накупымо хочъ ракиивъ, бо якъ же такы, кажу, порожнемъ вертатысь? „Добре, каже, сынашу!“ И накупылы мы тихъ ракиивъ ажъ тры макитры й чотыри пляшкы, набралы повни ущертъ ящкы, затынулы затычками та й пойихалы. Йидемо день, йидемо й другий, ажъ третёго дня прыйиздымъ до поромá. Поромышкы за переправу заломылы таку цину, що й раки не варты того. А мий дидъ дуже розумный бувъ—бо бувавъ такы у бувальцяхъ! Заразъ ударивъ себе келепомъ по лоби, ажъ гугля ёму выскочила мижъ очыма, завбыльшкы зъ кулакъ. Дило жъ, братця, таке голывне, що треба було помиркуваты. Ото, кажу, якъ почавъ мий дидъ думаты, якъ почавъ думаты,—а

думкы ти такъ и сѣдають ёму на лоби, якъ чырякы! Та думавъ винъ лѣбонь зъ тыждень, а дали й каже: „Ось що мы зробимо: возы на цимъ боци продамо, а воливъ и ракивъ переженемо уплынь“. Якъ сказавъ мени це дидусь,—такъ я зъ радошчывъ ажъ затанцювавъ и такого гоцака угривъ, що ажъ потылицы пятамы доставъ! Заразъ продали возы, а воливъ та ракивъ погналы уплынь. Во-лы жъ поплылы, а раки пирнулы. „Ничого, каже дидъ,—воны на тимъ боци выринуть“. Ото, переплылы мы ричку, та й посадалы на бѣрези,—ждаты тихъ ракивъ... Сыдымъ до сніданеу—нема; вже й обидня пора—нема; стало сонечко звертаты на полудень, дали й на спочывокъ,—а нашыхъ ракивъ нема та й нема!.. Ажъ це мій дидъ зъ бпалу якъ закрычыть, якъ затупотыть! „Сякій та-кий, прыскався до мене,—нехай вже я думавъ та голову морочывъ,—ты жъ, каже, бисивъ сыну, байдaky бывъ; и чы вже жъ такы не можна було догадатсь, щобъ поналыгуваты тихъ гемоньскыхъ ракивъ?“ Эге, одказую,—теперь я й самъ бачу, що треба було!.. Мудрый ляхъ, кажу, по шкоди,—якъ коня вералы, то винъ тоди й станю заперъ!.. Ну, ничого робыты,—повставалы мы, занялы воливъ, взяли торбынкы на плечи та й потяглы. А тутъ ще мени прытычына трапылась, певно щось наврдыло, бо вже жъ не даромъ сказано, що якъ пиде на лыхо тоби, то беда до биды такъ и лыпне, якъ репьяхъ до кожуха! Такъ, кажу, беда сталася,—зовсимъ пидбывся, такъ що не могу йты. Сивъ я на шляху та й плачу. Тутъ, спасыби, дидусь ставъ мени въ велькый прыгоди. „Дурню, каже,—не знаешъ що робыты?визьмы ногы на плечи!“ Тю! кажу,—я й не догадався! Якъ схоплюсь я, та себе за ногы!.. Скинувъ ихъ на плечи—и заразъ мени полегшало! Довго ще мы йшлы,

ажъ гулькь!—пыходымо до дому. А тутъ Богъ намъ давъ радисть: батькомій на свить народывся. И такый бравый хлопчына, та такый балакучый... Надила маты на ёго сорочечку, штанцы; выбигъ винъ намъ на зўстричъ, поцилувавъ диду у руку, а мене якъ ухапывъ за чуба, якъ почавъ быты, якъ почавъ мяшкурить! Звисно, батько,—то вже й зна свое дило, я вже ёму мовчу—одно черезъ те що батько, а вдруге и видъ радошчывъ, що винъ на свить народывся!.. Добре тому, братця, у кого хочъ пизно, та народытця батько; бо першъ якомсь ажъ чудно було: йдешъ вулицею,—а люде й пытають: „а де жъ, парубче, твій батько?“ Теперь вже усе село узнало, що й у мене е батько,—хочъ винъ и писля мене народывся, та все жъ такы е! Ото, кажу, прыйшли мы до своего двору, ажъ дывымось—двиръ нашъ такый велькый та просторый ставъ, а ворота такы, шырочени, що скилько бъ возивъ пбручъ не йихало, то не зачепылыся бъ... Увійшли мы зъ хату,—дывымось: тилько й старого у хаты, що пичъ, а то усе нове! На стинахъ хмары та лисъ, а на стели небо, и сонечко такъ сяе, що якъ глянешъ на ёго, то ажъ слёзы потечуть зъ очей! Спасыби сусидамъ,—добре пидновылы хату! Ото, дидъ заразъ почавъ порядкуваты: наварывъ олывьяныхъ галушкѣ та залызныхъ пампушкѣ, а мене пославъ зклькаты сусидывъ на батьковы хрестыны. Наклыкавъ я сусидывъ тихъ повнисеньку хату. Якъ тилькы увелы батька у хрестъ, то й почалы ми зъ дидомъ гостей частуваты,—дидъ бияя столу, а я коло порога. Кдтрый ухапе галушке чы пампушку,—то й бижить мерщій до порога, щобъ запыты юшкою, а я заразъ его и почастью макогономъ по потылицы; хмилъ ему вдаре у голову, то винъ такъ сторчакá й дасть! Та такъ усихъ уконтентувалы, що де-котри й на

вины тамъ заснулы, а инчы ледве-ледве другого дня прочумалысь!..

Опара. Та ты й до свита не добрешешъ?

Нѣплюй. Вона ще довга,—та це, бачъ, ій кинець. Але же я заразы причеплю до неї другу.

Опара. Стривай, нехай моя зверху!

Нѣплюй. Брешы.

Опара. Тилько це не брехня, а справжня правда! Знаете, братця, на тимъ тыжни стоявъ я на варті; а ничъ була така темна, що й носа свого не побачышь,—хиба якъ лапнешъ его рукою, тоді тилько й знатымешъ запевне, що винъ тутъ є. Стою я соби, та й думаю: чи вже жъ отой Неплюй брехнею свить пройде и назадъ вернетця? Ажъ зиркъ,—такъ, гинъ за двое,—котытця щось таке маленъке, руденъке,—котытця, та й котытця!.. Що воно таке, думаю? Прожогомъ догнавъ, та й пытаю: куды ты такъ поспириашъ? „Котюсь, каже, до вашого Неплюя, та хочу ёго зыйисти.“ А я ёго чоботомъ, чоботомъ,—та й роздавнѣвъ. А не йижъ, кажу, Неплюя,—нехай лучше винъ тебе зыйисти! (*Запорожци регочуть*).

Нѣплюй. Та це й кинець? Такъ ты жъ не знаешъ, що зо мною трапылось у ту жъ такы ничъ?

Запорожци. А ну-ну,—хто кого перебреше?

Нѣплюй. Знаете, братця, иду я пидъ лисомъ, ажъ дивлюсь—стоитъ чернець...

Я В А II.

Ти жъ и Голощукъ.

Голощукъ. А ну, годи вамъ дримати! Гляньте лишъ, якого пидсвишка сюды женуть! (*Двоє запорожцивз выкочують барыло зъ горилкою*).

Я В А III.

Ти жъ, Порожній и Зачепа.

Порожній. Куринный приславъ вамъ барыльце чемеричкы, щобъ прочалысь пията татарської табакы.

Опара. Чы й справди? Отъ такъ молодець,—зна чымъ гбиты запорожськы раны! (*Уставз, бере барыльце и пзе*).

Запорожци. А ты такъ безъ коряка й дудлышь?

Опара. Душа миру знає, а спына те, що черезъ край!

Нѣплюй. Та годи тоби смоктаты! Бачъ, допався, неначе вилъ до брагы,—ще лусне къ бисовому батькови!

Опара. Однаково помырать!

Нѣплюй. Отъ, чортова пьявка!

Опара. Отеперъ якъ разъ ущертъ, тилькы треба расперезатысь... Братця, а подай хто затычки! А, щобъ вы зозули не чулы! (*Достає хлѣбъ и сало*). Отакъ ии заткнемо, щобъ не розхлюпались.

Нѣплюй. А ну, генъ, братця, подайте сюды ваганы та казаны! (*Приносять посуду и вылившы зъ барыла горилку, пють корякамы*).

Я В А IV.

Ти жъ и Недобытый-бандурыста.

Запорожци. Отъ якъ разъ нагодився! тебе тилькы й бракувало!

Недовытый. Я знавъ, що тутъ є порожне місце за для мене!

Опара. А видкыля Богъ несе?

Недовытый. Зъ земли.

Опара. Та знаємо, що не зъ неба. А де жъ ты бувъ?

Недовытый. Противъ неба наземли. Гай, гай! Пьете горилку, а дида й не почастуете?

Опара. Хибл не знаешъ звычайо? Берн корякъ та й пый скилько влизе. (*Недобытый пзе*). Та де це ты таку бороду допьявъ?

Недобытый. У цапа позычывъ.

Неплюй (*регоче*). Мабуть правду кажешъ, колы не брешешъ!

Недобытый. Шкода, брате, правды у мене шукаты: я зъ нею тоди ще поправався, якъ зъ Неплюемъ спизнався!

Неплюй. Отакъ прыстрочывъ,—люблю за обычай! Эге! Теперъ отъ и подлубайся у голови, щобъ до ладу отповисты!..

Недобытый. Порожне у тебе въ голови! Скилько не длубай, а опричь ключа ничего не намацаешъ...

Запорожци (*регочуть*). Ай бандурыста,—загнавъ Неплюя на слызкѣ!

Неплюй (*регоче*). Йй же Богу, молодець!

Опара. А ну, диду зъ цапыною бородою, ушкварь намъ якои небудь!

Недобытый. Ушкварывъ бы, та струны позасыхалы.

Опара Видь чога жъ то?

Недобытый. Та видь того жъ, видь чога й твои пороскысалы. (*Регитъ*).

Опара (*регоче*). Чи не бисова пара!

Голощукъ (*пидносить корякъ*). На, дидусю, промочы голосныкы!

Недобытый. Оцей догадливый,—мабуть у твого батька не дурный бувъ сынъ.

Голощукъ. Чы не той, що Гарасымомъ звалы?

Недобытый. Якъ що ты Гарасымъ, то той самый.

Голощукъ. Я винъ и е!

Опара. А ну жъ бо, ушкварь,—бо мене вже такъ и коцюбыть до танцивъ!

Недобытый. А дуже кортыть? Гляды жъ, щобъ не побывъ пидметкы!

Опара. Ничого, я языкомъ налятаю.

Недобытый (*гра й прыстибуе, Опара танцюе*).

Ой, такъ чыны, якъ я чыню,

Любы жынку абы чыю,—

Хочъ попову, хочъ дякову,

Хочъ хорошу мужыкову.

Ой, до мене сыта, сыта,

Ой, до мене решета,—

Ой, до мене запорожци,

Бо я бидна сырота!

Розступитесь, мыряне,—

Нехай гыря погуляе,

Щобъ зазналы вси мыряне,

Якъ гуляють голоштаны!..

Опара (*танцюючи*). А ну, пиддай хто охоты! А то вже ноги ледве човгають!

Недобытый. Зъ такими танцями,—лучше бъ ты й не рывався! ты мабуть тилькы языкомъ и вмешъ тропака выываты?

Опара. Не сердъ мене, бо якъ роздыгнуся, то буду танцюваты до самисенького свита!

Недобытый. У тебе й такъ вже лыбонь свитае въ очихъ!..

Опара (*скыда жупанъ*). Такъ ось же тоби! (*Танцюе мовъ несамовытый*).

Грай, колы граешъ,—побачымо, чыя визьме!

Неплюй. Та хочъ одпочынь, ледащо!

Опара. Пиды геть, не мишай! отакъ наши! Й!..сюды-туды, на вприсядкы. Пидспивуй! пиддавай вогню!

Недобытый (*пидспивуе*).

Ой, ты старый, я молода,—

Тымъ мижъ нами незлагода.

Ой, ты старый—вахы-вахы.

Я молода—хи-хи—хи-хи!..

Скынь бо вражий чоловиче, ще й сорочку, щобъ и та не зыважыла!

Опара (*пада на землю*). Стривай, я одпочыну, та й зновъ, а ты тымъ часомъ заспивай якои жалибнои. (*Выймае зъ кешени гроши*). На тоби, тымъ часомъ, таляра, а потимъ заграешъ мени ще ажъ на два.

Недобытый (*спива*).

Ой, пидь лисомъ, та пидь Лебедьномъ,
Курылася доризенька дымомъ.

Ой, тамъ молодь козаченько нудыть,
Пидь нымъ сывий кониченько блудыть.

Чы я жъ тоби, мій коню, та тяжкый,
Чы я жъ тоби, мій сывий, та важкый?

А чы моя та ясна збрѳя,
Чы тяжкая здобыченька моя?

Ой, ты мени, мій пане, не тяжкый,
А те мени тяжко буде, брате,

Якъ я буду на смитти стояты.

А ну, Опара, чы вже ты пидійшла?
(*Прыдывляється*). Эге, шкода,—захрипъ
сердега! Ну, прощавайте, добри молодци!
Пиду я ще по табору, та по наметахъ,—
може котрый тамъ занедужавъ або сумуе,
сердега... (*Пшшовз*).

Голощукъ (*до Неплюя*). А дыви,
гей, Прохоре, що то за могылоу нибы
курава пиднялася?

Неплюй. Хмара встае, певно на дощъ.
(*Прыляга вухомъ до земли*). Ни, не
чуты, щобъ гупотило. Ну що жъ, пора й
спочывать! Наказъ бувъ рано рушаты,
щобъ у вечери у моря стати; на зустрічъ
повыини пидійты байдакы.

Голощукъ. А пора вже Туретчыну
провидаты: пообдыралысь зовсимъ, у ни-
чого й шеляга нема за душею!

Неплюй. Пора, пора полататысь. Якъ
мени, то вже й шынкарь набиръ не вире.

Голощукъ. Такъ намочить ёго, пса-
виру, у ричци, щобъ йнявъ виры.

Неплюй. Мочывъ,—не йме, бисивъ
капцанъ! Ну, та вже чорта зъ два, щобъ
винъ завтра не давъ мени похмельтысь...
Задушу анахтемську виру!

Голощукъ. А пидля самъ будешъ
шынкарюваты, чы якъ? Це не въ Сичи,
—тамъ жыдивъ до биса, а тутъ одинъ:
якъ не стане й цёго, опухнемъ безъ го-
рилкы.

Неплюй. И то правда? Ну, нехай
ще пожыве на свити!

Я В А V.

Тимъ друмають; трохы згодомъ вы-
ходятъ Степанъ.

Степанъ (*сивъ на камени, задумався*). Ось вже рикъ мынае, якъ роз-
лучывся я зъ вирною дружиною и по-
вынувъ ридну осёлю, а сердце зъ кож-
нымъ днемъ все гиршъ болыть... и ни-
чимъ его не заспокоишь! О колы бъ я
мавъ крылечка, щобъ полетиты хочъ на
хвыльничку у ридный край, глянуты
хочъ бы здалоку на той садочекъ выш-
невый, де зъ мылоу, якъ зъ голубонь-
кою, воркувавъ, цилувавъ ии кари очи,
чорни бровы!.. Одинъ бы тилько разо-
чокъ глянуты въ очи мылій, почуты изъ
устъ ии одне щыре слово,—и те слово
дадасть мени сылы й одвагы... Теперь я
у славы, у повѳзѳи,—та що зъ того? На
що й слава, колы сердцеви нема супо-
кою! Витры буйни! чомъ не несетё ви-
стей съ ридного краю? Орлы сызокры-
лыи, побратимы козацьки! вы высоко ли-
таете, вы бачыте мою ридну Украйну и
мою любую дружину... Скажите жъ, по-
видайте,—що сталося зъ моею голубонь-
кою? чы згѳдуе, чы жде мене?.. (*Задумався*).

Я В А VI.

Ти жъ и Недобытый.

Недобытый (*пидійшовъ крадькома
до Степана*). Здоровъ, Степане!

Степанъ. Хто ты за чоловікъ? (*Пры-
дывляється*). Стривай, я тебе десь ба-
чывъ...

Недобытый. Може й по знаку,—
прыдывысь гарненько!

Степанъ (*схопывшы себе за голо-
ву*). Я бачывъ тебе... Ни, не памѳятаю!..

Недобытый. Торикъ на зеленыхъ
святкахъ?..

Степанъ. Ты спивавъ думу про Наливайка?

Недобытый. Може й я. *(Здіймає бороду)*. Познаєшь?

Степанъ *(зв крыкомъ)*. Той самый!

Недобытый. Та цыть! не гомоны... Почують...

Степанъ. Ты бувъ тамъ, у батька? Скажи жъ мени, що сталося?.. Кажы жъ! Ты знаєшь, про кого я пытаю?

Недобытый. Не годитця козакови, та ще й отаманови, на войни няньчытись зъ серцемъ! Оглянься навкруги себе: и каждый зъ оцихъ бидолахъ кого небудь покынувь,—инчий батька-матирь, инчий чернобрыву дивчыну,—отъ якъ и ты... И уся вони ховаютця видъ людей зъ тією болячкою!

Степанъ. Ты мене мучышь, нибы щось страшнѣ хочешъ сказати!..

Недобытый. Дытна ты,—а ще й отаманъ!

Степанъ. Одно слово тилько скажи— и я зновъ буду козакомъ, зновъ полету на вѣрога, якъ на веселля!

Недобытый. Охъ, лета, лета молодьи! *(Смістця)*. На жъ, осьдечкы, тоби цыдулочку видъ твоеи дружыны! *(Дає листъ)*.

Степанъ *(цилує папиръ)*. Видъ неи, видъ мои мылон!

Недобытый *(запалює триску)*. Прыдывись, що тамъ напысано, а я тоби посвиту!

Степанъ *(чытає)*. „Сызокрылый голубоньку, любый мій Степаночку! Де ты, друже, пробуваєшь, де ты, орлыку, лигаєшь? Я оченькы выплакала, выгядаючи тебе. Полныя чорни бровы, личевько змарнило“...

Я В А VII.

Ти жъ и Джура.

Джура. Пане отамане!

Степанъ. Що скажешъ?

Джура. Орда на насъ наступає двома крылами — видъ моря и видъ Шляхетчыны!

Степанъ *(гризно)*. До збрѣи! на коней! Панове молодци, за мною! *(Запорожци схоплюютця)*. Коня швидче! *(Свыстыть)*. Де кинь мій? Шабли наголо! Писню! писню, щобъ земля застогнала и заревла! *(Бижыть, за нымъ Недобытый и запорожци)*. Коня мого, коня скорійшь!.. *(За лагитуньками стріляють, гвалтъ и писня)*.

Гей, нумъ, братця, до збрѣи!

На герць погуляты,

Славы залучаты!..

А чы пань, чы пропавь—

Вдруге не выраты!

Гей, нумо до збрѣи!

Неплюй *(вбига, до Опары)*. А про цѣго й забулы... Вставай, бисивъ пущырь, бусурманъ иде!

Опара *(кризь сонъ)*. Грай на вси!..

Неплюй. А, щобъ тебе ледащо узяло!.. Ачъ, ёму танци на уми! Вставай бо, діяволе!.. Ну що тутъ робыть? треба укынуть у який небудь визъ, покы не проспытця. *(Бере Опару на плечы)*. Стривай, сатано, зададутъ тоби завтра памьяткового,—скоптуєшь кыййивъ, ажъ занудыть. . Ачъ, якъ насмоктався!.. *(Несе ёго)*.

Опара *(дрыга ногами)*. Не рушь, кажу тоби, а то пыку розибью! Ну що за діявольскій народъ!.. Геть, ироде! Ну чого ты у вичи лизешъ?.. Геть, кажу!..

(Зависа).

Д І Я І V.

ЧЕРЕЗЪ ДВА РОКЫ.

Муровани стины безъ виковъ, двери; доли розкыдана солома, на котрій лежать невольныкы у кайданахъ. На гвиздеу горыть каганель.

Я В А І.

Степанъ, Опара, Неплюй, Голощукъ. Зачепа, Кукса, Недоризаный, Покрышка, Порожній, невольныкы.

Степанъ *(балака зъ Покрышкою)*. Такъ гляды жъ, якъ тилькы завтра поженуть насъ на роботу, — ты будь при мени и никуды не одризняйся; и будемо удучаѣты таку хвылыну, колы зостанетца коло насъ одынъ вартовый. Я прожогомъ кынусь на ёго и видъ разу пошлю ёго къ чортамъ на вырыныкы, а ты мерщій здіймай зъ ёго одежу, переодягнись и тикай, яко мога...

Покрышка. А ты щобъ зостався у неволи? Ни, цёго никола не буде! Тикай ты, — твоя сыла и твоя завзятость ще здадутьца на Запорожжи, а я однаково, звився вже ни на що!.. Такой вже я ставъ немощный, що мене й курка заклоче. Такъ мени однаково здыхати!..

Степанъ. Охъ, не въ такы кайданы забуто мене, щобъ можно було розбыты йихъ! Твой жъ я видъ разу розибью.

Покрышка. За що жъ, пане отамане, ты мусышь погыбати? Ни, я хочу померты разомъ зъ тобою, у цимъ пекли, — я тебе не покыну!

Степанъ. Вирь, колы я ще потрібный на Украйни, то товариство не забарытца прыйти за мною; а колы жъ за мене забуто, то може ты имъ прыгадаешъ... У тебе о й батько, е й маты, — вони тужать за тобою, побываютьца, а я... Ты звелычавъ мене отаманомъ, и я тобі, якъ отаманъ, велю и прыказую! Слухай дали. Якъ що Господь допоможе тобі добратись до ридного краю, —

допытайся до хутора Коваливки, на Днипри, понызче Городыща; спытаешъ тамъ госпѣду старого Коваля, — тоби й мала дытына покаже... У тій госпѣди живе мій неридный батько. Скажешъ ты ёму, що ёго годованецъ, Степанъ, вже два рокы грызе бусурменьски кайданы... А якъ побачышь дочку ёго, то скажешъ ей... *(Ледве може балакати)*. Охъ, брате, — то жъ моя сужена дружынонька! Колы ты любывъ кого на свити, то сердце твое само тебе навчыть, що ей сказати! Роскажешъ имъ, якъ насъ хвылею прыбыло до Синопа и якъ насъ у полонъ забрато... Що боронылись мы, якъ звири, що изъ сотни зосталося насъ тилькы девъяторо!..

Покрышка. Нехай буде по твоему. Благословы жъ, батьку отамане, въ далеку дорогу! *(Пада до нигъ Степанови)*.

Степанъ. Богъ тобі на помичъ! Прощай, може на выкы... Богъ-зна, де доведетца намъ побачытись, — чы на тимъ свити, чы на Украйни! *(Мицно тысне ёго до грудей)*.

Голощукъ. А якъ мени, — то никому й поклона передаты... Не знаю, чы й бувъ у мене хочъ якый небудь батько; де родывся, де хрестывся — не памъятаю. Поклонись, брате, ридній земли та церковцямъ Божиимъ! *(Обійма Покрышку)*.

Кукса. И я такой же безридний! Спасыби ляхамъ — батька спалыли, а матирь у Днипри потопыли...

Неплюй. А мій батько своею смертію померъ: двое день ляхы здырали зъ ёго сырыцю, а третёго дня хотили зъ живого выняты сердце, та чортового бать-

ка поживылись! прыйшли до ёго, ажъ винъ вже и захолонувъ...

ОПАРА. Тоби й тутъ до жартивъ! Мабуть, якъ и на шыбеницю поведуть, то сміятимесся?

НЕПЛЮЙ. А то жъ плакаты? Все одно не помылюють! Та й ты пидобравъ бы слыны, якъ бы оце пиднесы тоби чарку—другу Адамовыхъ слизокъ,—учыстывъ бы гопака, ажъ земля задрижала бъ!..

ОПАРА. Такъ то жъ не своимъ розумомъ... Мынулыся мои танци!

НЕПЛЮЙ. Ще тилько починаютья. Стривай, якъ пидіймуть на шыбеницю, то таке колино выкнешъ, що ажъ языкъ высолонить!

ОПАРА. Пиды тыгеть зъ своимъ жартамы!

НЕПЛЮЙ. Що страшно? А правда, що здаеця, неначе вже у тебе мотузка на шыи и чуешъ, якъ вона лескоче! Не знаю, якъ вамъ, братця,—а мени ий Богу, легче бъ було, колы бъ швидче повисыли! И допикаю жъ я проклятымъ туркамъ!.. Позавчора, якъ ламалы мы каминь, прыходыть якыйсь старшый,—я й почавъ ёго перекривляты: то языка ёму покажу, то дулю, то... Отъ, думаю, повисыть,—ажъ ни: вартовый давъ мени по шыи, трычи чы що, рушныцею, та й тилько! Я ёму дули тычу, а винъ мене топить по потылицы! Оджежъ я его такы переспорывъ,—я у останне даю ему дулю, а винъ плюнувъ, та й одвернувся... Першъ я молывся, щиро молывся Господёви, щобъ вывивъ насъ зъ цёго клятого лёху. А теперь пройшовъ рикъ, пройшовъ другый,—я й подумаю: чы вже жъ Богови тилько й дила, що вызволяты наши дурни головы зъ бусурменьской неволи?

НЕВОЛЬНЫКЫ. Уже розпятакався, розпустывъ языка, бодай тоби ёго зкорчыло!

НЕПЛЮЙ. Лайте, быйте, а я кажу,—не вирю! Ну, й чого понадувались мовъ ти сычы? А ще й козаки! Разъ маты

породыла, не двичы й помыратъ! Все вы легкодухы, боитесь глянуты смерти у вичи, черезъ те вона вамъ и страшна; а мени хочъ заразы на глаголя, далєби не здрыгнусь! Та, якъ по правди сказаты, мене давно вже кортыть на той свить! Цикаво дуже мени хочъ однимъ окомъ глянуты, чы справды тамъ такъ, якъ дякы спивають: „идѣ же нѣсть ни печали, ни воздыханія, а жизнь безконечна?..“ А думаетця, одначе, що тамъ гарне життя, що скільки жъ то людей повмырало,—а ни одынъ не втикъ зъ того свиту!..

ДЕ-ЯКИ (*гримаючы*). Чы тоби зацѣпыть, ирде?

НЕПЛЮЙ. Мовчу, мовчу! а черезъ хвылину уси загомонятѣ: чого мовчышь, чому чого небудь не збрешешь?.. Чортъ высь зна, якъ вамъ и догожаты? Такъ не буду жъ мовчаты, а спиватиму! (*Почына спиваты, за нымъ други пидтягують*).

Ревуть, стогнуть горы-хвыли
На сыненкымъ мори,
Плачуть, тужать козаченькы
Въ Турецкѣй неволи,
Вже два роки у кайданахъ
Терпять тяжкы муки,
За що жъ, Боже Мылосерднѣй,
Намъ пославъ ци муки?
Пидбуркалы янычары
Орлять Украины,
Пидбуркалы та й выкнулы
Жывыхъ въ домовыну.
Де жъ вы, славни запорожци,
Сыны вольной воли,
Чомъ не идете вызволяты
Насъ съ тяжкой неволи?

Я В А II.

Ти жъ и Недобытый.

Недобытый (*винъ у турецкѣй одежи зъ бороною; зъ нымъ два тур-*

чыма; вінъ показуе туркамъ якийсь значокъ, ти виходють). Чого розкрывались, нечестиви! Молитесь Богу, — сёгодня вашъ останній день! Я чувъ все чувъ, якъ вы тутъ змовлялись; завтра вашы головы будуть стырчаты на паляхъ! (До Степана). А тебе четвертують!

Степанъ. Такъ иды жъ швидче до свого султана, може выцгыпашъ у ёго хочъ по таляру за голову, а за девять таляривъ куны собі доброго налыгача, та й повисся! Ты чувъ, якъ мы змовлялись? А скажи жъ ты, колы ты чоловікъ, кому воля не мыла? На що штапка манисенька и та рветця на волю, — а мы жъ люде!.. Та й зъ кымъ я балакаю?.. хйба е въ тебе душа? А хочъ и е, то не дорожче вона тоби за таляра! Чы тямышь ты, що то таке воля? Вона дорожча золота, дорожча каминня самоцвитного, дорожча вику! Иды жъ, недоблюдку, видъ насъ, гостры швидче сокиры на наши головы, або жъ готуй налыгачы! Не вже ты думаешъ, що мы станемо благаты тебе, щобъ помылувавъ?

Недобытый. Побачымо, що скажешъ завтра!

Неплюй. Спасыби тоби, голомозый, за звисточку, — у мене зъ радощивъ ажъ пить покотывся!.. Що, братця, не кажи, а мени якось чудно: мабуть черезъ те, що первына, — що дывыся — сёгодня голова на плечихъ, а завтра на пали!.. (До Недобытого). А скажи, будь ласка, якъ мою голову настромяють: чы потылицею до васъ, чы очыма?

Недобытый. А тоби хйба не однаково?

Неплюй. А мабуть що ни, колы пытаю! Я бъ хотивъ до васъ потылицею, бо не хочу й пилса смерты дывытись на васъ, паскудныхъ!..

Недобытый (дывлячыся на Степанову сорочку). Хочъ и въ шматкахъ сорочка, та гарно выгантувапа! Мабуть видъ дивчыны подарункъ?

Степанъ. Одійды, бузувире, одъ мене!

Недобытый. Не одну ничку выплакала Ярына надъ нею, докы дошшла!..

Степанъ (здрюгнувъ). Ты... ты диволь, а не чоловікъ!..

Недобытый. Аджо твою дивчыну Ярыною звать!

Степанъ. Одійды, сатано!

Недобытый. Степане, Степане! не вже ты й доси не признаешъ мене?

Степанъ. Та хто жъ ты?

Недобытый (здейма бороду). Та й доси той самыи, котрый тоби спивавъ думку про Налывайка!

Неплюй. Дывыся, Недобытый! отъ, чубатый бись!

Запорожци. Чы не старе шкандыбало, де ты взявся?

Степанъ. Кажы жъ, кажы намъ швидче, якъ ты тутъ опынывся?

Недобытый. Довго буде усе розказувати. Зъ того часу, якъ захопыли васъ у неволю, я тожъ причвалавъ у Туретчыну, на турецькому байдакѣ, и два рокы блукавъ, прыкыдаючыся то каликою, то нимымъ, докы навчыся по ихнему балакаты. Теперь, допьявши оцю одежынку, добрався до васъ! Ты, Степане, сказавъ, що девять таляривъ мени дорожче за девять головъ, — а я скажу, що девять головъ дорожче одній головы... Я прийшовъ васъ вызволты!.. Тикайте на Украину и якъ черезъ пивъ-року я не вернусь за вами, то видправте за мене панахыду... Ось вамъ помагачи! (Дае терпугы й молоткы). Та приймайтесь мерщій за роботу; а я пиду та роздобуду вамъ харчивъ на дорогу. (Выйшовъ).

Неплюй (ныляючы кайданы). Зъ доброго зализазроблены! Терпугъ ажъ свыстыть!

Недобытый. Ага, и тоби закортило на волю?

Неплюй. Э, брате, усе жъ такы голова дорожча кавуна, — за шеляга ии не купышь!

Недобытый. Пібратеся жъ по молодецьки, а я піду на роздобудки и якъ спустю зъ верху каната, тоди по одынці вылазь. (*Выходять*).

Я В А ІІІ.

Ти жъ безъ Недобытого.

Степанъ (*выпустывъз терпугъ изъ рукъ*). Руки мліють, а ще й половыны не надпылявь!.. Де жъ моя сыла, куды жъ вона подилась? Зайили бусурмены, зайили!.. хочъ зубамы грызы!.. (*Грызе кайданы*).

Неплюй. Стривай, не занасты зубивъ! Зъ своїмы я вже справывся, то й тобі допоможу! (*Пыля ему кайданы*). Мицне зализо!.. (*Зверху зпускаетця канатъ*). Эго, вже Недобытый справывся, и драбняку зъ раю у пекло подавъ! Прощай, кляте пекло! Але й кайданы,— вже й у мене руки деревъяніють! Братця, поможить! (*Запорожци прынялысь пыляты*). Ачъ, ажъ искры сыплютця! Подалысь! Що то чоловікъ, якъ подумашъ,—скількы винъ лить длубався у голови, докы навчывся такъ гартуваты зализо! И на кого жъ гартуе,—на такого жъ чоловіка, якъ и самъ! Гай, гай, мылый Боже! одни добырають способу, щобъ гартуваты, а други, щобъ розгартуваты!..

Воно усе такъ на свити діетця, що одне другому у поперекъ иде... Ну, зовсімъ!..

Я В А ІV.

Ти жъ и Недобытый.

Недобытый (*винъ роздае пыстоли, ятаганы и шашкы*). Ну, въ дорогу, братця! Нате жъ вамъ харчи, та подилитця! Огъ же вамъ моя порада: у день не йдить, а краще по лесахъ та по кущахъ перележете; а ничъ — то козацька вѣня,—и освижить и вѣховае. (*Обнимаецця зъ невольныкамы*). Прощайте. Поклонитесь видъ мене ридній Вкраини й святимъ церквамъ! Хай же вамъ Господь Мылосердний допоможе! (*Выходять*).

Неплюй. А ну, хто праведнишій,—почынай лизты на небо! (*Запорожци пидіймаютця по веривци*). Щобъ тутъ таке на останци зробить, щобъ бусурмены зубы зъ досады поламалы? Колы бъ шматокъ вугилля або крейды,—вылавь бы добре, а въ кинци намалювавъ бы дулю!.. Нема! шкода!.. Ну, нехай на цей разъ буде такъ!.. Прощайте, голомози!.. А ну, свята Опаро, пидсады мене! (*Беретця за веривку*).

(Зависа).

Д І Я V.

Обстапова якъ и въ першый дін.

Я В А І.

Ярына (*у садочку спива*).

Чомъ не гудуть буйни витры,
Не ламають витей?
Чомъ не несуть на крылечкахъ
Видъ мылого вистей?
Сохну, вьяну въ самотыни,
Вже й слѣзы не лютця,
А надъ моимъ тяжкымъ горемъ

Ворогѣ сміютця...

И сміютця й радіють,—

Я жъ Бога благаю,

Щобъ вернувся мій мыленькій

Зъ далекого краю!..

Боже, Боже! Чы я не щиро тобі щодня, що-хвылыночки молюся, чы я жъ тебе не щиро благаю? За що жъ Ты такъ тяжко мене карашъ, що до мого щырого благання Ты не зглянешся? Ни

достатку, ни щастя, ни доли у Тебе не благаю я, а благаю, щобь хочь при-свився мени мій Степаночко, щобь хочь у сні побачыты ёго! Тоди мени бь по-легшало и хворе бь сердце одпочыло... И у Кывивъ на прощу ходыла! й усимь святымь молялася и у Мыжегорського Спаса прычащалася, и въ Почаеви ры-дала й молялася!.. Та не побачыла ёго и у сні, не вблагала Милосердного! Зо-вьяне мій молодой вискъ, якъ квиточка безъ росы, змарніе краса моя, закрыютци на выкы и погаснуть кары очи, склеп-лятця устонькы рожевы на выкы!.. Охъ, доленько жь моя нещасная!

Я В А ІІ.

Ярына и Оксана.

Оксана (*выходыть*). Здрастуй, се-стрычко! (*Цилуе її*). Господы, усе ту-жыть та вбываетця!..

Ярына. Такой вже мій мабуць таланъ!

Оксана. А я це нарочыто забигла за тобою: тамъ дивчата збиралысь на шпы-лечку, спиваютъ. Ходимь, сестрычко, та хочь трохы розважышь себе!

Ярына. Не такє мое горе, щобь роз-важыты ёго спивамы або гульнею... Я своимь смуткомь тилькы вамъ заважу!..

Оксана. Коны бь ты знала, якъ мени тебе жаль,—що й Господы!..

Ярына (*обійма її*). Ты жь моя одна жалибныця й порадыця!

Оксана. Ходимь же, ходимь!.. У ко-роля будемо граты. Ты будешь король-ною, а я королеми,—я хочу тебе сёгодня зацилуваты! (*Цилуе її крпико*).

Ярына. Робы зо мною що знаешь!

Оксана (*обняла її*). Охъ, яка жь я рада! Голубонько моя сызокрылая! (*По-чына спиваты*).

А въ городи буркунъ-зилля
По тычыни вьетця;

Молодая дивчынонька
За козакомь бьетця.

Ярына. Не спивай такой смутной, не розрывавай мого сердца!..

Оксана (*спива веселенько*).

Заграй, заграй въ сопилоньку,
Розважь, розважь дивчыноньку,
Розважь, сердце, обіймы,
До серденька прыгорны! (*Пишылы*).

Я В А ІІІ.

Коваль.

Коваль (*дывытыця у слидъ*). Пишла! Нехай йде,—може хочь трохы заспоко-итця! (*Сидя*). Охъ, горе, горе! що ты зо мною зробыло, на що ты мене звело? Зовсимь вже похылывся, якъ той під-точений дубъ... Мынае неясный мій день, мій свить темніс... Вже надъ головою держе косарь непевный неклепаную косу!.. Скосятъ мовчкы,—тамъ витерь буйный заривня й слидъ той—могылу, де захо-вають того, що колысь бувъ козакомь... Кому жь роскажу, кому заповидаю ти тяжкы думы, що жывылы душу, згбю-валы раны сердца, мовъ цилуючою водою?.. Нема мого Степаночка! Отъ вже й третій рикъ минувъ, якъ вырядывъ я ёго на Запорожжя! Чы ёго вбыто, чы въ по-лонь забрато? А може побратався зъ бу-сурменомъ? Промынявъ Украину, виру й прысягу?.. Тоди, земле сыра, не допусеты моимь висткамь лягты у тебе, изрыгны ихъ и розкыдай по полю, за те, що вы-годувавъ такого ирода!.. О, ни,—не та-кий мій Степанъ!.. ни, винъ козачого роду!.. Яки нечестыви думкы лизуть мени у голову... Спасы, Господы, и помылуй!.. Коны жь справды обусурменывся,—то проклята буде та маты, що на свить ёго породыла, та земля, котра ёго носыть! Будь проклять той часъ и годына, въ котру на свить винъ народывся! И щобь земля

не приняла ёго нечестывого падла, щобъ уся кровь, пролытая батькамы й дидамы нашымы за виру и за ридный край, выступыла зъ земли й потопыла ёго!.. Коль жъ померъ, якъ слидъ чесному козакови, — то отверзы, Господы, праведній души ёго врата рая и да звеселытця и заквитчаеця рожевымъ цвитомъ та земля, де лежать ёго честни кости! А може винъ нудытця у неволи, гніе у кайданахъ! О! Боже Мылосердний!..

Я В А І V.

Коваль и Ярына.

Ярына (*выходытъ*). Не могу я слухаты веселыхъ писень, безпашного щоботання!.. Не могу, не могу!..

Коваль. Ты зновъ плачешъ моя дытныно?

Ярына. Тяжко, таточку, жыты у розлуци зъ мылымъ! Чую мое серце, що вже ёго очи козацькыи выкловалы орлы-побратымы, що ёго тило розирвалы вовкы сироманци!..

Коваль. Не вбывайся, доненько, не тужы!.. Все мы у Божій воли!.. Ты мене своимы смуткамы женешъ у домовину!

Ярына (*дывтыця ёму в з очии*). И вы плачете, тату, а якъ же мени не плакаты? Вы на своимъ вику зазналы й щастя, а мое щастя пролынуло передъ моимы очыма пташечкою легкокрылою!..

Коваль (*вытира очии*). Де ты тамъ набачыла слёзы? Хиба одна слёзынка та й та дурна! Бачышь, я вже й сміюсь?..

Ярына. Сміюсь, а слёзы тремтять на очахъ? На що вы, таточку, мене обманюете? Хиба жъ я не бачу, якъ вы що дня тужыте, якъ цилисеньку ничъ тяжко зитхаєте, та тыхо молытесь?

Коваль. То не видъ горя, а черезъ те, що пора вже у далеку дорогу у домовину!.. То й молюсь, щобъ Богъ простывъ мои тяжкы грихы!.. Ось пиды лы-

шень, та вынесы мени бандуру, — то й побачышь, якого я учыстю гопака!..

Ярына. Чы не думаете розважыты мене?.. Не хочу я такой розвагы и не благаю! (*Помовчала*). А день якый свитлый та теплы: пташечкы у садку весело щебечуть, дерева зеленіють, кузочка маненька — и та радіе Божому теплу, а я... (*Задумалась*). Таточку любый, видпуститъ мене у манастырь! Пиду я у чорныци, та буду молытсыя за душу свого мылого! (*Плаче*).

Коваль. Господь зъ тобою, моя дытныно! На кого жъ ты мене покынешъ старого, похылого, одынокого?.. Хто жъ догляне мою старысть, хто закрые мои очи?

Ярына. Тяжко мени у мыру жыты, — серце зъ тугы кровію облываеця, якъ спогляну на жыття другыхъ! За що жъ я мучусь? Чы вже жъ мени судылося весь викъ плакатысь та побыватысь и своимъ жалёмъ другыхъ засмучуваты?.. Ось и заразъ — пышла я до дивчатъ, а вони й спывы покынули, та почалы зо мною тужыты! Ни, таточку, не хочу я другимъ заважаты! Весь мыръ хрещеный веселытця й радіе, а я, неначе велика гришныця, все бъ сыдила мижъ стинамы нимымы, по закуткахъ темныхъ!.. А тамъ, у чернечій одежи, я не буду чуты веселыхъ спывивъ, и легше буде мени на души!..

Коваль. Ты своимы речамы, мовъ спысамы, мене колешъ! А до кого жъ я прыхылю мою сидую голову, зъ кымъ заговорю, зъ кымъ посумую?.. Иды, иды дытныно моя! Не зупыняю тебе, бо не маю сылы зупыныты! Самъ знаю, яка то мука щыре кохання!..

Ярына. Охъ таточку, таточку, що жъ мени робыты? (*Рыдаючы, пада ёму на шыю*). Ни, не покыну я васъ, николы не покыну! До цёго часу вы тайлысь видъ мене зъ своимъ горемъ, и мени здавалось, що до мого горя у васъ жалю

нема. Я думала, що я одна тилько мучусь!.. Теперъ я буду весела, я буду сміятись, танцювати... Я очунаю, одужаю, бо удвохъ легше тужыты й горювати!.. (*Коваль плаче*). Годи жъ, тату, плакаты, ходимъ у хату, спочыньте! Теперъ мени такъ весело на серцеви, такъ свитло на души... Я чую, якъ мои силы ростуть и крипнуть! Продовжъ же, Милосердний, ци щасливи часы! (*Уводять отца. Здалеку чути співз веснянки: „Король у городи ходыть“; співз наближається; парубки и дивчата выбігають на конз св писнею; але постеригицы кобзаря зупынаютьця*).

Я В А V.

Селяне и дивчата.

1-й селянынъ. Дывитця, дывитця,— ондечкы йде кобзарь!

2-й селянынъ. Ще й молодой якый! Сердешный, тилькы бз радуватись на Божій миръ, та хвалыты Его, Милосердного,— а винъ вже й слипый! Певно, колы не въ лядьскихъ, то въ бусурменьскихъ рукахъ побувавъ!..

1-й селянынъ. Дыви, ще й у козачому жупани! Зупынымо его, та попросимо, щобъ заспывавъ яку думку.

Дивчата. Ни, нехай загра якои до танця, а потимъ заспывае.

1-й селянынъ. Ще мало танцювали отамъ на выгони?

Я В А VI.

Выходять Степанъ слипый, св хлопцемъ поводаремъ.

Селяне. Здрастуй, чоловиче Божій!

Степанъ. Здрастуйте й вы, чесни мяряне, щасті вамъ на усе добре! Поздоровляю васъ зъ святымы празныками!

Селяне. Спасыби!.. А вуды Богъ несе?

Степанъ. Буды ноги втраплять, бо очыма не бачу; тамъ мое прыстановыще, де спочываю!..

1-й селянынъ. Лыхо тяжке! Видкыля жъ ты родомъ?

Степанъ. Зъ просторои Украины; тамъ мій отець-ненька, де застане ничъ темненька! тамъ моя хатына, де добра людына!..

2-й селянынъ (*бере его за руку и пидводе до тину*). Сидай отутечкы на перелази, спочынь, та роскажешъ намъ, страдныку Божій, що небудь про Сичъ та про Запорожя!

Степанъ (*сиди*). Сисы сядемо, а спочываты будемо тоди, якъ ляжемъ у сырую землю.

1-й селянынъ. Якъ же це ты,— змалу слипый, чы може у бусурменьскихъ рукахъ побувавъ?

Степанъ. Бодай не росказуваты! Тилько одынъ рикъ мѣнувъ, якъ однялы у мене те, що найдорожче чоловикови,— свить сонця! Слухайте, люде добри, та навчайте дитей вашихъ, щобъ вони вчылись, та й дитямъ своимъ пересказувалы, якъ ту славу здобувають и якъ за виру, та за ридный край головы складають!.. Якъ вкынули насъ у турецьку хвурдыгу, закувалы въ тяжкыи кайданы... Два роки гнылы мы у тимъ лѣху, свита сонця не бачылы, якъ собаки издыхалы!.. Одынъ старый дидуганъ врятувавъ насъ, допомигъ утекти!.. Девотри й утекли; тилькы мои мабутъ грихы тяжки передъ Господомъ, що не допомигъ Винъ мени добратись до ридного краю!.. Догнали мене янычары и свить сонця на вкы однялы,— гарячимъ заломъ очи выпеклы!.. Забылы знову въ кайданы, въ тюрьму посадовылы, та й замуравалы!.. Подержалы ще та й выпустылы слипого на свить зъ товариствомъ.

Товариство на Сичь прямувало и мене зъ собою довели до кордону!.. Теперъ тыняю безъ пристановища...

1-й селянинъ. Горенько тяжко!.. Якъ що ласка твоя, заспивай намъ, чоловіче Божій.

Степанъ. Спиваты,—що слёзы проливаты, абы було кому слухаты та повчатись. (*Спива*).

У неділю вранци равю
Сыне море грало;
Товариство кошового
На ради прохало:
Благословы, отамане,
Байдакы спускаты,
Та за Тендеръ погуляты,—
Турка пошукаты.
Чайкы й байдакы спускалы.
Гарматамы рештовальы,

Зъ Дніпровогогырла широкоговыплывалы;
Середъ ночи темной,
На мори сынёму,
Зъ островомъ Тендеромъ потопалы, про-
падалы...

Отамана куриного,
Сыроты Степана молодого,
Сыне море не втопыло,—

А въ Турецьку землю Агаряньску
Безъ кормилъ прибыло.
Тоди сыроту Степана,
Отамана молодого,
Туркы-янычары ловылы,
Въ кайданы кувалы!
Ой, Спасе нашъ Межыгорській,
Чудотворный Спасе!
Не допусты мене впасть
Въ тяжкую неволю!
Тамъ кайданы по тры пуды,
Отаманамъ—по чотыри...

И свита Божого не бачать, не знаютъ,
Безъ сповиды умырають,
Якъ собаки здыхають!

И згадавъ сырота Степанъ въ неволи
Свою далеку Украину,
Неридного батька старого

И не ридну сестру Ярыну...
Плаче, рыдае,
До Бога руки здіймае,
Кайданы ламае,
Утикае на вольную волю...
Туркы-янычары ёго догналы,
До стовпа въязалы,
Очи выймалы...

Я В А VI.

Ти жъ и Ярына.

Ярына (*выйшла вь кинци думы*).
Степаночку! Степаночку! Степаночку, мое
серце! Де жъ це ты барывся? Тату, та-
ту! Йдить сюды, мерщій йдить, тату,
подивитесь!..

Я В А VII.

Ти жъ и Коваль.

Коваль. Чого ты, доню, голосышь?
(*Довго дывытця на Степана, дали
зъ крыкомъ*). Сыну мій, сыну ты мій
безсталаный, моя ты дытньо! Чы тебе
жъ це я бачу, сыну мій единый?

Степанъ. Це я, тату, принисъ вамъ
тїен славы, що вы мене посылалы здо-
буваты!..

Коваль. Просты мене, мій сыночку!
Не такой жъ я тоби доленькы у Господа
благавъ!..

Степанъ. Тату, Ярыно! Я не бачу
васъ, я тилькы чую вашу любую та щы-
рую розмову! Я чую серцемъ, що я вашъ
ридный... Вы привитаєте мене, калику
слипого?

Ярына. Ты мій суженый, ты вернув-
ся до мене—и свить мій прояснывся!

Степанъ. Богъ зъ тобою Ярыно! Те-
перъ я не до пары тоби!

Ярына. Визьмы жъ, мылый, гостру
шаблю, зрубай голову твоїй любїй, вы-

рижъ зъ грудей сердце!.. Коли не буду
твоею, то лучше смерть мени заподій!

Степанъ. Ярыно, Ярыно, просты мене!
Серце мое давно у тебе,—визьмы жъ
ты й душу мою!..

Коваль. Диты мои, квити мои!

Степанъ *(пада на вколюшки)*. Бо-
же Милосердный! Ты самъ довивъ мене
до ридной хаты, до вирной дружыны!
Благю жъ тебе, Милосердный,—выже-

ны изъ думкы, вывій изъ сердца тяжкее
лыхо и вселы въ мою замученую душу
тыхий та прывитный рай! *(Рыдаючи,
прыпада лыцямъ до земли)*.

Хоръ.

Боже, вси мы Твои диты
Вси мы въ Твоій воли,
Посылаешъ тяжки биды,
Пошли жъ, Боже, доли.

(Зависа).

Напысана въ 1872 році,
въ городи Одесси.

ПОМЫРЫЛЫСЬ.

Комедія въ 1-й дн.

Л Ы Ц Е Д І И:

Панась **Гурынъ**, богатый мищаннъ.
Степаныда, ёго жинка.
Оксана, ихъ дочка.
Васылъ Сокуренко, волостный писарь и
сельскій вчитель.

Лахтіонъ Поповъ, кулашныкъ.
Степанъ Андреичъ Рыбкинъ, одставный
чиновныкъ.
Гершно, шинкаръ.
Діетця въ мистечку, у хати Гурына.

Середына хаты богатого мищанна. Багацько образивъ, вси вонн завѣшани намитками и вышываными рушныками. Передъ иконами чотыри лампадки, де-скільки восковыхъ свичоѣ власной работы и кивськый псалтырь. Стинны завѣшани усякими кунштами суздальской работы, бильше всего генераливъ зъ жовтыми лыцами, у чорныхъ мундырахъ. Неволычке дзеркало, а зверху на рами райска птаха. Дзеркало навруги облиплене кунштыками изъ пукеркивъ. На покути передъ божныкомъ велыкий стилъ, вкрытый кылымомъ, а зверху сытцевою скатеркою. По-пидъ стинами велыкы лавы зъ спынками, тожъ навкрыты кылымамы, потимъ три дзыглыга и гарный розмалеванный мысныкъ зъ посудомъ. Въ другимъ угли кровать зъ подушками пидъ саму стелю, дви оковани скрини та моровыло. Въ третимъ угли рушныця стара кремнина, та кылько торбыноѣкъ. Надъ дверыма само въ пузыри и клубкы нитоѣкъ усякого пвиту. Въ четвертимъ угли пичъ зъ лежанкою, на котрій стоять мавитры зъ медомъ, олиєю и опарою.

Я В А І.

Степаныда та Оксана (сидятъ на скрини, розглядають кунштъ страшиного суду и разз-по-разз зитхають).

Степаныда. Покынь вже шпёртаты, годи, не годытця!.. Грихъ! Сонечко давно вже на полудень звернуло, — ось-ось незабаромъ и до вечерни задзвонють.

Оксана. Покы паламаръ зберетця ударыты у дзвинъ, то я й побыка дошыю.

Степаныда. Ой, не пустуй! Покынь, кажу тобі, бо грихъ! Чы хочешъ, щобъ и тобі такъ подіялось, якъ куми Лепестыни?

Оксана. Хиба то видъ тóго?

Степаныда. А то жъ видъ чо́го? Захотилось ий сукаты нитокъ проты пъятинкы, — отъ ий и посукало пальци!..

Оксана. Та то, мамо, може болисть яка..

Степаныда. Ты розумна! Кажу тобі, покынь заразъ, а то... батькови скажу!

Оксана. Пхи, боюсь я батька! Чудасія, та й годи: проты недили — грихъ

шыты, проты середины—грихъ, проты п'ятинки—грихъ... Коны жъ и робыты?

Степаныда. Не ты ци порядки настановляла, не тоби ихъ и переробляты,—отъ що! Люде богобоязливѣ проты недѣли або проты свята цилисенькій день ѣ голкы въ руки не вызмуть, а проты п'ятинки то ѣ сиривцю не запарюють... А е таки, що ѣ понедилкують.

Оксана. Чого люде зъ жыру не выг'адують!

Степаныда. Що, що? Якъ це ты сказала, га? Отъ, капостна дивка! Ты хочешъ, щобъ тоби языкъ усохъ? Онъ поглянь на страшный судъ,—що тамъ выробляють тямъ, що багачко языкомъ мелють?

Оксана. Не хочу дывытись...

Степаныда. А що, страшно? Охъ, Господы нашъ Мылосердный, помылуй насъ гришныхъ! Дывы, бндечкы одного за ребро зачепылы, а зисподу ще ѣ вогнемъ печуть!.. Охъ, яка страховына! *(Тяжко зитхае)*. Гришни мы, гришни! Въ старовыну меньшъ було гришныкывъ, нижъ тепера. Мабуть, вже кинецъ свита настае! Онъ чутка йде, що аныцбыль народывся... Стара дячыха росказувала, що ото плямы на мисяци,—такъ то, каже, Кавель Кавеля на вылахъ дѣржыть; а зъ меньшого Кавеля такъ кровь и дзюрчыть, такъ и дзюрчыть, та все въ казанокъ! Каже, якъ набыжыть казанокъ ущѣрть, тоди ѣ кинецъ свитови буде... Охъ, охъ, охъ!

Оксана. А я чула, мамо, шо то братъ брата на вылахъ дѣржыть. *(Смиѣтця)*.

Степаныда. Та эге-жъ! Охъ, Господы! Въ старовыну люде булы богобоязныши видъ насъ, то ѣ жылы соби у роскѣшахъ та въ багатствѣ, не такъ якъ мы...

Оксана. Яки бо вы з'здриетни! Коны бъ ваша сыла, то вы бъ увесь свитъ заг'арбалы!..

Степаныда. Дурна ты, отъ що! Теперъ свитъ такый наставъ, шо хто грошовый того уси ѣ почытають и шанують...

Оксана. А грамотныхъ хѣба не шанують?

Степаныда. Дуже! Онъ, хочъ-бы ѣ твѣй батько,—поки бувъ убогий, то ни хто ёго не знавъ, ни хто ёго не бачывъ; а якъ розбагатывъ, то де ти ѣ прѣятеля узялысь! То бувъ соби Панасъ, та ѣ годи,—а тепера вже порехрыстылы ёго у Ахванасѣя... Дарма, шо не пысьменный!

Оксана. Що то гроши! А якымъ же побытомъ, мамо, вы такъ розбагатили?

Степаныда. Господъ намъ догомигъ,—сказано: „безъ Бога, а ни до порога“!

Оксана. К'ажете, шо Господъ допомигъ... Такъ якъ-же?

Степаныда. Моылысь щиро Господѣви, отъ...

Оксана. То бъ то вы сыдили соби, склавшы руки, та моылысь, а гроши вамъ такъ и сыпалысь? Та ѣ годи?

Степаныда. Дурна ты! Ну, забалакалась зъ тобою,—треба вже свитыты лампадкы!

Оксана. Та ще рано, мамо! Мени цикаво довидатися, видъ чого мы замѣнишь видъ усихъ тутешныхъ хуторянь? Чы правда, шо де-хто каже, шо нибы то батько, Господы, якъ обдыралы оту бурлачню, ще за крипацтва! Кажуть, шо було роблять, роблять тѣю бурлачнѣю, а якъ прыйдетця до рощоту, то воны ѣ повыгоняють ихъ, або ще ѣ станового на-кличуть...

Степаныда. Хѣба жъ мы тилькы такъ робылы? И паны, и поны, и нашъ братчыкъ за нымы. Ще мы по Божому обиходылысь, а онъ якъ инчы паны,—то було роблять, роблять тѣю бурлачнѣю, поки звинчають жывѣ. А писля жывѣ пов'язжуть ихъ, та доженуть до межи, влиплять имъ по скилько нагайвъ, та ѣ пустяты на уси чотыри стороны:—„идить, каже,

та хвалить Бога, що васъ у вострогъ не спровадывъ!“

Оксана. Онъ якъ! А Господь-же Милосердный усе те бачывъ,—не вже Винъ не покарае васъ за це?

Степаныда (*зв лякомъ*). Силь та печына тоби въ вичи! Що це ты верзешъ? И не зацпыть тоби, га? Ачъ що каже—покарае! Хиба мы не щиро Господеви молылись? Онъ ажъ чотыри лампадкы що-празныка и що-недиди горять! А за для чого то? За для того, щобъ заробыть спасення души, онъ якъ! А сколько мы тратимось для Бога,—и на ольву, и на свичи?.. А бо й попови мало даемо, чы на молебствіе, чы на панахыду? Хочъ бы й были яки грихы, то вже мы ихъ замолыли...

Оксана. Мени, мамо, усе-жъ такы здаецця...

Степаныда. Йй усе здаецця! Що тамъ тоби здаецця? Ты якъ навчылась тамъ чытаты псалтырь, то думаешъ, що дуже розумна стала. Ачъ, до чого доводыть грамота! Бачъ, чому ихъ тамъ навчаютъ! Ты бъ онъ подывылась на батька,—якъ винъ стоить у церкви, та цилисеньку обидню, сердешный, вѣхытае головою, та усе молитвы шепче... Ажъ пить зъ нѣго лѣтця!

Оксана. Хиба я не бачыла!

Степаныда. То-то, що бачыла. (*Крычить*), Хивре, Хивре! Настановляй самовара, бо вже скоро хазяинъ прыйде! (*За дверыма чутно голосъ: «Заразъ»*).

Оксана (*помовчала*). Мамо, и я бъ за васъ молылась... Моя бъ молитва швыдчъ до Бога дійшла-бъ, якъ бы...

Степаныда. Ты такы все свое? Знаю я добре, голубко, на що ты натякаешъ! Обрыдла вже ты мени зъ тымъ Васылемъ!.. Ось краще послухай, який мени сонъ снявся! Господы,—якъ нагадаю, то ажъ страхъ мене визьме! Буцимъ-то я йду вулицею, поубъзъ Сыдорышину хату,

до шыньку,—ажъ це на зўстричъ мени бижить Лукія, Семенышна невистка, та такы-жъ такъ галасъ, та все махае на мене, все махае... Добигла до мене, та й каже: „чы вы чулы, що вашого чоловіка Ярбышына свыня покусала?“ А я якъ галасну, та й прокынулась!.. Дывлюсь кругомъ себе й ничего незрозумію... А сама такъ и тремтю, и тремтю,—неначе мене пропасныця напала! Це мабутъ щось не добре! Я гараздъ знаю, що якъ у снѣ побачышь мисяць, або почувешъ, що собаки гавкають, такъ то означа, що щось прыбѣтця зъ далекои стороны. А то ще бува, що й на дощъ гавкають... О, чуешъ,—вдарылы у дзвинь! (*Шепоче «Отче нашъ»*). Свиты лампадкы! (*Тыхо молытця. Оксана тежъ шепоче молитву*). Оце забалакалысь! (*Бере курылку и кадыть*).

Я В А ІІ.

Ти жъ и Сокуренко.

Сокуренко. Здрастуйте, та будьте здоровы зъ празныкомъ!

Оксана (*здыгувавшысь*). Охъ, Васыль!

Степаныда. Не дякуемо й не просымо сидаты!

Оксана. Мамо, що це вы?

Степаныда. Не твое дило! Колы вамъ, добродію, честыю сказаны, щобъ вы мыналы нашу хату, такъ хиба хочете, щобъ вамъ одвирка показали?

Сокуренко. За що-жъ вы гниваетесь на мене?

Степаныда. За що? Ачъ яка тыхоня, ачъ який смиренныйкъ! А що, докотылась нитчка до клубочка? Такъ вы й не знаете за що? Бидненьки! А хто-жъ то у волосты заступався за Мыкыту?

Сокуренко. Я! Такъ подумайте-жъ самы: винъ чоловікъ убогий, сямъя у нѣго яка, диточкы маленькы, худобыны

ни якби, --одна-однимъ парка волыкивъ, та й ту Ахванасій Мыколаёвичъ хотили видняты!

Степаныда. Якъ видняты, якъ-то видняты? Хиба це грабижъ, чы якъ? На що-жъ винъ давъ таку бомагу, що якъ не скбсыть трѣхъ десятинь хлиба, то мусыть заплатиты штрафу трыдцять карбованцивъ? На що?

Сокуренко. Э, слухайте, паниматусю,—й не таку бомагу дасы, якъ скрутиты тебе лыхо! Мусышь и себе забрѣдаты, абы-бъ дитѣкъ нагодуваты... Алежъ Мыкыта вернувъ вамъ ваши гроши, та ще й зъ процентомъ?

Степаныда. Вернувъ, вернувъ!.. Нехай бы й штрафъ заплативъ!

Оксана. Це бъ то, мамо, зъ одного вола по дви шкуры дерты?

Степаныда. А тоби зась! Постривай, постривай,—прыйде батько! Давно вже я на тебе зубы гостру...

Сокуренко. Вы жъ, паниматко, за ти гроши нанялы соби людей, та й хлибець зибралы у пору.

Степаныда. А якъ бы ненанялы?

Сокуренко. И, слухайте! Абы булы, якъ то кажуть, побрызкачи, а послушачи знайдутця. У Мыкыты, бачте, такыи случай: зпершу хлопчына померъ, а тамъ знову самъ занедужавъ, та лыбѣнь недиль зо тры пролѣжавъ. Тепера у нѣго свій хлибець высыпався, зибравъ тилько одну солому...

Степаныда. Та яке намъ дило, якъ хто тамъ! Йдуть соби, бо якъ Ахванасій прыйде...

Сокуренко. За що жъ вы, паниматко, гниваетеся? За що вы хочете занастыты мій молодой викъ? Не вже вы не знаете, що мы зъ Оксаною любимось вже билшь року? Вы жъ самы, дывлячысь на наше кохання, радувалысь та втишалысь...

Степаныда. Що було, те минуло! Отъ що!

Оксана. Кого ты просышь, Василю? У матери замисць серця каминюка!

Степаныда. У мене каминюка? У мене?

Оксана. А вже жъ, що такъ! Колы-бъ вы булы добриши, то вже бъ давно упрохалы батька, щобъ вони не сѣрдылыся на Василя.

Степаныда. Не буду прохать, та й годи!

Оксана. И не треба! Будете вы катысь, та пизно буде... Нароблю я вамъ сѣрому! Визьму колы небусть та втечу зъ Васылемъ, та й звинчаюсь!

Степаныда. Я тебе звинчаюсь!

Оксана. Що-жъ вы мени зробіте?

Степаныда. Що зроблю? Зъяжу, та запру въ комору...

Сокуренко. Змылуйтесь, пани-матусю, бо на вашій души грихъ буде!

Степаныда. Бачте, теперъ прѣсыте... А якъ-же то любивъ васъ Ахванасій, Господы! Тамъ такъ любивъ, мовъ ридного сына. Найбилшь вы ёму уподобалысь за те, що гарно чытаете святе пысьмо. Оце, було, тилько выйдете посередъ церкви, та разгорнете книгу,—то винъ такъ и заголосыть, такъ и залетця слѣзамы... Та такы-жъ такъ плаче, що й Господы!

Я В А III.

Ти жъ и Панасъ Гурынъ.

Панасъ (*пидъ чаркою*). Отакый свить наставъ! (*Уздрывъ Сокуренка*). Хто це у моій хати, га? Де це я? Чы не заблудывся часомъ? Хто васъ звавъ, господынъ пысарь, у мою господу, хто прохавъ?

Сокуренко. Я прыйшовъ, щобъ спытаты васъ, за що вы на мене гниваетеся?

Панасъ. Геть зъ моихъ очей!

Оксана. Таточку, любый!..

Панасъ. Цыть, а ни пѣсны!

Степаныда. Воны-жѣ соби люблятця...

Панасъ. Хто? Оцей обшарпаный, оцей... шибенькѣ? Зѣ чымъ-же ты думаешъ мою дочку узяты, чымъ будешъ ии содержуваты? Хиба накравъ грошей у волосты? Мало ще служишь—безъ году недилю... Якъ ты посмивъ зайты у мою госпѣду? Вельке цабѣ,—волостный пысарь! А зѣ якого вы роду, га? Чы не зѣ тыхъ дворянъ, чы то пакъ помищыквивъ, що тры душы зѣ свинямы, а дви хаты зѣ хливамы?

Сокурвенко. Ця мова мени на вдовѣнѣжу!..

Панасъ. Кращю мовы ты видѣ мене й не почувешъ! Я хазяипъ у мойй госпѣди! Геть заразъ видциля, щѣбъ око мое тебе не бачыло и вухо не чуло! Геть!

Сокурвенко. Спасыби за ласку! Богъ зѣ вами! *(Выходять)*.

Панасъ. А звисно, що Богъ зомною! Ичь, голѣта! *(До жинкы)*. Чому й доси лампадкы не засвичени? Черезъ те и попущеніе на насъ... Охъ, Господы Мылосердныи! Отъ якый свить наставъ! На жъ тоби!

Оксана. Таточку, за що вы прогналы Васыля?

Панасъ. Геть зѣ очей моихъ! О, Боже нашъ мыльи! *(Оксана тыхо йде до дверей)*. Куды ты? Вернысь! Свистить свичи та лампадкы, почнемѣ гуртомъ молытись, може Мылосердныи змѣлуетця надъ нами... О, Господы! Гришний я, гришний... *(Зъ слѣзамы)*. „Всякое дыханіе да хвалыть Господа“... О, Боже мій! Оце ускочывъ!

Степаныда и Оксана. Що-жѣ тамъ таке трапылось?

Панасъ. Хочь и не пытайте! *(Зитхас)*. Лукавыи напутавъ... Скилько разивъ приказувавъ тоби, щѣбъ у суботу, заразъ писля обидъ, свитыла лампадкы!

Степаныда. Ця горилка николи до пуття не доведо.

Панасъ. Ты тямышь! Горилка! Тутъ не горилка, а порядкы... *(Зитхас)*. Но вже-жѣ за це та на Сибирь?

Степаныда. Кого на Сибирь? За вищо?

Панасъ. Мене! Винъ мене налаявъ, а я ёго въ морду; такъ ёму ничего, а мене на Сибирь!..

Степаныда. Зѣ кымъ-же то ты бвв-ся? га?

Панасъ. Зѣ Лахтіономъ, зѣ тымъ, що зкупѣуе гречаныи попиль на мыло! Гулялы мы, бачышь, у шынку. Сыдымо мы отакъ поручъ зѣ Лахтіономъ, а винъ усе затына писень, та ни якъ не наладыть,—я й почавъ глзуваты зѣ нѣго. Дали винъ мене налаявъ, а я ёго, винъ знову мене... Ну, я не зтерпивъ,—звисно пъяный чоловикъ,—у морду ёго! Винъ мене, я ёго вдруге,—а винъ такъ сторчакá й давъ!..

Степаныда. Охъ, мени лыхо! Убывъ?

Панасъ. Та де тамъ у бисового батька убывъ! Такъ, тилько мазка зѣ носа потекла! Ото винъ зхонывся, та якъ закрычыть: „Прыкештуюсь, люде добри! Винъ, каже, мене убывъ“. Тутъ заразъ Гершко пидскачывъ до Лахтіона, та й каже ёму: „Не руште ёго, за це мы ёго спровадымъ ажъ на Сибирь!“ То-бъ то мене! „Е, каже, такый законъ, що заразъ ёго на Сибирь...“

Степаныда. Законъ такый? Бреше, бреше, бисивъ капцянь!

Панасъ. Эге, бреше! Ни, не бреше... Я й самъ зпершу не понявъ ёму виры, такъ Степанъ Андріевычъ, облакаты, отой, що позаторикъ бувъ у волосты пысаремъ, каже, що именно е такый законъ... Ничого сказаты, гарный законъ! За те, що двичи ударывъ, такъ на Сибирь? Отъ напастъ... О, Господы Мылосердныи! *(Пада передъ иконою на вколѣшкы)*. Согрипывъ я, окаянный!

„Въ руди Твои, Господы, предаю духъ мій“... Хороши порядки! „Господы, Владыко живота моего“... Ставайте навкѣлюшки, заразъ ставайте! А то я васъ за патли... *(Прыпада лыцямъ до земли)*.

Степаныда *(стае на вкѣлюшки)*. Правду дядыха казала, що скоро буде кивецъ свитови! Оце-жъ и кивецъ ёму! *(Колы входе Гершко, обое разомъ встають)*.

Я В А І V.

Ти жъ и Гершко.

Гершко. Ну, здрастуйте! Хванасій, знаете што? Я вамъ пришель сказать, што у вашемъ дѣли та можно вамъ помогать...

Панасъ. Що, якъ? Та ты справди, чы... Слухай, Гершку, та я тоби й не знаю що давъ бы, абы-бъ тилько мени збўтысь ціи напасты... Я жъ, бачъ, не знавъ порядкивъ. Воно, стало бытъ, кожый може спиткнутысь. Будь ласка,— павчы, якъ мени выкрутытысь изъ ціей okazji!.. Я вже тоби дамъ ажъ... пѣять карбованцивъ!

Гершко. Пѣять карбованцивъ? Фе, пѣять карбованцивъ! За такое дѣло пѣять карбованцивъ! Звиняйте, што я вамъ скажу: чы вы дурненькы, чы вы глухенькы, чы вы такъ себѣ... звиняйте! Развѣ вы думаете, што это прежній судъ? Хорошее дѣло,— пѣять карбованцивъ. За такое дѣло пѣять карбованцивъ, то это фарфаленъ шганць поштройки!

Панасъ. Ну, слухай! якъ бы жъ я ёго побывъ, або що... А то такъ тилько, мазнувъ его на выдли...

Гершко. Это ушѣ равно! Знаете што? Я вамъ сказу одно слово: дайте минѣ корова и дѣло ваше будетъ харасо!..

Панасъ. Корову? За таке дило корову?

Степаныда. Охъ, матинко, корову!

Гершко. Корову! Ну да, корову! Не даете, га? Ну, какъ соби знаете... Ну, за швиданія зъ вами! *(Хоче йты)*.

Панасъ. Отъ ускѣчывъ! Та постривай бо, Гершку! Де жъ такы корову? Що ёго у свити Вожому робыты? Корову! *(Ударывшы обѣ полы рукамы)*. Беры вже й корову... *(На бикъ)*. Бодай тебе за печинкы узяло!

Степаныда *(до Оксаны)*. Бачъ,— шыла, не слухала?..

Оксана *(зъ лякомъ)*. Та цытьте, мамо!..

Панасъ. Що зъ тобою подіешъ? Я вже тоби дамъ ту рябенку, що зъ другимъ телямъ...

Гершко *(сміється)*. Охъ, какой вы! П-сь! Рази это корова? Я завшѣмъ не хочу такая корова! То не корова, а бѣзвивокъ... Дайте минѣ чорну!

Панасъ. Ни, чорной не дамъ! Якъ можно чорну? Бачъ якый!

Гершко. Великый гешефтъ! ай, яй, яй! Какъ соби знает! Такой богатый человекъ, та лучше онъ пропадетъ, какъ дастъ корова... Это гаворить, такой умный, какъ у швити нема! Ой, вей! Я затыкаю сибѣ уха, та не хочу слухать! Какъ можно, щобъ таѣи слова та говорилъ такой человекъ зъ великимъ разумомъ! П-сь!

Панасъ. Та вже ты говори тамъ, що хочешъ... Де жъ такы чорну корову?

Гершко. Ну, за швиданія зъ вами! Слушайте, Хванасій! Глядите, штобъ не каялись... Минѣ васъ жаль, ей Богу жаль! Я это для васъ тольки... Ну, за швиданія! *(Хоче йты)*.

Панасъ. Та постривай бо, чого ты втикаешъ... Посыдь! Та сядь бо, кажу... Ну що ёго?.. Це напастъ, та й годя! Та куды бо ты? А, що за чоловікъ! Непаче тамъ ёго шыло... И нѣдытця, якъ той чортъ на заутрени! Що ты подіешъ? Ничого робыть, беры вже й чорну! *(На*

бихъ). Бодай зъ тебе духъ узяло! (*До ёго*). Отаки порядкы!

Гершко. Ну, вотъ и харасо! Ваше дѣло такъ будетъ хорошо, што ну... Мы такъ издѣлаемъ, што будетъ гитъ!

Панасъ. Ну, скажы жъ мени, якъ ты мене выправышь?

Гершко. Нашъ адвокатъ,—то онъ молодець! Онъ такой умный, што другого такого нигдѣ нѣтъ. Онъ еще какъ служылъ у земскомъ судѣ, та ушѣ его боялись... Знаете, отчего онъ такой умный, га? Онъ изъ насихъ! Зъ насихъ ушѣ умныи люди... Онъ такъ знаетъ нови законы, что какъ заговорыть, то ажъ страшно слюхать... У, умная голова!

Панасъ. Ну, а зможе жъ мене винъ выправыты?

Гершко. Вшѣ можно! Слюхайте, знаете, какъ законъ говорыть? Одна статья говорыть, отъ уголовного закона,—заслатъ его на Сибирь, а другая говорыть—не нузно его на Сибирь, а третя говорыть—заслатъ его ажъ за Сибирь, а тамъ знову говорыть—не надо его никуда!

Панасъ. Бачъ, онъ якъ! Дѣво, та й годи! Одна каже—зослатъ. а друга каже—не треба...

Гершко. А вы знаете, на што это такъ издѣлано? Какъ онъ сибѣ честный хазяинъ,—то его ослабаныть, а какъ онъ мошельникъ, грабительникъ,—то его на Сибирь...

Панасъ. Ачъ, якъ хитро зроблено!

Степаныда. Слухай Панасе! Та отой Степанъ, отой нечестывый аблакатъ, та буде тебе судыты?..

Гершко. Ай, вей! Какая ви... Рази можна такъ говорыть? Знаете, што за это слово, што ви говорыте: „нечестывый“,—та васъ можна подъ арестъ!

Степаныда. Охъ мени лыхо? За що?

Гершко. За сцо? За ругательство!

Панасъ. Чы чѹешъ? Кинець свитови, ей Богу, кинець!

Гершко. Я вамъ скажу для васъ хорошево гешефтъ! Нашъ адвокатъ—та онъ не хоцетъ никакой плата. На што ему? Онъ сибѣ полюбывъ ваша Оксанка, та хоцетъ изъ нею оженыцца!

Оксана. Щобъ я пишла за отого лысого, мыршавого?

Степаныда (*Зъ лякомъ*). Цыть, цыть! Якъ це ты сказала?

Панасъ. Пидъ орешть хочешъ?

Оксана. Лучче у каторгу, ніжъ за тавого... Це зъ мосту, та въ воду! (*Иде зъ хаты*).

Гершко. Зъ мосту у воду? На што эта рахуба?

Панасъ. Молоде... дурне!

Гершко. Ну, какъ вы думаете?

Панасъ. Це халепа, та й годи! Винъ же той... трохы пога... той, якъ ёго?.. Винъ, бачъ, старенькый вже... Правда, що винъ изъ дворянъ, такъ голый-же!..

Гершко. П-съ! Теперь только адвокатамъ и жыть... Я самъ издѣлаю скоро адвокатомъ. Ай, ай, ай! Теперь только брать гроши,...

Панасъ. Конечно, такого чоловика мѣты зятемъ дуже добре; винъ тебе зо всякой биды възволыть. Часомъ и побьешъ кого, такъ...

Гершко. Онъ и сказалъ такъ; нехай дають за мене Оксана, та я вшѣ здѣлаю. А какъ не дадутъ, то я, говорыть ихъ на Сибирь...

Панасъ. Бачъ! Хочъ круть-верть, хочъ верть-круть! Ну, и пидвернувся-жъ бисивъ Лахтѣонъ!.. А щобъ тоби, скурвый!..

Гершко. Ну, говорыте: чы такъ, чы не такъ?

Панасъ. Огутъ помаракуй! Гей, Гершку, Гершку, колы бъ ты знавъ... Та нехай вже прыходыть!..

Гершко. Ну, а корову?

Панасъ. Корову! Ты жъ першъ зробы дило...

Гершко. Ну, то ви дайте мѣ рошписка.

Панасъ. Боги жъ я неграмотный!

Гершко. Это ницево! У васъ есть печать, та ви его прикладите на бумага, та й вшѣ!..

Панасъ. Яка печать? Та, що я прикладувавъ до журналивъ та протоколивъ, якъ бувъ ратманомъ у ратуши?

Гершко. Ну-да!

Панасъ. Подай, жинко, печать. Лыбонь вона тамъ, у скрини.

Гершко (*выйма вексельный папиръ*). Ну, вотъ вамъ бумага. (*Степанида подае печать*). А ну-ну, што тамъ написано? (*Чыта печать по складамъ*). „А-фа-на-сій Гу-ринъ“. Самаво хорошево дѣла!

Панасъ (*сѣре у него печать*). Отъ, здаеця и не мудра штука: „Ахванасій Гуринъ“,— а якъ не вмѣшь, то й не прочитаешъ. (*Напалюе печать*). Не вчыли насъ батькы грамоты! Було мій батько кажуть: „Йидять люде хлибъ и непысьмѣнни“...

Гершко (*зв нетерплячкою*). Ну, годи вже, годи!

Панасъ. Ты вже не вчы мене, будь ласкавъ. Бачъ, осѣдечкы ще не почорнила! Бидови у насъ були чыновныкы, якъ ще я служывъ, кажу, ратманомъ: тамъ таки были, що й зъ мертвого здеруть! Инчий, часомъ, не дае хабаря, такъ вони ёму й кешени повывѣртуютъ...

Гершко. Годи тамъ вже пекты!

Панасъ. Ни, нохай ще трохы напийлыця.

Гершко. Ну, будетъ вже...

Панасъ. Та постривай-бо! А разъ селетарь нашъ напысавъ рѣспыску, що будимъ-то нашъ голова та позывчывъ у него сто карбѣванчивъ... А той здуру й видпысавъ! Отъ що выроблялы зъ нашимъ братомъ, неграмотнымъ!

Гершко. А што жъ издѣлалъ селетарь изъ та рошписка?

Панасъ. Що? Нареготався у волю, та й порвавъ!

Гершко. Фе, какой онъ глупый!

Панасъ. Може й ты напышешъ на цій божази тако, що й гришмы не видкупысся? Гляды!

Гершко. Я? Рази я какой? Рази ви мене не знаете? Ну, пора прикладувать!

Панасъ (*приклада печать*). Отъ и готово! Ачъ якъ выйшло—и слиный розбере! (*Тыка пальцемъ вз роспыску*). Отъ Хванасій, чы отъ Хванасій?

Гершко. А, што тамъ читать! (*Склада роспыску и шпарко хова вз карманъ*). Ну, за швиданія! Дай Богъ, штобъ наше дѣло было хорошо! За швиданія, мадамъ Степанида! (*Выходять*).

Панасъ. Це, мабуть, такъ ще буде, що й у снй якъ кого наляешъ, то пидъ орешть?

Степанида. Кажуть-же, що передъ кинцемъ свита усе пиде на выворить...

Панасъ. И такъ воно усе шкерѣберть пишло!.. Але я такъ налякався, що ажъ хмиль выйшовъ! Дарма, що цилу кварту укуталы!

Степанида. Може й промижъ себе не можна даятысь?

Панасъ. Може... Теперъ усѣго жды!

Степанида. Що то слиный чоловікъ,—то й не знаемо, що дѣтця у свити! Онъ якъ Васыль, той добре грамоту зна.

Панасъ. О, той зна! Той зело грамотий!

Степанида. Якъ бы отдалы Оксану замижъ за Васыля... Винъ бы намъ святе пысьмо чытавъ... Краще слухаты псалтырь, нижъ до шынку ходыты. Йй Богу, краше! Васыль, Господы, якъ поштыво мене прохавъ!..

Панасъ (*не слуха и*). Ачъ, йродивъ Лахтѣонъ! Гараздъ, що нема никого чужого въ хати,— хочъ вылаю добре!..

Степанида. Та лай, лай! Я не докажу!

Панасъ. Тебе й по губахъ можна...

Степанида. Може й на це е законъ?

Панасъ. На це? Який на це законъ? Про це ще й не пысалы!

Степаныда. Отъ, правда на свити! Якъ жинокъ — то не щытають за людynu!..

Панасъ. Яка жъ вона людына? Баба, одно слово — баба! Баба, та й годи! Зъ бабы яки узяткы? Хиба тилько чоловікъ колы небудь попобье... А, щобъ тоби, бисивъ Лахтіоне, добра не було!

Степаныда. Щобъ ёму попрыщыло!

Панасъ. Именно, щобъ попрыщыло!

Степаныда. Стонáдцять чортивъ и сира свыта! Стонáдцять болячкѣ та пропащныць! Щобъ тебе земля не прыняла!..

Панасъ. Оце такъ, такъ! Але ты й ловко лаещя, неначе по пысаному!..

Степаныда. Щобъ ёму й ёго родови сѣяшныци, та перелогы, та завѣйна, та прыстрить, та болячкы, та пропащныця, та... *(побачышы Оксану зъ ллякомъ замуляе рота)*.

Я В А V.

Ти жъ и Оксана.

Оксана *(ухмыляетця)*. Кого це вы, мамо, такъ лаете?

Панасъ *(до жинкы)*. Не кажы! *(На бикѣ)*. Тепера й ридной дытны оберегайсь!..

Степаныда. Лаете! Що це тоби невить що вчуваеця? Лаете! Отакъ соби, балакаемо промижъ себе, та й годи! До це ты була?

Оксана. Я де була? Була... навгорбди. *(Мовчыть)*.

Панасъ. Ну що-жъ, дочко, пидешъ за облаката?

Оксана. Не пиду, ни за що не пиду! Зъ якои речы?

Панасъ. А якъ я, бува, та... прысылую?

Оксана. Кто, вы прысылуєте? Якъ сѣдуватимете, то я й втечу...

Панасъ. Хиба ты хочешъ, щобъ мене на Сибирь?

Оксана. Та яка тамъ, тату, Сибирь!..

Панасъ. Кто ёго зна яка, а кажуть люде, що страшна!

Оксана. Не треба бытысь, бо то сѣромъ!

Панасъ. О, ты розумя! Ну, а якъ нехотячы вдарышь? Иноди такъ вдарышь, що й не зоглядыся! Описля вже й назадь бы, та ба!

Я В А VI.

Ти жъ, Лахтіонъ и Сокуренно.

Лахтіонъ *(поклонився иконамъ)*. Здравствуйте! Сь праздничкомъ васъ... Богъ на помощь!

Панасъ *(встае)*. Це що таке, га? Геть зъ моеи хаты!

Степаныда. Ще й сюды прыйшовъ завѣдыты колотнечу?

Панасъ *(до Сокуренка)*. Ты якъ посмивъ?..

Лахтіонъ. Чаво лаещя? Погода, не гони, — дѣло скажу!

Панасъ. Не треба мени ни якого дила! Убирайся!

Лахтіонъ. Эхъ, голова! Вѣдь я мириться пришель! Вотъ дочь твоя да Василий Григорычъ упросили меня...

Панасъ. Мырытысь? Хиба можна?

Лахтіонъ. Вотъ, еще какъ! Давай руку, да и кончено! Зачѣмъ намъ ссориться? Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, всѣ мы христіане!

Панасъ. А хиба-жъ безъ суда можна?

Сокуренко. Можна! Я заразъ чытавъ...

Степаныда. Що то грамотный чоловікъ!

Панасъ. Чытавъ? Ты це навсправжкы, чы, може, туману напускаешъ? Може, такъ тилько хочышь... бабы забыть?

Лахтіонъ. Послушай! Я ужъ имѣлъ дѣло у мирового — сь однимъ пріятелемъ во хмѣлю подрались. Мировой судья сказаль намъ: „Помиритесь, говорить, ребята, и дѣла за вами никакого не будетъ состоять“. Ну, что-жъ, по рукамъ,

ась? *(Панасъ мовчки подае руку)*. Только, братъ, съ однимъ условіемъ...

Панасъ. Ну, а якъ аблакать не захочетъ Сокуренко. Яке-жь ёму дило? То винь збрехавъ, що казавъ на Сибирь. Я це усе чытавъ у закони.

Степаныда. Що то выдющый чоловікъ!

Панасъ. Именно, выдющый чоловікъ, такъ винь понима!

Лахтiонъ. Если ты, примѣромъ, пришибешь,—ну, тогда плохо дѣло, потому главная причина—дохтуръ. Дохтуръ можетъ дать такое свидѣтельство, что въ Сибирь. Вотъ что!

Панасъ. Дохтуръ? Тю, дыви, голубчыку!

Лахтiонъ. Вся сила—дохтуръ! Ну, такъ миръ, что-ли? А условіе вотъ какое: что бы ты отдалъ дочь свою за Василя Григорыча? Ладно, что-ли?

Оксана *(идійшла до батька)*. Таточку, ридный! *(Пада ёму на груди)*.

Степаныда. Бачъ, хто до насъ щырый! Заразъ и прочытавъ... Якъ-бы не Василь, то обморочылы-бъ тебе.

Лахтiонъ. Что-жь молчишь! Говори! Ставь магарычъ и кончено! Афанасій!.. Эхъ, голова!..

Панасъ. Та якъ-же це? Це таке, що я й не розберу!

Лахтiонъ. Эка упорный мужикъ!

Сокуренко. Ахванасій Миколаёвичъ, годи бо вамъ сёрдыгысь на мене!

Оксана. Таточку, вы-жь мене любите?..

Панасъ *(ухмыляетця)*. У, ты вже якъ ясочка!

Лахтiонъ. Ну, не хочешь мириться и не надо! Пусть тебя возьмутъ подъ арестъ. Прощай! *(Хочетъ йти)*. Я еще пойду къ дохтуру за бумагой...

Панасъ. Слухай, який-бо ты! Дай-же хочъ подуматы... *(Про себе)*. Одна статя каже—на Сибирь, а друга каже—не треба... Дохтуръ дастъ свидѣтельство... Круты—не верты! Ну, давай руку!

Лахтiонъ. Вотъ и ладно! Ну, поцѣлуемся! *(Цилуютьця зъ Панасомъ)*. И съ вами, хозяйшка, позвольте,—это по порядку! *(Цилуютьця)*. По христіански, трижды, во уста сахарныя!

Оксана *(пада въ ноги батькови)*. Сокиль мій ясный!

Панасъ *(идійма и)*. Годи, годи! Хай Богъ помага тобі на усе добре. Ходы-жь и ты сюды, Васылю. *(Сокуренко хоче поклонитця ёму въ ноги)*. Не треба, не треба! Що намахаеся головою, якъ настане весилля! Боже-жь васъ благословы, диты мои! Нехай вамъ Мылосердный щастыть на усе добре! *(Сокуренко и Оксана переходять до Степаныды)*.

Степаныда. Боже васъ благословы, диточки! Теперь вже Василь чыгатыме намъ святе пысьмо...

Панасъ. Э, то само собою, а то треба закони чытаты... Бѣ колысь такъ ускочышь, що тилько засвыстятъ...

Лахтiонъ. Ну, полно вамъ,—давайте магарычъ!

Панасъ. Малосты-жь просымо за стиль. Покры чай, выпыемо чыахы? А подай, жинко, пляшку! *(Оксана вносыть самоваръ, а Степаныда пляшку зъ горилкою и зѣкуску)*.

Лахтiонъ. Да, по махонькой не мѣшаеъ!

Панасъ. Кажуть, що по старому звичаю пылы горилку до чаю?

Лахтiонъ. А по новому—пыють и послѣ чаю!

Панасъ. Пожлуста мовчы про новы порядкы...

Я В А VII.

Ти жъ, Гершко и Рыбкинь.

Гѣршко. Отъ и ми присли. Вусъ, што это такое? Хванасій, што это такое?

Рыбкинъ (*чванючысь*). Мое почтеніе, господа!.. (*До Оксаны*). Рекомендуюсь...

Гершко. Што это такое?

Панасъ. Помирылись!

Гершко. Помирылись? Вусъ помирылись? Кто помирылись?

Лахтлонъ. Помирились по христіански. (*Гершко зовсімъ перелякався*).

Рыбкинъ. Помирились? А, вотъ какъ! А позвольте васъ спросить, на основаніи какой статьи?

Гершко. Какой статьи отъ уголовного закона?

Лахтлонъ. А статья такая, что, стало быть, Афанасій отдасть свою дочь за Василя Григорыча.

Гершко. Вусъ? Мошельники! Грабительники!

Рыбкинъ. А знаете-ли вы, почтенные, что ссора и драка въ публичномъ мѣстѣ, на основаніи... Г-мъ, на основаніи... уголовного судопроизводства и рѣшенія кассационнаго департамента...

Гершко. Ушѣхъ на Сибирь!

Рыбкинъ. Такой обманъ, такое конфузное приключеніе, такое, можно сказать, казусное происшествіе... Погодите-же, я вамъ докажу, что мотивируя этотъ случай по анализу Желѣзнякова и примѣняясь...

Панасъ. Добродію, що хочете кажити, а я вже поблагословивъ, то слова не переламаю, бо то грихъ! Годи вамъ гниватись, сидайте за стилъ та вищемо...

Гершко. Мы ихъ ушѣхъ на Сибирь!..

Панасъ. А який бо ты, Гершку! Що то жидовá—такы свое! Давайте лучше помирись!

Сокуренко (*пидходить до Рыбкина*). Степанъ Андреичъ, та вгамуйтеся, Бога рады! Вы жъ чоловікъ зъ розумомъ,—чы вже жъ думаете насыльно мыльмъ буты?

Рыбкинъ. Да что вы? Вы знаете меня, знаете? Я... я... я...

Гершко. Такъ ви такъ изъ нами? Ну, харасо! Теперъ я подамъ на мировой судья вашъ вексель... Я напишу тамъ, што ви у меня позичили сто рублѣй.

Панасъ. Такъ ты такой чесный? Ачь, бисова тинь.

Гершко. Цесный, цесный, што цесный? Тамъ есть ваша печать! Поцему нецесный? (*Выйма вексель*). Ага, попалса? (*Дывытця на вексель*). Вусъ, вусъ? Ай, гвултъ! Калавуръ! Мошельники! Грабительники!

Вси. Що, що тамъ таке?

Гершко. Што таке, што таке!.. (*Тыкае Панасу вексель*). Што это такое, га?

Панасъ. Ничого не бачу!

Гершко. Ничого не бачышь, га? Штобъ тебѣ повилазило! На што печать на припечаталъ у гору ногами?

Панасъ. Тю! Дывы! Я й не примитывъ!

Гершко. Не примитывъ, не примитывъ! Разбойникъ! За што ты меня зарѣзалъ, за што меня ограбилъ?

Панасъ. Ото тебе Богъ покаравъ! Чужимъ не забагатіешъ... Слухай, не речетуй, я тоби поминывся дати корову?

Гершко. Ну - ну, та што зъ того будить?

Панасъ. Ну, то коровы я тоби не дамъ, а п'ять рубливъ дамъ. Попросы жъ аблаката, щобъ винъ помирився зо мною!

Гершко. Ай, вей! Ну, харасо, харасо! Эхъ, Хванасій, какой ви хитрый... какой ви изъ рѣзумомъ... какой ви мастеръ...

Панасъ. Та маемо по троху.

Гершко. А водка на швадьба у меня взымете? Ну, харасо, харасо! (*Пидходить до Рыбкина*). Слюхайте, на што намъ эта рахуба? Помирись!

Рыбкинъ. Помилуйте, Григорій Яковлевичъ, я обиженъ! Сколько я живу,—я подобнаго скандала не имѣлъ! Я вхожу сюда, какъ женихъ,—и вдругъ...

Гершко. Рази онъ утикаеть зъ нашихъ рукъ, утикаеть?.. Онъ еще двадцать разъ попадетца, я такъ издѣлаю,

што онъ попадетца! А нивѣста я вамъ найду еще двадцать! Слюхайте, за вами есть десять рублей, есть? Ну, нехай будить девять, га? Ну, нехай восемь? Нѣтъ? Ну, нехай будить семь съ половиною?

Рывкинъ. Нѣтъ, за чѣмъ же! Я, я... всѣ вамъ отдамъ!

Гершко. Отдамъ, отдамъ! Когда отдадите? Когда? Вы вшѣ говорите отдамъ и вшѣ пѣете водка.

Рывкинъ. Но подумайте, Григорій Яковлевичъ, какой-нибудь мужикъ и... позволяетъ себѣ...

Гершко. Ну, а скажите изъ швоя совисть: хто вамъ даетъ кліенты, га? А, видите? Ну, миръ? Ну, я васъ просю! За вами семь зъ полтинникомъ рублой, га? Ну, нехай семь съ полтинникомъ!

Рывкинъ. Г-мъ... По крайней мѣрѣ, пусть этотъ мужикъ извинится передо мною!

Гершко. Ай, вей! Какой вы видѣли изъ мужика деликатности? Ну, я васъ просю!

Рывкинъ. Извольте, Григорій Яковлевичъ! Повѣрьте мнѣ, что я это дѣлаю только для васъ... *(Дае руку)*.

Гершко. Ну, благодарю васъ! Господа! Ша! Просимъ дать мѣсто нашъ знаменательный адвокатъ! *(Вси встають)*.

Панасъ. Милосты просымо, залазьте у кутокъ! *(Вси сидають)*.

Гершко. Ну, господа! Дай Богъ, штобъ ми были хароши пріятели... Нехай будетъ такъ, какъ ми захотѣли! А правда? Ша!.. Ну, нехай будетъ такъ!

Панасъ. А ну, жинко, давай чаю! А покы що, выпьемъ чайхы! *(Нальва и пзе)*. Будьжо здорови! *(Пидносять Рыб-кину)*. Выкушайте! *(Рывкинъ бере горилку)*.

Рывкинъ. Ну, будьте здоровы, да подеритесь еще... *(Пзе)*.

Панасъ. Нехай Богъ боронить!

Лахтiонъ. Подеремся и снова помиряся! Это ничаво!

Панасъ. Хай Богъ боронить! Мій бзтьбо не судився и я не хочу! Колысь-то можна було и попобыть, а теперь... *(Степаныда подае чай, а Панасъ частуе по чѣрзи)*.

Рывкинъ *(пзе чай)*. Что это у васъ за чай таковой?

Степаныда. А що, добродію?

Рывкинъ. Горькій!

Панасъ. То мы для духу кладемó по трóху гвоздычного перцю!

Степаныда. Господы, якъ гарно на похмилля! Ажъ за языкъ щыпа!

Рывкинъ. Странный вкусъ!

Лахтiонъ. Что-жъ, будемъ пѣсни играть? *(Затынѣ)*.

Сидитъ воронъ, воронъ на березѣ,

Свищеть воинъ на войнѣ...

Пропадать тебѣ, мальчиѣ-мальчонокъ,

Въ чужой-дальней сторонѣ...

Панасъ. Голубчыку, не спивай! Бо якъ часомъ я не втерплю, то знову буде беда!.. Крычышь, неначе тебе хто рже!

Лахтiонъ. Побѣмся и помиримся!

Гершко. Ну, да!

Панасъ. Ни, спаснби за ласку! *(До публикы)*.

Теперь не той свить наставъ

Якъ колысь бувало, —

Пополунышь кого добре, } двичи.

Та й пышы пропало. }

Степаныда.

Хочъ не гарно мы зиграли,

Все жъ не треба гудить,

Не лайтеся! *(Показуючы на*

адвоката). Бо онъ якый! } двичи.

Заразъ всихъ засудить!

Сокуреньо.

Можна жыты и безъ лайкы,

Съ добрымъ, щырымъ сердцемъ.

Панасъ.

А вже жъ, що такъ! *(До пу-*

бликы). Кажить: „эге жъ!“ } двичи.

Дамъ чаю вамъ зъ перцемъ. }

Лахтiонъ.

Больше жидъ здѣсь виноватъ,
Ужъ я съ нимъ сквитуюсь!

Гершко.

Ви слешите, гашпада,— }
Я вамъ протештуюсь! } двичи.

Вси.

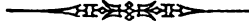
Просымъ щиро васъ, панове,

Щобъ вы розсудылы:

Чы годѣтця оця каша, }
Що мы наварылы? } двичи.

«Зависа».

Написана въ 1869 році,
въ городи Бобринци.

ПОШЫЛЫСЬ У ДУРНИ.

Шутка-оперетка въ 3-хъ дѣяхъ.

(Въ исправленномъ видѣ).

ЛЫЦЕДІИ:

Максымъ Кукса, богатый мищанинъ, мирошникъ, удовецъ.
Орышка, старша его дочка, лить 19-ты.
Степанъ Дранко, богатый мищанинъ, коваль, удовецъ.
Горпына, старша его дочка, лить 18-ты.
Антонъ, наймытъ Куксивъ, молодой парубокъ.

Василь, наймытъ Дранка, молодой парубокъ.
Скануонецъ, волостный писарь.
Нечыпиръ, захожий чоловікъ, лить 30-ты. Гости и народъ.

Діетця у мистечку.

ДІЯ І.

На кону зъ обохъ боківъ плетени тыны, зъ за котрыхъ выглядать хаты, повитки, амбары, хливы, коморы и пр. Пидъ тынамы лавы. Зъ ливого боку господа Куксы, зъ правого—Дранка. За господою Куксы видно водяный млинъ, за господою Дранка—вузня.

Я В А І.

Зъ млына выходять Кукса и Антонъ.

Кукса (спива).

Отакъ ось якъ бачышь, любый мій козаче,
Буды окомъ згляну, чы ногою стану,
Скрызъ кривда пануе, та правду гальмуе.

Антонъ.

Охъ, правда, паноче, що и такъ бувао,
Це вже такъ сказали якъ перомъ спысали.

Разомъ:

Охъ тяжко, тяжко, жыть въ свити важко. (2)

Кукса.

Такъ якъ шашоль точе серце тоби й душу,
Розумъ такъ здавило якъ муцирь пацѣшу,
Що вже дали буде, чы вгадають люде?

Антонъ.

Охъ, правда паноче и т. д.

Кукса. Доглядай, доглядай кажу тоби,
Бильшь якъ свого ока!

Антонъ. Та вже не турбуйтеся, хазяинъ,— я вамъ кажу, що ниhto вамъ такъ не потрапуть догодыты, якъ я! надійтеся на мене, якъ на камьяну гору!

Кукса. Одного тилько ни якъ я не розберу: за вищо ты такъ ненáвдышь, того бабського роду?

Антонъ. За вищо? Довго розказуваты! А тилько якъ побачу молодыцю, а найпаче дивчыну, то такъ мени зъ души верне, мовъ муху проковтнувъ. А вашихъ дочокъ ненáвдыю черезъ те, що вы мени, хазяинъ, дуже полюбылись; и жаль мени

васъ, просто беда, якъ жаль, що вы такъ зъ ными бидкаетесь!..

Кукса. Охъ, бидкаюсь!.. А ты не гниваешься на мене, що я тебе частенько ганяю?

Антонъ. Бороны мене Боже! Хазяинъ може й спаты й гуляты,—на те винъ е хазяинъ; а наймытъ повиненъ що-дня й що-ночи працюваты...

Кукса. Розумно, розумно миркуешъ!

Антонъ. Зъ нашимъ братомъ, зъ наймытомъ, безъ лайки не можна. Насъ треба быть, та ще й добре, бо мы дурни!..

Кукса. Тры мисяци ты у мене служышь, а я тебе вже такъ уподобавъ, якъ ридного сына!

Антонъ. И я скажу, що не знаю, чы любывъ я свого батька такъ, якъ васъ люблю! (*Помовчавъ*). Давно вже я хочу спытаты васъ, знаю, що вы одынь на всимъ свити скажете мени достомытну правду: на вищо оти бабы на свити?

Кукса. А й справди,—на вищо вони?

Антонъ. Безъ бабивъ, здаеця, краще бъ жылося на свити?

Кукса. Краще бъ? Такъ, такъ!..

Антонъ. Такъ на що жъ вони, оти бабы, на свити?

Кукса. Не скажу, голубчыку, не скажу! Скылько вже разывъ и я миркувавъ надъ цимъ запутаннымъ диломъ... Звисно, Богъ сотворывъ!

Антонъ. На спокысу?

Кукса. Именно на спокысу!

Антонъ. Отъ, спасыби, що вы мени це сказаны; а то я морочывся, морочывся!.. Теперь вы мени розвъязаны рота... Отъ, хочъ бы скажу про Оксану, сусидську наймычку...

Кукса. Що такъ?

Антонъ. Я позавчора бачывъ, якъ вы, отамъ за півтыкою, жениханы зъ нею!

Кукса. (*тревизижно*). Що?

Антонъ. И чувъ, якъ вы йй казаны, що купыте йй на спидныцю моднёго сытцю и платокъ...

Кукса. Чувъ? (*У бикъ*). Попався. (*До нёго*). Ты чувъ? Гляды жъ, не проговорысь сусидови Дранкови... Я хотывъ ии перемануты до себе у наймы.

Антонъ. На що жъ вы мене обдурюете? Бачте, я передъ вами выкладаю усю свою душу, а вы... Я жъ чувъ, якъ вы йй сказаны: „выйды, якъ стемнйе, на леваду!“..

Кукса. Не казавъ!

Антонъ. Ни, казаны, казаны!

Кукса. Далебы, що про леваду я ни слова не казавъ!..

Антонъ. Ну, може це мени тилько почулося!.. Одначе, я заразы такы тоди подумавъ: чы не дяволь то, пидъ дывочою одежою, скушавъ мого хазяина?

Кукса. А що ты думаешъ, може...

Антонъ. Пиду жъ я, думаю соби, до попа и попросю ёго, щобъ винъ одмолыгывавъ мого хазяина!..

Кукса. До попа? Чы ты не здурывъ?

Антонъ. Я жъ ще не ходывъ, а тилько навйжывся! Якъ я знаю, що пипъ мае васъ за чоловика богомольного и богобоязного...

Кукса. Такъ, такъ... Я такый, такый справди! Ты не ходы до попа,—я краще самъ ёму признаюся на духу!

Антонъ. Нехай бы та Оксана до мене лыпла,—ще не дывно бъ було, бо я парубокъ и молодой чоловикъ; а що жъ йй на васъ уподобалось?

Кукса. Скушенйе, дявольское скушенйе!

Антонъ. Вже жъ не лысына ваша?

Кукса. (*гризно*). Що такъ?

Антонъ. Я той... я помылывся!.. Я хотывъ сказать,—чы не гроши ваши ии скушаны?

Кукса. Яки гроши?

Антонъ. А ты, що вы на тымъ тыжни переносылы у ноци на леваду, у полывья-ному глечыку...

Кукса. Не переносывъ!..

Антонъ. Шкода тилько, що я не бачывъ, куды вы переховали той глечынкъ!

Кукса. Не бачывъ?

Антонъ. Якъ бы я бачывъ, то разъ бы узывъ ихъ...

Кукса. Узывъ бы?

Антонъ. Чого вы такъ злякалысь? Я жъ кажу, — узывъ бы ихъ, принисъ бы до васъ, та й сказавъ бы: ховайте краше ваши копыталы!

Кукса. Справди?

Антонъ. Я зъ роду не брехавъ.

Кукса (*дывытця на него*). Отъ же я не розберу тебе, що ты за людына?

Антонъ. Я? — самá правда!

Кукса. Може, може!.. Ну, та й бойный ты на словахъ!

Антонъ. О, я на словахъ, якъ на органахъ!

Кукса. Бачу, бачу! Музыкантъ! Хе-хе-хе! А ну, подывысь мени въ вичи! (*Антонъ дывытця*). Здаецця, що ты не брешешъ. Ну, то я жъ оце пиду, а ты тутъ доглядай за дивчатамы.

Антонъ. Та вже не бійтесь—и ока не заплюшу! Може и радый бувъ бы заплющитъ, та колы жъ мени такъ бабы почынылы, що сонъ у мене на вискъ однялы!

Кукса. Ну, прощай до якого часу!

Антонъ. Слухайте, хазяинъ!

Кукса. А що тамъ ще таке?

Антонъ. Вы вже, пожалуста, не зачипайте отіен Оксаны, нехай вона скысне!

Кукса. Скушеніе, чисте навожденіе! (*Пшовз*).

Антонъ. Ну, колы бъ мени удалось ще тебе пійматы хочъ на одній провны, —тоди бъ мы зъ тобою потягались!

Я В А II.

Ти жъ и Васыль (*выходитъ зъ кузни*).

Антонъ. Ну?

Васыль. Ни ну, ни тпру!

Антонъ. Погано панъ пыше! Ну, а я свого бгара трохи гнуздаю! Ось-ось скоро й цурку надину на губу!

Васыль. А знаешъ, братухо, що я де-що прыдумавъ?

Антонъ. Кажы, що?

Васыль. Колы вже дило доходить до нивуды, то треба на хытрощи пускатысь!

Антонъ. Я це давно знавъ и такъ и роблю! Бо въ свити, на гроши и на господарськы достаткы бильшъ бидныхъ людей, нижъ багатыхъ, а що на розумъ бидныхъ,—то ще бильше. И ти люде, що жывуть въ достаткахъ, зъ де-бильшого мають дывну натуру: вони не можуть ступыть и одного ступня безъ поводыря, а иныч то ще й гниваюця, чомъ ихъ за нисъ не водять!..

Васыль. Якъ же це такъ? я й не розберу!..

Антонъ. А ось розмиркуй! Напрыкладъ, отъ скажу про мого хазяина: колы бъ я не запевнывъ ёго у тимъ, що не навидю бабського роду, —чы винъ давъ бы мени пидъ прыглядъ своихъ дочокъ?

Васыль. А й справди!

Антонъ. Першъ винъ боявся выйти за подвирья, мучывся, сердешный, не спавъ покійно, не йивъ, не пывъ... Все ёму здавалось, що ёго дочки за хлопцями бигають... А теперь винъ пишовъ соби до людей безпешно. Стало быть, я воду ёго за нисъ ёму жъ на корысть!

Васыль. Ну, та й хытрый же ты!

Антонъ. Та й ты жъ на хытрощи пускаецся?

Васыль. Моимы хытроцамы я тилько себе дую! Скажу тоби, братухо, що безъ Горшыны мени краше въ ополонку головою!..

Антонъ. Отъ, ще що выгадавъ! Нехай накладають на себе руки ти, за котрыми е кому жалевуваты; а нашъ братъ, бидолаха, загине не своею смертію, скажуть: „туды ёму й дорога, ледацюзи!“ Я тожъ кохаю Орышку, а що жъ ты

вдієшь? Треба хитрувати: не можна через тинь,—лизь по-пидь тинь!..

Василь. Ты мени що-дня одне й те жь кажешь. Кажу тобі, що мени не ждетця!.. Ни, я ришывь! Оце я заразь несу роботу въ мистечко, та забижу до пысаря,—винь мени родахъ и щось-то вже винь мени та порадыть! Я чувь, що мій хазяинь не сёгодня—завтра дожида жениха зь города, хто-сь то мае приыхаты свататы Горпыну!..

Антонъ. И мій натякаі частенько про якого-сь жениха, тожь зь города.

Василь. Пиду, упаду прямо пысареви въ ноги,—нехай вызволя обохъ!..

Антонъ. Якимъ пдытомъ?

Василь. Про те вже винь знае. (*Пишовъ*).

Антонъ. А може й справди пысарь що небудь прыдума? Чувь я, що пысаря на пи штуку велькы майстры! Що жь це Орышка и дасы не выходыть! Сказала жь: „якъ тилько батько зь двору, то заразь и выбижу!“ (*Побачывъ Орышку*). Иды, Орышко, не бійсь! Батько ондечкы вже ледве манячыть. Пишовъ по людяхъ гроши правыты за перемиль, то може тамъ и геть-то загостюетця!..

Я В А III.

Орышка и Антонъ.

Орышка. Охъ, я такъ уся и тремтю!

Антонъ. Богъ-зна чого ты лякаеся!

Орышка. Де жь пакъ! Нещаслива наша доленька, що й побалакаты не доведетця до ладу!..

Антонъ. Що жь, колы батько твій, бачь, все гне на те, щобъ до ёго дочокъ сваталысь дукари, або купци!

Орышка. Охъ, горенько тяжке! „Видамъ, каже, тебе, хочъ за старого та беззубаго, абы бъ за грошовытого!“

Антонъ. То-то жь бо й е! Що не кажы, а вельке дило гроши! А ты по-

слухай батька, покорысь ёму, та йды хочъ за чорта за лысого!

Орышка. Богъ зь тобою, Антоне, якъ це ты говоришь! Ты гниваеся за щось на мене, и черезъ те такъ кривдышь мене! Чы я жь тобі у чимъ зрадыла?

Антонъ. А то жь и ни? На глумь я тобі здався, чы якъ? Онь и вчора—цилисоньку ничь вьходывъ по левади, а тый не прыйшла!.. А я ходю якъ дурный!.. Мало не до свита блукавъ та выспивувавъ! (*Помовчавъ*). Ну, Орышко, що жь,—надумалась ты про те, що я тобі казавъ?

Орышка. Скажу прямо батькови: виддайте мене за Антона!

Антонъ. Колы жь то буде?

Орышка. Якъ тилько спобыжу таку годыну, що вони не будутъ сердыты!..

Антонъ. Це буде якъ разъ на маненького Юрія, якъ ракъ свысне!

Орышка. Вони инколи бувають такы дуже добры!

Антонъ. На Мыкблы, та й никблы!

Орышка. Я скажу имъ прямо, що не переживу розлучення зь тобою!

Антонъ. Переживешъ!

Орышка. Охъ, яка твоя мова уразлива!

За що-жь, мылий, ты вражаешъ

У край мое серце?

Чы вже жь справди ты думаешъ,—

Кохавня мынетця?

Антонъ.

Хочъ думаю—не думаю,

Серця я не змушу:

Воно ные, воно рветця.

Гадыною вьетця!

Непрыспыть его й не спое

Сонь-трава, ни рута;

Одна смерть ёго загое,

Та зилля-отрута.

Орышка.

На що-жь смерть, нехай надія

Обгортае душу,

Бо безъ неи, якъ безъ соньця

Загынута мушу.

Антонъ.

Занежаявъ я надію
И думкы залышывъ,
Тилько сердце порывас,
То влыщыть, то умилавъ...
Не прыспыть его й не спое
Сонъ-трава, ни рута;
Одна смерть его загое,
Та зилля-отрута.

Орышка.

Годи, мылый, орле сызый,
Годи жъ сумуваты;
Станемъ шыро у Господа
Доленкы благаты!

Орышка и Антонъ (*разомъ*).

Боже мылый, мылостывый,
Згляньсь на нашу долю,
Спаруй сердца паши й души,—
Вчыны святу волю!
Хочъ блага—не вблагаю,
Горя я не змушу,—
Бо не маю ёму краю: } двичи.
Вопо палыть душу.

Антонъ. Одначе, я все такы боюсь
вириты тоби! Бо не могу я своего сердца
зоспокоиты!

Орышка (*глянула у бикъ*). Ой, лы-
шенько,—батько вже вертаютця!

Антонъ. Чы й справдъ? (*Глянувъ у
бикъ*). Такъ, такъ! Вже ёго лыхе нысе!
Слухай, Орышко, идемо на пропаляе?..
Ня?.. Чого жъ ты мовчышь?.. Ты ба-
чышь, що сердце мое вогнемъ поняло! Ну
то якъ соби знаешъ, а тилько слухай
сюды: хочъ бы тамъ и смерть, а щобъ
ты сёгодня була на левади!..

Орышка. Буду, хочъ смерть, а пры-
лыну, мій орле! (*Пислы*).

Я В А І V.

Кукса *выходыть засмученый и сидае
на лави.*

Втомывся! Не такъ видъ ходы, якъ
видъ тыхъ думокъ, видъ того клѣпоту!

Куды не пиду, такъ думка ногы й по-
верта до-дому. (*Спива*).

Чы мени жъ хочъ марылось,
А чы у сны верзлось,
Щобъ отакъ на старистъ
Сумуваты прыйшлось?

За що жъ, за що, за що
Ты мене карашъ,
У землю вганяешъ,
Сылы видіймаешъ,—
Господы!—за що?

Доты я бувъ щасливый,
Доты я й не журывъсь,
Доты й незнавъ смутку,
Докы я не женивъсь.

На що, на що, на що
Жинку соби взявъ,
Дитворы придбавъ,
Клопоту зазнавъ,—
Господы! на що?

Куды жъ, куды, куды
Подивусь съ журьбою,
Зъ тяжкою нудьгою,
Зъ такою симъюю—
Господы!.. Куды?

Гай, гай! Не поможе, мылый Боже и
воскова свичка! И за якы грихы пока-
равъ мене Господъ отимъ никчемнымъ
зиллямъ? Ну нехай бы сказать одна, не-
хай бы вже й дви.. Ну ще й тры сякъ-
такъ! А то ажъ п'ять! Орышка, Па-
лажка, Оксаба, Тетяна, ще й Йивга! Ну,
якъ ты дасы имъ рады? Це жъ не те,
що тамъ, якъ бува у млыни що небудь
поламастця,—чы кулакъ, чы порилця:
цюкъ разъ, у друге—и полагодывъ! А
тутъ що-дегна, що хвылына беда!..

Антонъ (*зъ воритъ*). Хазяинъ! Вже
Гаврылове жыто змолодось; чые теперь
засыпаты: жыдове, чы дякове?

Кукса. Засыпъ жыдове! Зъ жыда швидче
гроши выправышь, а зъ дяка попра-
вышь! (*Антонъ пишовъ, Кукса огля-
нувъ*). Якъ це Антонъ постеригъ, шо
я переховувавъ гроши? Добре, шо я пилля

того ще разъ ихъ переховавъ! (*Зновз оглянувся*). Скільки жъ це у мене бракує до п'яти тисячъ? Зъ собою принісь сорокъ симъ рубливъ, та у малій скрини пидъ замкомъ шістьсотъ тридцять чотыри, у глечку чотыри тисячи.

Антонъ (*з воритъ*). А якъ змелю жыдове, тоди чые засыпати?

Кукса (*хова гроши*). Чые хочешъ! (*Антонъ пишовъ*). Ни, мабуть якъ ляжу спати, тоди поличу; нема кращои добы личыты гроши, якъ у ночи,—нихто не мишае! (*Помовчавъ*). Отъ старша дочка, Орышка, то вже й зовсимъ приспила,—до парубкивъ ажъ горыть... А за нею вже й меньша пнетца у гору, якъ той будякъ! А женихивъ, якъ на злисть, нема та й нема! Тутъ бы, мовлявъ, виддавъ бы й за пивня, колы бъ тилько срибне пирья! Ну що, якъ бы до Антонової вроды, та грошей хочъ рубливъ п'ятьсотъ, та волить паръ зо-тры, та земелькы... Отъ бы зятемъ бувъ!.. Чы й справды жъ Антонъ такъ нев'ывидыть бабивъ? Якъ винъ постеригъ мене зъ Оксаною?.. Здаеця, такъ вже оберегаеця,—отъ же жъ и постеригъ! Мабуть не даромъ чоловикови дано два ока. Одначе, я думая, що на бабу мало й двоухъ очей,—то вже таке проклятуще зилля, що за нымъ и въ чотыри не потрапышь!

Орышка (*з двору*). Тату! А де я визьму муки на вареныкы, чы у млыни, чы...

Кукса. Кортыть тебе у млынъ? Тьфу! усе забуваю, що у мене Антонъ служыть; ну, зъ цимъ наврядъ чы пожартуе! (*Гука*). Пиды у млынъ, нехай Антонъ визьме корьякъ зъ якого тамъ купецького лантуха. Пиды, пиды, та поцилуй ёго! (*Регоче*).

Орышка. Зъ якои речи? Цилуйтесъ самы зъ нымъ, колы винъ вамъ такъ до вподобы! (*Пишла*).

Кукса (*сміється*). Мабуть, вже колы небудь піймала видъ ёго облызня!

Я В А V.

Кукса и Дранко.

Дранко (*крычыть у себе на дворѣ*). И слухаты не хочю! Знаю, яки печерыци пидешъ збыраты! Сыды мени въ хати якъ прышыта! Що?.. Ну-ну, ты въ мене поговорышь! Що? пидешъ такы? То й не-вертайся до двору!

Кукса. Чого то мій сусида такъ розлутувався?

Дранко (*выходыть*). Це кара Господа! Ни въ день, ни въ ночи и ока не заплющъ,—такъ и зоры якъ той песь!..

Кукса. Добры-день вамъ сусиде!

Дранко. Ни, вже, мабуть, мени докы и свить-сонци—доброго дня не бачыты!

Кукса. А що тамъ таке трапылось?

Дранко. Видчениця вы видъ мене! Разъ-по-зразъ лыпнете до мене, мовъ смола до пидиска; що дня лизете мени въ вичи зъ своимы питаннямы, якъ пыль зъ ву-гилля!.. Здаеця, добре вже знаете мій клопить!

Кукса. А, то вы все про тее?

Дранко. Та вже жъ не про оное! Онъ у васъ видъ п'ятёхъ кдпоту того по-венъ михъ, а въ мене ихъ ажъ симъ... Я вже не разъ кажу, що краще бъ мени ковадло на-десятеро триснуло, нижъ от-така що-денна гартивля!

Кукса. Та хай бы мени що-дня лотокы трошыло въ цуркы, опусть засмоктувало!

Дранко. Та що вамъ?

Кукса. Якъ що? Отъ тоби й здрастуйте!

Дранко. У васъ же ихъ тилько п'ять!

Кукса. Але жъ и п'ять...

Дранко. Але жъ не симъ...

Кукса. Але жъ и п'ять, кажу?..

Дранко. Але жъ и не симъ кажу? Гапка, Приська, Горынна, Хотына, Селета, Ялына ще й Хивря!

Кукса. Орышка, Палажка, Оксана, Тетяна ще й Ивга... Воно конешне!..

Дранко. То-то жъ бо й е!

Кукса. Та адже жъ, кажу, и п'ять въ ротъ треба взять!

Дранко. Але жъ, кажу, й симъ—по бублѣку всимъ... Хочъ визьмы, забурай на визъ, притягны рублемъ та й вези на торгъ! Отъ такого жыгала достань у пачинки!

Кукса. У голови неначе у десятеро ступъ товче!

Дранко. Нехай бы товкло, а тутъ сердце, зъ пересердя, перепалыло тобі, мовъ на жужельницю!

Кукса. Чы не хочете понюхаты свиженъкой? (*Пидносе тавлынку*).

Дранко. Добре, вже я чхаю и безъ табаку. (*Нюха*). Я жъ кажу: нехай бы була одна!

Кукса. Ну й дви ще ничего!

Дранко. Та воно й тры не велика печаль!

Кукса. Ще тры,—сякъ-такъ!

Дранко. То жъ не симъ?..

Кукса. Або жъ и не п'ять?..

Дранко. Але жъ не... Атчихи! (*Чхае*).

Кукса. На здоровлячко.

Дранко. Дякую! Мицна табака!.. У кого купували?

Кукса. У Свирыда!

Дранко. У того, щочотырѣхъдочокъ мае?

Кукса. Эге жъ. Зъ крышталець! Крышталь зъ розбитыхъ ставанивъ товче, та пидмишуе у табаку, щобъ... щобъ шыпало у носи!

Дранко. До всѣго добырають скуства! А що, якъ пове веретено?

Кукса. Черкае ще по троху.

Дранко. Черкае?

Кукса. Эге, черкае! Я вже инколи думаю соби: чы не стоять наши хаты на такимъ кгрунті, що винъ такыи плодучый на той бабськый ридъ? (*Зъ Дранкового двору чутно гавкання*).

Дранко (*хутко пидбигае до своего тыну и загляда у двиръ*). Собаки загрызлися! Онъ вже Василь повернувся. (*Гука*). Иды жъ, иды до кузни, ничего тамъ переморгуватись!

Кукса. А винъ хйба й туды?

Дранко. Ни, теперь вже не помичаю, а першь трохы стрялявъ... Тилько моя Горпына до ёго...

Кукса. Горыть?

Дранко. Ажъ пашыть.

Кукса. Отакъ моя Орышка до Антона, тилько що Антонъ не таивськый...

Дранко. Не вирьте!

Кукса. Ненавдыты бабивъ!

Дранко. А я вамъ кажу: не вирьте! Отъ за Васнля,—то голову покладу пидъ ковадло! Якъ тилько котра зъ дивчатъ навёрнетця до кузни,—то винъ заразы розигрие жыгало, та такъ у вичи й штрыкá!

Кукса. Не вирьте!

Дранко. Роскажуть!

Кукса. Не вирьте, кажу вамъ!

Дранко. Говорить соби!

Кукса. Охъ-хо-хо! За що на мою голову звалылось таке горе? Воно мовъ на шпоно потовкло мою душу, на крупы подерло мое сердце!

Дранко. Нехай бы тамъ дерло,—то пuste дило!.. А тутъ мовъ обценьками здавило тебе и риже тобі душу, лъб крыцю тупый терпугъ!..

Кукса (*спива*).

За що ты, Боже,
Зтруивъ мій вйкъ?

Дранко.

Безщастный на свити
Я чоловікъ!

Кукса.

Ой, чы вже-жъ мени що-хвыли
Блопить той трыматы?

Дранко.

Чы вже жъ мени супокою
И хвыли не маты?

Дранко и Кукса *(разомъ)*.

О-о-о-о-о-о!..

Згляньсь надо мною!

Дай хочъ хвыльну

Въ день супокою!

Дранко.

Ой, чы думавъ ты, Степана,

Що така беда настане?

Кукса.

Чы гадавъ же ты, Максиме,

Що така беда настыгне?..

Дранко.

Хочъ повисся,

Хочъ вдався!

Кукса.

Хочъ здурій

Або жъ втопся!

Дранко и Кукса *(разомъ)*.

Або сядь, мовчы та дышъ,—

Отъ тоби, Гандзю, кнышъ!

Кукса.

Колы бъ знавъ те лыхо,—

Зроду бъ не женився!

Дранко.

Колы бъ гадавъ горе,—

Краще бъ удавись!

Кукса.

Якъ п'ять дочокъ маты,

То краще здуриты!

Дранко.

Ни, зъ сѣма дочкамы

Виду не дожыты!

Дранко и Кукса *(разомъ)*.

Охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ,

Безшастна доле!

Яке я терплю

Тяжее горе!

Дранко.

Ой, чы думавъ ты, Степана? и т. д.

Кукса.

Чы гадавъ же ты, Максиме? и т. д.

Кукса.

Есть же въ свити люде

Що горя не мають,

Зампсыць сѣма дочокъ

Одну соби мають.

Дранко.

Инчый одну мае

Та й ту проклянае.

Кукса.

Охъ, правда, сусиде,

Що и такъ бувае.

Разомъ:

Охъ-охъ-охъ-охъ,

Згляньсь надо мною,

Дай хочъ хвыльну

Въ день супокою.

Дранко.

Ой чы думавъ и т. д.

(Зъ дворивъ чуты регитъ).

Дранко. Ий Богу, вже Горпына выкрадаеця кудысь! Де бъ мени дубыну зачоныты? Постривай же, я тоби дамъ печерыци! *(Вытягае зъ тыну килокз и блжыть у подвир'я)*.

Кукса. Питы ще у млынъ,—чы не засну хочъ трохы!

Антонъ *(постеригши его, крычыть на Орышку)*. Убырайся, убырайся зъ млына,—ничого тоби тутъ засыжуватись!

Кукса. Ай, молодець Антонъ. *(До Орышкы)*. Поцилуй ёго, Орышко, то винъ заразь подобриша! *(Регоче)*.

Антонъ. Якъ вы, хазяинъ, отакъ будете навчаты ии, то я й роцоту попросю! *(Кукса сміючысь пишовъ у млынъ)*.

Я В А VI.

Орышка *выходыть усмихаючысь*.

Ну, та й не хитрый же Антонъ! Якъ достомытно удао зъ себе сердытого,—нибы й справди нонавдыты мене... А вже якъ винъ мене любе, якъ кохае,—то й не знаю, чы зможе лыйн инчый парубокъ кохаты такъ дивву! И цилуе, и прыгортае, и щечече!.. И такъ же то любо тоди стане на сердцеви, та весело! *(Спива)*.

Любий Антоне,
 Мій ты соколе, —
 Ты жъ мій коханый,
 Ты жъ мій жаданий!
 Якъ мени любо
 Въ купци зъ тобою!
 Не зрадь же мене,
 Мій ты собою!
 Моя ты думко
 Мій ты крышталю,
 Тебе жъ серденько
 Щыро кохаю.
 Якъ мени любо и т. д.
 (*Пишла вз хату*).

Я В А VII.

Дранко и Горпына.

Горпына (*идучы через конз*). Я
 жъ вамъ кажу, що заразы вернусь!

Дранко. А я тоби кажу—вернись!
 Вернись заразы мени, бо ноги поперебиваю!

Горпына. А я вамъ кажу—не вер-
 нусь такы! (*Пишла*).

Дранко. Ахъ, ты жъ анахтема! (*Кы-
 да пальцю и попада вз Скакунця*).

Я В А VIII.

Дранко и Скакунець.

Скакунець (*пиднявз палку*). Ну що
 жъ, якъ оцей документъ та представлю
 мировому судьи?

Дранко. Выбачайте, то я ненарокомъ!

Скакунець. Що мени зъ вашого „вы-
 бачайте?“ Вы мой особи могли оцією
 особою ноги поперебиваты.

Дранко. Выбачайте, будь ласка.

Скакунець. Зяову: „выбачайте!“ Чуд-
 ный народъ!

Дранко. А чого жъ вамъ ще?

Скакунець. Не доводя до особы мы-
 рового судьи, предлагаю вашій особи за-

платыть мой особи рубъ серебра! На це
 вамъ даю строку тры дни. Це одна статья.
 А другий параграфъ: маю до васъ лысть
 зъ города.

Дранко. Лысть? Давайте мерщій! (*У-
 бикз*). Певно, видъ Лахтіона Хведоро-
 выча зъ города!

Скакунець (*гука у двирз Куксы*).
 А хто тамъ е живый? Скажить хазяинову,
 що маю до ёго лысть зъ города! (*Спила*).

Какъ безъ политики жыты
 На цимъ хымернымъ свити?..

Чы выкрешемъ зъ кремению

Вогню безъ кресала?

Чы солодко йистця

Борщъ голый безъ сала?

А кому до смаку

Пампушкы безъ часныку,

Безъ оли галушкы

Або рыба безъ юшкы?

Не знаю, панове,

Какъ на ваши зубы, —

А я одъ тій стравы

Одвертаю губы!

Божный писарь зъ поконь викъ,

Политычный чоловикъ:

Нельзя ёму слова свои

На витерь пускаты,—

За все винъ повиненъ

Требуваты платы...

Бо волостный писарь,—

Што въ слюсарни слисарь,

Што у плузи чересло,

Або въ човни те весло.

Не знаю, панове,

Какъ вамъ це здаеця?

Я жъ маракую,

Што скрызъ такъ ведетця!

Теперьъ визьмемъ кого зъ селянь,—

Не зъ грошовытыхъ, а зъ бидныхъ
 мырянъ:

Чы знайдетця хочъ одынъ

Такый вже не ласый,

Щобъ ёму передъ Риздвомъ

Не слыльсь ковбасы,

А у писть тарань, чахонь,
 Оселедец часомъ,—
 Писля чаркы, на похмилля,
 Хринь та редька зь квасомъ?
 Не знаю, панове,
 Што частишь вамъ снытця,—
 А што тій бидноти
 Кожну ничь м'ясныци!
 Отъ, грошовытый—то инча статья,
 Тихъ безпечнише всякъ часъ жытья:
 Не потіе, не хворіе,
 Карбованци лице,
 Усихъ гоньтє, зноважє
 И всимъ дули тыче!
 Люде вси ёму мовчать,
 Докы грошыкы брязчать!..
 И до вику, добри люде,
 Грошовытый въ шани буде,
 Бо гроши надъ нами
 Зарядже керують,—
 За гроши и дурни
 Розумъ купують!
 Теперъ, панове, скажите мени,
 Какъ безъ политики жыть на сели?
 Чы можна жъ намъ, писарямъ,
 Вороны ловыты,
 Колы свить такый наставъ,
 Што краще й не жыты!
 Потому я й не дримаю
 И де должно, запускаю,
 Будто-бы для рады штуку,
 У чужи кешени руки...
 Не знаю, панове,
 Какъ це вамъ здастця,—
 А мижъ писарямы
 Везде такъ ведетця...

ЯВА ІХ.

Кукса *хутко выходить зз млына.*

Кукса. Кажете, лысть до мене пры-
 неслы? (*У бикъ*). Певно, хто-сь изъ пры-
 ятеливъ жениха рае!..

Дранко. Давайте-жъ мерщій, бо мени
 николи!

Писарь, Николи не треба хапатись!
 Кто хапаетця, той тилько дило псуе,— такъ
 и въ псалтыри показано: хто спиньтє, той
 людей сминьтє... Такъ-то, прыятели мои
 любезныи и мылостыви государи!..

Кукса. Пожалуста, мерщій давайте!

Писарь. Що?

Кукса. Та лысть-же!

Писарь. Який?

Дранко. А, яки бо вы! Тутъ повна
 голова клопоту!..

Кукса. Ажъ гуде у голови, якъ у
 млыни.

Писарь. Слушайте сюды, я вамъ ро-
 скажу одну прычту. Йнахвъ одынъ чо-
 ловикъ черезъ вузенькій мистокъ, а ёму
 на зустрічъ полупанокъ. „Звертай“, кры-
 чыть полупанокъ. Той мовчыть. „Звер-
 тай!“ крычыть у друге. Той такы мов-
 чыть. Полупанокъ баче, що не перевага,
 вже промовывъ зтыха: „Будь ласка,
 зверны, чоловиче добрый“. А чоловикъ
 тоди и одмовывъ: „А де ваше—здрастуй?“

Кукса и Дранко. Хиба жъ мы зъ
 вами не здрастувалысь?

Писарь. По справци оказуетця, що ни!
 Дранко (*простяга руку*). То здра-
 стуйте!

Кукса (*тожъ*). Мое поштеніе!

Писарь (*стыса руки*). Доброго здо-
 ровьячка! Якъ вы соби поживаете?

Дранко. Та такъ, поманеньку!

Кукса. Полегеньку: то скокомъ, то
 бокомъ!

Писарь. Ну, слава Богу! Що-жъ у
 васъ тутъ нового?

Дранко и Кукса. О, вже знову по-
 чалы! Та мерщій бо!..

Писарь. Чого це вы до мене пры-
 лыпаете?

Дранко и Кукса. Та де жъ лысты?

Писарь. Лысты? Лысты тамъ де имъ
 слідъ буты,—на дереві!

Дранко. Та ни, лысты—ти пысьма?

Писарь. А, пысьма? У волосты!

Дранко. То такъ бы й казали зразу!
(До Куксы). Побижымо, сусиде?

Кукса. А що-жь, пошкунделаемо.

Пысарь. Волость замкнена.

Дранко и Кукса. А въ кого жь ключъ?

Пысарь. У кого належить ёму по закону бутн. Законъ показуе: „Печать у старшыны, бляха у соцького, книга у зборщыка, а ключъ у пысаря!“ Пысарь есть ключъ до всякихъ дилловъ!..

Дранко и Кукса. Такъ одимкнить!

Пысарь. Одимкнути не штука, колы бь не заржавивь...

Дранко. Лоёмъ помастыть...

Кукса. Або оливою!.. Оливою краще...

Пысарь. Но безпокойтесь! Я вси свои архыметыки и безъ васъ понимаю!

Кукса и Дранко. Ну?

Пысарь. Не нукайте, не повезе... А якъ засіпаєте, то ще й хвыцаты почне!

Дранко и Кукса. Морока зь вами, та й годн!

Пысарь. Скажыть мени, любезнійши мои прыатели и мылостыви государи: якъ вы збыраетесь куды йхаты, чы вы гудуете коней?

Дранко. Хто-жь цёго не знае?

Кукса. Не погодувавши не пойидешъ!

Пысарь. И оброку даете?

Дранко. Якъ не дасы вивса не побижыть!

Кукса. Що й казати,—прыстануть.

Пысарь. Стало бытъ йхаты—тпру?

Дранко и Кукса. А такъ, такъ—тпру?

Пысарь. Отъ вамъ и вся политика! Розумно вамъ?

Дранко и Кукса. Ни!

Пысарь. Такъ слушайте жь, я вамъ ростолкую усе по пунктахъ и по параграфахъ...

Дранко и Кукса. А лысты жь наши якъ?

Пысарь. Теперь я пиду до-дому, пообидаю, та ляжу видпочыты...

Дранко. Та це вамъ замарудылось подратувати насъ, чы якъ?

Кукса. Ничогисенько не розберу!

Пысарь. Одначе, прощавайте! Завтра, якъ не забуду, то прынесу вамъ лысты.

Дранко и Кукса. Та це до завтрёго ждаты?

Пысарь (*дывытыця на обохъ*). Ачъ, каки нехытри! Ну, какъ выжу, то зь вами зь невыразымою хвылозопією не далеко дойдешъ: чы вы справди, чы прыкыдаетесь? Но вже вы зовсимъ не догадалысь?

Дранко. Я ни,—я зовсимъ не догадлывы!

Кукса. А мени розжуйте и у ротъ положить, то я й тоди не догадаюсь. Хиба вже скажете; „йижъ!“ А то такъ и буду стояты, роззявившы рота!

Пысарь. Справди?

Дранко. А такъ, такъ,—воны у насъ таки!

Пысарь. Стало, будемъ говорыты прямо?

Дранко и Кукса. Прямо краце!

Пысарь. Какъ упрямо, такъ и прямо! Уплатить мени, то й лысты заразъ получыте!

Дранко. Такъ бы зразу й казали!

Кукса. А то й почалы закыдаты про коней та про овесъ!

Дранко. Та про якусь политику!

Пысарь. Таксу вы мою знаете?

Дранко и Кукса. А яка!

Пысарь. Першъ була по пятаку, а теперь возвышена—по гривеньку! Бо скрызъ теперь идёть на повышеніе!

Кукса (*у бикъ*). Отъ, чортывъ дряпизныкъ! (*Выйма зъ кешени гроши*). Нате вамъ!

Пысарь. А вамъ звольте лысты.

Дранко. Звольте и мои! (*Дае гроши*).

Пысарь (*дае лысты*). Пожалуйте и вамъ! Кукса (*одійшовшы трохи, мане пальцемъ пысаря*). На часыночку!

Дранко (*тожъ мане соби*). На хвылыночку!

ПЫСАРЬ. Чого?

КУКСА. Мылосты просю!

ДРАНКО. Будь ласка!

ПЫСАРЬ. Такса тожь возвышена, — за прочытаніе десять копійекъ, за одпысаніе двадцять. *(Голосъ зъ двору Дранко-вого: «Тату, идить, до васъ паламарь чого-сь прыйшовъ!»)*.

ДРАНКО. О, слава Господеви! Той мени даромъ прочыта! *(Пишовъ у свій двірѣ)*.

ПЫСАРЬ. Гривенекъ зъ кармана вылетивъ!

КУКСА. Отъ, щасливый сусидь, — ёму все дурницею обходытця.... Здилайте мылость!

ПЫСАРЬ. Ну?

КУКСА. Прочытайте, що тутъ надряпано! Я за платою не постою!

ПЫСАРЬ *(протяга руку)*. По такси!

КУКСА. Не турбуйтеся! Милкыхъ теперь нема! Завтра...

ПЫСАРЬ. Ни, спасыби... Мени вжо жывить пидвело видъ вашихъ завтракивъ!

КУКСА. Отъ же лышенько! Та ось хочъ сами помацайте, — порожнисеньки кешени!

ПЫСАРЬ *(хоче взяти за кешеню)*. Позвольте!

КУКСА. И не соромъ вамъ лизты у чужу кешеню?

ПЫСАРЬ *(засовуе руку у ёго кешеню)*. Зъ вашего прысогласу *(Вынявъ гроши)*. Бачте, ось и намацавъ какъ разъ гривенка!..

КУКСА *(У бикъ)*. А, щобъ тебе намацало! *(До нёго)*. Отъ же не даромъ мабуть кажуть, що иноди и самъ чоловікъ не зна, у якій кешени у нёго чортъ сыдыть!

ПЫСАРЬ. Это вѣрно! *(Роскрывъ листа, чытае)*. „Прыятелю мій вселюбезнійшій, мылостывый государь и шановный господынь!“..

КУКСА. Спасыби за шанѣбу! Мене таки, спасыби, люде шанують!

ПЫСАРЬ *(знову чытае)*. „Шановный господынь!..“

КУКСА. Ажь двичи шануе мене? Це яка-сь дуже вже добра людина пыше!

ПЫСАРЬ. Вы бо не перебывайте, а слушайте готового! Воно заразъ пиде дали: „...Шановный господынь! Звыняйте, што такъ довго не одпысувавъ до васъ объ вашихъ дилахъ, касательно жениха...“

КУКСА *(озыраетця)*. Чытайте, будь ласка, нышкомъ, — я не глухой!

ПЫСАРЬ *(чыта)*. „...Касательно жениха, потому што не мавъ времени!..“

КУКСА. А якъ що и спради ёму було нёколы? Конешне, мушу выбачаты!

ПЫСАРЬ. Я, кажетця, здеру зъ васъ проты возвышеною удвое!..

КУКСА. За шо?

ПЫСАРЬ. За многоглаголаніе!

КУКСА. Мовчу, мовчу!

ПЫСАРЬ *(чыта)*. „Ну, одначе, тепера подаю вамъ дорогую звистку: на этомъ тыжневи, когда не въ субботу, такъ неизбежно у неділю“...

КУКСА. Сёгодня субота!

ПЫСАРЬ. Ей Богу, я полизу до васъ у кешеню за возвышеною таксою! *(Чыта)*. „...У неділю прыедить парнышка, жоны мои сродныкъ, на оглядыны до васъ. Хочъ вонъ вже и въ летахъ, и изъ себе на выду непоказной, но одначе-жь хвундаментной чалавѣкъ и порядошный гаспадынь. Зумійте только прынять ёго въ настоящимъ хвасони, — и дщерь ваша Орына Максимовна возьмутъ себе у первое предысловіе превосходное щастіе и отсюда возникнетъ любовь и прочее“...

КУКСА. Подай господы!

ПЫСАРЬ. Ну, та й языкъ-же у васъ!

КУКСА. Мовчу, мовчу!

ПЫСАРЬ *(чыта)*. „Може ёму прыдеть у второе предысловіе прыкнутця убогимъ и одягнетця вонъ не по благородному, а по бедному, то вы не внимайте на этотъ хвакть своего обращенія...“

Кукса (*скризь зубы*). Подай Господы!

Пысарь. Чы вашъ языкъ може понимать яку небудь дисциплину? (*Чыта*).

„Желаю вамъ отъ усѣхъ моихъ совокупныхъ чувствій хорошо на весилы гулять и насъ вгощать. Советую не откладувать этого дила у продолжытельный ящкь,—везты у той же день до винця и слава Богу...“

Кукса. Аминь! Йй Богу, заразъ оце и до попа побижу и договору ёго! (*У бикъ*). Слава Тоби, Господы,—диждався! (*До нёго*). Мылосты просю и васъ на весилля!

Пысарь. Благодаримъ за вниманіе! Такъ какъ-же, развы вы завтра думаете ихъ и звинчаты?

Кукса. А що-жъ тутъ довго откладуваты?

Пысарь. Оце-жъ и по листови. А видъ кого винъ, вы догадальсь?

Кукса. Видъ Лахтіона Хведоровыча, зъ города?

Пысарь. Такъ и тутъ обознача: „Видъ Лахтіона Хведоровыча, зъ города“. Ну, до свяданія зъ вами! (*Иде*).

Кукса (*Хова листъ*). Ну, я вамъ скажу, що за такого куценького листочка не вартъ було платиты гривенька!

Пысарь. Не великъ, кажуть, червинчкь, та дорогой! За те жъ заты багатого прыдбаате...

Кукса. Будь ласка, не гомонить!.. А хйба мени моя дочка обрыдла? Легко, думаете мени буде розставатыся зъ нею? (*Идучы в з хату*). Слава тоби, Господы! Такъ и чую, якъ мени видъ сердца видтягло; а на души такъ якось весело стало, мовъ весняна вода прыбувае на лотокы! Колы-бъ тилько пипъ согласывся завтра ихъ повинчаты! Та нехай хочъ и 25 карбованцивъ загне—заплатю! (*Пишовъ*).

Пысарь. Треба-нада буде сповистыть Васыля, што наша полетика, кажетця, кыпыт!

Я В А Х.

Дранко и Пысарь.

Дранко (*балаха самъ зъ собою*). Я такы зразу догадався, що це видъ Лахтіона Хведоровыча. Пипъ до мене дуже прыхильный, то винъ мени ихъ завтра и звинчае! Паламарь каже, що можна хочъ и сёгодня звинчаты, абы документы были чысты! (*До пысаря*). А, вы ще тутъ?

Пысарь. Дождаю одъ васъ резолюціи на счотъ рубля серебра.

Дранко. А, яки бо вы! Отъ же, я добришій видъ васъ.

Пысарь. Любопытственно?

Дранко. Мылосты просю завтра до мене на весилля!

Пысарь. Благодарю! Це одна статья, а за рубъ серебра тры дни вамъ на розмышленіе. До свяданія.

Дранко. Тилько вы сусидови а ни словечка! (*Пысарь пишовъ*). Сёгодня або завтра женихъ прыбуде! Спасыби Лахтіонови Хведоровычови! Пыше, щобъ я завтра ихъ звинчавъ! Мотнусь оце заразъ до попа!

Я В А Х І.

Кукса и Дранко.

Кукса (*идучи зъ своего двору и не бачучы Дранка, тыхо прыспивуе*).

И по хати тыны-тыны,
И по синяхъ тыны-тыны,
Вары, жинко, мени-мени!

Дранко (*побачывши, що Кукса танцюе, прыспивуе и соби*).

И по хати тупу-тупу,
И по синяхъ тупу-тупу,—
Вары, жинко, круду-круду!

Кукса (*уздривъ Дранка*). Чого це вы, сусиде, такъ радіете?

Дранко. А вась яке лыхо розносило, що танцюете?

Кукса. Хиба жь то я танцював? Я утоптував осьдечкы землю, — бачте, якась чортяка покорпысала! Певно, капосни диты у хатовъ гралысь!

Дранко. А мени здалось, що вы танцюете, я й подумавъ соби: а ну, пиддамъ сусидови охоты!

Кукса. Та чы намъ же танци на уми?.. Обь спасеніи души треба думаты!

Дранко. Чы не довечерни зибралысь?

Кукса. Эге!

Дранко. У лѣу церкву?

Кукса. До Спаса! Великы конячпыу запрягты...

Дранко. А я пиду до Пречыстон. Охъ, грихы, грихы!

Кукса. Именно, що грихы! Здаеця и жыємо по Божому, и въ церкву учащемо, и посты додержуємо... Чы вы понедилкуете?

Дранко. А якъ-же, вже третій рікъ.

Кукса. А я шостый!.. А пидъ старисть все таки нибы чуешъ, яка сыла грихивъ за плечыма! Якъ писля доброй зимы воды у ставу...

Дранко. Эге, такъ и чуешъ, якъ прыгныа тебе до земли, — якъ добрый лантухъ зъ землянымъ вугиллямъ!

Кукса. Отъ, часомъ, кузочку манесеньку паступышь ногою и задавышь їи ненарокомъ, — а воно й то грихъ! (*Даетъ поноухаты*). И цѣго зилля, кажутъ, грихъ вжываты...

Дранко (*нюха*). А якъ-же! Я чувъ видъ одного дяка, що, каже, на тимъ свити нечыста сыла, замисць цїен погани, буде тобі у низдри запыхать чемерыцю...

Кукса. Мени одынъ салдатыкъ розказувавъ: винъ, значытця, бувъ вже ажъ двичи на Ахтоньскій гори... та каже, що... каже — грихы нашы да й толькы!

Дранко. Прощавайте до якого часу!

Кукса. Ходить здорови! Може вась чымъ зобидывъ сѣгодня, то простить мене!

Дранко. И мене простить.

Кукса. Богъ простыти! (*Поцилувавсь, пшыль по своихъ хатахъ*).

Я В А XII.

Василь, Антонъ, потимъ Горпына и Орышна.

Василь (*регоче, хапачысь за бокры*). Бачывъ, бачывъ, якъ наши хазяины мало не подуріють зъ радощивъ?

Антонъ. Видъ чого-жь то?

Василь. Посли, послы роскажу. Отъ, такъ штукеря!

Антонъ. Ой, не радій заздальгидь! Одначе, покы тамъ що, а теперь наша воля! (*Гука*). Орышко! Мерщій сюды! Гукай на Горпыну!

Василь. Горпынко, моя рыбонько, скорій иды!

Орышка (*вбига*). Чого це батько такъ рано пойихалы до церкви, ще й до вечерни не дзвонылы?

Горпына (*вбига*). Чого це такъ рано сѣгодня пошабашылы роботу?

Василь. Охъ, яки вы дивчата цикави!

Антонъ. Старимъ Богу молытись, а молодымъ веселытись! (*Спивають*).

Антонъ и Василь.

Теперь намъ воля,

Теперь намъ роздолля, —

Гуляймо-жь, спиваймо,

Доки щастыть доля!

Дивчата.

Ой якъ-же любенько,

Бьетця серденько,

Сметця й радїе,

Зъ коханя мліе!

Вси.

Теперь намъ воля,

Теперь намъ роздолля, —

Гуляймо-жь, спиваймо,

Доки щастыть доля!

Антонъ и Васыль.
 Дивчыно-серденько,
 Любымось вирнецько,
 Кохаймось до вику
 Безь миру, безь лику!

(Зависа).

ДІЯ ІІ.

Левада. Вербы и лоза, ричка. Ничь.

Я В А І.

Горпына и трохы з годомъ Васыль.

Горпына (*выходыть и прыдывляецця*). На сылу батько заснувь! Чого це винь такый веселый повернувся зь вечерни, мало не танцювавъ? „Одягайся, каже, завтра въ найкращу одежу, та сподивайся до насъ дорогыхъ гостей!“ Якихъ? пытаю. „Сама побачышь!“ И довго все щось натякавъ таке, але яничогисенько не розибрала. Все якысь шуточки, — ажъ обрыдъ мени! Ледве-ледве улигся спаты. Я такы, щобъ запевныты себе, чы й справди заснувь, взяла соломиньку та й пелоскотала ёго по щоци, а винь хочъ бы тоби вусомъ моргнувь, — хропе!.. Що жъ це ни Антона, ни Орышкы нема, и Васыль десь запропастывся? (*Сиди на пенёкз и спива*).

Свиты, свиты, мисяцю,
 И ты, ясна зоря,
 Просвиты дорижку
 А де мыла моя.
 У чыстому поли
 Тамъ шовкова трава,
 Гей, тамъ дивчына косу
 Та й розчисувала! (*Гукае*).

Гу-у! Орышко, гу!

Тамъ дивчына косу
 Та й розчисувала,
 Сестрыцямъ-подружкамъ
 Переказувала...

Вси.

Теперь намъ воля,
 Теперь намъ роздолля, —
 Гуллаймо-жъ, спиваймо,
 Докы щастыть доля!

Що-жъ це, й справди никто не йде? Самий якось ажъ вибы сумно сидиты. Гу-у! Та що-жъ це, й справди Васыля такъ довго нема? А може де-небудь прытанвся, та дождыае мои звисты? Чудный парубокъ! „Якъ часомъ я, каже, не одклькатымусь на твй голось, то знай, що то означа, що хто небуць за намы зорыть; тоди нявкны, якъ кишка — и я заразъ зъявлюсь!..“ А ну-ну, чы видклькнетця? (*Спива*).

Нявь, нявь, нявь!

Ни, не чуть!

До ты, мыленькій?

Васыль.

Нявь, нявь, нявь!

Горпына. О, видклькнетця!

Голубъ сызенькій!

Васыль (*кратецця левадою*).

Я тутъ, Горпыно!

Я тутъ, рыбчыно,

До тебе лыну,

Моя едына!

Васыль и Горпына (*разомъ*).

Якъ мени любо,

Серденько мое, —

Яки жъ мы щаслыви

Теперь обое!

Горпына.

Безь тебе, сердце,

И свить не мыль!

Васыль.

Моему коханню

Немае миру!

Василь и Горпына *(разомъ)*.

Якъ мени любо,
Серденько мое,—
Яки жъ мы щаслыви
Теперь сбое!

Горпына.

Моя ты думка,
Щыра дружно!..

Василь.

Дай, прыголубю
Мою одыну!

Василь и Горпына *(разомъ)*.

Якъ мени любо,
Серденько мое,—
Яки-жъ мы щаслыви
Теперь обое!

Василь. Моя ты рыбонько, моя утихо,
мое ты ясне сонечко!

Горпына. Справди? Мабуть таке ясне,
що ажъ въ очахъ темніе? Тоби бъ усе
тылько абы цилуватысь та голубытысь; а
ты й не знаешъ, що завтра лыбонь, ягесь
мене лыхо чекае? А казала тоби скылько
разывъ,—утечемо, та нышкомъ и звин-
чаймось? А ты все: „боюсь, боюсь!“

Василь. Завтра насъ може щаслыва
доля чекае, а не лыхо! Завтра, якъ то
кажуть,—бабка ще на-двое ворожыла!

Горпына. Якъ? Що тако?

Василь. А таке, що ото я таку пид-
вивъ машину, що твій батько и Кукса
мало зъ радощивъ не подурилы!

Горпына. Яку машину?

Василь. А що, цикаво? Отъ, ты мене
разъ-по-зразъ урикала, що я полохлы-
вый и несмыльвый; а ну, нехай хто сми-
львый таку штуку выгада?

Горпына. Та кажы-жъ бо швыдче,
що таке?

Василь. Кортыть? Отъ же й не скажу!

Горпына. Скажы! я тебе поцилюю.

Василь. Эге, теперь вже й „поци-
люю!“ Отъ, ты все казала на мене, що
я полохлывый та не смыльвый!

Горпына. Ну, на те, щобъ кого об-
дурты,—невелькой хваблости треба!

Василь. Эге, розкажуй! Ну, та й штука
жъ буде! *(Регоче)*.

Горпына. Та чого-жъ ты такъ радіешъ?

Василь. Якъ чого? Я вже знаю чого!
Якъ тылько дило пиде й до кинця такъ,
якъ воно теперь наклонулось,—тоди ты
певно будешъ моею!

Горпына. Якъ то буду твоею? А якъ
я ще, може, за тебе не пиду?..

Василь *(зз лякомъ)*. Якъ? та ты жъ...

Горпына. Божылася, що пиду? Такъ
що-жъ?.. А тепера отъ неху,—не хочу,
та й тылько!

Василь *(зз жаху не може промо-
выты)*. Такъ ты мене...

Горпына. А ну, заплачь! Чого-жъ
ты не плачешъ?

Василь. Такъ ты ось якъ? Такъ ще
хочешъ, щобъ я й заплакавъ? Такъ не
диждешъ же ты цёго!.. Будь же ты...

Горпына. А дали що? Чого жъ ты
замовкь?

Василь. Ни, не замовкну! Будь же
ты анах.... Ни, не хочу я тебе прокля-
наты! Що зъ того прокляття? Ну, лю-
была, докы любый бувъ! Прощай, Гор-
пыно, тылько жъ ты мене й бачыла!

Горпына *(хана его за руку)*. Ку-
ды жъ ты?

Василь. Не бійся,—не кынусь въ
рычку и на гылляци не почеплюсь! Ты
може цёго именно й хотила бъ? Одійды
ты видъ мене, зрадыце! *(Хутко йде)*.

Горпына. Васылю, Васылечку! По-
стривай бо, вернись! Ще може й справди
въ рычку кынетця, або на гылляци по-
высне! *(Побигла)*.

Я В А II.

Дранко *выбига зз дубыною*.

Дранко. Чувъ я, чувъ своими ву-
хами, що отутъ воны спывалы! И що то

Антонъ зъ моею Горшыною, — я готовъ
жменю жуželыци проковтнуты!.. Ну, коли
бъ мени его піймать!.. (*Пишовъ*).

Я В А III.

Антонъ (*спива за лаштункамы*).

Туманъ, туманъ по долини...
Шырокій лысьт на калыни,
А ще шырсій на дубочку.
Клыче голубъ голубочку!..
(*Выходьтъ*). Що воно за знакъ, що
Орышкы й доси нема? Вже давненько и
світло погасылы, а іи нема та й нема!
(*Выйма сопилку и грае жалибнои*).
Щось и сопилка гарчыть, неначе похря-
пана! Набуръ зовсімъ погано йде! Ну,
нехай же вона сёгодня не выйде! Бы-
туму, ій Богу, бытуму! Такъ оддубасю,
якъ то ій и не снылось! Я не подыв-
люсь на тебе, що ты багатырська дочка!
Э, ни, ты ще постривай надъ босымъ
сміятсь! Цей босый задасть тобі такого
чосу!.. Знае жъ идолка, що люблю іи,
якъ душу! Знае, що пропадаю за нею,
якъ... А може старый ще не сныть? Що
воно за знакъ? Яка прычта, — не роз-
беру... (*Грае веселои*). Щось неначе
шелестыть... (*Прыдывляеться*). Вона,
ій Богу, вона! (*Прысивъ за куццямъ*).

Я В А IV.

Орышка (*спива*).

Небо сныіе ажъ очи вбирае,
Зори навколо чудово блестять,
Онде и мисляць изъ за вербъ вырынае,
Що жъ соловейко не почына ляцать?
Якъ тыхо навколо,
Якъ страшно и дивно!
Сумно и страшно тутъ въ самотыни,
Не мовъ у лиси я заблудылась,
Чого жъ такъ довго забарылась
Горшына,

Онъ вже й вечерня зирочка зъявылась.
Якъ тыхо навколо,
Якъ страшно и дивно!..

Антонъ и Орышка.

Орышка (*иде полохлыво*). Отъ же,
ій Богу, нема ёго! Може розгнывався, що
я такъ довго не прыходыла, та й пи-
шовъ? Коли жъ батько и доси не сплять!
(*Спива тыхо*).

Де ты, Антоне,
Мій ты соколе?
Прыбудь хутенько,
Мое серденько!

Антонъ (*пидійшовъ*).

Я тутъ, Орысю,
Я тутъ, рыбчыно,
Лыну до тебе,
Моя дивчыно!

Антонъ и Орышка (*разомъ*).

О, якъ же любо
Серце забылось,
Якъ мои очи
Зъ твоими встрилысь!

Орышка.

Прыгорны жъ шыро
Свою кохану!

Антонъ.

Моя ты доле,
Мій ты талану!

Орышка.

Безъ тебе, орле,
Сумую дуже!

Антонъ.

Теперь про горе
Вдвохъ намъ байдуже!

Антонъ и Орышка (*разомъ*).

О, якъ же любо
Серце забылось,
Якъ мои очи
Зъ твоими встрилысь!

Орышка.

Якъ я щаслыва
Въ годыну цюю!

Антонъ.
Я видъ кохання
Серця не чую!
Орышка.
Нема вже у серци
Ни смутку, ни горя.

Антонъ.
Дай, поцилюю
Твої очі-зори!

Антонъ и Орышка (*разомъ*).

О, якъ же люблю
Серце забылось,
Якъ мои очі
Зъ твоими встрілись!

Орышка. А що, ты дуже гнивався,
що я такъ довго барылась?

Антонъ. Теперъ вже прохолонуло.

Орышка (*сміється*). А дуже кыпило?

Антонъ. Якъ у цеклі!..

Я В А V.

Ти жъ и Горпына зъ Васылемъ.

Горпына (*підкралась до нихъ*). А
спрутпрусъ!

Орышка (*зв лякомъ*). Ой, леле!

Антонъ. Це Горпына дуріє!

Горпына (*тягне Васыля за руку*).
Люде добри, подывитця на оцѣго сыча!
(*Регоче*). Чы вы ѣго бачыли колы такымъ?

Антонъ. Що це зъ тобою, Васыль?

Горпына. Воны, бачто, розгнивался,
що я зъ ными пошуткувала!.. Ну жъ бо,
засмійся! (*Шарпа его*). Та засмійся бо!

Васыль. Ну, та що зъ того? (*Усми-
хається*).

Горпына (*плече въ долони*). Такы
на своему, табы на своему поставыла!

Васыль. Радій!

Антонъ и Орышка. Що жъ тако
трапылось?

Васыль. Атъ, сказано—кручепавивця!

Горпына (*регоче*). А такы на своему
поставыла! Такы росказавъ мени усе до чыста!

Васыль (*сміється*). Колись буде и
мое зверху!

Горпына. Дождайся! (*Чуты ше-
лестъ*).

Антонъ. Мовчить! (*Прыдывляється*).
Стійте, щось крадетця черезъ леваду!

Орышка. Ой, лелечко!.. Чы не батько?

Горпына. Я не боюсь, хочъ бы й
батько!

Антонъ. Тикайте, дивчата, въ кущи!
А ты, Васылю, иды сюды. (*Дивчата
ховаються*). Якъ що це твій або мій
хазяинъ, — давай, помнемо имъ добре
бокы!

Васыль. Ни, краще й мы тикаймо!

Антонъ. Дурный! Чого ты боїсся?
Насунемо шапки на очі, то не признае,
та давай пополунымъ добре... Прыляжь!
(*Прыляглы трохи отдалъ*).

Я В А VI.

Ти жъ и Нечыпиръ.

Нечыпиръ (*прыдывляється*). Куды
жъ це я забривъ? Це, мабуть, мара мене
водыть! Святъ, святъ, святъ!.. Я й ба-
чывъ, що щось усе мени дорогу пере-
бигало, неначе китъ або тхирь!.. Та де
жъ це шляхъ? (*Прыдывляється*), Ска-
зати бы п'яный, а то тилько дви чаркы
выпывъ зъ кумомъ Петромъ, ще тилько
сонечко звернуло на спочывокъ... Лопада,
чы шо! Дядына мени казала колысь, шо
якъ заблудыся, то мерщій переверны
сорочку комиромъ назадъ, та чытай: „Да
воскресе Богъ,“ — то заразъ и выведе
тебо на шляхъ!

Антонъ. Це щось не зъ нашихъ!

Васыль. Щось чужостранне!

Нечыпиръ. И не пывъ же багато!..
Дви чаркы тилько и сѣрбнуйъ, а памо-
рокы такъ забыло, шо ничего не розчо-
лопаю. Вже мабуть скоро и пивничъ, а
я все блукаю! О, щось ныбы котытця, —
куценьке та чорне!..

Антонъ и Васыль (*перепынылы его*).
А хто це такый?

Нечыпиръ. Братыкы, голубчыкы, пу-
ститъ мене,—й Богу, я не злодій!

Антонъ. Хто ты такый? Заразъ пры-
знавайся!

Нечыпиръ. А хто ёго зна,—я и
самъ теперъ не знаю, хто я!

Антонъ. Та видкiля жъ ты?

Нечыпиръ. Я видкiля? Видкiля жъ
такы, зъ Ивановкы!

Васыль. Зъ якои Ивановкы!

Нечыпиръ. Зъ якои Ивановкы? Зъ
нашою, зъ цiи Ивановкы!

Антонъ. Це зъ тiей, що бiля Ре-
вуцького?

Нечыпиръ. Такъ тошно!

Антонъ. Чого жъ це тебе ажъ сюды,
за п'ятнаццятъ верстовъ, занесло?

Нечыпиръ. Ого-го! п'ятнаццятъ вер-
стовъ? Отъ анахтемська мара ажъ куды
завела!

Васыль. Яка мара? Та чы вы пры
своимъ умі?

Нечыпиръ. Мара? Черненьке таке,—
котытця попереду!..

Антонъ. Чы ты не божевильный,
часомъ?

Нечыпиръ. Объ тимъ я достоимтно
не звистенъ! Выдыте, выпывъ я зъ ку-
момъ Петромъ двi чарочки и выйшовъ,
ще тилько стало сонечко спочываты...

Васыль. Та вы бо роскажыть намъ
товкомъ, що зъ вами трапылось?

Нечыпиръ. Стривайте жъ бо! Кажу
жъ вамъ настоящимъ товкомъ: выпывъ
двi чарочки зъ кумомъ Петромъ, ще
тилько сонечко стало спочываты...

Антонъ и Васыль. Та це вже мы
чулы. А дали що?

Нечыпиръ. Ну-да! Значыть, вынывъ
я двi чарочки зъ кумомъ Петромъ... И
будъ у шынку ще той, що позаторыкъ...
ось, якъ ёго?.. Ну, що у Степана, Се-
мового зятя... ёго хата заразъ коло греблi!..

Антонъ. Та чы не конокрадъ ты, що
табъ плутаешъ?

Васыль. Богъ-зна що, Антоне, ты
говорышъ. Прыдывыся на ёго, хiба вынъ
похожій на конокрада?

Антонъ. Та вынъ и справди може бо-
жевильный?

Нечыпиръ. Отакъ було зо мною то-
рыкъ, якъ разъ на Велыкдень!.. Стало
быть, тожъ такъ: выпывъ я двi чарочки
зъ кумомъ Петромъ...

Васыль. Слухай, Антоне! Оце, по
моему, якъ разъ такый чоловыкъ, якъ я
тоби казавъ. Ни вынъ никого тутъ не
зна, ни ёго не знаютъ!

Антонъ. А што ты думаешъ? И справди!
Отъ буде кумедiя, такъ кумедiя!

Нечыпиръ. Може вамъ треба на шо
лыхе, то шукайте соби другога!

Васыль. Та ни! Мы не таки люде,
щобъ васъ на лыхе пидмовляты!

Антонъ. Дивчата! А йдыть сюды,
годи вамъ ховатысь!

Орышка и Горпына (*пидійшылы*).
Хто це?

Васыль. Не прыдывляйтесь, бо не пи-
знаете! Це чоловыкъ чужостранній!

Нечыпиръ (*до дивчатъ*). Якъ воно
сталося оце дило,—то й не розберу...
Чудасiя! Сказать бы п'яный бувъ, а то
зрозумійте тилько: выпывъ тилько двi
чарочки зъ кумомъ Петромъ,—тилько ше
сонечко сило...

Антонъ. Ходимо видкiля, бо тутъ не
безпешно—и тамъ вже до ладу про все
побалакаемо!

Нечыпиръ. Сторiя, та й тилько!.. Ну,
нехай бы бувъ п'яный!..

Орышка (*до Антона*). Та вы тов-
комъ намъ скажыть, що це вы затываете?

Антонъ. Нехай тебе покортыть... Хо-
димъ, ходимъ.

Нечыпиръ. Кажу жъ вамъ товкомъ:
выпывъ я зъ кумомъ Петромъ... (*Ан-
тонъ, Нечыпиръ и Орышка пшылы*).

Я В А VII.

Горпына и Васыль.

Васыль. Отъ, ты все казала, що я несмильвий и плохий, а отъ, бачышь,— вже дило наше выныть!

Горпына. Цяця, цяця! Дай я тебе погладю по головци!

Васыль. Гладь цуцыга, а я людына!

Горпына. Ты жъ мій цуцыкъ! (*Регоче. Пишлы*).

Я В А VIII.

Дранко иде зигнувшись зъ дубыною.

Щобъ мени молотка не вдержаты въ рукахъ, щобъ мени не довелось никды приварыты пъятки до косы, щобъ мени никды не загартуваты кресала,—колы я знову отутъ не бачывъ Антона своимы очыма, вже зъ сусидовою Орышкою!.. Це той, про вѣтраго Кукса каже, що ненавыдыть бабського кодла? Добре ненавыдыть! Ну, та й посмиюся жъ я зъ сусида! Що то не Васыль, то я певень, бо Васыль пишовъ до брата свого, ще зъ вечора одпросывся! Ну, колы бъ я ихъ пйймавъ,—узаявъ бы Антона за чуба, а Орышку за косы, та й прививъ до суеида, щобъ потишывся вымы!.. Стривай, щось иде... (*Прысида*).

Я В А IX.

Кукса и Дранко.

Кукса (*идучы, тихенько стива: «Ой, не шумы, луже, дибровою дуже»*). Щось не спытця! Колы бъ швыдче свитало,—ни якъ не диджудь того ранку. Неначе щось тамъ на неби загальмувало ничъ, та й задержуе ии на мисци, якъ воду на яловимъ опусти! Антонъ заперся

у млыни,—гукавъ. гукавъ, стукавъ,—не хочете видчыныты. А ну, навидаюсь до свого кладу, чы не хашнувъ ёго Антонъ?..

Дранко (*Кынувся на его зъ дубыною*). А, пйймавъ я тебе!

Кукса. Тю, хто це?

Дранко. Це вы, сусиде?

Кукса. А якый же бись? Що це вы, бодай васъ, мало мене дубыною не вгрылы?

Дранко. Та то я шуткувавъ! Хотивъ васъ налякаты!

Кукса. Добри булы бъ шуткы, якъ бы оперезалы по плѣчихъ!

Дранко. Чого це вы блукаете по левади?

Кукса. А вы чого?

Дранко. Та такъ... Прыснилося, бачте, мени, що нибы щось крадетця до кузни,— я прокынувся та швыдчъ на двиръ. Ну, а потимъ вже подумавъ,—колы вставъ, то обйду навкругы двору, такъ на всякій случай!..

Кукса. А дубыну жъ де зачепылы?

Дранко. По дорози... такъ, про всякій случай!

Кукса. Ото у васъ багато грошей наховано, черезъ те вамъ и спытця невить що!

Дранко. Искры та жужельця вамъ въ вичи! Яки тамъ у мене гроши? У васъ онъ ажъ скрынни трищаты видъ карбованцивъ!..

Кукса. Межыситка вамъ въ пельку! Мавшы пъяты дочокъ, чорта лысого выховаешъ!..

Дранко. Такъ у васъ же тилько пъяты, а въ мене ихъ сямъ!

Кукса. Та адже жъ и пъяты!..

Дранко. Але жъ не сямъ?

Кукса. Але жъ и пъяты, кажу!..

Дранко. Та у васъ буде скоро меньше!

Кукса (*у бикъ*). Видъ кого жъ це винъ провидавъ про жениха?

Дранко. А Антонъ вашъ и справди ненавыдыть бабського роду!

Кукса. Бачте, я жъ вамъ казавъ!..

Дранко. Бачу, бачу! (*Регоче*).

Кукса. Чого жъ це вы регочете? (*Дранко регоче*). Отъ же, я васъ вылаю проты недилы! Вдаете зъ себе богобоязного, а лизете на сварку.

Дранко. Та то я такъ, шуткую! (*Помовчалы*).

Кукса. Чудесно у вечерни дякы спивалы: „Блажень мужъ!“

Дранко. У Прочыстой краше! Тамъ одынь басыстый якъ ревне, якъ ревне, — ажъ неначе у голови тоби реве и волосся до горы лизе!..

Кукса. Конешне, е усякы скусныкы.

Дранко. Чы не хочете понюхать? (*Помовчавъ*). Завтра, кажуть, весилля у кого-сь буде?

Кукса (*у бикъ*). О, знову! Видъ кого бъ це винъ довидався...

Дранко. Чувъ я, що й васъ клякатымуть?

Кукса (*у бикъ*). Оцёго то я зовсимъ не розберу! (*До нёго*). До кого клякатымуть? Чы вы зъ просоння, чы... Я чувъ, що нибы то васъ клякатымуть, а не мене!

Дранко (*у бикъ*). Що це винъ товче? Хто бъ ёму це казавъ?

Кукса (*у бикъ*). Чы не пысарь ёму шепнувъ?

Дранко. Ну, колы вже про це довидалысь, то просымо...

Кукса. Васъ не мынаты? Де жъ такы, бороны Боже! Звисно, по сусидству, поклычемо й васъ.

Дранко. Та вы це якъ?

Кукса. Навспражкы!

Дранко. Хто зъ насъ спыть?

Кукса. Не знаю.

Дранко. Хто зъ насъ дурный?

Кукса. Не знаю! (*Регоче*).

Дранко. Тьфу!

Кукса. А вамъ двичи: тьфу!

Кукса (*спива*).

Що винъ затывае,
Що це винъ торочо?

Дранко.

Лыбонь выпытаты
Сусидъ мене хоче.

Кукса.

Вы навмысне, чы у смышкы?

Дранко.

Попуткувавъ зъ вами трышкы.

Разомъ:

Не такый я, не такый я выбчай,
Щобъ прызнатысь на отчай!

Кукса.

Хыба вже прызнатысь,
Щобъ не зволикатысь?

Дранко.

Ачъ, нибы й не злытця,
Ой хытра лысця.

Кукса.

Що вы чулы те правдыво.

Дранко.

Завтра въ когось буде дыво.

Разомъ:

Не такый я и т. д.

Кукса.

Чого винъ смыетця,
Банькы вытрыщае?

Дранко.

Неначе сорока

Въ вичы заглядае.

Кукса.

А що кортыть, прызнавайтесь?

Дранко.

Пожалуста не вьдайтесь.

Разомъ:

Не такый я и т. д.

Дранко. Краше, давайце зпрохаемось
та й пидемо спочываты, а завтра, якъ
Богъ дастъ дидедемо. (*За Куксою Ва-
сылъ чхае*). Доброго здоровьячка.

Кукса. Дякую! Тилько це не я чхнувъ,
бо я ще й не понюхавъ, то чого жъ бы
чхавъ?

Дранко. Та не вже? А мени здалося...

Кукса. И завжды вамъ Бо-зна що здаеця. Такъ що кажете завтра? (*За Дранкомъ щось чхае*). Доброго здоровьячка!

Дранко. Ой, що це такє?

Кукса. Що?

Дранко. У мене за плечыма щось такъ чхнуло, що ажъ неначе симсотъ свичокъ въ очахъ блесонуло!..

Кукса. Бачте, я казавъ вамъ не разъ, що це мисце не безпешне.

Дранко. Хто вамъ казавъ? (*Чутко: свистъ, хрюканне, гавканне и гоминъ*).

Кукса. О, о! Чуєте! (*Обе з лякомъ утикають*). Тикаймо!.. Куды? Туды!.. Сюды!..

Я В А Х.

Выбігають: Антонъ, Василь, Орышка и Горпына. (Спивають).

О такъ мы ихъ налякалы
Що обое повтикалы,
Не вернутця вже сюды
Теперь мы злышылысь биды.

Ну жъ-бо веселище, заспиваймо що любище.

Ой дивчына горлыця
До козака горнетця,
А козакъ якъ орель
Якъ побачывъ такъ и вмеръ!..

«Зависа».

Д І Я ІІІ.

Обстанова така жъ, якъ у першій дн. День.

Я В А І.

Дранко *одынъ*.

Дранко (*стоитъ на тыну и дывытця на гору, на шляхъ*). Що воно за знакъ, що й досы той женихъ не йиде? Вже й люде почалы зходытысь на весилля а ёго нема та й нема! О, щось закурыло!.. Трое, чы двое коней? Здаеця трое? Такъ, трое... Ще й добри кони... Эге, поспиа! Поспиа! Поспиа! Прыстяжни ускачъ бижать! Добри конячки! Здаеця, винъ у сынёму жупани? Чы то, може, сертуе? А тилько у сынёму! Ни, здаеця у чорній бурци! Певно, бурку накинувъ, щобъ не запышло... О, вже ближче!..

Я В А ІІ.

Кукса и Дранко.

Кукса (*выйшовъ з двору и не бачучы Дранка, вылазе на тынъ*). И—бида! Вже гостей повно у подвирья и въ хати,— а жениха й досы не выдко, не йиде та й не йде! И хто ихъ накликавъ,

тыхъ гостей? И сваты у третихъ, и кумы мои, и кумы братовы, и своякы кумивськи! Нализло такого, що й не переличышь. Не ловко спытаты, хто ихъ сповистывъ... (*Дывытця на гору*).

Дранко. Чы не дыво! То зовсимъ не кони, а щось нибы теля жене...

Кукса (*дывытця*). Щось свыню жене, мабуть у базарь!.. (*Постеригъ Дранка*). А чого то вы зопъялысь на тынъ, якъ та проява?

Дранко. А вы чого тамъ малчыте, якъ пугало?

Кукса. Та сказали диты, що десь пожежа!

Дранко. То вы лизьте на хату, видтиля выднине буде.

Кукса. А хочъ бы й на дымарь вылизъ, вамъ що до того?

Дранко. Вылизьте, вылизьте, та визьмить ще клепало въ руки... Склыкайте людеи на гвалтъ!

Кукса. А вы визьмить виху та махайте!

Дранко. Не лизьте осою въ вичи!

Кукса. Не чыпайте мене!

Дранко. Який чортъ васъ зачыпае?

Кукса. Отой, що балака!

Дранко. Вы хочъ бы лысину прикрылы,—блшыць на сонци, якъ бляха у соцького!..

Кукса. А вы бѣ розчесалы свою куштру, а то горобци подумаютъ, що кудельця, та обсымають на гвизда!

Василь (*з двору*). Хазяинъ! Який-сь чужостранній чоловікъ иде до васъ.

Дранко (*зкочывъ з тыну*). Невже? Слава тобі, Господи! Якъ це я ёго прогавывъ! (*Побигъ у свій двиръ*).

Я В А III.

Антонъ и Кукса.

Антонъ (*выбигъ з двору*). Хазяинъ! Який-сь чоловікъ, лыбонь парубокъ, захавъ у зайзжій двиръ до Гершка, переодягся у стару одѣжу, спытавъ де ваша хата и иде вже сюды!

Кукса. Чы й справды? Ты ёго самъ бачывъ?

Антонъ. Якъ же, своими очыма бачывъ! Я йшовъ зъ мистечка пѣузъ постоялйй двиръ, дывлюсь — що воно за чудасія? Яка-сь людына скыда гарну одѣжу и надива стару! Я й прислухався,—чую: пытае, „де Куксова господа?“

Кукса. Спасыби тобі за звистку, Антоне! Я тебе, Антоне, люблю, ий Богу, люблю! Зоставайся у мене ще роқивъ на два, або й на тры,—заслужишь чымало грошенятъ, тымъ часомъ, може твое серце привернытця до дивчатъ,—тоди свататимешъ мою Палажку! И вона тымъ часомъ пидросте та вылюднѣ!

Антонъ. Колы такъ, то вже краще виддайте за мене Орышку!

Кукса. Орышку? И Орышку виддавъ бы, та... (*Оглянувся, тыхо*). Це жъ прыйихавъ женихъ до Орышки!

Антонъ. Женихъ? Ну, якъ що Орышку вы виддасте за цѣго жениха,—тоди

попрощайтесь и зъ Антономъ, и зъ млыномъ своимъ, и зъ госпѣдоку?

Кукса. Якъ, що?

Антонъ. А те, що спалю!

Кукса (*у бикъ*). Онъ воно що! (*До его*). Такъ ты такъ ненавдышь бабывъ?

Антонъ. Ненавдывъ, а оце раптомъ привернуло мене знову до бабывъ!

Кукса. Привернуло? Богъ зъ тобою! Ты... ты... Оце, якъ ты мене налякавъ! (*Хутко иде у двиръ*). Отъ тоби й вглядывъ у два ока! (*Пшшлы*).

Я В А IV.

Нечыпиръ (*выходе зъ за хаты*).

Побачымо, що зъ цѣго выйде? Мушу вже стати у прыгоди добрымъ хлопцямъ. Спасыби имъ: нагодували мене и грошей поминылся дѣты ажъ десять карбонанцивъ!..

Я В А V.

Нечыпиръ и Дранко.

Дранко (*выбигае зъ своего двору*). Мылосты просю! (*Хана его за руки и тягне до себе*).

Нечыпиръ. Чого це вы присталы?

Дранко. Вы видъ Лахтіона Хведоровыча? Я заразъ догадався!

Нечыпиръ. У чимъ догадалысь?

Дранко.

Мылосты просю покорно!

Нечыпиръ.

А куды жъ то такъ проворно?

Дранко.

У мою госпѣду!

Нечыпиръ.

У вашу госпѣду?

Дранко.

Все вже якъ слидъ

У мене готово!

Нечыпиръ.

Я не роблю дѣла

Зъ одного слова.

Дранко.
Я вже й попа договоривъ!
Нечыпиръ.
Хто жъ вамъ ханатысь такъ веливъ?
Дранко.
Одно тилько слою,—
Та й маршъ до винця.
Мы доведемъ дило
Зразу до кинця!
Нечыпиръ.
Стало быть, все справно,
Тилько окомъ моргъ,—
Поспиемъ, поспиемъ
Зъ козами на торгъ!
Дранко.
Перекусылы бъ хочъ мало.
Нечыпиръ
Я вже йивъ и хлибъ и сало!
Дранко.
Зъйили бъ ще борщу та кашу...
Нечыпиръ.
Ще не йивъ борщу та кашу.
Дранко.
Ходимъ, не гаймось,—
Вже въ церкви насъ ждуть!
Нечыпиръ.
Стало быть, поившы—
Та й зъ Богомъ въ путь?
Дранко.
Та й чого жъ тутъ видкладаты?
Нечыпоръ.
Може бъ до завтра подождаты?..
Дранко.
Скажить одно слово—
Та й маршъ до винця.
Мы доведемъ дило
Зразу до кинця!
Нечыпиръ.
Стало быть, все справно,
Тилько окомъ моргъ,—
Поспиемъ, поспиемъ
Зъ козами на торгъ!
Дранко. Коли поспиемъ, якъ поспиемъ?
Нечыпиръ. А вы хто такый?
Дранко. Дранко!

Нечыпиръ. Дранко? Чудне яке про-
зыще!..

Дранко. Такъ одъ родителивъ!.. Ну.
ходимъ же въ хату.

Нечыпиръ. Ни, вынести сюды добру
чарку горилки,—я выпью для хвабросты!

Дранко. Сюды? Ничого робыты! (*У-
бикъ*). Отъ штукарь! (*Побигъ у свое
подсирья*).

Нечыпиръ. Коли бъ мени не забыты
про нашу умову зъ хлопцями...

Антонъ и Василь (*зъ дворицъ*).
Крепысь, Нечыпор!

Нечыпиръ. Ще крелюсь!

Дранко (*выбигае*). Выпийте й за-
кусить! А я заразъ такы догадався, що
вы видъ Лахтіона Хведоровыча!

Нечыпиръ. Догадалысь?

Дранко. Ну, ходимъ-же у хату, бо
вже пора,—хочъ и до винця!

Нечыпиръ. А добра горилка и за-
куска,—хочъ и не на голодни зубы!
(*Иистъ*).

Дранко. На здоровьячко!

Нечыпиръ. Славныпирожки зъмясомъ!

Дранко. Вы ще не бачылы мои
Горпыны?

Нечыпиръ. Гм...

Дранко. Тамъ така окуратна, ягъ
аглыцьки обенькы!

Нечыпиръ. Справди? А ну, давайте
ще й по другій!

Дранко. Выпийте, та швидче будемо
доводыты дило!

Нечыпиръ. Чудасія трапылась зо мною
учора: тилько дви чарочки выпивъ зъ
кумомъ Петромя,—ще тилько що сонечко
почало сидаты... Правда, я й забувъ, що
вамъ цего не треба знаты!..

Дранко. Що, якъ?

Нечыпиръ. Ни-якъ! Отеперь нибы
пидкрепысь! Ну, коли вже робыты дило,
то робыты,—що дали?

Дранко. А що жъ дали?

Нечыпиръ. Давайте ще й дивку сюды!

Дранко. Якъ сюды?

Нечыпиръ. Передъ мои очи! Тутъ мы зробимо оглядыны.

Дранко. Люде жъ сміятмутця!

Нечыпиръ. А въ хату я не пиду, докы не розхвабрюсь!

Дранко (*у бикъ*). Отъ штукарь! Ну, та й штукари жъ оци городськы панычи! (*Побигъ у двиръ*).

Нечыпиръ. Одначе, горилка здорово ударыла въ голову!

Василь и Антонъ (*з дворивъ*).
Креннсь, Нечыпоре!

Нечыпиръ. Ще креплюсь!

Я В А V I.

Кукса и Нечыпиръ.

Кукса (*выходе з за тьну*). Куды жъ це винъ дився? Бигаю, бигаю, шукаю, шукаю — нема! (*Побачывъ Нечыпира*). Чы не винъ оце? Отъ такъ штукарь! (*До него*). Мылосты просю въ госпѣду! Вы видъ Лахтіона Хведоровыча?

Нечыпиръ. Може! А вы хто такый?

Кукса. Кукса.

Нечыпиръ. На яку ногу?

Кукса. Ни, це, бачте, таке мое призвище, хвамылія моя!

Нечыпиръ. Ну, то здрастуйте!

Кукса (*спива*).

Просю покорно!

Нечыпиръ.

Дуже проворно!

Кукса.

Давно вже васъ жду!

Нечыпиръ.

Въ хату не пиду!

Кукса.

Годи бо вамъ прыкыдатсь,—

До винця пора зыратсь.

Нечыпиръ.

Не слидь нибѣлы спышыты,

Щобъ людей не насмишыты.

Кукса.

Та якъ же це буде?

Въ мене все готово!

Ну, скажите вже, Бога рады,

Вы свое вже слово!

Нечыпиръ.

Легко сказаты,—

Тяжко зробыты:

Перпъ треба подумать,

Въ голови подлубать!

Кукса.

Я зразу роблю!

Нечыпиръ.

Я такъ не люблю.

Кукса.

Думайте жъ скорій!

Нечыпиръ.

Якый вы мудрій!

Кукса.

Перестаньте вже смишыты,—

Пора диломъ намъ спышыты!

Нечыпиръ.

Далеби, й я не сміюсь...

Я не той, якымъ здаюсь!

Кукса.

Годи, годи, сыну!

Скынь драму свытну,—

Вона теперь не въ прыгодн:

Посмишывъ та й годи!

Нечыпиръ.

Вчыню вашу волю,

Ничого робыты!

Тилько цуръ, щобъ потымъ

Не прыйшлось жалиты!

Кукса. Та годи тоби смихотворыты!
Отъ, якый, ий Богу, втишний! Кажу жъ,
що я вже догадався!

Нечыпиръ. Догадалсь! Тилько шы-
воротъ-на-выворотъ?

Кукса. Якъ шыворотъ-на-выворотъ?

Нечыпиръ. Вѣвною на верхъ!

Кукса. Що ты говорышь?

Нечыпиръ. „Здоровъ, каже, Исаю!“
—Та чаёкъ шукаю! — „А чы живъ-
здоровъ?“ — Ба, чотыри знайшовъ! — „Що

ты, дурню, говоришь? — Та старои не вловишь.

Кукса. Що таке?

Нечыпирь. Куркулю-муркулю! Розберы що я говорю?

Кукса. Ну, та й штукарь же ты, паньчу!

Нечыпирь (*довго дывытця на него*). Давайте сюды дивку!

Кукса. Якъ?

Нечыпирь. Несердыте мене, а робить, що я приказую! Ну, жыво, хутко! Дивчыну сюды и добру чарку горилкы!

Кукса. Отъ, якый втишний! Побачымо, що зъ цёго выйде! (*Побигз*).

Нечыпирь. Отакъ ихъ попоганяць, якъ жеребивъ на аркави!

Антонъ и Васыль (*зъ дворивз*). Крепысь, Нечыпоре!

Нечыпирь. Ого-го-го! Ще креплюсь!

Я В А VII.

Нечыпирь, Дранко, Кукса, Горпына и Орышка.

Дранко (*тягне Горпыну*). Хочешъ, щобъ за патли тебе потягъ?

Горпына. Пустить, я й сама пиду! (*Вырываетця и иде до Нечыпира*). Вы хотили на мене подывытцесь? Ну, дывитця!

Кукса (*тягне Орышку*). Иды, иды, ничо́го тамъ страшного нема!

Орышка (*ледве сдержуетця видз сниху*). Охъ, я жъ соремлюсь!

Кукса. Та чо́го-бо ты, дурочко! Воно тилько спершу трошкы якосъ нибы няково! (*Подносе Нечыпорови горилку, побачывз Дранка зъ дочкою*). А це що таке?

Нечыпирь (*до Орышкы*). Подозвольте на васъ прыдывытцесь?

Дранко (*Нечыпорови*). На вищо той чортъ лысый прытыривъ сюды свою слыпяву?

Кукса (*Нечыпорови*). На вищо це мій сусида прыперъ сюды свою вытришкувату?

Нечыпирь (*до дивчатз*). Подозвольте вамъ подывытця въ зубы!

Дивчата. Зъ якои речи?

Дранко (*Горпыни, сміючысь*). Роззявъ вже ёму рота!

Горпына. Не хочу!

Кукса (*Орышци*). Покажы вже ёму зубы!

Орышка. Ни за що на свити!

Кукса. Дывысь, я свои покажу! Що жъ тутъ тако́го?

Дранко. Дывысь я свои вышкварю! Нехай дывытця!

Нечыпирь. Якъ бачу, то вы дуже церемовни.

Дранко (*Горпыни*). Роззявъ пожа-луста!

Кукса (*Орышци*). Покажы, здилай мылость!

Дранко (*Горпыни, сердыто*). Роззявъ, вкажу тобі!

Кукса (*Орышци*). Покажы, вкажу тобі! (*Дивчата утикають; зъ дворивз народз наблыжаецця до воритз и де-яки почынають гукаты: «Свате! Чы скоро мы побачымо вашого жениха?»*).

Дранко и Кукса (*до своихъ дворивз*). Заразъ!

Дранко (*у бикз*). Певно, що Лахтіопъ Хведоровычъ обомъ намъ одного жениха приславъ!

Кукса (*у бикз*). Певно, цей женихъ залутався!

Дранко. Подывытцесь описля! Кинчайте, Бога рады!

Кукса. Описля заглядатымете хочъ и що-дня! Тилько боржій доводьте дило до кинця!

Нечыпирь. Я вже скинчывъ!

Кукса. Вы, може, думаете, що сусида мій — то це я, а що я, — то це мій сусида?

Дранко. Певно вы думаете, що я — то це мій сусида, а що мій сусида — то це я?

Нечыпирь. Ни, я ничего не думаю!

Кукса. Ну?

Дранко. Ну?

Нечыпирь. Ну? Та не сипайте-бо мене, якъ цыганъ дохлу шкапу! Я, одначе, ни-якъ не розберу, про вищо мы товкували?

Я В А V I I I .

Ти жь, Васыль и Антонъ.

Васыль (до Дранка). Хазяинъ. Пиць приславъ, — каже, щобъ швыдче йихали, бо церкву запре!

Антонъ (до Куксы). Вже музыкы прыйшли, — пытають, чы починаты гратъ?

Кукса и Дранко (у бокъ). Отъ тоби й здрастуй! Треба йти на одчай! (До Нечыпира). Ну, котору-жь?

Нечыпирь. Радъ бы на обохъ женигнесь!

Дранко. Якъ на обохъ?

Кукса. Хиба можна на двоохъ разомъ?

Нечыпирь. У туркывъ можна й на трехъ!

Дранко. Я це чувъ.

Кукса. Тамъ можна!

Нечыпирь. А въ насъ не можна, бо я вже жонатый!

Кукса и Дранко. Жонатый?.. Якъ жонатый? Ты хто жь такой!

Нечыпирь. Нихто!

Кукса и Дранко. Що жь теперь?

Нечыпирь. А теперь, — спасыби вамъ за хлѣбъ, за силь и за ласку! Прощавайте!

Кукса и Дранко. Стривайте! Якъ же це?

Народъ. Ну, та й довго вы тамъ торгуетесь! Неначе вола або коня купуете!

Кукса. Выходыть, що я самъ себе обдурывъ!

Дранко. Выходыть, що я самъ себе пошывъ!

Кукса. Кого жь теперь лаять, кого быть? Дайте мени ёго, я ёму все волосся выскубу!

Дранко. Дайте мени ёго, я ёго роздеру!

Кукса. Такъ ни жь, не такъ буде, а ось якъ! А, теперь я дсгадася! (До Дранка). Це вы, мабутъ, нарочыто пидволы пидъ мене таку машыну, щобъ мене осоромыты передъ усныъ мыромъ?..

Дранко. А то хиба не вы наклыкали мени повенъ двирь гостей? Якъ я теперь гляву людыъ у вичи?

Кукса. Такъ не посметесь же, не диждете! Антоне! Клычъ заразь сюды Орышку! (Антонъ по бигз и хутко веде Орышку). Ого-го. Ще той на свить не народывся, щобъ зъ мене покепкувавъ!

Дранко. Такъ и я же не дамъ вамъ у кашу мени наплювать! (Гука въ свѣй двирь). Горпыно, тягны сюды Васыля!

Антонъ и Орышка. Мы тутъ!

Кукса. Антоне! Я помылывся! Оцей женихъ прыйихавъ до сусиды. А я вже давно наважывся виддаты за тебе Орышку, — беры и! Ось якъ у насъ.

Орышка (кыдаеця до него). Та-точку, голубчыку, мій риднесеный!

Кукса (до Антона). Я хотивъ тилько трошки подратуваты тебе! Ну, уклонься жь хазяинову въ ноги за таку честь!

Дранко (крычыть). Горпыно! Швыдче сюды!

Кукса (до Антона). Що-жь ты стовбычышь?

Антонъ. За що-жь я вамъ кланя-тымусь?

Кукса. Гордый! Отъ за це именно ты мени до вподобы! Оттакый и я гордый! Але-жь якъ законъ велыть, то и я вклоняюсь!

Антонъ. Хиба що законъ! Законъ мушу сповныты! (Бере Орышку за руку). Благословять насъ, тату, на чесный шлюбъ!

Василь и Горпына. Мы тут!

Дранко. Мерцій мени у ноги!

Василь. Я могу! (*Кланяється*).

Дранко (*до Куксы*). А у насъ ось якъ! Сусиде! лывитця!

Кукса. Вачу! Не повилазыло мени!

Дранко (*до дочки*). А ты?

Горпына. Голова не згынаецця!

Дранко. Ачъ яке зиллячко! Я радый, що выпыхаю тебе зъ двору, менчъ клопоту мени!.. Але все жъ такы уклонитысь батькови мусышь, бо такъ законъ велеть!

Горпына. Хиба що законъ. (*Кланяється зъ Васылемъ*).

Кукса. Боже васъ благословы!

Дранко. Боже васъ благословы!

Василь. Теперь, хочъ вы на мени уси клищи побыйте, я вамъ слова убоперекъ не скажу!

Дранко. Черезъ те ты мени й любый що такый покирный! Я вже трое клищивъ на тоби побывъ,—а ты все корысса!..

Кукса. Сусиде! Теперь тилько чотыри!

Дранко. А въ мене тилько шистъ.

Кукса и Дранко (*гукають*). Люде добри, мылосты просымо сюды! Витайте нашыхъ молодыхъ!

Нечыпиръ. Отъ и слава Богу!

Кукса и Дранко (*до него*). То васъ, стало быть, не Лахтіонъ Хведоровычъ прыславъ?

Нечыпиръ. Ни!

Кукса и Дранко. Хто жъ вы такый?

Нечыпиръ. Я жъ вамъ кажу,—такъ соби, ни хто.

Дранко. Такъ чого-жъ ты лизешъ у вичи?

Кукса. Убрався бъ соби зъ двору,—и любесенько!

Нечыпиръ. Я й пиду!

Кукса. Може ще женихъ и прыйде...

Дранко. Може ще жёныха можна й подождаты?

Я В А І Х.

Ти жъ и пысаръ Сканунець.

Пысаръ. Не прыйде, и не дожыдайте!

Кукса и Дранко. Якъ?

Пысаръ. А такъ! (*Спива*).

Какъ безъ политики жыты

На цимъ хымернимъ святи?..

Бо то я таку политику пидвивъ, и лысты до васъ напысаны оцією скусною рукою!

Кукса и Дранко. Чорты бъ васъ побралы зъ вашою политикою!

Орышка (*до Куксы*). Годы, таточку, гниватысь! Такъ, стало быть, Богу завгодно...

Горпына. Тату, не робыть бёшкету, бо видкынусь видъ благословення!

Пысаръ. Вселюбезнійши мои прыятелы и мылостывы государи! Послушайте мене, дурного, то, можетъ быть, Господь поможе и вамъ порозумнишаты!.. Во время оно, когда еще, будемъ говорить откровенно, не було ни неба, ни земли, а стоявъ только одынъ плётеный тынь... И бувъ тоды, мои вселюбезнійши прыятелы и мылостывы государи, будемъ говорить откровенно, одынъ царь...

Кукса. Це вы вже знову нудбту зятягнете? Я поблагословывъ,—стало быть, слова вже не зламаю!

Дранко. Або може пидведете пидъ васъ таку политику, що й очи рогомъ полизутъ? Благословеніе дано, стало быть—аминь!

Пысаръ. Въ такомъ случаѣ, будемъ говорить откровенно: юра, юра, юра! (*Спива*).

Кожный пысаръ, зъ поконь вичъ,

Политычный чоловікъ...

Дранко. Сусиде! Чы не помырытысь намъ на радощахъ, та згуляты два весилля въ одынъ кошть?

Кукса (*протяга руку*). А що-жъ!
(*Цилуютьця*). У васъ — вже пивчи до-
говорени, а въ мене музыки! (*Тыхо*).
Пошылися въ дурни обое, — треба вже
мовчати.

Дранко. Перемудрували!

Кукса. Гей, свашкы, прыданкы! Убы-
райте молодыхъ та споряжайте ихъ зъ
Богомъ довинця! Дружечкы! Ну жъ, гув-
нитъ весильной. Сиовистыть Божый миръ
про нашу радисть!

Дранко. Просымо дорогыхъ гостей
вельчаты нашихъ молодыхъ весильною
писнею!

Хоръ.

Ой попе, попе,
Батьку нашъ!
Видчыйнай церковцю
Проты насъ,
Звинчай диткы
Однолиткы
Въ Божый часъ!

(*Кукса и Дранко радіючы пока-
зують одынкъ другому на пальцяхъ,
що вже не п'ять, — а чотыри, не
сімъ, — а шість*).

(Зависа).

Напысана въ 1882 році,
въ городи Къивн.

ПО РЕВЫЗИИ.

Этюдъ въ 1-й дѣй.

(Въ исправленномъ видѣ).

ЛЫЦЕДИИ:

Василь Мыроновичъ, старшина.
Севастьянъ Савватеевичъ Снубко, писарь.
Рындичка, старая баба.
Гарасымъ, ии свидокъ.

Приська, салдатка.
Сторожъ при росправѣ.
Дѣтця у росправѣ.

Середина великой хаты. Стілъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на столикѣ каламаръ, щоты, великая книга и скільки бумагъ. На углы стола лежить пакетъ запечатанный двома печатами, дали зъ другого боку небольшой стілъ; на немъ три книги, каламаръ и бумагъ, била столу стуло. На стинѣ календарь, у входныхъ дверей шкапъ зъ бумагами коло стины, де календарь,—лавка.

Я В А І.

Сторожъ (*сидитъ за столомъ и раздвѣляется на щотахъ*). Ну й якъ той писарь може выкласты усяке дило на оцій выдумци? Вже я скільки разивъ прыдвѣлявся, та ни якъ ничего не второпаю. „Оце, каже, симдесять копѣекъ!“ „А оце рубль десять, а оце девять — десять пѣять“, и наговоре, наговоре такого грошей, що й въ тыждень, здаецця, не перечислывъ-бы. Одже винъ: цокъ, цокъ! Цокъ сюды! Цокъ туды! и носе не вспіешъ всякаты, якъ винъ уже й полывывъ! Що то воно подумаешъ навукка; до всякаго дила добирае способу! Его мабуть учено десь не близько: винъ каже, що винъ десь, ажъ зъ пидъ Чыгырына, ну, а я такъ думаю, що винъ и за Чыгырыномъ бувавъ. Та то жъ голова

така, що й хто ёго зна, де вже есть разумнища, кого не спытай, увесь миръ каже, що зъ такою головою можна и до станового доступны! Ну, а я такъ думаю, що винъ и передъ справныкомъ не здригне. То жъ якъ почне розказуваты де винъ тилько не бувавъ и чого винъ не выдавъ, такъ тилько рота роззявышь. Аглычавына винъ тоби бачывъ, и въ Кнывы бувъ ажъ двичи: и за моремъ-окіяномъ де живутъ псыголовци и туды ёго носыло!.. Бувавъ и въ тихъ земляхъ де свини бильшь видъ нашего вола... звисно якъ чоловікъ бувалый, розкаже тоби, то такъ увесь свить и побачышь передъ очыма, якъ на долони... Онъ якъ я, такъ дали Елисавета не бувавъ, такъ мени здавалось, що за Елисаветомъ вже не далеко кинецъ свиту. А, ну, чы вышчытаю, скільки мени заста-

лось день до года. А скільки-жъ у году день? Чы буде зъ двисти, чы мабуть ни? Ну, оце нехай буде видъ водохрыща до пущення. (*Кладе на щотахъ*). А оце видъ пущення до великодня, а оце — до зеленыхъ святъ, а оце до Покровы. Такъ що жъ? А все такы воно ничого не покаже! (*Вставъ*). Ни, мабуть, колы не пиць, то не мыкайся и въ рызы. Пидместы ще хату або-що. Та й нудна оця робота сидиты у розсправи цилисенкый рикъ! (*Мете хату*). Чы загляне хто небудь сегодня въ розсправу? Ще до свита якійсь чоловікъ прынісь бумагу видъ посерединка чы що? Ждавъ, ждавъ, роспыскы, та зъ тымъ и поихавъ. Иды каже пошукай пысаря, або самъ роспышысь. Эге! Добре тобі казаты: „роспышысь!“ Отъ же здаеця и не велика штука повести перомъ по бумази, одначе хочъ ты мени пальцы повидрубуй, а не напышу! Уже я скільки разивъ нацелявся напысаты: украду оце шматокъ паперу, та й почну выводиты перомъ по бумази, здаеця такъ якъ и пысарь, и перо умочу въ чорныло, и налагодюсь якъ разъ такъ: чыркъ, чыркъ, а воно чортъ батька зна що выходять!

Я В А II.

Входять Старшына.

Старшына. Щобъ черезъ пивъ годны кони булы передъ порогомъ! Чуешъ? Щобъ мени по щучому веленію! Мени треба небезпрямьно сѣгодня йихаты по ревизіи на Чубайвку та Васыливку...

Сторожъ. Та кони ажъ у степу, на паши.

Старшына. Ну такъ що!

Сторожъ. Такъ це за нымы бигты?

Старшына. А ты якъ думавъ? Що це тобі первына, чы якъ?

Сторожъ. Та воно...

Старшына. Зновъ начадывъ махровъ скільки разивъ казавъ тобі, щобъ не смивъ курты отіи погани у прысутствіи.

Сторожъ. Начадывъ?... Я вже й забувъ якій той тютюнъ на масть!.. (*Убикъ*). Загранышного тобі буду купуваты — велике жалуванья платышь...

Старшына. Що ты тамъ мыршышь?..

Сторожъ. Та воно... Ни, вже колыбъ швидчъ дослужыты до года, хай ему бисъ, щобъ я зостався у цѣму пеклі!..

Старшына. Ну, а якъ я звелю громади прысудыты вкы отгуть тобі служыты.

Сторожъ. Хиба що громада прымусятъ, звисно громада великый чоловікъ.

Старшына. Ну, то-то жъ бо й е! Я тобі ще учора наказувавъ, щобъ кони у ранци булы передъ порогомъ.

Сторожъ. Учора? Та я васъ учора и въ вичи не бачывъ: вы ще проты понедилка загадали мени! И кони стоялы цылый понедилокъ, и въ вивторокъ до обидъ.

Старшына. Мовчатъ! зъ кымъ це ты губу розпустывъ? сказано тобі, щобъ по щучому веленію.

Сторожъ. Та про мене, я й пиду! Але-жъ я запевне знаю, що вы й сѣгодня не пойдете.

Старшына. Ну, ну, базинай! Геть зъ хаты, свине!

Сторожъ. А звисно.

Старшына. Ты хочешъ, щобъ я тебе по мармызи затопывъ?

Сторожъ. Хиба це первына? Бййте, на те вы начальство.

Старшына (*плюе*). Тьфу!

Сторожъ (*у бикъ*). Ачъ як!.. Ондечкы бумага, якійсь чоловікъ прывизъ. Такый зъ себе огрядный, у сыній чумарци, зъ бородою, у картузи и шарпомъ шыя завязана.

Старшына. Збигаи по пысаря!

Сторожъ. Та ёго теперъ и зъ собакамъ не знайдешъ: винъ ще позавчора пойхавъ на хutory кумувати!

Старшына. Щобъ винъ мени заразъ тутъ вродився.

Сторожъ. А за киньмы хто-жъ побижыть?

Старшына. Ну, живо! Щобъ одна нога мени тутъ була, а друга тамъ! По щучому веленню!

Сторожъ. Отъ напасть! (*Пишовъ*).

Старшына. (*Одынъ, распечатавъ пакетъ*). Видъ кого-жъ бы це? (*Чыта по складамъ*). „Предписываю оному волостному правленю принять энергическiя мѣры...“ Яки? Нергически мѣры? Що жъ воно означа: нергически? А ну, дали! (*Чыта*) „къ самоскорѣйшему составленю систематическаго...“ Та й довге яке слово!.. „Указателя и категорическихъ...“ Ни, мабуть вже якъ писарь прыйде, то вдвохъ розберемо! Бо самъ я ще до цѣго не дойхавъ! Отъ якъ прыпынуть, що розыскуеца пара лошадей, масти гнидой, на лоби биле пятно!.. або въ уизди появлялась на рогатимъ скоти чума, принять мѣры... Такъ тутъ вже й безъ писаря знаю, що ци документи треба покласты пидъ сукно. (*Походывъ трохи по хати*). Одначе сѣгодня треба вже непременно пойхать по ревызiи. Та куды-жъ це писарь подився? (*Сплѣвуе*). Тьфу, якъ погано на похмилля!.. (*Дывытця у вишко*). Эге, вже сонечко высоченько пидбылося, а въ мене ще й риски въ роти не було... Хиба послать за восьмушкою. У досвита прокынувся, та такъ щось коло сердца запекло, ажъ злякався! Повернувся на другiй бiкъ, неначе трохи видпустыло; а теперъ знову щось пашыть у середнiи! Погано, погано! Негодытця що дня пыты, учора пывъ, позавчора пывъ. Стривай! Який же це у насъ сѣгодня день? (*Дывытця на стину де выстыть календарь*). Що

воно? „Перве Октября.“ Та це-жъ було лыбонь на тимъ тыжневи? Отто вже я не люблю безпорядкивъ. Казавъ же скилько разивъ писареви, щобъ що ранку выставлявъ чысло, щобъ часомъ не погубыты намъ днивъ; ось же й календарь нарочыто купывъ. А тутъ стоить перве Октября! Отъ тоби и загубылы день! Стривай! якъ же це? На Покрову, я бувъ у ярмарку! Такъ, у ярмарку! На тимъ тыжневи у пятницю прыздывъ становый? Такъ, становый! У недилю була сходка?! У вечери прыйихалы до мене кумы мои: матушка и пасаломщыкъ? Тамъ! У понедилокъ гулялы цилый день; а въ вечери прыйихавъ и пишъ. Ну, а дали що жъ було? Було ще чы мало гостей! Старшына зъ Кандалуповой, пысьномоводытель зъ жинкою... Гарна у нѣго жинка, моргуха тилько велика! Вона такы разивъ зъ пѣять мени пидморгнула, та якъ iй сердешный и не моргаты; iн-жъ чоловікъ такы настояща смерть, а вона свижа, повна, та дебела... Чудово вона спива оцю писню, що каже:

„Ой кужелю, мiй кужелю,

Робыты я не здужаю!

До кужеля рука дрижыть

А чарочку добре держыть!..“

Попадья наша штукаръка! Запроводыла моду, щобъ кожный, якъ одно другого почастуе, то щобъ заразъ и поцилувалыся!.. И пышло частування! Матушка зъ пасаломщыкомъ цилуютця, а я зъ пысьномоводытельшою! Тамъ-таки горячы губы, що ажъ пашыть. Одначе iй усе жъ такы далеко до Присьбы до московкы: ото молодыця. На выду, якъ на кыръ горыть; а якъ иде то ажъ земля пидъ нею двыгтыть... Эхъ, матери ёго ковиныка! Шкода що я жоватый! А то, стало бытъ, якъ началыкъ, заразъ бы по щучому велинню. А ото, на тимъ тыжневи у середу, у ночи, трохи-трохи було не вскочывъ, якъ кажуть: у никуды! Тилько що

пидійшовъ до Присъчної хаты, ажъ стара Рындычка изъ своей хаты рыпъ дверима! „А хто то, пытае, добываецця до московкы?“ А я зигнувся, та по пидъ загатою, та на втѣкы! Вона якъ зацькуе собаками, а клятый рябий песъ, трохи лытокъ не полатавъ! Треба буде претыкола зробыты, щобъ вона отого собаку на цепури держала.

Я В А III.

Входять Рындычка и Гарасымъ.

Рындычка (*уклонившись*). Помогай-би! зъ п'ятинкою, бувайте здорови!

Старшына (*зъ жахомъ*). Хиба-жъ у насъ сѣгодня п'ятныця?

Рындычка. А якъ же? Звисно що п'ятныця, та ще й друга п'єсля Покровы!

Гарасымъ (*пзланный*). Такъ тошно!

Старшына. Чы не помыляетеся вы?

Рындычка. Оттакъ пакъ! Щобъ я та помылылася.

Старшына. Якъ же це воно такъ сталося що сѣгодня вже п'ятныця?

Гарасымъ. Я объ томъ незвестенъ... Одинъ Богъ!

Рындычка. Та адже-жъ прыгадайте, на здоров'ячко. Въ понедилокъ ваша сусида, ота шулудыва кишка, Гапка пидщыпана, та золыла сорочки, у жлукти. А я й прысикалася до неї! Чы не соромъ, кажу, тоби молодыце не знать, що въ середу празныкъ!

Старшына. Празныкъ?

Гарасымъ. Такъ тошно.

Рындычка. Празныкъ святого Хомя! Та й кажу: чы не соромъ тоби? Коны жъ ты поперешь сорочки, що сѣгодня кладешъ у буквъ? А тутъ вы, бувайте здоровеньки, выйшли зъ хаты, та й почалы на насъ гриматы, ще мене такъ погано налаялы... Эге, кажу, та й почалы на насъ гриматы, щобъ мы утышылись. Стало быть у васъ була почесна беседа, а мы

своимъ гвалтуваннямъ перебаранчали вамъ гуляты.

Старшына. Ничого не прыгадаю! Вирышь стара, що мы начальныкы, такъ заклопотани...

Гарасымъ. А звисно началство... Якъ можна.

Рындычка. Та якъ же мени цѣго не знаты. Вы жъ одинъ, а насъ мыру, сколько? Тутъ треба дви головы на плечахъ маты. Адже жъ и мій покійнычокъ, царство ёму небесне, вичный покій ёго душеньци, бувъ за начальныка, чы по просту сказаты, за свынопаса, коло громадскихъ свынэй, то такъ було заклопочытця, такъ заклопочытця.

Старшына. Винъ лыбонь видъ горилкы й вмерть?

Рындычка. Умеръ, голубычокъ свый! Черезъ велыкы клопоты й пывъ!

Старшына. Отъ черезъ ти клопоты иводи и я шью! Лехче якось на серцеви, якъ выпьешъ.

Гарасымъ. Верно!

Рындычка. А якъ же! Горилка вона заразы такы тоби видтягне видъ серця! Такъ и бачышь якъ той клопить гарячою парою зъ рота выходыть! Эге, то отто жъ, кажу, було въ понедилокъ. А у вивторокъ я бабувала у Зивкы Тухленковой, старого Молочая невесткы, и прынесла вамъ попелясту курочку и прохала на родыны.

Старшына. Курочку? Отъ-же й цѣго не пам'ятаю.

Рындычка. Ще ваша жинка, Андріёвна, нехай будутъ здоровеньки, вамъ на радисть, мырови на втиху! Узялы у мене ту курочку и почаствовали мене пывомъ, спасыби имъ, повнисенькій стаканъ выпыла!

Старшына. И бувъ я на родынахъ?

Рындычка. Ба-ни. Вы одмовылись тимъ що у васъ беседа була.

Старшына. Оттакъ заклопочысь якъ мы, начальныкы, иводи заклопочуемось.

Рындычка. А въ среду, після обидни, до васъ ще підъихали госты. Батюшка и ще зъ яємы съ людмы...

Старшына. У среду, кажешъ?

Рындычка. Эге жъ! А учора посварылась я зъ Приською Московкою, и приходыла до вашей милости скаржытись.

Старшына. Зъ кымъ? Зъ Приською, кажешъ?

Рындычка. Зъ нею, такъ тошно!

Старшына. Та ты це навспражы, чы може дурнышъ мене?

Рындычка. Навспражы! Та я ій цёго не подарую.

Старшына. Помогай тоби, Боже! Це дило интересне!

Рындычка. Вы-жъ самы учора сказали мени, щобъ я прыйшла сегодня, бо вы вчора, выбачайте въ цимъ слови, були пьяненьки, па здоровьячко вамъ.

Старшына. Клороты! Що у мене того клопоту, стара! Такъ стало быть выходыть, що сегодня пятныця? Слава Богу, що хочъ знайшлы день!

Рындычка. Та тутъ не то що день загубышт, а йисты забудешъ. У васъ же того клопоту повна голова!

Старшына. Бильше!

Гарасымъ. Черезъ голову польетця... Такъ тошно!

Старшына. О, польеця! *(До Гарасыма)*. А ты-жъ по якому дилу?

Рындычка. Це жъ мій свидокъ.

Гарасымъ. Такъ тошно, господынъ старшына!

Старшына. Ты, стало быть, чувъ, якъ вони сварылись?

Гарасымъ. Такъ тошно, верно... Ну, що вони былись, такъ я объ томъ незвестенъ!.. По закону, значыть, по правди?.. Хйба у насъ земля безрозсудна?.. Истинная правда... Аминь и весь обманъ на лицѣ.

Старшына. Пиды жъ, поклячъ сюды, Приську Московку, то мы заразъ и вчынемо судъ!

Гарасымъ. Вчынить судъ праведный, якъ перець Господомъ Мылосерднымъ!.. Бо вони проклятуци бабы!.. Имъ обомъ безприменно треба задубыть манаткы, та березовою кашою, щобъ не клопоталы... Бо вони анахтемы, такъ тошно, ваше благородіе!

Старшына. Веды іи сюды передъ мои очи по шучому велинню!

Гарасымъ. Приведу! Нельзя обижать!.. Я іи анахтему... Кажу, вклонись старій и ни котораго дила... Постановы, кажу, четверку и Богъ тоби простыть... Правда? Не сваритця, кажу, бо чыстый калавуръ! *(Пишовъ)*.

Старшына. Треба жъ мабуть и пысаря подождаты.

Рындычка. Ой, батечку, розсудить же вы мене самы...

Старшына. Та розсудить то можна! Алежъ може мени прыйдеця довго здійматы допроеъ съ Приськы? А тутъ треба мени йихать по ревызіи... Якъ бы можна, це дило хочъ до-завтрёго пидъ сукно!?

Рындычка. Ой, розсудить же мене! Бо якъ не розсудите, то не вытерплю, та яжъ.... *(Шепче ему на ухо)*.

Ой, розсудить же мене; а я батечку вамъ завжды у прыгоди стану. Памьятаето, якъ ще вы не были за начальныка, та позывались зъ Тыхономъ за кожуха? Мало я тоди гриха на душу взяла?

Старшына. Ну, те що колысь було, ничого згадуваты; ничого вже зъ тобою робыть... Такъ кажы товкомъ: за вищо тамъ у васъ взялося? Зъ якого побыту горщыка розбылы?

Рындычка. Охъ, батечку, та тутъ таке, що якъ до ладу розсказаты, то й волосся на голови до горы полize! Адже жъ вы знаете, що мій вгородъ та выходыть якъ разъ потылицею до іи повиткы.

Старшына. Потылицею? Такъ и запышемо.

Рындычка. Ще мій покійничокъ, царство ему небесне, вичный покій его душеньци и всімъ помершимъ душамъ вична пам'ятъ! Ото, кажу, якъ ще мій покійничокъ живый бувъ, то й выкопавъ ривъ проты іи повиткы, щобъ, стало быть, звернуты стежку зъ іи дворища по надъ ровомъ... Бо вона було, якъ иде—чы проты череды, чы въ поле, то такъ тоби и преця черезъ мій вгородъ!

Старшына. Эге-ге! Постривай! Я бачу, що це дило дуже заплутане! Доказательства маешъ?

Рындычка (*выйма пляшку зъ горилкою и бублыкы*). Осьдечкы, хіба-жъ я чести такы та й вашого звычайу не знаю.

Старшына. Отъ бачышъ, може-бъ я й не пивъ сегодня, колы-бъ не таке голивне дило!

Рындычка (*частуе*). Милости прося!

Старшына. Приходьця выпиты, щобъ у голови... Пожалуйте, звольтесь самы!

Рындычка. Пошли-жъ Боже помершимъ душенькамъ царство небесне, а живымъ на здоров'ячко! (*Выпила и поднесе старшыни*).

Старшына. Благодарю покорно! (*выпивъ*). Теперъ трохи неначе яснишъ дило.

Рындычка. А якъ же. Воно заразъ у голови розвзднетця! Закусить же бублычкомъ. (*Дае бублыкъ*).

Старшына. Що воно, ніби щось задзвенило у вуси?

Рындычка. Ото такъ похмилля паруе, що ажъ дзвенить. Выкушайте ще!

Старшына. Та пожалуй! Чарка въ тебе не велика, то воно можна ще по одной.

Рындычка (*налива*). Я вамъ скажу, що по манисенській краще пыты. Каже:

„Ой чарочко-жъ моя

Чепурушечко,

Ой потишъ же мене!

Моя душечко!“

Милости прося!

Старшына (*выпивъ*). Теперъ неначе замовело у вуси, якъ по щучому велінню! А соби-жъ?

Рындычка. Та я вже, не вамъ кажучы, зъ своимъ свидкомъ выпыла зотры. (*Налива*). Дай же Боже, щобъ ворогы мовчали, а сусиды не знали. (*Выпила*). Ото-жъ, кажу, якъ выкопавъ мій покійничокъ ривъ, такъ видъ тоди пишла про межъ насъ що-денна сварка!

Старшына. Що-денна?

Рындычка. Эге-жъ!

Старшына. Ну, такъ мы й запышемо.

Рындычка. Та якъ же не щоденна, колы я своимы очыма бачыла, якъ вона, що ранку Божого вынесе, та й высыпае попилъ у мій ривъ. Я ій докоряю, та звычайу, а вона мовчить, неначе не до неї ричъ.

Старшына. Мовчить?

Рындычка. Звисно губы мовчатъ, а въ середыни що въ неї?

Старшына. Ну, що въ середыни хочъ воно й цікаво, такъ це до дила не касательно.

Рындычка. И що жъ бы вы думалы? Оттакечкы що дня, высыпаючы попаяль, заривняла мени ривъ зовсимъ. Оттожъ и стала я думаты: за для чого бъ ій оттаке на каписть мени коиты? Чы нема тутъ якої инчої причты. Сыдю я на тимъ тыжнови, лыбонъ проты середы, чы проты вивтирка? Ба, такъ, проты вивтирка! Бо въ понедилокъ, я ходыла по зилля, у Деріеву балку... Та ще яка мени прытычына трапылась?

Старшына. Що таке? Ты вже ро-сказуй, усе до чыста, щобъ дило було якъ на долони.

Рындычка. Тилько що перешла я лошыну и простяглась на вманя, черезъ стерни, ажъ це зъ пидъ моихъ нигъ звиць: плыгъ, плыгъ, плыгъ. Щобъ мени языкъ опухъ, колы брешу.

Старшына. Заіць, кажеш? Чы це жъ до дила кусательна?

Рындычка. А якъ же воно не кусательна, колы то не заіць бувъ?

Старшына. Не заіць! А що-жъ воно?

Рындычка. Та кажу-жъ вамъ, що зхопылось, та пльгъ, пльгъ пльгъ! Попередъ мене.

Старшына. Та це вже запысано, що пльгъ, пльгъ!

Рындычка. Такъ вы думаете, що й справди то заіць бувъ?

Старшына. А що-жъ таке?

Рындычка. Нечыста сыла!

Старшына. Та ну?

Рындычка. Правда, покотывъ, та й покотывъ черезъ гору! А я заразы такы трнчы перехрестылася, а дали сплюнула на ливый бикъ.

Старшына. И що жъ, счезъ?

Рындычка. Якъ языкомъ злызало.

Старшына (*пыше*). Якъ языкомъ злызало.

Рындычка. Ой стрывайте-жъ, що жъ я наказала? (*Думае*). Эге, такъ кажу, ото набрала я тамъ зилля, прынесла до дому и почала его вялыты на спрызбы, а вже звисно, що якъ идешь по зилля та перестрине тебе заіць, або перебижыть тоби пляхъ, то...

Старшына. Такъ що-жъ таке треба робыть?

Рындычка. Э, цего не можна казаты, бо якъ розскажешъ, то те зилля хочъ визьмы, та выкынь его на смитныкъ.

Старшына. Стало бытъ, не поможе не видъ якои хворобы?

Рындычка. Ни, не те, а такъ, звенить, смердитыме що й носа до нёго не наверхнешъ. Ото вже якъ зовсимъ стемнило, сыдю я соби на спрызбы, та й задримала; сныця мени, що я молода та така хороша, хочъ зъ лыця воду пый.

Старшына. Ну, це ты почала розсказуваты сонъ рябой кобылы.

Рындычка. Та я жъ такы була хороша молодую, така хороша!

Старшына. Ну я-бъ цего не подумавъ.

Рындычка. Мынулося! Та за мною парубки було такъ мордююця, що ажъ попару не знайдуть, ажъ тыны трыццать.

Старшына. Та це жъ було за царя Непытайла. Ты дило кажы!

Рындычка. Стривайте жъ бо! Отто й задримала я. Ажъ чую, щось няка на мого рябка. Вы-жъ знаете мого рябка, торикъ Палажка, Гуннына невистка, позывала мене за те, що нибы то винъ порвавъ на ий нову юбку.

Старшына. Такъ его рябкомъ звуть; це треба у претяколъ запысать.

Рындычка. Я бабувала на хуторахъ у Вайбакивъ—видить ого прынесла щеняжъ, и казано мени, що воно ярча! Одначе-жъ я его и недумала выховуваты пидъ осыновою бороною. А вже звисно що якъ ярчаты оттакечкы не выховуваты, заразы видьма визьме такы и подушыть.

Старшына. Подушыть? А чы не пора намъ пидлыть чорныла у чорныльницю. Бо воно щось не охотно слушаеця!

Рындычка (*нальва*). Дай же Боже, щобъ усе було гоже! А що не гоже, того не дай Боже! (*Выпыва и частуе*).

Старшына (*вымыв*). Добра горилка. У якимъ шынку беретъ?

Рындычка. У Вороха!

Старшына. Эге! Це така що тилько-бъ мени й пыты. Ну, доведъ же дило до краю! Що це вивъ Присыкы не веде?

Рындычка. Такъ отто чую, щось няка на мого рябка; на пюцю! на! Слухаю, ажъ то вона: прыманыла ёго до себе, та й дае ёму щось зъ своихъ рукъ! Я до неи и озвалася; а що то ты, кажу, матери твоий стонадцать болячокъ и симъ пропасныць! Що то ты робышь? На що ты чужу собаку годуешъ? „Щобъ знавъ, важе, мене та не рвань!“ Якъ прынялася я ии кореныты, лаю на всю губу, а вона

мовчыть, та все годуе рябка. Дали зъ пересердя плюнула, такъ такы голосно, кажу: тьфу! тьфу! тоби діявольска дочко!

Старшына. Куды це ты плюешъ? (*Вытирае лице*). Анахтема, плюе прямо у пальтретъ!.. Стань на цей биякъ.

Рындычка. Ажъ другой ночи, сыдю я на печи, а у мене съ печи виконечко, якъ разъ проты іи дверей. Сылю я, ажъ чую, мій рябко на когось гавка. Я мерщій прожогомъ до виконьчка, а щось чымчыкуе черезъ мій ривъ, прямисенько до неи; пидійшло до дверей, поторгало, и стыха промовило: „видченить!“...

Старшына. Колы це було, кажешъ?

Рындычка. На тимъ тыжневи, у середу.

Старшына. На тимъ тыжневи. (*На бикъ*). Отъ такъ штука! (*До неи*). Ты сама бачыла?

Рындычка. Своими очыма! Щобъ жени новылазыло, колы брешу!

Старшына (*у бикъ*). Держысь Васылю! (*До неи*). А незапримыла его облычъя?

Рындычка. Та що тутъ? Це вже всімъ людямъ звисно. Ныбы-бъ то вы й не догадуецесь?

Старшына. Я!.. слухай стара, ты не тее..

Рындычка. Ба, ни! Скажу жиньци!

Старшына. Чы ты-жъ не здурила?

Рындычка. Вона мене лыхословила передъ усімъ мыромъ, що ныбы то я украла у неи пивня.

Старшына. Якого пивня?

Рындычка. Чорного зъ жовтымъ хвистомъ!..

Старшына. Та я й на подвирьби не бачывъ такого пивня!

Рындычка. Отъ такъ же и я его точнисенько бачыла! А вона пащикую: украла, та й украла! Я жъ іи шельменній дочки выбью очи іи чоловікомъ хвойдныкомъ.

Старшына. А въ холодній ты щене сядила?

Рындычка. За отту задрипанку? За ту нечупайду?

Старшына. Брешешъ! Брешешъ, стара! Ще одно уразливо слово и я тебе пидъ дванадцять замкивъ, по щучому велинню?

Рындычка. Щобъ мене пидъ дванадцять замкивъ за отту полудыву Грыцьху. Та я швидче...

Старшына. За яку Грыцьху?

Рындычка. Кажу-жъ вамъ, що то Грыцько добывався до Приськы.

Старшына. Грыцько?

Рындычка. Та винъ же, винъ!

Старшына. Такъ ты жъ такъ и кажы! Розбовтай же чорзыло, а то вже зовсимъ загушло.

Рындычка (*частуе*). Винъ же, кажу вамъ! Эге, отто жъ учора враньци выхожу я зъ своеи хаты, ажъ и вона, биля свого порогу, крыше закрышку у борщъ. Поздоровбалася я до неи, та й кажу; „а яки то до тебе гости добывалысь у глуху ничъ. Чы не чоловікъ, кажу, вернувся зъ службы?“ Вона на мене якъ вытрищыця, та хочъ бы словечко. Я іи докаряю, а вона мовчыть. Чы тоби й не стыдъ, кажу, та й не соромъ. Чоловикъ твій Богу, Государю служитъ, може побываетця за тобою, якъ пташечка у клятци, а ты такъ за нимъ журисся, що чужыхъ чоловікивъ до себе уночи—прынадюешъ? Вона, слухала, слухала, дали встала, повернулась до мене потылицю. (*Шепче ему на вухо*). Отъ щобъ я пропала, колы брешу!

Старшына. И свидокъ все те бачывъ?

Рындычка. Ни, серденько, не бачывъ, а тилько...

Старшына. Це дило треба розжуваты, тутъ треба пидкрепыты доказательства.

Я В А І V.

Входить Гарасымъ и Приська.

Приська. Добры день вамъ!

Старшына. Здорова ягідко!

Приська. За якимъ диломъ мене покликвалы?

Рындычка. Якъ ты посмила мени старій жиньци?

Старшына. Не прыскуйся стара, бо я тутъ начальныкъ. *(До Приськи)*. Якъ ты поживаешъ серденько?

Приська. Якъ горохъ пры дорози! Хто не ливуецця, той тилько и невыбыва мени очей!

Рындычка. Ачъ яка тыхоня, свята та Божа!

Старшына. Мовчы стара!

Гарасымъ. Кажу, ваше благородіе, зъ ными настоящій калавуръ.

Старшына. Мовчать!

Гарасымъ. *(Бге себе по губахъ)*. Мальчать!

Старшына *(до Приськи)*. Такъ, кажешъ, якъ горохъ пры дорози?

Рындычка. Та що вы зъ нею цяцкаетесь!

Старшына. Ты мене будешъ вчыты, якъ допроса здійматы! Ты? Мовчы, а ни пысны!

Гарасымъ *(до Рындычки)*. Мовчать! Вони ихъ благородіе, вони понимаютъ. Такъ тошно!

Приська. За якимъ диломъ мене кликвалы? Мени николи тутъ зъ вами пятакаты!

Рындычка. До вечора ще не близько, успіешъ побачыцца!

Приська. Не лизьте, бабо, осою въ вичи, бо пры людяхъ вылаю.

Рындычка. Ты мене лятынешъ? Та ще той на свить не народывся, щобъ мене перелаявъ! Та я тоби сто и симнадцять болячокъ.

Старшына *(до Рындычки)*. Геть зъ хаты, я на одыньци здійму допроса. *(Вытыха и)*.

Гарасымъ. Настоящій калавуръ зъ ными!

Старшына *(бере Гарасыма и Рындычку за плечи и вытыха)*. Геть, пидь три чорты!

Гарасымъ. Вони краще поним...

Старшына *(до Приськи)*. Насылу я диждався шаслывого часу, що бачу тебе на одыньци!

Приська. Велько щастя! Чого вы мене кликвалы?

Старшына. Прысьдъ, Присю!

Приська. Зъ якою речу?

Старшына. Колы-бъ ты знала, яка ты красыва.

Приська. Красыва, та не для васъ.

Старшына. Та смытай котру хочешъ молодыцю на сели, яка-бъ не рада була щобъ старшына до неї залыцявся?

Приська. А одъ мене облызня піймаете!

Старшына. Справди? *(Хоче и облыть)*.

Приська. Ну, рукамъ воли не давайте, бо й волосся у васъ на бородине зостанетьця!

Старшына. Такъ ты такъ зъ начальствомъ?

Приська. А хйба вы на те начало, щобъ прилыпаты до чужихъ жинокъ?

Старшына. А въ холодну не хочешъ?

Приська. Не за для мене холодна та мурована!

Старшына. Побачымо. Ты, дурочко, подумай краще! Чымъ я не вдатный зъ себе?

Приська. Вдатный, та не мій. Залыцяйтесь до своей жинкы!

Старшына. А до тебе?

Приська. Кажу вамъ, що зась!

Я В А У.

Выходять писарь пьяный.

Писарь.

Однажды собралася
Компанья въ кабацъ

И каждый тамъ говорюваль }
На своемъ языкѣ. } двичи.

Какъ немецъ по немецкому:

Ай, яй, яй, лй, яй, лй,

А турокъ по турецкому: } двичи.

Алла, алла, алла!..

А руськой похварбей усѣхъ

Давъ турку тумака,

А немецъ похитрей усѣхъ } двичи.

Давъ тягу зъ кабака.

Старшына. Отъ чортяка ёго принесла.

Пысарь. Василь Мыроновычъ, душа моя, мое почтеніе, какъ ваше драгоцѣнное?

Старшына. Вы тилько пьянствуете, а тутъ дила повна голова!

Пысарь. Все аттестуемъ въ лучшемъ культурномъ состояніи... А, кумушка! По какимъ такимъ экстреннымъ требованіямъ?

Приська. Спятайте ихъ!

Старшына. А вы це колы успили покуматися?

Пысарь. Не далѣ какъ перваго Октябрю на Покрову Пресвятя Богородицы.

Старшына. Тыжъ-то ты така смилыва, що вже зъ подручнымъ началства покумалысь.

Приська. Ба-ни! Я таки зъ роду не зъ полохлывого кодла.

Пысарь. Вы мою кумушку не смѣйте обиждаты, потому, хочъ я и пидручный, но можу задаты началству таку цивилизацію...

Приська. Вони вже мене й холодною стращали.

Старшына. То-жъ я шуткувавъ!

Пысарь. Холодна, нехай буде холодною, а намъ пора погритысь. (*Выйма бутылку и чарку*). Кума, сидай! Василь Мыроновычъ, душа моя. (*Частуе*).

Старшына. Ни, у мене вже и такъ у голови гуде, то мабуть не буду пыты, бо треба-жъ намъ по ревузію йихаты.

Пысарь. Пустякъ дило, выпьемъ и пойдемъ! Просю покорно.

Старшына. Тамъ получена яка-сь бамага!

Пысарь. Прочытаемъ и резолюцію покладемъ. (*Чыта бамагу нышкомъ*).

Старшына. Про вищо вона дряпа?

Пысарь. Откатегорьемъ усю систему въ свое время. (*Кыдѣ бамагу пидъ стилъ*).

Пустякъ вниманія.

Старшына. Невже пидъ сукно?

Пысарь. Въ архивѣ. (*Частуе Приську*). Кума, чарочку.

Приська. Ни, куме, спаснби.

Пысарь. Якъ, видъ мене чаркы горилкы не выпьемъ? (*Спива*).

Тыжъ було, кума моя,

Тыжъ було, люба моя,

Тыжъ було, селомъ идешъ,

Тыжъ було, въ дуду ревешъ,

Тыжъ було, куды идешъ не мынешъ!

Оберныся, обіймы, поцилуй,

Велію мылость!

Мылости просю!

Приська (*одныва*). Охъ, яка жъ пекуча!

Пысарь. Всю, всю!

Приська. Не можу, не можу! (*Одныва*).

Старшына (*у бикъ*). Якъ бачу коло пійей молодыци треба ины заходы. (*До неи*). Такъ выкупайте жъ уже на мырову зо мною!

Приська. Я зъ вами не сварылася! (*Знову пзе*).

Пысарь. Кума, у тебе хата простора. А я писля завтрѣго мынынныкъ. Вары, рижъ, печы! Твоа страва, мои гроши и мое пытво! Эхъ, Василь Мыроновычъ, неуміешъ ты зъ бабами дило робыть? Чы такъ, кума? Кумасю, не наровить чаркы. (*Приська пзе*).

Старшына. И я прыйду на меныны.

Приська. Та вже, звисно, не выжыну зъ хаты.

Старшына (*Пысарю*). Шелестянь Салатовычъ.

Пысарь. Севастьянь Севватъевичъ.

Старшына. Все рывно! Позволте пляшечку ще й я почастью вашу кумасю! (*Частуе*).

Приська. Ой, це вже буде багато!

Старшына. Не буде мало! Просю коротко.

Приська (*хыльнула*). Зъ нашой сестры ласкою усе можна взяты. (*Сміється*). Отъ я уже пьяненька...

Старшына. А по другій, ще видъ мене?

Приська. Та вже лйте, куды ты, нехай вже й четвертого доганя. (*Регоче*).

Старшына (*нахва*). А ну, хыльнитъ.

Пысарь. Ай молодець, Василь Мироновичъ. (*Иде до порога*). Гей! Хто тамъ? На, пляшку, пиды у шнѣкъ и принеси ще дви.

Старшына. А ну, смиллице! (*Хоче поцилуваты*).

Приська (*бѣе ёго по губахъ*). А тыресь, мурый!

Пысарь. Василь Мироновичъ, нельзя! Кума почынай писня, такой щобъ ажъ... (*Спива*).

Гусарь на шаблю обпирався,

Въ глубокой гордости стоявъ!

Приська. Не вмю я такой! Ой, я вже пьяна. (*Регоче*).

Пысарь. Почынай свои! А мы зъ Васылемъ Мироновичемъ пидтягнемъ.

Приська (*спива*).

Ой, выпыла, выхылыла,

Сама себе похвалыла,

Бо я паньского роду } двичи.
Птю горилку якъ воду }

О, мій мыйый умеръ, умеръ,

А въ комори дуду заперъ,

А я пишла муки браты, } двичи.
Тай почала въ дуду граты }

Ой, ты дуда-жь, моя, дуда!

Я молода, сюда, туда!

На впрысядкы та въ долени } двичи.
Пишла мука по комори }

Я В А VI.

Рындычна и Гарасымъ.

Рындычка. Бачъ, якый вони тутъ допрось берутъ?

Старшына (*до Рындычки*). Мырьсь, стара, заразь мови! А то я тебе, чортову кочергу!.. Знаошь мене: по щучому велинню.

Пысарь. Объ чомъ споръ? На основаніи якои статья?

Рындычка. Выслушайте-жь мене, Шелестянь Салатовичъ!

Пысарь Севастьянь Севватъевичъ!

Рындычка. Ой, батечку, не вымовлю-жь я! Що вона тилько зрбыла; вы тилько подумайте! (*Шепче ёму на вухо*).

Приська. Не гнивить Бога, бабо! Чы л-бъ такы стыда не мала?

Пысарь. Та не можетъ быть? Чистое горо!

Гарасымъ. Настоящій калавуръ!

Приська. Що я повернулась до васъ потылицею по правда, а останне...

Старшына. Помыритця заразь! Вы жъ такы сусиды.

Голосъ за дверыма. Нате горилку.

Старшына. Отъ и мирова пидоспила. Це вже наша! (*Бере пляшкы*). А ну, хто моторнишый—частуй, бо я вже разварывся.

Гарасымъ. Позволте, я сполню... Хйба у насъ земля безросудна!

Пысарь (*бере пляшкы*). Смирно. Сидай, стара, билл старом кумаса! Лавку сюда прысуньте! Такъ. Василь Мироновичъ на почотное мѣсто, билл кумасы, пожалуйста! Гарасько тутъ!

Гарасымъ. Сѣвъ-верно!

Пысарь. Кумасю, поцилуйтесь зъ старою!

Приська (*регоче*). Чому й не поцилуватысь.

Рындычка (*зъ плачемъ*). Ты думаешь, що мени тебе не жалко? Ты-жь така молода, та хороша, та якъ та сыриточка!.. Никому тебе не прыголубты, ни пожалуваты.

Пысарь. Годи стара! Цилуйтесь!

Гарасымъ. Цилуйтесь... Началство велить!... Цилуйтесь, чортовы сорокы...

Настоящій калавуръ зъ нымъ! (*Бабы цилуютця*).

Пысарь. Отъ и шабашъ! Ну, за мною! (*Почына спиваты, за нымъ усю*).

Во саду ли, въ огородѣ, (*bis*)

Пташечкы поють. (*bis*)

Ой тамъ наши родытели,

Ой тамъ наши приятели,

Горилочку пьють (*bis*)

(*Частуе Прыську*)

Антоновна наливають...

Прыска. Мыроновичъ выпывають...

Гарасымъ. На многи лита.

Вси. Многи лита, многи лита! и т. д.

Прыска. (*Частуе старшыну*). Теперь уже и вы выпейте видъ мене!

Старшына (*зовсимъ уже пзяный*).

Благодарю покорно... Одъ васъ зъ удвольствиемъ! (*Пзе дви*).

Пысарь. Васылъ Мыроновичъ! душа моя, не валысь!

Старшына. Держусь, ще воздержусь!..

Присю, поцилуй мене! Поцилуй началство!..

Прыска. Нехай якъ выяснитця! (*Частуе Рындычку*).

Рындычка. Чы я-жь тебе та й не жалую, моя голубочко! Завтра прийды до мене, я тоби и бурячкывъ и капусточки и картопелькы!

Гарасымъ. Стара, не задержуй, чаркы, може ще хто хоче выпыты.

Рындычка. Устаровыну не такъ спивалы. (*Спива*).

Ой хто пье—тому наливайте,

Хто не пье—тому не давайте,

А мы будемъ пыты,

И Бога хвалыты,

И за васъ, и за насъ,

И за неньку стареньку,

Що навчыла насъ горилочку пыты
по маненьку.

Ой хто пье—той кривытця,

Хто не пье—той дывытця.

А мы будемъ пыты и т. д.

Пысарь. Васылъ Мыроновичъ! захрипъ! Э, шкода!

Гарасымъ. Бо имъ клопоту, настоящій калавуръ!

Я В А VII.

Ти жъ и сторожъ.

Сторожъ. Кони готовы!

Пысарь. Сёгодня вже годи йихаты по ровызі!...

Сторожъ. Та це знову кони стоятимуть?

Пысарь. Не твое дило. Внесы сюда дзвинокъ! (*Сторожъ пишовъ*).

Прыска. Ходимъ, бабуся, до дому!

Рындычка. Ходимо, моя дытны!

Пысарь. Стой, кума! Кататця пойдёмъ!

Прыска. Э, ни, кумцю! Пый, ка-жуть, та ума не пропый! Спасыби за честь, спасыби що помырылы!..

Рындычка. Я тоби, моя люба и квасолькы, и огирочкывъ дамъ... У мене хвалыты Бога уродыло.

Гарасымъ. Тилько не сваритця!

Прыска. Прощайте, Шеластянъ Салатовичъ.

Рындычка. Спасыби вамъ, шо помырылы насъ!

Пысарь. (*Рындычка и Прыска пишылы*). Севастьянъ Савватъевичъ! (*Провожа ихъ до порогу*). Кумасю, гляды-жь не забувай меныны!

Гарасымъ (*тимъ часомъ хова пляшку и бублыкы*). Настоящій калавуръ!.. Бо имъ клопоту... Ну, шо вони былысь... Прощавайте! (*Пишовъ у шкафъ*).

Пысарь. (*Бере ёго за кожира и вытыха*). Эка свынота, нажретця такъ што й!..

Я В А VIII.

Сторожъ (*вносе дзвинокъ*).

Сторожъ. На вищо вамъ дзвинокъ здався? (*Дае*).

Пысарь. Не твое дело. *(Почына дзвонить пидз ухомз старшыны)*. Нё, конячкы!..

Старшына *(скрыз сонз)*. Поганай, поганай! Звертай на Чубайивку! Та не задёрлуй-бо прыстяжвои!

Сторожь. Пойихавъ по ревызіи.

Пысарь. Ну, буде зъ нёго, нехай йиде. А я пойиду на хutory другу ревызію робыть.

Старшына *(сонный)*. Пышы прыговоръ!

Пысарь. Чыстое горе зъ оцима пъяныцямы!.. *(Пишовз)*. Какой я только зъ нымы мученыкы!

Сторожь. Добра ревызія! Це знову на цилый тыждень; цей дома кружлятыме, а той — по хуторахъ. *(Бере зз столу бублыкы и дойида, потимз бере щоты, сида на земли и выклада)*. Ни вже, хай ему врагъ, що-бъ я зостався у цимъ пекли! Я такы выщытаю скілько мени зосталося день службыты до года.

Старшына *(спива сонный)*. Многа лита, многа лита...

(Зависа).

ЛЫХО НЕ КОЖНОМУ ЛЫХО, — ИНЧОМУ Й ТАЛАНЪ.

Траги-комычный этюдъ въ 1-й дѣй.

Л Ы Ц Е Д І И:

Хотына **Журавлыха**, стара жинка.
Приська **Кугутенкова**, дивчына, племянница Журавлышына.
Несыхій Евтихievычъ, паламарь, молодой чоловікъ и гарный на вроду.
Даныло **Нандалупенно**, парубокъ таранкуватый.

Хведько **Чепименно**, парубокъ.
Ганна **Лелекова**, дивчына.
Хивря, сусида Журавлышына.
Парубкы и дивчата.

Діетця у Журавлышыній хати.

Середына хаты, стиль, лавы, пичъ, полиця, мысникъ, пилъ, жертва.

Я В А І.

Хотына Журавлыха (*сидячы на лави, допрядае кужелю; спива*):

Свиты, мисяцю,
И вы, ясни зирныци, —
Нема мылого
На весели вечерныци...
Визьму ведерця
Та пиду до крыныци, —
Ажъ тамъ мій мылый
Цилуе удовыцю...
Ой, годи, мылый,
Удовыцю цилуваты, —
Ходимъ до дому
Вечерю вечеряты...

Я В А ІІ.

Хотына и Хивря.

Хивря (*зазыра у вихню*). Отакою на старість загулы?

Хотына. Эго жъ, я сама соби дывуюся, — зъ якого цо побыту я ии згадала? Заходь бо въ хату.

Хивря. Дайте покій, ніколы. Цо бижу до шыньку по свого мацапуру: якъ попхався ще зъ ранку, та й доси кулыкае!

Хотына. Не дывытця, цо будень?

Хивря. Ему однаково, — цо будень, цо свято, — на те не вважа: пѣе та й пѣе, якъ той павукъ, цобъ винъ вже луснувъ ёму!.. Та нехай винъ мене хочъ и побѣе, а я ёго такы сёгодня вытурю зъ шыньку! Та оце, йдучи поўзъ вашу хату, чую, — цосъ спивае, — я й зупынылась.. Це лыбонъ вы старосвитской спивалы?

Хотына. Эге жъ! Видколы я ии ще знаю, — ще якъ дивувала, а теперь вже й вѣдосъ мій посывивъ!

Хивря. И цо воно, скажыть мени на мылость Божу, означá: цо инчу писню якъ заспиваешъ, то вона нибы змолодыть тоби думку, прыгадае молады лета й дивувапнячко. . И нибы бачышъ усе те пе-

редь очыма: зеленый та пахучый садочокъ, и ничь зоряну, и вербу надъ крыныцею, и карі очи мылого... (*Хлыла*). А мылый,—бодай вже винь криві гарячю напився,—у печынкахъ мени сыдыть!...

Хотына (*глянула ненааркомъ у вѣкно*). Чы не дыво,—вже й соночко лыбонь зайшло!

Хивря. А зайшло вже, зайшло!

Хотына. Це жь вже й череда мабутъ зь поля прыйшла? Охъ, питы та одбыты видь череды тельцю, бо незабромъ и на вечорныци збыратымутця. Чы багато жь то парубкивъ та дивчатъ до зимы зостанетця, що не поберутця въ осені? Мабуть, и въ половыну не вберешъ!

Хивря. А ни, не вберешъ! Я чула, що ныбы вашу племянницю, чы то пакъ небогу вашу Приську, паламарь свата?

Хотына. Хто ёго зна! Я Приськы не розберу,—то чудна яка-сь дивка!

Хивря (*глянула у вѣкно*). Чы не дыво!.. мій мацапура лизе до дому, та ще лыбонь й тверезый!.. Прощавайте! (*Пышла*).

Хотына. Ходы здорова! Де жь це моя юпка, або горсетка?

Я В А ІІІ.

Хотына и Приська.

Приська. Добры-вечирь, титочко! Зь суботою будьте здоровеньки!

Хотына. Несподивана гостя! Здорова, здорова! Спасыби, що провидала!.. Пора, пора хочъ черезъ поригъ плюнуты. Що жь тамъ маты твоя, сестра моя,—ще жывенька-здоровенька?

Приська. Не пытайте мене... Я теперъ ничого не знаю! Не такый у мене клопять!.. Я оце, титочко, нарочыто ранишь до васъ забигла... Давненько вже я не одвидувала васъ...

Хотына. Що жь робыты, колы вже теперъ скрызъ такъ повелося, що до ба-

гатои ридни,—то й пышкы бижать, а до бидной й кони не везуть!..

Приська. Не вражайте мене, титочко, бо й такъ печаль мене тяжка спиткала... Я чула, що вы ныбы за щось гниваетесь на мене, то оце я й прыбитла, щобъ переспросытыся зь вами... Може й справди я зь дурного ума й сказала вамъ яке прыкре слово?

Хотына. Не було у мене й нема ни якого сердца проты тебе!

Приська (*плачучи*). Охъ, спиткала мене, титочко, лыха годына та нещаслыва!

Хотына. Та що жь тамъ и навспражкы трапылося?

Приська. Выдымське лыхо! Ще якъ свить сонця, то ниhto такого не зазнавъ!..

Хотына. Ото, нехай Богъ боронить! Я жь ничого такого не чула! Хиба оце свижъ зкбилося?

Приська. Ни, давно, давно вже воно, титочко, наклунулося; а теперъ дійшлось до того, що мени хочъ у ополонку головою!

Хотына. Та хто жь той супостатъ?

Приська. Даныло Кандалупенко.

Хотына. Чы й справди? Не сподивалась я видъ ёго капосты!.. Та постривай-бо! Якъ же це, що я й не збáгну? Позавчора, отутъ такы, на цимъ самисенькимъ мисци, Даныло пидсявъ до мене та й каже мени: „Нома у насъ дивкы надъ Приську Кугутенкову, отъ скилько, каже, не прыдвляюсь, а нема! Колы бь вона, каже, пышла за мене замижь...“

Приська. Пиду, титочко, зь дорогою душею пиду!

Хотына. Якъ же це ты не встереглася? Що жь, винь тебе дурманомъ напойвъ, чы...

Приська. Хто?

Хотына. Та Даныло жь!

Приська. Вы не те, титочко, говорите!.. А ось що мени скажыть: чы не знаете вы якого одвороту?

Хотына. Прывороту, кажы?

Приська. Ни, одвороту!

Хотына. Отакъ пакъ! Одворотожъ одвернешъ, а приворотомъ привернешъ!

Приська. Одвороту жъ и треба!

Хотына. Цёго то вже я й не розчолопаю! Кого жъ треба одвернути?

Приська. Мене.

Хотына. Тебе?

Приська. Спершу одвернути, а потимъ привернути!

Хотына. Выходыть, що винъ тобі не до вподобы?

Приська. То то й горе, що до вподобы!

Хотына. Та що ты верзешъ: то до вподобы, то не до вподобы,— а хто до вподобы, хто не до вподобы,— не розберу! Та перестань бо рюмсаты, та розкажы товкомъ!

Приська. Яки бо вы на старисть, выбачайте, стали не розсудливы! Чуете: мене треба видвернути, бо я ёго, Господы, якъ люблю!

Хотына. Та кого жъ ёго?

Приська. А, Боже мій! Кажу жъ вамъ товкомъ: щобъ мене одвернуло, та до другого привернуло, а ёго щобъ до другою приворнуло, а одъ мене одвернуло!

Хотына. Хочъ ты мени вси пяморокы вымотай,—ничого не тямлю! Хто жъ той другый?

Приська. Не Даныло, а зовсимъ другый!

Хотына. Вже не Даныло? Ну, добре, нехай буде другый, не Даныло. А хто жъ друга?

Приська. А якъ винъ мене любить,— то й Господы, якъ любить!

Хотына. На вищо жъ ёго видвертаты, колы любить?

Приська. Не можна, не можна! Зробить, титочко, щобъ мене до Даныла привернуло, а видъ того одвернуло!

Хотына. Хымерни бажання! Чы той другый жоватый, чы якъ?

Приська. Ба, ни!

Хотына. Ридня, може, не дозволя ёму одружытыся зъ тобою?

Приська. Ни! у ёго ни якои ридни нема!

Хотына. Що жъ винъ — панъ, чы купецъ, чы якый начальникъ?

Приська. Ни, ни, ни!

Хотына. Та хто жъ винъ такый?

Приська. Ажъ страшно казаты! (*Озыраецця*). Нивсихъ Нивтыховичъ, нашъ паламарь!

Хотына. Те-те-те! Такъ ось воно що? Я й забула, що винъ за тобою ханькы мнявъ, ще либонъ зъ торшнѣи весны?

Приська. Мнявъ, титочко!

Хотына. То це винъ налыхотворывъ?

Приська. Ничогисенько винъ не налыхотворывъ!

Хотына. Якъ ничогисенько?

Приська. Та такъ же такы, ничогисенько!

Хотына. Зновъ ты мене морочышь! Що жъ? винъ парень розумный и такый улѣслывый...

Приська. Такъ паламарь!

Хотына. И на врѣду, ни въ року ёму, дуже гарный.

Приська. Такъ паламарь же, кажу!.. Пала-марь!

Хотына. А ты бъ хотила за попа, чы якъ?

Приська. Не хочу я, не хочу! Вы прыдывылыся, титочко, якый на нѣму балахонъ довгій,—ажъ до самисенькихъ пъять, а ззаду киска, неначе мышачый хвистыкъ?

Хотына. Такъ що жъ, що киска?

Приська. Погано, погано! Не могу бачыты!

Хотына. Така вже ёго путь, стало быть, служба така! У кожного свои клейноды!

Приська. Нема мени черезъ нѣго просвитлой годныны! Якъ тилько хлопцы постереглы, що я зъ нымъ кохаюся, — за-

разъ и почалы прикладаты мени усякы имення та призвища,—просто хочъ и на вулицю не заявляйся, хочъ пропадай! И теперь винъ мени такій гыдкый та протывный ставъ! Що мени Даныло за ёго допика! Ну, за вищо Даныло знущаетця надо мною? Инчий бы, добрый, то пожаливъ бы мене, що я тава нещаслыва зародылася, що покохала не людыну, а якусь прояву. Теперь я й сама бачу, що то правда, що паламарь—зпереду жыдъ—не жыдъ, цапъ—не цапъ, а щось не людське, а ззаду—шолудыва дивка!

Хотына. Якъ же ты ёго покахала?

Приська. Охъ, подумайте-жъ тилько!.. Торикъ, на Велыкдень, надивъ винъ сынй каптанъ,—сынй, сынй, такій сынй, ажъ очи въ себе бере! На голови новый соломяный брылыкъ зъ сынёю стёжкою; чобитки маненьки, ажъ вылыскуютця; зъ кешени стерчыть, такъ якъ не выпадє, червона шовкова хустка, на пальцахъ перстни зъ каминцями... Ну, такій же хорошунъ, що й сказать! А якъ ще похрыстосувався зо мною, а видъ нёго, знаете, такъ и пахне якымьсь пахощамы: чы чебрыкомъ, чы мъятою—не знаю. Тутъ я сразу такъ и збожевылыла!.. Ажъ це парубы и дивчата и постереглы,—и заразы же такъ и вхопылы мене на зубкы!.. И видтоди вже й пишло, й пишло!..

Хотына. Нехай бы соби сміялысь, а мени й байдуже!

Приська. Якъ то байдуже? Заразы Даныло и почавъ: „Чы чуєте, хлопци, якъ тутъ ладаномъ пахне?“

Хотына. Хиба-жъ ладанъ погано пахне?

Приська. А дали пыта: „Зъ кымъ то ты, каже, Присько, хрыстосувалася? Чы не зъ тїєю шолудывою Галькою, що въ городи терезамы насиння продає?..“ Ой, титочко, матиночко! видвернуть же мене видъ паламаря и прывернуть до

Даныла, бо заженє у труну мене отой мышачый хвистъ!

Голосъ (у вижнн). Вы, мабуть, хочете, щобъ вашій тельци ноги поперебывалы? Вперлася отамъ въ леваду та й тыняетця, якъ паламарь по-пидъ виковню!

Хотына. Чы не капосна ёму худоба! (Побигла зъ хаты).

Приська. И тутъ паламарь! Таке, куды окомъ не скынешъ,—скризь паламарь! Даєтця хто небуть,—заразы и загне: „Щобъ тоби, каже, що-дня въ голови гудило, якъ тому паламареви видъ дзвонивъ!..“ Почуешъ, що хто небудь що тамъ роскаже,—и тутъ прытуле: „а винъ, каже, якъ забелькоче, такъ якъ той паламарь на заутрени!..“ На що вже свынаръ,—женє черидку свыней и той лаєтця: „а чю-чю, клышовога паламарьска!“ Усимъ той паламарь у зубахъ завъязъ! (Задумалася). А яки-жъ то въ нёго очи чудовы та ласкавы: якъ глянешъ въ ныхъ, то нибы бачышь ёго душу и ёго думкы! А якъ винъ чудово спива! а голосокъ якъ дзвонокъ, якъ у соловейка!.. На все здатный: и до спививъ, и до розмовы, и до любовы... Боже мій, Боже мій! За що ты мене такъ люто покаравъ? (Подумала). Переможу, переможу себе! Я знайду такы видвороту! Прощай, мій голубчыку, мое щастя, мій талане! Нехай протывно мени буде, а скажу Данылови, щобъ сватавъ мене скорше, бо пропаду!..

Я В А І V.

Приська и Ганна.

Ганна. Добры-вечирь! А де жъ дєтитка Хотына?

Приська. Пишлы дєсь... не знаю!

Ганна. То це ты сама въ хати? Чого-жъ це у тебе очи таки, якъ цыбуля? видъ слизъ, чы, може, видъ паламарьскихъ кнышивъ?

Приська. Такъ мени й треба! Смійся, смійся зъ мене, сестрычко!

Я В А V.

Ти жъ и дивчата.

Дивчата. Добры-вечирь! (*Побачылы Приську*). О, и черныци вже ходять па вечорныци!

Ганна. Черныцяжъ не можна, а паламарькамъ ничого. (*Дивчата регочуть*).

Приська. Смійтеся, смійтеся! глузуйте! Спасыби вамъ, сестрычки, що до розуму мене наvertsаете!

Ганна. Чулы, дивчата, що вже теперъ ладанъ подорожчавъ? Кажуть, що паламари беда якъ крадуть та роблять якусь мазъ на ольви, и мастять нею голу и своимъ паламарькамъ, щобъ пахло...

Приська. Смійтеся, смійтеся!

Я В А VI.

Ти жъ и Даныло.

Даныло (*побачывши Приську*). Паки й паки!.. Подай, Господы, зъ масломъ, подай, Господы, зъ саломъ!

Приська (*дыгытця ёму оз вичи*). Спасыби й тоби, Данылочку, спасыби!

Даныло. Благословить, матушка! Позвольте ручку поцеловать! (*Дивчата регочуть*).

Приська. Отъ мїтець на выгадки! А дивчата тутъ безъ тебе почалы глузувати, — такъ куды имъ, не зугарни!

Даныло. Ну, а якъ у васъ теперъ у пистъ мысочки: зъ кнышыкамы, чы зъ бублычкамы?

Приська. Ой, не смишы жъ мене! (*Регоче черезъ сылу*). Сидай, Данылочку! Тятки нема въ хати, то й никому буты хозяйкою... Сидай, и я била тебе сяду! (*Сидаютъ*).

Даныло. А якъ теперъ плата за подзвиння? (*Дивчата хыхыкаютъ*).

Приська. Ой, пропаду зъ реготу! Ты такой гарный, Даныло, такой бравый, такой розумный! Колы бъ ты знавъ, якъ мени стане любо, якъ ты почнешь прыкладаты мени усякы призыща!...

Даныло. Справди?.. А де-жъ паламарь?

Приська. Нехай винъ тоби скысне! Оце вже п'ятый день, якъ пойихавъ у городъ, — та бодай я не вернувся! Щобъ ёму тамъ собаки балахона обирвали и киску одгрызлы!

Даныло. То-бъ то такой вже винъ тоби протывный ставъ?

Приська. Ажъ зъ души мени верне! Ну, посмишы жъ мене ще тришечкы!

Даныло. Заплаты, то посмишу!

Приська. Дивчата, нумъ-бо, сестрычки, гуртомъ ёго прохаты!

Дивчата. Просы сама! Гайда, гей, та внесемо соломы та въ пичи затопымо! (*Пышлы*).

Приська. Данылочку, голубчыку, подратуй мене ще хочъ капельничку!..

Даныло. Годи! Не прыльпай!

Приська. Мій лебедьку, мій соколе!

Даныло. Кажу, не прыльпай!

Приська. Отъ яка правда на свити! Правдыво у писни спиваетця; „Я до тебе зъ щырымъ сердцемъ, а ты зъ неправдою!“

Даныло (*дыгытця довго на неи*). Та ты це у шутку, чы...

Приська. Зъ мовою можно шуткувати, тилько не зъ сердцемъ!

Даныло. Знаемъ мы добре вашу сестру! Якъ до васъ усю душу наvertsашъ, якъ за вами пропадаешъ, — то вы тоди побы ничого й не помичаете!..

Приська. А бувають, бувають такы дурни!

Даныло. Та вси вы такы!

Приська. Ни, не вси! инча зпершу трохы подуріе, а дали й схаменетця!

Даныло. Наврядъ!

Приська. Думай соби, якъ знаешь!
(*Глянула на ёго, у бикъ*). Охъ, якый
же винъ гыдкый!

Даныло (*подумавъ*). Хто ёго зна,—
може й твоя правда!

Приська. Чого жъ ты мене не по-
дратуешъ ще?

Даныло. Та що це ты, Присю!

Приська. Я не хочу, щобъ ты такый
бувъ понурый!.. Дивысь мени въ вичи!
Охъ, якый же ты... гарный!..

Даныло. Присю! голушко моя, сер-
денько! (*Хоче обняты*).

Приська. Посли, послы! Теперь не
треба!

Я В А VII.

Ти жъ и Хотына.

Хотына. Насылу загнала капосну те-
лицю! (*Побачыла Даныла*). О, вже й
Даныло прийшовъ. Ачъ, якъ рядкомъ
посидали соби, неначе заручени!

Даныло. Може Богъ и поможе!

Приська (*у бикъ*). Охъ, що жъ це
зъ моимъ сердцемъ дїетця?..

Я В А VIII.

(*Входятъ*) Хведько Чепиженно, парубки
и дивчата.

Парубки. Добры-вечиръ всимъ хатнимъ!

Хотына. Здрастуйте, здрастуйте! Вви-
ходьте разомъ хутчишь, не выхоложуйте
хату.

Де-яки парубки. О, и Приська тутъ.

Дивчата (*до Приськи*). На сылу
давъ Богъ сылу!

Хведько (*протяга до Приськи
руку*). А слыхомъ слыхать, Фросыну Мы-
тровну у вичи выдать! Ладанъ вамъ та
кадыло.

Приська. Опизнывся! (*Хутко иде
до Хотыны*). Охъ, титочко, я вся тремтю,

мовъ видъ пропасныци! (*Тыхо шепотытъ
зъ Хотыною*).

Даныло (*до Хведька*). Ну вже, чїя бъ
гарчала, а твоя бъ мовчала!

Хведько Ов-ва! черезъ що-жъ то?

Даныло. А такъ!.. А колы хочъ,
кажы, а я послухаю!

Хведько (*почервонивъ*). Нема вже
бильшь ничего,—все выкыпило!

Даныло. Шкода, що такъ мало на-
варывъ!

Хведько. Маньське було горщятко!..

Даныло. Ни, я бачу на твоихъ плѣ-
чахъ чималый горщыкъ, зъ добру ма-
китру,—тільки мабутъ товсти дуже че-
репки та винця!..

Хведько (*не зна, що сказать*).
Ов-ва! (*До хлопцивъ*). Неначе я до
нёго... И причепывся.

Даныло. Не причепывся, а не до
речи—отъ що! Колы вы мене обирали
за берѣзу, то я тутъ старшый. Ты гнешъ
на сварку або на колотнѣчу,—та не по-
можетця!

Парубки (*тыхо бубонятъ*). Ще за-
ведитця!.. отъ чортъ надавъ!.. Не можна
хиба безъ сваркы?..

Приська (*тыхо до Хотыны*). Я вже
чую, титочко, якъ мое сердце ниміе,—я
ёго подужаю...

Хотына. Поможы тобі Боже!

Я В А IX.

Ти жъ и Паламаръ.

Приська (*у бикъ*). Охъ, мое горенько!

Паламаръ. Мое поштеніе! Мыръ дому
сему со чады и домочадци! Парубкамъ
и дивчатамъ привить, хазяйци дома ре-
шпектъ.

Хотына. Спасыби, спасыби! Сидайте.

Даныло. На сылу васъ прытырыло,
Нивсїхъ Нивтыхычъ!

Паламаръ. Несыхїй Евтихїевичъ. Такъ
бо и въ святцяхъ обозначено: Несыхїй
и Евтихїй!

Даныло. Та воно-жъ все ривно!

Паламарь. Ни, не все ривно! Отъ, напрыкладъ, васъ звать Даныломъ Хвильмоновичомъ, а я жъ не кажу на васъ — Барыло Лымоновичъ?

Даныло. Ну, то выбачайте!

Паламарь. Та некотораго гнива и въ помышленіи не маю; а тилько якъ имення намъ отъ Бога, то, стало быть, такъ и почитуваты треба.

Даныло. Чого це вы въ городъ йиздыли? Чы не настановыли васъ тамъ дьякономъ, або попомъ?

Паламарь (*зитхнувъ*). Настановыли!

Парубкы. Справди?

Паламарь. Сейчасъ роскажу вамъ настоящу прытчу: дайте духу у себе набраты. Я заразъ оце зъ города и прямо сюды! Мое поштеніе, Евфросыня Дмитровна!

Приська. Не треба, не треба!

Паламарь. Це жъ якый стыхъ, зъ якого бытія? А, то, стало быть, вы догадалысь, въ чомъ суть? Вотъ это жъ була и есть моя мука, и горе, и досада! Цѣго я именно и боявся, какъ гришникъ великый страшного суду! Но смирюсь передъ судьбой непобидимою, хочъ и знаю, какое мое скорбное сердце вопіюще на секретни стражданія!..

Даныло. Та що тамъ и справди трапылось?

Паламарь. Скоро сказка кажетця, та не скоро дило робытця! Скоро я васъ, мои друзи, повидаю!...

Приська. Охъ, колы бъ же швыдче!

Паламарь. Не пидганяйте, Евфросыня Дмитровна, главная печаль и скорбь души моей, — не пидганяйте!

Даныло. Може васъ перевели куды, чы якъ?

Паламарь. Перевели! И такъ, давайте жъ у останне повеселымыя и розпроцаемыя! (*Выйма зъ кешени штофъ*

зъ горилкою). Це буде начало, а кинецъ въ шыньку! Спершу скажу тость, якъ ведетця це теперъ всюды промежъ панивъ. (*Налывае чарку*). Мылостыви государи и мылостыви государыни! Чы то пакъ, господа парубкы и госпожы дивчата! Въ сей день, що сегодня мы маемо, выбувае едина вивця изъ стада, яко непотрибна, — це я! Я вирую и правдою служывъ! Я знаю всю свою службу, якъ своихъ двадцять пальцивъ на рукахъ и ногахъ! Хто швыдчъ мене змигъ бы роздуты ладанъ у кадылници! Хто умивъ жалибницъ видъ мене спиваты на гласы? Хто голоснишъ видъ мене прочытавъ бы апостола? Хто пысавъ метрыкы, рапорты и видомости? А на останци скажу: хто краще мене ударывъ бы у дзвоны, — чы на „достойно“, чы „на многа лета“, чы „по мертвоу?..“ Та хочъ бы и „журавля?..“ Кажу вамъ, що я могу по всімъ цимъ предметамъ выдержаты экзаментъ! Мало вамъ цего? Знаю я ще греческу азбуку одъ альфы до омеги, и багато я усякихъ наукъ знаю. Теперъ мене знесено, якъ греблю водою, выкинуто, якъ слипе щеня, выгнано, якъ шкодлыву кишку: мене переведено у другой рангъ! Забудьте-жъ и вы преславнаго того паламаря на вики вични! Пью за ваше здоровьячко, парубкы и дивчата!

Приська (*ухопылася за Хотыну*). Охъ, сердце-жъ мое, сердце!

Хотына. Переможь себе, моя дытно!

Даныло. Та що таке й справди зъ вами трапылось? Роскажить бо товкомъ!

Паламарь. Позвольте! Вы булы свидкомъ самы и ще де-хто зъ васъ, хлопци: скажите но правди, чы е у свити трудниша служба видъ паламарської? Окримъ того, що безъ него у церкви, якъ безъ винька у хати, — а опричь церкви!.. Хто выпрошуе за для матуш-

кы-попади поросять, курей, воску, меду, сыру, масла, якъ йздыть винъ зъ батюшкою у пистъ зъ молитвою по хатахъ?—Паламарь! Хто у литву пасе на дачи коней батюшчыныхъ и дяконовыхъ?—Паламарь! Хто найчастішъ чыстыть конюшню и двиръ батюшчыныхъ?—Паламарь! Хто нянчыть дитей батюшчыныхъ, якъ нянькы немае?—Паламарь. Скризь паламарь и паламарь!

Де-хто. Та це правда!

Паламарь. То-то, що правда! *(До Даныла)*. Пытаешъ, що трапылось? Ты стрыгъ колы небудь овецъ? Пытаешъ, що трапылось? Невообразимое и певироятное глумленіе!... Стрыгъ, пытаю, овецъ?

Даныло. Ну, стрыгъ!...

Паламарь *(выйма ножницы и дае Данылови)*. На, держы! *(Нахыля до него голову)*. Одрижъ мени мою духовну прыпадлежность!

Даныло. Та що це вы? Хйба вы рострыга, чы якъ?

Паламарь. Рострыга! Теперъ я свойскій чоловікъ!

Приська. Чы й справди?

Паламарь. Теперъ паламаривъ не буде духовныхъ, а будуть наймыты! И нашому брату велено избрать родъ жызни, то бъ то прыпысатись у податное состояніе... Рижъ, кажу тобі, мою духовну прыпадлежность!

Даныло *(риже ножницами косу и показуе ёму)*. Уже!..

Паламарь. Дайте мени хто небудь свыту! У кого е зйива? *(Парубкы дають свыту и поясъ; винъ надивз свыту, а каптанъ скинуувъ)*. А цей балахонъ,—нехай винъ пропаде! Теперъ я зовсимъ свойскій чоловікъ!..

Приська *(закрычала)*. Ой, матиночко жъ, матиночко! Теперъ же я пропала, на вкы пропала! *(Упала до плеча Хотыни и рыдае)*.

Даныло. Що це зъ нею? Що це зъ тобою, Приську, вчынылося? *(Пидбигз до неи)*.

Приська *(одыха Даныла)*. Геть, гыдкый, осоружный!

Паламарь. Евфросыня Дмитровна! Промовте жъ до мене, хочъ на прощання, одно драгое слово!

Приська. Нивсихъ Нивтыхычъ! я... я...

Паламарь. Вы одрикаетесь отъ мене, потому што у теперешнимъ моемъ состояніи мени грошъ цина? Скажу жъ прямо, што не то було мое горе, што мене знычтожылы, а то, што зъ монимъ знычтоженнямъ я потерявъ на вкы тебе, сокровыще души моей!

Приська *(кыдаеця до его)*. Охъ, убый же мене та тилько не покыдай!

Даныло. Якъ? Що таке?

Паламарь. Евфросыня Дмитровна! Возьмить соби у предисловіе ту печальну запъяту у своихъ мысляхъ, што ожели вы не моя, то сыралъ земля—мать моя!

Приська *(тыхо)*. Твоя жъ, я твоя!.. Охъ, не кыдай же мене!

Паламарь. Парубкы и дивчата! Правду кажутъ, що чоловікъ не зна, де знайде, а де загубить! Мое лыхо мени жъ похвортуныло! Пыймо жъ, мои друзи, за мое лыхо, котре мени стало щастямъ; а черезъ тыждень на свадьбу васъ позовемъ и зробимъ настоящей балъ!

Даныло *(лютуе)*. Такъ ось воно що? Такъ ось яка ты, Присько!

Приська. А я жъ не забороняю тобі мене вохаты!

Даныло. Батькови своему лысому роскажы!

Паламарь. Што за прытча во языцъхъ?

Даныло. Хлопци, дивчата! Тутъ намъ не мисто! Хто за мною?

Хотына. Я не выганяю никого зъ хаты! Хто хоче зоставатись,—зоставайся: гуляйте, якъ и до сёго часу гулялы!

Парубкы. А намъ що? Хата тепла, люде добри!

Даныло. Такъ нехай вамъ бись! Зберить соби другого березу, а я вамъ не товариш! (*Пишовз*).

Парубкы. И не будемъ просить! Дивчата! котра не хоче буты бытою, щобъ зъ хаты а ни ногою!

Дивчата. А намъ Даныло що? Не хай соби йде!

Паламарь. Што за оказія? Объясните!

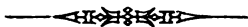
Приська. Нехай я тобі послі усе до-чыста роскажу.

Паламарь. Ну, титко Хотыно! Частуйте гостей; а буде недостача — вешеня настаче! Заграй хто хочъ на губахъ, колы нема штрумента, а я ушкварю!..

Парубкы. Охрине! А ну, выймай сопилку! Утны!

Паламарь. Дивчата и парубкы, — метельцю! На цю пичъ мое пытво, мой й страва!.. Титко Хотыно, рижте курей, колить поросять!... Печить, варить, йижте, — я за все платю! (*Ганцюють метельцю*).

(Зависа).

ВУСЫ.

Комедія у 4-хъ дѣяхъ и 5-ты картынахъ.

(Позычка зъ розказу того жъ именина Олексы Стороженко).

ЛЫЦЕДИ:

Иванъ Степановычъ Бразолій, помещыкъ, пожилыхъ литъ, служывъ у военній.

Фекла Гаврыловна, его жинка.

Марья Уласовна, сусидка Бразоліивъ, по жыла дивыця.

Кырыло Онуфріевычъ Пыщы-Муха, помещыкъ, литъ 60-ты, служывъ у гражданскій.

Назаръ Семеновычъ Тулу - Табунець - Буланеньій, помещыкъ, дуже старый чоловікъ; штыкъ - юнкеръ въ отставци.

Ластивка } помещыкы, недоросли зъ дво-
Горобецъ } рянъ.

Адамъ Ивановычъ Фрыкъ, немецъ колониствъ. Председатель изъ Петербурга.

Фома Петровычъ, секретарь.

Григорій Григорычъ Захарченко, лакей.

Орышка, стара баба } слугы Бразолія.
Оверно, парубокъ }

Сторожъ } безъ ричей.
Дви дивчыны }

Діетця въ Полтавщыни въ 40-хъ годахъ.

Дія 1-а и 3-я у доми Бразолія, дія 2-а и 4-а у Полтави.

ДІЯ І.

Кимната у господо Бразолія. Старосвитскы канакы, дзыгмыкы, столы, шкафы, дзеркала зъ райскымы птыцамы, картыны, на стинахъ винкы зъ колоскывъ хлиба и зъ васылькывъ; надъ выкнамы и была дверей, на килочкахъ, вышываны рушныкы.

Я В А І.

Иванъ Степановычъ и Фрыкъ (*за столомъ грають у дамокъ, Фрыкъ мугыче: Мейнз либерз Августинз*).

Иванъ Степановычъ. (*Помовчавъ*). Люди добри ще въ обидни стоять, а мы зъ тобою, Адаме Ивановычу, заходылися дамкы соваты. Отаки мы гриховодныкы!

Фрыкъ. Аберъ, Aber es ist nichts, це нишого Man Kaps, — мошна.

Иванъ Степановычъ. Та вамъ, нимцямъ, усе можна! Вы и у Пылы-

пивку и у великый пистъ исте скоромне, а у насъ инчый законъ. Тоби, може, ничего не буде на тимъ свити за те, що въ дамокъ до обидни грайешъ, а мени щобъ часомъ не попрыварювали дамокъ до пучокъ. (*Помовчавъ*). Оце тоби фукъ, а по фуку стукъ!

Фрыкъ. Гальтъ!... Це я піймавъ ворона? Погано тетяно! Теперь нема, куты хотывъ!... Аберъ то сакраментны штукъ, зновъ програвавъ!..

Иванъ Степановычъ. (*Посунувъ шапку*). А теперь мылосты просымо пропустыты нашего кавалера у дамкы.

Я В А II.

Ти жъ и Марья Уласовна.

Марья Уласовна. Мыръ тому, хто у цямъ дому, а першъ усега хазяинови! Господь видъ щедротъ своихъ даруйе васъ своею мылостію! (*Подайе Ивану Степановичу проскуру*).

Иванъ Степановичъ. (*Цилуйе проскуру и оставляе на божницю, а потимъ чоломкайетця зъ Марьею Уласовною*). Дякую вамъ, поштенная Марье Уласовно, що вы въ молитвахъ вашихъ про насъ грешныхъ не забудьайте! (*Цилуйе ей руку*).

Марья Уласовна. Де же тамъ забыты!

Фрыкъ. Гуть-моргенъ, мадамъ! (*клянцятця*).

Марья Уласовна. Буку мерси!

Иванъ Степановичъ. Просимо садовытця.

Марья Уласовна. Що це вы, за мисьць того, щобъ до обидни, та у дамокъ заходылсь граты?

Иванъ Степановичъ. Та такъ,— скувы рады. Цю ничъ, не вамъ кажучы, мовъ дуба давъ. Добре що хочъ Адамъ Ивановичъ нагодывс! Такъ мени поясницю заломыло, що зовсимъ упавъ на крыжъ. У досвита прихавъ Адамъ Ивановичъ, та, спасьби ему, пораявъ шкыбыдарёмъ вытертысь,—туть трохи видпустыло.

Фрыкъ. О, я! Скапыдаръ, то дуже гарна лекарествъ на поясницъ!..

Марья Уласовна. (*Першъ чымъ систы, змахнула хусточкою зъ дзыглыка, потимъ прослала хусточку и сила*). А котра же теперь годныя?

Фрыкъ (*выйма зъ кешени дзыгарыкъ*). Скоро тесять.

Иванъ Степановичъ. Ой, ой, ой, невже десять? Скоро и обидня пора! Отъ такъ загулялся...

Фрыкъ. Мыни бъ вше треба йхавъ до Кременчукъ, на ярмарка...

Иванъ Степановичъ. Ну, вже, якъ соби хочешъ, а безъ обьида не пушу.

Фрыкъ. Пословыць каже: казаниъ майе свій правъ, а гость мусыть мовчыть. А вы, Иванъ Степанъ, не поихавъ на ярмарокъ?

Я В А III.

Ти жъ и Оверко.

Оверко. Вже прыгнали овецъ зъ степену. Чабанъ пытае, чы на розколъ пускаты, чы прямо у кошару загонять!

Фрыкъ. На розколъ. Мощна добре роздывввся, який вовна, Иванъ Степанъ, я пиду до кошаръ и дывлусь тамъ вивца и буде курывъ соби файка?.. Вы не лупыть якъ дымъ у хата зъ тютюнъ?..

Иванъ Степановичъ. Та про мене ще й байдуже; а отъ моя Оекла Гаврыловна, то ненавидыть тютюнового дыму.

Марья Уласовна. Воно жъ и справди не годытця тамъ, де на покути лыкъ Господень, кадыты отіею поганню!..

Фрыкъ. О я, я снай! Аберъ пословыць каже: „у чужого уставъ не пхай своя монастырь!“ (*Пишовъ набываючы люльку тютюномъ, за нымъ слидкомъ Оверко*). Мейнъ либеръ Августинъ!..

Иванъ Степановичъ. Вы такы, вселюбезнійша Марья Уласовна, завиталы до насъ?

Марья Уласовна. Якъ бачыте, завитала!..

Бразодій. Тыжнивъ зо два не бачылись.

Марья Уласовна. А буде, буде!

Иванъ Степановичъ. По який прычыни?

Марья Уласовна. Теперь скрызъ солиня иде та выбирка хрукту, той нйколы було... Отець Сосипатръ витають васъ и такъ вже дякують, такъ дякують

вамъ за ти два вульки бджилъ, що вы имъ подарували на литнего Миколая; кажутъ, що зъ одного вулька вже третего роя взяли.

Иванъ Степановычъ. Ну, слава Богу! Нехай соби корыстуетця на здоровья.

Марья Уласовна. А гындычата у нихъ, звинить у цимъ слови, геть повыздыхали. Отутъ не въ мою миру на гнѣвци щось таке зробытця, нибы пыпотъ, и заразы здохне. А дежъ цо Оекла Гаврыловна?

Иванъ Степановычъ. Тамъ десь по хозяйству. *(Марья Уласовна хоче иты)*. Позвольте, достойная Маріе Уласовно, прудлыть прятну беседу.

Марья Уласовна *(сила)*. А миру—миру було у церкви!.. И генеральша Дрыгалева була, зъ невесткою и онуками.

Иванъ Степановычъ. Богомольна особа генеральша?

Марья Уласовна. Трычи на рикъ говіе! Двичи у нашый параквіи, а третій разъ у Києви, або въ Воронежи. *(Помовчала)*. Такъ, кажете, вамъ поясницю заломыло? Осъ пошлите вы за бабою за Шкандыбыхою, вона и генеральши Дрыгалевій багато разивъ допомогала! Нехай вона розитре васъ гарненько кавунячымъ росоломъ, та горщечкы поставыть, звинить у цимъ слови, про мижъ лопаткамы, то заразы якъ языкомъ злыже!

Иванъ Степановычъ. Тадже-жъ вы й сами, Маріе Уласовно, велька скусыця до всякихъ лѣкывъ?

Марья Уласовна. Такъ щожъ зъ того?

Иванъ Степановычъ. Може бъ вы мени де що пошенталы, за мисць бабы Шкандыбыхы?

Марья Уласовна *(соромытця)*. Чы мени-жъ незамужній дивыци це прыстойно?

Иванъ Степановычъ. Людямъ же видшытуете.

Марья Уласовна. Правда, що видшытую, тилькы жъ не мушынському, а

дамському полку. И генеральши Дрыгалевій скыльки разивъ, звинить у цимъ слови, завійну видшытувала!...

Иванъ Степановычъ. Бачыте, самы хвалытесъ, що уміете допомогаты другимъ, а мене залынаете, це вже не по хрыстіянськи... Чымъ хрыстіянынь повиненъ себе украшаты—якъ не добродійствомъ: помогаты недугующымъ, утишаты скорбящихъ?.. Та я готовъ чымъ завгодно ручытесъ, якъ вы мени пошепчете, то заразы полегча!

Марья Уласовна. Почнить Лазаря спиваты.

Иванъ Степановычъ. Вы сѣгодня достаточно интересны. *(Подсовуетця)*. Пошепчете?

Марья Уласовна. Якъ вамъ не соромно прылпаты? Що дамський полкъ, то то щось инче, а що мушынський, то зновъ щось инче... Я, на лыхо соби, така соромліва вродылася, що не можу не червоніучы даже бачыты голои мушынської шыи, а не що другый предметы. Отъ ей-ей истынно!

Иванъ Степановычъ. Подозвольте, почтенная Маріе Уласовно, прыгадаты вамъ, що сіи слова вашы не суть истынны, ибо во времена оныя вы мене бачылы однажды почты зовсимъ безъ одіянія...

Марья Уласовна *(зовсимъ засоромылась)*. Перестаньте, пожалуста, неподобне выгадуваты. Николы цѣго не було!

Иванъ Степановычъ. Якъ не було? Вы купалыся въ саду быля кладокъ зъ мою покойною сестрыцею Глахвиною, а я по той бикъ въ куцахъ роздытсѣ, цурнувъ, та й вырнувъ ажъ быля васъ!

Марья Уласовна *(затуля вуха)*. Годи, годи вамъ бо-зна колышне згадуваты, пора те чортъ-зна що й забыты!

Иванъ Степановычъ. Охъ! И до смерти не забуду вашей лебединой ходы, вашего анголського посмаху, вашего херувымського писнопенія!

Марья Уласовна. Перестаньте! Що якъ почувють Өекла Гаврыловна, то зададутъ вамъ такого наганяя, що й до новыхъ виныкивъ памьятатымете!

Иванъ Степановычъ. О время, жестоке время, сокрушительне—неумолыме, ты ничого не жалюешъ, все уничтожаешъ!.. Боже, Боже, якъ тилько подумаю яки, вы были красыви дивыця—чудо! Не знаю, чы й бувають кращы на найкращыхъ картынахъ?

Марья Уласовна (*зитаючы*). Може й красыва була, та не прыпала вамъ до сердца?

Иванъ Степановычъ. Не гнivyть Бога, Марья Уласовна! И до сердца вы мени были и до души... Ну, що жъ не похвартуныло намъ одружытысь и насладытысь щастямъ! Повырьте, що

„Не я тому выноу,

Що разлучепъ я зъ тобою!“

Марья Уласовна. Такъ, такъ я вамъ и повирыла (*дывытыця на нёго*). Ачъ яки святи та Божи!.. Все вы, чортовы дурывыты, такъ кажете. Ой, не дывытысь, не дывытысь на мене такъ палко, хай вамъ цуръ, хай вамъ пекъ!.. Оти чортовы очи, що й досы искратця, оти чортовы вуса, що вже сывыють—и досы болячкоу лежать у мене па сердцеви!

Иванъ Степановычъ. А вы думаете, що моя грудь не зазнае що денного томленія:

Ты стогнешъ, ты ныешъ,

Серце, въ груди,

Тебе не загоешь

Въ сцйлющій води!

Именно не загоешь въ сцйлющій води...

Чы памьятаете вы ту писню, що вы мыни такъ часто спывали пидъ гитарни звуки (*спива тыхо*):

Леты, дружокъ мій билогрудый,

Леты, давно тебе я жду!..

Або ось цю. Стрывайте, возьму гитару. (*Бере гитару*). Згадаймо ко-

лышне, пидъ мелодычни звуки дывного инструмента.

(*Спывають*).

Куды летышь, кукушечка?

Куку, куку!

Туда лечу, куда хочу,

Куку, куку!..

Повъдай мнѣ, кукушечка,

Куку, куку!

Чы жывъ—здоровъ мой душечка,

Куку, куку!

Я В А І V.

Ти жъ и Өекла Гаврыловна.

Өекла Гаврыловна. Бачъ, якъ тилько Марья Уласовна на поригъ, то мій супругъ и про поясныцю забулы! Та ще и спывають!

Иванъ Степановычъ. Та то мы... Я спывавъ... прокымень гласъ пъятый... Я бачте, хотивъ доказаты Марья Уласовни, що хочъ я й не бувъ сёгодня у обидни, а знаю, якый прокымень дьякы спывалы...

Марья Уласовна. Та все жъ такы не той прокымень! (*Здоровкаецця з Өеклоу Гаврыловною*).

Өекла Гаврыловна. У якымъ же то прокымени спываетця: „Чы жывъ—здоровъ мій душечка.“

Иванъ Степановычъ. Вамъ, Өекло Гаврыловно, разъ-у-разъ, невѣтъ-що вчуваетця! Вы позавчора застудылыся, на протязи, якъ марынувалы слывы, то й досы у васъ свыстыть у вухахъ, черезъ те и не дочуваете... Краще-бъ мовчалы, ніжъ отакъ передъ людмы соромытысь!.. (*Сердытый выходыть до выкна и са-рабаныть по склу*).

Өекла Гаврыловна. Пора бъ вже вамъ и вговтатысь, диткы вже подро-стають, старшенькому сынови симнадцятый годокъ, а вамъ и досы залёты на думци...

Иванъ Степановичъ. Торохтить, торохтить — сёгодня наставъ вашъ день!

Өекла Гаврыловна. Не знаю, хто зъ насъ бильшь торохтить?!

Марья Уласовна. Вы, Өекло Гаврыловно, нибы до моеи чести стежочку топчете.

Иванъ Степановичъ. А хйба имъ розумъ завадыть! Отъ наказаніе Господне!.. За вищо Ты, Мылосердный, осудывъ мене на що-денни терзанія?

Өекла Гаврыловна. Та цуръ вамъ пекъ! Якъ же васъ, Марье Уласовно, Господь мылуе?

Марья Уласовна. Вашымы молитвамы... эге, вашымы молитвамы! (*Цилу-тиця*).

Өекла Гаврыловна. Це вже и вы надулы губы?

Марья Уласовна. И не думала.

Өекла Гаврыловна (*помовчала*). Що це вы вже положиы яблука у писту?

Марья Уласовна. Ни, ще, завтра думая покласты. Завтра якъ разъ пидповня!..

Өекла Гаврыловна. А я вже положила. Думала сёгодня зибратыся до обидни, та неспроможнысть. А тутъ ще нимця Адама Ивановыча у дóсвита лыхе прынесло, розбудывъ насъ усеихъ: заразъ сніданокъ велила ёму зготовыты та кохвїю, бо воно сказано: нимота! Не вважа на те, що недїля, а давай ёму кохвїй. Що жъ вы, Иване Степановичу, такъ вже дуже розгнивалыся? Заграйте хочъ у „Марьяжа“ зъ Марьею Уласовною, або у кончыны, докы обидъ поспїе.

Иванъ Степановичъ. А сяду граты у „Марьяжа“, то вамъ зновъ у очахъ що небуть помарнїе! Краще бъ дали чого-небуть попойисты, бо вже часы давно прокукукалы десять!

Өекла Гаврыловна. Може бъ нимця пидождати, докы винъ вернетця видъ кошаръ?

Иванъ Степановичъ. Якъ немецъ прыйде, зновъ можна буде перекусыты.

Марья Уласовна. За мене, серденько, не турбуйтеся! Я зъ обидни заходыла до отца Сосипатра и выпыла у ныхъ чаю зъ прбскурую, и вже такъ вдоволнылася, такъ вдоволнылася!

Иванъ Степановичъ. Намъ нужды нить до того, чымъ тамъ васъ панувалы у попа.

Өекла Гаврыловна. Що у батышвы закусылы, то ваша печаль, а що у насъ пидкрепытесъ, то це вже наше дїло... Иванъ Степановичъ оце не за-довго пылы кохвїй зъ немцемъ, ажъ по тры стаканы выпылы, а кортыть зновъ до йижы, то чому жъ и не закусыты, воно не завадыть.

Иванъ Степановичъ. Велить же мерпїй подаваты сніданокъ!

Өекла Гаврыловна. Орышко, давай сніданокъ! Ось покуштуете, Марья Уласовно, моихъ опенёкъ, позавчора тилько змарынувала, по тїй выпысочци, що Иванъ Степановичъ выпрохалы у Городнычыхъ зъ Золотоноши... А печерыци моя певне не вдатни, бо заразъ пїсля дощу збирани.

Я В А Ч.

Ти жъ и Орышка.

Орышка. Мнышкы ще смажятця, а курчата вже зарумянылысь.

Өекла Гаврыловна. Становы жъ на стїль що поспїло, а останње опїсла подасы.

Иванъ Степановичъ (*до Орышкы*). Не забудь податы полынковои: воно дуже ползытельно.

Орышка (*бурчыть*). Неначе я не знаю, колы полынковои, а колы якои инчои?

Өекла Гаврыловна (*до Орышкы*). Та гляды мени, щобъ мнышкы не пересмажылысь!

Орышка. Вчыть мене, вчыть; гарненько вчыть! Нибы то я ще не вчена, не знаю, якъ догодыты? (*Пшшла*).

Марья Уласовна. Чудесна у васъ куховарка оця Орышка.

Иванъ Степановычъ. Та нехай не то що де-небудь, а хочъ и въ самій Москви хто-небудь зварыть такий борщъ, який вона варє! Не варє, ей-Богу, не варє!

Өекла Гаврыловна. А вертушу зъ сыромъ, або зъ павыдломъ, чы зробе хто краще?

Иванъ Степановычъ. Ну, що до вертушы зъ павыдломъ, то це вже я можу передъ цилымъ свитомъ сказати, що то я їи першый выдумавъ, першъ нигде и не чутко було про вертушу зъ павыдломъ.

Марья Уласовна. Такъ неже жъ це вы сочинили вертушу зъ павыдломъ? Стало бытъ вы сочинитель!

Иванъ Степановычъ Якъ бачыте!

Марья Уласовна. А я дывуюся й не надывуюся: видкиля та мода пишла на вертушу зъ павыдломъ. Не одминно доложу генеральши Дрыгалевій, хто сочинитель вертушы зъ павыдломъ. *(Помовчала)*... Оце я у васъ вдоволяюся прыятною беседою, а тамъ моя Хвяделька та мои вѣдонкы скучаютъ за мною, знаю, що капосна Йедоксы не догадаецця погодуваты...

Өекла Гаврыловна. Це жъ яка вже у васъ: Недопсы?

Марья Уласовна. Ни, не Недопсы, а Йедоксы! Генеральша Дрыгалева прозвала свою горнышну Явдоху Йедоксею, то й я вже, потрапляючи за модою, и свою Явдошку такъ дражню. А Приську клычу „Прозерпыною.“

Иванъ Степановычъ. А воно справды якось краще выходыть: „Прозерпына,“ ніжъ Приська?

Марья Уласовна. Це бачте, поповычъ давъ мени прочытаты таку кныжку. Чудесна кныжка! „Прозерпына, жона... Отъ же й забула, чыя жона?

Иванъ Степановычъ. Дуже, дуже красыве имя: Прозерпына!

Өекла Гаврыловна. А по моему следъ людей зваты такымы именнямы, якы имъ попомъ подавано: Орышка, Лепестына, Ивга, Вустя...

Иванъ Степановычъ. Або: Оверко, Шеледпянь, Яцько?.. Такъ це жъ имення дуже престонародни.

Марья Уласовна. А прыдывытця вы до духовенства. Теперечкы вже и духовенство наше прыцляецця до моды; онъ хочъ бы и отецъ Сосипатръ, то звуть свою матушку вже не Параскевою Хведосіевною, а „благо мое!“

Өекла Гаврыловна. Якъ, якъ?

Марья Уласовна. „Благо мое!“ и такъ такы не кажутъ: Параскево Хведосіевно, а кажутъ: „благо мое...“

Иванъ Степановычъ. „Благо мое? И благо мое“ якъ дуже благопрыстойно, зовсимъ такъ благопрыятно! „Благо мое!“ Треба буде, Өекла Гаврыловно, сочиниты и вамъ якесь прыстойныце имення?

Өекла Гаврыловна. Та чы вы жъ зугарни?

Иванъ Степановычъ. Що жъ-то я, выходыть по вашому, вже ни до чого недотепный?

Өекла Гаврыловна. Якъ же це можна сказаты, що ни до чого, а на залѣты та на прокымень: „куда летышь, кукушечка?“

Иванъ Степановычъ *(скытывъ)*. Вы зновъ вѣдатысь? Зоставте краще въ туни ваши шичлыкы та голкы, вытекающіи изъ жерла слипои ревности!..

Я В А VI.

Ти жъ и Орышна.

Орышка *(вѣгає)*. Гости, гости йидуть! Тамъ такого гостей, що й не перечышыть!

Иванъ Степановычъ и Ѳекла Гаврыловна. Та хто жъ таки? Чы не пипъ зъ прычтомъ?

Орышка. Де тамъ пипъ? Зъ дзвинкамы та зъ талабончыкамы!.. Такъ и бижать, такъ и бижать!.. Инчы вже у двиръ зайздять, а де-яки ще зъ горы ботять!

Иванъ Степановычъ и Ѳекла Гаврыловна (*зашамоталыся*). Оце, якъ несподывано! Прыбирай тутъ швыдче! Та поклычъ сюды кого зъ дивчатъ, щобъ крыхты тутъ поподметалы (*Орышка побигла*). Що жъ то за гости?

Марья Уласовна. Позвольте, й я вамъ допомогу. (*Уставляя столы и поправляя скатерку*). У генеральшы Дрыгалёвой...

Ѳекла Гаврыловна. Треба бигты до кухни, щобъ на обидъ де що прыбавылы! (*Бижыть*).

Иванъ Степановычъ. Отъ тоби и поснидалы. Скажыть же тамъ Свирыдови, щобъ заразъ взявъ зъ кошары ягня, котре зъ рябою вовною, та щобъ заризавъ и оббилувавъ! Та нехай Ленестына забье зо два гындыка, та курей зъ пятеро... А Шелестянови скажыть, нехай заразъ понацижуе усыкыхъ наливокъ... Та навязыть ёму, щобъ самъ не нацидывся такъ, що и до завтрёго не прочумаемъ ёго!

Ѳекла Гаврыловна (*повернулась у дверяхъ*). Не знаю, щобъ таке зъ солдкого додаты до обиду?

Марья Уласовна. Зробыть шулыкы зъ медомъ, або маковныкы, щобъ по моднему... Отъ и у генеральшы Дрыгалёвой...

Ѳекла Гаврыловна. Та шулыкы, чы воно жъ справды буде по моднему?

Марья Уласовна. А якъ же не по моднему, це первый хвасонъ! (*Иде за Ѳеклою Гаврыловною*). Адже и у генеральшы Дрыгалёвой...

Иванъ Степановычъ. Вы, Марья Уласовна, тилько Орышци натякыть, хочъ

обнякы, то вона зразу прицлытця до всякой моды!... (*Бижыть до вкна*). Та якы жъ то справды гости? Чы не сиравынкъ зъ стрипчымы йдуть куды на следствіе!

Я В А VII.

Входыть Пыщы-Муха.

Пыщы-Муха (*декламуе*):

„Тутъ плюсь Еней, якъ будто зъ ноба: ось-ось де я, колы вамъ треба, Дидони поклонюся самъ!“

Здоровъ, прыятелю, чы пизваешъ?

Иванъ Степановычъ. И хто жъ бы то не пизнавъ Кырылла Онуфрисыча?

Пыщы-Муха. Та ще й Пыщы-Муху? Колись то ёго превосходытельство, нашъ господынь гражданскій губернаторъ и кавалеръ, зустрывъ мене въ церкви та й пытае: „отчего, каже, васъ прозываютъ Пыщы-Муха?“, А я ёму на це и одповивъ: „мого дида звалы, кажу, Муха, а господынь губернаторъ, якъ прытысь ёго за якась дило, такъ што той сердошный ажъ запыщавъ, то люды зъ того часу и продражылы ёго Пыщы-Мухою! „Вы, каже, за словомъ не полызыте въ кешеню!“ (*Регоче*). Ну здоровъ, здоровъ ще разъ. (*Цилуюцца*).

Иванъ Степановычъ. Та й поста-рили жъ вы!

Пыщы-Муха. И ты не помолодчавъ?

Иванъ Степановычъ. Товкылся тамъ по тихъ Петенбурхахъ, розуму набра-лся у волю, а волосся на голови позбульсь?..

Пыщы-Муха. Не зъ волоссямъ жыты, а зъ добрыми людями, та зъ розумомъ. (*Декламуе*). Каже:

Не дывуйся, Катерыно,
Що я лысый, якъ колино,

А до танцивъ ще проворный
И чепурный, и моторный:
Я якъ врижу гайдука!..

Ну, якъ же тебе Господь мылуе?

Иванъ Степановычъ. Та такъ... Якъ же васъ?

Пыщы-Муха. Спасыби! Та що це ты мени выкаешъ?

Иванъ Степановычъ. Такъ вже... вы, звисно, люде Петенбургски!..

Пыщы-Муха. А я тоби на це скажу такъ, якъ казавъ той бондарь якомусь чоловікови: „не дывись, каже, на мене, що я бондарь, а говоры зо мною, якъ зъ простымъ!“ *(Роздягається)*.

Я В А VIII.

Ти жъ и Тупу-Табунець Буланенький *(у жіночій шуби заячій и у картузи зъ лысычыхъ лапокъ)*.

Буланенький. Поклонъ тому, хто у цимъ дому.

Иванъ Степановычъ. А, Назаръ Семеновычъ! Скільки литъ, скільки зимъ?!

Буланенький *(не дочуває)*. Спасыби, спасыби! А ты якъ поживаешъ? *(Цилуютьця)*.

Иванъ Степановычъ. Ще пидскакую.

Буланенький. „Ломакою?“ Кажешъ, що не добъешъ мене ломакою? Ни, вже скоро зжынуть мене сусиды зъ свита, скоро зжынуть, заклюють, якъ шулыкы курку!

Иванъ Степановычъ. Сидайте, гости дороги, просю покорно: Назаръ Семеновычъ, ось сюды, на мякеньке! *(Усажує ёго)*.

Пыщы-Муха. Систы сядемо, тилько не на великый часъ!.. Якъ той казавъ:

„Хлиба-солы зкушаты,
Де чога послухаты,
Та й дали трюхаты!“

М. Л. Бродявницій.

Буланенький. Нюхаты? *(Выйма табакерку и нюха)*. Давно, давно вже нюхаю. *(Пидносыть Ивану Степановычу)*. Посмакуй, зъ чебрыкомъ! Не хочешъ? Ты жъ першъ нюхавъ, хиба оце свижо покынувъ? А я все нюхаю й досы нюхаю!

Иванъ Степановычъ. То родытель мій нюхавъ, а я николи не вживавъ!

Буланенький. Ну, якъ хочешъ... зъ чебрыкомъ.

Пыщы-Муха *(огляда кимнату)*. Давненько, давненько, Иване Степановычу, я въ тебе не бувавъ. Що жъ, багато дитей наплодывъ, мабутъ повнисенький запичокъ?

Иванъ Степановычъ *(сміється)*. Не обидывъ Господь! Дае Господь дитей, дасть, якъ кажутъ, и на дитей. *(Часы бзють 11-ть)*.

Буланенький *(слуха)*. У тебе ще зозуля куде въ саду, а у насъ вже пода-вылась.

Пыщы-Муха. Та то часы кукають, а не зозуля *(сміючысь)*. Мовчала бъ глуха, менчъ було-бъ гриха! *(до Буланенького)*. Та вы повыймайте клоччя зъ вухъ, то, може, хочъ що небуть почуете? *(Дывытьця на свои часы)*.

Буланенький. Га? Що ты кажешъ?

Пыщы-Муха *(гука ёму на вухо)*. Выйми, кажу, клоччя зъ вухъ!

Буланенький. А, клоччя! А я й забувъ! *(Выйма клоччя и завязує у кинчыкъ хусткы)*.

Я В А IX.

Ти жъ, Горобецъ и Ластивка.

Горобецъ. Здрастуйте, та не застуйте! „Отсуньте, каже, мои плечы, то й въ хати розвиднытьця!“

Ластивка. Осьдочкы й мы! А якъ частуете гостей: чы макогономъ, чы опо-

лонькомъ? (*Цилуютьця зъ Иваномъ Степановичемъ*).

Иванъ Степановичъ. Ополонькомъ, ополонькомъ. Спасыби, спасыби, що завитали. Просымо!

Пыщы-Муха. Мы до тебе, якъ та татарва, цілою ордою!

Иванъ Степановичъ. Знайдотця, чымъ ушануваты дорогыхъ гостей, не объисте вухъ, не зобыдывъ насъ Господь. Чы вси вже?

Горобецъ. Не знаю, я не оглядався. (*Регоче*).

Ластивка. Все, все! Я мезынчыкъ!

Пыщы-Муха. Ну, хазяине, я тоби такъ скажу, якъ казавъ колысь покійный капельмейстеръ капеллы ёго превосходительства поміщыка и кавалера Льва Григоровыча Мылорадовыча, Адольфъ Карловычъ... А чудесно винъ гравъ на скрипци варьяці: „ихавъ козакъ за Дунай!“ Такъ, бувало, якъ прыдаве саму тончу струну, такъ вона и нлачо, и вымовляе!.. Ну, та не въ тымъ сыла. Такъ, кажу, якъ було де зберемься у кого зъ прыятельвъ, и Адольфъ Карловычъ тутъ, то заразы було и каже: казійнъ, давай каныхволь, а то смышокъ рыпляе...

Ластивка. А рыпляе, рыпляе! бо мы верстовъ зъ пятнадцать протрюхали!

Пыщы-Муха. У, здорово пывъ. И ни колы не закусовавъ. Отъ штука!

Иванъ Степановичъ. Заразы, заразы дамо й каныхволи, мы свій порядокъ знаемо! (*Пидходе до дверей и гука*). Өекло Гаврыловно, дилайте порядокъ, бо гостей нетерпяча бере!

Өекла Гаврыловна (*за дверыма*). Заразы, заразы! Потерпять крыхотку!

Пыщы-Муха. Выбачай, вселюбезнійший! Я й забувъ спытаты, якъ твоя жиночка?

Горобецъ. Өекла Гаврыловна ще благоденствуютъ?

Ластивка. Ще здоровеньки-живеньки?

Иванъ Степановичъ. Дыба ще по троху, мовъ та качка кыльваетця (*смѣтця*)

Пыщы-Муха. Стало быть, Господь скоро благословить, котрымъ же то?

Иванъ Степановичъ. Одыпадцятымъ!

Пыщы-Муха. Стало быть, вже ажъ десяточокъ прыдбавъ, и вси живи?

Иванъ Степановичъ. Трѣхъ Господь прыбравъ, а семеро растутъ.

Пыщы-Муха. Ну, нехай Господь не зменьшае! Дай Боже, щобъ росли щаслыви та здорови! Вельки и вси хлопци?

Иванъ Степановичъ. Старшому пишовъ симнадцатый видъ Лвтвѣго Мыколы, а то все погодочки.

Пыщы-Муха. Вчатця вже?

Иванъ Степановичъ. А якъ же. безъ того не можна!.. Старший вже дѣшовъ до Нового Завиту; а мали, то ти ще бильшь деруть горобенячь по загонахъ, та по клуняхъ.

Пыщы-Муха. Це гараздъ, гараздъ!

Ластивка. Не заморочуйте паморкивъ дитямъ змалку, не заморочуйте! Повирьте мени, що йдять люде хлибъ и не пысьменни! Мій отецъ покійный було каже: вчысь сынку по водженню зъ людмы та прыдывляйся, якъ други, щобъ такъ и ты, а грамота пуге дило!

Пыщы-Муха. Це мы якъ разъ зибралыся такъ, якъ колысь, ще якъ я служывъ стряпчымъ... Це було въ 1831 роци... Такъ полученъ бувъ тоди указъ правытельствующаго сената во вниманіе къ ходатайству ёго превосходительства господына начальныка губерніи, изложенному въ доношеніи... отъ забувъ, отъ якого чысла октября? Тилько памьятаю, що въ октябри за № 4315. Такъ. кажу: во вниманіе къ ходатайству ёго превосходительства господына начальныка губерніи, правытельствующій сенатъ указомъ отъ... Тѣху, забувъ, видъ якого чысла указъ той бувъ! Ге шкода. стара вже памьять стала!.. Ну, та не

въ тимъ сыла, якъ той казавъ, що кобыла сыва, а въ тимъ, що не везе! Такъ, кажу: указомъ, скажемъ, отъ такого то марта 1833 року за №... здаеця № 1724? Правительствующий сенатъ определивъ...

Буланенький *(увесь часъ прислухався)*. Опредилывъ? Ось якъ определиль: взискать зъ помищыка Лопаты-Деркачевського за убіеніе трёхъ гусей и покражу лошака масты чалои...

Пыщы-Муха. Та вы це про вищо товкуете?

Буланенький. „Зъ проторамы и волокытамы зъ 1821 рока, со дня прошенія...“

Пыщы-Муха. Товчы просо, пшоно буде. Ну, скажыть на мылость, панове, кому цикаво слухаты ёго сутяжничства?

Буланенький. „Двадцать тры рубля одиннадцать копіекъ!“

Пыщы-Муха. Товчы, Грыцю, Богородыцю! *(Гука ёму на вухо)*. Та мы не про ваше дило товкуемо!

Буланенький. Га?

Горобецъ *(крычитъ ему на вухо)*. Не про ваше дило ричъ!

Буланенький. Га?.. А я думавъ... ну, ну, слухаю... *(Згодомъ выйма зъ боковой кышени якыйсь папиръ и чытае. Посидившы трохы, оглядуеця и пересиди на другий дзыглыкъ, дали на третій. Все ему здаеця, що винъ сивъ на протязи)*.

Горобецъ. Кто зъ чымъ, а Назаръ Семеновычъ все зъ своими проторамы та волокытамы...

Ластивка.. Що въ кого свербыть, то винъ те й чуха! *(До Пыщы-Мухы)*. Такъ що сенатъ определиль?

Пыщы-Муха. Такъ, кажу: правительствующий сенатъ указомъ губернському правленію отъ такого то числа марта 1833 року за № 1724, заслухавъ оное

доношеніе... Стривайте, про вищо жъ це я хотивъ сказаты, га? Ота глуха тетеря зовсимъ мене збыла зъ паптылку!..

Ластивка. Вы щось казали про указъ правительствующаго сената...

Пыщы-Муха. Знаю, що про указъ, та про котрый же?!.. Про вищо жъ я хотивъ? А щобъ тебе, бисивъ глушманъ, беперя взяла!.. Стривайте! Чы не про судью я почавъ, про господына Ныкорыцю?

Горобецъ. Це про того, що десь то, на якимсь рапорти пидписався: прапорщыкъ Ныкорыця никоу не покорытця?

Пыщы-Муха. Та про него жъ! *(Входять Оекла Гаврыловна)*. Ну, нехай описля вамъ роскажу!

Я В А Х.

Ти жъ и Оекла Гаврыловна.

Оекла Гаврыловна. Выбачайте, гости дороги, що не зустрила васъ на порози, якъ звычайно це водытця! *(Все встають опричь Буланенького и пидбищежъ пидходятъ до Оеклы Гаврыловны и цилуютъ їй ручку)*.

Иванъ Степановычъ *(Оеклы Гаврыловны на вухо)*. Не забувайте, що Кырыло Онуфривычъ чоловікъ Петенбургскій.

Пыщы-Муха. Позвольте, достойночтымая и премногоуважаемая Оекла Гаврыловна, отъ полноты души моя, засвидетельствовать вамъ мое глубочайшее почтёніе и искрннійшу преданность, зъ которымы имію честь пребыть навсегда вашимъ благожелателемъ и всепокорнійшимъ слугою!..

Оекла Гаврыловна. Не вмію до ладу видповисты вамъ на вашу красну и вчену примовку... Дякую, що не минулы нашои господы...

Иванъ Степановычъ *(тыхо)*. Додайте по французькому.

Горовецъ. Свидѣтельствую душевное поштеніе и сердечну преданность... имію честь! *(Уклонився и видійшовъ)*.

Ластивка. Вашъ блажелатель и всепокорнійшій... *(Видходять)*.

Өекла Гаврыловна. Прощу садовытця! Мерсы, ще разъ мерсы!.. *(Сила)*. Прощу садовытця. *(Сидаютъ)*.

Пыщы-Муха. Осмилюсь, достойночтымая Өекла Гаврыловна, обезпокоить васъ крайне любопытнымъ вопросомъ, вытекающимъ не столько зъ цікавосты, сколько изъ блажеланія и благорасположенія: какъ вы себе чувствуете въ своимъ здорволю?

Горовецъ и Ластивка *(до Өеклы Гаврыловны)*. Въ своимъ здорволю? Якъ чувствуете?

Өекла Гаврыловна. Такъ соби, мерсы! Якъ погода погожа, то й себе нибы вчуваешъ веселишь. Же ву ремерсы!

Пыщы-Муха. Справедливо, Өекла Гаврыловна! Стало быть, сегодня вы повынны буты въ вождепенномъ здравіи, ибо днесъ годына „упоительна и благоуханна!“ Хочъ воно трошечкы зъ востока зехвыромъ подыхае, но впротчемъ:

„Зехвыръ прохладю лаская,

Шевельть тыхо лысть деревсь!“

Горовецъ. Я вамъ скажу, що це вже почнуть зехвыры подыхаты, чымъ дали, то все холоднишь робитця. Уже журавли и черногузы збываютьця у табуны.

Ластивка. У ночи вже бувають чы малы приморозкы... Позавчора я вертався у ночи зъ полювання, такъ мени зехвыръ мало-мало не одморозывъ носа, увійшовъ у хату, якъ глянувъ на носа, ажъ виявъ бялый, якъ крейда, а згодомъ почервонивъ, якъ папрыса. Вся птыця вже у вырій збираетця летыты.

Өекла Гаврыловна. Господь и птыци умудрие!

Пыщы-Муха. Справедливо извольте розмышлять, Өекла Гаврыловна! Ежлы

птыци и всякій иной прочій твари не дано разума чоловика, то дано некоторое вразумленіе, руководящее опымы...

Горовецъ и Ластивка. А такъ, такъ, дано вразумленіе!

Пыщы-Муха. Поелыку Господь, творя и созидаая, въ первый день свить, во второй твердь или выдымне небо, въ третій отдилывъ воду одъ земли и повеливъ земли произвесты ростенія, въ четвертый создавъ сонце, луну и звизды, въ пятый — рыбъ и птыць. *(Часы бьютъ дванадцять)*. А шо, пане хазяине, рыба плава у води? И всяка тварь безъ водопою не прожыве, якъ ты думаешъ?

Иванъ Степановычъ. Өекло Гаврыловно, межъ тимъ, межъ прочымъ, дилайте порядокъ!

Өекла Гаврыловна. Заразь, заразь! Все вже готово! *(Иде до дверей и гука)*. Орыніе, подавай обидь! *(Входять Орышка и два дисчыны, накрывають стилъ и ставляють посуду)*. Хутенько, хутенько!

Я В А Х І.

Ти жъ и Фрыкъ.

Пыщы-Муха. А, нимоць! Ты якъ скуды забривъ? *(Чоломкаетця)*.

Горовецъ и Ластивка. Адамъ Ивановычъ, моргенъ!

Фрыкъ. А, гуть моргенъ! Якъ поживайтъ? Нишого? Здоровъ?.. А гуть, гуть, хорошь!..

Пыщы-Муха. Ты все гладчаешъ, все ковбасы йисы?

Фрыкъ. Ковбасъ? Имо и ковбасъ, и зальцысонъ! *(До Ивана Степановыча)*. Геръ Иванъ Степанъ! вивця вашъ гарный, вовна нишого!.. Купувать жошня! *(Кива пальцемъ до Ивана Степановыча, котрый до него пидходять)*.

а за нымъ Пыщы-Муха и други; починають нышкомъ балакаты).

Өекла Гаврыловна (коло столу). Сюды, Орныіе, давай ще прыбора. Стаканивъ побільше постановы та чарокъ, щобъ коло кажнаго прыбору...

Орышка (бормоче). Це вже якісь нови выгады... (Ставляе).

Буланенькый (показуе Өеклы Гаврыловны пальцемъ у бумази). Осьдечкы (чытае). „Сенатъ опредилывъ: възскаты сь помищыка, подпоручыка Афанасія Тимофіева сына Лопаты-Деркачевскаго за убіеніе онымъ трехъ... (глянувъ на Өеклу Гаврыловну ненарокомъ и здывувався). А, мое поштеніе! Вы давно прыйхалы?

Өекла Гаврыловна. Видкиля прыйхала?

Буланенькый. Га?.. Слава Богу, по маеньку!. А вы й не старієтесь!

Өекла Гаврыловна. Де тамъ не старієсь!

Буланенькый. А мы оце прыйхалы за вашымъ зятємъ!

Өекла Гаврыловна. За якимъ зятємъ?

Пыщы-Муха (постерегшы цю розмову, пидбигъ до Буланенькаго, гука ему на вухо). Та це жь хазяйка дома, хйба жь не пизналы?

Буланенькый. Що ты мене вчышь? Хйба я не бачу?!

Пыщы-Муха (гука). Мы у Ивана Степановыча Бразолія!

Буланенькый. Вачу!.. я не слипый!.. Якъ пожываєте, Ганно Ивановно?

Өекла Гаврыловна. Я не Ганна Ивановна! Ганна Ивановна, то булы моя маты... вони давно вже на тимъ свити!..

Буланенькый. Померла, померла моя голубка, вже шостый рикъ якъ померла!.. Царство небесне, вичный покой (заклынавъ очыма). Теперъ зостався я одинъ, якъ палець... Заклюють мене сусиды, якъ шулікы курку!

Пыщы-Муха. Вы, Өекло Гаврыловно, зь нымъ не розбалакаєтесь! Ему давно вже пора въ ямку, та тилько про него певно забулы на тимъ свити.

Буланенькый (до Пыщы-Мухы). Ну, чого ты скалышь зубы?

Пыщы-Муха (взявъ его пидъ руку и повивъ, шепчучы ему щось на вухо). Розумієте?

Буланенькый. Не морочъ мени, Бога рады, паморокивъ. (Сивъ бормочучы и знову почавъ перечытуваты бумагы).

Иванъ Степановычъ (пидходе до Өеклы Гаврыловны). Дилайте, пожалуста, скорышь порядокъ! А де-жь Марья Уласовна?

Өекла Гаврыловна. Скучылы вже? Не забарятця прыйты, вони пышы погодуваты Хвядельку, писля обидь прыйдутъ! (До гостей). Мылосты просымо дорогыхъ гостей сидаты за стиль! Не обезсудьте! (Вси сйдають).

Иванъ Степановычъ. Кырыло Онуфрієвычъ, садовытця поручъ зь хазяйкою. Выпьемъ-жь, панове, зь початку. У насъ, выбачайте, такъ вже заведено видъ батькывъ.

Горовецъ. У чужый монастырь зь своимъ уставомъ не потыкайся!

Ластывка. Що городъ, то и норовъ; що край то, й обычай! (Выпывають).

Пыщы-Муха. А про Назара Семеновыча й забулы.

Иванъ Степановычъ. Якъ забулы? Мылосты просымо за стиль. (Веде Буланенькаго за стиль). Та тямлыть, Назаръ Семеновычъ, що треба выпыты зарзомъ тры, не закусючы!

Буланенькый. Вчы, вчы! Пылы мы и пьять!

Пыщы-Муха. Бачъ, якъ про горилку, то й почувъ! (Усадовывъ его и налива ему тры чаркы пидъ рядъ)..

Горовецъ. „Господь и слищывъ умудряе!“ У мене е одинъ дидуганъ-пасиш-

ныкъ, зовсимъ вже слипый, а горилку за сотню ступенивъ носомъ чую.

Ластивка. Та хто ёго й не почую, такого добра, хочъ и за двести ступенивъ?

Өекла Гаврыловна. Парижечкивъ до борщу! (*Подает*)

Пыщы-Муха (*пововчавъ*). Борщъ вашъ. достойнотымая Өекло Гаврыловно, благоуханный и зело апетыттый. Попрошу паки одну тарилочку. (*Представля тарилку*).

Горобецъ (*представля Өекли Гаврыловни свою тарилку*). Достойнотымая!

Ластивка (*представля тожъ*). Отъ щедротъ вашихъ!

Пыщы-Муха. Отъ нимци не вмютъ варыты борщу!

Фрыкъ. Мошна!

Горобецъ. Ни, такого борщу не зварютъ!

Ластивка. Куды ямъ!

Фрыкъ. Мошна, усе мошна!

Иванъ Степановычъ. Що жъ, любы гостенькы, щобъ не задриматы, выпьемо ще по одній.

Горобецъ. Хазайске дило командувать, а гостеве слухатысь команды!

Ластивка. Ради старатыся!

Буланенькый. Мій отецъ покойный часто мени казавъ такъ, що покы выпьешъ по четвертій, то ще сякъ-такъ сыдытця, а пнсля пятаю ннбы вже й соромно тоби стане, що такъ довго не частуютъ!

Вси. Ай да Назаръ Семеновычъ! Хвалю! (*Вымылы*).

Пыщы-Муха. Во время моего пребыванія у Петербурси, въ 1829 році, на обиди у ёго превосходительства господына исправляющаго должность дыректора департамента неокладныхъ сборовъ, тайнаго совитныка и кавалера... (*Дивчата вносятъ жарене*). А це що, — гндыкъ жареный и баранчыкъ? Давай,

дивко - чернобривко, сюды и гндыка и баранчыка! (*Бере соби на тарилку два шматкы*). То одынъ достопочтенный нашъ землякъ, тайный совитныкъ и кавалеръ — Мыронъ Радывоновычъ Трегубъ-Накывайло, узавъ у руку стакана зъ наливкою (*до Горобця*). А налыи мени! (*Горобецъ налива*). И сказавъ таеъ: (*встает*) „за здоровье достоичтымого начальныка нашего ёго превосходительства господына исправляющаго должность дыректора департамента и кавалера— ура!“ А я скажу: за здоровье достоичтымого сусида нашего Ивана Степановыча Бразолія, многа лита!

Вси. Многа лита!

Фрыкъ. Многа лита, гохъ! Многа лита: щобъ много вивця плодывся. (*Вымылы*).

Буланенькый (*тсперъ только побачывъ Фрыка*). А, Иванъ Карловычъ, ты ще живешъ? Кто жъ це мени сказавъ, що ты поморъ?

Фрыкъ. То мій отецъ бувъ Иванъ Карловычъ, а я Адамъ Ивановычъ!

Буланенькый. А памъятаешъ ту бурю кобылу, що ты у мене купывъ? Що вона ще возе?

Пыщы-Муха. Мабуть давно вже на тямъ свити возе мертвыхъ,

Фрыкъ. Винъ дума, що я мой отецъ!

Буланенькый Га? Спасыби, спасыби!.. (*Пзе*).

Пыщы-Муха. А дали, государи мои, ось що скажу! Хлебъ-хлибомъ, а мовя мовою. Знаешъ ты, Иване Степановычу, чога це мы до тебе зайихалы? Тоби, мабуть, и въ снн не вбачалось? Господынъ нашъ губернскый предводитель дворянства, отъ 3-го чысла прошлого мнсяца, почтытельннше увндомяе мене, — певно и тебе такожъ почтытельннше увндомявъ, якъ и вснхъ здесь прнсутствующихъ таковымъ ныжеслндоующымъ лыстомъ: „Мылостывой государь мой (*имя рекъ*)! Имъю честь почтытельннше увъдомнть васъ, ми-

лостивый государь мой, что 10-го числа будущаго мѣсяца сентембрія имѣють происходить дворянскіе выборы въ разныя должности, замѣщаемыя по выборамъ отъ дворянства. А по сему, почтительнѣйше извѣщая васъ о семъ, милосливой государь мой (*имя рекъ*), прошу пожаловать на таковыя выборы 10-го числа сентембрія въ городъ Полтаву, въ домъ дворянскаго собранія, въ 9 часовъ по полудни. Точка. Съ истиннымъ почтениемъ и достожднымъ уваженіемъ пребываю навсегда вашимъ, милосливой государь мой, всепокорнѣйшимъ слугою, предводитель дворянства, отставной секундъ-майоръ и кавалеръ. — Нашъ господинъ предводитель дворянства слово: кавалеръ выше черезъ два „ырцы!“ Ну то якъ ты, Иване Степановичу объ цему думаешь?

Иванъ Степановичъ. А що жъ я думаю? Дай Боже здоровья нашему господину предводителю дворянства и кавалеру (*налива чаркы*) на многа лета!

Пыщы-Муха. Отъ бачъ и не догадався. Мы оце зайихалы, щобъ и тебе захопыты на выборы.

Өекла Гаврыловна (*зъ лякомъ*). Отакой!

Пыщы-Муха. Не лякайтеся, достойная Өекло Гаврыловно! Треба жъ вашему мужу послужыты громади? Такъ то, брате, годи вже тоби слывы сушыты, солыты, та наливаты!

Иванъ Степановичъ. (*Розвивъ рукамы*). Та якъ же це?

Пыщы-Муха. А що, не сподивався?

Горовець. Оце мы васъ застукалы, якъ у гороси!

Пыщы-Муха. Пора, пора тоби послужыты громади! А правда, Өекло Гаврыловно? Вы тилько посудить благоразумно, достойная Өекло Гаврыловно?

Өекла Гаврыловна. Та воно якъ розсудыты, то... Конечно и я скажу, що краще служыты, нижъ байдакы быты,

та зъ Марьею Уласовною въ „Марьяжъ“ граты!

Иванъ Степановичъ. Дався вамъ той „Марьяжъ.“ Це, панове, щось таке зовсимъ не сподиванѣ!.. Не розберу ничогисенько.

Пыщы-Муха. Нічого тутъ розбираты, а треба такы послужыты.

Горовець и Ластивка. Треба, треба послужыты, Иване Степановичу, нічого вамъ вже сперетчатъся!

Иванъ Степановичъ. Та вже звисно, колы вси такъ прыплы, то мушу!.. Але, якось цо такъ нежданно, не гадало..

Пыщы-Муха. Отъ и молодець Иванъ Степановичъ!

Иванъ Степановичъ. Тилько що я вамъ скажу, панове, не хотилося бъ мени, дуже не хотилося бъ у гражданську, заразь тебе крючкомъ подражнють. Отъ колы бъ у военну, то я бъ, пожалуй, зъ радистю, хочъ и заразь: шаблю до бока, та й гайда!

Пыщы-Муха. Воювавъ колысь ты шаблю, а теперь новой ще перьяною! Ну, то ось якъ мы зробимо: подякувавши хазяинамъ за хлибъ-силъ и за ласку, будемо збиратыся у дорогу!

Иванъ Степановичъ. Якъ, заразь и въ дорогу? Ни, я на це не приставъ! Якъ то можна заразь?.. Треба жъ подуматы, помиркуваты!..

Вси. Та нічого вже назадъ отсыты!

Пыщы-Муха. Збирайся, збирайся въ дорогу! А то ты мене знаешь, якъ не пойдешь, то я такъ тебе передъ усимъ дворянствомъ розмалюю, що хочъ и носа не показуй у Полтаву.

Горовець и Ластивка. О! Кырыло Онуфріевичъ, якъ вже захочуть кого розмалюваты, то буде згадуваты!..

Пыщы-Муха. Дружба дружбою, а служба службою!

Иванъ Степановичъ. Шо-жъ, якъ збиратыся, то... Тилько шкода мени, не

въ военну! *(Вси встають з застолу и дякують хазяинамъ, уклонившысь перизъ до божныци)*. Якъсь це все такъ раптово трапылося. *(До Өеклы Гаврыловны)*. Зберить же мене, Өекло Гаврыловно, скорій у дорогу.

Өекла Гаврыловна. *(Хлынае)*. Радіете, що зъ дому втикаете!...

Иванъ Степановычъ. Непостыжимал вы особа, Өекло Гаврыловно: сами заразъ пидьохочували мене до гражданськой, а теперь вже й рюмсаете!

Өекла Гаврыловна. Радійте, радійте!... *(Идучы)*. Чы и брытвы вамъ покласты?

Иванъ Степановычъ. А якъ же, треба жъ буде щетыну трохы выголыты, а то борода геть заросла тырсою!

Пыщы-Муха. Ну, збираймося же худчишь, панове!

Горобецъ *(до Ластивкы)*. Ходимъ на пиддѣпокъ та покуримо, побы коней запряжуть, а то у мене такый бакуноць, якъ закурю въ хати, вси мухы попадають

Фрыкъ. И я зъ вами, буду курывъ файка! О я! *(Пишлы)*.

Пыщы-Муха *(до Бразоля)*. Та що це зъ тобою, ты мовъ опущенный у воду?

Иванъ Степановычъ. Та такъ якось... Не служивъ, не служивъ, а це вже зновъ службы... Це, мабуть, ще прыйдется и законы чытаты.

Пыщы-Муха. А треба буде! А не хочешъ чытаты, то й такъ служытымешъ, секретарь за тебе чытатымо, а ты знай одне: пидысуй, що пидсувають!

Иванъ Степановычъ. Та хйба жъ воно легко, хочъ бы и пидпысуватись?

Пыщы-Муха. Та ты вже, бачу, хочешъ, якъ медъ то и ложкую?

Я В А XII.

Ти жъ и Өекла Гаврыловна.

Өекла Гаврыловна. Усе вже збрала, и кони готови.

Иванъ Степановычъ. Уже готови? Пыщы-Муха *(до Буланенького)*. Затыкайте вже вуха, пора!

Буланенькый. Га? вуха? Заразъ, заразъ! *(Затыка вуха клоччямъ)*.

Иванъ Степановычъ. Почастуйте жъ насъ, Өекло Гаврыловно, на коней, щобъ часомъ не прыстали, та щобъ все благополучно! *(Өекла Гаврыловна нагыва чаркы)*.

Я В А XIII.

Входять Горобецъ, Ластивна и Фрыкъ, а згодомъ Оверко.

Пыщы-Муха. Беримъ, панове, чаркы, тай будемо прощатыся! *(Выпылы)*.

Өекла Гаврыловна *(до мужа)*. Березить себе въ дорози... не розхристуйте на прыгязи, щобъ часомъ не простудылся. *(Замотуе ему шыю шарфгома)*. Доглядайте, пожалуста, Кырылло Онуфріевычъ, мого старенького.

Пыщы-Муха *(збираетця)*. Не турбуйтес! Повернетця здравъ и невреднымъ.

Оверко. Картуза надинето, чы шапку?

Иванъ Степановычъ. Давай картуза! *(Оверко подае)*. Все це мене спобыгло такъ несподивано, такъ несподивано... Хочъ бы до завтрего пидождаты? Це й зъ Марією Уласовною не доведется попрощатыся! Ну, сядемо жъ, щобъ усе добро стало. *(Сидаютъ вси и Оверко поручъ)*.

Өекла Гаврыловна. Ты бъ, лобуряко, сивъ доли, а не поручъ зъ паномъ.

Иванъ Степановычъ. А теперь прощайте, душко.

Өекла Гаврыловна *(кынулася ему на шыю)*. Прощайте, мій соколе, мій голубе сызенькый! *(Плаче)*.

Иванъ Степановычъ. Не тревожте себе, пожалуста! Знаете, що вы теперь въ takimъ положенію, що вамъ не слідъ себе тревожыты!

Оекла Гаврыловна (*зарыдала*).
Ой, на кого жъ вы мене покидаете, мій
возуле!

Иванъ Степановичъ. Не терзайте
себе, бо й я страдаю!... (*Плаче*).
(Зависа).

ДІЯ ІІ.

КАРТЫНА І.

(*Приѣмна*). Диваны оббиты кожою и такі жъ дзыглыки, велмыый стиль, на котормъ лежать
вызнатна книга въ полатуркахъ. На кону никого нема; згодомъ чутно дзвінокъ.

ІВА І.

Лакей (*выходить у галаныцяхъ
розгниванный*). Вотъ ихъ нынче разно-
сило, не дадутъ и чайкомъ побаловаться!
(*Видчиля двери*).

ІВА ІІ.

Пыцы-Муха, Буланенький, Иванъ Степано-
вичъ, Горобецъ, Ластивна и ще де яки.
(*Вси въ мундырахъ, або въ козакынахъ*).

Пыцы-Муха. А що, чы прыйма?

Лакей. Никакъ нѣтъ-сь, его превос-
ходительство не изволятъ принимать... не
удовно ли вамъ росписаться? (*Показуе
на книгу*).

Пыцы-Муха. Росписаться?

Иванъ Степановичъ. Що жъ це
таке: тилько що принялы прысягу, та
вже и писаты?

Буланенький. А чого жъ мы зупи-
нылись, ходимъ дали.

Лакей. Да что жъ вы, господа, рты-
то пораскрыли? Извольте-сь записываться.
Вси. На биса-жъ?

Лакей. Такъ удовно его превосходи-
тельству.

Пыцы-муха. Це, панове, якась новына,
я ще у перше чую!

Иванъ Степановичъ. Ну вже колы
й ты осовивъ, то намъ и Богъ веливъ!

Горобецъ. Та що жъ вопо оце за
книга?

Лакей. Визитная-сь, нешто сами не
изволите понимать?

Пыцы-Муха. Кажу жъ, що це нова
якась выдумка! Во якъ я бувъ у Петер-
бурси у ёго превосходительства госпо-
дына товарища мыныстра въ 1838 ро-
ци ноября, отъ не памьтую, якого
чысла...

Горобецъ. Може це той альбомъ, що
на памьять вирши нышуть, та пробити
стриламы серця малюють?

Иванъ Степановичъ. Чого доброго!

Лакей. Извольте-же, господа, запи-
сываться! Вѣдь, у насъ чай и другія
занятія полагаются,—какъ вы понимаете
объ этомъ?

Пыцы-Муха. А, може, господыну
председателю схотилось побачыть, якый
у кого почеркъ?

Горобецъ. И це може буты! Вже жъ
вона на вицось тутъ лежать, безъ на-
добности ии бъ не поклалы?

Ластивка. А не поклалы-бъ!

Иванъ Степановичъ. Ось знаете що!
Нехай вже за насъ Кырыло Онуфріевычъ
мизкуе, бо винъ чоловикъ бувалый, а мы
за нымъ пошхаемось—якъ вивци.

Пыцы-Муха. Це насъ, я вамъ кажу,
якъ разъ тако лыхо спобигло, якъ ко-
лысь зо мною трапылося, у тысяча во-
симсотъ...

Вси. А що жъ таке, роскажы?

Иванъ Степановичъ. И справди,
роскажы! Може твоа прыгода наведе насъ
хочъ на якый небуть розумъ!

Вси. Недаромъ поговярка е: „не пытай
розумного, а пытай бувалого!“

Пыщы-муха. У 1831 році, въ бытность мою стряпчимъ въ Кобеляцкимъ повіти, получывъ я предложеніе о немедленномъ отбытіи моемъ, купно съ временнымъ отділеніемъ въ уздѣ для произведенія слѣдствія по дилу: „о верховой ѣздѣ помѣщика, гвардіи поручика Семена Ивановича Вышняка, на жидѣ Гершкѣ Заславскомъ, и объ оборваніи и припечатаніи первымъ бородами послѣднему и побытіи съ членоврежденіемъ.“

Лакей. Сдѣлайте одолженіе, господа, росписывайтесь: чрезъ пять минутъ я запираю приемную!

Пыщы-Муха. Ну, похай я вамъ объцѣму другимъ разомъ роскажу; а теперь ось якъ зрблю: бильшь копы лыха не буде, а въ копу не вберешъ, чы такъ? Вы якъ соби знайте, а я наважывся... не повисять же за те, якъ що выйде не до шмыгы. *(Взявъ перо, подумавъ)*. Може винъ дума, що мы й пысать не вмисмо? *(Пыше, голосно дыктуючы)*. Пры сей вѣрной оказіи, спѣшу выразити душевное мое прыскорбіе и сердечное сокрушеніе, что по непредвидимымъ обстоятельствамъ лишень счастья лично засвидѣтельствовать мсе глубочайшее уваженіе и преданность, съ которымъ почтеннѣйше честь имѣю пребыть вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга, коллежскій ассесоръ, Кирило Онуфріевъ сынъ Пыщы-Муха! Ну, я вже напысавъ, а вы якъ соби хочете.

Иванъ Степановычъ. Де вже тоби не напысать: самъ терся по тыхъ Петенбурхахъ!

Пыщы-Муха. Та вже, що касаетця словосочненія, то я й самого чорта загвуздаю! *(Дае перо)*. А ну, пидходить кто! *(Вси отступаютьця)*.

Ластивка. Иванъ Степановычъ, берить вы, берить...

Иванъ Степановычъ. Не хочу! Хочъ що хочте, а не хочу!

Пыщы-Муха. Бери, бери, Иванъ Степановычъ! утны тамъ що небудь! Якъ такы тоби не выгадаты, що напысать; ты-жъ такы на всю Опонію брехувъ!

Иванъ Степановычъ. Отъ халепа! *(Бере перо)*. Що жъ я ему напышу? *(Стромля въ черныльницю)*. Й же Божови моему, не знаю, що й прыдуматы? *(Зновъ стромля перо)*. Хочъ ты меня вымотай уси паморокы, ничогисенько въ голову не лизе! И перо тремтыть у руци, неначе у того, що куры кравъ.

Вси. Та, ну, вже годи тоби нацплятись!

Пыщы-Муха. Выразы въ стыхосложеніи, або въ вытїйній мови свое поштеніе и чувства преданности по толыку, по колыку возмагаешъ!...

Лакей. Пожалуйста, господа, записывайтесь! Вѣдь это, какъ вамъ угодно, а эдакъ долго не возможно-сь!

Иванъ Степановычъ. Хиба намалюваты сердце пробыте стрилою, колы-жъ я не зугаренъ малюваты.

Горобецъ. Та выражайте чувства по толыку, по колыку ..

Иванъ Степановычъ. Хиба ось-що! Винъ дуже ласый до дивчатъ, вехай же посміетця. *(Пыше)*. Ужъ! *(Вставъ)*.

Горобецъ. Я могу и въ стыхосложеніи, не злякаемось! *(Дыктуючы пыше)*:

„Спробувавъ пера и чорныла,

Що въ ёму за сыла;

Такъ перо пыше,

Якъ муха дыше.“

(Пидпысуетця). Северьянъ Симзановъ сынъ Горобей.

Ластивка *(взявъ перо)*. Я виршь ни якихъ не знаю. Расчеркнусь прямо: ..съ глубочайшимъ почтеніемъ“ та й годи. *(Пыше)*. Отакого крючка загнувъ, якъ у чорта хвистъ. *(Дае перыну Буланьскому)*.

Буланенький. Що таке писать?
Пыщы-Муха (*гука ему на вухо*).
Що въ голову забреде, то й пыщы!

Буланенький. Це може жалобна кн-га? (*Довго пыше и стыха прыговоруе*). Сусидь мій... жаждой любостяжанія... многократно... яко тать... многоплодного.. гречаною кашою... Буланенький...

Горобець. Та кинчайте вже, Назарь Семеновычъ, швидче!

Пыщы-Муха. Що винъ тамъ почавъ розмаловуваты?

Иванъ Степановычъ. Отъ же я вамъ скажу, дарма що Назарь Семеновычъ старый, а глядять, колы винъ не утне що-небудь ще краще видъ насъ.

Буланенький. О, теперь и зовсимъ!

Лакей. Не скажетеь вамъ его превосходительство за это писанье спасибо!... (*Сміється*).

Иванъ Степановычъ. А що-жъ? якъ вмилы, такъ и напысалы; ему-жъ хотилося нашего писанья, — нехай чыта по субботахъ.

Пыщы-Муха (*до лакея*). Такъ, стало быть, мы его превосходительства такъ такы сегодня и не побачымо?

Лакей. Этого мы не можемъ-сь знать!

Пыщы-Муха. Ну, то ходимъ!

Иванъ Степановычъ. Прощайте до якого часу! (*Пишлы вси*).

Я В А ІІІ.

Лакей. (*Одыз, дывытця у кыгу*). Вотъ оно что значить хохлацкая провинція, но смыслять дажо, какъ слѣдоваецъ въ визитной книгѣ расписаться! Дворяне то они дворяне, а въ деликатной политикѣ выходить менѣе моего смыслять! Не дарожъ, значить, и на театрахъ случалось видать, представляютъ хохловъ простофилями. Одно слово, невѣжество захолустное. (*Чутно дзвюнокъ*). Кого еще несеть? (*Видчиля двери*).

Я В А ІV.

Лакей и Оома Петровычъ.

Оома Петровычъ. Что, его превосходительство принимаютъ?

Лакей. Приказывали доложить, какъ придете. Повремените-сь! (*Пишовъ*).

Оома Петровычъ. Що жъ-то, чы вже учынылы явку наши вновь избранни члены? (*Розверта кыгу*). А пу, подывлюсь, яки у ныхъ почеркы? (*Дывытця*). Що це, що це таке? (*Чыта*): „Имѣю честь почительнѣйше донести вашему превосходительству, что сусѣдъ мой, отставной поручикъ Θεодосій Карповъ сынъ Халява, движымый жаждою любостяжанія, унаслѣдованной стъ отца его, судившагося многократно за обиды, чинимыя сусѣдомъ, — яко тать, ночью стъ 5-го на 6-е августа, зашедъ ко мнѣ въ птишню, укралъ у меня многоплодного индюка и, приготививъ его подъ щавелевымъ соусомъ и начинивъ онаго гречаною кашею, съѣлъ такового. Отставной штыкъ-юнкеръ Назарь Семеновъ сынъ Тупу-Табунецъ-Буланенький“ ... Що-жъ це буде? Це прямо хочъ тикай зъ Полтавы! Отакои налыхотворылы!

Я В А V.

Входытъ Предсидатель.

Предсидатель (*до лакея*). Что ты врешь, этого быть не можетъ! Да какъ они осмѣлились?

Лакей. Извольте сами, ваше превосходительство, прочесть.

Предсидатель (*побачывъ Оому Петровыча*). А, здравствуйте, любезный! Что тамъ такое эти господа осмѣлились написать въ визитной книгѣ?

Оома Петровычъ. Языкъ коснѣеть, ваше превосходительство; неслыханная дерзость и своеволие, — просто ума помрачение!...

Председатель. Читайте, что тамъ такое?

Оома Петровычъ. Не пристойно читать, ваше превосходительство!

Председатель. Читайте, говорятъ вамъ.

Оома Петровычъ. (*Третьячымъ голосомъ*).

И учора галушки, и сегодня галушки,

Прйды, прйды, сердяятко, на би-
ли подушки.

И учора кулишь, и сегодня кулишь,
Прйды, прйды, сердяятко, мою
душу потишь.

Председатель. Какая наглость! Это возмутительно!...

Оома Петровычъ (*чѣта*):

Спробувавъ пера и чорныла,

Яка въ нему сыла...

Председатель. Довольно-сь! Напишите сейчасъ повѣстку, чтобы эти сочинители сію минуту ко мнѣ явились!... Пошлите съ курьеромъ!... Слышите, чтобы сейчасъ явились. Это, чортъ знаетъ, что такое!... Куда же это, наконецъ, я попалъ, въ какую страну, въ какую трущобу? Это какіе-то дикари, а не люди!... Чтобы сію минуту они явились.

Оома Петровычъ. Тутъ еще, ваше превосходительство, господинъ Буланенкый занесъ жалобу за многоплоднаго индыка.

Председатель. Потребуйте ихъ ко мнѣ сію минуту! (*Побѣз розгниванный*).

Оома Петровычъ. Ну, налхотворылы! Не знаю, чимъ це й кичитця? (*Сида и пыше*).

Лакей. Я имъ внушаль, что, дескать, господа, поймите, что этакъ нельзя-сь!.. Да развѣ ихъ вразумишь?

Оома Петровычъ. А вамъ, Ларивонъ Мыколаевычъ, треба-бъ було имъ сказаты, щобъ не писали такого...

Лакей. Помилуйте-сь, развѣ это наше дѣло? (*Помовчавъ*). Точно, что дикая страна! Я такъ полагаю, что ежели таперича поѣхать въ Питеръ и поразсказать кому хошь, эти исторіи, такъ тамъ даже не повѣрятъ. Изругаетъ тебя анафемой, еще того хуже, коли ежели станешь увѣрять, что это точно такъ бываетъ здѣсь, въ дикой странѣ.

Оома Петровычъ (*встает и дае въ двери бумагу*). Курьеръ! Заразь одишли цей объявительный листъ по принадлежности! (*Вертаеця отъ дверей*). Колы бъ ще не попались пидъ судъ, за цю штуку? Не знаю, що объ цему законъ гласить? (*Бере на столи законъ и перельстуете*).

Лакей. Неужто, Оома Петровычъ, это здѣсь диковина, къ примѣру эта самая визитная книга?

Оома Петровычъ. Точно, що мы про такую книгу у перше чумо!

Лакей. Ну, я вамъ скажу, что у насъ, въ Питерѣ, это давно ужъ заведено. Конечно, что говорить, здѣсь у васъ въ провинці простота насчетъ визитовъ и всякихъ обращеніевъ. Языковъ иностранныхъ здѣсь тоже что то не слышать. За то у насъ въ Питерѣ даже, скажемъ къ примѣру, извозчика спросите: что значить: „каманъ ву парте?“ Онъ вамъ тотчасъ объяснитъ, что это означаетъ: „какъ ваше здоровье?“ а не то чтобъ не понять, что значить визитная книга. Опять возьмите горничную. У васъ горничная иня даже званія не стоючал. — Такъ говорю, возьмите горничную, которая ежели изъ порядочнаго дома, ужъ ты ей не моги сказать: „какъ, молъ, ваше здоровье?“ — потому мужикомъ обзоветь, оконфузить на всю жизнь. А говоришь ей: „каманъ вотъ санте?“ — тебѣ въ отвѣтъ: — „мерси!“

Оома Петровычъ. Мерси?

Лакей. Да съ, мерси, — не иначе! Ей-Богу — право! Точно что Питеръ городъ,

можно сказать, первѣющей по всемъ заведеніямъ. У васъ вотъ купчихи даже здѣшнія ходють платками головы покрывши, али шалими; а у насъ, всякая горничная въ шляпкѣ и при перчаткахъ, при зонтикѣ и не при своей природной физиономіи, а нарумянимшись и безпримѣнно въ карналинѣ! (*Сторожъ приноситъ бумагу и видходытъ*).

Оома Петровычъ. Въ карналинѣ?

Лаквѣй. Да-съ въ карналинѣ! Потому карналинѣ помогаетъ всякимъ дамамъ насчетъ тѣлеснаго сложенія. (*Помовчавъ*). А какъ вы обо мнѣ понимаете, Оома Петровычъ! Я тоже не токма что по французскому, а даже по аглицки могу кой что смекать!.. Мы, примѣрно скажемъ, хоть и въ лакейскомъ званіи состоимъ, а образованію блюдемъ.— На балахъ бываемъ, также и въ машкарадахъ. Я могу танцевать всякіе господскіе танцы; ну и за столомъ всякое блюдо какъ брать,—вилкой али ложкой—тоже понимаемъ, потому обучены этому. (*Помовчавъ*). Вы бы насъ, Оома Петровычъ, когда нибудь, пригласили къ себѣ съ визитомъ.

Оома Петровычъ. Якъ то съ визитомъ?

Лаквѣй. Значить, въ гости! Вы не безпокойтесь, потому мы себя, то есть, ни передъ какимъ дамскимъ обществомъ не оконфузимъ. Какъ у васъ таперича, примѣрно, дочери взрослыя, такъ мы можемъ имъ поеазать и столичныя манеры, для ихъ собственнаго образованія... Мы въ столицѣ у многихъ чиновниковъ не то въ кумовьяхъ, а и въ шаферахъ бывали.

Я В А VI.

Ти жъ, Пыщы-Муха, Буланенькій, Иванъ Степановычъ Горобецъ, Ластивна и др.

Пыщы-Муха. А чога це его превосходительству такъ приспичило неукоснительно насъ бачыты?

Иванъ Степановычъ. Чы не на закуску прыглаша?

Горовецъ и Ластивка. Хто-жъ хлиба-солы цураецця?

Оома Петровычъ (*до лакея*). Доложить его превосходительству. (*Лакей пшшовъ*). Буде вамъ закуска!

Вси. А що таке?

Оома Петровычъ. Побачыте!

Пыщы-Муха. Не лякайте ляканыхъ!

Оома Петровычъ. Вже кому-кому, а вамъ, Кырыло Онуфріевычъ, то й соромно.

Пыщы-Муха. Та ты-бо не кажи загадкамы, не морочъ; кажи прямо, що тамъ зкоилося?

Буланенькій (*до Оомы Петровыча*). А що, яку резолюцію положывъ его превосходительство на мою жалобу за покражу многоплодного индыка?

Оома Петровычъ. Ось винъ вамъ самъ скажо!

Буланенькій. Га, що ты кажешъ? Чога ты усмихаецся? Тоби-бъ усе тилько зубы скалыты, чортивъ грошолупъ! Вамъ и байдуже до того, що чоловіка кругомъ грабують!... Постривай, попоскалышь ты въ мене зубы! 🍷 тебе пряткыну!...

Я В А VII.

Ти жъ и Предсидатель.

Вси (*забубонилы*). Честь имѣю явиться!

Предсидатель (*до Бразолія*). Къ кому вы явились? (*Бразолій мовчытъ*). Я васъ спрашиваю, къ кому вы явились?

Иванъ Степановычъ (*здвижуєт плечыма*). Къ вамъ!

Предсидатель. А я кто такой?

Иванъ Степан. Хведоръ Ивановычъ!

Предсидатель. Не Хведоръ Ивановычъ, а ваше превосходительство господинъ предсѣдатель, вашъ начальникъ, милостивый государь мой!

Иванъ Степановычъ. Нехай буде й такъ!

Председатель. Такъ къ кому вы явились?

Иванъ Степановичъ. Къ вашему превосходительству! (*У бикъ*). Нехай буде по твоему.

Председатель. А какъ вы явились? (*Бразолій мовчить*). Отвѣчайте, милостивый государь мой, какъ вы явились?

Иванъ Степановичъ (*у бикъ*). Що за напасть така? Не знаю, що ему и казати? (*До него*). Съ достодолжнымъ уваженіемъ.

Председатель. Развѣ въ такомъ видѣ являются къ начальству съ достодолжнымъ уваженіемъ! Посмотрите вы на себя?

Иванъ Степановичъ (*оглядуе себе, у бикъ*). Чы не роздерлось що небудь? Здаеця, якъ увиходылы у двери, то я за клямку зачепився?...

Председатель. Я вамъ говорю, посмотрите вы на себя!

Иванъ Степановичъ. Дивлюсь!

Председатель. Видите?

Иванъ Степановичъ. Ни, не видно! (*У бикъ*). Що винъ на мени таке бачыть?

Председатель. Видите?

Иванъ Степановичъ. Ничого не видно! (*Обертаетця до другихъ*). Чы не знаете, хочъ вы, чого одъ мене треба его превосходительству господину председателю, нашему начальнику.

Председатель. Что-сь? Вы, кажется, шутить со мной вздумали? Вы, милостивый государь мой, не имѣете должной атенціи къ начальству, не исполняете установленныхъ формъ, нарушаете государственныя узаконенія! Я васъ въ двадцать четыре часа продамъ суду!

Иванъ Степановичъ. Якъ буде за що, то можно и заразъ предать суду... (*Крутнувъ вуса*). Позвольте и мени васъ спросыть: чого вамъ одъ мене треба? Хиба дворянство на те мене выбрало, щобъ на мене крычали, якъ на лакея? Чого вы прылылы до мене, якъ шевська смола до чобота? (*Стукнувъ шаблюю*).

Председатель. Молчать!... Вы еще осмѣливаетесь разсуждать!... Посмотрите въ зеркало, въ какомъ видѣ вы явились къ начальнику! (*Подводе Бразолія до дзеркала*).

Иванъ Степановичъ (*дывытця у дзеркало*). Здаеця-жь? все обстоить благополучно? Та отъ же медали на своемъ мисыци, козакыпъ зачепнутый на чаплыкы, шаблюка якъ слидъ!...

Председатель. Что, видите?

Иванъ Степановичъ. Ничогисенько не выдю, чого вамъ одъ мене схотилося!

Председатель. Какъ ничогисенька? На какомъ основаніи вы осмѣлились явиться ко мнѣ въ усахъ? Вы теперь состоите въ гражданской службѣ, а потому право ношенія усовъ на васъ не распространяется!

Иванъ Степановичъ (*оторопивъ*). Якъ? ..

Председатель. А такъ-сь! Слышите ли: не распространяется!

Иванъ Степановичъ (*у бикъ*). Оце такъ халепа! (*До него*). Зъ сего-бъ и почалы; якъ не распространяеця, то й выголюсь! Ничого було й крычать, якъ на живить: се бъ и губернаторъ, и самъ мыныстръ такъ глоткы не дравъ.

Председатель. Прошу не разсуждать, а исполнять, что вамъ приказываютъ, что бы сегодня же выбрили усѣ, а не то я васъ подъ арестъ посажу.

Иванъ Степановичъ. Колы не распространяеця, то и выголюсь!

Буланенькый (*помовчавши*). Га?

Председатель. Я васъ пригласилъ, милостивые государи, чтобы выразить вамъ крайнее мое неудовольствіе за то неуваженіе и непростительную дерзость, которую вы учинили вашимъ неумѣстнымъ поступкомъ.

Пыщы-Муха (*выступа*). Позвольте узнать, ваше превосходительство, въ чемъ заключается неумѣстный поступокъ, учи-

пенный нами, изъ котораго можно бы усмотрѣть неуваженіе къ вашему превосходительству и непростительную съ нашей стороны дерзость?

Председатель. Какъ изъ котораго? а какъ вы могли позволить себѣ писать въ визитной книгѣ такую дичь и галушки, и кулиши, и жалобы записывать, словно на почтовой станціи, — когда вамъ слѣдовало записать только ваши фамиліи.... Это просто бунтъ противъ правительства?

Пыщы-Муха. Наши именныя списки доставлены уже вашему превосходительству, слѣдовательно, мы никакъ не могли предполагать, чтобы вамъ предстояла надобность въ нашихъ фамиліяхъ, а полагали, что ваше превосходительство интересовались болѣе нащотъ нашихъ почерковъ и словосочиненія...

Иванъ Степановичъ *(до другихъ)*. Оцей ему допече!

Пыщы-Муха. А потому, каждый изъ среды насъ, по мѣрѣ силъ своихъ, потщився выразить свои чувства и мысли...

Горобець *(до другихъ)*. Цей ему утро носа.

Пыщы-Муха. Никакъ не предполагаю, чтобы ваше превосходительство...

Председатель. Ну довольно, довольно!

Иванъ Степановичъ *(тихо)*. А що, доникъ такы тебо!

Председатель. Вы, какъ маятникъ въ часахъ, тронъ васъ разъ, такъ вы десять разъ покачнетесь!

Пыщы-Муха. Позвольте, ваше превосходительство, уразумѣть суть основанія сего вашего запрещенія, выраженнаго вышеупомянутымъ словомъ: „довольно?“ Ибо служа въ продолженіи многихъ лѣтъ, въ разныхъ классныхъ должностяхъ и даже въ послѣднее время...

Председатель. Довольно-съ!

Пыщы-Муха. Никакъ-съ нѣтъ, ваше превосходительство, не „довольно!“ Ибо въ

приложеніи къ узаконеніямъ о дворянскихъ выборахъ, изданія тысяча восемьсотъ...

Председатель. Довольно!..

Буланенькый *(помовчавши)*. Га?

Председатель. Теперь, господа, извольте отправляться; на первый разъ я васъ прощаю, но въ другой — будьте осторожны: я не люблю шутокъ! *(До Бразолія)*. А вы, милостивый государь, чтобы сію минуту обрили! Понимаете? *(Выходятъ)*.

Иванъ Степановичъ. Якъ не понять! У мене е дурень, що слывы стережо, такъ и той васъ пойме!

Председатель *(оглянувся)*. Что-съ?! Молчать, не разсуждать! *(Побѣгъ)*.

Я В А VIII.

Ти-жь безъ Председателя.

Пыщы-Муха. Оце намъ и закуска!

Горобець *(до него)*. Ну й вы жъ ему добре допеклы!

Пыщы-Муха. А що жъ то винъ дума, що я ему мовчатыму, чы якъ? Запровадывъ якусь дурныцю, якусь выдыгу, тай прыскае!

Ластивка. Эго, прыска неначе шапувалъ сукао моче! Та ажъ пидскакуе видъ злосты, мовъ те зиньске щеня!

Ив. Степ. Видкыля ёго выдралы таково? Невже тамъ вси такы въ Петенбурси?

Оома Петровычъ *(пидійшовъ до Бразолія)*. И якъ такы можна въ гражданскый вусы носить!

Ив. Степ. Та хочъ вы мовчыть: чортъ батька зна зъ чого таку куру пиднялы! Не то вусы, — и борода дилу не помиха!

Оома Петровычъ. А въ вызытній кныжци що вы нанисалы? Або на обявительному листу: „буду, хлиба-солы не цураюсь?“

Ив. Степ. Поцилуйте мене сегодня, а я васъ завтра!.. *(Пишлы)*.

(З а в и с а.)

КАРТИНА II

(У ТРАХТЫРИ).

Простенька мебель: стілъ, дзыглыкы, дзеркало, лнжко и всяке збижьзя.

Я В А I.

Оверко (*сыдыть била вкна*). Що це панъ мій такъ довго барытця? Сонечко вже почало звертаты на полудень, пора бѣ и выздыть, а ёго нема та й нема. Досыдытця до вечора, а тамъ, якъ выдемо, то й почне грызты тоби голову: „торкай-бо, торкай, поганяй швыдче!“ Та ажъ обрыдне тоби ота грызотня. (*Помовчавъ*). Ну, тай сумно у цимъ городи сыдиты: ни зъ кымъ ни побалакаты тоби, ни поспиваты... Хочъ бы у хвилькы зъ кымъ зограты, або у воза? Такой сумъ тебе обгорне, такой сумъ, — сказано: чужа сторона. Такъ нябы й чешъ, якъ вона тебе точыть, якъ та черва дерево, та сушыть тебе, та вялыть... Сегодня вже й спавъ, и ходывъ до памятникы, и ажъ до рнчки ходывъ, дыввся: видкыля Ворскло тече, здаеця що зъ Тахта у Ливкы? И на муштру солдацьку ходывъ дывтысь: муштрують бидныхъ людей, щобъ выще ногы пидіймалы, — и на дзвынцю лазывъ, выгядаты, чы далеко до нашего села? Манячатъ богато силъ, а нашего лыбонъ и не выдко!.. Бо такы жъ и далеченько; я такъ думаю, що видъ насъ до Полтавы буде верстовъ на двадцять, колы ще й не бильшь?..

Я В А II.

Иванъ Степановычъ *входитъ*.

Оверко (*оставъ*). Насылу я васъ дождався. Чы заразъ будемъ йихаты до дому?

Иванъ Степановычъ. Не твое дило! (*Ходъ по хати засмученный*).

Оверко. Я все вже купывъ: лехтю взявъ дви кварты, тарани тры десяткы, чакони...

Иванъ Степановычъ. Не прылпай!

Оверко. А силъ для овецъ мабуть визме-мо тоди, якъ будемъ ихаты до дому черезъ базарь. Тамъ ще Гарасымъ прохавъ, щобъ купылы ёму ремёню на чоботы!..

Иванъ Степановычъ. Чы тоби заципыть?

Оверко. Морока зъ вами тай годи! А потимъ мене жъ будете лалты, скажете: „чому не нагадавъ, якъ булы въ городи?“

Иванъ Степановычъ. Пиды геть зъ очей моихъ!

Оверко (*помовчавъ*). То коней запрягаты?

Иванъ Степановычъ. Геть, кажу тоби, кѣ бису!

Оверко. Чы не думаете вы й цю ничъ тутъ заночуваты? Ей-Богу не знаю, якъ вамъ, а що мени то тутъ такъ остогыдло, що я бѣ прыставъ на те, щобъ хочъ и заразы йихаты!

Иванъ Степановычъ. Мени, може, у десятеро бильшь остогыдло!

Оверко. Та чого тутъ зсоставтысь, я буду запрягаты!

Иванъ Степановычъ. Пиды ты пидъ тры чорты, надюивъ.

Оверко. Це щось дывне зъ вами подіялось! (*Пишовъ*).

Иванъ Степановычъ (*самъ*). Лизе мени въ вичи зъ своею нудьгою! Тутъ здаеця и на свить Божый не дыввся-бѣ, а вичъ зъ своимъ ремёнемъ прылпцае!.. (*Помовчавъ*). До дому, каже, пора! Чорта зъ два тутъ урвесся до дому; може й зовсимъ не пусгаты! Такъ отака-то служба на корысть ромагди? Ну, сучій сынъ буду, що колыбъ я оце не давъ прысягы, утикъ-бы, заразъ утикъ бы зъ Полтавы! Чы я кого зкрывдывъ, чы зобидывъ, чы, може, за грихы моихъ батькывъ я караюся що

таке лихо звалылося на мою голову! (*Сиди на дзыглыкѣ*). Ну що-жъ, давъ присягу, треба впрягатысь въ ярмо. (*Крычуть*). Оверко! Оверко!..

Я В А ІІІ.

Входять Оверко.

Оверко. А що, надумалысь вже? Запрягати коней?

Иванъ Степановычъ. Принеси мени заразъ окропу у малымъ горняти!

Оверко. Та вы-жъ учора голылися, на вищо-жъ той окропъ?

Иванъ Степановычъ. Не твое діло!

Оверко. Хіба чай пытмете, то краще я самоваря настановлю?

Иванъ Степановычъ. Окропу!

Оверко. Добре, принесу и скропу! (*Вертається*). Тамъ ще коваль казавъ, щобъ купылы тамлянки, та стали, каже, пиде оранка на зябъ, а лемеша не понаварювани!

Иванъ Степановычъ. Ты хочешъ мабутъ, щобъ я тобі шыю намыльв? Окропу, кажу тобі, принесу! Мени теперъ не до лемешивъ! Хай воно те хазайство пропаде тамъ, погные, нехай уси плугы и бороны поламаютьця, мени ничогисенько теперъ не треба.

Оверко. Та що це вы кажете?

Иванъ Степановычъ. Окропу! (*Помовчавъ*). Такъ отакъ-то, Иване Степановычу, чы думавъ ты колы небуть, що тебе спобижыть така напасть. Де тамъ? Тоби и въ голови николи не ройлося таке лихо!.. Скільки живу на свити, слава тобі Господи, вже шостый деслатокъ пишовъ, а ни хто ще на мене не крычавъ; ни зъ кымъ я не лаявся, — тилько де колы зъ жинкою. И сусиды мене поважали, и пиць що неділи, й що свята прѣскурую дарувавъ, и самъ губернаторъ, — якъ позаториць підносылы мы ёму адреса, — цилувавъ мене въ самисовькы губы... А тутъ и не всте-

ригся, видкиля та сварка вырвалася, бо дай ёму до смерти такъ пидскакувать та прыскать! Ну щобъ було хочъ вернутысь та вылаять гарненько иродона сына, може теперъ не такъ бы досадно було! А, щобъ тобі й твоему родови ни слывы ни вышни! Щобъ тобі и твоему родови що року гусеныця хрукту и овощъ зъидала! Щобъ тобі ни буряка ни капуста! Щобъ ты, докы й свить сонця, не бачывъ зъ свого баштану а ни огирочка! Чы сіють же тамъ баштаны у Петербурзи?

Я В А ІV.

Оверко.

Оверко (*несе окропъ*). Натє ось и окропъ, гарячий такый, ледве въ руци удержу. Чы й чаю достаты? (*Ставить горня на стілъ*).

Иванъ Степановычъ. Не треба чаю, иды собі! (*Оверко выйшовъ*). Защепнуты двери, щобъ хто не втыснулся! (*Защепнувъ двери*). Де жъ це мои бритвы? (*Выйма бритвы и рушныкы*). Осьдечкы вони! Ще якъ на злисть давъ позавчора цылюрныкови погострыты! Краще бъ було мени васъ забыты дома!.. Эге, забудешъ, колы сама Оекла Гаврыловна нагадала: „чы й бритвы, каже, визьмете зъ собою?“ (*Сиди проты дзеркала*). Ни, не хочу дывытысь у дзеркало, буду голытысь на мамай! (*Намылює вуса*). Чы довго жъ то треба заходу, щобъ зголыты губу? Черкъ разъ, черкъ у друге, и довги вуса упадуть на рушныкъ, якъ скошена трава; а острахъ бере, и руки тобі дрижать, на лоби холодный питъ выступа, нибы зовсимъ вмираты чоловикъ налагодився!.. Бачывъ я сѣгодня судейскыхъ панывъ у церкви, вси безъ вусивъ, таки брави та молоденькы! Чого доброго, може й я помолодчаю, якъ выголюсь? Воно, якъ розмиркуешъ гарненько, то ничогисенико

нема тутъ страшного... (*Лана себе за вуса*). Вже й мыло къ бису засохло!.. (*Намылюе знову*) Якъ розсудышь спокійно, то ажъ смихъ тебе розбера! (*Голе вуса*). Разъ ёго, у друге ёго! отъ и зовсимъ, и не вмерь, а жывысенъкий!.. (*Глянувъ у дзеркало и ухопывся мовъ ужаленый*). Ой, батечкы! калавурь!.. Хто це? Це не я, ей Богу, не я! Чортъ батька зна на кого похожий, и ротъ кривый, и щокы позападады, и нисъ похнюпывся: зовсимъ це не я, а нимецъ Адамъ Ивановычъ Фрыкъ. Щобъ мени до завтрёго не дожыть, колы брешу! Ой, лелечко, за вищо жъ це я занастывъ себе? Охъ, у першо, якъ жыву на свити, довелось мени зголыты вуса. Якъ бы знавъ, що такымъ паскуднымъ зроблюсь, то Богъ мене побый, колы бъ збрывъ; хочъ бы не то що падъ судъ, хочъ бы жылы зъ мене тяглы! (*Зитхнувъ*). И кому зъ того прыбуло, що я безъ вусивъ?.. Кому вони мишалы чы йсты, чы пыты, чы, якъ кажуть, вирую и правдою службы!.. Якъ я теперь до жинкы вернусь?.. Якъ я гляну въ вичи Марьи Уласовни? Краще утикаты свить за очи, або зъ кручы сторчъ головою! (*Сивъ на дзылыку*). Чы на те жъ я кохавъ васъ, мон чорни, щобъ на старисть заведбаты? Охъ, лыйтесь, гирки слезонькы, выльвайте мою печаль тяжку! Плачте, очонькы, не слезамы, а кровью!.. (*Мовчыкы плаче*). А якъ ще я бувъ молодой, не одна чорнобровка було, глянувши на мон вуса, збирала губкы на оборочку, не одна цилувала и мылувала ихъ! А теперь, це не я, а якась проява: малпа не малпа, смерть не смерть, а тилькы не я!.. Мій Боже мылый! За що жъ ты мене такъ люто покаравъ? (*Стукъ у двери*). Що воно таке стука? Чы не зновъ яка бумага одъ господына председателя, нашого начальника? (*Знову стукъ*). Заразъ, заразъ! Ну, та вже теперь тебе я не

боюсь; зхотилось тоби зробыты зъ мене нимця, дывысь же теперь на мене, хочъ нехай тоби й повывлазять!..

Оверко (*за дверыма*). Пане, видчынить. Ось прыйшовъ до васъ якийсь чоловікъ зъ бумагою!

Иванъ Степановычъ. Такъ воно й е, що зновъ клыче! Ось заразъ видчыню! (*Иде до дверей*). Ни, не хочу такъ! (*Вертаеця и бере рушныкы*). Чого доброго ще налякаю такъ Оверка, що чортъ батька зна куды забижыть! (*Замотуе рота рушныкомъ*). Отакъ краще! (*Видчыня двери*).

И В А В.

Иванъ Степановычъ, Оверко и сторожъ.

Оверко. Що це зъ вами, пане, почынылося?

Иванъ Степановычъ. Бышыха нарядылася! (*Сторожъ подае ёму бумагу*). Що це за бумага? (*Чытае*) „Отъ сего нижеписаннаго числа, имѣете вступити въ должность черезъ семь дней“. Ажъ черезъ симъ день? (*Роспысуеця, сторожъ пишовъ*). На що жъ я?.. Хочъ бы було ще хочъ зъ тыждень пожыты на свободи!

Оверко. Чы не ошпарылысь вы окропомъ?

Иванъ Степановычъ. А якъ и ошпарывся, тоби яке дило? Запрягай мерщій коней!

Оверко. О, бачте, якъ почало вечериты, то теперь и запрягай! Будете теперь цилу дорогу грызты голову: „торкай, торкай швыдче!“

Иванъ Степановычъ. Ни, не треба гнать коней, не треба, щобъ потомывъ!

Оверко. То збиратысь?

Иванъ Степановычъ. А ты жъ якъ думавъ? (*Оверко збира скаръ и увязуе*). Повдемо соби потыхсеньку, пидтюпцемъ, по хазяйски (*у бикъ*). Треба такъ наровыты, щобъ у ночи до дому прыхаты, бо жинка теперь не порожня, якъ гляне

разомъ на мене та злякаєтця, то ще, нехай винъ сказытця, приведе Адама Ивановича Фрыка (*одляєтця*).

Оверко. А за ременемъ та за сильно заидемо?

Иванъ Степановичъ. Не треба! Завтра кого-небудь нарочыто пошлю.

Оверко. Це вже якась новина. А знаете, пане, що я вамъ посоветую? Під-

ночуйте, бо вже скоро почне смеркати, а въ досвіта поидемо. А то ще якъ заблудемо.

Иванъ Степановичъ. Коней запрягай, чортова заблуда! Хай вона провалитця оця Полтава, щобъ я въ ній zostався. (*Пидходыть до дзеркала и лякаєтця*).

(З а в и с а).

Д І Я І І І.

Спальня у дому Бразолія. У праворучъ постіль, завишана сытцевою зависою, у ливоручъ кананка, дзыглыки и столы. На столи горыть сичка. Сутеніє.

Я В А І.

Оекла Гаврыловна и Марья Уласовна.

МАРЬЯ УЛАСОВНА. (*Спыва пидъ гытару*):

Вотъ мчится тройка удалая

Вдоль по дорожкѣ столбовой...

Оекла Гаврыловна. Годи, серденько, выть, годи, не такъ за сердце хапа вашъ спивъ, якъ у вухахъ видляскуе. (*Пози-ха*). Охъ, серденько, така журба, такый сумъ мене обгортае, — що й Господи! Такъ я пеклююсь, такъ боюся, щобъ часомъ не подіялося чого зъ Иваномъ Степановичемъ?.. Де жъ, голубочко, тилькы подумайте хочъ те, що оце видъ Семена пишовъ вже 23 рикъ, якъ мы одружилися, а й ни разу-жъ то Иванъ Степановичъ не выиздыли зъ дому на такый довгий часъ. Колы-не-колы, не въ ряды-годы поидуть було день на двое у ярмарокъ чы по якому дилови та й до дому мерщій; а це жъ вже шостый день, про нихъ а ни слуху, а ни висточки. А тутъ ще й сны що noci таки выжаютця, що ажъ страшно розказувати!..

Марья Уласовна. Заспокойтеся, Оекло Гаврыловно! Теперъ тамъ, знаете, зибралося дворянство зъ усій губерніи, то вже не безъ того, щобъ не зробыли склад-

чныи та не встроили такъ якого чы бенкету, чы обиды, чы вечерыны... Воно же вже такъ и подобае, такъ заведено видъ родытеливъ: що де достойне дворянство збиретця, тамъ и пыръ на весь мыръ!..

Оекла Гаврыловна. Та воно такъ, серденько, такъ, а все жъ страшно!

Марья Уласовна. Чулы новыну? Бяля Кобелякъ, у якимсь хутори, одна женська особа розродылася не дытѣмъ, а поросямъ! Кажуть, що настоящимъ такы поросямъ!.. Генеральшы Дрыгалевой прыкащыкъ такъ божывся, що своими власными очыма бачывъ... Каже: „не крычыть, якъ дытына, а кувика та хрюка!..“

Оекла Гаврыловна. За грихы Господь карае!..

Марья Уласовна. Именно, за грихы.

Оекла Гаврыловна. Сегодня тилько що лягла писля обидъ спочыты и ще й не заснула гараздъ, — ну сказать, такъ тилько-тилько що очи заплушыла, ажъ це выдылося мени, що бѣчимъ то де не взялась кишка, та така велика, — а й зъ роду не бачыла такыхъ велечезныхъ кишокъ, — дыка бѣ то, чы що? та якъ марвавене на мене, якъ визвиритця!.. То выпустыть пазурны, то зновъ заховае... Боже мій! А стрывайте! чуєте, неначе щось пришло? Ни, тыхо. Дали, зновъ якъ марвавене, якъ замаячыть, якъ скочыть на мене,

я я якъ голосну, та ажъ зъ лижка скотылася до долу!.. Зхопылася я, стала на ноги и не розберу, де я, и що зо мною... О, зновъ щось стукнуло!..

Марья Уласовна. Ни, то витерь, серденько, виконницею стука.

Өекла Гаврыловна. И справди витерь! А сама, вирыте, такъ и тремтю, такъ и тремтю — наче мене пропасныця тѣпае.

Марья Уласовна. Цей сонъ означа, що якыйсь ворогъ у васъ е! Кажете: то выпустыть пазуры, то заховае? Ворогъ, именно ворогъ! И такъ винъ прыпада, що ёму и хотилось бы васъ побороты, та не сыла ёго... А яка на масть кишка?

Өекла Гаврыловна. Сыва, сыва, така, сказать, сыва—якъ туманъ, або дымъ!

Марья Уласовна. То ще хвалите Бога, що сыва! Це означа, що вси замиры того лыхого чоловіка рэзійдутця, якъ туманъ, або якъ дымъ! Отъ якъ, звинить у цимъ слови, чорна кишка прыснутця, то вже не къ добру.

Өекла Гаврыловна. А такъ, такъ, не къ добру. Що разу якъ тилько побачу у снi чорну кишку, або собаку, що шырытця на мене, то то вже прикмета, що небавомъ посварюся зъ Ивановъ Степановичемъ! Охъ!.. А тутъ ще... (*Помовчавъ*). Чы не знаете вы, серденько, якого средствiя, або заговору, щобъ дитей не було? Такъ вже мени ти диты обрыдлы, такъ обрыдлы!..

Марья Уласовна. Средствiя можно буде достаты у генеральши Дрыгалевой. А то я чула ще, що у Києви, у Кытаевскый пустыни е такый пустелныкъ, который вычтуе.

Өекла Гаврыловна. Треба доконче достаты средствiя, або поихаты на прощу у Києвъ. Такъ вже мени ти диты обрыдлы та остогыдлы... Що мени клопоту зъ нымъ! Позавчора, чы вирыте, що зробылы мой хлопцы зъ бурсакомъ? Пишлы зъ нымъ до ричкы купатыся тай почалы

тамъ баблятыся у болоти, винъ на ныхъ и гримнувъ. Що жъ вы думаете, вони капостни диты взяли та й обмазали ёму всю одежу болотомъ... А потимъ старшый скочывъ ему на плечи, та й давай хвоськаты ёго батогомъ по жыжкахъ!..

Марья Уласовна. Що жъ, серденько, на те вони й диты, щобъ пустоваты: пидростуть—вылюднiють, то й поразумнищакуютъ! Генеральшы Дрыгалёвой онукъ, старшеныйкый, торикъ у Пылыпивку пшовъ у ночи зъ хвонаремъ до конюшни горобчивъ дерты та й спалывъ конюшни.

Өекла Гаврыловна. Сказано: дытына, не розсудливее... (*Позихае*). А кынъте, серденько, хочъ разокъ на картахъ, чы прыидуть сегодня Иванъ Степановичъ, та вже й спаты полягаемо... (*Позихае*).

Марья Уласовна. Та кынуты не штука, тилько наврядъ чы скажутъ правду: бо я вже сегодня гадала нымъ своiй Прозерпыни! А це вже звисно всему мирови, що колы хочешъ, щобъ карты сказалы тоби правду достометну, то треба ихъ на всю ничъ покласты пидъ подушку, и на тiй самiй подушци, пидъ которою вони ночувалы, треба й гадаты и гадаты однiй тилькы особи, тоди вже вони якъ вь око влиплять! Сегодня я вже нымъ годала на одну особу. А й хто жъ та особа?—Моя Прозерпына. Гадала iй, звинить у цимъ слови, про iн ламура—засидателёвого кучера! (*Взяла карты и выняла короля, дае Өеклы Гаврыловни*). Одначе попробую! А нате, визьмыть краечокъ карты у губы, та й думайте, може що-небудь и выйде! (*Өекла Гаврыловна бере карту у губы*). А теперь помишайте карты та й сдiймыть! (*Росклада карты*).

Я В А II.

Входыть Орышка.

Орышка. (*Несе на рукахъ хлопця годъ десяти*). Ну, осьдечкы тоби и ма-

ма, чога жь тутъ не ревешь? Вже всихъ повкладала, а зь цымъ ничего не вдію. Ну, чога жь мовчышь? Нехай вже цей спыть зь вами на кровати. (*Кладе его на кровать*). Мыкола такъ мене ударывъ у груди нижкою, що я ажъ заточылася, ледве, ледве не впала... Чы не пора бь и вамъ лягаты, на слободи вже скрызъ погасылы свитло; а собаки такъ страшенпо выють, чы не зверь пидходить до кошарь?

Марья Уласовна. Скынъ зь ливои ногы черевыка та переверны его пидшовою до горы и поклады носкомъ до порога—заразъ выты перестануть, заразъ такъ и зацпыть имъ! (*Орышка пишла. Марья Уласовна розклала карты*). Охъ, якъ же вамъ чудесно выпало! Думаютъ объ васъ Иванъ Степановычъ, уси думкы свои до васъ наворачаютъ... А осьдечкы и пиздня дорога до своего дому О, якась имъ пошаноба була велика... А осьдечкы свиданіе у собственнымъ дому, пры собственнымъ интереси...

Өекла Гаврыловна. То, кажете, гарно выпала?

Марья Уласовна. Дуже, дуже гарно!.. А це вже якась прыятна бесида зь пожылымъ чоловікомъ... Червовый интересъ...

Я В А III.

Входитъ Орышка.

Орышка. Ну, скажыть на млысть Божу! такъ якъ разъ вчынылося, якъ вы сказали: не вспила перевернуты черевыка, якъ вси собаки замовкы. А чымъ мы завтра будемъ выпарюваты глечыкы, ще деревію зовсимъ нема? (*Позихае*). Та чы вы скоро покынете ворожыты?

Өекла Гаврыловна. Лягай соби, хйба тоби хто бороныть?

Орышка. И на що бь те свитло даромъ збавляты? Хйба не можно поночи розсказуваты, колы не спытця?

Марья Уласовна (*зйбрала карты*). Дуже, дуже гарно вамъ выпало! (*Позихае*). А шо, Орынйе, чы вже перши пивны спывалы?

Орышка. Хи, вже ось незабаромъ и други заспывають!

Өекла Гаврыловна (*зз лякомъ*). Справди? Оце якъ мы забалакалыся. Часы зупынылыся ще позавчера, то й не знаешъ, яка теперъ годына.

Орышка. Ажъ сумно якось у хати, неначе у пустци, що не чуть, щобъ цокалы.

Марья Уласовна. На добра ничь вамъ, мое серденько! Пиду вже я спочываты.

Өекла Гаврыловна. Орышко, чы ты постелыла постиль за для Марьи Уласовны, у гостыній-спальни?

Орышка. Оце чудасія, неначе я не знаю?

Өекла Гаврыловна. А перыны перебыла?

Орышка. И Господы! ще що-небудь спытайте?

Өекла Гаврыловна (*Марьи Уласовни*). Може бь вамъ звелиты пяткы почесаты?

Марья Уласовна. Ни, дякую!

Өекла Гаврыловна. Спочывайте здорови, моя голубонько! (*Марья Уласовна пишла*). Охъ Боже мій, Боже мій, чога то нашъ панъ такъ довго барытця?

Орышка. Эге, ажъ страшно, якъ нема ихъ дома, неначе яка хороба перейшла черезъ село, або татарва!.. Никому на тебе ни гримнуты, ни наляты!.. Вже нашъ панъ до всего вдатни: и гриматы майстеръ, и на жарты мйтець! а якъ прыймутьця ляаты, то краще й не треба!

Өекла Гаврыловна (*ляга на постиль*). Буду зодягнена спаты, може у ноци Иванъ Степановычъ прыидуть?

Орышка. И чога бь то вони попленталысь у ноци! хйба мало дня?

Өекла Гаврыловна (*помовчала*). Ты-бь, Орышка, розсказала яку казку, щобъ не такъ сумно було?

Орышка. Та яку-жь? Вамъ якъ почнешь розказуваты страшну, то вы цилу ничь не спыте, та жахаець!..

Өекла Гаврыловна. Ни, цуръ ий страшній, не розкажуй — тутъ и такъ сердце замирае!..

Орышка. Хиба про Лева та Пролева?

Өекла Гаврыловна. Розкажы! Я оціи ще не чула льбонь?

Орышка. Отакъ-пакъ! Мабуть вже разивъ зъ двадцять я ии и вамъ и дитямъ розказувала.

Өекла Гаврыловна. Отъ же не памьятаю!

Орышка. Ну, то слухайте! *(Ляга доли)*. „У якимсь царствіи, не нашымъ осударствіи, за моремъ-кыномъ, за бурменськыи степамы, за страшеннымы горами, ажъ за Кыивомъ, на конци свита: де небо хмарами черкае за землю, на сонци варять страву, а на рогахъ у місяця сунать сорочки... у великый приври, у бездонній бескети жывъ соби Левъ... *(Позихае)*. Ой, Господы нашъ Мылосердний!.. Чы вы спыте?

Өекла Гаврыловна *(дримаючи)*. Слухаю, слухаю!

Орышка. Та ото кажу, жывъ соби Левъ... Разъ пишовъ той Левъ на розбуткы у лисъ; ажъ зыркъ, такъ гинъ за трое, а може и бильшъ, иде ему на зустрічъ якась проява. А хто жъ та й проява? Сказать просто... цыганъ! Отъ Левъ якъ зареве, якъ заквыльсть!.. Цыганъ ажъ пополотнивъ зъ переляку, одначе, що то цыганьска пара! — заразъ такы очумавел, та якъ гукне и соби до того Лева: „А чого це ты, каже, такъ ревешъ, що у мене ажъ нибы щось за вухомъ шкребе?“ Чы вы слухаете?

Өекла Гаврыловна *(кризь сонз)*. Слухаю!..

Орышка. Хто ты такый, що взявъ соби волю реветы на вась лисъ? — пытае цыганъ. — Я Левъ! — Ты Левъ, а я Про-

левъ! Стало быть, я старшій видъ тебе!* Ну, колы такъ, каже Левъ, то будьмо братами? — Чы вы слухаете?.. Добре слухаете, що вже й захроплы! Абы тилько до лижка, то вже и хрупуть... *(Позихае)*. И колы тилько вони высплятця? Писля сниданку сплять, писля обидь сплять, писля полудня сплять!.. Добре панамъ! А нашъ братчыкъ тилько и спыть, що у ночи, та тамъ на яку хвыльнку прыляжешъ писля обидь, -- ото тилькы й твого!.. Ще на свить не поблагословытця, а ты вже товчесся... съ коморы у хату, а зъ хаты у комору, а тамъ зновъ у погрибъ, або до... *(Дримае)*. На Маковія ото, якъ сватылы зилля... чотыри глечкы сметаны... не затовчешъ саломъ, то вже то не борщъ тоби... Що чаплія то не рогаць... задымыла геть кашу... а воно якъ полахне... глечкы деревіемъ выварюваты... *(Заснула. Настае тыша; черезъ невеликый часъ щось заторохтило, нибы пидзыхало до хаты, почалы гавкаты собаки)*.

Я В А І V.

Иванъ Степановычъ.

Иванъ Степановычъ *(гука на двери)*. Тю, дурни, хазяина не признали! *(Входытъ у хату)*. Не знаю, чы будыты жинку, чы прокрастысь до другои кимнаты? *(Натыкаецця на стиль)*. Що воно за чортяка: стиль, чы що? Переставылы его безъ мене, чы що? здаецця, на цимъ мисци стола не було!..

Өекла Гаврыловна *(проснулася)*. Льбонь хтось увійшовъ у хату!

Иванъ Степановычъ *(пидходе до кровати)*. Вы ще не спыте, Өекло Гаврыловно? *(Хоче ии поцилуваты)*.

Өекла Гаврыловна. Хто се? *(Бьсе его по губахъ)*. Ой лыщечко!.. Злодій!.. Орышко, вогню, вогню!.. *(Орышка схо-*

пылася и свите свичку, дытына пидняла ревы).

Иванъ Степановычъ. Та, Господь зъ вами, Оекло Гаврыловно, чога це вы такыи галась пиднялы?

Оекла Гаврыловна. Не пидступай, не пидступай!

Орышка (*прывсичуе*). Хто це?

Оекла Гаврыловна. Ой лышенько, щось чуже! (*Прывдвляецця*). Що це зъ тобою сталоса? Чы ты жывый, чы ты мертвыи?

Иванъ Степановычъ. Тымъ то и мое лыхо, що жывый!

Оекла Гаврыловна. Що зъ тобою зробывъ оглашенный?

Иванъ Степановычъ. Се жъ дяка тоби: тепереньки вже не буду байддыкы быти та зъ Марією Уласовною въ марьяжа граты!..

Я В А В.

Выходять Марья Уласовна.

Марья Уласовна. Насылу васъ Господь прынесъ!. Я тилько що задримала, ажъ чую... (*Глянула на него*). Що це зъ вами?..

Оекла Гаврыловна. На що жъ ты ты вусы збрывъ?

Иванъ Степановычъ. Теперъ состою на гражданскый, а потому право ношенія усовъ на мене не распространяетця.

Оекла Гаврыловна. Чы винъ пьяный, чи здуривъ? Ой, Боже-жъ мій, що жъ це зъ нымъ подіялось! Охъ доленько жъ моя нещасливая!.. (*Плаче*).

Орышка. Це вже мабутъ кинецъ свитови наступае! (*Бере дытыну за руку и веде*). Цыть, цыть!., Перелякалы дытыну, глядидь, щобъ не довелось переполоху выльваты. Ходимъ у ту кимнату. (*Повела*).

Марья Уласовна. Дывлюсь и очамъ своимъ не вирю! Ни, це не Иванъ Сте-

пановычъ, а якась, звынить у цимъ слови, проява, якась малпа!.. Ажъ глянуты на васъ гыдко!..

Иванъ Степановычъ. А вы думаете, мени легко дывытця на свить Божый? (*Хлыпае*). Перестаньте, курипочко моя, Оекло Гаврыловно, хлыпаты — не поможете; тилько себе розтревожуете та мени жалю завдаете своимъ тяжкымъ смуткомъ. (*Сивз и пидперся рукою*).

Оекла Гаврыловна. Охъ, якъ жо мени не плакаты? Булы на чоловика похожи, а теперь... Це я, я винна, що пиддохочувала васъ до гражданскый!.. Охъ, не дывытця на мене, бо я збожевилю; або хочъ рукою затуляйте те мисъце, де булы вусы!..

Марья Уласовна. Та хто жъ це вамъ звеливъ зголыты вусы?

Иванъ Степановычъ. Его превосходительство господынъ председатель, нашъ начальныкъ!..

Марья Уласовна. Стало быти, така-бъ то мода? Отъ и у генеральши Дрыгалевой поваръ зъ Москвы и лакей!..

Иванъ Степановычъ. Законъ такыи е: колы въ гражданскый состою, то право ношенія оцего волосся, що поверхъ губы, на мене не распространяетця.

Оекла Гаврыловна. И выдумаютъ же такыи законъ, щобъ знивечыты людну.

Марья Уласовна. Може це тилько обманомъ, щобъ поглузуваты падъ вами? Адаже жъ памятаете, якъ покойный капитанъ-справныкъ Иванъ Даныловичъ Жлутко зибравъ до себе своихъ жыдивъ-шынкаривъ, тай почавъ имъ стрыгты пейсы та бороды, кажучи, що такыи законъ свижо выйшовъ!..

Иванъ Степановычъ. Такъ тожъ жыды! Зъ жыды тильки той не глузуе, котрый линуетця; а я жъ хрыстыяныи?

Я В А VI.

Входитъ Орышка.

Орышка. Хтось прихавъ зъ дзвинкомъ, пытае, чы дома панъ? (*Пшла*).

Иванъ Степановычъ. Хто-жъ бы то такъ пизно? Треба хочъ затулыты губу, а то ще на глумъ пидійме! (*Затуля хусткою губы*).

Я В А VII.

Входитъ Захарченко.

Захарченко. Выбачайте, що у ночи прямо лизу до васъ, у господу. Йду солемъ, дывлюсь, свитытця у вашихъ горничныхъ; дай, думаю, провидаю, давно не бачывся. (*Чоломжаютця*). Здрастуйте, Оекло Гаврыловно, Маріе Уласовно! Ну, якъ же васъ Богъ мылуе?

Оекла Гаврыловна. Краще вже и не пытайте! .

Захарченко. А що тутъ таке трапилось, що за прыгода?

Оекла Гаврыловна (*показуе на Ивана Степановича*). Отъ подывитця!

Захарченко. Здоровъ, Иване Степановичу, якъ ся маешъ? Та що це зъ тобою, братыку?

Иванъ Степановычъ. Пропадаю. Се й моя черга за мною прышла!

Захарченко. Та не брешы, тебе ще й полиномъ не добыешъ. Тилько дуже спаскуднивъ: чого це?

Иванъ Степановычъ. (*Открывае гулу*). Хиба вамъ повилазлыло?

Захарченко. Вусы збрывъ?

Иванъ Степановычъ. Эге.

Захарченко. На биса?

Иванъ Степановычъ. Нечыста маты въ гражданську понесла, такъ тешеречкы право ношенія усовъ на мене не распространяетця.

Захарченко. Хто се тоби выгадавъ?

Иванъ Степановычъ. Его пре... тее, щобъ ему добра не було!

Захарченко. Брехалы его батька сыны. та й винъ зъ ными. Ты жъ зъ мундыромъ въ отставци?

Иванъ Степановычъ. Такъ що?

Захарченко. Такъ колы мундыръ на тоби, такъ и вусы пры тоби!

Иванъ Степановычъ. Ей Богу?

Захарченко. Побачышь, я тоби й указъ дамъ.

Иванъ Степановычъ. Батьку мій ридный, на свѣтъ ты мене народывъ. (*Кыдаецця до сго обниматы и цилуваты*).

Захарченко. Ну тебе бъ бису, якъ шылькамы шыгаешъ!..

Оекла Гаврыловна. Охъ, одъ сердца видлягло! Спасыби вамъ, Грыгорій Грыгоровычъ!.. Ей Богу, колы бъ вы оце не прихалы, то може бъ я до ранку и вмерла.

Марья Уласовна. Спасыби вамъ. мерси, що выдволалы видъ напасты нашого достойного Ивана Степановича!..

Захарченко. Колы мундыръ на тоби, той вуса пры тоби!

Иванъ Степановычъ (*зразу повеселивъ*). Справди? Ты часомъ не обдурюешъ?

Захарченко. Завтра тоби и указъ дамъ!

Иванъ Степановычъ. Оекло Гаврыловно, дилайте порядокъ! Нехай намъ заразъ подадутъ сюды наливкокъ усякыхъ. покы тамъ самоваръ поспіе. Я вже й не зяю, якъ мени тоби дякуваты?

Захарченко. Скажи спасыби, тай и годи! (*Оекла Гаврыловна и Марья Уласовна кынулись клопотаты*). А потимъ дай чарку-другу запиканкы тай и квытъ!

Иванъ Степановычъ. Ну, колы ты мени дасы указа, то вже й я тоди сважу. що мабутъ тому и не брехня, що люде про тебе розказуютъ: що винъ, кажуть. и въ чорта тяжбу выиграе!..

Захарченко. Я тобі скажу, братику: законъ—то очи для чоловіка! хто не знає закона, той слипий!

Иванъ Степановичъ. А такъ, такъ! *(Фекла Гаврыловна и Марья Уласовна подають на стілз закускы и пытво).*

Фекла Гаврыловна. Отъ же мабутъ не даромъ, Григорій Григоровичъ, сердце мое завже до васъ лежало?

Захарченко. О, справди?

Иванъ Степановичъ. Ото правда! Якъ тилько про кого зайде балачка, то вже Фекла Гаврыловна заразы тебе и згадують: нема, кажуть, на свити розумнищого чоловіка надъ Григорія Григоровича!

Марья Уласовна. Дуже, дуже вони васъ похваляють!

Захарченко. Спасыби вамъ, Фекло Гаврыловно! Я васъ тако жъ разъ у разъ почитую и шаную, якъ достойну особу!

Иванъ Степановичъ. Ну, выпьемозж на радощахъ! *(Нальвають и выпывають).* Тешерь у мене и апетытъ явився, а то й ижа на думку не йшла! *(Закусують).*

Захарченко. Я вамъ скажу, що не дуже густо у насъ у повыти такихъ людей, щобъ налапали той законъ, якого треба, зъ де бильного шукають, шукають, та й плюнуть...

Иванъ Степановичъ. А такъ, такъ!.. Та отъ я хочъ и про себе скажу: колы бъ мени его превосходительство сказавъ, що право ношенія не то вусивъ, головы на моихъ плечахъ не распространяетця, то я бъ, здаетця, не думавшы довго, зотнувъ бы голову, та такъ бы й ходивъ. Щобъ я пропавъ, колы брешу!

Захарченко. Ну, це ты вже замолвся: якъ же безъ головы ходыты?

Иванъ Степановичъ. А правда, що безъ головы якось... Це вже я зъ радо-

шивъ и самъ не знаю, що плещу, та вже, брате, знаешь шо?

Захарченко. А шо таке?

Иванъ Степановичъ. Колы вже хочешъ зробыты добро чоловікови, то робы швидче. Давай оце заразы и поидемо за указомъ?

Захарченко. Нехай же хочъ трохи кони видпочынуть.

Иванъ Степановичъ. Колы бъ тилько й клопоту, що кони! А въ мене хоба ихъ мало?

Я В А VIII.

Ти жъ и Орышка *(вносытъ самоваръ).*

Орышка. Вже трети пивни спивають! Вже люде добри встають, а мы ще й спаты не лягаль!

Иванъ Степановичъ. Що вичъ? Ничъ одна не въ зачотъ, за те буду зновъ зъ вусамы!

Орышка. Та на шо жъ було ихъ й голыты? Учора булы зъ вусамы, сегодня безъ вусивъ, а завтра знову зъ вусамы? То такъ до васъ и не презвычайеся ни зъ якого боку!..

Иванъ Степановичъ. Бо вчора думавъ, що не распространяетця, а сегодня, бачъ, вже знову распространяетця!

Орышка. Говорить соби, глузуйте!.. Не розберу я вашихъ паньскихъ хымеривъ *(пишла).*

Иванъ Степановичъ. Поклычъ заразы сюды Оверка та скажы Шелестянови, щобъ коней мерщій запрягавъ, що бъ живо мени. Колы бъ швидче йихаты!

Захарченко. А, якый бо ты петерпличый! Ось выпьемоз по стакану чаю, тай у дорогу.

Иванъ Степановичъ. Ось якъ мы зробымо! Моихъ коней запрягты, а твои нехай одпочынуть; збигаемъ до тебе, а потимъ вернемоз сюды, и такый задамъ бенкетъ, що ажъ у Полтави вси судейски ковтатымутъ слыну!

Захарченко. Нехай буде й так!
(*Входить Оверко*).

Иванъ Степановичъ. Скажи Шелестянови, щобъ заразъ запригъ коней. Що винъ зробивъ зо мною дорогою оцей дурноляпъ, смихъ тай годи!

Оверко. Эге, добре вамъ сміятсь, а мене такъ и доси неначе пропасниця трясе. Де жъ—, йдемо до дому, а я й не знавъ, що вони зголыли вуса, поганяю соби конячокъ, колы це зыркъ назадъ, ажъ дывлюсь, на нашій натичанци сидыть щось чуже та таке страшне, та гыдке, а пана нема. Якъ скочивъ я зъ брычки, та якъ побіжу... воно гука на мене: „вернись, вернись!“ а я ще дужчь втикаю.

Иванъ Степановичъ. Одбигъ такъ якъ зъ пивъ гинъ, ставъ тай гука: „признавайся, хто то сидыть на нашій натичанци?“ Та це я! кажу.— Неймо мени виры, бисивъ сынъ, тай годи. „Голосъ, каже, вашъ, тилько це не вы, пане, а мабутъ перевертень“.

Оверко. Бо мени такы и здалось, що то перевертень, або вовкулака; колыбъ вы не зняли шапки, та ажъ трычи не перехрестылись, то я, Богъ зна, куды забигъ-бы.

Иванъ Степановичъ. Потимъ вже йдемо дорогою, то я тилькы обизвусь до него, винъ зыркъ на мене, та заразъ и шепоче; „святъ, святъ...“

Оверко. Та де жъ, зовсімъ не на чоловика стали похожи, а на щось таке, що й вымовыты соромно!.. (*Пишовъ*).

Марья Уласовна. У генеральши Дрыгалёвой лакей Сержій тожъ зголывъ соби вуса, ну такый же винъ, звывитъ, паскудный ставъ, достометный бульдогъ собака зъ вышкыренными зубами!..

Иванъ Степановичъ. Слухай, Грыгорій Грыгоровичъ, може ты це мене пиддуривъ, щобъ тилькы заспокоиты?

Захарченко. Ну и якъ такы я стану пиддуриваты чоловика тоди, якъ винъ на ладанъ дыха!

Иванъ Степановичъ. А такъ, такъ!.. Пропавъ бы я, якъ бы тебе Господь не прынисъ; я й не знаю, щобъ оце тутъ діялося у моій хати?.. Вавылонъ бувъ бы, настоящий Вавылонъ!..

Оекла Гаврыловна (*входить*). Кони готови!

Иванъ Степановичъ. Ай, Шелестянъ, молодець! За це завтра подарю ему пивъ-смущка на шапку.

Захарченко. Ну, достойна Оекло Гаврыловно! прощайте жъ до якого часу!

Оекла Гаврыловна. Вертайтесь худчищъ, рады Бога не барытця!

Иванъ Степановичъ. Чы добрыхъ коней запригъ Шелестянъ?

Оекла Гаврыловна. Моргунчыка та Задрыцу!

Иванъ Степановичъ. О, ти въ скачъ повезуть. Ну, прощайте до якого часу, дай Боже, щобъ усе благополучно! (*Идутъ*).

Захарченко. А де жъ твоя шапка?

Иванъ Степановичъ. Тю, зъ радощивъ и про шапку забудъ! (*Взявъ шапку*). Дайте ще й шархва замотаты губу, а то бисови собаки зновъ не признають, пидіймутъ галасъ. (*Замотався шархвожъ и пишовъ*).

Оекла Гаврыловна. Орышко, буды всю двирню, годи спаты. Заразъ почнемо готовытсь до бенкету.

Марья Уласовна. И я вамъ поможу. Отъ и генеральша Дрыгалёва безъ мене а ни на ступинь. Чы дрижи у васъ е: покажу вамъ, якъ робыть генеральшинъ поварь пиригъ на слывахъ.

(Зависа).

Д І Я І V.

ЧЕРЕЗЪ ДВА МІСЯЦА.

Присутственна кимната. По середини великій стілъ, за котрымъ сидятъ члены; збоку пидъ стиною невеличкій столъ секретаря. Въ одномъ углу шкафа зъ диламы; на вивнахъ и доли лежать купамы дила и бумагы.

Я В А І.

Пыщы-Муха, Горобецъ, Ластивка и Оома Петровычъ.

Пыщы-Муха. А що, Оома Петровычъ, чы багато ще тамъ zostалося не пидписанныхъ бумагы?

Оома Петровычъ. А звисно що багато! Потому, ежели вы, Кырыло Онуфріевычъ и на дали такъ будете робыть, що кожду бумагу перечытуватимете по десять разивъ, то у насъ черезъ годъ будуть цили ворохы не пидписанныхъ бумагы.

Пыщы-Муха. Що жъ подіете, Оома Петровычъ, колы я люблю, щобъ усе було аккуратно; я привыкъ зъ молоду ще всяку бумагу, скільки небуть замичательну, вивчыты на память: не тилько отъ якого чысла, года и за якимъ номеромъ; но даже и текстъ оной. Поелыку же мои товарищы Спырыдонъ Харлаповычъ и Игнатъ Виссаріоновычъ люде въ дилахъ канцелярскы-ухыщренныхъ мало свидуши...

Горобецъ. А такъ, такъ, я вже зъ мисяць прыдывляюсь до всѣго, а й доси ничогисенько не помлю: пидписую, що пидсунуть, та й тилько!..

Ластивка. Я спершу цікавився, передывлявъ де-де яки бумагы, щобъ уразумити суть оныхъ; що-жъ, дывнися, дывнися якъ у воду, а дали й махнувъ рукою.

Пыщы-Муха. Того рады я и не пропускаю ни одній бумагы, не изучивъ ии зъ усихъ сторонъ.

Ластивка и Горобецъ. Спасыби вамъ, Кырыло Онуфріевычъ, що хочъ вы за насъ усердствуете!..

Оома Петровычъ. Поусердствуютъ ще зъ мисяць, то й вони угвтаютця! Выдали мы вже на своимъ вику и не такихъ басныхъ, та усъковалысь скоро...

Пыщы-Муха. Отъ вы вже нибы й гниваетеся?

Оома Петровычъ. Потому, що, говоря откровенно, вы своими промедленіями можете до невыроатной томительности довести чоловіка.

Пыщы-Муха. Знаете, Оома Петровычъ, есть поговорка: двадцать разъ прымирь, а одинъ разъ одрижь! И я чту сію поговорку и по ній соизмиряю вси свои поступкы.

Горобецъ. А хибы други члены, котри до насъ служыли, не такъ робыли якъ мы?

Оома Петровычъ. Кырыло Онуфріевычъ, якъ булы секретаромъ у земскимъ суди, то морылы канцелярскыхъ отъ зори до зори!

Пыщы-Муха. Що жъ, що правда, то не грихъ! Любывъ всегда усердствовать и другихъ прыгонявъ до пради.

Оома Петровычъ. Що говорыть, бувають строги начальныкы несправедлывы, котри доводятъ людей до путя, многихъ постановляють на путь истынный, на стезю добра и благоденствія. Бувалы таки начальныкы, котри казалы такъ: берить взяткы: я никому не бороню! Берить, вси берить, тилько за дило; колы взявъ, то зроби дило аккуратно и честно!.

Пыщы-Муха. Вы куда жъ це клоните?

Оома Петровычъ. А туды, що отъ хочъ бы и сказать и про господына нашего председателя; хиба такы бувалы першъ председатели? Достойнійши и мудрійши бувалы начальныкы, многихъ и многихъ выводыли въ люде. Напрыкладъ Антонъ Дмитровычъ Зозулька. А хто винъ,

хочъ бы и той Зозулька, зъ якого роду? Изъ кантонистивъ! А теперъ начальникомъ отдиленія въ казенній палатѣ; иміе два дома камьяни, капиталъ тысячъ на двадцять и дитей вчыть по гимназіяхъ... Або Авросій Лаврентіевычъ Загныхвистъ—паламарський сынъ, тай тилько; а ныни въ чыни надворного совитныка, въ до- статкахъ и пры капиталы... А хто ихъ вывивъ въ люде?..

Я В А II.

Входятъ Председатель.

Председатель. Мое почтеніе, господа! Все (*встають и кланяются*). Имъ- емъ честь.

Председатель (*держитъ въ рукахъ пакеты*). Ома Петровычъ, что это у васъ бумаги посылаются на почту, въ небы- валье города?

Ома Петровычъ. Какъ, ваше про- восходительство, не можетъ быть, чтобы сіе учынялось?

Председатель. Какъ не можетъ быть? Да что же, я лгу, по вашему, лгу? Из- вольте-сь посмотрѣть: „въ Таврическую губернію, въ городъ Таврію!“ Что это такое? (*Чытае другой пакетъ*). „Въ Бессарабекую область, въ городъ Бесса- рабію!“ Въ Донскую область, въ городъ Донъ. Гдѣ вы нашли эти города?

Ома Петровычъ. Бумаги посыла- ются по... по... существу, ваше превос- ходительство, и по бытію оныхъ городовъ.

Председатель. Никогда такихъ горо- довъ не существовало!..

Ома Петровычъ. Помилуйте, ваше превосходительство, даже пѣсня есть, ко- торая поѣтся:

„Ой по гори та сунныченьки,

А въ долини полуныченьки,

Пишовъ мылый на Динь по силь,

А мылая у черныченьки.“

Председатель. Вы вздоръ замолоти. Повторяю вамъ, что такихъ городовъ ни-

когда не существовало. Чортъ знаетъ, что такое творится!.. Я ужъ не говорю о вашемъ безграмотномъ и безтолковомъ со- ставленіи бумагъ, я не рожденъ въ сферѣ канцелярской процедуры и чуждъ всѣхъ этихъ казуистическихъ измышленій и по- тому, а... но согласитесь сами, что это. Да, повторяю, что такъ невозможно!.. Потрудитесь купить географію Ободов- скаго и тамъ вы прочтѣте, что въ Тав- рической губерніи губернской городъ— Симферополь, въ Бессарабской области— Кишиновъ, а въ Донской—Новочеркасскъ.

Ома Петровычъ. Запамлтую, ваше превосходительство, ибо я допрежъ сего не вѣдалъ и въ помышленіи не имѣлъ, чтобы губернскіе города не по имени губерній именовались.

Председатель. А вотъ еще одинъ антикъ. (*Показуе папиръ*). „Здѣшнему Капитанъ-Исправнику, въ г. Здѣшенскъ?..

Ома Петровычъ. Такъ точно, въ го- родъ Здѣшенскъ.

Председатель. Да что вы чепуху плетете? Здѣшнему значить мѣстному— понимаете? т. е. нашему капитанъ-ис- правнику, а не какому-то: — „здѣ- шенскомъ!“

Ома Петровычъ. Не сообразилъ, ваше превосходительство!

Председатель. И часто вы посы- лали бумаги, напримѣръ, въ городъ Бес- сарабію?

Ома Петровычъ. Случалось неод- нократно!..

Председатель. Какъ же это на почтѣ принимали?

Ома Петровычъ. По знакомству, ваше превосходительство!

Председатель. Чтобы у меня этого больше не повторялось,—слышите? Прошу помнить, что городовъ: „Донъ, Таврій и Бессарабія“—нѣтъ и никогда ихъ не было! Вообще я удивляюсь, какъ это вы попали въ секретари.

Оома Петровычъ (*на бикъ*). Я самъ удивляюсь.

Председатель. Совѣтую вамъ купить географію и читать её: это будетъ вамъ гораздо полезнѣе, нежели бѣгать по трактирамъ,—строчить тамъ какія-то ябеды да выворачивать карманы у просителей.

Оома Петровычъ. Никогда сего не случилось.

Председатель. Ну ужъ, пожалуйста, не говорите, я знаю васъ.

Оома Петровычъ (*помовчавъ*). А на географію г. Ободовскаго прикажете изъ казенныхъ суммъ употребить?

Председатель. Нѣтъ-съ, изъ вашего-съ жалованья. Повѣрьте мнѣ, что это будетъ вамъ очень полезно. Замѣтите на будущее время вотъ что: при составленіи важныхъ бумагъ обращайтесь за совѣтомъ къ Кириллу Онуфріевичу, какъ къ человѣку толковому и многознающему.

Оома Петровычъ. Исполню совѣтъ вашего превосходительства.

Пыщы-Муха. Я радъ стараться, ваше превосходительство, на пользу отечества, по толику—по колику возмогутъ помочь мнѣ въ семь случаѣ мой разумъ, память и мои долготѣни пріобрѣтенныя свѣдѣнія.

Председатель (*сидя на свое мисѣ*). Да, я вамъ серьезно совѣтую, Оома Петровычъ, свои манеры на счетъ просительскихъ кармановъ бросить, если дорожите мѣстомъ; и отъ нынѣшняго дня вообще за всѣми свѣдѣніями обращайтесь къ Кириллу Онуфріевичу!

Оома Петровычъ. Будетъ исполнено. Запомаяту, ваше превосходительство!

Пыщы-Муха. Вторично докладываю вашему превосходительству, что почту своей священной обязанностью руководить и напутствовать нашего уважаемаго секретаря Оому Петровича во всѣхъ многотрудныхъ случаяхъ...

Председатель. И прекрасно!

Пыщы-Муха. Да, ваше превосходительство, да! Ибо нѣкій мудрецъ изрѣкъ въ своёмъ бытописаніи, что „одинъ въ полѣ не воинъ!“ Ежели человѣкъ человѣку оказываетъ содѣйствіе, то симъ онъ оказываетъ услугу общему преуспѣянію и благополучію...

Председатель. Разумѣется!

Пыщы-Муха (*гаряче*). О, разумѣется! Человѣкъ же, не радѣющій своими знаніями съ ближнимъ, достоинъ хулы и порицанія, потому что ежели бы...

Председатель. Да, да, конечно! (*вытираетъ носъ въ бумаги*).

Пыщы-Муха (*гаряче*). Конечно, конечно! Потому что ежели бы человѣкъ не знающій, до кого бы то не обратился изъ своихъ ближнихъ, получалъ бы отъ оныхъ вмѣсто разсужденій, совѣтовъ и наставленій,—едьное молчаніе, либо мычаніе, выражаемое звуками: „гмъ, хмъ, тексъ, ага!“ и прочее сему подобное, то людей тѣхъ, рекомыхъ ближнихъ, можно уподобить скотамъ и тварямъ...

Председатель (*у бикъ*). Онъ меня уморить. (*До него*). Совершенно съ вами согласенъ. Но прекратимъ разговоръ и примѣмся за дѣло.

Пыщы-Муха. Дѣло прежде всего. (*Сидя и пьетъ*).

Горобецъ (*до Ластивки*). Ну, тай говорить Кырыло Онуфріевичъ, неначе по писаному!

Ластивка. Выдко, що не одну книгу проковтнуть.

Горобецъ. Именно, якъ кажутъ; „оцей зывъ быблію!“

Пыщы-Муха (*вытеръ перыну и заткнувъ за вухо*). Но всё же позволте мнѣ, ваше превосходительство, болѣе ясно и обстоятельно изложить мою мысль, по пунктамъ.

Председатель. А что, Оома Петровычъ, послана ли господину Бразолію третья повѣстка о немедленной явкѣ?

Өома Петровычъ. И на третей повѣсткѣ, ваше превосходительство, отъ господина Бразолія таковой же отвѣтъ полученъ: „по случаю приключившейся внезапно болѣзни!“

Председатель. Да неужто онъ и въ самомъ дѣлѣ заболѣлъ?

Өома Петровычъ. Не можетъ сего произойти, ибо онѣй Иванъ Степановичъ человекъ зѣло крѣпкаго тѣлосложенія. Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что онаго Ивана Степановича много лѣтъ знаютъ какъ гг. Кирило Онуфриевичъ, Спиридонъ Харламовичъ, Игнатъ Виссаріоновичъ...

Пыщы-Муха. О, смѣю утверждать, что это есть завѣдомый лѣнивонецъ и упрямый человекъ. Теперь еще подоспѣло время соленія позднихъ сливъ и послѣдняго цвѣта огурцовъ, то, по обсужденіи сихъ данныхъ, я тоже могу завѣрить, что онаго Ивана Степановича вы нынѣ и канатомъ изъ села не вытянете.

Председатель. Такъ въ такомъ случаѣ послать предписаніе становому, чтобы онъ препроводилъ его къ мѣсту служенія за карауломъ?

Өома Петровычъ. Сего нельзя учинить, ваше превосходительство, съ потожественнымъ дворяниномъ и кавалеромъ.

Председатель. Ужъ будто бы нельзя? Почему?

Пыщы-Муха. Увы, улы, сего невозможно!. Ибо по привилегіямъ, статутомъ даннымъ дворянству, невозможно сего совершить, дондеже...

Председатель. Ахъ, оставьте пожалуйста ваше дондеже: вы посовѣтуйте, что мнѣ съ нимъ дѣлать? Не стану же я ему кланяться и просить дескать: будьте такъ любезны и милостивы, потрудитесь пожаловать на службу?

Өома Петровычъ. Единое средство, буде ежели по справкѣ окажется, что онѣй помѣщикъ, господинъ Бразолій, точ-

но провождаетъ свое время въ соленіи огурцовъ и сушеніи сливъ и сими способами уклоняетца отъ службы, то предать онаго суду.

Председатель. Отлично, превосходно! Суду его, суду, въ двадцать четыре часа!...

Пыщы-Муха. Точно, ваше превосходительство, точно ежели смотрѣть на службу государственную какъ на пользу высшую всѣхъ домашнихъ дѣлъ, то отсюда вытекаетъ прямая необходимость преданія онаго суду, ибо нѣкѣй пѣнта сказалъ:

„И кровь и плоть для блага ближнихъ,
И весь душевный скарбъ мой дамъ
Теченья времени волнамъ.

Есмь сынъ родины...“

Председатель. Но мы, полагаю, здѣсь собрались не для декламированія торжественныхъ одъ?

Пыщы-Муха. Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, продолжить сію поэму, и вы узрите во очію, что въ оной весьма убѣдительно изложена мысль о служенія отечеству и всеобщему преуспѣванію!..

Я В А III.

*Иванъ Степановичъ входитъ въ вусахъ,
у руци держе папыръ.*

Иванъ Степановычъ. Имію честь явиться!

Председатель. Что это, милостивый государь мой, вы уклоняетесь отъ службы и вторично осмѣливаетесь явиться ко мнѣ въ усахъ?

Иванъ Степановычъ. Се ще не вусы, а усышкы, а отъ лѣвъ выростутъ, то будутъ усыща!

Пыщы-Муха (*тыхо до товарищывз*). Чы винъ не пьяный часомъ?

Горовецъ (*тыхо*). Пропавъ, якъ собака въ ярмарку.

Председатель. А такъ вы вотъ какъ изволите разговаривать съ вашимъ началь-

никомъ? Я васъ, милостивый государь, въ двадцать четыре часа...

Иванъ Степановичъ. Не горячьте-ца, кровь спортете; а ось подывытця!... *(У бивъ)*. Дывысь, хочъ нехай тоби по-вылзять!..

Председатель. Что это? Ужъ не удостовѣреніе ли отъ лекаря о вашей болѣзни? Знаю я ваши болѣзни: вы только сказываетесь больнымъ, а сами изволите тамъ заниматься соленьемъ огурцовъ и сливъ?! Я все знаю!..

Иванъ Степановичъ. Та не дзвонить-бо у дзвона, а першъ загляньте у святци. Ось нате, кажу, подывытця!

Председатель *(взявъ бумагу и читаетъ)*. О... Ома Петр... Петровичъ! Что это такое?

Ома Петровичъ *(читаетъ)*. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ... *(Оглядаетъ бумагу)*. Высочайшій...

Председатель. Безъ васъ знаю, а распространяется ли право ношенія усовъ?

Ома Петровичъ. Конечно... ежели... изъ сего вытекаетъ распространяется!..

Председатель *(тихо до Омы Петровича)*. Какой же вы послѣ этого секретарь если ничего не смыслите?

Ома Петровичъ *(тихо)*. Всѣ Высочайшіе въ памяти моей, а сей по не досмотру, ваше превосходительство, или по поущенію Божію. *(Обидва посадалы)*.

Пыщы - Муха. Невже распространяетця!

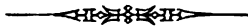
Иванъ Степановичъ. А ты жъ якъ думавъ? Бачъ, по тыхъ Пытенбурхахъ лягти вси тамъ пообтыравъ, волосся погубывъ, та розуму не прыдбавъ. Прыхавъ ты до насъ, и мы прыняли тебе за розумнаго и всезнаючого, бо якъ-же иначе: „винъ зъ Петенбурха!“ чоловикъ бувалый, багато свита бачывъ!... Языкъ у тебе, якъ млынокъ той, що диты на воротахъ ставляють, що безъ толку крутытця на обидва боки; черезъ отой языкъ ты й здався намъ за чоловика всезнаючого... Правда, ты багато такы знаешъ, тилько не того, що слидъ знати. Ты отъ памьятаешъ, якого чысла и мисяця бувъ обидъ у господына исправляючаго должность директора департамента неокладныхъ сборивъ, и яки стравы подавали на тимъ обиди, а того, що може вызволиты чоловика ого видъ наглои смерти, ты й не знаешъ? Тоби певно николи и въ голови не верзлось: що за Богомъ молытва, а за царемъ служба николи не пропадае. Що я за пятнадцатылितню безпорочну службу выслужывъ соби те, що ни яке превосходительство на свити не збрѣ мени вусивъ, отъ що!

Председатель. Довольно, довольно!

Иванъ Степановичъ. Тай годи уже. *(Дае указъ Пыщы-Мухи)*. На та вывчы добре, видъ якого чысла, когда и за якимъ номеромъ.

Пыщы - Муха *(зъ крикомъ)*. № 1723! Воды, дайте мени воды!..

З а в и с а.

ПІДГОР'ЯНЕ.

Мелодрама у 3-хъ дїяхъ.

(Перероблено зъ галицкаго).

Л Ы Ц Е Д І И:

Трохымъ.
Ганна, его жинка.
Ольга, ихъ дочка.
Степанъ Крипчанъ, парубокъ.
Чопорій, вїйтъ.

Тетьяна, его жинка.
Василь, присяжный.
Знахорна.

Селяне пидгорьски.

Д І Я І.

Село пидгорьске, за котрымъ выдко Карпатськи горы. Село межъ горами. Сельска хата.

Я В А І.

Ольга (*коло хаты спива*).

Чого лозы похылылись
Пры тихій води,
Чому слизонькы пролылись
Мени молодїй?
Пиду лугомъ зелененькымъ, зидля накопаю,
Прыложу ёго до сердца, забуття дизнаю.
Охъ, боюся, спыта маты:
Що, доню, тобі?
Не можъ сердцю приказаты,
Такъ плачу соби.
И кинця своимъ роспукамъ въ свити не
видаю,
И весь вечеръ и поранокъ слезами витаю.

Я В А ІІ.

Ольга и Ганна.

Ганна. Ольго! Ты сумна, ты спиваешь сумну пїсню! Перше ты спивала

весело, и було весело дома. До тебе збиралысь у неділю пѣдругы, выбигалы. гралысь у садочку, смїялысь, ажъ ды- вытысь було любо, тоди я соби гадала: що моя Оля межъ всима найкраце вбрана. Теперъ у будень, чы у неділю ты ходышь сама, блукаешъ якъ сыритка, не добьесся видъ тебе слова. Сумуешъ и сумуешъ... Скажы бо, що зъ тобою?

Ольга. Я сама не знаю, мамо, чого мени на сердци тяжко и чого, мени сумно. Выйду въ поле и подывлюся на нивы и долины, мени стане скучно, а сердце рветця не знаты куда, нибы хотилося бѣ обгорнуты весь Божый свитъ и расплакатысь... Не дывуйтесь моимъ пїснямъ: теперъ и пташкы сумно спивають, и вѣтеръ по деревьямъ и въ лузи глухо шумьт, а калына сумуе... Стану надъ водою, почну слыдыты за рыбкою, вона плыне, врына пидъ каминь и въ моимъ сердци тоди закамьянїе. Вертаюсь до дому.

вы мене ждете у ворить,— я сама себе пытаю: чого мени таеъ прыкро, колы я одна у ненькы, якъ одинъ мисяць въ неби,—одна я у батька, якъ одна у нёго гадка, щобъ я була щаслывою, и все те не розбыва мои тугы.

Ганна. И нема чого журытыся, моя доню. Будь весела! Чого жъ бо тоби бракуе? Въ скрыняхъ повно полотень, всякой одежи, якои забажаешъ, и у хати и въ подвирья у насъ достаткы. Все есть у насъ!

Ольга. Достаткы безъ доли не корыстни!

Ганна. Ольга! ты мало ще въ святи жыла. (*Подаетъ ей снопъ пшенишный*). Ось выберы цю пшеницю, хай Богъ прийме въ церковцю, на часточку. Колы головка болыть, то якъ сыхлышъ инъ пидъ свято Евангеліе, то й стане тоби лехче.

Я В А III.

Ти жъ и Степанъ.

Ольга (*выбираетъ пшеницю и прыспивуе*):

У поли, у поли пшениця розцвилась,
Каже маты свой дони,
Щобъ не журылась...
Пшениця погнулась,
Якъ тихый Дунай,
Доня усмихнулась,
Буде коровай.

Степанъ (*спиваетъ самъ*):

Горою, горою громы покотылись,
Объ дивчыни добри висты
Всюды разносылысь.
Прийшлы до ней люде,
Зъ риднихъ Украинъ
Дивка имъ витае
Нызеный поклинъ.

Ганна (*спиваетъ*).

Въ садочку, въ садочку барвинокъ
розвывся,
Пошла маты по садочку,

Винъ зазеленився.
Барвинку, стелыся,
Будешъ на yineць,
Доню, уберыся,
Прийде молодець.

Ганна, Степанъ и Ольга (*разомъ*):

По ричци густіи туманы осилы,
То жъ не сыла переплысты
Велькыи хвыли!
Дивко! не страйся,
Vineць не зовьявъ,
Богу ты виддайся
И Его прославъ!

Ольга. Чому, Степане, такъ довго у насъ не бувъ? Чы до насъ зарубана дорога? Бачъ, якый ты не добрый!

Степанъ. Все не було часу!

Ганна. Чы не издышъ по ярмаркахъ зъ крамомъ?

Степанъ. Я не торгую, бо не маю чымъ, а що й справди кунци переказалы мною, що прийдуть куповаты до васъ во-лы. Счасты вамъ Боже на добрый торгъ! (*Глянувъ на Ольгу*). Ольга, ты ныбы слаба, чого такъ зблидла зъ лица?

Ольга. Була слаба, а теперъ полехчало.

Ганна. Напыйся свижой водныци, я разъ прынесу тоби. (*Пишла*).

Степанъ. Идучи зъ миста до дому, встрився я зъ вашыми людмы, а вони мени й сказалы, чы знаешъ, Ольго, що?

Ольга. Що?

Степанъ. Не знаю, чы правда цёму, але и въ сели де-яки люде говорятъ.

Ольга. Що говорятъ?

Степанъ. Говорять, що у вйта Чо-порія буде весиля.

Ольга (*выбираетъ пшеницю и натрапля на два колоскы на одной стеблы*). Дивы, Степане, два колоскы на одной стеблыци! Люде кажутъ: де два разомъ колоскы ростуть на одной стеблыци, тамъ пидъ стеблемъ ложыть щастя закопано.

Степанъ. Може, але не знаты, чые! Гарна пшениця! Олю, на що ты ии выбираешъ?

Ольга. На Бога! на часточку въ цорковцю.

Степанъ. Росте пшениця на поли, а не зна, кому вона достанетця.

Ольга. Про що це ты кажешъ?

Степанъ. Такъ, ни про що, отъ такъ соби. А знаешъ, Олю, кому ты до серця прыпала?

Ольга (*назырцемъ погляда на нёго*). Кому?

Степанъ. Ты пытаешъ? Коли-бъ ты не розгнивалась, я бь сказаць тоби, що тилько объ тоби одній думаю и не надумаюсь и тилько на одну тебе хотивъ бы дывытись и не надывытись... А видъ чого воно такъ?

Ольга. Не знаю! Не знаю й того, видъ чого и мови веселище, якъ ты прыйдешъ до насъ.

Степанъ. Олю, я тебе люблю! Я скажу це цилому свитови, скажу матери твоій, батькови и тоби! Не йды ты за Чопорієвого Ивана!

Ольга. Степане, Степане, не кажи маме, не кажи нікому, не кажи! Не пиду я за Ивана, бо мое щастя зъ тобою!

Ганна (*входить и несе одду*). Напийся, доню, сегодня надто топлый день, а тоби душно.

Ольга (*нсе*). Ни, мамо, ничего; мени видъ Степановой мовы полехчало и згаго мынулася!

Степанъ. Пани матко, не дайте вашій Ользи загнунты, вона одна у васъ, и на цилимъ сели нема надъ неи кращои!

Ольга. Бачте, мамо, якъ Степанъ розговорився.

Ганна. Що й говорыты, винъ на словахъ красный, та часъ бы вже йты ёму до своего дила.

Ольга. Чого?

Степанъ. Справди такъ! До васъ стежка одна, лехко знайти, а видъ васъ багато; черезъ те й тяжко выйти, а те тяжче угадаты, куды прямуваты? (*Задуметця*). А де батько Трохымъ? Зайду ще до нихъ. Зоставайтеся здорови! (*Отходьты*).

Ганна. Ходы здоровъ! Доню, ты зновъ сумуешъ? Чы и справди не перестаете болиты голова? На все я знайду раду, коли бь лышь знахорка прыйшла: у неи згля зъ высокихъ горъ, здатне до усякихъ хворобъ.

Ольга. Мамо, не вдавайтесь до знахоркы, бо то грихъ. Я памьятаю, якъ ще я ходыла до школы, то намъ говорывъ вчытель, що на лыки знахорокъ здаватися—нескаяный грихъ.

Я В А І V.

Ти жъ и Трохымъ.

Трохымъ. За добрымъ всюды впадаютъ люде, де що люде постережуть, разъ тамъ и вродятця! На посились на мои волы, торгують и вже торгу добывають; выдео, що имъ полюбылысь, якъ и мени, бо то жъ ривни и парни, якъ соколы; чы въ плузи, чы въ вози идуть якъ вода; тилько покеруй ными, то й горы перевернешъ. Що, Ганно, продаты ихъ. чы хай ще плавають по лузи?

Ганна. Продай, продай! Для дытны есть волы й коровы, а грошей буде треба. (*Ольга слухает и зитхае тяжко*).

Трохымъ (*погляда то на Ганну, то на Ольгу съ жалемъ, и обернувшись до дочкы*): Олю, бачыла ты, якъ пташеня молоде, убравшысь въ пире. стрепене крыльцями и вылитае, покыдаючи ридне гнзидо и свою матирь? А пташка—маты, позыраючи на свое дытя, тишытця, що дождалася того, що воно надъ гнзидомъ вьетця, и сама пидлитае до неи:

то зохоуче до лѣту, то вабыты ии зновѣ до гнизда и обгортае своимы крыльцями, щобѣ видпочыла ще хочѣ часочекѣ била матерного сердца.

Ольга. Бачыла, таточку, и мени жалѣ було пташеняты; я тоди думала соби: чы найдешъ ты таке сердце на широкимъ свити, якъ у матери, и чы прысплять тебе инчы письни якъ ридной матери, що сыдила надъ тобою на гарячимъ сонци и на холоднимъ витри?

Трохимъ. Бо пихто не зна, яка кому доля, все въ рукахъ Творця, Отця Милосердного!

Ганна. Трохиме! зустрічався ты зъ вѣйтомъ Чопоріємъ сегодня?

Трохимъ. Ни, не зустрічався, але-жъ чувъ, що ишовъ селомъ винъ.

Ольга (*у бикъ*). Охъ, не хочу я бачыты цѣго чоловіка, може винъ сюды прыйде, ёго поглядъ гыдкый, не можу ёго вынести. (*Голосно*). Мамо, тату, я пиду оце на гору и подывлюсь, чы не зблыжаютця вже пастухы зъ вивцями та чередою до воды. Зпогляну, якъ тамъ наша худобнына!

Трохимъ и Ганна. Якъ хочешъ, до-ню! (*Ольга отходьтъ*).

Ганна. Чы ты, старый, помичаешъ, що це зъ нашою Ольгою. Въ поле то выскокомъ иде, а якъ вернетця, то сумус знову; треба щось радиты; невже тоби не въ голови, що марніе дытына, и люде вже трапляютця и переказуютъ за неи, не дивуваты жъ ий викъ?

Трохимъ. Жинка бильшь думае и говорытъ, а чоловікѣ бильшь робе.

Ганна. У тебе, певно, есть щось на уми?

Трохимъ. Яки вы, жинки, цикави; все хочете напередъ знаты, чого й други не знаютъ! Выдко, у васъ вже така натура!

Ганна. Тоби добре говорыты; якъ бы ты знавъ, яки мени сны що-ночи ввыжаютця.

Трохимъ. Що жъ зъ тихъ снівъ? Чы ты мудрища видъ ныхъ стала, чы якъ? Хто вирить снамъ, той николи не дїйде до киньця.

Ганна. Якъ же не вириты имъ, коли вони правду говорять; якъ бы ты чувъ якъ знахоркы розбѣраютъ сны, а скилько удаецця до ныхъ людей изо всихъ крайнѣ, и якъ вони же видгадуютъ, якъ у око влиплать! Ось недавно наша знахорка вгадала, що Сохвія Петрышина видадзеця за Савчыного Илька, и видалася,—що въ нашимъ сели буде тры весилля, и на то выходытъ, що будуть,—и багато инчого де-чого вона говорытъ, и все такъ досто-метно выходытъ, якъ на долони.

Трохимъ. Ой, бабы, бабы,—колыбъ вы объ чимъ мудрицимъ думалы, нижъ объ знахоркахъ, може бъ краще було на свити.

Я В А V.

Ти жъ и Чопорій.

Чопорій. Куды пиду, мосьпаненьку, всюды не ладъ, и вже не можу дати соби й рады! Угрився та втомився, якъ сирый вовкъ, мосьпаненьку!

Трохимъ (*весело*). Та кажуть же, що вѣйтъ голова ладу й порядку въ сели.

Ганна. Абы вы, вѣйте, здорови булы, то всюды буде добре. Люде васъ шануютъ и слухаютъ, куды окомъ кинете.

Чопорій. Бо знаютъ, мосьпаненьку, що у мене нема куды танцюваты; хочъ бы й ридный братъ, не дарую, мосьпаненьку; и тоди хай иде, куды хоче, за правдою,—всюды моя правда! За мною и уряды и вси старши начальныкы и не можуть за для мене сливъ знайти. Кажуть: нема и не буде у насъ вѣита, якъ Чопорій!

Трохимъ. На свити такъ: хто у власти, той и въ чести.

Чопорій. Уже кильконадцять литъ буде тому, якъ, мосьпаненьку, вѣитую и не

одну справу славно розв'язавъ я въ тихъ литахъ. На то, мосьпаненьку, треба головы и розуму! (*Показує на пальцю*). Тилько оця коли бъ говорыты умила, сказала бъ усе, мосьпаненьку!

Ганна. Дай Боже по правди вамъ вийтувати!

Чопорій. Теперь, мосьпаненьку, мени далеко лехче, якъ передъ цимъ, бо вже й сынъ мій дорисъ и праці догляне и зарядыть, всимъ якъ краще! Добрий, мосьпаненьку, парубокъ удався! Въ нашимъ сели, я такъ думаю, нема такого, якъ мій сынъ!

Трохымъ. Вже й того годи, що вийтивськый сынъ!

Чопорій. Правда, мосьпаненьку, що люде на те дивлятця; правда й тому, що якъ бы не я, то бъ и моему Иванови не було такого пошановку та поваження!

Трохымъ. Краще самимъ молодцямъ здобуваты доброй славы, нижъ отцевською заставлятця.

Чопорій. Вже жъ воно лучше, мосьпаненьку, сидаты на добре хазяйство, якъ почынаты на голій земли. За обидраного та за злыдня, мосьпаненьку, вы певно не дали бъ вашу Ольгу, чы правда?

Ганна. Бороны Боже! Хiba я на те полотна билыла, кылмы ткала, сорочки шовкомъ вышивала, та на все старалась, щобъ воно поручъ зъ лахмоттамъ стояло въ одній скрини! Бороны насъ Боже видъ такого зятя!

Чопорій. Ото-то-жъ бо й е! Вы, Ганно, мосьпаненьку, розумно судыте. Я самъ пры справы, мосьпаненьку, на те задивляюся, хто якого роду, стало бытъ, якои хвамыліи, якого колина! Теперь вы самы нибы зустрілись зъ моею гадкою; черезъ те мушу зъ вами поговорыты, мосьпаненьку, близькими словами: знаю, що зъ вами, мосьпаненьку, не па витерьъ пускатыму мой началнычи слова!

Ганна. А кажыть, кажыть. Розумни речи ради слухаты!

Чопорій. Мій сынъ, мосьпаненьку, прыйшовъ вже, якъ я вамъ сказавъ, до своихъ литъ, до литъ здравомыслія и твердого розуму, господарює, худобы дозырає, въ поли и межъ людмы не постыдаєся ёго, мосьпаненьку! Ёго головы вже не вколупнешъ якъ лою, бо розуму стане на дви головы зъ походомъ. Чась бы вже оженыты ёго, бо, мосьпаненьку, лита йдутъ и не ждуть. Я завжды вашу Ольгу, мосьпаненьку, мавъ на своимъ оци; вона буде добра невестка, мосьпаненьку! Любыть чыстенько убраться, красна, маторна! Вона такъже прыходыть до своихъ литъ, мосьпаненьку! Хочъ вона й не вийтивна, и такъ сказать, безчыновня, такъ за тежъ ривня Иванови по краси и якъ багатырська дочка (*выжыдає*). Тому, мосьпаненьку, дыктую и по справди определяю, що була бъ пара, мосьпаненьку, пидъ винаць моему сынови.

Ганна. Бачу, що вы, вийте, свой дытныи отецъ!

Трохымъ. Дякуємо вамъ, вийте, за добре слово про нашу Ольгу!

Чопорій. Хвамылія ваша, мосьпаненьку Трохыме, и колино ваше було. на мій взиръ, здавна заповажни. Кожий скаже, що мы, якъ вы, такъ и я дитей ведемо добре, по Вождому! Теперь мени, мосьпаненьку, скажыть, що и якъ думаете, мосьпаненьку?!

Ганна. Хай Трохымъ говорыть...

Трохымъ. Скажу, тилько не сразу, а подумаю.

Чопорій. Тутъ, мосьпаненьку, нема чого довго думаты и говорыты: вы, Ганно, мосьпаненьку, свое вже сказаты, а Трохымъ мусе потакнуты, мосьпаненьку, чы такъ? (*вессело*) и мы тоди прышлемо хормально за рушныками, щобъ, мосьпаненьку, все церемоніально отбулося, якъ прыстойно первымъ хазяинамъ и не-абы якого ко-

лина людямъ. А що, мосьпаненьку, чы добре я кажу? Скажыть, мосьпаненьку Трохыме, вашу резолюцію!

Трохымъ. А хто зна серця нашихъ дитей? Черезъ силу посвататы ихъ и звинчаты не зхочете, певно, ни вы сами, вйте, ни я. Богъ одинъ зна, кому хто судывся! Вутле деревце росте межъ инчымъ деревомъ — дубомъ та сосною роскишно й буйно, здаеця ёму тамъ не зле буты, а чы можна видгадаты, якъ набизыть выхоръ, чы не зломыть его, або пересажене въ огородъ, чы не змарніе въ одинци, не на риднимъ вгрунти?

Чопорій (*пальцемъ водыть по носу*). Воно, мосьпаненьку, бува й такъ.

Трохымъ. Шкода, що вы, першъ чымъ свататы сына, не заглянули въ сердце ёго, а мы не знаемо серця нашої Ольги.

Чопорій. Хто, мосьпаненьку, дававъ бы волю дитямъ? Якъ бы я, мосьпаненьку, уважавъ, чого кому хочетця въ громади, то бъ мало, мосьпаненьку, було ладу. Я дыктую и определяю, мосьпаненьку, що дитямъ нема на що даваты воли!

Трохымъ. Шлюбъ не на день, а на цiele жыття!

Чопорій. Я дыктую и определяю, мосьпаненьку, що мій Иванъ прыстане на мій прыказъ, и хочу ще разъ довидатись, мосьпаненьку, чы прыслаты людей до васъ?

Трохымъ. Шкода, що вы мало звернули увагы на мою баечку про вугле деревце. То мушу ще додаты, що наша Ольга теперъ дуже засмучена и жалуетця все на голову... Опрічъ того, у насъ и злагоды нема до виддавання. Мы ще обчымъ не думалы.

Чопорій. Дивоча хвороба, мосьпаненьку, доты й хворобуе, докы не заграе музыка, докы, мосьпаненьку, парубокъ гарный не подывытця ій въ вичы. Я, мосьпаненьку, вйтую здавна и знаю добре, якъ межъ людмы...

Ганна. Що мени злагода? Колибъ тилько журбы въ голови, то я бъ и байдуже! Пшеницю тилько вымыты, одежа готова, кылыми готови и усякого збизжя у Ольги нового повни скрыни, а гроши у насъ лежать въ схованци, — то й чого журытця, Трохыме? У насъ тилько одна дытыня, то бильше не маемъ, кому даваты.

Трохымъ. Правда, черезъ те, що одна и думаю и журюся и не могу йты проты іи серця!

Чопорій. Ваша жинка, Трохыме, дыктуете краще и розумвище, мосьпаненьку! (*выжыдае*). Я вже забарывся, а тамъ, мосьпаненьку, ждуть мене судци, соцькы зъ пысаремъ; мосьпаненьку, йты треба, безъ головы не буде нигде ладу. Будьте здорови, мосьпаненьку Трохыме; надіюсь, що ще наши стари косты, мосьпаненьку, потанцюють. До забачення!

Трохымъ и Ганна. Ходить здорови!

Чопорій. Подумайте, и на другий мій прыхидъ зготуйте кращу резолюцію.

Я В А VI.

Ти жъ (*безъ Чопорія*).

Ганна. Та що зъ тобою сталося, Трохыме? Зъ якого це побыту ты зволикаеся и людей багатыхъ видсуваешъ видъ своей дочкы?

Трохымъ. Легко сказаты, та тяжко зробыты. Багато батькивъ, похопывшысь свою дытыну виддаты, замисть того, щобъ ушаслывыты, утопылы іи самохить...

Ганна. Ты бо, Трохыме, на резумъ берешъ кожне слово, ажъ прыкро слухаты. Краще не мудруй, щобъ не перемудрувавъ. Отъ виддай Ольгу за вйтового сына, и въ тимъ вся твоя мудристь.

Трохымъ. Ты все правышь свое, а памятаешъ, якъ погано люде говорять про Чопоривъ? Вони носятця своимъ вйтивствомъ, выносятця надъ усихъ: лю-

дей не шанують, кривдять и не мають страха Божого.

Ганна. Тоби ихъ повоження зъ людьми въ голови, а того не знаешъ, що за вѣтвого сына ни хто бъ изъ чужостороннихъ хазяинивъ не задумався и на хвыльну не звагався — бѣ виддаты свою доньку; котру бѣ схотивъ, ту-бѣ и засватавъ!

Трохымъ. Добрый, розумный — робочый парубокъ луччий, якъ багатый та невдатный. Бидный працюватимо, а багатый та никчемный готове розвѣе и Ользи свить завьяже.

Ганна. Ты-бѣ, може, бажавъ Степана Крипчака, бо видъ давна щось ёго хвалышь...

Трохымъ. Той певно бувъ бы луччий, якъ вѣтивський сынъ.

Ганна. Цуръ тоби зъ нимъ та пекъ. Степанъ, окримъ земли и хатыны, не має ничего; та я бѣ стыдялася, щобъ моя Ольга йшла селомъ у недилю до церкви поручъ зъ такимъ, у котрого ни роду, ни воливъ, ни оборогивъ.

Трохымъ. Багацтво — роса; подуе вѣтеръ, прыпече сонце, — уже и й нема. Мы й сами, побираючысь, не були багатыми, а Богъ благословивъ, и теперь маємо стилько, що можемо допомогты й бидному.

Ганна. Дывьсь, яке старому прыпливло до головы. Ни, мабутъ тоби якась лукава душа перейшла сѣгодня шляхъ.

Трохымъ. Ганно, надѣйся на Бога, и тилько на Его, бо безъ Его воли ни одинъ волосъ не спаде зъ головы людны. Мужа и жону Богъ сочета ихъ души. Безъ Божой святой воли ничего не дѣтця у свити. Осъ тоби моя остання порада! (*Пшшозъ*).

Я В А VII.

Ганна и Знахорка.

Знахорка (*спшыть, не замичая Ганны*).

Ганна. Слава Богу! Нагодылися въ самисенькый часъ!

Знахорка. А де ваша доня?

Ганна. Прийде незабаромъ.

Знахорка. Вы переказували, що и головка болѣть; бидна дытына!

Ганна. Не такъ дуже голова, якъ чогось усе сумуе, ажъ страшно мени за нею.

Знахорка. Не бѣйтесь и не страхайтесь. Тутъ маєе всяке зилля, воно поможе видъ усѣго (*выйма изъ кошыха зилля*).

Перше — на умыття,
Друге — на пыття,
Третье — на любощи,
Четверте — на нудоши!

На дорози перехресній
Господари зѣйшлись чесни;
Одинъ каже: вливо,
Другый хоче вправо;
И годи имъ розмынутысь,
Имъ доригъ не стало.
Ой се дыво, ой се дыво,
Имъ доригъ не стало!
Межъ горами высокымы,
Межъ ярами глыбокымы
Зилля я збираю,
Коринни копаю —
Тимъ людямъ допомагаю,
Вси дякують шыро,
Що я роблю дыво!
Першый коринъ на любощи,
Другый коринъ на нудоши
Видъ пидвию третій,
Видъ колькы четвертый —
Тимъ людямъ допомагаю,
Вси дякують шыро,
Що я роблю дыво!

Ганна. Мени жаль, що вы давнищъ не завитали до насъ.

Знахорка. Не було зъ чымъ; зилля я недавно вызбирала.

Ганна. Дамъ вамъ, чоґо бажаєте, тилько поворожить мой дитяни, щобъ не сумувала и щобъ їи серце стылылось до вѣтивського сына.

Знахорка. А що буде мени, Ганно, якъ я поворожу такъ, що вѣтивський сынъ буде забигаты и пропадаты за вашею донею?

Ганна. Сыра, масла, полотна, и навить грошей не буду жалиты, абы тилько моя дитяна розвеселылась! А на мого чоловіка щось найшло, нибы яка загнубилъ, щось ёму такъ сталося, що не хоче и не хоче сказаты, що гадає и що думает!

Знахорка. Такъ вашъ Трохымъ не хоче даты доню за Ивана?

Ганна. Винъ такъ и самъ не знае, чоґо хоче, и я ёго не розберу!

Знахорка. Скажыть мени, якимъ вамъ здаеця Чопорій? Правда, дуже сордытымъ и упрямымъ? Отъ же ёго жинка що схоче, те й робе зъ нимъ, а знаете, Ганно, черезъ що? Вона видъ свого дила не видступыть, хочъ бы и вмерла, а Чопорію не дастъ и виддохнуты, помы на їи волю не прыстане, хоча бы винъ и вмеръ, а въ кинци бачыть вѣтъ, що нема чоґо вдѣяты, прыстане на все, чоґо жинка схоче. Такъ само й вашъ Трохымъ прыстане на вашу волю, тилько не зкоряйтесь ёму, бо не даромъ и поговирка иде: „хочъ чоловікъ и не онее, колы-жъ жинци бачышь тее, то треба їй догодыть!“

Ганна. Ни, бабуню, то грихъ! Мій Трохымъ въ жыттю николы не замутывъ воды, и мы жывемо промежъ себе, якъ голубы. Та я-бъ не пережила незлагоды зъ моимъ Трохымомъ; винъ добрый, тилько що теперъ щось ёму сталося, що не рыхаетця Ольгу виддаваты.

Знахорка. Пождить - бо, пождить, прыйде свѣй часъ, и Трохымъ вашъ сяде на лаву поручъ зъ вами и поблагословить свою дочку. Бувайте здорови, дастъ

Богъ, не задовго зновъ буду у васъ (*отходыть*).

Ганна. Заходьте, будь ласка, просымо!

Я В А VIII.

Ганна, Тетяна, *потимъ* Ольга.

Тетяна. Здорови булы, Ганно!

Ганна. Спасы-Богъ вамъ, що не мынули мои хаты.

Тетяна. Я давно збиралась до васъ, та не можна було покынуты господарство.

Ганна. Отакъ и я никуды не урвусь.

Тетяна. Вы вже, хвала Богови, диждалися донькы, то вамъ вже лехче.

Ганна. А вы сына диждались.

Тетяна. А де жъ ваша Ольга, чы дома?

Ганна. На грядкахъ ополые квиты.

Тетяна. Стало бытъ, працевыта вона у васъ?

Ганна. О, за це грихъ сказаты!

Тетяна. Що жъ, порадылись вы вже зъ старымъ за Ольгу?

Ганна. У насъ ще не було на це рады, та я думаю, що Богъ поможе и намъ и вамъ!

Тетяна. Мы не хочемо якъ и вы дѣтямъ злого, — тилько щастя; чы правда? Иванъ, ажъ мыло на него дывытысь, якъ ёго уберу въ гарну та дорогу одежу, то другого не бачу ему равного въ цѣлимъ сели. Не кажу цѣго, якъ маты, боронь мене Боже! Все люде завыдують, що винъ вѣтивський сынъ та хоче вашу Ольгу свататы.

Ганна. И я-жъ кажу моему старому те само.

Тетяна. А Трохымъ вашъ що на тее?

Ганна. Ще не зна що, бо каже: треба бъ довидатысь видъ Оли, чы їи серце прыстало до вашого Ивана?

Тетяна. Мы тожъ, якъ по правди сказаты, не знаемо, якъ думает нашъ Иванъ, але воля батька й матери.

Я В А ІХ.

Ганна, Тетяна и Ольга.

Ольга (*выходе*). Отъ, мамо, мамо, яки наши грядкы—очи соби берутъ! (*до Тетяны*). Здоровы булы, вѣйтыхо!

Тетяна. Здоровенька! Що це ты нибы трохы змарнила?*

Ольга. И матуся тежъ говорятъ, черезъ те й не сылуютъ мене ни до якои работы, навить и малои.

Тетяна. Олю, чы не лучше бѣ тоби було, колыбѣ дви матери обѣ тоби старалысь?

Ольга. Мени добре у моєи нени, на вищо жѣ мени ще й друга? Я всимъ сердцемъ кохаю мою неню, то чы зможу жѣ ёго роздвоиты? И мамо моя засмутилась бѣ, колы бѣ я хочъ частыну своёго серця видпяла видѣ неи. Чы такъ, мамо?

Ганна (*у бикъ*). Вона володіє моею душею, и думкы мои плутаютьця въ ии щирій мови!

Тетяна. Ой, ни, Олю, не кажы такъ! Ты бѣ не змарнила, не засумувала бѣ; бо якъ не одна, то друга маты тебе голубыла бѣ и не дала бѣ марниты.

Ольга. Не знаю, чы краше бѣ такъ було, якъ вы кажете, тилько що мой мамо и тато мене дуже люблять.

Тетяна. А скажы, Олю, чы тоби подобалось у мене, и чы наша хата тоби до серця?

Ольга (*мовчыть, а потимъ слива въ отвѣтъ*):

Ваша хата зъ огородомъ
Надъ быстрой водою,
Наша хата и зъ садочкомъ
Надъ тихой рикою.
У васъ хата вѣйтивська
Зъ двома каминамы,
У насъ хата господарська
Зъ вузькымы виенамы.
Я изъ нашего виконця

Лугъ бачу зеленый,
А зъ вашого подвиронька
Небо та лисъ темный.
Мени маты наказала
Въ темный лисъ ходыты,
А на лугъ мене пускала
Рвать лугови квыты.

Тетяна. У кого це ты навчылася такои писньи?

Ольга. Въ сели спиваютъ дивчата (*заговорюе*). Ой, що жѣ це й досы нашихъ косаривъ не выдко, а малы оце не забаромъ прѣйты лугъ косыты!

Ганна. Хазайство, тобѣ-то газдвство великый клопить. Нема краше, якъ вамъ: люди вамъ все зроблять, выхвуть, зкосять, зложать и звезуть у тикъ, ажъ мыло. А тутъ прѣйдѣтця иноди не въ моготу у жныва та въ синокоси.

Тетяна. Якъ бы у мене була така донька, якъ ваша Оля, то бѣ ходыла, якъ пани, гарно зодягнена, и ничего не робыла бѣ, бо е, Богу дякуваты, кому робыты. Мій чоловікъ тилько пошле пальцю въ село, а вже и челядь прыходыть. Куды хочъ пошлы пальцю, усе зробить якъ найлучче.

Ганна. И я не прымушую донькы до работы. Безъ ии пращи обѣдетця, е зъ видки ще наняты робитныка, а якъ ни, то зѣйдутця добри люди и помогутъ збраты хлибець!

Тетяна. Одначе подумайте и намъ доладню одновидь дайте! Прощайте до якого часу! (*Пишла*).

Ольга. Осъ и татко зъ косарямы! (*бѣжыть до батька*).

Ганна. Не знаю, якъ и що вдѣяты: шкода й дытныны, шкода й вѣйтового багацтва. (*Пишла*).

Ольга (*до Трохыма*). Тату, тату! Скажыть, адже вы мене кохаєте дуже? Не зможе батько своєи дытныны втопныть? Правда?

Трохымъ. Заспокойся, моя любя доню!

Я В А Х.

Ти жъ и Трохымъ зъ носарямы.

Трохымъ (*до косаривъ*). Славна буде й цѣго року косовиця, якъ Богъ допоможе! Спасиби вамъ, люде добри, що зибрались до мене на толоку. Чы й теперъ положыте весь лугъ, якъ торикъ? Трава якъ лисъ, уже дойшла самого цвита, поляже на косы, ажъ зашумить! Годына трапылась погожа, музыка заграе вамъ за для охоты, щобъ не наскучыло гуляты по лузи! А ну, за для початку утнить пьсьни, розбудить лугове штаство, щобъ ховалось видъ гострыхъ косъ!

Хоръ носаривъ:

Мы въ лугъ идѣмъ вси зъ косама,
И якъ станемъ въ рядъ,

Винъ устелытця травама,
Скошенимы въ ладъ;
Коженъ зъ насъ, що соколы,
А вси разомъ, якъ орлы!
Косы намъ не затупіють:
Клепани гараздъ,
Руки наши не умліють,
Скосымъ лугъ заразъ!
Коженъ зъ насъ, що соколы,
А вси разомъ, якъ орлы!
Есть де розгулятысь въ волю,
Батько нашъ Трохымъ
Дастъ намъ стравы, хлиба й солы,
Ну жъ гуртомъ за нимъ!
Коженъ зъ насъ, що соколы,
А вси разомъ, якъ орлы!

(Зависа).

Д І Я І І.

(ОТКРЫТЕ МІСЦЕ).

Я В А І.

Тетяна и Василь.

Тетяна. Охъ, яка жъ то ничъ була страшна! Давно, давно вже не бачыла я такого вогню, якый у Трохыма бушувавъ. Та пожежа, то було якесь страховисько!

Василь. Богу дякуваты, що Трохымъ зъ жинкою, дочкою та челядью выритувавъ свое життя! Въ самій первосни, а звисно, що чоловікъ найкричче спить зпочатку, якъ скоро ляже. Такъ кажу, въ самій первосни, ще перши пивни не спивали, якъ поломень обгорнувъ хату. А вашъ чоловікъ, панъ вийтъ, де бувъ, що не выдко ёго було при пожежи?

Тетяна. Нема дома; мени дуже безъ него було страшно! Поихавъ у городъ по якомусь дилови, такъ я цилу ничъ мала

поганный сонъ. Снылось мени, неначе все наше подвирье укрылось болотомъ та грязью, и по нимъ ходивъ мій чоловікъ, чорный, у злыденній одежи и такый худый-худый; отаке мени снылось!

Василь. И выснылось вамъ на вогонь?

Тетяна. Охъ, я боюсь, щобъ моему чоловікови не зкоилось въ дорози якого лыха?

Василь. То вийтъ ще не призывъ до дому?

Тетяна. Та ни жъ, ни! ще вчора поихавъ у мисто видибраты гроши за се за те и поорудоваты де ще у чимъ. Не знаю, що зъ нимъ діетця: винъ не любить ночуваты у мисти, а отъ не вернувся, певно щось зкоилось.

Василь. Въ котрій пори видлихавъ вийтъ учора?

Тетяна. Сонце стояло ще на полудень.

Василь. Чого жь такъ пизно? У важнымъ дили? На ничъ выиздыть зь дому не безпечно!

Тетяна. Не знаю, чого ёму такъ прыпало!

Василь. Громадської справы, здаеця, не було, щобъ зь вечора хапатысь, можна було ранку подождаты. Хазяйство можна було безпечно кинуты на сына!...

Тетяна. Кажу жь вамъ, шо не знаю. Будь ласка, Васылю, вйдить до нашої хаты, прошу хоть на короткый часъ, не забыватысь.

Василь (*у бихъ*). Треба буде подывытысь, хто у Чопорія есть (*голосно*). У васъ свитылось до пизнои ночи, я бачывъ?

Тетяна. Ходить, прошу! (*Пшшлы*).

Я В А II.

Чопорій и Знахорка.

Чопорій (*самъ*). Насылу виховався у соломьяннику на току, сказавшы сусидамъ, шо иду до города. Теперь наша взяла. Ни слиду, мосьпаненьку, зь Трохымового господарства! Теперь уже, мосьпаненьку, нема куды и чымъ хвалытысь, и зо мною мирятысь! А дывы, якый бувъ мудрый! Думавъ, шо надъ него другого нема мудришого въ сели! Такъ, Трохыме мосьпаненьку, тоби и треба! Не задырай до горы носа! Не хоче дати свою дочку за мого Ивана, вымовляеся сюды-туды, теперь стане мене просыты, щобъ я прысылавъ старостивъ. Я не бажавъ ёго господарства, у мене о свое; я хотивъ тилько грунтъ у вини взяты; теперь це зможу зробыты. Гола земля безъ худобы и господарства, мосьпаненьку, якъ чоловікъ безъ чобитъ и безъ одежы; теперь я постараюсь бия Трохымовой земелькы; одначе ще разъ попробую довидатысь, чы видасть те-

перъ Трохымъ свою дочку за мого Ивана. Я хочу, щобъ у мого сына була жинка красою та вродою на всю околицю! Я такъ миркую, шо цимъ я роблю вельгу честь Трохымови! А мени треба, щобъ на мою певистку задывлялысь люде, стало быть начальныкы, видъ которыхъ залежыть мое пидвыщення. Невистка гарна у хаты вйта и усякого пидручного, це важна статъя! Не схоче Трохымъ теперь, то заберу у него грунтъ, бо той грунтъ бувъ колысь, якъ кажуть, громадскый, а громадське хай иде на громаду! Хай лышь Трохымъ пограе зо мною, хай лышь иде дальше по своему шляху. Въ одній сорочци, мосьпаненьку, буде танцюваты пидъ мою дудку, побачымо, чы буде це лехко ёму и ёго красній дочци. О, Чопорій, мосьпаненьку, не одному пидкраивъ довгого кожуха и не одного спутавъ, хто не йшовъ по ёго воли! Кожный хай знае, мосьпаненьку, шо моя рука довга, а зь вйтивьською палыцею шо довша, мосьпаненьку! Достану, хоча бы и за хмару зховався! Я дыктую и определяю, такъ, мосьпаненьку, и додержу слова!

Знахорка (*выходытъ*). Я уже ноги сходыла за вами, вйте. Чы вы тутъ сами, нема бильшь никого?

Чопорій. Самъ, мосьпаненьку! Шо нового, мосьпаненьку?

Знахорка. Вы ёго не бачылы?

Чопорій. Трохыма? а радъ бы я, мосьпаненьку, бачыты ёго, чы ще и теперь буцкаеця, якъ баранъ? Чы може, мосьпаненьку, обшмалылась вовна?

Знахорка. Я зробыла по вашому прыказу. Пидпалыла въ первосни на вси чотыри вуглы хату его...

Чопорій. Мовчы, мосьпаненьку, бабо, я не прыказавъ тоби, мосьпаненьку, выговтуваты, яка умова межъ нами сталася!

Знахорка. Я тилько вамъ, вйте, кажу, бильше никому.

Чопорій. О, попробуй кому хочь слово сказати, то дыктую и определяю тобі, що згынешь въ кайданахъ, стара видьма!

Знахорка. Присягаюсь, що никому не сказала объ тымъ, що вы мени велили пидпалыты Трохыма.

Чопорій. Мовчы, стара! Знаешть, що якъ Чопорій дыктуе мовчаты, то мовчаты!

Знахорка. А гроши за мою послугу?

Чопорій. Гроши... а, гроши... Хто бувъ першый пры вогни? Ты, мосьпаненьку, була тамъ?

Знахорка. Я не була, а розказують, що Степанъ Крипчакъ прыбигъ найпершый!

Чопорій. Такъ!.. О, мосьпаненьку, того мени тилькы и треба!..

Знахорка. Теперь я мовчатыму, якъ рыба, тилько дайте мени гроши.

Чопорій (*выйма гроши и дае*). На, та памьятай соби, мосьпаненьку, мовчаты и маты розумъ, мосьпаненьку, розуміешть?

Знахорка. Памьятатыму, хай мене Богъ скарае, колы кому хочь словечко!.. (*роздывляетця на гроши*). Скільки жъ це вы даете? За два коповыка та я взяла такый грихъ на свою душу? Вы поминывся даты мени десять карбовонцивъ.

Чопорій. Поминывся? То-то я, мосьпаненьку, поминывся!

Знахорка. Охъ, що жъ це я наробыла, за два коповыка зъубожила цилу семью!

Чопорій (*бачыть, що двери одчыляютця и изз хаты выходыть Василь*) Годи, стара, выты, ты мене знаешть, мосьпаненьку! Иды видцила скорыще, бо заразъ звелю забыты у кайданы! Дыктую тобі и определяю: геть видцила пидъ тры-чорты!

Я В А ІІІ.

Чопорій и Василь.

Чопорій. Якъ тилько нема въ сели головы, мосьпаненьку, то нема й ладу. На тебе, Васылю, не можна й спустытысь, мосьпаненьку!

Василь. А черезъ що жъ то?

Чопорій. Ты, мосьпаненьку, пытаешть? А пожежа?

Василь. Сталось, ричъ объ томъ, хто пидпалывъ Трохыма?

Чопорій. А такъ! Якъ же ты, мосьпаненьку, не зловывъ и не закувавъ того, на кого, мосьпаненьку, найбильше пидозрияня падае?

Василь. О тожъ то й горе, що тако-го чоловіка ще не помитывъ!

Чопорій. Покажетця це, мосьпаненьку, у протоколи. Ты знаешть, що теперь на все, мосьпаненьку, на все протоколы. Визьме дидъ у чужій хати вогню, уже й протоколы! Розстелыть баба лёвъ сушыты на грядци, уже й протоколы! Поноухавъ ты, мосьпаненьку, у ночи табаки и чхнувъ такъ, що разбудывъ сусида, протоколы! Плюнувъ ты, мосьпаненьку, на шляхъ, а тутъ витерь нанисъ чужу полу, чы рукавъ, протоколы! То, мосьпаненьку, очевыдно, що й вогонь цей ночи не мусыть мынуты протокола! Я самъ дыктую и кажу тобі, Васылю, буде бида!

Василь. Бида биду побье, то выйде на добре!

Чопорій. Гмъ! Ты бувъ, Васылю, пры вогни и знаешть, мосьпаненьку, хто тамъ первый явывся?

Василь. Знаю; Степанъ Крипчакъ вырятывавъ усихъ, усю семью Трохыма! Безъ нёго може бъ и згорыли!

Чопорій. Це, мосьпаненьку, ничего не означа! Менп, мосьпаненьку, говорено, що то винъ пидпалывъ Трохыма, щобъ тымъ скорійще оженытысь на ёго дочци!

Знаешъ, мосьпаненьку, якый винъ гуляка, и розуміешъ, до чого воно йдетця?

Василь. Я не думаю, що за для того, щобъ ожениыты, треба було пидпалыты Трохыма?! Трохымъ безъ пожежы давно вже маркуе даты свою дочку за Степана, догадуючысь, що вона за нымъ ажъ гыне.

Чопорій. Але маты не хотила, мосьпаненьку, свою багату дочку виддаты за такого голодранця, мосьпаненьку, якъ Степанъ.

Василь. Ба ни, и маты не дуже цѣму протывытця. Степанъ певный зять Трохымивъ. Все люде такъ товкують! Самъ Трохымъ мени якось сказавъ, що Степанъ буде ёго зятемъ, але зволкався винъ зъ весиллямъ черезъ те, що Ольга ёго ще молоденька! Теперъ якъ знову Трохымъ стане на ноги, то поможы имъ Боже!

Чопорій. Гмъ!.. Добре уміешъ замигаты, мосьпаненьку, стежки за Трохымомъ и ёго будучымъ зятемъ.

Василь. Що люде кажутъ, те й я!

Чопорій. Одначе, мосьпаненьку, не такъ говорятъ розумни люде. И тоби, Васылю, треба бъ подлубатысь у свой голови и роскынуты розумомъ, а не няты на Трохымови слова виры. Кажу тоби, мосьпаненьку, що розумни люде не такъ кажутъ.

Василь. Якъ же?

Чопорій. Гмъ... Степанъ пидпалывъ Трохыма; винъ первый бувъ, мосьпаненьку, пры вогни. Ясно, що пидпалывъ для того, мосьпаненьку, щобъ Трохымъ зъубоживъ и, мосьпаненьку, за него, убогого, ршывся виддаты свою дочку. Степана треба було заразы, мосьпаненьку, браты й възаты.

Василь. То це вже свить стане до горы ногамы, колы такой кривды вирыты!

Чопорій. Хай стае, мосьпаненьку, а воно такъ е, мосьпаненьку, якъ я кажу!

На Степана май око, а скоро зустрінешъ ёго, беры до арешту. Розуміешъ, мосьпаненьку? Я такъ дыктую и определяю!

Василь. Чы замолыте вы того гриха, якъ цему не правда?

Чопорій. Правда, мосьпаненьку; длай, якъ маєшъ видъ мене приказъ! Ты мосьпаненьку, прысяжный, я вийтъ, и во всемъ моя голова. Всюды поставъ заразы варту и того волоцюгу Степана, мосьпаненьку, первого ловы. Такъ я, вийтъ, дыктую и определяю! (*Пишовъ*).

Я В А І V.

Василь и Степанъ.

Василь (*самъ*). Онъ якъ Чопорій взявся! Приказуе Степана зловыты и хоче на него тяжку биду звалыты. Мушу приказъ сповныты, хочъ мени жалъ бидного Степана. Не хочу я цему вирыты, щобъ Степанъ бувъ такимъ безсердечнымъ до симы, въ котрій ёго любя дывчына выроста и пышаецця! Ни, щось воно не такъ; але мушу сповныты приказъ! (*Пишовъ*).

Степанъ (*выходе и стывае*):

Моя мыла, чорнобрыва,
До ты, серце, пробуваешъ?
Ты зросла усимъ на дыво,
Ты весь мыръ въ соби ховаешъ!
Якъ на мене ты споглянешъ,
Я самъ себе забуваю,
А якъ писню заспиваешъ,
Що зо мною, самъ не знаю!
Якъ селомъ ты, серце, лынешъ,
Все на тебе вдывляютця,
А на кого окомъ скынешъ,
Ти до тебе лыцяются.
Разъ ты, серденько, сказала,
Що кохаешъ мене дуже,
И зъ тией годныонкы
Серце мое ще бильшь туже!

Василь (*вышовъ*). Осьдечки й винь! Спиваешъ, небоже, а не знаешъ, що тебе жде... Хочъ бы винь не побачывъ мене, та швыдчъ соби заховався куды!

Степанъ (*замичае Васыля*). Помогай Бигъ! пане присяжный! Чы вы вже давно тутъ? Не йшли часомъ сюды якы люде зъ того кинця села?

Василь. Не йшли, а тоби, небоже, на що ти люде?

Степанъ. У Трохыма лежыть усе лоскомъ у поли, такъ я оце йду просыты допомогты у добрихъ хазяинивъ и спиваю соби, щобъ писнею заглушты биду та клопять.

Василь. Пожды, Степано, я маю приказъ тебе не пустыты дали.

Степанъ. Який приказъ? Що жъ-то заперта дорога у нашымъ сели, чы якъ?

Василь. Не всимъ людымъ, а тилько тоби заперта. Я мушу тебо привести до вйта! Чопорій щось напосився на тебе.

Степанъ. Знаю, що винь давно на мене гострытця, хоче погубыты мене!

Василь. И ты не стережешся?

Степанъ. Думаю утекты згодомъ, якъ допоможу Трохымови хочъ трохи опам'ятатысь отъ несподиванного лыха!

Василь. Це було бъ Чопорієви на руку.

Степанъ. Мене люде добре знаютъ, не осудять за побигъ, а скажуть: такъ и слидъ було зробыты!

Василь. Ни, такъ не робы! Ты не бійся, я тебе видамъ, я тебе й вызволю зъ биды. Тилько теперъ не втикай, бо гиршъ буде...

Степанъ. За що жъ мене маете арештуваты? Скажыть, кому я що выненъ?

Василь. Не знаю и ничего тоби теперъ не скажу. Кажу тилько знову, що послухай мене, Степане, и не бійся!

Степанъ. Боятця злодін та душугубы, а я моихъ очей не маю за що ховаты видъ людей! Я вирую въ Бога и пам'ятаю по всякъ часъ святыи Его заповідь!..

Я В А Ч.

Ти жъ и Чопорій.

Чопорій (*дывытця на Степана*). Ты тутъ, мосьпаненьку, гуляко, волоцюго? га? Соколыку, попался въ клітку, мосьпаненьку, хоча й не було твого голубка, мосьпаненьку, котрый тебе приманывъ сюды!

Степанъ. Чого вы хочете видъ мене?

Чопорій. Дывы, теперъ який покирныи, а недавно верховодывъ въ цилимъ сели!

Степанъ. Черезъ те корюся вамъ и разъ-по-разъ корывся, що вважаю васъ за урядныка надъ нами и послухаю тѣи власти, котра расъ настановыла надъ нами. А якъ вы мене арештуєте неповынно, тоди цей грихъ спаде на вашу душу!

Чопорій. Ого! якъ красно балака, мосьпаненьку, мовъ по писаному. Доставъ ёго, Васылю, до мене, а я вже ёго запроторю туды, де належыть буты такому гуляци, волоцюзи!

Степанъ. Не звычайте мене, пане вйте, тымъ словами, докы не довидалысь объ мойи выпи. Е судъ вышчыи, котрый мене судытеме, а вы мени не судья!

Чопорій. Вяжыть ёго!

Степанъ. Вязаты не дамъ! Я не суперечу вашу накажу и пиду, куды звелыте! Соромъ вамъ, пане вйте! Я вамъ николи ничего злого не вчынивъ, окримъ того, що наробывся вамъ якъ виль безъ найменьшой заплаты!..

Чопорій (*вз гниси*). Беры ёго, веды, мосьпаненьку, и забый въ дыбы, щобъ не втикъ!

Степанъ. Не довго вже вамъ, пане вйте, знуцатысь надъ чужымы дитьмы! Ось якъ, люде добри, буває на свити! Будь добрымъ, працюй чесно, не зважай на те, чы справедлыва старшына, чы ни, а будь ий преклоннымъ. А не стерпышъ,

то укрутыть тебе, потне твое тило, звяже твои руки и ноги и скаже тобі въ вичи, що ты злодій, бродяга, харцызь, безчесныкъ и все, що о лыхого на свити, намотае на тебе! Отакъ и вы, пане вѣйте, мени теперъ видаете за мое добре злымъ.

Чопорій (*зз великымъ гнивомъ*). Беры ёго, вяжы: винъ бувъ першымъ на пожежи. Винъ, мосьпаненьку, то винъ підпалывъ.

Степанъ. Не рушне вязати! Я иду самъ! (*Присяжный зз Степаномъ и людьмы пишы*).

Я В А VI.

Чопорій и Тетяна.

Чопорій (*самъ*). Уже зъ однимъ, мосьпаненьку, до половины готовъ. Найтяжче, мосьпаненьку, зъ нимъ до арешту, а тамъ може соби, мосьпаненьку, посидити, якъ задиктую и скажу свое, то може и постаритысь дочка Трохыма, покы винъ, отой волоцюга прыйде ии свататы.

Тетяна. Ты якъ кризь землю провалывся, ледве тебе знайшла.

Чопорій. Е, мосьпаненьку, дила дуже важни!

Тетяна. Онъ вси люде на тебе говорятъ и клянуть тебе, що звеливъ Степана видвесты до арешту ни за що.

Чопорій. А имъ що до того, вони вси таки, якъ Степанъ!

Тетяна. И куды твій розумъ подився? Наклыкавъ соби биду, що теперъ и на сели не можна зъявытысь.

Чопорій. Хто тобі, мосьпаненьку, це сказавъ?

Тетяна. Я сама своими вухамы це чую, що люде говорятъ и якъ клянуть тебе!

Чопорій. Хай я пройдусь промезъ ныхъ! доты мыши скачуть, докы ката не зачуютъ! (*показуе на палеццю и піднима до горы*). Ось, у мене послухачъ

у руци; тилько пидійму отакъ у гору и заразъ задиктую усимъ такъ, мосьпаненьку, що имъ роты якъ позашнуровуе!

Тетяна.

Бодай тобі лыхо сталось,
Розходывся Чопорій,
Все село насъ видцуралось,
Ты жъ на старистъ все дурій.
Въ очи вси тобі плюють,
Уси гонять, вси клянуть.

Чопорій.

Чы ты, жинко, замовчышь,
Все якъ гадина сычышь,
Бильшь мене ты допекла,
Нижъ вси люде изъ села.
Всюды вѣита ще шанують,
Тилько зъ тебе вси кепкують,
Чого жъ, бисе, ты тыркочешъ,
Може палецци ты хочешъ.
Глузду стилько, якъ въ сови,
Въ твоій дурній голови.

Тетяна.

Чопорію, цуръ тобі,
И пекъ твоій голови.
Цуръ тобі, цуръ тобі!..

Чопорій.

Мосьпаненьку, вгомоньсь!..

Я В А VII.

Тетяна, Ганна и Ольга, послы Трохымъ.

Тетяна (*сама*). Иды, иды, самъ звиря, яки товкы йдутъ промезъ людьмы. Збожевилывъ чоловікъ, зовсимъ загубывъ розумъ! (*Ольга и Ганна выходять, не помичаючи Тетяны*).

Ольга. За вищо взяли Степана до арешту? Де винъ теперъ, мамо, куды ёго повелы? Може ёго вже закувалы у кайданы? (*Плаче*). Ходимъ, я хочу ёго бачыты!

Тетяна (*у бикъ*). Послухаю, що мати скаже!

Ганна. Ольго, Ольго, бидна моя дытно, тобі не видь того тяжко, що Степана нема, а через те, що не слухаешь мене. Я рада тобі зъ за моря дистаты доли, та теперь бачышь сама, Богъ на насъ пославъ нещастя: циле наше господарство тліе у попели... Тебе хоче посвататы Иванъ, сынъ вийтивський. У нѣго е воды, коровы и усячына. Сядешъ на готове господарство, за нимъ не будешъ бидуваты.

Ольга. А Степанъ скаже: Ольга, котру я зъ вогню на своихъ рукахъ вынишь, поласылась на багацтво и запродала свое сердце й душу.

Ганна. Теперь вже Степана нема въ сели. Вийтъ ёго видославъ до суду!.. Вже винъ не вернетця! Знаешь, яка сыла у вийта, запакуе такъ, що й не пытай куды.

Ольга. Тымъ гирше!

Тетяна (*наблизжаецця*). Я все чула, Ганно; мени здаецця, що Ольга ваша не знае добре мого Ивана, а нехай винъ прыйде до Ольгы та поговоре, тоди вона забуде того Крипчака.

Ганна. Ольго, ты сама одыхаешь свое щастя.

Ольга. Охъ, мамо, мамо, яку вы мени страшну порадудаете! Невже вамъ сердце мое здаецця за каменя?

Ганна. Забудь, донечко, Степана, вгамуй свое сердце; чы я жъ не бажаю тобі щастя! А якъ Степанъ теперь у тюръми, то подумай, якый теперь поговиръ на тебе пиде?!

Ольга. Поговиръ мени лехче перебути, ніжъ сердце заморозыты. Мучъ, мамо, мое сердце, розбий его, а Степанъ умре въ нимъ разомъ зъ сердцемъ.

Ганна. А може, доню, Иванъ любыты тебе ще бильшь буде?!

Ольга. Може й буде, та я окримъ Степана никого не зможу любыты.

Не можна сердцю двохъ любыты,

Хочъ бы само хотило,

Бо той давно его вялыты,

Кого разъ полюбыло.

Тетяна и Ганна.

Забудь же, доню, ты его,
Не мучь своей головкы,
Мы хочемъ щастя твоёго,
А не людськой помовкы.

Ольга.

Не радъ же, мамо, ты мени
Кохання залышиты,
Бо лехше полягты въ труни,
Нижъ вигъ зъ нелюбымъ жыты.

Годи, мамо, сылуваты мене за нелюба, коли вамъ хочетця, щобъ я ще на святи пожыла.

Трохымъ (*пидійшовз*). Такъ, доню, такъ, моя дытно! Ты одна пидпираешь мою старость; о, якъ бы не стало тебе, тоди и передъ нами незабаромъ роскрылась бы могыла, бо въ нашій недоли не було бъ вже кому намъ и воды податы. (*Обнима ю*).

Тетяна (*у бикъ*). Ни, мабутъ цій дивчыни не зломашь воли! Батько за неи тягне руку, а маты й сюды й туды. Бачу, що вже мени тутъ ничого манячыты. (*Пишла*).

Ганна. Трохыме, намъ ще такъ не було, якъ теперь. Чы на те жъ мы выгудувалы дытну, щобъ дывытыся, якъ вона зъ нами скытатыметця! Ще разъ кажу: хай Чопорій прысылае за рушвыками!

Трохымъ. Крепысь, Ганно, Богомъ крепысь! Любылы мы господарство свое, якъ воно сповняло скрыни и комори, полюбымъ же теперь и наше попольще! Богъ дае, Богъ и бере! Не ремствуй, а молись и хвалы Его святого. Ольга коха Степана, нехай и дожыда Степана; диждетця — нехай иде за нѣго, не бороны ий и не перечь!

Ганна. Нехай буде по твоему! Ни не по твоему, а такъ, якъ Богъ дастъ!

Ольга. Благаю васъ, тато й мамо, зоставьте мене одну. У сердцеви моему зъявлетця бажання зостатысь на одынци! (*Трохымъ и Ганна пишлы*).

Я В А VIII.

Ольга. По полю тихо, и витрець не пові, и травця не зашелестять; чуты, як мушка летыть, як переполця своихъ дитокъ склыкае, якъ рыбка плюскаетця въ водыци. Всюды тихо... На неби не видно ни хмаркы. Якъ любо на около, — тилько мени тяжко и невесело. Нема Степана, нема его бия меня... Нема кому сказаты ёму: Степане, не сумуй, твоя Ольга тебе кохае, вона тоби вирна! Що винъ мени найчастичъ говорывъ, треба прыгадаты: колы, каже, насъ розлучать, и я тебе не побачу, то прыснюся тоби въ шлюбній одежи: на мойй голови буде шапка съ трѣма барвинковыми винками, однимъ видъ тебе, другимъ видъ родины, третимъ видъ твоей матери. Тоди черезъ тры дни надійся, що прыйду; а якъ не прыйду — виддайся Богови, бо мои очи засыплють сырою землею. Чы прыснутця жъ винъ мени? Боже! Ты одынъ властивецъ надъ моимъ биднымъ, малымъ разумомъ безсильнымъ пробачты и те, що черезъ хвыльну сполешъ ты мени! Ты одынъ жывышъ мое сердце невымовною силою! Я не насмію ни объ чимъ Тебе благаты, Милосердній, тилько бажаю, щобъ въ сердцеви моему довично жыла молитва, прославляюча Твою благисть, Твою цыристь, Твою мылость.

Я В А IX.

Чопорій *выходить*.

Чопорій (*до Ольги*). Не було тутъ, мосьпаненьку, никого?

Ольга. Я тутъ сама! (*у бикъ*). Якимъ винъ мени здаецця страшнымъ!

Чопорій. А батько твій де, мосьпаненьку?

Ольга. На ныви, тилько вони заразъ прыйдуть.

Чопорій. Що це ты, небого, мосьпаненьку, ще бильшь змарнила? Вогонь обшмалывъ, мосьпаненьку, твои крыльця, пташци безъ крыльцевъ не литаты!

Я В А X.

Ти жъ и Трохымъ.

Трохымъ (*выходе, не замича Чопорія*). Есть ще на свити добри люде. Мою нещастя не отстраныло ихъ видъ мене! Спасыби имъ, дай имъ Боже прожыты и не зазнаты никола того, що я зазнавъ.

Чопорій. Звонъ хлибець скоричъ зъ поля, щобъ не опизнывся, мосьпаненьку.

Ольга (*у бикъ*). Не могу дывытысь бильше на цѣго чоловика, такыи винъ мени осоружный. (*Пишла*).

Трохымъ. Добри люде помогутъ звезты, а я не маю чымъ.

Чопорій. Имъ, мосьпаненьку, прыпадало вже давно звозыты.

Трохымъ. Во я просывъ ихъ тилько оце незабаромъ.

Чопорій. Я це дило, мосьпаненьку. Трохыме, разумію иначе и черезъ те, мосьпаненьку, дыктую и определяю, що поле пидъ твоимъ посивомъ не твое!

Трохымъ. Чне жъ воно, якъ не мое?

Чопорій. Воно громадське, мосьпаненьку, и я забираю ёго зновъ на громаду! Дыктую и определяю видъ ныни ёго не займаты ни плугомъ, ни бороною!

Трохымъ. Якимъ правомъ и судомъ? Ще за мого дида заминала громада наше поле за те, котре и мій отецъ посадавъ и котре и мени передавъ.

Чопорій. Видъ ныни воно вже не твое, мосьпаненьку, а колы твое, мосьпаненьку, то процесуй громаду; я такъ дыктую и определяю! Чувъ? Отъ тоби моя остання резолюція! (*Пишовъ*).

Я В А ХІ.

Трохымъ, *потимъ билгше людей и жи-
ноцтво.*

Трохымъ (*самъ*). Якъ? Чы я справ-
ди чувъ, чы мени у снѣ це все вы-
жаеця? Не повинно буде, щобъ я не
спавъ, певно моя беда помутыла мій ро-
зумъ, я марію!.. Щобъ ту землю, котра
насъ жывила, зодягала и заступала въ
лхій доли, видіймавъ ворогъ? Стану я
до суду, та чы зможу жъ я дійты и до-
просытысь справедливости? Хто сыльни-
шый, того и слово, й правда! У мене не-
ма грошей на тяганну съ грошовытымъ
ворогомъ. У суди скажуть ждаты и жда-
ты, помы выйде та справа, а поле мое бу-
дутъ ораты чужи люде!... Якъ правды
дійты злыдневи?... Охъ, Боже! ще мени
не було такъ гирко, якъ оце раптомъ,
зпобигла лхая година! (*Стива*).

Поле мое, поле,
Кистымы изорано,
Грудью зволочене,
Слезамы зальяне,
Слезамы зальяне
Зъ пидъ серця, зъ пидъ грудей.
Скажи мени, мое поле,
Де е добри люде,
Поле мое, поле,
Прадидный добытку,
Чому мни не маты
Изъ тебе пожитку?
Не маты пожитку
Черезъ зліи люде,
Скажи мени, мое поле,
Колы добре буде?
Поле жъ мое, поле,
Тяжка кривавыця,
Я тебе изъ давна
Засивавъ надежно!
Засивавъ надежно,
Посвящавъ вси труды,
Скажи мени, мое поле,
Колы лехче буде?

(*Помовчавъ*). Ни, вже, здаеця, лех-
че не буде до самой трупы. Хай Чопо-
рій кривдыть, хай зъубоже и обдыра
и не таеъ мене, якъ мою дытну, а во-
на такы не буде ёго новисткою! Въ ёго
хату даты Ольгу, стало бытъ, утопыты
и! Хай забира поле сылю не правды-
вою, тилько не виномъ. Е ще на неби спра-
ведливый Богъ!

Одынъ изъ людѣй (*входе*). А куды
везты ваши снопы, батьку Трохыме? и де
ихъ зложыты? Насъ е тутъ багато, все
вамъ заразъ звеземъ, сёгодня вашъ день.
(*Входе билгше людей*).

Трохымъ. Хай вамъ Богъ нагородыть
за вашу щыристь! Я теперъ не знаю, лю-
де добри, хто я, и що мое и де мое доб-
ро! Бо все вже забирають у мене; и те
поле, зъ котрого хлибець звозыты, видъ
сёгодня вже не мое, бо на громаду заб-
равъ вйть!

Вси разомъ. Ему хто наказавъ? Гро-
мада не велила?

Трохымъ. Та що жъ зъ того? Вы мени
не поможете, панове!

Вси. Побачымо! побачымо!

Трохымъ. Поспишайте, мои любя; сон-
це вже сѣдае, завтра свята недѣля, грихъ
робыты. Першъ було чымъ васъ ушано-
ваты и угостыты, а теперъ нема де пры-
тулытысь на старистъ самому зъ однією
дытною и жинкою. Все треба прыйматы
безъ ремства, бо на все е воля Божа!

Выходятъ Ганна и Ольга.

Х о р ь:

Скинчытця день и тяжкый трудъ,
Къ тоби мы руки зносимъ,
Ты насъ, о Боже, не забудь,
Тебе въ терпинни пашимъ просимъ.
Въ Тоби Едыннимъ вси надїи,
- Вси нашы думы и вси ирїи!
Ты Нашъ Отець и наша твердь,

Мы плачемъ предъ Тобою,
Въ Твоій руци життя и смерть,
Дай намъ Твою Святую волю!

Въ Тоби Едвннимъ вси надіи,
Вси наши думы и вси мріи!
(Зависа).

ДІЯ ІІІ.

(Зъ одного боку згоріла хата, зъ другого на скоро построена хата съ трема стинами. На постели лежать во сні Ольга, коло неї лежать саквы; Ганна сидить въ їй головахъ, задуманна и смутна).

Я В А І.

Трохымъ, Ганна и Ольга.

Трохымъ (*зъ костуромъ и саквами на плечахъ*). Сонце вже височенько піднялось, а Оля ще спить. Бідна дитина ще не нажылась, а вже скільки натерпилась биды та горя!... На все Божа воля!...

Ганна. Колыбъ намъ якъ до Гошева дійты; хто ёго зна, чы дійдемо, жарота та духота—страхъ! Ольга не зможе на ногахъ усгояты, така хвора! Вчора ходыла вона вечеромъ по лузи и все щось до себе говорыла: то кыкала Степана, то ламала руки, то сяде надъ ричкою и такъ сумно спива. Бодай никола наши ворогы не диждали добра на своимъ вику! Мало имъ було знущатися надъ нами, ще й бідну дитину почали ганыты та кореныты.

Трохымъ. Не проклянай, Ганно, грихъ! Люде, завжды люде! Не насъ, то другихъ славытнуть. Та зібралыся йты на прощу до святыхъ мисецъ, то забудь вси клопoty и думай объ спасеніи души.

Ганна. Вони теперъ говорятъ, шепчуть межъ собою и мало не пальцемъ показують на Ольгу, що нибы зъ ума зійшла, збожевилыла!

Трохымъ. Не дывуйся, кажу, людскимъ языкамъ! Вони найдуть завжде провищо говороты. И мени моя дитина дорога! Правда, що теперъ намъ гирко усимъ, та не журысь. Бачышь мои оци высохлы руки тилько кости, иначе зъ

пидъ земли выгребу, абы васъ вдовольныты. (*Дывытця на Олю*). Не знаю, чы розбудыты, може бъ їй було здоровше! (*Помовчавъ*).

Ганна спива:

Чы мы тебе, доню,
Къ серцю не тулылы?
Чы мы твою долю
Де запродастылы?

Що ты такъ багато намъ горя завдала,
Що що-дня тужыты, горюваты стала.
Пробудысь, голубко, пробудыся, ридна,
Не плачь, моя доню, та не вбывайсь
бідна!

Чы мы тоби слово
Не добре сказали?
Чы мы все готово
Тоби не подалы?

Чого жъ якъ сыретка, плачешъ, нарикаешъ,

И биліи рученяточка ламаешъ?
Пробудысь, голубко, пробудыся, ридна,
Не плачь, моя Олю, та не вбывайсь,
бідна!

Ольга (*пробудылася*). Мамо, тату, якъ же мени любо було у во сні! На що я пробудылася? Лучше бъ було якъ бы я довше спала, довше бъ бачыла у сні свою красну долю. Куды вы, тату, выбираетесь? Визьмить и мене зъ собою, може я повеселицаю!?

Ганна. Ты, Олю, и сегодня нибы веселица и здоровша стала, противъ вчорашнёго! Бачъ и устопыки твої сміютця.

Ольга. Не знаю, видъ чога мени легче на серци? Я бачыла у снѣ, що нѣбы наши грядкы коло хаты розцвилысь, я ходыла промежъ ныхъ и тишылась квитками, вони нѣбы до мене пидносили свои головкы, неначе хотили щось сказати. На небѣ було ясно, горы зеленылысь, скільки окомъ ськынешъ. А якъ почала я рваты квиткы, тоди выйшовъ зъ нашого садочку Степанъ въ чыстѣй и гарно облямованѣй одежи, а на голови у нѣго була чорна шапка зъ трема позолоченымы вынками. Я сама не знала, що робыты, чы маму клыкаты, чы до таты бигты, винъ уклонывся мени и сказавъ веселымъ голосомъ: Олю, це я, ось скоро прыбуду до твого отця и матери и вже зъ вашою господы никуды не пиду. Я не могла одъ радости и слова сказати. Мамо, мамо, чы вернетця ще хочъ зъразъ такѣй любый сонъ у моймъ безталаннымъ жытти?

Ганна. Може сонъ говорыть и правду.

Трохымъ. Степанъ не провынывъ ничего; винъ вернетця, бо за нымъ вся люде жалкують и постоять за него передъ судомъ людей.

Ганна. Чы знаешъ, доню, що мы оце выбираемось до Гошева?

Ольга. Ходимъ, и я пиду на прощу, може тамъ довидаюся у людей, чы не бачыли Степана, чы не чулы що про нѣго? Тамъ бувають на богомилыли люде зъ усякыхъ сторонъ.

Трохымъ. Мабуть сѣгодня вже пизно, лучше бъ завтра!

Ганна. А чы буде Оля завтра здорова? Ходимо, доню, ходимо сѣгодня, Богъ поможе, то дѣйдемо ще за выдня!

Ольга. Чы чуєте вы, мамо, якъ раннѣй витрець холодомъ вѣе и зъ травцею тыхенько шепоче? Вона прыгнаетця до земли и зновъ встае и тыхесенько шепоче зъ витромъ... О, колыбъ я знала, що винъ ий шепоче, може мени стало бъ легче на души. Чуєте, мамо, якъ по мо-

нимъ горячымъ лыци витрець легенько подунувъ. То не витрець, мамо, то Степанъ махнувъ рукою, щобъ мое лыце охолодыты, бо мени душно, душно. Цытьте, цытьте, чы то въ садочку пташкы спивають? Ни, то на добры-день грають музыкы зтыха, щобъ мене не збудыты, и щобъ я не постыдылась, що такъ довго передъ моймъ весиллямъ заспала. Мамо, мамо, на що вы такъ довго дали мени спаты? Я ще не вбралась въ весильню одежу! О, въ лузи щось стукнуло; ни, то не въ лузи, то Степанъ одпырае наши ворота, цытьте: винъ вже йде... Мамо, выйдите, привитайте ёго, поговорыть, скажыть, що я ще не вбралася, якъ змогла; винъ не подывуе мени на весилля, я уберусь краще! Росплету мои косы, росчешу ихъ, а дружкы прыберуть мене въ зеленый барвинокъ, а вы, мамо, покропыте мене свячоною водою. Правда? Що такъ же пидъ винецъ убирають? Я вже готова! *(Падае передъ отцемъ и матерью на колѣня)*. Мамо, тату, благословить свою доню.

Ганна *(зъ плачемъ)*. Встанъ бо, доню! Що це зъ тобою вчынылося?

Трохымъ. Боже мылый! Що це зъ моею дытыною зкоилося?

Ольга. А де жъ Степанъ? Я вже до церкви готова. Охъ, Степане, Степане, якъ ты довго барывся!

Ганна. Доню, рыбка моя, що це ты таке говорышь?

Трохымъ. Опамьятайся, моя дытына!

Ольга *(прыходьтъ до себе)*. Хйба я що говорыла вамъ, мамо? То бувъ сонъ, не кажыть никому... То сонъ бувъ, любый сонъ!..

Ганна. Охъ, Боже мылый! за що ты насъ такъ тяжко карашъ?

Ольга. Не бидкайтесь, мамо! Богъ благословляе насъ, а вы сумуете.

Ганна. Ходимо, доню, походимо на свѣжимъ повитри, може тоби намьять твоя звернетця. Видна, бидна дытына! *(Пшшлы)*.

Я В А II.

Трохымъ и Васыль.

Трохымъ. Не доведи, Боже, якъ Оля моя затеряетца, я и самъ тоди не переживу й годины!

Васыль. Дай Боже добрый часъ! Куды вы зибралися, чы не до миста?

Трохымъ. Ни, до Гошева: та мабуть ажъ завтра пидедемъ.

Васыль. А чы знаете вы, що сталося въ сели?

Трохымъ. Богъ зна, я не хожу никуды.

Васыль. Вашего найгиршого врага уже зловылы!

Трохымъ. Кого?

Васыль. Знахорку! Сама выдалась, не хотячы, що васъ пидпалаыла! Я ии бувъ виддавъ до Чопорія, щобъ оправдалась, чого по нашимъ сели ходыть, а Чопорій выпустывъ бабу, ну, а вона ходе безпечно по сели, якъ и перше, и стала выхвалятысь, що такъ поворожыть уміе, що вси пидуть зъ дымомъ, якъ Трохымъ! Взялы бабу пидъ стражу, привели до мене и сказали ий все те, що вона пащекувала въ очи. Вона мовчала, мовчала, а дали заплакала та й каже: „Высылю, голубчыку, не хочу бильшь таятысь, то я пидпалаыла Трохыма, але Бигъ мене вынувата, мени такъ приказано!“ Дальше вже не хотила ничего говорыты, ну та теперъ вона на своимъ вже мисти.

Трохымъ. Боже, що я ий заподіявъ! Здаетца, я для неи бувъ завжды добрымъ, выколы не выпустывъ зъ хаты безъ куска хлиба.

Я В А III.

Ти жъ, Чопорій и Тетяна.

Чопорій. Я его, мосьпаненьку, тутъ найду!

Васыль. Кого шукаете?

Чопорій. Тебе, мосьпаненьку; такъ ты такой присяжный?

Васыль. А що тамъ трапылось?

Чопорій. Що? Чы ты, мосьпаненьку, не знаешьъ вѣта въ сели? Ты знаешьъ, що безъ ёго прыказу не можешьъ и пальцю до горы пидняты. Я тебе, мосьпаненьку, скину зъ твого уряду; уже хочешьъ переросты мене и старшуешьъ надо мною и всима! Хто тоби сказавъ, мосьпаненьку, знахорку звязаты и до суду прыставыты? Я дыктую и определяю, що треба було мене порадытысь и спытаты!

Васыль. На неи люде говорылы, и вона не видрыклась!

Чопорій. Таки люде, мосьпаненьку, якъ ты?

Васыль (*зз гнивомъ*). Покы я тебе, Чопорію, незнавъ, то й шанувавъ тебе. Теперъ все пропало! Наловывся ты чужихъ людей, дитей и наневольвъ ихъ по дыбахъ! Я тоби часто говорывъ, що ты гнивався и сварывся на мене. Всѣму бува свій кинець! Або ты упадешъ, або правда на сели. Громада сыльниша надъ тебе и не дастъ соби тесаты килья на голови и Чопоріямъ по своей спыни скакаты!

Чопорій. То ты, мосьпаненьку, такий бунтовникъ?

Тетяна. Я давно тоби, старый, те казала, та ты не вирывъ и не слухавъ. коверзувавъ надъ миромъ хрещенымъ, теперъ видбувай! А казала тоби! Бодай же ты до хаты не дійшовъ и на вколынахъ не долизъ!

Васыль. Не бійся, господыне, ничего ёму не буде, тилько те, чого заслужывъ: на колынахъ ще лехбо лизты. а якъ прийдетца...

Трохымъ. Одплатыты за людську кривду. .

Чопорій. Мовчы! Вы вся мовчыть, я такъ дыктую и определяю, мосьпаненьку!

Василь. Пизно диктувати и определяти! Довго мы мовчали, сердце й розумъ розв'язує языкъ, а якъ винъ вярветця зъ пидъ каменя, котрый прыгни-тивъ сердце, не спынешъ ёго, на него арешту не знайдешъ. Прыгадуешъ собі, Чопорію, скільки разъ я прохавъ тебе, щобъ ты не безчестывъ людей и не брехавъ на нихъ?

Тетяна. Иды, старый бисе, до дому!

Чопорій. Пожды, мосьпаненьку, хай ёго зъ присяжного скыну.

Василь. Мене громада выбрала!

Чопорій. Я диктую и определяю!

Тетяна. Иды до дому! Ничого вже намъ турсякатысь! Налыхотворывъ добра, що теперь и не знаешъ, якъ оборнутися!

Чопорій. Але я тобі, мосьпаненьку, такы продиктую, потанцюешъ ты у мене въ кайданахъ.

Василь. Поки хвалько нахвалытця, то будько набудытця (*иде вз ту сторону, куды Оля пишла*).

Тетяна. Ходимъ, кажу, до дому!

Чопорій (*жинци*). Слухай, мосьпаненьку! пе прыльпай до мене, бо я, яко мужъ, можу тобі продиктувати таку резолюцію, що й носомъ заорешъ.

Трохымъ. Прошу васъ, не робыть у мойй господи колотнечи! Идыть собі зъ Богомъ!

Чопорій. Ну, я-жъ, не я буду!

Василь. Побачымо, побачымо! Ось ходимъ селомъ, почувешъ, що тамъ люде говорятъ!

Чопорій. О, мосьпаненьку, ще моя пальця у мене въ руци!

Василь. У пальцы два кинця! (*пишлы свартючысь*).

Я В А І V.

Василь и Степанъ.

Степанъ (*самъ*) Я бачывъ заразы, то винъ пройшовъ, Чопорій! Та и хто бъ

не пизнавъ злодія, брехуна! Въ одномъ пекли не можна було бъ ёго розпизнати, бо чорты мають вси однакове лице, вси лыхи, вси нечестыви! Кровь моя запыла, и мало я не пиднись костура на людоида. Тилько подумавъ, що якъ убью, або скаличу ёго, то и не спокутую своихъ грихивъ? Нехай живе, хай люде знущаютця надъ нимъ, хай плюють ёму въ вичи, хай зневажаютъ ёго, то гирша буде для нёго мука. Нехай побачыть Ольгу и мене щаслывымы и скрегоче видъ заздросты зубамы, що не вдалось ему насъ розлучыты и погубыты. Ни, я не пидійму мои руки на Чопорія, нехай караетця! Тамъ, здаетця, бувъ Трохымъ. Чы може мени въ страшнымъ гниви такъ показалось?

Василь (*вертаетця*). Кого я бачу? Здоровъ, Степане! Охъ, якъ же я радый, що ты вже прийшовъ!

Степанъ. Васылю, вы стали мени замисьць отця ридного, бо вы мене спасли! (*Обнимаютця*).

Василь. Чы бачывъ тебе хто въ сели?

Степанъ. Нихто мене не бачывъ, батеньку, бо я витромъ перелитывъ и тилько одну малу дытynu спытавъ, чы Трохымъ и Оля, чы вси вони дома!

Василь. А розказавъ ты передъ судомъ все такъ, якъ мы тобі зъ села переказувалы?

Степанъ. Все розказавъ.

Василь. И тебе прызналы невычуватымъ?

Степанъ. Вони побачылы, що тилько Чопорія помста и лютысть мене мала погубыты.. Я помщусь не нёму!

Василь. Не треба, ни, не треба, — Степане! На все свій часть: довголютый звырь гуляе по лиси и творыть лыхе людемъ, але все-таки прыйде часть, що винъ попадетця въ капканы, або пада видъ кули на землю.

Степанъ. Але чымъ скоріше винъ упаде, тымъ меньше пакосты. Скілько моихъ донь пішло марно черезъ того Чопорія, и скілько я наневольвся. Ни, я піду и злоблю его, звяжу, якъ винъ мене зкрутивъ, и самъ доведу ёго до суду! Тамъ хай подивляютьца на нёго люде, и хай понесе зароблену кару!

Василь. Не думай такъ, бо то не честно!

Степанъ. Що то за право, коли лхый чоловікъ не боитця ёго, выкручуетця, ламае право и зневажа ёго, а люде дивлятьца на те й боитця виддаты злодія до суду?

Василь. Підожди, Степане, ось сюды вертаецця Трохымъ.

Степанъ. Я піду ёму на зустрічъ!

Василь. Ни, не йды, нехай винъ тебе тутъ знайде, ёму бильшъ буде радости!

Я В А V.

Ти жъ и Трохымъ.

Трохымъ. Люте и сердытця Чопорій за правду.

Василь. А де вы его подили?

Трохымъ. Пустывъ ёго селомъ.

Степанъ. Я бъ ёго не пустывъ!

Трохымъ (*прыступа до Степана*).
Що? це нашъ Степанъ?

Степанъ (*цилуе ему руки*). Я, тату! Невже вы не признали мене?

Трохымъ. Охъ, сыну мій, якъ же зсушила та звялыла тебе неволя. Охъ, нехай же тебе Богъ благословить. Намъ тутъ безъ тебе и свить бувъ не мылий!

Степанъ. Хвалыты Бога, правда зломыла кривду! А де жъ Ольга, тату?

Трохымъ. Тужыть та плаче за тобою, змарнила бидна дытна такъ, що може ты и не признаешъ?

Степанъ. Такъ я піду и пошукаю, я хочу и чымъ скоріщъ бачыты!

Я В А VI.

Ти жъ, Ганна и Ольга.

Ганна. Щось е нового въ сели. Людчогось стоять по дорози купамы.

Василь. Може хто не сподиванный въ село прыйшовъ.

Ольга. Пора намъ, тату, йты на прощу!

Степанъ (*про себе*). Вона смутна й не дивытця на мене; невже стерялася! Що зъ нею, скажыть мени?

Ганна. Степане, ты вернувся?

Степанъ. Здрастуйте, мамо! Та шо це зъ Ольгою, скажыть? Невже смутокъ ии прывивъ до безпамятства? Охъ, трудно мени! На шо жъ я сюды вернувся? Одна, одна ще надія zostалася: заспиваю ии пильню, котру вона такъ любыла, може онамятаецця и призна хочъ мій голось, коли мене не признае! (*Спива*).

Плыла рыбка золотая,

Вода не мутылась;

Поверхъ воды буря злая

На неи сварылась.

Веселенько рыбци було

Гратыся водою,

Теперь щастя пролынуло,

Якъ хвыля рикою!

Позавыдували рыбци,

Вода сколыхалась,

И на тихій, чыстій ричци,

Рыбка вже не гралась.

Пожды жъ, рыбка золотая,

Витерь зупынытця,

Розійдетця густа хмара,

И небо прояснытця!

Ольга.

Лехче рыбци спочываты

Въ водыци мутній,

Якъ надію прысыпаты

У думи смутній.

Прошу сонця, прощу зирокъ,

Щобъ мени сказали,

Чы мылому у неволи

Хочь разожъ засіялы.
 Не могу ихъ допытаты,
 Чы вистка прыбьетця,
 Чы згадуе мене мыльй,
 Чы за мною бьетця?..

(Пидносе голову зз задумання). Рыбка
 была щаслыва, и я була подибна їй, а
 теперь не знаю, куды подилосъ мое щастя!

Ганна и Трохымъ. Бидна, бидна ды-
 тына! Охъ, Боже мій, за що таке горе?

Васылъ. Ты, Олю, не знаешъ, яка ще
 твоя доля? Може вона ще и сегодня пе-
 реминьтця, може Степанъ близько вже...
 Що тоди, Олю, скажешъ? Чы прыйдешъ
 до мене поклоньтысь зъ дружкамы передъ
 своимъ весиллямъ и чы будешъ просыты
 мене на свадьбу? Я диждуся, що Оли
 будуть дружкы винокъ плесты и весильни
 пьсьни спиваты; якъ ты, Олю, про то
 думаешъ? Чы буде воно такъ?

Ольга. Васылю, Васылю, негодытця
 такъ говорыты пры чужому чоловикови!

Степанъ. Вона мене мае за чужого чоло-
 вика! *(До неи)*. Хочь я чужый, одначе я
 добре знаю Степана, а ты бъ пизнала ёго?

Ольга *(вздыха)*. Я давно бачыла его.
 Може винъ теперь въ тяжкимъ арешти,
 певно змарнивъ? Мени оце заразы пры-
 снылося, що винъ померъ, я ёго бачыла...
 Почорнивъ такъ, якъ земля. Певно винъ
 у тюрьми, прыпавъ журбою, що ёго не-
 волять та мучать. Лехче на серцеви, якъ
 не маешъ ні якои надіи, ніжъ маешъ зрод-
 лыву гадку! Пытаю у сонечка, у мисяця,
 у зорь, чы свитять моему мылому у не-
 воли,—воны мовчать... А серце не за-
 спокоейтця—все пытае!..

Степанъ. Прыдывьси, Олю, ты пыльно
 на мене: може я тоби прыгадаю Степана,
 колы не забула ёго.

Ольга. Я ёго не забула!

Степанъ. Олю, серце, рыбонько моя,
 пташечка моя! Вдывляйся, вдывляйся въ
 мене ще пыльницъ!.. Олю, якъ ты мене
 не пизнаешъ, я зтеряюся!

Ольга *(стоит недвижимо и вдыв-
 ляетця)*. Степане, це ты?

Степанъ *(бере Олю за руку)*. Вона ме-
 не пизнала! Це я, я, Олю, вернувся до тебе!

Ольга. Ты вернувся? Тебе не заму-
 чылы! *(Падае на коліна)*. О, Боже!
 Ты умылосердывся надо мною бидною. Ты
 побачывъ мои гирки слёзы, мій смутокъ,
 мое горюванячко! Не даромъ же я такъ
 горяче молылась и просыла Тебе! *(Пры-
 ходыть до себе чымъ разз бильше)*.
 Ты зъ неба, Боже, выслухавъ мольтву
 мою и, щобъ серце зъ радости не змерло,
 ты зиславъ любый сонъ на мене, що ни
 бы мій Степанъ вертаетця! Степане мій,
 тату, мамо, охъ якажъ я щаслыва! Те-
 перъ вже я не буду тужыты, небуду ва-
 шихъ очей що-дня сповняты слёзами, те-
 перъ мы будемъ вси щаслывы и весоли!

Трохымъ. Богъ почувъ мою мольтву...

Ганна. Донекб, утихо наша!

Васылъ. Бачъ, Степане, ты послу-
 хавъ мене, и моя рада выйшла тоби на
 корысть. Все призналы тебе за невынов-
 ного! А якъ бы ты бувъ тоди утикъ, то
 самъ бы себе обвыноватывъ! Теперь ходы
 сюды, я заступлю тоби отця, бо ты сы-
 рота. Ходы жъ и ты, Олю *(бере ихъ за
 руки и пидводе до Трохыма Сте-
 пана и Ольгу)*. Воны видъ цего часу
 ваши диты, благословыть ихъ! *(Ольга и
 Степанъ падають на коліна)*.

Трохымъ *(зв плачемъ радисно)*. Боже
 и мое благословеніе зъ вами буде на
 выкы вичны!

Ганна. Хай васъ благословыть Богъ
 и я васъ благословляю!

Я В А VIII.

Ти жъ и люде зъ громады. *(Роздаетця
 крыкз за лаштункамы, утыхае на хвы-
 лыну и знову крыкз)*.

Одынъ зъ громады. Чопорія ведуть
 до арешту, люде збигаютьця дывытысь на
 нёго, мовъ на звиря!

Другый зъ громады. Знахорка при-
значалася, що винъ їй веливъ Трохыма під-
палыты!

Трохымъ. Одпусты имъ, Боже, ихъ
грихы! И одна й друга не скаяни души!

Вси разомъ. Вже по вѣтвствѣ Чо-
порія, теперъ, панове-громадо, выберемъ
соби вѣта! Васылю, кажыть кого?

Васыль. Панове-громадо, радивъ бы
вамъ vybraty Трохыма на вѣта!

Люде. Трохымъ нашъ вѣтъ! Тро-
хымъ, Трохымъ! *(Кланяютця).*

Трохымъ. Воля громадська и я мушу
їй послужыты! *(Кланяетця).*

Чопорій *(зв'язаний и народу).* Я
ще вамъ продыктую и определю!

Люде. Продыктуешъ за рещтуваннямъ
у залізній клитци! *(Проводять).*

Васыль. Ну, Трохыме, вы теперъ нашъ
батько, мы поставимъ вамъ господоу, и

все, якъ було, а вы порядкуйте нами по
правди! А теперъ, панове, потанцюемо
на весилли нашихъ дитей и заспываймо
разомъ.

Хоръ:

Хто за нами, мы за нымъ!

Ну жъ на радошахъ гукнимъ.

Хай заграе намъ музыка,

Радисть намъ усимъ велька!

Въ підквичокы мы ударимъ

И голосно заспываемъ!

Нехай кривда загыбае,

А правдонька процвитае!

Слава наша хай гремыть

И весь мыръ оповистыть,

Що любовь живе межъ нами.

Нумо вси въ гору шапкамы!

(Кыдають шапкамы оз гору).

(Зависа).

ЗАЙДЫГОЛОВА.

Драма у 5-ты діяхъ.

ЛЫЦЕДИ:

Захарно Лобода, заможній селянынъ.
Гапка, его жинка.
Мытрохванъ, старшый ихъ сынъ, жонатый.
Василь, меньшый сынъ, парубокъ, потимъ жонатый.
Домаха, дивчына, въ 3-й діи жинка Васылева.
Лукія, дивчына, въ 3-й діи молодыця.
Карпо, жонатый чоловікъ, середнихъ литъ.
Палажка, удова, середнихъ литъ.
Агапонъ, шынкаръ.
Вивдя, его жинка.

Степаныда (Стехванія), ихъ дочка.
Медзеря }
Канупиръ } чоловікы середнихъ литъ, сваты.
Мыхайло }
Пылыпъ } парубкы.
1-й парубокъ.
2-й парубокъ.
1-а молодыця.
2-а молодыця.
Соцькый, поняти, парубкы, дивчата и народъ.
Діетця на сели.

ДІЯ І.

Село. На першымъ плану вулиця у поперекъ черезъ конь; зъ правого боку, поручъ, двп хаты—перша зъ однимъ дымаремъ, друга зъ двома; дали—повиткы, загоны, клуна и т. п. Въ глыбни кону левада, садкы, вербы и очереть. На кону сутеніе. Діетця въ осены.

Я В А І.

Василь *иде вулицею, співаючы:*

Поламалась полычка у плузи,
Та чогось моя головонька въ тузи.
А чы мени полычку тесаты,
А чы до дивчыны на всю ничъ чухраты?
Ой, напыну свытыну на спыну,
Такъ до дивчыны на всю ничъ полыну.
(*Зупыняетця посередъ шляху*). Ще не зовсимъ стемнило, а мени вже и не сыдытця у подвирьи. Це, певно, Лукія нарочыто мени поробыла таке, що прыть-можъ тягне мене до неи. Отакъ колысь тагло мене до Домахи. Тилько почне було сутениты, вже й лечу до неи, мовъ

на крылахъ... Теперь видъ Домахи трохы одвернуло, а до Лукіи сылоу веде! Осьдечкы й хата Домашына, а мени пре неи неначе зовсимъ байдуже. А першъ що було? Якъ одынъ вечиръ не побачуся зъ нею, то вже й ничъ здаетця мени довгою та чудною, потимъ цилисинькый день нудю свитомъ та блукаю, мовъ не прыкаяный; ни до роботы, ни до йжи, ни до чого не бере мене охота. А теперь отъ самъ бачу, що вже зовсимъ не те. Оце тилькы заразы, якъ згадавъ про неи, то нибы трохы защемило и доскотно стало въ грудяхъ. Кохавъ такы я ии, здорово кохавъ! Такъ кохавъ, що наврядъ чы те коханя ии мынетця. На вдаху, щобъ такъ лехко забулося: зга-

дуватыметця такы; на який часъ може й заиміє, а потимъ и згадаеця... Що не кажы, а жаль іи. Посылали мене маты до ворожки, щобъ видшпѣтала видъ Домаха... Положымъ, видшпѣтала, та не зовсимъ. Колы бъ Домаха веселищю була, або якою инчою, щобъ не такою... Якъ згадаю, яка вона, ажъ сумъ обгортає!.. Лукія, та зовсимъ не така. Здаеця, що колы бъ Домаха була такою, якъ Лукія, то я николи й не подумавъ бы про другу дивчыну и нищо не одвернуло бъ видъ неи. Де жъ, прямо отъ такъ и чую, якъ тягну мене до Лукіи! Якъ побалакавъ зъ нею, такъ и засила мени у думкы. Вже жъ и дивчына, наврядъ чы й е де така друга! Колыбъ маты гарненько вдывылыся въ Лукію, то зроду-вику не сылували бъ мене свататы Степаныду шынкареву. Прысикуютьця що-дня та грызуть голову, щобъ я сватавъ Степаныду. Степаныда й ничого соби дивчына и лыбсь до мене ажъ палахтыть; одначе жъ якъ не бачу іи, то й байдуже, а до Лукіи мовъ за руку мене веде. Колы бъ Домаха хочъ зненавдыла мене, або занехала, щобъ видсахнулася. А то якось... Якъ же такы такъ видсахнутыся самому? такъ же не зненавдыть, не видсахнетця, — знаю я іи добре. Прямо напастъ! А Степаныда хытра! Якъ тилько зустринетця, то мовъ наумысно моргає на мене. Отъ що вона звычайна, такъ це правда! Не каже на мене—Васылю, а Васылёмъ Захаровычемъ волычає! Ухъ, и Лукія хытра. А котра зъ ныхъ хытрища, такъ розберы? Позавчора зустривъ Лукію на ричци, прала сорочки... Ну й дивчына-жъ! Якъ вона ловко спива, та якъ тонко та голосно выводе—ажъ неначе той голосъ у грудяхъ тоби дзвеныть. Домаха такъ не заспива, куды ій: Домаха все жалибныхъ спива, а Лукія голосныхъ. Колы бъ маты сылували мене свататы Лукію, то ябъ зъ радистю. Позавчора йду берегомъ,

чую, щось спива, глянувъ, ажъ то вона пере сорочки, я й підійшовъ до неи... Ну й гостра-жъ на мову! На нашимъ кутку такыхъ дивчатъ и заводу нема. Якъ гляне, якъ поведе очыма, якъ зныже плечыма, то такъ тоби въ очахъ и затуманіє и ничого не бачышь, опричь іи одніи. Полома, а не дявка!

Я В А ІІ.

Лукія йде вулицею видъ лвады зз видрамы.

Васыль (*побачывъ іи*). О! Лукіє! Видкиля це ты зъявилася?

Лукія. Видкиля я надумаю, видкиля й зъявлюся. Зъ неба зиркою впаду, зъ воды рыбкою зирну, така вже соби зародылася!

Васыль. Ты й справди чы не видемоского кодла.

Лукія. Хиба вже затуманыла тоби свить? Ой, лышенько! и не встереглася! (*Регоче*).

Васыль. Дзыга! Ни, справди, видкиля це йдешъ?

Лукія. Такъ и е, що вже зовсимъ заслипыло сердешному! (*Показує очыма на видра*). Адже бачышь, що не зъ гулянкы.

Васыль. Та бачу.. (*Не зна, що сказатъ*). Дай воды напытыся.

Лукія. Хиба такъ дуже пашыть у тельбухахъ? Напыйся! (*Сміетця*).

Васыль (*пзючы*). Чому жъ не кажешъ: доброго здоровъячка пывшы!?

Лукія (*усмихаецця*). Щобъ не захлыбнувся зъ радощивъ, що мене вздривъ, щє й тыгнешъ!

Васыль. А тоби жаль бы було?

Лукія. И... Господы, шкодувала-бъ! Такъ зъ жалю опукою й гримнулася бъ объ шляхъ. (*Регоче*).

Васыль. Дурывитка!

Лукія. Не вирышь? Ой, заплачу! Не завдавай серцю жалю, бо розиллюся, якъ риченька, слезамы.

Василь. Ой, не глузуй!

Лукія. Докы весела — глузую, а обгорне сумъ — плакатыму.

Василь. За кымъ?

Лукія. Не за тобою... За тобою мнча плакатыме.

Василь. Що — о?

Лукія. Не шокай, щобъ згодомъ не захтокавъ!

Василь. Чого на нашъ кутокъ по воду прыйшла?

Лукія. Тутъ вода солодча! А може когось хотила бачыты?

Василь. Наврядъ, щобъ тутъ бувъ такый.

Лукія. Ба, е! Е такый, що поведу бровамы — побижыты цуцыкомъ у следъ; скыну очыма — зипнетця на ланкы й потанцюе!..

Василь. Та хто-жъ вынь?

Лукія. Бачъ, вже й захтокавъ... Цюцю на!

Василь. Ачъ яка!.. Лукіе, чуешъ, пиду и я зъ тобою!

Лукія. А цыба!

Василь. Та ну-бо, не дурій!

Лукія. Докы дйдешъ, геть воду выхлебчышъ. Преподобныкъ.

Василь. Я прыйду, якъ стемніе. Выйдешъ?

Лукія. Не охота.

Василь. Царемонна! (*Помовчавъ*). Чуешъ, выйдешъ?

Лукія. Морозъ великый на двори, боюся змерзты видъ твоихъ палкихъ речей. Ачъ яка мармуза!

Василь. Бисъ, а не дивка!

Лукія. Глянься у воду на свою вроду, то побачышъ, що й самъ зъ чортомъ схожий! Хорошунъ!

Василь. Де ты ночуешъ? у клуни, чы въ комори?

Лукія. У куточку, на килочку!

Василь. Нв, справди?

Лукія. Напыйся швыдчъ погожои воды, бачъ якъ розжеврився!..

Василь. А якъ безпечнишъ прократысь: черезъ леваду, чы черезъ тикъ?

Лукія. Черезъ викно, або черезъ дымарь.

Василь. Хиба я злодій? Я пройду черезъ леваду!

Лукія. Въ левады капушту поламаешъ, а якъ прямуватимешъ черезъ тикъ, почувуть вуха, буде ногамъ лыхо!

Василь. У мене ногы прудки.

Лукія. Очи прудчишъ! (*Иде*).

Василь. Скажы-жъ хочъ — прощай!

Лукія. Не було — здрастуй, не буде й прощай! (*Регоче*).

Василь. У, бисъ!

Лукія. Красунъ, мовъ намалёванный. Патреть!

Василь. Ой, хытра!

Лукія. Эго-жъ, якъ иду, то й хытаюся!

Василь. Постій-бо ще, побалакаемо.

Лукія. Цикавого ничого не скажешъ, а не цикава й дома обрыдло! (*Пишла*).

Василь. О, оглянулася! Ей-Богу, моргае! Що? кажы-бо дужче, не чую! Прыты?

Лукія. (*За лагитункамы*). Цю-цю, кучерявый!

Василь. Жартовлыва!

Лукія (*спива*). Ой вербо, вербо кучерява, хто тоби, вербо, кучери зывъ?

Василь. Ачъ, якъ заляскотала, ажъ луна пишла! Колы бъ швыдчъ стемнило, пиду до ней! Ажъ у грудяхъ клыкотыты, такъ тягне. Гуляй, парень, докы въ тебе воля е! Що буде, то буде, а пиду такы до Луків! (*Пишовъ*).

Я В А ІІІ.

Домаха выходыть зъ пидвирья.

Домаха (*прыслухаецця*). Куды-жъ вынь подився? Думала, на тикъ пишовъ,

побигла туды,—нема. То жъ винъ спивавъ, то ёго голосъ. Куды жъ пройшовъ? Чы не погнавъ воливъ до ричкы? (*Дывытця у глыбыну кона*). Ни, и бидя ричкы нема! Бачу, бачу вже добре свое лыхо и якъ не сылкуюся видвернуты видъ нёго поглядъ, а воно наскрызъ тебе пронизуе! (*Зитхнула*). Бодай вже тоби, Васылю, такъ лехко спивалося, якъ мени дыхаетця!

Я В А І V.

Карпо *выходе зъ сусиднѣи хаты.*

Карпо. Добры-вечиръ, Домахо!

Домаха. Здрастуйте, Карпе!

Карпо (*пидходе*). Чого така не весела?

Домаха. Такъ собя... нибы й не знаешь? Не стилько, Карпе, смутку, скилько думокъ, думкы дуже посадають!

Карпо. Исмутокъ незагаеця—прыйде, хочъ и не кльчъ ёго—насуне. Воно такъ и мусыло зкоитыся, бо якъ же инче?

Домаха. За вищо жъ, Карпе?

Карпо. Виддала ты ёму душу, а винъ за те й залышывъ тебе. А ты думаешь, за що инче?

Домаха. Може ще не залышывъ?

Карпо. Давно вже не ты ёму на думци.

Домаха. Хто жъ така?

Карпо. А я почимъ знаю?

Домаха. Не драгуй, Карпе, серця, думаешь лехко? Не сыла моя перебуты розлучення!..

Карпо. Хочъ и не сыла, а мусышь сылкуватися.

Домаха. А якъ не осылю, и та боротьба штовхне мене въ кручу, або на гыляку?

Карпо. И такъ трапляеця.

Домаха. А чы мусыть же воно такъ трапляеця?

Карпо. Мусыть, чы ни,—це инча ричъ.

Домаха. Почимъ ты постерегаешь, що Васыль залышывъ мене?

Карпо. Я те кажу, що бачу. А сама бъ то ты того й не бачышь?

Домаха. Одна думка зъ жалю умливає, а друга надією живе. Но такъ мени шкода самой себе, якъ шкода свого серця. (*Сила, схыльшы голову на руку*).

Карпо. Зъ серцемъ найтяжче, порозумитися—не слухняне!

Домаха. Якъ пилса цего у свити жыты, кому вириты?

Карпо. Мабуть такъ вже воно скрызъ у миру коитця, що де люде—тамъ и горе! Одна надія на таланъ, якъ що винъ у тебе е! (*Сидя бидя неси*).

Домаха. Лыбонъ, нема ёго у мене?

Карпо. А кажуть, що Господь на кожного долю посылае таланъ, тилько що инчий и по-викъ его не натрапыть.

Домаха. Бильшь года кохалыся, бильшь года! Слова лыхого никола видъ него не почула, вирила ёму... вповала... Може батько, або маты неволятъ его браты другу, а не мене?

Карпо. Лыбонъ.

Домаха. Справди? Ты це чувъ?

Карпо. Одначе мени пора вже воливъ на пашу гнаты! (*Встае*).

Домаха. Стрывай, не йды, ще дай душу одвесты... Тоби жаль мене, Карпе. правда? Черезъ те й не хочеш сказаты, що чувъ про Васыля.

Карпо. Одне скажу. Дывына у свити коитця, ще й яка дывына!

Домаха (*помовчала*). Видъ чого иноди, Карпе, якъ стысне журба, то й хата й подвирья здаеця такымы тиснымы, мовъ воны ще гиршь тебе стыгають, мовъ не стане чымъ и дыхаты, и въ ту хвылю хотилося бъ втекты куды-небудь далеко, далеко—и зъ хаты, и зъ села, щобъ и чуткы и висты пощезлы, щобъ и люде забулы объ тоби? Я иноди думаю соби: колы бъ мени крылечка, по-

летила бѣ я високо-высоко, ажъ до най-выщон зирочки и звидѣль дывылася бѣ на Божый мырѣ и ни на кого бѣ я не нарикала и усимѣ, усимѣ людамѣ прохала бѣ у Господа щасливон доленькы. Бачышѣ гень оту ясну зирочку, ажъ до неѣ полетѣла бѣ.

Карпо. Колы серце почувае, що воно сыротіе, а сыроті завжды лехчѣ въ самотыни, то й порыва ёго дали видѣ людей: у пуцу, въ лисѣ, въ поле...

Домаха. Може й такѣ... Певно, що такѣ, бо ты вже перебувѣ такѣ лыхо.

Карпо. Перебувѣ? (*Зитхнувъ*). А вже жѣ перебувѣ... Перегорѣло й погасло, не варта про нѣго й згадувати!..

Домаха. Ты казавѣ якось, що въ степу роскыдавѣ свою тугу?

Карпо. Въ чыстѣмъ поли и думкамѣ воля и слѣзамѣ просторѣ.

Домаха. Колы бѣ и я змогла такѣ передужаты себе!?

Карпо. Посылакуйся! Я и въ наймы пшовѣ за для того, щобѣ бильшѣ у степу жыты, щобѣ выховатысь видѣ цѣкавыхѣ порадныкѣвъ... Що зѣ того, що е въ мене и грошенята, й худоба, и одежа? Хиба и я колысь не бувѣ хазяиномѣ? Ты тоди ще малою була, може й не памѣятаеш! Бувѣ хазяиномѣ, та ще й не абы-якымѣ: була въ мене и хата своя, було и въ хати и въ обори. А на вищо теперѣ мени та хата,—щобѣ було де горобцямѣ та мышамѣ плодытыся? Хата бѣла, та стѣна нѣма—то ще сумнищѣ въ своѣй хати, нижѣ у чужѣй загати!

Домаха. За вищо, Карпе, покынула тебе Приська?

Карпо. За вищо? Спытай чоловика, котрый учора нагодувавѣ злодія, за вищо той злодіѣ сѣгодня укравѣ у нѣго коняку? Скаже: „за хлибѣ, за силѣ, та за ласку...“

Домаха. Ты догожавѣ Присьци?

Карпо. Годывѣ, якѣ лыхѣй болячци. Домаха. Може й мене Василь черезѣ те запуравѣ, що догожала ёму?

Карпо. А хто ёго зна! Приська була одынокою, тынялася по чужѣхѣ хатахѣ попыхачемѣ, я те-жѣ вырѣсь пидѣ чужымѣ прыпичкомѣ, змалку самѣ собѣ. Думавѣ: якѣ-разѣ одно другому буде до пары. Обое въ волю натерпылся, обое въ волю наилься чужѣхѣ штовханѣвъ, то й шануватымемѣся. Запала мени въ око, а тутѣ ще й самы... якось зустрѣлся, йдучы зѣ гробовыща, разбалакался: „беры мене, каже, Карпе, буду тоби вирною й покирною!“ Я, не довго думавшы, й оженився. Не пройшло й року, якѣ почала нудытыся. Спытаю: чого нудышѣ свѣтомѣ?—Мовчыть. Хочу прыголубыты іѣ— вона якѣ камѣяна; а дали й одрубала: „не кохала, каже, я тебе николи и не вповала кохаты, а що обрыдлы мени злыдни, черезѣ те й пишла за тебе“... Онѣ якѣ! Завѣязала мени свѣтъ, та й майнула...

Домаха. И якѣ такы не кохаючы йты замѣжѣ?

Карпо. Та каже жѣ, що злыдни прысылувалы.

Домаха. Ты дуже іѣ кохавѣ?

Карпо. (*Зитхнувъ*). Мынулося.

Домаха. Правду кажешѣ, Карпе, що де серце, тамѣ и лыхо! (*Помовчала*). А що якѣ Приська зновѣ вернетѣя, ты не проженешѣ іѣ видѣ себе?

Карпо. А хто ёго зна: може й прожену, може й ни! Самѣ не пиду іѣ шукаты, нехай вже іѣ злыдни шукають. Спершу не хотѣвъ бамагы іѣ даты, и люде раилы: „выхворосты іѣ“ кажуть, „гарненько, схаменетѣя!“ Такѣ я не послухавѣ людей, подумавѣ: сылю не вдержышѣ, нехай краще иде зѣ очей, лехче обомѣ буде!

Домаха. Не гараздѣ Приська вчыныла!

Карпо. А ты думаешъ, що Богъ иі за це не покара? (*Помовчавъ*). Не я одинъ у миру бидкаюся, то й не ремствую. Скризь, куды окомъ не скинь, скризь лыхо стыскае людей: инчихъ на вики прыплюше, що вже й не пручаютьця, а инчихъ прытысне, та й пошкодуе! (*Помовчавъ*). И вчора Василь не приходивъ?

Домаха. И очей не навернувъ. Оце заразъ кудысь пройшовъ вулицею, ще й голосъ подавъ, нибы дражнивъ. Куды винъ пишовъ?

Карпо. Туды, куды повела ёго дурна голова!

Домаха. А якъ божывся, якъ прысгався...

Карпо. Инчій людны забожытця, якъ рукою махнуты. Хто зугаренъ до-ладу белькотаты та заслиплюваты очи, того бильшь и слушають, и слово такого белькотуна завжды зверху!..

Я В А V.

Палажка зъявляецця зъ-за тыну.

Палажка (*у бикъ*). Онъ якъ любенько балакають! (*Голосно*). Хто языкомъ грае, той и шану мае! Добрывечирь!

Карпо (*кывнувъ головою*). Ачъ якъ тыхо пидкралася!

Палажка. Карпе, голубчыку!

Карпо. Знову тїен-жъ? Отъ бачышь, зроби тоби що небуть, то вже й не видчепыся!?

Палажка. Въ останній разъ.

Карпо. Це я що-дня чую. Скажи що небуть новище...

Палажка. Самъ подумай, де-жъ я иі пастыму?

Карпо. Ну, а якъ хазяинъ зновъ постереже, що на его стерняхъ пасу твою тельцю, то зновъ мусытому ёму тыждень, або й бильшь набуваты?

Палажка. Я вже тоби папушу тютюну куплю! Завтра пожену иі въ базарь, продамъ. Хай иі абы-що, продамъ!

Карпо. Давно вже ты иі продаешъ. Та що зъ тобою вдїешъ? Выжены иі заразъ за слободу, видтила й займу; а у досвита пережену иі на громадську толочу. Та хочъ никому не хвалыся. Языкъ у тебе якъ лопата!

Палажка. Щобъ мене сей та той побывъ, колы я кому хочъ словечко. Дай тоби, Боже, здоровъячка! Я знаю, що ты добренький! Я тоби завтра куплю папушу тютюну.

Карпо. Не треба мени твого тютюну.

Палажка. Чулы дывину? И що воно тилькы у свити Божему дали коитымытця? Остапъ Махтейчукивъ кохавъ Ганю, зъ Лепестыною гулявъ, Секлету посватавъ!..

Домаха. Невже?

Палажка. Оце тужъ-тужъ повернувся зъ рушныками, сама бачыда! Пишовъ до Ганны зъ старостамы, а Ганнынъ батько й каже: „не виддамо! Мы безъ неи зостанемось якъ безъ рукъ, мы иі выгудувалы и до пуття довели, нехай спершу на насъ видробе!..“ Остапъ, за однимъ заходомъ, у другу хату, до Лепестыны. А Лепестынынъ батько й одривавъ: поклады сорокъ карбованцивъ на стиль, тоди й бери иі, — за якого я, каже, дидыка справлятыму весилля? И де бъ той Остапъ узявъ таку суму? Сорокъ карбовонцивъ, тожъ гроши! А въ нёго тилькы, мовлявъ, и худобы, що чорни бровы. Тоди Остапъ зъ пересердя заразъ шустъ до Секлеты, а тамъ зразу й подавалы рушныкы, безъ торгу. Щобъ не подавалы? Секлетынъ батько раднищый за кого-бъ не виддаты Секлету, абы выпхаты мерщи зъ хаты, бо дивка вже пидстаркувата, зовсимъ дохожала.

Домаха. И якъ такы свататы таку, про котру навить и въ головахъ соби не покладавъ? Та й Секлета, якъ такы такъ, не думаючи?

Палажка. Буде ще тихъ думокъ повна голова, якъ выйде замижъ, остогыдіють ще ти думкы! Ты черезъ що такъ миркуешъ? черезъ те, що у васъ яка симъя: ты та батько. Тоби й можна вередуваты. А тамъ, де симъя якъ половы, а дитворы якъ каши,—не остогыдіе хіба товктыся за всыма? Пидешъ, зъ досады пидешъ, заплющывшы очи, за першого, котрый лучытця. Хочъ гирше буде, та инче! *(Голосъ за лаштунками: „Карпе, а де ты? жены вже худобу на пашу, бунтуетця, геть загату рознесе).“* Хазяинъ вже гука.

Карпо *(видкуетця)*. Ось я заразъ. *(До Палажки)*. Выганяй же мерщи тельцю!

Палажка. Прощавайте! *(Побигла)*.

Карпо *(сміетця)*. Цокотуха! Достоветна сорока билобока, наскреготала, наскреготала, що й у дви прыгорщи не захопышь. Друга-бъ засумувала, або задурялася, мавшы тилько й достаткывъ, що обидрану хату та тельцю, четверо дитей, якъ ти пупьяныкы що одно другому и воды не зугарне податы, а вона... я соби такъ мыркую, що мій хазяинъ не зубожіе видъ того, що ін тельця попадетця на ёго стерняхъ.

Домаха. Ты ій и гроши позычаешъ?

Карпо. Це вже мое дило. Оце заразъ пиду, та якъ выйду на мogyлу, розкладу соби вогныще, ляжу та и буду думаты.

Домаха. Про вищо?

Карпо. Може й про тебе... Я щоразу, якъ стану на мogyли, якъ погляну навкругы, на просторъ, заразъ такъ и вкрыють мене думкы, обсядуть якъ та галичъ, часомъ такъ забунтують, що й рады имъ не дасы!.. Думкы бунтують, а я соби мугычу та щось мыррю пидъ нись... Мугыкаючы, иноди й писню складу, и голосъ до ней выведу и слова пидладнаю... И хто ёго зна, видкыля той голосъ и ти слова визьмутця? Чы ихъ ви-

теръ навіе, чы пичка нажене? Та ще иноди такъ щильно прыпадуть до голосу, нибы я ту писню не самъ склавъ, а видъ когось чувъ іи. Наспиваюся у волю, тоди все у мене заниміе и лехко дыхаецця. А думкы якъ почнуть мене водты: одна веде мене въ одну хату, друга-въ другу... У кожній хати побуваю, и кого тилько не побачу, зъ кымъ тилько не набалакаюся. Такъ коженъ, про кого думаю, такъ винъ и змалюетця передъ моймы очыма.

Домаха. А про мене жъ що думаты-мешъ?

Карпо *(дыветця на неи)*. А те, що дурный твій Васыль. Винъ не баче, яке у тебе дороге серце!... *(Пишовъ співаючы: „Та хто лыха не знае, та нехай винъ мене спытае).“*

Домаха *(сама)*. Кажешъ: „дороге серце!“ та не Васылеви воно дороге. Вряза серцеви, зневага коханню—завищо? Вже краще прыйшовъ бы та въ вичи сказавъ, нижъ такъ обманючы та выховуючысь... *(Помовчала)*. Якъ сумно самій! Зъ Карпомъ хочъ тугу розибьешъ... *(Задумалася)*. Не диджудся мабутъ ёго и сёгодня. *(Тыхо співа)*:

Чого жъ тая хмельнонька

На тыночокъ похылылася,

Чого жъ тая дивчынонька

Та тяженько засмутилася?

Ой, хмелю мій, хмелю,

Рясный, та зеленый!

Уси квиткы рясно цвютуть,

Хмельнонька похыляетця,

Вси подружкы въ щастя жывуть—

Зъ мене-жъ доля насмихаецця.

Ой, хмелю жъ мій, хмелю,

Рясный та зеленый! *(Писшла)*.

Я В А VI.

Гапка и Вивдя проходять вулицю.

Гапка. Це-жъ вже я такъ нагостювалася у васъ, такъ нагостювалася, спа-

сьби! Добренько вамъ, ажъ завидки беруть, що свій шывёчокъ маете, колы хочете, тоди й почаствуетея и добрихъ людей пошануете!..

Вивдя. Важко, голубонько, и въ цимъ дили, Господы, якъ важко! Вже якъ видамо свою Стехванію замижъ, то зятови и шывёкъ передамо. Бо мій старый небезпроенно наважаеця переихаты у мистечко та завести тамъ крамницю, або постоялий двирь. Тутъ нема ёму простору, не та комерція! А шывёкъ видамо зятеви въ прыдане за дочкою. А що мени, голубонько, спротивылося село, то й Господы, якъ спротивылося!

Гапка. Вже правда, якъ межъ такими людондамы жыты, якъ наши селяне, краще свить за́-очи.

Вивдя. И Стехванія наша сколько разивъ казала: „мамашо! Нема мени тутъ кумпаніи, ни съ кымъ мени разволикатця!“ А теперъ вже дивчя, закохалося у вашимъ Васылеви. Такъ такы й каже: „красавчыкъ мій!“ Що-жъ, вона у насъ одна! Бачыте, я вамъ прямо кажу, щобъ вы знали. Перебалакайте зъ своимъ старымъ та зъ Васылемъ. Вона у насъ одна, то нехай и буде по іи воли. Закохалася канальска барышня, страшно, щобъ зъ роспuky на себе ручокъ не наложила! Оце, сыдыть, сыдыть та й каже: „що колыбъ, мамонько, надиты на Васыля Захаровыча сердука, або спинжака, правда красавчыкъ-бы бувъ?“ Понаравыла вона вашого Васыля, онъ якъ понаравыла!

Гапка. И справди, якъ одягты Васыля у городське, прыстало бъ!

Вивдя. Мы вже й хвайтона прыдбали за для Стехваніи, щобъ у хвайтонови издыла. Издыть же у хвайтонови прыказчыкы, посесёры... Агапонъ взявъ у одного панка за довгъ хвайтона и дешево взявъ. Яка мени прытычына трапылася зъ тымъ хвайтономъ! Звисно, воно

ще первына! У ту недилу зибралыся мы зъ Стехванією до церкви, а тутъ, голубонько, дощъ якъ сыпоне. Стехванія въ одну душу: нехай запряжуть хвайтона, бо я, каже, не пойду до церкви пидъ зоптыкомъ и въ пидмасто́ни, та на повозци. Ото жъ и поихалы мы зъ нею у хвайтони. Пидъиздымо до церкви, Стехванія й каже: „злазьте, мамонько!“ А я, голубонько, — кажу жъ вамъ, що воно ще первына! не потрапыла куды лизты, не одщепнула хвартуха у хвайтоновъ, та й лизу черезъ хвартухъ у ту дирку, що межъ хвартухомъ и поверхомъ, — тилько що долизла до половины та хотила вхопытыся за що небудь руками, якъ посковзнуся, якъ шелёсну сторчъ, такъ въ болото и полетела!.. Тутъ люде якъ за регочуть, якъ почалы тюкаты!..

Гапка. А звисно тюкатымуть, зъ заздросты тюкатымуть! И не доведы Господь, якый у насъ заздристный народъ!

Вивдя. Але, голубонько, зъ посмиху люде бувають.

Гапка. Авжежъ! Щасливый той буде, кого визьмете соби за зятя: вичній шматокъ хлиба та ще й якый шматокъ!

Вивдя. Не легко винъ, голубонько, й достаеця! Клопоту, клопоту зъ тымъ диломъ!

Гапка. А якъ же! Воно хочъ и по пгяному дилови, безъ клопоть не можна.

Вивдя. На кожного треба потрапыты! Инчому така хвантинель улизе у голову, що й... Пъе, пъе, а дали й почне вередуваты: не мицна, каже, горилка! Давай, каже, мицнищои, бо пиду у другый шывёкъ. Тутъ вже и мусышь пидмишуваты: чы тамъ гымбырю, чы па́прыкы, чы часныку, або й тютюну пидмишась, Не можна, голубонько, треба биля нёго клопотатыся... Одному, другому не догдышь, то вже и вбытоє! Отъ моя Стехванія, та вже буде достометною шывкаркою, зна, до кого якъ пидійты и пидда-

брызнытыся! Бо не даромъ чотыри роки служыла въ городи пры ростыраціи.

Гапка. Що вже прыятна ваша Степанида, така вже прыятна!

Вивдя. Въ городи, голубонько, набралася усякыхъ прыятностивъ. Я вже й не знаю, до кого мени іи и прыривняты? По розмови хйба до попывѣнъ, по одежи—до посесорши, а що вже по прыятностяхъ!..

Я В А VII.

Домаха зъявляецця и слуха.

Гапка. Коли бъ, серденько, зкоилося такъ, якъ мы зъ вами уповаемо! Я певна, що Васыль мени зкорытця.

Домаха *(у бикъ)*. Що таке?

Гапка. Отъ тилько за свого старого не знаю.

Вивдя. Якъ це вы, голубонько, прожыли вкы зъ своимъ Захарькомъ, а не зумили ёго замордаты? Щобъ мій чоловікъ та не робывъ по моему? Жынка повинна буты головою у господи.

Гапка. Такъ бы то воно мусыло буты, та ба!..

Вивдя. А що сынъ вашъ, то вже вкы мусыть вамъ безъ суперѣкы зкорытця—мезынчыгъ же, та ще й мазунчыкъ?

Гапка. Та ще й якый мазунчыкъ!

Вивдя. Якъ вже и диты, бороны Боже, пидуть у поперекъ родытелямъ, то краще ихъ маленькымы потруты!..

Гапка. Якыйсь, серденько, дывный теперъ свить наставъ. Отъ старшый сынъ, Мытрохванъ, по свой воли оженився. И зновъ дочка Мокрына виддалася за злыдня... А якъ я не хотила, якъ вгворовувала!.. Охъ, серденько, дывный свить наставъ!

Вивдя. Одна у насъ Стехванія, якъ сонце въ неби. Кого понаравыла, нехай за того и йде. И я такы люблю гар-

ныхъ парубкивъ. На гарного задывнесся и сама нйбы молодчаешъ. Мени, щобъ зять бувъ гарный зъ лыца, а моему Агаповови, щобъ бувъ покирлывий.

Гапка. Тамъ такый вже покирлывий, якъ ягняте!..

Вивдя. Шкода, голубко, що вы не чулы, якъ моя Стехванія спива модныхъ писень. Тамъ якъ заспивае, якъ выведе голосомъ, то я заразъ такъ и плачу, такъ и обиллюся слѣзамы!.. Ну, прямо выверта, цилкомъ выверта мени печинкы!.. Свиданія, голубонько!.. *(Цилуютьця)*.

Гапка. Щаслыво! *(Вивдя пишла)*. Отъ щастя саме въ руки лизе! Бо такы Васыль мій щаслывий, у сорочци родывся, до году купала ёго у любыстку... Вкы мене послуха, то-жъ моя кохана дытна. Домаха ёму замарудыла свить, спаснби, ворожка видшентала. Вивдя каже: шынѣкъ зятеви виддамо у прыдане. Отъ щастя! Коли скортыть, тоди й почагуецця: чарочку, дви, та й доволи!.. А мени бильшь и не треба. Чарочку, дви, а иноди й тры... *(Пишла)*.

Домаха *(сама)*. То це Васыля наважаютця оженыты на Степаниди шынкаревій? Та про неи жъ по всѣму селу лыха слава йде!.. Хйба грошныма замаже очи людымъ... Боже, Боже, а що-то буде, якъ и мене почнуть лыхословыты?

Я В А VIII.

Васыль бижыть вулицею.

Васыль. Отъ чортови розбышакы, постереглы!.. Тутъ ихъ не боюся! *(Побачывъ Домаху)*. Домахо, ты? Здорова була!

Домаха. Видѣля такъ хутко бигъ?

Васыль *(чоломкаетця)*. Та тамъ... Ходывъ на той кутокъ, батько посылали до одного чоловіка. Тогобныцьки парубкы погналыся, ледве втикъ. Отъ бусурманы! Ажъ у грудяхъ коле! *(Важко дыха)*.

Домаха. Гараздъ, що хочъ загнали тебе до мене...

Василь. Ей-Богу, никола було!.. И теперь по дилу ходивъ!

Домаха. Мабуть вже тобі всі шляхи до мене перекопани?

Василь. Хто жъ то ихъ перекопавъ?

Домаха. Не ховай очей, кажы вже прямо... Василью, Василью! чы було хочъ одне слово правды до мене у твоихъ речахъ?

Я В А І Х.

Вулицею сижать два парубки.

1-й парубокъ. Втикъ, ну щастя ёго!

2-й парубокъ. Я пужнувъ за нимъ ломакою, та шкода, що не влѣчывъ по ногахъ (*побачылы Васыля и Домаху*). А це хто стоить? (*Пидходять*).

Василь (*ухопывся за килокъ зъ тыну*). А вамъ кого треба?

1-й парубокъ. Та чы не винъ це? (*Прыдывляетця*).

Василь. Мени не довго й килка зъ тыну вытягты. Чого сюды прытѣпалыся? Знаете, що тутъ гряниця, тутъ вже наша вулиця. Геть зъ нашої вулицы!

2-й парубокъ. Ты не дуже!

Василь. Я заразъ гукну на нашихъ парубкивъ, мы вамъ задамо!

1-й парубокъ. Ну, попадесся ты намъ у друге.

Василь. Ов-ва!

2-й парубокъ. Не доличыся ребра!

Василь. Ов-ва!

1-й парубокъ. Мы тобі покажемо, якъ до нашихъ дивчать залыцятися!

Домаха. Онъ якъ!

Василь. Та нехай вони вамъ повыздыхають! (*Парубки нишлы*). Супостаты, задѣры!.. Чужою вулицею хочъ и не ходи!

Домаха. До кого жъ це ты унадився?

Василь. Та що вони брешуть!.. Отъ анахтымы! (*Сидя*).

Домаха. Хто жъ та моя розлучниця, скажи?

Василь. Ей-Богу, вони брешуть!

Домаха. А чого-жъ ты за цилисийный тыждень и очей не навернувъ до мене?

Василь. Та никола було... (*Помовчавъ*). Домахо! За вищо мои маты табъ зненавидылы тебе? Чы ты имъ що у поперекъ сказала, чы може колы не по-здоровкалася?

Домаха. Чого жъ бы то я была такою не звычайною? На матиръ звертаешъ? Чы ты й тоди зъ матерью радывся, якъ почавъ до мене залыцятися? Чы не вона тебе навчыла стоптаты и мою дивочу честь? Иды соби, маминъ мазунчыку!

Василь. Домахо! Мѣни, мабуть, почынено! (*Ухопывъ голову въ руки*).

Домаха. Эге-жъ, почынено... Женны тебе наважуютця?

Василь. Знаю!..

Домаха. Чого жъ прыйшовъ? Мало сорому завдавъ, такъ хочешъ, щобъ ще й люде мене ганьбылы!.. (*Одвернула ся и здержуе себе, щобъ не зарыдатъ*).

Василь (*не знаючы що сказаты, бере соломыну зъ стрихы*). Домахо! Бачышь оцю соломынку? Отъ узавъ у зубы, перекусывъ на-двое... Отакъ и мы теперь зъ тобою!..

Домаха. Насылу развѣязывъ рота! Не велика розмова, та велика тиха, не сподивана, за те онъ яка люба!..

Василь. Кола бъ ты знала, якъ мени жаль тебе, такъ жаль!.. Все въ мени стогне, все плаче!.. Здаетця, теперь и не видѣйшовъ бы видъ тебе!.. А дома, якъ почнуть маты пекты, якъ почнуть морочыты!.. За вищо тебе табъ маты зненавидылы!..

Я В А Х.

Ти жъ и Гапка.

Гапка. Чы нема тутъ нашего Васыля?
Васыль (*тыхо*). Домахо, не бажы,
заховай мене!

Домаха. Здурила я хйба? (*Голосно*).
Осьдечкы винь!

Гапка (*пидійшла*). А йды, сыну,
до дому, батько кльче!

Васыль. Чого тамъ? я ще не хочу
спаты, ще рано...

Гапка. А ты, дивко, замисць того,
щобъ прынажуваты парубка, краще бь
пшла до обору та прыглядила за коро-
вою, чого то вона тамъ такъ реве! Одну
маете коривку та й та згыне, або ска-
личіе за такую хазяйкою!

Домаха. Не спроважуйте мене, коро-
вы нашой и въ загати нема, вона въ по-
ли. Не торбуйтесе, титко, ще ваша пора
не прыйшла мене вчыты.

Гапка. Вона й не прыйде, щобъ ты
знала.

Домаха. Я обь тимъ и не печалуюся!

Гапка. Отъ визьму сына за руку та
й поведу до дому!

Домаха. Може за руку не доведете,
то визьмить за чуба!

Васыль. Мене за чуба?

Гапка. Ходимъ, сыну! Бачъ, яка вона
гостра супроті мене!

Васыль. Не пиду!.. не хочу!..

Гапка. Не пидешъ? Я тебе проклену!

Васыль. Кленить!.. Вы зовсимъ мене
заморочылы!..

Домаха. Васылю, не спретчайся-бо,
йды! Визьмить, визьмить ёго, титко, за
чуба! (*Хутко пишла*).

Васыль. То ты ось яка, Домахо!?

Гапка. Ты дочекаёсса, що я батька
за тобою приведу, та ще й зъ батогомъ!

Васыль. То ты така, Домахо! Хо-
димъ... Тилько по вашому наврядъ чы
буде! (*Пишлы*).

Я В А ХІ.

Парубны проходяты черезъ конь и спи-
вають:

Ой, тамъ за Дунаемъ молодець гуляе.
Та подай перевозу, та й перевезуса,
Та на свою Украину та й надывлюся.
Та не такъ на Украину, якъ на ту
дивчыну.

Молода дивчына, то жъ моя прычына...
Мыхайло. Домахо! гайда на вечерныци!
Пылыпъ. А Васыль де?

Домаха. Не знаю!

Мыхайло. Гайда! Москаль сегодня
прыйде, буде штуку показуваты! (*Пишлы*).

Я В А ХІІ.

Домаха (*одна*). Покинуть, на вика
покинуть! Нехай бы мене саму, а то не
пошкодувавъ и того, що пидъ сердцемъ
моимъ трипоче!.. Думаешъ, плакатыму? Не
дждешъ, не дждешъ!.. Залышу, залы-
шу свое кохання, або страчу себе, а ты
не посміесея зъ мене, ни!.. Охъ, якъ же
тяжко! (*Ухопылася за голову и пры-
пала на прызъбу*).

З а в и с а.

Д І Я ІІ.

Середына хаты заможного селянина. Стизь, лавы, скрыня, пиль, жердка, пичъ, мысныкъ и т. п.
Соха посередъ хаты, на соси горыть лампочка).

Я В А І.

Захарко, Гапка и Васыль.

Захарко. Зважуй, сыну, власнымъ ро-
зумомъ про все те, що я тобі оце кажу.

Мени е пидмога видъ тебе—и въ поли,
и въ дорози; а матери й справди нибы
вже й сутужно безъ пидручнёи,— чы у
поли, чы въ обори, якъ била печи, такъ
и била жлукта—скрызъ вона одна. Давно

вже мати натяка мени про це, але я самъ вже бачу, що пора и їй дати помочи. Скажи теперъ свое слово!

Василь. Миркуйте, тату, вы за мене, а я що?

Гапка. А хіба й справди не втомылася я, що-дня роблючы, обмываючы та обшываючы васъ; годитця на старосты и мени запобіггы хочъ невірненькой шаны. Якъ звалюся раптомъ, хто вамъ тоди исты зваре, чы хліба зпече?..

Василь (*зглянувся з матирью*). Якъ вы мени, тату и мамо, загадаєте, я такъ и мусытиму вчыныты.

Гапка. Не казала я тобі, старый, що Василь безъ батькового дозволу а ни на ступинь? Такъ, сыну, разъ—позразъ такъ и робы: шануй батька та матирь.

Захарко. Та це то гараздъ, що повчашь ёго шануваты батька—матирь, тилькы що у цимъ дили, про котре балакаемо, батькова та материна воля мусють не передъ весты, а потрапляты за сїноюв думкою. Скажи, сыну, може вже въ тебе е на прыкмети, котра тобі до мысли?

Гапка. Абы бъ намъ, старимъ, вона була до мысли, чы правда, сыну?

Захарко. Та ты не прысиеуйся до нёго. Не люблю я, якъ ты починаешь пидсовуваты ёму свого розума. Лыбонь у него голова не куряча?

Гапка. Що то за невестка, котра не мала бъ насъ потрапляты? Бачыла я вже почытування видъ одній такой невесточки,—видъ Мытрохвановой красули. Годи вже, вдовольнялася такимъ почытуваннямъ!

Захарко. Почытування той запобига, который вартъ ёго... Щось вы сёгодня обое ныбы чудно балакаете?

Гапка. Якои тобі ще кращон балачкы треба?

Захарко. Не потайнои! Васылю, що це ты удаешь зъ себе такого покирлывого? Ой, миркуй, кажу тобі, на вспряж-

кы! Тобі жыты зъ тією, котру визьнешь за жинку, чы намъ?

Василь. Я, тату, волю взяты ту, на котру впаде ваша та материна думка.

Захарко. Такъ кажуть тилько пидлесныкы, або ти, у котрихъ свого розуму бракъ.

Гапка. А мени отака мова й люба! Сватай, Васылю, Степаниду Агапону, кажу тобі—сватай и! Степанида найбільшъ мени до мысли. За нею дають дви пари воливъ, тры коровы, дви телыци, двоо коней, хургонъ... А одежи у неи безъ лику, безъ зносу, та все яка одежа!—шарахваны, пидмастоны, бурмусы, шуба котыкова, сынею люстрыною вкрыта... Тамъ такой одежи, що й повикъ не зносе. Ще й шынёкъ дадутъ зятеви въ прыдане.

Захарко. Ага, ондечкы де чортяка сыдыты: шынёкъ у прыдане!

Гапка. А що жъ, вичній шматокъ хліба! Спершу шынёкъ, а згодомъ и лавочку можна видкрыты.

Захарко. Шынёкъ, лыбонь, краще! Якъ ты думаешь, стара? Отъ роскышъ бы була!

Гапка. Чого усмихаеся? Грошей за нею бильшъ, якъ на тры сотни.

Захарко. А чы ты довидувалася, шо у Степаниды пидъ тією гарною одежою? Шынёчокъ тобі прынада!

Гапка. А вже жъ прынада, не мени, а грошамъ прынада. Хочъ бы й Агапонъ якъ розжывся зъ шынёку, а чы давно почавъ шынкарюваты?

Захарко. Кому жъ наше добро достанотця писля насъ, якъ не Васылеви? Мало хіба ёго, такъ ще й шынёчокъ! Старши диты вже свое забрали: Антонъ. Мытрохванъ, Мокрына—воны вже свое взяли,—все, що мы маемо, спаде одному Васылеви.

Гапка. А якъ и за жинкою визьме гарный посагъ, то ще краще,—буде пер-

шымъ хазяиномъ: и почитування, и повага, и пошаноба! И въ началныкы ёго заразъ выберуть!

Захарко. Одначе Агапона, сколько не шинкарюе, а щось не выбираютъ?

Гапка. Бо самъ не хоче.

Захарко. Якъ будемо вси пануваты, то никому буде й хлививъ зачыннаты...

Гапка. У достаткахъ и щастя й таланъ!

Захарко. А чы такъ ты миркувала, якъ була молодю?

Гапка. Дурна була, черезъ те чортъзна якъ и миркувала. Краще зазнаты на своимъ вику достаткивъ, ніжъ кохання. Зъ кохання кожуха не зшыешъ.

Захарко. Инчу люднуну хочъ по вуха засыпъ рёскошамы, а вона такы бельбоче: „мало, мало!“ Таке вже воно вилупытця зъздрисне, та не важерлыве! Слухай, Васылю! я хочу довидатися твоихъ думокъ: не ховайся зъ нымы, а кажи щиро; не ворогъ я тобі, що въ мой воли— все зроблю. Отъ скоро й люде прыйдутъ за тобою, миркуй, щобъ описля не нарикавъ!

Васыль. Не нарикатыму!..

Захарко. Щось ты сёгодня дуже скупый на мову, кожне слово зъ тебе треба вытагаты! Якъ про що инче йде балачка, то ты й надто буваешъ балакучымъ. Не видъ сердца ты кажешъ, Васылю!

Васыль. А може й видъ сердца?

Захарко. Може! Ну, колы вже ты наважывся выховуватися видъ мене зъ своимы думкамы, то якъ соби знаешъ. Про мене, сватай хочъ и Степаныду.

Гапка. А вже жъ Степаныду!

Захарко. Якъ же ты зъ нею?

Васыль. Зъ кымъ?

Захарко. Зъ Степаныдою.

Васыль. Якъ?.. якъ зъ другимы дивчатын, такъ и зъ нею.

Гапка. А звисно якъ и зъ другимы.

Захарко (до Гапки). Помовчы лышь!

Гапка. Що ты мени й слова не даешъ вымовыты?

Захарко. Багато вже й такъ намолола! (До Васыля). Балакавъ ты колы зъ Степаныдою?

Васыль. Траплялося... Кажу жъ, що я волю такъ, якъ вы.

Гапка. А звисно! сказано: дытна слухняна!

Захарко. Дивно! Двадцять два рокы парубкови, а сердце, чы ще не почынало жыты, чы вже навжылося? На гулянци та у жартахъ ты мало не превидьця.

Гапка. Ну, налопомъ прычепывся до парубка!

Захарко. То бъ то тобі ни одна дивчына не впадала въ око?!

Васыль. Мени вси дивкы однакови! (Зитхнувъ).

Захарко. Онъ яке парубоцтво почало зъявлятися! А чого жъ це ты зитхаешъ?

Васыль. Такъ соби!

Гапка. Бо обрыдъ ты ёму зъ своимы пытаннямы!

Захарко. Гапка! не роспускай губы, знаешъ, що я того ненавжыжу!

Гапка. Чого такъ звирьсся?

Захарко. Не наклыкай биса, бо винъ и безъ поклыку тыняетця помежъ людмы!

Гапка. Може кортыть до бійкы? Рокывъ зъ десятокъ вже не бывъ мене...

Захарко. Отъ же краще й не нагадуй того, що мынулося!

Гапка. А за що ты мене бывъ?

Захарко. За дило. Дурня и въ церквы бьютъ!

Васыль (глянувъ на вично). Лыбонъ хтось иде? (На двори собаки загавкалы).

Захарко. Пиды, проведы видъ собакъ. (Васыль пшшовъ).

Гапка. И вмёратыму, не забуду тобі того, якъ ты надо мною знущався!

Захарко. Коли бь и справди зну-
щався, то не роззявляла бь ты й теперь
рота. Эй, Гапка, схаменись, ще ты не
всю силу выварыла зь мене!

Я В А ІІ.

Выходят Медзеря и Канупирь.

Медзеря. Здрастуйте! Щасты Боже
на все добро!

Канупирь. Добрывечыр! Уідлыва у
вась ота куценька собачка, такъ и хапа
за лыткы.

Гапка (*у бикъ*). Де жь це Василь,
чы не майнувь до Домахы?

Захарко. Просымо сидаты! Залазьте
на покуття!

Медзеря. Спизнылыся трохы, то по-
ра бь вже й рушаты. (*Сидаютъ*).

Гапка (*у бикъ*). Пиду подывлюся, де
це Василь? (*Хоче выйты*).

Захарко. Стара, подай швыдчъ го-
рилку и закуску, почаствуемо, та й зь
Богомъ!

Медзеря. Та по чарци годытця, та-
кый вже законъ.

Канупирь. А якъ же! Опричъ того
горилка заразъ розбуркае балачку, такъ
вона й польетця, якъ медъ.

Медзеря. Не въ кожного вона бува
солодка.

Канупирь. Я вамъ скажу, якъ бувъ
я за присяжного засидателя у окружномъ,
та якъ судылы мы усякы качества... То
отъ—ти, якъ бо ихъ? Присяжни пови-
рення! Шуткы сказать!..

Медзеря. Ну, та й обрыдъ ты мени
зь своимы качествами!

Канупирь. Та постривай-бо, адже За-
харко не чувъ про це! Правда, я вамъ
не розказувавъ?

Захарко. Про вишо?

Канупирь. Кажу, присяжни повирен-
ни! Отъ воны и вчени людє и вныжку
всяку прочытають... Такъ и промежъ

ныхъ є такі, що докы не выпьє чаркы—
другой, то й мова зь нєго якось не йде.
Може въ середини тамъ и багато у нє-
го, такъ на двирь же ничего!.. Оце ба-
лака, балака, нибы ось—ось до краю до-
веде, а дали: пыкъ—мыкъ, мыкъ—пыкъ!
Якъ же збигає до бухвета,—тамъ у су-
ди, на другимъ поверси и бухветъ е!—
Ловко все встроєно. Такъ, кажу, якъ збига
до бухвету, сєрбнє чарку—другу, отаки-
сенькымъ огирочкомъ, або рыбною, зав-
бильшкы зь палець, закусе... Якъ шо
воны и за обядомъ такъ мало идать, то
хто єго зна, чымъ воны й живуть? Кажу.
проковтне рыбу, потимъ цыгарку, пыхъ—
ныхъ и зновъ чарку. Ажъ це вже судеб-
ный приставъ и гука: „судъ идєтъ!“ Шо
жь вы думаете? Писля того якъ забала-
ка, якъ забалака!.. повирете, ажъ у вѣ-
хахъ у тебе заласкотыть, а винъ цвень-
ка та цвенька!.. Ну, ловко жь балака,
такъ ловко!.. Совокупность... касцієноде-
партаменка!?!.. Телеграфъ!.. Помылуйте.
господа судди!.. Головна кодепса!.. Какъ
ежели, теперыча, господа судди, не то
што, но даже, такъ, якъ будто воно идєтъ
супроты совисты... потому Господь на не-
би, Господь и на земли!.. Уси людє гриш-
ни, стало быть, невозможно!“ Слухаешъ.
слушаешъ єго, ажъ голова тоби почне ма-
китрытысь, а винъ сыпе та й сыпе, якъ
зь мишка, якъ лопатою зь засика! „Го-
спода, каже, судди, господа присяжни за-
сидатели! Подывитця на подсудымого, по-
мылуйте, не зобиждайте! Какъ, ежели вы
зобидыте єго, то такъ невозможно по-
ступкы понимать!..“ ну такъ же жалибо-
но почне улєцаты, шо й... Судылы мы
одного конокрада... (*У цей часъ За-
харко налива горылку*). Кушайте на
здоровья! Такъ, кажу, судылы мы одно-
го конокрада!..

Медзеря (*до Канупира*). Чы не ду-
маешъ ты прыспаты насъ твоею побре-
хенькою?

ЗАХАРКО *(до Медзеря)*. Будьмо здорови!

КАНУПИРЬ. Що ты соби думаеш? *(До Захарка)*. Күшайте на здоровья! *(До Медзеря)*. Та якъ бы я зъ пивъ года посыдивъ у суди, а онъ якъ навчився бъ балакаты!

МЕДЗЕРЯ. А докы не навчився, то мовчы. *(Взяв чарку, мовчки здоровкається и пье)*.

КАНУПИРЬ. То бъ то ты такій розумный, що я мушу проты тебе затулаты пыска? Де жъ ты ёго, того розуму набрався?

МЕДЗЕРЯ. Тамъ де й ты. Хиба жъ и я не бувъ присяжnymъ засидателемъ?

КАНУПИРЬ. Такъ що жъ, що бувъ, а чому жъ ты тамъ навчився? Якъ я, такъ я кожне слово на литу хапавъ; а ты бильшь дримавъ. Отъ скажи, на прикладъ, що означа: головна кодепса?

МЕДЗЕРЯ. Хочъ я й не знаю, та це мени не вадыть.

КАНУПИРЬ. А я тобі скажу. Хочешъ, скажу? А що означа! ливиру... лизиру... отъ не вымовлю! Лирзуция?!

МЕДЗЕРЯ. Означа: пый, колы частують!

КАНУПИРЬ *(вытывз)*. Дай Господы, щобъ мы высватаы вамъ онъ яку не вистку!

ГАПКА. Просимо годуватьця на здоровьячко!

КАНУПИРЬ. Такъ що означа релизу...

МЕДЗЕРЯ. Та ну, годи бо тобі! Треба про дило толкуваты.

КАНУПИРЬ *(сміється)*. Ай, чудаць! Такъ воно жъ и означа, що я пытаю: кого маемо свататы? а по судейскому виходыть: лизиру... Що це у мене языкъ заскакуе? А ну, мылостывый государю, нальйте ще по одній.

МЕДЗЕРЯ. Та перестань бо! *(Захарко частуе)*.

КАНУПИРЬ. Тебе завьдыкы берутъ, що я можу на вси языкы? *(Пють)*.

МЕДЗЕРЯ *(до Захарка)*. Такъ до кого жъ маемо йти за рупныками?

ГАПКА. До Агапона.

КАНУПИРЬ *(до Захарка)*. А ваша, мылостывый государю, яка релизу... Тьфу! някъ не вымовлю!

МЕДЗЕРЯ. Що жъ, дивка дохожала й гожа!

КАНУПИРЬ. И модныця!

МЕДЗЕРЯ. А Василь же якъ зъ нею? Була промежъ яка умова?

КАНУПИРЬ. Стало быть, передварытельное обслидствие?

МЕДЗЕРЯ. А, та й не вхвалывъ я отого, що ты якъ почнешъ белькотаты!... Якъ же вашъ Василь зъ Степаныдою?

КАНУПИРЬ. Зъ Стефаниєю Агапоновою у якій согласіи?

ЗАХАРКО. Пытавъ ёго, такъ винъ каже, що ёму „вси дивчата одинакови!“

КАНУПИРЬ. Вонъ, тошно, таки й е. Тилько, що у одной така хватка, а у другой инча... ну, й шабашъ! Допросы зняты, теперъ частуйте!

МЕДЗЕРЯ. Клычте жъ Васыля въ хату та благословляйте ёго хлибомъ—силлю.

КАНУПИРЬ. Та й рицилю... Отъ някъ не вымовлю, неначе бджола за языка вьусыла!

ЗАХАРКО *(до Гапки)*. Гукны на парубка!

ГАПКА *(иде до дверей и гук)*. Васылю! А ходы въ хату.

Я В А ІІІ.

Ти жъ и Васыль.

ЗАХАРКО. Ну, сыну, дякуй добрымъ людымъ, що згодиыся потрудытсы... Скажи жъ теперъ въ останне: волиешъ ты Степаныду Агапонову за себе зьзаты?

ГАПКА. Почавъ знову допытуваты!

МЕДЗЕРЯ. Пожды, Гапко, Захарко правду каже. Намъ що? намъ однаково,

куды не йти. Кажы, козаче, куды твое сэрце хылытця, туды й пидемо.

Канупирь *(до Васыля)*. Може маешь яки показанія допультельни?

Медзэря *(до Канупира)*. Ну, й языкъ у тебе!

Канупирь. Судейскый!

Васыль. Проты матерыной и отцёвськой воли я не хочу йти!

Канупирь. Маладця! Частуйте!

Медзэря *(до Васыля)*. Ну, колы вже такъ ты обмиркувавъ, то благословыся у батька—ненькы, уклонься...

Канупирь. До нигъ уклонься!

Захарко и Гапка *(благословляютъ хлѣбомъ, Васыль уклоняетця имъ до нигъ)*. Нехай тоби, сыну, Господь до-помога й щастыть на все добре!

Медзэря. Тэперъ хочъ и частуйте!

Захарко *(почастувавши, передае Медзэри хлѣбъ)*. Балакайте жъ тамъ доладнищъ!

Медзэря. Цѣму вже мени не вчытыся!

Канупирь *(вытывз)*. Принесемъ до-стотетну резнюлюцю!—Ажъ ось-колы вы-мовывъ! *(Медзэря, Канупиръ и Ва-сылъ пилилы зъ хаты)*.

Захарко *(помовчавз)*. Дивно мени, що Васылеви однаково на кому бъ не женытыся?!

Гапка. Покирливый!

Захарко. Товчы!

Гапка. А що зъ того, що ты давъ волю старшымъ сынамъ? Яко пуття вый-шло, що Мытрохванъ взявъ соби жинку до мысли? Яка намъ втиха видъ того?

Захарко. Мытрохванъ бравъ за для себе жинку, а не за для насъ, ёму й втиха.

Гапка. Гарна невисточка! У вивторокъ иду вулицю, дывлюсь—вона мисыть глыну била своей хаты, зыркнула на мене та й видвернула. Надхожу бльжче, вона зновъ: зыркъ! та й зновъ видвернула. И тоди тилько, якъ по-

ривнялася я зъ нею, баче, що никуды очей заховати,—промовыла кризь зубы: „здрасуйте, мамо!“

Захарко. Ну?

Гапка. Кажу жъ, що звычайна не-висточка!

Захарко. А ты бъ хотила, щобъ вона за двое гинъ почала тоби головою кы-вати? Бачъ, така-бъ-то велика радисть, свекруха йдуть!?

Гапка. Та я знаю, що ты хотивъ бы, щобъ мене вси зневажалы?

Захарко. Тьху, ты божевильна баба! Та чы ты не пьяна часомъ? *(Дывытця на нею)*. Такъ и е, що сѣрбнула! Ко-лы жъ це встыгла? Мабуть, покы подала людямъ на стиль, то сама по переду по-частувалася? А я балакаю, мовъ зъ тве-резю. Отъ за те я тебе й бывъ, що ты пьешь безъ толку, що дуже ласа до чаркы. Гей, Гапко, часъ вже тоби опамъятатыся!

Гапка. Бодай вже мои ворогы такъ выпывалыся, якъ я сѣгодня бачыла хочъ рисочку! *(Зитхнула, сида на полу, пидпершы голову)*. Може досада мене посида, а тоби здаетця, що я пьяна!

Захарко. Яка тамъ ще досада?

Гапка. Ондечкы, позавчора, Мокрына зустрѣлася зо мною била ставу, та якъ заголосыть, якъ заголосыть!..

Захарко. Чого жъ бы то?

Гапка. „Чомъ вы, каже, мамо, не зупынылы мене, щобъ я такъ рано за-мижъ не йшла? Тэперъ дитвора облипыла мене, якъ та черва!..“

Захарко. Ну, видъ Мокрыны наврядъ ты тако почувешъ?

Гапка. А що, каже, грудве дытя, то воно вже скоро всю кровь зъ мене выссе!

Захарко. Та що зъ того? Сказала правду. А якъ повырастають дыты, то тоди вже вони пеклуватымутця била батька—матери; а тэперъ, звисно, маты му-сыть зъ нымы воловозытыся. Якась чудна у тебе сѣгодня балачка: зъ одного на

друге перескакуешъ, тилько до купы не зберешъ! Та чы тебе хочъ одна людныа у свити задоводныла?

Гапка. Не правда!

Захарко. Ну-ну! не загннай брехни!

Гапка. Якъ высвата Васыль Степаныду, то побачышъ, якъ я ии шануватыму, якъ жалуватыму!

Я В А І V.

Ти жъ и Мытроханъ.

Мытроханъ. Добрывечыръ вамъ у хати! (*Цилуе батька й матиръ у фуку*).

Захарко. Ачъ якъ пройшовъ, що й собаки не дзявкнули!

Мытроханъ. А чого жъ бы вони на свого кыдалыся?

Захарко. Та й то правда. Видкиля такъ пизно? (*Гапка выйшла*).

Мытроханъ. Та возывъ на свой конячыни якогось панка до вакзалу.

Захарко. На стрыгунови?

Мытроханъ. Э, та який стрыгунъ!

Захарко. Не прыставъ?

Мытроханъ. Ни, тупа! Тамъ такъ бадёртыця; якъ вздрыть на шляху бурьяныну, ще й хропе! Весною тилько буде третяка. Теперъ ще воно лошя, а якъ осыліе, добряча буде конячына!

Захарко. Багато людей йиде по чавунци?

Мытроханъ. Сыла! У вакзали, у третёму класи, неначе у церкви: иконы, ставныкы, свичкы горять, лампадкы!.. А я оце нарочыто зайшовъ порадытыся зъ вами, тату! Той панокъ, що, кажу, одвизъ ёго на вакзалъ, мае тутъ-десъ, не далечко, земельку, — десятинъ зъ трыста, такъ клыче мене до себе за хазиныа, до плугывъ. Дорогою почавъ мене роспытуваты, та якъ довидався, що я й сокрыю трохы цюкаю, такъ и каже: наймыся до мене за хазиныа до плугывъ, я

бачу, що ты жаліешъ свою шеащыну, то може й мою худобыну шануватынешъ! Теперъ, каже, таки катюгы повылуплювалыся, що нивечяты сердешну худобу, ажъ душа болыть!

Захарко. Багато дае?

Мытроханъ. Висимдесять на рикъ и паекъ.

Захарко. Одному, чы зъ жинкою?

Мытроханъ. Ба одному!

Захарко. Ого!

Мытроханъ. А хочешъ, каже, то наймыся и зъ жинкою.

Захарко. Це цина гарна! Вважай, чы зручно тоби буде!

Мытроханъ. Про це жъ и треба обмиркуваты.

Захарко. Прыходъ завтра у ранци, та й обмиркуемо гуртомя.

Мытроханъ (*встае и заглядае у вично*). Стоить мій огыр! (*Усмихаецця*).

Я В А V.

Входытъ Гапка.

Мытроханъ (*до Гапки*). Мамо! Що тамъ у васъ зъ Одаркою зкоилося.

Гапка. Звычайна у тебе жинка, надто звычайна!.. Диждалася чести!

Мытроханъ. Отъ и розберы бабивъ! А вона тежъ плачетця, що каже: „поздоровкалася я зъ матирью, а вони хочъ бы головою мотнули, одвернулыся!“

Гапка. Бреше вона!

Мытроханъ. Ни, брехаты вона въ мене не навчылася. „Нехай бы, каже, я сама була, не такъ бы болячэ було, а то якъ-разъ тутъ кума Палажка нагодылася. Завдали, каже, мени маты сорому, а за вищо?“

Гапка (*звонгыла*). Не треба мени шаны видъ твоеи жинкы, знайдутця таки, що й безъ неи пошануютъ!

Мытроханъ. Чудасія!

Захарко. Дывуеся? А я вже переставъ и дывуватыся.

Мытрохванъ. А де жъ Василь?

Захарко. Пишовъ зъ старостамы.

Мытрохванъ. Невже? А вы й не хвалытыся! До Домахи бъ то?

Захарко. До якои Домахи?

Мытрохванъ. Якъ до якои? А ось що... (*Показуе рукою на вакно*). О, чы не капосна шкапына, рушыла до дому, колы бъ ще воза не поламала. Прощавайте! (*Хутко пишовъ*).

Гапка. Ну, та й нѣнавядю я Мытрохвана, якъ винъ почне плескаты на здогадъ!..

Захарко. Про яку це винъ Домаху каже?

Гапка. А хто ёго зна.

Захарко. Чы нема тутъ якои капосты?.. Черезъ що жъ то Мытрохванъ такъ здывувався, що не до Домахи Василь пишовъ?

Гапка. Мытрохванъ усѣму дывуетця! (*Смѣтця черезъ сылу*).

Захарко. Гапко! Щось ты погано смѣеся?!

Гапка. Чого ты прысикуеся? Може Василь якый тамъ разъ и постоявъ зъ Домахою...

Захарко. Постоявъ тилько?

Гапка. Хіба не трапляецця, що инча дивка вѣже на якого тамъ парубка, тад же жъ не все такъ коитця, якъ бажаецця!..

Захарко. Та звычайно трапляецця... Тилько чого це ты очыма клипаешъ? Выбовтуй, выбовтуй вже до краю!

Гапка. Я кажу такъ соби, — навтыякі!

Захарко. Може, бороны Воже, Василь накойвѣ якого лыха? (*Собаки раптомъ загавкалы*). На кого це такъ пружономъ кинулся? (*Дывытця у вакно*). Щось била ворить манячыть! Колы бъ ще не порвалы! (*Хутко пишовъ зъ хаты*).

Гапка. И прытаскало жъ того лобуряку, Мытрохвана, роспустывъ тутъ своего

языка! Колы бъ ще не пишло все шке-ребертъ. Колы Степаныда не буде моею невесткою, то краще мени вѣ домовину, або свитъ—за-очи!.. Грошей, грошей скилько за нею, та ще й шынёкъ у прыдане!.. Прямо зъ рукъ щастя выплюсне, якъ вьонъ выплюсне!..

Я В А VI.

Гапка, Захарко и Домаха.

Захарко (*веде Домаху*). Э, ни, дивко, такъ не годытця, грихъ!

Гапка (*у бикъ*). Домаха!?

Захарко. Ачъ, задумала повисытыся на нашихъ воротахъ!

Домаха (*ледве промовляе*). Пустить мене, дядечку! Пустить, не хочу я вашого порятунку! Яка вамъ печаль до мене?

Захарко. Не пустю! Життя тобі обрыдло? Молода ще!..

Домаха. Пустить мене, Бога рады!

Захарко. Бога згадуешъ, а такыи грихъ хотила вчыныты?.. Зъ якого лыха навожылася руки на себе накласты?

Домаха. Мое лыхо, мени ёго й видуваты, а вамъ що до того!?

Захарко. Якъ лыхо, то заразы и голу вѣ петлю?

Гапка. Онъ до якого краю сваволя доводыть?!

Захарко. Росказы мени, Домахо, свое горе, може ще ёго и обменути можна?

Гапка. Маненька ты, не знаешъ, що у парубка слова ласкави, а чортова думка!

Домаха. Одне я знала: хто ёго батько й маты!

Захарко. Лыбонъ, я догадуюсь, вѣ чимъ дило! Ни, Домахо, тобі ще рано помераты! (*Чутно на двори гоминъ*). А, це вже Василь повертаецця! Гараздъ! Колы Василь вынень передъ тобою, Домахо, то швыдчъ ця хата розвалытця, ни жъ ты выйдешъ зъ нею! Онъ якъ воно

мусить буты! Иды, стань осюды, докы я зъ Васылемъ перебалакаю! (*Ховае ии у закутокъ*).

Домаха. Богъ зъ нимъ! Слыуватымете ёго, я не пиду за нёго!

Захарко. Не слыуватыму! У нёго е сердце, тилько горе, що здався винъ на лыху порадуду! (*Веде ии за пичъ*). Не такъ воно мусить буты, не такъ!

Гапка. Осудовысько, осудовысько!..

Захарко. Гапко, затулы пыска!

Я В А VII.

Медзеря и Канупиръ зъ рушныкамы и хлибомъ, за нымы Васыль.

Медзеря. Ось вамъ, батьку, и хлибъ обминенный, пожалуйста! (*Подае хлибъ, Захарко не бере*).

Захарко. Стривайте! Маю слово до васъ промовыты.

Канупиръ. Якъ сказавъ я одне слово по судейскому, заразъ рышенне и пидписалы.

Медзеря. Ты сказавъ? Отъ вже хвалько!

Захарко. Спасыби вамъ, люде добри, що потрудылись! Але хлиба видъ Агапона не прийму!

Медзеря.. } Якъ?
Канупиръ. }

Захарко. Стривайте! Выслушайте, а потимъ жахайтеся! Васылю, а глянь у бутокъ, що то у насъ за гостя?!

Васыль (*глянувъ*). Домаха?! (*Похытнувся*).

Домаха (*зъявляецця*). Не я вынна!.. Хотила розвъязаты тоби руки, батько твій зупынывъ!..

Захарко (*до Васыля*). Кажы, якъ передъ Богомъ, выненъ ты передъ Домахоу?

Васыль. Выненъ, тату, простить! (*Пада на вколупшы*).

Захарко. Першъ Бога просы! Першъ Бога ты прогнывывъ, а потимъ батька. Волиешъ ты ии взяты за себе?

Васыль. Волю, тату!

Гапка. Охъ, Боже мій!

Захарко. Не полохайся, стара! (*Пидійма Васыля и цилуе*). Теперь ты мій сынъ. Иды жъ и ты, невестко, сюды! (*Домаха пидходе и падае ёму вз ногы*). Пидіймы, сыну, твою сужену. Стара, благословы нашихъ дитей! (*Васыль и Домаха пидходять до Гапкы*).

Гапка. Я... Я..

Захарко. Годи якаты! Путнищого ничего не выгадаешъ! Отъ и кинецъ! Виднесить, люде добри, цей хлибъ Агапони и скажитъ, що намъ самъ Богъ пославъ невестку! Коли жъ ласка ваша буде, то просымо не погребаты повесты порядокъ у насъ на весилли!

Канупиръ. Отъ люблю, маладця! Ну, Захарку, вы достометно якъ прысяжный повиренный!.. И я скажу: нѣтъ, не выновець!

Медзеря. Ну, вже жъ и весиллямъ заправлю на вдывовыжу всимъ!

Канупиръ. И я жъ тутъ буду, такъ вже по судейскому все буде! Отъ тилько, що Агапонъ може захоче зиськаты зъ васъ судебни здержкы?

Захарко. Та вже, якъ що прийдетця, то й заплачимо.

Медзеря. Карбованцивъ зъ десятокъ за безчѣстя!

Канупиръ. Весильни, значыть, пошлыны!

Захарко. Сидайте жъ, люде добри, за стиль, мылосты просымо! (*Сидаютъ вси троє*). Сидай и ты, стара, спочынь, годи тоби губу копылыты. Ну, сыну, почасть насъ; а ты, невестко, попорядкуй за свекруху. Все мусить буты по Божому!

(Зависа).

Д І Я І І І.

Подвір'є Захарка Лободы. Ливоручь—хата, праворучь—комора; въ глыбни кону: клуна, тнєъ, повитєы, огородъ, садокъ, левада и крыныца.

Я В А І.

Васылъ и Гапка (*выходятъ зъ хаты*).

Васылъ (*зтурбованный*). Боже, Боже, якъ вона мучытця сердешна! Чы не краще бь поклыкаты хвершала, щобъ ця бабка лыха не накопила?

Гапка. Ще що выгадай! Може мотнєся въ городъ по дохтуря, або по акушерку? Це вже свить пиде на выворить, якъ и до мужыкывъ почнуть дохтуривъ кыкаты!

Васылъ. Та я не те... а що хвершалъ, на мою думку, швыдчъ допомигъ бы!

Гапка. Хиба то хвершалове дило—бабуваты? Зь поконь-вику бабы коло породилъ пораютця; а хвершала кычуть, якъ треба кровъ пустыты, чы банкы поставыты...

Васылъ. Страждае жь сердешна, ажъ душа болыть! Богъ зь нымы и зь тымы дитымы, якъ черезъ ныхъ таку муку прыйматы!

Гапка. Ще перше тилько, та вже такъ клопочєся, а якъ посыплютця що года!

Васылъ. Згодомъ може й звыкну.

Гапка. Кожна породилла торпыть мукы,—чымъ же твоя жинка краца другихъ, що била неи треба такъ панькатыся?

Васылъ. Черезъ те й панькаюся, що вона мени жинка! Якъ вамъ не грихъ, мамо, пидцьковуваты!?

Гапка. Думашь, лехко васъ порождаты? Мало й я хиба страждала, докы породыла васъ пьятєхъ?

Васылъ. То жь колысь було, певно и батько били васъ пеклувалыся!.. А Домаха теперь страждае!..

Гапка. И, Боже мій, сколько я мукъ прыйнала! Найбильшь прыйшлося страждаты, якъ тебе порождала. Що вже бабка не робыла зо мною, докы выкыкала тебе на свить: и на кожуси мене качала, на рядни, и пидъ пахвы пидіймала та трясла, и въ подовжь хаты клала та вымиряла ополонкомъ и черевыкомъ, и въ каглу гукала, на вси ймення гукала!.. Докы не выгукала по девять—девять разывъ усыхъ ймень зь нашою слободы, доты ты не народывєся,—отакый бувъ упартый! Не доведы Господы, сколько я тобою вымучылася! Черезъ те бильшь усыхъ тебе й жалувала и пєстыла, що за тобою найбильшь горя прыйнала.

Васылъ. Та хиба жь я вамъ не виро? Тилько жь видъ цєго не лєхше мєни. Я не знаю, на вищо вы мени усє цє кажєте, хиба тымъ заспокоєте, чы якъ?

Гапка. На те кажу, що якъ бачышь, и доси жывисинька и безъ хвершалывъ, и безъ дохтуривъ обійшлася, и всыхъ васъ зростыла и до пуття довела. И поженыла и замижь повиддавала... Ни, не я васъ поженыла, не я й замижь повиддавала. Сами поженылыся, не по мойй, а по батьковій воли! Думаєшь, цє мени не гирко, не болячє? Ось на що тоби кажу!

Васылъ. Чєго жь вамъ тепєрь гирко та болячє? Все мы васъ почытуємо, шануємо...

Гапка. Этъ!.. Бачу я, якъ вы мєне почытуєте. Хочь бы й ты: таку пару втерывъ, таку пару!..

Васылъ. Годы вже, мамо, про цє! Ей Богу, обрыдло! Ну, що жь, ну втерывъ... Того вже не вєрнешь, що минулоєся!

Гапка. Тепєрь и самъ жалкуєшь?

Васылъ. И не думаю жалкуваты.

Гапка. Говори! Я тебе бильшъ знаю, ніжъ ты самъ себе.

Василь. Та отъ же, Ей-Богу, й на думци не маю.

Гапка. Теперь кажуть, що Степаныду свата лкыйсь купецъ зъ города!

Василь. Нехай соби свата!

Гапка. Эге, нехай! Таку пару втеряти!.. За те жъ ты зъ величнёго роду жинку соби взявъ: батько ии увесь викъ за свинопаса бувъ, а маты по наймахъ тынялася, докы не вмерла!

Василь. Вы такы знову своєї? Не всимъ же й пануваты.

Гапка. А вже жъ, що не всимъ. Тилько тобі—и зъ лнца и зъ постати зовсимъ не прыстало зъ плугомъ ходыты, це вже и все село баче!

Василь. Мало кому що не прыстало! Одному бъ треба буты кравцемъ, а винъ зробывся шевцемъ, другому слидъ бы пануваты, а винъ череду пасе. *(Усмихається)*. Якъ Богъ допоможе, то може и я розжывуся и наймытивъ тоди держатиму, то й не буду самъ за плугомъ ходыты.

Гапка. Якъ-разъ! Думаешъ, що батько постановыть тебе на власне хазяйство?

Василь. А чому жъ и ни? Мытровова жъ постановылы, або й Антонова!..

Гапка. Бо то батькови мазунчыкы!

Василь. А на мою думку, мы вси за для батька однакови.

Гапка. Колы винъ видъ мене выхывуе гроши, що николы й копійкы мени до рукъ не дасть, то тобі вже й по викъ не бачыты ихъ. Помре, въ домовину зъ собою забере, або де-небудь закопа!.. *(Гапка, побачывшы Захарка, зныка за хату)*.

Я В А II.

Ти жъ и Захарко *(зз видромъ воды)*.

Захарко. Васылю! А йды въ хату! Поздоровляю тебе зъ сыномъ!

Василь. Чы й справди? Слава жъ тобі, Господови!

Захарко. А де жъ маты?

Василь. Тилько що тутъ булы!.. Пышлы на тикъ, чы що!.. *(Йде хутко въ хату)*.

Захарко. Хвалыты Господа мылосердного, що все свинчылося благополучно! А якъ сердешна Домаха вымучылася: двое день и дви ночи выстогнала та выквылыла такъ, що й Господы! *(Пишовъ до крыныци)*.

Я В А III.

Гапка вернулася.

Гапка. Ой, горенько, горенько! Учора перестрила мене Степаныда бня гребли та якъ почала прохаты: „нехай, каже, Василь Захаровычъ, хочъ на часыночку прыйде, хочу на него въ останне надывытыся. Виддаюся, каже, у городъ замизъ, вже бильшъ его може й не побачу!“ Ну такъ же прохала, такъ благала!.. Потимъ такы прысылувала зайты, и въ хату, я й не хотила, такъ такы жъ прысылувала. Почастувала мене наливкою... зроду такой смачной наливкы не пыла! Два стаканы, не мовъ за однимъ духомъ, выпыла. Таке щастя Василь утерявъ, таке вже щастя, що й у казци такого не почувешъ!.. А якъ Степаныда мене шануе, якъ почытуе. „Я васъ, каже, тетинько, люблю, якъ ридну!..“

Я В А IV.

Захарко и Гапка.

Захарко *(зз видромъ воды)*. Иды жъ, стара, въ хату, поможы баби онука впораты.

Гапка. Хиба вже?

Захарко. Слава Богу! Тамъ такыи козарлюга: мицныи та крыельныи!..

Гапка. Велика радисть! теперь буде крыку повнисенька хата.

Захарко. Дуроци ты плетешь.

Гапка. А ты вже зрадивъ, що зъ радощивъ и цапа пострыбаешь!

Захарко. А ты бѣ то й не рада?

Гапка. Якъ такы не рада, ажъ не стямлюся видъ радощивъ! (*Пшла вз хату*).

Захарко. Ни, такы шо не говоры, а скажена баба! (*Пишовъ*).

Я В А V.

Карпо *иде вулицею*.

Карпо. Отъ тоби Приська й донудылася! Завдала мени тугы, хочъ бы жъ сама зазнала щастя... Царство ий небесне, вичный покій! А колы бѣ не комызылася, дожила бѣ може й до старосты, якъ у Бога за дверыма.

Я В А VI.

Василь и Карпо.

Василь (*выходячы зв хаты*). Здоровъ, Карпе! Отъ якъ разъ до речи!

Карпо. Здоровъ! А що тако?

Василь. Просю тебе у кумы: Домаха подарувала мене сыномъ!

Карпо. Ну, слава Господеви! Нехай росте вамъ на втиху щасливый та здоровый!.. Тилько не такый часъ, Васылю, щобъ... Выбачъ, не могу!..

Василь. Черезъ шо?

Карпо. Приська померла!

Василь. Невже? Царство ий небесне!

Карпо. Оце заразъ бувъ у волосты, бумага прийшла: зиськаць зъ мене симъ рубливъ пятьдесятъ копѣекъ. Мабуть на труну та на подзвиння! У городи, въ болыници померла.

Василь. Шкода, шкода. Сердешна Приська!

Карпо (*зитхнувъ*). Нехай вже надъ нею земля перошь!

Василь. А я такъ було наважылся: кого першого зустрину, того й въ кумы поклычу.

Карпо. Радниций бы бувъ... Чувъ я, що Домаха дуже хворила? Ну, слава Богу, що благополучно! Кажуть, що кумы повинни быты веселымы, щобъ заталяныло рожденному, а въ мене, брате, якъ бачышь, свое лыхо!.. Кланяйся Домаси, хай Господь допомога ий швидчъ вычунати. Пеклуйся бяля неи, Васылю, вона чудесна у тебе людина! Колы чесно закинчывъ коханья, то вже пыльнуй чести до краю. Зъ такую жинкою можна й талану запоныгы и радощивъ зазнаты.

Василь. Та хвалыты Бога, покы шо, жывемо у злагоди!

Карпо. Прощавай, Васылю! (*Пишовъ*).

Василь. Ходы здоровъ!

Я В А VII.

Василь и Гапка.

Гапка. Здытця, Карпо пишовъ?

Василь. Та винъ же.

Гапка. Не втерпывъ, щобъ не навидатыся!

Василь. До кого?

Гапка. Знаемо, до кого!

Василь. Приська померла!

Гапка. Домучывъ такы

Василь. Хто?

Гапка. Та не хто жъ, якъ винъ. Господы, шо винъ вымучывъ ту бидолашну Приську!.. Звисно, мусыла втекты...

Василь. Та шо це вы, мамо, кажете? Карпо такъ зъ нею панькався...

Гапка. Верзы! А чога жъ вона втекла? Зъ доброго дыва не втече! Хата покрышка! А шо мени розказувала про ихъ жыття сваха Палажка!?

Василь. Та кого тилько сваха Палажка не обпылювала? Не йму я ий вкры!

Шкода мени, що не такъ трапылося, якъ я хотивъ.

Гапка. Що таке?

Василь. Клыкавъ Карпа у кумы, такъ не згбдывся. Приська померла, такъ це ёго дуже засмутило.

Гапка. Оце бъ було якъ-разъ до ладу! Це-жъ уже бувъ бы такымъ хрещенымъ батькомъ, якъ кращого и не треба!

Василь. Винъ гарный чоловікъ!

Гапка. И Домаси якъ-разъ бы було до смаку!

Василь. Це правда, Домаха ёго дуже шануе.

Гапка. Якъ же такого й не шанувати? Кого жъ ий бильшь и шанувати, якъ не Карпа?!

Василь. Та що це вы, мамо, якось чудно балакаете?

Гапка. Чы тоби заслиплено, чы тоби почынено! Невже ты й доси не дочухався, черезъ що такъ Домаси гыкаётця Карпо?

Василь. Черезъ що жъ?

Гапка. Тоби треба розжувати та ще й въ ротъ покласты! Невже ты вповаешъ, що Домаха була тоби вирною?

Василь. Що це вы кажете, мамо?

Гапка. Те, що знаю! Думаешъ, що то твоя дытна?

Василь. Якъ?!

Я В А VІІІ.

Ти жъ и Захарко.

Захарко. А чомъ ты, Васылю, не йдешъ за кумами?

Василь. Та ще поспію.

Захарко. Гляды, щобъ попа не вте-рять, може після вечерни куды поиде!

Василь. Заразъ пиду.

Захарко. Клычъ у кумы Мытрохвана, а за куму...

Гапка. Степаныду шынкареву. Вона новорожденному грошей подаруе!

Захарко. Не зачепай, сыну, Степаныды. Ии батько й доси на насъ дмётця!

Гапка. А якъ покумаемося, то й задоволнытця!..

Василь. А вже жъ... Краще у миру жыть, нижъ у сварци.

Захарко. Якъ хочешъ, Васылю, а я бъ не совитувавъ клыкаты Степаныду.

Василь. Поклычу Мытрохвана за кума, а за куму ту, котру першь зустрину, чы молодыцю, чы дивчыну, ту й поклычу!

Захарко. Хочъ и такъ.

Василь. Де жъ це мій картузь? (*Иде въ хату*).

Захарко. Що ты тутъ все шепочисся зъ Васылемъ?

Гапка. Радыла баба, щобъ за зиллямъ на купиль збигаты до Антыныхы.. Каже, що у неи всяке зилля е.

Захарко. Та я не про те пытаю.

Гапка. А, ніколы мени зъ тобою балкаты! Побижу мерщи до Антыныхы!.. (*у бикъ*). Пиду, выклычу Степаныду, щобъ Василь ии першу зустривъ. (*Пишла*).

Захарко. Чы й справди жъ то Гапка такъ турбуетця про онука, що сама й за зиллемъ побигла? Може й справди одумалася.

Я В А ІХ.

Захарко и Василь.

Василь. А сколько треба заплатиты попови за те, що въ хрестъ уведе?

Захарко. Це вже не твоя турбація, а кумова. (*Василь пишовъ*). Чы не хытруе часомъ Гапка? Здаетця, що вона й доси ніякъ не вгамуетця, що Василь взявъ Домаху. Колы бъ Гапка не спантелычыла Васыля? И то подумаешъ: маты! Звычайно, вона бажае, щобъ пестованій дытныи якъ найкраще, якъ найлехче... Колы бъ же то вона, запобигаючы своему мазунчыкови талану, не навила лыха? (*Пишовъ въ хату*).

Я В А X.

Васыль.

ВАСЫЛЬ. Якъ-разъ здыбавъ Степаныду! И не хотилося бь мени ии клыкаты, такъ мало жь не сама напрохалася... Одначе якъ вона зь лыця зблidlа! Давно ии не бачывъ, ажъ жалко стало! Черезъ що у неи неначе слёзы заблещалы въ очахъ, якъ глянула на мене! Може вона й справди мене коха? Ну, та що вже?.. А яка гарна та прыятна на мову. Ну, та що вже... Богъ зь нею!

Я В А XI.

Лукія и Васыль.

ЛУКІЯ (*молодыцею, зь заступомъ на плечахъ*). Здоровъ, кучерявый!

ВАСЫЛЬ. Здорова, прыдзеглѣвана!

ЛУКІЯ. За таке прызвыще я й по мармызи дамъ!

ВАСЫЛЬ. Коротки руки!

ЛУКІЯ. До твоеи пыкы достягнуть!

ВАСЫЛЬ. Чого зачепашть? думаешъ, я навспряжки впадавъ тоди за тобою? Ой, яка гарна! Не бачывъ я кращикъ?!

ЛУКІЯ. А ты ще паскуднищымъ ставъ!

ВАСЫЛЬ. Колюбъ бувъ паскуднымъ — не моргала бь!

ЛУКІЯ. И теперь моргаю, бо чорни бровы маю! Ну, й шкода жь мени, що тоди парубкы боківъ тоби не подалаы: якъ я тоди ловко пидстроила, отъ же выпорснувъ! А що, ухопывъ горячого до слизъ!? (*Регоче*).

ВАСЫЛЬ. Иды бо соби, пожалуста, своею дорогою, не цикаво мени зь тобою балакаты.

ЛУКІЯ. Ты подякуй мени за те, що я тебе на розумъ навела. Ачь, одній затуманывъ свить та й другій думавъ заморочыты паморокы? Шкода, що я тебе не такъ провчыла, якъ годылося бь! Ачь, яки дурывиты почалы зьявлятыся!

ВАСЫЛЬ. Видченыся, кажу!

ЛУКІЯ. Якъ диждешъ сннивъ, то повчай ихъ, щобъ вони не булы такымы бузувирамы, якъ ихъ скажений. батько! (*Пишла*).

ВАСЫЛЬ (*одывъ*) Заморочуете добре и вы намъ паморокы, чортовы сорокы! Ачь яка! Отъ и вгадай, чымъ иноди людына дыха? (*Помовчавъ*). Що це мени маты сказалы про дытнну? Та невже жь?.. Ни, це хтось наклепавъ, це брѣхны!.. Одначе, черезъ щось же то кажуть люде про жиночу породу, що: „баба, то наймудрища загадка!“ Та отъ хочъ бы сказаты и про Лукію. Якъ бисова тинь прываблювала мене до себе, а на думци мала. щобъ мени парубкы печинкы видбылы. Тьфу! провлята моргуха!

Я В А XII.

Васыль и Гапка.

ГАПКА. А що, кого поклыкавъ за куму?

ВАСЫЛЬ. Степаныду.

ГАПКА. Хочъ не довелося за невестку маты, то нехай хочъ кумою буде. Утерывъ, сыну, щастя, таке вже щастя, що й руками ёго не обгорнешъ!

ВАСЫЛЬ. Годи, мамо, про це! Ей-Богу. я й такъ вже заморочыся!

ГАПКА. Ще бь не заморочыся! Тры мисяци язь оженився, а вже й дытны. Звисно, морока, та ще й не абы-яка морока! А крыгу, а пыску скилько буде въ хати!..

ВАСЫЛЬ. Та я не про те...

ГАПКА. Колю бь ще бияя своего дытаты паныкатыся...

ВАСЫЛЬ. Мамо! видъ кого це вы чулы? Ну, колы цѣму правда?..

Я В А XIII.

Ти жь и Мытрохванъ

МЫТРОХВАНЪ (*цилуе оз руку матирь*). А що, мамо, ради, що диждалы вже й видъ мезынчыка онука?

Гапка. А якъ же не радиты! Серце зъ радощивъ такъ и плѣга у грудяхъ!

Мытрохванъ. Ну, дай Господы, щобъ жывыи бувъ та щасливый! А хто жъ за куму?

Василь. Степаныда шныкарева.

Мытрохванъ. Що це ты, Васылю, вже межъ жырондивъ заберается?

Василь. Та такъ... А хйба що? Яку першу зустривъ...

Мытрохванъ. Правда, шо кажуть, нйбы бъ то воно такъ и годытця за куму браты ту, котру першу зустринешъ. То бъ то диты не будуть помераты!..

Гапка. А вже жъ!

Мытрохванъ. За для такой кумы прыйдетця, мабуть, ныва, або вына поставиты? Горилкою, мабуть, не ловко частвуваты?

Гапка. Добудемо и пыва, и вына!

Мытрохванъ. Що вже треба, то треба! (*Глянувъ на вгородъ*). А то хто пидъхавъ? О, то жъ кума, Степаныда, та ще й у хвайтони! Це вже зовсимъ по паньски хрестыны справымо. (*Васыль пишовъ на зустричъ Степаныди*). Це й мени прыйдетця у хвайтона сидаты? Про мене, хочъ и у хвайтони ихаты, тилько хто ёго зна, якъ у нёго садовытця?

Гапка. Такъ сядешъ, якъ и други сядаютъ.

Я В А Х I V.

Ти жъ и Степаныда.

Степаныда. Што жъ, когда ѣхаты, такъ ѣхаты, за мною никоторой остановки!

Мытрохванъ. Зайдымо жъ, кумо, въ хагу до породили, визьмемо дытynu та й до попа!

Степаныда. Со вдовольствіемъ! Прыглашайте насъ, Васылій Захаровычъ!

Василь. Просымо!

Мытрохванъ. Теперъ вже не Захаровычъ, а кумъ.

М. І. Бронявничій.

Степаныда. Ну, куманёкъ любезной!

Василь. Пожалуйте, кумушка!

Степаныда. Съ особеннымъ вдовольствіемъ, куманёкъ дорогой! (*Васыль, Степаныда и Мытрохванъ пишы въ хату*).

Гапка (*сама*). Яка жъ прыятна Степаныда, така вже прыятна!.. Одипхнувъ видъ себе Василь таланъ, власнымы рукамы одипхнувъ!.. Охъ, не судылося, мабуть, мени запобигты ёму щастя та роскошывъ! А якъ я бажала, якъ бажала!..

Я В А Х V.

Захарко и Гапка.

Захарко (*выходе зъ хаты*). Казавъ же, шо не слидъ було клыкаты Степаныды. А-а, оце вже не гараздъ! Якъ тилько увійшла Степаныда у хату, Домаха такъ збентежылася, не мовъ онижила!.. Якъ то можна хвору людynu бентежыты, та ще й яку хвору!..

Гапка. Потураты йй!

Захарко. А звисно, шо докы хвора, то треба потураты! Чы не ты це все пидстроила?

Гапка. Чого ты до мене шо-разу прысикуеся?

Захарко. Та цуръ тоби! Я тилько кажу, шо не такъ воно повинно було вынытыся, не такъ!.. На вищо намъ звязуватыся?..

Гапка. Панькайся зъ любою новистокою, дастця вона намъ у знакы!

Захарко. А, хочъ не плеты не пятащого, угамуйся хоть на цей часъ!

Я В А Х V I.

Ти жъ, Мытрохванъ, Степаныда и Василь.

Степаныда (*пидъ бурмусомъ несе дытynu*). Какой красавчыкъ мій хре-

щеникъ, настоящей папаша! (*Мытрохванъ, Степаныда и Ганка тилы*).

Захарко. Дай же, Господи, вамъ благополучно повернутися!

Василь (*самъ зъ собою*). Отъ ше, стану я потураты прымси!

Захарко. Чого зъеретуався?!

Василь. Та... Домаха гниваетця, що Степаныду покликавъ за куму. Що я, справди, за такой дурноляпъ, щобъ усе пидъ жинчыну писню плыгаты? Котру зхотивъ за куму взяти, ту й взявъ!

Захарко. Та то Домаха може зъ болисты? Хвора людина—треба выбачаты!..

Василь. Дуже вже вона манижытця! У мене, слава Господеви, голова не по-

ловою набыта!.. Дайте, тату, грошей. збигаю за горилкою та за пивомъ.

Захарко (*дае гроши*). Забизышь на той биезь, у лавку до Дяхтіона, либонь у нѣго е вино? Визьмешъ тамъ пляшку, тилько не дорогого!

Василь. Ба, найдорожчого визьму! Хиба вже не можна за для новорожденного лышню колийку переплатыты (*пишовъ*).

Захарко. Та визьмы, визьмы й дорогого. Коли бъ зъ цѣго кумованья не вчынылося якого каламуту!

(Зависа).

ДІЯ ІV.

(Ти жь обставины, що и въ третій дн.)

Я В А І.

Домаха *точе на рядни зъ пидсытка зерно.*

Домаха. Якый славный витрець. Зранку подыхавъ, а теперь зовсимъ затыхъ. Мабуть, сѣгодня й половины не переточу? (*Тыхенько спива*):

Ой зацвила червона калына
Надъ крыныцею,
Горе жь мени, моя матусенько,
Жыть зъ пьяныцею.

Що пьяныця—не робитныця,
Якъ день, такъ ничъ—ще,
А якъ прыйде изъ корчмы до дому,
Мене молодую бье.

Ой видсуну я та кватыроньку,
Матусенька йде,
Пытаетця диточокъ маненькихъ,
Чы пьяныця дома е?

И що це соби Василь задумавъ: що-дня въ шынькъ та въ шынькъ, до кумы!.. Кажуть, що Степаныда дурить ёму голову,—чы правда жь? невже жь такы у неи стыда нема, жонатого чоловіка

та ще й кума принажуваты! Коли вже скортило морочыты наморокы, морочыла бь якому парубкови, мало хиба ихъ? И свекруха унадылася туды. Тилько зъ свекромъ и одведешъ душу. Ни, годи, сѣгодня Васылеви прямо скажу: або я, або инча! Нехай соби якъ знае, визьму дитыну та й пиду у наймы.

Я В А ІІ.

Вулицею проходять молодыци и дичата зъ полотнамы.

Молодыци (*до Домахи*). Боже поможи!
Домаха. Спасыби!

1-ва молодыця. Гайда зъ нами полотень билыты!

Домаха. Нема часу. Треба бь ось зерно переточыты.

1-ва молодыця. Яке тамъ точинна! Витерь вже, мабуть, сивъ обидаты, а пясля обидь ляже спочыты! (*Смѣтця*).

2-га молодыця. Чому й не спочыты. якъ е пясля чого? Погудуваты бь ёго сыривцѣмъ зъ глевтякомъ, но до спочывку бь було.

1-ва молодыця. А може й тамъ су-
тугы на харчъ?

2-га молодыця. Де? За моремъ —
Біяномъ, де витерь спочыва? Э, я чула,
що тамъ всёго доволи!

1-ва молодыця. Та мало чого не
кажуть! А ще кажуть и такъ: що тамъ
серизь гарно, де насъ нема (*до Домаха*).
А якъ твій Ивась?

Домаха. Хвалыты Бога, росте.

1-ва молодыця. Кажуть, якъ выль-
тый Василь?

Домаха. Якъ зъ нёго змалёванный!

2-га молодыця. А въ кого жъ ёму и
вдатся?

1-ва молодыця. Прийдешъ на ричу?

Домаха. Ни, я вже завтра почну свои
билыты.

1-ва молодыця. Багато наткала за
зиму?

Домаха. Дё тамъ багато, тилько два
субби. Довго хворила!..

2-га молодыця. Прощай! (*Останни
хытають головами*).

Домаха. Ходить здоровы!

(*Молодыци и дивчата, йдучы, спи-
вають*):

Ой, на ставу, на ставочку
Плывуть качы въ тры рядочки.
Одна другу спережае,
Кожна соби пару мае!
А я жыву въ Божій кари,
Не давъ Господь мени пары.
Якъ давъ мени Господь долю,
Та й та пишла за водою...

Я В А III.

Захарко *вышовъ зъ хаты*.

Захарко. Иды, Домахо, въ хату та
погодуй дытну: тамъ такъ галаса, ажъ
посныло! Я самъ зберу зерно, а завтра,
якъ дастъ Богъ витрець, можна буде до
сниданку й переточыты.

Домаха (*доточыла зъ решета*).
Чого воно тамъ репетуе, неначе давно го-
доване!

Захарко. А Васыля нема? Чы може
зновъ де заховала пьяного?

Домаха. Не прыходывъ!

Захарко. Гляды, чы не заховала зновъ?

Домаха. Лыбонь вже други его вы-
ховують!

Захарко. Отъ супостать! и въ кого
винъ такый удався?

Домаха. Колы бъ други нымъ не ору-
дувалы, може й скаменувся бъ.

Захарко. Та бачу, бачу! Та й ты,
Домко, вынна. Хотивъ я ёго на тымъ
тыжневи провчыты, вже й батога взявъ
у руки, а ты выпрохала. Обстоюешъ за
нёго, а винъ черезъ те ще бильшъ пан-
тельчытця! Зъ инчымъ можна й мовою,
а на такого не охайного треба пугу.

Домаха. Колысь и винъ дйде до ро-
зуму.

Захарко. Якъ ты мовчышъ ёму, то
думаешъ тымъ ёго дйняты? Не такывський
винъ, бажу тобі!

Домаха. А шо, чы вамъ хочъ тро-
хы полехчало?

Захарко. Эге жъ, заговоруй зубы...
Та такъ нобы трохы зсунуло зъ грудей.
Мабуть, кровь. Колы бъ швыдчъ май ми-
сяць, треба буде кровь пустыты. Пиды
жъ бо та погодуй дытну.

Домаха. И чого воно тамъ деретця?
Ниже яке, нехай не звыка! (*Пишла*).

Захарко. И ума не прыберу, що це
Васыль забравъ соби въ голову! (*Згор-
тае зерно зъ рядна и сыне въ жи-
шокъ*). Здаеця, що зъ такою жинкою,
якъ Домаха, тилько бъ жыты та Бога
хвалыты: роботяца, розсудлива, покир-
лива, и не геть-то балакуча... А якъ
жинка не сварлива та ще й на языка
скупна, то це кладъ у сямби! (*Помов-
чавъ*). И разъ-по-разъ воно такъ: колы
жинка наважаеця, щобъ думками по-

трапляты за чоловикомъ, то чоловикъ дыбкы стае, колы жъ чоловикъ панькаецця била неи та догожае, тоди жинку неначе пидмывае на супереку. И видъ чого таке коитця? Певно, що безъ дявола це дило не обходьтця! *(Бере рядно зъ зерномъ на плечи и несе в з коморю).*

Я В А І V.

Гапка *(йдучы зъ видрамы до хаты).* Отъ такъ—якъ бачыте! Невистка гладчае та баглаи годуе, а свекруха працуюе, пухыривъ на рукахъ не выгоюе: и исты вона наваре, и воды нанбсе!..

Я В А V.

Захарко *(выходячы зъ комори, наслуха).* Втомылася, сердешна, знесмылася въ тяжкій праці: за цилу весну у перше пишла по воду та вже й веремію здіймаешъ!?

Гапка *(до Захарка).* Панькайся, панькайся зъ твоею любово невветкою: прыпала тоби до души?

Захарко. Прыпала. А тоби бъ хотилося, щобъ и я ии ивъ, якъ гыржа зализо? Буде же зъ неи и твоихъ зубивъ!

Гапка. Та ну тебе! *(Пишла оз хату, балакаючы щось соби пидъ нисъ).*

Захарко. Бубоны, бубоны! Хоть ты прямо руки опусти! Увесь викъ сылкувався прыхылыты ии до згоды, та вже й надіи занышывъ! *(Помовчавъ).* Отъ же, такъ-такы й зрблю, якъ надумавъ, то хочь моя кривавыця не пощезне мърно. Пиду до старшыны, нехай заразы такы бумагу пыше на хату и худобу: Домаси та дытныи. Якъ раптомъ помру, то Гапка зъ Васылемъ усе, въ одну мить, процвындраць. Годи зволикатыся, пиду такы сегодня до старшыны, бо хылюся я вже, якъ та трюхлява верба, лыбонь вже Богъ до себе клыче? *(Пишовъ у хату).*

Я В А VІ.

Палажка и Карпо.

Палажка *(иде вулицю зъ праннямъ на зустричъ ий Карпо).* Куды Богъ несе?

Карпо *(шапкуетця).* Та тутъ по двови!

Палажка. Чы ты й справди хочешъ позычыты гроши Онопрієви?

Карпо. А тоби жъ яке дило?

Палажка. Ой, не позычай, бо каяты-месся! Зроду-вику не виддасть! Мало твоихъ грошей попронадало на людяхъ?

Карпо. А хочь бы й пропалы, тоби що до того? Ты бъ краще глядила за своимъ носомъ!

Палажка. Колы бъ позычывъ мени? Вынна я тоби й такъ багатенько... Ко-лы бъ позычывъ тры карбованьци до Пётра! Якъ покынувъ ты наше село та пишовъ на хutory у наймы, я заразы таби тельцю й продала. А теперь отъ трапляецця куньты вивцю зъ ягнямъ...

Карпо. Ты бъ зъ цего краю й почала!

Палажка. Позычышь?

Карпо. Нехай, якъ зберу по людяхъ. то може... Свырыдъ повиненъ виддаты пятьдесятъ, Канупиръ трыдцять пять...

Палажка. Позычь, голубчыку, позычь, свесенькый!

Карпо. Та кажу жъ, якъ зберу по людяхъ, теперь нема й карбованьця пры соби.

Палажка. Отъ спасыби тоби! Дай тоби, Господы, здоровья и вику!

Карпо. Не дякуй за здалегодь.

Палажка. Якъ не дякуваты! Ты жъ у насъ одна спасена душечка на все село!

Карпо. Не люблю я, якъ ты почнешъ...

Палажка. Чувъ про Васыля та Домаху? Сердешна Домаха! Ко-лы бъ ты знавъ. що тутъ про тебе та Домаху плешуть?!

Карпо. Що жъ тако?

Палажка. Таке, що й языкъ не повернетця вимовити! Яки тилько е катаржни люде!.. Ото жъ, якъ дійшла та чутка до Василя, то видтоди винъ зовсімъ закрутився. Степаныда зовсімъ привадила Василя до себе: у шыньку сидыть видъ зори до зори!.. Сегодня тамъ таке було у шыньку! Ціен нѣчи, лыбонь, Василь и дома не почувавъ! Та я, бувшы бѣ Домахою, та я й не знаю, щобъ я ему зробыла!

Карпо. Онъ яка новына! Та ты це на вспряжки кажешъ?

Палажка. Щобъ мене покаравъ сей та той, щобъ мени зацпыло, колы брешу!

Карпо. Я мушу все вывести на свижу воду, я—не я буду, колы не визнаюся, хто першый пустывъ на мене та Домаху лыху славу! Чы не ты це часомъ намолола?

Палажка. Та нехай мени языкъ скорчыть, колы я хочъ словечко колы про тебе!..

Карпо. Гляды, щобъ и справди тоби ёго не скорчыло! Ты такы любышь пидбрехнѣты!

Палажка. Може про кого инчого, а що про тебе!..

Карпо. Дидьво васъ, бабивъ, знае, якый у васъ языкъ: якъ засвербыть, то кого вы тилько не опаскудыте!

Палажка. Щобъ я, бувшы Домахою, та щобъ я не взяла подушокъ та не понесла Васылеви у шынькѣ!.. Принесла бѣ та й жбурнула бѣ у вичы! сказала бѣ: на та пидмости своїй крали пидъ боки, щобъ ій мняхче було лежаты!.. Я осоромыла бѣ ёго нередъ усымъ мыромъ!

Карпо. Хйба ты скаженого зупнешъ?

Палажка. Та вже якъ тамъ не трапылося бѣ, а хочъ сердце вдовольныла бѣ! Степаныда та Вивдя и не видходють видъ Василя, навить не дають ёму и вытверезытыся. Агапонъ ще у понеделокъ поихавъ у городъ, по горилку бѣ

то, чы що? Такъ тамъ вже Вивди безъ Агапона роскишь-воля!

Карпо. Пиду у шынькѣ, загляну, що тамъ творытця. Це бѣ то Василь зовсімъ вже залышывъ соромъ? (*Пишовъ*).

Палажка. Зайды до мене, Карпе, по обидаты!

Карпо. Може й зайду, не знаю. Спасыби. (*Пишовъ*).

Палажка (*одна*). Отъ же, ей-Богу, я й не памъятаю, видъ кого я чула про Карпа та Домаху? А такы видъ когось чула. Видъ кого жъ бы то? Видъ когось почула, а потимъ розказала свасы Гапци! Ну вже й сваха Гапка! словечка ій никоы не можна сказаты — заразы росплеще!.. Отъ хотила сказаты ій про те, що бачыла, якъ Степаныда сидала на колинкы Васылеви, привселюдно сидала... А що про Карпа та Домаху, то певно такы тамъ не безъ гриха було, бо Карпо дуже впадавъ за Домахою. А зъ якон бѣ то хворобы! Карпо ажъ почервонивъ, якъ я ёму про це сказала. А вже жъ що не безъ гриха! Чого бѣ ёму червониты? Дурый кого другого, а мене не обдурышь!.. (*Пышла*). Побажу и я у шынькѣ!

Я В А VII.

Захарко (*выйшовъ зъ комори*). Чы дома жъ то старшына? Пиду та й скажу, нехай пыше духовну! (*Пишовъ*).

Я В А VIII.

Гапка (*выходе зъ хаты*). Де це Захарко? Куды винъ поплентався? Постерегла ёго у комори, лыбонь, личывъ гроши. Куды винъ ихъ тилько выховѣ? Вже не разъ вси закуточкы обнышпорыла, някъ не знайду! И заразы выйшовъ зъ комори, мабутъ, и гроши понисъ. Чы не закопуе винъ ихъ де на току, або въ левади? Колы бѣ мени пидстерегты, за-

брала бѣ уси и, хочѣ бы ризавѣ мене, або пикѣ, не призналася бѣ!..

Я В А ІХ.

Палажка (*хутко бижыть*). Кумо, кумо Гапка! Васыль вышѣ у шыньку бѣетця зѣ Карпомѣ!

Гапка. За вищо?

Палажка. Хто жѣ ихѣ розбере!

Гапка. Нехай Васыль наклепа пыку Карпови! Це Карпо за Домаху здійма колотнечу! Якѣ вы казалы мени, свахо, про Карпа та Домаху, то такѣ воно й е!

Палажка. Перехреститьця, свахо! Про Карпа я вамѣ а ни словечка не казала!

Гапка. Якѣ не казалы! Хиба жѣ не вы росказувалы, що бачылы не разѣ, якѣ вони женихалыся?

Палажка. Господѣ зѣ вами, це вамѣ, мабуть, прысмылося? Я, завжды, Карпа почитувала, и, Господы, якѣ почитувала!

Гапка. Та чы вы пры своимѣ уми?

Я В А Х.

Мыхайло и Пылыпъ идуть вулицею.

Мыхайло. Гайда худчищѣ, не выдавать Карпа!.. О! сверблять у мене руки!

Пылыпъ. Розчешемо кучерявого чуба!

Мыхайло. Розчешу я й Степаныди косу! (*Пройшлы*).

Гапка. Чуете, це вони на Васыля похваляютьця! Гвалть, гвалть! Убьють, убьють!

Палажка (*крычыть*). Гвалть! Мыхайло такыи катюга, що налыхотворыть! Гвалть!..

Я В А ХІ.

Домаха (*выбига зѣ хаты зѣ дытныю на руци*).. Чого гвалтуєте?!

Я В А ХІІ.

Захарко (*хутко йде*). Що трапылося?

Гапка. Васыля бѣють у шыньку! (*Побигла зѣ Палажкою*).

Домаха. Ой, Боже жѣ мій! Татку, визьмить дытну, я побижу!

Захарко (*хана їи за руку*). Стривай! куды побижышь? Щобѣ голову тоби провалылы? Сыды дома, я самѣ пиду!

Домаха. Пустить мене, пустить!.. Васылю, Васылю, серденько мое!

Захарко. Пѣяный, що скажений! Хочеш сама пидвесты ёго пидѣ ватаргу? Зостанься дома! (*Хутко пишовѣ*).

Домаха (*сама*). Ой, горенько жѣ мое!.. Васыльчу, дорогой крышталю! До чо-го жѣ ты себе допустывѣ? Бѣють тебе, рвуть твои люби кучери, шмагують биле тило!.. Бодай же тому руки покорчыло, хто крапынку пролле твоєи кровы!.. (*До дытны*). Дытны моя, дытны люба, просы Бога, щобѣ не попустывѣ на поталу твого таточка! Господѣ учѣ твою дытячу, янгольску мольтовку!.. Охъ, якы жѣ мы зѣ тобою безталанни! За вищо. моя дытны, мы такѣ тяжко покарани? Боженку, зглянься надѣ малою дытныю! Васылю мій, Васыльчу, що жѣ то тамѣ зѣ тобою теперѣ сталося? Побижу, побижу туды!. (*Зхопылася бигты*).

Я В А ХІІІ.

Захарко (*ледве промовля*). Батька, батька за груди вхопывь?

Домаха. Що таке, тату?

Захарко. Коли бѣ не Карпо, може и вбывѣ бы мене!

Домаха (*зѣ лякомѣ*). Васыль?! Охъ, що жѣ це коитця у свити Божому! Де жѣ Васыль?

Захарко. Нехай винѣ пропаде!.. Будѣ винѣ прокл..

Домаха (*пада передъ нимъ на колѣнѣхъ*). Тату, тату, не проклинайте ёго! Мене, мене треба проклинати!.. Я винна! Черезъ мене й винъ знелюдывся!.. На вищо я увійшла у вашу сямъю, принесла зъ собою тилько лихо!

Захарко (*пидійма Домаху, зъ слёзъ ледве промовля*). Тебе клясты? Ни, ты не выновата!

Я В А ХІV.

Гапка (*блжыть*). Якъ звірь! якъ звірь!.. Я жъ казала, що зъ цёго спарування усимъ намъ буде горе!..

Захарко. Ахъ, ты, сатано! Чы не ты и е, та дхѣ искра, зъ котрой зъявляся оця пожежа?..

Я В А ХV.

Люде ведуть звязаного Васыля.

Васыль (*пзяный*). Дайте мени сюды Карпа!.. Нехай винъ сюды йде!.. Мы тутъ зъ нимъ помиряемся на простори!

Захарко. Не ведить ёго въ мое подвирья, я бачыть ёго не хочу!

Домаха. Таточку риднесеный!

Захарко (*заламавъ руки*). А!.. Укыньте того лущыпера куды-небудь у сажъ до свыней, нехай тамъ проспытця! (*Хутко тишовъ у хату*).

Домаха. Васылю, Васылю! До чого ты себе прывивъ? На батька пиднявъ руку!

Васыль. Нехай не зачыпа!

Домаха. Що ты кажешъ, Васылю? опамъятайся!..

Васыль. Я—Васыль, а ты хто така? Ты Карпова полюбовниця!

Домаха (*зъ жахомъ*). Полюбовниця?

Гапка. Годи тобі, сыну! Иды, проспыся краце!

Васыль. Не ваше дило!.. (*До Домахы*). А вже жъ, що полюбовниця; мени все, якъ на долони, выявлено!

Домаха (*пидносе дытynu*). А оцей свидокъ що тобі выявляе?

Васыль. Га? (*Довго дывытця на дытynu*). Ивась?.. Розвяжить мене!.. Вже нема серця, прохолонувъ!.. Ей-Богу, пальцемъ никого не зачеплю!.. У, якъ голова морочытця!.. У середины ажъ пашыть, мовъ вогнемъ пече!.. (*его розвязали*).

Я В А ХVІ.

Ти жъ, Карпо и ще де-хто.

Карпо. Не зупыняйте мене, я ёго не боюсь!.. (*Пидходе до Васыля*). Ну, ось дечкы я! Ударь мене, колы вырышь брехнямъ, ударь!..

Васыль. Га?.. Отъ, братъ, голова якъ морочытця!.. (*До Домахы*). Дай мени дытynu!

Палажка (*зъ крыкомъ*). Не давай, не давай, Дожко!

Васыль. Що? Моеи дытныны мени не давати?!

Палажка. Не давай, убъе!..

Васыль. А щобъ ты свита—сонця не вздрила!.. Щобъ ты...

Домаха (*дае ёму дытynu*). На, визьмы!

Васыль (*бере дытynu на руки*). Щобъ я ридну свою дытynu!.. Бороны мене Воже! (*До дытныны*). Чуешъ, що та дурна тетя белькоче? А-гуси! Визьмы татка за чуба! Гарнонько ёго визьмы! Карпе, дывысь, якъ зъ мене зпысаний!

Гапка. Дурню ты, дурню!..

Васыль. А звичайно!.. А вы все личите мене за розумного? Вы розумни, а я дурень!.. Вы мене якъ дурного й заморочылы!.. Домахо, серденько! визьмы мене за чуба! (*Чукае дытynu*). Гопъ-чукъ-чукъ!..

Я В А XVII.

Захарко (*появився на пороги*). Ачъ, якый прымирный батько! Веды ёго, Домко, у хливъ, нехай выпытця, а завтра промежь насъ буде инча розмова. У кого нема свого розуму, то треба вчыть! Дур-

ня и въ церкви бьютъ! За дурною головою и ногамъ лыхо!

Василь (*плаче*). Тату, визьмить мене за чуба! (*Пада на вколишкы*).

З а в и с а.

Д І Я V.

(Середина Захарковой хаты).

Я В А I.

Карпо и Домаха.

Карпо. Отъ же на мою думку ты, Домахо, зовсимъ зпантеличылася.

Домаха. Карпе! У кожного свій розумъ и сердце. Ты радышь терпнты, а я на те не згбжуюся, то й годи про це!.. (*Гапка видчиня синешни двери и слуха*).

Карпо. Пидешъ ты зъ села, почнуть плесты, лыхословыты.. Скажутъ: певно тому правда, що натякають про неи та Карпа, черезъ те вона и зъ села змандрувала.

Домаха. Нехай кажутъ, нехай пашекують: не ила душа часныку, то й не смердитыме. Тоби може буде нияково видъ того, то ты за себе й клопочься, а за мене не турбуйся.

Карпо (*помовчавъ*). Такъ такы идешъ?

Домаха. Що я, мала дытына, чы така вередльва, що десять разивъ буду перебаблювати: то йду, то не йду! Иду! Карпе, не вговорюй! Ты не можешъ терпнты, а я!.. Та ще хто ёго зна, де бильшь прыйдетця терпнты: тутъ чы тамъ? Але жъ вовка боятыся, въ лисъ не ходыты.

Карпо. Якъ такъ, то прощай! (*Выйма зъ кешени карбованця*). На, купышь дытыни медянычка, або що.

Домаха. Не треба мени.

Карпо. Я жъ не тоби даю, а дытыни.

Домаха. Терпнтыму я, и воно мусыть терпнты.

Карпо. Отъ за це вже зовсимъ дурна. Чымъ дытя выине, що вы не порозумилыся? Що воно: розбере, якъ ты ёму скажешъ: нема?

Домаха. Ну, давай!

Карпо (*дае гроши*). Може й тоби позычыты карбованцивъ зо-тры?

Домаха. Не хочу!

Карпо. Якъ соби знаешъ. Ну, щаслыво тоби! (*Пишовъ*).

Домаха (*помовчала, пидходе до колыскы*). Ходимъ, дытыно моя, зъ татковои хаты; не нагрлы мы тутъ мисця, пошукано де-инче. (*Взяла дытыну на руки и спива*):

Ой, не пугай, пугаченьку,

Въ зеленому байраченъку.

Ой, якъ мени не пугаты,
Що все лисы та байракы?

Та йшла вдова дольною,

Зъ малою дытыною;

Сила вдова видпочыты,

Мале дытя покормыты!

Ой, сыну жъ мій ты едывный,

Якый же ты не щаслывый!

Я В А II.

Входыть Гапка.

Гапка. Чы тоби жъ ото не грихъ, що ты загадала соби? Куды ты послала свёкра, думаешъ, що я ничего не знаю?

Домаха. И гараздъ, що знаете. Хиба я выховуюся зъ своимъ замиромъ?

Гапка. Та й не злюка жъ ты? Коли бъ була доброю, порадылася бъ зо мною, уклонилася бъ вызенько та звычайно попрохала, то може бъ я дала тобі онъ яку пораду. И що це ты соби забрала въ голову?

Домаха. Видкиля у васъ зъявйтця жаль до мене, чы витромъ ёго навѣ, чы водою пидмые?

Гапка. Хиба у мене нема жалю у серцеви? Може й до тебе винъ обернетця? Чый ото вылупокъ у тебе на рукахъ, чы воно-не мого сына дытя, чы сынъ мій не моя кровь?

Домаха. Тымъ то й горе, що ваша кровь!

Гапка. Тобъ то ягъ?

Домаха. Та такъ! Ягъ зъ початку все нишло у пбперекъ, то такъ вже воно й загальмувалося, докы не догальмувалося до краю... За того годá, що жыву у васъ, ласкавого погляду видъ васъ не бачыла, а не то, щобъ слово людське почувла. Дбкы важкюю ходыла оцымъ вылупокъ, що вы тилько не казали на мене, чымъ тилько не попрекали мене?... Терпила я!.. Чула я, якъ вы й людямъ казали, що я й сяка, й така, що я чымсь опиила Васыля, що цей вылупокъ не Васыливъ... Що я й линыва, и вередлыва, и не чупайда, и гадючого кодла... Мовчала я! Отъ же вамъ и цёго мало було! Намовыли Васыля, щобъ взявъ Степаныду у кумы...

Гапка. Не правда!

Домаха. Нацькували ёго на мене, звели ёго зъ Степаныдою!..

Гапка. Не правда!

Домаха. А гляньте на Бога!

Гапка. И гляну!

Домаха. Не глянете!

Гапка. Ты зъ мене хочешъ прысягу здійматы, чы ягъ?

Домаха. Вы не хочете прысягты, такъ здіймать зъ мене прысягу! Я, дывлячыся прямо на Бога, заприсягну, що супроты васъ николи й думкы лыхой не мала, а вы мене пеклы. А за вищо? И теперь, выхóдячы видъ васъ, не маю ничего проты васъ лыхого. Нехай Богъ васъ розсудыть за мене. Що вы маты своему сынови, що вы бажалы, щобъ ёму якъ найкраще догодыты... Черезъ те й не выную васъ!

Гапка. Куды жъ ты пидешъ?

Домаха. Коли бъ одна була, може бъ у ричку кынулася, або повысла на гилици, а теперь мушу жыты, хочъ важко, а мушу!.. Пытаете: куды пиду? Що я: калика, чы робыты не вмюю? Знайду шматокъ хлиба—чы гиркый винъ буде, чы солодкый, тó вже моя печаль!

Гапка. Це жъ ты осоромышь насъ на все село!

Домаха. Свій соромъ захыщаєте, а до мого сорому вамъ було байдуже! Бачте, своя сорочка ближче до тила.

Гапка. Та це сусиды мени очи видять!

Домаха. А мени вже давно вылы! (*Помовчала*). Передвытця отамъ у вузлыку мое збижжя, щобъ часомъ чого вашого не захопыла.

Гапка. Що це ты? Те, що тобі зроблено, то воно все твое.

Домаха. Ни, не мое. Мое тилько те, що зъ собою прынесла, батькивынна. Ондечкы чоботы ти, що Васыль справывъ, не визьму ихъ; ондечкы, на жёрдци спидныци, два хвартухы и хустка...

Гапка. Одумайся, Домко! Може я що й не такъ казала супроты тебе, може зъ жалю, або зъ пересердя...

Домаха. Що вже, мамо, перевюваты полу, зерна тамъ нема!

Гапка. То бъ то я супроты тебе кругомъ вынувата?

Домаха. Про те вже вы знаете. Що це такъ довго батько не несуть бумаги зъ волосты?

Гапка. Опам'ятайся, кажу тобі, Домко! Може воно все зминьтця та й на добре выйде.

Домаха. На вищо вы оце все важе-те? Сами жъ учора ажъ зрадили, якъ Васылъ сказавъ, що й билета мени дасть, щобъ я йшла соби, куды захочу!..

Гапка. Васылъ сказавъ зъ пьяныхъ очей; а я щось тамъ бовкнула,—кажу жъ, що може зъ пересердя... Не ославилю насъ, Домко, грихъ тобі буде! Куды ты прихилився зъ малымъ дятямъ, борони Боже, занедужаешь, або дятя заслабне!.. И на насъ гриха наклычешъ.

Домаха. Мое дятя, мій и грихъ буде, якъ що не доведу ёго до пуття!

Гапка. Ей-Богу, вже мени й жаль тебе!

Домаха. Пизно пожалили. То такъ тилько, на хвыльну. Ще й за гору не зайду, якъ заспокоитесь... А Васылеви розвяжу руки!

Гапка. И винъ пошкодуе, ще й якъ пошкодуе!.. Серце у нёго, Господы, яке мянке!

Домаха. Та мянке жъ... И вы це знали та й орудували тимъ серцемъ по своїй волі.

Гапка. Може... Добра ёму бажала! Охъ, Домко, Домко! Коли бъ ты ранищъ, отакечкы, по серцю побалакала зо мною, зовсимъ не те бъ було.

Домаха. Хиба жъ я мусыла початы таку розмову?

Гапка. И це правда, ей-Богу, правда! Мени треба бъ було... Що жъ, якъ ухопывъ мене жаль за серце, якъ ухопывъ, що Васылъ тебе взявъ, а не Степаныду,—ну не мовъ зтерлася!.. И зненавидыла тебе, такъ же зненавидыла, що ажъ душу мени вывертало!

Домаха. Коли бъ знала, що отаке мене не спобижить, перемогла бъ себе абы гинула, а не йшла бъ за Васыля!.. Ты мене що пидвіяло, чы мене пидмыло, мовъ несамовыта буда. Якъ я опынылася бреша вашого подвирья—не пам'ятаю; якъ зорпыла зъ себе пояса и хотила повисытця—не тямлю...

Гапка. Не выдай насъ, Домко, не выдай! Все переминытця... Не я вынна супроты тебе, вынни сусиды. Якъ пишовъ глумъ по хатахъ, якъ пишло пашекування!.. Дали почалы намовляты мене, нацьковуваты... Побажы, кажуть, нежданній невестцы, що ты господына у своїй хати, що ты свекруха! Ажъ теперычкы зашморгнулося воно. Такъ робышь—не гарно,—инакъ робытемешъ—не гараздъ! Була бъ я доброю для тебе—засміялы бъ на увесь виекъ, засміялы бъ; почалы золыты тебе, ще бильше лыхо зкоилося!..

Я В А ІІІ.

Ти жъ и Захарко.

Захарко. Ось тобі, Домко, билетъ. А оце тобі друга бумага, заховай ии. Якъ прийде тобі до скруту, тоди покажешъ кому, щобъ прочытали, то й знатымешъ, що діяты.

Домаха. Яка жъ це друга бумага?

Захарко. Тамъ побачышь.

Домаха. Не визьму! Я не знаю, що тамъ напысано, не треба мени ии.

Захарко. Тобі не треба, такъ Ивасеви знадобытця.

Домаха. Ни, не визьму!

Захарко. Якъ не визьмешъ, то й не треба, виддамъ ии попови. Нехай у попа лежыть до моеи смерти.

Домаха (*заховала билетъ*). Прощайте, тату!

Захарко. Якъ, заразь хочешъ и въ дорогу?

Галка. Пообидала бѣ.

Домаха. Не пиде шматокъ у горло. Спасыби!

Захарко. Не думавъ я, Домко, щобъ ты такъ швидко покынула нашу хату... Але не зупняю тебе, знаю, якъ важко тобі.

Домаха. Благословить, тату, вашого онука. *(Кланяється)*.

Захарко. И онука благословляю и тебе, моя безщасна донечко! *(Обіймає)*.

Домаха. Тату, не завдавайте жалю чулымы речамы, не выцижуйте слизъ зъ очей моихъ, бо ще вони мени знадоблятьця... Прощайте, мамо!

Галка *(почына голосыты)*. На кого жъ ты мене покыдаешъ, моя люба невисточка?!

Захарко. Галко! Хочъ на розлучѣнни не кривы душею!

Галка. Думаешъ, не шведа мени ий?

Домаха *(уклоняється до образивъ)*. Поможы мени, Боженьку, перебуты мою бидоньку не всыпучу, мою скруху тяжку!.. Зглянься, Мылосердный, надъ дятямы малымъ, не розумнымъ! *(Хутко пишла, Захарко вышовъ за нею)*.

Галка *(сама)*. Та невже жъ Домаха и справди насъ покынула? Якъ же чудно стало въ хати, неначе у пустци! Може и я вынна супроты неи?.. Якъ це раницъ я не довидалася, що у неи таке гарне серце? Думала все, що вона мени лыха мыслыть, ажъ бачу... Та невже жъ я тымъ гришыла, що мыслыла свой дятыни добра?

Я В А IV.

Захарко *(входить засмученный)*. Нехай иде зъ Богомъ! *(Сивъ край столу и схылывъ голову на руки)*. Отъ и оженила мезынчыка на радистъ та на втиху. Пропаде, пропаде въ шыньку за поставцемъ! Хылысь, моя сыва головонька,

до сырой землицы, швидчъ хылысь, бо ни до кого вже буде тобі прыхылытнся!.. Увесъ виегъ дбавъ, щобъ звыты тыхе та любе кубелечко.. Галко, Галко! Запалыла ты мій рай...

Галка. Ты думаешъ, що й мени не тяжко?

Захарко. Тоби тяжко? Чы не прыйшло каяття, тилько чы не пизно?

Я В А V.

Ти жъ и Васыль.

Васыль *(идъ чаркою)*. Де Домаха? Нехай заразы готуе закуску, кума до насъ иде и други гости!

Захарко. Погукай на жинку, може вернетця.

Васыль. Що таке? Куды жъ вона пишла?

Захарко. Туды, куды самъ спровадывъ.

Васыль. Що—о!

Захарко. Пишла въ городъ, у наймы.

Васыль. Та що це вы!

Захарко. Самъ же вчора сказавъ старшыни, що даешъ ий билета на годъ!

Васыль. Ну?

Захарко. Взяла билета и пишла.

Васыль. Та що це вы мене морочите? А дятына де?

Захарко. И дятыну взяла.

Васыль. Ни, це но може буты! *(Бижыть зъ хаты)*. Мабуть, вона въ комори? Домахо!.. *(Пишовъ)*.

Галка. Гукай! Знайдешъ витра въ поли!

Васыль *(вернувся)*. Це вы мене драгуете! Та що жъ це таке?

Захарко. Розмиркуй самъ, болы не слухавъ батька, самъ соби давай пораду!

Васыль. Та якъ же це?

Захарко. Що, сыну? Чы смачно частвовала тебе кума, чы мицно тулыла до

серця? Безпутный ты, выродку! Не мій ты сынь, а діяволивъ! Геть зъ моеи хаты! Иды до своєї кумы! Иды до Агапона, нехай тоби Агапонъ стане за батька!

Гапка. А Вивдя за матирь!

Василь. Якъ! И вы, мамо, супроти мене?

Гапка. Покўтуйся, сыну! нехай мене Богъ скарае за те, що, бажаючи тоби добра, накоила лыха!

Василь. Що жъ оце таке вчынылося?

Я В А VI.

Ти жъ, Степаныда и гости.

Степаныда. Куманекъ, ваши гости!

Василь. Бачу!

Степаныда. А де жъ кумушка?

Василь. Геть, хвойдо, зъ моеи хаты!

Степаныда. Куманекъ, опамъятайтесь!

Василь. Насылу опамъятався! Геть, гадно, сатано люта!..

Степаныда. Такъ ты такъ, падлецъ, зо мною? Я жъ тебе ославию, я жъ тебе опаскужу на всю округу!..

Василь. Ще слово промовъ, задавлю тебе!.. *(Кыдаецця на неи, Степаныда и гости зныкають)*. Домко, Домко! Де ты, моя мученице безщасна? *(Плачучы падае на лаву, Захарко и Гапка кыдаютьця до нѣго)*.

Я В А VII.

Ти жъ и Мытрохванъ.

Мытрохванъ. Що тутъ у васъ подялося? Кума Степаныда гвалтуе на всю вулицю, що когось ославить!.. Хотивъ поздоровкатысь зъ нею, такъ вона мене пидъ три чорты послала.

Василь *(кыдаецця до Мытрохвана)*. Братикъ риднесенькый! Домаха мене покынула и сына взяла, сына!

Мытрохванъ. И добре зробила! А що жъ зъ такимъ закрутыголовою бильше робыты, якъ не плюнуты на нѣго?

Василь. Дожены ии, ублагай!.. Скажы ий, що страчу себе, якъ не вернетця!

Мытрохванъ. Тоби, Василью, давно слидъ выситы на гиллиця!

Захарко. Мытрохване, що ты кажешъ?

Мытрохванъ. Правду кажу! Що ёго шкодуваты, скаженого? За вищо винъ насъ усихъ осоромывъ?

Василь. Верны ии, братикъ! Покаюся, передъ усымъ мыромъ покаюся!..

Мытрохванъ. Ачъ роспустывъ слыны! Домаха наврядъ чы здастця на мое благання? Хиба маты пойдуть зо мною? Мамо, на мою думку, вамъ слидъ Домаху перепрохаты, бо що не кажитъ, а вы, ей-Богу, ще бильшъ Васыля проты неи вынны!

Гапка. Бачу, сыночку! Поидемо мерщи! Буду благаты, у ноги ий упаду.

Захарко. Гапко! Та невже жъ це я чую твою мову?

Гапка. Покўтуюся, вынна я, гришныця!

Захарко. Насылу!

Мытрохванъ. Идемo жъ, мамо, скорышъ! *(Мытрохванъ и Гапка нишы)*.

Василь *(плачучы)*. Домахо, моя вирная дружыновько! Сыну мій, сыночку мій коханий!..

Захарко. Плачь, плачь! Сплачь зъ сердца гыдоту, котра прыгнитыла ёго! Може, хочъ зо дня зрынуть чысти слѣзы.

Василь. Тату!.. Визьмить батoга, сполосуйте мене, щобъ по вискъ сынякы не сгоювалься, лехче мени буде!..

Захарко. Зновъ ты, Василью, согришывъ передъ Богомъ, а Богъ все те бачыть! Согришывъ за жинку, согришывъ и за сына!

Василь. Оплелы мене, мовъ муху павутиною! Колы я теперь видвернуся видъ Домахи, колы я видречуся видъ мого единого сына, то нехай мене Господъ поквара, якъ найтяжче, якъ найболячищъ!

Захарко. Коли видь сердца кажешъ, то може Господь ще й змылуеця надъ тобою. Слухай же, що я тобі радитиму, у останне радитиму.

Василь. Приказуйте, тату! Теперь ваше слово для мене, якъ Боже!

Захарко. Коли Домаха повернетця и згодитця зъ тобою жыты, то якъ найхутчищъ обминяемо, або продамо свою хату и надиль та перейдемо у друге село, куды-небудь, дали видциля. Тутъ намъ не рука зоставатся.

Василь. Оце правда!

Захарко. Всю мою худобу и достаткы я списавъ вже на Домаху та на онука!

Василь. А вже жъ! Мени ничего не треба, нехай воно буде Домашине та дитямъ.

Захарко. Намъ старимъ ничего вже того не треба. Дожывемо до старосты, якъ що Господь потерпять грихамъ, помремо, поховаете насъ...

Василь. Памъятатиму до вику вашу порадю. Може Мытрохванъ не тымъ пляхомъ поихавъ, щось довго нема? Може не вернетця Домаха? Вы не гниваеця на мене, тату? А такы чудесно бъ вы зробылы, коли бъ выхворостылы мене на вси боки!..

Захарко (*усмихаеця*). Добре вже ты й самъ себе выхворостывъ.

Василь. Правда ваша! Неначе зовсимъ переродывся! Здаеця все те, що за пивъ годины коилося, далеко, далеко видсунулося, и на сердцеви такъ тепло стало, нибы воно слизьмы умылося и все въ мени ажъ тремтыть.

Захарко. Дай Господы, щобъ таке чудо съ тобою вчынылося.

Василь. Коли бъ Домаха вернулася. Стривайте! А що жъ буде зъ гришмы?

Захарко. Зъ якымы гришмы?

Василь. Та що ота скажена кума подарувала. Каже: „зробы соби сердука и усяку городьску одежу: чоботы на вы-

сокихъ закаблукахъ“... Ажъ сто карбованцивъ подарувала.

Захарко. Нехай заразь Мытрохванъ виднесе ихъ отій хлѣрци!

Василь. А вже жъ... (*Шука въ кешеняхъ*). Де жъ це вони? Невже загубывъ? Дала цилу Катеринку. Де жъ це вона? Поклавъ у кешеню... Ей-Богу, нема!

Я В А VIII.

Ти жъ, Домаха, Гапка и Мытрохванъ.

Василь. Домахо! Сыну мій! Домко! Я... Я выненъ!..

Домаха. Васылю, вирою тоби! Видь сердца ты кажешъ, я це бачу! Любий, любый! (*Кыдаеця ему на шыю*).

Василь. Тату, мамо, братику! Дывитця, дывитця, якый я щасливый!..

Гапка (*взяла у Домахи дытиму*). Ну, крычы жъ, крычы! Теперь ты найстаршый у господи! Охъ, ты мое янголятко! (*Туле его до грудей и общиловуе*).

Захарко. Отъ и щастя, отъ и таланъ! Дывитця, дѣтки, прыглядаетеся: де той таланъ, та щастя, якъ не въ своій семьи?

Я В А IX.

Ти жъ, Агапонъ, соцьный, Паламна, Карпо и ще де-яни люде.

Агапонъ. Обиськайте ёго заразь! У нѣго, въ кешеняхъ повинно буты сто карбованцивъ, цила сотенна бумажка. Обиськайте Васыля, тоди й побачыте, що я правду кажу.

Василь. На що жъ трусэты? Степаныда подарувала мени сто карбованцивъ, и я хотивъ оце заразь Мытрохвана видслаты ий. (*Шука по кешеняхъ*). Де жъ це вони подилыся? Чы не въ комори я ихъ загубывъ? (*Бижыть у комору*).

Агапонъ. А що, чуєте, винъ самъ признаецця? Тилько вона ему не подарувала, а винъ укравъ! Господинъ соцькый, звелить ёго звязаты!

Палажка. Брешешъ! Я своими очыма бачыла, якъ твоя дочка дарувала ёму Катерынку!

Агапонъ. Хто—хто, а ты краще й рота не роззявляла бь!

Василь (*вертаецця*). Нема! Може въ синяхъ? (*Бижыть въ сини*).

Карпо (*выйма гроши*). На, Агапоне, пивтораста, тилько не зводь на Васыля провинны! Василь не злодй, брешешъ ты, хрестопродавче!

Агапонъ. Мени твоихъ грошей не треба: я самъ тоби жбурну въ вичи п'ятьсотъ. Я хочу злодйство покараты! Василь злодй!

Василь (*попьяетця*). Хто? я злодй? (*Схопывъ звъ полицы ножа*).

Вси, окримъ { Що ты робышь? Одй-
Агапона. { мить у него ножа! (*Схо-
плюють его за руки*).

Василь. Пустить! Я распутный! Я п'яныця!.. А злодйемъ я николи не бувъ!.. Я загубывъ гроши!.. Перетнить мени горлянку! Мене злодйемъ взычають!.. Не могу я такой паругы стерпити!..

Соцькый. Вгамуйся, Васылю! Е свидокъ, що ты не вкравъ тихъ грошей, тилько заразъ виддай ихъ!

Палажка. Не вкравъ, сама бачыла, якъ дарувала тоби Степаныда. Заприсягну!

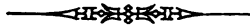
Захарко. Де жь мы заразъ таку сумму взымемо?

Карпо (*до Агапона*). На, та й меты швыдчъ звъ хаты! (*Дае сто рубливъ*).

Агапонъ (*взявъ гроши*). Хороши порядкы, ничего сказаты! (*Пишовъ*).

Василь (*пада на вколышки*). Боже, просты мене гришного! Люде добри, простить мене! Покутуюся въ свой тяжкй провинни: передъ отцемъ—невькою, передъ жинкою и сыномъ и передъ усымъ хрещенымъ миромъ!

(З а в и с а).

ДВИ СЕМЬИ.

Драматични малюнки, зъ закутного жыття, у 4-хъ дїяхъ.

ЛЫЦЕДИИ:

Сафронъ Жлудъ, багатый мищаньнъ.
Настя, его жинка.
Самрось, ихъ старшый сынъ.
Зиньна, его жинка.
Романъ, меньшый ихъ сынъ, парубокъ.
Степанъ Рева, крепакъ.
Хотына, его жинка.
Хведосна, ихъ дочка, дивчына
Ганна, молодыця.
Мотря. } Дивчата.
Любка. }
Кырыло, старый дидъ.

Харытонъ.
Денокъ. } Чоловики.
Пылыпъ. }
Свырыдъ. }
Юхымъ, Харытонывъ сынъ, парубокъ.
Чыномка, шынкаръ и крамаръ.
Юхымъ Ненапоровычъ, старшына.
Мануйло Андреевичъ Балалайна, волост-
ный писаръ.
Дружкы, свитилка, буяре, старосты, му-
зыка и весильни гости.
Дїетця на сели.

ДІЯ І.

На прыгори село. Въ глыбни кону штукованый церковный барканъ (палісадъ) и ворота; за барканомъ садовъ; дерева ледве роспускаютця; бльжче, по ливоручъ—„волостное правленіе“, у праворучъ—„постоялый дворъ“ и „боколъная лафка“. Ранокъ.

Дїетця у першый день Велыкодня.

Л В А І.

Мотря, Хведосна и Любка *выходятъ изъ за баркана.*

Хведоска. Та и тиснота жъ у церк-
ви: мыру-мыру, якъ бджилъ у вулыку,
такъ и кышать, такъ и гудуть.

Любка. Гляньте, сестрычкы, вже и со-
нечко зійшло, та яке червоне та свитле!

Хведоска. На Велыкденъ, мабуть, и
сонечко радїе празныкови?

Любка. Ще бъ не радило! Увесь Божый
миръ радїе.

Хведоска. Не знаю якъ вамъ, сест-
рычкы, а що мени то такъ тмяно стало

на сердцеви, якъ ото скоро дочыталыся
до Хреста, и пипъ промовывъ: „Хрыстосъ
Воскресъ!“ Такъ все у мене въ грудяхъ
и стрепенулося; а потимъ нибы похоло-
нуло: и радистно и боляче—сама себе не
зрозумію! И въ ту хвилью, здалося мени,
що не тилько уси люде, а и образы, и
корогвы, и стины, и царьски врата,—
нибы усе заразомъ отповило: „воистыну!
воистыну! воистыну!..“ Яка то, сест-
рычкы, велична, яка незабутня хвилья!

Любка. У той ментъ, якъ дочытаютъ
ця до Хреста, ни одна видьма не зможе
устояты въ церкви, заразы втече у ба-
бынецъ!

Мотря. Мусыть втокты, бо заразы такъ нею и гримне обь доливку!.. Моя маты колысь сами бачылы, якъ одну видьму жбурнуло, та якъ почало нею качаты, ажъ пина зъ рота покотылася!..

Хведоска. Що жъ люде?

Мотря. Повтыкалы зъ церкви! Тилько одинъ знахарь догадався и покрывъ ии чорною хусткою, заразы и перестало быты... Чуешъ, Любка, а я, Господы, якъ дывувалася, якъ це Хведоска у церкви не зомлила?

Хведоска. Тю на тебе! Хиба и я видьма? *(Регоче)*.

Мотря *(до Любки)*. Чы ты помитыла, скилько вона сегодня свичокъ постановыла? За кого ты ихъ ставляла?

Хведоска. Отъ тоби и знаешъ: „за кого?“ За батька, за магирь, за ридь и мырь хрощеный.

Мотря. И за того мырянина?

Хведоска. За котрого?

Любка. А за того, що цилого семыгрывенного укынувъ тытареву у карнавку.

Мотря. Розщедрывся!

Хведоска. Пхи!.. Ажъ ничогисенько не розберу!

Любка. Такому не диво и карбованьяця выкынуты, — сказано: багачъ.

Хведоска. Зъ якои речи що разу прытуляете? Ей-Богу, вже ажъ обрыдло!.. Я и въ головахъ ничого такого не покладаю... Байдужисенько!

Я В А П.

Самрось и Романъ.

Самрось. Якъ це я не похрыстосувався зъ кумомъ лавошныкомъ? Прогавывъ его у церкви, теперь винъ пишовъ до дому, та якось уже й не ловко!..

Романъ. Чы не нарочыто ты его прогавывъ?

Самрось. Покры люде запырчастыця. збигаю та похрыстосуюся зъ Онопріемъ Мытрохвановычемъ. *(Иде до постоялого двору)*.

Романъ. Це вже тамъ наклюкаеся?

Самрось. Хиба я не знаю, що сегодня таке свято, що слидъ у свойей семьи розговитыся? Лыбонь, я ще не самошедчый!

Романъ. Це вже мы не разъ чулы.

Самрось. Не думай, що ты вже такий вченый! Що ты вчывся у городьскый школы, то це ще не вельке щастя.

Романъ. Батько запырчастыця, заразы бы й до дому йхаты.

Самрось. Заразы же и до дому. Слухай, Романе, будь ты розумнымъ, тилько за для себе. Я старшый, а ты меншый. то тоби зась мене повчаты! *(Пишовъ у лавку)*.

Романъ. Це вже напыетця тамъ!.. *(Оглядаецця)*. Лыбонь, Хведоска заразомъ зъ якимысь двома дывчатамы выйшла зъ церкви, куды жъ вона подилася? Тилько що протыся до неи, а вона, якъ той вьюнъ, такъ и пошылася по межъ людмы. И завжды такъ! Та невже жъ и сегодня не доведетця зустритыся, щобъ хочъ словцемъ перемовитыся!.. Досадно! Скилько разивъ бачу ии, а ни разу ще не трапылося такъ, щобъ побалакаты, або хочъ поздоровкатыся. Колы сама иде до церкви, то неначе наумысене обстофонь обходыты; а якъ зъ подругамы, то нобы й не бачыты мене. Чы вона глузуе, чы драчуе?.. Дывлюся на неи и очей не могу видорваты и всима думкамы до неи лыну, а йи може и байдужисенько! Ну, вже сегодня, або завтра конче спизнаюся! Колы сердце радие и трипоче, бачучы ии, то кого жъ и слухатыся окримъ сердца? Такъ, чы не такъ, а мушу сегодня зъ нею побалакаты. Чы не пышла вона въ ограду? *(Пишовъ за барканъ)*.

Я В А III.

Харытонъ, Кырыло, Пылыпъ и Денысь.

Харытонъ. Гарно сёгодня выводишь Романъ Жлуденко: „Святися, святися!“ Такъ голосно, та тонко!

Кырыло. Га? Не даромъ у городи вчывся.

Денысь (*кашля*). Та й довго жъ причащаютъ!

Харытонъ. Спасёлныкывъ сыла.

Денысь. Тутъ йсты ажъ душа болыть!

Кырыло. Га? Може шельбухи болять? инчому шельбухи на думци, а инчому душа!

Денысь. Вы стари, то вамъ про душу и душаты.

Харытонъ. Дидь Кырыло, такъ вони якъ пообидали у чыстый четвергъ, та й доси постылы, — правда?

Кырыло. А тоби яке дило?

Харытонъ. Та я, бачте... Що инчий може, а инчий не зможе!

Кырыло. Га? Хто зхоче, той и зможе.

Харытонъ. Ни, не кожний. Отъ я, бувшы бъ вами, сидивъ бы теперь дома; а то щобъ часомъ черезъ васъ хто гриха не наживъ.

Кырыло. Батькови своему лысому рскажи! Ты якъ напьявъ отого балахона, то, лыбонь, зовсимъ ставъ крученимъ?

Харытонъ. Де жъ, людей у церкви якъ комашни, мало васъ не задавылы!

Кырыло. Га? Богъ смерти не дасть, то й вовкъ не проковтне.

Пылыпъ. А звычайно. Безъ Бога а ни до порога!

Денысь. Ачъ, якый богобоязний знайшовся!

Кырыло. Щобъ у таке свято не питы до церкви—я не бусурмень!

Харытонъ. Та воно... Тилько що я кажу...

Кырыло. А я того, що ты белько-чешъ, не чую!

Денысь (*кашля*). Тьху на тебе! Ото причепылося, неначе тамъ що у середины горчыть, або гавка?

Пылыпъ. То такъ горилка зъ срывцемъ сварытця.

Денысь. А хочъ бы й горилка, тоби що до того?

Пылыпъ. Та я такъ... Коны бъ до цёго кашлю та ще колькы?

Денысь. Коны бъ тоби до очей та бильма?

Пылыпъ. Меньчъ трискавъ бы кукульвану—не давило бъ.

Денысь. За твои я трискаю? Ты мене частувавъ?

Пылыпъ. Траплялось не разъ.

Денысь. Бильшъ не трапцятца! (*Кашля*).

Пылыпъ. Ловка бухыкалка!

Денысь. Отъ же я тебе вылаю!

Пылыпъ. Не повинна!

Кырыло. Га? А ну, заведитца била церкви!

Денысь. Чого жъ винъ влязно? Ко-лысь, не въ ряды-годы, почаствувавъ та й пышаецца, якъ свыня на матузци!.. (*Кашля*). Якъ тилько розговіюся, заразы на пичъ та до горы чёрева,— спатыму ажъ до провидъ.

Харытонъ. А до шынку?

Денысь. Шкода, братухо, въ кошени а ни дзенькне!

Харытонъ. Що жъ то за празныкы? Хиба жъ не можна набиръ?

Денысь. Набрался вже й такъ по самисенькы вуха!

Пылыпъ. Знайдутца таки, що поча-стуютъ.

Денысь. Може думаешъ, що въ тебе визьму на видробитокъ? Дидька лысого диджесся,—отъ що!

Пылыпъ. Побачымо.

Денысь. Та скорисць здохну, нижъ у тебе позычу!

Пылыпъ. Не зарикайся.

Денъсь. Дасы полтыныка, а вид-
робляй тоби рубля?

Пылыпъ. У мене дурнычку хава зъила.

Денъсь. Вона и тебе тужъ-тужъ
стриска.

Пылыпъ. А стриска. Що ступинь,
то все бляжъ до домовыны.

Кырыло. Та годи вамъ!

Харытонъ. Хвалыть Господа Мыло-
сердного, джидалыся тепла! Надивъ сѣ-
годня гедзетыка, думка шыбала: змерзну!
А воно и въ гедзетыку парыть.

Кырыло. Га? То ще кровь въ тоби
воюе; а якъ мени то и въ кожуси холодно.

Харытонъ. Ни, безъ шутокъ! Ачъ, якъ
по гори брындуши цвитутъ!.. Ондечкы и
сонъ зацвивъ, а горыцвить ажъ жовтіе!.. Ну,
я вамъ скажу, и зима була сутужна.

Денъсь. Була бъ ще сутужницъ, та
уже й никуды.

Пылыпъ. Довга зима!

Харытонъ. Такихъ довгихъ зимъ, ма-
буть, ще й не бувало?

Кырыло. Га? Бувалы усякы зимы!

Денъсь. Зима-зимущка!

Пылыпъ. А тоби видъ неи за ву-
хожъ свербило?

Денъсь. Зновъ въязнешъ?

Пылыпъ. Тадже жъ ты ни за пашею,
ни за топлывомъ не бидкався?

Денъсь. Ну й чого лизешъ у вичи,
якъ та словка?

Пылыпъ. Ни волека жъ, ни коривкы?
Хиба якъ топлыва не стало, то хату
обдеръ!

Денъсь. Обдеръ. Свою обдеръ, чы твою?

Пылыпъ. Хазяиновытый!

Денъсь. Зъ такымы сусидами роз-
хазяинуеся. Хиба я въ тебе, чортова
скныпа, не прохавъ позычты топлыва?
Скільки у тебе соломы гные, а ты по-
зычывъ? Ачъ, ще й зубы скалыть.

Пылыпъ. Позыка, — то лышня турбота.

Кырыло. Дали зимы ще довши будуть.

Де-хто. Черезъ що жъ то?

Кырыло. Га? Передъ кинцемъ свита
усе переплутаетця: замисць зимы буде
лито, а замисць лета — зима...

Денъсь. Мабуть, за цю зиму и хав-
рахъ повимерзавъ? Торишню весну скільки
було, а теперъ ще й не выдко! Торики
мои хлопчакы паловылы ихъ ажъ на
одинадцять цилковыхъ; а теперъ, ма-
буть, чортъ ёго матыме и того заробитку?

Пылыпъ. И въ Гершка заробитокъ
зменьшитця.

Денъсь. Тьху, сатано!

Кырыло. Га? Хочъ ловытнуть, хочъ
не ловытнуть, а якъ Господь захоче пока-
раты, то видкиля та ночысть и визьметця.

Харытонъ. Лыбонъ, на тимъ тыжневи,
якыйсь произый чоловикъ, бияя шыньку,
росказувавъ. Такий у нѣго хургонъ ко-
ваный, пара конячокъ, рушниця у хур-
гони и цилый лантухъ вѣвса... Мабуть,
зъ далеку! Такъ росказувавъ, що у их-
нихъ краяхъ такъ одинъ чоловикъ усихъ
хаврахивъ повыволовлювавъ на своїй ныви,
а сусида ёго не зачепывъ ни жодного.
Такъ каже жъ, що вчынылося? Дывына,
прямо дывына! У того, що половывъ,
хаврахы выбылы хлибъ до цурочки; а
въ того, що не зачепавъ ихъ, хочъ бы
тоби стеблыну знивечылы!

Денъсь. Торики, у Василя Шпрамка
увесь ячминь выбылы хаврахы, а у Да-
ныла Лободы и не зачепылы.

Харытонъ. Бо Даныло средствія та-
кого знае, ще зъ дѣда-прадида знае!

Денъсь. А, мабуть; зна!

Кырыло. Га? Краще не чепаты тиен
погани!

Харытонъ. Адже бува отъ що й градъ,
або кузка: у одного геть вытолоче, а
другого обмыне?..

Я В А І V.

Ти жъ и Свырьдъ.

Свырьдъ. Про вищо чурукаете?

Пылыпъ. Про те, що шо-дня муляе!

Харытонъ. О, муляе, ажъ дошкуля!
Деннсь. Було бѣ ще дошкульнищъ,
та вже й никуды.

Свырыдъ. Чуєте, сѣгодня видѣмъ ба-
чылы у церкви?

Кырыло. Росплодылося вже ихъ до
пропасты! Куды махне рукавомъ, туды и
хмары попливуть!.. Показавъ бы я имъ!

Харытонъ. Онъ воно що! А я ды-
вуюся, що воно за знакъ, що дощивъ
нема? Учора зовсимъ було нахмарылося
на дощъ, думка шыбала: ось-ось ушкваре,
ось-ось полье!.. Отъ же погремило, поблы-
скало... Одинъ бы дощѣкъ на озимину!

Кырыло. Га? Йиздылы колысь вони
на мени, ну вже жъ и я ними йиздывъ.
Ого-го, ще й якъ йиздывъ. Якъ сяду було,
якъ замордаю та якъ почну хвоськаты
хвайдою по жыжкахъ, ажъ мыло зъ неи
клубкѣмы котытця!..

Свырыдъ. Стало бытъ, и вы ихъ сѣ-
годня бачылы?

Кырыло. Бачывъ.

Вси. Невже?

Кырыло. Якъ тилько дочыталыся до
Хреста, я лупъ очыма: ажъ сунетця по-
пличъ мене мацапура и шырытця... Ще
й зъ дѣйницею на голови!

Вси. Невже зъ дѣйницею?

Кырыло. Га? Зъ дѣйницею! Я тыць
ий дулю; на, видме, отакечкы о, на, видме!
На тоби, кажу, хвостато прояво!—Счезла.

Де-яки. Не любыть дули?

Кырыло. Га? Глянувъ у праворучъ,
ажъ и друга просоветця... Ажъ ши-
стѣхъ бачывъ!

Свырыдъ. Хто знае средствѣя, той
може ихъ бачыты.

Харытонъ. Це вже звисно, що дидъ
Кырыло знають средствѣя, ихъ якыйсь
лытвынъ навчывъ,— правда?

Кырыло. А хочъ и знаю?

Харытонъ. Кажуть, що треба на пу-
щениа взяты сыра за губу та такъ и
переночуваты!..

Свырыдъ. Отъ же Романъ Жлуденко,
якъ почалы люде гомониты, що бачылы
видѣмъ, такъ винъ усимъ хотивъ роты
затулыты. Каже: „то выгады!“

Деннсь. О, то великый грамотий!
Знае зъ носа та въ ротъ!..

Пылыпъ. А я миркую, що Романъ
зъ витру не скаже. А отъ Деннсь, якъ
заговлявся, такъ оставивъ за губою пивъ
чаркы горилкы, а въ ранци прокынувся:
ковтъ-ковтъ, а вона й не лизе!.. Та ще й
видтоди и до сѣго часу гудуть у него
чмели въ голови! (*Де котри регочуть*).

Деннсь. Ну й вылаю жъ я тебе сѣ-
годня! О, ты разумный!

Пылыпъ. И я тебе не за дурня маю!

Деннсь. Ни, я дурень!

Свырыдъ. Я вамъ скажу, що видьмы,
такъ це—кара Господня!

Деннсь. Я дурень, та ще й не абн-
якый, а пысано дурень!.. А дайте мени.
отакъ, якъ я оце стою, десятинь зъ
двадцять земли на вичнисть, та щобъ я
годивъ зъ десятокъ не знавъ ни якыхъ
оплаткывъ.

Пылыпъ. Ачъ, чого забавнулося?

Деннсь. Тоди побачыте, якимъ я
зразу зроблюсь разумнымъ!

Пылыпъ. А такъ, такъ!..

Деннсь. Ты бо не такай! Багато
васъ теперъ разумникывъ росплодылося.
Шкуродеры чортови! Якъ набывъ кѣшени,
такъ винъ вже й панъ!.. Теперъ у тебе е:
четверо коней, тры пары воливъ,—ты й
разумный! У Свырыда — тожъ: пѣятеро
коней, дви пары воливъ,—и винъ разум-
ный! У Жлудивъ симдесять десятинь
земли, худобы повни оборы, грошей скиль-
ко тысячъ, отъ Жлуди вже надъ усима
разумнищи!.. Черезъ те й Романъ забыва
усимъ бакы. У него ще молоко на гу-
бахъ не обсохло, а винъ вже етарымъ
людямъ въ вичи брехню загына! Сказано:
багачъ!

Я В А V.

Ти жъ и Романъ.

Романъ. Христось Воскресъ!

Вси. Во истыну!

Романъ. Кому жъ то я въ вичи брехню загынавъ?

Денъсь. Ось винъ розумныкъ! Ачъ якый!

Романъ. Якый же я?

Денъсь. Такъ чуєте, я и кажу: дай мени сыду, чы й я не показавъ бы себе?

Пылыпъ. Ажъ ось колы достометну правду внявавъ, таку вже правду, якъ на квытанціи спысавъ. Хто-хто, а що ты, то показавъ бы себе: що-дня вси шынькы одвидувавъ бы!

Денъсь. А чы не загну я тоби?..

Кырыло. Отъ же такы заведутця!

Свырыдъ. Цытѣте лшнень, на молытву дзвоняте. *(Вси скидають шапкы и йдуць за барканъ).*

Романъ *(самъ)*. Це певно Денъсь за видѣмъ мене шустрывъ? Комусь зъ просоння помарило щось въ очахъ, а черезъ хвыльну вси загомонилы: видьмы, видьмы булы у церкви!.. Надало мени впутатися въ ихню розмову. Якъ сказавъ, що видьмы—то баблячы выгадки, и, Боже, якъ вси озвырылыся. Колы бъ не била церкви, то може и были бъ. Есть же и школы по селахъ, и вчытели, або и поны, котри запевняють мырянъ, що ни якыхъ видѣмъ нема на свити... Отъ же й неймутъ виры! Мабуть, не такъ то легко выкореныты то, що видъ прадидивъ всмокчетця—и въ кровь и въ кисты? *(Романъ пшыовъ оз церкви).*

Я В А VI.

Зинька.

Зинька. Заразь поманыла очыма Романа, щобъ выйшовъ. Роскажу ёму все, все, що гнытыть мою душу, пора, давно

уже пора! Горенько мое, що замижня я! Була бъ я не замижнею... Чы не лыло тяжке спиткало мене? Кого я покохала? Кого? Чоловиковаго брата... Ой страшно!.. Та вже тамъ якъ не зкоитця, а не выховаю того, що не дае мени ни на хвыльну супокою... Що буде, то буде, сѣгодня прызнаюсь ёму. Тутъ найбезпечнищъ перемовыты,—нихто не постереже, а дома неваче свекруха зорыть и чоловікъ, лыбонь, постерега... А якъ постереже й справди?!—Смерть моя!! Та чого жъ винъ такъ довго барытця? Скоро й служба скинчытця! Чого жъ то винъ не похрыстосувався зо мною?

Я В А VII.

Зинька и Романъ.

Зинька. Що жъ ты и не похрыстосувався зо мною?

Романъ. Давай похрыстосуюся. Це жъ законъ!

Зинька. А колы бъ не законъ, то тоби бъ и однаковисенько?

Романъ. А хочъ бы й такъ?

Зинька. То й не треба! Чого такъ озыраеся? Збентежений чогось, чы замучений?

Романъ. Не самъ себе чоловікъ замучуе, а прыгода...

Зинька. Вже почавъ загадкамы балакаты!

Романъ. Чого бо ты еретуеся? А я хотивъ зъ тобою порадытись, та не знаю, якъ и початы. Якась ты чудна зробылася... Слухай, сестро! Тыничого не помичаешъ?

Зинька *(Зитхнула)*. Де вже тамъ не помичаю?

Романъ. Мабуть же правду кажутъ, що не втаптця коханячко, якъ у мышку шыло!

Зинька *(потупыла очи)*. Чого жъ ёго и таиты, пора бъ вже й выявыты.

Романъ. Та все якось не выпада. Вирьшъ, що зъ кожнимъ днемъ все бильшъ турбуе мене думка: а що якъ я їй не до мысли?

Зинька. А якъ до мысли?

Романъ. Коли бъ же то! Чую я, сестро, що вже дали наврядъ чы вгамую свое серце.

Зинька. На вищо жъ ёго и вгамувати? Кажы, Романочку, я жъ всею душею слухатиму тебе!

Романъ. Ты щыра душа, Зинько.

Зинька. Невже?

Романъ. Тилько яки вы бабы хытри! Кажешъ: „помичаю!“ Такъ тоби цёго ще мало?.. Ну, скажы ты сама, що ты помитыла?

Зинька. Пам'ятаешъ, якъ Самрось хотивъ мене быты и я втекла до ставу и вже наважылася шагнуты въ ополонку, якъ ты схопывъ мене за руки и почавъ богаты не губыты своей души?

Романъ (*дыветця*). Ну?

Зинька. Якъ мени тоди легко збылося видъ твоихъ ласкавыхъ ричей; ниhto ще николи такъ прыязно не балакавъ зо мною... Але жъ псля того ты ставъ нибы инчимъ, не знаю, зъ якои причыны? Скилько разивъ и я наважылася сказаты тоби, що я...

Романъ. Стрывай, Зинько! Ты жъ це про вищо? Лыбонъ, мы одно другого не розуміемъ.

Я В А VIII.

Ти жъ и Ганна зъ дытминою на руци.

Ганна (*до Зиньки*). Бачъ де вона, а я їй въ церкви дывлюся.

Романъ (*у бикъ*). Що це Зинька соби въ думкы забрала? Чы вона въ жарть, чы?.. (*Пишовъ*).

Ганна. Давненько, давненько не бачылася.

Зинька (*у бикъ*). Чого винъ такъ здывувався? Та невже жъ винъ другу покохавъ? Ой, Боже!

Ганна. Мало не що недили буваешъ у обидни, а до мене и очей не навернешъ? Куды жъ намъ до васъ ривнятыся? — багатырька! Воно завжды такъ у свити коитця: багачи до багачивъ тультя, а злыдни одно-одного зажерають! Кажуть же, що: багацтво дме, а лыхо у дугу гне.

Зинька. Ничого не розберу, ничого не тямлю, чого ты видъ мене хочешъ?

Ганна. Такъ бы то запанила, чы запышлася?

Зинька. Галю, Галю! Може мени не вортыты и на свить Божый дывытыся!

Ганна. Що? Та невже? Ой, Зиню, пробачъ же мени, це я зъ досады!.. Що таке, розкажы!

Зинька. Що розказуваты, не варта!

Ганна. Та тоби и справди гирко жыветця? То це бъ то люде правду кажуть, що Самрось надъ тобою знущаетця?

Зинька. Знущаютця вси, кому забачнетця!

Ганна. Ой горенько, ой лышенько! А я скилько чула, та все кажу: мабутъ, то брехня! Господы, Господы! Здаетця, тилько жыты та Бога хвалыты. Де жъ, всёго доволи, всёго повно; яки роскопи, яки достаткы, неначе у панивъ!.. Ажъ воно онъ що?

Зинька. Черезъ достаткы и мене загублено. Була бъ бидною, може ниhto и не поквалывся бъ. Хочъ бы подивувала, якъ други, а то...

Ганна. Охъ, правда, правда! А тутъ таке говорятъ, таке говорятъ про твое жыття зъ Самросемъ, та що Божого дня; а я прямо вуха затуляю. Розказували на прыкладъ, що нибы то Самрось — чы у Пылыпивку, чы ще раницъ? — роздягъ тебе до сорочкы, а косу забывъ килкомъ у лаву, та якъ почавъ катуваты!..

Зинька. Годи, Галю! Кому видъ того боляче, якъ не мени!

Ганна. А мени бѣ то тебе и не шкода?

Зинька. Жалобынць багато, та допомоги а ни гычѣ!

Ганна. Та и якъ ёго допомогты? Чоловикъ—голова, що зхоче, то й зробить!..

Зинька. Допоможе мени заступѣ, та лопата, та дубова хата!..

Ганна. Охѣ, жиноча доле, бодай тебе блискавкою спалило! Ну, а Романъ же якъ? Винѣ, кажуть, тебе жалуде,—чы правда?

Зинька (*зитхнула*). Жалуде... Тилько що инчого жалоши гиршѣ крошмы жалуде.

Ганна. Симѣ, чы висимѣ годѣ не бувавѣ винѣ дома? Стара Жлудуха. Настя, такѣ зненавидыла Романа, що Сафронѣ мусывѣ одвезты ёго у городѣ до своего брата... Одначе якъ путяще, то воно промезѣ чужымы людмы ще скорышѣ вылюднѣе. Кажуть, що Романѣ, Господы, яка гарна людина! А свекруха якъ зѣ тобою?

Зинька. Якымѣ витромѣ повѣе на неи, такымѣ вона й дыше!

Ганна. А на мою думку, чы не вона до всёго лыха привидця? Тамѣ у васѣ на хутори коитця дывына! Скрызѣ чоловікы керують у семьи, а у васѣ надѣ усима баба верхѣ узяла. Люде не надывуютця, якъ це вона Сафрона такѣ прытысла, що той и пары зѣ устѣ не пусте? Я де-що чула про неи та про волостного писаря...

Зинька. Цурѣ имѣ, Галю!.. Якъ же тоби жыветця?

Ганна. А що я? У наймахѣ зросла, зѣ наймивѣ и замижѣ пишла. Не зазнала роскошывѣ, то й не заздрюся. Чула ты прыказку про сирого вола, що робе винѣ до втомы, не вгаваючы, а ёго що дали то бильшѣ хвоськають? Тилько що я, лыбонѣ, и сирого вола заламала бѣ у

ярми.—Десять диль у мене за однымѣ заходомѣ и горило и кыпило!—Тилько що я, лыбонѣ, и сирого вола заламала бѣ у ярми.—Тры рокы жыла и я, якъ у пекли, просвитлой годины не знала. Чоловикѣ у мене похнюпа. Поскаржылася разѣ на свекруху—мовчыть; поскаржылася у друге—заскреготивѣ зубамы; поскаржылася у трете—замахнувся, хотивѣ мене ударыты... Не варта, подумала я, бильшѣ и скаржытыся. Та й замовыла я и вуха затулыла!

Зинька. Все мовчала?

Ганна. Якъ зацпыло мени! И що жѣ ты думаешь? Такымѣ побытомѣ перемогла обохѣ: и свекруху, и своего похнюпу.

Зинька. Терпяча ты!

Ганна (*Показуе на дытмы*). Оци вылупкы чому тилько не навчатѣ?

Зинька. За те хочѣ на решти доскочыла щастя...

Ганна. Щастя? Гмѣ! А що воно такѣ оте щастя? Скажы мени, за для кого воно выгадано? Не зазнала ёго зѣ малку, то наврядѣ чы зазнаю й до останку! Що жѣ, диткы у мене пидрастають, черезѣ рязѣ вже й помичѣ буде видѣ старшенькой: чы тамѣ полумысочкы помыты, чы ганчырочкы попраты... Чоловикѣ по троху розбалакався,—сказать: привыкли одно до другого; и свекруха втомылася гриматы... Ныбы бѣ то й заталавыло! Хлибець не позыченый, и худибка е и одежынка... Тилько що сыла вѣ мене вже не та... (*Зитхнула*). Осѣ чого мени тилько й шкода: сылонькы мои!

Зинька. И ни яки вже думкы не турбують тебе?

Ганна. Яки тамѣ думкы?

Зинька. Я памѣятаю, ты кохала одного парубка...

Ганна (*зв крькомѣ*). Цурѣ ёму, не нагадуй, грехѣ. За клопотамы не часѣ баблятыся зѣ якымѣ тамѣ ще думкамы... Колыся цвилы думкы и раснылы... а те-

перъ пополовили и завъялы... Цуръ имъ тимъ думкамъ и грихъ такы! Ходимо у вограду, посыдымо тамъ проты сонечка, — ногы беда якъ болять. Четверо день, лыбонь, и не прылягла и не прысила. Паскы сама попекала, хату пошпарувала и выбилыла, дитвору пообшывала и пообшывала... Колы бѣ ты теперъ заглянула у мою хатыну, сказала бѣ, що въ раю! (*Пишлы*).

Я В А І Х.

Хведоска, Мотря и Любка.

Мотря. Це жѣ Жлуденковыхъ невестка, Зинька.

Любка. Якъ гарно вбрана! А доброго намыста скільки, ажъ шыя вгнаецця!

Мотря. На вищо ты коралы й дукаты, колы ій свить не мылы!

Хведоска. Черезъ що?

Мотря. Чоловикъ ій, Господы, якый клятый! Якъ що и меньчий Жлуденко такымъ удастьця, то комусь буде життя не зъ медомъ.

Хведоска. Вже знову почала?

Я В А Х.

Ти жѣ и Романъ.

Любка (*побачывши Романа*). Винъ, винъ! Глянь, Хведоско!

Хведоска. Хто? (*Побачыла Романа и вдае зъ себе спокійну*). Байдуже!

Мотря. Ачъ якъ позыра, неначе той яструбъ. (*Ныбы голосно*). Чого ты тамъ зорышь, куды очи зводишь? Осьдечкы вона!

Хведоска (*затуля ій рота*). Чы ты жѣ зъ розумомъ?

Мотря. Ей-Богу, винъ хоче похрыстосуватыся зъ тобою, Хведоско! Зостанься тутъ, а мы обійдемо.

Хведоска. Зъ якои речи? Ни за що не зостануся.

Мотря (*зхопывши ій за руку, круте навкругы себе*).

Керелеси, Керелеси,

Ходе Керель вздовшъ по плеси,

Керельха по надъ плесомъ,

Керелята по пидъ лисомъ...

Хведоска (*у ту хвылыну, колы Мотря ій закручуе*). Що бо ты робышь, не пустуй?! Ой, видчепься! Пусты бо!.. (*Мотря и Любка бижать видъ неи, Хведоска крутитця*). Ой, що жѣ оце ты, Мотре, зробыла зо мною? Хи! У голови мовъ у дзвоны гуде!

Романъ. Вона сама зосталась, пидійду.

Хведоска. Въ очахъ неначе колеса крутятця. Ото нависна дивка!... Охъ, жовто якъ! Паморокы геть заморочыло! Не втраплю, куды й йты!.. Отъ скажена Мотря!.. (*Помовчала*). И що це дивчата выгадують? Кажуть, якъ тилько увійде винъ у церкву, то такъ и ввишьетця очыма... Зовсимъ никола того не було. Хиба тилько сѣгодня, якъ ото ставъ проты мене, то ныбы й справди выпьвся очыма!..

Романъ. Наважывся пидійты, а ногы а ни зъ мисця!

Хведоска. Эго жѣ, выпьвся? Радій, Хведою, раденька, — що дурненька.

Романъ. Та невже жѣ я такый не-смилывый? (*Иде*).

Хведоска. Зовсимъ я ёму не до мысли. Богъ за нимъ, никола не хочу й думаты про нѣго, щобъ бильшь не снывся мени...

Романъ (*пидійшовъ*). Отакъ несподиванно зустрѣлся!

Хведоска. Отъ тоби й разъ! (*Засоромылась*).

Романъ. Хрыстось Воскресъ!

Хведоска. Та що зъ того? Де жѣ це батько?

Романъ. Зъ празныкомъ... Не гнивайтеса, що я зъ нечевья... Чы у васъ хрыстосуютця зъ чужымы парубкамъ?

Хведоска. И дивчата десь забиглы?

Романъ. Теперъ вже такъ повелося: що вулиця, то и звичай, що хата, то й законъ. Може гнивается й справди, що я васъ перепынывъ?

Хведоска. Я... я не знаю. Чого мени гниватися?

Романъ. Що разу обмынаете мене, нибы полохаєтеся, чы боитесь мене?

Хведоска. Може й боялася... Чого жъ бы я у вичи лизла?

Романъ. Та й то правда. (*Помовчавъ*). Пысанка у васъ е?

Хведоска. Та не поминяюся!..

Романъ (*выйма зз кешени пысанку*). Моя осьдечкы.

Хведоска (*глянула на пысанку*). Ой, яка жъ гарнисенька.

Романъ. Поминиймося. Нател!..

Хведоска (*не бере*). Городська, ма-буть, и не дешева?

Романъ. Визьмить же!

Хведоска. Зъ якои прычынны?

Романъ. Сегодня жъ таке свято, що слидъ минятися пысанкамы... Хочъ може й грихъ, що не хрыстосуючысь?..

Хведоска. Хиба грихъ?

Романъ. Розмиркуйте!

Хведоска. Може й справди?

Романъ. Хрыстось Воскресъ!

Хведоска. Та вже: „во истыну!“ (*Хрыстосуютыця и миняютця пысанкамы. Народъ выходыть зз ограда и розиходытыця вулицямы*).

Зинька (*проходыть вв глубыни кону*). То це ось зъ кого дивчата регочуть: „на сылу, кажуть, звелы ихъ до купы!“

Хведоска. Чы не хытри жъ?

Романъ (*дывытыця на пысанку*). Певно самы малювалы? Сорокъ клынцывъ?—Ловко!

Хведоска. Ачъ, яки хытри! Але жъ и гарнисенька пысанка, а и покладу пидъ образы.

Романъ. Теперъ вже не будете обмынать мене?

Хведоска. Може й буду.

Романъ. Мени и свято здалося бъ за будень, колы бъ и сегодня не трапылося зъ вами спизнатыся.

Хведоска. Вельке щастя!

Романъ. Може вамъ й байдуже, а про себе скажу, що вы цилкомъ заполонили мою душу!..

Я В А Х.

Ти жъ и Мотря.

Мотря (*проходлычы поузв Зиньку*). Затуляйте очи, щобъ не бачылы вуха! (*Зинька пишла*). Та годи вже вамъ, невже й доси не намылувалыся? Вже й ти, котрымъ не слидъ слухаты, бильшь вчулы, ніжъ вы набалакалы.

Хведоска (*полохлыво*). Хто, сестрычко? Чы не батько?

Романъ (*до Мотри*). Хрыстось Воскресъ!

Мотря. Давайте пысанку то буде й: во истыну! А безъ пысанкы умыйтеся!

Романъ. Я вамъ описля. .

Мотря. Набиръ? У насъ набиръ тилькы лаютця. „Обицанка—цяцянка, а дурневи радистъ“. Знаемо васъ. Ось прыходьте сегодня у вечери до насъ, на вулицю: музыкы гратымутъ, парубкы найнялы; гойдалка у насъ висока, висока.. Тилько прыносте пысанку, тоди вже буде достомитне во истыну! А що вже мы васъ ждатымемъ, ажъ очи лизтымутъ на лоба! Правда, Хведонку?

Хведоска. Може хто й ждатыме...

Мотря. Чысто! (*До Романа*). Вы уміете танцюваты полькы? Ще бъ не вмили, у городи усякыхъ танцивъ навчылыся! Чого жъ вы мовчыте?

Романъ. Я за вами и не похаплюся.

Мотря. Чы правда, що кажуть нибы то вы дивчатъ сахаєтеся?

Романъ. Въ вичи никоу не лизу.

Мотря. А що вже очыма та бровами, то ловко промовляєте. Правда, Хведоню? Прийдете, чы погордуєте може?

Романъ. Я чувъ, що ваши парубкы задёрн?

Хведоска. А вамъ що до нихъ?

Мотря. О, бачте, вже й заступниця у васъ знайшлася?

Хведоска. Эге выгадай!..

Мотря. Постановите квартиру зо дви горилы, то наши парубкы зразу приймутъ васъ у свою юрбу.

Романъ. Та й пивъ видра не розирь.

Мотря. Чисто! (*Дражне*). Всихъ купимо и продамо?

Романъ. Не въ тижъ сыла...

Мотря. Эге жъ, що кобыла сыва?

Романъ. Ну, у васъ дивчата гостры на языкъ.

Мотря. А ще гострици на сердце! Правда, Хведоню?

Романъ. Я жъ у вечери прийду.

Мотря. Захопыть зъ собою и ту кныжочку, що вы читали людемъ, у сторожцы, якъ говилы!

Романъ. Я другу принесу.

Мотря. Почтаєте намъ?

Романъ. Абы була охота слухаты. Такъ я жъ прийду.

Мотря. Мылосты просымо, докы цыхъ не зносымо! (*Романъ уклонившысь пшовз*).

Хведоска. Ой, яка бо ты, Мотря! Винъ ще розгниваетця!

Мотря. Хиба у него сердце зъ перцемъ? Ну, Хведоню?

Хведоска. Вельке щастя?

Мотря. А перстнивъ багато знявъ?

Хведоска. Такъ бы то я ему и дала?

Мотря. А ну, покажи пальцы? Я вси твои перстни знаю. (*Дывытця йй на пальцы*). Ну, вже й парубокъ, хочъ бы одного перстенника знявъ!.. Ненавжю!.. Кваша, а не парубокъ.

Хведоска. И мени винъ не до вшодобы. (*Ховае очи*).

Мотря. (*Зазырае йй въ вичи*). Ой-ой! А де жъ его пысанка! Чы й пысанкы не давъ?

Хведоска. Осьдечкы, о!

Мотря. Яка жъ гарнишенька! За такую пысанку и я похрыстосувалася бь.

Хведоска. На що винъ ии мени давъ?.. Виддамъ кому-небудь...

Мотря. Дай мени!

Хведоска. И на вищо винъ мени ии давъ? (*Ховае у кешеню*). Не треба було клыкаты его на вулицю.

Мотря. Ой, Хведоню! А ну, глянь мени въ вичи.

Хведоска. Та що зъ того! Я й на вулицю не выйду!..

Мотря. Побачымо, хто першый выбижыть.

Хведоска. Отъ же такы не выйду!.. (*Пишла*).

Я В А Х I.

Романъ, Самрось и Чыкалка.

Самрось (*идъ чаркою*). Призидить же сегодня до насъ, кумцю—душко!

Чыкалка. И що жъ бы я бувъ, дыскать, за животная такая необразованная, щобъ чести не знавъ? Низьменно просю васъ, дыскать, не мынать и моеи хыжыны, Богомъ хранымой. Я готовъ каждый разъ, дыскать, у ножкы вамъ велоннытыся, ось якъ я васъ почытую! Ну, тилько васъ одного, а не другихъ—прочыхъ, котри, дыскать, гребують моимъ хлибомъ силлю!

Романъ. Зовсимъ я не гребую, а хочу розговитыся зъ отцемъ—матерью. Такъ воно заведено видъ давна.

Чыкалка. Гордуєте намы, пры своимъ образованіи, ну й мы, здаетця, не зъ послиднихъ? Тилько вы, дыскать, объ насъ не то што, но даже... Такъ какъ вамъ завгодно... Щасливо! (*Почоломався зъ обьма и пшовз*).

Самрось. Теперь хочь и до дому. Отъ бачь, и не забарывся и въ менть тутъ зъявывая, якъ на папери спысанный!.. Поганый!

Романъ. Залывъ слипы, вже тилько блымаешъ?

Самрось. Знаешъ, якъ кумъ—лавашныкъ каже: „никогда и во викъ да не забуде чоловікъ!..“

Романъ. Чого не забуде?

Самрось. Да не забуде! Такъ воно и дали. Значыть, якъ по складамъ, такъ и по верхамъ. Азъ-буки—буряки, печеная редька, примостывся Хведька до кисло-го молока, въ нёго ложка не така!..“ Ты розумный! А ну вгадай, куды воно нациля?

Романъ. Доки трезвый, — чоловікъ якъ чоловікъ.

Самрось. Чай-чай, примичай, куды гайкы летать!

Романъ. Мелы въ гуртъ, завтра розберемъ!

Самрось. Одинъ дурень укыне каменя, а десять розумныкывъ не вытягнуть. Отъ тоби й замокъ, а ты одимкны!

Романъ. Мудрый. Ну, ходимо.

Самрось. Ты думаешъ, що я пьяный? Ни, я не пьянъ, ну, тилько грубянъ!

Романъ. Воинъ?

Самрось. А вже жъ! „Роздайсь, море, триска плыве!..“ Ты знаешъ, яку мы зъ кумомъ лавашныкомъ механыку строимъ? Отъ ты розумный, а ты дурный. Я зроблюсь помещыкомъ!..

Романъ. Чулы вже це.

Самрось. Ну-да! Я хочу помещыкуваты, бо мени вже обрыдло мищанське колино! Нема мени у цимъ званію простору! (*Крычыть*). Роздайсь, море!..

Романъ. Дурыть тебе твій кумъ та що-дня кешени тоби вывертае.

Самрось. „Никогда и во викъ да не забуде чоловікъ!“

Романъ. Мотаешъ добро, та колыбъ це свое, а то жинчыне!

Самрось. Моя жинка, мое и добро. А вгадай: на чымъ кумъ—лавашныкъ на-стоюють горилку? Гу, и смачна жъ! Така смачна, що й мертвый зачмокавъ бы губамы!..

Романъ. Заговорюй зубы!

Самрось. А на що жъ мене мамаша оженылы?

Романъ. А твій же розумъ де бувъ?

Самрось. Звелилы мамаша: „Оженысь!“ кажуть, я и оженився. Я бувъ бы вольный козакъ, куды зкортило, туды й политывъ. На страженіе? Давай ружо! Въ Америку?—Хочъ заразъ! А мене оженылы!.. Теперъ я бью Зиньку, помщяюся за свою волю!.. Вона мени, анахтема, мовъ поперекъ горлянкы стала! Я запорожець, я!.. У мени сыла такъ и грае!.. Я на кого дмухну, заразъ и впаде. Онъ кумъ—лавашныкъ, якъ дмухну на нёго, такъ и беркыцне, ажъ нижкамы задрыга!..

Романъ. А ты его заразъ за то и даруешъ!

Самрось. А вже жъ!.. Я можу усихъ даруваты... Зроблюсь помещыкомъ на всю округу!.. Куплю хвайтона, а мамаша зонтика куплю... Нехай и въ хати сыдятъ пидъ зонтыкомъ.

Романъ. Ну, йидемо!

Самрось. А ни зъ мисьця!

Романъ. Якъ бачу, тебе честию не вблагашъ? (*Бере его у поперекъ*).

Самрось. Не рушь! Убю!.. Пусты бо! (*Романъ пускае его*). Але ты й здоровый, якъ ведमितь! Невже ты здоровый видъ мене? Задача! А ну, давай, поборемося!

Романъ. А, ну тебе!

Я В А XII.

Ти жъ и Зинька.

Самрось. Ось и мадама. Десь чорты таскалы, та й зновъ прытырылы на мою голову.

Зинька. Тебе жъ якъ ухоплють, то наврядъ чы вернесся!

Самрось (*здывувався*). Га? Що таке? Отъ вже въ мене и руки сверблять!..

Романъ. Ну—ну, гляды, щобъ у тебе чупрына не засвербила!

Самрось (*до Зиньки*). Що ты сказала?

Зинька. Пролетило!

Самрось (*наступа*). Що ты сказала?

Романъ. Ну жъ бо ходимъ!

Самрось (*до Романа*). Мальчаты! Во хрунтъ! (*Романъ тягне его за комифа*). Ты мене честию просышь?

Романъ (*тягне его*). Та честию жъ!

Самрось. Пусты, самъ пиду. (*До Зиньки*). Розуміешъ ты, вивця необразована, мене честию просяты, я и пиду. (*Пишовъ*). У, здоровый!..

Зинька (*перепыня Романа*). Зъ якою то ты дивкою христосувався?

Романъ. Ще й пытае!

Зинька. Насылу Богъ давъ сылу спизнатися. Тенерь радый?

Романъ. А якъ же не радуватися?

Зинька. И мени твоя радисть у серце шпыгнула! То ты такый?

Романъ. Зинько! Ты це въ жартъ, чы на вспрямкы? Ты не знаешъ?

Зинька. Такъ ось на чымъ окошылося? Ой, сердце мое, сердце!.. (*Ухопылася за груди*).

Романъ. Зинько, що зъ тобою? Та певже жъ? Ни, це ты морочышь мене! Невже жъ ты, сестро, вповала, що я?.. И Бога ты не боишься?... Я зъ тобою по ридному, а ты онъ що задумала?!

Зинька. Годи! Женыся, женыся! Благословляю тебе обома руками!

Я В А ХІІІ.

Ти жъ и Самрось.

Самрось. Що жъ вы, господа дворяне, пожалуйте! Я вже й коней запригъ и нашылныкы повтягувавъ.

Зинька (*хапа Романа за руку*). Пропаду, Романочку.

Романъ. Бога рады, видсахныся ты видъ мене! (*Пишовъ*).

Зинька (*регоче*). Винъ по ридному зо мною! А я дурна—нерозсудлива марила!..

Самрось. А ну, ты, мадыстка, давно быта, гайда йихаты. Гей, ты, чубернанка!

Зинька. Берн мене за косы та й волочы, якъ паплюгу!

Самрось. А бодай ты не диждала, щобъ я на першый день Велькодня объ тебе руки паскудывъ!

Зинька. Катюго ты, собака скажена!

Самрось. Що—о! Ахъ, ты жъ анахтемська манухветура! Отъ же не выпразныкую!..

Зинька. Ударь, ударь! Отутъ ще не бывъ! Отутъ ще е живе мисъце!

Я В А ХІV.

Ти жъ и Романъ.

Романъ. Вже колотнеча?

Самрось. Та нехай мене свята паска побье, колы я ии хочъ мезыяномъ черкнувъ!

Романъ (*до Зиньки*). Йидемо, сестро, до дому!

Зинька. Геть, любый братыку! Грихъ? Соромъ? Ачъ, якый богобоязный, безъ драбынкы лизе на небо! (*Пишла*).

Самрось. Ну, якъ таку гадыну не быть? А ты що-разу обстававъ за неи.

Романъ. Мало чого не трапляетця.

Самрось. Ну, щастя йй, що це трапылося на першый день Велькодня!..

(З а в и с а).

Д І Я ІІ.

Просторна мищанська винната. Стиль покритий гарною скатеркою; на стинахъ картины: „Страшный судъ“, „Хожденіе души по мытарствамъ“, „Коть катафѣичъ“, „Была жинка мужика“, „Генераль Скобелевъ“, „Сраженіе подъ Карсомъ“, де-скільки фотографій не знаемыхъ осибъ и дрибныхъ картиновъ. Дзеркало, шахва, скрини, канапки, дзыглыки, кылимы и рушныки.

Я В А І.

Настя (*иде зъ боковыхъ дверей до середнихъ*). Що це горилкы й доси не везуть, гости зовсімъ засумовали! А що вже я не люблю отого Демьяна: колы не пошлешъ ёго за горилкою, завжды забарытця. (*Глянула у окно*). А це ще хто? Мануйлычко прихавъ, мій голубчычокъ, мій красавчычокъ!.. Бачу: не обманувъ. Охъ, и люблю жъ я ёго, Господы, якъ улюблена! Старшына зъ нимъ и кумъ лавошныкъ. Оци гости мени приятни. (*Иде назустрічъ*).

Я В А ІІ.

Старшына, волостной пьсарь и Чыкална.

Пьсарь. Вторично! Потому скрызъ скука! А у васъ отдыхъ души! (*Чоломакетця*).

Старшына. Ты жъ гости та въ ту жъ хату. Ще разъ: Хрыстось Воскресъ! (*Цилуетця зъ Настею*).

Пьсарь. Позволю и соби вторично прыложытця. (*Цилуетця зъ Настею*).

Чыкалка. Кумушка, кажетця, и въ мене губы, дыскать, не шкребныця? Ну, тилько я ще и въ ручку похрыстосуюся. (*Цилуе Настю въ губы и въ руку*). Вы наша благоддушная душечка!

Пьсарь. Утишительныця въ грустяхъ!

Настя. Такимъ гостямъ що часу ради!

Старшына. Скільки по хуторахъ объиздылы та й зновъ до васъ, нигде такого вдовольствія... Вы у насъ на першимъ плану!

Настя. Спасыби, спасыби, що пожалувалы, оченьо ради. Та вамъ же тилько й погостюваты що въ свято, у будень васъ и не диждеся.

Старшына. Нема уремьяны въ гору глянуты. Тилько въ празныкъ и зробышъ проманажъ.

Пьсарь. Ныни: празныкъ празныковъ, торжество изъ торжествъ. Розришеніе вына и елея! И потому, не теряя времени, угощайте насъ, Настасія Ивановна, выномъ, а елей для тыхъ, хто оный потребляе. Что жъ касаетця диловъ, то оныхъ никто за насъ не робытме. Чы такъ, Юхыме Нечыпоровычу?

Старшына. Охъ, дила! Носа ниеоли высякаты за тими диламы.

Пьсарь. Всихъ диловъ не переробымо.

Чыкалка. Дыскать, головоломни дила?

Старшына. Та ще й яки головоломни. Слухайте мене. Я вамъ усе по настоящей совисты роскажу.

Чыкалка. Нихто сыладныщъ васъ не роскаже!

Старшына. Зъ нашимъ музыкомъ — морока, та ще й не абы яка морока!... Кругомъ така необразованность!..

Чыкалка. Да, да! Дыскать, ниеоторой прыбавкы!

Старшына. Никотрой. Знаете вазку про стрыжене та голене? Отакъ и нашъ музыкъ: вилъ ему на голови тешы, а винъ такы своей!

Чыкалка. Истина, голословна истина! Дыскать, якъ и сб-духы праведни выходытмуть зъ нёго, винъ и тоди гнутыме своей?

Старшына. Именно! Помера, вже зовсімь со-духы праведни выходять зъ нѣго, а винь таки свое гнѣ!..

Писарь. Гнѣть, какъ какая-нибудь упрямая животная!

Чыкалка. Отъ, Мануйло Тымофеевичъ, истыну голословну сказаны. Точно: какъ какая-нибудь упрямая животная! Ну, попустишь нашему мужычку, дыскать, вижкнѣ, на груды сяде.

Старшына. О, сяде! Ты отъ, якъ була у насъ торикъ нападенія, стало быть, чума. Чумный скотъ велено вѣнваты, а воны—бунтоваты.

Чыкалка. Ужась, ужась!..

Старшына. Положымъ, що и вы у цимъ дили не безъ гриха. Прыказувавъ же вамъ: заприть шинѣкъ, щобъ трезвость була?..

Чыкалка. Помылуйте! Торговля торговлю, а бунтъ бунтомъ!

Старшына. Коли бъ мужыкы тоди не понапывалыся, може бъ и бунту не було?

Чыкалка. Помылуйте! Я за патентъ платю...

Настя. Що жъ мы стоимо тутъ? Ходимо до спальной, тамъ цила кумпанія.

Старшына. Ни, стрывайте! Тепера скажемо, не про друге—проче, а хочъ и объ самуваряхъ. Якъ понаиздять: справныкъ, дохтуръ, слидователь, становой... Крычать: „подай самуваря! Подай сахарю-чаю!...“ Десятныкъ чы соцькый,—хиба воны зугарни? Звели ему самуваря зогреты, винь воды налье туды, куды следъ вугилля вкнуты. Й же Богу, правда! Отутечкы й впорядкуй!

Я В А III.

Ти жъ и Самрось.

Самрось (*пьяный, выходячы зъ боковыхъ дверей*). А, господа начальныкы! (*Цилуютьця*).

Старшына. Мы, Самросій Сафроновичъ, зновъ до васъ и зновъ не зъ порожними руками, а привезлы вже вамъ лахвету. У, ловке выно! (*Выйма зъ кешени дви пляшкы*).

Чыкалка. Знаемо, дыскать, кому чымъ догодыты. (*Выйма дви пляшкы*). Самъ старався, собственной работы.

Самрось. А! и „роспывочно и на вынось“ тутъ? Во хрунтъ!

Чыкалка (*выпынаетця*). Готовъ!

Самрось. Кланяйся мени въ ноги, просы пардону! А то якъ дмухну, такъ и беркыцнешъ!

Чыкалка (*кланяетця*). Какъ повсигда.

Самрось. Цилуй у руку!

Чыкалка (*цилуе*). Какъ водытця.

Самрось. Мамаша! Оце настоящий чоловікъ! Дарую тобі тельцю! (*Чыкалка цилуе его у руку*). Просымо до кумпаніи!

Настя. Просымо, просымо!

Писарь. Нигде такого приятного времяпровожденія, какъ среди нашей аликратіи. (*Пишлы у бокови двери*).

Чыкалка. Потому, воны у насъ благодущни душечкы!

Я В А IV.

Сафронъ и Романъ *выходять зъ середнихъ дверей*.

Романъ. Зновъ прыхавъ старшына зъ кабатчыкомъ и зъ писаремъ. И коли ця гульня скинчытсья? Одни гости въ хату, други зъ хаты; а старшына то вже и по двичи на день. Прямо веначе въ трахтыри!

Сафронъ. Я вже, сыну, на те й рукою махнувъ. Сколько разивъ Настю и прохавъ и сварывся зъ нею, щобъ не заводыла цихъ бѣнкетивъ, такъ и вухомъ не веде. Ото тилько й мого, що якъ об-

рыднуть гости, то втечу видь ныхъ чы у поле, чы у пасику... А попробуй выгнаты цихъ гостей—старшыну, чы пысаря?!—Такъ вони тебе такъ прытиснуть, що ни одного наймыта не жатынешъ зъ усїей волосты.

Романъ. Хиба по другыхъ мисьцяхъ не можна наймитивъ знайти?

Сафронъ. Та воно можна, але жъ... Краще: „одійды отъ зла!“

Романъ. Коли бъ же то, одійшовшы, можна було злышатысь ёго!

Сафронъ. Наврядъ! Ну, та вже такъ воно завелося... Ото жъ, сыну, я и кажу, що треба бъ тоби и зъ матирью порадитися.

Романъ. Та якъ же це зробыты за гостямъ?

Сафронъ. А чого жъ такъ хапатыся?

Романъ. Такъ, тату, дило выходыты.

Сафронъ. Не шукай тилько, сыну, роскошывъ, а слухай сердца, то запобяжышь и ладу; бо роскошамы на якый часъ заслипышь соби очи, а сердца не вдоволнышь, и пидь старисть защемяты воно, та ще не й не абы—якъ защемяты,—не знайтинешъ, куды и подитысь зъ нымъ. Беры жинку въ одній лели, та щобъ була до любви. Усе, що ты бачышь, усе, що и е у насъ,—и въ хати и въ подвирьи—все це моя праця, моя кривавыця. Погнався за роскошамы, зъ опалу оженився, а замисць роскошывъ взявъ видь покойнаго тестя тры вирвы въ шню. Каже: „писля смерты моеи все заберешъ!“ А якъ померъ, то довелося ще й поховаты на свїй кошгъ. Отъ якыхъ роскошывъ здобувъ! А живъ тесть на всю губу!.. Я оженився зъ опалу, черезъ те й ладу у насъ нема. Скільки рокивъ трудыся, рукъ не покладаючы, а супокою на старисть не прыдбавъ. Але жъ, усякому терпинню бува й край, отъ же й мїй терпець скоро урветця.

Романъ. Тату! Про те, що у васъ тамъ зъ матирью—це дило ваше, и не прыстало мени судыты васъ.

Сафронъ. Бачъ, якый у тебе розумъ, якъ обягнувъ!.. Коли жъ, сыну, дошкулыло! Оце ты мене ажъ засоромывъ. Отъ теперь и балакай, якъ знаешъ. Ну, а хочъ бы сказаты и про Самрося. Оженився винъ на Зиньци то жъ зъ опалу; правда, що прыдане взявъ велике, а що ихъ за жыття? Одынъ грихъ! Що дня гармыдерь, колотнеча!.. Сердешна Зинька! Ото, сыну, достомитна страдныця!

Романъ (*зитхнувъ*). Це правда!

Сафронъ. Черезъ те я тебе й остерегаю. У Самрося скажена натура!.. Увесь у повїйнаго тестя. Але ты, сыну, такъ мени видрубавъ, що я и не очуваюся!.. А тутъ дошкуля! та що й якъ допкуля! Скажи мени, хиба воно такъ и повинно було вчынытыся, щобъ ты вылюднивъ не въ батьковїй, а въ чужїй хати?

Романъ. Якъ вже не трапылося, а минулого не вернешъ.

Сафронъ. А я въ тимъ не вынувать, хочъ и запрысягты. Бо це моя, сыну, хата и не моя! Увесь викъ дбавъ про те, щобъ зажыты супокою, а... Виддавъ я тебе до брата, въ городъ... Думаешъ, легко мени було це вчыныты?

Романъ. А я за те вамъ дуже вдячний.

Сафронъ. Справди?

Романъ. А чому жъ бы я тутъ навчывся? Хиба хвосты воламъ крутыты? Дядько, спасыби ёму, навчывъ мене реместву, виддавъ до школы...

Сафронъ. Теперь тоби дядько ридныщый?

Романъ. Богъ зъ вами, тату! Я кажу тилько, що я дядькови вдячний...

Сафронъ (*зитхае*). Такъ, такъ...

Романъ (*помовчавъ*). То вы, тату, радыте мени женытыся?

Сафронъ. Абы до мысли та до любви, то й благословляю зъ дорогою ду-

шою. Але все жь такы не хапайся, сыну, а обмиркуй гарненько!

Романъ. Не сегодня я, тату, задумавъ це дило и не вчора. Пора вже мени здубуваты свій закуточокъ. Въ свой хати своя правда, и сыла, и воля!

Сафронъ. Такъ, такъ... Ачъ ягъ воно щильно прыгнано: „въ свой хати своя правда, и сыла, и воля!“

Романъ (*помовчавъ*). Та ще скажу и ось що. Що я тутъ не зостануся, а поиду въ городъ, тамъ швыдчъ знайду соби дило.

Сафронъ. Зновъ покынешъ насъ? Яке жь ты тамъ знайдешъ дило?

Романъ. Абы руки булы, а работа знайдеться. Спершу робытму поденно: хочъ на чавуници, чы въ якій слисарни, а потимъ може й на свою майстерьку забьюсь.

Сафронъ. А хйба въ сели майстеривъ не треба?

Романъ. А за що жь я руки зачеплю?

Сафронъ. Буде за що, буде! Ни, ни, не кыдай мене, сыну! Чуешъ, не кыдай! Грхъ!

Романъ. Що це вы, тату, Богъ зъ вами! Вы плачете?

Сафронъ. Дошкулыло, сынку! Не кыдай батька!

Романъ. Та я радый, щобъ и вы зо мною ихалы. Богъ поможе, не опухнемо зъ голоду!

Сафронъ. Онъ яке у тебе сердце! Отъ же щось сюды иде. Не хочу бачыты отихъ п'янюгъ. Прыходь у пасику, тамъ доладницъ порадымось. Ты мене, сыну, розворушывъ и оживывъ. (*Идучы, промовля*). „Въ свой хати—своя правда, и сыла, и воля!“.. (*Пишовъ*).

Я В А V.

Зинька и Романъ.

Зинька (*Запыляетця на порози*). Не хочу ёго бачыты! (*Хоче вернутись*).

Романъ. Зинько! Ты вси празныкы нарочыто обмынаешъ мене та обмовчуеть?

Зинька. Першъ ты мене обмынавъ, а теперъ моя черга. Тоби хйба не однаково?

Романъ. Я хотивъ бы побалакаты зъ тобою по сердцю.

Зинька. Эге жь... Якъ зъ сестрою?

Романъ. Чого ты ремствуешъ!

Зинька. Не ремствую,— а ни крыхоткы, а ни капылыночкы. Дійшло вже, бачъ, до байдужого!..

Романъ. Не вирю я тоби. Хйба я не бачу? Думаешъ, мени тебе не шкода? Давай же побалакаемо спокійно, безъ пересердя.

Зинька. Мынулося...

Романъ. Я якымъ бувъ до тебе, такымъ и зостався.

Зинька. Та не такымъ здався.

Романъ. Про це жь и хотивъ бы я зъ тобою поговорыты. Прийдеться жь намъ, Зинько, зустрічатися, прийдетця и дывытыся одно-другому въ вичи,—на що жь носыты въ соби якусь загадку, котра, якъ лыха искра, бодай згодомъ не розжеврилася въ пожежу?

Зинька. Не зрозумію твоеи мудрой балачкы... Та балачка мене и затуманыла! Хочешъ дати мени пораду, чы що?— Обійдуся...

Романъ. Вважай, якъ тоби краще.

Зинька. Чого ты пеклуеся про мене? Ну, пропаду, що тоби?

Романъ. На вищо жь пропадаты?

Зинька. Охъ, яке жь дороге жыття!.. Одного я не зрозумію. На вищо ты щоразу обстававъ за мене, на вищо оборонявъ видъ Самрося? Бывъ мене Самрось, поневирявся, що тоби за печаль була? Скылько разивъ наважалася стратыты себе, въ ополонку хотила пугнуты, къ чортамъ на вырныкы! Хто мене надъ ополонкою зупынывъ? Хто щоразу вговорувавъ не губыты душу? Кому жь теперъ та душа потрібна?

Романъ. Стратыты жыття зъ опалу!..

Зинька. А на що воно мени? Ты благавъ мене терпitys — за для чого?.. Що я тобі? (*Кланлетця*). Спасыби жъ тобі, братыку, за твою оборону и за пораду и за твою заступу!.. Серця не чую видъ подякы!

Романъ. А краще бъ я не бачывъ цѣго пекла! На вищо я сюды прыйшовъ?

Зинька. Проклята той часъ-година, у яву я тебе побачыла! О, чомъ мени у ту хвыльну очи не вытеклы, сердце не розирвалося!..

Романъ. Бачу, що я тутъ якъ та скыба одризана... Я тутъ чужей, зайвий!..

Зинька. Грихъ? Соромъ? Ха-ха-ха! Ты бъ у чепьци йшовъ.

Романъ. Зинько! Не прыстало мое сердце до твого, — отъ шо!

Зинька. Не прыстало?... До Хвядошыного прыстало? Вона краща видъ мене?

Романъ. До сердца прыпала.

Зинька. Я сама, сама вынна!.. Не жаль мени, каже, на галоньку та ворионьку, якъ жаль мени та на свою голивоньку!.. О, колы бъ хто розчавывъ оцю скажену голивоньку!

Я В А V I.

Ти жъ и Ганна.

Ганна (*зъ дыткою на руци*). Хрыстосъ Воскресь! Зъ празныкамы та зъ проводамы!

Романъ. Во истыну! Лыбонь, подруга Зиньчына?

Ганна. Була колысь нею!

Романъ. Просымо сидаты. Я не буду заважаты вашій розмови.

Ганна. Наша розмова, якъ полова: не чепаи — лежыть, дмухны — летыть. (*Романъ пшыовъ*). Забигла до тебе, Зиню, не на довгый часъ, покы тамъ чоловікъ напоить худобу. Йдемо оце у ярмарекъ,

думка, щобъ на ничъ и до дому, бо двое вылупкывъ zostалося, а оцѣго взяли зъ собою. Свекруха не здужае, то никому й доглянуты. Хотылы завтра поухаты, такъ завтра жъ понедилокъ — важкый день.

Зинька. Эге жъ!..

Ганна (*дывытця на нею*). Може я не въ часъ, якъ той татарынь? Плакала, чы шо?

Зинька (*зитхае*). Угадала, Галю... сидай!

Ганна. Спасыби! (*Сила*). Ведемо оце де-що зъ худибкы у ярмарокъ, думка: або продаты, або заминяты. Идемо поузь вашъ хутирь...

Зинька. Бодай ёго пожежею поняло, выхрѣмъ змело!

Ганна. Хиба шо вчынылося?

Зинька. Ничого... Спасыби, шо провидала!

Ганна. Кажу: идемо поузь вашъ хутирь, я й кажу своему похнюпи: чы не забигты мени до Зинькы? Колысь, кажу, у купи дивувалы.

Зинька. Не довго я надивувала.

Ганна. А й справди? Чы тобі було хочъ годивъ зъ шестнадцать, якъ замижъ йшла.

Зинька. Не знаю!..

Ганна. Ба не було такы, не було!.. Я памъятаю, шо пишъ зпершу не хотивъ васъ и винчаты. Эге, завъязалы свить. Достометно якъ у тій пшени спиваетця. Каже:

Гыля, гыля, сиры гусы,
Та на тыхий Дунай;
Завъязалы голивоньку,
Теперь сыды та думай!

Зинька. Охъ, думай, думай!

Ганна. Симъ годъ ты мучыся. Симъ годъ прожыты у пекли — не поле перейты. За такой часъ и гыржа зализо зъистъ!..

Зинька. Кажуть, шо якъ симъ годъ людына не говіе, то обернетця у чорта; а я симъ годъ межъ чортамы жыву.

Ганна (*вдвляється в неї*). Як же ти змарнила!

Зинька. Чы в'яне квітка підъ ро-сою на сонечку? Чы змарнила бѣ, колы бѣ не горе?..

Ганна. Що й казати! Сушыть воно, в'ялять!.. (*Зв другої хати чути спів*). Весело у васъ! Гостей понайиздыло, мовъ до прычастя: повозокъ та хургонивъ повне подвир'є. Мабуть, все значны люде? И старшына тутъ, бо и земська пошта у подвир'є?

Зинька. Нехай вони пропадуть!

Ганна. Якъ же твои празныны минулы?

Зинька. Слезымъ розговилася, слезыми и заговіюся.

Ганна. Хиба?

Зинька. До краю, Галю, доходить.

Ганпа. И — лыхо! Знаю, голубко, знаю по собі.

Зинька. Не знаешь, Галю, ничего не знаешь! Не те, що ты думаешь, зовсімъ не те... Що чоловікъ поневиряетця, що свекруха зольтъ — хиба то горе? Я таке горе, якъ лыху славу, рукавцемъ розмахую!..

Ганна. Накльвай, кажуть, талану, а безталанна й само тебе здыба. Та що жъ и справди зкоилось?

Зинька. Невже жъ ты, Галю, ничего не берешъ на здогадъ. Пам'ятаешъ, на першый день Велькодня, натякнула я тобі? А теперъ, зовсімъ на ризнь пшлы наши думкы...

Ганна. Про кого це ты?

Зинька. Заразъ ты бачыла ёго.

Ганна. Зиню!.. (*Дывытця їй вгичи*). Невже ты покохала Романа?

Зинька. Ц-сь! Мовчы, боляче!..

Ганна. Такъ я и вповала, та боялася тобі и вымовты... Ой лышечко! Та якъ же инакше? Жыла ты тутъ, мовъ у домовни, з'явився Романъ и мовъ зирка освітывъ темну яму... Скільки не плющъ очей, а все кортитыме споглянуты на ясну зирку. И винъ тебе коха?

Зинька. Колы бѣ же то, чы прызналася бѣ? Теперъ винъ захожуецця женытысь...

Ганна. И нехай, нехай женытця. Хиба довго до гриха?

Зинька. До якого гриха? Стрывай! Чы я зтерлася, чы вы вси навкругы ошалилы? Де жъ той грихъ, я не бачу! Хиба по своїй охоти пишла я за Самрося? Хиба по добрій воли зв'язала зъ нымъ свою руку? Прыгадай, Галю, що везлы мене до виньця, мовъ на заризъ: сторгували й продали, нибы поле, або деревыну. Чый же це грихъ? Молодый викъ мій занехаялы, знівечылы мое життя... Чый же це грихъ? Чы пышалася я хочъ годочокъ своею красою? Чы глянула я на свиточокъ? Чый же це грихъ? Мій? Це мій грихъ? А ти, котри мене втопылы, вони безгришны? Одна тилько я нескаянна гришныця. Божою волею, чы людскою сылою свить мени зав'язано? Взялы дытя не доросле, дивча не розумна и стратылы!.. Чый же це грихъ? Мій? Колы я почула въ собі серце?.. Серце намъ, Галю, видъ Бога?

Ганна (*не зна, що сказати*). Якъ вже тамъ не зкоилось, а закону не переламлешъ!

Зинька. Закону? Не вмю я тобі ро-сказати... Колы сама зъ собою миркую, то все въ мени говоре, що нема ни якого закону у моимъ винчанни.

Ганна. Хто зъ жинокъ не бидваецця, хто зъ насъ не пѣ гиркою?..

Зинька. Хто-хто? Я хочу знаты, за вищо я мучусь?

Ганна. Не скажу, голубко, не скажу!..

Зинька. И ништо не вгада, ништо!..

Ганна (*помовчала*). А знаешь що, Зиню! Мы зъ свекрухою збыраемося передъ Зеленымы Святамы на прощу у Кыивъ, чы не пишла бѣ и ты зъ нами?

Зинька. На прощу... (*Жваго*). Пиду, Галю, пиду, колы бѣ швидчъ!

Ганна. Чы ты, Зиню, молился Богови?
Зинька. Хиба жъ я яка? Молюся,
Галю, слизоньками молюся!

Ганна. Я черезъ те, бачъ, пытаю, що
якъ дйде було мени до нестерпучого, то
я впаду на вколинкы передь образамы,
голосю, голосю, ажъ усе въ мени голосе!..
Выголосюся, що вже й гласу не одведу,
тільки рыпнуть у грудяхъ, то заразъ мени
и полегче.

Зинька. Пиду, пиду на прощу! (*Зъ
другою кимнаты гукае Самрось*). „Гей,
де ты, давно быта?“

Ганна. О, вже гука Самрось! Заба-
рылася я въ тебе.

Зинька. Пиду у Кывивь!.. Буду мо-
лытвся, буду благаты Мылосердного!.. И
ты, Галю, мольтымыся за мене,— правда?

Ганна. Шкода, що намъ ранищъ не
вправка. (*Самрось крычыть: „гей, жин-
ко, передъ мои очи!“*) Прощай, Зиню!
Що це я й забула, що ажъ до Возне-
сення не можна казаты: „прощай!“ (*Бже
злегенька дыткну по руци*). А куды
ты все руки засовуешъ, куды? Ачт, все бъ
ёму до пазухы!

Зинька. Щаслыва ты, Галю, що въ
тебе диткы е!

Ганна (*згорда*). Щобъ ты знала,
що оци вылупкы найкращи порадыкы. Ну,
ходимо до татка? Ахъ, ты замазура!

Зинька. Ходимъ, проведу тебе. Чы
не йде, Галю, хто ранищъ на прощу,
розвидай? (*Пишлы*).

Я В А VII.

Пысарь (*выходе зз боковыхъ дверей зз
скрыпкою*).

Одначе ихъ тутъ нема! Зенида Ан-
дреевна, куда жъ вы сокрылись отъ об-
щаго вниманія? Ухъ! Отъ такого нахаль-
наго частування мозкы пидуть на выво-
рить: чарка за рюмку, и нема тоби пе-

редышкы, а ни Боже мой! Можно на-
пытця, какъ какая-нибудь тварь негод-
ная. Ахъ, скилько не адресую своихъ
взглядовъ до Зениды Андреевны, ну все
не клюётъ! А стара Настя такъ вже
обрыдла, какъ какая-нибудь... Чепляетця
и чепляетця на шыю! Тилько и пользы,
що гроши позыча. Но, кажетця, это до-
вольно не благородно съ моей стороны!
Що жъ я пороблю, когда лезыть, какъ
какая-нибудь свндыя.

Я В А VIII.

Пысарь и Настя.

Настя (*пьяленька*). Зновъ ии шу-
каешъ?

Пысарь. Ково?

Настя. Знаешъ, кого! Чого втикъ видъ
кумпаніи?

Пысарь (*пидморгуе*). Душка! Тоску,
не лобызая предмета мечтаній, понимаешъ?
Дура разви какая-нибудь можетъ не по-
нять. (*Обнима ии*).

Зачёмъ ты, безумная, губышь
Того, хто завлекся тобою?

Навѣрно меня ты не любишь,

Не любишь? Такъ Богъ же зъ тобой!

Ну, во-вторыхъ, этотъ водочный вопросъ
такъ хочъ кого озадачыть. Вышоль пе-
много обвитритця.

Зачёмъ ты меня прывлекала,

Зачёмъ заставляла любыть?

Теперыча прочъ отганяешъ

И хочешъ покынуть, забыть!..

Настя. Охъ, не розтрывожуй моего
серця!.. Такъ жалибно спиваешъ.

Пысарь. Ахъ, душка-мадама! Почему
ты не вдовушка?

Настя. Такъ бы и оженився?

Пысарь. Прямой расчетъ! Не вирышь?
Такъ дай мне ятаганъ, али-бо алибур-
веръ, и сычасъ я прострельну свою грудь,
какъ какую-нибудь...

Настя. На що ты впадаешъ за Зинькою, завдаешъ мени жалю?

Пысарь. Штобъ былъ отводъ глазъ. Потому што, хотя твой мужъ и сумашедшій—дуракъ, но онъ важысь помичаетъ. И потому надо будетъ намъ ршительно поворотыть свои дила.

Настя. Душко мій! Совитуй, совитуй, якъ найкраще, я все за для тебе зроблю, бо не сыла моя дали мучытыся зъ отымъ старымъ дидькомъ. Якъ не бачу тебе, то такъ сумую, що й йижа не йде на думку. Спасыби попаді: навчыла кыслый совусъ варыты, тилько кысленькымъ и жыву, тилько кысленькымъ и годуюсь.

Пысарь. Да, кысле и на похмилля гараздъ. Платочекъ, который ты презентовала, я до сердца прыгортаю и не разъ кыпучо-горючымъ облываю. Когда возьму скрипыцю въ руки, и тилько вона свойственнымъ мелодіємъ нагадуе звуки твои.

Настя. Оця жъ скрипочка и свить мени замакитрыла. Колысь въ сердцахъ розибыю иі!.. Якъ поведешъ, душко мій, смычечкомъ по струнахъ, то нибы сердце мени на двое перетнешъ.

Пысарь. Но якъ ты чувствительно разсуждаешъ, какъ какая-нибудь...

Я задую тебя въ моихъ объятяхъ,
Я проклену тебя въ моихъ проклятьяхъ.

И вотъ, наконецъ, когда ты не будешъ моею, я кынусь въ волны кыпучого моря, какъ сумашедчый. Жалко, што здесь нема моря-океана, я доказавъ бы тоби! (*Обнима иі и цилуе*).

Я В А І Х.

Ти жъ и Зинька.

Настя. (*Побачывши Зиньку*). Геть бо; отъ уже ненавйжу! И все бъ имъ цилуватыся. Отъ ще поцилуйко! А що, доброго ляпаса вніймалы по губахъ? Ото

вдруге не лизьте, бо я того не терплю. Ще якъ хто побачыть... Ты тутъ, Зиню? Де це ты була, моя донечко?

Зинька. Тамъ, де вженема, моя матусю!

Настя. Якъ це ты одновидашъ?

Зинька. Весело вамъ, любо?..

Настя. (*До пысаря*). Бачыте, я жъказала, що вы своими шуточкамы доведете до того, що ще й Бо-зна що подумаютъ. Отъ и Зиня...

Зинька. Ничого я не думаю, тилько, що вси вы преподобни!

Пысарь. Зенида Андреевна не безъ ума-роума, штобы не понять, што вы какъ мамаша, а я какъ сынъ. Какой же тутъ подзоръ?

Настя. То я вже такъ и зватому васъ сыночкомъ.

Пысарь. Зенида Андреевна! Будьте настолько добры, насколько я васъ просю, объясните: отчего вы не въ общій кавалькади?

Зинька. Белькочы, шельхвосте!

Пысарь. Какъ вы изловили?

Настя. Ій треба клопотаты та порядкуваты. Ты, Зиночко, клопчы та порядкуй, душко моя, а я въ кумпанію посыжу.

Я В А Х.

Ти жъ и Самрось.

Самрось. Щобъ моя жинка не потанцювала, якъ я того зхочу? „Никогда и во вйкъ“... Буде танцюваты и дриботыты... Кума—лавошныця нотной выводе, а моя жинка и черезъ ноту перескочыть!..

Пысарь. Самросій Сафронович! Позвольте ручку. Ну, и уважаю жъ я васъ, какъ какого-нибудь... То есть Господи!

Самрось (*крычыть*). Во хрунтъ!

Пысарь (*вытымаецця*). Радъ старатьця!

Самрось. Ривнайся, нацилайся! Мамаша! Оце достометный чоловікъ. Я вже

зъ нымъ побрѣтався. Зинько, маршъ танцювати!

Настя. Чуешь, Зиню, що мужъ прыкажуе?

Самрось. Чуешь, ты моя—не чужая?!

Настя. Потанцюй, Зиню, „ножнычкы“, або „жыдивочку“. Я колысь, Господы, якъ гарно танцювала „жыдивочку“.

Пысарь (до Самрося). Братець! У вашой супругы голосъ херувымы и серафымы! Зенида Андреевна, лучше воспойте што-либо.

Самрось. Зинько! Поцилуй мого побратыма!

Пысарь (пидходе). Позвольте, по родственному.

Зинька (якъ ужалена). Не пидступай!

Самрось. Цилуй!

Зинька (твердо). Гараздъ! Ходимъ, тамъ пры всихъ поцилую! Коны цилуваты, то цилуваты привселюдно, а не въ закутку. Правда, матусю? (Пишлы).

Я В А Х I.

Романъ (выходе зъ середнихъ дверей). Батько зовсимъ засумовавъ, що я наважывся въ городъ переихаты. Зоставатися тутъ, щобъ Зиньци разъ-у-разъ мозолыты очи? За що їй мукъ завдавати? Николы и въ голови мени не роилося, щобъ вона закохалася въ мени... Дивно! Ї якъ то треба оберегаться кожного слова. Побалакавъ зъ нею разъ, чы двичи ласкаво, и отъ що вчынылося!

Я В А Х II.

Зинька, Самрось, Настя и гости.

Зинька (выбига зъ боковыхъ дверей). Тутъ просторно, тутъ тоби не перешкождать мене вбыты!

Самрось (зъ пляшкою въ руци, его держуть). По морди дати моему побратымови, моему найлюбезному!

Романъ (зхопывъ его за груди). Скажонный, опамьятайся!

Самрось. Пусты, убью!

Зинька. Пусты его, Романе!

Пысарь (до Самрося). Братець, образумтесь! Я ни котрой обиды. Сестрыця!

Зинька. Пидійды, пидійды блыжче! Я тоби банькы выдеру зъ лоба!

Старшына. Такого колина люде, а ни котрой образованности!

Романъ (однявшы пляшку у Самрося, пха его). Геть, пьяне барыло!

Самрось. Не хочетця тилько захожуватися. (Его уговорюють).

Романъ. Не хвалысь!

Настя. Ой, Зиню, душко моя, якъ же такы такъ?

Зинька. Мовчыть, мамо, мовчыть! До сердца доходе, все выявлю, привселюдно выявлю!...

Настя. Господь зъ тобою, моя дытныно!

Чыкалка (биля Самрося). Ну, мырь! Зъ пустякывъ, дыскатъ, неприятности. Скільки разывъ вы были мене по ланьти, то повсигда я вамъ подставлявъ и другуго.

Пысарь. Романъ Сафроновичъ, подайте другъ другу руки, и аминь!

Романъ. Вы що тутъ за мыровый?

Пысарь. Я по родственному.

Романъ. Пидъ тры чорты!

Настя. Ну-ну, ты, болване! Це мій гость.

Романъ. То й цилуйтеся зъ нымъ.

Настя (зъ лякомъ). Що?

Самрось. Сказавъ бы я тоби слово!..

Романъ. Видкашляйся, може въ горлы застрягло!

Чыкалка. Самросій Сафроновичъ, ударьте мене въ обыдвы ланьты, щобъ ваше сердце вдоволнылось.

Самрось. Азъ-буки, печеная редька! Тьху, на твою вченисть!

Старшына. Ходимъ, ходимъ! Люде образовани, а таку необразованность заводите!

Писарь. Алистократы, а какъ будто какіе-нибудь!..

Чыкалка. Самросій Сафроновичъ, попрошу васъ, ударте мене по ланты и заспокойтесь. (*Пишлы*).

Зинька. Зновъ оборывъ?... А я не дякую, бачышь, яка я не звычайна!

Романъ. Не треба мени твоєи подякы.

Зинька. Ачъ, стара, беззуба!.. Ій залётн на думци! Ха-ха-ха!

Романъ. Що таке?

Зинька. Послиплы, вси посллиплы! Ахъ, вы праведни души! Ха-ха-ха!..

Романъ. Заспокойся, сестро!

Зинька. Иды геть!.. Не жалуй мене, боляче! Иды, не замурувай мєня очей!.. (*Романъ пишовъ*).

Боже? Де жъ твоя блискавка, Мылосердний? Чомъ не вбле мене, не спалыть! Охъ, колыбъ же швидчъ померты!.. Щобъ разомъ, якъ однимъ подыхомъ!.. Боляче вмераты по капельничци! Охъ, якъ боляче! (*Зарыдала*).

(Зависа).

Д І Я І І І.

Село. По середини кону хата Степана Рєвы, котра выходыть прыгилкомъ до авансєны, з лива вулиця, зъ права комора; въ глыбни: тикъ, садокъ, огородъ и т. под.. Дали зъ лива хата Харытона.

Дієтця въ неділю.

Я В А І.

Хотына и Степанъ сидятъ на спрызьбѣ.

Степанъ. Що то, подумаешъ, весна: сонце ясно та хороше свите, нибы наскрызъ тепломъ тебе пронзыує. А жайворинкы ягъ щебечуть!

Хотына. Пєвно не забаромъ и соловейко затехка? (*Помовчала*). А що, якъ нашъ хлибъ?

Степанъ. Чудово зазеленивъ! Якъ перепаде одинъ—другий дощыкъ, то можна сподиватыся урожаю. У посєссора озыма пшєныця геть зарушылася, и ярна ростє, ажъ шумыть!

Хотына. Завжды у посєссора хлибъ кращый видъ людського!

Степанъ. Инчий обробитокъ и инча снасть. У посєссора мяке поле трєма парамы орють, а нашъ братъ и твердого перелога двома дряпа. Не та спроможнисть, не та й худоба!..

Хотына. А звычайно. (*Зитхнула*).

Якъ почнешъ отакєчки вдывлятыся, що якъ то у поли гарно зеленіє, та якъ сонєчко ласкаво гріє, то такъ весело стане, неначє ажъ кисткы въ тоби лускютяты, и нибы почувашъ себе молодчою?..

Степанъ. То сыла муцуетця, порыва ии до працѣ. За зиму сылы нагуляешъ, вона на весну вже й грає въ тоби.

Хотына. Колы бъ Господь пославъ урожай!

Степанъ. Калєндарь каже, що будуть весною дощи, я чытавъ.

Хотына. Та дай, Господы Мылосердний! (*Помовчала*). Де цє Хведоска такъ довго барытця? Прохала кума Ганна, щобъ я до неи на часыночку забигла, якєсь, каже, пыльне дило?

Степанъ. То й збигай, а я постєрежу хату.

Хотына. Я не буду барытыся. (*Пишла*).

Степанъ (*глянувъ въ гору*). Сонечко вже на полудень зверта, ачъ якъ сєе, мовъ дивча усмихаєтця. Благодать!

Я В А ПІ.

Харытонъ и Юхымъ *выходять зъ своєї хаты.*

Харытонъ. Я тобі дамъ нову кухвайку! Це прямо грабижъ, розбой!.. Хочъ зъ села втикай, збирай збижжя та й тикай на Амуръ!

Юхымъ. Теперъ до нашихъ парубкивъ приходять на вулицю хуторськи парубки: Романъ Жлуденко, Антонъ Колупайченко и ще де-яки, — вси зодягнени у гарну одєжу, а я якъ той злыдень... Романъ иноди книжку чыта. Хиба й мене не коргыть послухаты?

Харытонъ. Знаю я, що тебе коргыть?

Юхымъ. Мени теперъ тилько й погуляты: у осени визьму жеребокъ, тоди я царськый.

Харытонъ. Де жъ я визьму грошей на нову кухвайку, де?

Юхымъ. Мало де?! Позычте!

Харытонъ. Напозычався вже й такъ по саму завязку!

Юхымъ. И двирськи хлопци ходють: лєкєй, кучырь, поваръ и машиньстый, — вси въ пуджакахъ... А я, хазяйскый сынъ, та пиду въ свити? Дайте хочъ вашого джекєта, або рубъ серебра на сытцеву рубашку. Лавошникъ привизъ учора зъ города: кухвайкы, пуджакы и сытцєви рубашкы!..

Харытонъ. Це ты чы не хочєшь заслиныты мени очи? Мабуть, коргыть у „заборонку“? Програвавъ на проводы тры злотыхъ?

Юхымъ. А вы хиба не гралы?

Харытонъ. Такъ я жъ выгравъ, ажъ трыдцять симъ копїєкъ выгравъ. Я вси карты наскризь бачу, я знаю, колы можна

замырыты; а ты, чортова роззява, зъ силюкою козырною та зъ двома хлапамы кричышь: „замырывъ!“ Отъ ще чортъ не выдавъ, завєлы моду у заборонку грати!

Юхымъ. Дайте бо рубъ серебра!

Харытонъ. Не дамъ!

Юхымъ. За такимъ батькомъ вращє на гыляку!

Харытонъ. Що ты сказавъ? Та я тебе!.. Ахъ ты жъ супостать!

Степанъ. Що, сусидє, лєхко слухаты видъ сына таки рєчи?

Юхымъ (*у бикъ*). Ну й чого та бормота разъ-по зъразъ чєпляєтця?

Харытонъ (*до Юхыма*). Та я тобі, собачый сыну!..

Степанъ. Смилищъ, смилищъ берн єго за чуба!

Юхымъ. Ов-ва!

Харытонъ (*скыда жокєта и жбуфля Юхымови*). На, подавсьє нимъ!

Юхымъ (*хутко зодягаєтця*). Не подавлюсь (*у бикъ*). Де жъ то теперъ парубкы грають у картъ: чы въ провали, чы пидъ млынамы? (*Пишовъ*).

Степанъ. Чувъ ты, Харытоне, письню, що каже:

„Ой, мамцю моя,

А я донька твоя,

Було бъ мене быты-вчыты,

Якъ маненька була!

Харытонъ. А якъ єго вчыты?

Степанъ. Змалєчку лозыною, а теперъ вже й дубына не поможе.

Харытонъ. Та змалку винъ слуханымъ бувъ, а теперъ... А яка роззява, чы вы чулы? Я оцє думаю кынутыся до мирового? Помылуйте! Знаєте, купывъ я єму хвинєлєву кухвайку, сказаты: настоящю нимєцьку! И такъ було гоже глянуты на нєго: не Юхымъ, а колоньстый, однимъ лицємъ колоньстый! Що ка винъ, чортова роззява, зробывъ? Пишлы мы зъ нимъ па страсть. Соломїя Гаврыкова стала позадъ Юхыма та свичку зъ вогнемъ и

притулыла до Юхимовой кухвайки. Що жь вы думаете? — Геть спыну у кухвайци спалыла. Рубь симдесять тры копійкы якъ у воду жбурнувъ!.. Хиба на це е законъ?

Степанъ. На кого жь ты маешъ скаржытыся?

Харытонъ. На неи! Якъ вона може палыты чуже добро? Дай їй путывочку, вона й хату мени спале! Це просто роспутство!

Степанъ. Дурныцю ты правышъ. Во-на жь ту шкоду зробыла ненарокомъ, у снї?..

Харытонъ. Нехай не спыть у церьви!

Степанъ. Та й ты жь, мабуть, задримавъ?

Харытонъ. Правда, согришывъ! Такъ я жь нікому шкоды не вчынывъ. Ни, не кажыть, — роспутство у насъ завелося.

Степанъ. А завелося: гедзеты, плюндры, чоботы, облямовани цвяшканы, сытцеви сорочки... Чы та жь одежа прыстала до чорной роботы? Одынь тилько день косю помахай, заразы плюндры потрыскаютця, и сорочка розлизетця, якъ павутыня.

Харытонъ. Колы жь дывыся, якъ други, прымеромъ у городи, — мищане, або ремесныкы, — то й соби такъ потрапляешъ.

Степанъ. Городъ не село: тамъ инча робота, то инча й одежа.

Харытонъ. Що не кажыть, а въ гедзети якось акуратныцъ. Якъ и на базарь пойдешъ у гедзети, то вже коженъ тоби каже: поштанный! А напнешъ сирачынну, то тилько й чуешъ: „гей-ты, мужык! Хамло! Мазепа!“...

Степанъ. А тоби не хочетця буты мужыкомъ? То жь бо то й горе!

Харытонъ. Та що вы все гарчыте? Ну, а скажыть, якъ воно мусыть буты? Вы жь чытаете псалтыря, що тамъ покажуе?

Степанъ. А ты навчыся чытаты, то й знатымешъ, що покажуе.

Харытонъ. Мы, — що мы? Якъ други, то такъ и мы. Бачымо, напрыкладъ, що въ гори небо, а пидъ ногами земля, а що тамъ вышче, або ныжче, чы утнемо своєю головою?..

Степанъ. А ты за хмары не залазь, а частиць дывыся пидъ ногы. Думаешъ, що земля не промовляе? Тилько шыро помолыся та прыпады до неи, то вона й промовыть до тебе, промовыть, якъ маты.

Харытонъ. Це вже вы щось таке балагаєте, що я не вмію такого й слухаты... (*Помовчавъ*). Що це наши громодяне такъ бавлютця, пышы царыну оглядаты, та й доси тамъ воловодятця!

Я В А III.

Ти жь и Романъ.

Харытонъ (*побачывъ его*). Сафронывчу, куды Богъ несе?

Романъ (*пидходе*). Здрастуйте!

Харытонъ и Степанъ. Доброго здорывьячка!

Харытонъ. Куды це, пытаю?

Романъ. Коженъ свого шука. Прыйшовъ до вашихъ парубкывъ, занудывся дома.

Харытонъ. На вдаху чы теперъ ихъ здыбаешъ. Десь, хочъ по кручахъ, або по ровахъ у заборонку грають. Въ сели не можна: соцьней розгаюе, такъ воны по кручахъ роспутство заводять.

Романъ. Инчой забавкы нема, черезъ те може й въ картъ грають.

Харытонъ. Отъ чортъ не выдавъ, выдумалы заборонку!

Степанъ. Прысядь, козаче, якъ що не хапаеся.

Романъ (*сидя*). Прыхапокъ, якъ и вхъ-покъ: лызнувъ — не вхопывъ, сёрбнувъ — не наився. Де люде, тамъ и розмова; а

де розмова, тамъ и розумъ. Вы жъ тутъ про вищо розмовляли?

Степанъ. Перелявали зъ порожнёго та въ те, що безъ клёпокъ.

Харытонъ. Сказать: пустословыли!

Романъ. Кожна балачка мае вартистъ. Зъ балачки и дило зъявляеця; не було бъ розмовы, не було бъ и дила.

Степанъ. Слово до слова, то вже й два. Такъ, такъ. Може розкажешъ намъ що нового? Буваешъ часто у городи?— тамъ усякы чуткы йдуть.

Харытонъ. А якъ же. Телеграфъ и всяки способы. Мы тутъ якъ у пуци, а тамъ брынькнувъ у дритъ, и вже й е новына.

Романъ. А що намъ до тией новыны, котра брыззка?

Харытонъ. Якъ що? Примеромъ, про войну. Кажуть, що аглычанъ дуже напосився?

Романъ. Про те не нашимъ головамъ мирувати.

Степанъ. А якъ цина на хлибъ, нечувъ?

Романъ. Пишла въ гору.

Харытонъ. Отъ колы бъ було до ціи поры хлибъ додержаты?.. А якъ ты ёго додержышь, колы оплаткы и всяки... Учора якыйсь прохожий салдаты розказувавъ. Каже: „бида, якъ сильно аглычанъ напера!“

Я В А I V.

Ти жъ, Кырыло, Пылыпъ, Свырыдъ и ще скилько чоловикывъ. *Вси шапкуютця.*

Кырыло. Це вамъ Романъ казавъ? А я вамъ кажу: не вирьте тому, що винъ плеще. Кажу вамъ, що нема ни Лондому, ни Парыжу! Тилько и е Петербурхъ, бо тамъ царъ живе, та святой Кыивъ, бо тамъ мощи.

Романъ. Уже й дидови Романъ навязъ у зубы? За що це вы, диду, людей на мене нацьковуєте?

Кырыло. Га! Щобъ ты не заморочувавъ паморокиивъ.

Романъ. То по вашому виходить такъ, що чого вы не бачылы, то того й нема?

Кырыло. Мене не заморочышь!

Романъ. Та вы жъ и Петербурха не бачылы?

Кырыло. На картыни бачывъ. И Петербурхъ и Кыивъ бачывъ.

Романъ. А якъ я вамъ покажу на картыни и Лондонъ и Парыжъ, тоди поверыте?

Кырыло. Думаешъ, що якъ не грамотный, то й не розберу? Я зразу признаю, де усякый городъ!

Романъ (*выйма зъ кешени кныжку*). А оде що?

Кырыло. Дурнычка, дытяча забава. Мене не заморочышь! (*Иде, бормочучы*).

Романъ. А що? Чого жъ вы такъ швыдко метете ногамы? (*Смиетця*).

Кырыло. Я ще не безъ розуму, щобъ зъ дурнемъ у патёки захотиты. (*Пишовъ*).

Романъ. Отъ тоби и здрастуй! Нѣ за що ни про що ще й дурнемъ облаивъ!

Я В А V.

Ти жъ, Пылыпъ, Свырыдъ и Денысь.

Пылыпъ и Свырыдъ. Доброго здорoviaчка!

Денысь (*пидъ чаркою*). Гуляй душа, наливайся халава!

Степанъ. А де жъ твое здрастуйте?

Денысь. Хочъ и не треба.

Степанъ. То й ты тутъ зайвий!

Денысь. Це твоя вулиця, твоя? Вона обчеська, а я обчеський собствелныкъ,— о! Я пры своимъ закони!

Пылыпъ. И пры своимъ розумови?

Денысь. И ты тутъ? Пылыпъ, мовчи! Сяду отутъ посереду вулицы, на своимъ обчеськымъ положенію. (*Сивъ*). Отъ якъ прыкныивъ!

Свырыдъ. У иного пибы и голова на плечахъ, а прыдивысса гарненъко...

Пылыпъ. Побачышь свыстуна.

Степанъ. Або жъ пляшку.

Денысь. Самъ ты пляшка! Нехай моя й пляшка, а твоя не вартъ и цвяшка! Думаешъ, не вмію до ладу одно-висты? Хочъ ты й чабанъ, такъ я тоби не вивця! (*Дражне*). „Бырно-бырно! Цкалей!“ О! Ты мене розжуй!

Пылыпъ. Та й выплюй.

Денысь. Я кожного зъ васъ на пальцахъ знаю.

Пылыпъ. Це вже такъ и на лоби у тебе написано.

Денысь. А вже жъ! Ей-Богу, я всіхъ васъ на пальцахъ знаю! (*До Романа*). Ты розумный, розумный?

Романъ. Вамъ виднищъ.

Денысь. Отъ я и бачу... Ну, а хто давъ кози имня?

Романъ. Адамъ.

Денысь. А хто...

Романъ. Стривайте жъ бо! Теперъ вже я вамъ загадаю.

Денысь. Отъ за це люблю!

Романъ. Тилько цуръ не лаятысь! Скільки вы сёгодня выпылы?

Денысь. Скільки?

Пылыпъ. Отъ тебе и загналы на слызькѣ!

Денысь. Бачу, ты не дурень!.. (*До Пылыта*). Пылыпѣ, зарятуй мене. Говорить отутъ, пашыть!..

Пылыпъ. Що, Денысе, опеньгався?

Денысь. Ни, ты, Романе, Ей-Богу, не дурень! (*До Пылыта*). Позычь полтнинька?

Пылыпъ. А пидешъ завтра до мене гречку сіяты?

Денысь. Завтра... завтра не пиду! А въ вивторокъ прямо йды до мене въ хату та й тягны за чуба!.. А завтра похмилятимуся! Я тоби онъ якъ видслужу!.. Теперъ цина поденному трыдцять пнятъ копійкѣ, а я пиду до тебе за двадцять, — онъ яка у мене совість! Чуешъ, за двадцять пиду!

Пылыпъ. Ну, ходимъ, зарятую. (*До другихъ*). Треба бидолагу зарятуваты.

Денысь (*до Романа*). Я тоби скажу, що ты зовсимъ не дурень! Люблю, хвалю! (*До Харытона*). Харытоне, гайда, по-частую!

Харытонъ. Не хочу! Колы бъ у заборонку?

Денысь. А карты є?

Харытонъ. Въ кешени!

Денысь. Частуй! Чы то пакъ: здавай! (*Пишлы*).

Свырыдъ. Ходимъ и мы до шынку. Степане, гайда!

Степанъ. Не пиду, щось не охота. (*Свырыдъ и други пишлы*). Пылыпъ такъ и ловыть запіакъ. Отъ и пиде до нёго Денысь за пивъ цины робыты. И отакъ ризъ-у-разъ.

Романъ. А чомъ же старшына не втручуетця въ таки дила?

Степанъ. Старшына? Якъ бачу, ты й справди новый чоловикъ на сели. У насъ старшына — затычка; старшыною керує пысаръ. А пысареви до насъ байдуже. Адже ты чувъ, що була у насъ школа? Пысаръ не захотивъ, посварывся зъ учителемъ, и школы вже нема: знычтожилы; а хату найняли лавошныкови пидъ постоялый двиръ. Той лавошныкъ вже шостый годъ, якъ прыплентався до насъ; прышовъ злыднемъ, а теперъ розжывся такъ, що ось-ось и въ купци выскочыть. Колы хочешъ правду знаты, то отой лавошныкъ усимъ селомъ заправляе. Постоялый двиръ ёго, лавка ёго, шынкѣ ёго!.. Захопывъ всіхъ у свои лапы. Теперъ захожуетця били мищанъ та полу-панкывъ, адже и до твого брата добираетця?

Романъ. Зализь у кешеню.

Степанъ. Такого зилля ви якъ не выкоренышъ!

Романъ. Ну, а громада? Громада жъ великый чоловикъ.

Степанъ. Великий та дурный.

Романъ (*помовчавъ*). Дивно, дивно
якось конця у миру. (*Пауза*). А я оце
нарочыто зайшовъ до васъ.

Степанъ. Масшь яке дило?

Романъ. Маю. Тилько не знаю, якъ
вамъ ёго и выявити?

Степанъ. Якъ знаешъ, такъ и кажы.

Романъ. Та, мабутъ, прямо краще.

Степанъ. И на мою думку такъ.

Романъ (*помовчавъ*). Покохавъ я ва-
шу дочку.

Степанъ. Якъ?

Романъ. Це вже и въ Бога такъ за-
писано.

Степанъ. Отъ тоби й прытычна!
Х—мъ! Якъ же це, колы?.. Эге, пытаю,
неначе самъ не бувъ молодымъ? Воно, якъ
бачу, и завжды такъ конця, що вже й
сусиды, вмовлявъ, знаютъ, а батько—ма-
ты на останци... А ты жъ зъ Хведос-
кою балакавъ?

Романъ. Колы бъ не знавъ ии сердца,
не зважывся бъ обертатыся до васъ зъ
пытаннямъ.

Степанъ (*помовчавъ*). Що жъ, ии во-
ля. Ии воля, ии й доля?! Ни сылувати,
ни видмовляты не хочу: колы це ий видъ
Бога, то Богъ ий и талану залышывъ.
Чувъ я, що ты не въ брата свого, чувъ.
Хочъ и кажуть, що лыха слава бижитьъ,
але жъ и добра не завжды лежитьъ. Хо-
че йты—поможы ий Воже; не хоче—сла-
ва Богу!

Романъ. Спасыби вамъ за шыре сло-
во. Де жъ, батьку, Хведоска?

Степанъ. Що? (*Усмихаеця*). То
ты такый козарлюга, що чуже дило, мов-
лявъ, руки розведу, а до свого й ума
не прыберу? Бодай васъ зъ такымы па-
рубками! Не побижу жъ я ии шукаты.
(*Шуткуе*). Чы не подалася у байбузы?

Романъ. Та я... Я такъ тилько спы-
тавъ.

Степанъ. А, бодай тебе!.. Ачъ
червонивъ, якъ калына. Якый зъ те-
ловикъ буде?

Романъ. Вылюдню! Це вы мене
симъ засоромылы. Прощайте! (*У-
нытысь, пшовъ*).

Степанъ (*самъ*). Отаки парубки
родылысь! Пыта: „де Хведоска?“
гай! А якъ мы колысь парубковалы,
якъ зтырлюю вивци, на шылю, билы
ла, выйду на могылу, та якъ свѣтъ
летытъ Хотына, ажъ зилля пидъ нею
дыгытытъ! Мынулося, а й доси сердце ожы-
на, якъ згадаешъ. (*Задумався*). Таланъ
це Хведосци, чы омана? Колы покоха-
ла, то повинна знаты, кого... Ачъ! Не-
ма жъ и моеи Хотыны дома, пышла до
кумы... Прытычна!..

Я В А VI.

Степанъ и Хведоска.

Хведоска (*идучы селомъ*). Казала
Мотря, що Романъ пшовъ у подовшь
села, куды жъ то?

Степанъ (*побачывъ ии*). А де ты тамъ
вемтаесся? Ще тоби не обрыдлы спивы
та гульня?

Хведоска. Отакои! Почнить гриматы!

Степанъ. И маты, и дочка майнули
зъ подвирья, ни на бого й хаты кыну-
ты. Мабутъ, и худоба не напоена?

Хведоска. Худоба жъ у степу.

Степанъ. Я й забуду!.. Ходышь тамъ...
Може яке баловство? Ты гляды мени!

Хведоска (*у бикъ*). Невже вони по-
стереглы?

Степанъ. Думаешъ, лехко васъ до
розуму доводыты! Зостанься била хаты, а
я... Може надійде.

Хведоска. Хто?

Степанъ. Хтокало! Думаешъ, що вы-
ховалася? Ты у мене гляды. (*У бикъ*).
Прытычна. (*До неи*). Пиду, пошукавъ
матеря.

Хведоска (*сама*). Такъ и е, що батько постерегли! Ой, лышечко!.. Вони вже, мабуть, давно постерегли! И де жъ не давно, коли сегодня за обидомъ казали: „конѣви стання, а волдѣви ясла.“ Це жъ вони мени навздогадъ, а я й не туды. Що жъ оце буде? Коли бъ же хочъ маты булы дома, розказала бъ имъ... Якъ треба, тоди ихъ и нема дома! (*Идучы на огородъ*). Що жъ це буде? (*Пишла*).

Я В А VII.

Романъ. Сказала Мотря, що Хведоска побигла до дому, якъ бы жъ мени и побачыты? Може въ хати, хочъ бы у ви-конце выглянула.

Я В А VIII.

Хведоска *вертаецця з огорода*.

Хведоска. Ну вже й маты, якъ пидуть куды, то й не диджесся ихъ! (*Побачыла Романа*). Це ты?

Романъ. Я, мое пташенятко!

Хведоска. Ой, Боже жъ мій! Чого жъ такъ рано, ще й не вечоріе?

Романъ. Мабуть, скучывъ?

Хведоска. Ой, не стій же тамъ! Ще якъ и сусиды постережуть, начнуть плескаты... Куды жъ мени тебе подиты?... Клопитъ зъ тобою!... Иды мерщій хочъ пидъ повитку. (*Идутъ пидъ повитку*).

Ну й хто выдавъ такъ рано приходиты?

Романъ. Та вже якъ чоловікъ знантелычтыця, то такъ помилка за помилкою и чепляецця.

Хведоска. Эге, тоби смішки! Смішки зъ кумыной вишки! Ой, якъ сердце трипотыть!..

Романъ (*бере и за руки*). Хведоню!

Хведоска. Якъ ты сказавъ тамъ, била воятъ?

Романъ. Пташенятко мое!

Хведоска. Ачъ, якъ гарно!

Романъ. Пташенятко мое, коли бъ ты знала, що зо мною оце свижо трапылося. Отъ напикъ ракивъ! Серденько мое, та коли жъ я диджуся того щастя, що назву тебе привселюдно моею любовою? Голубяточко мое! Я видамъ тобі все жыття мое; мы будемо зъ тобою щиро працоваты и тимъ здобудемо талану и щастя,— правда?

Хведоска. Я щыра до праці, ще й тебе за пояса затяну! (*Глянула на огородъ*). Ой, лышенько! Маты йдуть... Якъ ихъ не треба, тоди вони и зъявлюця! Тикай худчищъ!.. Заховайся!..

Романъ. Прощай, скоро побачымся!

Хведоска. Мерщій тикай! (*Романъ пишовъ*). Це жъ маты постережуть!.. Хочъ бы бувъ не поцилувавъ, лыце такъ и зашарило!.. У перше сегодня поцилувавъ!.. Якъ смытають маты: чого такъ почервонила, що я скажу. Хочъ бы хто лынувъ на мене холодною водою!... Прыкынуся, нибы ихъ не бачу. (*Злягла на тынъ и ледвє стыва*).

Свиты, свиты, мисяцю,

И ты, ясна зорю,

Просвиты дорожку,

А де мыла моя.

У чыстому поли —

Тамъ шовкова трава,

Ой тамъ дивка косу

Тай росчисувала.

Тамъ дивчына косу

Тай росчисувала,

Сестрыцямъ — подружкамъ

Переказувала!

Сестрыци — подружки,

Вы кайтеся по мени,

Не доймайте виры

Вы козаченькови.

Я В А IX.

Хотына (*иде з огорда*). Онъ якои сумной завела!

Хведоска. Це такъ, мамо... ще тилько письня така...

Хотына. А й чога бѣ тоби сумоваты?
Ты шаслыва, доню.

Хведоска. А... а вы почимъ знаете?

Хотына. Якъ то: „почимъ?“

Хведоска. Хытруете? Ачъ яки!

Хотына. Чога жѣ бы то я хытрувала?

Хведоска. Бачу я по очахъ!.. Мамочко, ластивочко, чы вы теперъ добреньки?

Хотына. Ну?

Хведоска. Ни, вы засмійтеся!..

Хотына. Чога таеъ лабузнысея?

Хведоска. Мамочко! Сядемо отутъ, на спрызби. (*Садовытъ ии поручъ зъ собою и голубытця*). Ой, страшно! Ненечко, порадовько моя! Я жѣ у васъ люба дитына:

Хотына (*гладе ий голову*). Одна, то й балувана.

Хведоска. Ни! Ей-Богу, не балувана. И батько казали, щобъ я не балувалася... Чы я жѣ у васъ не покирлива, чы не слухняна?

Хотына. Ба покирлива.

Хведоска. И слухняна, правда?

Хотына (*сміетця*). Трошки съ гедзомъ!

Хведоска. Тилько трешкы жѣ? Ненечко! Ой, страшно!.. Стривайте, я заплющу очи. (*Заплющуе очи*). Ластивочко, вы ничога не постерегаете?

Хотына. Ба постерегаю.

Хведоска. Та й доси мовчали?

Хотына. Тоби, доню, висимнадцять годивъ, масшъ вже свого розума, я тебе повчала, колы ты була ще не розумныцею... Якъ памьятаешъ материну науку, то й тямшъ, якъ слидъ поводитыся.

Хведоска. Я все памьятаю.

Хотына. Приходывъ до тебе у ночи въ комирчыну якыйсь парубокъ другого дня Велькодня?

Хведоска. Приходывъ, ненечко, и третёго, и четвертого, и...

Хотына. Та бачыла жѣ, бачыла. Лыбонь и батько постеригъ. Якосъ прокы-

нувся у ночи, мабутъ, почувъ, що рыпнули двери въ комори, та й каже: „а глянь, стара, въ викно, лыбонь, ничъ зоряна!“

Хведоска. Ой, що жѣ оце буде?

Я В А Х.

Ти жѣ, Степанъ, Свырьдъ и Пылыпъ.

Степанъ. А йды, стара, въ хату. Ось, бачъ, ци люде здыбалы мене по середу шляху та й прысыкалыся... Кажуть, що у насъ е якыйсь крамъ, а въ вихъ купецъ! Лыбонь мы зъ тобою николы не крамарювали? Чы може вони не на ту стежку втрапылы, чы въ манийцахъ заплуталыся? (*Глянувъ на Хведоску*).

Хотына. Мылосты жѣ тамъ свитло, щобъ бува по ночи лоба не розбылы,—нехай роздывлютця: де той у насъ крамъ?

Свырьдъ (*до Хведоскы*). Чога жѣ ты, дивчыно, раки печешъ?

Степанъ. Уклонись же людякъ та звычайненько. (*Хведоска уклоняетця*). Не здыуйте! Вона у насъ хатня, промежъ людьмы не густо бува,—все бильшь пидъ матерынымъ крыломъ, то наврядъ чы зугарна до ладу и вклонитыся.

Пылыпъ. У дивчатъ вже така звичка: очи въ землю!

Степанъ. Колы прыблудылыся, то йдидь у хату, свитло вже засвичено.

Пылыпъ. Посыдымо, побалакаемо...

Свырьдъ. Идидь же, пане хазяине, вы попереду, бо мы не знаемо, якъ ваши двери видчынняютця.

Степанъ. Доброму чоловикови въ середыну; а лыхому и викно—двери и дымаръ—ворота!.. (*Пылыпъ*).

Хведоска. Якъ на вугилли стояла. Въ голови заметушылося, у вухахъ якъ ципамы молотытъ!.. Видъ кого жѣ це люде? Невже не видъ Романа? И—и! Не доведы, Господы! Ни за кого не пиду опричъ

Романа!. Шо якъ не видь него? Втечу, втечу!... *(Пишла на огородъ).*

Я В А Х I.

Зинька *(хутко выходить из за прыжилка)*. Романъ вже й старостивъ шле! Ганна хотила мене обманути, а я такы довидалася!.. *(Загляда у вишко)*. Он-дечкы жъ и старосты; Романа нема!.. Чого жъ я сюды прыйшла? Шо жъ я задумала, що жъ я хотила?.. Не розмиркую. Задумала завтра у Кывивъ, на прощу! Завтра? Чому жъ сегодня не завтра? Мовъ выхремъ раптомъ мене вхопыло и закрутыло, мовъ перьину!.. Кудысь несло, перекидало, жбурляло!.. Тутъ зупныло.. Ныбы вси пляхы мои тутъ до купы зйшлися!.. Въ голови то порожне, то важко стае, мовъ що перелываеця, важко якъ!.. *(Вхопылася за прыжилокъ).*

Я В А Х II.

Хотына *(выйшла з хаты и вытира рукавомъ очи)*. А де ты, Хведоню? А ходимъ лышень въ хату. Хведоню — гу! Куды жъ це вона забигла? Отъ капостне дивча, якъ засоромылася, що й зъ двору майнуло! *(Шука).*

Я В А Х III.

Пылыпъ, Хведоска и Хотына.

Пылыпъ *(выходе з хаты)*. Питы, привесты Романа, швидчъ дило буде. *(Пишовъ).*

Хведоска *(иде на зустрічъ Хотыни)*. Я тутъ, нене. Тилько не буде по вашому.

Хотына. Чого жъ ты ховася? Мы тебе не сылуемо, ты у свой воли. Якъ тобі Господь на думку покладе, такъ и робы, такъ и людянь видповидай.

Хведоска. Видь кого жъ ти люде. Хотына. Парубка зуть...

Хведоска. Невже не Романомъ?

Хотына. Ба Романомъ! Винъ?

Хведоска *(засоромылася)*. Винъ, матиночка! Винъ, лебидочко! *(Пишлы в хату).*

Я В А Х IV.

Ганна *(выходить из-за прыжилка)*. Зинько! Шо жъ оце ты робышь. На хвылыну увйшла въ хату та й счезла... Гарна гостя! Спасыби!

Зинька. Не знаю, Галю, що роблю!..

Ганна. Гай-гай! Де твій розумъ? Бачъ, це такъ на прощу збираеця?

Зинька. Охъ, колы бъ же швидчъ ранокъ... Ходимъ! *(Пишлы).*

Я В А Х V.

Пылыпъ и Романъ.

Пылыпъ. Шаную Степана, що кременный чоловікъ. Хочъ бы вусомъ моргнувъ. „Дочку, каже, сватаете, доччына и воля, а я а ни жé не скажу“!..

Романъ. Невже жъ и справди такый вже свить наставъ, що все мирлетця гришмы?

Пылыпъ. Бо вони всему голова!

Романъ. Ни, це помилка.

Пылыпъ. Поживешъ, побачышь. *(Пишлы).*

Я В А Х VI.

Зинька и Ганна.

Зинька *(хутко иде)*. Пусты мене, Галю! Пусты, серденько... Я чула ёго голось!

Ганна. Якъ бачу, ты зовсимъ зтерялася!

Зинька. Дай у останне поднытыся на нёго. *(Прылына до вишна).*

Ганна. Жыруешъ ты, голубко, отъ що я тобі скажу! Жыруешъ! Кортить, щобъ все село знало, щобъ потимъ кожны палець на тебе показувало; щобъ прылипылы прывыще, котрого и повикъ не збудесся? Мусытнмешъ що-разу ховаты очи видъ людей, що-разу оглядатся, щобъ яка-небудь мерзюта, котра нигтя твого не вартъ, не на-сміялася надъ тобою прывселюдно! . Не разъ заквылышъ: „ой, Боже, Боже, колы той вечыръ буде, колы вже про мене на-говораютця людю!“ Ходимъ, кажу тобі!

Зинька. Не пиду! И сылю мене не поведешъ! Не пиду!..

Ганна. Роспустила ты свое сердце! Якъ хочешъ, такъ и робы!.. *(Пишла)*.

Зинька. Нехай мене картають люде, нехай цкуютъ, нехай!.. Не вытруять изъ сердца коханья, хіба вырвуть разомъ зъ серцемъ! . *(Голосючы, прыпада до спрызбы)*.

Я В А XVII.

Хведоска *(выбига з хаты)*. Де жъ такы я пры чужыхъ людяхъ признаюсь, що кохаю Романа?.. Нехай маты за мене признаютця. *(Прыслуhaustця)*. Кто це рече? *(Прыдивляецця)*. Кто-то на сирзбы? Це вже котрась зъ дивчатъ дуріе! Котра це? Мотре, ты! Та ну - бо не пустуй!.. Любо, обизвысь! *(Бере Зиньку за плечи)*. Думаешъ, злякась? Отъ вже ненавжу!..

Зинька *(пидняла голову)*. Чого тобі?

Хведоска *(видсахнулася)*. Кто це?

Зинька. Гарна, якъ замалёвана! . Ма-люнокъ красуе очи, а сердце въялыть.

Я В А XVIII.

Хотына. Хведоню, скажи жъ вже... А це хто?

Зинька. Не по знаку?

Хотына. О, якъ не по знаку? *(Ци-луе Зиньку)*. Отъ же й гараздъ!.. Те-

перъ вже якъ свои. *(До Хведоскы)*. А ты хіба не признаешъ?

Хведоска. Ба признала *(до Зинькы)*. Чого вы сюды прыйшли?

Хотына. Ходимте у хату. А моя Хведоня, чы вы бачылы таку соромлыву, не хоче сказаты пры чужыхъ людяхъ, що коха Романа!

Зинька. Не лехко вымовыты! А ще тяжче, якъ вымовышъ душу, — ажъ дывне-ся, та душа курямъ пидъ сідало!

Хведоска. Якъ, яка душа?

Хотына. Що ты тамъ, дурочко, бель-вочешъ? Ходимо!

Хведоска *(тыхо Зиньци)*. Я все знаю!

Зинька. Тобі жъ краще! *(До Хотыны)*. Частуйте жъ мене, дорогу гостю, видъ порога ажъ до покуття. *(Пишлы)*.

Я В А XIX.

Настя и Пысарь.

Пысарь. Настасія Ивановна, душекко моя, неробы скандалу какъ кака-ныбудь...

Настя. Пусты мене, Манылочку! *(Пид-бигла до вкна)*. Ачъ, якъ рядочкомъ посидалы! *(Крычыть у вкно)*. Гусь свыни не товарищъ!

Я В А XX.

Ти жъ, Степанъ, Хотына, Романъ, Хведоска и останни.

Степанъ. Кто це тутъ репетуе?

Настя *(до Романа)*. Ты якъ же це безъ матерного благословенія, крадькома?

Романъ. Я прохавъ васъ, вы не захотилы й слухаты мене.

Настя. Нема тобі мого благословення! Порочышъ наше званіе на всю округу!

Романъ. Ваше званіе пры васъ и зостаецця.

Настя. Мовъ багнюкою жбурнувъ мени вь вичи!.. Осудовысько! Зъ давныхъ-да-

венъ потомствени мищане, онъ якого колина: и купци у нашихъ роду е, навить и вдворяно! На дочки чабана сватаецця, на обидранци, задрыпанци!

Степанъ. Та що жъ оце ты, вихтева затычка, влизла въ мое подвирье та ще й веремію здіймаешъ? Та я тебе хутко вкоськаю, ще й цурку на губу накинну!

Настя. Не смій мене порочыты!

Степанъ. Помелá скільки непорочъ, що воно въ сажи, а воно зновъ лизе въ кагду, бо на те воно помело!

Настя *(до Романа)*. Щобъ вухо мое тебе не чуло, око мое тебе не бачыло! Ой, зтеряюся! *(Пада тысареву на плече и голосе)*.

Степанъ. Слухай, Романо! Коха тебе Хведоска, нехай иде! Иды до насъ у прыймы. Наша хата хочъ и маненька, та правда въ ній шыренька. Стане тиснищъ, буде теплищъ! Хочъ три ступни видъ покуття до порога, за те въ ній тыхо, якъ у Бога.

Настя. Не сынъ ты мени, не сынъ!

Романъ. Я и самъ думаю: чы я не обминьчá часомъ.

Степанъ. Романо! Цёго я не люблю! „Чты отьця твого и матирь твою!“

Настя. Соромъ, соремъ!.. Теперъ попада та дячыха высміють мени очи!

Я В А XXI.

Ти жъ и Сафронъ.

Сафронъ. Демоя жинка, тамъ и гвалтъ!

Настя. Ты чого сюды прытетюрывся?

Сафронъ. А ось послухай!

Настя. Нехай тебе злыдни слушають! *(Хоче йты)*.

Сафронъ *(хапа ии за руку)*. Такъ стій же!

Настя. Що-о?!

Сафронъ. Довго я тоби волю дававъ, довго слдва тоби у поперекъ не сказавъ...

Спытаешъ: черезъ що? — Не скажу! Не зрозуміешъ, а чужымъ людямъ до того байдуже. Ще бъ може терпивъ, коли бъ венарокомъ не пидслухавъ твоєи умовы зъ оцымъ шарлатанюгою. *(Показуе на тысаря)*.

Пысарь. Но я могу и протестовать. *(Просовуетця промежъ людъмы и счеза)*.

Сафронъ. Забый же мени бакы, Насте! Скажи привселюдно, що промежъ васъ ни якои на мене лыхои умовы не було. Ховаешъ очи? Слава Богу, що хочъ крххта сорому ще zostалася! Видъ цёго часу не ты голова у моимъ добри, а я! Чуешъ: я! Твое тилько те, що ты видъ батька маешъ: пыхá! Цяцьбайся зъ нею! А теперъ, сыну, покажи мени твою сужену!

Романъ *(показуе на Хведоску)*. Оце жъ и вона, тату! *(Хведоска, уклонившись, цилуе его въ руку)*.

Сафронъ. У розумного батька и дытна звичайна! *(До Насти)*. А теперъ, стара, ходимъ до свата въ хату.

Настя. Скорищъ утоплюсь, нижъ пиду!

Сафронъ. Вольному — воля, спасеному — рай, а скаженому выгинъ! *(Идутъ вси въ хату, опривъ Насти)*.

Настя *(помовчала)*. Що жъ це? Маныло взявъ у мене пивтораства карбованъцивъ, щобъ йихаты въ городъ, пысаты бумагы на старого дидька, щобъ ёго посадовыты у сумашедчый домъ!..

Я В А XXII.

Пысарь и Настя.

Пысарь. На чимъ скинчылося?

Настя. Манылочку, рятуй мене! *(Кыдаецця ему на шыю)*.

Пысарь. Ты жъ казала, що все имущество твое?

Настя. Заграбувалы, все заграбувалы!.. Тилько й мого, що ты у мене напозычавъ!

Пысарь. Итого: триста пятнадцать рубливъ зъ полтыною! Цей довгъ запышы вуглемъ у комини!

Настя. Якъ?.. И ты мене грабуешъ?

Пысарь. Ты обманула мене, какъ какая-нибудь...

Настя. Охъ, не выдай же мене, Манылочко!

Пысарь. Съ обманщицкы у мене не которыхъ дилловъ! (*Видитовхуе ии*). Ну што ты чепляеся на шыю, какъ какая-нибудь свындыя. (*Пышовз*).

Настя. Охъ, збожевилію!

З а в и с а.

Д І Я І V.

Середына убогой хаты. Замисць столу скрыня, покрыва простоя, самодильнею скатерков. По середыни за скрыннею сидыть Хведоска, зъ обонхъ бокивъ дружкы; на столи гильце в ласоци; бия столу староста (*Свырыдъ*), бия порогу пидстароста (*Пылыпъ*); бия печи стоять Степанъ и Хотына и скылько старыхъ людей.

Я В А І.

Дружкы спивають:

Казавъ соловейко: сяду-не-впаду;

Казала Хведоска: замнжъ не пиду.

Казавъ соловейко: политаю;

Казала Хведоска: погуляю.

(*Квитчають Хведосци стричкымы голову и росчисуютъ косу*).

Ой дай, маты, масла:

Я жъ твою коривоньку пасла,

Выганяла въ раннюю росу,

Дай помазаты косу.

(*Хотына подае дружкамъ стричкы*).

Ой, попе, попе Гордію,

Не дзвоны рано въ неділю,

Задзвоны рано въ субботу,

Завдай дружечкамъ роботу.

Свитилка:

Ой вы, галочки, литайте,

Ой вы, дружечкы, спивайте,

За косою квитку носыте,

Хведосци правдонькы не кажыте.

Дружкы:

Ой вы, дружечкы, рядочкомъ,

По пидъ зелененькымъ садочкомъ;

Та вырвемъ квиточку зелененьку,

Заквитчаемо Хведоску молоденьку.

Свитилка.

Ой, дружечкы, по малу идить,

Нашого винограду не топчыть;

Бо нашъ виноградъ скрызъ порисъ.

Куды тебе, Хведоноу, Богъ понисъ?

(*Скинчылы чесаты*).

Свырыдъ. Старосто, пане пидстаросто!

Пылыпъ. А мы ради слухаты...

Свырыдъ. Благословыть молоду квитчаты. Разъ, и вдруге, и въ трете.

Пылыпъ. Богъ благословыть! Всеи три разы Богъ благословыть!

Дружкы:

Въ долину, буяре, въ долину,

По червону калыну,

По хрецагыи барвинокъ,

По зеленей василёкъ.

Голосъ за викномъ. Молодой иде, молодой зъ буярамы!

Свырыдъ. Дружкы, квитчайте скорыщъ, та витайте молодого. Та не осоромтеся передъ буярамы, не шкодуйте голосивъ.

Дружкы:

Маты Романа родыла,

Мисяцемъ обгородыла,

Зорею пидперезала,

До теши выряжала.

Маты сама выряжае,

Выряжае, научае:

Ой йидь, сыну, та до теци вь госты,
Та сядь, сыну, вь теци на помосты.

Святилка.

А якъ буде, сыну, теца частуваты,
Не пий, сыну, першой чаркы,
Выльй, сыну, та коню на гриву,
Щобъ була теца ласкава.

Дружки.

Ой по пидь лисомъ бытая дориженька,
Ой туды пишовъ Романъ зь буярамы,
Имъ калына дорогу заступыла,
Вынявъ шабельку, ставъ калыну рубаты,
Стала калына до него промовляты.

Не за для тебе ця калына сажена,
Не за для тебе Хведоска наряжена.

Нарядыды, якъ панське дытя,

Посадовылы, якъ сыротя.

Пылыпъ. Старосто, пане пидстаросто.

Свырьдъ. А мы ради слухаты.

Пылыпъ. Благословыть молодому вь хату вступыты, молоду звеселыты, отцю-неньци поклоннытыся, до винця споряжатыся.

Хотына (*тыхо до Степана*). Пылыпъ доладнищъ промовля.

Степанъ (*тыхо*). Воны обьдва вси законы знаютъ.

Свырьдъ (*до дружокъ*). Скинчылы? (*До Пылына*). Богъ благословыть!

Пылыпъ. Разъ, и вь друге, и вь трете!

Свырьдъ. Трычи Богъ благословыть!

Я В А II.

Романъ зз двома хлибами за пидъ плечыма, за нымъ буяры. Романъ зз повагомъ кланлетця батькови й матери.

Дружки спивають:

Явиру, явирочку,
На жовтимъ песочку,
Тамъ щука-рыба грала,
Сама соби дывувала,
Що хороше выгравала.

Романъ пидходе до столу, злегенька вклоняетця Хведосци, котра встает и трычи ёму кланлетця.

Дружки спивають:

А ще наша квичочка

Не циювана,

А ще наша Хведоня

Не циювана.

Романъ цилуетця зз Хведоскою трычи, вона бере его за руку, заводыть за стилъ и садовыть поручъ зз собою.

А вже наша квичочка

Обцинована,

А вже наша Хведоска

Обцилована.

Свырьдъ. Старосто, пане-пидстаросто!

Пылыпъ. А мы ради слухаты!

Свырьдъ. Благословыть молодымъ до винця збиратыся, образамъ поклонятыся.

Пылыпъ. Богъ благословыть!

Свырьдъ. Разъ, и вь друге, и вь трете.

Пылыпъ. Богъ благословыть. Трычи Богъ благословыть. (*Выводыть молодых зз за столу*).

Дружки спивають:

Пиднимайте, дружечкы, ногы

Черезъ высокы порогы,

Во на двори ричкы-калюжкы,

Будуть тоби, Хведоню, гиркы дружкы!

Пылыпъ. Батьку, берить образа, — маты, берить хлибъ-силь!

Свырьдъ. Молоди, вклоняйтеся, благословляйтеся!

Степанъ бере образа, Хотына — хлибъ; Романъ и Хведоска пидходят до нихъ; буярыны и дружка стелютъ доли рушныкъ, на котрый молоди, ставшы, вклоняютця батькови и матери по трычи вь ногы, цилуютъ образъ и хлибъ. Дружки плачуть. Вси выходять зз хаты опричъ Степана и Хотыны. Буярыны взяв образъ, дружка хлибъ.

Дружки, выходячы спивають:

Тыхше, дружечкы, йдите,

Хведоню пидъ пахвы ведыте,

Щобъ вона не спиткнулась,

Щобъ вона не схвбнулась.

Степанъ. Отакои! Чого, Хотыно, хлыпнешь? Кажы: слава Господови, що джидалыся доччыного весилля; просы Бога, щобъ допомогъ джидаты ще й онукивъ. Сама Хведоня покохала Романа, сама и талану свого пыльнуватиме; а не выпльнуе, то сама и пошкодуе.

Хотына. Жалко мени Романа, Господы, якъ жалко! Маты ридна не захотила даты благословення.

Степанъ. Не поблагословила теперь, поблагословить згодомъ! А Сафронъ! Здавався мачулою, тилькы и бракувало очипка на голови; а якъ терпецъ урвався,—загомонивъ такъ гризно, мовъ весняна вода, що гребли рве.

Хотына. Певно дошкулыло до живого.

Степанъ. Чоловикъ смиренный, а ёго зъ молоду ще знаю: не чепаи ёго, а винъ и зроду тебе не зачепить: а отъ... Бувають усяки люде!... *(Помовчавъ)*. Якъ це мы зъ тобою: выжыли, а й ни разу не погрызлыся?

Хотына. Якъ то ни разу. А хто похвалявся мене быты, якъ я поихала у базаръ та чотыри цилковыхъ загубыла?

Степанъ. Такъ тилько жъ похвалявся. А ты бъ вже хотила, щобъ я ни разу тебе и не напобхавъ?

Хотына. И то жъ, якъ колысь проспала та не вынесла тоби въ поле поподунуваты, якъ тоди скрыготавъ зубамы?

Степанъ *(сміється)*. Та то... Тоди у мене зубы свербили! То ще не сварка и не грызотня. Муха яка мала, та й та гниваетця. А якъ я напывся у Мороза на весилли та почавъ бунтоваты, а ты мене упыхнула въ комору та й заперла.

Хотына *(усмихається)*. Описля жъ самъ сказавъ, що розумно зробыла?

Степанъ. А сказавъ, бо правда. Мабуть, такы та горилка була зъ дурманомъ. Де жъ: зразу мене такъ и зва-

рыло,—що ничого й не памьятавъ!... *(Помовчавъ)*. А що жъ, чы все вже у тебе злагожено?

Хотына. Страва вже уварылася, а коровай печетця у кумы Ганны. У насъ трохы тисенько въ хати, та й личъ мала...

Степанъ. Якъ видгуляемо весилля, заразъ комору переробимо на свитлицю, и будуть у насъ хоромы на дви половыны! Романъ казавъ, що доты не пиде до батька жыты, докы у Самрося зъ жинкою не буде ладу. „Не хочю я, каже, щобъ Хведоска жыла у тимъ гармыдери. Та й маты, каже, буде дывтыся косо на насъ обохъ!“..

Я В А III.

Ти жъ, Самрось и Зинька.

Зинька. Вже поблагословылы? Може мы й несподиванни гости, та все жъ мусыте уконтентоваты.

Самрось. Здрастуйте, поздравляемо! *(Цилуетця)*. Якъ тамъ не зкоилося, а мусыть бутцъ все по ридному. Нельзя, братъ едныотробный!

Степанъ. А й маты прииде, будемо и ий ради, не выженемо зъ хаты.

Самрось. Мамаша не приидуть... За слабы. А батько заразъ будуть, збярютця. Бачылы, яки у насъ, ий-Богу, молодецъ! Учора якъ напосылыся на мене: золылы-золылы мени голову, вже такъ усовищувалы... А й да батько! Отъ кажутъ, що якъ чоловикъ задуріе, то вже нема ёму зупыну,—не правда!

Зинька. Краще мовчавъ бы.

Самрось. Ни, стрывай, роскажу! Якъ же мени передъ людмы не похвастатся, та ще й передъ сватамы? Слухайте. Отъ на що вже я, зовсимъ бувъ знателычывся, мовъ та кручена вивця, а отъ... Правда, задача? Якъ почала Зинька...

Зинька. Та годи-бо!

Самрось. Ни, постривай! Кажу: якъ почала Зинька благаты, якъ почала прохаты: „йидемо, каже, до Романа на весилле!“ Мамаша кажуть: „не йидь!“ а Зинька просе. Хотьв ударыты Зиньку, не змигъ, рука не пиднялася. Отъ штука! Уклонься, кажу, въ ноги: поиду. Вклонылася, трычи вклонылася!

Зинька *(не дывлячысь у вичи)*. Першъ не корылася—дурна була!

Самрось. Чуоте?—Нехай вона теперъ визьме мене за чуба—мовчатыму!.. Зкрылася, вклонылася въ ноги, поцилувала въ руку, и миръ.

Степанъ. Чы на довго жъ?

Самрось. А хто ёго зна. Теперечкы у насъ въ господи вси порядкы перевернулыся. Першъ мамаша командували, а теперъ—батько. Отъ чудасія!.. Я вамъ скажу, що мене тилько треба усовистыты, уміючы усовистыты.

Степанъ. Хымеры та примхы! Жыръ тебе мордуе, якъ гедзь скотыну. Чоловикъ вже бородою зарисъ, скоро й сывити почне, а й доси у повиточку!.. Усовистыты ёго, бачъ, треба. Бычёмъ бы тебе посовистыты, та ще быча добре парыты, щобъ гнучиць бувъ.

Хотына. Та годи тобі, Степане.

Степанъ. Ачъ, щобъ жинка ёму ноги мыла та юшку пыла?

Самрось. А то жъ лья?

Степанъ. Не дружына та, котра безъ повны скоряетця, та ще й въ ногахъ повза, а мерзота! У ногахъ повза потайный ворогъ, або гадына, котра выбира мисце, дебъ болячиць ужалыты!.. Богъ звеливъ мужу и жони жыты въ добрій згоди, та въ любви. Де згода, тамъ и благословеніе Боже; а де ии нема, тамъ дьяволь кублытця!

Самрось. Мамаша завжды велать: „бий жинку, розумнишою буде!“

Степанъ. Колы бъ вона на себе на-клькала такой науки.

Самрось. Це, я вамъ скажу, задача! *(Помовчавъ)*. Чуешъ, Зинько! Ось якъ треба мене до розуму доводыты. Мамаша кажуть: „бий!“ Задача!

Я В А І V.

Ти жъ и Ганна.

Ганна *(зъ короваемъ въ рукахъ)*. Осьдечкы вамъ и коровай! Та якъ вырись! О, и Зинька тутъ?.. Це вже, кумо, прыкмета: якъ коровай росте, то такъ ростыме и таланъ молодыхъ. *(Ставляе на стилъ)*. Теперъ бы и страву выйма-ты зъ печи. Зинько! Давай, повыймаемо! *(Выймають страву зъ печи и ставляють на прыпичокъ)*.

Степанъ. Порядкуйте, порядкуйте, щобъ усе було въ ладу.

Хотына. Спасыби вамъ, що за мене клопочетеся.

Ганна. А у насъ сегодня радистъ: тельця—третяка, cervистка отелылася! Чоловикъ ввись бычка въ хату та й каже: „оцего бычка подаруемо молодымъ на плидь!“ Кумо! Чы дيجا готова, щобъ заразъ передъ поригъ вынести, якъ тилько молоди увійдуть у подвирь? А кожухъ, кумо, де? Не забудьте вывернуты кожуха вовною на верхъ, якъ зустричатымете зятя. Де жъ пляшка та чарка? Осьдечкы! *(Наслуха)*. Ой, лыбонь, вже йдуть? Вже, вже! *(За лаштунками почынають дружкы спивать)*. Швыдче! *(Ганна бижытъ зъ хаты)*.

Дружкы спивають:

Котылося яблоко зъ Мыргорода,
Пидкотылося пидъ ворота,
Видчиняйте ворота,
Бо й де Хведоска молада.
Ой мы были въ церкви, та бачылы дыво,
Два винци на стильци,
Третій на голивци.
Выйды, матинко, витайся,
У своёго дятаты пытайся:

Де жъ твое дытя бувало?—

Пидъ парськимъ винцемъ стояло.

Ганна (*вбига*). Идить, кумо, частуйте зятя. Ну, вже жъ и пара: якъ квиточки, якъ ягідкы! (*Хотына пишла, Степанъ накынувъ на пси кожухъ*).

Самрось. Ачъ яки законы, зовсимъ не по мищанськи! Правда, Зинько? У насъ тилько и спивають, якъ вже зовсимъ выражають молодыхъ зъ двору. Свашкы спивають:

Не плачь, не плачь, красоточка,
Не плачь ты объ мине,
У волюшку наплачешься,
Какъ выйдешъ за мине.

Ще й кларнетъ пидграе, або хлейта!
(*Пишовъ зъ хаты*).

Ганна (*станове коровай и страву на стилъ*). Зинько, ты бачыла молодыхъ? Ось глянь у викно.

Зинька. Поспію!

Ганна. Мы у вивторокъ вже йдемо на прощу. Пидешъ?

Зинька. А вже жъ... А знаешъ, Галю, я ныбы зовсимъ вже не чую сердца!

Ганна. О то й краще! Хай ему абы що тому сердцеви!..

Зинька. Передужаю себе.

Ганна. Колы, голубко, сами не зазналы цилкомъ щастя, радіймо хочъ людськимъ. Визьмы ножа, та покрай хлиба на стилъ. (*Скочыла на польцю*). Осьдечкы нижь. Чы гострый же? Поточы объ горня. (*Давшы Зиньци ножа, выбигае*).

Зинька. Якъ Степанъ казавъ? Котра безъ провны скоряетця, въ ногахъ повза:— „мерзота, гадына, потайный ворогъ!“ Кому я ворогъ? (*Ненарокомъ глянула на себе у дзеркальце, що въ стини замазане*). Кто це?! Невже це я?! Охъ, яка жъ я гыдка стала, жовта, очи позападали!.. Це но мои очи, зелени, якъ у ящеры!.. (*Одвертаетця видъ дзеркала*). Де жъ моя краса? Де жъ моя

погорда?.. Все, все пропало!.. Пый, Зинько, гирку, пый до краю, до деньця!.. (*Вхопыла себе за голову и сила на лаву*).

Дружкы спивають:

Пусты, свате, въ хату,
Тутъ насъ не багато,
Четверо, та пятеро,
Та всихъ девятеро!

Зинька. Радій, Зинька, чужымъ щастямъ, колы сама не зазнала!.. Не зазнала а ни крыхоткы, а ни капелыночкы.

Дружкы спивають:

Ой винчалася Хведоска, винчалася,
У червони чобиткы взувалася,
Червони чобиткы на нози,
Що купывъ Романъ на торзв!

Зинька. Романа витають!.. Зновъ ты. сердце, затрипотило?.. Цыть, бидне, папны дамь!.. Цыть, прысплю тебе, заколыхаю, бай-бай заспиваю!..

Я В А У.

Свырьдъ *веде молодыхъ въ хату за рушныкъ, за пымъ все весилля, музыкы и гости*.

Зинька (*зустрича молодыхъ*). Поздоровляю тебе, братику, и тебе... сестро! Романъ и } Дякуемо видъ щырого
Хведоска } сердца!
Самрось (*цилуетця зъ Романомъ и Хведоскою*). Кажу: нельзя — братъ единоутробный!

Свырьдъ. Старосто, пане-пидстаросто!

Пылыпъ. А мы ради слухаты.

Свырьдъ. Благословить молодыхъ на посадь садовыты, виномъ-медомъ частуваты, хлибомъ-силью годуваты.

Пылыпъ. Богъ благословить. Трычи Богъ благословить!

Свырьдъ *заведе молодыхъ за стилъ. Зъ боку била молодой становлютця дружкы, била молодого буюре. Свы-*

рыдз бере пляшку и чарку. Дружки спивають:

Якъ ишовъ Романъ на посадъ,
Зустричавъ его Господь самъ,
И зъ долею щасливою,
Та зъ доброю годиною.

Свырьдъ. Пошли жъ, Боже, нашимъ молодымъ, князеви и княгине, щастя, доли и вику довгого! Дай Господи, щобъ вони жылы на радисть и втиху всему миру, всѣму родови, всѣму посполу и Богови святому. (*Пиднисз чарку до рота*). А що жъ скажу я вамъ, сваты: горилка у васъ гирка, не можна и до губъ донести!

Пыльпъ (*тыхо молодымъ*). Поцилуйтеся. (*Романъ и Хведоска цилюютьця*).

Зинька (*крыкомъ*). Охъ, якъ солодко!.. (*Зныка зъ хаты*).

Свырьдъ (*выпывши, частуе молодымъ, потимъ батька и матиръ, старосту, дружокъ, буяръ, гостей*)... А що жъ музыкы мовчать? Дружки похриплы, покы гласъ отведуть, утнить що-небудь. (*Музыкы починають строить скрыпки*).

Хотына (*усажуючы гостей и ридню*). Контентуйтеся, спасыби вамъ. Годуйтеся, чымъ Богъ пославъ, не огудьте та не обезсудьте! (*Усажуе билия Романа Самрося*). Де жъ Зинька? Кумо, Ганно, гукнуть лышь на Зиньку. (*Глянула у вихно*). А осьдечкы приехали и свать Сафронъ Михайловичъ и сваха Настасія Ивановна!

Ганна. Де жъ це Зинька? (*Выйшла зъ хаты*).

Я В А VI.

Входять Сафронъ и Настя.

Романъ и Хведоска встають и кланяютьця трычи батькови и матери.

Настя. Хочъ неvistочка и не зъ високого колна, за те жъ зъ лыця, якъ паняночка!

Сафронъ. Гарыздъ, що зъ лыця уподобылася, може прыйде часъ той, що и до сердца тоби прыпаде.

Свырьдъ. Що жъ вы, музыкы, такъ довго брынькаете? Почынайте граты!

Музыкы (*выводе на струни крыкльву ноту*). Бачте, якъ пыты просе!

Свырьдъ. Заграйте попереду, то й почаству!

Музыкы. Колы жъ и смычокъ рыпыт!

Свырьдъ. Тебе, мабуть, не переспорышь. (*Частуе, музыкы починають граты*).

Я В А VII.

Ти жъ и Ганна.

Ганна (*вбигае*). Ой лышечко! Ой горенько!

Вси. Що, що таке?

Ганна. Зинька въ комори повисылася! (*Вси занямылы*).

Сафронъ. Сердешна страдныця! (*До Самрося*). Що, зайдыгболово, чья це провнына?

Самрось (*похылывз голову*). Моя, тату!

Сафронъ. Не такъ твоя провнына, сыну, якъ моя; люде добри, выпуюся передъ вами у мой тяжкій провныни. Кайтеся, люде добри, по мени. Хочъ и не все те я бачывъ, що конлося у мой хаты, але й того ныбы не добававъ, не мовъ наумысне видвертавъ поглядъ, миркуючы своею не розумною головою: а може все те пройде, мынетця и выйде на добре? И ось яке лыхо вчынылося! Боже Мылосердный, просты мене гришного!

З а в и с а.

Ч М Ы Р Ъ

(Ч У М А З Ы Й).

Комедія въ четырехъ дѣяхъ.

Л Ы Ц Е Д И И:

Демко Пшинка, мищанынъ, бондарь.
Варьна, его жинка.
Зинько, ихъ старшій сынъ, парубокъ.
Вустя, ихъ дочка, дивчына.
Панасъ, ихъ меньшій сынъ, хлопецъ.
Серёга, братъ Варьчынъ, старшій чоловикъ.
Марына, дивчына.
Сильвестръ (по вулычному Шелестъ) Кононовичъ.
Конашъ, богатый хазяинъ, отставный унтеръ-охвицеръ.
Овсѣй Харытоновичъ Вареныкъ, шынкаръ.

Гарасымъ, парубокъ.
Конашыха.
Староста.
Волостный писаръ.
Гапка, дивка.
Старшына.
Комедянтъ.
Судебный приставъ.
Чоловики.
Музыка, наймыты, наймычки, народъ и диты.
Діетця на сели.

Д І Я І.

Подвире убогого селянина. Стара хата зъ обсыканымъ дахомъ, зъ причылка пидперта сохою; повитка, комора, хливъ, пидъ тыномъ борона и рало; била повиткы: бочка, переризъ, шалыкъ, два бочонка, обручы, клепка и скилькы видеръ, бондарскый верстакъ и струментъ.

Я В А І.

Демко (*струже клепку*). Левко Гаюненко не додавъ за перериза рубъ двадцать три копійкы; Мышка Наглёнокъ за видра—трыдцять симъ. Рубъ двадцять три та трыдцять симъ: до двадцяти трѣхъ якъ додаты три десяткы, то буде пять десяткивъ ще й три копійкы; та ще симъ копѣекъ, то й шість десяткивъ,— а всихъ —рубъ шестьдесятъ. Треба закарбуваты. (*Выйма зъ кешени карбыжку и карбуе*). Оце за Левкомъ, а оце за Мышкою. (*Дывытця на карбыжку*). Коны бъ уси, що вынни, та виддалы зра-

зу, то можна бъ було и корову купыты, не то що чынша заплааты.

Я В А ІІ.

Демко и Варьна.

Варька (*выйшла зъ хаты*). Старый, не бачывъ ты Вусты, куды вона подилася? Тилько дай їй яеу роботу, такъ зразу и майне зъ подвирья!..

Демко. Я їи до Конаша пославъ, понесла цеберъ.

Варька. Наказувавъ же, щобъ гроши выправыла?

Демко. Звеливъ, щобъ безъ грошей цебра зъ руеъ не выпускала.

Варька. Колы бъ же то! Таки багачи, а й зубамы своего не вырвешъ у нихъ...

Демко. Чымъ бильшъ чоловікъ багатчае, тымъ дурнищымъ робытця...

Варька. Черезъ що?

Демко. А хто ёго зна; мабутъ, такъ та копійка нымъ овладае та опануе, що вже винъ якъ замакытренный...

Варька. А скільки намъ вынии, то й... Та хто выненъ, все багачи: Гаюны, Наглы, Конашъ, Лепенко!..

Демко. Ну що жъ, якъ вынии? На горлянку кожному не наступышъ, — видадуть...

Варька. У Конаша якъ зъ горла не выдерешъ, то закарбуи на пропале. И жинка ёго така жъ, якъ и винъ: скупендряга чортова, та ще й брехуха! Ще позаторикъ позычала у мене чотыри повисма прядыва. (*Передражнюе*). „Виддамъ, ей-Богу виддамъ!“ Та й доси виддае. А ще й сваха, та ще й у первыхъ сваха.

Демко. Ото вдруге не позычай.

Варька. Та вже теперь и розхряпаного черенка не позычу.

Демко. А чы не пора бъ тоби хату обмазати? Дви бабы у хати—маты й дочка, а хата облуплена, мовъ пустка...

Варька. А, не грызы хочъ ты мени головы...

Я В А III.

Ти жъ и Конашъ.

Конашъ (*зъ за тыну*). Здрастуйте, зъ вивторкомъ. Це жъ вы каки вже законы завелы, що чуже добро грабуете?

Демко. Не знаю, хто зъ насъ таки законъ заведе?

Конашъ. Какъ жо? Приходыт ваша дивчонка, прыносить цеберъ и провозглаша такыи приказъ: „доки денегъ не виддасте, доты й цебра не дамъ!“..

Варька. Инчого прыказу и не дожыдайтеся видъ насъ...

Конашъ. Чудной вы чалаэкъ! Што я по вашому: шарлатанъ, чы якой халамыдныкъ? Лыбонъ хазяинъ, якъ и слидъ, и званіе достаточное?..

Варька. Та хочъ бы вы и вышчого званія булы, а гроши виддайте...

Конашъ. Кажетця, и Богу—Государю служывъ!..

Демко. Виддайте гроши, тоди и цеберъ берить...

Конашъ. А, та й чудной вы чалаэкъ!.. Мы жъ зъ вами по сусидству?..

Я В А IV.

Ти жъ и Вустя.

Вустя. Тату, а що я зъ цымъ цебромъ робытму?

Демко. Несы ёго сюды...

Вустя (*перелизла черезъ перелаз и становытъ цебра*). Кажу: виддайте, дядку, гроши! а воны заразы почалы вь батька—матиръ лаяты...

Конашъ. Ну, це вже ты, дивко, брешъ!..

Вустя. Еге! Ще й ударыты мене хотылы...

Конашъ. Точно, што кагды ты мени согрубыла, я хотывъ тебе вдарыты...

Варька. Быть — треба купытъ. (*До Вусты*). Пиды тамъ до печи, щобъ що не скыпило. (*Вустя пишла вь хату*). Колы вже и ридня одно другому выидае очы, то чого жъ сподиватыся видъ чужыхъ?..

Конашъ. Здаетця, що мы завжды до васъ, якъ и порядокъ вылытъ...

Демко. Еге жъ, завжды надымаете губы...

Конашъ. Чудной вы чалаэкъ! То вже такыи порядокъ, що кожний себе соблюда. Ну, тилько супроты васъ ни которои!..

Варька. Чужымъ, свате, не забагатієте!
Конашъ. Лыбонь, я чужого не воздержую?..

Варька. А хйба ваша жинка не позычала у мене позаторикъ чотырѣхъ повисмъ прядыва?..

Конашъ. Ето ваша бабьяча комерція...

Варька. Це прямо грабижъ!

Конашъ. Позмыку до грабижу нельзя подь ранжиръ, потому некоторого сходствія. Свате, виддайте, пожалуста, цебра: скотыну пора напуваты, видрождъ не натягаосся...

Демко. Виддайте, пожалуста, довгъ, та й берить цебра...

Варька. А вже жтъ!

Конашъ. Ну, сказать бы, багато выпещь, а то плѣве дило...

Демко. Вамъ плѣве, а намъ то сумма...

Конашъ. Я таку сумму могу жбурнуты старцеви.

Варька. Вы жбурнете? Вы скорисщъ удавытесъ...

Демко (*до Варькы*). Може й жбурне... Чому не дуриты, колы прыступа? Вы, звисно, чоловикъ пры копытали...

Конашъ. Та й у васъ копыталь въ рукахъ.

Демко. Якый?

Конашъ. А ваше ремество? Пры вашимъ скуствіи такъ можна онъ яки копыталы...

Демко. Махны рукою!

Варька. Це такы и правда. Скилько разивъ и я казала: покынь, Демку, пыты!..

Демко (*усмихаеця*). Це бъ то, щобъ тоби бильшь зосталося, чы якъ?

Конашъ. Звисно, вы пры своимъ прави.

Демко. Якъ кожного дурня слухаты.

Конашъ (*помовчавз*). Свате, Демку! оставте, пожалуста, бомбандыровать, виддайте цебра.

Демко. Свате, Шелесте, виддайте довгъ.

Конашъ. А, чудной чалаэкъ!

Вустя (*на порози*). Мамо! А чымъ я затовчу борщъ: ни сала, ни пшона а ни крхоткы?..

Варька (*До Демка*). Не виддавай цебра безъ грошей! (*Пишла вз хату*).

Демко. Ну, це може и не твое дило.

Конашъ. Свате, Демку?

Демко. А що, свате, Шелесте?

Конашъ. Та й чудной вы чалаэкъ!

Демко. Вы, лыбонь, чуднищый?

Конашъ. Кагды бъ вы до насъ иначе, такъ и мы бъ до васъ... Отъ, значить, теперъ у васъ случай: ни сала, ни пшона, а въ насъ и те и друге ..

Демко. То що?

Конашъ. И большъ ничаво! (*Помовчавз*). А ежели я теперъ вазьму цебра та й пайду?

Демко. А ежелы я оцимъ стругомъ та за вами пузну?

Конашъ. Такъ, значить, вы на штуржъ! Чудной чалаэкъ. Только што у мене всихъ грошей нема; сколько есть у партманети. столько и виддамъ. (*Выйма*). А заглянте у вашу запысь: сколько тамъ за мною?

Демко (*выйма зз кешени карбижку и дывытця*). За два обручи на бочку—дванадцять копіекъ!

Конашъ (*дывытця у свою запыску кныгу*). Такъ тошно.

Демко. За тры новыхъ кленкы на дижку зъ шаткованю капустою, пятдесятъ чотыри копійкы?

Конашъ. Верно!

Демко. Бачыте, яки у васъ царемни: капуста не яка-небудъ, а шаткована.

Конашъ. Скусь другый!

Демко. Прымхы. Нове дно у кадку на бурякы—сорокъ копіекъ?

Конашъ. Было д'яло подь Полтавой!

Демко. Нови обручы на водовозну бочку—штысьдесятъ копіекъ?

Конашъ. Такой договоръ!

Демко. Теперъ зъ нову кленку и дно до цебра—трыдцять штысь?

Конашъ. Ето по совисты, верно! Ня, у васъ усѣ честно.

Демко (*лычыть*). А всихъ грошей: два рубля и двѣ копійкы.

Конашъ. На што вамъ и табличка сложенія? Верно, такъ и въ мене входить. Якъ вы можете на карбижци усяки копыталы? Спытай хто мене: що воно оце таке? Сказавъ бы: цурочка, палочка, покыдкывъ братъ... И до цѣго е наука!

Демко. А зависно, що е. Це ще мене покойный батько вчылы. (*Показуе пальцемъ*). Оце у мене рубли, оце полтыныкы, оце гривеныкы, а цо копійкы. Въ старовину усяка позыка була, кажуть, на карбыжку, а не то, якъ теперь: росныскы, вексели, заклады... Теперь зкапостывся народъ! А першъ було: позычывъ гроши, заразъ и закарбувавъ, а посереду карбыжкы выривавъ хрестыка, та и дае тому, котрый взявъ у позыку гроши,—поцилуваты хреста и потимъ кладе ту карбыжку за образа...

Конашъ. Г-мъ, шуткы сказать!

Демко. А якъ прыйде строкъ, и той позыкы не несе, тоди цей бере зъ за образа карбыжку та й йде до нѣго правыты „Виддавай, каже, заразъ, а то зламаю хреста!“ Тоди той и виддае.

Конашъ. Виддае? Скажы пожалуста!

Демко. А якъ бува не спромога прытьмомъ виддаты, то вже прыпада на-вколюшкы та блага, щобъ поборгавъ.

Конашъ. Да — да! Вонъ какъ воно було въ старовину. (*Бере цибѣръ и огляда*). А не протикатыме?

Демко. Що то вамъ у перве доводитця корытуватися моимъ ремествомъ, чы якъ? Кто мени колы прыкнунъ мою роботу? Давайте лышь гроши.

Конашъ. Та нате вже. Чудной чалазкъ! Ось семдесятъ висимъ копіѣкъ, бильшь нема пры соби, хочъ сами загляньте у партманетъ.

Демко (*лычыть гроши на долони*). Я не знаю, якъ ходыты билия того партманету, то не хочу и заглядаты. (*Хова гроши у гаманецъ*). А скилько коштуе ота выгадка?

Конашъ. Рубъ трыдцять. Ловка штука! На тры подила и на тры замкы.

Демко. Добре, що вамъ спала батькывищнына, то й можна пармынеты купуваты. Отець вашъ на вколишкахъ повзавъ та складавъ копійку до копійкы, а вы вже одѣжу городську, часы и всякы вытребенькы!

Конашъ. Ето не разореніе, а соблюденіе свого званія. (*Бере цибѣръ*). Прощавайте! (*Пишовъ*).

Демко. Ходить здорови! (*Почына стругать*).

Варька (*зъ дверей*). Виддавъ гроши?

Демко. Не вси.

Варька. Теперь и дождыдайся ажъ до маненького Юрія, докы ракъ свысне, ажъ тоди тоби Конашъ виддасть останни.

Демко. Ну, тадже жъ не я у него въ рукахъ, а скорыщъ вивъ у мене: на все село и на всю округу одынъ тилько бондаръ я!

Варька. Дай же мени грошей, збигаю до шынку, визьму: солы, оли...

Демко. Та я й самъ збигаю, тамъ и работа е.

Варька. Добре Конашамъ батькывищною корытуватися.

Демко. Инчому таланъ, инчому два, а инчому и дуля та ще й ажъ пидъ самисенкій нись! Одынъ змалку працюе, у праці и помера и дитямъ въ нащадокъ зоставля одну тилько гирку працю...

Я В А В.

Ти жъ и Марына.

Марына (*зъ видромъ у руци*). Добрыдень, зъ вивторкомъ!

Демко и Варька. Спасыби, розумныце!

МАРЫНА. Дядечку, голубчыку, полагдыте мени видерце. Якось нехотячы ударыла бокомъ обь цямырну, та дви елешкы такъ и ввигнулыся въ саредыну, тешеръ бида, якъ тече.

Демко (*взявъ видро и розгляда*). Обь цямырну, кажешъ? Скажы краще, обь килокъ ударыла.

МАРЫНА. Та хйба не одинаково?

ВАРЬКА. Кянчай, старый, худчищъ роботу, обидаты сядемо. (*Пшла въ хату*).

Демко. Мабуть, на когось розгнивалася та й шелеснула видромъ обь килокъ, або обь камень? Сёгодня якъ небуть справлю, а завтра раненько прынесешъ, то я перетягну обручи (*почына лагодыты видро*).

МАРЫНА. А Вустя въ хати?

Демко. Въ хати. А ще кого тоби треба?

МАРЫНА. Бильшъ никого!

Демко. А Зинька въ хати нема! (*Усмихаецця*).

МАРЫНА. Эге! Трынды-рынды!..

Демко. Зинько на току молотыты просо.

МАРЫНА. А може я ёго вже й бачыла?

Демко. Хйба?

МАРЫНА. Ну й чого бь я глузувала? А вы пiby бь то и не булы молодымы?

Демко. Та бувъ же.

МАРЫНА. То-то жь бо й е. (*Хутко побигла въ хату*).

Демко. Гарне дивча, чепурне и маторненьке. Зинькови якъ разъ пидъ пару, та ще одно другому и до мысли. Колы бь спромога, заразь бы оце писля Дмитра и за рушныкамы посылаты. (*Зитхнувъ*). Колы жь ни съ чого потягнутыся. Шкода буде, якъ подае рушныкы за инчого, а не за Зинька.

Я В А VI.

Демко и Зинько.

Зинько (*зз ципыльномъ и бычымъ въ рукахъ*). Кумедія! И пивъ копы просо

не збывъ, а вже бычови голову скрутывъ. Де бь, тату, взяты сырыцы, одризаты реминьчыка?

Демко. Тамъ у комори, на бантыни. (*Зинько пишовъ въ комору*). Це вже углядивъ, що Марына прыйшла, то й быча не пошкодувавъ отбыты, тилько бь ускочыты у подвирье та хочъ переморгнутысь зь нею. Любляця соби, та ще й не абы якъ!

Зинько (*выходыты зз коморы*). Треба питы въ хату та взяты свого складного ножа.

Демко. Винъ же у тебе въ кешени.

Зинько. Ба, ни, въ хати.

Демко. На мого (*дае*).

Зинько. Чы гострый же?

Демко. Ондечкы брусъ, поточы.

Зинько (*бере ножа*). Цей нижь такий, тилько славы, що нижь (*точыты*).

Демко. Я пиду твого вынесу. Де винъ тамъ лежыты?

Зинько. Та тамъ...

Демко. На якимъ мисьци?

Зинько. Та все одно вы не знайдете. (*Демко пишовъ въ хату*). Де жь Марына? Це ии видро (*роздывляецця*). А вже жь, що ии. Бигла заразь поузь тикъ та й каже на бигу: „треба намъ худчий побачытысь, лыхо мене спобигло!“

Я В А VII.

Зинько и Марына.

МАРЫНА (*хутко*). Прыйды заразь у вербы, треба перебалакаты.

Зинько. Про вищо?

МАРЫНА. Сылуютъ мене батько замижь за Лаврина, за дякового сына...

Зинько. Сылуютъ? А ты коза, чы тельця, котру взявъ за рогы та й повивъ, куды схотивъ?

МАРЫНА. Эге, добре тоби казаты.

Зинько. Такъ це бь то мени мае буты легко видъ цией звистемъ? Тоби може одинаково: чы за мене, чы за другого?

МАРЫНА. Коли бь однаково, не прыбигла бь до тебе на пораду.

ЗИНЬКО. А въ тебе у грудяхъ дедервьяне сердце, чы камьяне?

МАРЫНА. Якъ свазали батько про Лаврина, то такъ мене мовъ у пропащныцю затрясло, и доси тремтю...

ЗИНЬКО. Не знаю, якъ тамъ тоби, а про себе скажу ось що. Тилько подаешъ рушныкы за другого — тикай зь села! Кого я кохавъ опричь тебе? — Все ребра тоби поламаю. Душу мою ты цилкомъ забрала! Не попадайся жь, уси патлы обирву!.. Та мени лехче у крыныцю сторчъ головою!..

МАРЫНА. Богъ зь тобою (*жахається*).

ЗИНЬКО. Не вспию розплющты очей, про батька-матирь, може про Бога не згадаю, одну тебе памьятаю! — Убью!

МАРЫНА. Та нехай мене хочъ печуть, хочъ рижуть!

ЗИНЬКО. Не чувствена ты, идолко!.. Хрестъ мене побий, убью!

МАРЫНА. Соколоньку мій, орленьку!.. Ни за кого опричь тебе. Выйды у вечеря до крыныци. Выйдешъ?

ЗИНЬКО. Ще бь не выйшовъ, а вже жь выйду.

МАРЫНА. Гнивається?

ЗИНЬКО. Ни, шуткую! Бачь, зь шутокъ ажъ пить покотывся. (*Вытирає рукавомъ лице*).

МАРЫНА (*бере видро*). Прыходь же.

ЗИНЬКО. Иды вже.

МАРЫНА. Хочъ глянъ же ласкаво на мене.

ЗИНЬКО. Про це буде ричь у вечери. (*Марына пишла*). Ахъ ты жь!.. Бачь, ий неваче шуточки. Коли бь не кохавъ, роздеръ бы кляту дзыгу, на двоо раздеръ бы, на десятеро, на шматкы!.. Тыху ты, ажъ у грудяхъ мре... Бачь, порадытысь прышла. Давно вже кортыть мени виддубасыты тебе, та рука не здіймаецця... Ну!..

Я В А VIII.

Демко и Зинько.

ДЕМКО. Полагодывъ?

ЗИНЬКО. Кого?

ДЕМКО. Ципа.

ЗИНЬКО. Я й забувъ. Заразъ полагажу (*бере ципыльню и бычъ*).

ДЕМКО. Де жь це Марынене видро? И Марыны нема, — де вона?

ЗИНЬКО. А чортъ ии зна!

ДЕМКО. Це жь за вищо?

ЗИНЬКО (*иде на тикъ*). Та ну ии къ бисовому батькови.

ДЕМКО. Зь якого жь це часу?

ЗИНЬКО. Хочъ бы и повикъ ии не бачыты (*пишовъ*).

ДЕМКО. Эге, якъ бачу, то пора вже Зинька оженыты, пора. Коли почавъ лютувать, то це вже прыкмета, що сердце у нѣму загорилося и вже палахтитыме, докы ёго не загасышь... Знаю, знаю по соби.

Я В А IX.

Демко и Вареныкъ.

ВАРЕНЬКЪ. Розбезсовисный ты животный! Та ще й ось що я тоби, Демку, скажу: якъ говорыть на чыстоту, такъ тебе и падлецомъ мало назваты! Я зь тобою по людськи, даже по благородному, а ты... Та другий, котрый соблюдае себе, такъ отакъ харкнувъ бы та й плюнувъ тоби у самисеньку пыку!.. (*Плюе на бикъ*).

ДЕМКО. Я жь вамъ сказавъ, що заразъ писля обидъ прыйду.

ВАРЕНЬКЪ. Я вже давно пообидавъ.

ДЕМКО. А я ще й не думавъ.

ВАРЕНЬКЪ. Що за народъ такый вудуплюецця! Совисты, що называецця, а ни же, а ни на макове зерно. И куды тилько та совисть подилася? Якъ я, то кожному догожаю, кожному потрапляю, щобъ якъ найкраще!.. Ну, скажы, коли я тоби не зробывъ прыятности, коли?

Демко. Та що казать?

Вареныкъ. И передъ Риздомъ, и передъ Велькоднемъ, и колы завгодно, завжды даю набирь. Беры, та знай мою добристь,—о! Законъ, щобъ набирь, чы пидь закладъ, а ни Боже мій! А въ мене законъ у мойй совисты...

Демко. Що й казать.

Вареныкъ. О, бачышь? Скажы, колы я не давъ тоби набирь, колы?

Демко. А колы я вамъ не видробывъ?

Вареныкъ. Тутъ не въ тимъ рошотъ, а що совисть у мене!.. Эхъ, розбезсовисный животный! Теперь мени треба бурякы и капушту класты, а кадкы течуть.

Демко. Та ось я заразъ ложку-двн борщу зъймъ та й прийду.

Вареныкъ. Якъ кому нужда, то вси до Овсія Харытоповыча: слякый-такый намазанный, дай набирь, дай пидь закладъ, поборгуй!.. А якъ Овсію Харытоповычу що треба, такъ тоди ыды, Овсію Харытоповычу, та покланяйся пры своимъ звани. И куды тилькы совисть людська подалася—навдывовыжу! Прийдешъ?

Демко. Тадже жъ сказавъ.

Вареныкъ. Скорище жъ *(спокойно)*. Тамъ ще двн клепкы треба будо переминыты у дижци, що зъ водою... Я вже тоби дамъ восьмуху.

Демко *(усмихається)*. Та гараздъ.

Вареныкъ. Бачъ, усмихаеся, та облызуеся? Кто бъ васъ пожаливъ, якъ бы не я? Колы-небудть у серцяхъ визьму та й занехаю васъ, перейду у друге село, де у людей совисть е,—плакатымете за мною. Я вамъ, якъ отецъ ридный, онъ якъ догожаю. Що у мене хйба горилка не купована, чы я ии самъ роблю?.. Прощавай, треба що до колесныка забигты: и той те жъ вже четвертый день колесо лагодыть... А якъ вамъ прыпаде нужда, такъ заразъ до Овсія Харытоповыча: „Овсій Харытоповычъ! батьку ридный, благодитель, всыпъ хочъ пивъ-кварточкы!“

Эхъ, розбезсовисный животный! Приходь же! *(Пишовъ)*

Демко. О, ты щедрый! Тилько що черезъ твою щедристь не то що зайвои миркы хлеба, а й кожущыны на нашій спыни скоро не зостанетця... Ни, годи вже! Колы бъ Господь допомигъ диждаты великого посту—покыну пыты, хай ий абы-що. Якъ така нечысть та що-дня мае паскудыты тебе своимъ гыдкымъ языкомъ..

Варька *(зъ хаты)*. Чого той песыголовець зновъ тутъ деръ свою горлянку?

Демко. Мицне горло, черезъ те й дере.

Варька. Ты жъ казавъ, що вже ничего не вынонь ёму, що видробывъ?

Демко. Та видробывъ же, а це поминывся за выгоду обтянуты двн бочки.

Варька. Неначе за гроши: тамъ процентъ, а тутъ выгода?

Демко. Тадже жъ.

Варька. Онъ яке завелося здырство.

Демко *(нюха зъ рижка)*. Якъ тилько дижду пыльпывки, покыну пыты и зарикъ дамъ, щобъ никола й до губъ ии не доторкнуты.

Варька. Зарикався вже ты не разъ.

Демко. Такъ не выдержка жъ! Оказія яка, чы случай, ну й... Попробуй не выпыты на весяли, або у беседи, заразъ скажуть: загордувавъ! Иный прыпрошуе-прыпрошуе, а дали й каже: „пый, а то за комира вылью!“ Ну й мусышь выпыты, бо такы вылье за комира. А выпывъ одну, то вже видъ другон и не видкрестыся и не видмолыся! А тамъ вже й пиде.

Варька. Воно такы правда, що иный, Господы, якъ улеслыво прыпрошуе, не зчуеся, якъ и вынешъ! А все жъ краше бъ не пыты.

Демко. Клянъ на чотырѣхъ ногахъ, та й той спотыкаетця. Бува жъ и такъ, що чоловикъ скылько годывъ пантылычтыця, а потимъ и схаменетця. А може мени наврочено, або почынено? Я такы

помичавъ за собою не разъ: иноди зов-симъ отъ наважуся не пыты ии, щобъ зацураты; отъ же чую, якъ щось невыдыме прямо насыльно тягне тебе до шынку. Ну й пидешъ...

Варька. Росказують, що десь тутъ, на хуторахъ, проявилася така знахарка, що вышыптуе видъ перепюю.

Демко. Коли бь вона сюды прыдыбала, вже бь и я прыставъ на те, щобъ пошептала. У насъ на сели ий гарный бы бувъ заробитокъ. Якъ тилько згадаю: скільки день моихъ марно пройшло, що одныхъ понедилкивъ прогуляно, то ажъ страшно тоби стане!

Варька. А лайка, а сварка, а гармыдеръ?

Демко. И — беда! Хай ий врагъ, залышу! Отъ дывись, Варько. Пывъ я, пывъ? А теперь годи, якъ видрубавъ!

Я В А X.

Ти жь и Панасъ.

Панасъ (*блжыть зь току*). Тату, тату!

Демко. А що тамъ?

Панасъ. До насъ у тикъ, Конашеви быкы вперлысь и чысто стижокъ жыта розвернули.

Варька. Чы не капосни!

Демко. Побижы жь та выжены. А де жь Зинько?

Панасъ. Пишовъ чогось у вербы. Може загнаты быкы въ у обору?

Демко. Виджены ихъ до Конаша та скажы, щобъ не пускалы у друге, бо штрафъ заплатять. Бижы жь швыдчъ! (*Панасъ побигз*). Чого бь то Зинько пишовъ у вербы?

Варька. Тамъ Марына коноплы вытяга зь воды. Оце жь свижо прыбигла.

Демко. Такъ що?

Варька. Хиба не помитывъ, яка збен-тежена? Я чула, якъ вона шепнула Ву-сти, що мае хтось ии свататы.

Демко. Онъ воно що!

Варька. Шкода, якъ Марына не буде намъ за невестку.

Демко. Ще й якъ шкода.

Варька. Чы не позывывъ бы Конашъ карбованьцивъ зь трыдцяткоъ, щобъ весилле справыты? По нашихъ достаткахъ можна бь и трыдцяткомъ обійтысь.

Демко. У Конаша посереду зимы лёду не выпросышь, а визымы у Варенька, то надинешъ соби ярмо до вику.

Я В А XI.

Ти жь, староста и волостный писарь.

Староста. Здрастуйте, зь вивторкомъ.

Варька и Демко. Спасыби, будьте и вы здорови.

Староста (*до писаря*). Здіймайте зь нихъ допросы, по всей правыли. А вы на всякий опытъ кажыте настояшу правду.

Волостный писарь (*до Демка*). Якъ вашого отця звали?

Демко. Васылемъ.

Волостный писарь. Такъ. А дида вашого, батькового батька?

Демко. Семеномъ.

Волостный писарь. Такъ.

Демко. Вы це чыншь прыйшлы правыты? Поборгуйте, будь ласка, отъ зберу по людяхъ...

Волостный писарь. Не перебувайте. Бувъ у вашого отця сынъ ще, и якъ ёго звали?

Демко. А вже жь бувъ. А, це за подушне зновъ прыйшла бамага? Годивъ зь пятьнадыцять тежъ прысикалыся булы до мене за подушне, такъ я справывъ ихъ на братове жытельство.

Волостный писарь. Вы слухайте и не прыкословте. Отвичайте: де вашъ братъ?

Демко. Якъ покійни батько померлы, царство имъ небесне, вичный покій, мени тоди було годивъ зь десятокъ не бильшь;

а старшому братови, льбонь, чотыр-надьцять?

Волостный пысарь. Якъ старшого вашого брата звали?

Демко. Андріємъ.

Волостный пысарь. А де жъ винъ числытця на лыцѣ?

Демко. У Кьѣви. Якъ zostалыся мы сыротами, безъ отца-неньки, такъ старшого брата узавъ за малчыка, у лавку, якыйсь купецъ, сказать бы прыятль батькывъ, чы що? та й повизъ ихъ зъ собою у Кьѣвъ, а я zostався у хутори, тамъ такы, де батько нашъ жылы на чынши. Тамъ вже я и зрись, тамъ и вылюдывъ. Сказать такъ: чужи люды довели до розуму, чужи й оженылы...

Волостный пысарь. А не пысавъ вашъ братъ, Андрей, пысьма колы до васъ?

Демко. О, якъ то не пысалы. Пысалы, ажъ тры пысьма пысалы. Все пысьма у мене за образами лежать. Братъ, Андрій Васыльвчъ, такъ воны ще й хрещени батько мого старшого сына Зинька. Pokійна Хрыстя Чавунова колысь то ходыла на прощу у Кьѣвъ, то одвидувала брата, и воны прыслалы хрещеникови золотого хрестыка, сытцю на сорочечку и два цилковыхъ грошей. Трете пысьмо, льбонь, позаторикъ прыйшло?

Варька. Позаторикъ же, якъ разъ на Полупетра.

Волостный пысарь. И вы одпысували до брата?

Демко. Та я не грамотный, а тутъ у насъ бувъ салдатыкъ, такъ я ёму казавъ одпысаты, ще на першого лыста. Осъ пиды, Варько, прынесь ты лысты сюды. *(Варька пишла въ хату)*.

Волостный пысарь. Колы жъ вы одпысували?

Демко. Та щобъ по правди вамъ сказаты, то буде, мабутъ, годивъ зъ двадцяткокъ. Скылько разывъ думка шыбала напысаты, щобъ братъ Андрій Васыль-

вчъ прыслалы грошей, що я, стало быть, пры великій нужди... *(Варька выносе лысты и дае пысареву)*. Разъ якось Коначъ згодывся напысаты и такъ ловко почавъ лыста: „братыку мій ридный, братыку едыноутробный! Визьму перьину въ руки, край столу я сяду, и спышу я нужду горьку и свою печаль-досаду.“ Та й доси не допысавъ, все якось часу не було.

Волостный пысарь. Такъ брата вашого едыноутробного звали Андреемъ Васыльвчъ Пшонкою?

Демко. Андріємъ Васыльвчъ Пшонкою.

Староста *(до пысаря)*. Якъ на вашу думку: ци пысьма настоящи, чы хвалшь?

Волостный пысарь. По давности и мухойспачканости надо заключыть, що настоящи. *(Кашля)*. Теперь прочытаемъ бумагу.

Староста. Хрестытця, Демку, хрестытця и вы, Варьку.

Демко. Та перехрестытця не штука. Чого жъ бы то?

Волостный пысарь. Братъ вашъ едыноутробный, Андрей Васыльвчъ Пшонка, волю Божію помре...

Демко и Варька. Царство небесне, вичный покій!

Демко. Братыку риднесеный! *(Хлыла)*. Отъ скылько разывъ збывався на прощу, осе ще недавно миркувавъ: иду цѣго року у Кьѣвъ, ажъ осъ колы провидаю братыка.

Волостный пысарь. Горя безъ радосты не бува.

Староста. Щобъ некоторой втихы— не полагаецця, такъ воно видъ Господа Мылосердного!

Волостный пысарь. Слухайте жъ, що я вамъ прочытаю *(чытае)*: Объявыть мѣщаныну Дементію Васыльвчу Пшонкѣ, что послѣ смерти брата его, Андрея Васыльвча Пшонки, умершого въ г. Кьѣвъ, въ домѣ купца... Отутъ не роз-

беру хвямліи: чы Калинина, чы Малинина! Здаецца — Бадилина? (*Староста загляда в лыстэ*).

Староста. Язык до Кнѣва доводьць. Абы бь тилько туды, а тамь у людей допытаяцца. Спытають: де тут тавый то померь?

Волостный пысарь (*чыта*)., Вь домѣ купца Давилина осталось духовное завѣщаніе, которымь онь завѣщаль ему, Дементію, налічными деньгами шесть тысячъ рублей серебромь, находящіеся на храненіи вь государственномь банкѣ, домашнее имущество и одежду на сумму пятьсотъ рублей. Духовное завѣщаніе и опись на завѣщанное имущество найдятся при дѣлѣ у мирового судьи Подольскаго участка.“

Староста. Бачыте?

Волостный пысарь. Подпишьте, що вамь объявлено.

Демко (*здывованно*). Це вы не шутокуете? У мене вь голови все перевернулося, у вухахь дзвенить... Ничого не зрозумію! Варько, ты розбирала?

Варька. Що жь туть розбираты? Бундючылися супроты насъ люде а теперь и мы пидіймемо до горы носа.

Демко. Кажете: шість тысячъ копыталу и одежи на пятьсотъ карбованьцывь? Варько, посылай Вустю за пивь — квартиру! Мылосты просимо у господу (*Варька пишла вь хату*).

Я В А XII.

Ти жь и Вареныкъ.

Вареныкъ. Ну и не розбезовисной ты животный? Неначе у него миллионъ трыста тысячъ. А, господа начальныкы! (*Чоломкаетця*). Супостате ты, Демку?

Демко. Ну - ну, теперь вже Демка нема, а Дементій Васылѣвичь.

Вареныкъ. Що таке?

Демко. А таке, що я теперь тоби не робитныкъ та й никому не бондарь! (*Скыда зь себе хвартухз, ременьць зь головы*) Хай хто инчыи бондарюе, а я попаваю! (*Жбурия хвартухз и ременьць*).

Вареныкъ. Вже насмоктався? Хто жь це тебе намочывь?

Демко. (*До пысаря*). Прочытайте, пожалуста, отому дурневи рѣшеніе!

(Зависа).

Д І Я II.

Середина хаты Демковой, пичь, лавы, пиль, стиль и таке инче.

Я В А I.

Входьтъ Варьна, за нею Вареныкъ.

Вареныкъ. Истину говорю вамь, що бачывь Дементія Васылѣвича учора вь городи и думавь, що вже вони у собственнымь дому.

Варька. Чого жь винь тамь воловзытця? Тры тыжни, якъ пойихавь у Кнѣвь, другый вертався бь скоричь до дому, а винь ще й вь городи засивь.

Вареныкъ. Теперь у Дементія Ва-

сылѣвича можуть быть дила по всій пути — видь Кнѣва и ажь сюды (*суда*).

Варька. Певно тамь загулявь?

Вареныкъ. Не безь того, есть малость, тилько вони соблюдаютъ себе.

Варька. Туть борошна а ни пылыночкы, никому зерна виднести до млына: Зинько заслабь, а Панаса старый взявь зь собою вь Кнѣвь...

Вареныкъ. Чому жь вы мени не сказали про борошно? Та скільки завгодно! Ай, розбезовисная жь вы!..

Варька. А потимь виддавай вамь вдвое?

Варенникъ. Отъ вы и не знаете, яка у мене совість. А може я й нічого не взявъ бы? А що першъ я бравъ процентъ, чы выгоду зъ Дементія Васыльевича, такъ то жъ другій роцотъ... Першъ бувало я и вылаю Дементія Васыльевича и до роботы прыгоню, якъ и кожного прыгоняю, такъ то жъ имъ на корысть. Бувало кажу: не пьянствуй, Демку, труждайся, Богъ труды любить... Отъ теперъ Господь Мылосердный наградывъ Дементія Васыльевича, а черезъ що? Може черезъ мою навуку. Знаете: ніхто якъ Богъ!

Варька. Де яки сусиды, а найпаче сваха Конашыха вже на глумъ мене пидймають, що ніякого наслѣдствія нема, що то одни выгадки.

Варенникъ. Есть наслѣдствію. Якъ списано у бумази, що ото волостный писарь чытавъ, то все воно есть. Зустрився я у городи зъ Дементіємъ Васыльвичемъ. такъ гордосты у нихъ та пыхы—бида! Здрастуйте, кажу, Дементій Васыльвичъ, а вони зыркъ на мене: „А, и ты тутъ, дурню!“ (*Сміється*). Значить, признали. Одно слово, смихотворъ! И вже навчылся пыхы такой: нибы зъ тобою говорить, а дывлюця онъ куды. Чудодій! Не було бъ наслѣдствія, не було бъ и вони пры такимъ соблюденіи своєї гордосты.

Варька. Коли бъ, борони Боже, не обикрали его?

Варенникъ. Деньги вони у городськой банокъ положили, а мужество прыныхъ.

Варька. Що жъ то за банокъ?

Варенникъ. Така велика комора, зализны двери, викно зъ зализнымъ рештуваннямъ и замкы. А сынокъ же вашъ чымъ недужный?

Варька. Така думка мене шыба: чы не зъ любощивъ?

Варенникъ. Х-мъ! Эхъ, розбезсовисный народъ! Котра жъ то накоила такого лыха?

Варька. А хйба мало ихъ е такихъ, що на лыхе згожи? Щобъ кому добре зробыты, то такого не вышукать и вь донь зъ хвынаремъ; а на лыхе и вь темну ничъ наткнесся.

Варенникъ. Кровь бы ему пустыты, не пробували? Бида якъ помога, якъ кровь пустышь, або банкы поставышь. Можна и дыкохть. Дыкохть тожъ помога, бида якъ помога!.. А може зъ очей, потому бувають глаза розбезсовисны. Бабу Репыху покличте, щобъ злызала, або вышптала! Мене скилько разывъ злызувала!

Варька (*дывытця на него*). Ну, и чогы прытыслыся зновъ вь хату, чогы вы сёгодня цылисенный день слидкомъ за мною ходыте?

Варенникъ. Варвара... якъ васъ по батыщци, звынить на томъ, не знаю?

Варька. А що вамъ за печаль до того?

Варенникъ. Вы скажыте мени: куды тилько теперъ совість людська подилася? Навкругы такой розбезсовисный народъ! Якъ що и вы, и Дементій Васыльвичъ окажете прымичаніе, якъ прочыи—покыну васъ, покыну село и перейду туда, де есть у людей совість.

Варька. Та якъ тамъ не балакайте, а щобъ на прыятну розмову, то души мои до себе не навернете. Ненавыжу васъ, ажъ гыдую! (*Одвертаетця видъ его*).

Варенникъ. За вищо жъ? Эхъ-хе-хе! Потому жъ я и пытаю васъ: де совість людская?

Варька. Пожалуста, не пидсыцайтеся, мы теперъ поведемо кунпанью хйба тилько зъ попомъ, зъ посессоромъ, та ще може зъ дякономъ.

Варенникъ. Такъ и я жъ у тій кунпаніи свій чоловікъ.

Я В А І І.

Ти жъ и Вустя.

Вустя. Мамо! Заразъ казали посессоръ, що бачыли татка за селомъ, вже

татко йдуть до дому. Поссесоръ тюкы биглы, а татко йдуть ходю, бо зъ владью йдуть!

Варька. Слава Господеви, що вже вертаеця! Не знаю, чы бигты на зустричь, чы на порози зустриты?

Вареныкъ. Зустриньте на порози, — зъ хлибомъ — силлю.

Варька. Я не васъ пытаю.

Вустя. Мамо! Вы не знаете, чы привезуть мени татко подмостона та ботыкы городьски?

Варька. Тадже жъ прыйде, побачымо.

Вареныкъ. А звычайно привезуть.

Вустя. Я й одного дня не носытиму юкы та оцыхъ черевыкывъ, що бовтаютца на ногахъ неначе постолы.

Вареныкъ. Вопо й справди до такои хвазмоніи такъ черевыкы не хвасонъ.

Варька. Може вже не далеко йде? *(Выгляда у вишко).*

Вареныкъ. *(Бъе себе по лобови).* Ахъ я балванъ! Чого жъ я тутъ стою? Демонтей Василювчъ провизжатымутъ мымо шынку, воздамъ же я имъ честь: зустрину ихъ горилкою и пывомъ! *(Побигъ).*

Варька. Видцила не выдко, а ну гляну на гору? *(Побигла).*

Вустя *(сама)*. Коли бъ татко привезлы подмостона та ботыкы. Ну, а якъ привезуть и сережки срибни, и каблучку, и намысто!.. А може й зонтыка привезуть. Учора на вечерныцахъ, якъ сказала я, що буду шо-дня носыты плаття, а спидныці виддамъ нашымъ наймычкамъ, — адже татко наймутъ наймычокъ? Дивчата заразъ ухопылы мене на зубкы и почалы докладаты. Одна барышнёю мене звелычала, друга панночкою, третя попивною, четверта поссесоршою... Байдуже! А Гарасымъ и соби туды жъ, думавъ дошкулты. Було бъ тоди зачипаты, якъ ты мени подобався, а теперь байдуже мени про тебе. Осъ тилько зачепы, такъ и плюну въ вичы!

М. Л. Кропивницкій.

Я В А III.

Вустя и Марына.

Марына *(вбига)*. Слава Тоби Господеви Мылосердному, злышылася! Завтра пиду у церкву, прыпаду на вколюшкы, всю душеньку мою змыю слизонькамы.

Вустя. Зъ якихъ радощивъ?

Марына. Женыха своего злышылася.

Вустя. Лаврина? Що жъ винъ померъ?

Марына. Жывисонькый!

Вустя. Добре злышылася, що подавала за него рушныкы!

Марына. Ще бъ не подавала, колы батько й маты прыслувалы: „або давай рушныкы, або геть зъ хаты на вси чотыри витры!“ Мусыла подаваты. А ты що бъ на моимъ мисыци зробыла?

Вустя. А я почимъ знаю?

Марына. То-то жъ бо й е! А де жъ Зинько?

Вустя. У комори недужый лежить.

Марына *(зъ крыкомъ)*. Ой леле! Голубчынку мій сызоперый, лебедыку!.. *(Хутко йде до дверей, на зустричъ Зинько).*

Я В А IV.

Ти жъ и Зинько.

Зинько *(блудный, запалы очи)*. Подратуваты прыйшла, ще не вдовольнылася?

Марына. Не гнивайся! Одійды, Вусте. *(Вустя йде до вишка).*

Зинько. Взять тебе за ноги та головою объ причилокъ!..

Марына. Выслухай мене, мій лебедоньку! Батько-маты прысыкалыся: „давай рушныкы, або жъ на вси чотыри витры!“

Зинько. А ты й подавала?

Марына. А вже жъ.

Зинько. Водай тебе болячка давала! *(Хоче йты зъ хаты, Марына хапа его за руку).*

Марына. Бо думала: не переможу батька-матирь, може переможу Лаврина? Перехрестылася та й подавала на отчай!

Зинько. Ну, що ты мене держышъ за руку, пусты!

Марына (*держе*). Ото й почавъ ходыты до мене Лавринъ що-вечера.

Зинько. Бодай ёму ноги покорчыло!..

Марына. Якъ винъ у комирчыну, я заразъ у слёзы. Цилисеньку ничъ выплачу и слова до нёго не промовлю. А вчора прыйшовъ, я — пуць ёму въ ноги: и сякый и такый, и довичнё за тебе Бога молитыму, видкаснысь видъ мене, бо загыну! Винъ мовчавъ-мовчавъ, а дали пиднявъ мене за плечи, посадовывъ поручъ та й каже: „Не до пары мы одно другому — бачу! Завьяжу тобі свить и соби завдамъ жало. Знаю, кого кохаешъ, переконався...“

Зинько (*хутко*). Ну?

Марына. А оце тужъ-тужъ ёго батько вернувъ рушныкы и хлибъ-силь.

Зинько (*радисно*). Та невже?

Марына. Ей Богу!

Зинько (*об'йма їй*). Ахъ ты жъ идолка!..

Вустя (*биля вилна*). Осьдечкы й батько прыйхалы!

Зинько. Та невже? (*Вси хутко выходять*).

Я В А У.

Варьна, Демко, Вустя и Зинько, а потимъ мали диты.

Варька (*вбига вз хату, хапае зз польщи хлибъ и стае на порози*).

Демко (*пры часахъ, зз ланцюжкомъ черезъ шыю и вз городськй одежи*). Здрастуй, Варвара Назаровно! Здрастуй, супруго моя любезная и верная! Чы признаешъ? (*Цилуетця*). А вы, дятвора, пидходьте по черзи. Не разомъ, не разомъ...

Зинько. Здрастуйте, тату.

Демко. Доки що, кажы вже хочъ и тату, а якъ трохы образую тебе, тоди казатынешъ: папапа! Цилуй спершу въ руку, а потимъ у губы (*цилуетсяя*).

Вустя. И мени такъ?

Демко. А вже жъ. Такой порадокъ у людей образованныхъ. (*Цилуетця зз усима*). Я васъ хутко образую, бо бачывъ усякы образования своими очыма. Отъ дывтыця на мене, хйба я такымъ видциля пойхавъ? Образование це штука немедлена.

Вустя. Тату, а де жъ Панасть?

Демко. Зоставывъ за малчка прылавци у того купця, де покйни братъ, Андрй Васылёвичъ, прыкащывувалы; стрывайте, чы заводывъ я часы? (*Выйма часы и ключыкы*).

Варька. Що воно таке?

Демко. Часы. Отъ настановляй вухо (*пидставля їй часы до уха*). Ну, чуетъ?

Варька. Щось дзенька и цыка!

Вустя. А ну й я, тату, послушаю. (*Демко дае їй слухаты*). Пхи, чудася! Дзень-дзень!

Демко. То-то, що дзень-дзень! По оцй выдумци сонце ходе. У яку добу закортило, глянь на ней и знаешъ, чы вже обидня пора, чы вечерня...

Зинько. Я бачывъ у якономического машинного таки, винъ давъ за ныхъ симъ рублей. Тилько ти били, а ци жовти.

Демко. Бо це золоти.

Вси. Невже золоти?

Демко. Вони зз оцымъ ланцюжкомъ коштують бильшъ, якъ сто карбованьцивъ..

Вси. Сто карбованьцивъ?!

Демко. Це покйного брата, Андрйя Васылёвича, царство имъ небесне.

Варька. Вичный покй ёго душецци!

Зинько. Машыныстый гляне на ныхъ и заразъ свыстокъ дае...

Демко. А на, Варько, ключыка та заведы.

Варька. Я не вмію!

Демко. Отъ бачышъ. Стало бытъ, треба тебе ще образовуваты.

Варька. Та вже образувуй.

Демко. Охъ, буде мени морокы зъ вамы, бачу вже, що буде! Ось якъ вони заводютця. (*Почына заводити*). Эге, вони вже заведени! А якъ не заведени, то якъ крутнешъ ключыкомъ, то тамъ у середини заразъ шось и дырчыть!

Зинько. А якый теперъ часъ, чы буде вже двадцять пятый?

Демко (*дывляцця*). Отъ, ніякъ ще не завчу: чы оця стрилка показуе часъ, чы оця? Якъ що оця, такъ теперъ, мабутъ, буде часъ одинадцятый; а якъ оця, такъ четвертый. Одначе забалакався зъ вамы та й забувъ про хуру. Треба жъ коняку выпрягты та позносыты усе зъ воза.

Варька. Хиба жъ то наша коняка?

Демко. А то жъ чья? Купывъ у городи.

Зинько. Ловка коняка, ще краща, якъ у Конаша.

Вустя. Ходимте, мамо, та позносимъ все.

Демко. Стривайте! Вы ще тамъ щонебудь поламаете. Ось якый порадокъ зробимо: Зинько нехай коняку выпряга, маты буде установляты, а я зъ Вустею зносытиму. А вы, дрибнота, геть зъ хаты! (*Пишовъ*).

Варька (*сама*). Дивлюсь на свого чоловіка и не надывуюся: зовсимъ не наче не Демко, а якый підпанокъ, або купецъ! Якъ оглянуса навкруги себо, то мени ажъ нібы ніяково зъ нимъ поручъ и систы.

Я В А VI.

Демко и Вустя несуть дыванъ.

Демко. Потыхеньку, потыхеньку, щобъ не зачепыты за одвирокъ; становы отуть

его по середини. Це зветця одыванъ (*ставляють*).

Вустя. Я бачыла у посесоривъ таке сидало, якъ ходыла поденно мазаты горныци.

Демко (*сидз на дыванъ*). Садовысь, Варько, и ты, Вусте, садовысь. Це не на чуже сидаете, а на свое,—прывчайтесъ, бо це штука немедлена.

Варька (*сила*). Ачъ, вгынаетця.

Вустя (*сила и гецае*). Неначе на гойдальци.

Демко. Ну, ходимъ, Вусте, за другмы диламы (*пишлы*).

Варька. Добре панамъ, що вони разъ-у-разъ сыдять на такому мянкому та йидять пундымы.

Я В А VII.

Демко (*несе кресло и круглый столыкъ*). А теперъ, Варько, сядь на оце и обипрысь руками на оци бильця (*ставляе кресло и столыкъ*).

Варька (*сида*). Якъ ловко! А столычекъ якый, ноначе коржыкъ.

Вустя (*вносытъ два стула*). Тату, на вищо отуть, де сидаты, та все дичокы? (*Ставляе стула*).

Демко. Це майстеръ такъ прымадыкувавъ; а за для чого, то вже и я не розберу. Е таки майстери, що вони на всяки выгадки (*пишовъ зъ Вустею*).

Варька. Оце жъ у свахы Конашыны ажъ зубы скрыптитымутъ видъ заздрысты. На вищо цей столычокъ, що на ёму можна роботы? Хиба закрышку у борщъ кршыты, бильшъ винъ не до чого. И по-выдумують же!

Я В А VIII.

Демко и Вустя вносытъ скрыню.

Демко. А це скрыня братова, зъ одежою (*ставлятъ підъ стину*). А ось

усяки лікарствія, що братъ гоилыся, и мази усяки (*выймае скількы пляшечокъ и баночокъ и ставляе на мысныку. Пишовъ зъ Вустею*).

Варька. Отъ до речи и лікарствія привизъ (*роздывляетьця*). Треба буде Зинькови даты. Ось у цій пляшечци багато, якась жовтенька водичка. Може це зъ Почаива або зъ Печеръ?

Я В А ІХ.

Демко (*вноситьъ две лампы*). Оцю лампію на цей столыкъ, а цю можна й на мыснѣкъ постановыты. Згодомъ купымо и другого столыка (*ставляе ще пляшечкы на мысныкъ*).

Варька. Бачъ, до чого цей столыкъ!

Вустя (*несе мидни пидсвичныкы*).

Мамо, дывытьця, яки цяцьковани пидсвичныкы! (*показуе Варьци*). Колы бъ вы бачылы, мамо, що людей поналазило у двирь, та дитворы, ажъ тыны вгнаныця! (*Зъ надвору люде тыскнутця у вишна*).

Зинько (*зноситьъ ящыкъ*). А тутъ що таке?

Демко. Усяка посуда: стаканы, тарилкы, чашочки. Всяка тамъ немедлена провизія (*пишовъ*).

Зинько. Тамъ ще ящыкы вь сыла (*пишовъ*).

Вустя. Спытайте, мамочко, татка, чы воны прыезлы мени подмастона та ботыкы?

Варька. Тадже жъ побачымо: якъ привизъ, то й видасть. А свахы Конашыкы межъ людмы нема?

Вустя. Ни, ще нема (*пишла*).

Демко. (*зъ самоваромъ*). А оце тоби, жинко, самуваръ, зъ котрого паны та купци пьютъ солодку юшку. Я тоби покажу, якъ его настановляють—штука! А знаешъ, якъ та юшка зветця, що зъ оціи штуку пьютъ?

Зинько (*вноситьъ ящыкы*). Чай!

Демко. А ты жъ почымъ знаешъ?

Зинько. Колысь возывъ до станового пакота, такъ становый звельвъ даты мени ажъ два стаканы чаю: таке солодке та гаряче, тилькы шо найдуду ніякого.

Демко. Бачу, що ты вже трохы и образованый. А настановлять самуваря вміешъ?

Зинько. Роздывлюсь, то й доберу способу (*пишовъ*).

Вустя (*вноситьъ вузолъ, зъ котрого выпада лымонъ*). А це що таке: яблуко, чы груша?

Демко. Палцынъ.

Вустя (*пидійма*). Его можна йсты?

Демко. Можна. Визьмы и соби, Варько. (*Бере Варька зъ вузла лымонъ*).

Я В А Х.

Ти жъ и Конашъ зъ Конашыкою.

Конашъ. Зъ прыйвдомъ, сватокъ, поздоровляемъ!

Демко. Та що зъ того?

Конашъ. Значыть, слава Богу, що все благополучно.

Демко. А дали що?

Конашъ. Позвольте за ручку почоломкатыся (*простяга руку*).

Демко. На вищо?

Конашъ. Чудной чалазъ!

Конашыка (*входыть*). Здрастуйте, свате, здрастуйте, свахо! (*Иде до Варькы цилуватыся*).

Варька (*одвертаетьця*). Вымыйте першъ губы! (*Конашыка здывувалася*).

Конашъ. Вы якъ же це зъ нами?

Демко. Якъ хочу, такъ и повожуюся. А хто мене може повчаты?

Конашыка. Я прынесла вамъ, свахо, чотыри повисма прядыва, що позычала.

Варька. На бисового батька теперъ воно мени?

Конашъ. Я, Дементій, принисъ вамъ довжокъ: рубъ двадцять чотыри копійкы.

Демко. Дарую вамъ!

Конашыха. Хороше жъ вы насъ витаєте!

Конашъ. Одначе гниватысь на свата не стоять. *(Сидает на скрыню)*. Сидай, жинко! *(Конашыха сида поручъ)*.

Демко. Здрастуйте вамъ! Вы чого жъ це розсылыся? Я васъ прохавъ садовытця, чы жона моя?

Конашъ. А ловка скрыня! Чуешъ, жинко, якъ свать отакъ и дали дуритымыть, то хутко процъвындраць братове добро, тоди мы купымо у нихъ оцю скрыньку.

Демко. Не диджете! Чого вы розсылыся? Я васъ пытаю, чы кого? *(Конашии мовчатъ)*. Це що жъ за порадкы?

Конашъ. Бундючтесь, свате, пышайтесь, а мы подывымся. А ну, покажить ще якый хвокусь?

Демко. Це, це... Та що жъ це таке?

Конашъ *(до Вусты та до Варькы)*. А вы чого зъ лимонами держытесъ?

Демко. Яки алымоны, то палцыны!

Конашъ. Я може сколько сотенъ, у Турціи какъ булъ, перейивъ апылцынивъ, такъ мени не знать? Це лимоны.

Демко. Та що винъ мени бакы забыва? Я самъ ихъ у городи купывъ у лавци, ажъ два десяткы купывъ. Я бильшь десятка ихъ зъивъ у Кыёви, у купывъ.

Конашъ. Може у купывъ вы и апалцыны йлы, а це тошно што лимоны.

Демко. Не вирь, Варько. Облупы лупиння та й йижъ! Йижъ и ты, Вусте!

Варька *(куштуе)*. Ой, яке кысле.

Вустя. Ажъ губы стягуе!

Демко *(дражнитъ)*. „Губы стягуе!“ Що то якъ воно не образоване. Дай мени, я зъимъ. *(Варька и Вустя видаютъ ему, винъ почына йсты)*. Справди неначе не палцыны!

Конашъ *(регоче)*. Годуйтеся, свате, на здоровьячко!

Демко. Це, стало бытъ, мене лавушныкъ облурывъ?

Вустя. Пиду, рота выполошу! *(Пишла)*.

Конашъ. Чого жъ облурывъ? теперъ будете чай пыть зъ лимонами. Позычте й намъ зъ пивъ десятка?

Я В А Х I.

Ти жъ и Вареныкъ.

Вареныкъ. Вторычно мое поштение!

Демко. Знаешъ, куды иды зъ своимъ поштениемъ?

Вареныкъ. Смихотворъ вы, Дементій Васылёвычъ! *(Сидает)*.

Демко. Я якый е, такымъ и буду, а ты... Це й ты сивъ? Та ты хто такый, якый на тоби чынтъ? *(Показуе на Конаша)*. То хочъ ундерхвыцерь, винъ на войны стражався, а ты хто?

Вареныкъ. А я хйба мало стражався зъ вами та поучавъ васъ, щобъ якъ найкраще? Що жъ вы теперъ такъ вже дуже соблюдаете свою гордость проты мене?

Демко. Вы вси мене малы колысь за дурня, такъ теперъ вже те минулося, пролетило, гень-гень, видцила ёго й не выдко вже. Розуміете: минулося!

Конашъ. Лыбонъ саме прыступае?

Демко. Га? що ты ундерхцерь, а ты пынцарь, такъ це мени мае буты прыятнысть зъ вами? Ни которои! А ни собъ, а ни цабе! Идить геть зъ хаты! Я заразъ ляжу спочываты, бо уси образовани люде, якъ прыидуть до дому, заразъ лягають спочываты. Та чы мени васъ коцюбою, чы макогономъ гнаты?

Конашъ. Ну, жинко, и справди вже мы нагостювалыся у свата, пора й до-дому.

Вареныкъ. И я могу, по дружеству, зробыты Дементію Васылевычу усяку пошанобу. До свиданія *(пишовъ)*.

Демко. Хочъ и не треба? *(до Конашивъ)*. А вы жъ чого мнетесь?

Конашъ. Позычте полъ десятка лымоновъ.

Демко. А ни одного! *(До виконз)*. Чого у викна лизето?

Конашъ. Що то у васъ за ланцюжокъ на шни?

Демко. Не ваше дило! Жинко, дай мени сюды подушку, тутъ и спатыму, наплювать мени на такихъ гостей. Стривай, чы завивъ я часы?

Конашъ. Показитъ часы!

Демко. Ты бѣ то й тямышь? *(Заводыть)*. Ни, заведени. *(Варька дае подушку, винз ляга)*.

Конашъ. Показитъ же.

Демко. Ну—на, дывысь *(показуе часы)*. И що винъ въ ныхъ розбере?

Конашъ. Хочъ анкоръ, хочъ цилиндръ на дванадцять каменивъ.

Демко. Що то вже ненавыжу, якъ воно почне базикаты! Идитъ соби зъ хаты, бо сѣгодня вже ни якои розмовы зъ вами не буде, та й на частування не сподивайтеся. Варько, повыгонь мухъ, щобъ не кусалы. *(Лизз и повернувся спыною)*. Та позатулай викна.

Варька *(почына ганяты мухы)*. Що за уйдливый народъ.

Конашъ. Я жалавъ зъ вами, щобъ дружбу, потому по сусидству и якъ сроднымы; а какъ вы мордяку видвергасте, такъ я вамъ скажу, что не стоитъ зъ такимъ чмырякою и розговори плодыты. Самашедчой чалаэкъ!.. *(Пишлы)*.

Демко. Мелы языкомъ, а я вже сплю.

Варька. Хочъ бы и по викъ васъ не бачыты.

Демко. Ичъ, свынота необразована!

Я В А XII.

Ти жъ и Вареныкъ.

Вареныкъ. Це правда, що вже Конашъ, якъ до кого прычепытця!..

Демко *(повернувся)*. Жинко, жены Овсїя въ потылицю!..

Вареныкъ. Ха-ха-ха! Смихотворъ! Спочывайте, спочывайте, я вже сокрылся *(пишовз)*.

Демко. Чысте наказанїе! Варько, запры хату й сины *(заплющывз очи)*.

Я В А XIII.

Ти жъ и Вустя.

Вустя *(тыхо зв синей)*. Мамо, снытайте татка, чы привезлы мени подмастона та ботыкы?

Демко. Привизъ: ботыкы, пальтусака и пальчаткы.

Вустя *(сплеснула рукамы)*. Невжѣ? Побижу, похвастаю передъ дивчатамы! *(Побигла)*.

Демко *(помовчавз)*. Отъ заплущывъ очи, и такъ увесъ Кмѣвъ и выпрыщыло мени передъ очыма.

Варька. Велькый городъ?

Демко. Несходымый! А Днипро, брать ты мой!.. А мисть? мисть, такъ то прямо: штука немедлена! *(Засына)*.

(Зависа).

Д І Я III.

Та жъ хата. Мебель розставлена по де-куды; посуда проста перемишана зъ дорогою; на одномъ викни сытцева зависа, на другомъ кумачева; по стинахъ всякы картыны; пичъ застелена кылымомъ била кровати тежъ кылымъ зъ левомъ, або жъ зъ конемъ.

Я В А I.

Вустя *(сидлычы передъ дзеркальцемъ, чепурытця и спыва)*:

Калына-малына,

Я розовый цвѣтъ,

Быль у мене ципа-мама,

А теперъ и нѣтъ.

Черное платье,
Бѣлый воротничъ,
Ходивъ ко мнѣ ципа-мама,
А теперь отвыкъ.
Черное платье,
Бѣлая конва,
Былъ у мене ципа-мама,
А теперь нема.
Звонкая походка,
Серенькій картузъ,
Бритая головка,
Бубновенькій тузъ.
Любила я, любила я,
А онъ падлецъ утѣкъ...

Я В А II.

Вустя и Зинько.

Зинько (*входе*). Куды це ты зновъ
вырядылася?

Вустя. Туда, куда мнѣ завгодно.

Зинько. Чы не до прыкащыквивъ зновъ?

Вустя. Можыть бытъ.

Зинько. Скажена.

Вустя. Ни можыть бытъ.

Зинько. Тьфу!

Вустя. Ахъ, скажите ради Бога! (*Пиш-
шла регочучы*).

Зинько (*махнувши рукою*). Розгар-
дѣяшъ пишовъ у нашій семьи, куды не
глянь — всепишло навыворить! (*Пишовъ*).

Я В А III.

Демко и Варька.

Демко (*Йистъ солоный огирокъ,
входячы зз боковой двери*). Оце саме
але-на похмилля!

Варька (*Йистъ канцвѣта*). Може
внести ще й сиривцю?

Демко. Ни, не треба, огирокъ краще
(*дывытця на Варьку*). И колы ты найи-
сыся отыхъ ласощивъ? Якъ на мене, то
хочъ бы й повиекъ ихъ не було...

Варька. А я тилько бѣ и йла солодке.

Демко. Йисы и такъ видъ ранку й
до вечера! Вже й диты вдоволнылыся,
не дуже ласуютця; зъ початку онъ якъ
булы навынулыся, неначе сарана.

Варька. Тоби жаль, чы якъ?

Демко. Та я не про те... А що,
чому жъ мени байдуже до солодкого: чы
така натура у мене, чы гостецъ не прыйма?..

Варька. А я черезъ що йимъ кан-
феты, отъ вгадай? Та зъ роду вику не
вгадаешъ! Не думай, що въ тебе жинка
така вже дурна, що ажъ выхыляеця! А
ну вгадай?

Демко. Що жъ тамъ я вгадувати?

Варька. Та не вгадаешъ...

Демко. Кажы вже, що тамъ, не мо-
рочъ головы.

Варька. У недилю була я въ церкви.

Демко. Та була жъ. Не то що люде,
а й тытарь здывувався, що выперлася
на самъ передъ, мало ставныквивъ не по-
перевертала!

Варька. Тыслася туды, ажъ де пани
стоятъ: поссесорша, полковныця, попивны
и всяки дворяне... Насылу протыслася!..
Сваха Конашыха такы нарочыто не пу-
скала мене; своими вухамы чула, якъ
вона шепнула Мокрыни та Лыкери: „не
пускайте на передъ оти барыни-суда-
рыни.“ А я такы протыслася!

Демко. Чого?

Варька. Бо докы стояла поручъ зъ
простымъ народомъ, то нибы що ажъ
штвхало мене до панивъ!

Демко. Та якъ розмиркуваты доладу,
то тоби теперь нѣяково стояты зъ муж-
вою поручъ.

Варька. И тоби такъ здаеця? Отакъ же
точнисенько и мени. Отъ, вдывляюся я
въ тебе и нибы бачу проты себе не Демка,
а якогось прыкащыка, або купця!

Демко. Бо образувався...

Варька. А тоби не здаеця, що нибы
и я овсимъ не мужычого роду?

Демко. Та положимъ, що бувають усяки покоління и усяки предмети. У мене въ голови теперъ плантъ такой склався, щобъ швидче у купци, розумієть? Не знаю тилько, за яку бь коммерцію взятись? И грамоту треба знати. хочъ трохи, а треба. Безъ грамоты ни собъ ни цабе! Коммерція це штука немедлена. Овсій Харытоновичъ трохи вже навчывъ мене, але ще мало, самъ бачу, що мало. Ну, беда, якъ хочетця у купци!..

Варька. Першь я боялася, щобъ Овсій тебе не обдурывъ, дуже винъ биля тебе захожувався; а теперъ бачу, що винъ и справди надто щирый до насъ.

Демко. Я жь тоби и раниць це казавъ, бо я чоловика бачу наскрызъ! Тилько бь мени грамоты навчытьсь, тоди можна й Овсія на бикъ: все такы винъ намъ не купанія!

Варька. Чому?

Демко. Званія на нему мало. Окримъ того, дуже вже волюкый дурень!..

Варька. Учора, якъ гулялы мы у нёго въ беседи.

Демко. Хйба мы вчора у нёго гулялы?

Варька. А въ кого жь?

Я В А І V.

Ти жь и Вареныкъ.

Демко. О, за вовка помовка!

Вареныкъ. Не знаю, якъ вы за нами, а що мы, якъ не бачымо васъ, такъ отъ примеромъ, и сонце ясное свитыть, а намъ пасмурно (*чоломжаютця*).

Демко. Та й я за тобою засумовавъ.

Варька. Тильки-тильки що васъ згадувалы!

Вареныкъ. А по чыихъ же дилахъ я клопочу, якъ не по вашыхъ? Я готовъ уси свои дила на бикъ, щобъ тилько вамъ, Дементій Васылевичъ, догодыты, щобъ вы понятія обь мени держалы—не

таке, якъ люде, а щобъ содержувалы мене на примичаніи своихъ чувтвій...

Демко. Ты бо кажи не такъ мудро.

Вареныкъ. Вы учора наградылы мене великою зневагою. (*Зитхае*). Богъ зь вами!

Демко. Скылько жь я тоби давъ? Невже мало?

Вареныкъ. Спасыби, вдоволнылы!

Демко. Чого жь тоби ще?

Вареныкъ. Кажу жь: спасыби, прывселюдно вдоволнылы!

Демко. Та що ты верзешъ, я ничего не розберу?

Вареныкъ. А хто учора плюнувъ у тварь мени и мойй жинци?

Демко. Та невже?

Вареныкъ. Варварія Назаровна, докладуйте имъ.

Варька. Посоромывся бь хочъ люде! Вони обои Овсій Харытоновичъ и Васылына Хведоровна панькаютця биля тебе, цилують руки, посадовылы на кровать, подушкамы обложылы, а ты...

Демко. Що жь я зробывъ?

Вареныкъ. Плюнулы у глаза,—сперначалу мени, а потимъ и Васылыни.

Демко. Цего не памьятаю!

Вареныкъ. Я душу свою готовъ за васъ, а вы.

Демко. Що жь, я заплачу!

Вареныкъ. А я отъ кажу вамъ, якъ передь Богомъ, що не гниваюсь на васъ и платы ни якои не хочу!

Демко. А я хочу тоби заплатыты. Ну не тоби, такъ твойй жинци!

Вареныкъ. И вона такъ, якъ и я. Не плату намъ треба, а ваше примичаніе.

Демко. Хйба я тебе ще мало примичаю?

Вареныкъ. Ехъ-хе-хе. Пидождемъ—потерпымъ. Що жь, може прывесты?

Демко. Кого?

Вареныкъ. Якъ кого, вже забулы? Вчора жь наказъ мени далы, щобъ я вамъ переминывъ усихъ наймытивъ и наймычокъ...

Варька. А вже жь наказувавъ. Одарка согрублыла тобі, що ты звеливъ їй поцилувати тебе въ руку, а вона видказала: „я наймалася робыты, а не лызаты ваъь руки.“

Варенькь. Такий бувъ видъ вась наказъ.

Демко. Де жь вони?

Варенькь. Тамъ, у мене дома дождаютьця.

Демко. Коли такой наказъ мій бувъ, такъ веды ихъ сюды (*Варенькь хутко пишовъ*). Ого-го, це, мабуть, добре учора свыснулы, що ничего й не памьятаю!

Варька. Невже не памьятаешъ и того, якъ вы у двохъ зъ старшыною ведмедивъ прыставлялы: старшына за цыгана вбрався, а ты за ведмедя?

Демко. Невже? Фю-фю-фю! Онъ яку хуру учора пиднялы. Ще, мабуть, и часы не заведони? (*Выйма и дывытця*). Аже жь, що ни (*заводытъ*). Вже десятый часъ...

Варька. Скоро вже й вечеритыме.

Демко. Ягъ? А обидаты жь коли мы будемъ?

Варька. Я жь тебе будыла, а ты сказавъ, що не хочешъ.

Демко. Сказавъ? И справди мени йижа не йде на думку. Отакъ закурылы!...

Варька. Завтра пиду до церкви, якъ ще не дзвонытумуть, та й стану на самисенькимъ переди, поручъ зъ полековныцею. Який гарный духъ видъ панивъ иде, ну такъ у нись тобі й лизе, ажъ лоскоче у низдряхъ. Завжды вже теперъ стоятыму межъ панямы, що разъ у разъ йидять ласоци та пундыкы, черезъ те й пахъ видъ ныхъ гарный.

Я В А В.

Ти жь и Вустя.

Вустя (*убрана оз платти и оз нытняныхъ перчаткахъ, хутко вбигае*).

Мамо, понюхайте, чымъ у мене пахнуть руки?

Варька (*нюха*). Чебрыкомъ, чы що?

Вустя. Татку, понюхайте!

Демко (*нюха*). Неначе морквою, чы новымъ кожухомъ... Чымсь гарнымъ!...

Вустя. Це мени прыкащыца налыла на руки. Прыбигла за зонтыкомъ, бо мы оце заразы йидемъ зъ прыкащыцею до вечерни. Колюбъ вы, мамо, бачылы, якъ зо мною панькаютця прыкащыкы, Господи! якъ вони мене люблять! Вже мени ажъ скучно зъ вами, побижу мерщій, бо мене тамъ дождаютьця (*пишла*).

Демко. Отъ, чы довго побула у прыкащыкывъ, а вже їй тисно въ нашій хати. А тобі, Варько, наша хата не здаецця тисною?

Варька. Ни!

Демко. А мене вона неваче давытъ. Отъ и заразы такъ и закрутылася передъ очыма. Ачъ, якъ крутытця! Якъ поживъ у Кыёви, у купцивъ у хоромяхъ, такъ теперъ зовсимъ не можу жыты въ тисній хати: давытъ, та все крутытця! Не можу. Якъ запышнымося у купци, куплю великого дома.

Варька. Тилько щобъ бльжче до церкви, беда якъ люблю слухаты, якъ дзвоны дзвонють! Якъ ще була малою, то було на Великдень цилый день высыдю на дзвиницы та все слухаю, якъ дзвонють.

Демко. И водопроводу соби зроблю. Я бачывъ у Кыёви водопроводу... А на Подоли, братъ ты мой, у лева въ роти водопровода, такъ джереломъ вода й хлющытъ, ажъ шумытъ. Ловко прымадыковано. Я тобі, жинко, и тутъ зроблю водопроводу,—чуешъ? Выкопаю въ сняхъ крыницю та й кинець. Водопровода, це ще пuste дяло, а отъ яку бь коммерцію?...

Варька. Бакалію, або пидваль?

Демко. А якъ бы бондарство? Коли въ слободи воно дае дохидъ, такъ тамъ,

братъ ты мой!.. Скільки тамъ купцівъ та панівъ? По одній кадочці кожному зробы, такъ и то онъ скільки!.. Окримъ того тамъ и цина більша. А наприкладъ, якъ звелять зробити бочкы за для салдативъ: на солонину, на огиркы, на капусту?.. Такъ це копыталы!

Варька. Багато у городи війска?

Демко. Сыла! Сказать: сыла! Мени розказувавъ у Кьєви одинъ пужарный. Тамъ били того купця, де я жывъ, такъ и пужарна команда е. У досвита було встану, та, покы купци сплять,— у городахъ бида якъ слыно народъ спыть!— иду до пужарныхъ. Такъ одинъ пужарный розказувавъ, що, каже, якъ переличыть одныхъ онораливъ, що скільки ихъ е по городахъ, такъ буде більшъ, якъ на сотню.

Я В А V I.

Ти жъ и Вареныкъ.

Вареныкъ. Прививъ.

Демко. Багато ихъ?

Вареныкъ. Шестеро.

Демко. А чы не мало? У того купця, що я бувъ, у Кьєви, такъ у него висимнадцять одныхъ наймытивъ: прикащыкы, малчыкы, кучери, лакеи... Правда, мы ще не запысалыся у купци, то покы буде й цыхъ. А якъ же ихъ звать?

Вареныкъ. Якъ наказано: вси пидъ одне именная, щобъменьчъ вамъ було зънымы морокы та клопоту!

Демко. Це бъ то я такый наказъ давъ?

Вареныкъ. Не памьятасте?

Демко. Язъ то не памьятаю? Памьятаю... Тилько чы не глузуватимуть зъ мене люде?

Вареныкъ. Дывуватымутця!

Демко. Якъ що такъ, то й але! Мени тилько бъ людей дывуваты, оте мени тилько й до чмыгы. Ну, кльчъ ихъ.

Вареныкъ (*видчыля двери*). Ну, вы, армя, идить сюды!

Демко (*у бикъ*). Ничогисенько не памьятаю! (*До Вареныка*). А ты жъ не забувъ, на яки именная веливъ я ихъ зваты?

Я В А V I I.

Ти жъ, наймыты и наймычны.

Вареныкъ (*до наймытивъ и наймычокъ*). Якъ я васъ вчывъ, то такъ и робить. (*Наймыты по одынци пидходять до Демка, потимъ до Варькы, цилують у руку и промовляють: „Здрастуйте, дядинько! Здрастуйте, тетинько!“*)

Демко. А якъ же ихъ зваты?

Вареныкъ. Такъ, якъ вы прыказувалы. Дивчата вси—Гапки, а хлопци—Иваны.

Демко (*якъ скинчылы наймыты*). То ось якый порадокъ буде. Станьте вси врьдъ, якъ москали. Отъ ты найвыщый, тебе будемо дражныты: Иванъ довгый; тебе, що нись, якъ у качкы—Иванъ носатый; а тебе, куденькый—Иванъ зносокъ. А дивчаты ось якъ. Найвыщу:—Гапка довготелеса; а тебе, що око пидслипувате:—Гапка пидслипувата; а ты, чого все носомъ шморгаешъ, га?

Наймычка. У мене нежить.

Демко. Тебе дражнытемомъ: Гапка куца. Розуміете?

Наймыты. Розуміемъ.

Демко. Служылы вы по мужыкахъ, такъ тамъ инчи звычай, а у мене служытымете, такъ у мене вже образовани порады! Вставъ у ранци, умывся, помолывся Богови и заразы мене въ ручку и хазайку: „добрыдень!“ Розуміете? Понсидавъ—хазяина и хазайку въ ручку; пообидавъ, те жъ робы... Розуміете? У мужыкывъ теперь сутугы на харчъ, тамъ двичы на день йидять, а у мене йистымете чотыри разы и кожень разъ дякуйте и въ ручку.

Наймытъ довгый. А якъ пятый разъ?

Демко. Ни, пять разивъ не йстымете. Согласныи?

Наймыты. Согласныи.

Демко. Варваріе! Иды, дай имъ поспидаты.

Варька. Яке тамъ: поспидаты? Може пополуноваты?

Демко. Та тамъ що знаешъ. А потимъ усяку роботу. Ну, идить соби (*наймыты пишы*).

Варька (*йдучы*). Колы бъ ты, Дементію, знавъ, якъ вже мени важко й роботу завдаваты (*пишла*).

Демко (*дывытця довго на Варенька*). Ну?

Варенькѣ. Сегодня у старшыны беседа.

Демко. Знаю. А дали?

Варенькѣ. Що?

Демко. Прыдвысь мени въ вичы гарненько, про вищо я думаю?

Варенькѣ. Туманъ, туманъ въ очахъ— не зрозумію!

Демко. Хочу тоби подаруваты сертука братового (*иде до скрынни, выйма старого сертука и дае Варенькови*). Никому не давъ бы, а тоби, на; на, та знай мою добристь! Учора плюнувъ тоби въ тварь, а сегодня вже й наградивъ, розуміешъ?

Варенькѣ (*пада на вколужкы*). Дементій Васылёвичъ! Визьмить мою душу и мое сердце пидъ ваши ногы!

Демко. Що, що таке?!

Варенькѣ. Думавъ я сёгодня, думавъ учора, позавчора и вси дни я думавъ и додумавел, що зъ вашымъ розумомъ не можна такъ! Та дайте мени ваши копыталы, такъ я зъ моимъ малымъ розумомъ усю округу у жменю заберу!

Демко. Встань-бо та кажы толкомъ!

Варенькѣ. (*Встае и хапа его за руку*). Вирыте теперъ, що я вамъ добра бажаю?

Демко. Ну, а якъ не вирю?

Варенькѣ. Позвольте ручку.

Демко. На!

Варенькѣ (*цилуе*). Позвольте и другу (*цилуе*). Визьмить мене у компанію, черезъ десять годъ у насъ буде мылліонъ трыста тысячъ!

Демко. Колы бъ же то? Тилько отъ що, грамоты я не дуже.

Варенькѣ. Вывчу, ей вывчу!

Демко. Скилько кажешъ: мылёнъ скилько тысячъ?

Варенькѣ. Або плюньте мени заразы у тварь и про женить зъ передъ своихъ лонныхъ очей, щобъ николи не смивъ я зъявляться и на порози вашого дому; або жъ скажить: „вирю тоби, Овсію, робы такъ, щобъ обомъ намъ добре було!“

Демко. Це штука немедлена. Вирю тоби, Овсію!

Варенькѣ, Позвольте це разъ обидви ручки (*цилуе*). Робить дило?

Демко. Робы!

Варенькѣ. Щобъ на всю округу?

Демко. На всю округу!

Варенькѣ. Черезъ десять годъ: мылліонъ трыста тысячъ. Тилькы умова, щобъ ни жинка, ни сынъ и ни хто не втручався въ дила.

Демко. Та що вони тямлять? Мы зъ тобою обмиркуемъ це дило, обмиркуемъ; а теперъ пріймаймосъ за грамоту. Де жъ це моя кныга?

Я В А V I I I .

Ти жъ и Гапка.

Гапка. Здрастуйте, будьте здорови— хочъ зъ понедилкомъ, хочъ зъ вивторкомъ.

Варенькѣ. А ты, дивко, й не знаешъ, якый сегодня день?

Гапка. Або понедилокъ, або вивторокъ.

Демко. А чого тоби?

Гапка. Казалы люде, що вы Гапокъ наймаете.

Вареныкъ. Опизнылася.

Гапка. Ни, ще не стемнило.

Демко. А що жь ты робытмешь?

Гапка. Воду носыты, хату пидмитаты, податы, прыняты, розбыты, закынуты—не прызнатця!... Наймиць мене, бо я Гапка!

Вареныкъ. Иды соби зь Богомь!

Демко. Стрывай бо, Овсію. *(До Гапки)*. Ты жь теперь у кого находыся?

Гапка. Ни вь кого.

Демко. А першь де була?

Гапка. По людяхь.

Демко. Чы ты прудко бигаешь?

Гапка. Разь парубкы погналыся, хотили зь мене спидныцю здерты, а я втекла. Гы-гы-гы!...

Демко. Чуешь, Овсію, це штука немедлена! Пры такихь дилахь, якь мы маемо завесты, такь вона буде потрібна мени. Часомь пишовь куды зь дому, и вопа якь хорть слидкомь за мною; на дорози нагадавь я, що треба тамь якусь штуку немедлену, не вертатися жь мени самому? Гапко, наливо кругомь!

Гапка. Я не вмію.

Демко. Мовчы, дуря, не зь тобою говорять! *(до Овсія)*. Оть вона заразь и бижить до дому, виднесла мій приказь и зновь на ливо кругомь!—Догнала мене,—розуміешь? Памьятаешь: писарь розказувавь про телеграфь, такь це на мою думку буде ще краще видь телеграпу.

Вареныкъ. Нехай буде й такь.

Демко. Ты скажы, чы розумно воно буде?

Вареныкъ. Ну й розумь же у вась!

Демко. Справди? А хлиба мого вона не перейисть. У мене свынямь та собакамь выкыдають те, що зостаеця видь обида, то нехай и вона й исть.

Вареныкъ. Нехай.

Демко. Ни, ты скажы, чы розумно воно буде?

Вареныкъ. Я й по виць не выгадавь бы такой штуку.

Демко. Такь у мене же не кавунь на плечахь. *(до Гапки)*. Зоставайся, служытмешь—за харчь та за стару одожу. А зватымомь тебе: дурна Гапка.

Гапка. Не лайтеся, бо я й вась вылаю.

Демко. Чуешь, Овсію! Вона втишна *(регоче)*. Поцилуй же мене вь руку, бо такый порадокъ.

Гапка. Мени соромно.

Демко. Комедна! Иды жь та скажы, щобь дали тоби тамь попойисты *(шука книгу)*.

Гапка. Нехай дадуть булкы зь масломь.

Вареныкъ. А ты хйба йила булку зь масломь?

Гапка. Ни. Батько казалы, що дядько бачыли, якь жыдь йивь.

Демко. Иды вже соби.

Гапка *(пишла и вертаеця)*. А колы жь на выпередкы бигытмешь?

Демко. Описля, иды соби *(Гапка пишла)*. Оце заченывь пеню! та нехай. Де жь моя книга? *(Шука)*.

Я В А І Х.

Ти мь и Зинько.

Зинько *(до Вареныка)*. Ось выйдить, будь ласка, на часынку зь хаты.

Демко. На вищо?

Зинько. Маю, тату, пербалакаты зь вамы—на одынци.

Демко. Балакай пры нему.

Вареныкъ. Зиновій Демонтовичь, я жь у вась, якь свій.

Зинько. Ни! Це таке дило, що треба зь отцемь на одынци.

Демко. Я догадуюся... Выйды, Овсію.

Вареныкъ. Може одійты вь кутокь? Я затулю вуха и...

Зинько. Пожалуста, выйдить. *(Вареныкъ выходыть и потимж пидслуухае билля дверей)*.

Демко. Це ты чы не про Марыну?

Зинько. Про неі...

Демко. Я тоби разъ сказаў, що вона тоби теперъ не пидъ масть, то й годи про це.

Зинько. Вы тоди може въ сердцахъ сказали?

Демко. И тоди сказаў и теперъ те жъ скажу: моя воля, щобъ ты сватаў прыкащывну.

Зинько. Цёго не буде.

Демко. Якъ то не буде, колы мій плантъ такый, щобъ прыкащывна була мени невесткою?

Зинько. Мои воли на те нема.

Демко. Я тебе не пытатыму!

Зинько. Пиць спыта.

Демко. Та ты якъ це зо мною?

Зинько. Такъ, якъ и завжды... А отъ вы, тату, теперъ зо мною не такъ.

Демко. Я видъ свого слова не вид-ступаюсь.

Зинько. И я ни!

Демко. Та ты зо мною на сварку?

Зинько. Бороны мене, Боже! Слова зневажывого вамъ не скажу.

Демко. Та я тебе выжену зъ подвирья!

Зинько. На що жъ выганяти? Колы вже я вамъ такъ спротывывся, то я й самъ пиду.

Демко. Геть зъ очей! Це тебе чы не дядько твій Серёга навчывъ? О, то розумный! Тилько мени теперъ на нёго плювать. Знаешъ ты, де розумъ, знаешъ?— У партманети. Тамъ винъ увесь! Щобъ я бильшъ про Марыну и не чувъ...

Зинько. То не почувете жъ бильшъ и про мене! *(Хутко пишовъ)*.

Демко. Що то якъ воно не образо-ване, то скільки мороки зъ нымъ.

Я В А Х.

Варька, Вареныкъ и Демко.

Варька. Що це зъ Зинькомъ?

Вареныкъ. Одни дураци, заспокойтеся.

Варька. Промовывъ: „прощайте, ма-мо!“ А очи ёму такъ зразу и залылися слёзами.

Демко. Що не кажы, а кремезный парняга, зъ плоха ёго не нахылышъ.

Вареныкъ. Отакый точнисенько зъ замолоду и я бувъ. Кажу, якъ ще бувъ парубкомъ, такъ покійни батько звелилы мени свататы Васылыну, такы теперешню мою жинку; а мени, вирите, гыдко було на неі й глянуты!—Теперъ вже мы прывыкы одно до другого. Звисно, скільки времяны пройшло, а першъ: а ни на очи!—Тилько и толку, що вона була пры копытали. Я й кажу батькови: утоплюсь! Побигъ у берегъ, зупынывся у вербахъ та й дывлюся: чы бижать батько мене рятуваты? Бачу, що ниhto промоне не турбуетця, навить и батькови ридному байдуже, я й подумавъ: зъ якои речи втоплюсь? На другой день поблагословывся та й до Васылыны за рупныкамы. И отъ, якъ бачыте, и по сей день живемо у согласіи, Бога дякуемо та дитей годуемо. И даже возлюбывъ и свою жону!

Демко. Варько, верны Зинька!

Вареныкъ. Що вы робыте, не попус-кайте вижкы!

Демко. Швода парубка.

Вареныкъ. Якъ вы ёму теперъ зако-рытесъ, то винъ забере собя въ голову, що въ хати старшый винъ, а не вы. Краще згодомъ.

Варька. А що ты думаешъ, Дементію? Овсій Харытоновычъ, лыбонъ, правду кажутъ.

Демко. А пиды, подывысь, що винъ робе? Ничого ёму не кажы, а тилько подывысь. *(Варька пишла)*. Винъ першъ николы, щобъ у поперыкъ мени...

Вареныкъ. А теперъ забравъ собя въ голову. Отъ тутъ верстовъ за двадцять, розказувывъ сегодня мени одынъ прои-зжый,—такъ якый случай?—Жывуть

соби отецъ зъ сыномъ, въ миру хазяи-
нують, и слава скрызъ иде, що хазяины,
значыть, на всю губу. Батько сказавъ
слово сынови, сынъ согрубывъ, батько
вдруге, сынъ ухопывъ дрючка та батька
по плечахъ...—Онъ якый теперь роз-
безсовисный народъ вылуплюютця! И куды
тільки совисть людська подилася?

Демко. Ну, Зинько никола... Бороны,
Боже!

Вареныкъ. А все жъ попускаты дѣ-
тямъ не можна. Отъ у мене навукa: про-
вынывъ хочъ малость—на вколюшки, на
горохъ! Вильше?—На дрибки солы! Ще
бильше?—Батигъ! Отъ я тутъ, а въ мене
тамъ старшенькый сынокъ, и въ лавци
винъ и въ шынку. Ему ще тильки четыр-
надцятый годочокъ, а нехай хто ёго
обдурить, хочъ на копійку, хочъ на
шагъ! Нехай у нёго хто выпросыть на-
биръ, чы въ позыку—не дасть, плака-
тыме передъ нимъ, умиратыме—не дасть;
скорищъ я дамъ, низъ винъ. Я за нимъ,
якъ за своею головою. А якъ малость
провынывъ—батигъ! Нельзя иначе.

Демко. Та звичайно.

Я В А Х І.

Ти жъ и Варька.

Демко. А де винъ?

Варька. Кажуть: подався на гору у
городъ бы то, чы що?

Демко. Ачъ! якый упартый! Де не
блукатыме, а вернотця до дому: не ясла
йдуть до вола, а вилъ до ясель.

Вареныкъ. Верно. Тилько це вже
поганымъ пахне: отецъ ему слово ска-
завъ, а винъ заразы черезъ гору!

Варька. Лыбонь, ты знаешъ ого на-
туру, що ему не дорого и въ ричку
кынутысь.

Демко. А я тоби скажу ось що: хочъ
бы й на гыляку!

Варька. Що ты кажешъ, Дементію?
Демко. Отець я ёму, чы ворогъ? Мы
теперь у такимъ возвышенію, що намъ
треба за выщыхъ чеплятысь, а винъ за-
разъ черезъ гору! Хочъ и на гыляку!
Ачъ якый... (*Помовчавъ*). Одначе, годи
про це, е важници дила. Варваріе, иды
соби куды-небудь, бо мы заразы за гра-
моту приймымосл.

Варька. А може й мени цикаво по-
слухаты, може и я навчуся одного-дру-
гого слова?

Демко. Тоби грамота не потрібна.

Варька. Чому?

Вареныкъ. Безъ никотори надобно-
сты, одынь тилько грихъ!

Варька. А я було, Господы, якъ
люблю слухаты, якъ ще Зинька Юнашъ
вчывъ чытаты. Шкода, що тилько одну
зиму вчывъ.

Демко. Ще мало вчений, а вже су-
проты отцевськой—матерыной воли!

Варька. Тадже жъ ты й старый вже,
а вчылся?

Демко. Мени нема, проты кого йты.
Опритъ того, треба вчытысь для коммерціи.

Варька. Якъ почне було Зинько чы-
таты, то я слухаю—слухаю, а дѣи за-
дримаю, и почне мени вчуватыся, що нибы
то котыкъ мурлыка пидъ самисенькымъ
вухомъ. Я, Господы, язь люблю, щобъ
котыкъ мени мурлыкавъ.

Вареныкъ. Жиньци навукa одна: слу-
хаты мужа и покирствуваты ёму. А гра-
мота, одынь тилько грихъ! Адаже чулы,
отутъ верстовъ за пятнадцять случай?
У одного панка була дочка и така жъ
то упадыва до чытання, що й сказати!
Сваталы ии усяки гарни женыхы и ба-
гати. Напрыкладъ, сватавъ одынь ку-
пець, винъ уже сказати въ литахъ и
удивецъ, ну тилько показный зъ себе,
такый показный, що наврядъ чы й влизъ
бы у ваши двери. А копыталу въ нёго:
мылліонъ трыста тысячь! Що жъ вы ска-

жете? Не пишла! Ото жъ якъ начыта-лася вона про всяки моря-окияны и чужи земли, заразы до отца: „дайте денегъ, пойду у Парыжъ, або ще й дали, всякой навуки довачысь!“ Шутки сказать? Значыть, дуристь ий увійшла вже и въ голову, и въ корпусъ и скрызъ... Ну, отецъ, певно, не помитывъ, що у неи въ голови пишло на выворить. Я бѣ ий заразы: на горохъ! На дрибки соли! У мене зразу очумалася бѣ. А винъ ий тилько сказавъ: „дурищи, не дамъ ни копійки!“ Вона выйшла зъ горныць, выняла зъ кешени алирверъ, такый подсто-летъ маненькый, та бабахъ себе у сами-сенъке сердце!.. Такъ онъ до чого бабу кныжка доводыть.

Демко. Бабыча голова, конешне, не до кныжки, а до печи. Ажъ осьдечкы кныга! (*Бере зъ запичка кныгу и сида за стилъ*). А ну, почнемо. Чы може спочатку выпьемо по чарци рому?

Вареныкъ. А вамъ якъ у нутрен-ностяхъ?

Демко. Та такъ нибы просе.

Вареныкъ. А ежели просе, такъ тре-ба й дати.

Демко. Варваріе! Подай тамъ ту пляшку, що чорный билетыкъ налипленый. (*Варька пишла въ комиръчыну, а Демко почына чытаты*): бра, вра, гра, дра, жра.

Варька (*гука зъ комиръчыны*). Тутъ у цій пляшци нема вже й каплыночки.

Демко. Якъ то нема? Може ты не ту пляшку намацала? (*Чыта*): зра, кра, дра...

Варька. Тутъ вси пляшкы вже но-рожни...

Демко. Це вже брехня! (*Иде въ комиру*).

Вареныкъ (*самъ*). Цвындырьт Демко гроши, ажъ душа болыть! И хто тилько нымъ не корыстуетця? Старшына, старо-ста, волостный писарь! А Конашь, такъ

той зъ усихъ бокивъ заходе коло нѣго, якъ чортъ била гришныка. И за вищо вони нымъ корыстуютця? Демко плюе мени въ тварь, а други зъ нѣго пирья скубуть; черезъ що жъ други, а не я одынъ? Я постеригъ, що винъ почавъ за жинкою моею впадаты... здалось це мени, чы навспряжкы? Хочъ винъ плюнувъ и ий въ морду, але пилса того все до неи пидсовувався. Нибы бѣ то ненарокомъ то ущипне, то обійме, то поцилуе. А я все удаю такъ, нибы ничего того не бачу. Баба, це найкраща вудочка, зъ котрой вже короупъ не зирветця... А жинци я сказавъ, що на те ось якъ дывлюся, крызъ пальци, абы бѣ дило це було ко-рыстне. Не первына намъ зъ нею ци дила роботы.

Демко (*выносыть пляшку зъ ро-момъ*). Брате, Овсію, пора вже намъ у городъ йихаты за провзыією, — це вже остання пляшка. (*Налыва*). Доброго здо-ровьячка. (*Вытывъ и частуе Варены-ка*). Добро!

Вареныкъ (*вытывъ*). Ловкый ромокъ! Почымъ пляшка?

Демко. Рубъ пятьдесятъ! Варю, жинко моя любая, вышый зъ нами (*частуе*).

Варька (*вытыла*). Цѣго напытку я не дуже вхвалыла; — а онъ те, якъ бо ёго, що шыпыть?

Демко. Донське?

Варька. Эге жъ, ото саме таке, що я прыстала бѣ ёго пыты хочъ и що-дня.

Демко. Якъ пойду за провзыією, то привезу тобі и донського. Ну, приймай-мося за науку (*чытае*). Бре, вре, гре, дре...

Я В А XII.

Ти жъ и волостный писарь.

Волостный писарь (*идѣ чаркою*). Науки юношей питають, отраду старцамъ подають!.. Што жъ вы, господа, сыдыте

дома, разви не знаете, де вамъ слидъ сёгодня буты?

Вареныкъ. Мы собиралися до господына старшыны.

Демко. Хотили трохи повчытысь.

Волостный писарь. Хоча й сказано, що „ученье-свѣтъ, а не ученье-тьма,“ но разсуждають еще и такъ: вѣкъ вчусь, а дурномъ помрешъ! А по этому: я ничому не вчусь, ничего не читаю, а тилько шytaю. Сто рубливъ въ годъ: восьмь рубливъ трыдцять тры копійкы въ мѣсяцъ! А у мене тры сына и чотыри дочкы. Отъ я й думаю: почему у мене тры сына и чотыри дочкы, а жалуванья — сто рубливъ въ годъ? Думаючы такъ, иду я вулицею и взираю через тынъ, положымъ, до Грыцька. Выжу я, що у Грыцьковимъ подвирьи ходять: куры, гындыкы, гусы и всяка жывность. Отъ я й шytaю курей: двадцять тры! Двадцять тры? Нехай бы двадцять; а на що жъ ще й тры? Почынаю я хвылософствовать и выжу ясно, що эти тры курыцы мои! Понимаете? Теперъ выжу я, що у васъ въ хати тры мидныхъ пидсвишныка. Хвылософствую я: на вищо жъ тры? Адже жъ тры свичкы разомъ не можна свитыты?—чый же той третій пидсвишныкъ? Хвылософія моя шопче мене: — „твій!“ А якъ виць мій, то я ёго й беру. *(Бере пидсвишныкъ у кешеню).*

Демко. Га? Варваріе! Це що жъ таке?

Волостный писарь. Овсію, маю я право взяти пидсвишныка, чы не маю? Ежели я не маю права взяти цёго пидсвишныка, то ты хйба маешъ право давати горилку пидъ закладъ?

Вареныкъ. Позвольте... потому що у мене совість у мойй души...

Волостный писарь. И въ мене вона тамъ же. А законъ що гласыть? А вы, Дементій Васылёвичъ, лыбонъ гнивается, що я взявъ пидсвишныка?

Демко. Не то що, а якоесь воно...

Волостный писарь. А который иже мѣсяцъ у васъ пашпортъ простроченный? А чы не вгодно вамъ прогулятыся етапнымъ порядкомъ верстовъ за двести?

Демко *(злякався)*. Та я жъ ничего...

Волостный писарь. Краще жъ жытымемъ у миру та въ согласіи. Примеромъ. У Овсія Харытоновича за ёго хвукусы давно треба бъ виднаты шынкъ — скажу слово, и Овсій Харытоновичъ въ трубу! Одначе жъ я не доношу на него обществу, — не черезъ те, щобъ виць мене бувъ другомъ, чы до вподобы, а що й другой на ёго мѣсяцъ буде такымъ же котолупомъ, якъ ще й не гирынымъ!

Вареныкъ. Коло такого дила иначе невозможно. Якъ я ихъ не пожалію, такъ хто жъ ихъ пожаліе?

Волостный писарь. Ну, ну, пожалуста, не замазуйте очей! Отъ и вы, Дементій Васылёвичъ. Вдаето вы зъ себе розумного и образованого, а Овсій валяе передъ вами дурака.

Вареныкъ *(хутко частуе его)*. Чудова штука!

Волостный писарь *(чыта ярлыка на пляшци)*. „Ромъ Ямайскый.“ А, можна! *(пѣе)*. Такъ отъ я й кажу...

Вареныкъ *(налива)*. Выкушайте ще...

Волостный писарь. Не вредно! *(выпива)*. Овсій валяе...

Вареныкъ. Дементій Васылёвичъ, почаствуйте жъ ще й вы.

Волостный писарь. Такъ отъ я й кажу...

Демко *(частуе)*. Мылосты прошю.

Волостный писарь. Передъ джонкою, пожалуй, пользытельно *(выпива)*. Такъ я й кажу: Овсію Харытоновичу, свалыть дурака...

Вареныкъ. А до Варвары жъ Назаровны треба ще поздоровкатыся?

Волостный писарь. Наливай! *(выпива)*. Овсію, думаешъ: не понимаю мuzzyкы? Печать на уста положымъ. А тилько

скажу: у насъ дуракъ та мошенникъ— на голо! А по середини никого нема, одишь тилько я... А у мене три сына и чотыри дочки, а жалуванья: восьмиъ рублей трыдцять три копійки въ мисяць... Эхъ! давай, выпьемъ! (*Частуютьця*). Не стоить толковать... зъ кымъ толковать? Ходимъ швидчъ, вже джонка зварылася... То я прыдумавъ джонку: голова сахару, видро горилки и десятокъ стрюковатого перцю!

Варвникъ. Ходимте и справди мерщій?

Демко. Варваріе, одягайся худчій. Я ще никола не пывъ жонкы (*одягаютьця*).

Волостный писарь (*обійма Варвника и Демка*). Эхъ, друзи мои! (*до Демка*). Ты дуракъ! (*до Варвника*). Ты мошенникъ!.. А я, получаю восьмиъ рублей трыдцять три копійки въ мисяць, должовъ хвылософствовати! А вамъ, Варвара Назаровна, тилько бъ солоденького? Уважаю! Потому всимъ солодко, а у мене: три сына, чотыри дочки, а жалуванье!.. (*Спива и йде*):

Вотъ мчтыця тройка удалая...

(Зависа).

Д І Я І V.

Двиръ Демкивъ: хата трохи полагожена и обмазана, тилько у подвирьн все пороскыдано, або въ кучу звалено.

Я В А І.

Серёга (*иде зз воритъ до викна зз заступомъ на плечи*). Такъ и выдко сразу, що тутъ жыуть люде хазяинувати та працёвыти. Ачъ якый гармыдёръ у подвирьн. (*Пидходе до викна*). А выйды сюды, Варваро!

Я В А І I.

Варька и Серёга.

Варька. Здрастуйте, братику! Насылу васъ Господь прынясь. У однимъ сели жыємо, а й очей до насъ не навертаете?

Серёга. Якъ вы зъ нами не дуже, то й мы за вами байдуже. Ты, сестро, теперь у таке званіе зализла, що може вже тоби ніяково и балакаты зо мною?

Варька. Ото, де жъ такы? Ходимте у хату.

Серёга. Я не въ гости прыйшовъ, а по дилу; на хвыльну видъ роботы одирвался.

Варька. Та все жъ годытця зайты въ хату.

Серёга. Не пиду! Слухай, ты ще не зовсимъ задурылася?

Варька (*здывовано*). Вн такъ прыкро балакаете зо мною?

Серёга. Балакаю такъ, якъ слидъ; а не хочешъ слухаты, такъ иды соби геть!

Варька. Та чого це вы такы сердыти?

Серёга. У Демка зовсимъ вже голова повернулася потылицею напередъ: ничего, навить, и пидъ носомъ не бачыть, то може хочъ ты ще добачаешъ? Отъ вже правду кажуть: хочешъ бачыты скаженого, подаруй дурневи червону шапку. Дай чоловикови зъ розумомъ такы гроши, яки спалы Демкови, такъ той и свою сямью задоволишь бы и сусидямъ допомигъ бы; а отъ Демко такъ и свою сямью розигнавъ...

Варька. Якъ розигнавъ?

Серёга. А де жъ Зинько? Колы вже такого парубка тыхого та роботящего выгнавъ зъ двору, то останни и сами скоро покынуть батькову хату.

Варька. Зинько самъ пишовъ.

Серёга. А якъ же ёму и зоставатыся въ сели, колы куды не обернетця,

скризь на нѣму людськи очи, вси товариши дывлятця на него, якъ на брехуна?

Варька. Теперъ скризь пишло вже такъ, що докы дивка не повинчана, нехай не каже, за кого йде замижъ, щобъ не помилялася.

Серѣга. Скризь бы то брехня запанувала? Видкиля це ты, сестро, набралася такого розуму? Невже сыдячы на дивани та вылежучы боку на пуховыкахъ? Ну, та не въ тимъ сыла, а те, що Зинько вернувся.

Варька. Вернувся? Де жъ винъ?

Серѣга. У мене. Пишовъ въ городъ, хотивъ нанятись, такъ нигде безъ билета не приймають; ну й вернувся. А Демко й доси въ городи?

Варька. И ума не доберу, чого винъ такъ довго барытця?

Серѣга. Тамъ вже биля нѣго Варенькъ ума добирае.

Варька. Що? хйба що чулы?

Серѣга. На вищо вуха, колы й очыма выдко. Слухай, сестро, треба рятуваты Зинька: загине парубокъ, марно загине... Колы прийде Демко та хочъ трохы вытверезытця, заразы побалакай зъ нимъ.

Варька. Колы бъ вы побалакали, вастъ винъ колысь слухавъ?

Серѣга. А теперъ рыло видверта, якъ проздыты поузы хату.

Варька. Я за вами прыбизу, колы прийде.

Серѣга. Ни, цѣго не робы. Знаешъ мою натуру: я такый, що й бытуму! Не подывлюся, що винъ у сертуци та пры часахъ. Гляды жъ, перебалакай зъ тымъ скаженимъ, бо шкода парубка. Прощавай! (*Пишовъ*).

Варька. Отъ колы бъ Серѣга взявъ Демка въ руки, у цѣго не задуривъ бы, о, ни! А Варенькъ, лыбонь, и справди запантылычывъ вже его. Де жъ, тры тыж-ни и очей до дому не зъявля! Овсїй ра-

живъ зо два навидувався та й знову въ городъ. Зпершу забравъ у мене якисъ бумаги, былеты бъ то зъ банка чы шо, а вдруге взявъ пашпорта Демкового.

Я В А ІІІ.

Варька и чоловики.

Чоловики. Здрастуйте, зъ суботою.

1-й чоловикъ. Нема ще Дементія Васылѣвича?

Варька. Якъ бачыте.

1-й чоловикъ. Х—жъ, шкода, шкода! (*До чоловикивъ*). Колы бъ Дементій Васылѣвичъ булы дома, такъ вони бъ насъ розсудылы.

2-й чоловикъ. Якъ найкраще розсудылы бъ.

3-й чоловикъ. Звычайно, разумный чоловикъ такъ винъ и вздовжъ, и впоперекъ и навругы—зъ одного слова обмиркуе усяке дило...

4-й чоловикъ. Такъ.

3-й чоловикъ. Пошукай по всїй окрузи другого Демента Васылѣвича. Нема такого, нема!... Вони зпершу глянуть на чоловика, потимъ чы на зори, чы на місяць, чы на сонце, та хочъ и въ воду глянуть, и неначе що невыдыме подасть имъ звидты онъ скылько розуму, ну и розсудять.

1-й чоловикъ (*помовчавъ*). Що жъ, Дементія Васылѣвича нема, то я такый, що оце заразы и мотнуся до мирового...

4-й чоловикъ. Колы не хочешъ подождаты, то...

1-й чоловикъ. Не то що не хочу, а не могу, ий Богу, не могу. Ты мене забиждаешъ передъ людмы, а я мушу прыхлытыся до твого благання?.. Не могу!

3-й чоловикъ. Краще бъ подождаты Дементія Васылѣвича. (*До другого*). Правда, Васылю?..

2-й чоловикъ. А вже жъ.

4-й чоловікъ. Коли вже наважився до мирового, такъ гайда, я постановлю четвертку.

1-й чоловікъ. Що четверту? Що мени твоя четвертка?

4-й чоловікъ. А скільки жъ?

3-й чоловікъ. Четверкою не видбудеся...

1-й чоловікъ. Та ни! Я, бачте, хочу сказати, що не въ тимъ сыла, що...

3-й чоловікъ. А звичайно! Становы квартиру. (*До першого чоловіка*). Правда, Андрію?

1-й чоловікъ. Та ни, вы бо не зрозумили, що я хочу...

Варька. Яке жъ у васъ дило?

3-й чоловікъ. О! Отъ Варварія Назаровна васъ розсудять.

4-й чоловікъ. Щобъ баба мене судыла? Це вже пиде свить на выворить!

Варька. А може у мойй голови бильшъ розуму, нижъ у твойй?

3-й чоловікъ. Верно! На дви головы стачить...

4-й чоловікъ. Та хочъ бы й на тры...

Варька. Яке жъ, пытаю, дило?

3-й чоловікъ (*до першого*). Давай-те показанія.

1-й чоловікъ. Сказать бы велике дило, а то... Йидемо мы у понедилوکъ зъ базарю, я й кажу: „сусиде! А гляньте, що воно за оказія, що у васъ задне колесо неначе пьяне колываетця на вси боки?..“

4-й чоловікъ. Це бъ то вы отакычкы й казали?

1-й чоловікъ. А то жъ якъ?

4-й чоловікъ. Вы мене пьянымъ образылы, а не колесо! А я овсимъ, хочъ и заприсягты, пьянымъ не бувъ...

1-й чоловікъ. Ни, я колесо назвавъ пьянымъ, а не васъ...

4-й чоловікъ. Та що розказувать? Якъ до мирового, то й до мирового. (*Иде*).

3-й чоловікъ. Та пострывай бо. Давай-те показанія, давай-те смилыво! Варваро Назаровно, розсудить ихъ швидче.

Я вже бачу, що вы розсудите и поча-стуете! Давай-те, давай-те показанія.

Я В А І V.

Ти жъ и волостный пысарь.

Волостный пысарь. Варваръ Назаровнъ поклонъ. (*Чоломжаецця*).

Варька. Здоровеньки булы, Радывоновичу! пожалуйте въ горныцю. Заходь-те, мылости просю.

Волостный пысарь. Заразъ иду. (*Варька пишла*). А, почтенные крестьяне—собственники, горемыки и многострадальци! Хлебъ убралы, змолотылы, на базарь одвезлы, продалы, пропылы и вси счоты и росчоты скипчылы? Теперь те-няетеса видъ хаты до хаты, чы не знайдетьца де такый дурень, що почаствуе васъ,—не такъ ли? И дило яке-небудь уже наклонулося. Хто жъ кого за чуба поскубъ, чы за нисъ ущипнувъ?

1-й чоловікъ (*до другихъ*). Я такый що мотнусь оце до мирового.

2-й чоловікъ. Та прийдетьца, мабуть.

3-й чоловікъ. Шкода, що Дементія Васылёвича нема дома.

4-й чоловікъ. Якъ до мирового, то й до мирового.

Волостный пысарь. Не йдите тилько горою, а йдите низомъ поузь шынокъ.

1-й чоловікъ. Пожалуста, не вчыть.

2-й чоловікъ. Знаемо дорогу.

3-й чоловікъ. Чого надъ людмы глузуете?

Волостный пысарь. Певно хлопецъ шынкаривъ не давъ вамъ набиръ? Признавайтесь, не давъ?

1-й чоловікъ. А може мени про горилку й байдуже?

2-й чоловікъ. Не кождому вона на думци.

3-й чоловікъ. Якъ оказія, то чому не выпыты; а не то, щобъ що-дня ною й дыхаты.

4-й чоловікъ. Та нехай ій цурь!
Волостный пысарь. А Варенькъ
прыйхавъ.

Чоловикы (*хутко*). Невже прыйхавъ?

1-й чоловікъ. Треба забигты, чы не
прывизъ якои звесткы видъ сына салдата?

2-й чоловікъ. Зайты та спытаты:
якъ теперь цина на хлибъ?

3-й чоловікъ. Я чувъ, що въ горо-
ди сыльны дощы йдутъ.

4-й чоловікъ. Та вже ходимъ гур-
томъ (*пишлы*).

Варька (*зъ хаты*). Радывоновичу,
пожалуйте.

Волостный пысарь. Не маю времени.
Зайшовъ просыты васъ у кумы: награ-
дивъ Господь пятою дочерью! Диты
прыбувають, а жалованна восьмъ рублей
трыдцять тры копійкы въ мисяць. У васъ,
кумушка, пшенишнои муки повенъ за-
сыкъ, а у мене ни пылнкы. Почему жъ
у мене ни пылнкы, а у васъ повенъ
засыкъ?

Варька. Прышлить наймычку зъ ми-
шечкомъ, я дамъ.

Волостный пысарь. Прышлю не най-
мычку, а паймыта и зъ лантухомъ. А вы
не жалійте ни наймыта, ни лантуха— не
пидорвутця, понесуть и пять пудивъ.
Сало у васъ е, знаю, бо самъ бачывъ,
якъ недавно кололы кабана, ще й здо-
рового кабана. Прышлить и сала. А
останнёго—що ласка ваша, здаюсь на
вашу совисть. Хрыстыны завтра. А теперь
позвольте зъ вами, кумушка, по род-
ственному во уста (*цилюютця*). До сви-
давія. Пиду взыратъ черезъ тыны, у кого
що есть лышнёго. Ибо: жалованна во-
сильмъ рублей трыдцять тры копійкы въ
мисяць, а семейство: тры сыны и пять
дочокъ! (*Пишовъ*).

Варька. Та вже за таку честь, що
покльквалы у кумы, мушу даты и того,
и третёго, и десятого. (*Пишла въ
хату*).

Я В А В.

Вустя и Гарасымъ.

Вустя (*иде черезъ перелазъ*). Хочъ
бы й до смерти тебе не бачыты.

Гарасымъ (*за тыномъ*). Слухай ты,
моднице, ты чого жъ такъ закопылыла
губу?

Вустя. А якъ я хочу копылыты, хто
мени забороне?

Гарасымъ. Гляды, щобъ я не оббывъ
тоби тией губы!

Вустя. Короткы руки! А гыдкый, а
осоружный!... И якъ ты мени давнищъ
не зпротывывся? Отъ у прыкащыка пле-
менныкъ!...

Гарасымъ. Гарный? У— красивый!
На мордяци неначе чорты горохъ моло-
тылы.

Вустя. За те яка одежда на вёму,
якъ чудово гра на гытари, якъ спива...
А якъ улеслыво балака! Що вже умыз-
гаецця била мене!...

Гарасымъ. Це ты за для нёго такъ
и нарядылася?

Вустя. А то жъ за для кого?

Гарасымъ. Скилько не копыль губы,
въ яку одежду не вбйрайся, а якъ була
мугыркою, то мугыркою й здохнешъ!

Вустя. Я безъ никоторого вниманія
на твой слова, потому шо ты балванъ!

Гарасымъ. А ты балванця. Чуешъ,
выйдешъ сегодня на вулицю?

Вустя. А чого я тамъ не бачыла, чы
може прыйты подывытыся на тебе? Мени
теперь вулиця зпротывылася, краще хо-
дытиму въ гости до прыкащыкы, до по-
пивень!...

Гарасымъ. Тадже жъ и тамъ бачы-
тымуть, шо ты дурна.

Вустя. Самъ ты дурный!

Гарасымъ. Хто не гляне, зразу по-
стереже, шо скажона!

Вустя (*сотае дули*). На ось тоби!

Гарасымъ (*зхотывъ жменю земли и жбурля на ней; Вустя тикае въ хату*). Ахъ ты жъ паскуда! Нехай же тоби биеъ, щобъ я на тебе колы й глянувъ. Тьху! (*Пишовъ*).

Я В А VI.

Демко, Вареныкъ и комедіантъ.

Демко. Гей, слуги мои верныи! Жона моя, красо малеваная! (*До Вареныка*). Якъ тебе: Вареныкъ, чы Галупка?

Вареныкъ. Ежели побраталыся, такъ побратымошъ.

Демко. Ну, гараздъ. Слухай, побратыме! Чому жъ це насъ никто не зустрічае?

Вареныкъ. Не деры горла, зараздъ и порадокъ зробимо. Сёгодня твій день.

Демко. И сегодня, и завтра, и пилса завтра и-и разъ-у-разъ! Пиды, навчы моихъ слугъ, щобъ зустрічали мене тавъ, якъ мы бачылы на кинській кумедіи (*Вареныкъ пишовъ*). Отъ побачышъ, яки у мене законы.

Комедіантъ. (*Зъ вузлыкомъ у руци и зъ папырсою въ зубахъ*). Оце вашъ и дворець? Не очень штобы! Но пословыця глаголетъ: „не красна изба угламы, красна пырогамы!“

Демко (*дывытця на него и починая реготаты*). Ни, ты скажы мени: видкиля ты взявся на мою голову? А ну, поважы кінтры?

Комедіантъ (*балака за двоухъ*). Ты, мужыкъ, дуракъ?

— Точно такъ!

Чиво въ тибя красной носъ?

— Покусавъ мене барбось.

Демко. Ха, ха, ха! Ой, ну тебе! И видкиля ты на мою голову взявся?

Я В А VII.

Ти жъ и Варька, за нею Вустя, потимъ наймыты и наймычкы становлятця въ два ряды; нымы керуе Вареныкъ.

Демко. Здрастуй, супруго, Варваріе! (*Цилуетця*). Здрастуй, дочко, Вустыніе! (*цилуе Вустю*). А теперъ вы: Гапкы та Иваны! (*Наймыты пидходять и цилуютъ его въ руку, прыволяючи: здрастуйте, дядишка! зъ благополучнымъ прыйиздомъ!*). А ось тоби, Варваріе, и тоби, Вусте, комедіантъ, прывизъ ёго нарочыто, щобъ и васъ потишывъ (*Штовха комедіанта*). Прывизъ имъ шо-небудъ.

Комедіантъ. Но я полагаю, шо артысть тоже челаэкъ, и потому надо его накормить и напоить, а потимъ представленіе дать (*до Варькы*). Такъ-ли, мадамъ, я говорю?

Демко. Ну та й втишний же ты! Варька. Шо воно оце такъ?

Демко. Ни, ты спытай ёго: видкиля винъ взявся на мою голову? Варю! Нагодуй ёго и насъ почастуй. А вы, слухайте команды!.. Бижить зараздъ по селу и склыкайтё людей, гукайте. Кажить: хазяинъ прывизъ кумедію, идить дывытця! (*Наймыты по тиглы*). Ходимъ покы шо почаствуемся.

Комедіантъ (*до Демка*). Кузенъ, какъ мой здоровъ? Харошъ! (*Бъе Демка по потылицы*).

Демко. Ну, й чудаекъ! (*Варька и Вустя пишы въ хату*).

Комедіантъ. Ну, але-машыръ, кушай што-нибудь немножка! Глечыкъ молока, четвертыну сала, пивъ хлиба чорного, два хлиба билого, макитру вареныкывъ та ще колы бъ и пырогивъ стилько... Такъ ли, мусью капралъ, штобъ тибя чортъ побралъ (*бъе по потылицы Демка*). Здрастуй, кузенъ!

Демко. И де ты взявся на мою голуву? (*Пишли въ хату*).

Я В А VІІІ.

Конашъ и Конашыха, *потимъ* Гапна и Вустя.

Конашыха. Де жъ та кумедія?

Конашъ. Тадже побачымо.

Конашыха. Чы справди батько твій привизъ кумедію?

Вустя (*ставляе зъ Гапкою дывана*).

Прывезлы, тилько не батько, а папаша!

Конашыха. Куды жъ наши!

Конашъ. А якъ же! Вустя, такъ вона не простого сидала затычка.

Вустя. Но Вустя я вамъ, а Вустыпія! (*Пишла въ хату и скількы разивъ выносыть стулья, лавкы, кресла и ослоны*).

Конашъ. Може кому другому, а мени лъ була задрыпоу, то нею и zostалася.

Конашыха. Не зчепай, цуръ ій!

Конашъ. И то правда (*помовчавъ*). Я выдавъ не разъ кумедію. Стало быть, такъ халабуда (*показуе рукамы*), въ гори завишано кумачомъ алибо калинкоромъ. И кагды шарманка почынае граты, такъ зависа заразы открываецця, и выходитъ кукла и провозглаша: „Здрастуйте, гаспода! Я прышоль до васъ сюда. Чы будемо бытысь, чы мырытысь, алибо веселытысь?“ (*У цей часъ народъ зъ усихъ бокивъ насовуе и почына слухаты*). И почне усяки штуку прывставляты. Народъ, хто зможе заплааты: первое место—двадцять копіекъ, второе—грывеннѣкъ, а третее—пять, — входить у ятку дывытця, и инчый ажъ помирае зо смиху. Потимъ выходитъ дивчонка, сычасъ запыла: „ва пустыню удаляюсь!“, а винъ почына плакаты, тутъ вона пидскочыла до него, поцилувала, и пашлы у двоухъ „комарыцьку!“ жарыть. Потимъ вже пайдуть зъявлятыця усяки чынов-

ныкы: дохтурь, смерть, нимыць, цыганъ зъ конякою, мужыкъ пьяный и жинка Хвеська, жыдъ Сруль и жыдивка Хайка... Сыла усякыхъ зъявляецця! Потимъ кракадывъ, такый страшный гадъ, вылазтыть, роскрыва, роскрыва рота и отого самого стихотвора ковта, а той крычыть: „кракадывъ, кракадывъ, ты меня праглотывъ“! Штучная кумедія! Ну а потимъ вже выходитъ настоящий чалазкъ и почына перекрыдатыця.

Конашыха. Якъ перекрыдатыця?

Конашъ. Значыть, высыть така гойдалка, ну винъ беретця за качалку и почына перекрыдатыця: то повысне вынъз головою, то колесомъ закрутытця, то вывернетця по пидъ руки.

Конашыха. И якъ винъ такъ може?

Гарасымъ (*котрый франицъ пидійшовъ и довго наслухавъ*). Я чувъ, що якъ берутъ малчыка у кумедію, такъ заразы его выварюють у молоци, а потимъ роблять щолокъ зъ трухы зъ пидъ сина, або зъ перію и парють. Такъ кажуть, що писля того кисткы розмякнуты, що гны ихъ, куды зкортыть, гны, якъ лозыну, або дрыть.

Конашъ. Тоби колы жеребокъ брать?

Гарасымъ. У цимъ роци.

Конашъ. Якъ пидешъ у службу, такъ тамъ тебе и безъ молока та трухы навчатъ перекрыдатысь. Дуря твоя голова, не понимаешъ, што это прывставленіе гимнастыкой зветця!

Я В А ІХ.

Ти жъ, комедіантъ, Демко, Варька, Варыныкъ, а въ ворота входять: старшына, волостный пысарь, староста и други поважны люде.

Старшына. Дементій Васылевычъ, съ поворотомъ (*чоломжаютця*).

Волостный пысарь. Кумедію намъ прывезлы, посмотримъ (*чоломжаютця*).

Староста. Значыть, позабавымыся (*чолжхаютця*).

Демко. Ось побачыте, якій втишны! И де винь на мою голову взявся? (*Показуе очыма на кумедянта*).

Комедянтъ. Теперь покажемъ почтенной публикѣ свое искусство, или же фокусъ-покусъ (*показуе на перериззъ первернутый дномъ до горы*). Это будетъ сцена (*показуе на комору*). А это будетъ моя уборная. Какъ бы мнѣ не опоздать на вокзаль. Который часъ?

Демко. Стривай, чы я жъ завивъ часы? А де жъ вонъ?

Вареныкъ. Невже забудь, що мени выдавъ? (*Дывытця на часы*). Теперь два часы.

Комедянтъ. О, не опоздаю! Отправлюсь за кулисы, а вы усадите публику. И музыканты есть? Отлично. Когда скажу вамъ: играйте, — вы тогда берите смычбы въ руки и играйте. Екъ кузень (*пшшш въ комору*).

Демко (*до людей*). Садовитьця починамъ. Господынъ старшына, пожалуйте на одыванъ и вы господынъ староста; а я межъ вами посередныи. Господынъ пысаръ и Варварія на кресла. Потимъ вже садовитьця старыкы. Конашамъ зовсямъ не слидъ бы було сидаты.

Конашъ (*сидыть*). Ни, я вже встану тоди, якъ самъ захочу.

Демко. Та сиды вже, сиды (*порядкуе*). Сидайте, сидайте!

Вустя (*тыхо до Гарасыма*). Ты чога прыйшовъ? Скажу батькови — выженуть.

Гарасымъ. Не чипай, бо такъ и морсну по патрету.

Демко (*до Вареныка*). Овсяю! а ты садовысь позадь мене, якъ вытютянтъ.

Вареныкъ. Сегодня я позадь тебе, а завтра ты позадь мене.

Демко. Хочъ ты мени и побратымъ, тилько це наврядъ чы буде. Глядитъ же,

якъ почне кумедянтъ сотяты стѣжки зъ рота, чы грошы хапаты на лѣту, такъ вы плещить въ долони.

Конашъ. Ну, што вчыть учоныхъ? Кажетця, я бувъ самоглазецъ усякыхъ у свити кумедий!

Демко. Конашу, мовчы, — бо выжену зъ подвирья.

Конашъ. Тоди вже будешъ настоящою свинею.

Варька. Та годи, Дементію.

Старшына. Господа, смырно!

Демко. Дурень.

Конашъ. Отъ дурня слышу!

Старшына. Дементій, Шыльвестъ! та годи-бо вамъ.

Конашъ. Што жъ онъ хвокусъ представляеть: самъ клычетъ черезъ своихъ слугъ, а потомъ провозглашаеть: „выжену!“

Демко. Та сиды вже, бодай ты каменъ сивъ!

Я В А Х.

Ти жъ и комедянтъ.

Комедянтъ (*зъ тарилкою и палочкою, на нему фракъ мало не до пьятъ, выдко, що чужый*). Имъю честь представиться здѣшной публикѣ! Вотъ здѣсь у меня одна тарелка, а вотъ здѣсь у меня одна палочка; вотъ я ставлю эту одну тарелку на эту одну палочку; и вотъ эта одна тарелочка на этой одной палочкѣ будетъ вертѣться. Извольте посмотрить! Музыка, играйте что-либо.

Демко. Плещить, плещить въ долони! (*Почымаютъ плескаты въ долони*).

Я В А Х I.

Ти жъ и судебный приставъ зъ двома понатымы.

Демко. Глянь! Невже це кумедянтъ переодягся? А маладьця!

Судебный приставъ. Что это за собраніе?

Демко (*до старшины*). Цей, мабуть, ще чуднищи хokusы покаже, ніжъ той?

Старшина (*тихо*). Чого це до насъ судебный приставъ? (*До судебного пристава*). Здрастуйте, Михайло Ивановичъ!

Судебный приставъ. А, господинъ старшина, а я васъ и не узналъ.

Старшина. По якимъ диламъ?.. (*Зъ за прищилку показується Зинько*).

Судебный приставъ. Кто здѣсь Дементій Пшонка?

Демко. Я!

Судебный приставъ. Одесскій мѣщанинъ, Дементій Васильевичъ Пшонка?

Демко. Винъ самый и е.

Судебный приставъ. Вы продали Чугувекому мѣщанину Евсею Харитоновичу Варенку движимое имущество, заключающееся въ мебели и домашней утвари, (*выйма бумагу и чита*) какъ-то: диванъ, два кресла, шесть вѣнскихъ стульевъ, кровать орѣховаго дерева, столъ преддиванный, два ломберныхъ стола...

Демко. Та що це вы выгадуєте?

Судебный приставъ. Деньги за все полностью получили.

Демко. Я?

Судебный приставъ. Да, разумѣется, никто же иной, какъ вы! Зачѣмъ же вы проданное имущество удерживаете у себя и не отдаете покупщику? Я пріѣхалъ съ исполнительнымъ листомъ, чтобы удовлетворить претензію господина Вареника.

Демко. Овсію, що це? Люде добри, це що жъ?

Варенкѣ. Демку, перестань смішати людей, не соромся. Ну що ты все дурака валяешь? Иноди смішно тебе слухати, а теперъ ажъ досадно.

Демко. Ты дававъ мени у шутки підписувати якісь бумаги, потімъ возывъ мене до нотаруса контракта на коммерцію підписувати.

Варенкѣ. Яки шутки? Що мы дити зъ тобою, чы якъ, щобъ у хатокъ гра-тысь. Мы зъ тобою напысали вси бумаги, якъ слидъ по форми.

Демко. Це розбій!

Варенкѣ. Ты бѣ зпершу протверзвися, тоди и розчувавъ бы дило. Бачъ, залывъ паморокы, та й выбаньчывся на людей, якъ баранъ!

Демко. А гроши мои, де мои гроши?

Варенкѣ. Яки? Мои гроши, пять тысячъ пятьсотъ рублей, точно, що лежать у городскимъ банку, я оце недавно положывъ; а ты вже свои процвындри-въ. Дывитьця, люде добри, пыта, де ёго гроши? Кто жъ краще видъ тебе зна, де вони? А що ты мени часы подарувавъ, такъ це правда, и за те я тоби повикъ вдячний!

Демко. Подарувавъ?

Варька. Та ты це у снѣ, чы на вспряжки?

Варенкѣ. Прочумайтеса, Варваро! (*Кланяється Демкови*). За часы спасибо! Отъ пры людяхъ дякую тобі, во-лы хочешъ, и въ ножки уклонюся? Це така вже пам'ятка!... Господинъ приставъ, просю до мене у господа, спершу пообидаете, а потімъ и за дило. Зъ города проихалмыся, перекуситы варта. А Демко, винъ чоловікъ добрый, выдасть безъ суперекій, окримъ того мы зъ нимъ и побратымы. Оце свижо побраталмыся у городи, при свидятеляхъ. Господа началныкы, просю поситыть мене. (*Иде зъ приставаомъ*).

Демко. Ограбувавъ, по середу билаго дня ограбувавъ!

Старшина (*проходе билля Демка*). Якъ же це ты, дурню, таку ворону впіймавъ? (*Пишовз*).

Староста. Дурнови треба дурнемъ и помераты. (*Пишовз*).

Волостный писарь. Весьма и весьма глупо! (*Пишовз*).

Конашъ. Оце такъ хвокусъ-покусъ! Приходьте, сватокъ, до насъ, и мы вамъ честь за честь воздамо. *(Пишовз. Люде почынають тыхо розходьтысь).*

Вустя. Тату, якъ же це? Я звекла до зонтыка, до пальчатокъ!... *(Почына плакаты).*

Демко. Все, все покынули! Наверугы нибы все зразу померло, нибы оцепинило и замовело! Ни порады, ни розвагы... И сынъ ридный, Зинько мій, и той мене видцурався!

Зинько *(выходьтъ)*. Не видцурався я васъ, тату, абы вы мене не видцуралыся.

Демко. Зиньку, сыну мій! *(Обіймае его)*. Одурено мене, обморочено, зновъ нагъ я, якъ птахъ!.. Бидни мы, сыну!.. *(Хлыта).*

Зинько. Ни, тату! Бидный той, що въ болоти сыдыть, а чоловикъ, докы е на нему хрестъ,—не бидный!

(Зависа).

О Л Е С Я.

Драма у 4-хъ дїяхъ и 5-ты одминахъ.

Л Ы Ц Е Д И И:

Киндратъ Антоновичъ Балтызь.
Лукерія Степановна, его жинка.
Олеся (Александра), ихъ дочка.
Матвій Гнатовичъ Тасюра, вчитель.
Ныхвинтъ Варфоломеевичъ Знаменскій,
бурсакъ.
Марфа Варфоломеевна, его сестра, дивчына.
Яківъ Михайловичъ Воздвиженскій, пса-
ломщынь.
Старшына.
Волостный писарь.
Павло }
Горпына } слугы.

Марына, вдова.
Власть, ии сынъ, парубокъ.
Галя, ии дочка, мала дивчына.
Шлома } лавошныкы зъ мистечка.
Гершно }
Пфейферъ, немецъ.
Левна, лакей.
Леонидъ Петровичъ Загрыва, поміщкы.
Гости и диты.
Староста.
Леоныла Агапоновна Козубська, пидстар-
кувата дивчына.
Дїетця въ Украины.

Д І Я І.

Кимната у панськыи будынку, але вбрана по мищавському: ничого то й надто, а ничого бракъ.

Я В А І.

Павло и Горпына.

Горпына (*Вытираючи викна, спива*):

Ой колы бѣ же я биду знала,
Не йшла бѣ замижѣ, та гуляла,
Ого-го-го, гоа, гоа,
Голивонька бидна моя.

А теперѣ я биду знаю,
Пизно ляжу, рано встану,
Ого-го-го, гоа, гоа,
Голивонька бидна моя.

На городи квиткы вьютця,
А за мене хлопци бьютця,
Ого-го-го, гоа, гоа,
Голивонька бидна моя.

Не быйтеса, нема за що,

Хочѣ я гарна, та ледащо,
Ого-го-го, гоа, гоа,
Голивонька бидна моя.
Якѣ вамѣ, дядьку, гарно у сердуци,
теперѣ зовсимѣ вы не похожи на че-
редныка.

Павло (*розтавля дзыглыкы*). Бувѣ
бы я ранищѣ розумнымѣ, досы не таки бѣ
сердуку носывѣ.

Горпына. Чы й справди?

Павло. Щобѣ ты знала. Чого ска-
лышь зубы? Чула, що якѣ ще тутѣ сы-
диды наши ридни паны, не оци посессоры-
жыроиды, а справжни паны?..

Горпына. Такѣ, такѣ. Згадады те,
видѣ чого вже и слиду не зосталось.

Павло. Эхѣ вы! За справжнихѣ па-
нивѣ жыття було!

Горпына. Та ну?

Павло. Що вже тануткаты? Скільки не танукай, а якъ воно тпрукнуло, то дали не поїде. Ну, и понимай ты тепера, що я бувъ мало не тры года за лакея.

Горпына. Невже?

Павло. А ты миркувала, що я зроду чередникъ, та й годи? Не, братъ, беры выще. Ты спытай мене, де я не бувавъ; сытай, чы е що таке въ свити, щобъ я ёго не выдавъ? Хочешъ, я тебе зразу, однимъ словомъ остовпнюю? Скажу таке слово, що ты тилько банькы вытрещышъ. Отъ, напрыкладъ, скажы мени: що таке гостыняця? (*Сидя у кресло*).

Горпына. Гостынецъ?

Павло. Гостыняця! Дура ты. Що гостынецъ, такъ и мала дытына зна, що то ласоци; а я тебе пытаю, що таке гостыняця?

Горпына. Мабуть, не вгадаю?

Павло. Ну, а бильярдъ ты бачыла? А портерську лавку? А трахтырь зъ выскою: „захадите, гаспада, тутъ весе-
ліе всегда!“

Горпына. Якъ же це вы булы лакеемъ, а на решти череднымомъ стали?

Павло. Спытай ты мене, то я, братъ, и самъ гараздъ не смирюю, якъ воно зкоилося. Збираютця, примеромъ, чуешъ, нашъ покійни панъ, Петро Рыгоровычъ выйиздыты въ загрыяню, поелыкалы мене, та й пытають: „што, Павлушка, паедешъ зъ нами въ загрыяню?“ А мене неначе якый бисъ сипъ за языка. Не пойду, кажу. „Пачаму?“—Боюсь. Ще, кажу, якъ, бо-роны Воже, помру на чужій стороны, то никому буде й поховаты. Бачъ, мени тоди миркувалося, що на чужыни нема ни лю-дей, ни попивъ, а скрызъ тилько одна пуца, нетри, та безкеты... И кортило жъ мене у ту загрыяню, ну сказать... ажъ тило на мени свербило, такъ кортило; а языкъ, неначе винъ не мій, одне бель-коче: не паёду. Прямо, мабуть, щось на-

врочыло! Почавъ, примеромъ, выгадувати: я не знаю, кажу, видкыла тамъ и сонце сходыть, та ще чы и свитыть воно тамъ, чы не свитыть! Ге, дай тоди мени оцёго розума, що теперь у мойй голови...

Горпына. Що жъ, и не пойихалы?

Павло. Господа пойихалы, а я зо-стався. Доси вже бувъ бы може комар-дыномъ, колы не швейцаромъ; а може ще й выще забрався бъ.

Горпына. Що жъ воно таке швельцаръ?

Павло. А таке, що сыды увесь день на крысли, та рыпай дверыма, та ды-вись у казету, отъ тоби и вси роботы.

Горпына. Рыпай дверыма, х-мъ. И не обрыдне жъ?

Павло. Якъ хто подзвонивъ—одим-кны; знявъ шывелю, чы шубію—грыве-ныкъ; надивъ—грывеныкъ, або й бильшъ тово!

Горпына. За вицо жъ грывеныкъ?

Павло. Отъ якъ доведетця тоби колы побуваты въ городи, то й побачышъ, за вицо дають грывеныкы. Потому образо-ваніе... У городи и розуму набересся и гостыняцы побачышъ, и кандытерську.

Горпына. Що воно таке кандрырь... Я й не вымовлю.

Павло. Кандыртерська? И я, братъ, попумчывся, докы наламавъ языка, а теперь такъ и потраплю зразу усяки роз-мовы и вси примеры. Кандыртерська, це така крамыця, що до чого не дотор-кысь, усе, братъ, солодке. Далась вона мени у знакы. Послалы мене покійни панъ, Петро Рыгоровычъ, зъ запыскою у кандыртерську; нимецъ узывъ у мене ту запыску, подывывся, дали зыркнувъ на мене и зновъ очи встромывъ у запыску; згодомъ промовывъ до мене: „Васъ“, а потимъ до другого: „Херь-меръ-меръ!“ а той до нёго: „Я“. А цей зновъ: „та ты жъ!“ И заразы той другый и пона-кладувавъ у папиръ усякыхъ порожныхъ, та й давъ мени. Несу я те порожне, дер-

жучы обома рукамы, щобъ не выпорснуло. Чую, щось мени по руди неначе потекло. Зыркъ! ажъ тече сметана. Я лызъ языкомъ—солодке; лызъ у друге—бида, яке солодке!.. Та покы донись те порожне до гостынницы, всю сметану вылизавъ. Принись, та й подаю панови. Якъ закричыть на мене панъ, якъ затупотыть... Смиха та й годя! (*Хутко хана Горпыну за кешени*). А це що въ тебе у кешени, сахаръ?

Горпына (*бѣ его по руци*). Та гетьте бо! Видкиля бѣ у мене взявся той сахаръ?

Павло. Хйба не можна ханпнѣть?

Горпына. Чорта лысого ханпнешъ, колы все позапирано.

Павло. Невже? А за ридныхъ панивъ такъ все було настижъ; беры, чого хочешъ, чого душа бажа, беры въ волю!.. Отъ жыття було! А я думавъ, що то у тебе сахаръ, зывъ бы грудочку. (*Зитхнувъ*). Давно вже я не йивъ сахару.

Горпына. Сѣгодня, якъ чай нальватимуть, я може вамъ роздобуду.

Павло. Беры, чого зивать? Сахаръ, це не крадижка. Беры смилыво!

Горпына. Колы бѣ мени довелося побуваты у городи, вже бѣ надывылася усякыхъ дывъ.

Павло. Попросы хазяина, щобъ повизъ.

Горпына. Зъ якои речи?

Павло. Тадже жъ лабузнытца до тебе, думаешъ, не бачывъ?

Горпына. Эге, выгадайте пивтора людського...

Павло. А ты дурею не будъ. Скаже винь тоби: „поцилуй!“ А ты заразы ёму: давай цилкового, або и два, то поцилую.

Горпына. Не плетить дурощивъ...

Павло. Ни, справди. Слухай бо. Якъ почне хазяинъ биля тебе пивнемъ стрѣбаты, ты й скажы ёму: постановыть Павла за клюшныка.

Горпына. Ей-Богу, я васъ вылаю.

Павло. Дура! Ты себе оберегай, а якъ дають, не зивай.

Горпына. Мовчыть, бо такъ навидли оцію ганчиркою и морсну по пыци!..

Я В А II.

Ти жъ и Киндратъ Антоновичъ.

Киндратъ Антоновичъ. Хазяйкы тутъ не було?

Горпына. Ба, оце недавно навидувались.

Киндратъ Антоновичъ. А що, Павле, краще тоби у горныцахъ, нижъ у загоны?

Павло. Павлови скрызъ однаково, якъ у хливи, такъ и въ горныцахъ; чы доли сьдиты, чы въ крисли зъ казетою въ руци: его тымъ не здывуешъ.

Киндратъ Антоновичъ. А що якъ тебе взяты и зовсимъ за лакея?

Павло. Я и на те прыставъ.

Киндратъ Антоновичъ. Ну, сѣгодня прыдывлюсь, якъ ты справлятимесья.

Павло. Колысь умивъ догожаты справжнимъ панамъ, то може и вамъ потраплю.

Киндратъ Антоновичъ. Теперъ справжній панъ той, котрый мае въ кешени.

Павло. А хйба мени важко сказаты на васъ и ваше высокоблагородіе? Якъ звелыте, такъ и велычатимемъ.

Киндратъ Антоновичъ. Я тебе годую, стало бытъ, я твѣй и панъ.

Павло. А такъ. Звисно: вы наши, а мы ваши.

Киндратъ Антоновичъ. А ке прынесы мени воды, побачу, чы е у тебе до того кебета?

Павло. Сихчасъ! (*Пишовъ*).

Киндратъ Антоновичъ. Чому не прышла у повитку, якъ я тебе влыкавъ?

Горпына. Не чыпайте мене, бо хазяйци скажу... Онъ вже и люде почалы постерегаты.

Киндратъ Антоновичъ. Яки людѣ?
Горпына. Хочъ бы и Павло.

Киндратъ Антонов. Павло? Хто жъ Павлови повире? Мени на двадцать Павливъ начхать! Краще не манижся; подумай, чымъ ты згадаешъ свои молодости, котри не двичы бувають на вику.

Горпына. Идить до Гапки.

Киндратъ Антоновичъ. Що-о?

Горпына. А колы и Гапку вже залышылы, то пидить до Приськы.

Киндратъ Антоновичъ. А-а, ты ревнуешъ? Отъ за це хвалю. Ты краща видъ Гапки и видъ Приськы, и видъ усихъ!.. Бувъ бы я удивцемъ, я озолотивъ бы тебе!..

Я В А ІІІ.

Ти жъ и Павло.

Павло (*несе на пидноси стаканъ воды*). Звольте!

Киндратъ Антоновичъ (*дывытця на него*). Ты такы зовсимъ маладець! (*Бере стаканъ, пге*). Лыбонь я такы зоставлю тебе пры горныцяхъ?

Павло. Не жалкуватимете.

Горпына. И мени меньчъ бы було роботы... Де жъ це виныкъ?

Павло. Тамъ у тій кимнати, за шахвою. (*Горпына пишла*). Бадёрна дивчына! (*Показуе очыма на Горпыну*).

Киндратъ Антоновичъ. До вподобы тобі? Чы не думаешъ свататы?

Павло. Ни, я вже спизнывся. Вона у мій бикъ и не дывытця, гне вышче.

Киндратъ Антоновичъ. Що-о!

Павло (*хихихнувъ*). Понима акуратно, де раки зимують.

Киндратъ Антоновичъ. А ты краще знай своего носа!

Павло. Я такъ сказавъ, на витерь... Мовлявъ: „йижъ борщъ зъ грибами, держы языкъ за зубамы.“

Киндратъ Антоновичъ. Держаты-меншъ ты и безъ грибивъ.

Павло. Правильно! А тилько якъ мы бувалы пры панахъ, то й знаемо, якъ дило повернуть зъ дивчатамы.

Киндратъ Антонов. Тянешъ ты?

Павло. Чого не пснимаю, за те николы не визьмусь!

Киндратъ Антоновичъ. Овъ? Але я тимъ не цыкавлусь... (*Дывытця на него*). Одначе, нехай буде й такъ, що видъ сегодня на тоби чынъ лакал. Побачымо, чому ты у панивъ навчывся!

Павло. Я вмю и невыдущымъ прыкнутусь, якъ треба буде.

Киндратъ Антоновичъ. Я не про те... Гляды жъ мени, вызначысь сегодня передъ гостямы такъ, щобъ не довелось за тебе мени червониты. (*Иде, а потимъ вертаетця*). Жалованья тоби не прибавлю, а одежу стару зъ мене, якъ зуміешъ заслужыты,—матимешъ. Розуміешъ, зъ мене одежу. А про Горпыну не смій мени бильшъ николы натякаты, чуешъ? (*Пишовъ*).

Павло (*помовчавъ*). Ну, Павле, но будь дурнемъ, то буде тобі що и исты, и пыты, и въ чимъ хорошо походыты. (*Чутно голосъ Лукеріи Степановны*).

Я В А ІV.

Горпына и Павло.

Горпына. Чуєте, зновъ кеочка роскудеудахталася?

Павло. Нехай кудахка, тилько и іи, що покрычыть; вона на те господыня. Але мы зъ тобою все жъ такы тутъ найстаршымы будемъ.

Я В А V.

Ти жъ и Лукерія Степановна.

Лукерія Степановна. Та й довго вы воловозытеся, скоро вже и гости почнуть

сходитесь, а вы и одніи горницы ще не опорядили, якъ слидъ. *(До Павла)*. На вищо ще й тебе у горницы взяли, мало й такъ дармоидивъ?

Павло. Правильно. За ридныхъ панивъ слугъ було сыла, такъ тожь были справжни паны...

Лукерія Степановна. У кого дзенька въ кешени, той и панъ.

Павло. И я васъ почитую, якъ достометну пани. Та дай вамъ тилько прозорну трубу въ руки, та щобъ шляпка пры голови и вже: ваше осіятельство! Правильно. Тилько що осіятельство и безъ лакея, чы але жъ?

Лукерія Степановна *(до Горницы)*. Куды жъ ото ты ставляешъ отого дзыгльча, хйба не знаешъ, що ёму належыть буты отутечкы.

Горница. Почалы вытребенькуваты!

Павло. Правильно, що ёму отутечкы именно и слидъ стояты, де господня приказують.

Горница. Учора бувъ отамечкы, а сегодня вже онъ куды ставляй его!

Лукерія Степановна. Эге жъ, учора бувъ отамечкы, а сегодня буде осьдечкы.

Горница. На вищо жъ це?

Лукерія Степановна. Я такъ хочу!

Павло. Понимаешъ, дура, господня такъ жалають, и правильно.

Горница. На такую господню нико-лы не потрапышъ догодыты.

Лукерія Степановна. У кого нема тямы, той и не потрапе.

Павло *(до Горницы)*. А ты навжайся потраплаты. Було покойни панъ Петро Рыгоровычъ кажутъ: „Павлушка, штобъ завтра етая небель, що стоитъ у цій киннати стояла въ тій; а та, що въ тій, щобъ стояла въ цій.“ — Слушаю! И завтра зроблено такъ, якъ звелено. Господню треба слухаты, бо вони наши, а мы ихни.

Горница. Та такъ же!..

Лукерія Степановна. За зиму видлежала бовы, то це въ тоби жыръ почына граты.

Павло. Правильно! Людныа, якъ и скотына — почуву весну. Горнице, чуешъ, я тоби не велю грубиянствовать!..

Горница. Робышъ що-дня, якъ той сирый виль, невгаваючы, а тебе ще за те дармоидомъ взычають!..

Павло. Бо вони на те господня, стало быть, и можуть взычать, а ты на-беры въ ротъ воды.

Лукерія Степановна. Ты бъ може хотила папуваты? — Пыкою не вдалась!

Горница. *(усмихнулася)*. Якъ на чны очи!

Павло. Правильно, що патретомъ не выскочыла.

Лукерія Степановна. Чы сукно па оцимъ столыку вытерто, чы й досы въ крейди? Адже жъ у картъ гратымутъ.

Горница. А я почимъ знаю, що гратымутъ?

Лукерія Степановна. Чы тій же лампы отамечкы и слидъ стояты, куды ты ии прымостыла?

Горница. Вона жъ тутъ разъ-у-разъ стоять.

Лукерія Степановна. Стояла тамъ, а теперечкы осьдечкы стоятыме. Товбу у твой голови а ни на шагъ.

Павло. Горнице, робы такъ, якъ велыть! Отъ покойни панъ, Петро Рыгоровычъ..

Горница. Ще й вы тутъ распанька-лыся зъ своими покойныками, ажъ обрыд-ло слухаты!

Павло. Инчого покойныка охитнышъ згадаешъ десять разывъ, ніжъ якого жы-вого одынъ разъ.

Лукерія Степановна. Намочы за-разъ кинчыгъ рушыча у воду та вытры столыка.

Павло. Водою не годяться. Бувало за покійного пана Петра Рыгоровича, якъ тилько де пляма на сукни, заразъ водою, а водою тилько розквацяешъ.

Лукерія Степановна. А вже жъ, що тилько розквацяешъ. Пиды, отамъ у шахви стоить горилка, нальй тришки у рюмку, або у стаканъ. (*Горпына пишла*).

Павло. Не вхвалывъ я того, що у васъ шахва, у котрій стоить горилка—видперта. Отъ тилько увйшовъ у горпыци, а вже й де непорадокъ. Чы и сахаръ таеъ?

Лукерія Степановна. Ни, сахаръ та чай пидъ замкомъ.

Павло. Хочъ и пидъ замкомъ, а все жъ такы не давайте ключивъ Горпыни.

Лукерія Степановна. Хиба ты що постеригъ за Горпыною? Я жъ казала, що й вона така жъ, якъ и Приська.

Павло. Я тилько зыркнѣвъ сюды-туды, заразъ и бачу, що не такъ, и не до хвасону... Ну, и хто це звеливъ оци крисила отутечкы попрытуляты?

Лукерія Степановна. Хто жъ, якъ не я?

Павло (*переставля крисила*). Такъ вы жъ, мабуть, велилы ось якъ ихъ поставовыты? (*Ставляе по своему*). За покійного Петра Рыгоровича...

Лукерія Степановна. Отакъ же и я хотила, такъ у Горпыны хиба е нато тьма?

Павло. Ну, не турбуйтеся, пры мени все контыметця пидъ панськый апетытъ.

Лукерія Степановна. Чы ты жъ зугаренъ мени догодыты?

Павло. Я? Та хиба жъ я не бачу, що вы хочете, щобъ у васъ все було на загряншнй штальт? А що, не вгадавъ?

Лукерія Степановна. Ба, вгадавъ. Треба буде даты тоби косынку на шыю, а то такъ якось не чепурно... А сорочка на тоби яка?

Павло. Десятчана.

Лукерія Степановна. Я дамъ тоби тонку, стареньку, хазяинову.

Павло (*цилуе їи руку*). А хочъ и дщи, хиба я не зумію подякуваты?

Лукерія Степановна. На мою думку, ты тилько и смигъ бы потрапыты на мене.

Павло. Господине! (*Бѣ себе угруды*). Ось якъ я вамъ!... Ей-ей!... Знаете я якый? Скажыть мени: Павле, нирны въ ополонку! Ей-Богу, я такый. (*Цилуе їи оз руку*). Отака була нижна ручка у покійной барыни, Маріи Вькторовны... А Горпыни ключивъ видъ сахарю не давайте.

Лукерія Степановна. Ой, мабуть, ты щось помитывъ за Горпыною?...

Павло. Я окомъ тилько зыркнѣвъ и понимаю...

Я В А V I.

Ти жъ и Горпына (*зъ стаканомъ*).

Лукерія Степановна. Умочы жъ краечокъ рушныка въ водку.

Павло. Наберы въ ротъ, та й спрысны, такъ краще буде.

Лукерія Степановна. Або спрысны, то ще й краще буде.

Павло (*бере въ ротъ горилку и спрыскуе*). Отако-о!

Горпына (*вытыра столыка*). Ачъ, якъ ловко вытыраецця, сукно неначе нове.

Лукерія Степановна. А ты, дурна, и не знала чего?

Павло. Куды жъ ій? Я бильшь свита и людей бачывъ, якъ вона, а и то за вашымъ розумомъ ледве-ледве похоплюся.

Лукерія Степановна (*идуцы*). Якъ зберутця гости, то треба буде заразъ и до обиду лагодытись. Чы ты, Павло, уміешъ чай налываты?

Павло. Спытайте Павла, чого винъ тилькы не зна? Навдаху, чы й е що у свити таке, до чого бъ Павло не добравъ способу?

Лукерія Степановна. То наливають сегодня чай, а я хочь трошки попаную. (*Пишла*).

Павло (*до Горпыны*) Чула?

Горпына. Ну?

Павло. Кешени у тебе простори? Буде солодко и тоби и мени! (*Бере стаканъ зъ горилкою*). Ого, сколько лынула! На вищо добро пропадатыме? (*Выпывъ*). Смачна!

Горпына. Ходимъ, дядьку, ще оту горныцю приберемъ.

Павло. Слухай, докы я бувъ чередныкомъ, доты бувъ и дядькомъ! а теперь вже клычь мене Павломъ Семёновичемъ. (*Пишлы*).

Я В А VII.

Киндратъ Антонов. (*одынъ; хутко иде*). Де жь це Горпына? Треба сказати й, щобъ вышла до...

Я В А VIII.

Киндратъ Антоновичъ и Лукерья Степановна.

Лукерія Степановна (*зъ другихъ дверей иде*). Ну, старенькый?

Киндратъ Антоновичъ. А що, старушечка?

Лукерія Степановна. Дайте жь, я васъ ще разъ проздравлю зъ менынами. Сегодня вамъ двичы свято: помищыкомъ зробылись и именинныкъ. (*Цилуютьця*). Це вамъ вже на пятьдесятъ шостый повернуло?

Киндратъ Антоновичъ. Выгадай! Ще тилько на сорокъ шестый.

Лукерія Степановна. Э ни, душко! Я парочыто давала вашу метрыку Олеси, вона прочытала и вышчытала.

Киндратъ Антоновичъ. Отого я не люблю, що ты починаешь рытыся у моихъ бумагахъ.

Лукерія Степановна. Та я, душко, до ныхъ никола и не доторкувалася; а метрыка ваша вже годивъ зъ двадцатокъ лежить у мене въ скрынни.

Киндратъ Антонов. Ага... Сколько, кажешь, мени годивъ? Такъ, такъ, прыгадую... Повийни отецъ мени не разъ казали, що у метрыци прибавлено мени годивъ.

Лукерія Степановна. Та чы прибавлено, чы убавлено, а вже никто ни васъ видъ мене, ни мене видъ васъ не видибе.

Киндратъ Антоновичъ. Ну-да, а тилько...

Лукерія Степановна. Двадцять симъ годочкывъ прожылы, якъ одынъ часочокъ. Дай Господы тавъ и на дали.

Киндратъ Степановичъ. Велька сыла порозумянне та згода у семьи; де согласіе та ладъ, тамъ и благословеніе Боже. Ну, а скажы видъ сердца, не выховаючысь: лехче тоби теперь жывеця, правда лехче?

Лукерія Степановна. Що вже згадувати колышне! Молода була, хйба диво, що трохы дурила? Кобы бь не любила, чы ревнувала бы васъ?

Киндратъ Антоновичъ. Ты ревнувала мене, а я тебе за те не гладывъ по головци. Теперь ты схаменулася, порозумнишчала, и промежь насъ ладъ.

Лукерія Степановна (*зитхнула*). Та що вже? Ни на кого я такъ не жалкую, якъ на Марыну, и досы плачусь на неи: за другихъ було дасте стусанъ та й годи, а за Марыну вы мене найгиршь были и голову мени розбылы... Вже видтоди бильшь десятка годивъ пройшло, а голова и заразъ морочытьця, и у вухахъ гуде.

Киндратъ Антоновичъ. Ну, то пус-те, що гуде, то пройде. Можна буде у аптеци взять ликарства, и заразъ пройде... Не досадно бь було, колы бь и справди варта було ревнувати.

Лукерія Степановна. Годи вже болячѣ згадувати.

Киндратъ Антоновичъ. Дурочко ты! Ну, и на що мени чужи молодыци, колы у мене своя е голубочка-сызоперочка? (*Цилуе її*).

Лукерія Степановна. Якъ вы отакъ прыязно балакаете до мене, то я все своо горе забуваю. (*Плаче, прынавшы ему до плеча*). Охъ, знивечылы вы мій викъ, погубылы мою красу... Черезъ ваши кулаки я двоухъ дитей скинула...

Киндратъ Антоновичъ. Це вже ты завела стару пильню... Годи мынуле згадувати. (*Цилуе її*).

Я В А ІХ.

Ти жъ и Воздвыженскій.

Воздвыженскій. Зрю и преклоняюсь передъ стоустой молвой, несущейся изъ края въ край о добронравномъ и благополучномъ жытіи вашомъ, ибо и самъ ныне торжественно и громогласно реку: во истыну треба прымирь браты зъ кроткаго и голубынаго жытія супружывъ—Киндрата Антоновича и Лукеріи Степановны.

Киндр. Ант. и Лук. Степ. Та то мы такъ згадамы молодощи...

Воздвыженскій. Блаженъ, хто зъ молоду былъ молодъ! Назыдательно, весьма назыдательно. Поздоровляю именьныка и зъ именьныкомъ. (*Чоломкаютця*).

Я В А Х.

Ти жъ и Знаменскій.

Знаменскій. Многоуважаемый Киндратъ Антоновичъ, зъ именьнамы! Многоуважаемая Лукерія Степановна, зъ именьныкомъ. (*Чоломкаютця*).

Киндратъ Антоновичъ. Дякуемо, Нихвинтъ Вархоломеевичъ.

Лукерія Степановна. Вы зъ сестрыцею, чы сами?

Знаменскій. Сестрыця zostалася била ричкы зъ Олександрою Киндратовною и другими дивыцями.

Воздвыженскій. Тамъ гусы та качкы плавають, такъ вони занимаютця наблюденіями.

Знаменскій. Чулы новыну? Аркадій Рафаиловичъ Арцымашь волюю Божією помре?

Киндратъ Антоновичъ. Царство небесне, вичный покій! Вымирае панство, беда, якъ вымирае.

Воздвыженскій. Таковъ законъ природы. Знаете, якъ Гамлетъ розсужда: „всѣмъ жывущимъ умирать, таковъ нашъ жробій!“

Киндратъ Антоновичъ. Хто, кажете, такъ розсужда?

Воздвыженскій. Гамлетъ.

Киндратъ Антоновичъ. Розумно и справодно розсужда. Хто жъ той Гамлетъ?

Воздвыженскій. Це на театри представляють: „Гамлетъ, принцъ Датскій.“

Киндратъ Антоновичъ. А, на театри? Ну, це насъ не касаетця, а я думавъ...

Знаменскій. Я те жъ выдавъ Гамлета. Ну, гробокопатель тамъ чудаць, такъ вже именно смихотворъ!.. Это страшна трагедія, та ще й зъ смертоубійствомъ...

Киндратъ Антоновичъ. Намъ таки театры и дома остогыдлы: смертоубійства та краджыкы мало не що-дня. Садовыця, господа, чого жъ мы стоимо? Остогыдлы, остогыдлы намъ ци театры. (*Посидалы*). И хто ёго зна, якъ вже воно буде дали? Всюды тилько и чуешъ, що тамъ обкрадено, тамъ обмошеничыно, тамъ обдурено... Отъ вы, господа, бильшь нашего вчылысь, то повинни бильшь и розумиты, и око ваше мусыть дали и глыбше заглядаты; а мы, якъ ти слпы оводы, жы-

вемо навпомацкы, мовлявъ и того не до-
бачаемъ, що пидъ носомъ коитця! Бо
насъ же не такъ и вчылы, якъ васъ, зо-
всимъ не такъ. Наша навѹка не мудра
була: черезъ спыну, або поперекъ—колы
не батогомъ, то налыгачемъ. Мени дя-
чокъ проказавъ разивъ зъ пьять псалтыря:
„блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ
нечестивыхъ, и на пути;“ та ото и по
науци. У два мисяци скинчывъ и вси
курсы и вси экзамены.

Знаменскій (*сміетця*). Не хитра
була наука!

Киндратъ Антоновичъ. Насъ вчылы
на мидни гроши; а на васъ то вже и
срибныхъ не настачылы. Отъ хочъ и про
нашу Олеся скажемъ: мало вона намъ
стоитъ? У тысячу карбованцивъ не вбе-
решъ всія навукы, ей-Богу, не вберешъ!

Лукерія Степановна. А клопоту зъ
тїєю наукою, а гвалту!..

Воздвыженскій. Вы куды жъ цю
розмову ведете, до чого клоните? Бала-
кайте не такъ широко.

Киндратъ Антоновичъ. А до того,
що инчий, напрыкладъ, якъ я, и тїєю
наукою, що на мидни гроши, задоволь-
няюся; а другий не задовольняетця. Отъ
наша Олеся що разу бидкаетця: чомъ
вона того не зна, то чому ии тому, та
инчому не навчено?.. Такъ отъ, якъ вы,
господа, бильше нашого вчени, то повинни
понимать: куды жъ воно теперъ все йдетця
и до чого воно дійдетця?

Воздвыженскій. Ага, ажъ ось куды
вы метнулы?

Знаменскій. Довольно пространно.

Киндратъ Антоновичъ. Постере-
гаєте, якъ теперъ у свити повелося: одни
пнутця въ паны, други въ мужыкы; одни
товплютця, давлють одынъ другого, одій-
мають останній шматокъ зъ рота, други
самі видають: инчи ажъ тремтять до
навукы, и, скильбо не дай имъ книжокъ,
все имъ мало; други и зъ однією книж-

кою не справляютьця. Онъ и зновъ бла-
городни, прирожденни господа кыдають
званіе прирожденне, надивають сиракъ и
берутця за плугъ? И куды намъ гнуты,
до кого пристаты, не розберешъ!

Воздвыженскій. А вы идить своєю
дорогою.

Киндратъ Антоновичъ. Такъ хто жъ
ѳго втрапе зо слицу на свою дорогу?

Воздвыженскій. Це вопросъ довольно
сложный.

Знаменскій. У газетахъ можно вычы-
таты, тамъ все сказано: куды, якъ и що...

Киндратъ Антоновичъ. Я шо-дня
у газету дывлюся, а указанія не бачу.

Воздвыженскій. А я вамъ дамъ со-
вить благий. Краще не пидіймайте на
свои рамена такой головоломности, а
швидчъ сядемъ въ обязательну по пят-
надцять копїекъ.

Киндратъ Антоновичъ. Отъ вамъ
все шуточкы, а я иноди цилисеньку пичъ
не засну та все думаю: куды воно йдетця?

Воздвыженскій. А вы краще прий-
мить на ничъ лампадкы дви, або й три
очыщенной и пречудесно спатымете. Видъ
очыщенной всяки вредни мысли изчезають,
яко таить воскъ отъ лица огня...

Я В А Х І.

Ти жъ, Олеся, Марфа Варфоломеевна, Ле-
оныла Агапоновна и ще дивчата.

Леоныла Агапоновна. Зъ именина-
мы! (*Чоломжаютця, други дивчата
те жъ роблють*).

Марфа Варфоломеевна. Киндратъ
Антоновичъ, зъ именинами! Лукерія Сте-
пановна, зъ именинныкомъ! (*Чоломжа-
ютця*).

Лукерія Степановна (*до Олеси*).
Ты хочъ бы рады хатнѳго празныка, ра-
ды батьковыхъ именинъ одяглась, якъ
слидъ.

Олеся. Хіба жь такъ не гарно?

Киндратъ Антоновичъ. Молоди люде подумаютъ, що въ тебе нема, въ вищо и переодягтись.

Олеся. Якъ що ци молоди люде задвлятымутця тилько на мое убрання, то мени до ныхъ байдужисенько.

Киндратъ Антоновичъ. Ачъ якъ гостро видрубала, це вже такъ зъясувала, що ни зъ якого боку и не підточышь.

Лукерія Степановна. Валивона ты у насъ, Олесю! Якъ же такы такъ можна?

Олеся. Яку вы зъ мене хотили зляпаты, такую я и вдалась: ни краще, ни поганча. *(Регоче)*. Злипылы дяю на себе глядя, а теперь и цяцкайтесь. Сидайте, сестрычкы!

Знаменскій. Но на мій поглядъ, Олександрі Киндратовни украинська одежа дуже прыстала.

Олеся. А що, мама, бачыте?

Козувська. Никоторого хвасону!

Марфа Варфоломеевна. Кому що къ лицу.

Козувська. Знаемо, у чый огородъ каминьци жбурляете.

Марфа Варфоломеевна. Видчепитця вы, Бога рады, овсимъ вы мени и не на думци. Чого прысикуетеса?

Козувська. Не знаю, хто зъ насъ сёгодня до кого прысикуетця!

Марфа Варфоломеевна. Тилько не я.

Олеся. Оце вже мени прыкро слухаты. Годи, сестрычкы, змагатыся, хочъ рады сёгодняшнёго дня!

Киндратъ Антоновичъ. За це разумно, дочко. Це правда, що сёгодня якось не годытця.

Лукерія Степановна. Не на те жь мы васъ, справди, закльвалы, щобъ вы одна одній очи выдралы.

Олеся. Ходимо краще до мене у свитлычку, я вамъ де що цикаве покажу. *(Встае)*.

Воздвыженскій. Но украинська одежа даже и на театри преукраша взоры.

Лукерія Степановна. Не нагадуйте, пожалуста, про кياتри, хай имъ цурь. Нашій Олеси торикъ якъ замарудылося въ одну душу: пиду въ актёркы!

Олеся. Я ще ту думку не зовсимъ залышала.

Лукерія Степановна. О, чуєте?!

Воздвыженскій. Театръ дуже соблазнительна штука, колысь и я подвызався въ качестви хорыста, або безсловесныхъ лицедивъ въ Украинскій труппи; но таланта не розбудывъ въ соби.

Олеся. Невже?

Киндратъ Антоновичъ. Театръ—то баловство! У насъ и своихъ театривъ дома доvoli.

Козувська. По моему, иты у актёркы за для тїи особы, котра личыть себе благородною, зовсимъ не прыстойно.

Лукерія Степановна. Отакъ же и я кажу.

Марфа Варфоломеевна. Дворянкамъ може и справди конхвузно.

Козувська. А дьяконивнамъ саме пидъ масть.

Марфа Варфоломеевна. Инча дьяконивна бува звычайнищою видъ справжней потомственной, колы, не до неи пьютъ, не каже: „здорови пйте!“

Козувська. Николы хамъ панови пидъ плече не пидійде!

Олеся. И вже знову почалы шпыгатысь! Марфушо, я розгниваюсь на тебе. *(Цилуе її)*.

Марфа Варфоломеевна. Та цурь имъ, тимъ дворянкамъ!

Козувська. А дьяконивнамъ пекъ!

Олеся. Та годи вамъ! Краще давайте прохаты нашихъ кавалеривъ, щобъ вони насъ окрытыувалы.

Воздвыженскій. Я крытыкой не занимаюсь, потому што до многихъ предметовъ равнодушень.

Олеся. Чуешь, Марфушо? (*Усмехается*).

Знаменскій. Крытыкують, котори идіоти и болваны.

Козувська (*до Знаменського*). Ну, вы вже, пожалуй, хочъ и не говорить, вы, просто ужась, ужась, який крытыкань!.. Кожного зъ нигъ до головы окрытыкуете. Хйба то не вы пустылы крытыкуете. Хйба то не вы пустылы крытыкуете про Матрену Петровну, нйбы у неі одна нога куца? А про Сохвыю Дмитровну, що вона собі кой, - що подмошуе?

Дивчата. То вы ось якы, Ныхвинть Варфоломеевичъ?!

Знаменскій. Никогда я не интересовался даже недостатками тихъ особъ, ибо вони мени безъ надобности.

Козувська. Такъ мы вамъ и повирылы!

Дивчата. Теперъ же мы знатымемъ, якы вы!

Олеся. А я дуже бъ хотила, щобъ Ныхвинть Варфоломеевичъ мене окрытыкувалы.

Лукерія Степановна. Що це ты, донечко, до жъ такы.

Знаменскій. Це бъ було совершенно напроты моихъ чувствъ.

Воздвыженскій. Пущайте.

Олеся. Пожалуста, окрытыкуйте!

Киндратъ Антоновичъ. Ну, и що ты, Олеся, выгадуешь?

Лукерія Степановна. Де жъ такы щобъ такъ ни зъ того, ни зъ другого. Чы вони пьяны, чы якъ?

Олеся. Хйба, щобъ крытыкуваты, треба буты пьянымъ?

Лукерія Степановна. Онъ выйдн на шыль проты гребли, та послухай, якъ на тимъ боци, бйля шыньку одынъ одного по морди крытыкують.

Воздвыженскій (*регоче*). За таку крытыку покорно благодарю!

Киндратъ Антоновичъ. Це вже ты почала пальцемъ у небо.

Олеся (*до Ныхвинта*). Пожалуста, окрытыкуйте мене!

Воздвыженскій. Пущайте, пущайте!

Знаменскій. Вы певно на щось натякаете, тилько я нйкакъ не соображу.

Олеся. Хйба жъ не скучно зъ вами? Отъ кавалеры! Одынъ похнюпа, другій тютхтій... Гайда, сестрычкы, видъ ныхъ, безъ насъ вони швидчъ розбалакаютця.

Козувська. Зъ такимы кавалерами можно у меланхолю вступыть.

Дивчата. Не весели собесєдныкы!

Марфа Варфоломеевна. И нхто ихъ не вкраде. (*Регоче*). Давайте, продамо ихъ цыганамъ! Ха-ха-ха! (*Вси дивчата зарєготалы и побіглы*).

Воздвыженскій. Весела особа Олександра Киндратовна.

Знаменскій. Це для мене нежданна новына, що сказала Леоныла Агапоновна.

Лукерія Степановна. Нєгоныли не дорогого заходу коштуе и пидбрєхнуты.

Киндратъ Антоновичъ. Не все те слйдъ перейматы, що поверхъ воды плыве.

Воздвыженскій. Но впакы неприянищъ то, що мы тратымъ дороге время. (*Дывытця на часы*). Вже и часъ адмиральскій прыспє, а партнеривъ и досы нема. Нєвже старшына та пысарь не будутъ?..

Киндратъ Антоновичъ. Обищалы поситыты.

Воздвыженскій. Довго барятця! Подывлюсь, чы не йдутъ. (*Пишовєз*).

Киндратъ Антоновичъ (*до Знаменського*). Що жъ вы знайшлы вже собі должность?

Лукерія Степановна. Теперъ вже, мабутъ, зайдете за трыдєвять земель?

Знаменскій (*зитхнуєз*). Многоуважаемые, Киндратъ Антоновичъ и Лукерія Степановна! Я вже однажды роскрывъ передъ вами свій душевный плапъ, и вы знаете оный: сокруша мою грудь

буря що-денныхъ, сердечныхъ ураганивъ!... Изреките: возрадуватця ли смятенному духу моему, или суждено оному ввергнутця въ пучину скорбей и скрежету зубовного плача?

Киндратъ Антоновичъ. Що жъ, поштенный, вы ни пры якому дили, и званія у васъ никоторого!

Лукерія Степановна. Якъ же безъ званія?

Знаменскій. И званіе буде: треба тилькы пидмазаты. Спершу пысателемъ у судъ, вже папаши обищали; а черезъ скилько литъ судебнымъ приставомъ.

Киндратъ Антоновичъ. Обищанка, то дитяча забавка. Якъ же це вы, панычу, маєте вже мало не тридцять рывивъ, а й досы баклуши бьете?

Знаменскій. Потому што страдаю, и нияке занятіе не захохоче.

Киндратъ Антоновичъ. Страданія страданіямы, а званіе окреме, бо це дуже важна статя!...

Знаменскій. Но просывъ я васъ однажды и ныне слезно прошу вторычно.

Киндратъ Антоновичъ. Ось послушайте вы мене, поштенный, якъ у моимъ мозкови складаецця оце саме дило. Балакатыму зъ вами не по вашому, не по вченому, а по просту, якъ умію. Свить зъ кожнымъ днемъ посовуетця впередъ и переминаецця, чы такъ?

Знаменскій. Звычайно!

Лукерія Степановна. Вида, якъ посовуетця!

Киндратъ Антоновичъ (*до Лукеріи*). А ты зъ своимъ носомъ не посовуйся, коли я балакаю. Що було вчера, того сегодня не буде; а завтра вже не буде того, що було сегодня. Такъ и думкы чоловічи, вони що-день миняютця. Свить иде все впередъ, и народъ впередъ посовуетця. И кожна людина, у котрой не вовною голова набыта, щобъ не зостатысь у дурняхъ, мусыть потрапляты за

гуртовымъ розумомъ. И хто прозива те, що сегодня мимо рта пльвло—завтра вже того не здожене, бо завтра вже буде завтрашне.

Лукерія Степановна. А після-завтра—послязавтрашне.

Киндратъ Антонов. Ну да! Після-завтра—послязавтрашне, тилько ты краще мовчы. Пантруйте, поштенный, дали за моими думками. Наша Олеся не яка-небудь безпряданныця, щобъ намъ надто хапатысь и видданямъ,—розуміете? Бувъ бы я безштанько, а вы, якъ и теперъ, дьяконьскимъ сыномъ, вы бъ зроду вику и не подывылыся на нашу Олесю.

Знаменскій. Напрасно, всегда, какъ ныне и присно...

Киндратъ Антоновичъ. Не вирю! Прыдане вамъ муле очи? Положымъ, що гроши усему голова. Такъ, такъ... Ще позаторикъ оти панкы, що тутъ навкруги мають клаштыкы земли, надымалы проты мене губы, не мовъ не добачалы мене; а теперъ, коли Господь благословилъ мои труды, коли я здобувъ оцю земельку, то я вже не хочу зъ ними чоломкатысь, а вони сами хапаютъ мене за руку. Выходыть, що хвортуна повернула колесомъ у нашъ бикъ... Вы, панычу, чоловікъ безъ званія, а мы пиднялысь у гору на стилько, що нибы и на панычъ закандзюбылыся. Не на ривній вже линіи мы стоимо. Ни копыталу, ни званія у васъ, то яка жъ вамъ и цина?

Лукерія Степановна. Яка жъ вамъ цина?—Никоторою.

Знаменскій. Чы давно казалы, що не знаете, куды йты и якымъ шляхомъ? Одначе жъ за свою лынію здорово ухопылыся.

Киндратъ Антоновичъ. Ну, то были розсужденія, а це... Треба жъ про що-небудь розсуждаты... А якъ дило доходить до...

Знаменскій. Значыть, вси мои надежды и упованія были всеу.

Киндратъ Антоновичъ. Це вже ваше дило.

Лукерія Степановна. А вы не сумуйте, та сватайте собі Негонылу Агапонову, у неї и земелькы десятины зъ п'ятнадцять, и левада, и садокъ, и грошенята, мабуть, е,—бо дуже скупенька.

Знаменскій. Да, пожалуй! Быть можетъ, съ отчаянія и Неонилу Агапонову посватаю. Томытця грудь моя подь бременемъ грозь!... *(Бѣе себе въ груди)*. Мовчы ты, уязвленное сердце! Ахъ-ха-ха!.. *(Почавъ ходыты по хати)*.

Я В А XII.

Ти жъ и Олеся.

Олеся. Мамо! Дайте ключи! Достану альбома. И на що вы его зновъ заховалы?

Лукерія Степановна. Щобъ кожные не бабляло рукамы. *(Дае ключы)*. Послухай, донечко, щось Ныхвинтъ Варфоломеевичъ кажутъ.

Олеся. Що таке, невже цікаве? Шкода, мени николы послухаты.

Знаменскій *(зитха)*. Всеконечно, вы догадуетесь?

Олеся. Чы не зновъ про чувства? Коли бъ вы менчъ про ныхъ говорылы, то ихъ виднищъ бы було.

Знаменскій. Або добыйте мене однимъ словомъ, або звелыть жыть и счастье наслаждаться!

Олеся. На вищо вы таки рогати слова промовляете, ажъ страшно слухаты? Я ще такъ мало на свити жыла, а вамъ и те заздритно, хочете видняты у мене волю?

Знаменскій. Ваша воля пры васъ и зостанетця.

Олеся. Ни, дивоча воля до шлюбу; а шлюбъ узяла—волю виддала.

Лукерія Степановна. Охъ, донечко, правда, правда...

Знаменскій. Никогда я такъ не слывь. Это напрасно!

Олеся. Скажу вамъ прямищъ: не до пары я вамъ. *(Побигла)*..

Знаменскій. Что сіе? О, невжли же конецъ прыблыжывся, душе моя, твоимъ упованіямъ? *(Малевно ухотывся за одвирокъ)*.

Киндратъ Антоновичъ. Така вже вона у насъ, якъ бачыте.

Лукерія Степановна. Своевольна.

Знаменскій. Погыбли мои надежды, погыбли мечты!.. Теперь же я дожыль до чернаго дня!..

Я В А XIII.

Ти жъ, учитель, старшына, пысарь, псаломщыкъ и ще два—тры чоловина.

Учитель. Зъ именинами. *(Чоломакетця)*.

Пысарь. Пожелавъ вамъ всего лучшаго въ мірѣ, считаю долгомъ выразить поздравленіе!..

Старшына. Щытаю долгомъ. Мы до васъ гуртомъ, щобъ по одыньци хаты не выхоложуваты.

Воздвыженскій. Теперь уже въ збори вся наша арыстократія.

Кин. Ант. и Лук. Степ. *(Витаютця зъ кожнымъ)*. Спасыби, що не забулы, дякуемо!.. Благодарымо!.. Садовытця! Мылосты просымо!.. *(Сидаютъ)*.

Старшына. Вы, Лукеріе Степановно, чудови хазяйка. У нашихъ бабивъ гусы ще тилько починають нестысь, а въ васъ же й гусынята повылуплювалысь.

Пысарь. Вы образцовая хазяйка! Хочъ на всемірну выставку!

Чоловики. А такъ, такъ... Образцови, образцови...

Старшына. Средства, мабуть, такого знаете? Правду кажутъ, що багатому чортъ дитей колыше.

Воздвыженскій (*показує старшын-ни карты*). Не теряя дорогого времени, приступимъ.

Старшына. Я могу, не знаю, якъ други.

Воздвыженскій. Господа! (*Розбирають карты*).

Учитель (*до Знаменського*). Що це вы, Ныхвинтъ Варфоломеевичъ, носа повисыли?

Знаменскій. Все на свити пустякы!

Учитель. Що це на васъ нашло?

Воздвыженскій. Матвій Гнатовычъ, а вы стукнете?

Учитель. Я згодомъ, а теперъ щось не охота. (*У цю хвилю чутио дивочый хоръ*).

Пысарь. Тыхше, тыхше, господа! (*Слухають*). Какой дивный мелодій, вперше чую.

Старшына. Чудово якъ у вухахъ видляскъ лунае!..

Киндратъ Антоновичъ (*до учителя*). Ось слушайте, Матвій Гнатовычъ, пидить вы до дивыць, та й присогласить ихъ сюды. Олеся васъ певно послуха, а за нею вже й останни.

Учитель. Можна. (*Пишовъ*).

Воздвыженскій. Господа, на миста! (*Спивъ замовкае*).

Собирайтесь, игроки,

Вынимайте кошелькы...

Киндратъ Антоновичъ, не мишае для вдохновенія, докы обидъ посліе, испить по одній лампадци. Господа, хто согласенъ зо мною, пидіймайте руки. (*Вси пиднимають*). Яке еднородушіе и едномысліе!

Киндратъ Антоновичъ. Лукеріе, ну, лишь распорядысь. (*Сидаютъ за стилъ. Лук. Степ. пишла*). По якый гра-тынемъ?

Старшына. Пожалуста, не по великій, бо я дуже гарячый, швидко спорожню партимонъ.

Пысарь. Партманеть!

Старшына. Все ривно!

Пысарь. По девять копіекъ обяза-тельна. (*Здае*).

Воздвыженскій. Почему не по пять-надцять?

Старшына. Э, ни, то дуже дорого, мы не согласны.

Чоловики. Мы не согласны...

Воздвыженскій. Не хотивъ бы я, знаете, буты и архіереємъ, тилько бы знаты що разу, яки въ прыкупци карты. Въ темну!

Киндратъ Антоновичъ. Стукнемо.

Старшына. Та и я за громадою!

Пысарь. Сколько кому? А Киндратъ Антоновичъ певно зъ тузкомъ, або зъ королею и кралею?

Воздвыженскій. Прошу два!

Киндратъ Антоновичъ. Одну!

Пысарь. Ну-да; такъ и есть!

Старшына. Чотыри.

Воздвыженскій (*взявъ карты*). Ого-го! Це: кеске-се, высочайшый сортъ! (*Почынають гратъ*).

Я В А XIV.

Ти жъ, учитель, Олеся и останни дивчата.

Учитель. Ну, панове, колы слухаты, то просымо слухаты мовчкы. Якывъ Михайловычъ, пидтягуйте!

Воздвыженскій. Могу! (*Видкашлюетця*).

Учитель. Прошу спивать по руци, разомъ и не наважатыся перекрыкуваты одна-одну. Заспиваемъ: „Стоить гора высокая“. (*Задае тонъ, и почынають спиваты*):

Стоить гора высокая,

По пидъ горсю гай,

Зеленый гай, густесепькый,

Неначе справди рай.

А пидъ горою риченька,

Якъ скло, вода блещыть,

Долною далекою

Кудысь вона бижыть.

Я В А XV.

Ти жъ и Лукерія Степановна, Павло зъ пидносомъ, на которомъ тры графынчыка и чаркы, и Горпына зъ закускою.

Павло. Чого ты пресея напередъ, чого? Все. Ц-сь, ц-сь!

Павло. Та чого жъ вона суне напередъ свою пыку? Горилку спершу пьють, а потимъ закусууть. Отъ и за покойного Петра Рыгоровыча...

Лукерія Степановна. Та замовчы!

Павло. Та замовчатъ можна; а тилько кажу, що и за покойного Петра Рыгоровыча...

Пысарь. Ахъ, якъ жаль, що перепынылы чудову пысьню.

Воздвыженскій. Но бувають случаи, що и поиздъ зупыняють на всимъ бигу.

Старшына. Чувствытельна пысьня!

Чоловики. Дуже чувствытельна.

Воздвыженскій. Вони намъ ще заспивають. А теперь треба обратыть внимавіе на прычину, зупынившую поиздъ, дабы изслѣдовать оную немедленно и неукоснытельно. *(Налывае чаркы)*. Лампадкы у васъ, почтенные домохозяева, не безобидны. Господа, не теряйте торжественнаго моменту: за здравіе имениныка, источныка безсмертнаго испійте! *(Выпивають)*.

Пысарь. А теперь просымо барышень продолжатъ сладкозвучный мелодій. *(Сидаютъ)*.

Старшына. Такой вже сладкозвучный, що и сказать...

Чоловики. Бида, який сладкозвучный! *(Почынають гратъ)*.

Павло. За покойного Петра Рыгоровыча, якъ были меныны, то заразъ музыка, пивчеськи... Для двирьскыхъ бочку горилкы, бочку меду, бочку...

Киндратъ Антоновичъ. Ну, тебе про це ниhto не пытае...

Павло. Цыганы ведмедивъ понаводять...

Киндратъ Антоновичъ. Иды вже, лагодься тамъ до обиду.

Павло. Добро колысь було! *(Пишовъ)*.

Киндратъ Антоновичъ. Ну, Матвій Гнатовычъ, мы слушаемъ.

Учитель. Третій куплетъ. *(Спивають)*:

На берези у затышку,
Де вяжутця човны,
Тамъ тры вербы схылылыся,
Мовъ журятця вони.

Я В А XVI.

Ти жъ и Павло.

Павло *(вбига)*. Отъ такъ штука! Левонидъ Петровычъ прыйихалы, я сразу ихъ познавъ!

Киндратъ Антоновичъ. Невже? Зовсимъ не сподивався! *(Все схопылыся и заметушылыся)*.

Я В А XVII.

Ти жъ и Загрыва.

Загрыва. Здравствуй, Кондратъ Антоновичъ, какво поживаешь? *(Цилуютця)*. Здравствуйте, Лукерія Степановна! *(Чоломкаютця)*. У васъ веселье?

Воздвыженскій. Господарь сего дома имениныкы.

Загрыва. А, вотъ что! Никакъ Воздвыженскій?

Воздвыженскій. Узналы?

Загрыва. Еще бы! *(Чоломкаютця)*. Такъ я попалъ на семейный праздникъ? Поздравляю имениныка! Не помѣшалъ ли я вамъ?

Киндратъ Антоновичъ. Спасыби, шо прыйихалы, якъ разъ у пору, дуже ради.

Загрыва. Рады?—тѣмъ лучше. Познакомъ меня съ гостями, всё это, разу-

мѣется, сосѣди? Оно и кстати. Вѣдь я предполагаю поселиться въ деревнѣ и превратиться въ хлѣборода. Помнишь, Кондрать Антоновичъ, я объ этомъ въ юности мечталъ, и ты, бывало, меня экзаменуешь: заставляешь отличить яровой хлѣбъ отъ озимаго, или плугъ сложить?.. Теперь я думаю осуществить мечты.

Киндрать Антоновичъ. Це теперь, кажутъ, у моди.

Старшына. Чутка йде, що на панивнѣ ныби пошестъ яка напала, що все до мужычкивъ пидсовуютьця.

Киндрать Антоновичъ. Це наши начальныкы. Отъ господынѣ старшына. Пидходите!

Загрыва. Лицо знакомое.

Старшына. Невже не признали? А прыдывытця гарненько. Колись у коней разомъ бигалы, гавенять у купи дерлы, рыбу вудылы... Корнѣя Корлюка пам'ятаете?

Загрыва. А, Корнѣй? Давно ли казись, а ужъ мы почти старики.

Киндрать Антоновичъ. Ваша старистъ ще за горами.

Старшына. Теперь вже, мабуть, забулы и по нашому балакаты, а колись ловко чесалы.

Загрыва. Ня, маракую и теперъ по троху.

Киндрать Антоновичъ. А це волостный писарь. Пидходите!

Писарь. Иванъ Семеновъ, снѣтъ Трандафилловъ.

Киндрать Антоновичъ. Господынѣ сельскый учитель, а оце сынокъ нашего дьякона. Осъ и моя Олеся!..

Загрыва. Олеся! Да неужто это она? Вотъ этакой крошечкой помню васъ. Подумаешь, сколько времени прошло. Въ національномъ костюмѣ? Прелестно.

Олеся. А мама гниваютьця на мене, що я городской одежы не долюблю.

Лукерѣя Степановна. Не то, що, а якось...

Козубська (*Прысида*). Леоньла Агацоновна Козубська, потомственная дворянка. Покійни мои маменька часто було годують васъ коржыками, або вертугою, якъ було заходите до насъ зъ охоты.

Загрыва. Да, помню, помню. Очень радъ! А что, Кондрать Антоновичъ, съ дороги не мѣшаеть пропустить по одной?

Киндрать Антоновичъ. Мылости просымо! (*Налыва*).

Загрыва. Господа, вышьемъ ради новаго знакомства!

Воздвыженскый. Не вредно! (*До писаря*). Дерзай, Сементъ!

Павло (*пидходе*). Левоньдъ Петровичъ, а мене неуже не признали? А ну прыдывитця.

Загрыва (*вдыляетця*). Не дуракъ ли Павлушка?

Павло. Такъ тошно. Тилько що теперъ не дурачь.

Загрыва. А помнишь ли, какъ ты покойному батюшкѣ говорилъ: „не пойду я въ загряницу?“

Павло. Теперь пойхавъ бы хочъ и на край свита!

З а в и с а .

Д І Я І І.

Въ глыбни кову скалыстый берегъ ричкы, по, де-куды порослыи очеретомъ, кугою, лозою и терномъ. Биля лозы прывязаныи човень; по той бжкъ ричкы мріе село; на другимъ плану, ливоручъ—садъ, плить и хвиртка, праворучъ—крыница зъ журавлемъ и жолобомъ.

Я В А І.

Олеся и Марфа Варфоломеевна выходятъ зъ хвиртки и спивають, пидходють до ричкы. У Марфы Варфоломеевны въ руци вузлыкъ зъ роботою.

Не тамъ щастя, не тамъ доля,
Де багати люде;
Кого злуче коханячко,
Тамъ и гараздъ будо.

Ты, дивчыно засмучена,
Скажы, що думаешъ:
Що-дня нудышь билымъ свитомъ,
Рученькы ламаешъ?

Ой тымъ я нудюся,
Рученькы ламаю,
Що лита мой мынають,
А доли не знаю.

Половина литъ мынуло,
Щастя не зазнала,
Биле личенько змарнило,
Бривонькы злынялы.

Не втишайтесь, вориженькы,
Моій прыгодоньци,
Що йдуть марно лита мой,
Якъ лысть на водоньци.

Безталанною вродылась,
Такою й загнуу,
Породыла мене маты
Въ нещастну годуу.

Марфа Варфоломеевна. Сонечко вже на полудень звернуло, довгенько я засыдилась у васъ; докы перехоплюсь черезъ ричку, почне вечориты. *(Иде въ човенъ)*.
Колы жъ ты до насъ, Олесю?

Олеся. Колы надумаю. Що у мене робота яка, чы дило пыльне, котре прымуше мене сыдиты дома? Я билоручка:

ни панянка, ни мужичка, ни Богу свичка, ни чорту кочерга! *(Регоче)*.

Марфа Варфоломеевна. Робышь те, що и вси роблять у твоимъ становыщи.

Олеся. Мени такъ не подобаетця. Що то за жыття—безъ цили, безъ напрямку? Я не могу, Марфушо, такъ жыты: инча у мене натура. Колы бъ я змогла тоби розказаты все, що діетця у моихъ думкахъ, ты бъ зрозумила бъ... Не сыла моя згорнуты ихъ до купы, черезъ те що-разу все гиршь налягають вонны на душу. Колы бъ змогла заразомъ обмиркуваты ихъ—не заморочувалася бъ до знесылення. Прыгничуе мене переконанне, що постерегаю въ соби що день все більший бракъ освичення.

Марфа Варфоломеевна. Мало чого кому бракуе, та не все коитця по нашому хотинью, по щучому велинью. Це все видъ байдикивъ лизе тоби таке въ паморокы: що того бракъ, а того и надто; теперь ще понакуповувала усякыхъ книжокъ, то й не дасы рады—ни соби, ни книжкамъ. Попоробыла бъ що-дня до втомы, напрыкладъ, тягаючи горшкы зъ печи, та въ пичъ, або хлибъ вымискуючы, не заморочувалася бъ.

Олеся. Хиба я иноди не роблю до втомы?

Марфа Варфоломеевна. Що иноди? Иноди не що-дня.

Олеся. Роблю, и не помага!

Марфа Варфоломеевна. Стережысь, щобъ ты зовсимъ не стерялася.

Олеся. Ну, що, Марфушо, якъ я и справди стеряюсь. А воно нибы такы до того и йдетця. Ось слухай. Почну шыты що, чы вышиваты—думкы, якъ галичъ, вкрыють, визьму кпыжку чытаты, якый

небуть фактъ такъ докирлево ущемить за сердце, що годи вже й читаты: зрадлыви думкы налопомъ обгорнуть душу и давлють їи и рвуть на шматкы. Я кыдаю кныжку, бижу зъ хаты въ поле, на леваду... А тамъ, якъ спогляну, що якъ то други за той гиркый шматокъ хлиба день у день сыну гнуть та кривавымъ потомъ умываютьця, и тоди вже мени не тилько важчае, а ще и соромно робытця, такъ соромно, що хочъ и кризь землю провалытсь!..

Марфа Варфоломеевна. Чого жъ соромно?

Олеся. И сама не знаю... И кынула-ся бъ я до тїен праці и робыла бъ до втомы, до знесылєннє... Ажъ тутъ раптомъ обхопыть мене мовъ перевесломъ инча, глумлыва та зла думка, и нбы зазырае тоби въ вичи и допытуе: а дали жъ що? Наробыся й ты до втомы, а дали жъ що?... Пидъ впливомъ цїен невидчепной болячки я немовъ умливаю, опадають мои руки, и въ голови метушытця!..

Марфа Варфоломеевна. Чудна! Краще подумала бъ такъ, що не всимъ же гирко працюваты, бо не всимъ однакова доля и таланъ.

Олеся. А за яки вчынкы? Отутъ мои думкы завжды и зупыняютьця!

Марфа Варфоломеевна. Ну, и що жъ такого?

Олеся. Мене те муче и не дае супокою!

Марфа Варфоломеевна. А мени про те байдужисенько.

Олеся. На вищо насъ такъ мало вчать, що ничому не довчають? Я хотила бъ кожній свой думци дати розвій и напрямкъ, а мушу зупынятсь на першимъ ступни и бидкатысь, що ни зъ кымъ не порадытсь, ни спытаты ни у кого?.. Отакъ моя наука! И до чого вона мени? Нбы зъ подъ полы показаны ту науку, якъ пхыкавій дытны цяцьку, та

й зновъ заховали. Ну, на вищо виддали мене до школы?

Марфа Варфоломеевна. Спытай вже заразомъ: на вищо тебе й на свить породылы? (*Регоче*).

Олеся. Чому не виддали мене въ гимназію?

Марфа Варфоломеевна. Мало бъ чого ты не захотила.

Олеся. Краще не знаты ничего, ніжъ мало знаты!

Марфа Варфоломеевна. Не бижы за великымъ, щобъ малого не загубыла.

Олеся. Нема чого губыты. Не шкода мени тїен навукы, котра скидаеця на приказку: „цыть, не плачь, маты спече калачъ, медомъ помаже, тоби покаже, а сама зъисть.“

Марфа Варфоломеевна. Дякуй, що тебе й тому батькы навчылы.

Олеся. Я хочу ще вчытсь.

Марфа Варфоломеевна. И не думай, бо не пустять.

Олеся. Якъ не пустять, я чого-небуть налыхотворю.

Марфа Варфоломеевна. Ты одна у отця-ненькы, звисно, шкода видпустыты.

Олеся. А не бійсь, колы бъ замижъ захотила, то зъ дорогою душею виддали бъ. (*Вдывляеця у подовжъ ричкы и показуе рукою*). Ондечкы бачышъ?

Марфа Варфоломеевна. Що такє?

Олеся. Черезъ що я можу байдужуваты, а ота молодыця—ондечкы, бачышъ, по той бикъ пере соречкы, а побикъ неи ажъ пятеро дитворы, якъ пупьянкы?—Черезъ що жъ вона мусыть, не розгынаючы спыны, працюваты видъ ранней зори и до пизней?

Марфа Варфоломеевна. А ты бъ замисць того, щобъ морочыты паморокы такымы загадкамы—видъ чого, та черезъ що,—краще бъ майнула оце хутенько, та й допомогла їй праты сорочокъ.

Олеся. Ну й гараздъ. Сегодня допомогла бѣ, а дали що?

Марфа Варфоломеевна. А тамъ вже воно само вызначытця.

Олеся. А завтра жъ вона зновъ мусытыме працюваты?

Марфа Варфоломеевна. И, слава Богу, якъ мусытыме, а отъ якъ знесылытця.

Олеся. То-то якъ знесылытця! Я про те жъ и миркую, що буде, якъ вона знесылытця?

Марфа Варфоломеевна. А буде те, що Богъ дастъ.

Олеся. А людямъ бы то до того нема й дила? Ни, Марфушо, такъ не можна. Люде повинни знаты, що буде: и зъ нею, и зъ отыми пупьянками! Коли бъ я мала велыкы достаткы...

Марфа Варфоломеевна. Та й миркувала бѣ зовсимъ инакше.

Олеся. Ни за що на свити! Николы я не переминою своихъ замиривъ, николы!.. Качаешъ головою? Звычайно, що ты теперъ властна даты моимъ, яке хочешъ, прозвище, та и мене саму образаты пустомелею, чы фантазеркою, якъ вже не разъ ображала. Ну, що жъ, ображай ще.

Марфа Варфоломеевна. Пустомелею була, пустомелею и до вику зостанесся. Кожному зростови свои выграшкы, а то би й до старосты ляльки людьмы здаватымутця.

Олеся. Звисно, що я дурочка, а ты умочка. Тилько ця дурочка такъ глыбоко загляда соби въ душу, якъ умочци и не вбачаетця.

Марфа Варфоломеевна. Мени нема чого заглядаты соби въ душу.

Олеся. А мени есть чого. Краще, Марфушо, заглядаты соби въ душу, якъ найглыбшь и якъ найпрозоришь тоди, коли ще зможешъ дывытця въ неи, не червоніючы.

Марфа Варфоломеевна. Це вже зъ якоись новой кныжки утыла? И чого бѣ

ты мала червониты? Чы ты що вкрала, чы ограбувала кого?..

Олеся. А ты бѣ то й не знаешъ?

Марфа Варфоломеевна (*здывовано*). Що таке?

Олеся. Марфушо, не хытруй, а важы видъ серця, якъ щыра подруга: якъ ты на це дывысся?

Марфа Варфоломеевна. На вищо? Постривай, це ты въ жарть, чы?.. Я ничого въ товкъ не визьму.

Олеся. Ты чула, що люде кажутъ? Скажы, якъ кажутъ?

Марфа Варфоломеевна. Та про вищо? про вищо жъ бо?

Олеся. Допытуе, нибы не зна! Про могó отця та про Леоныда Петровыча що люде кажутъ?

Марфа Варфоломеевна. А-а? То такъ бы сразу й пытала. Кажутъ, що Леонидъ Петровычъ мостытця тебе свататы.

Олеся. Та ни, я зовсимъ не про те, тебе пытаю. Що люде кажутъ... про землю? Ты жъ знаешъ, що земля Леоныда Петровыча досталась намъ?

Марфа Варфоломеевна. Знаю.

Олеся. А знаешъ, якъ дисталась?

Марфа Варфоломеевна. Якъ и другимъ дистаетця. Люде кажутъ, що теперъ бы Леониду Петровычу оженытысь на тоби, то й полатався бѣ.

Олеся. Не те, все не те ты кажешъ...

Марфа Варфоломеевна. Ну, що жъ, будешъ помищицею, зробысся дворянкою... (*Глянула на сонце*). Хи, вже скоро й сонечко заходытыме, ото забалакалася!

Олеся. Стривай! Отъ дывысь на мене, Марфушо, ничого я не вкрала, никого я не ограбувала, — правда? червонію. Кажутъ, що диты не повинни въ грихахъ батькивъ своихъ; а отъ я нибы повинна.

Марфа Варфоломеевна. Эге-ге, це ты вже щось тако почала выгадуваты!.. Якъ соби знаешъ, такъ и миркуй, а мене

не сылкуйся заморочыты. Родытеливъ тоби судыты зась, отъ що!

Олеся. Хиба жъ я сужу? Я кажу тоби, що мени соромно, я червонію! Та-дже земля Леоньда Петровыча у двое дорожче стоить тїи цины, за котру намъ дисталася. Якъ же такъ, Марфушо? Це, стало быть, прытысла людynu до стивні и взялы за горлянку!..

Марфа Варфоломеевна. Годи, годи, не хочу и слухаты!.. *(Одмахується рукою и йде у човенъ).*

Олеся. Ну, я вже замовкла, годи, не треба. Знайду зъ кымъ инчымъ це обмиркуваты. Не хочешъ зрозумити! Давай про що-небудь инче молоты языкомъ!

Марфа Варфоломеевна *(помовчала)*. А признайся, кортыть тоби буты дворянкою?

Олеся. Чортъ батька зна що мелышь!

Марфа Варфоломеевна. Я думаю, що намъ вже теперъ до васъ и не ривнятыся.

Олеся. Бачъ! тоби така мова подобаетця, щобъ шпыгаты ни за що, ни про що.

Марфа Варфоломеевна. Думаешъ, мени Ныхвинтъ не розказувавъ?

Олеся. Про вищо?

Марфа Варфоломеевна. Що ты сказала ёму, що винъ тоби не до пары.

Олеся. Сказала. Якъ у мене на души, такъ я й укажу. Не до впадобы мени Ныхвинтъ Варфоломеевычъ. Та й не вирю, щобъ и випъ мене кохавъ. За вищо ёму мене кохаты, ни лыцежъ, ни думканы не прыстала ёму до сердца?

Марфа Варфоломеевна. Я ёго сердца не знаю, тоби выдницъ.

Олеся. Я жъ и бачу. И думканы наши идутъ на ризнь. У Ныхвинта Варфоломеевыча яки замиры? Выйшла бъ я за него замижъ, то не було бъ зъ того шлюбу ніякого товку. Спытала ёго якось: „що бъ вы, кажу, робылы, якъ бы малы достаткы?“— „Купывъ бы каже, у городи домъ“. А дали?— „Виддавъ бы ёго пидъ ква-

тыры“.—Та й тилькы?—А потимъ забравъ бы, каже, ще грошей, та купывъ бы и другый домъ.—А дали, кажу, и третій? А винъ мени на те: почему жъ и не четвертый? А дали що? пытаю. А що жъ дали? видмовывъ, усмихнувшысь. И такъ гыдко усмихнувся, ажъ морозъ у мене по за шкурою пишовъ. Хиба жъ це, Марфушо, життя?

Марфа Варфоломеевна. А якого тоби ще кращого?

Олеся. Памьятаешъ, якъ мы колысь марилы, що якъ повырастаемо, то виддамо себе цилкомъ на корысть и пидмогу людямъ?

Марфа Варфоломеевна. Дурни мы булы, то дуроци й плелы. Ты ще й досы у хмарахъ летаешъ, а я вже свинчыла итогы и зъ мариннямъ и зъ дуриннямъ и перейшла на практичный грунтъ. Натякнула тоби, а теперъ кажу навспряжкы: пиду замижъ за псаломщыка, ото и кипець.

Олеся. А дали що?

Марфа Варфоломеевна. А дали буде те, що Богъ дасть. Прощай *(иде въ човенъ)*. Давай, будемъ перегукуватысь, ажъ докы дойду до того берега, охотницъ йихатыму. *(Видгизжаючы, почына спивать, Олеся пидтягуе)*.

Та болять ручки, та болять ножкы,
Гей, та пшениченьку жнучы,
Та пшениченьку жнучы,
Та уже мени надокучыло,
Гей, та миленького ждучы.

Та нема жъ мого миленького,
Гей, та нема мого пана,
Та й уже жъ моя та постиль била,
Гей, та пылочкомъ прыпала.

Та изъ-за горы, та изъ-за кручи,
Гей, та рыплять возы идучы,
А волы ремыгаючы,
А чумаченькы та выгукуючы...

Я В А II.

Лукерія Степановна и Олеся.

Лукерія Степановна (*звук*). Олесю-гу! А я тебе шукаю по саду та по левади, думала, зновъ сапдешъ огородину за котрись поденну?

Олеся. А хочъ бы й такъ?

Лукерія Степановна. Воно жъ такы тоби и прыстало.

Олеся. Робота бильшь прыстала, нижъ баглаи.

Лукерія Степановна. Ояъ тамъ, на градкахъ, Харытонныхъ обполже баклажаны та дуже бидкаеця, що никому поняньчты дытну.

Олеся. Ось пиду заразы та й понянчу.

Лукерія Степановна. Пиды, пиды мерщій! Учора вона реготала на всю леваду, що знайшлась нянька за дурничку, нехай й ще сегодня порегоче.

Олеся. Нехай! Це вы чы не хочете мене роздратувати, мабутъ, нема на кому зирвати серця, то на мене напались?

Лукерія Степановна. Не въ тимъ сыла!... Ондечкы Леваныдъ Петровычъ прыйхавъ, оце свижо прыбигъ видъ предводителя.

Олеся. То що зъ того?

Лукерія Степановна. Чого винъ почавъ учащаты до предводителя?

Олеся. А намъ яке дило?

Лукерія Степановна. Колы бъ ты побачыла, який на вѣму мундырь, а орденивъ скилько!.. Дви мендали и два хреста отутечкы на грудяхъ высять; а одинъ хрестыкъ на шыи. Певно, що на вѣму не малый такы чынъ.

Олеся. И нехай соби.

Лукерія Степановна. Я оце у перше побачыла ёго у мундыри. Охъ, колы бъ винъ не накоивъ намъ лыха зъ тѣю закладною, щобъ та земелька намъ сокомъ не выйшла. Якъ ты думаешъ?

Олеся. Ничого я про те не думаю.

Лукерія Степановна. Ты жъ тамъ у книжки дывыся, то тоби виднищъ, нижъ мени.

Олеся. У законахъ про те пишуть, а не въ тихъ книжкахъ, у котри я дывлюся.

Лукерія Степановна. А ты бъ и законы передывыла.

Олеся. Де жъ я ихъ визьму?

Лукерія Степановна. Бачъ, чортъ зна якыхъ кпнжокъ що-разу понакупувешъ добиса, а тыхъ, котри прытьможъ потреби, якъ разъ и нема.

Олеся. Та чого вы такъ метушытесь?

Лукерія Степановна. Якъ глянула я на мундыра та на ордена, то такъ уся и затремтила. Певно, винъ мае не малу сылу и били мыныстривъ, а може и били Царя...

Олеся. Ему те и на корысть, а вамъ чого тремтиты?

Лукерія Степановна. А хто жъ ёго зна чого? Такый жахъ мене обгорнувъ, такый жахъ, якъ глянула на мундыра та на мендали, а видъ чого—не зрозумію!

Олеся. А що, мажо, якъ Леоныдъ Петровычъ виддасть гроши, чы татко вернуть ёму землю?

Лукерія Степановна. Зъ якои рѣчи? Вона намъ дисталась по закладній.

Олеся. Мабуть же, земля дорожча тѣи цины, за котру вона була закладена?

Лукерія Степановна. Хочъ бы вона и втрое дорожча була, такъ вона намъ хвормально перейшла зъ торгивъ, по купчій.

Олеся. Такъ що жъ, що хвормально, хвормально жъ можна и вернуть. У Леоныда Петровыча у той часъ не було грошей.

Лукерія Степановна. То це жъ вже вивъ и выненъ, що не роздобувъ.

Олеся. Та винъ же, ништо другий. А якъ винъ захоче виддать гроши?

Лукерія Степановна. Мало бь чого винь не схотивъ. Земля намъ перейшла хвормально.

Олеся. Це виходить очевидячки будувати свое щастя на чужимъ базтанни?

Лукерія Степановна. Не знаю, якъ воно виходить по книжному, а мы потрапляемо за громадськимъ розумомъ: якъ люде, такъ и мы. Дали бь мы зивка, то други ухопили бы земельку, а мы зостался бь зь московською борулькою.

Олеся. А я певна, що батька не захочуть такъ дешево взяти.

Лукерія Степановна. Вже и взявъ. Земля намъ хвормально дисталась.

Олеся. Це вже я чула, що хвормально. А якъ, кажу, Леонидъ Петровичъ верне гроши?

Лукерія Степановна. А хйба мы мало клопоталыся, докы здобули цю земельку? Ще бь то по твоему виходить, що: сегодня я куплю вола, чы корову и виддамъ гроши, а завтра той, що продавъ, прынесе мени гроши назадъ и скаже: верны мени вола, чы корову, то я й мушу вернуты?

Олеся. То вольна продажа, а це...

Лукерія Степановна. Ой, дочко, чы не дуже вже багато ты розуму набралась зь книжокъ? Вельку ты вагу берешъ на плечи, гляды, щобъ не спиткнулася. Не даромъ я натякала скільки разивъ батькови, що пора тебе до рукъ прибрать. Черезъ тебе вже й наймычкы мени грубиянствуютъ, що ты зь ними зь усима мало не посестрылась, и черезъ то вони мене й вухомъ не ведуть.

Олеся. Бо вы не вмiете зь наймычкы ками поводитысь.

Лукерія Степановна. Це бь то ты мене вчытемешъ, якъ мени зь наймычкы ками поводитысь?

Олеся. Кажуть, що зь боку виднищъ. Я й кажу, що бачу. Коли бь вы

змогли сами прыдывытысь до вашого повоження, то й побачыли бь. Напрыкладъ, сегодня вы сыдыте зь ними поручъ и выявляете свои скаргы, особлыво якъ зь батькомъ посварытесь, то выявите й те, чого бь не следъ ницому знаты; а завтра починаете ихъ ни за що, ни про що лаяты та грызты. Взычаєте и не гречными, та не звычайными словами. Ну, вона и не втерпе, огрызетця.

Лукерія Степановна. А я повинна ий змовчаты?

Олеся. И вона така жь людина.

Лукерія Степановна. *(Кланяетця)*. Спасыби тобі, донечко! То це ты вже мене до наймычкы ривляешъ, до якои небуть репаной мугыркы?

Олеся. А хйба вы зь паньского роду?

Лукерія Степановна. Коженъ за свои гроши пань!

Олеся. Та пань, тилько зь ничого боку.

Лукерія Степановна. Такъ, такъ!.. Тебе тилько послухай, то ты наговорышь повнисеньку хату и кимнату!

Олеся. И на вищо намъ у паны лизты? Скільки не квитчай ворону у павине цирь, а вона все такы не буде павою, а вороною. Е, мамо, поговирка: видко пана и по халявахъ. Видъ чогось вона зъявлася. Паны, мамо, першъ усею люде образованни.

Лукерія Степановна. То по твоему, я вже и не образованна?

Олеся. А вже жь, що ни.

Лукерія Степановна. Ахъ ты жь, стерво учене! То я тебе якъ схоплю за косы!

Олеся. Оце якъ разъ доладня розмова.

Лукерія Степановна. Ичъ, якъ змiюку вивчылы соби на радисть!

Олеся. Змiюка? А годыны ще не пройшло, якъ пры Марфуши плакался, що якъ то вамъ тяжко буде розризня-

тися зь дочкою-едынчкою, колы прыйдетця замижъ виддаты, що якъ голосытмете та вбыватытетесь...

Лукерія Степановна. И голосытмю! (*Почына хныкаты*). Все слизонькы выплачу та выголюю... Хиба буде мени зь кымъ пожуритися, теплымъ словцемъ перемовытятся?...

Олеся. На що вже и теплищой розмовы, якъ ось заразы?...

Я В А III.

Ти жъ и Киндратъ Антоновичъ.

Киндратъ Антоновичъ. А що цеты, старушка, розхлюпалась?

Лукерія Степановна. Такъ соби. (*Сина Олесю за рукавъ*). Мовчы!

Олеся. Заблгнулося мами задалегидь оплакаты мене; ще й женихивъ нема, а вони вже выражають мене зь двору.

Киндратъ Антоновичъ. Женихивъ якъ собакъ, абы твоя охота.

Олеся. А я маю де объ чимъ зь вами поговорыты.

Киндратъ Антоновичъ. Шкода, що я не маю теперъ часу. Идить краще у домъ та готуйтеса до чаю.

Олеся. Ще рано до чаю лагодытись.

Киндратъ Антоновичъ. Стара, тамъ треба распорядытись, щобъ на вечерю що небуты...

Лукерія Степановна. Заразы иду. (*Пшла*).

Киндратъ Антоновичъ. А ты, Олеся, пиды зь Левоньдомъ Петровычемъ время препровожденіе...

Олеся. А що, ему скучно? А мени зь нимъ не весело.

Киндратъ Антоновичъ. Все жъ такы, винъ нибы гость у насъ. Вернувся оце видъ предводителя, та такый засмученый.

Олеся. Якъ вы, тату, скинчылы зь нимъ за землю?

Киндратъ Антоновичъ. По закону. Видъ закона я а ни на ступинь.

Олеся. Якъ же по закону?

Киндратъ Антоновичъ. Га? (*Оглянувся*). Отъ зачимъ ишовъ, про те й забувъ! Иды, я заразы тебе дожену. Треба подывытись, чы законопатылы отого жолоба? И що за каторжный народъ, докы не тукнешъ десять разивъ, то ничего и не зробляють. (*Пшовъ*).

Олеся. Обрыдъ вже мени Леоньдъ Петровычъ зь своимы розказнямы про Петербургъ. Балака про таке, що мене а ни крыхоткы не цікавытъ; а якъ спытала, якъ поступыты на хвершальски курсы, то винъ того и не знае. (*Пшла*).

Киндратъ Антоновичъ. (*Самъ*). Що це Олеся почына вже соваты свого носа нибы туды, куды бъ и не слидъ? Э, цего то вже я не вхвалывъ.

Я В А IV.

Леоньдъ Петровычъ изъ хвиртки.

Леоньдъ Петровычъ. Кондратъ Антоновичъ! А ты вотъ куда забрался? Всё хлопчешъ, да хлопчешъ.

Киндратъ Антоновичъ. Такый вже нашъ таланъ, що мусымо увесъ викъ, повзаючы на вколюшкахъ, копійку ту зь земли вышкребаты.

Леоньдъ Петровычъ. Тебъ ли еще сѣтовать на судьбу?

Киндратъ Антоновичъ. Самъ не жалуюся, а печинкы нють.

Леоньдъ Петровычъ. Ты съ ноющей печенкой еще меня переживешъ. (*Выйма папыросу и закурюе*). А я нарочно тебя искалъ, чтобы кой о чемъ потолковать...

Киндратъ Антоновичъ. Я дуже люблю слухаты, якъ вы балакаете про Петербурхъ, про чужи земли... Такъ ловко розказуете, неначе я самъ тамъ бувъ

и все бачывъ. А вже якъ почнето розказуваты про царскій дворці та про памятникы, такъ я й не заснувъ бы никола, все слухавъ бы.

Леонидъ Петровычъ. Здѣсь, я думаю, намъ не помѣшаютъ? Сядемъ!

Киндратъ Антоновычъ. Я постою.

Леонидъ Петровычъ. Зачѣмъ же? *(Сиди на жолобѣ).*

Киндратъ Антоновычъ. Мы вже привыкли уважаты васъ, ще за покойного вашего батюшки, Петра Григоровыча, царство имъ небесне, вичный покой ихъ душечки!

Леонидъ Петровычъ. Значить, ты чувствуешь, что мой покойный отецъ для тебя сдѣлалъ?

Киндратъ Антоновычъ. Хто, я? Чувствую и дитямъ, и онукамъ накажу, якъ помыратыму, щобъ чувствовали. Та якъ и не чувствовать? Та я за душечку покойного мого благодителя що-года, на Петра, паныхиду правлю.

Леонидъ Петровычъ. Онъ, дѣйстви-тельно, вывелъ тебя въ люди!

Киндратъ Антоновычъ. Вони, дитлительно, вони! Вони постановили мене на ноги, ще я всякъ кажу. Та колы бъ не вони, досы вже мене й черва стрискала бъ. И, Боже, Боже, що то була за предобродительна душечка!

Леонидъ Петровычъ. Былъ я сего-дня у предводителя дворянства.

Киндратъ Антоновычъ. Знаю,—меня Лѣвка розказувавъ. Ще й до адвоката заиздылы?..

Леонидъ Петровычъ. Лѣвка что нибудь лишнее наплелъ? Вѣчно суетъ свой носъ.

Киндратъ Антоновычъ. Ни, виня ничего такого не казавъ. Розказувавъ тилько якъ господынъ предводитель дворянства цилувалыся зъ вами и сами подсаживалы васъ у хвایتона. Казавъ, правда, що чувъ и те, якъ господынъ предво-

датель бовкнулы про мене не звычайне слово: шкуродеромъ мене звельчали! Але я того и вухомъ не веду. Конешне, вони господынъ предводитель дворянства, то имъ и можна вельчаты насъ услякмы именами: имъ никто не затуле рота.

Леонидъ Петровычъ. Мало ли что о комъ за глаза не говорятъ.

Киндратъ Антоновычъ. Намъ и въ очи и по за очи кажутъ, але мы нибы того не дочуваемо; ведемъ свою напряду, свою политыку. И зъ адвокатомъ зволили совитуватця?

Леонидъ Петровычъ. Ты, вижу, всё ужъ знаешь? Поподчивалъ Лѣвку, а потомъ выспросилъ?

Киндратъ Антоновычъ. Лѣвка самъ дуже словоохотливый; а чаркы горилкы чому й не даты тому, котрый потребляе?

Леонидъ Петровычъ. Имѣние теперь твое, по закону ты совершенно правъ.

Киндратъ Антоновычъ. Я, якъ бачите, видъ закона а ни на ступинь.

Леонидъ Петровычъ. Но знаешь ли ты, что если ты возьмешь у меня имѣние въ той цифрѣ, въ какой оно у тебя было заложено, тогда я окончательно разоренъ.

Киндратъ Антоновычъ. О, де жъ такы, а служба ваша у Петербурзи?

Леонидъ Петровычъ. Служба? Миѣ теперь либо въ петлю, либо пулю въ лобъ.

Киндратъ Антоновычъ. Та що це вы, Богъ зъ вами, не лякайте мене! Це вы певно пидпылы трешкы; звычайно, гостюавшы у господына предводителя, то вже не безъ того? У насъ тутъ бувъ одинъ панокъ, господынъ Козубьскый, певно знавалы?—И такый же приятный бувъ чоловичокъ, ну якъ тилько пидопье, заразъ голову въ петлю. Разивъ зъ пята вырятовувалы, а на решти такы не встерглы—повисывся. И яки есть кой-катори господа охочи до петли.

Леонидъ Петровычъ. Мое положене безвыходное.

Киндратъ Антоновичъ. Тошно, що не завидне. Такъ, такъ... А вы не плошайте, надійтесь на Бога.

Леонидъ Петровичъ. А ты мнѣ морали не читай.

Киндратъ Антоновичъ. Сколько у васъ тѣи гордосты! Отаки були покійни Петро Григоровичъ, ваши батюшка, царство имъ небесне, вичный покій ихъ душечки.

Леонидъ Петровичъ. Перестань панихиду пѣть! Не возьмешь же ты у меня землю по тридцати рублей за десятипу? Вѣдь она стоитъ, по крайней мѣрѣ, по сто рублей, а тебѣ досталось съ банковскимъ долгомъ по пятидесяти семи.

Киндратъ Антоновичъ. Це правда, що земелька хочъ куды, я и и по сту двадцять не видамъ.

Леонидъ Петровичъ. Ну, вотъ видишь?

Киндратъ Антоновичъ. Кажу жъ, що не видамъ и по сту двадцять! И хочъ вона мени по закону досталась, а все жъ такы довичне молытому за васъ Бога.

Леонидъ Петровичъ. Я не нуждаюсь въ твоихъ молитвахъ.

Киндратъ Антонов. Та вже, сколько хочте, гнивайтесь соби, а я видъ своего заповиду не видступлюся: я вже васъ и въ граматку записавъ и двичи на чашточку подававъ о здравіи!..

Леонидъ Петровичъ. Я тогда буду здоровъ, когда ты мнѣ уплатишь остальные.

Киндратъ Антоновичъ. Якъ вы кажете?

Леонидъ Петровичъ. Сколько ты мнѣ прибавишь?

Киндратъ Антоновичъ. За вищо?

Леонидъ Петровичъ. За землю! За землю мою, которая тебѣ досталась чуть ли не задаромъ. Сколько ты намѣренъ мнѣ добавить?

Киндратъ Антоновичъ. У мене такого намирѣня нема.

Леонидъ Петровичъ. Да вѣдь ты меня ограбилъ!

Киндратъ Антоновичъ. Сохрани мене Господь! Я по закону.

Леонидъ Петровичъ. Припомни, что когда срокъ аренды истекалъ, мнѣ другіе всегда гораздо больше предлагали; а ты падалъ мнѣ въ ноги, ползалъ, пресмыкался, рыдалъ!..

Киндратъ Антоновичъ. Правда. Панамъ дуже подобаетця, щобъ передъ ними повзали на вколюшкахъ, та слизьмы имъ ноги обывалы. Хлибомъ ихъ не годуй, тилько кланяйся имъ! Повзавъ и я передъ вами, ну и выповзавъ. И коженъ разъ буду вамъ за те вдячный!

Леонидъ Петровичъ. Замолчи! Я отъ твоихъ причитаній скоро съ ума сойду!

Киндратъ Антоновичъ. Не знаю вже, якъ зъ вами й говорыты!

Леонидъ Петровичъ (*почына ходыты*). Отець мой призрѣлъ тебя, приютить, потомъ сдѣлалъ тебя управляющимъ, наконецъ, отдалъ тебѣ имѣніе въ посессию; и ты въ какихъ-нибудь 24—25 лѣтъ сдѣлался чуть ли не первымъ богачемъ въ уѣздѣ.

Киндратъ Антоновичъ. О, до того ще далеко! Я оккуратно, чысло въ чысло, вашему покійному батюшци, царство имъ небесне, вичный покій, посессиони гроши высылавъ, видъ сердца ихъ выдрывавъ, а высылавъ оккуратно. Було картопельку зъ сиривцемъ йимъ, а посессиони гроши у срокъ высылаю. Може видъ тѣи стравы у мене и дитокъ тройко въ одинъ годъ преставылися? Упокой, Господы, младенцивъ: Петра, Василя и Марыну! Зазнавъ я въ волю лыха... Разъ тилько и напысалы мени вашъ батюшка пысьмо. лыбонь, видъ трыдцятото октября?—воно и досы у мене за образомъ хра-

нытця.—Пышуть: „Кандратъ, кажись ты плутуешь.“ И такъ, мовъ у сердце ударили мене тымъ словомъ. Треба було высылаты посессіони 25-го октября, а я ихъ задержавъ до 5-го ноября.

Леонидъ Петровычъ. Такъ ты ничего мнѣ не прибавишь?

Киндратъ Антоновичъ. А памятаете, якъ два лита пидъ рядъ у насъ бувъ страшный невражай, у поли все выгорило; напысавъ я вамъ пысьмечко, кривавыми влизьмы ёго пысавъ, а вы а ни копійечкы мени не скостылы съ посесіонныхъ, ни одного рублыка. Письмо за письмомъ прысылали: „высылай немедленно деньги!“

Леонидъ Петровычъ. Ты больше мнѣ ничего не скажешь?

Киндратъ Антоновичъ. Коли вгодно, розмовляйте вы, а я дуже охочый слухаты розумни речи.

Леонидъ Петровычъ. У тебя, Кондратъ, нѣтъ ни стыда, ни совѣсти!

Киндратъ Антоновичъ. Позвольте... оцёго предмета не слідъ бы касатись, бо це дуже делихатна вещь. Хиба то безсовисно, що я не досыпавъ ночей, не дойдавъ шматка хлиба, та все працювавъ, щобъ себе и семью свою зарятувати видъ злыднивъ? А то не безсовисно, що вы батькивщину програвалы въ карты, та жбурялы тысячи на всяки дурныци та вытрыбенькы?

Леонидъ Петровычъ. Это не твое дѣло.

Киндратъ Антоновичъ. Хиба то стыдно мени, що я, рады дитей своихъ, повзавъ у васъ у ногахъ? А вы у годный годъ вырвалы у мене останни дви тысячи и купылы якійсь нимкени каблучку на ручку?

Леонидъ Петровычъ. Довольно!

Киндратъ Антоновичъ. Якъ то „довольно?“ Вы взычаєте мене образливимъ

словомъ, та ще й бороните видповидаты? Якъ же то: довольно? И закоренилому душегубови судъ дае способы выправитись; а вы, не знаю вже, по якому закону, хочете мене судыты! Позвольте вамъ ще й те прыгадаты, що вы у мене гостюете, и здаеця, що вси мы догождаемо вамъ, якъ уміемо; а вы за нашу хлибъ-силъ жбуряете у вичи не звычайными речамы... Це вже зовсимъ не по хрыстіянськи, та й не по дворянськи, ваше высокоблагородіе!..

Леонидъ Петровычъ. Да, ты правъ... я виноватъ!.. Не сердись!.. (*Протяга руку*).

Киндратъ Антоновичъ. Николы у мене на васъ сердца не було, бо я завжди памятаю, що вы сынъ мого благодителя.

Леонидъ Петровычъ. Ты ужъ купи у меня коляску, мебель и все остальное. Какъ же ты, вновь испеченный помѣщикъ, будешь ѣздить въ телѣгѣ, или сидѣть на самодѣльномъ стулѣ?

Киндратъ Антоновичъ. Це инча ричъ, и якъ що не дорого визьмете, по-Божому, то можна буде купыты.

Леонидъ Петровычъ. Я видѣлъ, какъ ты, третьяго дня, трясся въ городъ на какой-то бѣдѣ!

Киндратъ Антоновичъ. Краще жъ я йиздытиму на биди, нижъ вона на мени. Продайте вже мени и икону роспятіе!

Леонидъ Петровычъ. Нѣтъ, ни за что!.. Это память отъ моей прабабки, это работа знаменитаго итальянскаго художника.

Киндратъ Антоновичъ. Не продасте мени, то продасте якому-небудь жыдови, и грихъ вамъ буде, ей-ей, грихъ!

Леонидъ Петровычъ. Ну, объ этомъ послѣ. Такъ пойдемъ, прицѣнимся къ остаткамъ моего величія. А ловко ты обдѣлалъ дѣльце. (*Пишлы*).

Я В А V.

Власъ (*выходить из вудкамы и, обернувшись, балака до когось за лаштунки*). А за вищо винъ мене прожене, хйба я волокомъ, чы павукомъ ловытиму? Не боюсь я ёго. На вудку йде рыба прохана.. (*Розмотуе вудкы и закъда*). Ачъ якый короныще вывернувся. (*Пидгукуюе зтыха*). Та йды бо сюды, посыдымо рь купи. Га? Ну, якъ соби знаешъ. А ну-ну, клюй, клюй!.. (*Вытяга вудку*). А! зирвалася, а буза ловкенька рыбина. (*Поправляе червячка*).

Я В А VI.

Власъ и Олеся.

Олеся. А хто тобі, Власе, позволявъ тутъ рыбу вудыть?

Власъ. Хто жь, якъ не самъ соби? (*Поплсавъ червячка, закъда вудку*). Надо мною нема пана!

Олеся. Найбільшый?

Власъ. Найголицый!

Олеся. Черезъ те и смилывый такый?

Власъ. А вже жь. Кому жь и буты смилывымъ? Образаты не вгадаешъ чымъ, уійматы нема за що, одійнаты нема чого.

Олеся. Балакучый!

Власъ. У мене языкъ слухняный: звелю—меле и шеруге, не звелю—зразу загалмуе.

Олеся. Дай мепи одну вудочку, и я половлю.

Власъ. Зновъ бовтатымете, усю рыбу росполохаєте.

Олеся. Я буду тыхо закъдаты.

Власъ. Побачымо! А якъ ляпатымете по води, заразы вудку видійму, дарма що це вашъ берегъ. (*Дае їй вудку*).

Олеся (*закъдаючи вудку*). А шо, бачышь?

Власъ. Не дуже то зугарно, та ничого.

Олеся. Давно прыйшовъ?

Власъ. Оце свижо.

Олеся (*сида*). Клюе?

Власъ. Одна зирвалася.

Олеся. Велька?

Власъ. Не мала.

Олеся. Яка завбільшкы?

Власъ. А вы не вмiете мовчки сыдыты?

Олеся. А хйба що?

Власъ. Рыба чуе, то й не пидійде до вудокъ. Вы думаете, вона дурнища видъ васъ! Сыдыте ось сюды на сыту, а то въ болото убабляетеся. (*Пидстела сыту*).

Олеся. А тобі якъ краще, щобъ я мовчала, чы щобъ балакала?

Власъ. Однаково.

Олеся. Черезъ що?

Власъ. Та годи бо вамъ. Ондечкы у васъ клюнула.

Олеся. Бачъ, я щастлыва за тебе.

Власъ. Це й безъ клеу звысно!

Олеся. Чымъ же я щаслыва?

Власъ. Та хочъ бы и тымъ, що колы бь оце дръга белькотала, то я давно бь їи прогнавъ.

Олеся. А мене шкода прогнаты?

Власъ. Тягнить бо, тягнить! Э—э, бодай васъ! Вы не тямте, якъ пидсыкты, а ще беретесь вудыты. Дайте, я поправлю червячка. (*Поправля*). Якъ тилько почне клюваты, то попускайте вудлыще, а якъ вже поведе, отоди пидсыкайте. (*Закъда вудочку*). Ось якъ треба закъдаты.

Олеся. Ты мiтець.

Власъ. Хто коло чого ходе. Тыхо жь, ц-сь!..

Олеся (*помовчала*). А нышкомъ можна спытаты?

Власъ. Про вищо?

Олеся. Чошь ты, Власе, не нанався до насъ, якъ тебе хотилы нанаты?

Власъ. Нанався—продався, а я соби цины не складу, та ще не такъ соби, якъ свой воли.

Олеся. Не любышь, щобъ тобою хто орудувавъ?

Власъ. Безъ того не можна. А тилько якъ не по правди оруднують, то краще здохнути зъ голоду.

Олеся. То бь то у насъ не по правди оруднують?

Власъ. Скажете, по правди?

Олеся. Чымъ же не по правди?

Власъ. Обшытують, вышытують ни за вищо штрафы, на харчи сутугы... Дывитця, дывитця: ондечкы у васъ поворушыла.

Олеся (*помовчала*). Мало чого не плетуть. Нанявся бь самъ, то й довидався бь, чы й справди у насъ не по правди оруднують.

Власъ. Не наймусь! У мене скажена натура: докору, або косога погляду—не стерплю; роботою хто попрекнувъ бы, перрвався бь!...

Олеся (*помовчала*). Я не разъ чую, якъ ты выспивуешъ у ночи; я твій голось зразу пизнаю. Кого ты приспивуешъ?

Власъ. Самого себе. Часомъ не спытця, ну й почнешъ думаты и самъ не зчуется, якъ на умъ сплыне яка-небудь псня.

Олеся. А про вищо жь ты думаешъ?

Власъ. Про вищо... Мало про вищо!

Олеся. Може про те, що хату треба поправыты, повитку нову постановыты?..

Власъ. Стоить обь тимъ думаты! Абы достаткы, то можна не то що поправыты хату, а й нову постановыты. А докы нема достаткывъ—сыдитыменъ и въ продраний. Надъ чымъ же тутъ думаты?

Олеся. Тебе що инче може цыкавыть?

Власъ. А, мабуть, инче... А вамъ що до того?

Олеся. А хйба не можна спытаты?

Власъ. Чому не можна?.. (*Помовчавъ*). О, чуєте, у калыни технувъ соловейко!... Ухъ, и залываетця жь винъ здорово на зори.

Олеся. Ты любышь слухаты его спывъ?

Власъ. Хто жь не любыть? То мій товарищъ. Часомъ у ночи пиду зъ вытирямы по рыбу, все село покотомъ спыть, ни де ни гомону не чутъ, ни свитла не выдко, тилько винъ, та я переспивуемося соби, ажъ луна йде!..

Олеся. Чы не закоханный ты?

Власъ. А хйба це погано? Ондечкы у васъ потягнула. Ов—ва! Та вы такъ ни одній рыбыны не вловыте.

Олеся (*вытяга рыбу*). А що, не вловыла? (*Здйма*). У кого жь ты закоханный?

Власъ. Кохання, по вашому, така ничемныця, що вынявъ зъ души, якъ гроши зъ кешени, та й поклавъ на долони? Якъ вы лохко на це дило дывытесь.

Я В А VII.

Ти жь и Павло.

Павло (*гукае зъ саду*). Олександро Киндратовно!

Олеся. А чого тамъ?

Павло (*биля хайрткы*). Идить чаю пыты!

Олеся. Заразь иду!

Павло. Такъ, такъ... Воно якъ разъ до речи сыдаты поручъ зъ мужыкомъ, та ще й на свыти. Отамъ изъ свыты що-небудь понялазе, та й будете тоди скаржытысь: „ахъ, Павелъ Семеновичъ, што его меня кусаетъ?“

Власъ. А, здрастуйте, господинъ, скородынъ, по прозванію Лепешкинъ.

Павло. Мовчы, дура, не зь тобою говорять. (*Пишовъ*).

Власъ (*до Олеси*). Ото наймытъ самый порадошный. (*Пидиймаецця*). Що жь, мабуть, и справди пора вамъ чай пыты, а намъ вечерята.

Олеся. А я все збираюсь у гости до твоей матери.

Власъ. Довго збираетесь у гости. Скажить, коли прийдете, я рыбы наловлю, пошануемо васъ, якъ слидъ.

Олеся. На сподиваного гостя багато треба, прийду, коли здумаяю.

Власъ. Дайте мени яку книжку прочитати.

Олеся. Хиба вже наракуешъ?

Власъ. Та вже одну книжку замучывъ.

Олеся. Ачъ якый! А чому жъ, якъ я колесь радыла тоби вчытысь чытаты, ты видновивъ: „цуръ ему!..“

Власъ. Видповивъ, а пился того заразъ такы й принявся.

Олеся. Хто жъ тебе навчывъ?

Власъ. Тутъ салдатыкъ вчывъ мого малого брата, а я послухавъ скільки разивъ, а потимъ вже самъ зъ себе домадыкувавъся.

Олеся. А я хотила сама тебе вчыты.

Власъ. Отъ, стоять того дила.

Олеся. Такъ я принесу тоби книжокъ. Прощай! (*Пшла, а потимъ вертається*). Сегодня у ночи спиватымешъ?

Власъ. Хто его зна!

Олеся. Я выйду послухаты.

Власъ. А якъ не спиватыметця?

Олеся. Що жъ, якъ ни, то й ни. Слухай, Власе, чомъ ты у мистечко до ликаря не пидешъ, скільки разивъ я тоби радыла? Марніешъ ты що-дня.

Власъ. Бабы кажуть, що то подвій... А, мабуть, треба буде до ликаря кынутця... Иноди у грудяхъ такъ стысне, що хочъ калавуръ крычы.

Олеся. Отъ бачышь; не жаліешъ ты себе, Власе! Бувай здоровъ! (*Пшла*).

Власъ. Якъ лехко полетила, неначе перына. (*Махнувъ рукою*). Богъ зъ нею!... (*Зновъ зыркнувъ у слидъ Олеся*). Мабуть, тебе маты у любыстку купала.. Якъ змалевана! (*Зитхнувъ*). Хтось щасливый буде... (*Дывытця на вудку*). О, клюнула! Коли не красноперка, то ракъ. (*Глянувъ на садъ*). Не

видко вже. (*Зновъ до вудкы*). Ну, ну смыкны, смыкны ще разъ! Ну, ще!.. (*Зновъ поглянувъ на садъ*). Наврядъ чы выйдешъ пилню слухаты, абы поморочыты — хытра!.. (*Зитхнувъ*). Та байдуже! (*До вудкы*). А, щобъ тебе сипало! Ой, будешъ у ющци! (*Вытяга*). А що? (*Здійма рыбу*). Такъ и е, шо красноперка.

Голосъ за лаштункамы: „Власе, гайда! Чуешъ, ты, запареный!..“

Власъ. Мовчы, бисивъ глевтякъ, тутъ саме роскльовалася. (*Глянувъ у гору*). Справди вже пизно, поплавци ледве маёрять. (*Збира вудкы и иде тыхо спиваючы*:

Ой, ты, дивчыно,

Горда та пышна,

Ой, коли бъ же ты, серденько,

Та за мене выйшла...

Я В А V I I I .

Киндратъ Антоновичъ (*хутко иде*). Ніякъ не видкараскаюсь видъ Леоньда Петровыча: пий въ одну душу зъ нымъ, та и годи! Десь роздобувъ грошенятъ и понакупувавъ: вынъ, налывокъ, горилокъ... Теперь всю двирню частуе — разореніе зъ нымъ! (*Чутно спивъ*).

Я В А I X .

Киндратъ Антоновичъ и Горпына.

Горпына (*иде зъ видрамы и тыхо спива*).

И по той бикъ гора,

И по цей бикъ гора,

Промежъ тымы крутымы горами

Зходыла зоря.

Ой то жъ не зоря,

То дивчына моя

Чорная, чернобровая,

Галочка моя.

А я за нею,
Якъ за зорею,
Чыстымъ полемъ, воронимъ конемъ,
По надъ Дунаемъ...

Киндратъ Антоновичъ (*пидходе*).
Якый у тебе чудовый голосокъ.

Горпына. Зновъ притепался? Ну, й чого вамъ видъ мене треба?

Киндратъ Антоновичъ. Хотивъ тоби сказати, що твоя маты оце зновъ прыходыла.

Горпына. Я бачыла.

Киндратъ Антоновичъ. Зновъ прохала позычты: борошна, оліи, пшеона, картопли...

Горпына. Та знаю. (*Зитхнула*).
Довы джидуть до нового хлиба, чысто попухнуть зъ голоду. А казала ще зъ осены: не продавайте, мамо, усега хлиба, зоставте про запасъ... Такъ ни, не послухалы —, на податкы, кажутъ, треба!“
Добри податкы, що що-недили, що-свято зъ шынъку и не вылазять.

Киндратъ Антоновичъ. А тоби жалъ матери?

Горпына. Хиба я яка тварюка нечувственна?

Киндратъ Антоновичъ. А малыхъ бративъ та сестеръ тежъ жалъ?

Горпына. О, Господы, ще й допытуютъ, неначе въ сердце шпыгають! (*Утира слезы*).

Киндратъ Антоновичъ. Отъ за те, що ты такъ жалуешъ свою неню и малыхъ бративъ та сестеръ, я дамъ твой матери: борошна, пшеона, картопли... Усега дамъ!

Горпына. А потимъ вдвое видвернете?

Киндратъ Антоновичъ. Даромъ дамъ, чуешъ, не въ позыку, а даромъ. Онъ якый я! А все за те, що ты почитуешъ свою матиръ. Скажи тилько, чого тоби треба, все дамъ. Прийды заразъ писля вечери до бани, тамъ побалакаемо...

Усега дамъ твой нени!.. (*Горпына мовчыть*).

Я В А Х.

Ти жъ и Олеся.

Олеся (*надходячы до хвиртки*).
А то хто балака? (*Прыдывляеця*).

Киндратъ Антоновичъ. Прийдешъ?
Горпына. Я боюсь.

Киндратъ Антоновичъ. Чого жъ ты, серденько, боишься?

Олеся. Лыбонъ таткивъ голосъ?

Киндратъ Антоновичъ. Чого жъ боишься? (*Обійма ю*).

Горпына. Страшно!..

Киндратъ Антоновичъ. Ото страшно? Хиба я звирь якый? Адже ось тутъ стоишъ зо мною, чого жъ тамъ страшно? Отакъ же точнисенько и тамъ постоянно; тилько що тамъ никто не постереже, а тутъ не безпешно. (*Цилуе ю*).

Олеся. Що я чую?!

Горпына. Не цилуйте мене, не хочю! (*Вырываеця*).

Киндратъ Антоновичъ. Прийдешъ?

Горпына. У васъ щось гыдко на думци?

Киндратъ Антоновичъ. Що жъ може буты гыдке? Ей-ей ни! Прийдешъ, моя пташечко?

Горпына. Не знаю.

Киндратъ Антоновичъ. Пожалій свою неню, прийдешъ, усега дамъ!.. Мени, бачъ, така дурныця запала въ голову, щобъ ты небезприменно прыйшла до бани — розуміешъ? Пожалій своихъ малыхъ бративъ та сестеръ. Прийдешъ?

Горпына. Може.

Киндратъ Антоновичъ. Зновъ обманешъ?

Горпына. Ни!

Киндратъ Антоновичъ. Дождаты?
Скажи жъ, моя квиточко?

Горпына. Годи вже...

Голосъ Лукерьи Степановны. А де вы, Киандратъ Антоновичъ? Пожалуйте, чогось старшына зъ пьсаремъ прыйхалы.

Киандратъ Антоновичъ. Отъ чортяка принесла! Ну, та я ихъ скоро спровадю... Я жъ дожыдатыму. Поцилуй мене.

Горпына (*видыха ёго*). Гетьте бо! Ондечкы хазяйка наблыжаютця. (*Почына набираты воду*).

Киандратъ Антоновичъ. Вона сюды по захидъ сонця не прыйде: я ии наполохавъ, що тутъ разъ-у-разъ по захидъ сонця мавкы зъявляютьця, а проты бани водяныкъ бовтаетця. Прыйдешъ? (*Горпына мотнула, винз хутко пишовз, пидз нисз мымрляючы*.)

Ой и йихавъ панъ Лебеденко,

Та изъ млына изъ мукою,

Гей, зустрічають ёго гайдамакы

Въ темнимъ лузи надъ рикою...

Горпына (*сама собі*). Що жъ, винъ каже, що тилько поцилуе. Нехай собі цилуе, абы позычивъ матери борошна. (*Набравшы видра, йде*).

Олеся (*стала насупротывз неи*). Горпыно!

Горпына. Ой, Боже мій! (*Закрываетьце долонею*).

Олеся. Горпыно! Я ненарокомъ пидслухала... Мени соромно за мого батька... Тилько де жъ и твій соромъ, дивчыно?

Горпына. Я не вычувата... Чепляютьця що, разу...

Олеся. Такъ ты пидешъ до бани?

Горпына. Ой, соромъ!.. (*Почына плакаты*). Простить мене—Олесю голубочку!..

Олеся. Горпыно, я, чымъ зможу, матери твоій допоможу.

Горпына. Не треба, не треба!.. У мене е одежнына: кохта на вати, нови черевыкы, дви спыдныци, два хвартухы, чотыри разкы доброго намыста—виднесу завтра у мистечко, продамъ якому жыдови. Спасыби вамъ, голубонько, що вызволылы мене видъ напасты!.. Оце бъ натворыла сорому... Ой, Боженьку мылосердній! (*Хутко пишла, ховаючы очи*).

Олеся. Що жъ це таке? Такъ тому правда, про вищо мама, въ сердцахъ, не разъ обмовлялысь? Ось черезъ що вона мовъ непрыкаяна, заполохана, забыта!.. Охъ, бидна жъ, бидна моя мамочка! (*Почына плакаты*).

(*Власз спива за лаштункамы, Олеся йде до хвиртки, схыляетьця на плитз и такз зостаетьця до кинця дии*).

Выряжала маты сына

Та й на косовыцю,

Розчесала чорни кудри

Та й на потылицю.

Я жъ думала, мій сыночку,

Що будешъ косыты,

А ты кынувъ косу въ росу

Та й ставъ голосыты.

Ой, колы бъ ты, маты, знала,

Яка мени вада,

То ты бъ мене оженыла,

Щобъ була порада.

(З а в и с а).

Д І Я ІІІ.

Кімната зъ трема дверьма, вбрана, якъ у полупанквѣвъ. На вѣкнахъ, у горшкахъ, квѣты и цибуля; на стѣнахъ промежъ олеограхвычныхъ малюнкамы е й лубочки; рядомъ зъ дываномъ стоить скрыня и т. д.

Я В А І.

Лукерія Степановна и Олеся.

Лукерія Степановна, сядячы край столу, допывае чай, зъ ливыхъ дверей выходять Олеся.

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Куды це зновъ зібралася? Якъ тилько ранокъ настане, заразъ и повіеся.

Олеся. А чога я въ хати сядитыму?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Чы прыходытця жъ у будень вѣштатысь зъ ранку до вечора—колы не бия ричкы, то десь по стѣну, або по селу?..

Олеся. Мабуть, прыходытця, колы вѣштаюсь.

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Хѣба ты непрыкаяна яка, чы серце ще й досы не одійшло?

Олеся. Знаете, яка я.

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Та знаю жъ, якъ не знаты; прышелѣувата.

Олеся. Вгадады, якъ у око влипылы; отаке жъ у мене и серце. *(Хоче йты).*

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Таки пидешъ? Не можна вже бия матери и посядиты, промовыты яке тамъ словце, неначе вона тоби чужа!

Олеся. Мамочко, голубочко! Вы у мой розмови завжды вбачаете якусь соби зневагу, и горенько жъ мое, що не знайду я ни одного такого слова, котре бъ васъ не вражало; а чымъ бы я тилько не поступылася, щобъ васъ заспокоиты?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Знайшла бъ таке слово, колы бъ захотѣла.

Олеся. И, Боже мій! Та я й не знаю, якъ бы бажала того...

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Все ты казна що варнякаешъ. Осъ хочъ и заразъ: я

охоча зъ тобою розмовляты якъ налюбѣшь, а ты втикаешъ зъ хаты.

Олеся. Якъ же мы балакатымемъ, що мои перекѣнанья завжды идуць пѣперекъ зъ вашымы, и я не можу таяты свого погляду, а выявляю его голосно; а видѣля промежъ насъ що-разу и непорозуминно?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Та, годи бо, годи! Зновъ по вчорашнему заляскотала! Якъ забалакаешъ отакъ кучеряво, то заразъ мени голова почына морочытцъ. И якъ у тебе языкъ той повертаеця.

Олеся. Не багато жъ, мабуть, и сегодня мы набалакаемо. *(Помовчала).* Весела розмова. *(Ще помовчала).* И вы мовчыте, и я мовчу. *(Сміетця).* „Бувъ соби чоловикъ Сашка, на нему була синя семе-ряжка, на голови шапочка, на спыни латочка, чы хороша моя казочка?“

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Отъ и розвѣсѣлылась. Уси оци дни ходышь насуплена, ажъ жалко на тебе дывытцъ. О, зновъ задумалася; чаю хочешъ?

Олеся. Ни, байдуже. *(Сѣда).*

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Ты чаю не любышь, а я, Господы, якъ цей напытокъ вхвалыла; особливо люблю его пыты у пистъ та ще зъ озюмомъ, здаеця, цѣлисенъкый бы день пыла. А чула, ще е й таки, що пють зъ яблукомъ, або зъ палцыною... Треба буде покуштуваты, може зъ яблукомъ, чы зъ палцыною ще смачныць?

Олеся. Покуштуйте, може и смачныць. Налыть вамъ може чаю?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Налый. Отъ розумныця! *(Олеся налива чай).* Якъ захочешъ догодыты матери, то й замиръ ии вгадаешъ: я тилько що хотѣла про-

стягты руку до чайника, щобъ налыты, а ты й попередыла мою думку! Ажъ сердце зъ радощивъ сполახнуло. (*Почына хлытаты*).

Олеся. Чого жъ плакаты?

Лукерія Степановна (*вытира очи*). Такъ соби... Не вважай на те. Иноди щось якъ здавить за сердце, якъ стысне, то я такъ и обиллюсь слезама... А видъ чого воно, то и Богъ его святой знае! Отъ вже и полехчало.

Олеся (*подае чай*). Хочъ бы мени яке дило знайти.

Лукерія Степановна. Та хйба жъ мало у насъ дила?

Олеся. Якого? Кружки змываты зъ капусты та зъ бурякивъ, муку сїять, масло бити?.. А ваши наймычки шо робытмуть, якъ я ихню всю роботу визьму на себе? Та работа мене не цикавить, бо я їи ще зъ малку знала и, колы треба буде—робытму.

Лукерія Степановна. А якои жъ тоби ще роботы?

Олеся. Новои. Така вже въ мене, мамо, якъ бачыте, незупынна натура, шо про все, на вищо не гляну, хотила бъ дызнатись: видкыля воно взялося, за для чого и на вищо?.. Учытись хочу!

Лукерія Степановна. Колысь и мене ци прымхы цыкавылы; але за клопотамы замуrowалося все те въ паморокахъ и забайдужылося.

Олеся. Може згодомъ и я дїйду до байдужого, тоди и думкы заснуть. (*Помовчала*). Колы бъ булы не виддавали мене до школы, то, лыбонь, всимъ намъ краше жылося бъ. Я у писть сметану збирала бъ зъ гладущыкывъ, та крадькома ложку облызувала; а потимъ сила бъ соби передъ дзеркаломъ, гадала бъ на картахъ, та выколювала бъ шпылькою очи червоному королеви, або пекла бъ его у сердце, та все выглядала бъ жывыхывъ. (*Регоче*). Смаковыте бъ було жыття!

Вы тыпылыся бъ покирливою дыткою, котра вамъ у поперекъ слова не промове...

Лукерія Степановна. Куды це ты звертаешъ, куды?

Олеся. Батько виддали бъ мене замижъ, за кого захотылы. А теперь хочъ и не багато насъ, тилько трое, але вси мы цышлы нарызнь.

Лукерія Степановна. Вже й нарызнь.

Олеся. Скажете: ни? А вже жъ, шо нарызнь. Я, ледве розвднытця, бижу хутчїй зъ хаты и не знаю, куды подытись зъ нуднымы думкама; вїи гнываетеся, чомъ не допомагаю вамъ курей шупаты, обо гындычокъ пидсыпаты... Батько...

Лукерія Степановна. Шо батько? Чого жъ ты махнула рукою?

Олеся. Знаете добре, чого.

Лукерія Степановна. Скажы сыбы, шо ще не выбывъ! Другый такъ бы выхворостывъ тебе на вси бока, шо й до новыхъ выныкывъ не забула бъ. Якъ же ты посмыла сказаты батькови въ вичи, шо вынъ не честно поведытця зъ Левоньдомъ Петровычемъ?

Олеся. Якъ у момїи розумови склалыся переконаннїя, такъ я ихъ и выявила. Сами батько колысь повчалы мене правду казаты? Було кажутъ: „хлыбъ-сылы йжъ, а правду рижъ!“

Лукерія Степановна. Мало аки иноди думкы не морочать паморокывъ, а попробуй потураты имъ, зостанесся и гола и боса. Ты думаешъ, шо й у мене сердце не щемытъ, якъ гляну на людыну, котра и гола и голодна? Щемытъ, беда, якъ щемытъ! Иноди зкортытъ мене и допомогты ему; я раптомъ и кынуся допомогты, а потимъ подумаю: а може то такъ Богови завгодно, щобъ та людына злыдни годувала? Ныхто, якъ Богъ! Розумїешъ?

Олеся. Найкращый способъ видъ усего затулятыся Богомъ. Попрохавъ старецъ шматокъ хлыба—„Богъ дастъ!“ Приму-

силы чоловіка злидні до наглої смерті—
„такъ Богу завгодно!“

Лукерія Степановна. А то жь якъ?

Олеся. Не такъ слидъ. (*Помовчала*).
Першъ було, якъ тилько де промежь
людьмы скоитця яка суперека, заразь
батько и пытають: „а якъ ты думаешъ,
донечко, про се дило?“ Я було скажу имъ
свою думку, а вони й додадуть: „отакъ же
точнисенько и я миркувавъ!“ И разъ-у-
разъ згоджувались зъ моимъ переконан-
нямъ. А теперь, якъ довелось те пере-
конання прывивнять до власной кешени,
до власной шкуры, то вже я и сяка и
така, и скажена, и дурна?.. „Геть, кажуть,
зъ хаты! Наплювать мени на твое пере-
конання!“

Лукерія Степановна. Та годи вже
про це,—батько, мабуть, вже й забувъ.

Олеся. Та я не забула.

Лукерія Степановна (*помовчала*).
Чула, якый зновъ гармыдеръ бувъ у но-
чи, въ кимнати Левоньда Петровича?

Олеся. Байдуже, я спала.

Лукерія Степановна. Добре спала,
що цилисеньку ничъ все охала, та щось
шепотила.

Олеся. То я у сні.

Лукерія Степановна. Эге, якъ разъ
у сні. Знаю я добре, що не у сні. И
якый чоловікъ достойный, и гости наиз-
дать все достойни люде;—а якъ понапы-
ваютьця, то ще гиришь скажоніють, якъ му-
жыкы! Цилисеньку ничъ пылы, лаялись,
за шаблі хапалысь!..

Олеся. А нехай соби.

Лукерія Степановна. Може то у Ле-
воньда сердце такъ бунтуе? Слухай, доню,
може винъ и справди тебе любе?

Олеся. А я его не люблю!

Лукерія Степановна. А батько якъ
хотивъ, щобъ ты выйшла замижъ за Ле-
воньда Петровича, на нему и чынъ не
малый: поручныкъ!

Олеся. И—Господы! Чоловикъ ска-
завъ зъ пьяну; а вы зъ батькомъ и ради
мене виддаты? Ему гроши потрібни, а
не я? На вищо я ему?

Лукерія Степановна. И чымъ винъ
тоби не до мысли? А мени до мысли.
Батько каже: „я его скоро прысмывъ
бы, ще й хазяина зъ него зробивъ бы на
вдывовыжу всимъ! Винъ, каже, трохи роз-
нуждався, а ще зъ него можна зробыты
людьну!“

Олеся (*встае*). Пиду вже я.

Лукерія Степановна. Була бъ дво-
рянкою, поручныцею!.. Ось послухай, Оле-
сю, що мени прыверзлось у сні.

Олеся. Що таке?

Лукерія Степановна. Ось змизкуй,
проты чого воно. Уже саме передъ—сви-
томъ прокынулася я, ажъ дивлюсь,—ще
темно, а за стиною галась, гвалтъ... Сюды
туды вертилася,—ніякъ не могу засну-
ты. Дали и не стамылися, якъ задрима-
ла—и ось що прыверзлось мени.—Нибы
Левоньдъ Петровичъ оженився на тоби,
и жывете вы промежь себе такъ любо та
хороше; жывете у Петербурзи, и я у васъ
гостю.

Я В А П.

Ти жь и Киандратъ Антоновичъ.

Киандратъ Антоновичъ (*подае па-
пиръ Олеси*). На, прочытай.

Олеся. Що це таке?

Киандратъ Антоновичъ. А те, що я
зъ тобою не зговорю, ты завжды забы-
ваешъ мени бакы; такъ оце я списавъ усе,
якъ умивъ. Прочытай, то може хочъ тоди
втямышь, яку гирку выпивъ твій батько
на своимъ вику; та тоди вже и докоря-
тымешъ его мошенныка, падлеця!

Олеся (*передивляе папиръ*). Я васъ
не докоряла.

Киандратъ Антоновичъ. Прочытай,
кажу, та тоди вже й вынурвать батька.
Стара, палый мени чаю.

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Вы зъ озюмомъ пытымете?

Киндратъ Антоновичъ. А, уырайся ты зъ своимъ хымерамъ. Хтось тамъ бовкнувъ, що грихъ у пистъ пыты чай зъ сахаремъ, а ты вже й рада вытребенькуваты.

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Кажуть, що сахаръ зъ кистокъ, а кисткы жъ скоромни.

Киндратъ Антоновичъ. Чого не тямышъ, про те не сикайся миркуваты, бо я того ненавижду. (*П'є чай*). Що жъ, ты чытатымешъ?

Олеса (*чытае*). На вищо? Все, що тутъ спысано, я вже чула видъ васъ не разъ. Що отецъ Леоныда Петровыча бувъ лютый чоловікъ, злый, це я знаю. Знаю я, що винъ поневирався надъ вами, знущався... Та не вси жъ таки й паны. Въ семби не безъ выродка.

Киндратъ Антоновичъ. Ага, то теперъ, колы я здобувъ пидъ старість шматокъ хлиба и закутокъ, то мушу все те виддаты сынови его; такъ выходыть по твоему?

Олеса. Я тилько казала вамъ, що не слидъ корыстуватись чужымъ нещастямъ. Земля стоить, сами кажете, вдвое бильшь того, за скылько вона вамъ дисталася.

Киндратъ Антоновичъ. Ну?

Олеса. Ну, и слидъ чуже виддаты.

Киндратъ Антоновичъ. Ты все такы свое правышь?

Олеса. Завжды вы повчали мене казаты такъ, якъ мени моя совість проказуе.

Киндратъ Антоновичъ. Совість? Геть зъ очей зъ своєю совістю!.. (*Вырыва папиръ и жбурля на землю*).

Олеса. Визьмитъ за косы мене, та кулакомъ по голови, може швыдчъ прымусите засунуты голову у петлю! (*Хутко гишла*).

Киндратъ Антоновичъ (*зв лякомъ*). Що—о? Нехай мене Богъ боронить! Що вона такє сказала, ты чула? (*Бижыть*

до дверей). Олесю, вернись! Що це вона? Пиды до неи! Що це вона задумала?

ЛУКЕРІЯ СТЕПАНОВНА. Стовпотворене якесь та й тилько. (*Гишла хутко*).

Киндратъ Антоновичъ. Що жъ це такє коитця? То це бъ то я мушу виддаты те, що кровью та потомъ увесь викъ здобувавъ? За вищо? Зъ якои речи? Не дамъ, ни карбованця, ни шеляга не дамъ!.. Школярскы прописы и я колысь чытавъ: „последнимъ подѣлись съ ближнимъ. Будь доволенъ малымъ и будешъ ты богатъ.“ Чытавъ и заповиди: „Не пожелай жены ближняго твоего, ни вола его, ни осла, ни всякого скота“... А чы багато такыхъ на свити, котри бъ того не пожелалы? Э, ни, доню, такъ воно не але! Иды замижъ за Леоныда Петровыча, тоди дамъ ёму половыну именія, потому що онука мои будуть дворяне! Та й я била такого зятя мавъ бы пидвышчення и почытування; а Леоныда я прыбравъ бы до рукъ и заставывъ бы ёго дослужытись ажъ до полковныка!..

Я В А III.

Киндратъ Антоновичъ и Леонидъ Петровычъ.

Леонидъ Петровычъ (*входе зъ правого боку пидпылый зъ шаблею въ руки*). Что это ты вздумалъ со мной продѣлывать?

Киндратъ Антоновичъ. А що такє?

Леонидъ Петровычъ. Ты приказалъ въ мои комнаты внести боченокъ съ дегтемъ и ещо тамъ какой-то хламъ?

Киндратъ Антоновичъ. Потому якъ вамъ завгодно, а дали такъ не прыходытця: вже вси сусиды тюкають на мене, що я вамъ потураю; вся округа зъ мене глузуе, що ниякъ не выкурю васъ зъ хаты. Помылуйте! Це жъ такы прямо божескє наказаніе. Мы люде робочи,

труждаючи—за́ день нато́мьмошь, що́ й кистокъ не чуемо; въ ночи треба спочыты, бо якъ на свить поблагословытця, зновъ Господы благословы до пради, а замисць зпочывку мусьмо слухаты, якъ вы зь своимы гостями цилисеньку ничъ бенъкетуете та хокусы прыставляете? Гармыдеръ та галась такый заводите, що́ прямо хочъ зь двору втикай!..

Леонидъ Петровычъ. Гости ужъ разбѣхались, чего жь тебѣ еще?

Киндратъ Антоновычъ. Мабуть, намъ такы не обмынуты неприя́тностейъ.

Леонидъ Петровычъ. Ты мнѣ не угрожай. Продамъ мебель и уѣду!

Киндратъ Антоновычъ. Якъ окопажи продавалы, то й тоди казалы: „за-разъ уиду!“ а замисць того, програлы гроши...

Леонидъ Петровычъ. Это не твое дѣло!

Киндратъ Антоновычъ. Тошно, що́ не мое дило, а тилько хата це моя.

Леонидъ Петровычъ. Такъ ты вотъ какъ началъ разговаривать?

Киндратъ Антоновычъ. А якъ же зь вами розговорювать?

Леонидъ Петровычъ. Превосходно! Купи у меня мебель и всю обстановку, и я тотчасъ уѣду.

Киндратъ Антоновычъ. Небель ва-ша мени безъ надобности.

Леонидъ Петровычъ. Ну, такъ при-ищи покупателей. Впрочемъ, я уже посылалъ за жидамы, и они сегодня явятся. *(Крычитъ)*. Эй, Лѣвка!

Киндратъ Антоновычъ. Що́ це вы хочете?

Леонидъ Петровычъ. А вотъ по-смотришь!

Я В А І V.

Ти жь и Лѣвка.

Лѣвка. Требовали?

Леонидъ Петровычъ. Перенеси сюда вино и стаканы. Сколько у насъ еще тамъ бутылокъ осталось?

Лѣвка. Двѣ бѣлаго и двѣ краснаго.

Леонидъ Петровычъ. Тащи ихъ всѣ сюды!

Лѣвка. Слушаю! *(Пишовъ)*.

Леонидъ Петровычъ. Я больше ни ногой въ тѣ комнаты, гдѣ ты дѣготъ велѣлъ поставить да хомуты сложить...

Киндратъ Антоновычъ. Не знаю, чого вамъ такъ не подобаетця дѣготъ?

Леонидъ Петровычъ. Нюхай самъ, когда онъ тебѣ нравится.

Киндратъ Антоновычъ. Кажуть, що́ теперъ дохтури дѣгтемъ личать людей, а вамъ дѣготъ не наравытця. А я вчора, передъ обиднею, за васъ на часточку подававъ „о здравіи.“

Леонидъ Петровычъ *(регоче)*. Да? Спасибо! Я постараюсь быть здоровымъ!.. *(Вдывляється у вично)*. „Прощайте вы, поля родныя, ты, степь привольная, прости!“ Чье это стихотвореніе, ты не помнишь?

Киндратъ Антоновычъ. Намъ не время такими пустяками заниматьця.

Леонидъ Петровычъ. Да, всё на свѣтѣ пустяки, кромѣ рубля.

Киндратъ Антоновычъ. Ни, не все!

Леонидъ Петровычъ *(слухаючи)*. Подъ этимъ роскошнымъ клѣномъ какъ часто въ дѣтствѣ я игрывалъ; помню, юношей всегда любилъ понѣжиться въ его прохладной тѣни, вдыхать аромать душистыхъ вѣтвей и уноситься въ за-облачный міръ, въ міръ фантазій и грезъ. Роскошный клѣнъ,—не правда ли?

Лѣвка *(вносе вино въ пляшкахъ на пидноси и стаканы)*. Баринъ, вино принесь!

Леонидъ Петровычъ. Хорошо, ступай! *(Лѣвка пишовъ)*.

Киндратъ Антоновычъ. Довго вже винъ и роскоше, цей клѣнъ. Ловка буде зь нѣго соха въ кошару.

Леонидъ Петровичъ (*выпивъ стаканъ вина*). Что-о? Ты срубишь его?

Киндратъ Антоновичъ. А доки жь ёму й росты?

Леонидъ Петровичъ. Ты испортишь чудный видъ, дивный ландшафтъ!..

Киндратъ Антоновичъ. Де-яки люде и доси прыгадують ландшахты, якъ бывало покійни батюшка ваши, царство имъ небесне, вичный покій ихъ душечци, захочуть кого зъ мужыкивь выхворостыты, то заразь видчиняты оце саме виконце та й гукають на отамана: „а веды ёго, шельму, суды, пидь оцей ландшахть, разложы ёго пидь оцимъ влѣномъ, у холодку, щобъ сонце ёго не препикало, та всыпъ пятьдесятъ гарячихъ.“ Заразь розчепирять и почнуть стебать...

Я В А В.

Ти жь и Павло.

Павло. Хазяинь! Тамъ чабанъ прийшовъ, щобъ тютюну продалы. Каже: „ще вчора докурывся до щетну; така, каже, братухо, нудьга обгорнула, що мало не здуривъ.“

Киндратъ Антоновичъ. Почавъ вже розмазувати.

Павло. Я жь тилько кажу, що чоловікъ бидкаеця, каже: „повирышь, братухо, таки думкы въ голову лизуть.“

Киндратъ Антоновичъ. Ну, годи, годи!

Павло. Дывина! Було покійни барынь, Петро Рыгоровичъ, такъ вони требуютъ, щобъ усе имъ товкомъ розказавъ; а тутъ не вспіешъ рота роззявить... Дожылись... (*Пишовъ, махнувши рукою*).

Леонидъ Петровичъ. Вотъ каковъ ты, Кондратъ. Я недавно только узналъ, что у тебя работникъ цѣликомъ въ рукахъ, ты имѣешь для него: и табакъ, и холстъ, и сапожный товаръ, и чай, и

водку—и на всемъ наживаешь барыши? Самъ торговецъ, кабатчикъ, помѣщикъ и всё самъ—безподобно!

Киндратъ Антоновичъ. Це правда, я все самъ.

Леонидъ Петровичъ. И всё для себя одного и ни для кого ничего?

Киндратъ Антоновичъ. На що жь я другому дамъ, коли й самъ можу управытысь?

Леонидъ Петровичъ. Справедливо. И самъ всё пожрѣшь!

Киндратъ Антоновичъ. Якъ то самъ? Оцѣго то вже я и не розберу?! Вы може думаете, що я, якъ други: шахеръ-махеръ? Ни, у мене и патентъ е, и промыслове свидытельство.

Леонидъ Петровичъ. Всё на законномъ основаніи.

Киндратъ Антоновичъ. Такой вже у мене статутъ: видъ закону я а ни на ступинь. Отъ же вы, льбовъ, глузуете зъ мене?

Леонидъ Петровичъ. Напротивъ, я удивляюсь разносторонности твоихъ талантовъ.

Киндратъ Антоновичъ. А прыдывитця вы до цѣго дила зъ ничого боку, не засміетесь. Мужыкови ничого бильшь не треба, щобъ ёму тилько тютюнь, полотно, ремень, а у свято пивкварты—винъ и задоволенный. Я оце недавно завивъ моду, щобъ робочи пылы кырпычний чай. Мужыкъ якъ нажлутытыця цѣго чаю, якъ розицре ёму жывить, то ёму й горюшка мало, тилько знай обдуваетця та посвистуе. И за обидомъ вже винъ зовсимъ меньчъ йистъ; а воно, якъ розмиркуешъ, такъ и выходытъ роцотъ.

Леонидъ Петровичъ. Разумѣтса. Какъ тутъ не нажитьса?

Киндратъ Антоновичъ. Теперечкы выпысую газету „Свѣтъ.“ Зъ неи я все бачу, що у мыру коитця, и годи зъ мене науки, и не треба мени бильшь ніякихъ

кнѣжокъ, та й николи мени ихъ чытати.—Я не знаю, на вищо такъ багато кнѣжокъ пышуть. Якось у городи зайшовъ ненарокомъ у кнѣжву лавку, якъ глянувъ, такъ ажъ здывувався: усе кнѣжки, та й кнѣжки! Прочытавши „Свѣтъ“, я продаю ёго на цыгаркы робочымъ по копійци за лысть; отъ та газета мени неначе и даромъ обиходытця.

Леонидъ Петровычъ (*тымъ часомъ зновъ задывывся у вишко и, не слухаючи Киандрата, промовля*):

И широкую долину,
И высокую могилу,
И вечернюю годину,
И що snyлось, говорилось,
Не забуду я...

Киандратъ Антоновычъ. Це, льбонь, списано у господиня Шевченка. У мене е така кнѣжка „Кобзарь.“ Господинъ Шевченко, вони тежъ зъ мужыквивъ и потому дуже понятно описують и чувствительно; тилько иноди зразу якъ крутнуть у бикъ, або за хмары—облака... Забалакався зъ вами, а тамъ мене чабанъ дожда. (*Пишовъ*).

Леонидъ Петровычъ. Какое-то не вѣдомое чувство овладѣло мной, когда я сталъ вглядываться въ эти рельефно выдѣляющіеся на фонѣ дальней синевы безмолвные курганы, просто не хочется глазъ оторвать, всё бы смотрѣлъ и смо-

трѣлъ... Какъ сжмается сердце при мысли, что всё это видишь въ послѣдній разъ... (*швидко видходять видъ вишка*). Какъ однако всё это глупо, очень глупо!... (*Почына ходыть по хати и пидійма папиръ*). Что это? (*передывляеться*). А, что-то вродѣ біографіи. Да, да! Біографія Кондрата. (*Чыта*). Ужъ не мнѣ ли онъ её готовилъ въ презентъ? (*Кладѣ на стилъ*). И такъ, Олеся не захотѣла выйти за мѣня... И хорошо сдѣлала. Къ чему? Зачѣмъ? Поскорѣе отсюда куда-нибудь!

Я В А VI.

Леонидъ Петровычъ и Левка.

Левка. Тамъ жиды явились покупати мебель.

Леонидъ Петровычъ. И отлично. Пора намъ, Левка, отсюда уѣзжать, не ко двору мы здѣсь приплись.

Левка. Да-съ, страна необразованная. Не мѣсто намъ здѣсь!

Леонидъ Петровычъ. Не мѣсто? А гдѣ же мое-то мѣсто? А ты знаешь, гдѣ мое мѣсто?

Левка. Да гдѣ же-съ?

Леонидъ Петровычъ. Твое въ передней, потому что ты лакей, а мнѣ нѣтъ ужъ нигдѣ мѣста!.. (*Быстро уходитъ*).

(Зависа).

Д І Я І V.

КАРТИНА I.

Середина „Марыниной хаты“. Стилъ, лавы, пиль, образы, серныя и таке инче, якъ звычайно у хати незаможного врепака.

Я В А I.

Марына перемыва била порога лажкы; Галя колыше въ люльци дытмыну; на печи сидятъ два невеличкныхъ хлопчына.

Марына. Гляды жъ, доню, якъ прыйде Власъ, то выпешъ ему у мыску щербы

зъ галушокъ; скажешъ, що галушокъ не стало. Щерба ондочки, у печи. Нехай вызьме шматокъ хлеба, та дрибокъ солы, та й пообида. А я збигаю до кумы Гапки, позычу борошна, докы наше змелеться.

Галя. Чую, мамо.

Марына. Я не буду тамъ гаятысь. Часомъ Власъ прыйде и захоче зновъ куды питы, то скажы, що я звелила ему мене подождаты. Чуешъ? А вы, лобурякы, чого позлазылы ажъ на черинь? Геть на двирь! Идить лышь у поле, та нарвить бабокъ, какишу, козельцивъ... Та не поижте всихъ, а й до дому прынесить, и мы зъ Галею трохы посолоньцуемо. Ну, геть, швидче! А ну жъ, хутенько! Чуешъ ты, Андрію? Хведосе? Та высякай бо, капостна лычна, носа!.. А гадкый, а замазура!.. *(Хлопци злазять зъ печи и идуць лыныво зъ хаты)*. Знаю, знаю, чого мнетось. *(Дае по шматку хлиба)*. И колы вы натрискаецесь? *(Хлопци хутко побиглы)*.

Галя. Мамо! А якъ дытына прокынетця, мени можна буде питы за ворота?

Марына. Пидешъ. Та тилько не кыдай дытыны. Та не бый его, якъ плакатиме, заразы зробы ему соску. Та гляды мени, засны отамечкы бия колыскы, то я тебе засну. Взяла бъ пирьячко скубты, або вовну скупты. И сыдыть, скламшы ручки, неначе проты недили, або проты празныка. *(Дае їй сыто зъ пирьямъ)*. На! *(Пишла)*.

Галя. Якъ разъ стану я дерты пирья! *(Встала и пишла хутко у кутокъ)*. Краще зроблю ляльку зъ тихъ тряпочекъ, що мени барышня подарувалы. *(Взяла тряпочкы)*. Ось червоненька. Ой, яки жъ гарненьки!.. Це буде хвартушокъ. А зъ ціи сыней — кохта. *(Почына спиваты)*.

Ой на гори гречка,

Сыдыть зайчыкъ,

Винъ нижкамы чеберяе!

Ой, якъ бы я нижкы мала,

То бъ и я такъ чеберяла,

Якъ той зайчыкъ!..

Я В А II.

Входять Власъ.

Власъ. А де маты?

Галя. Пишлы до кумы Гапкы борошна позмычты. Будешъ обидаты?

Власъ. А що жъ тамъ е?

Галя. Щерба зъ галушокъ. Галушокъ було мало, мы вси поийлы. Влыть щербы?

Власъ. Не треба! *(Здйма зъ полыци шматокъ хлиба, бере дрибокъ солы, ложку и мыску, у котру налива воды, и почына йисты)*.

Галя. Маты, Господы, якъ журатця, що ты все кудысь ходышь.

Власъ. Журатця? И дуже журатця?

Галя. А вже жъ дуже. Жалибныхъ писень спивають. И я одній вывчылась, така жалибна-жалибна. *(Почына тыхо спиваты)*.

Де ты, хмелю, зимувавъ,

Що й не розывався?

Де ты, сыну, почувавъ,

Що й не роззувався?..

Сегодня ажъ плакалы.

Власъ. Плакалы?.. И чого?.. Я Гарасимови вятыры лагодывъ: винъ прохавъ...

Галя. Колы бъ, кажуть, здужавъ, нехай бы вештався, де хоче; а то хворый. Замисыць того, щобъ полежаты, а винъ десь ходе.

Власъ. Зовсимъ я не хворый. И хто це наливъ матери, що я хворый? Певно яки-небудь бабы? Я здоровый, якъ быкъ, якъ утрое налыгачъ! Чого я лежатыму! А роботы хто за мене буде? А що я трохы кашляю, такъ це черезъ те, що простудывся... Простудывся, черезъ те теперъ и рыбы не хожу вудыты. И теперъ сыла вудивъ сыдыть по берези, а я дома. Сегодня, мабуть, такы не втерплю, заразы пилса обида визьму вудкы, та на вечерю ловкою рыбы упіймаю. День сегодня чудовый, тихый... Такъ, кажешъ, маты плачуть?

Галя. Плачуть.

Власъ. Бачъ, якъ маты за нами бидкаютця, а отъ ты матери не слухаешъ. Певно маты велилы тоби що-небудь ро-

быты, а ты у лялекъ сила граты? Ты бѣ подумала, що насъ скільки, а маты одни, вони за всима нами пеклуютця. Покинь ляльки та прыймайсь за роботу.

Галя (*наступылась*). Що-дня тилько робы, все робы...

Власъ. А хто жѣ на насъ робытыме, якъ не мы сами? Батько померлы, а насъ на матирь zostалося пнятеро, мы зѣ тобою старши, то й мусимо и матери допомагаты, и на себе заробляты, и дрибноту доглядаты. Зѣ Андрія тилько ще черезъ годъ буде яка-небудь помичь, тоди най-мемо ёго куды-небудь гусей або гындычаты пасты; а теперъ винъ тилько йистъ та одежу таска. А потимъ и Хведосъ пидросте... А тамъ ще годъ пройде—и зѣ тебе выйде дивка. Тоди намъ всимъ лехше буде робыты у гуртъ. Такъ, кажешъ, маты плачуть? (*Помовчавъ*). А та... Олександра Киндратовна не прыходыла?

Галя. Учора навидувалась.

Власъ. Та то я знаю, а сегодня?

Галя. Сегодня ще не було. Маты кажутъ: „колы бѣ Власъ оженився, була бѣ у мене помишныця.“

Власъ. Бачъ, бо ты линуеся матери допомагаты, отъ маты и бидкаютця.

Галя. Эге, якъ разѣ линуюся!.. А хйба я вынна, що не можу вымысты хлеба, що не здою коровы гараздъ?..

Власъ. Отъ бачышь?..

Галя. Що „бачышь?“ И воды на-носю, и страву всяку зварю, и сорочки поперу, и всяку роботу... А що у мене нема сылы?.. Уси люде дратують мене еухоребрю, кажутъ, що я вѣ батька вдалась. Чы правда, Власе, що татко померлы видѣ чахоткы?

Власъ. Хто це тоби напливъ?

Галя. Я чула, якъ барышня казали матери, що у татка була чахотка.

Власъ. Яка барышня? Це бѣ то Олександра Киндратовна?.. Може й видѣ чахоткы, Богъ ёго зна!

Галя. Чы вже скоро буде годъ, якъ татко померлы?

Власъ. Писля другои Пречыстои.

Галя. Скільки тоби, Власе, годивъ?

Власъ. Двадцять. А тоби трынадцять.

Галя. Який ты розумный, усе знаешъ.

Власъ. А ты балакай та не забывай и пирья дерты, а то маты... ты тилько уміешъ зубы заговорюваты. (*Помовчавъ*). Що жѣ, и оженись... На все прыйде своя пора!

Галя. Беры тилько таку, щобъ добра була, матирь почитувала та поважала.

Власъ. Це маты такъ казали?

Галя. А вже жѣ.

Я В А ІІІ.

Ти жѣ и Олеся.

Олеся. Хлебъ та силь!

Власъ. Мылосты просымо. Садовытця у насъ.

Олеся (*дае Гали ласкутыкы*). На тоби ще на ляльки.

Галя. А Власъ грымае на мене, що я у лялекъ граюсь.

Власъ. А ты вже и скаржытысь? Ачъ яка! Звисно, у недилю можна гратысь у лялѣкъ, а не вѣ будень. (*Усмихаецця*). Отъ и вдовольнывся. (*Прыйма мыску и ложку*). Сидайте жѣ бо!

Олеся. Що, це ты полуднувавъ?

Власъ. Ба обидавъ. Хлебъ, силь, та вода, то козацька ида! А по вашому ця стравы зветця, мабуть, совусомъ? А нашъ братъ часто и замисць цѣго совусу тилько посоваецця по лави, умне цвилого сухаря, та й... спасыби Богови за хлебъ та силь.

Олеся. А хто вѣ тимъ выненъ?

Власъ. Звисно, хто. Звычайно мы сами вынни. Вы зѣ кыжокъ мени казали, а я такъ, якъ бачу промежъ людьми, то такъ и обмиркувавъ. Выходыть, що вси

злыдни видъ того, що коженъ зъ насъ тилько про себе турбуеця; а колы бь мы у спилку завелы яки ремества, щобъ у насъ на сели булы усяки майстри... Та я першый усимъ ремествамъ навчывся бь. Я гарячий до дила. Я бачывъ, якъ у нимцивъ робытця по колоніяхъ, нарочыто туды ходывъ. Вони все сами: и хургоны роблють, и плугы, и віялки, и машины... У нихъ свои жь шевци, кравци, столяри, ковали, слисари... А главне дило не сыдять склавшы рукъ, завжды робота иде своимъ порядкомъ. Черезъ те жь нимци и въ достаткахъ, а нашъ братъ пухне зъ голоду. Кажуть: „Гримъ не гримне — мужыкъ не перехрестытця“... Це, положымъ, правда, що нашего брата треба пидштовхуваты. Але жь мужыкъ нашъ винъ чоловикъ темный, неосвяченый.

Олеся. Зъ якимъ ты паломъ це говорышь?

Власъ. Я холодно не вмію.

Олеся. Роспалывся, а теперъ якъ важко дыхаешъ...

Власъ (*здорово дыхнувъ*). Фу-у! Отъ и видсапнувъ. (*Зареготавъ*).

Олеся (*помовчала*). Чомъ ты не ходышь рыбы вудыть?

Власъ (*не дывытця на неѣ*). Николы було.

Олеся. Вже й не спиваешъ, якъ першъ було що-вечора сивавъ?

Власъ. Доспивався... Колы бь можна було вернуты мынуле? (*Зитхнувъ глыбоко*).

Олеся. Хйба мынуле краще було те-перешнего?

Власъ. Лехче жылося, лехче и дыхалося.

Олеся. Бачъ, не послухавъ мене, а скилько разивъ тоби радила пидты до ликаря, у мистечко?

Власъ. Я не про те... На вищо мени ликаръ? Не поможе мени ликаръ... Я здоровый, якъ дубъ!

Олеся. Чого жь тоби важко?

Власъ. Чого? Годи допытувать (*вставъ и бере зъ полицы книжку*). Нате важъ цю книжку, не до вподобы вона мени.

Олеся. Чому?

Власъ. Не цикавыть мене те, про що тамъ провадытця. Пышетця про якесь село, що яки тамъ вси люде гарни, та ягъ жы-вуть промежъ себе любязно, що одне дру-гому допомагають, не лаютця. Наврядъ!

Олеся. Якъ ты похмуро почавъ на все дывытись... якыйсь неймовирный ставъ!

Власъ. А я думаю, що я скаженымъ ставъ!

Олеся. Отакои!

Власъ. Зовсимъ я зпантелычывся!.. Колы бь я выклавъ передъ вами те, що у мене отуть, у грудяхъ, сами бь ска-заны: скаженный!

Я В А І V.

Ти жь и Марына.

Марына (*до Власѣ*). Насылу тебе прынесло до дому.

Власъ. Хйба що? Одну ничъ не почувавъ дома, то вже й гниватысь? Я лагодывъ Гарасымови вьятири: винъ не зугарень. Ну, забалакався, засидився; потимъ попрохалы повечерять у купи....

Марына (*поклада клумокъ зъ мукою на лаву*). О, я й не бачу! Здрастуйте!

Олеся. Якъ поживаєте?

Марына. Та, спасыби, дыхаемо. Я, сыну, не про те. Ты вже парубокъ, то й ничъ вся твоя, такой вже законъ. А хочъ бы навидався до дому.

Власъ. Ну, та вже бильшь такъ не трапытця.

Марына. Подумай, що ты, сыну, недужый...

Власъ (*закипивъ*). Вси въ однь голось: недужый, та й недужый!.. Я дужый видъ дужого.

Марына. Отакъ и твій батько все було каже: „не бидкайся, стара, я ще й

тебе переживу!“ Эге, переживъ. Зоставъ мене зъ дрибязкомъ, якъ вутку зъ вутятамы на безкраймъ мори. (*Хлыта*).

Власъ. Це вже вы й плачете? Мамо, вы знаете мене, що я радий перерватись у праці, тилько бъ васъ задоволныты; а слязь я не хочу бачыты... (*Хутко пишовъ зъ хаты*).

Марына. Онъ яке у нѣго серце! Оце якъ сказавъ, що радий и перерватись, то такъ колысь и зроби. Слушайте, серденько, чы не вговориы бъ вы ёго, щобъ винъ оженився; винъ васъ, Господы, якъ шануе, я певна, що винъ васъ послуха. Зсыллася я, серденько, змучылася... Ихъ пятеро, а я одна на ныхъ робитныця въ хати.

Олеся. Вговорыты не берусь... А спытаты можу.

Марына. Спытайте. Ось я заразъ заклычу его въ хату. (*До Гали*). А ты вже й заснула? Отъ капостна дивчына! Пиды лышь у подвирья та трохи провитрысь: занудылася въ хати. Пиды вже, пиды! (*Галля хутко побигла зъ хаты*). Пожалуста, порадьте ему. Тутъ одна дивчына е у мене на прекмети, така жъ ввичлыва, така окуратна...

Олеся. А Власъ же якъ зъ нею?

Марына. Хиба парубкову думку вгадаешъ? Сегодня отъ инчои одхрестытця и одмольтця, а завтра визьме, та й посвата; на котру жъ здавалось, що певно важывъ, гляды, и залышыты. (*Пишла*).

Олеся. И на вищо я сказала, що спытаю его... Якъ я его спытаю? Одначе Власъ зовсимъ не такимъ ставъ, якъ першъ. Де подилась жартовлыва, гостра розмова? Чы давно безпечно та весело розмовлявъ? Що зъ нимъ почынылося? Може закохався? Мене прямо обходыты: ни вчора, ни позавчора и на берегъ не навидався; а першъ самъ казавъ: якъ иноди не пиду

зъ вудкамы, то цилый день нудюсь. Якъ оженитця Власъ, зъ кымъ тоди я буду надъ вудкамы сьдиды и розмовляты?.. И не спиватыме вже винъ що-вечора... Отъ же, ей Богу, мени его жаль!..

Я В А В.

Входыты Власъ.

Власъ. Я знаю, чога мене маты послаы въ хату. Ну, радьте, совитуйте, вговоруйте!..

Олеся. Твоя маты прохала мене, щобъ я тебе спытала: чомъ ты не женисья?

Власъ. Чомъ? (*Потупывъ очи*). И вамъ не скажу, и матери, и никому!.. (*Помовчавъ*). Ну, а вы радые?

Олеся. Маты твоя...

Власъ. А вы?

Олеся. Що жъ я?

Власъ (*зыркнувъ на неи*). Эхъ, Олександра Киндратовна! Не бралися бъ вы мене вговоруваты, краще бъ було...

Олеся. Я тебе не вговорюю. Якъ самъ соби знаешъ, такъ и жывы.

Власъ (*дывытця на неи*). А я васъ вговорюю: не ходите вы бильшь до насъ, бо... буде слава на вихъ на васъ и на мене! Гараздъ, ожениюся!.. Вы такъ и матери скажите: „вговорила, и, на котру покажете, ту и посвата.“ (*Хутко пишовъ*).

Олеся. Власе!.. Стривай!.. Гниваотця!.. За вищо жъ... Винъ такъ чудно глянувъ мени въ вичи, такъ глыбоко проинявъ своимъ поглядомъ, що ажъ моторошно зробылося и мовъ мени зацпыло! Не змогла ёму ничогъ й сказать, не мовъ омимила... У погляди его таке щось блеснуло—видъ чога любо робытця на серцеви и страшно!.. Яка я безсердечна, яка черства, яка злюка!.. Дома розпалылася и сюды прынесла отруту на языци... Це

я его розгивала, я, я!.. Дожену его, за-разъ перебалаяю!.. Якъ же мени жаль стало его!.. (*Хоче бигты и зупылетця*).

Серце такъ стыскае, ажъ коле въ грудяхъ!.. Охъ, якъ мени жаль Власа!.. (*Хутко пишла*).

(З а в и с а).

КАРТИНА II.

Садъ. Въ глыбни кону барканъ зъ хвирткою. За барканомъ далеко выдко село; на першнмъ плану ганокъ будынку.

Я В А I.

Киндратъ Антоновичъ и учитель *выходятъ зъ будынку*.

Киндратъ Антоновичъ. Спасыби вамъ, що провидалы, давненько у насъ не бувалы.

Учитель. Все не було зайвого часу: спершу экзамены булы въ школи; а потимъ самъ лагодывся до экзамену, але не спрэмгися и видкладавъ на той рикъ.

Киндратъ Антоновичъ. Що таке? То бъ то хочете ще вчытыся; здаеця, вже й такъ добре вчени?

Учитель. Гс! Такымы вченымы, якъ я, можна багато гребель загатыты.

Киндратъ Антоновичъ. Женати и дитокъ тройко маете, про що бъ инче дбаты, а вы про навукку.—Дыво!

Учитель. Коженъ дбае про те, що ему любийць.

Киндратъ Антоновичъ. Треба дбаты про те, що доходийць. Ахъ-ха-ха. (*Сидаютъ*). Такъ, такъ. Може покурите? (*Дае портъ-табакъ*).

Учитель (*робе цыгарку*). Ого - го! „Пишлы, якъ кажуть, наши въ гору, по два разомъ на веревку!“ Вы вже второй сортъ курите, онъ якъ?

Киндратъ Антоновичъ. Не можна... Знаете, на такій вже лыня...

Учитель (*закурюе*). Лыня, це велыка сила. Годылося бъ первый сортъ.

Киндратъ Антоновичъ. Не роцоть, теперъ цина высока на турецкый тютюнь... Не роцоть.

Учитель. Якъ же Олеся пожива?

Киндратъ Антоновичъ. Спытайте, якъ я поживаю; а Олеся що, ий байдушисенько! Откровенно кажучы, я вже й ума не прыберу, якъ на це дило й дывытысь. Чы то Господь насъ нею покаравъ, тилько не знаю за яки грихы, чы може раптомъ свить пишовъ на выворить, такъ що мы старыкы не зоглядилыся и черезъ те ничего не розчовпымо? У насъ теперъ у дому просто смишеніе языкивъ!..

Учитель. Мени и здалось зъ першого погляду, що вы дуже зтурбовани?

Киндратъ Антоновичъ. Якъ жетуть не зтурбуватыся, колы зовсимъ зъ нигъ збывся. Вирите, ночей не сплю, йижа не йде на думку. Оце вже днивъ зъ десятокъ самъ не свій: схоплюсь у ночи, хожу-хожу по хати, думаю-думаю, ажъ голова почне колесомъ ходыты. И стара моя зовсимъ знеслылася сердешна, цилисеньки ночи тежъ не спыть, все охае... Прямо, откровенно кажучы, скрутыла насъ дочка едынчка, якъ бублыкъ.

Учитель. Що жъ трапылося?

Киндратъ Антоновичъ. Выча и корыть мене що-разу, що не такъ роблю, не такъ зъ людмы повожуся, не такъ миркую, не такъ дывлюсь, не такъ балакаю... Все не такъ!.. Всемъ людямъ я такымъ здаюсь, якъ и треба, а дочки мой

инчимъ. Вирьте, що иноди своїми розсужденіями доводе до того, що ажъ зубамъ заскряпашь, и коли бъ на той часъ трапылася пидъ рукою пальця, або батигъ...

Учитель. Що це вы, якъ то можна?

Киндратъ Антоновичъ. Вона такы доскоче свого!

Учитель. Це вже послідне дило.

Киндратъ Антоновичъ. Вона на те веде!

Учитель. Звычайно, що непорозуміння въ семьи це не абы яке лихо... Послушайте моеи порады? Благае вона васъ, щобъ видпустылы вчытысь, ну и ввольнить їи волю.

Киндратъ Антоновичъ. Щобъ, якъ ще бильшь ввчытыця, та тоди вже плювала батькови межы очи?

Учитель. Якъ то можна, николи це го не може вчынытыся.

Киндратъ Антоновичъ. Ни, не треба намъ ніякихъ навукъ! Нехай сыдыть дома, схаменетця. Я цилый вийъ труждався, на вколюшкахъ повзаючы; увесь вийъ злыдни годувавъ, не доидавъ, не допывавъ... А вона всего того не хоче зважыты?

Учитель. Ни, вона добре все розуміе и зважа, тилько, знаете, палка натура, молода ще... Нехай зпершу до всего прыдывытыця, може и поглядъ инчий виробе; а вамъ треба потерпѣти...

Киндратъ Антоновичъ. Добре вамъ розсуждаты, а побулы бъ вы у мойй шкюри. Краще бъ вона не знала азъ-буки, та почитувала батька—матирь.

Учитель. А хйба й такыхъ мало, що ни „аза въ глаза“ не тямлять, а вытворяють ще гиршь?

Киндратъ Антоновичъ. Та воно положымъ. Именно, що свить перевернувся! Вирьте, що иноди сердце такъ заболыть, якъ не розирветця. *(Помовчавъ)*. Оцими днями мужыкы почалы, знаете,

налопомъ лизты до мене за позыкою, на попередній видробитокъ: я заховаюсь видъныхъ, а вона нарочыто вышука мене та и пошла ихъ до мене мовъ наумысне прямо нацьковуе!

Учитель. А до кого жъ мужычкамы и обертатысь, якъ не до васъ? Мужы завжды до патоки лизуть.

Киндратъ Антоновичъ. Такъ помылуйте жъ! Якъ же я ему позычу, коли я бачу, що не сыла ёго видробыты; мичный може и раднищый бы, коли жъ напозычався ажъ до завязкы, а якъ прыйде часъ видробляты, тоди ёго и рвуть на вси боку... Такъ на вищо жъ мени та рахуба?—Я за свои гроши скрызъ заблаговременно знайду робитныка. Инчий наберетця тіеи позыкы, якъ репьяхивъ, та гляды, ще заслабне у робочу пору, тоди годи ему вже й дыхаты, сразу злыдни ёго стрискають... Треба знаты, кого слидъ рятуваты; а порятунокъ безъ товку все ривно, що жбурнуты гроши черезъ голову, або заплющывшы очи.

Учитель. Практично, цилкомъ практично!

Киндратъ Антоновичъ. А якъ же инакше? Конешне, робочы руки потрібни, безъ нихъ у хлиборобствы не обійдесся; але и мужыкъ нашъ такъ вже теперь спаскудывся та замошеннычывся, що не знаешъ, якого вже й способу до него добираты. Виддасы руками, а не выходышь и ногамы.

Учитель. Який пипъ, така и паравня.

Киндратъ Антоновичъ. Це жъ вы у який бийъ стрыбнулы?

Учитель. Ни въ який, а прямо кажу. Ничого въ свиты не чынытыця безъ причыны, на все мусыть буты прымирь. Сами кажете, що мужыкъ теперь зопсувався и зъмошеннычывся, стало-быть, першь винъ такимъ не бувавъ?

Киндратъ Антоновичъ. А не бувъ.

Учитель. Такъ хтось же ёго зонсувавъ и змошоннычавъ?

Киндратъ Антоновичъ. А хто жъ такый?

Учитель. Вы, льбонь, до цего дила бльжчъ стоите, вамъ бы и годылося пошуваты выноватого.

Киндратъ Антоновичъ. Я вже миркувавъ надъ цимъ диломъ, не разъ миркувавъ.

Учитель. Помиркуйте ще...

(Мовчаніе).

Киндратъ Антоновичъ. Давненько, давненько мы зъ вами не бачылся. Може чого-небудь перекусите?

Учитель. Ни, спасыби. Я по дилу до васъ.

Киндратъ Антоновичъ. По якому?

Учитель. Оце тыжнивъ черезъ два у насъ мають буты выборы попечытеля школы, такъ я радывся зъ де-якими хазяинами, и мало не вси прямо такы показують на васъ, и священныкъ тежъ радить васъ прохаты.

Киндратъ Антоновичъ. Спасыби за честь. Конешне, це должность почотна...

Учитель. До цего часу выбиравы у попечытели зъ дворянъ, а теперь пора и зъ другого сословія.

Киндратъ Антоновичъ. А звычайно. Откровенно кажучы, у насъ въ округности видъ дворянъ тилько и зосталось. Мене просятъ, щобъ я и за старосту церковного... Першь старостувалы полковнымы, копытаны... Должность тежъ почотна, тилькы багато одіймае часу.

Учитель. А попечытельство не важка обязанность. Пожертвуйте скилько тамъ десяткывъ у годъ...

Киндратъ Антоновичъ. Такъ, такъ. Чому и не пожертвуваты, а тилько яка мени зъ того корысть?

Учитель. Благодарность видъ вышчого начальства, подяка видъ школяривъ.

Киндратъ Антоновичъ. Положымъ, але выдымости видъ тией подякы, щобъ стало быть кожний бачывъ, якый я добродіятель, такъ и нема. На лоби не буде у мене папысано.

Учитель. Награждають часомъ медалью.

Киндратъ Антоновичъ. А за вищо швыдчъ можна медалю получыты: за церковного старосту, чы за попечытеля?

Учитель. Де ваша служба буде корыстнищъ, тамъ и получыте.

Киндратъ Антоновичъ. Такъ, такъ!.. Та такы, мабутъ, прыйдетця и церковнымъ старостою буты и попечытелемъ.

Учитель. И чого доброго дви медалы получыте?

Киндратъ Антоновичъ. Не то що... Воно, положымъ, и медалы видзнака... А то, що обыдвы должности почотны... Опричъ того, нехай вси знаютъ, що я не скотына и не скныпа, яеъ други, и не зажеря якый—небутъ.

Учитель *(встае)*. То, значить, можно васъ смило выбиравы?

Киндратъ Антоновичъ. Та вже выбиравыте. Воно жъ такы це дило и спасене?

Учитель. А якъ же? Прощавайте до якого часу.

Киндратъ Антоновичъ. Куды жъ такъ скоро?

Учитель. Та мушу тутъ ще де-куды зайты.

Киндратъ Антоновичъ. Може по чарци? га?

Учитель. Та не шкодыть.

Киндратъ Антоновичъ. А якъ не шкодыть, то чому жъ намъ и не чокнутця.

(Пишлы).

Я В А II.

Олеся *(одна, иде зъ за баркана зъ будками, и скилько рыбынъ на куцани)*.

Шукала скривъ Власа,— не знайшла. Взяла вудкы, пишла на ричку. Думала, тамъ знайду ёго, и туды не прыйшовъ. Якъ скучно, неначе безъ него и свить мени не мыйль. Та куды жъ це винъ подився? (*Помовчала*). И день сегодня, мовъ на злисть, явнись не весельй, нибы зовсимъ осинній: пташки въ саду вже не щебечуть, лысть на дереву поблидъ, и травця не красуетця вже и пахошивъ не роспуска. Ще жъ тилько ще обробыльсь въ поли, де ще та зима, а навкруги неначе почына все дриматы. Хочъ лысту на дереву ще й рясно, та вже той лысть млявий, сонный; травця, якъ кылымъ, густа, та не такъ вже вона зелене, якъ зеленила позавчора. Ще вчора якась пташка отамъ у кущахъ щебетала неумовно, а сегодня и вона гласу не подае. Тилько витерь пожежъ очеретамы шумить и своимъ неумовнымъ и ривнымъ гуломъ наганя сумдту... Не змогла на ричци и пивгодыны высидыты: очерета глумлять, выють, лоза гнетця, похыляецця и стогне... И тутъ не весело!.. Сумно всюды, всюды тыхо, не мовъ передъ явнымъ лыхомъ. (*Помовчала*). Чого Власъ, якъ спытала ёго, чому не женытця,— утопывъ очы въ землю, довго дывывся, а дали такъ глянувъ на мене, не мовъ загадавъ нерозгадану загадку, у погляди ёго я постерегла заразомъ: и горе, и отчай, и злобу!.. Може винъ закоханный? Скилько разивъ розмовляла зъ нимъ одверто, щиро, якъ другъ, и неже жъ такы не промовыся бъ хочъ словечкомъ, колы бъ бувъ у кому закоханный? И на вищо бъ таився видъ мене? Перерадывся бъ зо мною, розваживъ бы суму... Такъ николы жъ про кохання а ни словечка. И завжды бувъ весельй, гострый, жартовлывий, а оце зразу не мовъ переродывся, неначе зовсимъ не тымъ ставъ. Яка жъ прычына?.. (*За лаштунками чутно Власивъ спивъ, Олеся*

упустыла вудкы и нибы остовны-нила).

Безъ тебе, Олесю, пшениченку жаты,
Безъ тебе, серденько, увесь день ску-
чаты.

Якъ день прыйде, то рве душу,
А въ вечери прыйты мушу,

Хоча не раненько,
Олесю серденько!

Безъ тебе, Олесю, сонечко не гріе,
Безъ тебе, серденько, буйный витерь віе.

Якъ день прыйде, то рве душу,
А въ вечери прыйты мушу,
Хоча не раненько,
Олесю серденько!

Олеся. Безъ Олеся?.. А Олосину, думаешъ, не рве душу? (*Ламае не самовыто руку*). И Олесю безъ Власа сонечко не гріе! И лынула бъ вона до него що-вечора пташкою лехкоккрылою. (*Прыслушаетця*). Не чутъ? Замокъ! Такъ мало не повинно буты! не можна, бо-лаче!.. И все замовкло навкруги, нибы померло. Чы може це мени тилькы такъ вчулося, а винъ не спивавъ зовсимъ; чы нарочыто пустывъ голосъ, щобъ подратуваты? (*Чутно десь далеко Власивъ спивъ*). О, зновъ!.. Спивъ це, чы дывовиддя?.. Не чутъ!.. Зъявывая голо-сокъ и, якъ марево, розвіявся видъ подыху витра... (*Помовчала*). Якъ сонечко червоно заходыть, певно на дощ. О, пташечка у лозахъ зашебетала сонечкови на добраничъ. Якъ чудово проминь сонця позолотывъ осокура и хутко, хутко бижыть по лыстяхъ, то зъ дерева на травцю, то зновъ на дерево—неначе граецця; теперь заховаясь пидъ лыстя и освитывъ ёго зисподу. Ачъ, то блесне, то потемніе. Зновъ червонымъ золотомъ розислався по лыстяхъ, по дереву, по ричци и по всему лугу!..

Я В А III.

Олеся и Марфуша.

Марфуша (*изъ за баркана*). Здорова була!

Олеся. Кто це? А, Марфуша... Насылу Богъ давъ сылу! (*Цилуютця*).

Марфуша. Хоть вы за нами и не дуже, такъ мы жъ зъ вами не байдуже.

Олеся. Справди, я давно у васъ не була... Найшло щось на мене... (*Регоче*). У кимнату пидемо?

Марфуша. Ни, посыдымо тутъ, у садку.

Олеся. Стривай же, я виднесу рыбу та вуден и заразъ вернусь. Сегодня бувъ зовсимъ плохый клевъ, бачышь, якъ мало упіймала? (*Несе рыбу у будынокъ*).

Марфуша (*сама*). Довидаюсь, чы правда жъ тому, що вона покохала якогось простого парубка? Щось, мабуть, е схожого, бо вона такивська; та й люде не стали бъ плескаты. Ну, якъ що тому правда, то убыла гринку, выминяла шыло на швайку: дыяконенка на якогось мугтыряку!

Олеся (*иде*). Я тоби рада, Марфушо!

Марфуша. Щось ты не такъ балакаешъ.

Олеся. Ей Богу, рада! (*Цилуе и*).

Марфуша. Яке въ тебе горяче лице и руки? Може не здужаешъ?

Олеся. Здужаю, цилкомъ не хвора... Що жъ у васъ нового?

Марфуша. Ніякои новыны. Хиба те тилько, що Ныхвинтъ заручывся на Козубський.

Олеся. Нехай ему Господь допомагае!

Марфуша. Нудывъ, нудывъ свитомъ за тобою, а дали зъ отчаю шелестъ за рупшыками до Леонылы.

Олеся. Вони будуть щасливы... Коженъ зъ нихъ задоволеный цилкомъ самъ собою, а це певный закладъ щастя. Леонылы и братъ твій якъ разъ до пары: обое рябое!

Марфуша. Глузуешъ? Чому не глузувати, колы, мабуть, сама такого вже доскочыла щастя, що ни въ казци сказаты, ни перомъ списаты?.. Бачу, по очахъ бачу, що щаслива. Певно до схочу закохалася? Скажы хочъ, въ кого?

Олеся. Куды це ты метнула? Ни въ кого, Марфушо, я не закохана.

Марфуша. Выховуеся? Воно такъ и слидъ зъ подругою поводитысь.

Олеся. Я не хочу таятысь, не вмю... Я закохана льбонь въ свою думку, але якъ що и вона не спевнытця, тоди опушу руки и поплыву по течіи, куды вода; туды и я.

Марфуша. Якъ це ты чудно, незрозумило говоришь, що я не розберу ничего?

Олеся. Ото черезъ те, що ты думкамъ моимъ не подруга.

Марфуша. То бъ то ворогъ?

Олеся. Ни сякъ, ни такъ!

Марфуша. Якъ соби хочешъ, такъ и миркуй.

Олеся. Ты не гнивайся, Марфушо. На мене щось тако иноди находыть, колы я себе бачу одною однисенькою, и такъ тяжко, тяжко мени зробытця. (*Схылыла голову на руку*).

Марфуша (*помовчала*). А въ насъ чутка пройшла.

Олеся. Яка?

Марфуша. Зъ пальца того не высмокчуть.

Олеся. У мене голова горыть, а ты почала балакаты недомовками! Яка, яка жъ чутка?

Марфуша. Тилько не знаю, якъ его на имення, а кажуть: чорнявый, огрядный, ривный, и спивака не абы якый.

Олеся. Чула ты дзвинь, тилько не знаешъ, де винь. Я тоби вси, якъ на долони, выложу свои думкы; може ты посміеся надъ нымы — дарма, смійся. Слухай, Марфушо! Часто люде шукають

вѣлетнивъ духа, героявъ, а и до вику ихъ не знаходять, — а знаешъ, черезъ що?

Марфуша. Не знаю, а тилько на вспряжки бачу, що ты знайшла велѣтня, — чы такъ? Кажы швидчъ, хто винъ, де тутъ такій взявся, що тоби зъумивъ запасты въ душу?

Олеся (*обіймаючы Марфушу, промовля зъ паломъ*). Такой мицной воли, такой одвертой души я не зустрічала. Такъ дивитця прямо на людськи виднѣсыны, такъ глыбоко вдвлятыся въ людську душу и, постеригшы іа лыхи вчынкы, такъ смилыво выголошуваты безъ хвальшы, може тилько чысте и непорочне серце. Душу его можна прыривняты заразомъ: и до дытячой души не пидкупной и до мицного дуба. Не балакучый винъ, а кожны его слово на вагу золота.

Марфуша. Це вже ты такого героя змалювала, що колы бъ и справди зъявився такій, то все на свити пишло бъ на новий ладъ.

Олеся. Не смійся, Марфушо! Такій тилько чоловікъ усему дае инчий смыслъ и въ те, що намъ часто вбачаетця вже мертвымъ, винъ вдувае духъ животворящый.

Марфуша. (*Регоче*). Сердешна дивчына! Казала я тоби не разъ, що не доведуть тебе твои думкы до путя, отъ же и справдылося!.. Ха-ха-ха!

Олеся. А може й справди я тилько въ свою думку закохана? Може и справди я вже некрытомна?

Я В А ІV.

Ти жъ и Лукерія Степановна.

Лукерія Степановна (*зъ перевязаною головою*). Здрастуйте, серденько. Давно до насъ пожалувалы?

Марфуша. Оце не забаромъ. (*Цилу ютця*). Що це вы, не здужаете?

Лукерія Степановна (*зыркнула на Олеся*). Э, дайте покы, серденько! Нема, видъ чога здужаты, колы шо-дня такій Вавылонъ... Спасыби, баба Горгоцыха пошптала щось, та слызала зазыкъ, потимъ звелила привязаты до головы лытя выслои капусты — трохы видпустыло.

Марфуша. Що жъ: ломыть, чы стыса?

Лукерія Степановна. Баба Горгоцыха каже, що то супротивныкъ иде видъ сердца до головы.

Марфуша. А не пробувалы росоломъ зъ огиркивъ примочуваты, — тежъ помагае.

Лукерія Степановна. Охъ, серденько, не до росолу мени. Охъ, Боже нашъ мылосердний! А шо, у васъ уже огиркы посолылы, чы ще?

Марфуша. Матужка все чекають дощу. Кажуть: „колы бъ дощыкъ пройшовъ, щобъ день черезъ двое писля того vybrаты, то саме бъ ловкы булы огиркы для солиння.“ (*Олеся встала и тшила до баркану*).

Лукерія Степановна. Ваши матужка велыки скусныця солыты огиркы. Кажете, треба vybrаты черезъ двое день писля дощу?

Марфуша. Черезъ двое, або черезъ трое.

Лукерія Степановна. Колы жъ така теперъ засуха, шо и Господы! Учора у вуси у мене такъ засвербило, думала, буде дощъ; отъ же й не було!

Марфуша. Отъ кавунивъ ништо такъ не посолыть, якъ вы. Матужка все збирютця у васъ повчытыся.

Лукерія Степановна. Нехай прийдуць, повчу. Лыбонъ вони молодчи видъ мене? Якъ шо молодчи, то можна повчыты, а якъ старши, то хочъ и навчатця — не поможе, не матыме сылы. Треба тилько видъ старшыхъ повчатыся. Ходимъ у кимнату чай пыты, бо вже смерка. У насъ переночуете?

Марфуша. Якъ шо не заважу.

Лукерія Степановна. О, якъ то можна, щобъ заважылы! Така вже до-

рога гостя, така дорога! Де жъ це Олеся? Не любыть вона нашої розмовы, все кудысь далеко думками сяга, ажъ за хмари! *(Тыхо)*. Помичаєте, яка зробилась? Вирите, иноди ажъ страшно робытця за нею.

Марфуша. И на мою думку, вона не така, якъ була.

Лукерія Степановна. Бачыте, серденько! Змарнила, зблудила... Отаке гарненько! У ночы жахаецця, щось говоре кризь сонъ. Скільки разывъ хотила покликаты бабу, щобъ пошептала—не хоче Олеся!.. *(Ще тыхше)*. Вы бъ и роспыталы, може бъ вона вамъ прызналася, що въ ней на думци?

Я В А V.

Ти жъ и Киндратъ Антоновичъ.

Киндратъ Антоновичъ. А йды, стара, наливай чай. А, здрастуйте! Якъ ваше здоровьячко?

Марфуша *(чоломжаецця)*. Спаснби. Батюшка и матушка вамъ кланяютця.

Киндратъ Антоновичъ. Благодарю. Дывына коитця у свити! И куды воно йдетця и до чого?.. Такъ оце мене мовъ молоткомъ по выску ударыло. Чуєте? *(Олеся здалеку появилась)*. Оце свижо прочытавъ у „Свити“—Леонидъ Петровичъ, у Харкови, въ гостынници застрелывся.

Олеся *(у бикъ)*. Якъ? Що? *(Зв лякомъ бижыть вг глыбыну кону и зныка)*.

Лукерія Степановна. Царство ему небесне...

Киндратъ Антоновичъ. Що це ты, здурила? За самостратныка грихъ молитесь!

Лукерія Степановна. Охъ, Господы, просты мене гришну!

Киндратъ Антоновичъ. Иды жъ, готуй тамъ до чаю. Дывына коитця! Де жъ це Олеся?

Лукерія Степановна. Пишла черезъ хвиртку на нызъ, чогось до ричкы пошвандала. *(Пишла з Марфушою)*.

Киндратъ Антоновичъ. Це Олеся, якъ провида, що Леонидъ стратывъ себе, якъ разъ чогось налыхотворыть. Ще, бороны Боже, колы бъ и вона не наложила на себе ручокъ. Оди образовани люде, то вони якисъ лехводухы, не терплячы, заразы голову у петлю, або пулю въ лоба!.. Та невже жъ я мусывъ Леонидови доплатыты? А що жъ бы люде сказалы? Дурнемъ прозвалы бъ мене, скаженимъ!.. Бо такы дурнемъ бы и бувъ; тоди мене слидовало бы посадовыть въ самашодный домъ. Чогось такъ мотарошно стае на серцеви, якъ подумаешъ: жывыи бувъ чоловикъ, а потимъ взявъ та й застрелывся. Не выненъ я въ тимъ, а ныбы выненъ. Не знаю, чы сказаты Олеси зразу, чы нехай довидаецця, якъ сама прочыта?.. Було бъ мени дати Леонидови зъ тысячу рубливъ, нехай бы доихавъ до Петербурга, та тамъ вже... А то въ Харкови. Черстве у мене сердце, жорстоке?.. Треба буде зъ Олесею мянхче... Серце у нею золоте, правдыве... И вродытця жъ така! Дывына!

Я В А VI.

Павло и Киндратъ Антоновичъ.

Павло. Що жъ вы, господинъ хазяинъ, общыталы мене та и мовчыте?

Киндратъ Антоновичъ. Якъ ты посмивъ черезъ горницы пройты, хто тебе пустывъ?

Павло. Якъ першъ ходывъ смилыво, такъ и теперь пройшовъ; що мени дывына по горныцяхъ ходыты?

Киндратъ Антоновичъ. Хто тебе провивъ, пытаю?

Павло. Нихто, самъ пройшовъ. Самъ знаю вси ходы и переходы. Пожалуйте золотого!

Киндратъ Антоновичъ. Якого золотого?

Павло. Мого, котрого вы мени не додали.

Киндратъ Антоновичъ. Коли ще бувъ рощотъ, а ты теперь тилько поличивъ?

Павло. Такъ що жъ, що теперь? Печеличивъ и бачу, що вы мене обмошенчали. Виддайте золотого, бо такъ не честно!

Киндратъ Антоновичъ. Пиди геть! Я тебе велю зъ двору въ шью!

Павло. Руки коротки!

Киндратъ Антоновичъ. Що таке? Ахъ ты жъ...

Павло. Та не вдарышъ? А вдарышъ, штрафъ заплатышъ!

Киндратъ Антоновичъ. Геть мени заразъ! (Наступа на него).

Павло. Та не вдарышъ? Виддай золотого, тоди и пиду!

Киндратъ Антоновичъ. Я тоби не выненъ!

Павло. Не виддасы?

Киндратъ Антоновичъ. Не виддамъ!

Павло. Не виддасы?

Киндратъ Антоновичъ. Сказавъ разъ, и шабашъ.

Павло. Ты ще Павла не знаешъ, дастця винъ тоби въ знаки!

Киндратъ Антоновичъ. Гей! Кто тамъ е у двори, визьмить цего скаже-ного видциля!

Павло. Я тоби золотого не подарю, а тебе спалю!

Киндратъ Антоновичъ. Що? А хто тамъ е, идить сюды! Чуете, що винъ говоре? Постривай же, завтра я становому на тебе донесу!

Павло. Я твого станового такъ точнисенько боюсь, якъ и тебе. Мене може нанято за лакея до генерала Яновського, такъ отъ ты и знай, хто такый теперь Павло! А ты думаешъ, що я въ тебе

зновъ чередныкомъ буду, а не диждешъ. А золотого я тоби не подарю. (Пишовъ у хвиртку).

Киндратъ Антоновичъ. Чого добро-го, ще й справди пиддале. Винъ ска-женный! Теперь кожного остерегайся; онъ якъ распаскудывся капостный народъ. Чуетъ ты, кручений, вернись! (У бикъ). Хай ему лыхе зъ его золотимъ! (До Павла, котрый зъявляється на хвиртци). На тоби золотого. Хочъ я тоби и не выненъ, але у мене охота е подарувать тоби!

Павло. А у мене нема охоты подяку-вати, бо винъ мій! (Взявши гроши). И зъ тымъ хочъ и до свяданія! (Пишовъ).

Киндратъ Антоновичъ. Николы зъ мугырякы не жды добра, а зъ дворового тимъ паче; винъ тебе-що разу радый у ложки воды утопыты! (Иде въ будынокъ).

Олеся (хутко бижыть). Я мушу батькови у вичи выявыты всю его про-вину, выявыты такъ, якъ вона у моимъ розумови зкладається, а потимъ хочъ и зъ кручи головою! (Прыслушаетця). Лы-бонъ Власивъ голосъ? (Зупынылась).

Я В А VII.

Власъ и два старосты проходятъ за бар-каномъ.

Староста. Бачъ, ще й не стемнило гараздъ, якъ мы управылись, потому по-нимаемо: якъ и шо! Иды жъ, склыкай на сватання товарищивъ. (Пишлы).

Власъ. Спасыби вамъ! (У бикъ). Ко-лы бъ швыдчъ звинчатысь. На котру маты сказали, ту и посватавъ. Завжды обмы-навъ и николы навить и не балакавъ зъ нею, а теперь посватавъ. Цикавый буде шлюбъ... Вволнывъ матерну волю, нехай знаютъ, якый я покирлывый! (Зхопывъ себе за груды). Пропаду... А, такъ мени й треба, щобъ не роспускавъ сердца, не задывлявся на нерывню! Олександра Кин-

дратовна хотила зо мною погратыся, якъ китъ зъ мышою?.. Ни, я тоби не выгратка!..

Олеся (*пидходе*). Власе! Наслу я тебе зустріла. Я тоби хотила сказаты...

Власъ (*кланяетця*). Не треба бильшъ, все вже сказали... Просю васъ, Олександра Киндратовна, на весилля.

Олеся (*зв жахомъ*). Що таке?

Власъ. Побравъ рушныкы у Олеси Грынченковой. Весилле въ недилю. Прощавайте. (*Хутко пишовъ*).

Олеся. У Олеси?.. И вона Олеся? То це ты їй прыспивувавъ: „безъ тебе, Олеся, сонечко не гріе!“ А я думала, я марила!.. Власе, Власе, ты жъ въ край розбывъ мое сердце!.. (*Упала на землю*).

Я В А VIII.

Марфуша и Олеся.

Марфуша. Вже стемнило. Певно Олеся зъ нымъ розмовля за барканомъ. А ну, пидкрадуся та послухаю. (*Иде и натыкаетця на Олеся*). Ой, що це? (*Прыдывляетця*). Олеся!.. Нибы заснула!.. Вона не жыва! Ой, Боже мій!.. (*Бижыть*). Киндратъ Антоновичъ! Лукерія Степановна!

Я В А IX.

Ти жъ, Киндратъ Антоновичъ и Лукерія Степановна.

Киндр. Ант. и Лук. Степ. Що тутъ таке трапылось?

Марфуша. Не знаю, що зъ Олесею, мовъ не жыва.

Киндр. Ант. и Лук. Степ. (*кыдаютця до Олеси*). Олеся! донечко! Ой, Боже мій! Що жъ це таке? Певно довидалась про Левоньда.

Лукерія Степановна. Охъ, безталанна жъ я сиротыночка! Однимъ одна дытына, одну выгодувала, и та... Ой, Боже мій!.. (*Рыдае*).

Киндратъ Антоновичъ. Олеся, голубко, разкрий же очыци! Донечко моя, промовъ же хочъ словце! Олеся, прости мене!.. Я вчыню твою волю, загадай, що хочешъ, я все зроблю, тилько не сыроты мене на старосты литъ! Я-жъ не думавъ, я-жъ не гадавъ, щобъ ты такъ близько все прыймала до сердца!.. Ой, горенько, ой, лышенько!..

Марфуша. Цытте, вона дыше!..

Олеся (*роскрыва очы*). Де я? Охъ, стривайте!.. Деся дзвонить далеко... Охъ, голова яка важка. (*И пидіймають*). Витру дайте, душно, витру...

Киндратъ Антоновичъ. Що це зъ тобою почынылося? Скажы, мое дытя!

Олеся. Ногы пидложлюютця. (*И вѣдутъ до скамейкы и сажаютъ*). Що це и справди зо мною? Вже ничъ, чы це у мене въ очахъ темніе?

Киндратъ Антоновичъ. Ничъ, донечко, давно вже ничъ.

Олеся. А бувъ день, ясный день, сонце червонило, заходило, пташкы щебеталы... Чого жъ зразу небо заволокло хмарами и раптомъ потемнило?.. Може я сплю?

Киндратъ Антоновичъ. Очумайся, голубко.

Олеся. Ни, я не сплю! Це тато, ось мама, це Марфуша?.. Я вже не сплю! А спала, довго спала, а думала, що то навспряжки! Тата бачыла у снѣ. Вы нибы взяли мое сердце и такъ боляче давылы, а зъ него кровь капала така гаряча!..

Марфуша. Яка страховына!

Киндратъ Антоновичъ. Що це зъ тобою, мое дытятючко?..

Олеся. Спала я, довго спала, теперъ проснулась... Охъ, який дывний, який то страшный бувъ сонъ!..

Киндратъ Антоновичъ. Господь зъ тобою, любе дытятючко мое!

Олеся. Якъ любо, тату, вы промовляете. Якъ тепло робытця на сердцеви видъціи розмовы... Промовляйте до мене, якъ

найтеплищъ, якъ найриднищъ, бо я не-
щастна, я зневажена, зражена!.. Охъ, якъ
давить мене той сонъ. Покохала я коза-
ка зъ душею великою, зъ широкою во-
лею, зъ глубокымъ сердцемъ, зъ свитлымъ
розумомъ. Стривайте, якъ его имення? За-
була! Заразъ знала и забула. И не тре-
ба, боляче прыгадувати. Я дыхала его
подыхомъ, думала его думками, дывылась
его очыма, балакала его мовою... Сказавъ
бы винъ мени: „замовкны!“—Я раптомъ
онимила бъ; сказавъ бы: „помры!“—зци-
пыла бъ уста и не дыхнула бъ. Цилкомъ
винъ опанувавъ мною. Коля его не було
зо мною, то и сонечко не свитыло и не
грило, и зиркы згасалы, и мисяць заво-
лякѣвся хмарою... И потимъ винъ мене
зрадывъ... Другу кохавъ, другій спивавъ;
а я его кохала!..

Киндратъ Антоновичъ. Боже! Во-
на не мовъ зтерлася!..

Олеся (*зарыдала*). Ни, то сонъ бувъ,
любый и тяжкий сонъ!.. Винъ прыдавывъ
мое сердце... Нема чымъ жыть... Помру
я... Однаково!..

Киндратъ Антоновичъ. Господь зъ
тобою, дытя мое, жывы...

Лукерія Степановна. Тоби ще рано
помирати.

Киндратъ Антоновичъ. Заспокой-
ся, доню! Щырою промовою ты збудыла
серце мое, спевны жъ свою думку, кот-

рою ты жыла. Не могу бильшь тоби су-
перечты! Иды, куды тебе веде твоя дум-
ка, довчайся, вышуйкай довичней правды;
а потимъ повчатимешъ и насъ. Може и
справди мы трохы вынни проты тебе, че-
резъ те, що не видаемо, що творимо?..

Олеся. Що я чую? Тату, це ваша
промова? Зновъ така жъ щыра, якъ ко-
лысь, зновъ така жъ тепла?

Киндратъ Антоновичъ. Завжды я
будъ тоби батькомъ, а не злымъ витчы-
момъ.

Олеся. Якъ крикнуть и умицняютця
мои сылы!.. Е зновъ мени жыть!.. (*Ци-
луе его руки*).

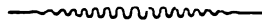
Киндратъ Антоновичъ. Нехай те-
бе Господь благословить на новый путь!..
Не прокльнай тилько батька.

Олеся. Не прокльнатыму, а що-ранку
й вечера молытымусь за васъ Господеви!
(*Пада на вколюшкы*). Воженьку щед-
рый, ты зглянувся надо мною.

Лукерія Степановна. Ой, Олесю жъ
моя, Олесю! На кого жъ ты мене покы-
даешъ?

Олеся (*цилуе їи руки*). На оту мою
зирочку, котра зразу такъ весело въ неби
засяла. Коля вамъ стане сумно, тоди вды-
витця въ неи пыльно и забудьте все, що
навкругу васъ коитыметця, и зирочка та
роскаже вамъ вси думкы вашой Олеси.

З а в и с а .

ДЖИГУНЪ.

Юмедія въ 3-хъ дѣяхъ, въ спивомъ.

ЛЫЦЕДІИ:

Пылыпъ Галушка.
Векла, его жинка.
Явдоха, ихъ дочка, дивчына.
Якымъ Бруньо.
Натря, его жинка.
Сыдиръ Журавель.
Мотри, его жинка.
Павло Вдовыченно, парубокъ (сумазводъ).
Терешно
Власъ } парубкы.
Радьно }
Демко }

Стеха } молодыци.
Луня }
Явдонымъ, десятныкъ.
Старшына.
Пысарь.
Соцькый.

Десятныкъ, парубкы, дивчата и народъ.

Діетця на сели.

ДІЯ І.

Вулиця, зъ обонхъ бокивъ хаты, повиткы, тыны, дерева. По хатахъ свитло горыть. Смерка.

Я В А І.

Явдоха (*выходячы зъ ливои хаты, оглянулася боязко, потимъ бижыть до пречилка*). Колы бъ же швыдчъ Павло прыйшовъ, вже зовсимъ смеркло. Вида, якъ кортыть мене почуты, якъ винъ уміе такъ улесливо розмовляты, що хочъ яку дивчыну зъ ума зведе, що на яку, кажутъ, глянувъ двичи-трычи, та вже й ёго. Чы й справди жъ? Ни, не вирою. И якъ бы то винъ змигъ мене зъ ума звесты, ябъ я того не захочу! А може зна такого наговору, чы прыговору, або пидкурюе чымъ? Ну й кортыть же мене зъ нимъ побалакаты, и кортыть, и

боязко—нибы ажъ страшно! може винъ вже стоить за хатою, та не насміе сюды пидійты? Не вспивъ зо мною сёгодня зустритысь, якъ вже зразу й почавъ моргаты, а потимъ спытавъ: „якъ васъ зовуть?“ Ого-го, якъ разъ такый не насміе!.. А очи жъ у нёго,—я такы прыдывылася,—прямо проклятуци! Куды Терешкови до нёго, далеко й ходыть! Якъ вдывылася въ Павла, то ажъ сама соби здывувалася, якъ я першъ Терешка кохала? Та чы кохала жъ я ёго? Терешко у недилю била церкви сказавъ, що у виторокъ прыйде, отъ тоби й маешъ, тадже сёгодня жъ вивторокъ?.. Певно пытатыме: „чы прыслаты за рушныкамы?“

Що жь я ёму скажу? Скажу, нехай прысыла ажь писля Дмитра, ей-Богу, такъ такы й скажу: ажь писля Дмитра!..

Я В А II.

Явдоха и Терешко.

Терешко. Добры-вечирь!

Явдоха. Терешко? Отъ тоби!

Терешко. Гайда, Явдою, за повитку, щось скажу.

Явдоха. Не можна, не можна! заразъ маты выйдуть... Батько, та й батько—слаби... Маты заразъ побижать по бабу.

Терешко. По яку?

Явдоха. Якъ по яку? По ту, що.. Ось, якъ бо ий?..

Терешко. Нехай клычуть Квачыху. Нема кращой бабы, якъ Квачыха, вона обручемъ гоить, набье тилько на тебе обруча и хочъ яку болисть прожене. Мій старший братъ Иванька такъ зовсимъ бувъ упавъ на жывить, що не робылы—не помогло; а вона, якъ набыла на него обруча, заразъ прогнала...

Явдоха. Ой, вже маты йдуть!.. Иды соби... завтра або-що приходь...

Терешко. Эхъ, шкода!.. Ну, то я завтра прийдю.

Явдоха. Або писля завтра... (*Терешко пишовъ*).

Явдоха. Насылу здыхалась! Ну що, якъ Павло надйшовъ та, побачывшы Терешка, вернувся? Прынесло жь отого Терешка! Що жь ёго у свити Божому подіяты? Спиваты якось не прыходьтця, почують сусиды, заразъ скажутъ: здурила дивка, спива на воротахъ, неначе нема ий левады, або выгона. Що жь ёго робыты, якъ даты Павлови звистку, шо я тутъ? Заспываю. А що мени до того, що сусиды скажутъ, нехай соби скриплять зубамы, нехай скрегочуть, де захотилось спиваты, тамъ и спиваю. (*Спива*).

№ 1. Пры дорози нывка,
На ній матерынка;
Тамъ дивчына жыто жала
Сама чорнобривка.

Вона жала-жала,
Сила спочываты,
Схылылася на рученьку
Та й стала думаты.

Ишовъ козакъ дорогою:
„Помогай би женце!“
Дивка ёму видказала:
„Здоровъ бувай, серце!“...

У недилю тая слава
По всимъ сели стала,
Що дивчына козаченька
Серденькомъ назвала.

Я В А III.

Векла и Явдоха.

Векла (*выходячы з хаты*). Чого це ты завыла пидъ хатю, нема тоби инчого мисьця? Иды лышь, лягай спаты, завтра у досвита пидемо у якономію до машыны.

Явдоха. Весело мени зъ вами буде: ни до кого ни заговоры, ни усмихнысь... Або вы заставайтесь дома, або я.

Векла. Теперь цина гарна поденнымъ, теперь можна добре заробыты.

Явдоха. На вишо вамъ ще ти гроши, лыбонь въ достаткахъ жывемо?

Векла. Не тямышь, що говорышь... Иды мени спаты!

Явдоха. Хйба ще не вспю выспатысь?

Векла. Чы не прываблюешъ оце якого?..

Явдоха. Може. Не вйкъ же мени дивуваты?

Векла. Дурна ты, я не про те, а що не та теперь пора. Прыйде осень, тоди й настоясья и намылуесья зъ своимъ мындрусомъ... якъ шо вйнъ у тебе е.

Явдоха. Нема ни якого.

Векла. Такъ я тоби й повірила. Що жъ то ты: чы облыччѣмъ така не-вдала, чы не тяжуща до роботы, чы безпрыданныця, що ни жоденъ хлопѣць на тебе й доси не скинувъ окомъ?

Явдоха. Хай имъ лыхе тимъ хлопцямъ!..

Векла. Та ходимо жъ у хату!

Явдоха. Та не хочу.

Векла. Якъ то не хочу? Це ты мене драгуешъ? Ой, додратуеся ты зо мною, що я тебе за косы потягну.

Явдоха. Попробуйте?

Векла. Осъ тилько не пидешъ мени заразъ, то такого стусяна дамъ межи плечи!.. Такы стовбычшы? Стій же, осъ я заразъ збудю батька, винъ тоби за-дасть!..

Явдоха. Та що це тако?

Векла. Отъ, ей-Богу, збудю батька!

Явдоха. Та йду вже. Отъ ще нака-заніе! (*Пшла в хату*).

Векла (*сама*). Чы не Павла це вона виглядала?.. Не мовъ пошестъ яка завелась на сели у насъ, отакъ отой Павло! Докы косовыця та жныва, то ще сякъ-такъ, а якъ прыйде осень, потимъ зима, то такъ и зоры за дивкою, щобъ не спантелычывъ отой бубовиръ!.. Якъ прыйшовъ ще позаторикъ зъ города, зъ наймивъ, та якъ понаносывъ усякою одежи та грошой, то такъ и опанувавъ селомъ. Де вечорныця, тамъ винъ першый всякъ частуе, всимъ даруе: намыста, стежки, дукачы, канаветы!.. Де хрыстыны, и туді ёго втысне. И отакечкы всимъ дивкамъ та не одній и молодыци позадурювавъ головы. И вылупытця жъ отака проява!.. Кума Стоха казалы, що бачылы, якъ сёгодня Павло зустривъ за селомъ нашу Явдоху и почавъ тамъ передъ нею выхылясы та выкрутасы строиты... Що не кажы, а хороший —вражній сынъ!.. Ко-лы бъ же не такой волоцюга! (*Пшла в хату*).

Я В А І V.

Катря (*вийшла з хаты, що з ливого боку*). Двичи сёгодня Павло пройшовъ по нашій вулиці; якъ вздрила ёго кризь викно, то такъ серце затрипотило, ледве встояла на ногахъ. Певно нави-дувався дизнаты, чы дома мій чоловікъ. Дома, бодай ёго болячка задомыла, и никуды чортякы не вырядять ёго!.. Други люде стають пидъ хуру, чы тамъ за ко-робку молотыты, а мого ничимъ и не выкурышъ зъ хаты. Охъ, и занудылася жъ я за Павломъ, не мовъ шалепа ходыла. Охъ, серце мое, трудне лышенько мени зъ тобою.

Я В А V.

Якымъ и Катря.

Якымъ (*на порози*). А чого ты й доси вештаеся по подвирі?

Катря. Та я той... Богу молюлася...

Якымъ. Хйба въ хати не можна по-молытысь?

Катря. Я люблю до зирокъ молы-тысь.

Якымъ. Ой, Катре, щось ты оце у ве-чери дуже зазорила, разивъ уже зъ пять: то зъ хаты выскочышъ, то въ хату вско-чышъ?..

Катря. Та такъ, щось нйбы млосно мени стане въ хати, я й выбйжу.

Якымъ. Чы не за старе думаешъ прынатысь?

Катря. Отъ же я вже й забула, а ты самъ нагадавъ... Я вже почала забуваты, якъ ёго и наймення...

Якымъ. Не замулой мени очей, знаю я, що ты спышъ и бачышъ Павла.

Катря. Якого Павла?

Якымъ (*передражнюе*). „Якого Пав-ла!..“ Ачъ, нйбы й справди забула.

Катря. А, це ты про того?

Якымъ. Та не про инчого жъ!

Катря. Слухай, чоловіче! Вынна я була, ты бывъ мене, й я мовчала; а якъ почнешъ не по правди поневиратися надо мною,—не стерплю и нароблю тобі такого шарварку, що й рады не дасы соби и на свить не зглянешь!..

Якымъ (*здывованно*). Га? Це жъ якъ ты зо мною, по якому?

Катря. Тоди розберешъ, якъ пизно вже буде.

Якымъ. Та це?..

Катря. О, вже й розгнивався? Та нехай тому... Павлови, чы якъ ёго?.. Хай ёму рябый бись прыснитця... (*Зареготала*). Ой, и спаты жъ хочу!.. (*Позиха*). Ходимъ вже, мій голубчычокъ волохатенькій, у хату (*лаццтыця др него*).

Якымъ. Ачъ, размонизылася!

Катря (*лабузничючысь, прыспивуе*).

№ 2. Чоловіче мій,

Ты порадо моя,

Та порадь же мене,

Прыголубъ же мене...

(*Хутко поцилувала ёго и побигла вз хату*).

Якымъ. Дыва, поцилувала! Отъ и розберы иі! Та якъ гаряче поцилувала!.. Лыбонь такы й навспряжки вона любе мене? Такъ же поцилувала, що ажъ й досы щока горить... Ну, й скажи на мылость Божу, а я думавъ... Якъ бачу, то зовсимъ такы схаменулася. Завтра пиду у крамницю, куплю ий на шараванъ жовто-гарячого, а на хвартухъ зеленого!.. Отъ и розберы иноди людыну? (*Иде вз хату, тыхснько спиваючы*).

№ 2. Ой у мене жинка

Не абы якая,

Круглесенька, билесенька,

Та ще й чорнявая!

Я В А VІ.

Павло (*выходе, оглядаючысь*). Чы посвыстомъ, чы спивомъ даты звистку Яв-

доси? Лыбонь я трохи спизнывся, зъ Варькою забалакався. Каже: „не ходи, постій ще!..“ Ухопыла за полу и не пуска, ледве вырвався, та драла сюды, думаю: тутъ мене краща выгляда!.. (*Оглядаецця*). Одначе, щось не выгляда? Якъ ще раницъ Явдоха не впала мени въ око? Выйшовъ сегодня зъ лугу, ажъ бачу: якась дивчына выбигла на шпыль, проты череды, глянувъ на неи и нибы у перше побачывъ! На голови биленька хусточка, зъ габою, сама чорнява, хвартухъ червоный та рясный, увесь у крапешыкахъ та въ квиточкахъ, а постать вся мовъ змалевана. Зійшлыся: я кывнувъ головою, усмихнулася, дали я моргъ на неи, вона и соби, я и вдруге—моргъ, а вона й повела очима, нибы промовыла словами: прыйды! Якъ васъ зовуть? пытаю. „Якъ вчора звали, такъ й сёгодня!“ И мовъ витромъ иі здмухнуло. Я до пастуха: якъ зовуть оту дивчыну? „Хиба, каже, забудь, що Явдоха!“ Забудь, я й зроду не знавъ, якъ иі зовуть. И колы вона зросла? Ци дивчата ростуть, якъ ти будякы! Щось у Явдоси е таке, чого у другихъ дивчатъ я ще й не постерегавъ, ей-ей!.. Ну, прылыпла жъ до моихъ думокъ, онъ якъ прылыпла, прямо про всихъ дивчатъ забудь, про неи одну тилько и думаю. (*Выгляда*). Не выдко жъ иі й досы? Хиба кашлянуты? (*Кашля*).

Я В А VІІ.

Власъ и Павло.

Власъ (*проходе вулицею*). Добри-вечирь!..

Павло. Вже когось чортяка несе!

Власъ. То ты, Терешку?

Павло (*одвертаецця*). Проходь, проходь своєю дорогою!..

Власъ. Та я не тее... (*Пишовъ*).

Павло (*вдывляецця*). Це Власъ?.. Куды жъ це винъ? Ага, знаемо, куды.

(Кашля). Г-мъ, нема ии, отъ штука?!..
 (Помовчавъ). Заспиваты бѣ? Ондечки
 Брунькова хата, почуе Катря, заразъ вы-
 бжыть—помиша... Обрыдла вже мени
 Катря, морока зъ нею та й годи: серизъ
 втыснетця и не мовъ поперекъ горлянкы
 мени стане! А тамъ дали хата Журав-
 ливъ, тамъ Мотря... На вищо отакъ
 щидльно ставляють хаты на сели: одна
 била другой?.. Здійметця галасъ у од-
 нимъ подвирьи, то й у сусидськихъ якъ
 ярмарокъ. Кажуть: „хата-покрышка.“
 Добра покрышка, що у одній хати чхны,
 а въ другій скажуть: доброго здоровьяч-
 ка! Чого доброго, може, и не диждусь Яв-
 дохы? (Почына тыхенько спиваты).

№ 3. Зелений яворе
 На яръ похылывся,
 Молодой козаче,
 Чого зажурывся?

Чого зажурывся,
 Чого засмутывся,
 Чы волы прыстали,
 Чы зъ дороги збывся?

Волы не прыстали,
 Зъ дороги не збывся,
 Тимъ я зажурывся,—
 Безъ доли вродывся.

Я В А VIII.

Якымъ и Павло.

Якымъ. А хто це тутъ выспивуе?

Павло (у бикъ). Отъ тоби й маешъ?
 Катринъ чоловікъ. (До него). Добри-
 вечерь! (Простяга руку).

Якымъ (не дае руки). Добра-ничъ!
 (Помовчавъ). Якъ це тоби й досы ни-
 хто нигъ не поперебывавъ?

Павло. Быть—треба купыть!

Якымъ. Та вже я прыставъ на те,
 щобъ и заплатыты.

Павло. На мене спроста цины не скла-
 дешъ.

Якымъ. Якъ визьму я оце выла, або
 ципа, та безъ торгу такъ виддубасю
 тебе!.. Сатанайдолъ!..

Павло. У выль, якъ и въ ципа, два
 кенци!..

Якымъ. Гляды, щобъ я не побывъ
 ихъ обохъ на твоій спыни.

Павло. И що бѣ то було, колы бѣ
 такыи бувъ дужый, якъ сердытый?

Якымъ. Добрымъ людымъ спочывокъ,
 а ёму, чортовому бугаёви, спивы.

Павло. Ну, й чого бѣ ото я репету-
 вавъ, мовъ на жывить?

Якымъ. Не заговорюй мени зубивъ:
 вони у мене не боляты.

Павло. Дай Боже, щобъ николы не
 болилы: нема нуднищой болисты, якъ зубы.

Якымъ. Е таки люде, що замовляють.

Павло. Ни робыты тоби, ни спаты,
 ни йисты!..

Якымъ. Баба Квачыха замовля, и
 Архыпыха може...

Павло. А дидъ Тыркуль не може?

Якымъ. Тыркуль? Не знаю...

Павло. А баба Чачавычыха?

Якымъ. Чачавычыха?.. Не треба мени
 ни Чачавычыхы ни Тыркула, я тебе пы-
 таю: чого це ты зновъ прытепався на
 нашу вулицю?

Павло. Ты все про свое?

Якымъ. Ну-да, про свое!..

Павло. Мабуть, за кимсь скучывъ, а
 може й за мною?

Якымъ. Що-о?

Павло. Не всимъ же я пійстрякомъ
 въ очы, якъ тоби.

Якымъ. Мало тоби другихъ вулицъ,
 чортивъ жеребець!..

Павло. Ну-да!

Якымъ. То-то, що „ну-да!“

Павло. Нуда нудыть, лыхо вялялыть!

Якымъ. Чого тебе, пытаю, нечыста
 зновъ сюды прынесла?

Павло. Та нуда жъ, кажу.

Якымъ. Я тебе якъ нудакну!.. Слухай, одійды, чуешъ, видъ гриха! Бывъ я багато разивъ Катрю за тебе.

Павло. Отъ катюга!..

Якымъ. Самъ ты катюга!.. У останне вже такъ виддубасывъ, що бильшь тыжня вылежала.

Павло. Мало бывъ!..

Якымъ. Що—о?

Павло. Зновъ що—о?! Не знаю, якъ вже за тобою й потрапляты.

Якымъ. Браше иды на ризнь.

Павло. Можна й такъ.

Якымъ. О, ты розумный!

Павло. О, ты дурный!

Якымъ. Га?

Павло. Та ты жъ кажешъ, щобъ я йшовъ на ризнь зъ тобою?

Якымъ. Отъ сатана, винъ прямо за-быва мени бакы.

Павло. Я що-разу, якъ зустріну тебе, то й думаю: ось кому призначено тилько слухаты, а винъ беретця розмовляты?..

Якымъ. Тьху ты!.. Чуешъ бо ты, крученый! У мене жъ тройко малыхъ дитей: на кого вони зостанутця, якъ я за тебе прыбью Катрю такъ, що вона, бороны Боже, й дуба дастъ? Хто дитямъ дастъ пуття, хто ихъ догляне? Оженытысь у друге?.. Воно, пожалуй, можна, за цимъ дило не стало бъ, е, хвалыты Господа, за вищо й весилля видбуты, за вищо й руки зачепыты... Ну, а якъ визьму ще гиршу?..

Павло. Оце розумна ричъ, хвалю! (*Бере его за руку и трясе*). Такъ бы ранищъ почавъ балакаты а то...

Якымъ. Подумавъ, подумавъ и сказавъ: шабашъ!

Павло. Хиба дурень такъ обмиркувавъ бы, той зразу почавъ бы катуваты. Ну, выбачъ мени, що я тебе дурнемъ назвавъ. Хвалю, ей Богу, хвалю. (*Бъе его по плечи*).

Якымъ. Ну-да. Шкода дитей. Найменьчому хлопцеви оце після Маковія пишовъ другій рикъ, ну тамъ же таке втишне; сказать, зовсимъ воно пупьянокъ, а вже каже: „тату, тату!“ И рученятка простяга.

Павло. Невже? И оце вже край розмовы?

Якымъ. Край. Иды, будь ласка, видъ мои хаты и не скушай.

Павло. О, а я думавъ, що ты скажешъ: ходимо жъ въ хату?

Якымъ. Въ хату? (*Дыгытця ему в зичи*). Слухай ты, ты! У, скаженный поглядъ!.. А очи брехлывы такъ и бигають!...

Павло. Ты все такы тые жъ, а я тоби скажу, що ты мене усовистывъ. Коны бъ ты отакъ давнищъ зо мною побалакавъ... Теперь и я скажу: шабашъ паморокы заморочуваты. (*Здйма шапку и кланяетця*). Просю васъ, Якыме... Якъ васъ по батышци?

Якымъ. Га? Якъ? Максимовичемъ.

Павло. Нызенько просю васъ, Якыме Максимовичу, до мене за старосту.

Якымъ (*здывуався*). Якъ? Що-о?

Павло. Кажу жъ: усовистылы мене, и оце наважывся схаменутысь.

Якымъ. Та неуже?

Павло. Бачу, що нагрйшывъ у волю, пора каятысь. Тилько не знаю, чы стачыть Господь вику на спокуту?

Якымъ. Оце вже ты нибы й по людськи забалакавъ!

Павло. Якъ тилько Богъ допоможе одружытысь, то що-года ходытму на прощу. Якъ думаете, де швидче зпокутуюсь?

Якымъ. Про це спытай у старыхъ людей.

Павло. Спытаю.

Якымъ. Ну, нехай тоби Господь допоможе!...

Я В А ІХ.

Ти жъ и Журавель.

Журавель (*на порози своєї хаты*).

А хто то гомонить?

Якымъ. Свои люде.

Журавель. То вы, свате Якыме? Зъ кымъ то вы розбалакались?

Павло (*хутко*). Не кажыть!

Якымъ. Ага, боіся? (*До Журавля*). Та це мій братуха...

Журавель. Про вищо жъ вы? Мо, що трапылось?

Якымъ. Ни, ничего...

Журавель. А я чую, шось балака, подумавъ: мо, що-небудь неблагополучно?..

Якымъ. Ни, все благополучно.

Журавель. Чы спивалы вже перши пивни? Чы, мо, вже й другі?

Якымъ. Вже.

Журавель (*позиха*). Мо, на завтра буде годынка? (*Пишовъ вз хату*).

Якымъ. До кого жъ думаешъ за рушныкамъ?

Павло. Та ще й самъ не знаю... Хиба ось цю. (*Показуе очыма на Тымошеву хату*).

Якымъ. Явдоху? Валяй!..

Павло. Мабуть, такъ и зробымо.

Якымъ. Я тоби іи высватаю, ей-ей, высватаю. Стривай бо, колы це? Позавчора, такъ, такъ, позавчора... Эге, позавчора бижыть зъ водою видъ крыныцы, поздоровкалась та й пыта: „дядьку“? Бачышь, я ій такы дядькомъ довожусь. — У третихъ, чы въ четвертыхъ? Бо мои покійни батько, царство имъ небесне, вичный покій, та булы дядькомъ у другыхъ іи матери; а маты моя держалы до хреста іи батька сестру меньчу... Эге, та й каже: „дядьку! скажыть мени правду, якый у насъ на сели парубокъ найкращый?“ Я такы хотивъ сказаты на тебе, бодай тебе чортяка... Отъ же, лыбонь, мени вже й не прыходыця тебе лаяты,

що клычешъ за старосту? Ну, що жъ, треба правду сказаты: ты найкращый; а я сказавъ ій: хиба ихъ мало?..

Павло. То вы радыте?

Якымъ. Радю, онъ якъ радю! И высватаю, падлець я буду — высватаю. А хто жъ за пидстаросту?

Павло. Поклычу будь кого.

Якымъ. А звычайно. Не въ пидстарости сыла, а въ старости. Я якъ старостувавъ ось у старшого Журавленка, у Петра, то тилько взявъ Лимпаду, значыть жиньку, его Лимпаду, отакечкы за плече, вывивъ іи у сини, промовывъ два слова... Я знаю такы два слова, що хочъ яку дивчыну высватаю. Це вже, братъ, моя паравхія!..

Павло. Ага, бачу що й до васъ эт голямы рукамы не пидступай?

Якымъ. Та де, що знаемо й можемо!.. А якъ оцей, Сыдиръ Журавленко, бравъ за себе Мотрю, то вже я бувъ за пидстаросту, а Гнатъ Чепурко за старосту. Слухай, Павле, признайся мени, якъ попови на духу: на тебе мусыть Мотря плакатысь?

Павло. Не знаю, на кого, тилько не на мене.

Якымъ. Простраховылась! Якъ почалы на весилы допытуваты іи — мовчыть, мовчыть, якъ воды въ ротъ набрала. Потимъ Сыдиръ почавъ: признавайся, каже. — Мовчыть. А Гнатъ, хочъ винъ іи староста, ну, не тяме жъ закову; такъ я тоди Сыдорови й кажу: що ты дывыся ій у мордяку, бый іи, нехай признаетця. Недзя, такый вже законъ споконъ-вину: провныла, треба бытъ!.. Ну, й важка жъ рука у Сыдира: морснувъ разъ, Мотря похытнула, морснувъ у друге — юшьюк вымылся и впала на лаву.

Павло. Призналася?

Якымъ. Мовчыть, якъ онимила! Недзя, братъ, ихъ не бытъ — законъ!.. Закона недзя несповняты. Такъ то!.. Ну, й влятый ты, Павле, до бабьячого кодла!

Павло. Кляти й вони до насъ.

Якымъ. Невже? *(Регоче)*. Ты певно знаешъ такого слова, або зилля?

Павло. А хйба шо?

Якымъ. Певно знаешъ?

Павло. А якъ знаю?

Якымъ. Бо безъ слова не можна. Отъ и я знаю два слова. Хочешъ: я тебе навчу, а ты мене?

Павло. Не хочу.

Якымъ. И скилько жъ ты дивчать звивъ зъ ума?

Павло *(зитха)*. Не мало! Увесь вихъ покутыватимусь.

Якымъ. Покутуйся, братъ, бо то грихъ. Я тобі скажу, хочъ бы ты й не признався, шо ты знаешъ такого слова, такъ мени давно призналася Катря.

Павло. Призналася? Ачъ яка!..

Якымъ. А колы жъ за рушныками?

Павло. Колы?... Треба бъ зъ Явдохю перебалакаты...

Якымъ. Та шо зъ нею балакаты, стоить того дила. Нехай я краще зъ нею побалакаю, сразу высватаю. Такъ колы жъ?

Павло. Подумаю... Вы спаты ще не хочете?

Якымъ. Ни, я розбалакався... Шкода, шо мы якось такъ на сухо перебалакаты.

Павло *(выйма гроши)*. Кого бъ послать?

Якымъ. Хйба збигаты самому? Мовчи! Отъ-то чы не Явдоха?.. Вона. Иды жъ та перебалакай зъ нею скилько сливъ, докы я вернусь; а я збигаю до Лахмана. Лахманъ сегодня свижой горилкы привизъ. *(Взяв гроши)*. Я тобі ии высватаю, це моя паравхвля!.. *(Пишовъ)*.

Павло. Насылу здыхався. Чы Явдоха жъ то? *(Иде на зустрічъ)*. Явдоха, ты?

Я В А Х.

Мотря и Павло.

Павло *(здыгувався)*. Мотря?!..

Мотря. Ц-сь!.. *(Оглянулася)*. Явдоси вже свить замакитрюешъ?

Павло. Чого такъ важко дыхаешъ? *(прыдывляється)*. Якъ змарнила сердешна, очи позападали!

Мотря. На ладанъ дыхаю, мабуть, скоро здохну... Такъ мени и слидъ!..

Павло. Голосъ якъ зминився!..

Мотря. Мало ще зъ ума позоводивъ, до Явдохы дорижку топчешъ?

Павло. Бють тебе нещасну!.. Якъ мени тяжко дывытысь на тебе!..

Мотря. Не шкодуй мене, я пропаща! Пошкодуй Явдохы, не стопчы ии честы, якъ мою стоптавъ, не ославлйю батькаматирь, вона жъ у ныхъ одна.

Павло. Глянувъ на тебе, и не мовъ отерпло мое серце, ажъ у груди кольнуло!.. Якъ бы намъ зъ тобою завтра або-що перемовыты?..

Мотря. Загубывъ, загубывъ ты мене, Павле! *(Упала ему на плече и зарыдала)*.

Павло. Отакъ, загубывъ!.. Хйба жъ не казавъ: пидожды до весны—свататыму?

Мотря. Поповодивъ весну, потимъ водивъ до осени, та ще хотивъ поповодыть?

Павло. И не водивъ бы.

Мотря. Батько й маты прыстали: „иды замижъ за Сыдира, у него и достаткы, ёму й хата зостаецця пился батька, и надилъ!“ Сказала я тобі, а ты шо мени видповивъ?

Павло. Шо жъ видповивъ? Сказавъ: иды, колы е охота, а я ще погуляю.

Мотря. Гарна порада! Все сусиды почалы вже шепотиты; Демидъ скилько разивъ онуджувавъ проты мене хлопцивъ; а разъ пьяный ставъ выхвалятысь: „я ий, важе, докажу свого и косу смолою вымажу!“ Поскаржылася тобі, а ты хочъ бы словечкомъ мене заспокойвъ... Охъ, пропаща жъ моя голивонька!..

Павло. Яка ты чудна, Мотре! Мени хочетця ще погуляты, а й тобі казавъ:

давай ще погуляемо, а оженигысь будь колы успіемо; ты не повирыла мени, а теперь терпышь муки?.. Що за неволя женыгысь рано? Оженигыся, тоди вже ни на вулицю, ни на вечорныци, ни поспивать тоби, ни пожартувать... Грихъ, кажутъ. У мене не така натура, щобъ я сразу все залышывъ: нагулявся бъ у волю, тоди й оженигыся бъ... А то неначе жывий лягай въ домовыну.

Мотря. Щось говорышь нечуване, не людське... Ничого не розберу! Охъ, пропаща я, пропаща!..

Павло. Чого пропаща? Та годи бо тоби хлыпаты. Мы ще зъ тобою пожывемъ... Завтра, якъ смеркне, выйды за городы.

Мотря. Бороны Боже!.. Ачъ що выгадавъ.

Павло. Щось рыпнуло дверыма.

Мотря. Колы бъ ще не постерегли!.. (побигла).

Павло. Я дожыдатыму! Отъ якъ ще Катря зъявтыця, тоди не дадутъ сьгодня побачыгысь зъ Явдохю...

Я В А Х I.

Явдоха и Павло.

Павло (тыхо). Це хто? (Прыдывляецця). Явдоха?

Явдоха. Може й не вона (соромытця).

Павло. За те, що заставылы такъ довго дожыдаты, платить штрапа.

Явдоха Якого?

Павло. Цилуйте мене заразы, ажъ трычи!

Явдоха. Та ну-те бо, не пустуйте!.. Ачъ чого захотылы? Та пустить бо!

Павло. Ну, й дывчынка жъ, якъ лялечка, якъ цяпечка!.. И вродытця жъ отаке бисыня, що сразу захопыть тебе такъ, що ажъ въ очахъ тоби потемние, и ныбы ажъ захлебнеся!.. Що жъ, запла-

тыте штрапа, чы може скажете: иды соби, парубче, геть? То я й пиду. Прощайте!

Явдоха. (Хана его за руку). Куды жъ вы?

Павло. Може вы кого другого чекаете?

Явдоха. Ой и хытри жъ, хытри!..

Павло. Кто, я? Та другый бы на моймъ мисыци, котрый хытрий, та смилывый, то отакъ бы ухопывъ васъ, обійнявъ, прыгорнувъ до сердца, та и не выпустывъ бы до самисенького свиту!.. (обнима ю).

Явдоха. Ой, вы мене задавыте!

Павло. И задавлю таеы, якъ не заплатыте штрапа.

Явдоха. Ну, я одынь тилькы разъ, та й буде (цилуе).

Я В А Х II.

Ти жъ и Катря.

Катря (крадучысь позады ихъ). Ты ось якый, прайдывыть!

Явдоха. Задоволнылысь?

Павло. Ни, мало.

Явдоха. Ну, нате вамъ ще разъ (цилуе).

Павло. А я васъ за це у десятеро (цилуе ю).

Катря. А щобъ тоби губы потрыскалысь!.. (Зника въ Тымашеву хату).

Явдоха. Та годи бо, ще й щоку процилуете, буде дирка.

Павло. Що жъ то за устынькы солодки, що жъ то за зубонькы перлови!.. А оченькы! Дай, я гляну въ твои очыняточка!

Явдоха. Ну, гляньте!.. (пидводе очы).

Павло. Ясни, якъ весняне сонечко, свитлы, якъ небо, ласкавы, якъ сонъ чарывный!.. Красо моя, квыточко моя, цвйте мій рожевий!..

Явдоха. Ой, хтось зъ хаты иде!.. Втыкай, заховайся!..

Павло. Тыкать вже никуды, бо и зъ цьго боку щось манячыть. (Явдоха втыка за хату).

Я В А XIII.

Галушка, Векла, Катря, Павло и Якимъ.

Галушка (*гризно до Павла*). Якого ты биса тутъ тынаесся?

Павло (*Вклоняетця*). Добри-вечирь!

Галушка. Що це таке за...

Якимъ. Могорычъ (*показуе пляшку*).

Векла. Який могорычъ?

Якимъ. Осъ выкушайте, тоди й зна-тymesе (*налыва*). Жалаемъ доброго здо-ровлячка...

Галушка. Та... Кушайте на здоров-лячко! Тилько я не розберу?...

Якимъ. (*Выпивъ и частуе Галуш-ку*). Простю покорно!..

Галушка (*бере чарку*). Зъ якою жъ причыны пыты?

Якимъ. А осъ зъ якою. Черезъ скилько день ждять насъ до себе на полюванне, бо у вашъ двиръ та забигъ нашъ звирь.

Векла. Який звиръ?

Якимъ (*показуе на Павла*). А оце нашъ ловець-молодець.

Павло (*сита его за рукавъ*). Зго-домъ бы?

Якимъ. А я тоби велю кланятсы.

Павло (*Кланяетця*). Мылосты про-сю выкупаты.

Галушка. Ни, не пытиму!

Векла. И я не пытиму, и въ руку не визьму!..

Якимъ. За що жъ вы насъ знива-жаєте, чы, по просту сказать, кантавужете? Мы васъ не сылуемо: чы буде дило, чы

не буде, а воза мазаты треба, бо якъ не пидмажемо, зъ мисця не рушимо, о такъ отутъ, бияя вашою хаты, завяз-немо та й стоятымемъ. Перве дило: вы-кушайте, хочъ губы вмочыть. Платыты намъ за горилку не будете, бо мы зъ тихъ крайвъ, шо живлятця чужыною.

Галушка. Не знаю, шо вамъ казаты й шо гадаты?.. (*До Веклы*). Це ха-лепа!.. Га?

Катря. (*Пидкралася до Павла*). Завтра смеркомъ бияя Оверковой кры-нищи дожыдатыму, не грыйдешъ—стере-жысь! (*До Веклы*). Титка! чы дасте жъ вы мени сыта? Мени у до свита борошно сياتы.

Якимъ. И ты тутъ? Чуешъ, Катре! Я хочу оженыты оцего сатанадола!

Катря. Пора!..

Галушка. Що жъ я... Я чарку гор-илкы выпью, а про те, шо вы натяка-ете, мушу полизнуваты. (*Пье горилку*).

Явдоха (*прокравшысь по за хатою, стала на порози*). Могорычъ пьютъ, Господы, чы е хто у свити счаслывшій видъ мене? (*Хутко пишла въ хату*).

Якимъ (*частуе Веклу*). Мылосты про-сю.

Векла. Выкупаты можна, а дило це сразу не приходытця... (*пге*).

Якимъ. А я знаю таки два слова!.. (*Налыва*). Катю, выпий и ты зъ нами. (*Частуе Катрю, до Павла*). Шо, не вмю розмовляты? Це моя паравхвiя...

(З а в и с а).

Д І Я І І.

По загородами. Въ глыбни вербы, лоза, очеретъ, калына; межъ городамы вулиця, на вугли, пидъ вербою, крыныця, дали мріе село. Надъ вечоръ.

Я В А І.

Павло и Радько, *сидячы на тыну проты крыныци, спиваютъ.*

№ 4. Ой зачула моя доля,
Що не буты мени дома;
А бутъ мени у неволи,
У некрутскому приёми.
Козаченько догадався,
По вулицямъ зашатався,
До дивчыны заховався.

Радько. Що жъ, пидемъ на якономычскій тикъ, тамъ теперъ била машыны дивчатъ та хлопцивъ сыла ноче: цилу ничъ жарты, реготъ, спивы... Вже де-котри поверталысь зъ заробиткивъ зъ Дону, то що силу понаносыли новыхъ писонь, гайда и мы якои навчымось.

Павло. Не пиду, не хочу. Коны бъ мене цикавылы нови писни, скылько бъ я ихъ доси знавъ!

Радько. Чого жъ вони тоби не наравлятця?

Павло. Таеъ. Ни ладу, ни складу.

Радько. Ни, е ловки писни. Ты жъ не чувъ ось ция?.. Тылько що я ии ще до краю не довчывъ (*спива*).

№ 5. Рано, рано мисяць сходе,
Ще ранице купецъ встае;
Просыдивъ винъ до пивночи,
Прытомывъ свои глаза.
А въ пивночь къ ёму прыходыть
Его верная жона.
Гей, зайды ты, жона, прочъ,
Головушки не морочъ.
Завтра въ Харькивъ уизжаю,
Бо товару въ лавци нѣтъ!
Нѣту красного товару,
Нѣту денегъ ни гроша...

Павло. Чортъ батька-зна яка!

Радько. Не, братъ, ловка! Тутъ вона дали якось...

Павло. Не хочу слухать (*встае*).

Радько. А що жъ по твоёму краща: „та лугомъ иду, берегомъ иду?“ Або „та й оре Семень, оре!“

Павло. Мени вони кращи.

Радько. И такъ вже ти луга та оранка обрыдлы, та ще про нихъ спивать? Отъ чортъ не выдавъ!.. А цю чувъ? (*спива*).

№ 6. Послidyній день красы моей
Юкрасывъ Божій светъ,
Ювыдю море, небеса,
А родыны наврядъ...

Я В А І І.

Ти жъ, Власъ, Терешко, Демко и други парубны.

Власъ. Бачъ, хто тутъ затыга новои?.. Добры-вечиръ!

Демко. А мы оце прямуемо у якономію, на тикъ. Гайда разомъ!..

Радько. Та я ось Павла тягну — не хоче!

Демко. Парамоньтця?

Власъ. Якъ не хоче, то й не треба!

Демко. А може ты, Павле, нанявся крыныци стерегты?

Павло (*почына свыститъ якусь писню*).

Терешко. Щось я помичаю, що въ Павла шыя свербыть.

Демко. А може ребра?

Терешко. Я сёгодня прочувъ новыну, тилько не знаю, чы тому правда?

Демко. Чы не про Варьку Гупаденкову?

Власъ. Або може про Гапку Рябковеву?

Терешко. Коли ты хочешъ зъ нами товаришувати, то ты такъ не робы!

Радько. И я тоби давно хотивъ сказати, що хочъ ты мени, Павле, и свать у первыхъ, а такъ робити не по парубоцьки.

Павло. Чы не хочете, братьця, покурыты; турецкій табачокъ, сёгодня Лахманъ привизъ зъ города. (*Выйма табачныцю*).

Власъ. Почимъ хунть?

Павло (*чыта на паперци*). 15 копійекъ четверть, значить 60 копійекъ хунть.

Радько. Я пробувавъ табачокъ ловкій.

Терешко. А я ненавию турецького, тилько лоскоче у роти. Ни, Павле, ты все оте занехай, бо будешъ бытый.

Павло. Справди? Тилько коли бъ не выйшло на те, що якъ то кажуть: „ладно дядя хахла бьётъ, тилько въ дяди мазка идётъ!“

Терешко. Побачымо, у кого мазка потече?!

Павло. Побачымъ, сказавъ слипый, почувемо, сказавъ глухій.

Демко (*куре*). Ну, й ловкій же табачокъ, пахъ якій гарный иде!

Власъ. Такъ то, Павле. Задуривъ свить одній, другій и годи, а то ты вже зовсимъ розбештався.

Терешко. Брунько Якымъ у недилю хвалывся: постановлю, каже, громади пять видеръ горилки, щобъ на Павла напысали прыговора, щобъ ёго геть зъ села!

Павло (*схочивъ*). Гайда, братьця, заразъ до Якыма! Якъ що Якымъ згоденъ у ричахъ зъ Терешкомъ, тоди я становлю парубоцству видро горилки и даю пять цилковыхъ на корогву до Божого храму.

Терешко. Ходимъ, я тебе докажу!

Радько. Ну, свате, начувайся!

Власъ. Не пошкодуемо кулакывъ! Горилка горилкою, а й тельбухамъ гивнетця не разъ!.. (*Идутъ*).

Павло. Стійте! А якъ Терешко збравъ?

Вси. А й справди, що жъ тоди?

Терешко. Тоди плюнь мени межи очи пры вселюдно!

Павло. Хочъ и дешево хочеть выкупытысь, одначе нехай и такъ. Ходимъ!..

Я В А III.

Ти жъ и Якымъ.

Павло. Отъ якъ разъ до речи!

Якымъ (*чоломжаецця зъ Павломъ*). А, гаспадынъ скаварадынъ! Здорови булы, хлопци! (*Вси шапкуютьця*). Що жъ вы мовчкы идете, бодай васъ въ стриху головою!.. Якъ мы колысь парубкували, то де було зберетця юрба, тамъ и спивы, тамъ и жарты, музыкы, таньци!.. Куды вамъ до насъ?!..

Павло. Просю васъ, Якыме Максимовичъ, скажыть ось парубоцству: за кого вы мене маєте?

Якымъ. За Павла, та ще й Андріевыча.

Павло. Може личете мене за харьцызца, або гульטיפаку, гульвыса?

Якымъ. А ни Боже мій!

Павло. А коли бъ обчество напысало прыговора, щобъ мене геть зъ села, чы вы бъ дали руку на пидпись?

Якымъ. А хйба я скаженный, чы якъ? Та нехай мени рука всохне!..

Павло (*кланяецця*). Дякую вамъ.

Якымъ. Ото й по всёму?

Павло. Та й тилько.

Якымъ. Заходъ же надъ вечиръ до мене... Я оце кыкавъ Мыхайла Джерю... знаешъ... (*морга*), шо вчора. Винъ якъ разъ такый, якого намъ треба (*зновъ морга*). Мы зъ нымъ по одній—по другій, и дило въ шапци!.. Прощавайте, добри молодци! Не маю часу, та й не прыходитця мени зъ вами у патёкы заходыты (*пишовъ*).

Павло. Ну, Терешку?

Терешко. Що жь, плюй мени въ пику!

Павло. Шкода слыны. Падлець ты, оть що!..

Радько. Ну, я бь цёго Терешкови не подарувавь!

Демко. Та дай ёму, Павле, у мордяку!

Павло. За вищо? А ты кращій видь нёго? Ты жь оце свижо збирався личыть мени ребра, а за вищо? Чы ты мене постеригь колы у чимь лыхимь?

Демко. Люде базикають, ну, звисно...

Павло. То це якь хтось тамь скаже: Демко злодй, Демко мошелныкь!.. то я заразь повинень тоби скрутыты руки назадь, та й набытысь у волю?

Демко (*сміється*). Ну, то ще хто кого подужавь бы.

Павло. Хочь бы ось и Влась. Винь, братьця, мае мене за ласуна, а самь нибы бь то й не ласый до дивчать. А хто позавчора мало не до свита простоявь зь Хотыню, пидь Гарасымовою левадою, хто улещавь и: „и кохаю тебе, и свататыму?..“ А вчора не ты хйба пытавь Демку: чы прысылаты за рушныками?..

Влась (*регоче*). Тьху, ты, бузовире! Та ты, мабуть, такы й е видьмакь, або упирь?..

Павло. Терешко гостре зубы на мене за Явдоху. Гайда, якь смеркне, до Явдошной хаты, выйде Явдоха: зь кимь вона прязнищь розмовлятыме, того й верхь буде. Прыстаешь на це?

Терешко. Та ты на словахь, якь на цымбалахь!

Павло. Все вы уміете зь за вугла цькуваты!

Терешко. Бо ты вже, мабуть, пидсынавь чогось Явдоси, або пидкупывь и чимь?

Павло. То вже мое дило. А ты пидсып ий такого, щобь видсагнулась видь мене?

Терешко. Я не видьмакь!

Павло. То кынься по знахаркахь, то по ворожкахь!..

Терешко. Та хай ий чорть, тій Явдоси, щобь вона тоби луснула!..

Павло. Може ще хто, хлопци, наважатця звернуты мени вязы, то выходь?

Парувкы (*промежь себе у пивголосо*). Та, ну тебе!.. Хай тоби абы що!.. Ще справди чимь пидкурышь! Або у яку звиряку переынешь!..

Терешко. Зь якои речи люде кажуть, онь хочь бы и про Мотрю, що за Сыдиромь Журавленкомь?..

Павло. Зь такой жь, якь и ты, якь и Влась, якь и вси!..

Терешко. Зь пальця того не высмокчешь!

Павло. Не бйсь, высмокчуть и зь нигтя. Одынь ляпнувь, другй не розчолопавь, а третй не второнавь, й стала така купа брехни, що й на оберемокь не заберешь. Ну, вамь у якономію, а мени стелетця нича дорога. Прощавайте! (*Збывь шапку на бохыр и пишовь, стиваючы*).

Ж 7. Добри-вечирь тоби, зелена дйброва,
Переночуй хочь ниченьку
Мене молодого.

Не переночую, бо славоньку чую,
А про твою, козаченьку, головоньку
буйную!..

Добри-вечирь тоби, ты, темный байраче...

Влась. Оть зь такымь й поспорь!..

Демко. Не тилько самь выправытця, а ще й тебе пошые въ дурни.

Влась. Що не кажы, а голова въ нёго повна!

Радько. И на сливы мытець. Або нехай проты нёго хто вытанцюе: гайдука, чы торбана, чы хочь й запорожського козака?

Терешко. Хокусныкь и бильшьничого! Тьху!..

Радько. Хто тоби, Терешку, сказавь, що Якимь хотивь купыты на Павла прыговора?

Терешко. А, йды геть! И ты не кращій видъ Павла...

Одннъ зъ парувкивъ. Та за приговора й я чувъ.

Демко. О, а чомъ же ты и досы мовчавъ?

Парувокъ. Щобъ и мени Павло забывъ багы, якъ Терешкови?

Терешко (*заскреготавъ зубамы*). Ну!..

Власъ. Та ну ёго къ нечистій матери!.. Гайда!.. (*Заводе писню, останни подхоплюють*).

№ 8. Де жъ ты шлявся—волочывся,
Що до мене опизнывся?
Я не шлявся—не волочывся,
Я зъ жоною побранывся.
Бывъ я жонку—напастывъ,
Чуть живу на свить пустывъ.
Дурякъ, дурякъ ты, Ванюша,
Дурна твоя голова;
Если будешъ жонку быть,
Перестанъ къ миня ходыть;
Ты зъ законною жоною
Довжонъ вику дожывать,
А зо мною молодую
Одну дочку почувать (*пишлы*).

Я В А ІV.

Якымъ. (*Иде зъ видрамы по воду*).
Ачь, якъ ловко зачынають, неначе до-
стометни салдаты. Це така що я ще,
лыбонь, и не чувъ.

Я В А V.

Хивря и Янымъ.

Хивря. Здрастуйте, зъ середю!

Якымъ. Спасыби, будьте и вы...

Хивря. Чого це вы сами по воду,
хйба Катря нездужа?

Якымъ. Ба ни!.. Тамъ зъ малымъ
хлопьямъ пораетця... Мабуть, на зубы...

Тамъ таке втишно, вже каже: „тату!“ и
ручонятка простята.

Хивря. Якъ же вы теперь зъ Кат-
рею поживаете?

Якымъ. Хвалыты Бога, у насъ такъ
уже нибы якъ и въ людей.

Хивря. Тьху-тьху-тьху!... Щобъ не
зглызты. Стало быть, злюбылся?

Якымъ. Неначе бъ то...

Хивря. Пора, пора...

Якымъ. А якъ же не пора? Треба
прывыкаты одно до другого.

Хивря. Ще бъ не треба? Тройко вже
дитей, хвалыты Господа мылосердного!..

Якымъ. Вола зъ воломъ, мовлявъ,
роспаруешъ та зъ другимъ ёго спаруешъ,
й той прывыкне, а мы жъ, здаеця, люде?..
Я, якъ ото скоро взявъ за себе Катрю,
то тры обидни поклоны бывъ, щобъ Гос-
подь видвернувъ мене видъ Докіи. Памья-
таете, мабуть, що я Катрю взявъ за себе
зъ пересердя, а вона тежъ—описля вже
мени призналася—подавала рушныкы за
мене зъ пересердя—на Дмитра Жевер-
жія. Отакъ, мовлявъ, не думанно, не
гаданно побралыся, та ще й зъ пере-
сердя, а живемо. Пишовъ зъ старостамы
до Докіи,—не виддають, я зъ пересердя
до Катри. Такъ, кажу, тыжнивъ зо два
зо мною щось таке діялось, що ажъ
страшно. Дывлюсь на Катрю, а бачу
Докію! Та вже коваль, старый Ярошъ,
трычи розбовтувавъ жузельцю и дававъ
мени пыты; а маты звелилы: тры обидни
поклоны быты; видтоди, якъ рукою зняло.
(*Тимъ часомъ набравъ воды*). Про-
щайте! (*Пишовъ*).

Хивря. Ходить здорови! (*Набира
воду и заводе писню*).

№ 9. Якъ у саду, такъ у лиси
Соловейко на горыси,
А возуля на калыни;
Десь мій мыльнй на Вкравни.

Я В А VI.

Стеха и Хивря.

Стеха. (*Идучи з другого боку з видрами*). Якои це вы? Ой давно жь, давно я ии не чула. Здрастуйте, кумасько, зь середю!

Хивря. Спасыби, будьте й вы! Иноди сплине тоби на мысли така, що ты про неи й не думаешъ, а якось ненарокомъ и заспиваешъ.

Стеха. Колысь и я ии знала... А хорошиій у васъ голось, кумасю!..

Хивря. Де тамъ вже?.. Бувъ колысь, та, якъ то кажуть, позычкы зъили, хиба намъ, кумо, мало клопоту? Тутъ не то що спиваты, а й говорыты иноди важко тоби.

Стеха. Эге! А ну-те, ну-те, почнитъ цией псыни зь початку, и я пидтягну.

Хивря. Стривайте, якъ же бо ии? Каже: (*спивають*).

№ 9. Якъ у саду, такъ и въ лиси
Соловейко на гориси,
А зозуля на калыни,
Десь мій мылий на Украини,
На коньку wygrавае,
На сонечко поглядае:
Чы высоко сонце зходе,
Чы низенько заходе?
Ой, десь моя мыленькая
Смутна, якъ тинь, ходе.
Видно мылу по билому,
Що журытця по мылому.

Хивря. Отъ тоби... Це жь я дали й забула? Ба такы й забула!..

Стеха. Колы вже вы забулы, то я й зь роду-вику не нагадаю.

Хивря. Ще на тимъ тыжневи спивала, якъ вязала просо; а це не мовъ вывѣяло ии зь паморокивъ!..

Стеха. Охъ, не до спививъ намъ. Що жь тамъ нового чутъ на вашимъ бутку?

Хивря. Сваха Гаврылыха недужа пропасныцею.

Стеха. И досы?

Хивря. Эге! Вже що имъ не робылы,—не выда. На тимъ тыжневи щетынныкъ, чы той пакъ, рашывецъ выминявъ у ныхъ щетynu на голкы та на грыбе-нецъ, такъ каже: „высидить тры вечирнихъ зори у хливи, межъ свыннымы, до другихъ пивнивъ—кыне!..“

Стеха. Кажете: до другихъ пивнивъ? Що жь, кынула?

Хивря. Ни, трусе й досы, трусе та й трусе!

Стеха. До хвершала не выдалысь?

Хивря. Ба выдалысь. Давъ бувъ чогось такого червоненького у пляшечци и звеливъ пыты. Ажъ це прыйшла до ныхъ Йвга, зовиця ихня, глянула на ту пляшечку та й каже: „не пийте!..“

Стеха. Черезъ що жь то?

Хивря. „Не поможе!“ Каже: „дававъ винъ и мени, каже, отакого, видъ перелогивъ—не помогло!“

Стеха. Кума Рымарыха одержали псымо, видъ сына—салдата. Пыше: „Мамонько моя родненькая—благородненька! Не тревожьтесь и не печалуйтесь, що я въ болныци лежу, бо мени у жывотахъ страждане, що я вже ундерхыцерь, то й трудно мени... Тилько пришлить мени хочъ рублыка денегъ на прегметы...“ Отъ забула, на яки прегметы? Эге, на прегметы, каже... Потимъ всимъ вже кланяетця. Каже: „и сваси Стеси, це бь то мени,—кланяютця низенькымъ поклономъ и прыятнымъ словомъ...“ Такъ тамъ вси голосылы, такъ голосылы, що й Господы! Кумынъ онукъ Петя чыта, а мы вси голосымо!.. Учора виднесла куми Рымарыси золотого, щобъ якъ посылатымуть видъ себе гроши, то щобъ и мого золотого послалы.

Хивря. Нехай тамъ хочъ почаствуетця зь товаришамы за ваше здорoviaчко.

Стеха. Эге, нехай!..

Хивря. А у кумы Хрысти разомъ ажъ двое дитой заслабло.

Стеха. Скажыть на мылость? Пошестъ бы то?

Хивря. Мабуть. Я имъ казала: кнѣтесь до хвершала. Кажуть: далеко йты, ажъ за девять верстовъ, та ще чы й поже?..

Стеха. Такъ, такъ... А не знаете, карасною не пробували поиты? Пивъ ручочки нехай бы дали, дуже помога. Даныло Семеновичъ, ось той що позаториєть купивъ земельку у грапа...

Хивря. Це бѣ то отой багатый Крывопьятенко?

Стеха. Эге жѣ, винь, винь!.. Хвалывся пьсареви, а пьсарь вже намъ перехвалывся. Пьсарь, бачте, намъ кумомъ доводитця, — винь ториеъ державъ до хреста нашу Мокрынку.

Хивря. Та якъ же, знаю!

Стеха. Та ото жѣ Крывопьятенко и хвалывся пьсареви, що: „самъ, каже, своихъ дитой видхожуе и завжды карасною, дуже помога“.

Хивря. Треба буде сказаты куми Хрысти. Крывопьятенко певно жѣ чоловієкъ — тямущый.

Стеха. Ще бѣ ни? Пьсарь каже, що то чоловієкъ на всю округу образованый: мало не пивторы тысячы десятинь земли, у хвайтонови издыть, домъ пидъ жалізною покрывлею, и самъ при часахъ зъ золотымъ ланцюжкомъ навкругы шыи..

Хивря. Яка жѣ то карасныя?

Стеха. Та ото жѣ, що свитять.

Хивря. Це бѣ то: гасъ?

Стеха. Эге жѣ!

Хивря. У сестры Палажки свыня опоросылась дывьятьма, та тройко зразу и задавыла.

Стеха. Не доглядилы?

Хивря. Кажыть, що щось наврочыло, або назыхнуло, бо вже такъ глядила, такъ

доглядала!.. Господы, якъ сердешна Палажка голосыла!..

Стеха. Ще бѣ не голосыты? Отакъ ревла Ганна Щепковхъ, невестка Хроська, якъ у нихъ тельця одійшла, вирите, такъ ревла, шо ажъ у нашій хати гуло, и стекла у викнахъ бренилы!

Хивря. Тамъ ще у васъ новына. Кажуть, що нибы бѣ то Павло зъ Варькою Гупаленковою почавъ ханькы мяты?

Я В А VII.

Ти жѣ и Павло.

Павло (*у бикъ*). Про мене щось скрекочуть. (*Ховаецця*).

Стеха. Ну, й супостать же отой Павло! Хвалыты Господа, шо у мене нема дочокъ на видданни. Старшия повмералы, а цимъ ще зась. Моій Гальци оце тилько писля Семена пшовъ чотырнадцятый.

Хивря. А у мене, слава Господеви, усе сыны, усе сыны, хочъ бы мени одне дивча!

Стеха. Постерегаете, кумо, шо наше село зъ кожнымъ годомъ нибы псуецця?

Хивря. Та, мабуть, воно и скрызъ такъ.

Стеха. Чы за нашої жѣ памьяты, якъ ще мы дивувалы, чы водылося жѣ отаке?

Хивря. А й чы давно жѣ то було?

Стеха. Ну, вже, я за свое дытя, то отому Павлови прямо выколупала бѣ очи зъ лоба!

Павло (*у бикъ*). Сердытенька нівроку!

Хивря. И то жѣ якый анцыбыль! Кажуть, на яку дивку чы молодыцю задывывся, та вже й ёго, прямо и не видхрестытця и не видмольтця.

Стеха. Ачѣ, якый уредный! А я, вирите, бачыты его не могу: такый винь мени гыдкый!

Павло (*у бикъ*). Ну, це вже побачымо.

Хивря. Ни, кумо, не гыдкый, певно вы его гараздъ не розглядилы, тамъ якъ змалеваный, матери его хринь!

Стеха. Бачыла я его добре: якыс гадючы очы и чортачыи посмихъ... Хай ему лыхе!..

Хивря. Прощайте! *(Иде)*.

Стеха. Ходить здорови!

Хивря *(зумылася)*. Чы правда, що вашъ чоловикъ купывъ вже нового кожуха?

Стеха. А хйба що?

Хивря. Де ще та зима, а у васъ уже и кожухъ новый на килочку. *(Пишла)*.

Стеха. Я така, кумо, колы кохаешъ. то й даруй, на подарунки и дуже ласа! Оце жъ, лыбонь, я й забарылася? *(Иде)*.

Павло *(на зустричъ)*. Здравеньки булы, тётю!

Стеха *(полохнулася)*. Тьху, нехай тоби грець! Оце!..

Павло. Чого жъ полохаецесь?

Стеха. Зйды зъ стежки, осоружный!.. Геть!..

Павло. Чы не вы часомъ, тетю, загубыли отамъ на вугли дукача?

Стеха. Якого тамъ дукача?

Павло. Лыбонь срибного? Натя! *(Дае ей дукача)*.

Стеха. Новый.

Павло. Не вашъ?

Стеха. Та ще й позолочуванный!..

Павло. Якъ надинете на шыю, то вси здвуютця. Краса до красы, и хочъ картину малюй. Такъ то, тётю!

Стеха. Виддай его другий. *(Дае)*.

Павло *(не бере)*. Жбурнить его черезъ голову: колы не вамъ, то й никому!

Стеха. Винъ же не дешовый?

Павло. Сорокъ копіекъ цина, а може й полтынный!

Стеха. Та жбурлять?

Павло. Жбурляйте смилыво, що вамъ моихъ грошой шкодувать? Думавъ догодить—не зъумивъ, самъ выненъ—жбурляйте ёго!

Стеха. Самъ жбурны!..

Павло. Чого жъ вы насупылись такъ на мене? Краще плюньте мени въ вичи, багнюбаю жбурнить у тварь, стерплю; хочъ одынъ же ласкавый поглядъ.

Стеха. Скаженный! Ей-Богу, скаженный!

Павло. Боже, що жъ то за очы!..

Стеха. Отъ напасть!

Павло. Таке свиже лычко, таки ривни бривкы у перше бачу!.. Колы бъ я змигъ хочъ разочокъ обгорнуты отой чудовый станочокъ, поцилуваты у той румьяный выдочокъ!..

Стеха. Я тебе отакъ и поцилую долонею по щоци!.. Геть, харцызе!..

Павло. Картино моя! Чы грихъ, чы не грихъ, а не сыла моя дали терпнты! *(Обійма ю и цилуе у губы)*.

Стеха. Чы ты не сказывся часомъ, тьху, тьху!..

Павло. Моя ты красо, моя ты чаривныце!.. *(Звоз цилуе)*.

Стеха. Геть, геть! Отъ халепа! Якъ ще хто почуе, побаче!..

Павло. Пропаду, здурію, скажусь, якъ ты мене не поцилуешъ!..

Стеха. Одйды, бо почну гвалтувать!..

Павло. Колы такъ, нехай же мій грихъ на твою душу?.. Рубленая крыныченька, прийми мое тило!.. *(Ныбы хоче кынутысь у крыныцю)*.

Стеха *(зв лякомъ)*. Зупынысь, чы ты зъ розумомъ?..

Павло. Хочъ прыторкнысь до губъ, бо заразы сторчъ такъ и нирну!..

Стеха. Що мени робыты зъ тобою, дыволе? *(Павло пидставля губы)*. Та на вжо! *(поцилувала)* Неначе й помоглося?

Павло. Чаривныце моя! *(Цилуе ю)*. Отакъ, отакъ!..

Стеха. Та годи вже тоби... отъ допався!..

Павло. Скажешъ, не солодко цилую?

Стеха. Де тамъ не солодко? Ой, въ очахъ темніе, голова крутытця!..

Павло. Втикай до дому, докы не впала!

Стеха (*чепурно йде, оглядаючысь*).
И не сибирный же ты?!

Павло. А ты не каторжна?

Стеха. Я заразь ще прыбизжу!..

Павло. Мене не зостанешь!

Стеха. Я не забарюсь!..

Павло. Не хапайся!

Стеха. Пидожды!..

Павло. Думаешь, ще поцилую? Ачъ, якъ розласувалась!

Стеха. Що-о? То ты?.. Ой, грихъ... Це сатана! Зъ очей искри, зъ рота поломна!.. (*хутко побигла*).

Павло. Тю-гу! Верньсь, бабко, ще пожартую, верньсь, жовта дыне, ще поцилую! (*регоче*). А що, гыдкый я тоби? Одначе, вже й смерка. Чого це Катря клыккала мене до цїем крыныци? Ще чого доброго зъ дытнюю сюды прытелющтыця? А й справди хлопчыкъ неначе вылытый я!.. Стривай, це жъ котра спива?

Я В А VIII.

Явдоха и Павло.

Явдоха (*спива всю писню за лаштункамы, ажъ вз кинци выходе*).

№ 10. Ой, жаль мени того вечорочка,

Що я не гуляла; (2)

Ой, жаль того парня,

Що я утерjala.

Та не сама жъ я утерjala,—

Ненька не пускала, (2)

Не пускала ненька у хати,

Гляну на шпылѣчокъ, (2)

Чы не подасть мій мыленькый

Та хочъ голосочокъ? (*выходе*).

Павло. Це Явдоха! (*Прысида за плитъ*). А ну, подамъ голосокъ (*спива тыхо*).

№ 11. Ой и зйды, зйды

Ты, зиронько та вечерняя,

Охъ и выйды, выйды, } 2
Дивчынонько моя вирная. }

Явдоха (*пизнала и спива шуткуючы*).

Не подоба зирци

Изъ вечира та заходыты,

Не подоба дивци

Що-вечира та выходыты. } 2

Павло (*пидходе*). Чому жъ не подоба? Ага, и въ биленькый хусточки, и хвартухъ той самый крапчастый.—Ловко! (*чолжмаецця*).

Явдоха. Ой, Павлычу, не виддадутъ мене за тебе.

Павло. Онъ якъ?

Явдоха. Батько й маты кажутъ, що ты гулотяй, дурьсвить!..

Павло. Та-акъ!..

Явдоха. Що ты тилько завьяжешъ мени свить!..

Павло. То бъ то наскрызъ мене бачать?.. Г-жь... (*усмихаецця*).

Явдоха. „Ему,“ кажутъ, абы задурты тебе... насьметця, а дали кыне!..

Павло. И ты вирьшь цѣму?

Я В А IX.

Ти жъ и Терешко

Терешко (*здалеку*). Явдоха зъ Павломъ? Ага!

Явдоха. Я... я не знаю... И вирю и не вирю...

Павло. А хочешъ, я тебе навчу, що робыть?

Явдоха. Ой, навчы жъ, серденько, навчы, любый!

Павло. Давай, отакъ, якъ оце стоимо, утечемо?

Терешко (*у бикъ*). Онъ якъ!

Явдоха. Ой, де жъ такы?

Павло. Чого полохаецця? Не виеъ такъ жытымешъ, згодомъ и звинчаецця!

Явдоха. Хи! (*Закрыла очи долонямы*).

Терешко *(у бикъ)*. Мерщій згвалтую людей *(побигъ)*.

Павло. Ну?

Явдоха. Страшне таке говорышь!..

Павло. Такъ-то ты мене любышь?

Явдоха. Ой, Боже мій, винъ ще й не вире!..

Павло. Якъ бачу я, то не буде ни якого товку зъ нашого коханья.

Явдоха. Павле, якъ це ты говорышь? Ажъ дивно якось слухаты!... Зовсимъ не такъ, якъ учора?

Павло. Кохай Терешка, ёму таке коханне знадобытця!.. *(Хоче йты)*.

Явдоха. Ой, не кыдай мене, дай же мени хочъ подуматы!..

Я В А X.

Ти жъ и Катря.

Павло. Не я тебе покидаю, а моя шербата доля!

Катря *(голосно)*. А хто то бованіе?

Явдоха *(злякалась)*. Ой, лышко!.. *(Хутко втика)*.

Катря *(пидходе до Павла)*. Перешкодыла мылуванню? Чого такъ дывысса на мене? Такъ зрадивъ, що мене вздривъ, що ажъ языка прыкусывъ!..

Павло. Чого ты, Катре, хочешъ видъ мене?

Катря. Колы бъ тямыла, сказала бъ, колы бъ змогла—вымовыла бъ!.. Вздрила тебе и дывлюсь, вдывляюсь, очей не одведу!..

Павло. Ты, Катре, замижня, не моя...

Катря. Твоя я, тилькы твоя... Пиду за тобою, куды скажешъ, пиду й не оглянусь!..

Павло. У тебе диткы е.

Катря. Не жаль мени ихъ!.. Я не могу безъ тебе жыты!.. Павле! У чоловіка у схованьци лежать гроши, мало не дви сотни, я визьму ихъ, втечемо:

на Динь, въ Басарабію, за Днипръ!.. Куды хочешъ втечемо, зъ гришмы всюды намъ гарно буде!..

Павло. Доженуть!..

Катря. То ось якій ты смилывый? А тоди якъ пидлабузнывавсь до мене, казавъ: утечемо, насъ нигде не знайдуть. Казавъ: хочъ знайдуть, то въ домовыни, та й тамъ у купци!..

Павло. Думавъ тоди, що можна выховатысь...

Катря. Не те думаешъ, не те! Але того, що ты оце свижо задумавъ, не буде, николы не буде!.. Чувъ, що одна покритка, у той часъ, якъ іи коханецъ сядивъ вже на посади зъ другою, прынесла дытynu и поклала передъ нимъ на стилъ?.. Чувъ, якъ друга молодыца такому жъ бузовирови наробыла мяса,—повисылася на воротяхъ у ёго подвирьй?.. Чувъ, що торякъ одна дивка прынесла своему зрадыкови дытynu у церкву, у ту саму хвилью, якъ той ставъ зъ другою, щобъ винецъ взяти?

Павло. Чувъ! И те чувъ, и друге, и десяте чувъ!..

Я В А XI.

Ти жъ и Мотря.

Мотря *(у бикъ)*. Зъ кымъ то Павло?

Катря. Я на все пиду!

Мотря *(у бикъ)*. Катринъ голосо!

Павло. Хочешъ мене заполохаты, чы якъ? Прыйде пора, тоди й полохатымешъ, а теперъ видкоснысь!

Катря. Оце й всего за два роки вирного коханья? Памьятай же ты, що каятымесся,—не покаесся, десять рокывъ здыхатымешъ,—не здохнешъ! Втикаешъ зо мною?

Мотря. Що-о?

Катря. Втикаешъ,—кажы?

Павло. Ни!..

Катря (*не слуха*). Сюды идуть...
Передумай! Въ пивночы ждатыму била
млыннвѣ тебе!

Мотря (*у бикъ*). Якійсь гвалтъ, сюды
бѣжать (*зыка*).

Павло. Не прійду, бо бильшь я не
твѣй...

Катря. А то ты таеъ зо мною!

Я В А XII.

Ти жъ, Галушка, Векла, Янымъ, Терешко,
десятникъ и народъ.

Терешко (*выбѣга*). Осъдечкы вонь!

Останни. Де вонь? Держы, ловы!

Павло (*встае супроты всихъ*). Жабы
квакнулы, свини хрякнулы, сполохалысь
горобци—зъявылысь молодци.

Галушка (*хутко идучы до Катри*).
То ты таеа слухняна, дочко?

Векла (*зъ заду*). Я жъ тоби нака-
зувала: не смѣй мени и за поригъ!..

Янымъ (*зъ заду ихъ*). Слушайте,
сваты! Въ тимъ гриха нема, що вонь
соби на одинци, бо, сказать, вонь не-
наче вже й заручени.

Галушка. Втикаты збиряеся?

Векла. Покынуты отця-неньку? Певно
и гроши выкрала зъ скрени?

Галушка. Мовчышь? (*придивляе-
ця*). Та це?..

Векла. Катря!

Янымъ (*не мовъ онимигъ*). Га?

Галушка. Де жъ Явдоха? (*до де-
сятника*). Свате, постережить Павла, я
дожену Явдоху (*побигъ*).

Векла. Я певна, що вона вкрала гроши
и видала оцѣму бузувирови? Свате, звя-
жыть ёго!..

Десятникъ. Що жъ, Павле, мы тебе
звяжымо! (*звяжуть его, Павло не
пручаеця*).

Катря (*до Яныма*). Ну, що жъ, бый
мене, катуй!.. ще по де вуды е частына
жывого мисьця: у груды ще не бывъ!..
(*хутко пишла*).

Янымъ. Я жъ тоби!.. Ахъ, ты жъ
супостатка!.. (*пишовъ за нею*).

Павло (*звязаний*). Звязали, якъ
вурча, або ягна—вдоволнылысь? Куды жъ
мене поведете?

Векла. Ведить ёго въ холодну; ёму
Явдоха передала гроши!..

Терешко. А що, Павле, чые зверху?

Павло. Маладець! Завтра я подарую
тоби червону шапку (*новелы Павла*).
А знаешъ, на вищо? Щобъ вси бачылы,
що ты дурень!

(З а в и с а).

Д І Я III.

На переднѣмъ плану велыка хата, вѣкно зъ рѣштуваннемъ, дали дѣри зъ замкомъ; дали други
дѣри; надъ нѣмы таблычка: „Волостное Правленіе;“ дали вѣсна. Передъ свитомъ.

Я В А I.

Павло и Явдокымъ.

Явдокымъ (*стоитъ бѣля запер-
тыхъ дѣрей зъ ломакою. Павло за
вѣкномъ спѣва*).

№ 12. Та не журь мене, моя маты,
Бо я й самъ журуся,

А якъ выйду за ворота,
Видь витру валюся.

Осидлаю кониченька,
Коня вороного,
Нехай несе чыстимъ полемъ
Мене молодого.

Въ чыстимъ поли трава росте,
Катранъ зеленіе,

Въ чыстимъ поли своя воля,
Тамъ сердце не мліе.

Явдокымъ. Ну, й що ты все сумныхъ спивашь? Тутъ и такъ нудно, а винь... Онъ мени треба бъ було, якъ зоря, у поле та просо скосыты, бо якъ ще эъ день простойть — высыплетця, а тутъ стій, та стережы тебе проклятушого!..

Павло. Така ваша служба!

Явдокымъ. Знаю и безъ тебе. Що за скаженный народъ! Не мигъ, бачъ, винь безъ бійкы обійтысь?

Павло. Вы це про кого?

Явдокымъ. Знаешъ, про кого.

Павло. Я не бывся!

Явдокымъ. Такъ я тоби й повирывъ! Побывся бъ завтра, чы тамъ колы у друге время, звисно, безъ бійкы не можна промежъ парубодствомъ, бо вони, якъ бугая.

Павло. Вы ще спать не хочете?

Явдокымъ. Не твое дило!..

Павло (*почына свыститъ*).

Явдокымъ. Не свысты!

Павло. Чому?

Явдокымъ. Ненавидю!.. (*позиха*).
Передъ свитомъ кожного чоловика сонъ зморе... Моднихъ писень не спивашь?

Павло. Ненавидю!

Явдокымъ. Черезъ що?

Павло. Черезъ те саме, черезъ що вы ненавидыте свыстунивъ.

Явдокымъ. Ага, я купывъ своему малчыкови школяреви книгу: „новейшой песелныкъ“, тамъ моднихъ писень сыла! У недилу, або въ празныкъ посходятця канальски школяры, заберутця пидъ повитку де, або въ хливъ, якъ почнуть чытать та голоса доберать—смиха!.. Чудоза тамъ е модня песня „ѳхавъ козакъ за Дунай.“ Ты лыбонъ тежъ грамотный?

Павло. Та що жъ, що грамотный?

Явдокымъ. Де жъ ты навчывся?

Павло. Полюдыхъ. Одначе, вже обрыдло мени сыдиты тутъ, пора втикаты.

Явдокымъ. Ну-ну, я тебе ось цимъ кіемъ втечу!

Павло. Схочу: визьму у жменю писку, сплету нагая, трыхну тричы, и кинь якъ змій заразы отутъ затупотыть.

Явдокымъ (*зъ лякомъ*). Та ты?.. (*Гризно*). Ты не лыхотворь! Невже ты й справди такый? Я чувъ де-що про тебе?

Павло. Дайте мени шматочокъ вугилля, або крейды!..

Явдокымъ. На вищо?

Павло. Змалюю на стини коня, сяду й пойду.

Явдокымъ. Я тебе пойду! Слухай, ты не дражны мене!..

Павло. А глянте на мене!

Явдокымъ. Га? Ну, на вищо ото ты банькы вытрыщывъ? На вищо очима крутышь, неначе колесамы?.. Та цуръ тоби, тьху!

Павло. Перехреститъ мене дядьку, то я сразу счезну.

Явдокымъ. Я тебе счезну! Не перехрестю, ачъ якій! Та ну тебе, на вищо ты клацашъ зубамы? (*у бихъ*). Ей-Богу, у мене лизе чубъ до горы!..

Павло. Ага, бойтесь? (*Спива*).

№ 13. Кармалюкъ хлопецъ

По свиту ходе,

Не одну дивчыну

Зъ розуму зводе (2).

Явдокымъ. Оце писня! Якъ, якъ вона на слова? (*стае плечима до вишна й слуха, у той часъ Павло просовуе кризь рѣштуванне руку, здійма зъ Явдокыма шапку и надива ему свого картуза козыркомъ назадъ*).

Не одну дивчыну,

Не одну вдову,

Билаву, румьяну,

Ще й чорноброву (2).

Явдокымъ. Ну, й ловка жъ! (*Павло кладе ему за комира пятака*).

Ты кума моя,

Ты душа моя,

Ой, скажи мени,
Де хата твоя (2).

Явдокимъ. Ажъ танцювати хочетця.
(*Павло выйма у него зв за пазухы люльку, зламауе скільки головокъ изъ сирныкивъ и наклада въ люльку, дали прытрушуе своимъ тютюномъ и зновъ кладе люльку ему за пазуху*).

А моя хатка
Надъ бережечкомъ,
Прыйды, вармалюче,
Назову сердечкомъ (2).

Явдокимъ. Ажъ ноги не встоять на мисьци (*топа ногами*).

А моя хатка
Надъ долиною,
А зовуть мене
Магдалиною (2).

Явдокимъ. Кинець?

Павло. Ни, вона ще довга!

Явдокимъ. Доспивуй до краю, доспивуй!..

Павло. Зъ першу покурю.

Явдокимъ. Якъ вона? (*спива*).

А моя хатка,

А моя хатка...

Дивы, не наведу, не потраплю!.. Коли бъ мій школяръ почувъ, зразу перенявъ бы.

Павло (*круте цыгарку*). Дядьку, я такы й справди чаклунъ.

Явдокимъ. Що це чаклунъ?

Павло. Накладаю зъ тымъ, що зъ рогами. Не вирыте? А одійдять трохы видъ викна.

Явдокимъ. Я одійду, а дубину держатиму на поготови: якъ тилько почнешъ лязты у викно, такъ по выску й цопну (*стае*).

Павло. Який вы тютюнъ курите? (*закурюе*).

Явдокимъ. Махорку.

Павло (*хутко промовля*):

Гарбузь—кабанъ,
Тютюнъ—табакъ,

Булька въ бульку,
Тютюнъ въ люльку.

Загляньте теперь, який у васъ тютюнъ у люльци?

Явдокимъ. Ни якого нема, бо я цопилецъ выкурывъ. Бачъ, нагадавъ про люльку, и вже кортыть хочъ разъ смывнуты. Хибя цибуха трохы верышу? (*загляда въ люльку*). Що за прычта? Повна люлька тютюну та ще й не простого!.. Чы не оказія?

Павло. Отъ и покурить!..

Явдокимъ. А й ловкій же табачокъ! Коли жъ це ты мени у чорта давъ, здаеця жъ, овсимъ не дававъ? Чы може це справди чортячы хвыгли! (*У люльци загорились головки зв сирныкивъ*). Тьху, нехай тоби лыхе!.. (*кыда люльку*).

Павло (*регоче*). А що, згадали рога того, отъ винъ и вскочывъ у люльку та й почавъ пшыкать.

Явдокимъ (*згодомъ взявъ люльку и загляда*). Хочъ бы тоби цурочка зосталась тютюну... Отъ тоби й покурывъ! (*нюха*). Чымъ паганимъ тхне...

Павло. Нате вже мого. (*Кладе въ люльку тютюну*).

Явдокимъ (*закурывъ*). О, зовсимъ не той смакъ!

Павло (*промовля хутко*):

Шапка бирка,
Шапка крымка,
Не знать, який масты,
Треба тоби пропасты.

Це жъ вы на вищо взяли мого картуза?

Явдокимъ. Я не бравъ, на вищо мени твій картузь?

Павло. А що жъ у васъ на голови?

Явдокимъ. Моя шапка. Осьдечкы... (*здойма зв головы картуза*). Тьху ты, сата...

Павло. Зновъ згадали, й зновъ буде лыха!

Явдокимъ (*зв лякомъ*). Невже?.. Та я... Слухай, та не морочъ мене... Де жъ моя шапка?

Павло. Ондочки-о! (*Показуе въ гору, въ ту хвильку пидкыда шапку*).

Явдокымъ. Тю, дывы, видкиля летьть? Це ты, мабуть, пидкынувъ?

Павло. Бачыте, бачыте, ондочки полызъ въ хмары!

Явдокымъ. Хто?

Павло. Не хто жъ другій, ягъ винь!

Явдокымъ. То бъ то нечыстый? Чого жъ бы ёму до хмаръ сикатысь?

Павло. Певно полызъ кого-небуть скушати. Що то капнуло зъ хмары?

Явдокымъ. Де, куды?

Павло. Вамъ за комира.

Явдокымъ (*вытяга зъ за комира пятака*). Дывы, пятакъ!

Павло. Це жъ винъ вамъ на росплодъ упустывъ. Завьяжыть же того пятака у калытку и николи не миняйте ёго, то завжды у васъ будутъ гроши.

Явдокымъ. Справди? Заховаю. (*Хова въ калытку и завьязуе*). Заховаю на вики (*у бикъ*). Чы зъ хмары винъ впавъ, чы ты самъ ёго за комира засунувъ—однаковисенько мени, бо це гроши, а не полова.

Павло. Вирыте тепертъ, що я де-що можу?

Явдокымъ. Ты й справди думаешь прыспаты мене своими хвыглямы та втекты, не на такого наскочывъ!

Я В А II.

Ти жъ и Мотря.

Павло (*уздрившы Мотрю*). Мотря?..

Явдокымъ. Га?

Павло. Кажу: ондочки вже у тій хмари шпетця. Дывитця, дывитця, дядьку!

Явдокымъ. Невже? (*дывытця на хмару*). У тій хмари? (*у бикъ*). Навспряжки це винъ, чы одводе очи?

Мотря (*хутко наблыжаецця до вики*). На, та хочъ попойжы, а то опухнешъ зъ голоду! (*Дае хлиба*).

Павло (*до Мотри*). На гроши, бижи хутенько до шинку, прынеси пляшку горилки: треба ёго пидмогорычыты, щобъ заснувъ (*дае гроши, Мотря побигла*).

Явдокымъ. Щось мабуть порошыть мени очи, що ниякъ не побачу?

Павло. Та куды жъ вы дывытесь? Я жъ вамъ казавъ: дывытесь у цей биек. Отъ и прозивалы.

Явдокымъ. У цей, а я въ той встроимвъ баньки (*у бикъ*). Я очи одведу, а вуха насторожу, якъ тилько лизтеме у виєно, то такъ и свысну ломакою по любви.

Я В А III.

Ти жъ и Стеха.

Павло (*уздривъ и*). А, бабушка, слыхомъ слыхать.

Стеха. Ц-сь!.. (*показуе ему, щобъ оддивъ очи Явдокымови*).

Явдокымъ. До кого це ты?

Павло. Та хйба жъ не бачыте въ хмари? Ондочки перекынувся у пыкату бабу и йиде верхи на гндыкови (*мане до себе Стеху*).

Явдокымъ. Може й справди?

Стеха (*хутко пидходе*). На тоби твого дукача, цилисеньку ничъ винъ пикъ мени душу!

Павло (*усмихаецця*). Невже горячицй видъ моихъ поцилункивъ?

Стеха. Смиеся, а я тоби не ворогъ. На терпуга та вызволяйся, бо буде лыхо!.. Тебе збираютця ризкамы выпарыты. (*Дае терпуга*).

Явдокымъ (*у бикъ*). Що воно тамъ бормоче?

Павло. Отъ за це ще колысь поцилую!

Стеха. Хай тобі зь твоимъ поци-
лункомъ!.. Слухай, Павле, ты забудь те,
не ославь мене... *(побигла)*.

Павло *(до Явдокыма)*. А що, ба-
ччте ёго, роздывылысь?

Явдокымъ. Хочь ты мени очи по-
выдовбуй, не бачу! Це ты може туману
насунувъ мени на очи? Слухай, ты цёго
не робы, бо...

Павло. Стривайте, заразъ видеуну,
то вы ёго тутъ побаччте.

Явдокымъ. Кого? Того, що той... Не
треба, не треба. Нехай сюды не приходе!..
(у бикз). Може й справди винь зь такыхъ?

Павло. Та винь зъявтыця молодыцею.

Явдокымъ. Невже?

Павло. Та ще й гарною, и прынесе
горилкы.

Явдокымъ. Овь? Воно хочь, мовлявь,
и на сторожи, а по чарци не шкодыло бь.

Павло. Пидійдите сюды, я вамъ здму-
хну тумана *(Явдокымъ стае проты его)*.
И на схидь, и на захидь, и на пив-
день, и на пивничь хмары розійдитесь,
а дядькови очи прояснитесь. А що, ба-
ччте вже?

Явдокымъ. Ондечкы ось наближаецця,
чы не винь? *(показуе на Мотрю)*.

Павло. Не полохайтесе жь и мовчть.

Я В А І V.

Ти жь и Мотря.

Павло *(до Мотри)*. Иды, иды
смильво. Дядько Явдокымъ мовчатимуть.
Виддай пляшку дядькови. *(Мотря дае
Явдокымови пляшку и чарку и иде
до бикна)*.

Явдокымъ *(взявз пляшку и чарку,
на бикз)*. Чы не оказія? Перекынувся
у Мотрю Журавлеву. А смачна? *(до Мо-
три)*. Смачна, пытаю?

Павло. Тилько, дядьку, не хрестить
горилкы, бо вся выхлюпне зь пляшкы,
якъ тютюнъ зь люлькы.

Явдокымъ *(у бикз)*. Чы й справди жь
це рогатый та перекынувся у Мотрю?..
А може то сама Мотря? А мени що до
того, нехай соби!.. *(Дывытыця на пля-
шку)*. Мабуть така смачна, що и зара-
зомъ язкы зь нею проковтнешь? Докы не
бачывъ горилкы, доты нибы й байдуже
було, а теперь вже и коргыть... що жь,
я выпью одну, зь одній не охмелію!..
*(на-
льва и дывытыця на горилку)*.

Мотря. Дай мени твою руку! *(пры-
пада до руку и плаче)*.

Явдокымъ *(вытывз)*. Оце такъ го-
рилка! Тю, й не розкуштувавъ!.. Яка жь
це горилка? *(Нальва)*.

Павло. Жаль мени тебе, Мотре! Э,
що буде, то й буде! Слухай, Мотре! Да-
вай, гей, утечемо куды - небуть далеко,
далеко!..

Мотря. Ни, годи!..

Явдокымъ. А що якъ це не горилка,
а що-небуть инче?..

Павло. Утечемо!

Мотря. Мени шляхъ одинь—въ до-
мовину! Колы й справди шкодуешъ мене,
иды зь села, щобъ я тебе довго не ба-
чыла, докы й не забуду... Прощай! бильшь
тебе не побачу!.. *(хутко пишла)*.

Явдокымъ *(вытывз)*. Стривай, стривай,
не лийся такъ не выдко, а то зновъ
не розкуштуя... ба такы й не розку-
штувавъ.

Павло *(у бикз)*. Пора за роботу
прыйматесь: вже скоро й свитатыме. *(По-
чына пиляты)*.

Явдокымъ *(вытывз)*. О, теперь, ма-
буть, и годи!? Стривай, чы я одну вы-
пывь, чы дви? Отъ же й не памьятаю!
Та хочь и дви, то шо третій воно не
то що не шкодыть, а такы годытця. *(На-
льва)*. Будьмо! *(вытывз и наслуха)*.
Що воно шкварчыть?

Павло. Почувъ?.. пагано. Придетця
спиваты, або шо. Дядьку! А цю вы пи-
сню чулы колы-небуть?

Явдокимъ. Спивай, спивай, тилько не сумной!

Павло (*спиваючи, пиляе рещтуванне*).

№ 14. Ой, джигуно, джигуне,
Якый ты ледащо,
Ведуть тебе до пана,
Самъ не знаешъ, за що?
Тоди будешъ знаты,
Якъ будуть караты,
И на руки и на ноги
Дыбы надиваты...

(*Зупынывся*). Уморився! Половина вже готова, заставлю ще дядька спиваты. Дядьку, а за ёго здоровля й досы вы не выпылы? А винъ сердытця, ажъ головою кыва!

Явдокимъ. Невже?.. Де жъ винъ?

Павло. Ондечкы на верби. Скажыть же: дякую тобі, Харло Вельзевуловичъ, що ты почаствувавъ мене!

Явдокимъ. Та де винъ, що я ёго не бачу? Ага-га, бачу, бачу, бачу!.. (*налыва*) Будь здоровъ! (*выпыва*).

Павло. А теперъ ще зовсимъ задовольте, заспивайте ёму якои.

Явдокимъ. А що ты думаешъ, що я не можу? Якои жъ ёму?

Павло. Якои знаете, яка спаде на думку.

Явдокимъ. Мабуть, заспиваю хвацькою. Ось цией (*спива*).

№ 14. Деревенька не большая,
Салдатамы занятая,
Ремъ! Ремъ, такы ремъ-ремъ-ремъ!

На кватыри салдаты Яшка,
А хазяинъ воръ Игнашка,
Ремъ и т. д.

А хазяинъ воръ Игнашка,
У нёго дочка Наташка.

Ремъ и т. д.,

Вона щогольно ходыла,
По тры бани въ день топыла.
Ремъ и т. д.

По тры мыла измывала,
По тры плаття надивала.
Ремъ и т. д.

Павло (*пиляе*). Готово, хочъ и въ походъ!

Явдокимъ. Га?

Павло. А теперъ можете по трудахъ ще пидкрыпытись.

Явдокимъ. Я можу (*налыва и выпыва*). Я, братъ, не опьяню, ни!.. Ще выпью и байдужисенько (*выпыва*). Я и зъ тобою можу и зо всякымъ... Воно оце пытво, воно не уредне... Главне дило: пый, а розуму держысь, а втекты все такы не втечешъ, ни!..

Я В А В.

Ти жъ и Катря.

Катря (*пидбига до вкна*). Вызволяйся яко мога, бо буде лыхо!..

Павло. Не боюсь!

Катря. Ламай рещтуванне, бо бытнуть!

Павло. Не покурять!..

Катря. Ой, горенько! Ты повно не ймешъ мени виры!.. Слухай же! Якымъ бывъ мене налыгачемъ, дали ухапывъ сокыру, замахнувся, затрептила я, и тило на мени похолонуло. Щобъ злыштысь смерты, я звернула на тебе лыху провину, сказала, що буцимъ то ты наважався ёго отроиты; винъ почавъ допытуваты: якъ и чымъ ты хотивъ ёго звесты зъ свита... я не тямлю, що выгадала и що зплела!.. Тилько пилса того винъ змылувався надо мною!..

Павло. Онъ яку пидвела машыну!..

Катря. Колы бъ не сказала того, зарубавъ бы. Не гнивайся, мій лебедьку, страшна выдюча смерть, охъ якъ страшна!.. Черезъ мои наклепы тобі буде лыхо! Якымъ цилу ничъ бигавъ по хатахъ и згвалтувавъ на тебе громаду... Ламай рещтуванне и втикай у той гай, що за ричкою, въ ночи зустрінемось била гострой скели. Гроши я взяла сто висимдесять симъ карбованцивъ... Зъ гришмы намъ буде добре!.. (*побигла*).

Павло. Чы заснувъ уже? (*тыхо*). Дядьку, а дядьку?

Явдокимъ (*бормоче*). Якъ же я могу?.. Просо сыплетця.. Такъ не прыйдетця.. Ей-ей, ни! Дай ты мени заразъ не пятака, а три цилковыхъ—не могу.. Купы мени заразъ хургона—не пойду... Новейшой пеленныкъ... служба... сыды... бозаразъ: кресь по вуху, кресь по зубахъ... на що выпустывъ... (*задримавъ*).

Павло. Треба скорій удираты, щобъ и справди не выпалы. Онъ чога Катря накопила!.. Що жъ, треба й Катрю пожалиты, выдюща смерть до чога тилько не призведе (*вылазе кризъ вишно*). Куды Катря сказала простуваты? У той гай, що за ричкою? Ни, Катре, Богъ зъ тобою и зъ твоими гришмы, ще, бороны Боже, пидъ каторгу пидведешъ! Треба прытулыты рештуванне, щобъ зразу не догадалысь. Рештуванне зъ чортъ-зна якого зализа; а все-таки тѣти Стееси спасибо за терпуга (*прытуля рештуванне*). Такъ лыбонъ буде держатись? А терпугъ нехай иде въ будякы! Отуды-о!.. (*жбурля терпуга*). Куды жъ теперь? Треба послухатысь Мотри. Шкода такы ии сердешной! Махну, мабуть, въ городъ и тамъ не пропаду. Прощай, село, прощайте, дивчата, и молодыци! Кого то вы безъ мене кохатымете, за кого одна одній очи выдыратымете?.. Не разъ гикатымусь и въ сны вамъ вбачатымусь!.. А ловка дивчына Явдоха, такыхъ не хитрыхъ въ городи не знайдешъ!.. Шкода, що... Чы може зостатысь? Ой ни, багато вже разивъ выкручывався, а цей разъ щобъ не було вавы!.. Ну, стружить ногы прудчищъ, бо якъ доженуть, то выплюють ажъ по трыцять перве чысло! (*хутко пишовъ*).

Я В А VI.

За лаштунками спиваютъ парубкы и потимъ проходятъ черезъ конз.

№ 15. Зажыгала свичку воску ярого,
Дожидала дружка розудалого.

Вотъ стучыть, вотъ гремыть
Подъ окошечкомъ.

А чы воръ то прыйшовъ чы разбойны-
чокъ.

Це не воръ прыйшовъ, не разбойнычокъ,
Я, твій прежній прыйшовъ полюбовны-
чокъ.

Ты садысь, садысь, разлюбезной мой,
Не садытця прыйшовъ—не ложытця,
Я жъ до тебе прыйшовъ распросытця:
Чы позволышь душа яхронытця?

1-й парубокъ. А ну, гукнемо на
Павла, чы обизветця?

2-й парубокъ. Не зачынай ёго!

3-й парубокъ. Краще, давайте вы-
зволемо ёго!

1-й парубокъ. А якъ дызнаютця?

2-й парубокъ. Мовчыть, ондечкы де-
сятныкъ слухае!

3-й парубокъ. Чуєте, вже свыстоць
подае машына? Доспывуймо (*спиваютъ*).

Яженись ты, падлецъ разбезсовистой,
Ты беры, посватай мою подругу:
Въ одній школи мы ябучалыся,
Въ одво платячко юбыралыся,
Въ одной чашочки юмывалыся,
Въ одного падлеца завохалыся.

Я В А VII.

Дивчата проходятъ, спиваючы.

№ 16. Маша съ крысой забралась,

Та у яму попалась,
Ой ли, ой да люли!..

Десь не взывся господинъ,
На крылечко восходывъ,
Ой ли!..

Десь не взывся тутъ хозарь,
Понисъ крысу на базарь.
Ой ли!..

Нихто крысы не купе,
Никто даромъ не беретъ.
Ой ли!..

(*Выходятъ на конз*).

1-а дивчына. Невже сыдыть? (*показуе очима на холодно*).

2-а дивчына. Сыдыть бидененькій.

1-а дивчына. А ну, кашляну, чы почуе (*кашля*).

2-а дивчына. Тикаймо, ондечкы десятныкъ!

3-я дивчына (*гука зв за лаштункивз*). Пидождить, сестрычкы, пидемо разомъ! (*выбига*). Добрыдень! Не чулы, дивчатка, яка сегодня цина на машыни?

Дивчата. Яка другимъ, така й намъ, тама почуемо (*пишлы, спиваючы*).

Десь не взявся татарынь,
Винъ не руськой чоловікъ,
Ой ли!

Почавъ крысу торговать,
Пивтора рубля давать,
Ой ли! (*Пишлы*).

Я В А VIII.

Старшына, пысарь, Якымъ, Галушка, Журавель, соцьній, десятныкы, народъ и диты.
Вси стають била волости.

Якымъ. Господынь старшына! Я становлю мирови пять видерь горилкы, щобъ тилько дали мени на Павла такого прыговора, щобъ его у саму Сибирь, щобъ стало быть дали мени настоящего сибирного прыговора!

Старшына (*до пысаря*). Чы е такый законъ у крестьяньскому положенію, бо я што недавно за старшыну, то й не роздывывся?

Пысарь. Все выдно будетъ по дѣлу (*до Якыма*).

Старшына. Ну да, выдко буде по дилу!..

Якымъ. Жинка мени призналася, што винъ клыкавъ мене за старосту на глумъ, винъ хотивъ уступыты у мою господу, та якъ я йныстому, то щобъ у той ментъ пидсыпаты мени чогось у страву, хочъ гровткивъ зъ гадючыхъ крапанокъ,

хочъ жабычой ропи, щобъ мене зъ свита звесты, щобъ посиротиты моихъ дитокъ. То за це подозвольте мени привселюдно плюнуты Павлови межы очи и хочъ дви чы даты ёму по мордяци.

Старшына (*до пысаря*). Чы е такый законъ? Бо я ще не довго...

Пысарь. Щобъ морду? Положымъ, що въ положеніи прямого указанія нема, й въ закони не начытувавъ, по ежолы у васъ есть къ тому желаніе, чтобы удовлетворыть просьбу онаго просытеля (*показуе очима на Якыма*), то можна законъ и обойтыть.

Якымъ. Здилайте мылость, господынь старшына, обійдите и удоблетворить.

Старшына. Воно... Буде выдко по дилу!

Галушка. Стара гвалту наробыла, што ныбы бъ то Явдоха викрала гроши й ему передала, але то неправда; то я радивъ бы такъ: всыпаты Павлови двадцять пять гарячихъ — покаетця, а не покаетця, можна ще.

Журавель. Всыпаты мо й слиде... А якъ ёго видъ насъ подали, то мо ще краще буде... Мо спокійнище... Чоловикъ, котрій трудящій, мо наробытця за дель...
Старшына. По дилу буде все выдко!..

Народъ. А вже жъ, що по дилу воно зразу буде выдко!

Старшына (*шепочетця зв пысаремз*). Га? Ну да... Бо якъ я ще недавно... (*До соцького*). Выводьте пидсудымого.

Пысарь (*до Явдокыма*). А ты, небоже, спышь?

Явдокымъ (*зхопывся*). Га? (*Хова пляшку за пазуху*). Де жъ я сплю? Ни, я не сплю!..

Старшына. Чы цилый замокъ?

Пысарь (*огляда*). Замокъ цилый и заперть.

Старшына. Одмыкайте!

Явдокымъ. Якъ то^о можна спаты, хйба я не тямлю?

Пысарь (*одимкнувъ замка и видчынывъ двери*). А нутва съ, мусю, деревенской мартоплясь, пожалуйста на цугундеръ!

Старшына. Ну жъ, выходи!

Якымъ. Ачъ, якый упортій! Та за це одне слидъ на него сибырного приговора!

Старшына (*гризно до Якыма*). Не сикайся! Выдко по дилу буде!.. (*гука*). Чуешъ, ты, марзавецъ, выходи!

Пысарь. Соцькый и десятскій! Ступайте, тягните его за барки, передъ глаза господына старшины! (*соцькый и десятныкз кынулысь въ холодну*).

Соцькый (*зъ холодной гука*). Тутъ никого нема!

Вси. Якъ нема?

Соцькый. Ось тилько дукачъ, чы що? (*выносе*).

Пысарь. Подай сюда! (*бере дукача, у бикз*). А, серебряній? (*голосно*). Приобщимъ къ дѣлу! (*хова въ кешеню*).

Старшына (*до Явдокыма*). Де жъ арештантъ?

Явдокымъ. Выходить, що й справди вылетивъ.

Вси. Якъ вылетивъ?

Явдокымъ. Взявъ въ жменю грудочку земли, поплювавъ, злипывъ конька, сивъ на него, трахнувъ гарацныкомъ и фью!.. (*свыснувъ*).

Пысарь. Штука не тилько хытрая, но даже полосатая!

Старшына (*до Явдокыма*). Та ты не брешешъ часомъ? Ты, лыбонь, пьяный?

Явдокымъ. Хто, я? Що мене почастувавъ харло, тошно!..

Старшына. Харло? Якый харло?

Явдокымъ. Харло, той... Якъ бо ёго по батющи? Та той, що не пры хати згадуючы... Я думавъ, що то не винъ,

ажъ выходить, що то винъ... Ось и пляшка... Якъ бы я самъ пывъ, то всю выпывъ бы... Отъ тоби й пьяный (*подае пляшку*).

Пысарь. Подай! (*нѣ нахыльци*). Да, водка! (*Ще нѣ*). И довольно изрядная!.. (*Ще нѣ*). И не ботаническаая, а настоящее — сорока трехъ градусное хлѣбное вино.

Старшына. Якъ же воно теперь оце саме дило?

Явдокымъ. А я и ока не заплющавъ!..

Галушка. Отъ такъ пройдысвить!..

Журавель. Мо винъ ушырь, а мо видмакъ!..

Якымъ. Ахъ ты жъ сатанамдолъ!..

Старшына (*до пысаря*). Чы може жъ буты, щобъ справди злипыты конька?.. Бо якъ я ще недавно...

Пысарь. Хотя и рѣдко, но бываетъ. Во дни моей юности, читавъ я одно такое дѣло про пана Твардовскаго. Такъ той продавъ душу чорту, а потимъ еще и чорта одурачивъ. И такъ, а подай-ка рюмку!

Явдокымъ. И рюмка, звольте! (*подае*).

Пысарь (*налива и пидносе старшыни*). Приступимъ къ составленію протокола.

Якымъ. Доброго здоровлячка пывшы! (*старшына здоровкаецця*).

Я В А IX.

Зъ другого боку выходятъ: Радько, Власъ и Демко.

Демко. Теперь до сниданку заснуть, а потимъ за ципа.

Власъ. Коли бъ батько не постерегли, а то не дадутъ и на одне око заснуты...

Радько (*позиха*). А здорово хочетця спаты. Я оце де-небудъ у рову впаду

та й спатыму ажъ до обидь *(почына спиваты, и останки пидтягують)*.

№ 17. Ой, ты, грушыця кучерявая,
Кучерявая, ще й кудрявая,
Ты когда, грушыця, взошла-выросла,
На высокъ заборъ похыллася.

Старшына *(выывз)*. Вы, марзавцы, чого роскрычалысь?.. Не бачыте, що тутъ началство диломъ заняте?.. *(Власъ, Демко и Радько хутко розбигаютьця)*.

(З а в и с а).

КУПЛЕТЫ.

ТЕРЕ-ФЕРЕ-КУКУ!

(Перероблена зъ польского).

Нема въ свити правды,
Самъ свить ставъ зрадливый
Брехня серизъ пануе
Та правду гальмуе!..
За гривню братъ брата,
Готовъ обидраты:
Остатню худобу,
Остатню свытну
Грабуе, руйнуе
Обдерту хатыну!..
А прыйде жъ часъ правды,
Часъ страшного суду,—
Та за такы штуку
Зададутъ: „Тере-фере-куку!..“

Водай васъ дивчата,
Яки вы хороши,
Якъ у батькивъ вашихъ
Въ кешеняхъ е гроши:
Мы не добаваемъ,
Що вы кривобоки,
Горбати, безноси,
Ряби, кыслоокя...
Давайте намъ гроши,—
Будете хороши!
Батьки-жъ щедри словомъ
Та скупи на руку,—
Вернулись одъ шлюбу:
„Де прыдано?“
Прыдано: „Тере-фере-куку!“

Купецъ въ фабрикантивъ
Товаръ забирае,
А имъ замисць грошей
Роспыскы черкае,—
Де бидный не выплаче
Винъ тамъ позычае;
И вси ёму вирять,—
Бачъ, лавкы винъ мае!
Паны и банкыры
За нёго въ цоруку..
Прыде жъ часъ роспыскамъ,—
То винъ таку штуку:
„Пятачокъ за рубъ—не хочете?“
Эге-ге! „Тере-фере-куку!“

Колысь то хтось думавъ:
„Може, Богъ поможе,
Зберетця народу
И въ кресла и въ ложи.“
Та й не поскупився
На сее, на тое—
„Богъ дасть, все вернетця,
Ще може и втрое!“
Та грае, спивае,
Ажъ пить зъ чола льетця!..
Надивъ окуляры,
Та ще й прыклавъ руку,
Глянувъ по театру—
Эге-ге! „Тере-фере-куку!“

Настали вже часы,
 Що теперъ вси классы
 „Тере-фере“ грають
 И „куку“ спивають:
 Купци, фабричанты,
 Шевци, музыканты,
 Адвокаты, докторы,

Найбільше актёры,—
 Ци на вси часы
 Свыстять на вси гласы!
 Тяжко пидпыраты
 Правду и науку,
 Колы у кешеняхъ:
 Фью-фью-фью! „Тере-фере-куку!“

КУМЪ ГАВРЫЛО.

Якъ·вийиздывъ кумъ Гаврыло
 У поле ораты,—
 Кобыльчына ёго сыва
 Почала брыкаты.
 Винъ кобылу ципкомъ чеше,
 А кобыла въ визокъ креше.
 Винъ почавъ йи штрыкаты,
 А вона ще гиршь брыкаты!
 „Нё, слипа, нё, крива,
 Нё, проклята, тпру, сапата,
 Нё!..“

А сусиды, злыи люде,
 Сталы реготаты,
 Що не буде кумъ Гаврыло
 Сёгодня ораты!
 Розгнивався кумъ Гаврыло,
 Що глузуютъ люде,—
 Якъ почавъ перещыть сыву,
 Ажъ шкура йй гуде!..
 „Нё, слипа, тпру, крива,
 Нё, проклята, тпру, сапата,
 Тпру!..“

Затялася кобыльчына—
 Ни ступия видъ хаты!..
 Ой, не буде кумъ Гаврыло
 Сёгодня ораты!
 Кумъ ще дужче розгнивався,—
 Взявъ зъ воза дубыну,

Та по ребрахъ, та по спыни
 Почавъ мирять сыву;
 „Нё, слипа, тпру, крива,
 Нё, проклята, тпру, сапата,
 Нё!..“

Якъ дремене кобыльчына
 Буды очи драла,—
 Поламала визокъ въ цуркы
 И хомутъ порвала.
 Кумъ Гаврыло на впереймы
 Сыву доганяты..
 Ой, не буде кумъ Гаврыло
 Сёгодня ораты!
 „Тпру, слипа, тпру, крива,
 Тпру, проклята, тпру, сапата,—
 Сёкъ, сёкъ, сёкъ, тпру!..“

Визокъ лежить, сыва стоить
 Ще й хвостомъ махае:
 Нема колись, нема люшень
 И дугы чортъ-мае!..
 А зъ хомута тилько слава,—
 Що й не полататы..
 „Теперъ бачу, що сёгодня
 Тпру мени ораты!
 Тпру, кумцю, тпру, Гаврыле,
 Тпру, серденько мое мые,
 Тпру!..“

У Д О В Ы Ц Я .

(Невидомого автора, мною перероблена и на музыку положена).

Удовыцю я любывъ,
Подарункы йй носывъ:
Носывъ сало, носывъ свичкы,
Носывъ мнaso, носывъ стричкы,
Носывъ гречку, черевычкы,
Носывъ просо, носывъ макъ,—
Ось воно якъ!

Носывъ жыто и пшеницю,
Букурузу, печавыцю,
Поросята и качята,
И курчята, и гусята,
Носывъ такы й грошенята
За чортови бровенята,—
Онъ бува якъ!

А разъ таке теля прыперъ,—
Докы донисъ, трохы не вмеръ!..
А вона мени зрадыла
Та паньча полюбыла!

Ну, нехай вже було бъ за що,
А то тамъ таке ледацо,
Що тилько: тьфу!

А теперъ я крычатому,
На все село гукатому:
Отдай мени сало, свичкы
Отдай мнaso, отдай стричкы,
Отдай гречку, черевычкы,
Отдай просо, отдай макъ,—
Ось воно якъ!

Отдай жыто и пшеницю,
Букурузу, печавыцю,
Поросята, и качята,
И курчята, и гусята,
И все тее, що ты зъйила
Верны мени усе циле,—
Ось тоби що!

Г А Н Д З Ю - К Н Ы Ш Ъ .

Чы чувалы вы, мыряне,
Про те диво, що у насъ
Той Явтухъ, що свынн пасъ,
Вже теперъ зробывся паномъ?
Зъ старшыною покумався,
Пывъ зъ нымъ чай и цилувався;
А на свадьбы у дяка
Зъ попадею гопака
Такъ гацавъ, ажъ кура встала!..
Що жъ? така пора настала:
Въ кого гроши—
Той хорощій;
А безъ выхъ мовчы та дышь!
„Отъ тоби, Гандзю-кнышь!“

Бувъ шынкаръ у насъ въ селѣ:
Каптанокъ ёго въ смоли,
Засмальцёванный подранный..
И самъ жыдъ такый поганный,
Що на нёго й глянуть гыдко!..
Але-жъ такъ бува не ридко,
Що вродливый ходыть босый
А никчемный дере гроши!
Такъ и Срулыкъ не дримавъ,—
Людей живцемъ обдыравъ:
Надравъ грошей,
Ставъ хорощій..
А безъ выхъ мовчы та дышь!
„Отъ тоби, Гандзю-кнышь!“

Найизжавъ до насъ въ село
 Чоловичокъ,—звался Павло.
 Купувавъ гиндыкы, куры,
 Вовну, хлибъ, ягнята шкуры.
 Довы бувъ ще дуже бидный,
 То зъ ускымъ бувъ якъ ридный;
 А теперъ насъ видцурався
 Та зъ панамы полыгався,—
 Всимъ панамъ чоломъ дае,
 Въ мирового кохвѣй пѣе:
 Надравъ грошѣй—
 Ставъ хорощѣй...
 А безъ ныхъ мовчы та дышь!
 „Отъ тоби, Гандзю-кнышь!“

Бувъ панокъ у насъ заможный,
 Мавъ кешени не порожни,
 Мавъ земельку, вивци, кони
 Въ табуни и на прыпони!
 Булы коровы и волы...
 Жывы-жъ та Господа хвалы!
 Такъ де-жъ? Скортило за гряницю!

Чортъ-ма грошѣй,—винъ пшеницю
 Жыдамъ продавъ. Недостача,—
 Пишла й земля на прыдачу!..
 Вивци й кони
 На прыпони—
 Все пойхало въ Парыжъ!..
 „Отъ тоби, Гандзю-кнышь!“

Отавъ дѣтця на свити:
 Мужыкови нудно въ свити,
 А купцеви у жупани!..
 А паны, найбилше пани,—
 Такъ и пнутця у столыцю,
 А звидтилъ вже за гряницю!
 И чого бъ то имъ прыспило
 Туды йихать? хиба дило?
 А вытришкы-жъ продаваты,
 Вытребенкы купуваты,
 Гроши сѣять,
 Хвостомъ вѣять:
 Хвистъ zostавсь,—то й весь барышь!..
 „Отъ тоби, Гандзю-кнышь!..“

Б Ы Ч О К Ъ .

У Панаса бувъ бычокъ,
 Четвертакъ, чы третячокъ;
 Тамъ такий бычокъ добрячий
 И въ работи не ледачий...
 Скоилась ёму прычына,—
 Певно, хтось вже такъ зробивъ,—
 Що все гаспыдсьека лычына,
 Разъ-у-разъ хвостомъ крутивъ!

Що за дыво? каже Гнать,
 Рындычкы рябон свать:
 Де вже я не пробувавъ,
 Ну такого не выдавъ!
 Ходывъ пидъ хуру ажъ въ Гадессъ,
 Тамъ вже бачывъ всихъ чудесъ:
 Малпу своїмы очима
 У нимця бачывъ за плечыма...

Выгоить взялася Приська,
 Макотрущына невестка.
 То жъ вже баба на вси боки:
 Чы прыстрить, або урѣкы,
 Чы зъ очей бува, чы зъ витру—
 Визьме глекъ, або макитру,—
 Коло пупа щось пошепче,
 Зразу тоби и полегча!

И що вже вона не робыла,
 До схидъ сонця въ лугъ ходыла,
 Якесь виляла все збырала,
 Та шепчучы прыкладала
 До хвоста тому бычкови:
 Добрый дѣготъ и бочковый,
 Прыкладала мяту, руту,—
 А винъ усе хвостомъ тымъ круте!

На базарь Панась пойхавъ.
Тилько що у городъ вѣйхавъ,—
Ажъ десяцькій переймае,
„Куда ѣдешъ ты?“ гукае.
—На базарь!—„Эхъ, дурналяцъ!“
Та й пиднявъ вже патерыцю,—
А бычокъ ёго по пыцу
Тимъ хвостомъ, мовъ вихтемъ: ляцъ!
Прычепився жъ до Панаса
Той москаль, мовъ-бы репьяхъ,

Або пьяныця до квасу,
Заразъ въ часть ёго потягъ!..
Ледве за рубъ лыха збучся!
Отъ, Панась въ село вернувся,
Взявъ совыру, якъ рубнувъ,—
Такъ хвоста и одитнувъ
По самисенькое тпруте!..
А винъ и тимъ цурпалкомъ круте!..

КОЛЫ БЪ СВИНИ ТА РОГЫ.

Немае у свити кращого добра,
Якъ е своя хатка, хоча бы й стара,
Тилько бъ дотепно була збудована,
Вшыта та верыта, мовъ бы гаптована!
Била хатыны крныця, левада,
А у хатыни дружина порада!..
То я вже й не знаю чого ще бракуе?
Одначе, не воженъ такъ якъ я мизкуе!

Отъ хочъ мій сусида,
Чумачокъ Трохымъ!..
Батькы ёго що-року,
По силъ ходылы въ Крымъ,
Прыдбала худобы
Повни оборы,
Видъ хлиба, видъ скарбывъ
Вгыналысь коморы!..
Що жъ, Трохымъ мій здуривъ,
Що й рады не дати:
„Зроблюсь, каже паномъ,
Збудую палаты,
Напну хракъ, пальчаткы,
Ботыкы на ногы!..
Воно ёму й прыстало,
Такъ якъ свини рогы!

Старшына нашъ, може
Чулы, Горобецъ!
Тамъ такыи товстыи,
Пыкатыи, мовъ купецъ,—

Якъ йивъ винъ борщъ *зз такомо*
Та юшку зъ водою,
Тоди бувъ, мовъ хортъ той,—
Пиджарый собою..
Першъ мы ёго знали
За Харькы, та й годи;
А теперъ, — гны вышче!
Воны; „благородьде!..
Прыйшовъ ты де нѣго,—
Заразъ вклоняйсь въ ногы..
Щобъ то выйшло, якъ бы дати
Такый свини рогы?..

Чы въ васъ е урядникъ,
Чы може нема?
А въ насъ е,—винъ зветця:
„Пидхвистокъ Хома!“
Винъ першъ по панахъ все
Лаузою бувъ,
Черезъ те жъ бачъ це прызвище
И урядъ здобувъ.
И теперъ надъ мырянами
Сылу винъ мае:
Зъ кожного знущаецця,
Кожного лае!..
У тихъ, що вмють мыскы лызати,
Велькая сыла!
Якъ бы имъ та дати рогы,—
Лыха бъ наробылы!..

Чы не расказаты
 Вамъ ще на останци,
 Якъ у насъ по селахъ
 Всяки обдыранци,
 Называють гроши,
 Якъ людей мордуютъ;
 Якъ на слёзахъ злыдняхъ
 Глытаи пануютъ!..

Чы вартъ, братци слова,
 Чы варте и праці?
 Скажуть: не йमितъ виры
 Брехливый собаки?
 Бо въ насъ въ сели усе гараздъ
 И все—слава Богу!
 А винъ бреше, бо самъ той звиръ,
 Що не мае рогивъ!..

М. Л. Кропивницькій.

**ПОВНИЙ
ЗБИРНИКЪ
ТВОРИВЪ**

Томъ II.

1. Глытай, або жъ павукъ. 2. Вій. 3. На руинахъ. 4. Передъ
волею. 5. Залеты соцького Мусія (письни въ лыцяхъ).

ХАРЬКОВЪ,
Паровая Типо-Литографія М. Я. Дрейшпуля, Рыбная улица, № 23.
1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Апрелья 1902 года.

О Г Л А В Ъ:

	Стран.
Глытай, або жъ павукъ	1
Вій	41
На руинахъ	83
Передъ волею	109
Залеты соцького Мусія (письни въ лыцяхъ).	171

Глытай абожъ Лавукъ.

Драма у 4 діяхъ и 5 одминахъ.

(Выправлена наново).

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ 3 февряля 1900 г. № 768.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Ёсыпъ Степановычъ Бычокъ, багатый чоловікъ, лить пидъ 60.

Мартынъ Хандоля, багатый селянынъ, лить 40, навписля злыдень.

Вустя, жинка Мартынова, лить 35.

Стеха, пидстаркувата молодыця.

Олена, їи дочка.

Андрій Кугутъ, чоловікъ Оленынь.

Хрыстя, дивчына, подруга Оленына.

Иванъ Павловычъ, заїзжый мищанынь.

Юдко, шынкаръ.

Збирщыкъ.

Киндрать, хлопецъ, наймытъ Бычкывъ.

1-й }
2-й } чоловікы.
3-й }

1-я }
2-я } молодыци.

Дивчынка, лить 8.

Хлопчыкъ, лить 4.

Грудне дытя.

Парубкы, дивчата и селяне.

Межь 1-ою и 2 дією проходытъ годъ и девять день; межъ 2-ою и 3-ю—
скилькы годынь; межъ 3-ю и 4-ою—трое день.

Діетця въ Херсонщыни.

Д і я І - а.

Вулиця на сели. У праворучь домохъ зъ деревлянымъ дахомъ и ганочкомъ, лворучь шынокъ зъ таблычкою: „роспывочно и на выносъ“, дали хаты, огороды, крыныци и т. и. Въ глыбыни витрякы:

Я в а І - а.

Бычокъ и Мартынь (*стоять била домка*).

Мартынь (*пидъ чаркою*).

Ёсыпе Степановчу! Слушайте сюды: я жъ кажу, не дае Юдко Мартынови на-бирь, не дае!.. Нетреба, Мартынь пытыме на готови... Ого-го, поздоровъ Боже Ёсыпа Степановча, то й гроши по всякъ часъ знайдутця.—Чы такъ?

Бычокъ.

А хто жъ, мылостывый государю мій, окримъ мене, усихъ вась рятуге и вызво-ля зъ усякои оказіи?

Мартынь.

Вы, спасыби вамъ. И багато людей по виць вамъ будутъ вдячни за вашу пры-хыльнисть... Хочь де-яки люде й кажутъ: „не вирь Ёсыпови, бо винъ тебе втопе“!..

Бычокъ.

Яки жъ то люде?

Мартынь.

Та хйба жъ кожного згадаешъ? Вже колы я вамъ кажу, що говорюють, то такъ воно и е.

Бычокъ.

Не люде то, а недолюдкы! Бачъ, вже

имъ жытте мое по Божому, та мое чесне повоженне зъ людмы завадыло гиришь болякы, черезъ те й пащекують.

Мартынь.

А такъ, такъ... За для того, мовлявъ, и языкъ у роти, щобъ винъ теленькавъ.

Бычокъ.

Ото, государю мій мылостывый, за-здрить тымы людмы орудуе и прымушуе ихъ лыхословыты на кожного чесного чо-ловика (*зитхае*). Я жъ кажу, що инчий, учувшы про себе таки речи, сказавъ-бы: „не вартъ писля цего робыты добре людянь, хай имъ врагъ“!.. Ось що инчий сказавъ бы.

Мартынь.

Ну, да, ну да!

Бычокъ.

А я цего никому не скажу; николы я не зверну зъ того шляху, на який напу-тивъ мене самъ Господь и якымъ нале-жить иты каждому богобоязному чоловіко-ви; я николы не перестану допомагаты кож-ному бидоласи, якъ и доперва допомагавъ, и кожного вызволятыму зъ оказіи й на-вчатыму на все, якъ найкраще...

Мартынь (*зитхае*).

Спасенна вы душа!

Бычокъ.

Нехай мене замисць дякы кленуть, нехай, навить, плюють мени межы очи, а я зъ свого шляху не зверну!..

Мартынь.

Спасенна вы душа!.. Ну, й голова жъ у вась!.. Не даромъ вже й старшына каже про вась: „у тій голови розуму, мовъ два клало, а третій топтавъ“!.. Слушайте сюды, що я вамъ казатому: нехай що хочуть базикають, а я плюю на те пашекуванне, ниhto мени не забъе бакы!.. А вже колы Мартынь плюе, то й вы плюйте!..

Бычокъ.

Не плюю, мылостывый государю мій! Бо я памъятаю, по всякъ часъ памъятаю, що Господь милосердный усихъ насъ судытме...

Мартынь.

Кажуть, що вы мене й горилку навчылы пыты... Це зновъ брехпя! Я самъ навчывся... Що я першъ не пывъ, такъ що жъ?... Не пывъ, бо не тямывъ, якый у горильци смакъ; а правда?

Бычокъ.

Ще бъ не правда!.. Горилка ласый напытокъ; а кримвъ того, винъ звеселя духъ и надае одвагы чоловикови и смилосты!..

Мартынь.

Ого-го, ще й якъ надае!.. Та я, якъ напыюсь, тоди беры у мене все, що хочъ беры, усе продамъ безъ торгу... Зразу руки перебывъ и шабашъ!.. Навить и самого себе продамъ! Одноче, прощавайте, куме, бо пасухо не стоить зъ вами розмовлять!.. (*Иде*).

Бычокъ.

Памъятай же, государю мій, що тепера ты выненъ мени вже пивтораста безъ двоухъ.

Мартынь.

Якъ? Ажъ пивтораста?! Ого-го!.. Э, ни, стрывай! Я заразъ переличу. Писля риздва я взявъ у васъ сорокъ? Ачъ, дума, що я не памъятаю!.. Такъ, сорокъ! Писля литнёго Мыколы—ще сорокъ?.. А що, ты думавъ, що я забуду?.. Ще сорокъ! Тепера—зновъ трынадыцять?.. Та й годи жъ?.. (*Бормоче, личуче на пальцяхъ*). Трынадыцять, сорокъ, та ще сорокъ, та ще й трынадыцять...

Бычокъ.

Ну, та прыклады ще процента?

Мартынь.

Процента? Онъ що! Такъ ты жъ такъ и кажы... Хиба якъ процента прыкладешъ, то воно нибы й такъ выходить... Ой, ни, не такъ!.. О тутъ, на проценти якась плутанына!.. Але й процентыкъ напухъ: пивтораста безъ двоухъ?.. Фю-фю-фю!.. Дерете вы, выбачайте у цимъ слови, якъ зъ ридного батька!..

Бычокъ.

Дивно мени слухаты таки речи, та ще й видъ кого? Здаеця, що ты и не дурень на свити, та й усе село тебе мае за чоловика зъ не-абы якою головою!.. Розсуды жъ, будь ласка, тилькы не полинуйся, а розсуды гарненько, що процентъ на гроши, усе одно, що прыплидъ, або жъ урожай!..

Мартынь.

Та воно, якъ по совисты, то правда. Але жъ, зъ одного боку воно показуе такъ, а зъ другого инче облычче!.. Бачте, якъ

по совисты, такъ у грошахъ не бува: ни падижу, ни неврожая, а усе тилькы прыплидъ!.. Не даромъ въ писни про грошовытого спиваетця, що, каже: „не потіе, не хворіе, карбованьци личе, та всімъ дули тыче“!

Бычокъ.

„Дули тыче“? Може инчий и тыче, тилькы не я. А ты спытай мене: скільки моихъ грошей пропада на людяхъ; мало я ихъ роздавъ на вичне отдавне?.. Правда, що кожонъ зна, якъ ось и ты, що у мене тако вже чудне серце, що якъ тилькы уздрю убогого, то навить готовъ и сорочку останню зъ себе здйняты, та ему виддаты... Оця то позыка на вичне отдавне и е той падижъ, та неврожай!..

Мартынъ.

Ачъ, якъ ловко вымадыкувавъ!.. И я жъ кажу, що воно трохи нобы й на правду скидаецця, але жъ...

Бычокъ.

Ну, ты вже почавъ щось такє плескать, що й купы не держытця!..

Мартынъ (*цмока губамы*).

Ов-ва! Поньмаете!.. Яки бо вы палки, куме, вже й розгнивались?.. Гей, кумцю, кумцю!..

Бычокъ.

Ну, ну, личы вже швидчъ, скільки по твоему ты мени выненъ, бо мени никола тутъ зъ тобою.

Мартынъ.

Не пеклуйтєся, це вже турбація не вашои парахвін, отъ що! Вы соби ду-

маете: „кумъ мій теперь пьяный, а до того ще й дурный, ажъ крутытця, то й не потрапе поличыты“? Ов-ва!.. Не велька сумà, личылы мы й не таки копыталы!.. (*Бормоче*) Сорокъ та ще сорокъ!.. (*Бъе себе по лобови*). Ось тутъ у мене цила кыга! А ще й до того, дякуючы вамъ, трохи грамотный, хочъ мало дрюкованый!.. Э, куме, не знаете вы цїен головы, вона у мене надъ уш кыжкы въ свити!.. (*Зновъ бормоче*). Сорокъ, та ще сорокъ, та ще й тынадыцять!.. Теперь процента... Сюды онъ скількы, а туды стількы.. Та визьмы зновъ прыплидъ, та врожай... Ежелы... Полагаецця, щобъ по совисты... (*Дывытця у гору и бормоче*). Такъ! До копійкы, до денежкы такъ!.. А скількы жъ пакъ?

Бычокъ.

Сказавъ же, що пивтораста безъ двоухъ.

Мартынъ (*сміетця*).

Такъ и въ мене якъ разъ выходытъ! Ну, скажи на мылость Божу: именно пивтораста безъ двоухъ,—якъ чорне на билому!.. Заплатымо! Ого-го!.. Мартына ще й у ты тысячы не вберешъ!.. Слава Господєви, е волыкы, е й коровьята и овечата и хлиба мало не повенъ тикъ!.. О, та й допечу жъ я бисовому Юдкови! Вже не дає мени набиръ!.. Не даешъ, матери твой зъ хвостомъ! Осьдечкы гроши, пытыму на готови!.. А скажыть, кумцю любезный, чы то вже ваши штукуы?

Бычокъ.

Яки ще тамъ штукуы?

Мартынъ.

Щобъ Юдко не дававъ мени набиръ?

Бычокъ.

Бо-зна, що вы выгадуєте!.. Слухай,

куме, якъ пакъ по батюшци тебе вельчаты, все забуваю?

Мартынъ (*зитахнувъ*):

Забуваєте? Г-мъ, дивно!.. Не вельчайте мене ни якъ, то краще буде! Ой, бачу я, що вже вамъ Мартынъ обрыдъ, та остогыдъ? Плювать мени за це на васъ. Ось що! Пропью оци гроши и шабашъ!.. Аминь!.. Бигатымете зновъ за Мартыномъ, якъ чортъ за гришною душею!.. А чы давно мене мало въ руки не цилували и Радывоновычомъ вельчали, а це вже й забулы? Ловко!..

Бычокъ (*ласкаво*).

Та що на васъ, куме, сегодня напало?

Мартынъ (*видвертається*).

Не говори до мене а ни же, а ни слова!..

Бычокъ.

Вже й пошуткувати зъ вами не можна? Слухайте, куме, Радывоновычу, государю мій?

Мартынъ (*сердыто*).

Ну?

Бычокъ.

Повернить бо ваше лыце до мене.

Мартынъ (*повертається и вже каже мняхче*).

Ну?

Бычокъ.

Визьмить, будь ласка, ще два карбованця, та й нехай вже полови волы будутъ мои? Берить, добру цину даю!

Мартынъ.

Вы це зновъ якои-жъ? Тіен, що вчора й позавчора? Ось же слухайте сюды. Васъ ще никто сегодня у вичи не лаявъ, никто? Отъ же я, якъ не побоюсь гриха, хочъ вы мени й кумъ, а вылаю!.. Що бъ я половыхъ воливъ продавъ за пивтора-ста? Вы знаете, яки ти волы: зо дна моря вынесуть!.. (*Иде до шынку*). Гей, збырайсь голога, Мартынъ гуляю! (*Спива*).

Дай горилкы, жыде Юдко,
Ты жъ, музыко, заграй хутко,
Я музыци поклонюся,
Бо вже дали не попхнуся!..

(*Крычить*) Гей, Юдку! становы видро горилкы!.. Становы два заразомъ, матери твой зъ хвостомъ!.. Ого-го, у Мартына ще буде на що пыты; ще буде та й буде. (*Пишовъ у шынокъ*).

Бычокъ (*гука въ подвирье*).

Гей, хлопче, Киндрате! Чы ты тамъ на подвирьи?

Я в а 2 - а.

Киндратъ и Бычокъ.

Бычокъ.

Чого ты такъ лизешъ, веначе тры дни не ивъ?

Киндратъ.

Бо такы кримъ глевкого хлиба ничого не ивъ.

Бычокъ.

А що я тебе пундыкамы годуватому, чы ласощама?

Киндратъ.

Такий хлибъ, що й собака подавытця!..

Бычокъ.

Не базикай! Пиды заразъ на село, та поклычъ мерщій до шынку Панаса Горбатого, та Свырыда Куцого, скажы имъ, що Мартынъ гуля и ихъ запрошуе на могорычъ, чуешъ?.. Пиды, пиды ху-тенько, а я вже дамъ тоби бублыка.

Киндратъ.

Эге, скільки вже разивъ казали: „дамъ бублыка“, та й ни разу не дали!

Бычокъ.

А брешешъ, хлопчысько! А якъ ты говивъ, не давъ я тоби ажъ два бублыка?

Киндратъ.

Эге-ге! То колы жъ ще було?

Бычокъ.

Ну, сегодня вже дамъ, тилькы зби-гай мерщій... (*Киндратъ побигъ*) Щось сегодня Олена и ни разу по воду не ходыла. Чы не занедужала? Може про-гавывъ я ии?. Тилькы жъ, лыбонь, дывывся я въ обыдва ока... И дивкою муляла Олена мени очи, а якъ выйшла замижъ, то не мовъ рукамы вхопыла мене за сер-це... Тилькы про неи одну и думаю!.. Охъ, якъ сердце стрепенулось!.. (*Дывытия*). Ни, це зовсимъ не вона.

Я в а 3 - а.

Бычокъ и Вустя.

Вустя.

Це вы зновъ позычылы Мартынови гроши?

Бычокъ.

А хiba у мене звиряче сердце?.. Чо-ловикъ просыть, то я й мушу зарятуваты!

Вустя.

Добрый порятунокъ! И це жъ вамъ не грихъ спюваты чоловика, та ще й кума?

Бычокъ.

Хочъ ты, государыне моя, и кума мени, а якъ все село мае тебе за люди-ну зъ щербатымъ розумомъ, то й у мене нема охоты розмовляты зъ прышелеповато-ю. (*Хоче йты въ домокъ*).

Вустя.

Вже я й прышелеповата?.. А чы дав-но була: „и кумушка и голубочка“?.. Кто жъ мене й ославывъ прыдурковатою, якъ не вы?

Бычокъ.

Верны вже все лыхо на мене!..

Вустя.

А була бъ певно розумною, якъ бы звирылась на ваше лебезуванне?.. Якъ пидсыпалысь до мене та горнулысь, то белькоталы: що я й красуня, що й сердце ваше запалыла,—тоди я тежъ була пры-шелеповатою?..

Бычокъ.

Я щось не збагну, про що ты вер-зешъ?..

Вустя.

Верзу?.. Треба бъ було тоди, якъ вы вскочылы за мною у комору, та почалы чортъ-зна що плесты, гукнуты на чолови-ка, та пры нёму надаваты ляпасивъ, щобъ ажъ морда спухла, о тоди бъ не звелы-чалы мене прыдурковатою.

Бычокъ.

Ничого я такого не памятаю...

Вустя.

Стыда у вась нема!.. Колю бь не соромь, гукнула бь на все село: гляньте, люде добри, на оцего спаселныка!.. Тьфу, мерзото!.. (*Пшла въ шынокъ*).

Бычокь.

Ачь, яка!.. Тыхоня-тыхоня, а якь прыдывыся, такь въ ній цила купа чортивь!.. (*Оглядаеця*). Гараздь, що вона не пащекувата, а друга славыла бь... А полови волю Мартынови добри, заплющывшы очи сто висимдесять дадуть... Хиба накынуты рубливь зь пьять?.. Мабуть прыйдетця, докы Мартынъ до розуму не дйшовь...

Я в а 4 - а.

Стеха и Бычокь.

Стеха (*йдучы вулицею голосить*).

Охь, матинко, цинують, цинують! Одна-однымь коривка зостанетця!.. Чымь же я содержуватому дитвору дрибеньку?..

Бычокь (*прислухаеця*).

Хто це? Оленкина маты!.. (*Иде йй на зустріч*). Государыне моя, чоге це ты такь голосышь? Що тамь, за прытычына трапылась?.. Соромь тоби, государыне моя, такь бидкатысь!.. Чы не я жь колысь пеклувався обь тоби, чы не я жь що разу вызволявь тебе зь усякои окази?.. Правда, що я теперь вже не вхожий до твоєї господы, вже бильшь року не знаю, якь и двери видчиняютця въ твой хати, то й не знаю, якь тамь и що... Бо зять твій ставь щось до мене не такымь, якь першь... (*Зитхае*). Богь зь нымь! Бувь я вамь, якь ридный, а теперь гиршь чужого. Охо-хо-хо!.. И скортило жь твой дочци йты за молодого,

оть теперь и бидкайся!.. (*Оглянувся и тыхо балака*). А казавь тоби скилькы разивь казавь: виддай мени свою Оленку, нехай у мене хазаякою буде, господаынею, бачь, не послухала?

Стеха.

И що жь бы-то я була за маты, щобь пхала свою дытynu на поталу, та на поковоль людымь, на глумь усему хрещеному мирови?

Бычокь.

Охь, государыне моя, не то шлюбь, що пипь звинча, а то, що Богь благословить!..

Стеха.

Щобь я свою дытynu та сама ще й на грихь пидвела? Бороны Боже!

Бычокь.

Все те дурныця, що ты говорышь! Хиба мало людей живе такь... А прыдывысь, якь вони живуть, далеко краще, нижь винчани: вси шанують ихь, вси почитують...

Стеха.

Дуже?.. Зазнала и я тиен пошанобы та почитування, зазнала такь, що й досы вадыть!.. Докы до любовы, доты и въ шаноби; а якь остогыдїе, тоди йды, голубко, куды очи дывлятця, та ховайся зь своимь соромомь видь людей! Люде, добродїю, ворогы! Прывитають такымь прывыщемь, що й по вיקь его не збудеся!.. (*Оглянулась*). Я жь вамь розказувала, що якь ще я була дивкою... Довелося мени дизнаты почитування!.. Иноди доходило до того, що хочь визьмы та вкоротай соби вику, або йды за першого ледащыцю, чы пьянюгу, щобь

маты хотъ яку небудь заступу!.. Й му-
сыла питы за чортъ-зна кого, мовъ въ
воду шубовстнула. И вже що довелось
терпеты на одыньци видъ чоловіка, про
те знали боки, та печинкы, за те пры
людяхъ була замижнею и хазяйкою...
Хвалыты Бога, якъ не якъ, а пережы-
ла те лыхо, бодай воно на мени и око-
шылось...

Бычокъ.

Плювать на те пащекуванне!

Стеха.

Звисно: вамъ плювать, а намъ вид-
бувать!..

Бычокъ.

Мало чого люде не плещуть языкомъ,
сказано: „языкъ безъ кистокъ“.

Стеха (*почына зновъ хлытатъ*).

Ой, хтожъ мене порадыть, хтожъ ме-
не порятуе въ мой тяжкый прыгодоньци?..

Бычокъ.

И е кому порятуваты, е! Слухай, стара.
Щобъ ты вже запевне знала мою доб-
ристь и мою прыхыльнисть до чужого го-
ря, и щобъ твій и зять упевнився, що
я завжды радый допомогаты у нужди, то
мушу и на цей разъ порятуваты тебе...
Напередъ кажу, що запевне знаю, що
може ты цихъ грошей вже й по вискъ ме-
ни не виддасы, але, якъ той казавъ: де
уже наше не пропадало?.. (*Усмихаєт-
ця*). Ты думаешъ, що я не чувъ, якъ
ты вже не разъ лыхословыла мене пе-
редъ людмы и скаржылась на мене?..
Чувъ, бо въ мене скрызъ е вуха. И не
соромъ тоби?..

Стеха.

Та це жъ якыйсь ворогъ таке спливъ!

Бычокъ.

Нехай и ворогъ... Такъ допомогты,
га? Мушу и на цей разъ вызволыты те-
бе зъ оказіи, мушу... И вже не за для
тебе це роблю, а шукаючы души свой
спасенія... За для Бога це роблю!..

Стеха (*хапа его руки и цилуе*).

Охъ, батечку жъ мій, я вже й не
знатому, якъ за васъ Бога молыты!

Бычокъ.

Отъ за ци словеса вельке тоби спа-
сыби! Молысь за гришну мою душу, чес-
ная вдово!.. Охъ, гришни мы, гришни!..
Ходимо до горныци, я дамъ тоби гро-
шеняты!.. (*Пшлы*).

Я в а 5 - а.

Олена.

Олена (*выходе зъ-за лаштункивъ
збентежена*).

Куды жъ це маты пишы? (*Гука*). Мамо,
мамо!.. Певно до глытая пишы!.. Уже збир-
щыкы поцинувалы тельцю, ось-ось и до скры-
ни доберутця, лыбонь и одежу хочуть цину-
ваты... (*Задумуєтця*) Чы давно жъ бу-
ла тая годынька, що тилькы и думокъ
мени було, щобъ побачыты мылого, почу-
ты его люблю розмову, прыгорнутысь до
его серця!.. А вже воно ныбы у снi мени
ввыжаетця; вже мій рай пахучый зарос-
тае терномъ колючымъ; вже безпечне, та
свитле щастя, мовъ пташечкою пролыну-
ло, мовъ вихремъ пронеслося... Тилькы
иноди ныбы ще замыготыть передъ очыма
весела згадка про те щастя и пиддуре
на мить хворе сердце, а черезъ хвыльну
зновъ у душу заповза сумна думка и за-
квитчует ин отрутою-зиллемъ! Не всыпуче
що-денне бидуванне зъятрюєтця въ души
незгоенною болячкою и прыдавлює ин, мовъ

скыбою важкою. Тяжко жыты у свити зъ шырымъ коханнемъ! На що биднымъ людямъ въ грудяхъ чуле серце? Чы не лехче бь було жыты безъ почуття, бидкатысь съ холоднымъ серцемъ?.. (*Закрываетъ рукою очи*).

Я в а 6 - а.

Бычокъ, Стеха и Олена.

Стеха (*вже пидъ чаркою на порози*).

Воно правда, добродію, що краще, якъ хата добре вкрыта, а свята гарно зшыта!.. Ну, та вже колы хвортуна плаче!..

Бычокъ (*побачывъ Олену*).

Здоровенька була, Олено Юхымовно! (*Сміється*) Загордувала, що вже и не витаеця зо мною?

Олена.

Чому жь и не привитатысь? (*Кланяеця*). Та й чымъ бы то я мала гордувати? Мамо, идить мерщій до дому, бо тамъ вже й до скрыни добираютця.

Стеха.

А дули имъ зъ макомъ!.. Осьдечкы гроши. (*Показуе гроши*). И тельчка первисточка буде у хливци и одежынка въ скрынци. Зась имъ та дули зъ макомъ! Охъ, дытно моя люба, дытно моя панявочко, краще бь мени було бачыты тебе за нелюбомъ у роскоши та въ добри, нижь за мылымъ та въ нужди. Прощайте, Ёсыпе Степановичу! Пошлы Вамъ Господы щастя й вику и куды тилькы думка ваша сягне, щобъ усе такъ сталося, якъ забажаеця. (*Пшла*).

Я в а 7 - а.

Бычокъ и Олена.

Бычокъ.

Але ты ще краща стала, якъ дивкою була!

Олена.

То нехай воно пры мени и зостанеця.

Бычокъ.

Чого жь ты такъ зкоса на мене поглядаешъ, мовь бы ягвятко на вовка? (*Усмихаеця*). Хиба у мене такый страшный поглядъ?

Олена.

Ни, поглядъ у васъ лысычий, та вовча думка.

Бычокъ.

Ай-ай-ай! а рученята яки стали чорни?

Олена.

Онъ у васъ и били руки, а душа...

Бычокъ.

Жыве тобою, тобою дыше!..

Олена.

Чы вамъ же прыстало балакаты про коханне? Видъ васъ вже землю смердыть!

Бычокъ (*сміється*).

Не сердься, моя квиточко! (*Хоче ии обняты*). Золото не молодычка!

Олена.

Ну-ну, рукамъ воли не давайте! Ачь яки! передъ людмы вдаете зъ себе святого та божого, а на одыньци—бисови ридня!..

Бычокъ.

Нащо жь Господь и дае красу, якъ не на те, щобъ на неи задывлялысь?

ОЛЕНА.

Та хочъ бы й такъ, то не вамъ вже про коханне казаты!

Бычокъ.

Чому-жъ то такъ?.. А я все такы кажу, що люблю тебе, якъ дочку, якъ...

ОЛЕНА.

Знаю я васъ!

Бычокъ (*зитахнувъ*).

Ты все жъ такы не ймешъ мени виры, що я добрый чоловикъ?

ОЛЕНА.

Добрый!.. Якъ спыте, то істы не просыте!

Бычокъ.

Усе шуткуешъ та жартуешъ? И дай Боже, мовлявъ, шуткуваты, абы не сумуваты... (*Зитхает*). Боже мылый! Уснмъ людямъ я любязный, тилькы тоби, моя горлычко, моя квиточко... Чогожъ зновъ шпыгаешъ мене гострымъ поглядомъ? Вирь-не вирь мени, а я скажу напрямкы, що одынь твй ласкавый поглядъ и панъ я надъ панама!..

Я в а 8-а.

Ти жъ и Мартынъ.

Мартынъ (*пиджавшысь до Бычка*).

Ёсыпе Степановичу, кумцю любезный, я на тебе десять разивъ ласкаво гляну, тилькы позычь мени ще на видро горилкы? (*Олена пишла*).

Бычокъ (*зъ серцемъ*).

Чортяка тебе пиднесла!

МАРТЫНЪ.

Не гнивайтесь! А гарна молодычка, га? А маты ии ще краща була,—на все село, та й на вкругы не було кращой дивкы... Та панычъ звивъ съ ума. Бувъ тутъ такой панычъ... Эхъ, кумцю, кумцю, бодай васъ курка вбрыкнула! Давай пять рубливъ, та й беры полови,—хочешъ?

Бычокъ.

Охъ, переплатю льбонь трохы, але нехай вже. (*Бѣе по руци*). Пиды жъ до волосты та напышы роспыску.

МАРТЫНЪ.

Що? Куды? До волосты?.. Ов-ва!.. Стало быть нема вже Мартынови виры, нема? Такъ отъ же зъ мисця не зворухнуса, не похнуса!.. Давай, кажу, пять рубливъ? Не даешъ? (*Крычить*). Юдко, гей! Беры чемерку, беры шапку, беры чоботы!.. Гей, збирайся, голота, Мартынъ гуляе! (*Сизъ доли и розбувається*). Ого-го, у Мартына ще буде на що пыты, ще буде та й буде! Юдко, беры сорочку, беры чоботы, беры!..

Бычокъ.

Та вгамуйся, не репетуй. Ходимъ у господу, тамъ и гроши дамъ.

МАРТЫНЪ.

Ни въ тынь, ни въ ворота, сударыне криворота! Гей, куме, памьятай прыказку: „коваль клепле, докы тепле“!.. Гляды, щобъ я не прохолонувъ!

Бычокъ.

А завтра на яки похмылытесь?

МАРТЫНЪ.

Оце вже не твое дило, та й не попове,—отъ що! Слушайте, голубе сызый, кумцю любезный: не будьте вы свынею,

колы васъ вельчаютъ, не будьте тымъ,
що моркву рые!.. (Стива).

Ой, пье Байда
Медь, горилочку,
Та не день, не два,
Та не годиночку.

Давай пять рублѣй, бо якъ розсер-
дуюсь не продамъ половыхъ. Гей, Юдко!
Иды сюды. Беры чоботы, беры штаны,
беры сорочку. (Зъ шынку выбига жьидъ).

Бычокъ (выйма гроши).

Та на вже, що зъ тобою подієшь?

МАРТЫНЪ.

О тутъ поклады, била мене!

Бычокъ.

Чы годытця жъ хазяиновн отакъ по-
середь вулицы валятысь?..

МАРТЫНЪ.

Не чхай мени въ нисъ, нехай тоби
бись! Сидай и ты рядомъ. Не хочешъ?
Ого-го! Дуже закопылывъ губу!

Юдко.

Мартинъ Радивоновичъ, такъ не бла-
городно.

МАРТЫНЪ.

Що? Що ты тамъ гарчышь? На гро-
ши! Стій же тутъ, докы я доспиваю.
(Стива).

Прыйшовъ до него
Царь турецькый:
„Що ты робышь, Байдо,
„Байдо молодецькый“?
„Визьмить Байду
„Извьязките,
„Та за ребро гакомъ,
„Гакомъ зачепите“!

Тамъ винъ и досы высить, сердега!
(Зитхае). Юдку, пидведы мене! (Жьидъ
пидводе). Ты може думаєшь, що я пьяный?

Юдко.

Сохрани мене Богъ, ни въ какую
слючаю!

МАРТЫНЪ.

Веды мене пидъ пахвы, непаче манзелю!..
(Жьидъ взявъ его пидъ руки). Гей,
збирайсь, голото, Мартынъ гуляе!.. Про-
пывъ волы полови, пропывъ?..

Юдко.

Дай Богъ, дай Богъ!

МАРТЫНЪ.

Почнемо зъ рябыхъ!.. Ого-го, у Мар-
тына ще буде за що пыты, ще буде тай
буде!.. Юдку, дай я тебе поцилую!.. (Ци-
луетця).

Юдко (у бикъ).

Прыходытця зъ свынею цилуватысь,
фе!... Треба хамули потуряты.

МАРТЫНЪ (штовха жьида въ шыю).

Видченая. бисивъ капцане, дверн! (Пи-
шовъ зъ жьидомъ въ шынокъ).

Бычокъ (одынъ).

Почынай, Мартыне, зъ рябыхъ, а ме-
ни й на руку ковинька: будутъ и ряби
моимы! Треба буде на всякый случай на
волы векселя заготовыты, щобъ пидпы-
савъ Мартынъ, то воно спокійнищъ бу-
де. (Сида на ганокъ и зитхае).
Охъ, засила мени Олена и въ голову
и въ сердце, якъ той цвяхъ засила!..
Та невже жъ вона и завжде такъ бу-
де зо мною? Чы я ий такый гьдкый,
чы осоружный?... Та друга бъ зъ ра-
дистю пишла бъ на даровый хлибъ та на
гарну одежу!.. Треба буде подарувать ий
срибни сережки та ще й позолочувани...
Хиба подаруваты заразомъ и хустку на
голову? (Задумався). Чы не можна бъ
якъ небудь Андрия спровадыты зъ села

куды небудь у наймы? Або чы не звернуты на него провину, що винъ весною укравъ у мене коняку? Поки выправитця, то все такы мисяцивъ зо два подержуть въ острожи... Свидкивъ можна буде пидкупыты... Безъ Андрія я певнищъ оборудувавъ бы свое дило... Отъ такъ и почуваю, нибы голосно щось у серцеви промовля: Олена, Оленка, Оленочка!... Ажъ у очахъ туманіе!.. Прямо: навожденные!

Я в а 10-а.

Иванъ Павловичъ и Андрій Кугуть.

Ив. Павловичъ.

А, слихомъ слыхать, Ёсыпа Степановича у вечи выдать!

Бычокъ (*у бикъ*).

Отъ чортяка тебе прынесла! Ще чаю, або кохвию попросыть... А мени зъ тебе корысты, якъ зъ быка молока. (*До него*) Якъмъ це васъ витромъ до насъ занесло?

Ив. Павловичъ (*чоломкаетця*).

Дилâ, дилâ! Ажъ голова трищыть одъ етихъ самыхъ диловъ, которы... Тутъ чалавечка хочу по ликумендарціи найняты, та отъ ни якъ до совокупности не провзойдемъ!

Бычокъ

Якого чоловичка? (*Побачывъ Андрія*). Чы не Андрія?

Ив. Павловичъ.

Да! Вотъ этого самага, который издесъ состоитъ на лице.

Бычокъ (*зъ крикомъ*).

Андрія?

Андрій.

Та мене жъ!

Бычокъ (*у бикъ*).

Поможы Боже! Ще краще безъ гриха. (*До Ивана Павловича*). То чого жъ тутъ?.. Мылосты прюсю до господы.

Ив. Павловичъ.

Значыть, даю я ему на годъ висимдесять? А работа яка: наглядать за хазяйствомъ и всякою, значытця, процендурую, —значыть, будемъ такъ говорить: якъ за прыкащыка беру.

Бычокъ.

Та вамъ кращого робитныка якъ Андрій не знайти. И честна людына, така вже честна!... Уже кого, кого, а Андрія и я посовитую и прямо поручусь вамъ за него!..

Ив. Павловичъ.

Чувъ, чувъ одъ людей! Слихавъ, слихавъ!... Звисно, я не стану копыталь жбурлять такъ, за рады Бога, бо то трудове. А, значыть, посовитувався тутъ зъ де-якымы хазяинамы, ну и... А мени такого чалавечка и треба, щобъ винъ не лежонъ бувъ и у хазяйстви за всякимъ сословіемъ, щобъ було якъ свое око! (*До Андрія*). Одначе спытай хочъ и Ёсыпа Степановича, чы дасть тоби теперь хто бильшу пину?

Бычокъ.

А якъ цина?

Андрій.

Тутъ не про цину ричь!

Ив. Павловичъ.

А будешъ вирно служыты и всяки дила провзводить, такъ я й прыбавлю какой рубъ чы й болшь тово...

Андрій.

Що говорыть? Цина гарна, у насъ

такихъ цинъ и не чутъ... Одна беда, що далека сторона!

Ив. Павловичъ.

Якажъ то далека сторона, що будемъ такъ говорити, и двохсотъ верстовъ не буде?

Андрій.

А хита то близько?

Бычокъ (*хихика*).

Ой, далека жъ, далека сторона, ажъ на кинци свита!.. Звидцы не выдко... (*До Ив. Павловича*). Вы жъ тильки розмиркуйте: одне, що далека сторона, а друге, що тутъ зостанетця жинка молода, такъ страшно покидаты, щобъ иноди на самоги не знайшла соби забавкы!..

Андрій (*блеснувъ очыма*).

Ёсыпе Степановичу! Моя жинка, то мій и соромъ буде, а вамъ до цего дила зась!

Бычокъ (*у бикъ*).

Ого, який баский! (*До него*). Гарачый якъ у горни зализо!

Ив. Павловичъ.

Запорожська кровь! Люблю такихъ маладцевъ! Гарачый чалавекъ, будемъ такъ говорити, до всякого дила гарачый!..

Бычокъ.

А я тоби, Андрію, мушу вже по приятельски сказаты, тильки ты, голубчыку, не гнивайся на мене. Колы-бъ ты швыдче найнявся то, може й мени швыдче виддавъ бы позыку?

Андрій (*червоніючи*).

Ёсыпе Степановичу! Не прыстало путаты чужого чоловика у наши зъ мамы рахункы!.. Дуже вже часто стали вы дорикаты мене тією позыкою!

Бычокъ.

Господь зъ тобою! Якъ вже я тебе дорикаю, той не знаю! По Божому зъ тобою обихожуся. Хочъ по правди кажучы, ты, голубе сызый, нибы й честы вже не знаешъ... Ще торикъ належало виддаты.

Андрій (*заскреготивъ зубамы*).

Годи, Ёсыпе Степановичу! Не знаю хто зъ насъ честы не зна! Вы-бъ краще розказалы, якъ та позыка складалась?

Бычокъ.

Ачь, ачь!.. Отъ и роботы добро людямъ!..

Андрій.

Ну, та що вже тутъ!.. Засунувъ шыю въ ярмо, то треба везты! Я іду, я согласень!..

Ив. Павловичъ.

Хвалю! Значыть, маладець! Щобъ уся ета процендура зразу: іду, або не іду! Маладець, одно слово, маладець!

Бычокъ.

Отъ и слава Богу! Ходимъ же до мене у господа и тамъ вже побалакаете соби любенько.

Ив. Павловичъ.

И документально. Документальность первое дело.

Андрій.

Можна й тутъ балакаты! Я не крадене продаю, а свій питъ, свою кривавыцю!..

Ив. Павловичъ.

О, ни! У хати якось благороднещъ... Та вже воно й смеркае.

Андрій.

Про мене, ходимъ хочъ и въ хату.

Бычокъ (до *Ив. Павловича*).

Мылосты жъ просю хлеба-солы одкушаты и чаю-сахару одпыты.

Ив. Павловичъ.

Благодать вашему дому!

Бычокъ (*бере Андрія за плече*).

Отъ ты все ныбы сердыся на мене, а я, ей Богу, тоби добра бажаю.

Андрій (*зитахнувъ*).

Бачу, бачу добре, та не вмю до ладу подякуваты. (*тишы въ домохъ*).

Я в а 11 - а.

Мартынъ (*на порози шынку*).

Гей, Ёсыпе! Беры полови волы, тилькы дай мени ще тры цилковыхъ. Юдко каже, що я вже допывсь до завязкы, що вже бильшь не выпью!... Хто, я не выпью? Та я однимъ духомъ выпью цилу кварту!... Я видро ще выпью, цилу бочку!... Юдко мене не зна хто я?... Мене ништо не зна!... Я тилькы самъ знаю, хто я? Я старшына, я староста, я соцькый!... Я все!... Я становый, ей ей, я становый!... Га? Де становый? А що мени становый!... Я его не боюсь!... нехай идетъ сюды!... Я, я никого не боюсь!... Що ты мене штовхаешъ? Какое ты моишь польное пряво штовхатъ мене? Одійды, а то усю морду розчавчу!... Ахъ, ты-жь!... (*Замохнувся и спавъ*).

Я в а 12 - а.

Андрій и Иванъ Павловичъ.

Ив. Павловичъ.

Такъ стало, будемъ такъ говорыть, завтра и въ дорогу.

Андрій.

Я своимъ словомъ не торгую и набирь его не даю!

Ив. Павловичъ.

Маладець, гаворыть, якъ по писаному! Такъ у ранци сходимо до волосты и всю тамъ механыку, на счетъ условія... Щобъ, значыть, будемъ такъ говорыть, ни якого продолжительного хвакта, ни якои процедуры... А що, писарь вашъ любыть прыношепія?

Андрій.

А де жъ ты писари, котри цего не люблять?

Ив. Павловичъ (*розвивъ руками*).

Що ты вдіешъ? Здырство, одно слово, грабижь! Нема чести, у яму честь закопалы!... (*вернувся въ домохъ*).

Андрій (*самъ*).

Важко буты вольнымъ и не маты воли, страчуваты сылы на чужу корысть: чужу ныву обробляты, а свою занедбаты. А ще тяжче не знаты просвитлой годыны и не бачыты краю гиркій праці!... Побыла вже лыха годына, якъ чужа ныва, та позыченный серп!... И не вже такъ и гнутысь до вику? Ни, ще на вкругы мене засяе юсно сонечко, ще доля усмихнетьця! Одинъ рикъ попрацюваты до втомы, до знесылення и лыхо одлыне!.. Допикъ ты мене, Ёсыпе Степановичу, твоею ласкою: „позыку, каже, знаетъ, а на виддачу не дбаешъ“. Я не дбаю, я не працюю? Грудына та спына про те знае та оци кистляви руки въ пухыряхъ! Добрый ты чоловікъ, Ёсыпе, тилькы не впадай тоби въ руки, живцемъ облупышь? Ты допомагавъ мени и радывъ, спасыби, тоби, докы не скрутывъ мене, мовъ палыгачемъ, твоею позыкою? И заразъ мене порадывъ, тилькы що ця твоя порада гиршъ нижъ зрада: вырвавъ ты у мене слово твоимъ дориканнемъ, я зъ гарячу давъ его и теперъ вже ни за що не зламаю! Луче бъ ты мене ножемъ поренувъ, та не корывъ

гадыно, твоими гришмы! вытягъ ты зъ мене жылы, щасте мое надломавъ, сердце мовъ кровью обльвъ!... Слизъ ще не выпывъ моихъ, багато ще ихъ зосталось!.. (*Вытира очи рукавомъ*)... Соромъ, плакаты козакови! А Олена? Що зъ нею буде, якъ довидаецця про неминучу тяжку розлуку? Охъ, та не можу жъ я дати терпѣти, гнутысь и вклонятысь передъ тымъ, котрый моимъ же саломъ, та по мой шкури маже, котрый корыстуетця моею кривавыцею и за мою гирку працю мене жъ зноважа!... Скрепысь сердце, высохнѣти очи!...

Олена (*выходе*).

Ты тутъ, Андрію?

Андрій (*здрогнувъ*).

Олена?!

Олена.

Чого ты такой? У тебе слёзы на очахъ!... Може що лыхе вчынылось?

Андрій.

Я... я наваясь въ одъїздъ, на рикъ!...

Олена.

Въ одъїздъ, безъ мене?.. Охъ, сердце, сердце!... О, дайте жъ мени отруты-зилья!... Мылый покидае! Рвысь сердце, зъ грудей, туманься розуме, пожежою палайте мрін!... Пропаца я, пропаца!.. (*Зомлилая пада Андрієви на руки*).

Андрій (*зъ крыкомъ*).

Оленко, що зъ тобою? Зомлила!... рученькы похолонулы... Не бьетця сердце!... Олесю!... Олесю!... Боже, Боже!... Олесю, промовъ жо хочъ словечко!... Зиронько моя, не зворушуй моєи одвагы!... Олесю, я слово зломаю, чуешь?.. (*Рыдае*). Од-

крыла оченята?.. Чого жъ, серденько, такъ пыльно дывыся на мене?... Ни, я не можу розризнытысь зъ тобою, нехай умру у ярми, пропаду у кормызи, а тебе я не покыну!

Олена (*довго дывытця на него, дали ледве промовля*).

Стрывай, стрывай!... На рикъ? Тилькы на рикъ?... А тамъ зновъ будемо у купи, зновъ щастя, зновъ рай!... Дывысь, дывысь мени, въ вичи: прямо, любо, весело, щасливо, дывысь!.. Охъ, якъ я тебе кохаю! Помру безъ тебе! (*Тыхо плаче*).

Андрій.

Не кажи, не кажи такъ!...

Олена.

Завьяне сердце и оченькы погаснуть!... Стрывай, подумаю, я подумаю... (*Помовчала*). Ничего не зрозумію!.. Безъ тебе зостатысь? Дай сюды руку, до сердца, такъ!... Ідь, ідь, мій соколе, мій свите, моя думко!... Охъ, вяну жъ я, вяну, якъ квиточка на вогни!... Ідь, ідь мылый!... Швыдче ідь! Серцемъ тебе благословляю! (*Одійма его руку видъ сердца*). Прощай!

Андрій.

Боже мылый! Одынъ Ты бачышь мое сердце, переповнено кривавыхъ слизъ!.. Усе я тутъ покидаю: сердце, душу, думкы, надіи и таланъ!... Теперъ я биднищъ видъ старця! Зглянься жъ надо мною бидолашнымъ!

Олена (*пада на коліна*).

Боже мылосердный! Благаю Тебе Едъного, зъєдываячы въ благании вси мои слезы, вси мои думкы, осыротиле сердце, въ слезахъ потоплену душу, прыспы, Боже, мое сердце, докы мій Андрій, мое

кохане, прылыне до мене голубонькомъ сызокрылымъ!.. Боже, порадыку едныи, уста мои не зможутъ вымовыть передъ Тобою мого горенька, слизонькамы вымытого!...

Андрій (*туле ім до сэрца*).

Богу, Богу едному покаяю тебе, моя вирная, едныя дружыно!

Зависа.

Д і я 2-а.

Хата Стеха. Стілз, покритый старенькою скатертыною; две лавы, тилз, скрыны и де-яке сбижже.

Я в а 1-а.

Стеха, Олена, Збирщыкъ.

Стеха (*сыдыть билля столу*).

И це жъ вы по Божому робыте, по людському?.. Берить одежу, не багато ім зосталось, грабуйте усе!.. Якъ не зволикайся, якъ не думай, а не одишхнешъ видъ себе злыднивъ: чы сегодня, чы завтра йты по пидъ виконню зъ торбамы, хиба не однаково?

Збирщыкъ.

А що жъ про зятя и досы нема чуткы?

Стеха.

Нема! Вже сегодня девятыи день, якъ и рикъ мынувъ, а его нема, та й нема!

Збирщыкъ.

И не вже Андрій за цилый рикъ и одного лыста не прыславъ?.. Дывно... Може туды пошта не доходить?.. Е таки земли, що ще пошта не доїзжа... Ворожокъ не пыталы?

Стеха.

Вже кыдалысь мы и по ворожкахъ и по ворожбытахъ... А Оленка то вже выгула и выплакала такъ, що й слизъ у очахъ не стало!

Олена.

Не вси, не вси ще слезы выплакала! Воны е, та запеклысь билля сэрца!

Збирщыкъ.

Бува й такъ, бува... Дывно, дывно!.. (*Помовчавъ*). Такъ такы навспряжки кажешъ, стара, що нема грошей?

Стеха (*зъ жалемъ*).

Ни, шуткую я!

Збирщыкъ.

Я черезъ те, бачышь, що е й про межъ нашого брата: инчий такый, що хочъ ты его печи або рижъ, не дае... (*Идучы зъ хаты*). Такъ сегодня прыидемо опысувати. (*Пшшавъ*).

Я в а 2-а.

Ти жъ безъ Збирщыка.

Олена.

Мамо, що жъ це зъ нами буде?

Стеха.

Думай вже ты, доню, а мени лыхо зовсимъ паморокы забыло! Такы, мабуть, я здурила, бо ничего не збагну... Якъ кажуть люде, то такъ, мабуть, воно и е, що покынувъ пасъ Андрій на выки вични!..

ОЛЕНА.

Страшно, мамо, страшно!

СТЕХА.

Вже жь певно не даромь и ворожка тильки похытала головою, а дали сплюнула трычи та махнула рукою... Чому вонаничого не сказала? Мабуть щось лыхого е... Теперь одна надія на Ёсыпа Степановыча.

ОЛЕНА.

Охъ, не нагадуйте мени про него!

СТЕХА.

А въ кого жь намь помочи шукаты?

ОЛЕНА.

Не знаю... (*Задумалась*). Завтра выженуть зъ хаты!.. Куды жь пидемо: на выгнѣть, по пидѣ тынню? Де жь ты, Андрію, де жь ты, порадо моя?

СТЕХА.

Байдуже ему про насъ!

ОЛЕНА (*лама руки*).

Охъ, яка жь пекельна вапа мова! Отруить краще мене, нижь маю слухаты таки речи!

СТЕХА.

Тебе отруить, а самій куды подитись зъ трема диточкамы малымы? Чы всихъ повбываты, а потимъ и самій зъ кручи ввызъ головою?

ОЛЕНА.

Не знаю,ничого не знаю,ничого не зрозумію!.. Спытала бь у серця, колы жь и воно мовчыть; давно его не чую, немовъ вмерло воно!.. Нибы крыга у грудихъ сперлася!.. А може, мамо, Андрій вже недалеко? Стрывайте! Адже сегодня пысарь повинень вернутись зъ города, мо-

же и лыста видѣ Андрія привизь? Побижу, та спытаю!.. Охъ, сердце мое замерлее, чого ты такъ стрепенулось ралтомъ? Ты щось певно вищуешъ мени: чы горе, чы радисть?.. (*побигла*).

СТЕХА (*сама*).

Бидна, бидна дытныо моя! Зеушыла тебе журба, звьялыла недоленька. (*Ламала руки*). Чы мы въ чимъ кого скрывдылы, чы кого прогнивылы, що зъявылася така напасть, котра прымушуе насъ до наглои смерти? Чы вже жь й досы каруюсь я за те, що колысь послушала нерозумного дивочого серця и пишла на грихъ; за те, що колысь покохала до забуття и, занехаявши соромъ и забувши Тебе, Боже Мылосердный, осоромыла себе и весь ридъ!.. Карай, карай мене, мій щастный талапу! Мало ще я покарана! (*Рыдаючи пада на стилъ*).

Я в а 3 - а.

Бычокъ (*входе*).

Чого ты, стара, що дня голосышь?

СТЕХА.

Хто чымъ багатый, то тымъ и цяцкаетця.

Бычокъ.

Чувъ я, що хатку твою хочуть цинувать? Шкода! Бачь, дочка твоя не велила мени и на поригъ показуватись, а я такы прыйшовъ: не могу я бачыты людуну въ нужди та въ гори, та щобъ не прыйты та не даты порады розумной або допомогы якои?.. А де жь дочка прыдзыглевана?

СТЕХА.

Побигла десь, якъ нависна. (*Зитхнувши*). Я вже й думокъ не прыберу, що зъ моею Оленкою подіялось?

Бычокъ.

А що тако?

Стеха.

Зпершу було и пошлаче й посумуе, а дали й схаменетця и повеселища... Першъ було схопытця у ночи, упаде передъ образомъ на вколишки и почне молытысь; та й молитця якось не по людськи, не молитвами, а по своему, щось тако говоре, що й не розберешъ; я озвусь до неи, то вона й замовкне. А це вже мисяцивъ зо-два то, льбонь, и про Бога забула.

Бычокъ (*жашнувся*).

Про Бога?!

Стеха.

А оци девьять день, що минулы пилля года Андріеви, то вона вже, мовъ несамовыта; вже й не пизнаю я ии, не наче то не моя дытына!

Бычокъ.

Погано, погано! Вже колы про Бога почала забуваты, то це зовсимъ погано!

Стеха.

Таки жъ подумайте: за цилисеный рикъ, а ни висточки видъ Андрія!..

Бычокъ.

Можна, можна забуты про все, тильки не про Бога! Отъ я николы не забуваю Бога... Хиба вже й присисты?

Стеха.

Сидайте, добродію!

Бычокъ.

Сяду, государыне моя! Охъ грихы, грихы наши тяжки: якъ вже не оберегайся, якъ

не обмынай его, а не обмынешъ; бо увесь мыръ на грихахъ стоить, якъ на сохахъ, грихамы вскрытый, грихамы вшытый!.. Помиркуемо наприкладъ, объ тымъ, що навкругы насъ діетця: пьянство, сварка, лайка, грабижъ... Братъ брата обдырае, сынъ батька обкрадае!.. Кыдають виру, ламають прысягу, на Бога навить скаржятця! Охо-хо-хо! Куды скинешъ окомъ, такъ на тебе грихы и посыплотця, якъ грядъ, якъ горохъ!.. Бо вси мы вынни: кожый за себе и за всихъ... Сказано жъ: „и во грисехъ роды мя маты моя“!..

Стеха.

Охъ, якъ я вже не молюсь Господеви, то й не знаю, хто молитця?.. Денно и ноцно молюсь, та мабуть мои молитвы не вгодни Богови!.. Охъ, гришни мы, гришни!..

Бычокъ (*помовчавъ*).

Що жъ, сударыне моя, говорила ты зъ дочкою про мое дило?

Стеха.

Говорила! Такъ що жъ, въ одну душу кажю: „не пиду на грихъ“!..

Бычокъ.

Грихъ? Ты певно не вмючы, щось не такъ промовыла?.. Я клычу не на грихъ, а за хазяйку до себе, за господиню; а тамъ вже, якъ що вона прывыкне до мене, то... Я хочу, щобъ вона доглядила мое добро и мене, а я за те подякую не абы-якъ... А якъ Господь може, що й Андрій вернетця благополучно, то я й его прыиму, якъ брата, якъ ридного сына... Розуміешъ ты все це?

Стеха.

Колы бъ вы самы зъ цео побалакали, та ще по вченому, то може бъ вона й послухала васъ.

Бычокъ.

Тоби, государыне моя, якъ матери, якось нибы... благопристойницъ. Звычайно, що треба урезонити ин уміючы и здалеку... Такъ бы-то це дило обладнати, щобъ усимъ намъ добре було и людського поговору щобъ обмынуть?.. Е таки слова, котрымы можна урезонити, тильки треба ихъ знати... Слово—велька сыла!...

Стеха (*хлыта*).

Я жъ кажу, колыбъ вы позаторикъ, якъ ото почалы умызгатысь биля Оленки, якъ ще вона була дивкою, такъ, кажу, колы бъ вы тоди по закону думалы одружытысь зъ нею, то я бъ ин й прысылувала до шлюбу зъ вами!

Бычокъ.

На вищо сылуваты? Де сылуютъ, тамъ нема путя. Окримъ того, государыне моя, видъ не винчанон жинки бильшъ шанобы, нижъ одъ винчанон! Багато людей переступа черезъ законъ, та ще й якъ... Та й живутъ соби благополучно та хороше... Ты жъ знаешъ, що я чоловікъ не слепый и бачу ўсе це у книгахъ, своимы очыма бачу; я вже не одынъ десятокъ книжокъ перекидавъ, докы до всего добывся. Я бачу и розумію гараздъ, якъ воно й що у свити конця. И кажу тоби ще разъ, що уси мы переступаемо черезъ законъ, увесь миръ!.. Дарма, що я отутечки живу, мовъ бы у закутку, иначе я добре бачу, що й по всему свиту діетця: у який бикъ однимъ окомъ тильки скыну, заразы увесь свить, уся округа такъ и зъявйтця передъ моими очыма, мовъ на долони!

Стеха.

Та про це що й казать: уси люде, у одынъ голосъ кажуть, що вы чоловікъ выдающий и до всего знаете.

Бычокъ.

Знаю, та ще й добре знаю! Багато доброго знаю, не мало й злого... Тильки що злого я людямъ чыныты не хочу, бо я богобоязный чоловікъ.

Стеха (*озыраетця*).

Чутка йде по селу про васъ, що нибы вы ажъ девять суботь проты велькодныхъ святъ ходылы пидъ опустъ, покы якусь чорну книгу здобулы?

Бычокъ.

Ходывъ и здобувъ!.. И та книга выывла мени увесь свить. Я спогляну на чоловіка отакъ кризь пальци, то зразу догадаюсь чымъ винъ и дыха. А гляну на зори, то вгадаю, що діетця за двадцять верстовъ видциля... До всего, государыне моя, добравъ я розуму, до всего я вчений!

Стеха (*помовчала*).

Охъ, гришни мы, гришни! Ось посыдыте трохи, а я пиду пошукаю Оленку, може вдвохъ чы не прысогласымо? (*Пшла*).

Я в а 4 - а.

Бычокъ (*самъ*).

Сегодня зновъ прийшовъ видъ Андрия лысть, ось-ось незабаромъ прыбуде й самъ: часомъ Олена довидаетця про лыста, то у мене вже е другый на поготови. (*Выймае*). Осьдечки винъ! Нехай несе до кого хоче чытаты, тутъ добре написано. А хйба я мало передававъ старій гришмы та хлйбомъ? Та щобъ такъ мое добро и пропало ни за понюхъ табакы? О, ни, ни! Хочъ на тыждень, хочъ на день, а Оленка буде мою!.. Перши лысты одъ Андрия я рвавъ або палывъ, теперь же самъ напысавъ... Та я задывывъ бы себе своимы властнымы рукамы, колы бъ пересвидчывся у тимъ, що зъ

гришмы не матыму чого зхочу!.. На що жъ и гроши тоди, на бисового батька воны, колы за ныхъ не можна купыты увесъ свить? Спалыть ихъ, въ воду жбурнуть, за витромъ пустыть!..

Я в а 5-а.

Олена (*вбига*).

Де лысть видъ Андрія?

Бычокъ.

Вже довидалась? Певно пысарь сказавъ? Нема въ мене ніякого лыста!

Олена (*просе*).

Видайте, батечку, голубчыку! Видайте!

Бычокъ (*зитхнувши*).

Бидна, бидна ты сыроточко! За цылый рикъ диждалась одного лыста, та й той... Жаль мени тебе, дуже жаль! Я хотивъ затаиты его видъ тебе, та пысарь побачывъ, що зъ Херсона и догадався видъ кого... Думаю: якъ затаю, то винъ все ривно выкаже... На, на!.. (*Дае лыста*).

Олена (*цылуе лыста*).

Тутъ, тутъ мой мрiн, мiй спокiй, мiй таланъ! (*Входе Стеха*). О, сердце мое, бидне сердце, щаслыве сердце, щаслыве!.. Тутъ мiй смутокъ, тутъ мой и радости!.. (*Розгортывшы лыстъ, дывытця на него*). О, горенько, жъ, мое тяжкее, о, Боженьку мiй! Яка я нещаслыва, що не вмiю й словечка прочытаты!.. Винъ, мiй мылий, пыше до мене, винъ балака зо мною, витае мене, а я... Одне бъ тилькы словечко прочытаты своимы очыма и я бъ половины сердца видала! Охъ, яка жъ я безталанна, яка я бидна: я тилькы плакаты умiю, та рыдать, та серце кровью облывать!

Бычокъ.

Дай вже я тоби прочытаю.

Олена (*не слуха его*).

Ни! Я пиду заразъ до пысаря, або до дядька Мартына; воны мени его прочытають якъ слидъ, а вы не зугарни! (*Побигла зъ хаты*).

Стеха (*до Бычка*).

Що жъ тамъ Андрiй пыше?

Бычокъ.

Краще не пытай! Другу вже покохавъ, ось що! И не вернуся, каже, школы, и не сподивайся мене бачыты.

Стеха (*зъ крикомъ*).

Охъ, Боже жъ мiй! Що жъ це у свити дiетця? Лышенько не выпуче, прычепылося жъ ты до насъ гиршъ пропащныци... Проклятый Андрiй, проклятый! А якъ же вона его любила, якъ кохала, якъ янголы люблять Бога!

Бычокъ.

Годи тоби вже, стара, убыватыся: що зъ воза впало—пропало! Грихъ тоби такъ однёю дытыною пеклуватыся и побыватыся, а про другыхъ забуваты, а у тебе ще ихъ тройко, треба поберегты себе за для того дрибязку, що воны будутъ безъ тебе, якъ горобенятка безъ матери, якъ голубеняточка безъ ненькы-голубкы!

Стеха.

Знаю, що тяжкый грихъ, колы жъ не могу я забыты тiен зневагы, тiен наругы видъ того недолюдка, Луцыперового сына, пекольнои души!.. Проклятый ты, Андрiю, на цимъ и на тимъ свити!..

Бычокъ.

Не прокльнай, стара, ходимъ краще

заразъ до мене, та й порадымось, якъ найкраще, по ридному...

СТЕХА.

Та хочъ и ходимъ.

Бычокъ (*у бикъ*).

Треба їн пидпонтъ. (*До неї*). Вирь, що ни хто такъ щиро не порадыть тебе, якъ я... А про зраду Андрієву треба занехаяты дило...

Я в а 6 - а.

Ти жъ и Олена.

Олена (*мовъ несамовыта*).

Мамо, мамо, рятуй мене!.. Зрадывъ, зрадывъ мый!.. Нема мого Андрія, нема мого соньця!.. Охъ, и гыну жъ я, гыну, якъ горлычка безъ голубонька!.. Боже, покарай Андрія, пошлы на него невымовне лихо: щобъ не мавъ винъ ни хвылыны супокою, ни жадной хвылыночки свитло! Окруты серце его гадыною шыпучою, що бь пыла зъ него кривъ по рисочци, докы й вику его! Оповый его спокій чорною хмарою, влий въ его душу вогню пекельного, щобъ тлила—не стливала, щобъ горила и кипила смолою смердючою!.. (*Пада на лаву*).

СТЕХА.

Донечко моя люба, лышенько мени зъ тобою!

Бычокъ (*встивъ*).

Прощайте, бидолагы! Гирко мени дывиться на ваше тяжке горюваннечко, не могу я... Слезы мене душать... Здаецця: яке мени дило до чужого клопоту, а отъ плачу, якъ дытына!.. Охъ, тилькы не забувайте, що у васъ одынъ zostався прыятель по всякъ часъ прыхыльный до васъ: я! Охъ!.. Прыходь, старенька, дамъ тобі пайридинцу пораду. (*Шисовъ*).

СТЕХА.

Донечко, донечко, дытыно моя люба! заспокойся жъ хочъ на хвылыночку!.. Не вбывай же мене своимъ жалемъ!.. Слезамы та смуткомъ не вернешь того, що вже минулось!

Олена (*пидходе хутко*).

Мамо! Прыдывлийтесь до мене, вдывляйтесь въ мене пыльно! Кажить мени щиро правду, якъ Богови Святому, чы вже жъ змарнила моя врода, завьяла моя краса?.. Чы вже жъ погасло въ очахъ моихъ безкрае чаривне щасте, уста мои стерялы чаривный посмихъ; чы злынялы чорни бровы, лыченько змарнило? За що жъ Андрій мене зрадывъ? Винъ пыше, що покохавъ другу, кращу й багату! Багату!.. А я бидна, я убога!.. А де жъ винъ знайде таке серце?.. Моя краса, мои кари очи, уста рожеви,—на вищо вони? Це все никчемныця, безъ багачства все це не вить-що!.. Та друга у гарній одежи, у дорогому намысти, въ шатахъ, а я въ латаній сорочци? У багачстви вся сыла!.. О, постривай же, мій коханий Андріечку, уберусь и я въ оксамытъ, та въ золото!.. Одягнусь кралею!.. Идить, мамо, заразъ до Ёсыпа Степановыча: нехай иде сюды, нехай заразъ несе гроши, бильше, бильше грошей!.. Чого вы дывытесъ такъ на мене? Я боялася гриха, бо боялася Бога: въ Андрієвій правди, въ его сердцеви було все мое щасте, весь спокій, вси надін! Андрій зрадывъ, стоптавъ правду, зламавъ слово, и нема у моимъ сердцеви Бога!.. Теперь я гриха не боюсь, а бидности та злыднивъ—не хочу бильшь!.. Не жахайтесъ, мамо. Клычте мерщій Ёсыпа Степановыча! Не я перва, не я й остання. Чымъ я краще видь другихъ?.. Идить же, идить скориче!.. (*Выпыха матиръ зи двери*). На грихъ нду, на покволь людямъ, на радисть са-

тани и всимъ пекельнымъ душамъ!.. Зроблюсь видьмою, чакливыцею, перекинусь у пташечку манисеньку, у звирия, у комашку дрибнесеньку и знайду тебе, Андрію, зраднику, кате мій!.. Не ты посмієся надо мною, а я надъ тобою посміюсь, привселюдно посміюсь!.. Геть слезы зъ очей!.. Геть смутокъ!.. Смійтесь очи, співайте устоньки!.. Писню, писню, та голосну!.. Уси, уси писни забула!.. Не згадаю ни одной... Згадала... (*Промовчала*). Якъ вона?.. Голосу не одведу... (*Почына тихо спивати, нибы промовля*).

Въ киньци гребли
Шумлять вербы,
Що я насадила,
Нема мого мыленького,
Що я полюбыла.
Ой, немає и не буде:
Поихавъ за Десну,
Росты, росты, дивчынонько,
На другу ю весну.
Росла, росла дивчынонька,
Та й на пори стала,

Ждала, ждала мыленького,

Та й плакаты стала. и. т. д.

(*Промовля*). Росла... та й плакаты стала... „Та й плакаты стала“? Чого? За чымъ плакаты? А я й плакаты перестала... (*Задумалась*) Охъ, Андрію!.. Боже, просты мене!.. Въ чимъ просты?.. Въ чимъ я согришыла?.. Не знаю... Нема Андрія!.. (*Упала на вколюшки*). Боже, Боже!.. (*Туле рукою лобъ*). Невже я забула усихъ мольтовъ? Я жъ мольтася, що дня мольтася, а теперъ забула... Уси мольтвы забула?.. Неначе паморокы мени забыто, немовъ розумъ замурувало мени стиною!.. Душа жада мольтысь, въ серцеви жъ мертво, въ голови якыйсь мотлохъ... Немовъ збожевила я!.. (*Встала, похитнувшись и безсыла упала ни лаву*). Не вмію ни мольтысь, ни думаты, ни плакаты... Забула все, все забула!..

Зависа.

Д і я З - а.

Обставыны ти жъ, що и въ 2-й дѣи.

Я ва 1 - а.

Олена (*сидыть биля столу, схылывши голову на руки*).

Андрію, Андрію, отруто моя! За вищо жъ ты, голубе мій, кате мій, зрадывъ мене, за вищо? Невже та друга цилкомъ вытруила зъ твоихъ думокъ и серця ту, котра колысь тишыла тебе ласкавымы ричамы, голубыла тебе гарячымы поцилункамы, радувала та видганяла видъ думокъ и серця смутокъ и горе—голосочкомъ—дзвиночкомъ?.. Невже забудъ и зустрічъ: въ гаю, биля крыныци пидъ вербою, въ поли?.. Чы можна жъ й до смерты все те забыты?..

Я ва 2 - а.

Хрыстя и Олена.

Хрыстя (*зъ видромъ вбига и поставивши видро биля порога, пружо-гомъ кыдається до Олены*). Здрастуйте—не застуйте!.. Здорова, Оленко! О! чого це ты така засмучена?

Олена.

Хиба не знаєшь мого горя?

Хрыстя.

Отъ тоби и маєшь! А я це простяглась до тебе за порадою. (*Зъ смуткомъ*). Отъ и купыла я соби на спидныцю, та на хвартушокъ: и нови чоботы купыла, и

сережки!.. Усякого добра повнисеньку скрыню накупила! Въ скрини пусто и въ кешени не густо!... Ажъ дви весны и два лита заробляла поденно: велики гроши видавала батькови до рукъ, а пятакы, та гривни виховувала видъ батька, та й виховала мало ажъ не шість карбованцивъ, отъ ей Богу, що правда! А вчора, якъ прыйшли оти здырщыкы, бодай ихъ за печинкы взяло! та якъ почалы цинуваты... Батько бидкаютця, та объ полы рукамы бьютця, маты плачуть, а дитвора дрибна, якъ пидниме ревы та галась! И, лыхо, хочъ зъ хаты втикай! Мене за серце якъ ухапе, якъ ухапе!... И вже, сестрычко, й не тямлю, якъ я вбигла въ комирчыну, вытягла зъ пидъ соломьяныка свій кладъ, вбигла въ хату, та й жбурнула ёго здырщыкамъ межы очи, такъ такы й жбурнула, отъ ей Богу! А дали, якъ заголося! И обидаты не сила, покы не досыдилась, та не доголосылась до того, що батько ажъ налаялы и мало не побыли!... Отъ тоби, Хрысте, и спиднычка нова, отъ тоби й чобиткы зъ пидкивкамы! Прыйде Риздво, уси-жъ-то, уси дивчатка вырядятця, якъ квиточки, якъ лялечкы—у нове та въ модне, а я одна, мовъ та сыритка, буду у старенькому... Нихто й глянуты не зхоче на мене, уси хлопци видчахнутця видъ мене, бо, звисно, у старенькому!...

Олена.

Не печалуйся, щebetушечко, кому ты до вподобы, той и въ старенькому зачепе!...

Хрыстя.

Я й колядуваты не пиду: ни на вулицю, ни на скобзалку не выйду, ховатимусь видъ людей!.. (*Помовчала, потимъ зпотання*). Хиба признатись тоби, сестрычко?

Олена.

Певно покохала?

Хрыстя.

Ей-Богу, я тоби признаюсь, а ты, зозулечко, порадь мене найкраще! (*Зновъ озырнулася*). Я вже зовсимъ подала слово Максими, казавъ, що пнсля Дмитра, прыйде зъ старостамы. И люблю-жъ я его, Господы, якъ люблю! А що якъ батько та не захочуть мене виддаты за Максима?

Олена.

Не хапайся замижь!..

Хрыстя.

Такъ кажу жъ тоби: люблю ёго, що й души, навить, не чую! А якъ винъ мене любить, Господы! якъ дуже любить! Мы вже кохаємось соби давно, давно!.. А спытай: якъ мы понялыся соби, такъ ажъ чудно! У Петривку, на другимъ тыжневи, у вивторокъ, зустрилыся на громадськйй гребли, по той бикъ ставу, и якъ кумедно зустрилыся: ходыла я, бачъ, гусячь шукаты. Хожу по надъ ставомъ, та все: гусю-гусю, гусю-гусю!.. А вони заплылы ажъ геть пидъ очерета, та знай хлюпошутця соби, та глытають ряску. Почало вже й сонечко спочываты, а дали вже й смеркло, я все хожу по берези, якъ манія, та клычу гусячь: гусю-гусю, гусю-гусю!.. Дали тилькы що зйшла на греблю, ажъ зыркъ: иде на зустрічь, поривнявсь зо мною: „добрывечирь“! каже. А я сразу такы его впизнала и не мовъ отерпла, не памятаю, чы отказала я ему що, чы ни, бо такъ засоромылась, що й Господы! Чую, що лице мое, сестрычко, мовъ вогнемъ запалыло и сердце нибы стало росты, шырытысь, нибы тисно ему въ грудихъ... Склепыло мени уста и словечка не промовлю, стою, нибы зачарована,

отъ ей-Богу правда! Дали винъ пытае: „що це зъ тобою, голубко“? а я мовчу, неначе камьяна! Дали взявъ мене за руку и стыха промовывъ: „не даромъ мене мовъ маню, сюды вело, то жъ сердце по-вударемъ було“!.. Отъ цієї мовы все въ мени нибы загорилось и понялось помнемъ: не мовъ та любя мова понеслась геть по ричци и далеко-далеко луною одклькнулася и нибы все замовкло навкругы и витрець затыхъ, и хвыля пэлягла, и очереть задримавъ!.. А въ грудихъ тепло-тепло такъ, ажъ нибы млосно робытця... Черезъ яку годьну плеснулася рыбка проты зори, я стрепенулася и нибы очумалась и тоди тилькы почувла свое сердце, почувла, якъ воно выразно токотыть, неначе що его наумысне пидтовкуе... Хочу глянуты ему въ вичи, хочу забалакаты до него и не можу... „Може я тоби, моя квиточко, не до любви?“ Спытавъ и хотивъ выпручаты свою руку зъ моеи, а я вдержую и такъ щильно стьсаю ин, нибы боюсь упустыты свою долю, свое щасте!.. И вже й не памьятаю, якъ винъ мене прыгорнувъ и почавъ цилуваты. Довго-довго цилувавъ, и все щось промовлявъ та такъ-же любо, мовъ бы соловейко щebetавъ, що слухаешъ те щebetанне и неначе бѣ-то ничего й не зрозуміешъ, почнешъ зитхаты несамохить, дали й слезы польютця, а ты ихъ и не зупыняешъ...

Олена.

И все бѣ слухала того соловейка и не наслухалася бѣ!

Хрыстя

Эге-жъ, такъ, такъ!.. А дали, охъ, соромъ!.. И я его поцилувала. Цилуемось, та тыснено одно другого до сердца!.. И чымалу жъ такы годьну мы такъ простоялы, бо якъ прийшла до дому, то вже наши спалы, ниде по хатахъ не свиты-

лось!.. Заглянула въ хливець. ажъ и гусята дома!..

Олена (*зитхнула*).

И все те мынетця, якъ любый сонъ и розмаецця, якъ марево въ осени!..

Хрыстя (*зъ лжкомъ*).

Що ты говоришь, сестрычко! Не лякай мене!.. (*Помогчала*). Ото увійшла я тыхесенько у повитку, та й лягла... Що жъ ты думаешъ, сестрычко, не спытця та й годи! Тилькы що заплющу очи, такъ винъ и маріе передо мною, такъ его облычче и змалуетця передъ моими очыма! Чую: перши певни проспывалы, дали—други, ажъ и трети... А соловейко десь далеко-далеко такъ и выляскуе, такъ и выляскуе, ажъ луна йде! Почалы вже й гусята на ставку герготаты, зашавкотилы утятя, ластивочка на бантыни тыхо-тыхо защебатала... Зовсимъ уже почало на свить благословытысь! И черезъ превельку силу заснула я, та такъ заснула, що ледве-ледве маты розбудылы. Якъ збудылы, та й пытають: „якого це ты, доню“?..

Олена.

Андрія у снi клькала?

Хрыстя.

Максыма! Его Максымомъ звуть.

Олена.

Хиба?

Хрыстя.

Я якъ зхоплюсь та зъ коморы, та на втѣкы... Ажъ быля ричкы зупынылася: и тилькы тоди й опамьяталася, якъ зъ ричкы свижю водыцею умылася... (*Ненарокомъ глянула у вiкно*). О, до васъ гости йдуть: Ёсыпъ Степановычъ!.. (*Схопылася*). Прощай, сестрычко!.. (*Побигла*).

ОЛЕНА.

Ось и смерть моя иде! А я й кры-
хотки не лякаюсь и не здригнусь!..

Я в а 3-а.

Бычокъ. (*входе*).

Ну, що, янголятко мое, вже заспо-
коились?

ОЛЕНА.

Заспокоилась!.. Не плачу й не сумую...
А згодомъ буду реготать!

Бычокъ.

Дай Господы! (*Оглядаетця, вхо-
дитъ Стеха*). Позвольте, биля васъ
присясты?

ОЛЕНА.

Сидайте! Чого-жъ вы такъ здалеку?
сидайте ближче! Знаете, якъ у письми спи-
ваєтця: „зелененький барвиночку, стелыся
ще ныжче, а ты, мылый, чорнобровый,
присунься ще ближче“... Я Андрієви
колысь приспивувала цю пісню: и вамъ
бы заспивала, та не нагадаю... якъ ще
була зарученою, то Господы! якъ я лю-
была Андрія, було жду зирочки вичирнеи,
якъ пожовкла травця слезынкы-росынкы!
Було выстою зъ мылымъ одъ вечир-
неи зори до раннеи, цылую, мылую его
кари очи, его чорни бровы, слухаю его
розмову и не наслухаюся!.. И здавалось
мени, що въ ту хвилью все замовкало и за-
мерало, не мовъ закохане, не мовъ за-
чароване тимъ безкраимъ коханнемъ!.. И
небо, и зори, и місяць билылицый нобы
усмихалысь радисто и втишалысь на-
шимъ коханнемъ; витрець нобы боявся
подыхнуть, щобъ не сполохаты своимъ по-
вивомъ того невымовного щастя; и соло-
вейко нимивъ и затыхавъ, прыслухоу-
чысь до тихъ любыхъ ричей, щобъ зав-
тра переспиваты ихъ на увесь миръ най-

любиче, найголосниче!.. Х-мъ, давно дав-
но це було!.. Ёсыпе Степановичу, багато
е у васъ грошей?

Бычокъ.

Стане, сударыне моя, на мій вискъ!

ОЛЕНА.

А на мій?

Бычокъ.

И на вашъ стагыть!

ОЛЕНА.

Добре тому на свити жыты, хто гро-
шовытый: куды окомъ скыне, усе его, чо-
го забагнетця всего купе?

Бычокъ.

Охъ, не все!.. Окريمъ грошей, треба
маты ще й таланъ.

ОЛЕНА.

У васъ винъ е! Сами сегодня упев-
нытесь!..

Бычокъ (*до Стехи*).

А що-жъ вы, Степаныдо Михайловно,
стонте биля порога, мовъ сырота, ставляй-
те на стиль, що вы тамъ прынеслы:
здаєтця, тамъ усего доволи е, тилькы чар-
кы бракуе?

Стеха. (*порядкуе*).

И чарку заразь подамъ. (*Подає*).

ОЛЕНА.

Бачте, мамо, якъ васъ шанують, що
вже Михайловною вельчають!.. (*Сміст-
ця*). Михайловна!.. А мене якъ по бать-
кови? Мамо! Якъ мого батька звалы?..
Ха-ха!.. Чудно якось на свити концця!..
И що мени на думку сплыло? Г-мъ!.. Ко-
лысь-то, ще якъ я була малою, та вит-
чымъ за щось выбывъ мене та й вып-

хавъ зъ хаты. Господы! якъ мене, ненавидывъ витчымъ, черезъ те дуже час-то й бывъ, зъ сынякивъ никола не выгоувалась... Ото я й пишла соби плачучы до ричкы, сила на камени, та й хлыпаю въ кулакъ; ажъ чую, щось нибы спива, я глянула у бикъ. дывлюсь: лежыть пидъ вербою, у холодочку якыйсь нанычъ и выпивуе, и та писня запала ще видтоди мени въ думку:

„Одному доля запродала одъ краю до краю, А другому зоставыла те, де заховають!“

Г-мъ! „Те, де заховають!..“ Черезъ що-жъ це воно такъ, Ёсыпе Степановичу! що „другому те, де заховають?..“

Бычокъ.

Потому, що все видъ Бога!..

Олена.

Такъ?.. А ще дывнищъ ось що. Учора я була замижня, а сегодня: ни живка, ни дивка!.. И учора ще я не ненавидыла васъ, Ёсыпе Степановичу, Господы! якъ ненавидыла, а сегодня здаетесь вы мени не такимъ вже гыдкымъ, та страшнымъ... А ништо-жъ-то не вгада, що завтра буде? Може завтра я васъ покохаю!..

Бычокъ.

Дай Господы! Дай Господы!..

Олена.

Перстни принесли?

Бычокъ.

Осьдечкы (*Дае перстни*).

Олена.

Яки блескучи! А намысто?

Бычокъ.

Ось и намысто!

Олена (*плече въ долони*).

Ой, яке хороше, та дороге!.. Давай-те сюды!.. Можна надить? Я надину!..

Бычокъ.

Хиба я вамъ на те его прынисъ, щобъ воно у скрыни лежало?

Олена (*примиря на себе*).

Дороге та блескуче!.. Оця то блескучистъ и красуе очи, пидкупае розумъ, дурить сердце и ламае волю! Чомъ вы дзеркальця не прынесли?... Або пострывайте, я подывлюсь на себе у видро!.. (*Выжить до видра зъ водою*).

Бычокъ.

Завтра усе получите, чого сегодня бракуе!.. Выпьемъ жъ зъ вами, Степаныдо Михайловно, а Олени Юхымовни пиднесемо канхветивъ! (*Подаетъ ей канхветъ*)

Олена.

Ни, и я выпью зъ вами!..

Стеха.

Чы ты зъ розумомъ? Никола не пыла!..

Олена.

А теперь пытиму. „Горилочка тумма—зведе хочъ кого зъ ума!“ а мене на розумъ наведе!.. Тилькы не звить мене Юхымовною... Це мого витчыма звалы Юхымомъ. Я Павловна. Звить мене, Ёсыпе Степановичу, Павловною!.. (*Регоче*).

Бычокъ.

Ну, дай же Боже, щобъ усе було гоже!

Стеха (*зитае*).

А що негоже, того не давай Боже!

Бычокъ.

Пью за ваше здоров'ячко, Олено Юхим... Павловно! Бажаю вамъ, щобъ вы повикъ були весели та щасливи!

ОЛЕНА.

О, я буду весела, буду щаслива!.. За гроши куплю и щастя и таланъ!..

Бычокъ (*до Стехи*).

Выкушайте!

СТЕХА.

Пошли жъ вамъ Боже чого ваша праведна душечка забажае! Охъ, батечку, не занастить же моеи дытны! (*Плаче*).

Бычокъ.

А хибя жъ надъ нами Бога нема?

ОЛЕНА.

Якъ вамъ не соромъ, мамо, плакаты? (*Регоче*). Виддасте мене замижъ, та й плачете? Налывайте, Ёсыпе Степановичу, и мени, та повнищъ, у шчерть! (*Вытыва*). Охъ, якъ же запекло, духъ зовсимъ зупыныло!..

Бычокъ.

Зайжте солодкымъ, сразу полехша.

ОЛЕНА.

Ни-ни, налейте ще!

СТЕХА.

Що се ты, доню?

ОЛЕНА.

Мамо! Теперъ вже не ваша печаль! Було за першою чаркою спыныты, докы не знала якый въ горильци смакъ!.. Лийте, Ёсыпе Степановичу! (*Бычокъ налива*). Повнищъ! (*Вытыва*). Уй, яка вогневна!.. Теперъ я зовсимъ весела! И горе, якъ рукою зняло!.. Охъ, якъ у голови усе пи-

шло на выворить!.. Якъ Андрій мене сватавъ, тоди я не пыла, бо дурна була... Ха-ха-ха!.. Якъ чудно все навкругы!.. Ёсыпе Степановичу! Чому вы вже заразомъ и музыкъ не нанялы? Адже сегодня мы й весилле справымо: чортяка на смитныку насъ звинча!.. (*Регоче*). Ще перстень е? Ондечкы на руци у васъ. Давайте его сюды, надиньте на цей палець!.. Я хочу багато-багато перетпивъ!.. Я жадна на перстни!.. И на гроши жадна!.. А цей перстень... (*Зрыва з палыця перстень*). Хай винъ пропаде, це Андривъ перстень!.. (*Кыда его до долу*). Теперъ я зъ Андріемъ розвинчаласъ. Пийте, Ёсыпе Степановичу, пийте, мамо, а я вже вдоволыласъ!..

Бычокъ.

Отакъ и краще! Дай Господы, дай Господы!

ОЛЕНА.

Мамо, внесить мени ту сорочку, що я вышывала Андріеви, вона тамъ у комори; я ии подарую своему молодому. (*Стехи пишла*). Ёсыпе Степановичу! Обнимить мене, та мицно-мицно! (*Бычокъ прыгорта ии*). Охъ, не такъ, не такъ! Щобъ тепломъ обдало все тило, щобъ вогнемъ всю запалыло!.. Цилуйте мене солодко, палко!.. Цилуйте жъ такъ, щобъ у очахъ потемнило, щобъ сердце розжеврилось!.. (*Цилуе его*) Отакъ, отакъ!.. (*Одныха его*). Геть, холодни губы, якъ у мертвеця, лице, якъ лядъ! Охъ, якы жъ вы гыдки, гидчищъ видъ жабы! (*Стеха вертуласъ зъ сорочкою*).

Бычокъ.

Лице потепліе и губы розжеврютця, якъ прыгортатыметця до сердца така квиточка, така кралечка! (*Хоче обнять ии*).

ОЛЕНА (*схопыласъ*).

Визьмить, Ёсыпе Степановичу, цю сорочку! Мамо, треба молодому хустку

почепыты! Шкода, нема! Хоть бы яку стареньку?... Отаки мы злыдни... Хоба прычепыты мотузочку? А я, Ёсыпе Степановичу, панського роду, буду пыты горилку, якъ воду! (*Регоче*). Бачыте, хочъ злыдни мы та зъ пыхою! Породыла мене маты у панськимъ будынку, а выхувала по хливахъ, та по мурахъ... Батько видцурався, маты дочку выкохала, до розуму довела и зъ розуму звела!..

СТЕХА:

Доню, доню, грихъ тоби! Чымъ ты мене докоряешъ?

ОЛЕНА.

Не докоряю, мамо! Я сама не тямлю, що верзу, бо мало выпыла. (*Ухопыла пляшку и тѣ нахылъци*).

БЫЧОКЪ.

Олено Юхы... Павловно! Годи бо вамъ, такъ негодытця.

ОЛЕНА (*виддае*).

Теперь вдоволнылась! Зовсимъ розумъ пропыла!.. Усе закрутылось передъ очыма... Охъ, якъ на души лехко!.. Мамо, пора молодымъ князеви й княгynie постилъ слаты!.. Ёсыпъ Степановычъ — князь, а Олена Павловна — княгыня!.. Ха-ха-ха!..

Я в а 4-а.

Ти жъ и Мартынъ.

Мартынъ (*обирванный, трясетця видъ переполою*).

Господы Вышній, чы я въ тебе лышій: якъ пьютъ, то мыпаютъ; якъ бьютъ, то зъ мене почынаютъ.

БЫЧОКЪ (*гнивно*).

Чого ты, пьяного, прычвалавъ? (*До Стехы*). Якъ це вы не замкнулы дверей?

МАРТЫНЪ.

На весилле прычвалавъ! (*Помовчавъ*). Пьянигою вельчаешъ мене, передъ людъмы зневажаешъ? А хто жъ довивъ мене до цего? Гей, куме, Ёсыпе Степановичу, стерыжысь!..

БЫЧОКЪ (*ласкаво*).

Ну, годи, годи, не возомъ тебе зачепывъ... Сидай!

МАРТЫНЪ (*сида*).

Мени вже ничего терять, усе рышывъ; ще душа е у мене, не торгуйся жъ зъ нею, дорого заплатышь, цины не складешъ!

БЫЧОКЪ.

Ну, просю жъ тебе, замовчы!

МАРТЫНЪ.

Мовчу! (*Схылывъ голову на руку*).

БЫЧОКЪ (*до Стехы*).

Почастуйте его, мамо! Позвольте вже васъ вельчаты мамою?

СТЕХА.

И яка я вже маты?

ОЛЕНА.

Вельчайте, вельчайте! А мене якъ вы будете вельчать?

БЫЧОКЪ.

Жинкою моею люблю.

ОЛЕНА.

А люде якъ мене вельчатумуть?

БЫЧОКЪ.

Частуйте, мамо! (*Стеха частуе Мартына*). Яке жъ людямъ дило?

МАРТЫНЪ.

Не жалуй, стара, наывай повнищъ!

Теперь у тебе зять багатый! (*Выпивъ*).
Ромъ? Давно я не пивъ рому! Пам'ятае-
те, Ёсыпе Степановичу, якъ мы ще бу-
лы прыятелямы и жылы у добрый злаго-
ди?.. Вы тоди мене все ромомъ частува-
лы!.. Налый, стара, ще? (*Выпивъ*).

Олена (*до Мартына*).

Дывитця, дядьку, якого я соби чоло-
вика прыдбала, правда винъ ще зовсимъ
молодой?

МАРТЫНЪ.

О, ще молодой: перша голова на
вьязяхъ!

Бычокъ (*у бикъ*).

Отъ чортяка его прытаскала!

Олена (*до Мартына*).

Чого вы таки понури, та нобы смут-
ни? Дывитця, яка я весела?

МАРТЫНЪ (*мотнувъ головою*).

И я заразъ повеселищаю! Налый,
стара, ще!.. (*Выпивъ*). И ты, Оленко,
пый! Дурныця все! Честь, честне пово-
женне, чесне жытте, душа правдыва, чу-
ле сердце—все це дурныця! Гроши усе-
му голова! Не загадуй напередъ, що бу-

де, а жывы тымъ, що сегодня е!.. А не-
ма й нетреба!.. Зъ грошыма все бу-
де... А розцвындывъ добро—пропадай
зъ голоду!.. Давай, давай, стара, швыдчъ
ще чарку, покы за сердце не вхопыло!..
(*Пье*). Нехай краще языкъ задубіе и за-
ниміе, щобъ зацпыло и въ сердцеви и въ
голови!.. Нехай буде такъ, якъ во-
но е!.. Що жъ я вже й спивать почну,
такъ вже до спививъ и порыва!..

Бычокъ.

Отакъ бы й давнищъ. Заспиваемо бо-
жественнон. (*спива*).

Боже, зры мое смыренне...

МАРТЫНЪ.

Ни, не цие!.. Пидтягуйте лышь. (*По-
чына спивать*).

Ой, хто пье, тому нальвайте,

Хто не пье, тому не давайте. и т. д.

(*Бычокъ, спиваючы обнима Олену
и цилуе*).

Олена (*одныха его*).

Охъ, якъ гыдко мени!.. Де пляшка?..
(*Ухопывши пляшку, пье нахыльци*). А
я буду пыты побагато!.. (*Зареготала и
пада до долу*).

Зависа.

Дія 4-а. Одмина 1-а.

Рублена крыныця, на роздорижжи, въ глыбныи поле и возлиссе.

Я в а 1-а.

Два чоловика вертаютця зъ поля,
зъ косамаы.

1-й чоловикъ.

Не пиду я завтра на сходку, хай ий
врагъ; якого я тамъ дидька не бачывъ?
Я краще одпочну! За шість день такъ
намахаеся косою, що й не знаешъ: чы

кистки въ тоби тамъ въ середени, чы
болячки та пухыри.

2-й чоловикъ.

Ну, а якъ зновъ нахынуть копійкы:
на земство, на волость або на школу, або
тамъ ще на яки вытребенькы?

1-й чоловикъ.

Нехай нахыдають,—одну шкуру зде-

руть, не дви! Та й хиба не однаково: чы та копійка у кешени телипатыметця, чы пиде на обчество, папуши тютюну на неи не купышь, такъ на чортового батька вона мени?

2-й чоловікъ.

Чудный ты! Копійка до копійки, то вже й дви?

1-й чоловікъ.

Велька сумя? Пару воливъ купышь! Сядемо та пидождемо Гната! (*Сидаютъ*).

2-й чоловікъ.

Зъ копеекъ, брате, выроста копыталь!

1-й чоловікъ.

Брехня!

2-й чоловікъ.

Чы тоби казавъ Свырыдь Напханько, що ото якъ тягала его до посередныка, за побыте Бычкове просо, такъ посередныкъ, каже, совитувавъ, обидратъ Ёсыпа Степановича за старшыну.

1-й чоловікъ.

Це бъ то Бычка? Винъ и самъ уже себе обидравъ! Хто выненъ ему гроши, та не оддае, то винъ безъ суда лизе въ хату, та й грабуе!..

2-й чоловікъ.

А чы мае жъ винъ право?

1-й чоловікъ.

Спытай его. Мабуть, що мае, колы грабуе?

2-й чоловікъ.

Пры велькыхъ копыталахъ, та ще й грамотный зело, то его й сыла и правда. И де винъ стилкы грошей набравъ? Я

такъ думаю, що его и въ пять тысячъ не вберешъ?

1-й чоловікъ.

Мабуть, що не вберешъ!.. Чувъ я, що нибы то винъ зъ двирськихъ, зъ лакызивъ: у якогось повковныка служивъ, такъ той, якъ померъ, а винъ хапнувъ у него гроши изъ шкатули, та й затаивъ... Скилькы не допытувалы, однимъ лыцемъ: „не бравъ, каже, хоч и пидъ прысягу!..“ О такъ. Продавъ Бога, та й запанувавъ, та й обдера мыръ хрещеный!

2-й чоловікъ.

Охъ, обдера, та ще й здорово обдера!.. Хто разъ попался у его лещата, то вже годи пручатись!.. Хочъ его душа може й чортамъ запродана, за те жъ самъ винъ усе наше село держыть въ кормызи!.. Це ще гиршь настало, якъ за крипацтва?..

1-й чоловікъ.

Може й гиршь!.. Побачымо!..

2-й чоловікъ.

То все жъ такы панови вклонявся, а теперь мусышь кланятыся постолови! Тепера такъ настало, що у кого гроши, то той и панъ.

1-й чоловікъ.

И жаба—рыба, бо въ води живе! Дай лышень тютюну на люльку, бо въ мене й на подзвинне нема! (*Набыва люльку и запалюе*).

2-й чоловікъ.

А якъ винъ мене оплутавъ, такъ на вдывовыжу! Заслабъ позаторикъ мий хлопчына, Дмитро, я, знаешъ, бидкаюсь: сюды-туды, за бабами, за шептунамы... Ко-лы це рыпъ двери, ввиходыть Ёсыпъ, поздоровкався зо мною, та мерщій до хлоп-

ця и ну била него шептаты, та вычытуватуваты, та сплеуваты; дали выйнавѣ балцаночку зъ якоусь мазею, та й почавъ хворого шаруваты. Що жъ ты думаешь? Доки баба-шептуха прышкандыбала, винъ и отходывъ хлопця,—ей Богу правда! И ото зъ того случаю и почавъ винъ до мене учащаты и почавъ надаваты мени грошей на видробитокъ, а я дякую, та радю, що Господь пославъ несподивану помичъ: Подывывся бъ ты на него, якъ було увйде въ хату, то такъ дитвора и вкрые его, такъ и облипе,—бо заразы: тому бублычка дасть, тому грудочку сахарю, а инчому й копійку. А якъ прыйшлося видробляты, такъ я тоди тильки почухався у потылицы, вже мовчу, та тильки потерпаю... Поденному цина карбованецъ, а ему роблю за полтинника, бо на позыку винъ прыкыда тоби процента та выгоду!.. О, розуміешъ?

1-й чоловикъ.

Павукъ, одно слово, павукъ! Скриз навкругы роскыдавъ павутынне, и яка бъ мушка, чы комашка поткнулась, то заразы и заплутаеця. А глянешъ на него зъ боку, такъ такого богобоязного зъ себе вдае, що й...

2-й чоловикъ.

И ловко якъ вдае!

1-й чоловикъ.

Жывымъ, мовлявъ, на небо лизе.

2-й чоловикъ.

Винъ такы характерныкъ, бо до всего зна!

1-й чоловикъ.

О, зна!

2-й чоловикъ.

Винъ и знахарь, и ворожбытъ и ко-

нуваль... И въ церкви, навить, всимъ дякамъ порадокъ дае!

1-й чоловикъ.

И на вси гласы воспивае!..

2-й чоловикъ.

До всего добравъ способу?

1-й чоловикъ.

Мудра, мудра голова! (*Помовчавъ*). Я ему выненъ три двадцять! Отъ же завтра визму та й виднесу, хай ему врагъ зъ его гришмы!.. Вже вдруге мене не пийма: одно черезъ те, що я горилкы не пью, а вдруге...

2-й чоловикъ.

Ёсыпъ навчытъ пыть! Онъ Мартынъ Хандоля зпершу тежъ горилкы не вжывавъ, а якъ пиймався у лапы Ёсыпови—роспывся и звився ни на що! Жинка зъ дитымы пишла у наймы, а винъ бувъ у шынкаря за попыхача, зъ десятой чаркы, доки дуба не давъ!.. Ликарь, якъ полосувавъ, то казавъ, що то въ Мартынови горилка зайнялася. (*Глянувъ у бикъ*).

Я в а 2 - а.

Ти жъ и 3-й чоловикъ.

3-й чоловикъ.

А ну, рушаймо до дому.

2-й чоловикъ (*пиднявся*).

Чого такъ довго барывся?

3-й чоловикъ.

Та тамъ докосовавъ Бычкове просо!

2-й чоловикъ

А ты багато ему выненъ?

3-й чоловикъ (*махнувъ рукою*).

И не пытай! Достанетця батькившына и дитямъ и опукамъ!..

1-й чоловікъ.

Ни, мене вже не ввійма удруге!.. Одне черезъ те... (*Пшшлы розмовляючы*).

Я в а 3-а.

Гуртъ дивчать зъ граблями, клунками и т. п.

(*Співуючы проходять черезъ коня зъ поля*). Надъ моими воротами
Чорна хмара стала,
А на мене молодую
Поговірть и слава.

А я тую чорну хмару рукавцемъ розмаю,
Перебула поговори, перебуду й славу.
Тече ричка невеличка зъ холодного краю,
Нема мого мыленького зъ за рички Дунаю.
Росло, росло та й пожовкло зеленее жыто,
Ой, десь мого мыленького за Дунаемъ вбыто.
Тече ричка невеличка, бережочки зносе,
Молодая дивчинонька за мылымъ голосе,
Тече ричка не величка та й не высыхае,
Не покыне козакъ дивку, якъ вирно кохае.

Я в а 4-а,

Стеха (*выходе озвучаючысь*).

Тутъ, тутъ Андрія дождьдатуму! Винь сюды мусыть иты, цымъ шляхомъ! Винь скоро повиненъ иты... Вчора розказувавъ якийсь проізжый, що обмынувъ Андрія по цей бикъ Мыргороду... Чого жъ винь иде до насъ? Мало ще горя накоивъ, теперъ хоче у вичи посміятись?.. Такъ не диджешъ же!.. Тутъ тебе, ироде, дождьдатуму!.. Не допущу до Олены, ни!.. Своими властными руками выдеру тобі очи зъ лоба!.. Изгрызу руки твои, тило изпматую!..

Я в а 5-а.

Выходятъ дви молодыци зъ поля, у одній трое дитей и колыска за плечыма, у другои одежда и грабли.

1-а молодыця (*до дивчинки*).

Зновъ волочешъ грабли? Кажу тобі:

визьмы на плечи, бо зубье поламлешъ!.. (*До хлопця*). Та не опынайся бо, Степане, иды швыдче. Ондечкы й хата наша... Онъ череда вже иде до ставу... Прийдемо до дому: здоимо коровку, дамъ вамъ молочка.

2-я молодыця. (*гука за лапштунками*).

Свахо, Галько! Та пидождиць-бо, чого вы такъ поспишаєте?

1-я молодыця.

Эге, добре вамъ, що у васъ е кому за худобою доглянуты, а мени жъ ще треба й проты череды йты, и овечать отбыты зъ отары, и каченять зъ ставу прыгнаты!..

2-я молодыця (*выходе*).

А чоловікъ що робытме?

1-я молодыця (*регоче*).

Э, дайте покій зъ моимъ слынявымъ!.. Ему бъ тилькы до хаты доплентатись, то заразы и заляже спаты, мовъ ведмидь у берлози, и вечеряты его не добудыся.

2-я молодыця.

А у мене чоловікъ за всымъ пеклуецця: я прийду до дому, сяду на лави, о такъ руки згорну и за холодну воду не визьмусь...

1-я молодыця (*регоче*).

Кому яке щасте!

2-я молодыця (*усмихаецця*).

Нехай господарюе, а я буду панувати! (*Побачыла Стеху*). Дывитця, дывитця, свахо, ондечкы хтось стоить! А хто то?

1-а молодыця.

Та хай ий лыхе! Хиба не пизнаетъ? (*До дивчинки*). Не дывысь, Ярынку, на неи, грихъ!..

2-я молодыця (*регоче*).

Перекупка, що торгує дочкою?.. Ачъ, якымъ гарнымъ платкомъ закуталась!

1-я молодыця.

Винь їй дешево достався!.. Ачъ, яка пыхата! Зовсімъ бы пани, та шкода: хвистъ закаляний! (*До дивчинки*). Не дывысь-бо, кажу тобі, на неї, бо бытому!

2-я молодыця.

Хто бъ мене продавъ, якъ бы я сама не схотила? А такъ вже: яка маты, така й дочка.

1-я молодыця.

Яке симьячко, таке й зилечко! (*Глянула на село*). Ондечкы й коровка наша, якъ бижить до хаты. Маню-маню-маню! Телось-телось!.. (*Пшилы*).

Стеха (*одна*).

„Яке симьячко, таке й зилечко“!.. Кленить, ганьте, паскудьте!.. Охъ, люде, люде!.. У звіря лютого швидче зъявйтця жаль, у гадыны холодної більшъ знайдетця тепла у серцеві, ніжъ у вась!.. Дитямъ забороняють дывытысь на мене!.. невже я така велька гришныця?.. А все черезъ кого? Черезъ Андрія все це вчынылося!.. Проклятый, проклятый Андрію!.. Черезъ тебе и Оленка загнуты мусыть. Охъ, Боженьку мылый!.. Пошлы мени заразъ смерть раптову, тилькы не попускай на глумъ людський та на знущенне!.. Бо лехче вмерты, ніжъ викъ видъ сорому очи ховаты!.. (*Хоче кынутысь въ крыницю*). Грихъ и це тяжкий грихъ!... Охъ! И жыты не стерпучо и душу жыву грихъ занастыты!.. (*Рыдає. У цей ментъ чутно спивъ Андрія*). Що? Я не помиляюсь!.. Це его, Андріивъ спивъ!.. Винь спиває, радіє, що отруту зъ собою Оленци несе!.. О, Боже, дай же мени сылы розшматуваты ту гадыну!

Андрій (*спиває за лаштункамы. На 3-мъ або на 4-мъ куплеті зъявляється на конз*).

Щука рыба въ мори, гуляє доволи,
А удовынъ сынъ хороший, та нема ему воли.
Тилькы жъ ему воли, що въ чыстому поли,
Осидлає коныченъка, та гуляє доволи!
Гуляє, гуляє, ниhto жъ не спынає,
Та тилькы жъ ему сывий соколонько
Надъ головою литає.
Сывий соколоньку, ты високо литаешъ,
Чы далеко мого сына въ ватази выдаешъ?
Твій сынъ на могыли коня попасає,
Та тилькы жъ ему сывий соколонько у голоньци ськає!..

Я в а б - а.

Андрій (*зупыняється и знима шапку*).

Слава Тоби, Мылосердному, що довивъ мене благополучно до ридного села, а думавъ що вже его й не побачу. (*Прывдвляється*). Щось стоить! Не вже Олена? Я пысавъ їй, щобъ сегодня якъ разъ сподивалась. Олено, ты?

Стеха.

Ни, це я, мій любый зяте!

Андрій (*зрадивз*).

А, здрастуйте, паниматусю! А чому жъ Оленка не выйшла? Може заслабла? (*Хоче поцилувать їи въ руку*).

Стеха (*видтыха его*).

Геть, ироде!

Андрій.

Паниматко, що це зъ вами? Кажить, кажить: у васъ нибы щось страшно на думци?

Стеха (*жахається*).

Це... це не Андрій!

Андрій.

Богъ зъ вама, паниматусю! Прыды-
витця на мене, хіба й справди такъ
дуже змарнивъ? Та якъ и не змарниты?
Тяжка работа, ажъ заслабъ бувъ! За
те жъ, мамо, и заробывъ стилькы!..

Стеха.

Це мана, мана!

Андрій.

Якъ? Я й не знаю, що зо мною бу-
де, якъ побачу Оленку?.. Ходимъ же,
мамо, швидче до дому, серце порываецця
и якъ не выскочыть зъ грудей.

Стеха.

Туманомъ и вогнемъ заразомъ мени
мозокъ заволокло!..

Андрій.

А що, дуже зрадила Оленка, якъ про-
читала лыста видь мене? То я, мамо, самъ
лыста пысавъ, мене тамъ одынъ панычъ,
спасыби ему, навчывъ. Я теперь можу
усяку кныжку прочытаты и всякый ликъ за-
пысаты и на щотахъ можу... Вже теперь
мене ништо не обдурить! Та що зъ ва-
ма, паниматко?

Стеха (зъ крыкомъ).

Одурено насъ, одурено! Обморочено!..
Пропаци, вси пропаци! (*Бижыть видъ
Андрія*).

Андрій.

Що воно таке? Кого одурено, кого
обморочено? Побигла!.. Чы не трапылесь
чого, бороны Боже, зъ Оленкою? (*Швид-
ко пишовъ до села*).

Я в а 7 - а.

За лаштункама парубоцькый гуртъ.

Одынъ зъ парубкивъ.

Ану, затынай „дуба“, чы дотанцюю я ажъ
до села? (*Спивають, одынъ танцююе*).

Ой дубъ-дуба, дуба, дуба,

Ой дивчыно моя люба,

Набрехала на мене,

Що я ходывъ до тебе,

Черевычки куповавъ

Хвыгы-мыгы дарувавъ,

Стрички прости и шовкови

И чоботы сапьянови,

Хустку гарну, хвартушыну,

И спидныцю й корсетыну,

И намысто, и каблукчу,

На биленьку твою ручку...

Якый батько, такый сынъ—

Выносила зъ дижки сыр:

До ряби кобылы

На залеты ходылы!

По пидъ тыномъ, коло саду

Бижыть дивка зъ винограду,

А за нею и маты

Бижыть дочку перейматы:

„Вернысь, кажу, чы ты чуешъ?

Куды ты такъ чемчыкуешъ“?..

На вульцю, моя маты,

Зъ парубкама жартуваты!..

Танцювала, дриботила,

Докы спаты не схотила,

Прокынулася та по хати

Пишла знову танцюваты!..

И ногама выбывала,

И словами промовляла:

Сюды, сюды, парубьята,

Въ мене хусточка квичата,

И спидныця изъ кытайкы,

Хвартушына зъ каламайкы!

По базарю я ходыла,

Черевычки тамъ купыла...

Хлопци, хлопци, вси до мене,

Чорни бривонькы у мене...

Ой дубъ-дуба, дуба, и т. д.

З а в и с а.

Одмина 2-а.

Велька кимната, нибы у панськимъ будынку; скількы столовъ, покритыхъ дорогымы скатеркамы, ризнымы на колірѣ; дзыгылы жовти и чорни, шахва. На однімъ столі скількы кныжокъ у старыхъ переплетахъ, на стини патреть якогось военного.

Я ва 1-а.

Бычокъ (*ходить по хати*).

Думаю, думаю и ни на чимъ не зупынюсь! Николы мени ще не доводилось бути у такой прыгоди, якъ теперь: не сегодня—завтра повиненъ Андрій прыбуты, треба бѣ Олену якъ небудь зъ моеи хаты выпровадыты, а самому на який часъ куды-небудь зъ села дали заіхаты, помы все уляжетця та втыхомырытця... А якъ ты іи выпровадышь зъ хаты, колы зовсимъ зтерялась? Циленський день и ничъ все щось балака, або регоче, то почне голосыть... И такъ голосыть, що ажъ луна по хати йде!.. А учора мало мене не задавила: якъ ухопыла за горло, ледве-ледве руки іи рознявъ. Та куды це стара проты ночи повіялась? Сумно якъ одному въ хати... Якъ почне смеркаты, то прямо якось ажъ няково одному въ свой хати... Напысавъ сегодня до прыятеля-адвоката, щобъ давъ совить и пораду. Чортъ мени надавъ впусыть Олену до себе въ господу, хай бы сыдила у матерыній хати, певницъ бы було дило... А теперь выкручуйся, якъ знаешъ. Неначе и не остеригся якъ вона опынылась въ мой господи!.. Увесь викъ розумно робывъ дила, такъ киньци зъ киньцямы ховавъ, що й наймудрищый не розплутаваъ бы, а отъ пидъ старистъ натворывъ такого, що й не знаю, якъ выкрутытысь!.. Якъ що адвокатъ завтра не прыде, поиду самъ до него и тамъ вже якось винъ мени порадыть!.. (*Помовчавъ*). Отакъ вже третю ничъ ходю, якъ вар-

товый; боюсь и прылягты, щобъ часомъ сонному чого не поробыла. Наробывъ халепы, ускочывъ ажъ по самисеньки вуха!.. Правду кажуть, що якъ кого Богъ захоче покараты, то першъ усепо паморокы одибье!.. (*Пидходе тыхо до боковыхъ дверей*). Лежыть... Заплющыла очи... Може заснула? (*Одйшовъ*). Прохавъ де кого зъ сусидскихъ молодыць, щобъ прыйшлы до ней на ничъ, такъ уси боятця, жахаютця!.. Лыбонь люде, а гиришь звирякъ!.. (*Походывъ*). Сказать бы, що я вже не вчений на цій погани? Зкортило на старистъ! Мало-жь бидкався хочъ бы и зъ своею винчаною жинкою, докы вона не вкрала у мене двисти карбованыцывъ, та не втекла?.. И голодомъ морывъ, и въ лехъ заперавъ, и посереду зимы въ ополонци купаваъ, бывъ, нивечывъ... А такы прывивъ до того, що втекла! Теперь ще гириша халепа! Ну, поморочъ, Ёсыне, голову, розмиркуй!.. Ни, вже зарикъ дамъ: докы й вику мого не зальщытись до того проклятого зилля, до гаспедськныхъ молодыць... Прыдбавъ соби клопоту та ще й за свои гроши! Розиръ мени зъ нею... Звъязався зъ дьяволовою дочкою, а теперь морочся, та ще й рехидъ такый пиде, що й сказаты страшно!.. Може ще прыйдетця ликаря найматы, за лыкы платыты... Краще бѣ вже вмерла шывидчъ, все одно не выгоитця!.. О, Господы! Зовсимъ голову загубывъ... Охъ, гришень, гришень!.. Та куды це стара подилась?.. Пиду, чы не умовлю кого, щобъ прыйшовъ на ничъ... Самому страшно зъ нею! (*Пышовъ*).

Я в а 2 - а.

Олена (*прожогомъ выбігає*).

Яку чудну іграшку выгадавъ Андрій: заховавсь, а ты его й шукай! Уси закуточки обходила... Нема! Я спала, а Андрій підійшовъ крадькома, та й поцилувавъ мене... А самъ и заховався... Ачъ, якъ гаряче поцилувавъ, усе лице пашпытъ!.. Знайду, знайду тебе, та й прыгорну до сердца!.. Щильно-щильно обійму рукамы!.. Де жъ це винь? (*Вздрила малюнокъ на стини*). Цыть!.. Винь тутъ!.. Я заразъ чула его голосъ! (*Тыхо*). Цыть, мовчы, почую!... Мы его одуримо! Ходимъ, ходимъ зо мною, я знаю де заховатись!.. Чуешъ, якъ щось у комни гуде?.. То видьмы прылетили на кочергахъ, прельтили за мною, клычуть зъ собою на бенкетъ!.. (*Зрыває зъ себе платокъ*). Розпатлай мени волоссе... Я тежъ видьма. А ты й не знавъ?.. Давай швидчъ метлу! Пора, пора летити!.. А гроши дай сюды, я заховаю такъ, щобъ нихто не знайшовъ! Зъ гришмы добре жыть, а безъ ныхъ краще пропасть!.. (*Шукає по закуткахъ чогось*). Дежъ вона?.. Тутъ, тутъ заразъ була! (*Бижыть и нобы щось хапає өз руку зъ доливкы*). Осьдечкы, осьдечкы Андрієва правда, ось у жмени держу! Не дамъ тоби! (*Промовля чуло*).

А вже тая правда

Та й кривдою стала,

А вже тая чорнявая

Тужыть перестала!..

Де мое дороге намысто? Де мои перстни? До Андрія поїду, наряжусь, якъ пава, якъ краля, и въ вичи ему заребочусь! (*Показує*). Дывысь, дывысь, якъ его коханка—полюбовниця на мене боязко дывитця? Чого ты такъ на мене вызвирылась? Визьмы его, голубко соби; я тилкы затимъ и прыхала, щобъ поглузоваты та насміятись надъ вами обома!.. Осьдечкы мій чоловік! (*Прытаньцевує*).

Я за него захылюсь, захылюсь,
Та й никого не боюсь, не боюсь!

Прощайте, зоставайтеся здоровеньки, та не згадуйте насъ лыхомъ!.. Ха-ха-ха! Ёсыпе, Ёсыпе! Швидчъ до дому, тамъ дытына мала плаче, треба иі погодуваты; а то маты нагодують иі баговиннемъ, або гловкымъ лободяныкомъ!.. Бачъ, бачъ, вже й подавылась дытына!.. Мамо, мамо, що вы робыте? Дывитця, вже дытына зовсимъ посынила!.. Знаешъ що? Купы мени сынего на спидныцу! Сынего, сынего такого, щобъ ажъ очи у себе брало. Лягай, мылий, спаты, а я цилисеньку ничку не спатыму та плакатыму... Памьятаешъ, Андрію, сердце, якъ я тебе въ дорогу выражала! Памьятаешъ, серденько, якъ я тоби, плачучы, прыспивувала!.. Забула, якъ вона на голосъ?

Та лягай спочыть, мій мыленькый,

А я постиль постелю;

Трети пивни заспивають,

То я тебе розбудю...

Забула, голосъ!... Памьятаешъ? Бачъ, зъ журбы за тобою усе позабувала. (*Прыспивує*).

Та вставай, вставай, мій мыленькый,

Годи тоби спать,

А вже жъ твои вороны кони

Та й посидлани стоять!..

Охъ, прыгорны жъ мене, зогрій мое сердце, бия твоего теплого сердца!.. Охъ, якъ же мени любо, якъ мени тепло!.. Стрывай, нагадала!.. Пидъ перелазомъ, проты Бычковой хаты о крыньця! Такъ? У тій крыньци сыдыть жаба зелена-зелена!.. То не жаба, не вирь, то Ёсыпъ!.. Стережысь!.. Охъ, не ходы туды!.. Чуешъ, якъ жаба скрегоче!.. Скынъ, скынъ иі зъ мене! Впылася въ тило, кровь пье!.. Стрывай, я иі вбью!.. (*Вхопыла палыцу и кыдаєтця, потимъ почына жбурлять кныжкы зъ столу*).

Я в а 3 - а.

Бычокъ и селяне, потимъ **Андрій** и **пастухъ**.

Бычокъ.

Отакъ, якъ бачыте, люде добри... За вищо мене Господь покаравъ, тр я й не знаю? (*Побачывъ Андрія*). Андрій?

Андрій.

Я! Не сподивались гостя? Выбачайте, що трохи спизнявся: довго шукавъ своєї хаты, та ледве потрапивъ у вашу!.. Може звечевья сполохавъ васъ, то вже не гнивайтесь, Ёсыпе Степановичу!

Олена (*зъ крыжкомъ*).

Хто це? Хто це? Андрій?! А де жъ та розлучныця, твоя полюбовныця?

Андрій

Хто ты, молодыце, ты мени щось не познаку?.. Скидыаеся трохи на мою Олену, тильки щось дуже гарно зодягнена и простоволоса!.. Ни, це пани якась, а не моя Олена!

Олена.

Що, що такє?.. Мозокъ мій схне. У голлови порожне! Давыть мене, стыскае клищами зализными!.. Зперло у грудихъ!

Андрій.

Чому жъ, Ёсыпе Степановичу, не просыте мене сидаты? А я бильшь двохсотъ верстовъ пишки йшовъ и дуже стомывся! Поспилавъ до васъ на весилле!.. Кого жъ це вы высваталы? Спасыби вамъ, вельке спасыби: и за вашу прыязнь, и за щыру пораду, и за вашу прыхильнисть до моеи жинкы! Велька вамъ дяка, честный вы чоловік! Взялы мою жинку, розирвалы мое сердце, пошматувалы душу, соромомъ

покрылы мою голову!.. Одне тилькы не честно: не витаеете мене и не дякуете?

Бычокъ

Я твоєи жинкы не держу, беры ии хочъ заразы!

Олена (*шепоче*).

„Беры ии хочъ заразы“!..

Андрій.

Якъ же це такъ? Натишылысь, а теперь беры?

Бычокъ.

Я ии не сылюю взявъ!

Андрій.

Сама бъ то на грихъ пишла?

Бычокъ.

Сама!..

Олена (*шепоче*).

Сама!..

Бычокъ.

Чого жъ ты ще видъ мене хочешъ?

Андрій.

Порады! Радылы вы багато разивъ, порадыте и въ останне: якъ мени тепера буты? Вы чоловікъ вчений, письменный!.. А де жъ лысты ти, що я черезъ васъ пысавъ до Олены?

Олена (*шепоче*).

Лысты пысавъ до Олены“... Андрій не пысавъ... Андрій пыше: „покохавъ я другу, крацу и багату“... Пыше: „никылы не вернусь... Не сподивайсь мене бачыты“... Я й не сподиваюсь...

Андрій (*заскрыпывъ зубами*).

А?! Теперь я все зрозумивъ! Пе-

кельна душе, сатаю?.. Вдовольный же себе до кинья!.. Визьмы нижъ, ударь мене ось куды!.. (*Розхристуе сорочку*). Доковай мое тило, бо душу мою ты вже убывъ!

Олена (*зкрыкуе*).

Андрій, мій Андрій!..

Андрій (*видныха и*).

Геть видь мене!.. (*Олена пада мертва*).

Я в а 4 - а.

Ти жъ и Стеха.

Андрій.

А ось и' порадыця, ридна ненька! (*До Стехы*). Поможить паніи пиднятысь; бачте, панъ и зъ мисця не зворухнетця! Ачь, якъ навчылася падаты, наче и справди зомлила!

Стеха (*прыпада до Олены*)

Доню, доню, доню моя!.. (*Зъ лякомъ*). Вона мертва!

Андрій.

Мертва? Ни, то вона прыкыпулась мертвою!.. (*Одыха и*). Одійды, стара, годи вже вамъ мене морочыты! (*Нахыляецця до Олены*). Померла... Померла!.. Ни, ни, не правда!.. Олено! Олено! Оленочко!.. Не лякай мене: я зъ персердя одипхнувъ тебе, зъ велького жалю зневаживъ тебе!.. Оленко, пробачь, пробачь мени! Промовъ хочъ словечко!.. Одкрый оченята!.. Дывысь, це я передь тобою, твій любый, твій коханы!.. Боже, Боже! Закрылись на вьки оченькы, склепылись рожеви устонькы; замовкло сердце... А хто жъ мене теперь привитае сыротыну, хто дасть мени порадоныку,

хто приголубе?.. Олено!.. Оленко!.. На ко-го жъ ты мене покынула? (*Прытавз до неи плаче, дали дывытця ий въ лице*). Холодный страшный, докирливый поглядь!.. (*Вставз*). Люде добри, мыръ хрещеный!.. Дывитесь, дывитесь, якъ зпуцаютця надъ нами ти, що святе пысьмо своими очыма бачають; ти, що правдою торгують, честь людську топчуть ногамы и Бога купують!.. Дывитесь, у него повна хата образивъ!.. Церква — не хата! Винъ Богу мольтця по трычи на день и все поклоны бье и цилисеньку обидню выстоюе на вколюшкахъ!.. А мы, слипый народъ, якъ небудь лоба перехрестымо и въ церкву не вчащаемо, черезъ неспромижнись та втому до знесилення, черезъ те и не вміемо такъ праведно, по Божому жыты!.. (*Наступа на Бычка*). Та порады же мене ты, богопродавче, якъ мени зъ тобою помырытысь?

Бычокъ (*зъ лякомъ*).

Рятуйте, хто въ Бога вируе...

Андрій (*ухопывъ Бычка за груды*).

Ты мене рятувавъ увесь вькь, я жъ тоби и виддячу!.. (*Ненарокомъ побачывз у пастуха нижз на пояси, выхоплюе нижз и бье Бычка*).

Бычокъ (*пада*).

Охъ, Боже Мылосердны!..

Андрій

Що, митко? Рука не зхыбыла? (*Жбурыля зъ лякомъ нижз*). Люде добри, берить мене, вьяжить, закуйте въ зализю!.. Убыйте!.. Я мертвецъ...

Стеха (*прыпада ему до низз*).

Охъ, убый же, убый мене, мій сы-

ночку, мій зятеньку!.. Я бильшь усихъ
вынна!.. Я дочку пидвела на соромъ!..
Охъ, убый же, убый мене!..

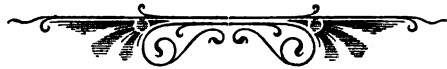
Андрій (*дывляця зъ презирствомъ
и чуло промовля*).

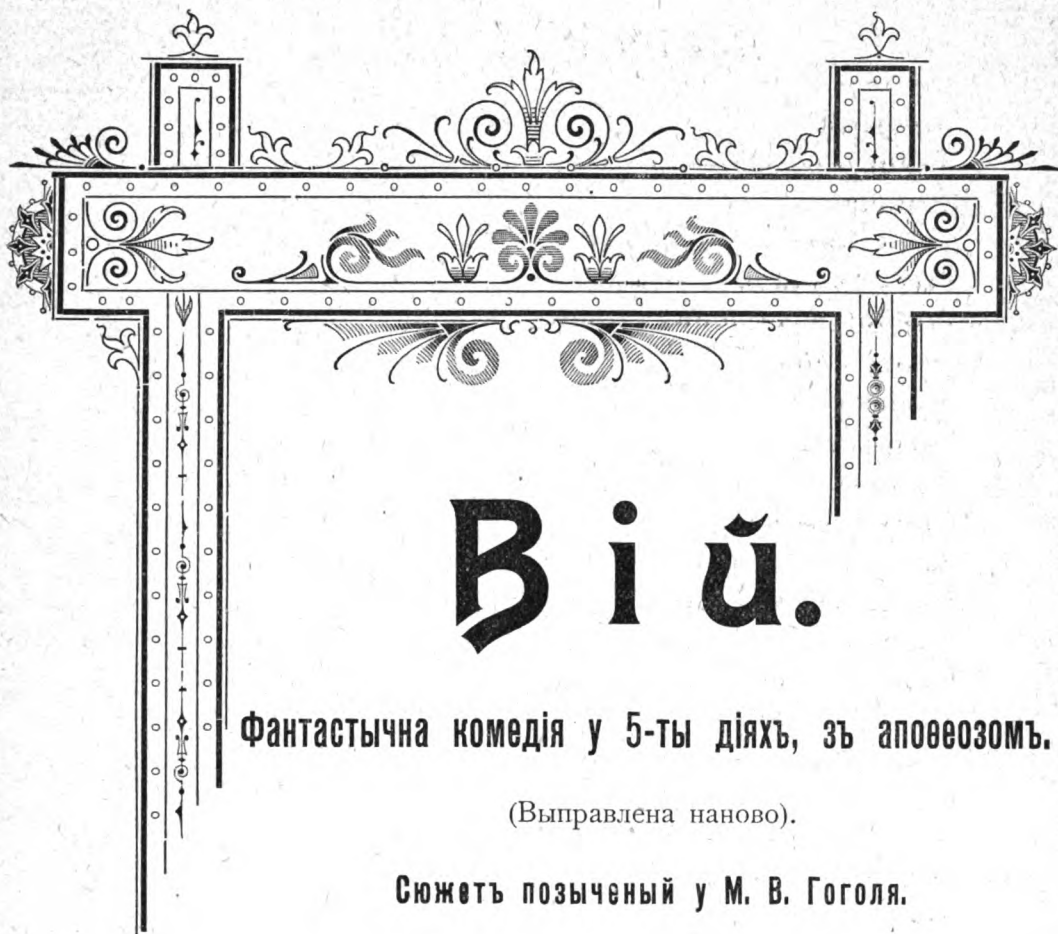
Тебе убыты?.. Рука не здймаеця
на таку гришныцю, на таку гадыну—ма-
тирь!.. Зоставайсь на поковоль, та на

глумъ усему хрещеному мырови!.. Хай
люде цураютця та каютця по тоби!..
(*Прыпада до Олены и почына ры-
дать*). Горлычко моя, серденько мое!..
На кого жъ ты мене покынула на цимъ
холоднимъ, зрадливымъ свити?.. (*Зави-
са тыхо спада, Бычокъ стогне*).

Зависа.

3-го Февраля 1899 г.
г. Москва.

В і ѱ.

Фантастычна комедія у 5-ты діяхъ, зъ апофеозомъ.

(Выправлена наново).

Сюжетъ позычений у М. В. Гоголя.

ЛЫЦЕДІИ.

Сотныкъ

Панна, сотныкивна.

Нянька.

Хома Брутъ, хвылософъ.

Тыть Халява, богословъ.

Тыберій Горобецъ, рыторъ.

Стара баба.

Дорошъ.

Свырыдъ.

Оверко.

Хаймъ, шынгаръ.

Хайка, его жинка.

Панъ Хорунжый.

Чабанъ.

Чередныкъ.

Петро, телятныкъ.

Табунщыкъ.

Горпына, молодыця.

Перекупка, бублейныця.

Панны.

Мужыкъ зъ возомъ.

Баба.

Мужыкъ.

Соцькый.

Цыганъ.

Дивчына.

Вій.

} переодягнени бурсаки.

**Панны, бурсаки, перекупки, козаки,
дивчата и народъ.**

Д і я 1-а.

Базаръ у Києви на Подолі.

Я в а 1-а.

Перекупки (спивають).

Допоможы, Боженьку,
Та вкорыстуй гоженько
Намъ на добрый торгъ,
Щобъ товару не баблялы,
Щобъ поцинно куповалы—
Все за гроши, а не въ боргъ.

Бублейниця.

Въ мене бублыки пухкеньки,
Мняки та румьяни!..

Прянышниця.

Въ мене прянычки солодки,
Свиженьки медяни!..

Сластеныця.

Сластененьки на маслыци, ажъ тече,
Нихто другый проты мене не спече!

Я в а 2-а.

Ти жъ и бурсаны выходять зъ се-
минарськой брамы.

Мы ныни, лышь отъ сна возставъ,
Весели точымо вси лясы,
Ибо желанный день наставъ:
Отыдемъ зъ мыромъ во своясы.
Не хожемъ знаты никого,
Никого днесъ мы не вбоимся,
Запасъ вчынивъ для чрева своего,
Мы зъ alma mater распростымся.

1-й Граматыкъ.

Васылю, пострывай. Ось глянь, я вси

бабки забравъ зъ собою, ажъ кешени
обдулысь. Будемъ гратысь дорогою?

2-й Граматыкъ.

Давай зминяемъ зо мною на горобе-
нятокъ,—дывысь ось яки? (*Показуе го-
робенятъ*). Дасы дви пары за одне
горобеня? (*Видходять, розмовляючы*).

1-й Рыторъ.

Хто тя такъ, Олексію, свыснувъ въ
одесную, що гуля на щоци зъявылась,
мовъ кулакъ?

2-й Рыторъ.

А тебе хто морснувъ въ ошую, пидъ
окомъ посадывъ сынякъ,—мабуть була
рука не легенька?

1-й Рыторъ (до 3-го).

Ой-ой-ой, якъ губу ты розъюшывъ, де
це такъ?

3-й Рыторъ.

Не вимъ, звидкиль взялася ця беда?

1-й Рыторъ.

А може почавъ вже свершаты ночни
похожденія? (*Балакають нышкомъ*).

Халява (до Хома).

Учора було у мене ажъ дви папуши,
а сегодня нема а ни щенту, а ни стеб-
лыны!

Хома.

Фью, це шкода, це кешьке діло!

Халява (до другого богослова).

Позычь на люльку, Миколаю.

Богословъ.

Тай у мене и попилу нема, пожды,
мотнусь ось по рундукахъ — стяжаю; те-
перь же а ни коринчыка нема!

Хома (п.люе).

Погаю. А якъ нудно зъ перепую!..

Халява.

Колыбъ було се ночьюо добою, свер-
шылы-бъ на корчму набигъ, та похме-
лылся-бъ, а въ день якось боязко.

Хома.

Дневное свитыло смуща одвагу? То
то-жь бо й е. Днемъ тилькы подумаешъ
о стяжаніи и вже червоніешъ и душа
гряде во пяты.

Халява.

Ну, я и въ день, якъ плохо лежать,
то можу. Невже вчора здорово перебор-
щывъ?

Хома.

Краще не згадуй, а то ажъ досадно
робытця. Просто беда якъ нудно и въ
тельбухахъ гуде.

Перекупкы.

Паныченькы бравесенькы,
Бурсаченькы гарнесенькы,
Сюды-сюды, голубчыкы, до мене,
Добырайте ось свиженьке у мене.

Бублейныця.

Ось бублчыкы румьяни та гожи.

Сластеныця.

Сластененькыхъ приречкивъ може.

Прянышныця.

Ось прянычкы солодонькы на меду,
Ей же Богу, нехай зъ мисця не зйду.

Бублейныця (до Хомы).

Ходить, паныченьку, сюды, давненько
вась чекаю.

Халява.

Чы чуешъ, Хомо, гука на тебе буб-
лейныця, що въ жовтому очипку. А яка
моргуха!

Хома.

Веселу, бачъ, натуру мае. (Пидхо-
де до бублейныци). Добрыдень, красу-
ни титци.

Бублейныця.

Яка вже тамъ красуня: вихтемъ зма-
левапа, сажою пидведена. (Регоче).

Хома (спива).

Моя ты люба щebetунне!
У тебе и товаръ смаченькый,
А ще смачници губкы.

Бублейныця.

Якый брехливый, моя ненько!

Хома.

Невже не виришь, моя любко?
Ахъ, азъ тебе кохаю
Такъ пламенно и страстно,
Вздыхая ежечасно!..
Не видя же страдаю,
Що даже Боже мой!

Бублейныця.

Ну й бреше ловко, ой-ой-ой!

Халява и други.

Що винъ ій тамъ тороче,
Хымерне певно щось ажъ надто,

Вона відь реготу сокоче,
Мабуть скромне щось, де-факто!

Хома.

Румьяненький выдочокъ,
А бривкы, якъ шнурочокъ
И зубкы—перлы били!

Бублейныця.

Глядять-же, щобъ васъ не побылы.

Хома.

Ласкави оченята мыли.
Ахъ азъ тебе кохаю и т. д.

Бублейныця.

Ну й бреше ловко ой-ой-ой!

Халява и други.

Шо винъ ій тамъ тороче и т. д.

Халява.

Одначе чого жъ це я воронъ ловлю.
(*Пидходе крадькома до бублейныци*).

Хома.

Нехай въ туртуры провалюсь, нехай
пожре мене самъ адъ, колы не кохаю те-
бе до... до умопомраченія! (*Шепоче ій
на вухо*).

Халява (*краде бублыкы и запыха
въ кешеню*).

Ниякъ засунуть не вмудрюсь, ты ихъ...
туды, вони назадъ, ты ихъ исты, а вони
гратысь!..

Я в а 3 - а.

Авдыторы (*выходячы зъ брамы*).

Граматыкы и рыторы,
Воздайте мзду авдыторамъ!
Вельковозрастни остолопы,
Носящии на тваряхъ тропы;
А котрый здумае зхытрыты,
Того по лапахъ будемъ быты.

Граматыкы и Рыторы (*ховаючысь за
бильныхъ*).

Мынулося ваше панство,
Ясновельможнее гетьманство.

Вси, опричь авдиторивъ.

Мы ныни лыпъ отъ сна возставъ,
Весели точымо вси ласы,
Ибо желанный день наставъ:
Отыдемъ зъ мыромъ во своясы.
Не хочемъ знать мы никого,
Никого днесъ мы не вбнимся,
Запасъ вчынывъ для чрева своего,
Мы зъ alma mater розпростымся.

(*Авдыторы чванливо проходять*).

Я в а 4 - а.

Ти жъ и Тыберій Горобецъ.

Тыберій.

Братіе, смиритесь, внемлите, къ ре-
чамъ моимъ слухъ преклоните.

Хоръ.

Селенціумъ, паціенціумъ!..
Тыберій щось намъ промовленціумъ!

Тыберій.

Возрите! Ідутъ на базаръ возы, ве-
зуть селяне на продажъ всяку живнисть:
поросята, чуєте якъ кувикають? Качкы
такають, гусы герготять, куры сокочуть!
Давайте жъ не вдарымъ лыцемъ въ боло-
то и заспываемо яку небудь кантату, та
такъ, щобъ у селянына ажъ морозъ по
за шкурою пишовъ, щобъ зпершу винъ
здывувався, а потимъ заголосывъ; тоди
уже винъ мусытыме даты намъ всякои
живности и овощивъ до схочу; а це
намъ на дальный путь само потрибне.

Халява.

Молодецъ Тыберій! Такъ будемо-жъ
спиваты жалибно и торжественно!

Тыберій.

Я почуваю вже добру поживу.

Халява.

Гайда навпереймы, онъ до того воза, на котримъ зъ клітки виглядають гн-дычи головы. (*Вси пишлы*).

Я в а 5 - а.

Ти жъ и Панна Сотныкивна,

Хома (*до бублейныци*).

Такъ онъ якъ я тебе кохаю—ви-рышь?

Бублейныця.

И присягнетесь? (*Тыхо говорятъ*).

Панна.

Колыбъ мени его ще хочъ разъ останній побачыты? (*Побачыла Хому*). Осъдеч-кы винь!.. Такъ, такъ, я не помыляюсь, це винь, котрого я торикъ уперше побачыла, котрый ще видтоди опалывъ мое сердце! Теперъ я не мовъ оживаю, смутокъ и горе одлынули видъ мого сердца!.. Це винь! Шкода, що не самъ, зъ перекупкою розмовляе... Не осмилюсь пидійты...

Бублейныця.

Така-бъ-то й справди гарна?

Панна.

Хочъ бы жъ словечко зъ нымъ перемовыты. Самій пидійты—не зручно, Кого-бъ-же попрохаты, щобъ?..

Бублейныця.

Годи пустословыты!

Хома.

Ввергаешъ, жено, мя въ печаль!

Панна.

Якъ зветця винь, колы-бъ спытаты у кого?

Бублейныця.

Кажу-жъ вамъ, що не вирю, не вирю!..

Панна (*постерега*).

Лыбонь винь не розмовля зъ перекупкою, а зальцаетця?..

Бублейныця.

Рукамъ воли не давайте!

Хома.

Помру, пропаду!..

Панна.

Невже винь ии коха? (*Хома обійма бублейныцю*). Що бачу? Винь прыгорта ии, обійма!..

Бублейныця.

Гетьте!.. Якъ ще хто побаче!

Хома.

Не сыла моя дали здержуватись. (*Почыни ии цилуваты, а другою рукою бере зъ корыта бублыкы и затыха вз кеменю*).

Панна.

Ой, Боженьку!.. Такъ, такъ, винь ии коха! Нащо жъ я це побачыла, ой, смерте моя!

Я в а 6 - а.

Ти жъ и Халява.

Халява (*несучы сало и ковбасы*).

Е и сало и ковбасы: кой-що выпрочавъ, а кой-що стяжавъ!

Панна (*до Халявы*).

Скажы, будь ласка, хочу я спытаты...

Халява (*зъ жажомъ*).

Про вицо?

Панна.

Якъ звать онъ того, що... Кто винъ?

Халява.

Хвылософъ то е, Хома Брутъ!.. (*Питовъ*).

Панна.

Отрута то моя и скруха!.. Побачыла-зрадила, спизнала-помираю! Алежъ це помилно, безглузде коханне, помре въ мой души! (*Хома лбезуючы видходе на бикъ зъ бублейницею*).

Хома.

Кажу тобі, моя чаривнице, що страчу себе, колы не поклычешъ мене сегодня на смачный обидъ.

Панна (*спива*).

Ой, чы давно жъ те було,
Що мое биле лычко цвило,
Якъ рожевый цвить?

Чому жъ такъ раптомъ свить
Не мовъ померкъ мени й огыдъ?

Хай дивоча краса змарніе,
Хай коса руса посывіе,

Въ очахъ чаривный проминь згасне,
Душа боляща нышкомъ засне—
Пропало, вмерло все въ мени!

Ни до кого прихылыться,
Ни съ кымъ жалемъ подилыться,

Нихто серденька не вспокое,

Охъ, нихто трудне не загое...

Охъ, и тяжке жъ мое горе! (*Иде*).

Хома (*зничевъя побачывъ панну*).

Ахъ, щожъ то за лычко блиде та гарне, а постать, поглядъ?..

Я в а 7-а.

Ти жъ и Нянька.

Нянька (*до панны*).

Мій Боже мый! ажъ ось де ты, а я вже такъ була злякалась. Якъ це ты видбылася видъ насъ? А мы тебе по всій церкви дывылись, и въ подвирья Брацьвого, и въ садку...

Панна.

Я... Ходимъ. Не знаю, якомъ заблудылася я и тутъ опынылася...

Нянька.

Ты, мовъ, не прытомна? Ходимъ мерщій! Що це зъ тобою почынылось?

Панна.

Охъ, стій, дай ще разъ подывлюсь, въ останне, бильшь не побачу!..

Нянька.

На кого подывыся?

Хома.

Божественна краса!

Нянька.

На чью ты такъ задывылася вроду,
чы на кари очи, чы на гнучкый станъ, чы на жупанъ дорогой, самоцвитный?..

Панна.

Вже надывылася до схочу, бильшь не побачу!

Д У Э Т Ъ.

Панна.

Покохало мое сердце
Его до загыну,

Нянька.

Що ты кажешъ? Це хтось зглазывъ сердешну дытыну!

Панна.

Палають мріи, думки мутніють,

Нянька.

Ручки холонуть, уста пиміють.

Разомъ.

Ой, якъ же серденько ^{твоє}_{моє} трипоче,
Немовъ изъ грудей выскочить хоче!..

Панна.

Торикъ я его уздрила,
На викъ закохалась!..

Нянька.

Чы не зъ того, голубонько,
Що ночи жахалась?

Панна.

А винъ, зъ другою тутъ женихався...

Нянька.

Ой, хто жъ винъ такый,
Звидкиль винъ взявся?

Разомъ.

Ой, якъ же серденько ^{твоє}_{моє} трипоче,
Немовъ изъ грудей выскочить хоче!..

(Пишлы).

Я в а 8-а.

Ти жъ и Халява.

Халява (до Хома).

Пора намъ, друже, въ путь дорогу!

Хома.

Ты бачывъ заразъ, хто вона и звидкы?

Халява.

Якась-то панна, а звидкы?

Хома.

Чы не мана то?

Халява.

А, нехай соби! (*Махнувъ рукою*). По-
держъ лышь мою керею, (*кыда ему на*
руку керею), а я пиду, стяжаю бака-
ли. (*Пишовъ*).

Хома.

То не панна, то якась дывна, чудо-
ва мрія!..

Я в а 9-а.

Селянынъ выздытъ на вози, поручъ
зъ нымъ сьдытъ Баба. На вози уся-
ка живнисть и огородына.

Халява.

Братіє, сюды! (*Бурсакы, отричъ*
Хома збигаютьця до него). Видкашляй-
тєсь мерщій! (*Задає тонъ*). Уть-ми-
соль-уть!

К А Н Т А Т А.

Бурсакы.

Хто вбогому всечасно помогає,
Въ бедахъ стомленна захищає,
Незримо въ комъ добро тече,
Во ономя завжды Богъ живе!
Хто диломъ помога, не словомъ,
То той соби прыготовывъ

Хома.

Ой, що жъ то за дывна краса:
Очи, якъ зиронькы сяють,
Бривонькы чорни, руса коса,
Чы вже жъ колы злыняють?

Бублейныця (*пидходе*).

Чого замыслывся, паньчу?
Ну годи сумувать, я врию,

Житте на небесахъ нове,
 Въ takimъ-бо завжды Богъ живе.
 И ты, о, чоловиче, возмицаешъ
 Въ соби свій рай, бо сердце маешъ
 Чыстїйшее, мовъ скло нове.
 Въ тоби-бо завжды Богъ живе.

А щобъ подать тоби надїю,
 Обидаты до себе клычу.

Хома.

Не бачывъ николаи такои:
 Струнка та хороша на дыво!..
 Прощай на вики супокою,
 Ни що мени на свити вже не мыло!

Бублейныця, разомъ зъ вурсаками и Хомою:

Яки солодки словеса,
 Наскризь мене проймають,
 За тежъ и сало й ковбаса
 Зъ обидомъ васъ чекають!

(*Бублейныця щось шепче Хоми, вимъ засмученый*).

Я в а 10-а.

Пидыздять ще возы.

Селянынь (до бабы).

Ось прыдывысь мени въ вичи, Марьяно, та й скажы: чога це воны раптомъ слизьмы появлясь? Ей-ей же, я, а ни на крыхотку не пьяный, та й хйба-бъ же здуривъ я, щобъ до обидни пыты, а отъ слизь здержаты ни якъ не могу, дывысь, якъ течуть, неначе ажъ дзюрчать! А отъ вгадай, черезъ що?.. Мабуть черезъ те, що оте, що школяри спивають, щось надто хытро-мудре, абожъ вчене!

Баба.

Певно. Тилькы чога це воны такъ задристно поглядають на птыцю та на поросятъ? Онъ той, лупатый, якъ вытрищывся!

Селянынь (*плаче*).

Богъ зъ ными! Давай вже имъ печене и варене!

Обое (*даючы*).

Молитесь, братики, за насъ.

Баба.

Я звуся Марьяна.

Селянынь.

А я Опанасъ!

Обое.

За родытеливъ помершыхъ тежъ помолитесь!

Бурсаки.

Ого-го, ще й якъ помолымось! (*Забирають дарыну, ховають въ мишки и йдутъ до другихъ возивъ*).

Селянынь.

Сказано жъ-бо: „премудристь“! А що воно, чы мы жъ втнемо?

Баба.

Хйба дякъ розтлумачыть?

Селянынь.

А може те, що сегодня живемо, а завтра?..

Баба.

А Богъ его святыи знае.

Селянынь.

Велька вумнисть заховуетця у тихъ словесахъ.

БАБА.

Охъ, грѣхы наши тяжки.

СЕЛЯНИНЪ.

Эге жъ. Все, мовлявъ, Боже, тилькы грѣхы наши... О, Господы, возвахъ!..

ХАЛЯВА (*гука*).

А ну, братіе, до гурту! Гляньте, якъ днёвне яркее свитыло радисно зійшло и всю прыроду освитыло, звеселыло все навколо и нашъ жаданный путь! (*Декламуе*).

Зазеленилы травы-лопухы,

Запили птыци-питухы!

Нужъ, мерщій скидаймо чоботы й онучи, та ховаймо у мишки; у кого на плечяхъ зайве верхотурье—скидай и его, бо вже бачу, що буде намъ душно йты пидъ спекою лучей палающего свитыла, ибо ни хмаркы въ высокостяхъ. (*Роззуваяють и ховають онучи, а чоботы чепляють на пальцы*).

Вси (*спиваютъ*).

Кондыціи жаданни наступылы,

Насъ всихъ до дому видпустылы,

Идемъ, идемъ мы въ дальній путь,

Чого жъ намъ бильшь барытысь тутъ?

ХАЛЯВА (*пидходе до Хомы*).

Хомо, а нумо рушаймо въ дорогу.

ХОМА.

Хиба за мною тилькы й дило стало?

Бувлейныця (*тыхо до Хомы*).

Прыходьте жъ сегодня до мене, ковбасы и сало васъ ждуть, та ще й вароныкы зъ сметаною!..

ХОМА.

О, вселюбезная вдовыце! Смачни твой іства, а ще смачнищи речи, але жъ азъ днесъ сыще опечалень! (*Иде до гурту*).

Ф И Н А Л Ь.

БУРСАКЫ.

А-ну, а-ну, а-ну, а-ну!

Мерщій ставаймо, дружницъ въ лаву,

Забудьмо бурсу нависпу

И дружно воспоемъ на славу!

ПЕРЕКУПКИ.

Паныченкы бравесенькы,

Школяркы гарнесенькы,

Благаемо мы васъ,

Згадуйте про насъ.

БУРСАКЫ.

А вже жъ, а вже жъ, а вже жъ,

Що намъ не разъ гыкнетесь,

Не разъ, не два дрибнымы

Слизьмы обильтесь!

СЕЛЯНИНЪ И БАБА (*здысовано*).

Тилькы що спивалы сумнои,

Теперь, чы-ба, заспывалы якои?!

БУРСАКЫ.

Мы въ отчій домъ стопы своя на-
правымъ,

И вси заботы zde оставымъ—

О кныгахъ мудрыхъ и ученьи

Отложымъ попеченье.

ХАЛЯВА.

Ой, гопъ, та по малу,

Якъ пошыла штаны зъ валу,

Якъ пошыла та й надила,

Кажуть люде, що до дила!

ХОРЪ.

Гопъ, мои гречаныкы, гопъ, мои били,

Чого жъ мои гречаныкы на скорыни силы!

ХАЛЯВА.

Прыхалы панычи,

Гречаныкы у печи,

Прыхалы школяри

Гречаныкы на столи!

ХОРЪ.

Гопъ, мои гречаныкы, гопъ, мои били,

Чого жъ мои гречаныкы на скорыни силы.

(*Одымъ бурсакъ почына танцювать, останни пидсливуютъ, пишылы*).

З а в и с а.

Д і я 2-а.

Мара воде.

Я в а І-а.

Хома и Халява (въ глыбыни). Тыберій (за лаштунками).

Хома. (спива жалобно)

Вже вся природа погрузылась
Въ дрімоту сладостныхъ надій,
Чого жь душе моя смутылась,
Ужлы печалень жребій твій?
Той образъ панны не забутній,
Винь скрызъ ввыжаецця мени,
Чаривный поглядъ и могутній,
Его не злышусь я и въ сні!..

Халява.

Годи, друже, спиваты, завивъ такой сумной!.. Ты глянь, якъ зразу навколо потемнило, замовкло все и не мовъ онимо, хочъ бы де гласъ що подало?

Хома.

Тяжко мени на серцеви, думкы мутять душу!.. (Гука) А говъ, Тыберію!

Халява (гука).

Вайло!

Тыберій (выдгукуе).

Опричь треклятыхъ репьяхивъ, лысычи норы тутъ повсюду... Хай ему врагъ зъ такою ходою, я дали йты-вже-бъ не хотивъ.

Хома.

Шукай, шукай тамъ шляхъ, паскудо, бо якъ не шукатымешъ, чупрына буде мнята зновъ.

Тыберій.

Та куды жь винь у ката счезъ той шляхъ? Отъ морока!

Халява.

Чы не драгуе оце насъ бись?

Хома.

Стрывай, чы то не вербы? (Прысида).
Неначе манячять?

Халява.

Въ ночи бурьянъ здаецця за лись, а копыця за цилу гору.

Хома.

Це дывына! Здалось, що заразъ мусывъ хутирь бутъ?

Халява.

То-то що здалось!..

Хома.

Чы тамъ у пляшци не зосталось хочъ крапыны?

Халява.

Де тамъ зостанецця, помынай якъ звалы?..

Хома.

Хочъ пропадай!

Тыберій (гука).

Це певно якась мара насъ заплутала!

Хома.

Ни чортового кулака не выдко!

Тыберій.

Даремно блукатымемъ всю ничъ.

Хома.

Колы бъ хочъ на серцеви не такъ було тяжко... Ця ничъ!..

Халява.

Ничь справди дуже темна. Коли бь хочь хутирь швидчть зъявився...

Хома.

Лыбонь ця ничь намь такь не обійдетця?

Халява.

Чы не видьма намь яка оце шкодыть, може навмисне водыть?

Тыберій.

Оце такь прыгода: не пры дорози и не пры обнози, а вь степу, мовь на безкраимь мори!..

Халява.

А, знаешь, друже, що? Чы не лягты намь о туть та пидночуваты, а свитомь можна роздывытысь, куды мы забрелы; а то, щобь де у кручу не ввалытысь та вязывь не поскручувать?

Хома.

Щобь до знесмылення втомывшись лягты, не пидкрепывшысь хочь шматкомь хлиба, або що? Щобь отуть розтягнутысь, не мовь голодный песь?..

Халява.

То сядемо та хочь взуемось. (*Сиди и взуваеця*). А цыть! Онь, чуешь, загуло?.. Ну й жывить же мени пидвело такь, що здаеця стрискавь-бы й собаку!

Хома.

Чы не нечыста сыла то-гуде? Зпершу водыла, теперь завыла!..

Халява.

Нехай вые.

Тыберій (*гука*).

Лыбонь, гень-гень могогла!

Хома.

Ачь, якь вые!

Халява.

Я... я не боюсь.

Хома.

Та й я не то, щобь той... Та й сумно жь!

Тыберій.

Ой-ой!.. Спиткнувся! О туды кь бису! Все верхотуріе подралось, зосталось одне рубье та лахмитте!

Хома.

Теперь вже гуде!.. Давай хочь гукатымемь, щобь тугу розигнать. Чы може заспираемь?

Халява.

А я оце думаю, чы не майнуты мени, замисць дому, на запорижке?

Хома.

Оть ще выгадавь. Пожды, на той рикь може у купи майнемь?

Халява.

Чы й справди? Ну, то давай хочь и спиватымемь. А це буде найзручниць якь у двохь, або ще килькохь пидмовымо?

Хома (*спива*).

Де ты бродышь, моя доле,
Не докльчуся тебе?
Досы-бь можна дыке поле
Прыгорпуть до себе.
Все пытаю все шукаю,
Ажь серденько извьляльвь!

Чы на мори ты зь купцямы
Дилышь зь краму баряши,
Чы вь хоромахь зь панянкамы
Ты регочесся вь ночи?..

Ой змылуйся, моя доле,
Прыйды до мене хочь на чась,
Хочь посыдь же бия мене,
Той тому я буду радь!

Чы пры мисяци въ осочи,
Чешешъ косы русалкамъ;
Чы на неби, кризь виконце,
Сучишъ дули биднякамъ?

Все пытаю, все шукаю и т. д.

Чы у поли, пры долини,
Дыкимъ макомъ ты цвितешъ,
Чы у лузи, на калыни,
Ты зозулею куешъ?

Ой змылуйся, моя доле... и т. д.

Халява.

Ще вже надто завелы жалибно.

Хома.

Щось лыхе конця зо мною.

Тыберій.

Куды не сунься, одынь будякъ!..

Халява.

Перепочуемо тутъ.

Хома (*встае*).

Ни, ночуваты тутъ не зручно. (*У
цей ментъ зъявляеця на першимъ
плану хутиръ и вогонь у вихни*).

Халява.

Чы то не хутиръ?

Хома.

Такъ и е, що винь, хутиръ!

Я в а 2 - а.

Тыберій (*выбига*).

Тыберій.

Гляньте, гляньте, хутиръ онде!

Халява (*бе его въ лобъ пальцемъ*).

Чого радешъ, stulte homo, бачымо и
безъ тебе що хутиръ!

Вси трое.

Ходимо жъ, будемо просытыся,
Щобъ насъ пустылы ночувать.

Та цуръ просыты, не видступать,
Хочъ-бы прыйшлося въ кулачки бытыся!

А нужъ-бо разомъ. (*Пидбигаютъ до
воритъ и гукаютъ*). Видченить!

Я в а 3 - а.

БАБА СТАРА (*зъявляеця на порози,
зъ лыстаремъ*).

Хто тамъ такъ гризно гомонить?

Хома.

Пусты, бабусенько, до хаты.

Халява.

Насылечку сюды прыбылыся!..

Тыберій.

Та такъ нещасни потомылыся!..

Вси.

Що хочъ живцемъ тутъ помераты!

Баба.

А хто васъ зна, що вы за люде?

Хома.

Народъ мы, бабко, хитровчений,
Письменни люде мы, не прости.

Баба.

Ой, задамо вамъ хутко хлосту,
Чы часомъ вы не бусурмены?
У мене повенъ двирь народу!..

Тров.

Мы хрыстьяньського вси роду.

Халява.

Ще не яка небудь проява,
Азь есмь богословъ, Тыть Халява.

Хома.

А зъ нымъ, ось поручъ тутъ,
Хвылософъ, Хома Бруть!

ТЫБЕРІЙ.

А третій, - бравый молодець:
Рыторъ, Тыберій Горобець!

ХАЛЯВА (*до Хомы*).

Я носомъ чабака, лыбонь, вже чую?

ХОМА.

Мабудь на наше щасте чумаць въ
двори ночуе, можна буде поживытысь.

ТЫБЕРІЙ (*тыхо*).

Мени здалеку ще пахтыть чахоня,
та ще й свижопросольна.

Вси.

Давайте не видчепно просытысь, щобъ
впустила. Ой, бабусенько, впусти, спа-
сеніе соби заробышь!

БАБА (*дывляця у щилыну*).

Ни якъ не роздывлюсь зъ просоння!
Роздывляється).

Яки жъ здорови лобурякы,
Не мовь, изъ лугу гайдамакы!
Ни, не пушу я васъ пьянюгъ,
Геть хвлызопы й богословы
И вси учени пустословы,
Щобъ не смердивъ вашъ тутъ и духъ...
Не хочу я такихъ гостей, боюся...

ХОМА.

Умылосердсь-бо, любая бабусе,
Зогрій юнцивъ, во отчій домъ грядущихъ:
Де тилькы зможешъ, тамъ насъ прымоствы,
Лышь на ничъ, просымо, всихъ трехъ впусти!

БАБА.

Та й остогыдлы жъ вы вже, прокля-
тущи. Ну, йдите! (*Видчыня браму*).

ТРОЕ (*прожогомъ*).

Це орtime, це bene!..

БАБА.

Якъ тилькы жъ вкрадете що въ мене,
То вже просю не здывуваты,
Геть повыпыхаю въ шыю зъ хаты,
Хочъ вы и вчене добродійство,
Та ще на васъ спустю й собакъ!..

ХАЛЯВА.

Чы пиде жъ въ умъ таке злочынство
И на що отаке казаты?

(*Пританцвуючы, спива*).

Ой, бабусенько, гарненька,
Не старенька-молоденька,
Де зможешъ тамъ насъ прымоствы,
Хочъ на печи, хочъ на перыни,
Або на лави, чы на скрыни,
Видь гризныхъ стыхій захысты
Охладивающии члены!..

ТРОЕ.

И будешъ днесъ превознесонна
Ты намы за сіе до хмаръ!

БАБА (*маха рукою*).

Выдалы мы такихъ прочварь!..

ХОМА.

Колы мы що, чы якъ нибудь,
Або тамъ що, або або-що,
То нехай намъ будь-що будь
И таке вже, шо й не знать-що!

Щобъ у ничъ свить-соньця намъ не ба-
чыть, а въ день ни зиркы, ни мисяця и
хай насъ мынуть пекельни муки, колы
мы—не мы! (*Халява краде зъ воза
рыбу*).

БАБА.

Та годи вже Лазаря спиваты! Выдалы
мы такихъ не разъ, шо словами душу
вывертае, а тымъ часомъ руки въ кешени
запускае.

Халява (*у бикъ*).

Не знаю, чы чабака чы карася потягъ, а щось помирне.

БАБА.

Геть видъ возивъ подали, щобъ часомъ ваши вчени руки, не зачепылись за чумацьку рыбу.

ХАЛЯВА.

Ну и якъ бы мы такъ умудрылись?

ХОМА.

Це жъ, слава Богу, въ дворн, а не на роздорижжи, щобъ... (*Побачывъ у Халявы въ кешии рыбу, перекрада*).

ТЫБЕРІЙ.

Це-бъ було вже справжне злодійство! (*Краде зъ воза рыбу*).

ХАЛЯВА.

Це не про насъ ричъ! (*Краде вдруге*).

БАБА.

Годи розводять теревени!

ХОМА.

Та й неймовирна-жъ ты, бабусю!

БАБА.

За вами хвылозопамы треба маты добре око, пидголыте такъ, що и не зоглянеся.

ХАЛЯВА.

Може хто другый пидголе, тильки не мы (*Тягне рыбу зъ воза*).

БАБА.

Годи плескаты ка-зна що!

ХОМА.

А шо, бабусенько, колыбъ хочъ трипкы слизокъ Адамовыхъ, якъ той казавъ?

БАБА.

Обійдеся и безъ слизокъ.

ХОМА (*на бикъ*).

Бодай тебе бисъ ухапывъ!

ХАЛЯВА.

Ну, то де жъ мы, бабко, будемъ спаты?

БАБА.

Оцей, пидъ прыпичкомъ у хати. (*Штовха Тыберія*).

ТЫБЕРІЙ.

На тоще брюхо, та ще й на сухо?

Ну щожъ робить, смырюся духомъ. (*Пишовъ у хату*)!

БАБА (*до Халявы*).

А ты, отамечкы въ комору. Тилькы я тебе запру, бо щось ты мени здаеся не такимъ якъ люде.

ХАЛЯВА.

Ну щожъ, я прыставъ и на те, щобъ хочъ и въ комору, я не спорю; а тилькы що на сухо, якось не звычайно и ажъ чудно!..

БАБА (*закрываючи комору, до Хома*).

А тоби, чорнявий, въ хливи буде найкраще: зъ одного боку сажъ, а зъ другого теляча закута.

ХОМА.

Сусидство обобичъ пахуче.

БАБА (*сміється*).

За тежъ тепло такъ, що й печи не треба, заснешъ якъ на пуховикахъ; а ще якъ прыверзетця у сні яка небудь краля, хочъ така якъ я, то й зовсімъ тобі буде якъ зъ медомъ! (*Регоче*).

ХОМА.

Ни, краще, бабко, не ввыжайся у сні, а то на смерть перелякаєшъ.

БАБА.

Ну, годи, спи вже... Ось-ось, мабуть, и пивни заспивають.

ХОМА (*дывитця на небо*).

Визъ вже зовсімъ сторчъ ставъ.

БАБА (*дывитця на зори*).

Онъ и дивка вийшла вже по воду, а волосожаръ, не мовъ, захмаривсь, мабуть на дощъ та на негоду! (*Пшла бормочучы у хату*).

ХОМА.

Въ хливи переночувать, оце такъ— такъ! Ну шо жъ, якъ кажуть, на безрыбьи и ракъ рыба, а на безлюдди и зъ Хоми панъ. Постелю-жъ я мерщій жупанъ, сиричъ единственну хламыду и зъ мыромъ азъ ко сну отыду. (*Роздягаєтця и стелєтця*). Земле, обратися въ ложе пухове, звычайно, що сіе совпадене намъ не нове! (*Дяга*). Стривай, потрапезую зъ голодухы. (*Выйма зъ кешени рыбу*). Отъ, колыбъ ще чарочку сывухы (*Ість*).

ХАЛЯВА (*зъ коморы*).

Амісе, ты щось, лыбонь, ісы?

ХОМА.

Эге жъ, завязку зъ тіен ковбасы, що ты самъ стрискавъ всю въ дорози.

ХАЛЯВА.

Вична пам'ять ій, небози, смачна покійничка була.

ХОМА.

Ну, будемъ спать.

ХАЛЯВА.

Колы-бъ мы оце були на Подоли, вже-бъ хочъ кровь зъ носа, а добулы-бъ хочъ по невеличкій чарчынни?

ХОМА

Ненагадуй, хай ій врагъ, оскомыну тилькы нагоньшъ. (*Сплевує*). Здаєтця, за яку небудь пивчарку дався-бъ зуба врываты... И нагадавъ-же! (*Сплевує*). А хай ій абы-що. (*Въє по морди свиню, котра просовує рыло*). А ты вже и зъявилась тутъ? Чю-чю! Хочъ й підкрєпывся та якось не по людськи, на сухо. Колы-бъ швидче заснуты, щобъ не смоктала такъ досада за серце. (*Помовчавъ*). Хотивъ-бы я дизнатись, чы то була панна, чы мана?... Неначе, колысь, десь іи бачывъ?...—А де?—Ни, не прыгадою. А яка нижна, не мовъ квитка, а била, якъ снігова хмара, чаривна, якъ любый сонъ!.. И вродытця-жъ, на жалъ, така краса! И де вона зросла, видкиль зъявилась?.. Лыбонь, торикъ я такы іи бачывъ, але на одну мить, чы може ще давнищъ?.. (*Позила*). Чого це у мене такъ очи засвербили? Десь я іи такы бачывъ... Хто вона? Мабуть величного роду, це выдко и зъ постати и по походу. (*Дрима*). А може вона видьма? Може нарочыто перекрынулася, щобъ... (*Дрима*). Видьмы завжды зъявляютьця въ пивничъ... Трети пивни крыкнуть—счезають... Якъ зразу десь задзвенило!.. Це у мене въ уси... Дзинь!.. Панно, роскоше, квитко!.. Ще бъ побачыты іи разъ и вмерты.. (*Засыта*).

(*Въ глыбни засявъ місячний про-
минь, Панна зъявляеться въ блакити
неба*).

Панна (спива).

Въ той ментъ якъ тебе я спизнала,
Дытячымъ серденькомъ такъ покохала,
Що думала про тебе шо день и шо ничъ,
И вбачався ты нибы, якъ въ снѣ, такъ и
въ вичъ:

Зъ чыстымъ серденькомъ,
Якъ дытяча слеза,
Зъ свитлою душею,
Якъ та рання роса,
А ты, охъ!.. Отруто моя,
Лыха скрухо моя,
Другую покохавъ!

Охъ, за вищо-жъ мій вѣкъ молоденькый, за
вищо пропавъ?

Охъ, за вищо жъ мій выдочокъ, марненько
завъявъ?

Бодай твое сердце, та шо день сушылось,
Бодай твои думы та шо день труились,
За те, о, зрадныку любый, шо другу ты
покохавъ,

За те, шо мій вѣкъ

Даремно прочавъ,
За те, шо выдочокъ мій,
Не цвивши, завъявъ!.. (*Зныка*).

Хома (*зхопывся*).

О, панно! Красо!.. Постій, зупыньсь!..
Це певно хтось напливъ на мене якусь
нисейитныцю!.. Я тебе одну кохаю, тобою
дышу!.. Може черезъ те тоби здався, лебезу-
номъ, шо нибы биля бублейныци умызгав-
ся? Ей же, ей, сіе я лышь, кажучы одверто,
свершавъ по традыци, для рады чрево-
угожденія, идя на кондыци въ невидомое
пространство,—по образу пишехожденія!..

Я ва 4-а.

(*У хливи видчыняются двери и панна
перекынула въ стару бабу, тыхо
виходе*).

Хома.

А шо тоби, бабуся, тутъ треба? чо-
гожь мовчышь? (*Баба наблжжается*).
Послухай, бабко, теперь же пистъ, Пе-
тривка.... ни, ни, я зовсимъ не такъ ле-
дащо, шобъ.... У мене и на думци нема,
шобъ оскоромытьсь, та ни зацо на свити!..
Поклады о тутъ заразъ передо мною тысячу
дукативъ, то тоди звыресся, шо я зовсимъ
не зъ тыхъ. шо прывселюдно очи въ не-
беса возводятъ, а на одыпци гриховодять.
(*Баба наблжжается*). Якъ страшенно
у тебе очи блещать, та хай тоби лыхе!..
Отъ навязалась!.. У мене вже, нибы, по-
чына чупрына лизты до горы..... Бабуся,
та геть-бо, змылуйся!.. Богъ зъ тобою!..
Оце напастъ.... (*Баба хапа его за руки*)
Ой, шо зо мною коитця? Душно! Горыть
у мени!.. Морозъ по тилу, мовъ ольвомъ
всего мене залива, отерпаю!.. (*Хоче бытты
и не може, баба розставля руки*).
Рукъ не можу пиднести, одеревенили! Ой,
пусты, бабусенько! Рады Бога, я, я!..
(*Баба склада ему руки, нагына го-
лову, скажа ему на спыну и почына
бытты митлою*).

Якъ сердце выразно затокотило!..

Ой, нози мои, нози втомлени,

Задриботили, наче шаленни!..

Прагнуть вже мчатъсь въ степы незупынно,

Черезъ боры, лугы й долины!..

Раптомъ на сердцеви повеселило,

Внызу такъ ясно все замыготило:

Трава, дерева, байраки, горы,

Яры, долины, могылы, море....

Я бачу зъ осоки русалочки сплывають,

То порынуть вони, то вырынають,

Спивають гарно, мовъ дичата въ поли,

А голосочки чысти, якъ дзвничкы!..

Ихъ лонё, персы ихъ-билищъ со-

рочки...

Ихъ очи сяють, мовъ яснѣн зори....

А ныжче шо, не роздывлюсь?..

Музыка гра, пташкы спивають,

Квитки головками кывають...
Прощайте, выще понесусь!

(Зныка, а через хвилыну летыть въ гори)

Аж ось колы я рэзтлумачывъ,
Якый це бись мене вкульбачывъ.

(Почина заклянать)

Цуръ тоби, пекъ,
Симсотъ болячокъ и глекъ!
Паскудо проклята,
Гыдото пыката,

Заклянаю тебе ладаномъ и кадыломъ,
Страшною свичкою и кропыломъ,

Иды ты, жабьяча зводныце,
Гадюча гриховодныце—

Не на людське горе,
А въ пуцу та въ нетры,
За лёдове море,
Де ни дерева, ни травы,
А сингове поле,
Скала на скали—

Симъ кнпъ болячокъ твой голови!

Туть тоби не видьмуваты,
Моен жовтои косты не сушыты,

Кровы зъ моихъ жылъ не смоктаты,
Серця тоби мого не вяляты.
Тьфу, тьфу, тьфу, тьфу!

(Зныка, а через хвилыну на баби иде)

А, скинула!

Теперь-же и я тебе напарю,
Шобъ вдруге такъ не мордувала.

(Бъе ии митлою и зныка, потимъ женется за нею зъ полиномъ и бѣе).

Панна *(ледве промовля).*

Не могу бильшь!

Хома.

Заговорила? *(Пидбига)* Не видьма
це, що бачу я?

Панна.

Охъ, Хома, помираю я! *(Закрыва очи и пада).*

Хома.

Якъ, шо таке? це дывына, чы справжня панна? *(Пизнае)* Це вона, вона? Це та! Зомлила? Цежь та, шо бачывъ я враньци, на базари. О горе мени злочинцеви, прочвари! Померла, га? Я вбывъ ии? Я, я вбывъ! О, Божа сыло, дай ий жыты, Тебе благаю!.. Иде хтось тамъ? Ни, хтось гукае?! Кудыжь подитыся мени? О, страхъ напа на мя и трясовыця, куды, кудыжь мени сокрытьця?! *(Тика зъ усихъ нигъ).*

Зависа.

Д і я 3-я.

Корчма на Чухрайливскимъ шляху.

Я ва 1-а.

Хаимъ *(ходячы по хати, спива мелодію безъ словъ).* **Хайна** *(въяже панчуху)*

Хаимъ *(глянувъ у вично).*

Ой, любуню, Хаю, ой вей, вже, лыбонь дидько несе нашего папа, а за нымъ цила юрба халамындыкивъ. Це вже винь шось выгадавъ! Я вже, неначе, боюсь...

Хая *(пидбига до вична).*

Ты кажешъ: „Халамындыкивъ?“ Яки-жь то халамындыкы, ты прыдывысь, мамуню, то зовсимъ не халамындыкы. Хиба таки буюають халамындыкы? То бурсаки, вони певно вже идуть на кондыци; забудь, якъ торникъ вони тутъ проходили, або й позаторникъ, то разъ недолычылысь мы гындыка, а вдруге двоухъ гусей?.. Треба

буде сказаты наймычци, щобъ стерегла добре птыцю. (*Гуки у двери*) Марто, Марто, а де ты тамъ? (*Голосъ за лаштунками*: „А чого тамъ?“) Позагонь усю птыцю у закуты, та позамыкай!

Хаимъ.

Ой, Хаи! Мени чогось млосно стае, я не знаю чого моя смилливість зовсімъ покынула мени,—га?

Хая.

Ша, Хаимъ, ша! Ще трохи потерпы.

Хаимъ.

Думаешъ, шо сегодня панъ мене не шмагатыме? А чого жъ мои плечи вже сверблять?

Хая.

Нехай шмага, абы дававъ дукаты.

Хаимъ.

Ой, я бъ вже не хотивъ и дукативъ.

Хая.

Не хочешъ дукативъ, ты, Хаимъ, не хочешъ дукативъ? Хиба вони погано бряжчать; тоби не до вподобы, якъ вони бряжчать?

Хаимъ.

Ой, Хаи! Якъ побачывъ я пана, то розумъ мій зовсімъ перекрутыся... Мени здаеця що шкура дорожче ніжъ дукаты?

Хая.

То тоби такъ здаеця: шкура загоитця, а дукаты... (*Выйма зъ кешени и пидкыда на долони*) Чы чуешъ якъ вони дзвенять? Чы е у свити краща пisenя, чы музыка надъ цю пisenю? А якъ буде ихъ у насъ десять сотъ?..

Хаимъ.

Скільки мы теперъ маемо, Хаи?

Хая.

Вже маемо симсотъ.

Хаимъ.

Ще тры сотни?

Хая.

Панъ дае по дукату за нагай.

Хаимъ.

Хаи, я вже смилывымъ зробывся, нехай швидче панъ бье. Ой, тры сотни ще!

Хая (*спива*).

Якъ матымемъ десять сотъ дукативъ,
То заразы покынемъ оцю хату,
Покынемо корчму цю, цей степъ,
Та купымо камьяныцю й склепъ.
Гандлюватымемъ памыстомъ,
Хутромъ оксамытомъ та едвабомъ,
Кармазыномъ...

Хаимъ (*зрадивъ ажъ танцюе*).

Ой-вей, ой-да-драдомъ,
Хопа-хопа, ой-ды-де-драдомъ!

Хая.

Матымемъ дукаты, то буде намъ шана,
Не будемъ боятыся найбильшого пана.
Якъ дукаты бряжчатывуть,
Вси будутъ витаты насъ гречно;
А мы зовсімъ безпечно
Гандлюватымемъ усякымъ кромомъ,
Найдороччимъ!

Хаимъ (*танцюе*).

Ой-вей ай-да-драдомъ,
Хопа, хопа, ай-ды-де-драдомъ!

Я в а 2 - а.

Панъ Хорунжий, за нимъ, Халява,
Горобецъ, бурсаны, кобзарь и челядь

(Спиваютъ).

Не хвыля реве то на мори,
Не витерь то вые у поли,
То нашъ панъ хорунжий гукае,
Юнацтво до себе склыкае.

Хорунжий.

Гей вы брави юнакы,
Уси жвани козака,
Прыіздыть до мене въ гости,
Въ мене хата на помости,
Въ мене вына дороги,
Въ мене коныкы баскин,
Будемъ пыты та гуляты
Злыднямъ жалю задаваты.
Змінвъ коней окульбачымъ,
Полювать въ степы поскачемъ.

Гуляй до схочу козаце,
Доки твоя доля скаче!

(Входятъ)

Панъ (гука).
Гей, жыде!

Хаймъ.

Ось я вже тутъ! (Пидносе на тарилци чотыри чаркы).

Панъ.

А, догадався! Дуката маешъ (Пье).

Оце за здравіе! (Пье)

А це за упокій! (Пье)

Оце за всіхъ васъ (Пье)

А це за гришныхъ насъ!

Хаймъ.

Чы хоче панъ, шобъ я вже ему потанцювавъ?

Панъ.

Не забигай напередъ розумомъ, шобъ не звыхнувся!

Частуй всю челядь до схочу,
Пий коженъ, хлопци, по завязку,
Сидай соби до хто вхвалывъ,
А я, хочъ туточки, на лави. (Сивъ).

Бурсакы.

Це, пане, орtime, це bene!.. (Пють)

Панъ.

Ну-жь, розташовуйтеся мерщій та
втнить якеесь лыцедійство.

Халява.

Бардзо трудно, вельможный пане,
Быблйного щось выконаты,
За не, коллега нашъ едыный,
Хвылософъ, имямъ: Хома Брутъ,
Вельмы вдатный выконалець:
Иродіады, Пентефрин,
И прочыныхъ коварныхъ жонъ—
Въ пути сокрыхся. Где, не вемы.

Панъ.

То втнить не хытре щось, абы хы-
мерне.

Халява.

Потщимся, пане нашъ вельможный,
Вамъ выконаты интормедъ несложный,
Дабы персони вашій догодыты,
Все мусымо пайщырше учыныты.

Панъ.

Доладня мова твоя й люба,
Ты вчений, бачу, не-абы якъ!
Ну, хутко-жь, заразъ все владпайте.

Халява (до бурсакывъ).

Братіе, завису роспынайте! (Бурсакы
беруть вельке рядно и перегоро-
жують хату, идуть потимъ за
рядно).

Панъ.

Гей, жыде! Граемъ въ загадокъ зъ тобою,
Доки воны тамъ впорядкують.
Котру вгадаешъ—маешъ тры дукаты,
А не вгадаешъ—будемо шмагаты?

Хаимъ.

Я згоденъ вгадувать сегодня,
Завтра й пися завтра,
И, и.... Я хотивъ-бы шо-дня!

Панъ.

А ну-жъ, вгадуй хутко, зразу.
„А що сегодня не гуло,
Чого учора не було,
А завтра не вгадаешъ?„

Хая (*тыхо*).

Хиба ты не вгадаешъ, Хаимъ? (*Показуе на небо*).

Хаимъ.

Це, мабудь, буде гримъ, пануню?

Панъ.

Тры дукаты взявъ, жыдуню! (*Дает*)
А ты, жыдивко, не втручайся,
Пють не до тебе, й не витайся.
А ну загадуй, жыде, ты,
Твоя черга теперь, мерщій?

Хаимъ.

А ось яку я загадаю вамъ.
„Хто заразомъ спивае й скаче,
Въ одпорядъ сміється и плаче,
Въ мить обертае радисть у горе,
Перелита горы й переплива море?“

Панъ.

Звычайно: „думка!“ Гей, Авраме, а
выспъ ему одынъ десятокъ! (*Гайдукуе готуть нагаи*).

Хаимъ.

Я загадаю другу, пане!
На вицо-жъ заразь быть,
Мы може будемъ квыть?.

Хая

Хаимъ! Нехай шмагають!..

Хаява (*переодягнений*).

Вельможного пана позволю спытаты,
Чы призволяете намъ почынаты?

Панъ (*до Хаима*).

Я своего тоби не подарую!
Десять нагаивъ у боргъ закарбую!

(*До Хаявы*)

Хай почынають, призволяю!

Хаява (*вернувся за рядно, тамъ
почына хоръ спиваты*).

Днесъ рады вельможного пана,
Мы дійство комедійне утворымо,
Жлы точію мы тымъ догодымо,
То намъ воздастця справжня шана.

Панъ.

Сказаты по правди, писнь передмовна,
Превельмы скусна и надто чудовна.
(*Рядно розгортуется на дви половины, бурсакъ, переодягнений мужыкомъ, тягне на мотузци другого, зо-
дягненого козою*).

Хоръ

Антинь козу веде,
Превражая коза не йде,
Винъ ин вижками,
Вона его рижками,
Винъ ин палюгою,
Вона его дрыгъ ногою!

Жыдъ (*переодягнений бурсакъ вы-
бигъ на зустричъ*).

Кезеле, кезеле, куды це ты Антона
ведешъ?

Мужыкь.

Чы ты, жыдого, не ослипъ?

Жидь.

Хиба це ты ін ведешъ, а я думавъ
щю вона тебе?

Мужыкь.

Проходь, проходь!

Жыдъ.

Ну, продавай мени кезеле.

Мужыкь.

Гайда на торгъ, а тутъ не продамъ.

Жыдъ.

На торгу за гроши, а тутъ въ боргъ.

Мужыкь.

„У боргъ?“ Ачъ якый, пиды ты геть!

Жыдъ.

Де ты, Антоне, шапку цю купывъ?
Вона тобі зовсимъ мала. (*Почына натя-
гати ему шапку на очи*).

Мужыкь.

Та видчепысь ты, сатано!

Жыдъ.

Ой вей, яке страшне!

Мужыкь.

Ахъ ты-жь, собача паро!

Жыдъ.

А ну, попробуй, а ну вдарь?

Мужыкь.

Ой, ударю!

Жыдъ.

На, зыжь! (*Дае ему дулю*).

Мужыкь.

Ахъ, ты жь падлюча тварь!.. (*Бье его*).

Жыдъ.

Ой, гвултъ! А ну-ну ще вдарь, ще
вдарь!

Мужыкь (*бье*).

На тобі ще, на!

Жыдъ.

Ой, вейзь-миръ! Держить, ловить, убывъ
мене, хамула!

Соцькый (*вбига и два чоловіка-
поняти*).

А хто тутъ на весь живить гвалтуе,
началство турбуе?

Жыдъ.

Вьяжить его, берить, винъ убывъ ме-
не, я вже умираю!.. Ой, вей! до пана
пидсудка ведить его хутко! Винъ мое
кезеле мени одибравъ и потимъ по морда,
по голова и по всему тилу бывъ мене и
щипавъ!.. Ой, у середины мени погано!

Соцькый.

Антоне, чы тожь правда?

Мужыкь.

Та бреше, чортивъ сынъ, шахрай!

Соцькый.

Та цешъ, лыбонь, твоя коза Антоне,
я-жь ін у тебе бачывъ? (*До жыда*) То
це ты хотивъ чоловіка зобидыты? Берить
жыда за вуха та й тягнить до пана оса-
вула. (*Жыда тягнути*).

Жыдъ.

На вищо за вуха? (*Одбывається, жыда
повелы*).

Соцькый до (Антоня).

Але, Антоне, побь намь справжней правды довидатись, то мусышь у корчму зайты, постановышь могорычу, тоди твое буде зверху.

Мужыкъ.

Та я не видь того. (Пишлы).

Хорь (спива).

Антинь козу виде и т. д.

(Тыберій Горобець, передягнений дивчиною, другый бурсакъ—козакомъ).

Передягнений козакомъ (спива).

Іхавъ козакъ за Дунай,
Сказавъ дивчынн: „прощай!“
Ты коньку воронькый
Скачы та гуляй!

ТЫБЕРІЙ.

Постій, постій, козаче,
Твоя дивчына плаче,
Якъ ты мене покидаешъ,
Тилькы подумай!

КОЗАКЪ.

Билыхъ ручокъ не ламай,
Карыхъ очей не стырай,
Мене зъ війны изъ славою
Къ соби дожыдай!

ТЫБЕРІЙ.

Не хочу я ничего
Тилькы тебе одного,
Ты, мій мылый, будь здоровъ,
А все пропадай!

ХОРЬ.

Іхавъ козакъ за Дунай и т. д.

(Проходятъ).

Пань (вытира очи).

Оцю прегарно утялы,
Мене ажъ слезы пронялы.
Гей, жыде! Хутко дай запыты.

Ханмь (подае).

Вельможный пань, тонкий на слезы!

ПАНЬ.

Та писня розбудыты може
Въ души пытанн розмаити!

(Бурсакъ, одягнений цыганомъ, тягне
другого одягненого конемъ).

ЦЫГАНЬ.

Гей крыця, не лошыця,
День быжитъ, тры дни лежыть,
Море перескоче,
Хвоста не замоче!
Гадзя-бо, годи басуваты,
Купуй, свате, коня змія!

МУЖЫКЪ.

Та ему пора здыхаты! (Рогоче).

ЦЫГАНЬ.

Та ты глянь!

МУЖЫКЪ.

Хиба здуривъ я
Таку здохляку куповаты,
Та ій давно пора здыхаты,
Лыбовъ тры чысныци до смерти?

ЦЫГАНЬ.

Хрестъ тебе побый, пишовъ четвертый!

МУЖЫКЪ.

Десятокъ?

ЦЫГАНЬ (сміється).

Бравый ты хазяинь.
Давай нащо небудь зминяемъ?
А що то тамъ, у торби въ тебе?

МУЖЫКЪ.

Оце въ мишку? та це овесь.

ЦЫГАНЬ.

Ото-бъ-то винь уже и весь?

Мужыкъ.

Хиба тобі багато треба?

Цыганъ.

Та помы що, то буде зъ насъ,
Несы за мною.

Мужыкъ.

Такъ-якъ разъ,
Шобъ такъ, безъ торгу, и понисъ?

Цыганъ.

Та ты-бо дуже вередливый,
А дай я оберну тебе въ коняку;
А шобъ конемъ не бувъ брыкльвымъ,
Вчеплю ке цурку на мордяку?
Нужъ, ну, давай скорій свій нисъ!

Мужыкъ (*зъ лякомъ одступа*).

А хай тобі прыснитця бисъ! (*Втика*).

Цыганъ (*крычить*).

Валю, валю, переймайте,
Злодюзи утекты не дайте!

Соцькый (*бизыть зъ двома поня-
тымы*).

А хто тутъ гвалтуе,
Началство турбуе?

Цыганъ.

Ловить ворягу, переймайте!

Соцькый.

Де жъ злодій?

Цыганъ,

Онъ винъ, доганяйте! (*Чоловики про-
биглы и приводятъ чоловіка зъ
мишкомъ*).

Загляньте вы ему въ торбыну,
Побачыте що тамъ овесъ.

Мужыкъ.

Овесъ и е, овесъ, еге-жъ!

Цыганъ.

Хай вылизуть тобі баньки изъ лоба,
колы не овесъ!..

Халява (*одягнений козакомъ, выбига*).

А хто тутъ заразъ гвалтувавъ?
Шо тутъ вчынылось, яка дывына,
Народу багато, а бійкы нема?

Соцькый.

Оцей та въ цего вкравъ овесъ.

Мужыкъ.

Та бреше цыганъ, якъ той песъ!

Цыганъ.

Колы не кравъ,
Чого-жъ втикавъ?

Мужыкъ (*показуе на цыгана*).

Бо винъ хотивъ мене конемъ зробыты.

Халява.

Шо жъ треба васъ тутъ розсудыты.
(*До цыгана*) Овесъ у тебе звидкы взявся?

Цыганъ.

У мене, батечку, вродывъ.

Халява.

А де-жъ вродывъ: на поли, чы въ
городи?

Цыганъ.

Де слидъ тамъ и вродывъ, тай годи.

Халява.

А чымъ его ты змолотывъ?

Цыганъ.

Що й молотыть его, на вищо?
Хиба я вже за всіхъ дурнищый?

ХАЛЯВА.

То такъ ты вмѣшь хлибъ робыты?

ПАНЬ *(регоче)*.

Ой, будуть цыгана лупыты!

ХАЛЯВА *(почына бытъ цыгана ма-
лахаемъ)*.

Оце тоби, вражий сыну,
Напередъ щобъ не брехавъ,
Шобъ цыганячу натуру
Ты на другихъ не звертавъ.

ЦЫГАНЬ.

Ну, годи-годи жартуваты,
Вже й такъ ажъ питъ мене обльвѣ!..

ХАЛЯВА.

А щобъ навуку ты вхвалывъ,
Халяндры мусышь танцюваты.

(До пана).

Теперь, вельможный добродію,
Мы просымо васъ выбачаты,
Та автора поменьчъ картаты,
За цю незграбну лицедію.
Цыгане халяндры вамъ потанцюють,
Мене жъ горилкою та медомъ почастують,
На тимъ и скинчытся сія интермедія,
Рядно закрывемъ и finita comedia.

*(Цыганъ и цыганка танцюють ха-
ляндру)*.

ПАНЬ *(розохоченый, притонуе но-
гами)*.

Оце такъ-такъ! Не вдержу й нигъ!
А стійте, годи вже ціен!..
Максыме, швыдчъ утны моєи!

(Бандурыстъ хоче граты).

ХАИМЪ *(до пана)*.

Хтось киньмы до корчмы пидбигъ!

ПАНЬ.

Грай, Максые, бо нигъ не вдержу!

(Почына танцюваты).

Я в а 3-я.

Тижъ, Дорошъ, Свырыдъ, Оверно
и Хома Бругъ.

(Входятъ спиваючы).

Тры диды, тры диды
Полюбылы бабу,
А четвертый манисенький
Прычепывся ззаду.
Тремъ дидамъ, тремъ дидамъ,
Баба дули тыче,
Четвертого маненького
За чупрыну смыче!..

ПАНЬ.

Дороше, ты?

Дорошъ.

Здорови будьте, пане!

ПАНЬ.

А звидкиля це и куды?

Дорошъ.

Не чулы нашої биды?
У хутори въ насъ коитця погане:
Панна наша помырае!

ПАНЬ *(зитха)*.

Шкода! Хай Богъ ін прыймае,
Въ руци Создателя есмы!

Дорошъ.

Це зъ Києва вернулись мы,
Ось и псалтырныкъ зъ нами тутъ.

ХАЛЯВА й ДРУГИ *(впизналишы Хому)*.

Видкиль це взявся, Хомо Бругъ?
Куды ты зъ хутора пропавъ?.

Хома.

Колыбъ я все вамъ розказавъ!..

Дорошъ *(до другихъ козаківъ)*.

Гайда въ кутокъ, ажъ гонъ онъ
въ той,

А тутъ намъ быть... якосъ не той...

*(Пишли въ кутокъ, тамъ силы за
стилъ, жидъ подавъ имъ горилку).*

Халява *(до пана)*.

Оце той, пане, выконалець,
Богыни Талиі коханець!

Панъ *(зрадивъ)*.

То визьмемо его зъ собою.

Хома.

Увы, сего не можна учынить,
Дондѣже обречень судьбою,
По воли привелебного ректора,
Тяжкую службу видслужить,
Дабы во впредь текущи дни,
Прыять вельку и багату мылость.

Панъ.

Що ректоръ тутъ вмишавсь шкода,
Сварытись зъ нымъ намъ не рука.

Халява.

То розкажи-жь намъ, звыдкы взявся,
Що за прытычына така?

Хома.

О, друзи, братіе! внимайте,
Миркуйте та на вусъ мотайте.
Якъ тилькы я въ хливи прилигъ,
Колы це чую: загуло!
Потимъ неначе хтось пробигъ
Конемъ!.. Дмухнуло, мовъ крыло
Якои птыци... Сонъ знемигъ
Раптово... Чы заснувъ?—Не знаю.
Прокынувъ, очи розтуляю,

Вдвляюся и бачу: видьма
Ввиходе въ хливъ, иде до мене
И витрища страшенно бильма!..

Вси.

Чы ба, яка страховына
То певно видьма, то вона!..

Хома.

Бере за голову мене, нагнула
И въ мить на спыну мни прыгнула,
И ну метлою мене хвоскаты!..
Чымало я ии возывъ,
А потимъ самъ на неи сивъ,
Та якъ почавъ уже шмагаты,
Вона тоди пыщаты, кавчаты!..
На решти выхремъ обкрутнулась,
И въ ментъ у панну обернулась,
Упала, стогне... зыркъ! Це та,
Що въ Києви, не мовъ свята,
На мить зъявилась предо мною.
„Ой, Хома, каже, я вмираю!..
Що потимъ сталося зо мною,
Куды подилосъ все — не знаю?
Прокынувъ въ ранци, похмельвся,
И ледве-ледве роздыввся,
Що я въ бублейныци у хати.

Вси.

Отъ и нехай який мудрій вгадае,
Чого на свити тилькы не бувае?..

Хома.

Не вспивъ очуматысь якъ слидъ,
Ажъ шустъ, вонгае въ хату дидъ,
Нашъ стражъ изъ бурсы, и гукае:
„А йды до ректора, шукае
Давно тебе, щобъ швыдчъ послать
Надъ мертвымъ псалтыря чытаты“..
Прышовъ я, ставъ було казаты,
Щобъ ничого кого пославъ,
Що я зовсимъ забувъ уставъ...
Такъ винъ веливъ мене звязаты...
Дядькы, спасыби имъ, скрутылы...

Пань.

Чогожъ вы, хлопци, осовили?..
Ну що-жъ? Хоми псалтырь чытаты,
А намъ пора и въ путь рупаты...
Жыде! Беры барыло швыдчѣ на визъ,
Поїдемъ заразъ мы до мене въ лисъ,
А потимъ до мого двора.
А ну-жъ, збираймося, пора!

Халава.

Прощавай-же, друже, Хомо,
Здоровъ zostaвайся,
Якъ skinчышь благополучно,
У Кыевъ вертайся.

Вси (*Видходячы*).

Якъ выхавъ панъ хорунжий
У поле гуляты,
Перевисывъ черезъ плече
Сагайдакъ багатый.
Грай море, грай сыне,
Гайда-гула-гу! (*Пшлы*).

Дорошъ.

А ходы, пане хвылозопе, до насъ.
Господь-Богъ зъ нымы, зъ отымы панамы,—
сидай лышь о тутъ поручъ, поговорымо та
гробачка заморымо та й рушымо дали.
(*Налыва и частуе*).

Хома (*сивъ*).

То такъ, дядьку, ты мени й не ска-
жешъ, зъ чого ваша панна захворила?
(*Выпывъ*).

Дорошъ.

Господь зъ нею, хай соби.

Свырьдъ.

Авже-жъ!

Хома.

Давно вона хворіе, чы може оце сви-
жо зпрынчылось?

Дорошъ.

Зновъ такы своей!

Свырьдъ.

Цикавый!

Хома.

Хатня вона у васъ, чы може бильшъ
жыла по людяхъ?

Дорошъ.

Траплялося усякъ.

Свырьдъ (*до Хома*).

Та ты бо не вѣдайся, ненавидю!

Хома.

Зъ людьмы якъ вона поводылась?

Дорошъ (*налыва*).

Краще выпьемъ! (*Пьютъ*).

Свырьдъ.

Господь вже зъ нею! Може вже й
померла, то нехай надъ нею земля перомъ.

Хома.

А вчылась де вона?

Дорошъ.

Вчылась де?

Свырьдъ.

Вчысь—не вчысь, а якъ пиде на грихъ
та на безголивье!..

Хома.

Сварлыва була, чы?..

Дорошъ.

Траплялося и сякъ и такъ...

Свырьдъ.

Та не рушъ ии, Господь зъ нею таѣ
годи. А отъ краще угадай, видъ чого ми-
сяць въ неби свите?

Дорошъ.

Штука угадаты: видъ того свите, що є чымъ. Не було-бъ чымъ, не свитывъ-бы.

Свырьдъ.

Ба ни! Господь такъ звельвъ „Свиты!“ сказавъ. Отъ винъ и свите. Ходы-но, гей, Дороше, почоломкаюсь зъ тобою. (*Чоломкаютця*).

Дорошъ (*до Хома*).

Ну, а скажы мени, чому васъ тамъ у бурси вчать: чы тому, що й дякъ чытае, чы инчому чому?

Свырьдъ.

Отъ про це, то я вже й не пытавъ бы, бо такъ призначено ему и винъ розуміе, а правда?.. Хома! Дай, почоломкаюсь зъ тобою.

Хома.

Чому не почоломкатысь, а тилькы... (*Цилується*).

Дорошъ.

Ни, стрывай, стрывай, я тебе спытаю... Ото що въ церквѣ дякъ чыта, чы воно вписыано у ти кныжки, що въ бурси вчать?

Свырьдъ.

О Боже мій, Боже мій! Ну и на вищо бѣ такъ казаты? Якъ Божа воля вчыныла, то й не слидь переменяты—грихъ!

Дорошъ.

Я хочу знаты, якъ воно въ кныжкахъ?

Свырьдъ.

О, Боже мій, Боже мій! Ну и па вищо?.. Оверку, почоломкаемось зо мною! (*Чоломкаются*).

Дорошъ.

Я неодминно пиду въ бурсу, тамъ вывчуся всему, всему!

Свырьдъ.

О Боже мій, Боже мій! Бидный я, бидный, нещасливый! (*Пада на стлз и плаче*) Другимъ лехко живетця, а мени!..

Хома.

А чого це ты, дядьку, розхлыпався?

Дорошъ.

Бо хоче, сиромаха, выпыть. (*Налыва*) На, на!

Свырьдъ (*пше*).

Нема у мене ни батенька, ни ненькы, ни братика, ни сестрыци!.. Сырота я на свити! О, Боже мій, Боже мій!..

Хома.

И я, панове, сырота, ось видпустить мене на волю, спасеніе свой души заробыте?

Свырьдъ.

Давайте, пустымо его, воно-жѣ сырота. Нехай соби йде... О Боже мій, Боже мій!

Дорошъ.

Ни, не пусты, я зъ нымъ поиду въ бурсу и вывчусь всему, всему! Ке, почоломкаюсь зъ тобою? (*Цилується зъ Хо-мою*) А потимъ я зновъ звьяжу тебе, щобъ ты не втикъ!

Хома.

Нема у васъ, панове, Бога въ серцевѣ!

Дорошъ.

Я-жѣ хочу въ бурсу, а якъ вже мени чого забagnetця!..

Свырьдъ.

Ну и на що отаке казаты? О Боже мій, о Боже мій! Богъ впорядкувавъ все якъ слидъ и Богъ зъ нымъ, хай все такъ и буде, а ты, Дороше, не мишайся въ це дило... Почоломкаюся зъ тобою! (*Ци-лується*).

Хома.

Не добри вы люде, Богъ зъ вами! Ну, колы вже такъ, давайте, допьемю останкы, тай рушимо дали, вже смерка. (*Бере чарку и промовля*)

О горилице, великая мученице,
 Прошла ты кризь вогонь и воду,
 Проходишь и нашу немощну утробу,
 Приводишь насъ у биду—прыгоду.
 Якъ взяли тебе зъ вынныци,
 Та налылы въ склянныци,
 Посадовылы за стилъ, на лавыци,
 Почалы зъ тобою панькатысь,
 Почалы тоби кланяться.
 О, славная мученице горилице!
 Сама ты у золоти ходышь,
 А насъ до рубья доводишь,
 Розумныхъ дурными,
 Багатыхъ бидными,
 Пидданными робышь.
 Подобаеся ты попамъ и панамъ,
 Всимъ неборакамъ сирымъ и намъ.
 Якъ мы тебе напываемся,
 Злыднямы пышаемся,
 Багатырямы вбачаемся,
 Зъ кожнымъ братаемся,
 Якъ гындыкы надуваемся,
 За чупрыны тягаемся,
 Въ болоти валяемся.

Дорошъ.

То цуръ же ій, пекъ, проклятій грихо-
 водныци,
 Симъ кипъ болячокъ, пекельній звод-
 ныци!

Хома.

Проклынаю тебе, одъ нигъ до лоба,
 Иды пидъ тры чорты дьявольска худоба!
 Не йды до головы,
 Не завдавай намъ биды,
 А йды до брюха
 Та выжены звидты нечыстого духа!..
 Ось и вся вамъ промова моя.

(*Хоче пыты, але въ цей моментъ у стины зъявляється парсуна панны*).

Панна.

Охъ, Хома, помираю я!

Хома (*зъ лямомъ кынувъ чарку*).

Вона, видьма!.. Вы чулы, бачылы, вона?

Вси.

Ничого мы не бачылы!

Хома.

Тикать скорище звидциля! (*Выбига зъ хаты*).

Дорошъ.

Та це намъ пеня оцей бурсакъ! Чы винъ це бува не зъ пьяну, або може очи заслиплюе? Здаеця-жъ не багато мы й выпылы: кварть зо дви не бильшь, та чы й выпылы? А може це винъ задумавъ задаты драла? Гайда мерщій доганяты!

Свырьдъ.

Пусть его, винъ сырота.... О Боже мій, о Боже мій! (*Вси пишылы, инчи швыдко, и инчи зъ повагомъ*).

Дорошъ (*гука*).

Держы, ловы, вяжы!

Зависа.

Дія 4-а.

Біля кухні сидять за сирномъ: табунщыкъ, чередныкъ, Оверко, Свырьдъ, за другимъ сирномъ молодыци и дивчата.

Я в а 1-а.

(Спивають).

Тай скучно зъ ложкою въ руци,
Сидить та въ двери заглядаты,
Не мовъ пишли по толоци
Кырпычъ на топыльво збираты.
Горпыно—говъ! А де ты тамъ?
Давай мерщій галушокъ намъ!

Табунщыкъ *(Помовчавъ)*.

Не несе, що за прычына? Я сегодня
бачывъ вовка.

Чередныкъ.

Гайдай розказувавъ, що бачывъ, нибы
зновъ у ночи горили гроши, на тій мо-
гыли, що за шляхомъ.

Свырьдъ.

Чого тильки въ земли нема? Уся-
чны тамъ е доволи. О Боже мій!

Табунщыкъ.

Чабанъ, Кузьма, не даромъ каже, що
въ земли закопана и доля.

Свырьдъ.

А чья—не вгадаешъ! О Боже мій!

Я в а 2-а.

Ти-жь и Петро.

Петро.

Чы не забудъ я тутъ свого гарапныка?

Дивчына.

Ов-ва! Петро у новыхъ штаняхъ!
Хто це тоби пошывъ?

Петро.

Мабуть ништо, якъ маты?

Табунщыкъ.

Вамъ такихъ не зшыть, дивчата.

Дивчына.

Чому не зшыть, яка велька труднысть?

Чередныкъ.

Та яки рясни штаны та шыроки!

Табунщыкъ

И якъ вони ему прыстали!

Петро.

За те-жь не дешево и стали.

Я в а 3-я.

Ти-жь и чабанъ.

Чабанъ.

Чы не zostавывъ я тутъ свои шапки,
десь одбигъ!

Табунщыкъ.

А може тоби треба Гапкы? Осьдечен
вона!

Чабанъ.

Та нехай ій.... Байдуже!

Дивчына.

Чого-жь такъ дуже запышався?

Я в а 4 - а.

Ти-жь и Горпына (*Зъ галушками у двоохъ мыскахъ*).

Вси.

Чого такъ довго тамъ барылась? Тебе-бъ тильки по смерти посылаты.

Горпына.

Не попухнете зъ голоду. Кажить краще: царство небесне, вичный покой! наша панночка вже преставылась!..

Тавунщыкъ.

Отъ тоби и маешь!..

Чабанъ.

Не даромъ у мене вчора цилый день нись свербивъ, це вже прыкмета: якъ тильки нись здорово засвербыть, хтось, де-небудь помре!..

Свырьдъ.

О, Боже мій! Нехай надъ нею земля перомъ. (*Почынають ввечерять*).

Тавунщыкъ.

Петре, сидай та повечеряй.

Петро.

Та я вже повечерявъ.

Тавунщыкъ.

Вечеряй, колы дають, іство не заваде; а завтра може пиде такой шарварокъ, що никола буде и пообидаты.

Петро.

Тай повечеряю, мабуть! (*Сиди*).

Чабанъ.

Якъ тильки нись здорово засвербыть...

Тавунщыкъ (*до чабана*).

А ты чого стовбычышь?

Чабанъ.

Та, мабуть, и я вдруге повечеряю.

Тавунщыкъ

Цыгане не будутъ снятыся.

Свырьдъ.

Жыла, жыла тай померла... Онъ якъ!

Горпына.

И чого-бъ, здаеця ий помираты: жыла у достаткахъ, та у роскошахъ, а отъ!...

Чабанъ.

Смерть, такъ вона.... Кого схоче, того и скосе, махнула косою и нема людны.... Я-жь Кажу, що не даромъ у мене нись свербивъ...

Петро.

Торишню ничъ зновъ щось колошка-ло телять.

Горпына.

Що-жь, якъ не видьма?

Я в а 5 - а.

Ти-жь, Дорошъ и Хома.

Дорошъ.

О теперь не шкодыть и галушокъ по-поісты.

Горпына (*до Дороша*).

Чулы, дядьку?

Дорошъ.

Не тильки чувъ, а вже насъ клюшныкъ и почаствувавъ за упокій. Оце вамъ той самый бурсакъ, що буде надъ нею чытаты псалтыря.

Хома.

Здорови будьте, молодци й дивчата,
и вы браве козацтво!

Вси.

Бувай здоровъ и ты.

Хома.

Ой вы, дивчата, ой вы молодычки,
а чому-жъ у васъ не жовти черевычки?
Хлибъ та силь.

Вси.

Садовитесь до гурту.

Хома.

Я-бъ хтивъ бия дивчатъ, либонь,
тутъ галушки смачнищи? (*Бере одну
дивчыну за рукавъ*) А якъ гарно у
тебе вышита сорочка. (*Щина їй*).

Дивчына.

А ну, ущипны ще разъ, то такъ ля-
паса и дамъ!

Хома.

Ого, зъ перцемъ!

Табунцыкъ.

Вона у насъ зъ хриномъ! (*Регоче*).

Дорошъ (*до Хома*).

Не варта зъ поганню возытись, сидай
зо мною поручъ, краще буде...

Хома.

Ну, посунься, дядьку. (*Пидморгуе*)
Така чорнява дивчына, така гожа, а на-
турою зъ беззубою бабою схожа!

Чередныкъ (*зареготавъ*).

Ай, бурсакъ, утявъ!

Чабанъ.

Шо то якъ чоловікъ вчений, то вже
якъ прикладе що, то нибы прилипе!

Чередныкъ (*до Дороша*).

Чы правду кажуть, шо нибы наша
панна, не пры хати та й не проты ночи
кажучы, нибы зналася зъ тымы, шо не
то що, а Богъ зъ нымы?.

Хома (*здывованно*).

Це-бъ то покійныця?

Дорошъ.

Та вона, сказать по правди, цила
видьма!

Хома.

Видьма?

Дорошъ.

Та я хочъ заразъ заприсягну!

Хома.

Це-жъ шо за новына? А чомъ-же
ты, дядьку, якъ я дорогою роспыту-
вавъ тебе про панну, ничего такого не
казавъ?

Дорошъ.

Не казавъ, а теперъ кажу, шо вона
достометна видьма и зъ чортамы зналася!

Хома.

Ты жъ звидкы про це довидався?

Свырьдъ.

Ну и на шо, Дороше, о таке казаты? О,
Боже мій!

Дорошъ.

Я звидкы довидався? А звидты я до-
видався, шо панна іздыла не разъ и на мени.

Хома.

Іздыла, и давно?

Свырыдъ.

О Боже мій, о, Боже мій! Такъ, Дороше не можна! Чудный ты якый!

Дорошъ.

Ну, а чого жъ я буду мовчаты, чого? Та я й попови це скажу. Та, якъ по правди казаты, то кожна баба видьма!

Свырыдъ.

Ни, Дороше... Ну и на вищо? О, Боже мій, Боже мій! У котрой е хвостыкъ маненькый, та истынно видьма.... Така вже прыкмета, що-бъ коженъ завжды тямывъ, хто винъ е!..

Дорошъ.

Та кожна баба видьмою стае, якъ тилькы почына стариты.

Свырыдъ.

Що-бъ кожна, ни! О, Боже мій!..

Дорошъ.

А я кажу, що кожна!

Горпына.

Ну, вже й завзяты-жъ козарлюгы и вы, мовъ ти годовани кнуры, таке выгадують зъ жыру!..

Дорошъ.

Хто памьята псаля Мыкыту?

Чередынкъ.

Стрывайте, про псаля Мыкыту, я роскажу найкраще, бо винъ мени доводывся кумомъ.

Дорошъ.

Такъ що жъ що кумомъ, а я складнице роскажу.

Вси.

Кажы, кажы! Нехай Дорошъ каже. Мовчить та слушайте!

Дорошъ.

Ты, пане брате, хвылозопе,
Чы чувъ що про псаля Мыкыту?
Такыхъ, якъ винъ людей на свити,
Мабуть, не густо и бувае.
Та то-жъ кожнисеньку собаку,
Мовъ батька роднаго, винъ знавъ.
Ось цей Мыкола, що теперь
За псюрныка его настановылы,
Хочъ винъ, якъ мовыты по правди,
Парняга те жъ соби моторный,
Тилькы-жъ супроты Мыкыты,
Щобъ винъ тамъ якъ, або инакъ,
А прямо ка-зна що, помы!..

Тавунцыкъ.

Та й достометну-жъ правду чеше,
Не мовъ сокырою винъ теше!

Дорошъ.

Бувало зайця вздрить винъ швыдче,
Чымъ хто пидъ носомъ втре табаку.

Горпына (*показуе на Свырыда*).

У дядька разъ-у разъ пидъ носомъ
Блещыть табака, ажъ рудіе...
Утритъ, бо такъ дывытысь гыдко!

(*Сплевуе*).

Свырыдъ (*вытираетця*).

Та то не шкодыть, можна й втерты.

Дорошъ.

Бувало раптомъ якъ свисоне:
„А ну, Розбой, а ну, Швыдько!“

Самъ на кони о такъ прыляже,
 Прышультця, якъ понесетця,
 И вже тоди и не вгадаешъ
 Хто обжене кого мерщій—
 Чы винъ собакъ, чы ти его.
 Ему горилкы дмухонуты
 Видъ разу квартиру—наплювать!..

Свырьдъ.

Тай я, якъ захочу, то зможу!

Вси.

Мовчы, мовчить-бо, цытьте!

Дорошъ.

Одначе-жъ винъ зъ якого часу
 Почавъ на панну задывлятысь.
 Чы й справди въ ній винъ закохався,
 Чы та ему щось поробыла?

Тавунщыкъ.

Ну й достометно-жъ промовляе
 Такъ кожне слово, якъ рубае!

Дорошъ.

Ото таке щось зъ нымъ вчынылось,
 Що ставъ винъ зовсимъ ка-зна чымъ,
 Що, навить, гыдко и згадаты.
 Панна позыркнѣ на него,
 А винъ и поводъ зъ рукъ упусти.
 Розбой вже Бровкомъ винъ клыче,
 А Ляхву Гаплыкомъ назве—
 Помилку до помилкы такъ и ныже!
 Разъ панночка прыйшла до стани,—
 Мыкыта чыстывъ тамъ коня.
 „Мыкыто, каже, дай-но я
 На тебе нижку покладу!“
 А винъ, дурбыло, и зрадивъ.

Тавунщыкъ.

Такъ, такъ, це правда. Отъ дурный!
 Та я-бъ не дався, а ни защо!

Дорошъ.

Панна нижку пидняла.—
 Пухку, биленьку, та ще й голу;
 Мыкыта глянувъ—затремитивъ,
 Не тямлячы себе, нагнувъ винъ спыну,
 Схопивъ за голи ниженята панну
 И выхремъ чурхонувъ по полю....
 Вернувся въ станю вже надъ вечерь,
 Мовъ пьяный, млявый, ледве живый,
 Почавъ видъ тоди схнуть, мовъ триска...
 Якось прыйшли у ранци въ станю,
 Ажъ дывлятця, за-мищъ Мыкыты,
 Видро порожне тамъ стоить
 Та купка попилу лежить,—
 Згоривъ геть чысто самъ изъ себе!..
 То ось який бувъ псарь Мыкыта.

Тавунщыкъ.

На всю округу, на пивъ свита!..
 Вичня память тоби, куме,
 Хорошый бувъ ты чоловікъ!

(Довго мовчять).

Чередныкъ.

Казавъ Омелько Коверляга,
 Що зъ него видьма кровь спыла
 Видерь зъ чотыры, якъ не бильшъ.
 Який колысь изъ себе грубий бувъ,
 А теперь, мовъ тинь яка... (Пауза).

Чаванъ.

А чоловікъ зъ того села,
 Що генъ надъ кручою дзвиниця,
 Казавъ, шо е въ ныхъ молодыця,
 Шо зна отъ видьмы заговиръ. (Пауза).

Петро.

Учора выхремъ черезъ двирь
 Смеркомъ промчалась. (Пауза).

Чередныкъ.

Рукавыци
 У Гната вкрадени нови!..

ТАВУНЦЫКЪ.

Хочь-бы онъ, якъ торикъ, мени
Все въ вичи сунула копыця!..

СВЫРЫДЪ.

А про Шепчыху ты чувавъ?

Хома.

А хто жъ така була Шепчыха?

Дорошъ (*регоче*).

Якъ бачу, тамъ у васъ у бурси
Багато вчать, та мало тямлять.

СВЫРЫДЪ.

То розкажу я про Шепчыху.

Вона жъ мени

Таки зъ ридни:

Братъ ии у другихъ,

Максымъ, Остапивъ,

Державъ, сказать, мою небогу,

Павла Гнылыченка дочку.

ТАВУНЦЫКЪ.

Якъ змиркувать, то наче бь-то й зъ
ридни.

СВЫРЫДЪ.

Е на сели у насъ козакъ,

Шептунъ,—о такъ его и дражнять,—

Шептунъ, тай годи! Хочь сказать,

Винь liebe трохи пидбрехнуты;

А часомъ liebe й де що вкрасты,

Але-жь... Все жъ бувъ якъ слидь козакъ.

(*До Дороша*) А що то въ тебе тер-
чыть зъ кешени? Дывитця, ей же ей,
пляшка! Чы не калостный чоловьяга и
досы насъ не почастувавъ?..

Дорошъ (*выйма пляшку*).

По правди сказать, я неначе про неи
й забувъ. (*Частуе*).

СВЫРЫДЪ (*вытывъ*).

Теперь мова пиде лехче.

Разъ сивъ винъ зъ жинкою вечерять,

Писля вечери лягли спать:

Лягла Шепчыха у подвирьи,

Шептунъ же лигъ на лави, въ хати....

Ба ни, вона на лави въ хати,

А винъ послася у подвирьи.

Горпына.

И не на лави лягла,—доли!

Дорошъ (*зыркнувъ на неи, потимъ въ
землю, потимъ зновъ на неи*).

Якъ скину зъ тебе я запаску,

То щобъ не выявылося де що!

Горпына (*зъ лямомъ*)

Та цуръ тоби!

Дорошъ.

Отъ же мовчи!

СВЫРЫДЪ.

Посередь хаты, у колысци,

Лежало ихъ дытя грудне,

Було вже, мабуть, зъ годъ ему,—

Забувъ, чы дивчынка, чы хлопчыкъ?

Лежыть Шепчыха доли й чуе,

Що за дверыма песь шкребетця,

Шкребетця клятый песь тай годи!

А вые такъ, що хочъ втикай!

Звычайно, баба и злякалась....

Бабы, воны такый уже народъ,

Якъ тильки смеркнетця на двори,

То покажи ий языка кризь двери,

Душа прожогомъ шугне въ пяты.

Горпына.

О, вы смилыви! Хочь бы вже не
хызувалысь, та частишь пидъ носомъ та-
баку вытералы!

СВЫРІДЬ (*вытира носа*).

Чого їй нись мій такъ увіся?

Де-яки.

Горпыно, не мишай!

СВЫРІДЬ (*до Горпыны*).

Ну, глянь, теперъ вже чисто, додыв-
ляйсь... Нись тай нись! (*Регитъ*).

Де-яки (*нетерпыливо*).

Кажы, кажы!

СВЫРІДЬ.

Лежить, трясетця й стала думать:
„Устану та по морди дамъ,
Щобъ перестала клята выты“.
Бере у руки коцюбу,
Тыхенько двери видчыняе
И тилькы трошки видхылыла,
Ажъ їй собака шустъ пидъ ноги,
Та пльгъ прожогомъ до колыскы.
Шепчыха, зыркъ! ажъ то не песь,
А наша панночка... И— лыхо!
Та не така якъ слидъ їй буты.
А сыня-сыня! Тилькы очи
Горять, мовъ вугилле у кузни!..
Вхопыла биднеьку дытынку,
Горлянку миттю прокусыла
И ну смоктаты зъ неи кровь...

Дивчата и молодыци.

Ой, годи, страшно, не кажить! Ды-
витця, лыбовъ хтось бижыть сюды! (*Вси
зъ лякомъ озыраютця*).

Я в а б - а.

Ти жъ и Юхымъ.

Де-яки.

Це Юхымъ!

Тавунщыкъ.

Та ништо-жъ инчий!..

ЧАВАНЪ.

Винъ-же, винъ!

Юхымъ.

Чы тутъ Дорошъ та бурсакъ? Мерщій
до сотныка идить!

Горпына.

А що панъ плаче?

Юхымъ.

Ни! Тилькы такой похмурый, якъ ничъ:
и страшно и жалко глянуты!

Дорошъ.

Якъ иты, то йты! (*Встае*)

Хома.

Шкода кыдаты таку кумпанію, та що
робыть?

Юхымъ.

Сербнитъ по чарци, щобъ розмову
вона вамъ розвьязала. Ось, клюшныкъ на-
цидывъ суліюку, щобъ вси добромъ покій-
ныцю згадаы.

Дорошъ.

Та нехай тому языкъ руба стане,
кто ии лыхомъ помьяне! (*Частуютця*).

Хома (*выпывъ*).

Та наывай уже и другу.

Юхымъ (*наыва*).

Пый. (*Хома выпывъ*). А може й третю?

Хома.

Та мабудъ не завадыть? (*Пье*) О, те-
перъ хочъ и ходимъ!

Вси.

Ну, нехай тоби Богъ допоможе чер-
виньцивъ скилькы заробыть, якъ що впо-
добаеся панови сотныкови.

Свырыдъ.

Нашъ, панъ добряча душа и щедра,
абы тильки ему догодывъ.

Чередынкъ.

Якъ выдчытаеся благополучно, тоди
и насъ почаствуешъ?

Хома.

Можна буде! Налый-но ще одну, зем-
лячо! (*Выпывъ*) Колыбъ оце заразы му-
зыкъ, була-бъ закаблукамъ работа.

Де-яки.

Отъ людына, такъ людына!

Хома.

Э, гуляй! Музыкантивъ, неодминно
музыкантивъ!

Тавунщыкъ (*до чабана*).

Лаврине, ушкварь на сопильци! (*Ча-
банъ почына гратъ на сопильци, Хо-
ма танцюе, вси пидстивають*).

Хоръ.

Якъ-бы мени або сякъ, або такъ,
Якъ-бы мени запорожський козакъ,
Якъ-бы такы молодой, молодой,
За рученьку поводывъ-поводывъ!..

Зависа.

Дія 5-а.

*Велька кимната, перегорожена коллонами, за котрымы по середыни ро-
зипнута, чорна зависа, видкиля выдко труну, у котрій лежыть панна,
зъ бокивъ горять дви воскови свички; зъ одного боку лежыть на столи
товста книга, въ реминныхъ палатуркахъ.*

Ява 1-а.

Панны сусидки и нянька.

Панны.

Сумною звисткою, вмиль оголошеною,
На горе намъ прыйшлось тутъ зъявытыся,
Надъ подруженькою слизмы вымытыся,
У розцвитній доби смертью скошеною.

Нянька.

Чы ій воленьки не було
У роскошахъ пожить,
Чы ій доленьки не було,
У добри походыть?
Забагнулося чого—
Все зъявлялося,
Заманулося чого—
Все скорялося.

Панны.

Сумною звисткою и т. д.

1-я Панна.

Розскажи будь ласка, голубонько намъ,
Зъ чого таке лыхо зъявылося вамъ?

Нянька.

О, колыбъ я раницъ догадалася,
Що въ неривню вога закохалася,
Увесь свить-бы облитала я,
Зиллячка того прыдбала-бъ я,
Що видъ любощивъ видволожуе,
Видъ лыхыхъ людей васъ видхожуе.

1-я Панна.

Негаданне горе, несподиване!

2-я Панна.

И въ сны намъ про це не марилося!

Нянька.

Зкоилось, якъ на грихъ, це торикъ по
весни,
Зъ прощи, зъ Києва, мы вернулись,
Стала схнуть вона та жахатись у сні
И що Божій день билышъ задумуватсь...
Вже якъ немощна була, то призналася,
Що въ неривню вона закохалася.

1-я Панна.

Колы-бъ же знатте, де зилле те буяе,
Що серце дивоче пидъ розумъ скоряе?

Нянька.

И благала мене и наказувала,
Щобъ отцю я того не росказувала,
Тилькы-бъ воленьку іи уволныла я,
Щобъ подружечокъ преклоныла я,
Та щобъ каяльсь по ній,
По голубоньци мой!

1-я Панна.

Яка-жъ тяжка печаль лунае,
Въ твоихъ сумотнихъ словесахъ,
Нехай вже Богъ іи приймае
И дасть ій спокій въ небесахъ.
Ходимо-жъ, сплетемо ій винокъ
Изъ найкращыхъ пахучыхъ квитокъ!

(Пшли).

Я в а 2 - а.

Сотныкъ *(входе тлжко засмученый)*.

Чы е де у свити тяжчее горе
Надъ те невымовне, що встыгло мене,
Лютьця мои слезы, якъ ричка у море,
Душа у молитви до Бога лынэ;
А хто-жъ розибье тяжкую цю тугу,
Хто розгорюе, розваже мене?
Пшовъ-бы я вику дожыты до лугу,
Такъ старый... вже до земли мене гне!..
Охъ у одынци, якъ въ поли быльнцы,
Въ забутти безславному вику змарнувать,
Та найлютица, найтяжча годыпа
Въ яку нема кому й рады подать.

Я в а 3 - я.

Дорошъ и Хома *(входятъ)*.

Хома.

Велькоименитому панови
И привельможному сотныкови
Найныжче уклоняюся! *(Кланяется)*.

Сотныкъ.

Хто ты еси, и звидкы, и якого роду?
Та якъ и на имення, скажи, ты звуть?

Хома.

Изъ бурсакивъ, азъ есмь рабъ Божий
Хома Брутъ!

Сотныкъ.

А хто, скажи, бувъ твій отецъ?

Хома.

Не видаю, вельможный пане.

Сотныкъ.

А маты хто була твоя?

Хома.

И матери такожь не знаю.
Звычайно, здраво розмышляя,
Повынна була буты й маты,
А хто вона була и звидкы,
Колы жыла и якъ—сказать
По истыни, то тежь не знаю.

Сотныкъ.

Колы ты познаемься, признайся,
Зъ мою безталанною дочкою?

Хома.

Не знаемьсь зъ роду-вику,
Вельможный пане, зъ панночкамы;
И скилькы не живу на свити,
Не мавъ никола зъ ными дила.
На вищо-бъ мавъ ихъ зачопаты?
Та цуръ имъ, по просту сказаты.

Сотникъ.

То якъ-же те намъ розтлумачить,
Що їй зхотилося призначить
Тебе, по ній псалтырь чытать?

Хома.

Господь-Богъ видае про тее.
Доводылось не разъ чувать:
Паны пидь часъ сплетуть такее,
Що й грамотниций не розвьяже;
Та й поговорка е така:
„Скачы, враже, якъ панъ каже!“

Дорошъ.

Я чувъ таку и видъ дяка.

Сотникъ.

Чы правду-жь кажешъ, пане хвылозохве?

Хома.

Та хай мене нечыстый вхопе!
Та що-бъ мене тутъ передъ вами
Небесный гримъ торохнувъ такъ,
Щобъ не зоставъ видъ мене й знакъ!

Сотникъ *(до неби очи зводе)*.

Его и власть и судъ надъ намы.

(До труны).

Колы-бъ ты, доню, довше прожила,
Я певенъ, що правда на верхъ-бы
сплыла.

Сказала: никому не давай чытаты,
А пошлы у Киевъ, ажъ до бурсы,
тату,

Щобъ привезлы бурсака, Хому Брута,
Хай мольтця тры ночи по мени“.

Потимъ додала вже, нибы у снi:

„Винъ знае!“ И очи закрыла.

Що знае?—Почуе могыла!

(До Хома).

А може постынкъ ты велькый,
Життемъ святымъ видзначывсь їй,

Чы добродійнымы диламы,
Що такъ вподобала вона тебе?

Хома.

Хто я? та я, вельможный пане,
Лышь непристойно говорыты,
Та я, вже ничого робыты,
Сказать вамъ безъ обынякывъ,
Я зъ найшкодлывшыхъ бурсакивъ:
Пидь четверъ страшный, у ничъ—
Забравсь къ бублейныци на пичъ....

Сотникъ.

Ну, годи, такъ призначено
Тоби съ сегодня почынать.

Хома.

Осмилюсь, вашеци, сказать....
Конешне, азъ емь чоловікъ,
Письму святому врозумленый,
По сорозмирности, то й слидъ
Чытать, егда письменный....
Тилькы на цей разъ, думка така,
Дьякона треба, або дяка—
Воны до цего презвычайни
И знаютъ обыходъ, якъ треба,
А я... Тай гласъ мій не печальный
И самъ я такъ... якась незгреба!

Сотникъ.

Ну, годи ка-зна що плескаты,
Що заповидано зроблю;
Заслужышъ—будешъ нагороду маты.

(Гризно)

А шуткувать я не люблю:
Пивсотни наганывъ зкоштуешъ зразу
Якъ не послухаешъ мого прыказу.

(Иде до труны).

Хома *(у бикъ)*.

„Пивсотни!“ Абы спына крипка,
Смашненька зъ часныкомъ утрибка!

Сотныкъ (до жертвои).

Я не объ тимъ печалуюсь, моя дытно,
Що ты въ початку литъ веелыхъ, мо-
лодыхъ,

На горе и печаль покынула мене старого,
Найбільшь шкодю я, голубонько моя,
объ тимъ,

Шо въ викъ вже не впизнаю ворога того,
Котрый, въ пори твого квитчатого розвытку,
Тебе такъ люто вырвавъ изъ обіймищъ
жызны.

Колыбъ дизнався я, хто змигъ подуматы
Зневажыты тебе хочъ словомъ прыкрымъ,
То свидокъ Богъ, не вздривъ-бы винъ
своихъ дитей,

Якъ шо такый старый винъ, якъ и я,
Ни отця, ни неньки, якъ шо винъ юныхъ
литъ;

И тило его выкынуто було-бъ у степъ,
На покормъ птыци хыжій та звираци лютій...
Горенько-жъ мени, моя ты полева нагідко,
Зозуленько моя ты, моя ясочко;

Що прожыву мій викъ останній безъ утихы,
Втыраючи дрибни слизонькы полою,
Котри ричкою течуть зъ моихъ старыхъ
очей,

Тоди якъ ворогъ лютый буде веселытись
Та зъ потання глумытись надъ древнимъ
старцемъ.

Я ва 4-а.

Нянька и панны сусидкы (вносять
квиткы).

Панны и нянька.

На вичню розлуку тебе мы квитчаемъ,
Приймы ты останню видъ насъ послугу,
Квитчаючи тя, мы гирко рыдаемъ,
Въ тоби-бо теряемъ щыру подругу.

(Шоклавыи на труну квиткы вид-
ходятъ),

Сотныкъ (показуе Хоми мисце де
статы).

Тутъ мусышь ты псалтырь чытаты,
А я пиду лысты пысаты,

Гостей склыкаты на ралець,
Дочку зряжаты пидъ винецъ!
(Пишовъ).

Хома.

Ну шо-жъ, тры noci видроблю,
Червиньцивъ жменю зароблю,
Жупанъ соби такый утну!..
Надъ кымъ чытатыму, а ну?
(Здалека дывытця на мертву).

Дивча, ще молоде, гарненьке,
А лычко нижне та биленьке!.. (Стива).

Та чы се жъ тая квитка полева, пахуча,
Що всю долыну роскишно скрашала,
Що витрець на неи холодный подунувъ,
Вона, й не розцвившы, раптомъ зовьяла?
Та чы се жъ той дубъ высоченный, шо
вчора

Могутно, роскишно та гордо буявъ,
А ныни вже винъ лежыть вверхъ корин-
немъ,

Бо налетивъ выхоръ и дуба зламавъ.
Такъ и твое, красно, юна дивчыно,
Житте молоде швыденько пройшло,
Вчора жыла ты, а ныни прахомъ стала
И имня зъ тобою у труну пишло!..
(Пидходе бльжче и пизнавши жа-
хается).

Видьма!... Зновъ вона, я пизнавъ ии...
О, Вышни сылы, захыстити мене!...
Хочъ очи ии нибы й закрыты,
Вона все-жъ дывытця такъ гостро!
(Прыдывляється).

А то шо? По щоци онъ потекла слеза,
То не слеза, то крапля кровы!
Та шо жъ це коитця и де я?

(Закрыва долонямы очи, помовчавъ).
А може то мени здалось,
Що то вона?... А вже-жъ здалось...
(Погляда зкоса).

Хочъ бы й вона, то вже жъ померла
И вже не ветане зъ домовыны,
Бо слова Божого боитця.
Худчий приймусь псалтырь чытаты..
Було бъ найкраще не дывытись

И страху ниякого не було-бъ...
 Та чы справди-жъ я злякався?
 Серце стука въ перебий!...
 Це выпывъ лышню, черезъ те
 Мени й здалося не витъ-що!
 Мабуть не можна тутъ курыты?
 Оце зовсимъ вже не гараздъ.
 Якъ-бы курнуть и страхъ пройшовъ бы...
 Хиба понюхать тютюньцю?.

(Выйма папушу зъ кешени и нюха).

А добрый тютюнець, мицный!
 Ну що, якъ справди вона встане,
 Пидійметця та выгляне зъ труны?
 О, ни! *(Церельстуге)*. Видкиль почать
 чытаты,
 Лыбонь вже щось я й не збагну?!
 Ну що, якъ справди пидведетця?
 Щось хруснуло? *(Дывытця на жертву)*.
 Ба ни, лежить.

А що якъ визьме та й устане?

(Чутно спивають пивни).

Ага, онъ пивни вже спивають.
 Чы други вже? Колябъ ще трети,
 Тоди видьмамъ вже швандяты зась!

(Глянувъ на труну).

Га? що? Чыя то голова
 Зъ труны, неначе, выглядае?
 Пидводытця!... Лыбонь, встае!
 Уже выходе зъ домовыны!..
 До мене хоче прыступыты!..
 Швыдчъ заклянаніе втворыты!

(Обчиркуе себе навкругы).

Хрестъ на мени,
 Хрестъ на спыни,
 И зъ бокивъ скрызъ хресты,
 Хресты мене захысты.

Панна *(ставшы передъ труною, спива)*.

Прыйды до мене, Хомо, хочъ на хвы-
 лynu,
 Я жъ вся до тебе, мылый, серденькомъ лynu,

Охъ, прыйды, прыйды, любый козаче,
 Душа моя наболилая вся по тоби плаче!

*(За лаштунками ныбы луною от-
 даеця остання стричка).*

Хоръ.

Душа моя наболилая вся по тоби плаче!

Хома.

Мени жаль ии и страшно!

Панна.

Я-жъ тебе, любый, обйму и прыголублю,
 Тоди тилькы спизнаешъ, якъ тебе люблю,
 Польшемъ зъ тобою до моеи хаты,
 А мои жъ-то хаты, роскишни палаты.

Хоръ.

А мои жъ-то хаты роскишни далаты!

Хома.

Серце умливае, розумъ мутніе!..

Панна.

Въ моиъ пидземниъ, роскишниъ царстви,
 Ты будешъ найпершый у всиъ госпо-
 дарстви,
 Ходимо-жъ, ходимо, мій любый, зо мною,
 Я буду тамъ вично твоею рабою!

Хоръ.

Я буду тамъ вично твоею рабою!

(Панна стае невыдыма).

Хома.

Ныбы спивъ той дывовынный лунае у
 хмари:
 Чы се мрія, чы се чудо, чы мара, чы
 чары?!

Чы усни все це, чы въ явъ?
 Мовъ заморокъ мене обнявъ!
 Затыхло... ну, пора чытаты,
 Увагъ ни на що не звертаты,
 То й пройде страхъ!

*(Чутно шелестъ, тихый гоминъ,
дали свистъ и трискотня).*

Лыбонь щось знову?

*(Вылита зъ за колоннъ труна и по-
чына зъ свистомъ лятаты по ким-
нати и надъ Хоמוю).*

Труна и сонмъ пидземныхъ сыль,
Летючи мыши, упыри,
Кругомъ труны, вызу, въ гори!...

Я чую витерь видъ ихъ крыль,
Воны регочутця, шыплять,
Скрегочуть, квакають, свыстять,
Невпынно клацають зубамы,
Воны хотять мене пожрать?!
(Труна счеза за колоннамы).

Панна *(зновъ зъявляеться).*

Найпрудчого пошлите змя,
Хай приведуть скориче Вія!

Голосъ *(за лаштункамы).*

Гей, де ты, швидче, Фарнагія,
Царыця каже весты Вія!

Голосы.

Ведите: Вія, Вія, Вія!
(Панна зныка).

Хома.

Въ очахъ усе вже помутылось
И сердце бытись зупынылось...
Уста сципляе смертний страхъ!
Кого ведуть-то?

*(Упыри, видьмы, вороны, кажаны
и усяка чортовина навкругы Вія
встетья).*

Я в а 5 - а.

Вій.

Пиднимить вика, не бачу й стинь.

Хома.

У жылахъ кровь замѣрла...
Ахъ!

(Упыри пиднимають Вієви вика).

Вій *(побачивъ Хома).*

Берить, хапайте, осьде винь!

*Хома мертвый падае, инчи про-
валяютьця, инчи вылітають, инчи
выповзають).*

З а в и с а.

А П О Ч Е В О З Ъ.

*Межъ коллонами зависа пидіймаеться, тамъ, выдко панну, котра сидить
на вогненнимъ крысли, передъ нею на вколочкахъ стоить Хома, панна ему
передае атрибунъ власти.*

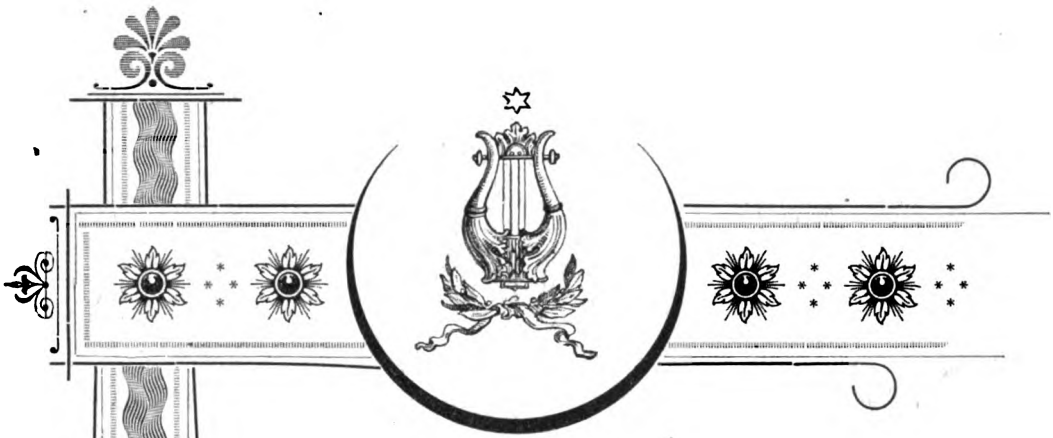
Хоръ духивъ.

Теперь намъ радистъ жаданна зъявилась,
Що наша царыця розвеселылась,—
Коханецъ зъявився передъ ии очи

И свитомъ засявъ у царстви ночи!
Тьмо возлыкуй, отъ сна пробудысь,
Радисный гимнъ у пидземь несесь!..

З а в и с а.

НА РУИНАХЪ.

Комедія въ 1 діи.

ЛЫЦЕДІИ.

Рафаиль Владимыровичъ Смородына, молодой панъ, военный.

Прокопій Демыдовичъ Шклянка, землевладелецъ изъ дворовыхъ.

Параскева Мытровна, его жинка.

Хвеса, ихъ дочка.

Петро Михайловичъ Кулыкъ, сусида, землевладелецъ, изъ мужикнвѣ.

Шлема Капланъ, швецъ.

Гершко Столяровъ, кравецъ.

Цфейферъ, немецъ-колонистъ.

Тыхонъ, изъ старыхъ слугъ.

Степка, молодой лакей.

Явдокымъ, дворовый.

. Діетця въ сели.

Кимната дуже гарна, але нечепурна, по де-куды обидрани обои, по стинахъ замусляни и занехаяни картъны, плисень скривъ, павутыни, потѣкы, копоть... Мебель стародавня не зъ дешевыхъ.

Я в а 1 - а.

Смородына (*сидитъ край столу зъ газетою въ руки и зъ цыгарою; на столи пляшкы зъ выномъ*).

Нѣтъ ничего интереснаго и сегодня въ газетахъ. Какъ вчера такъ и нынче, каждый день одно и тоже: воровства, грабежи, убійства, ажіотажъ, крахи!... (*Устае и ходе по хатѣ*). Надоѣло до тошноты сидѣть въ этомъ захолустьи, болѣе двухъ недѣль свожу какіе-то нелѣпые счеты и никакъ не могу окончательно раздѣлаться съ остатками барскаго комфорта—съ разной наслѣдственной рухлядью, мебелью, экипажами и еще тамъ какимъ-то хламомъ.... За все время, что здѣсь сижу, только и видѣлъ раза два предводителя дворянства. Помѣщики—одни сдали имѣнья въ аренду и сами куда-то испарились, другіе—при помощи земельного банка, вылетѣли въ трубу,—вотъ какъ и я, третьи продали имѣнія крестьянамъ, либо кулакамъ.... И теперь весь этотъ районъ заполоненъ новыми землевладѣльцами, все бывшими кабатчиками, да прикащиками... А давно-ли, кажись, такъ весело, такъ беззаботно проводилось здѣсь время?... И вдругъ словно всѣ въ разсыпную и этотъ нѣкогда мирный райскій уголокъ превратился въ пустыню оскуднѣнія, въ пріютъ торгашей и барышниковъ.... Грустно, грустно!...

Я в а 2 - а.

Тыхонъ и Смородына.

Тыхонъ (*оглядаючысь*).

Панычу!

Смородына.

Что тебѣ?

Тыхонъ.

Чы правда тому, що вы видѣ насъ идете?

Смородына.

А ты и до сихъ поръ все сомнѣвался? Да, уѣзжаю! Уѣзжаю совсѣмъ и навсегда!...

Тыхонъ.

А имѣные-жъ якъ, а хоромы, а?...

Смородына.

Все это принадлежитъ теперь Прокофію.

Тыхонъ.

Та невже то правда? Де-жъ винъ таку сылу грошвы набравъ?

Смородына.

Объ этомъ слѣдовало-бы его спросить. А впрочемъ ему и не особенно много пришлось доплатить.... Покойный мой батюшка жилъ не такъ какъ въ настоящее

время должно жить, поэтому и надѣлалъ массу долговъ: сперва имѣнье заложилъ, потомъ перезаложилъ, а ужъ я прикончилъ... Ну вотъ Прокофій и купилъ его съ публичнаго торга.

Тыхонъ.

То це Прокошка стане тутъ панувать?

Смородына.

Да, теперъ онъ полновластный здѣсь господинъ.

Тыхонъ.

А на вищо-жъ це вы такъ попустылы?

Смородына.

„На вищо?“ Я тоже не умѣю жить такъ, какъ должно нынче жить.... Такъ воно трапылось!...

Тыхонъ.

Гарна трапа! Я здавна такы постерегавъ, ще якъ Прокошка бувъ за отамана, а потимъ за ключника, пры покойному вашому папаша, царство имъ небесне,—що винъ здорово ихъ обкрадавъ.

Смородына.

А слыхаль-ли ты пословицу: на то и щука въ морѣ, что бы карась не дремалъ?

Тыхонъ.

Щука? Ни, Прокошка це не щука, а гадъ. Отой самисенькій гадъ, що кажутъ десь винъ у чужихъ земляхъ выплокуетця и пожара не жувавшы усяку звірыну и людуну.... Бувало панъ пошлють Прокошку за покупками, або звелять хлибъ продаты, то вже мы вси двирьски знаемо напередъ, що винъ грошыкы переполовынить....

Смородына.

Поздно ужъ объ этомъ трактовать!

Тыхонъ.

Кинецъ-бы то всёму? Стало быть воно такъ вызнача: котрый бувъ зъ розумомъ та безъ чести—тому теперъ пануванне; а котрый боявся краджкы якъ вогню—тому злыдни?... *(Оглядаетця)*. Паньчу! Ну, а выно, котре здавна ще у лѣху зосталося, воно те жъ Прокошкыне теперъ?

Смородына.

Развѣ его тамъ много осталось?

Тыхонъ.

Та було чымало. Покійни ваши папаша ящыками его куповалы... А теперъ, мабуть, Прокошка его попереховувавъ. Такой не перехова?... Гадъ, однимъ льцемъ гадъ!... Якъ-же мы теперъ будемо безъ васъ?

Смородына.

Этого ужъ я не знаю.

Тыхонъ.

А я знаю! Теперъ воно кожному выдымо, що я за те, що не кравъ—зостався у дурняхъ!... Ловко? Не слидъ було зивать: честь заховаты у одну кешеню, а те що плохо лежало—у другу!... Теперъ хочъ живцемъ пропадай!... Прокошка проковтне насъ, не жувавшы. Куды-жъ намъ теперъ?

Смородына.

Ты не знаешь куда вамъ, а я тоже хорошенько не знаю: куда мнѣ? Мы какъ будто на перепуты.

Тыхонъ.

Ни, на руинахъ! Але що вамъ? Вамъ скрызъ шляхы простягысь.

Смородына.

Такъ воно тоби здаецця?

Тыхонъ.

Бо вы барынь!

Смородына.

Вотъ въ этомъ-то и... штука, что баринъ я!

Тыхонъ.

Отъ тоби и Прокошка, маладца!... Сокиль зъ мисця, а ворона на мисце? Тилькы не ворона, а достомитный гадъ!...

Я в а 3 - а .

Тижъ и Шклянка.

Шклянка (до Тыхона).

Ты чого сюды прыперся? Отъ-же я тоби сегодня такы шыю намылю! (*Смородына чыта газету*).

Тыхонъ.

Та я той... по дилови....

Шклянка.

Це такъ обкопуешъ дерева въ саду?

Тыхонъ.

Хиба то лакейска работа?

Шклянка.

Колы служышъ у мене, то робы все што звелю. Сегодня мени треба лакея, ты—лакей; а завтра пошлю тебе на инчу роботу: чы скоть пасты, чы свыней,—ты пастухъ.

Тыхонъ.

За ридныхъ панивъ цѣи моды зъ роду-вику не було, щобъ лакей....

Шклянка.

А въ мене моя мода. А не хочешъ скорятыся мойй моды, то убирайся зъ двору пидъ тры чорты!...

Тыхонъ.

Чы чуете, панычу? И уберусь!... Отъ визьму та зъ панычомъ и поїду.

Шклянка.

Ты такы панычеви и потрибный!

Тыхонъ.

А вже жъ што потрибный. Правда, панычу?

Шклянка.

Тамъ ще у Петербурси не бачылы такыхъ, якъ ты.

Тыхонъ (до Шклянки).

Згадаете Тыхона, якъ пизно вже буде, каятыметесь та не вернете. Якъ понаіздять на праздныхъ гости: хто имъ у васъ порадокъ безъ мене дасть?...

Шклянка.

Почны базикаць!...

Тыхонъ.

Лѳвки паны повылуплювалысь, што не тямлять кому де сисы и якъ яку страву исты—чы ложкою, чы выделкомъ?

Шклянка.

Абы було што исты, а способу доберуть; абы було де сисы. (*Сидает*).

Тыхонъ.

Подасы ёму шалхветку, а винъ нею носа сякае!...

Шклянка.

Иды, иды вже видциля!...

Тыхонъ.

Паньчу, визьмете мене зъ собою?

Смородына.

Нѣтъ, не возьму.

Шклянка (*регоче*).

А що, Тыхоне, поїхавъ покосомъ?

Тыхонъ.

Якъ що такъ, то я въ городъ подамся.

Шклянка.

Туды тобі й дорога скатеркою просалась. Иды та мерщій складай чаймайданы, щобъ на поїздъ не спизнявся.

Тыхонъ.

Ну-ну, дожились!... Отъ тобі и здрастуй: честь есть, а хлиба дасть Бигъ!... (*У бигъ*) Гадъ достометный, кракадывъ! (*Пшиовъ*).

Шклянка.

Цила юрба зосталась оціеи наволочидармоїдивъ, нащадкивъ паньскои прымхы!.. Лизе до тебе у вичи, клянда, скимлыть, щобъ взяты ёго, хочъ за шматокъ хлиба... Пошкодіешъ его, визьмешъ, пидгодуешъ трохи, пиджывышъ, винъ заразъ и почне тобі теревени розводты; а роботы ни якои зъ нѣго не пытай.... Оця гаспидська хабѣта и зныщыла панивъ, вона ихъ стрискала. Щобъ годуваты десяткамы о такыхъ лежнивъ, то треба-жъ маты мылліоны капыталивъ, та й тихъ не выстачыть!...

Смородына.

Ну, довольно!... Къ чему объ этомъ?..

Шклянка.

Не наравытця?... Вамъ все не наравлятця мон речи, а я, ей-ей, добра вамъ бажуючы....

Смородына (*пѣе выно*).

Кстати! Много-ли еще вина осталось тамъ въ погребѣ?

Шклянка (*у бигъ*).

Ага, ось про що Тыхонъ тутъ язычыть!... (*До него*) Де жъ тамъ выно те зосталось? Порожнихъ пляшокъ чымало е... Желаете хйба пляшкы порожни забраты?... А вына, лыбонъ, одна чы дви пляшечкы?... По правди кажучы, не додывлявся гараздъ, бо якъ воно мене не цикавыть...

Смородына.

Что же покупщики мебели не являютя?

Шклянка.

И мій совитъ продать-бы вамъ найскорій мебули та окопажи....

Смородына.

Да я объ этомъ только и хлопочу!

Шклянка.

А що я вамъ посоветую?...

Смородына.

Что такое?

Шклянка.

Якъ сберутця куповаты ваши мебули и усяки прычандалы... Хочъ воны ти мебули мени зовсимъ не потрібни...

Смородына.

Ты и не покупай.

Шклянка.

Стрывайте-бо. Кажете: „не покупай!“ а ежелы купыть хочетця? Мовлявъ: и хочетця и колетця... Ну, якъ и мы звынемо сыдиты на мянкому, то на тверде

чы скортыць сiсты? Це-жъ все ривно, .
що пiсля солодкаго гiрке iсты? У мене жъ
до того ще й натура чудна якась: якъ
тыльки сивъ на мняке, кортыць заразь и
лягты; а якъ чоловикъ ляже, то чы довго
ему й заснуты?... Може черезъ те и
паны зъ де бильшого таки вутли та мляви
до працы, що вони звыклы все на мня-
кому сьдiты?..

Смородына.

Но къ чему эти разглагольствованiя?

Шклянка.

Якъ то къ чому? Чувалы вы про
Макущенка?

Смородына.

Что про Макущенка?

Шклянка.

Ось послушайте. Якъ купывъ винъ у
господына Бугаевского землю зъ хоромамы
та зъ мебулямы, то заразь такъ и зпан-
тельчывся....

Смородына.

Мнѣ же какое дѣло до какого-то Ма-
кущенка?

Шклянка.

„Каково-то?“ О, ни, вы такъ не
кажить!... Макущенко зовсимъ не *какой-
то!* Винъ чоловикъ именьтѣй, мало не
шисть тысячъ десятнѣ земли мае. Ачъ
що кажутъ: *какой-то?*... То чоловикъ
зъ великимъ розумомъ и зъ несчислен-
нымы копыталамы. Випъ изъ лакеивъ, а ма-
ло вже не въ дворяне выперся!... Вы-бъ
подывылись скильки у него медаливъ та
ордеривъ!... Отъ тоби и „какой-то!““

Смородына.

Ну и преклоняйся предъ нимъ, если онъ
тебѣ такъ нравится, а мнѣ-то что-же?...

Шклянка.

Стрывайте-бо. Теперыча винъ почавъ
у картъ грать, выно пыть загрынышне и
ажъ двi кгазеты получае!... Накупывъ
дочци хартиплянивъ; а сынивъ—одного
у охвыщеры хоче призвесты, а другого
лагодыть до гимназiи... Такъ якъ вы объ
цѣму полагаете?

Смородына.

Да мнѣ то какое дѣло до него?

Шклянка.

Якъ по вашому розсужденiю, чы сли-
дуе такъ?

Смородына.

Слѣдуетъ-ли такъ дѣтей воспитывать,
какъ онъ, что-ли?

Шклянка.

Именно.

Смородына.

А по твоему надо, что бы изъ доче-
рей выходили кухарки, а изъ сыновей
свинопасы. Такъ, что-ли?

Шклянка.

Хочъ и не зовсимъ такъ, но почты....
Мое понятые, штобъ жинка першъ усѣго
знала якъ зварыты страву, якъ сорочку
пошыты, якъ хату опорядыты.... А до
хвыгливъ-мыгливъ можна призвычаытысь
и описля, бо то не хытра штука.

Смородына.

Ну вотъ и дай совѣтъ твоему име-
нитуму Макущенку, что бы и онъ твоей
методы придерживался.

Шклянка.

Стрывайте-бо. Выдыте, скильки я не
прывывлявся до пань, та до панночокъ,
то постеригъ, що вони точно моды усяки

чудесно понимаютъ; ну, до хазяйства, або до господарства, такъ и зовсимъ не зугарни. Черезъ те, на мою думку, якъ тилькы трохи-трохи, мовлявъ, похытнетця дило, вони заразъ падають духомъ, умливають, та ногамы пацають.... Отъ, ихъ заразъ и спобигае скоропостыжне розореные и злыдни!... И зновъ чоловікъ, котрый вмитыме свыней пасты, такъ той знатыме цину кожній денежци.—Чы такъ я розсуждаю?

Смородына.

Ахъ, если-бы ты только зналъ, какъ ты мнѣ надоѣлъ ужъ своей философіей?

Шклянка.

Справди? А я желавъ-бы зъ вами бысидувать якъ найчастищъ...

Смородына.

Сдѣлай мнѣ, пожалуйста, одолженіе, пошли ты сейчасъ чоловіка за жидами, покупщиками мебели, потому что я, кажется, скоро тутъ съума сойду.

Шклянка.

О, нехай Богъ боронить!... Я вже посылавъ, ще вчера посылавъ, у мистечко за жидами, а сегодня сповистывъ сусидивъ и тутъ одного нимця-колоньста.

Смородына.

Поскорѣй-бы продать все это и уѣхать.

Шклянка.

И уіхать? Ловко!... Стало, быть безъ послидствій?

Смородына.

Что такое?

Шклянка.

Ничого.... То я такъ обмовывся. Уізжайте, уізжайте!...

Смородына.

Обьясни пожалуйста!

Шклянка.

Що-жъ тутъ обьяснять? Ежели безъ некоторыхъ послидствій, такъ треба скорій вамъ іхать.... И кстаты незабаромъ прыспіють жныва, а тамъ и молотьба... Мени знадоблятця кимнаты, у котрыхъ вы жывете... Вымбаривъ у мене нема, всего одынъ—куды я зъ хлибомъ подинусь? Ваши покійни папаша все хвыгели на-строювали, щобъ було де гостей прийматы, а про вимбари не пеклувались.... Хлибця у мене, дякуваты Господеви, вродыло доволи, абы спроможнисть убаты ёго въ свій часъ. Такъ я ршывъ половыну дома зайняты пидъ зерно.

Смородына.

Ты барскій домъ намѣрень въ амбаръ превратить?

Шклянка.

А що-жъ цармоньтысь зъ нимъ? Я вже зъ хвыгыливъ хливы перероблюю. Покійный барынъ, такъ бувало ще хлибъ на пни стоить, якъ вони вже ёго увесъ продадутъ, а намъ спишыть продавать ёго ничого, нехай лежить докы цина пидросте; въ загрыныци мы не хапаемось и въ Петенбурхы не вчащаемо...

Смородына.

Да, да! И умно поступаете, вы лучше насъ умѣете жить.

Шклянка.

Ни, ще не зовсимъ навчылись, але стараемось. О, то наймудрища навука, умиты жыть!

Смородына.

Ты кстаты и паркъ ужъ сруби?

Шклянка.

Це вы розумный советъ даєте: зрубаю и паркъ! Намъ у проходку ходить нема часу, та й доки ти дерева ростымутъ?

Смородына.

Такъ, такъ. практично; а что практично то умно... Ты о какихъ-то послѣдствіяхъ намекнулъ.... Что это за послѣдствія хочъ я понять?

Шклянка.

Значыть жалаете, щобъ я откровенно?.. Можно и откровенно. Будемо мы такъ розсуждать: я пры семействи, а вы квалеръ....

Смородына.

Ну-ну?

Шклянка.

Такъ я на щоть женського положенія...

Смородына.

Что-же это за женское положеніе?

Шклянка.

Не хытруйте, паньчу!... Бачу я, що вы добре розуміете, куды воно йде?...

Смородына.

Послушай, Прокофій! Ты хочешъ меня вывести изъ терпѣнія?...

Шклянка.

Невже вамъ не ясно? Та це-жь кожному ясно, такъ ясно, що й присвичувать не треба!... У мене одна дочка, друга, третя...

Смородына.

Ну, такъ что-же?

Шклянка.

А люде.... Кто людямъ зможе затулыты рота? Одному не успіешъ затулыты, якъ вже десятеро роззявлять.... Намъ-же на вищо це?

Смородына.

Да что такое „це“?

Шклянка.

Значыть, я про усяки *морали*... Кольсь тамъ вы, походячы по садку, зачѣпылы мою старшу дочечку, Хвесю.... Розмовлялы зъ нею, чы пожартувалы?... А люде постерегли и почалы язычыты.

Смородина.

Вотъ что? Это.... Это ужъ совсѣмъ ново для меня!...

Шклянка.

Язычество? Не дывуйтеса!... У насъ ихъ сыла сыльна тихъ язычникивъ, бо то таке зилле, що безъ посіву родыть. Такъ кажу, почалы язычыты, чы по вашому сплѣтнычатъ; а теперъ вже галять, що нибы-то вы думаете свататы Хвесю.

Смородына.

Я!... Да съ какой стати?

Шклянка.

Га? Нема икстаты?... Бачыте, отъ воно и выходыть, що безъ послідствій.... Понимаете теперъ?

Смородына.

Увѣряю же тебя, что я никогда и не думалъ жартовать съ твоей дочерью!..

Шклянка.

Вамъ, звисно, воно шуточкы, а намъ... Бачыте теперъ сами, що вамъ вже нибы и не зручно тутъ засыжуватъсь.

Смородына.

Это, какая-то сплетня, наглая ложь!...

Шклянка.

Ну, що-жъ, ежелы выдрикаетесь, то идѣте собі зъ Богомъ!...

Смородына.

И кто это могъ такъ истолковать мое поведеніе, по отношенію къ твоей дочери?

Шклянка.

Що дочка моя не пры воспытаніи и малограмотна?... За те вона многоденежна! Я те жъ малограмотный, одначе и господынь справныкъ зо мною прыятельствуютъ и въ гости до себе запрошують и господынь земскій началныкъ садовлять мене у гостыній... А згодомъ, може дасть Богъ, що я и у губернатора сыдитыму за обидомъ? Макущенко хвалывся що вже сыдивъ не разъ.

Смородына.

Да пусть онъ сидитъ хоть и у министра, мнѣ до этаго дѣла нѣтъ!... Но мнѣ обидно даже, что какой-то сплетникъ!...

Шклянка.

Гордуйте сколько завгодно, а на рѣшты сами колысь переконаетесь, що за гришмы далеко теплицъ дыхаетця, нижъ за грамотностью.

Смородына (*не слуша*).

Вѣжать отсюда поскорѣй!... Да что-жъ это покупатели и до сихъ поръ не ѣдутъ? (*Пишовъ до вѣкна и дывытця*).

Шклянка.

Значыть рышительно безъ послѣдствій?.. (*Помовчавъ*) А я вамъ скажу ось якъ. Ежелы вже на те пишло, то дило не

стало-бъ за тимъ щобъ хочъ и въ перву гильдю запысатысь... Купецьки-жъ дочки выходятъ замижъ и за вченыхъ и за князивъ?..

Смородына (*шука въ кышеняхъ*).

Гдѣ это мой портъ-сигаръ? Эй Стѣпка! Гдѣ этотъ дуракъ? Вѣчно каналья уходитъ куда-то!... (*Пишовъ въ боковы двери*).

Шклянка (*въ слѣдъ*).

Такъ ты такой? До тебе зъ Богомъ, а ты зъ рогомъ?.. Ачъ, дворанынь, грамотій! Ваше высокоблагородіе!... А исты чы е що у высокоблагородія? Бачъ, злыдень, а кырпу до горы пидійма. Я жалавъ тебе наградыть, а ты... Идъ къ бисовому батькови! Я знайду своимъ дочкамъ и полковникивъ, а може и генераливъ!...

Я в а 4 - а.

Параскева Мытровна и Шклянка.

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Ну, що старый?

Шклянка.

Скільки вже разивъ прохавъ я тебе, щобъ ты не звала мене *старымъ*? У нашимъ становищи не звычайно обиходытысь по простому...

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Колыжъ звыкла... Думка сказаты такъ, а языкъ визьме та й белькне по своему.

Шклянка.

Колы на панивъ закандзюбылысь, то слѣдъ и паньскихъ звычайивъ ужываты.

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Та звиспо безъ прымхивъ не можна; але якъ воно ще недавно, то...

Шклянка.

Що-жь упоралась?

Параскева Мытр.

Позлывала зъ пляшокъ у бочонки били вына вси у одынъ бочонокъ злыла, а червони у другый.

Шклянка.

О такъ безпечнице... *(Показуе очыма на кимнату, куды пишовъ Смородына)*. А то опаска брала, щобъ не довидася.

Параскева Мытр.

Якъ вже наповныла бочонокъ зъ червонымъ, такъ одна пляшка ще зосталася, а я взяла та й вылыла ии у биле.

Шклянка.

Все ривно выно. А чы воно биле, чы червоне, чы червонувате, то однаковисенько на скусъ...

Параскева Мытр.

А вже-жь, абы выно. Ну що-жь старый, чы то пакъ. Що, мій другъ, балакавъ ты зъ Рахваломъ?

Шклянка.

Зъ Рахванломъ-бо.

Параскева Мытр.

Та все ривно.

Шклянка.

Пиды ты зъ нымъ побалакай.

Параскева Мытр.

Якъ? Що?

Шклянка.

Не туды Рахвайль дывытця... Безъ никоторыхъ послидствій.

Параскева Мытр.

Хиба?

Шклянка.

Бо винъ дворанынъ, высокоблагородіе!...

Параскева Мытр.

Ачъ, злыдень, обшарпанецъ!... То чого жъ ему тутъ и засыжуватись, швыдчъ его здыхайся!...

Шклянка.

Ученый, воспытаний!...

Параскева Мытр.

Не вмила, капостна дивчына, привабыты, не вмила. Зъ лыця якъ и я вда-лася, та натурою зовсимъ не въ мене. Онъ якъ я була колысь!...

Шклянка.

Краще не згадуј про минуле.

Параскева Мытр.

Чому?

Шклянка.

Якъ воно теперь безъ никоторои надобности, то на вищо-жь згадувати?

Параскева Мытр.

Ты й досы може ревнуешь?

Шклянка.

Пустяковыну провадышь...

Параскева Мытр.

Не по батькови, якъ бачу, и Рахваль пишовъ.

Шклянка.

Ще-жь такы? Отъ уже того я не терплю!...

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Бувало покійнычокъ у зальцяни ка-
же мени: „хочешъ Паша, я розведу тебе
зъ Прокошкою и самъ оженюся на тоби?..“

Шклянка.

Оцёго-то вже николи винъ не казавъ!..

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Хрестъ мене побый, що казавъ. Щобъ
я до завтрёго не дожыла, колы не казавъ!..
Не вирышь?..

Шклянка.

Ой, гляды! Покара тебе колы небуды
Господь за те, що о такъ за дарма кля-
несся, и не зоглянесся, якъ покара.

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Пыпоть тоби на языка!..

Шклянка (*усмихається*).

А що, злякалась? Иды вже, бо онъ
Рахвиль вертається сюды.

ПАРАСКЕВА МЫТР.

А ну, прыревнуй ще до Рахвала!..

Шклянка.

Що це на тебе сегодня найшло?

ПАРАСКЕВА МЫТР.

Не наравытця?... Ну, годи, мій другъ,
то я пошуткувала.... Не вмила, канальска
дивчына, прывабыты, не вмила!.. (*Пиила*).

Я в а 5-а.

Смородына (*входе*).

Можетъ быть покупщнки сегодня и
не явятся?

Шклянка.

Чого-бъ имъ не явытысь? Являтця!..
Такъ я зъ мебулямы ось якъ обмиркувавъ...

Смородына.

Что нибудь новенькое? Порадуй?

Шклянка.

Хочъ вы зъ нами безъ некоторыхъ
последствій, але мени шкода, буде якъ
жыды, або други покупщкы, обдурять
вась на мебуляхъ...

Смородына.

Будто?

Шклянка.

Вирьте совысты!... Такъ я согласенъ
ось якъ. За кожную вещь, котру жыды у
вась выторгують; я гривенька на руб-
лыкъ набавляю и нехай краще ти мебули
туть зостанутся...

Я в а 6-а.

Ти жъ и Степка.

Смородына.

Послушай ты франтъ, ты гдѣ это вѣчно
пропадаешь?

Степка.

Положымъ, што хрантъ, ну толькы у
меня сапогы не въ рантъ и жылетъ не
пике и носъ не въ табакѣ...

Смородына.

Что такое?

Степка.

Ну-да. И голова не въ салѣ, и не
хожу по залѣ.

Смородына.

Ты кажется пьянь?

Степка.

А ежели и такъ?... Тамъ жыды при-
ѣхалы.

Смородына.

А, наконецъ-то!...

Шклянка.

Такъ вы согласни на мое розсужденіе?..

Смородына.

Да... Хорошо!... (*До Степки*) Зови жидовъ!..

Шклянка.

Я самъ ихъ покличу. (*Пишовъ*).

Смородына.

Ты это по какому же случаю надрызгался?

Степка.

По самому торжественному.

Смородына.

Мнѣ это, милый, не нравится.

Степка.

Какъ угодно. Вы пожалуйста мнѣ рачетъ, потому что я больше служить не согласенъ.

Смородына.

Это почему?

Степка.

Не имѣю согласія.

Смородына.

Да почему-же?

Степка.

Потому какъ каждой чаловекъ ищеть хвундамента своего и какъ я хвундаментъ отыскавъ...

Смородына.

Какой фундаментъ?

Степка.

А такой. Што прежде, значить, я былъ по книжному говоря: безхворменной субъектъ, а теперъ найшоль я якорь спасенія... Ежели чаловекъ найдетъ свой хундаментъ, либо якорь спасенія, то тутъ ему надобно и вхопытца обома руками и сейчасъ невыдымо и домъ на томъ хундаменти возростеть.... Такъ и книга Соломонъ-Мартынъ Задека пророчествуить. Втикать отъ своего таланту — развѣ я какой сумешедчой дуракъ?...

Смородына.

Въ комъ же это твой хундаментъ?

Степка.

У Магдалыни Мытровни.

Смородына.

Вотъ такъ убилъ бобра! (*Сметця*).

Степка.

Што вона сколько нубудъ рябувата, такъ ета катастрохва провозшла у нее опосля того, какъ вона була клюшныцей у одного барына; и ногу ей одну, не въ мою миру, звело видъ оспенной боллизни позаторикъ...

Смородына.

Да она же старуха?

Степка.

И на ето я безъ вниманія!... Главное дѣло дви тысячы рублыковъ, готовенькихъ. Штожь мени отнять у нее, чы какъ?... Тепера какъ вона сестра тутошней хазяйки, то я смѣло могу поступыть за прыкащыка до Прокопья Демьдовича, разви не прямой ращотъ?

Смородына.

И ты рѣшилъ ужъ это безповоротно?

Степка.

Даже уже и поблагословылись. То ись, признаюсь вамъ, барынь, какъ увыдавъ я у неѣ капиталы, выняла вона ихъ, значить, изъ сундучка и такъ вотъ показуе мени, такъ верите, меня неначе лыхорядка затрусуда.... И такое у мой голови упрямое согласіе зъявилось: либо убыть ии, либо женыця!... Тольки на штожь убывать? Ето, кажетця, и гриховно и безъ надобности?...

Смородына.

Хорошь ты, какъ вижу, гусь!...

Степка.

Што жъ, я жалаю быть капиталнымъ чалавекомъ.... Вы мнѣ, барынь, сегодня пожалуйте и ращотъ.

Смородына.

Сегодня?

Степка.

Да, безотложно!... Потому што завтра мы и до винця, штобъ все дѣло скоропостыжно...

Смородына.

Хорошо.... Поди-ка узнай, почему это жиды такъ долго не идуць?...

Степка.

Барынь! А вы можете быть у меня за шахвера?

Смородына.

Нѣтъ.... Я, вѣроятно, сегодня къ ночи уѣду отсюда.

Степка.

Жалко!... Придетця отыскувать другого какогось порядочного шахвера.... Вотъ тыбъ и „вопросъ, почему ходышь бось!“...

А отвѣтъ: „сапоговъ нѣтъ!“ Неприятная иллюстрація!... (*Дшшовъ*).

Смородына.

Всѣхъ обуяла страсть къ наживѣ, всѣхъ заповолнилъ капитализмъ, всѣхъ до Степки включительно!... (*Ходе по кимнати*) Однако куда-же я отсюда поѣду? Въ Петербургъ? Но туда безъ денегъ нечего и носъ показывать; а денегъ нѣтъ и въ перспективѣ никакого наслѣдства не предвидится. Скверно, глупо, обидно!.. Ужь не записаться-ли мнѣ и впрямь кандидатомъ въ земскіе начальники? Предводитель кстати совѣтываль... Мы съ нимъ въ какомъ-то родствѣ, онъ долженъ хлопотать обо мнѣ... Да неужто-же и въ самомъ дѣлѣ я не поѣду въ Петербургъ? Увы, увы!... Развѣ я смогу продолжать службу на какіе нибудь 50 рублей въ мѣсяць? Это не мыслимо!... Прощай Петербургъ!... Прощайте товарищи лихіе, друзья беззаботные, собутыльники безшабашные!... Прощай Палкинъ, Кюба, Акваріумъ, Аркадія!... Прощай цыганка Соня!.. Ахъ Соня, Соня!... (*Насписуе*) „Ночи безумныя, ночи“... (*Помовчавъ*). А интересно-бы на всякій случай освѣдомиться, сколько-бы Прокофій далъ за своей Хвесей? Вѣдь Хвеса не дурненькая собой!... А состояніе Прокофія, говорятъ, и въ триста тысячъ не упрячешь... Даль-ли бы онъ тысячъ сто за Хвесей? Сто тысячъ, вѣдь не дурно!... Даже хорошо, очень хорошо!... Тогда можно и Петербургъ навѣститъ и Аркадію и Соню!...

Я в а 7 - а.

Смородына и Хвеса.

Хвеса.

Папаши тутъ нема?

Смородына.

Сейчасъ былъ.

Хвеса.

Уізраете?

Смородына.

Да, пора ужъ, загостился я у васъ.

Хвеса.

Хочъ-бы подарували мени шо небудь на пам'ятку?

Смородына.

Что же вамъ подарить? (*На бикъ*) У нея очень не дурной профиль! (*До неи*). Ну, вотъ, хотите, я подарю вамъ коммодъ, или другую вещь?..

Хвеса.

Коммодъ? Винъ-же не дешевый!..

Смородына.

Такъ что же?.. Возьмите его себѣ.

Хвеса.

Спасыби. Отъ пам'ятка, такъ пам'ятка. Куды жъ вы уізраете?

Смородына.

Да, вѣроятно въ Петербургъ. (*На бикъ*). Она очень миловидна!.. (*До неи*). А вы бы не хотѣли, чтобы я отсюда уѣхалъ?..

Хвеса.

Хиба я могу вамъ заборонить?

Смородына (*на бикъ*).

Покрасѣла. Какъ хороша въ ней эта стыдливость!.. (*До неи*). Но вы бы не были противъ того, чтобы намъ... что бы намъ почаще видѣться?

Хвеса.

На вицо?

Смородына (*на бикъ*).

Какъ она наивна! Да это одинъ восторгъ!.. (*До неи*). Какъ это: „на вицо?“

Хвеса.

Хиба я ще на васъ не надывылася?

Смородына.

Какъ? Но, но, скажите, я нравлюсь вамъ?

Хвеса.

Мени такъ николи и въ думку не впадало.

Смородына.

Отчего же? Ну, а что если-бы... если-бы я сдѣлалъ вамъ предложеніе?

Хвеса.

Яке предложеніе?

Смородына.

Если-бы посватался за васъ?

Хвеса.

Попробуйте прислать старостивъ, побачите якого гарбуза вчеплю имъ, що й не дотягнуть!..

Смородына.

Что такое?

Хвеса.

Ось присылайте, лышень, старостивъ!

Смородына.

Вы, вы... А развѣ у васъ есть уже женихъ?

Хвеса.

Вамъ про те не слидъ знаты.

Смородына.

Вотъ что?.. Но вашъ отецъ...

Хвесья.

Хотивъ бы, щобъ я за васъ пишла замижъ? Чула я це вже двадцять разивъ!.. Мало чого отцevi не схотилося бъ, такъ я жъ маю свою волю.

Смородына.

Значить, вы не желаете быть дворянкой, барыней?

Хвесья.

Мало бъ чого кому не зхотилось, такъ хотій же не выстача. Яка зъ мене була бъ дворянка, чы барыня? Зверху панство, а въ середини—хамство; про людей—тыхо, а про себе—лыхо?!..

Смородына.

Вы, вы совсѣмъ не похожи на... многихъ!.. Вы такъ трезво смотрите... Да, вы съ характеромъ... Мнѣ кажется, что я могъ-бы полюбить васъ!

Хвесья.

Колы до цѣго часу не полюбылы, то вже на дали не варта и сподиватысь.

Смородына.

Я теперъ только обратилъ на васъ вниманіе и вижу, что вы далеко не то, чѣмъ я воображалъ васъ... Серьёзно!.. Васъ нельзя не уважать... не полюбить!..

Хвесья.

А я васъ николы не полюбыла-бъ.

Смородына.

Благодарю за откровенность. Это почему же?

Хвесья.

Не знаю почему!.. Вы не до души мени? Окримъ того, вы вже й стари за для мене...

Смородына.

Старъ? Да мнѣ всего 30 лѣтъ.

Хвесья.

Хиба-жъ не стари? У насъ такого дохожалого парубка дядькомъ дражнють... Ондечкы у васъ и голова лысіе!.. А вже жъ дядько!

Смородына.

Ну, вы ужъ слишкомъ щедры на комплименты...

Я в а с - а.

Тимъ и Шклянка.

Шклянка (до Хвеси).

А тебе маты гукае, тамъ муку привезлы зъ млына, треба переважыть и запысать.

Хвесья.

Заразъ иду. Папашо! Мени Рахвалъ Владимыровичъ, спасыби имъ, подарувалы отой коммодъ.

Смородына.

Да, да, возьмите его себѣ!..

Шклянка.

Бачышь, дурочко, яки вони до тебе добреньки; а ты певно и подякуваты не тямышь до ладу?

Хвесья.

Чого жъ-бы то я була така незвычайна? Я ихъ подякувала, ось спытайте!..

Смородына.

Да, да!.. (До неи). Я надѣюсь, что мы съ вами останемся друзьями?

Хвесья.

Якъ це такъ.

Смородына.

Вы не будете меня лихомъ поминать?

Хвеса.

За вищо-жъ? Охъ, треба бигты, а то мама лаятумуть. (*Хутко пишла*).

Шклянка.

Про вищо вы тутъ зъ нею розмовлялы?

Смородына.

Да такъ, вообще... Я долженъ тебѣ сказать, что она весьма не глупая дѣвучка.

Шклянка.

Та ий и ни въ кого було вдатесь дурною! Стрывайте жъ-бо, щоты я й забувъ прынести, а покушчыкы вже йдутъ. (*Пишовъ*).

Я в а 9 - а.

Ти жъ, Шлема и Гершко.

Шлема.

Вотъ и ми! И Гершки Столяровъ иждесь!..

Гершко.

Мое подценіе! (*Простяга руку Смородыни*). Не признаете мине?.. (*До Шлемы*). Вони, кажеця не признаютъ мине?.. Вдивительно, га? Сколькы разовъ шиль кастюмчикъ, какъ вы били отаково исцо клейне дытю.

Смородына.

Ахъ, помню, помню! Ты всегда портилъ мнѣ платье и отецъ часто трепалъ тебя за пейсы.

Гершко.

Ну, што било шкверного, зачиво споминать? Луче всегда хорошиво споминать... Какъ жарко на въздыхъ... Можно стаканъ вино?

Смородына.

Пожалуй, пей!

Гершко (*налива и пье*).

Хорошиво вино! Я люблю хорошиво вино...

Шлема.

Каково можете имѣть необходимость отъ насъ? Вы присылали мужикъ за нами, га?

Смородына.

Я мебель продаю... Но васъ пока только двое?

Шлема.

Это ницево, ми и два можимъ хорошиво деньги давать.

Смородына.

Авось кто нибудь еще явится?

Гершко.

Я буду обсматривать мебель. (*Пишовъ въ бокови двери*).

Шлема (*оглядается*).

А разви, звините, этотъ Прокошки, этотъ грабительныкъ, машельникъ, та онъ исцо не вшево у васъ обграбиваль?

Смородына.

Я этихъ разговоровъ терпѣть не могу!

Шлема.

Звините. Я только хотѣлъ вамъ исказать, што какъ мой папонькы, которій биль большущиво прыятель изъ вашего папашу...

Смородына.

Не выдумывай, пожалуйста!

ШЛЕМА.

Побей мене въ душу Господь! Ваши папаша та они такъ аважали моево папоньку, што дай Богъ мине такечки!.. Моего папоньку школьки разовъ хотѣли брать увъ пашессіи имению, у вашиво папашу, ну тольки этотъ шарлатанъ, халамыдникъ Прокошки...

СМОРОДИНА.

Замолчи!.. Я не хочу тебя больше слушать.

ШЛЕМА.

Я молчу!.. Я молчу, но тольки я долженъ говорить... Когда этотъ паскидникъ, хамулы, онъ изъ мене кровь смокчить, то зачиво я не могу изъ него кровь смокчить, га?..

Я в а 10-а.

Ти жь, Шклянка зь щотами и Гершко, зь боковыхъ дверей.

ШЛЕМА.

А, Прокопій Демидовичъ, какъ вашево здоровли?..

ШКЛЯНКА.

А тоби на вищо?

ШЛЕМА.

Ну, жвесно!..

ГЕРШКО.

Прокопій Демидовичъ уше шуткують?..

СМОРОДИНА.

Ну-сь, господа покупатели?

ШЛЕМА и ГЕРШКО.

Что таково?

СМОРОДИНА.

Да вотъ относительно мебели?

ГЕРШКО.

„Относительно мебели?“ Шлеми, ты видиль относительно мебаля?

СМОРОДИНА.

Я продаю всю мебель, что здѣсь и тамъ въ тѣхъ комнатахъ, кромѣ вотъ того коммоды.

ШЛЕМА.

А почему „кромѣ вотъ того коммоды?“

СМОРОДИНА.

Онъ подаренъ мной.

ШЛЕМА.

Слишишь Гершки: „онъ подаренъ мной!“ Хорошій камодъ!

ГЕРШКО.

Хорошій камодъ.

СМОРОДИНА.

Затѣмъ: картины, драпри, зеркала...

ГЕРШКО.

Шлеми, слышишь? Они продають: картины, драпри, зеркала...

ШЛЕМА.

А камоды не продають.

ГЕРШКО.

Они говорають: „онъ подаренъ мною“.

ШЛЕМА.

Превосходнаго камодъ!..

ГЕРШКО.

Што нибудь особеннаво!.. А Прокопій Демидовичъ не купують: мебаль, картины, зеркала?..

ШКЛЯНКА.

Воно мени безъ надобности.

Гершко (до Смородины).

Вы позволяете обсматривать: мебаль, картины, драпри, зеркала?...

Смородына.

Ты ужь разь осматриваль?.. Ну, осмотри еще. (Показуе рукою у другу кимнашу).

Гершко.

А тоть камодь не продаете?

Шлема.

Отличнаго камодь!.. Это што нибудь аособеннаво.

Гершко.

Ну они гово́ратъ: „онъ подаренъ мною“.

(Гершко и Смородына одійшли у бокови двери).

Шлема.

Прокопъ Демидовичъ! Вы не будете намъ мишать куповать?

Шклянка.

Видчепсы ты видь мене! На бисового-батька мени ти небули?

Шлема.

Я знаю, вы благородново человекъ. Я вшегда гавару: нема у насъ у вся акружности таково благородново, якъ Прокопъ Демидовичъ!..

Шклянка.

Справди?

Шлема.

Не верыте? Какъ цесный человекъ!..

Шклянка.

И я скризь тобою хвастаюсь, кажу, нема у насъ на всю округу такого, якъ Шлема Капанъ, мошелныка.

Шлема.

Вше ви шуткуете, хай будете здорови.

Шклянка.

Та шуткую-жь. Чуешь ты, чортивъ свате! Вы Рахванлови великои цины не давайте за небули. Ты прыдывьсь до ныхъ гарненко: хочь воны и червоного дерева, або горихового...

Шлема.

Уй, червоново, не можетъ быть? (Обгляда крисло). Побей мене въ души Господь, это антыкъ...

Шклянка.

Якый антыкъ? Дешевше купыте, бильшый барышъ матымете. Тутъ якъ дизнаетця Макущенко та прибижить...

Шлема.

Уй, нехай винъ краще не прибижить!.. Это грабытельныкъ, халамыдныкъ!..

Шклянка.

Рахванль прохавъ, шобъ я за нимъ пославъ.

Шлема.

Ну и што же?

Шклянка.

Та ще не посылавъ, а мабуть оце заразь пошлю.

Шлема.

Не треба!.. Зачиво этотъ шарлатанъ?.. Нашъ магарычъ, понимаете?

Шклянка.

Ну, гараздъ.

Шлема.

Ви високоблагородный человекъ! Благодарю вамъ за вашиво хорошово слова!..

Я в а 10-а.

Ти жъ, Смородына и Гершко.

Гершко.

Ужасно жарко. Можно пить вино?

Смородына.

Пей!

Гершко.

Хорошево вино! Я люблю хорошиво вино. Шлѣми, ты не пиль этава вино? Попробуй, какова хорошиво вино... (*Налыва ему, Шлема подходе и пье вино; обое почынають джерготать, иноди чутно бразы: „антыжъ“, „ихъ бинъ аидъ“, „халамыдныжъ“, „шволоцъ“, „ето што-нибудь особеннаго“*).

Шклянка (*до Смородыны*).

Гляньте, якъ змовляютця.

Смородына.

Ну-сь, господа, торговцы?

Гершко.

Ша, Шлеми? Што таково!

Шлема.

Ша, Гершки! Что таково?

Смородына.

Да относительно мебели?

Гершко.

Относительно мебели? Шлеми, ти исцо не видилъ у та компати относительно мебели? Иди, обсматривай!... Га? Ужасно жарко!.. (*Пье вино*).

Шлема.

Какъ жаль, что тотъ камодъ, та онъ не продаетця.

Гершко.

Они-жъ говорятъ: „онъ подаренъ мной!“

Смородына.

Не лучше-ли будетъ, если мы устроимъ нѣчто вродѣ домашняго аукціона?

Гершко.

И хорошиво дѣла.

Шлема.

Хто больше? Отличнаво коммерція. Хочу обсматривать мебуль, картины, драпри... (*Пишовъ у другу комнату*).

Гершко.

Ужасно жарко! (*Пье вино*).

Смородына.

Эй, Степка! (*Входитъ Степка*). Позови тамъ еще кого нибудь и выносите сюда всю мебель изъ тѣхъ компатъ.

Степка.

Слушаю-сь. (*Гука у двери*). Явдокыме! Дядьку, Тыхоне, а йдите сюда! (*Входятъ Тыхонъ и Явдокыма*).

Смородына.

Выносите сначала диванъ. (*Пишли слугы*). А ты, Прокофій, записывай за сколько какава вещь будетъ продана.

Гершко.

Акиратнаго коммерція!

Шклянка.

Вы командуйте, а я стукатыму, якъ на аукціонахъ бува (*Выйма запысну книжку и оливоцъ*).

Шлема (*входе*).

А знаете чево я вамъ искажу? Мебуль довольно подержаново, обивка дира-

вое... Прокопъ Демидовичъ, кладить вы цину по шовисти.

Шклянка.

Ни, я не хочу заплутуваться у це дило; я тильки запысуватому, котрый зъ васъ яку вещь купе и за яку цину.

Гершко.

И хорошава дѣла. Можетъ бить Шлеми дороже будетъ давать, а я предлагаю за диванъ крайнява цина, по шовисти, десять рублей. Шлеми, кимъ геръ! (*Пышлы у другу кимнату*).

Тыхонъ (*Несучы зъ Явдокимомъ дывана*).

Якъ посчезло панство у нашимъ край, то такъ посчезнуть и небули...

Шклянка.

Ты бѣ краще не роспускавъ своен верши.

Тыхонъ.

Хиба я неправду кажу?.. (*Постановышы дывана, пышлы*).

Я в а 11 - а.

Ти-жь и Кулыкъ.

Кулыкъ (*крычытъ за дверыма*).

Отъ того я ненавижду, отъ того я не хвалывъ!..

Шклянка.

О, це вже Кулыкъ у чимсь непорядокъ запымитывъ.

Кулыкъ (*входе*).

Тьфу, гыдота, бачыты не могу!..

Шклянка.

Чого це вы разквокталывъ?

Кулыкъ.

Чого ненавижду, того ненавижду!..

Шклянка.

Поздоровкайтесь-же зпершу.

Кулыкъ.

Та хочъ и здраствуй! (*Чоломкается*). Тильки якъ ты мени не выкоренышь отого чортъ-зна чого. то я и въ двиръ до тебе не загляну.

Шклянка.

Скажить-бо товкомъ, що таке?

Кулыкъ.

На вищо ты насіявъ баклажанывъ на баштани, на вищо?

Шклянка.

А хиба що?

Кулыкъ.

Ненавижду! Выкорены, щобъ и близько не смердили.

Шклянка.

Ну, то вже жиноче рукомысло.

Кулыкъ.

И жиньци скажи, щобъ выкореныла, бо такъ ненавижду, що ажъ зъ души мени верне!.. (*До Смородыны*). А вы ще тутъ, паньчу? Довгенько гостюете! Я думавъ, що вы вже до Петенбурха доіздыте. Здрастуйте! (*Подае руку*).

Смородына.

Мы съ вами незнакомы!

Кулыкъ.

То будемо знакоми. (*Хана его за руку*). Та ну-те, не царамоньтесь!.. Мене звать Кулыкъ. Тильки не той кулыкъ

що на болоти кричить „кыгыкъ“. Бо-то чайка-чубайка!.. (*Регоче*). Колы-жь вы видь насъ видзыдыте?

Смородына.

Это мое дѣло!..

Кулыкъ.

Я чувъ, що у васъ тамъ довгивъ багато, чы правда?

Смородына.

Отстаньте!..

Кулыкъ.

Хочете, я васъ навчу якъ видъ довгивъ утукать?

Смородына.

Я не нуждаюсь ни въ чьихъ совѣтахъ!..

Кулыкъ.

Хиба думка выплатить? Чымъ-же?

Смородына.

Это не ваше дѣло!

Кулыкъ.

Я вамъ ось що посовитую. Зоставайтесь краще зъ нами. Я кому не посовитую, то все на добре! Отъ булы-бъ у Прокопія за писаря, у окономіи; винъ вамъ карбованчыкывъ зъ пивтораста давъ-бы на рикъ! Тилькы що Прокопій клятый до работы, зъ робочого выдавлюе олію!..

Смородына.

Давайте ваши совѣты кому нибудь другому!..

Кулыкъ.

Що „другому“, я вамъ совитую.

Смородына.

Это, наконецъ, на... надоѣдаетъ!..

Кулыкъ.

Отъ у мене два онуки до грамоты ажъ пыщятъ, вы-бъ ихъ вчылы... Я рублыкывъ зъ пять, або й шість, давъ-бы вамъ у мисяць, га?

Смородына.

Отвяжитесь вы отъ меня! Если вы явились покупать мебель, такъ покупайте...

Кулыкъ.

Я на таки дурныци не купецъ. Сидитому на ослони краще, або на пеньку, нижъ на крисли. Вы посовитуйте, щобъ я взявъ ще газету въ руки, та встроимъвъ очи въ неи, якъ дурный Макущенко!.. Онукывъ грамоты вчыть треба, це правьлно; а намъ слидъ зоставаться такымы, якымы и до цего часу булы... Согласни, паньчу?

Смородына.

Да оставьте же меня въ покоѣ!..

Кулыкъ.

Можна и зоставить. (*До Шклянки*). А де твоя жинка? Пиду и скажу йй, такъ: якъ що, кумо, не выкоренышь заразь баклажанывъ, такъ я тоби бильше не кумъ! (*Пшшовъ*).

Смородына (*вслидъ ему*).

Что за нахаль!..

Шклянка.

Винъ точно що чудацьк... Ну, тилькы добродительный! Що разу на Риздво и на Великдонъ намина грошей рубливъ два-тры на копійки та й роздае бия церкви бидноти... Винъ мае бильшь тысячи десятынъ земли, а зъ отого кожуха, що на нему не хоче переодягтысь,—не то що въ сердука, а хочъ-бы въ джыгетыкъ,

чы въ чемерку... Вже годивъ зъ пятнадыцять, якъ я его знаю, все винъ носыть отого кожуха; увесь полатаный, геть зашкарубъ и чымъ тилькы не смердыть видъ того кожуха, а винъ его носыть!..

Я в а 12 - а.

Ти жъ и Пфейферъ, потимъ Шлема и Гершко.

Пфейферъ.

Моргень! Что, уже продавалъ мебель, чы не продавалъ мебель?

Гершко.

И ви, Августъ Карловычъ, хотитю куповать?

Пфейферъ.

Не твоя тѣла!

Шлема.

Зачиво ви таки сердиты?

Пфейферъ.

Пашля къ свѣнья!..

Гершко.

Вусъ?

Пфейферъ.

Мальчить!.. Вы жыдовскыи челоувѣки. (*Показуе на Шлему и Гершка*). Эти двѣ гроссъ-мошенныкы!.. Онъ мени пшевыцъ куповаль, я не успиваль глязъ отворочаль, онъ мене сычасъ надуваль!.. О, шортъ!.. Какой мебель продавалъ?

Смородына.

Продается по частямъ. Вотъ сначала этотъ диванъ.

Пфейферъ.

Пятнацать рубль.

Шлема.

Што такова? Шестнацать!

Пфейферъ.

Зъ палтинныкы!

Гершко.

Уй, вы даете 16-ть съ полтиномъ?— 17-ть!

Шлема.

Восемнацать!..

Гершко.

Хорошаво гешефтъ! Ви слышите, это Шлема даеъ восемнацать!.. Пусть пакнаеъ Шлемы.

Пфейферъ.

Двацать. (*Мовчять*).

Шклянка.

Стукать?

Смородына.

Никто не прибавитъ? (*Шлема и Гершко джерготятъ*).

Пфейферъ (*выйма трубку*).

Вы позволяйтъ файка?

Смородына.

Пожалуйста, курите. (*Дае штычки*).

Пфейферъ.

Ихъ данке. (*Закурюе. Тыхонъ и Явдокимъ выносятъ крисла*).

Тыхонъ.

И на оцимъ крисли сыдитыме яка небудь симъ день невмывана мордяка!.. Гай, гай, мылый Боже!

Шклянка.

Ты зновъ сикаеся зъ розмовою?

Степка.

Кресла вси сюда зносятъ?

Смородына.

Господа, какъ вы желаете?

Пфейферъ (*до Смородыны*).

Вы позволяйтъ смотрить?

Смородына.

О, сдѣлайте одолженіе. (*Иде съ Пфейферомъ у другу кимнату, за нымы Тыхонъ*).

Гершко.

Хорошего коммерція, побей мени Богъ!

Шлема.

Прокипъ Демидовичъ, якъ вы думаете объ етого немецкого колбаса, га?

Шклянка.

А чого-жь вы зивалы? Отъ нимчура и выхопе усе, якъ зъ рукъ:

Гершко.

Вы его звалы, чи вы его не звалы?..

Шклянка.

Та звавъ же, на лихо!.. (*Идхотля до боковыхъ дверей и дивлятця*).

Степка (*въ глыбыни*).

Знайшовъ золоту цепку у столыку, видъ часнвъ, про неи, мабуть, ни Прокопій, ни Рахврилъ Владимыровичъ не знаютъ, а мени вона знадобытця... Рублькывъ двадцять пять стоятъ. (*Пишовъ*).

(*Смородына и Пфейферъ входятъ*).

Пфейферъ.

Позли эти кресла, я покупалъ на вся оптомъ.

Смородына.

Тѣмъ лучше. Такихъ кресель подлюжины,

Шлема.

Назначайте цина, гашпадинъ Пфейферъ, потому что ви бальшущаво пурецъ.

Гершко.

Они таково важнаво, какъ Бисмаркъ.

Пфейферъ.

Ви... жидовски лёшадь, эти, которымъ изъ длинны уши... Дасъ эзель!.. (*До Смородыны*). За кресли пятнайцать рубль.

Гершко.

Слишилъ, Шлема? Когда такъ, нехай двадцать!

Пфейферъ.

О, сокраменто!.. Двайцать одна!

Шлема.

Звынить, у васъ багато скаженихъ грошей, чы не багато? Ну, я зъ полтинникомъ.

Пфейферъ.

Двайцать два!

Гершко.

Это мине нравытця, побей мени въ душу Господь! Я зъ полтинникомъ.

Пфейферъ.

Двайцать три.

Шлема.

Гершки, ша! Гаспада! Ми зъ Гершкомъ больше не можемъ предлагать. (*Мовчатъ*).

Смородына.

Прокофій, запиши.

Шклянка.

Стукнемо и запышемо. (*Запысуе*).

Пфейферъ.

Вы позволить потробный осматриваль остальной вешь, штобъ.. я оснакомиль..

Смородина.

О, разумѣтся. (*Пишлы вси въ другу бокову дверь, окримъ Шклянки*).

Шклянка.

Лыбонъ, немецъ высокоу вже цину нагнавъ на крисла? Я боявся допустыты Макущенка, а тутъ Хвейхеля прынесло... Ну, та вже колы винъ купуе, то та небылъ варта тихъ грошей. Нимци, вонь те жъ тямущи, бо не даромъ и поговирка е, що немецъ и облызлану выдумавъ.

Тыхонъ (*проходе*).

Ажъ боляче дывытысь, що таке добро переходе чортъ-зна кому... Посчезне чысто все!..

Шклянка (*догоня его*).

Зъ такымы злодюгамы именно що чысто все посчезне! (*Вытяга у него зъ кешени невеличкый глиняный бюстъ*). На вищо це ты вкравъ? (*Выйма сахаръ*). А сахаръ де це ты взявъ?

Тыхонъ.

Де взявъ? А може я купывъ? Хиба я не можу купыты соби сахарю?

Шклянка.

А за яки гроши? (*Вытяга зъ его кешени якыйсь дрибязокъ*) О, ключъ, якыйсь... Пряжка! тры гудзыка!.. (*Входятъ Смородына, Пфейферъ, Шлема и Гершко*). Дывитця, господа! Осьдечкы ти злодюгы, котри зажерлы у щентъ наше благородне дворанство. Якъ ёго устере-

жеся хатного ворога, котрый сегодня украде тры грудочки сахарю, а завтра потягне вже ажъ шнеть; а потимъ почне красты конхветы, табакъ... Згодомъ и до шкатульки зъ гришмы доберетця... Бачыте, ось у него ключъ? А на вищо цей ему ключъ, якъ вы думаете, на вищо?

Тыхонъ.

Та я его ще позаторикъ знайшовъ била гребли, чортъ его зна видъ чогу винъ?..

Шклянка.

А на вищо винъ тоби?

Тыхонъ.

Та ни на вищо.

Шклянка.

Брешешъ, брешешъ!.. Геть съ горныць, сегодня жъ роцотъ получышь. Ще подякуй мене, що я тебе до станового не выдпровадю.

Тыхонъ.

Якъ роцотъ, той роцотъ. Жалкуватымешъ за Тыхономъ, та пизно буде!.. (*Пишовъ*).

Шклянка.

Отъ межъ якымы мошелныкамы та грабытельныкамы доводытця намъ денно и ночью працоваты!..

Смородына.

Перестанемъ объ этомъ. Господинъ Пфейферъ сторговаль у меня все остальное за двѣсти тридцать пять рублей. А экипажи отдѣльно за двѣсти рублей. Сочти-ка, сколько всёхъ денегъ. Степка, укладывай мои вещи и сейчасъ отправляйся на земскую почту и закажи мнѣ тройку лошадей до вокзала.

СТЕПКА.

Слушаю! (*Пишовз*).

Шклянка (*поцывтавз*).

Четыреста симдесять висимъ рубливъ.

ПФЕЙФЕРЪ.

Эти верни, да, да!.. 478 рубль. (*Выймае бумажныкъ*) Получить задаткомъ, черезъ два часъ я присылай за мебель, экипажъ и остальной денга.

Шклянка.

Ни, стрывайте. У насъ своя умова зъ Рахванломъ Владимировичомъ. Якъ додаты до тыхъ грошей десять процентивъ, то выйде пятсотъ двадцать пять рубливъ и висимдесять копіекъ. Звольте получить. (*Дае Смородыни гроши*).

ПФЕЙФЕРЪ.

Васъ исъ дасть?

Шлема и Гершко.

Што таково?

Шклянка.

Така, бачыте, умова про межъ насъ була, что пнсля торгу, я набавлю по грывеннику на рубъ и небыль и окопажн зостанутця за мною.—Правда?

Смородына.

Да, разумъется. (*Пишовз у свою кимнату*.)

ПФЕЙФЕРЪ.

Эти, эти... Зашгъмъ?.. Не понимайтъ!.. Прыслалъ, торговалъ, отнималъ!.. Допнеръ ветеръ!... Тайфель, шортъ!.. (*Хутко пишовз*).

ШЛЕМА.

Я, по крайній мери, доволниъ, што Прокопъ Демидовичъ обманули этово нищкаво колбаса.

ГЕРШКО.

Хорошево гишефтъ, побей мине Господь! Какъ вжасно жарко! (*Циде зъ пляшкы*). И вже вино нема!..

Шклянка.

А вы думалы, господа, що я дозволю вамъ обмошенничувать сына мого покійного барына, мого благодителя? Ни, не на такого наскочылы.

ШЛЕМА.

Гершки, слишишь? Благодарю вамъ за этово самаво деликатнаво слова! Если вже по правда говорить, то ми не знаемъ хто изъ насъ обмошенничывалъ ихъ высокоблагородіе господинъ Рахвайль Владимировичъ,—понимаете, га? Нѣтъ, не понимаете?

ГЕРШКО.

Шлеми, ани неначе не панимають; но они хорошо понимаютъ!..

ШЛЕМА.

Гершки, ша!

ГЕРШКО.

Я вамъ скажу, хорошиво слова, Прокопій Демидовичъ! Знаете што? Ешли таково гашпада какъ ви, такого образованово, таково деликатниво какъ ви,—понимаете? та будутъ много иждесь пакипать земли и дѣлать разнаво комерческаво гешефтъ изъ мебудемъ и всякомъ старымъ вещи, то намъ вже нада будить завшгъмъ утнкать изъ отечество!.. Понимаете?

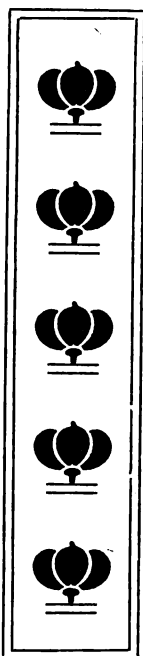
ШЛЕМА.

Гершки, ша! Они теперъ поннмають. Гихаръ! (*Пишлы*).

З а в и с а.

Передъ волею

*Драматички малюжкы
у 5-ты дѣяхъ
(Дѣтця въ 60 и 61 рокахъ)*

Хъ представленію дозволено, Спб. 16 Марта 1901 г. № 1824.

Л Ы Ц Е Д І И.

Арыстархъ Рафаиловичъ Пидгайный, багатый помещыкъ.
Орыся, его дочка, панна.
Шкорупскій, помещыкъ, старый панъ.
Пани Шкорупьска, его жинка.
Деревьянка, бидный помещыкъ.
Гордецька, помещыця.
Буба, } и дочкы, панны.
Кика }
Помпеенко, старый панъ, багатый помещыкъ.
Его сынъ, юнкеръ.
Головацька, помещыця.
Сынъ ии, хлопец 10 рокивъ.
Макарюкъ, на мыльци, бидный помещыкъ.
Перепичка, панъ, багатенькый помещыкъ.
Завойко, помещыкъ.
Панычъ.
Панна.
1-й пидпанокъ.
2-й пидпанокъ.
Становый приставъ.

Диброва, Петро Петровичъ, капельмейстеръ.
Юрко, скрипачъ, молодой хлопецъ.
Бухветчыкъ.
Вартоломей, отаманъ.
Дося, горнышна.
Нянька.
Сохвія.
Прохоръ.
Баба Репыха.
Яшка, башмашныкъ.
Потапъ.
Сылыхвонъ.
Мокрына.
Хведька, хлопецъ.
Палажка.
1 и 2 чоловики.
Васылына, крепостна Перепичкы.
Васыль, } бродягы.
Семень, }
Остапъ, }
1-й и 2-й перевозчыкы.
Шысаръ.
Десятныкъ.

}
 } крепакы
 } Пидгай-
 } ного.

Паны, поромщыкы, кучері, музыкы, слугы и народъ.

Дія 1-а.

Після обіда. Залъ. Столы покрити скатерками, скрізь посуда, пляшки, ножи, виделки, чарки, стакани. Зъ правого боку фортепіано, біля него тютюбрь. Обставини багати и роскошні.

Я в а 1-а.

Селыхвонъ, Потапъ, Дося и други слуги збирають зъ столовъ посуду, скатерки, пляшки и инче.

Селыхвонъ.

Ну й сыла-жь гостей сегодня до насъ зъіхалось!

Дося.

Ще тильки це панночка наши прыіхалы зъ учення и вже такый банкетъ, а що жъ-то буде, якъ замижъ видаватимуть?

Селыхвонъ.

Справжнихъ панивъ сѣдило за столы, мабуть, не меншь якъ на пивсотни, а що полупанкивъ та пидпанкивъ...

Дося.

Одніи птыци переризано, ажъ страшно вымовыть!.. *(Понесла ложки и виделки).*

Потапъ.

Цыплять мало не сотню перевелы, десятка зо два каплунивъ, гындыкивъ...

Селыхвонъ.

А поросять хіба мало?

Потапъ.

Трое телять, пьятєро ягвять...

Селыхвонъ.

А скільки выпыто горилки та вынь усякихъ? Шампаньского, мабуть, пляшокъ десятка зо два... Бухветчыкъ однихъ недопыткивъ позлывавъ пляшокъ зъ чотыри!

Потапъ.

Мени на шампанське такъ хочъ и наплювать, а отъ до солодкого іства, то разъ-у-разъ такъ и верне рота: здаеться, колыбъ моя воля, то и въ день и въ ночи тильки одне солодке и івъ бы, тильки солодкимъ и годувався бъ.

Селыхвонъ.

А въ мене гостецъ солодкого зовсимъ не приймае: якъ зымъ, хочъ шматочокъ меду, заразы и губы пухнуть и нисъ набряка...

Потапъ.

Кому ты оце патякаешъ? А хто позавчора варенне у кладовій трискавъ, що ажъ за вухамы ляцало?

Селыхвонъ.

Такъ то жъ варенне, а я тоби кажу про медъ...

Потапъ *(дражнить его)*.

„Про медъ!“.. Бачывъ я, якъ ты и медъ трискавъ...

Я ва 2-а.

Ти жь и два пидпанна.

1-й пидпанокъ (гука).

Гей, подай вогню! (*Сылыхвонз по-
дае сирничокъ*).

2-й пидпанокъ.

И мени! (*Закурюють*).

1-й пидпанокъ.

А ловки у Пидгайного цыгары!

2-й пидпанокъ.

У Помпеевка кращи.

1-й пидпанокъ.

Мы зь тобою сегодня ни разу и не
чокнулись.

2-й пидпанокъ.

Невже? Такъ давай чокнемся. (*На-
львають вино и чокаются*).

1-й пидпанокъ (*пье*).

Яке це вино?

2-й пидпанокъ.

Та що тамъ розбирать, не однаково
хиба? (*Пьютъ*).

1-й пидпанокъ.

Чуешь? Пидхожу я сегодня до пы-
катого Шкорупьского та й кажу: дозвольте
зь вами чокнутысь? А винь зареготавь
зь горда та й каже: „хочь и не треба!“
Ну, пострывай же. Будешь ты прохаты,
щобь я тебе на выборахъ пиддержавь...
Ему давно кортыть у предводители... Я
жь тебе пиддержу: за мисць одного два
черняка покладу!...

2-й пидпанокъ.

А я маю зуба на самого пана-ха-
зяина. Ты бачывь, якъ винь мене пры-
витавь?

1-й пидпанокъ.

Ни, а якъ?

2-й пидпанокъ.

„Льбонь, каже, я вась уперше бачу?“
Чы чуешь, винь мене у перше бачыть!..
И торикъ бувь у него на полюванни, и
позаторикъ на Велькдень, и ще дав-
нищъ, на Риздво... А винь мене уперше
бачыть!... По загрыняцяхъ що года гасае,
такъ винь вже нашего брата не добача,
вельке цабе!... Ну, пострывай, я тоби
зибью пыху!... Чванытця тимь, що жин-
чыне добро мотае! Це всимь вже видно,
що винь и жинку въ домовыну загнавь.

1-й пидпанокъ.

Я зь нымь сегодня и зовсимь не
прывитався, нехай буде вдячный мени за
те, що я прыхавь до него.

2-й пидпанокъ.

А знаешь, що я тоби скажу? Що не
говоры, а дочка у пана хазяина гарненька.

1-й пидпанокъ.

Що, колы бь ты бувь трохы мо-
лодчымь?...

2-й пидпанокъ.

Колыбь же то, вона бь моихь рукъ
не мьнула!

1-й пидпанокъ.

Невже?

2-й пидпанокъ.

Вирь! Давай зь досады выпьемь.

1-й пидпанокъ.

Давай. (*Вытываютъ*).

2-й пидпанокъ.

Якъ бы мени хочъ пять годъ зъ плечей... Одначе, я бильшъ сюды а ни ногою, калачемъ, винъ мене не заманыть!.. Винъ мене у перше бачыть!..

1-й пидпанокъ.

А якъ попросыть прыиздыть?

2-й пидпанокъ.

Хяба що попросыть. Ты куды звидцы?...

1-й пидпанокъ.

До Малышевскихъ, тамъ завтра панна Пазя именинница. А ты куды?

2-й пидпанокъ.

А я до Радышевскихъ, сегодня тамъ панахыда.

1-й пидпанокъ.

Писля завтра у Назаровыхъ хрестыны.

2-й пидпанокъ.

Прохалы?

1-й пидпанокъ.

Ни.

2-й пидпанокъ.

Поїдешъ?

1-й пидпанокъ.

Поїду. Бува якъ не поїду, щобъ не розгнивальсь?

2-й пидпанокъ.

Такъ мы тамъ мабутъ зустринемось. Поїду и я, мабутъ, до Малышевскихъ, тамъ

сегодня буде венгерське, а у Радышевскихъ на вына скуповато.

1-й пидпанокъ.

Хяба? такъ и я краще до Малышевскихъ. (*Побиглы*).

Потапъ.

Що то воля.

Сылыхвонъ.

Та ще й панська: куды скортило, туды й поїхавъ.

Я в а 3-я.

Ти жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ.

Вы й досы бабляетесь бияя посуды, все зъ розказнями, а дила хочъ й не пытай, бухветчыкъ подавай за васъ одвить. Ножи та виделки й досы не вычищени, самувари и досы не настаповлени, а хто выненъ—бухветчыкъ! Ну жъ, воловозьтесь шпарчій!... Успіете видлежаты боки, якъ панъ у загрыяницю поїдуть!... Хто оту пляшку вже спорожнивъ, адже повна була?

Сылыхвонъ.

Тутъ заразъ прыбигло двое полупанкывъ, ось ти... Якъ бо ихъ? Перченко и Репченко. Выпылы та й майнулы!...

Бухветчыкъ.

Ну, и вѣлыся жъ мени оти полупанкы, не то що все повыпывають, а й повылызуютъ! (*Потапъ и Сылыхвонъ пишылы зъ посудю*). Була повнисенька пляшка, якъ вже зъ за столу повставалы, а теперь тилькы на деньци.

Сылыхвонъ (*ввиходе и бере зновъ посуду*).

Чы панъ до Риздва выдуть у за-
грыныцю, чы пisia Риздва?

Бухветчыкъ.

А тоби шо?

Сылыхвонъ.

Та я про Соньку хотивъ спытаты,
чы й ін визьмутъ зъ собою, якъ торикъ
Дуньку?...

Бухветчыкъ.

Яка вона тоби Сонька, яка? Сохвія
Мыколаевна, а не Сонька!... Коны панъ
ін прыблызылы до себе, такъ вже вона
тоби стала не Сонькою, а Сохвією Мы-
колаевною,—розуміешъ? Тебе прыблызять
и ты будешъ не Сылыхвонемъ, а... Якъ
твого батька звать?

Сылыхвонъ.

Даныломъ.

Бухветчыкъ.

Стало бутъ, тебе вельчатумуть тоди:
Сылыхвонемъ Даныловычомъ. Бува часто
такъ, шо иноди и самъ чоловікъ не вгада
чимъ винъ завтра буде. Примеромъ, се-
годня заснувъ Грышкою, чы Ванькою, а
завтра прокынувся Грыгоріемъ Васыле-
вычомъ, або жъ Иваномъ Семеновычомъ!...

Сылыхвонъ (*идучы*).

Хотивъ бы я завтра прокынутысь
Даныловычомъ.

Бухветчыкъ (*самъ*).

Не ти вже часы настають, не ти, якъ
колысь... Першъ паны пылы выно такъ,
шо бильшъ половины его зоставалось у
стаканахъ та чаркахъ, а теперъ... Отъ
й поживляйсь теперъ зъ недопыткивъ...
(*Пшшовъ*).

Я ва 4-я.

Дося и бухветчыкъ.

Дося.

Дывитця, дяю, яку стричку подару-
валы мени панночка?

Бухветчыкъ.

А ты жъ поцилувала ихъ у ручку?

Дося.

А вже жъ.

Бухветчыкъ.

Вумныця.

Дося.

Воны не давалы руки, а я такы по-
цилувала!

Бухветчыкъ.

Двичи вумныця! Именно: не дае, а ты
наважайся поцилуваты й такы неодминно
поцилуй. Вумныця! Бачыла, якъ я разъ-
у-разъ панови цилую ручку, а потимъ у
плече? Вумныця, по дядькови пишла.

Дося.

Я жъ такъ, якъ и вы...

Бухветчыкъ.

Паны дуже люблять, щобъ имъ руч-
кы цилувать. Часомъ провынышъ, воны
наважаютця тебе вдарыты, вже й замах-
нутця, а ты ухапы ихъ за ручку, поци-
луй и заразъ серце у ныхъ одйде!...

Дося.

А якъ панночка ловко говорятъ по
простому и не забулы!...

Бухветчыкъ.

Чого жъ бы воны забулы, на те воны
людына?

Дося.

У нихъ и книжки е таки, зъ котрыхъ вони читають по простому... До сихъ двирьскихъ витаютця, та такъ хороше!...

Бухветчыкъ.

По маменьци пишли. И покойница, царство имъ небесне, таки жъ были ласкави та прятни. Не дожили побачыты свою единочку зрелюю.

Дося.

Скільки тоди литъ панночки було, якъ пани померлы?

Бухветчыкъ.

Годъ шість, або сямъ? Зъ тїи doby все у насъ пишло шыворить на выворить...

Дося.

Чы вы те жъ, дядю, за покойною панією прийшли у прыдане, якъ и наши татко?

Бухветчыкъ.

Авже жъ!... Насъ трыста двадцять семей сюды перегнано зъ полтавщины, тутъ була земля пустопорожня. У нашихъ панивъ було багато земли, по всехъ губерняхъ, — бильшь двадцяты тысячивъ десятинь було.

Дося.

А у пана хиба не було своихъ людей та земли?

Бухветчыкъ.

Це бь-то у цего пана, у папаши пашон паночкѣ, у Пидгайного?

Дося.

Эге жъ?

Бухветчыкъ.

Було ще за батькивъ кой-що та й те загуло. (*Дасъ їй пляшкы*). Несы оци пляшкы до бухвету, бо якъ набижать — повылызують.. (*Дося пишла*). Своє загуло, а оце вже годивъ зъ десятокъ жинчыне мота, та ни якъ не промота... По загрыныцяхъ що года іздыть, у картъ грае, зъ дивчатымы воловозытця... Отъ вже Соньку накынувъ окомъ, а чы на довго? Горпыну залышивъ, якъ и Домку, або Приську; Дуньку десь за грыныцею кынувъ... Ненажерливый!... Гараздъ хочъ за те, що переставъ навозыты чужыхъ; а то были тутъ и хранчужанкы, и аглычанкы и всяки!... И не потрапышь, бувало, якъ имъ и годыты...

Я в а б - я.

Орыся и бухветчыкъ.

Орыся.

Здрастуйте, Сафронъ Васылевычъ!

Бухветчыкъ.

Якый я вамъ Васылевычъ? Сафронъ та й годи.

Орыся.

Я васъ ще не бачыла. Якъ поживаете?

Бухветчыкъ (*ловѣ руку*).

Подозвольте-бо! Та такы жъ дозвольте.

Орыся.

Ни, не треба, не хочу!...

Бухветчыкъ.

За вищо жъ вы гниваетесь на мене?

Орыся.

Я не гниваюся, а мени такъ не подобаетця.

Бухветчыкъ (*цилує їй руку*).

А мы завжди повинни...

Орыся.

Пожалуйста, бильшъ такъ не робить, а то я й справди гниватымусь.

Бухветчыкъ.

Такъ було и ваши мамонька кажутъ, царство небесне, вичный покой ихъ душеньци... „Не треба кажутъ, не смій цилувать“... А я все такы не одійду, докы не поцилую имъ обохъ ручокъ.

Орыся.

Мама доброю була до васъ?

Бухветчыкъ.

И Боже мій! До кого вони не були доброю? Ангольска душа. Вы манёнъки булы, не гараздъ памятаєте мамашу?... То булы благодужна душечка!...

Орыся.

Отакою и я буду до васъ, тилькы просю, въ память моеи мамы, бильшъ николы не цилуйте мени рукъ. (*Иде до вилна*). А якъ гарно въ сели, куды не скыпъ окомъ скрызъ краса!...

Бухветчыкъ (*на бикъ*).

Невже й справди розгнивалась?... Ни, ни, не вирою!... Якъ-то можна, щобъ я гнивался, якъ мени руки цилуватымуть?.. Манижытця?... (*Пишовъ*).

Я в а 7 - я.

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька (*до Орыси*).

Щаслыви вы, Орысю, що идете зъ напою за гряницю.

Орыся.

Хто вамъ це сказавъ, що я іду? Папа самъ іде.

Гордецька.

А чому жъ-бы вамъ и не поїхать?

Буба.

Побувать въ Парыжи?...

Кика.

Въ Вѣни, въ Берлини?...

Орыся.

Папу я тилькы стиснула бѣ... Та й колы то ще винъ іде: у генвари, або у феврала, а у насъ теперъ ще тилькы сентябрь. Я висимъ рокивъ не була дома и теперъ хочу пожить въ сели; а на той рикъ, може й мени скортыть въ Европу?

Буба.

А мени село такъ спротывило!...

Кика.

Я вже не разъ казала мами, що рада за першого женьха выйти, хто-бъ винъ не бувъ, тилькы-бъ швидчъ зъ деревни... (*Пишлы*).

Я в а 8 - я.

Шкорупскій, Шкорупсьна и Деревьянка.

Шкорупскій.

Це вже щось тутъ не по моему зативають, якый ще тамъ концертъ? И такъ музыка ревла и пивчи горло дерлы, за обидомъ, що й досы у вухахъ лунае.

Деревьянка.

Дочка жъ пана Пидгайного скнычыла навуку, ну, отцеви и кортыть похваста-

тысь передь гостями, якъ вона гра на фортепіани. Це похвально и правоучительно для другихъ.

Шкорупскій.

Скризь ты носыся зъ своимъ правоучительствомъ, якъ дурень зъ пысаюю торбою!... Найкращый правоучитель черево. Найлысь гости и одпусти ихъ до дому; а концертъ це вже насыліе...

Шкорупська.

Та замовчы-бо, старый воркотуне! Тоби тилькы-бъ видлежуваты боки.

Шкорупскій.

И найкраще. Чоловикъ чимъ бильшь спыть, тимъ меньчъ гришыть. У мене наймудрищый звичай: якъ тилькы гости скинчылы обидь, гукнувь на слугъ, щобъ гостямъ заразы коней подавалы, а самъ на бокову; и гости вже знаютъ, що имъ ничого засыжуватысь, заразы за шапки и геть зъ двору. А я звелю заразы позачынять виконницы та повыгонаты мухъ, потимъ скину зъ себе геть все чисто и зостанусь якъ маты вродыла, клычу двоухъ покоевокъ, щобъ пятыкы чесалы, а моя Мынодора Порхвыровна у головци мени ськае...

Шкорупська.

Е чымъ хвалытысь?

Деревьянка.

Пятыкы чесать и въ головы ськаты, це було голивне дило ще за предкивъ нашихъ, блаженной памяты. О, благословенна старына, згадаешъ тебе и тилькы зитхнешъ!... Именно, що жытте було: ни печали, ни въздыханія... А ловко певно спытця пидь лоскитъ пятокъ?

Шкорупскій (до жинкы).

Мыдосю, якъ ты думаешъ, чы не поіхаты намъ оце заразы до дому?

Шкорупська.

Не ловко... Адаже прохалы зостатысь?..

Шкорупскій.

То-то що прохалы. Хотивъ бы я теперь буты краще непроханымъ... (Сиди). Ничого робыть... Та колы бь вже швидчъ почыналы?

Деревьянка.

Може звелить податы вамъ файку?

Шкорупскій.

Яку ще тамъ „файку“ выдумавъ? Люлька, або трубка, а то: ще „файка!“... А ну, гукны! Та нехай и тоби подадуть. Я зъ собою беру завжды тры-чотыри люльки, докы одну докурю, щобъ друга вже була набыта. Ты Вахштабъ курышь?

Деревьянка.

Ни, Жукова.

Шкорупскій.

Покынь Жукова, куры Вахштабъ! Я сорокъ тры рокы курую тилькы Вахштабъ.

Деревьянка.

Та я можу и „самъ—крыше!“ Гей, Кырылло! Люльку твоему панови и мени. (Слуга подае люльки).

Я в а 9-я.

Гордецька, Буба и Кика.

Гордецька.

И добре вона гра? (Сиди).

Буба.

Слухаты можна.

Кика.

У кого е охота.

БУБА.

Ну, це вже ты, Кико, зь заздрощивь кажешь!

КИКА.

Пожалуйста, не выгадуй, Буба! Безь всякихъ заздрощивь кажу, що вси ин таланты въ ин багацстви.

ГОРДЕЦЬКА.

Годи вамъ сперетчатись. Звиспо, що багацтво кожного дме и наддае пыхы.

Я в а 10-я.

Помпеенко, сынъ его юнкерь и ще гости.

Помпеенко (*розгниваный*).

Якый я старецъ? Я тебе пытаю: якый я старецъ?

ЮНКЕРЬ.

Та це жь, тату, виршь такый.

ПОМПЕЕНКО.

Якый у чорта виршь? Тыче на мене рукою и каже: „старецъ!“

ШКОРУПСКІЙ.

Що вчынилось?

ПОМПЕЕНКО.

Пани Головацька мене звеважыла. Вывела проты мене своего сынка и каже: „промовляй“. Той показуе отакечкы пучкою на мене и каже: „старецъ!“ Якый я „старецъ?“ У мене 10 т. десятынъ земли, а я: „старецъ?“ Старецъ зь торбама ходить, а я помищыкъ!...

ЮНКЕРЬ.

Кажу жь вамъ, що то виршь такый Державына:

„Науки юношей пытають,
Отраду старцамъ подають!“...

ДЕРЕВЬЯНКА.

Це правда, що у господына Державына е такый виршь. Старецъ означа: ветхый чоловикъ, преклонныхъ, або почтенныхъ литъ. А то ще е такый виршь:

„О ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешь человѣкъ!“

ПОМПЕЕНКО.

Та воно справди? А хто жь-то такый той Державынъ?

ДЕРЕВЬЯНКА.

Господынъ Державынъ, тайный совитныкъ и кавалерь.

ПОМПЕЕНКО.

А!.. А я думавъ... Ну, якъ що е, то... Тилькы до чого винъ той виршь склавъ?

ДЕРЕВЬЯНКА.

Для вразумленія и назыданія.

ШКОРУПСКІЙ (*до жинкы*).

Ну, Помпеенка ни якимъ виршомъ не врозумивъ, бо винъ зь роду-вику ни одной кныжки не прочытавъ.

ШКОРУПСЬКА (*до него*).

Та годи-бо тоби!

ШКОРУПСКІЙ (*тыхо*).

Малограмотный дворянынъ, а въ предводители хоче.

Я в а 11-я.

Головацька зь сыномъ.

Головацька (*до Помпеенка*).

Вы безь прычыны, Помпей Дорофеевичъ, розгнивались на мого Васю.

Помпеенко.

Та то вышло якоесь... Воно, непорозуминіе... Выбачте мени. (*На биж*). Тайный совитныкъ и кавалеръ, а виршы склада,—за для чого?

Я в а 12-я.

Макарюкъ (*на мыльци*), за нымъ слуга.

МАКАРЮКЪ.

Антуанъ, трубку! (*Слуга подае*). Ты, ты въ постолахъ? Хиба я тоби не приказувавъ надить чоботы?

Антонъ.

Захарко прыбигъ у поле: „кыдай, гука, плуга та швыдчъ иды зъ паномъ ихать; надивай лирвею“...

МАКАРЮКЪ.

Запорю!...

Антонъ.

Хрестъ мене побый, винъ ничего не казавъ за чоботы. „Надивай, каже, лирвею!“..

МАКАРЮКЪ.

Запорю, на смерть запорю!.. (*Сивз*).

Я в а 13-я.

Панна и панычъ.

Панна (*зъ квиточкою въ руци*).

Чого вы бажаєте оцій квиточки?

Панычъ.

Бажаю їй увесь викъ цвисты и пышатысь красою.

Панна.

А вгадайте на кого я загадала?

Панычъ.

Ни, не вгадаю.

Панна.

Ця квиточка це я.

Панычъ.

Гараздъ, що я не побажавъ їй завъянуты. (*Силы и нышкомъ розмовляють*).

Я в а 14-я.

Завойко, Перепичка и Васылына.

Завойко (*на порози*).

Це буде всимъ зневага, велика зневага!...

Перепичка.

Кого я тимъ зневажу, кого? Пани наши знаютъ все и ихъ ни чымъ не здывуешъ; паночки жъ на стилькы наивни, що ничего не знаютъ. А въ тебе новороссійскій моралысте, нема Васылыны, чы Мотри? А у инчого е дви, або й тры?.. Вы ховаетесь зъ своими, а я не ховаюсь. Эхъ вы, святоши!.. Слушайте, господа дворяне, тверези не пьяни! Хочъ я и пидъ чаркою, одначе не на стилькы щобъ забытысь: хто я и де я!...

Головацька.

Це вже якийсь скандалъ!..

Перепичка.

Помняетесь, цилкомъ помиляетесь!... Будьте спокойны!... Я знаю де можна дебошырить, а де й зась!... Дозвольте мени вамъ нызенько уклонитысь и попрохаты пробачення... Оце била мене, моя Васылына, моя крепостна, моя... Не бійтесь, я їй не дозволю систи въ вашимъ присуствіи: дысцыплына, субординація и мордобытіе!... Я хочу Васылыну просвитыть на щотъ музыкы, бо вона у

мене дурна, якъ вивця; вона тильки й чула якъ чередникъ гра на зубовій дудци „метельцю“, а свинарь на виграни „чоботы“...

Я в а 15-я.

Пидгайный и Орыся.

Пидгайный (*веде Орысю пидъ руку*).

Не соромся, доню, и покажи гостямъ, що отець не даромъ обь тоби клопотався. (*Пидводе до фортепiano*).

Орыся.

Я не соромлюсь... а тильки за для чого це?

Пидгайный.

Я такъ того хочу.

Орыся.

Хиба? (*Глянула на Васыльну*). Ахъ, яка жъ чудова украинська одежа! А сорочка якъ гарно вышита!... (*Пидходе до Васыльны*). Хто вамъ такъ гарно вышивавъ?

Васыльна.

Я сама...

Перепичка (*Васыльни*).

Ручку, ручку швидчъ панни поцилуй!...

Васыльна (*лове руку Орыси*).

Подозвольте...

Орыся.

Ни за що на свити. Такъ поцилуемся. (*Цилуетця зъ Васыльною и потимъ иде до фортепiano*).

Перепичка (*до Завойко*).

Бачывъ? Панна цилуется зъ мужычкою!...

Завойко (*до него*).

Така ін и маты була.

Пидгайный.

Заграй же намъ, Орысю, мы хочемо слухаты. (*Сиди. Орыся розгорта ноты и гра щось классычне, гости ще бильшиз сходятця и сидають. Все слухають зпершу тыхо, а потимъ починають потыху гомонить*).

Помпеенко (*до сына*).

Та колы жъ вона гратыме?

Юнкеръ.

Вона жъ вже грае.

Помпеенко.

Чортъ батька-зна що брынькае!... Я не розберу.

Завойко.

Колы бь заграла Варшавського марша, а це щось...

Шкорупскій.

Стояло зоставатысь, щобъ отаку нисенитныцю слухаты?...

Деревьянка.

Сія музыка лышь для слуха вразумительна и назидательна!... (*Орыся скинчыла, починаютця оплескы*).

Юнкеръ.

Папенька, плещить-бо!

Помпеенко.

Хиба треба? (*Плеще*).

Шкорупскій (*плеще*).

А може воно й справди щось путяще?...

Завойко.

А все такы нема ничего кращого, якъ Варшавскій маршъ, або: „ой не ходы Грыцю“... (*Плеце*).

Перепичка (*до Васылыны*).

Ну, якъ тоби?

Васылына.

На мени чогось усе тило терпне, не наче я на неби...

Пидгайный.

Гей, поклычте сюды капельмейстера и Юрка.

Шкорупскій.

А це жъ ще що буде?

Шкорупська.

Та мовчы-бо!...

Завойко.

У, Юрко здорово гра Варшавського марша, або Кармалюка.

Помпеенко.

Послухаемо ще Юрка.

Шкорупскій.

А пися Юрка, може увйде свынаръ та заграе: „свыня въ рипи, поросята въ моркви?“... (*Регоче*).

Шкорупська.

Та й невгомонный же ты.

Я в а 16-я.

Капельмейстеръ Диброва и Юрко, зъ скрипкою.

Пидгайный.

Ну, Петро Петровычъ, похвастайте намъ вашимъ ученыкомъ!

Диброва (*кланяючысь панамъ*).

О, зъ гордистю скажу, що маю кымъ похвастаты. (*До Юрка*). Уклонись панамъ. (*Юрко кланяетця*).

Панна (*зъ квіточкою*).

Якый красавецъ!

Бува.

Крепакъ, а така импозантна фігура!...

Кика.

Ему прыставъ бы гусарскій мундырь!.. Ментыкъ, долманъ, чикчиры!...

Диброва (*пидводе Юрка до фортепiano*).

Панно, Орысю! Колысь, якъ вы ще булы моею ученыцею, я постеригъ у васъ талантъ музыкальный и не помилься. Дозвольте жъ рекомендовать вашій ласци ось другый талантъ.

Орыся (*не дывлячысь на Юрка*).

Чы не про него мени татко говорывъ?

Диброва.

Певно про него. Проаккомпанируйте ему серенаду Шуберта. (*Росклада ноты на пюпитри*). Уклонись, Юрку, панночци. (*Юрко кланяетця*).

Орыся (*глянула на Юрка*).

Ты... давно граешъ?.. Якъ твое имя?

Юрко (*глянувъ на неи и затремтывъ*).

Давно граю?

Диброва.

Хиба ты не розуміешъ про вищо тебе пытають? Панночка пытають, чы давно ты

на скрипци граєшъ и якъ твоє імня.
Кажы: чотыри роки якъ граю, а імня—
Юрко.

Юрко (*промовля*).

Чотыри рока... Юрко... (*Тыхо*). Хо-
димъ звидцы, ходимъ...

Диброва.

Ц-сь! (*Тыхо ему*). Ты ошаливъ,
чы що?..

Юрко.

У мене щось голова... въ очахъ...
Бога рады, ходимъ...

Диброва (*ему*).

Опамьятайся! (*До панны*). Засоро-
мывся бидный хлопецъ зовсимъ. Промовте
до него слово, щобъ винъ набрався сми-
лосты. (*До Юрка*). Опамьятайся...

Орыся.

Не соромся, Юрку... Ну, прилагодься,
заразъ гратымемя... Чого ты такой?

Юрко.

Я не знаю... Не втямлю...

Орыся.

Заспокойся... Ну, почнемо?

Юрко.

Почнемо. (*Грають. Юрко чимъ
дали все бильшъ забуваетця и вид-
даетця цилкомъ музици. Все на-
вкругы затыхають*).

Помпеенко (*тыхо*).

Хочъ и не розумію, такъ почувую!

Деревянка (*деклямуе*).

„О ты, что въ горести напрасной
На Бога ропщешъ человекъ!..“

Кика.

Скільки експрессіи!.. Яка техника!..

Шкорупскій.

Теперь вже и я не шкодую, що зо-
стався.

Переписчка.

Чого ты, Васылыно, плачешъ?.. Годи
не соромъ мене!..

Васылына.

Не могу!.. Нибы маты мене докоряе,
нибы батько клене! (*Выбигла*).

Панна (*зъ квиточкою*).

Яка роскошна и чула душа у Шу-
берта.

Завойко.

Чортъ его батька зна! Лыбонъ це
ще краще видъ Варшавського марша?
(*Оплески*).

Пидгайный (*пидійшовъ до Диброви
и стыска ему руку, а Юрка хлопа
по плечи*).

Браво, браво!..

Диброва (*до Юрка*).

Кланяйся!

Юрко.

Кому?

Диброва.

Кланяйся панамъ. Ты очмаривъ?..
(*Тимъ часомъ панны пидійшли до
Орыси и витають їи*).

Юрко.

Швыдчъ ходимъ... душно тутъ...

Пидгайный (до гостей).

Прошу всихъ въ садъ, тамъ чека нась чай и кофе. (*Гости розиходяця*).

Шкорупскій (до жинкы).

Николы не сподивався, щобъ у мужыка така чулисть була!.. (*Пишлы*).

Юнкеръ.

Зостанемось, папенька, на вечеръ. Певно и въ вечери гратымутъ?

Помпеенко.

Отъ и кажы пися цего, що у скрипци нема языка. (*Пишлы*).

Перепичка (до Завойко).

Васыльна, якъ корова реве, та й у мене оказались очи на мокримъ мисцевѣ! (*Пишлы*).

Диброва.

О теперъ и мы ходимъ.

Орыся (до Юрка).

Якый у тебе дужый и слухняный смычокъ!.. Честь вамъ, Петро Петровычъ! Честь и слава!.. (*До Юрка*). Гарно граешъ.

Юрко.

Такъ вже певно николы не заграю!

Диброва.

Винъ сегодня якыйсь непрытомный!.. Визьмы жъ ноты... (*Пишовъ*).

Орыся.

Кажешъ, не заграешъ вже такъ? Чому-жъ то?

Юрко.

Не заграю!..

Орыся.

Чого ты такый?

Юрко (*глянувъ йъ въ вици*).

А вы на вицо таки?

Орыся.

Яка жъ я?

Юрко.

Не вмю вымовыть...

Орыся (*дае ноты*).

Визьмы оци ноты, передывысь, у вечери гратымемъ.

Юрко.

Такъ вже николы не заграю!.. (*Бере ноты*).

Орыся.

Черезъ що жъ то?

Юрко.

Николы, николы! (*Пишовъ хытаючысь*).

Зависа.

Дія 2-я.

Через ризь. Збоку невеличкий домокъ, вскрытый гонтою, з ганкомъ и трема викнами; з другого боку, на другимъ плану, людська кухня; на останнімъ плану задній фасадъ панських хоромивъ, з балкономъ и террасою. Навкругу дому садъ, дали село, ще дали перелисочки и поле. Надъ вечиръ.

Ява 1-я.

Репыха и Орыся (*выходять крадькома съ хоромивъ до саду*).

Орыся.

Оглянься на вкругу, щобъ не постерегли.

Репыха.

Не бійтесь, нема никого. Пизенько вы мене поклыкали и щобъ було признайтесь раниць?

Орыся.

Мовчы вже...

Репыха.

Досю треба задобрыты, щобъ держала языка за зубамы... Осьдечки и вона. (*До Доси*). Ну?

Ява 2-я.

Ти жъ и Дося.

Дося (*иде зъ саду*).

Не выдко пикого.

Репыха (*до Орыси*).

Ходимте жъ мерщій!..

Орыся.

Дося!.. Ты вмєшь держать языка на прыпони?.. Мовчатимєшь, то й тоби краще буде.

Дося.

Про вищо? (*Репыха и Орыся пишли въ садъ*). Куды це вони пишли? Яка жъ це близнь у панночки, що бабу Репыху поклыкали? (*Оглядається*). Х-мъ, Репыху!... Панночка велеть мени держаты языка на прыпони... Ой, щось це не даромъ! А ну, пиду за ными назырци. (*Пишла въ садъ*).

Ява 3-я.

Вартоломей и тры хлопця (*идуть видъ воротъ*).

Вартоломей.

Я жъ скильки разивъ наказувавъ вамъ, щобъ не спалы?.. Бачъ, яку правулу соби взяли!

Два хлопця.

Мы, дяденька, ей Богу не спалы! То гедзь располохавъ телять, вони й побиглы въ горохъ!..

Вартоломей.

Якый гедзь? Гедзь тилькы у Спасивку сиче скотыну. Ось я вамъ задамъ гедза!

Два хлопця.

Ей-Богу, дяденька, мы не спалы!

Вартоломей.

Ходимъ, ходимъ до конюшни!..

Два хлопця.

Ей-Богу, дяденька, мы неповинни!

Вартоломей.

А хто жь повиненъ? Хто, пытаю, вынень?.. (*До третего*). А ты чога мовчышь?

3-й Хлопецъ (*Хведька*).

А що я казатыму? Все одно бытмете.

Вартоломей.

И бытуму, тебе бытуму!..

Хведька.

Та мене жь...

Вартоломей.

Бо ты й вынень.

Хведька.

Та я жь.

Два хлопця.

А вже жь винь! Мы ему кажемо: „давай, Хведько, навернемо телятъ на стерни, щобъ въ горохъ не вперлысь“... А винь каже: „чортъ его поберы горохъ, хнба винь людськй, винь панськй!“...

Хведька.

Це бь-то я отакечкы казавъ?

Вартоломей.

Ахъ ты, харцызе! То ты такый?

Два хлопця.

Винь, дяденька, вась лаявъ, ще такъ погано лаявъ: у батька—матирь!.. И казавъ на вась: „барыло“.

Хведька.

Я казавъ?

Два хлопця.

Та ты жь. Каже: „Вартоломей-Кутлумей!“ Це у нихъ, дяденька, е така собака куштриюбата, Кутлумеемъ дражнять...

Вартоломей.

То ты такый!

Хведька.

Колы вирыте имъ, такъ бййте мене!...

Два хлопця.

А не казавъ ты, що дяденька: „катъ, парло, котолупъ?“...

Вартоломей (*вхопывъ Хведьку за вухо*).

Ахъ ты жь чортивъ выплодку! Я жь тоби заразомъ покажу: и ката, и парла, и котлумей!... (*Повывъ до конюшни*).

Я ва 4-я.

Дося (*бижытъ зъ саду*).

Та невже жь це я бачыла своимы очыма? Мабуть я сию, мабуть це мени у снй ввыжаецця?..

Я ва 5-я.

Мокрына и Дося.

Мокрына (*зъ людськой кухни*).

Чого це ты, небого, все въ садъ бигаешъ, що тебе напало?

Дося.

Не пытайте, не пытайте. бо все ривно не допытаецься ничего, мовчатуму якъ камьяна, якъ нима!.. Не заступайте-бо мени дороги, пустишь!..

Мокрына (*стала проты неї*).

То ты такъ зо мною? Це ты и титци ридній не скажешъ? Спасыби, диждалась чести видь небогы!..

Дося.

Ой, Боженьку! Я зо страху й забула, що вы мени титка!.. Ой, wybачте мени!.. Тилькы жъ вы, титкс, Бога рады, никому а ни словечка... Ой, страшно и вымо-выты!..

Мокрына.

Кажы вже швыдчъ?

Дося.

Оцимы властнымы очыма бачыла, щобъ мени свита сонця не вздриты!..

Мокрына.

Що бачыла, що?

Дося.

Заразь баба Репыха прыходыла. Бачылы?..

Мокрына.

Ни, не бачыла. Чого жъ-то вона?

Дося.

Чы насъ вихто не пидслуха?

Мокрына.

Ну, ну?

Дося.

Прийшла баба Репыха до панночки и почалы вони вдвохъ шепотиты, я й насторочыла вуха, якъ мене дяде бух-ветчыкъ повчалы, щобъ завжды насторо-чувала вуха... Шепотять, тай шепотять!..

Мокрына.

Та про вищо жъ? Ты мене мучышь!..

Дося.

Стрывайте-бо! Дали послалы мене въ садъ подывытысь, чы нема тамъ кого. Вертаюсь я зъ саду, ажъ вони обыдвы вже идуть мени на зустричь!..

Мокрына.

Ну, ну?

Дося.

Воны въ садъ и я за ными назыр-немъ. Доходятъ до ричкы, бачу, зупы-нылысь; я й соби отдаля зупыныласъ. Чую, панночка кажуть: „смерть моя прыйшла, не можу дали йты!“... Баба Репыха тягне ихъ, а вони не можуть. Дали панночка пуць до долу, упалы на траву, та якъ почалы качатись. Памьятаоте, казала я вамъ, що панночка Юрка покохала, не вирылы?..

Мокрына.

Ну, ну, ну?

Дося (*оглянуласъ*).

Богъ пославъ панночки сына.

Мокрына (*жажнуласъ и ажъ пры-сила*).

Сына?

Дося.

Щобъ я свита сонця не вздрила!..

Мокрына.

Сына?!..

Дося.

Эге-жъ, Репыха поклала дытя межы кущи, а панночку взяла пидъ пахвы та й повела прямо въ ричку и давай купать; а я мерщій пидповзла до кущивъ, розгорнула пелюшкы, дывлюсь: хлопчыкъ

и живисенькый!.. Цытте! Ондечкы панночка вертаютця въ хоромы.

Мокрына.

Хи, сердешна! Ледве йде. Бачышъ, що то страхъ, винь пересылюе усяку болить.

Дося.

Присядьте! (*Присидаютъ за плотомъ*).

Орыся (*ледве переступа*).

Лыбонь, ни хто не постеригъ!.. Охъ, въ очахъ темніе!.. (*Хытаючысь нишла въ хоромы*).

Мокрына.

А де жъ дытя?

Дося.

Певно Репыха взяла до себе?

Мокрына.

И ты вповаешъ, що якъ мы мовчатимемъ, то други й не довидаютця?

Дося.

Нехай довидаютця, нехай и плещуть, абы не мы.

Мокрына.

Авже жъ. Почнуть язычты, вирь мени! У насъ народъ бозувирный! Глянь, хто ото крадетця по пидь плотомъ! Бигты мерщій, захожуватысь вечерю варыты!.. (*Побигла*).

Дося.

Справди щось сюды надкоде.

Я ва 6-я.

Юрко и Дося.

Дося.

Юрку, ты?

Юрко (*пидходе*).

Якъ бачышъ.

Дося.

Вернувся?

Юрко.

Никуды втикагы безъ бумагы.

Дося.

Панночка звелилы жъ тоби, щобъ не вертався, докы сами тебе не розшукають... Тебе жъ, бороны Боже, тутъ закатують!.. Ой, що жъ це буде?

Юрко.

Що буде, того, мабутъ, не обмыну!

Дося.

Та ты жъ и не знаешъ ничего? Адже панночка вже маты.

Юрко.

Що, що ты сказала? Маты?!

Дося.

Сына породыла...

Юрко.

Сына?.. Що жъ теперь?.. Вона хвора, дуже хвора? Кажы, кажы!..

Дося.

Хвора, а тилькы жъ и терпяча на вдывовыжу.

Юрко.

Бидна, бидна мучоныця, безшасна!.. О!.. Досю, я звирь, лютый звирь!.. Досю, я мушу и побачыты!... (*Ломае руки*).

Дося.

Я заразь пиду, шепну панночци!..

Юрко.

Стривай! Може не треба? Хвора, сполохається!.. Досю, я зтеряюсь... Хто жь мене порадыть?.. Одна ще надія... Чы капельмейстеръ дома?

Дося.

Ему здорово погиршало, мабудь скоро й помре... Все пытавъ про тебе де ты?

Юрко.

Пиду до него, винь мене якъ батько порадыть.

Дося.

А якъ ты змарнивъ, ажъ почорнивъ!

Юрко.

Голодь не титка! За трое день охлявъ та знемигся, хочъ живымъ пропадай. Якъ сказала мени Орыся втикаты, я й майнувъ, не взявши, навить, и хлеба шматка... Тыльки водою и живъ... Пиду до Петра Петровнича!.. (*Пишовъ у домокъ*).

Дося.

Охъ, на чимъ воно все оце окоштыця? Не знаю, чы розказаты дядькови бухветчыкови? Мовчатому, а якъ допытуватимуть—признаюсь. Звисно, дядько, грихъ имъ не сказаты!.. (*Пишла въ хоромы*).

Я в а 7 - а.

Сохвія и Палажка.

Сохвія.

Куды це Юрко и справди подився, трое день и очей въ село не наверне?

Палажка.

А що тоби до Юрка, пытаю?

Сохвія

Казала вже тоби не разъ.

Палажка.

Казысса ты видъ жыру, я тоби ось що скажу—казысса!

Сохвія.

Спытай у моего сердца, чы ему до жырування?

Палажка.

Ты жь панська полюбовныця, чы зручно жь тоби объ Юркови думаты? Ты повинна знаты одного пана.

Сохвія.

А панъ хйба тилькы мене одну зна?

Палажка.

Мало чого... Винь на те панъ, ты въ его воли.

Сохвія.

Я панова полюбовныця, не по свой охоти; а Юрка покохала я своею волею.

Палажка.

Мало кого тамъ не покохала!..

Сохвія.

Цыть!.. Чуешъ? (*Крызъ вкына дожка чутно мелодію на скрытци*). Це винь грае, винь! Ей Богу, винь!.. Бачъ капостный, винь у двори, а я думала: змандрувавъ!.. Чуешъ, якъ жалибно выграе?

Палажка.

Я ненавидю жалибныхъ, колыбъ пидъ ногоу загравъ.

Сохвія.

Охъ, якъ же въ мени все сколошкалося, не мовъ всю мене пожежою поняло!..

Палажка.

Почны хвыгли-мыгли строятъ!...

Сохвія.

Затаила бѣ въ соби духъ и слухала бѣ его безъ краю, безъ втомы!..

Палажка.

Годи тобі шпандёрить!

Сохвія.

Вже замовкѣ... На вищо такъ скоро переставъ гратъ?

Палажка.

Тынды-рынды!.. Ходимъ вже.

Сохвія.

Палазю, выкличъ сюды Юрка.

Палажка.

Оттакон! Чого я потепаюсь у хвыгель, щобъ тамъ по щын надавали?

Сохвія.

Бачышь, яка ты? А скільки я тобі передавала канхветивъ и всякихъ ласощивъ? А ты онъ яка!

Палажка.

Вже тобі якъ чого замарудытся, не наче малій дытны! Ну, вже пиду. (*Пшла у домокъ*).

Сохвія (*сама*).

Скажу ему прямо, що не могу дали безъ него жыты: нехай або свата мене, або такъ бере... Виддали жъ панъ першихъ своихъ полюбовныцъ замижъ, нехай и мене виддадутъ. Хроську виддали за Грышку лакея, Хыму за кучера Карпушку, Лукерію за... Нехай и мене виддадутъ за Юрка.

Я в а С-я.

Мокрына и Сохвія.

МОКРЫНА (*худко выбигла*).

Сохвіе! Що я чула, що я чула?..

Сохвія.

Вы завжды почувете ось стилькы, а наговорыте онъ скилькы!...

Мокрына.

Думаешъ, скажу тобі? А що, кортыть? Отъ же, ни за-що не скажу.

Сохвія.

И я вамъ не скажу.

МОКРЫНА (*цикаво*).

Про вищо? Невже й ты чула, видъ кого-жъ?

Сохвія.

Що треба було те й чула, а видъ кого—хиба не однаково?

Мокрына.

Росплескалы вже! И бачыла? А мене, Господы, якъ кортыть побачыты... Давай побижымо та хочъ у викно зазырнемъ?

Сохвія.

Куды побижымо?

Мокрына.

До бабы Репыхы. Дытына тамъ.

Сохвія.

Дытына? Яка дытына?

Мокрына.

Не манижся, ты знаешъ и я знаю... Побижымо жъ та хочъ глянемо! (*Потягла Сохвію*).

Палажка (*выходе*).

Не насмила поклыкаты Юрка, постояла въ сняхъ трохи та й вернулася... Де жъ це Сохвія? Чы не капостна дивка, втекла! Бачъ, яку дурочку зъ мене встругнула!.. Я жъ тобі видячу, пострывай... (*Пшла*).

Я в а 10-я.

Диброва и Юрко.

Диброва.

Бачышь, зновъ блукавъ десь, ажъ трое день,—схудъ та змарнивъ... И що въ тебе за натура така? Забривъ кудысь и байдуже ему, що тутъ объ нимъ пеклуютця... Сегодня зовсимъ невдало гравъ на скрипци: хапаняна якась, неспокій, раптовистъ, а не гранне... И смычкомъ нибы зовсимъ не твоя рука водыла... Чымъ мы передъ паномъ похвастаемо?

Юрко.

А!.. Моя душа болыть, мозокъ болыть!... Лыбонь, я вже не людина а манія!..

Диброва.

Що таке? Це вже щось нове выгадуешъ!.. Чы не про волю зновъ почавъ мариты? Пожды, хлопче, потершы... Дастъ Богъ, прийде вона!..

Юрко.

Ни, вже воли мени не диждаты!

Диброва.

Чому жъ-то такъ?

Юрко.

Не диждаты мени воли... Колы сподиваютця нашего пана до дому?

Диброва.

Якъ не сегодня, то завтра.

Юрко (*зъ жахомъ*).

Справди?

Диброва.

Позавчора прийшовъ лысть до управляющого, щобъ цымы днямы дожыдали.

Юрко.

Такъ раптово, такъ худко?..

Диброва.

Пора ему й вернутысь; бильшь пивроку якъ зъ дому выхавъ, можна изъиздыты свить вздовжъ и впоперекъ. Та що це зъ тобою?

Юрко.

Осьдечкы вона смерть моя, вже передъ моими очыма стоить!..

Диброва.

Смерть?.. Що це ты?..

Юрко.

Не счувсь и не зоглянувся я, якъ погыбель вхопыла мене за горло!..

Диброва.

Чы ты не стерявся часомъ?

Юрко.

Охъ, краще бъ я стерявся, щобъ разомъ позбутысь всего и все забыты!

Диброва.

Ховаеся зъ чымъ видъ мене?

Юрко.

Сховаюсь видъ людей, а чы сховаюсь видъ Бога? (*Домае руки*). А-а!.. Та на мылость же Божу, рады усего найсвятйшого, покажитъ мени людину юныхъ литъ, зъ палкимъ серцемъ, зъ чулою душею, людину, котра, уздрившы вабливу

красу дивочу, почувшы ридну душу, щобъ не закохалася на выкы, до забуття,—не вважачу, на те, чы ривня та краса ему, чы ни? Покажить, благаю васъ, таку мени людыну и тоди я всевитній злочынецъ, харцызь, песыголовець!..

Диврова (*жахнувся*).

Такъ ось воно що? А я жъ тебе скільки разивъ допытувавъ, скільки разивъ остерегавъ?

Юрко.

Яка сыла на свити може остерегты сердце?

Диврова (*оглянувся*).

И вона тебе коха?

Юрко.

О, колы-бъ ни, було-бъ пивъ горя! Колы бъ не кохала, чы стала бъ матирью?

Диврова.

Якъ? Що таке?!..

Юрко.

Сегодня породыла сына!

Диврова.

Ой!.. Та це жъ... Що жъ оце таке?

Юрко.

Смерть моя, кажу жъ вамъ, погыбель!.. Якъ бачыте, я стою на краю прирвы: назадъ ходу нема, прыходытця плыгаты у бескету!..

Диврова.

Правда, що остаецця одне: свить за очи?

Юрко.

Я й пишовъ бувъ та, якъ бачыте, вернувся!..

Диврова.

Треба жъ якось рятуватись? Ахъ ты жъ бидолага, бидолага!..

Юрко.

Памьятаете ще той ментъ, якъ гравъ я зъ нею серенаду Шуберта? Памьятаете, выйшовъ я тоди зъ хоромивъ, мовъ пьяный, мовъ зачарованный!..

Диврова.

Такъ, такъ!..

Юрко.

Видтоти ще почалось. Якъ тилькы зустрився у перше зъ ии поглядомъ, якъ тилькы почувъ у перше ии промову, то мовъ заморокомъ мене оповыло, мовъ выхремъ закрутыло... Видтоди очи мои скризь шукалы тилькы ии одну, тилькы ии одну вони скризь бачылы, тилькы ии одну хотылы бачыты; вона одна заступыла мени весь ридъ и весь мырь... Думкы про неи заволодылы всею моею истотою!.. Якъсь разъ, писля сумной безсонной ночи, пишовъ я ранкомъ въ садъ и ставъ пробиратись въ гущыну, щобъ десь далеко видъ людськихъ очей повыснуты на котрй гыляци... Звернувшы зъ стежки въ кущи, почувъ я, що хтось голосно вымовывъ мое имня. Я зразу пизнавъ той дорогой, незабутній поклыкъ!.. Чую, клыче у друге. Обернувся я и весь затремтивъ, вона, якъ янголь, стояла передо мною и такъ ласкаво та хороше дывылась мени въ вичи... А дали забалакала до мене та такъ прывитно та чуло, не мовъ ридна маты... Почала потимъ роспытуваты про отця, про неньку, про ридъ... Колы довидалась, що батько мий померъ, промовыла: „а въ мене мама померла“. И такъ же чуло промовыла, що раптомъ очи мои залылысь слызмы и я, рыдаючи, упавъ передъ нею на вклошкы... Вона пидвела мене, вытерла

мон очн своєю хусточкою и почала заспокоювати... Через невелику годину сказала: „пора до дому“. Мени звелила зостатись и пристояти трохи, щоб хто не постеригъ... Ось вамъ початокъ моеи смерты, а край вы знаете. Теперъ вы бачыте який стоить передъ вами вродокъ, бузувирь!.. Никчемный пиднижокъ, негідный рабъ, червякъ мерзенный—видважывся закохатись у панну и самъ вподобався панни!.. Але на вищо жь Господь давъ цему рабови таке жь палке, таке жь чуле серце, якъ и вильній людныи?..

Диброва.

„На вищо?“ ... Вика, друже, мынають, якъ люде, здіймаючи руки до неба, пытають: „на вищо и за вищо? За чьи грихи й провны?“... А видповидь, якъ кажуть: „въ хмари гуде та на землю не йде!“

Юрко (*махнувъ рукою*).

„Симъ бидь—одинъ одвить“. Що-жь, нехай панъ приздыть, я волю прийняты найтяжчу кару; я того заслужывъ и я мушу самъ у всимъ признатись!.. Такъ прямо и скажу: пане! хотили вы выхаваты зъ вашого пидданка, щось надзвычайне; пророкували, що колысь той пидданокъ своимъ музыкальнымъ таланомъ дывуватыме мырь и тимъ надасть вамъ пыхы, але вы помилылись. Пидданокъ вашъ здыуе васъ нечуваннымъ злочынтвомъ, винъ ужалыть васъ въ самисеньке серце!..

Диброва.

Цыть, ты здуривъ, ошаливъ!.. А про панну забувъ? Про ии соромъ тоби байдуже?

Юрко.

О, Боже мій!.. Такъ, такъ, я ошаливъ, я збожевиливъ!.. Та радьте жь, радьте, що мени подяты?..

Я ва 11-я.

Ти жь и Дося.

Дося.

Юрку! Иды, тебе панночка клычуть.

Юрко.

Справди?.. (*Зрадивъ*). То я ии ще побачу?.. (*Хутко пишовъ*).

Дирбова (*самъ*).

Винъ мене надто стревоживъ!... А що жь я ему поражу?.. Охъ, горе, горе, глыбоке ты, якъ море и тимъ таке не-нажерльыв!.. Треба щось вдяты?.. (*Пишовъ въ доможъ*).

Я ва 12-я.

Сохвія (*идучы зъ саду*).

Мокрына божилась, що панночка вже маты, але дытны такъ такы мы й не побачылы, певно Репыха выхове!.. Такъ ондечкы де вси думкы Юркови, а я, дурна марила?. Не судылось зазнаты мени щастя, мабуть мене маты проплакала!

Я ва 13-я.

Сохвія и Вартоломей.

Вартоломей.

А, здрастуйте, якъ здоровлячко? Чы ще пидскакуете, скажемъ, Сохвие, ще й Мыколаевно?.. (*До хлопцивъ*). Гетьте, по своихъ мисцяхъ! (*Хлопци пишлы*).

Сохвія (*до Вартоломея*).

Я маю до васъ пыльне дило.

Вартоломей.

А я до васъ. Выходыть дило на дило, якъ шапка на голову!.. Ге-ге-ге!..

Сохвія.

Колы пана сподиваютьця до дому?

Вартоломей.

Ага, скучылы?

Сохвія.

Ще бь не скучыла? За кымъ же менѣ й скучать бильше?..

Вартоломей.

Тошно и хорменно, по всій правыли... Ачь, и по всій вашій лыци такъ и выдко, якъ те скучанне, неначе пасмамы по телесахъ розповзлося: и сюды и туды... Але, на мои очи, вы видь скучання покращала, велька втѣха буде панови, якъ побачать васъ отакою...

Сохвія.

А може вони знайшли соби тамъ кращу?

Вартоломей.

Де, у загрыныци? Та въ свити нема такой, якъ вы! Вы, сказать, прямо перво-сортня фыгура!.. Слушайте, Сохвію, скажемо, ще й Мыколаевно! Якъ пань прыідутъ, будь ласка, попрохайте у ныхъ, щобъ подарували мени дубочкивъ десятка зо два, на сволокы, до новои хаты. Скажить, що, мовлявъ, Вартоломей такъ стараецця, такъ стараецця!.. Ябъ вони те перь до васъ палають, то все за для васъ зроблють?..

Сохвія.

А якъ я не зумію выпрохаты?

Вартоломей.

Хто, вы? Якъ вы не зуміете, то хто жь у насъ зуміе? Управляющий ще въ субботу видобравъ лыста, що пань мають тужь-тужь прыбуты; на мою думку,

якъ не сегодня, то завтра въ ранци прыбудуть.

Сохвія.

Невже? Це правда? Хотила бь я поіхаты имъ на зустричь?

Вартоломей.

Та невже? Отъ ловко вы прыдумалы!.. Ідьте, ей Богу, ідьте?.. Ондечкы якъ разь кони запрягають, котри ідутъ на пидставу панови, заразь и ідьте. Не забудьте жь про дубкы. Скажить: такъ Вартоломей стараецця, такъ стараецця!..

Сохвія.

Такъ я поіду. (*Иде до конюшни*).

Вартоломей.

Стійте, не такъ! Давайте руку! (*Сохвія дае*). И другу. (*Худто цилуе їй руки*). Ось якъ треба!

Сохвія (*вырыва руки*).

Що це вы, дядьку, зь якои речи?.. Не треба! Де жь такы?

Вартоломей.

А я кажу, що треба. Скажете, що я не почитую васъ? Я цилую ручку тилькы панови нашому, попови та попади, якъ и бухветчкь нашъ; и, якъ бачыте, ще й вамъ... Ну, й краса жь вы, прямо малевана-пысана!..

Сохвія (*усмихаецця*).

Годи вамъ умызгатысь...

Вартоломей.

Глядять же, попрохайте за дубкы. Скажить: такъ Вартоломей стараецця, такъ стараецця...

Сохвія.

Скажу, скажу. (*Пшла*).

Вартоломей.

Якъ прыдыввся я до неи гарненько, такъ вона зовсимъ выходить дивка хвасоньста!.. Мовлявъ. хочъ кому оскомыну зибье!..

Я в а 14-я.

Якивъ и Вартоломей.

Якивъ.

Слухай ты, котолупе! На вищо ото ты, Степанового хлопчыну, Хведьку, такъ одшмагавъ, що ажъ кровь позакипала?

Вартоломей.

За дило. Ежели когда загадано тоби яку службу, такъ ты сповняй ии по всій хворменій правыли.

Якивъ.

И тоби не грихъ оттакъ знущатысь?

Вартоломей.

Ты мени не пипъ и не дякъ, той не не тоби я сповидатумусъ.

Якивъ.

Воно жъ дытя ще. А колыбъ твого хлопця такъ сполусуваты?

Вартоломей.

Чого ты опе уідаеся?

Якивъ.

Такъ спысавъ, що й прысеты хлопцеъ не може.

Вартоломей.

Нехай телятъ не пуска въ шкоду.

Якивъ.

Не одынъ же винъ пасе, ихъ тамъ ажъ трое. Такъ тимъ двомъ ничого, а все на одному окошылось?

Вартоломей.

Мени николы розбираты хто зъ нихъ бильшь вынень, я видшмагавъ того, на котрого моя думка впала, котрого першого мое око постерегло, той и вынень.

Якивъ.

Але жъ панъ не дозволювъ тоби такъ катувать.

Вартоломей.

А ты спытай пана, якъ прыде, чы дозволювъ?

Якивъ.

И спытаю!

Вартоломей.

Спытай, спытай! Може звелать мени спысаты той опытъ на твой спыни?

Якивъ.

Нехай звелать, не первына.

Вартоломей.

Охъ, и постараюся жъ спысаты, я вже добре настальвъ на тебе зубы!

Якивъ.

Гей, Вартоломею, людоіде! Забруднивъ ты душу твою кривдою великою, схаменысь чоловиче, бо буде тоби лыхо!..

Вартоломей.

Що ты мене полохаешъ? Що ты почавъ мени кахвесты чытать? Геть!..

Якивъ.

Ховатымешъ ты колысь видъ людей очи!...

Вартоломей.

Я панськый наказъ сповняю, по всій хворменій правыли! Ты мене волею по-

лохаешъ? Не буде воли!.. Чуешъ? Та скорищъ у мене на долони волоссе выросте, нижъ воля буде!..

Якивъ.

Згадаю я тоби тоди вси смугы, котри ты позначывъ на моимъ тили, воны у мене вси перелечени и закарбовани; поставлю я ихъ тоби передъ очыма, якъ свичкы!

Вартоломей.

Мени на все оте, що ты белькочешъ, наплювать! Отъ ыродъ, прычепывся. И колы ты, сатано, дійдешъ до розуму?

Якивъ.

Якъ що до такого якъ у тебе, то не варта й доходитъ...

Вартоломей.

А якый же у мене розумъ?

Якивъ.

Базарный—сегодня такый, завтра инчий.

Вартоломей.

Мелы бисе, чортъ тебе второпа... Та другой бы на твоему мисъдеви, бувшы такимъ майстромъ, що й чоботы пошыешъ и ботыкы та ще трохы й грамоты утнешъ, такъ винъ онъ якъ старався-бъ доголыты панови... Скильки разивъ и панъ казали: „колы-бъ Яшка не пьянствувавъ та не грубиянствувавъ, то я его озолотывъ-бъ!“..

Якивъ.

Нехай тебе панъ озолотить, хочъ до половины, а дали посеребритъ, ловкый выйде болванъ!

Вартоломей.

Самъ ты болванъ! Правдывый сатана, ыдолъ!.. Тьфу! (Пишовъ).

Якивъ.

И якъ земля тилькы держыть цего гаспеда?.. (Пишовъ у другой бикъ).

Я в а 15-я.

Юрко (идучы зъ хоромивъ).

Сердешна Орыся, якъ тинь!.. Каже, щобъ я швыдчъ ишовъ зъ села, а куды я пиду? Краще бъ я загнувъ оттуть, биля нен!.. Та куды жъ мени прямувать? Цилкомъ замороченый я!..

Диврова (у вики).

Юрку, я тебе жду!

Юрко.

Га? Хто мене?.. А це вы, Петро Петровычу? (Пишовъ въ домокъ).

Я в а 16-я.

Вартоломей (выходе зъ людської, зъ полумыскомъ и ложкою).

Оце такъ галушечкы. Тутъ, льбонь, истыметця ще смачнищъ, нижъ у хати; тутъ, сказать, и воздухи и не выдаютця, мухы. (Исть). У литку николы не зысы до путя въ хати, на двори краще истця. (Исть). Чы далеко жъ то Сонька зустрине пана? Колыбъ вона выпрохала у пана дубкы. Куховарко! А всыпъ мени ще.

Я в а 17-я.

Мокрына (выходе зъ людської).

Не вже ще истымете? Пятыи полумысокъ? (Пишла).

Вартоломей.

Хто багато робе, той багато и истъ. Всыпъ, всыпъ. А юшка яка смашна, що ажъ ложку хочетця облизать. Ба такы й облыжу. (Лыже ложку).

Я в а 18-я.

Яківъ, Вартоломей, потимъ Прохоръ.

Яківъ.

Ты мытець и ложки лызаты, а я думавъ, що тилькы тарилкы?

Вартоломей.

Чого прилизъ? Дай, рады Бога, хочъ поісты до путя.

Яківъ.

А хйба мени не треба вечеряты? Трискай, трискай!...

Прохоръ (*подає Вартоломееви пляшку*).

Пожалуйте.

Вартоломей.

Справный ты, Прохоре! Тебе бь тилькы за горилкою й посылаты.

Прохоръ.

Ге, що вы думаете? Горилка це найкращый кинь, безъ батога везе!..

Вартоломей (*выпивъ*).

На жь и тоби чарку. (*Дав*).

Прохоръ.

Горилыця-мученыця! (*Выпивъ*). Нистеметна жывыця, такъ все въ середини й зворушыла! (*Почына істы*).

Вартоломей (*до Якова*).

Може й тебе почаствувать?

Яківъ (*сплевуе*).

Не частувавъ раниць, не частува-
тымешъ и до вику.

Вартоломей.

Не вже не диджусь такон честы?

Яківъ.

Щобъ ты знавъ.

Вартоломей (*пидносе*).

Та ну вже, пий!

Прохоръ.

Пий-бо, Якове! И чого бь ото я ку-
ражывся?

Вартоломей.

Пий, кажу! Та ну жь?..

Яківъ.

Колы такъ прыльпаешъ, то давай, я
самъ себе почастую!

Вартоломей.

Ни, пий зь моихъ рукъ.

Яківъ.

Не пытому!

Прохоръ.

И ненавидю я, колы людына почне
пышатись, мовъ свыня на мотузци!..

Вартоломей.

Ну, на, почастуйся самъ.

Яківъ.

Будьмо здорови! (*Взявъ пляшку и
вылива зь неи горилку до долу*).

Прохоръ.

Глянь, сказывся чоловникъ!

Вартоломей.

Виддай сюды!

Прохоръ.

Дай краще я выпью! Грихъ розли-
вать, горилка вона жь зь хлиба свя-
того!..

Якивъ (*виддає пляшку*).

На, вылыжы поденкы.

Прохоръ (*бере пляшку*).

Першъ, Якове, я тебе мавъ за розумного, ажъ бачу ты адієть!... Пысаныи адієть!..

Якивъ.

Бачывъ, Вартоломею, який я? (*Пишовъ*).

Вартоломей.

По всій хворменій правыли марзавець!...

Прохоръ.

Ось трошки въ ямку набигло. (*Припада и пье*).

Вартоломей.

Ну й ты свиньяка, зъ калюжи прямо хлебчешъ?..

Прохоръ.

Воно ничего... Земля свята, а морду можна обмыть, на вищо жъ добро пропадатиме? Отъ и шабашъ. А теперь пиду вмыюсь. (*Пишовъ*).

Вартоломей.

Яки е люде ненажерлыви!.. Куховарко! А всыпъ мени ще галушокъ. (*Мокрына взяла мыску*). Неначе й наився, а ще кортыть. (*Мокрына подає*). Ловка страва галушкы!.. (*Мокрына пишла*).

Я в а 19-я.

Юрко и Диброва.

Диброва.

Ховай же краще документъ и зъ Богомъ въ путь. Теперь ты вже не Юрко, а отставный губернский регистраторъ, Петро Петровычъ Диброва. Тилькы не забудь

казаты, що тоби 25 годивъ. Цыфру чотыри я переправывъ на два, а пять ни якъ не переправышь, на едыныцю, або й на тры.

Юрко.

То це приходытця брехнею жыть?

Диброва.

А що жъ: „не можна черезъ тынь, лизь по пидъ тыпъ“. Мени документа не треба, Богъ и безъ него скоро вже мене прийме...

Юрко.

Господъ зъ вами, що це вы кажете?

Диброва.

Правду, хлопче, кажу... Не гай часу, иды... Та грошей даремно не розцвындрюй!

Юрко.

Чымъ я вамъ за вашу ласку виддячу?

Диброва.

Згадаешъ добрымъ словомъ, отъ и виддяка. Якъ дйдешь до чужого села, наймай пидводу до Днипра, а за Днипромъ, въ Херсонщынни та Катеринославщынни, прыстронся десь въ оркестръ и жытымешъ, якъ и люде... Иды...

Юрко.

Прощайте! (*До хоромивъ*). Прощай моя скрухо, моя свята мученыце!..

Вартоломей (*до Юрка*).

А куды ты, Юрку. Зновъ у байбузы?

Юрко (*здригнувъ*).

Вартоломей?

Диброва (*до Вартоломея*).

Оце вже не твоє дило. Я маю право посылаты своихъ ученыкывъ куды схочу. (*Юрко пишовъ*).

Вартоломей.

Та звисно... Я не то що, а...

Диброва.

Ото жь и по розмови!.. (*Пишовъ въ домохъ*).

Вартоломей.

Не хоче капольмейсторъ зо мною прытелювать и проты бухветчыка надчма губу... Ну, та якъ ты до насъ не дуже, то намъ на тебе хочъ и наплювать!... (*Доивъ*). Ажъ ось колы, неначе, вдовольнявся. Куховарко, визьмы посудину. (*Мокрына взяла*). Теперъ хочъ и до дому навилатись, мабутъ, и жынка чогось зварила на вечерю... Доки дійду, воно тамъ у середини утрусытця, такъ іство на іство не завадыть. (*Пишовъ*).

Мокрына (*сама*).

Чортивъ кабанюга, цилисенський день триска та горлянку дере!.. Перемяю худчій посуду та збигаю до Репышиной хаты... (*Пшла въ хату*).

(*Хвилину нема никого на кону*).

Я в а 20-я.

Петро (*верхы взідыть на двиръ*).

Гей, чы чуєте, челядышци й скарбовыки! Мершій сходьтесь, збирайтесь, панъ ідуть, панъ ідуть!... Збирайтесь вси!... (*Чутно дзвинки й бубенчыжы, стукъ колесъ*).

Вартоломей (*бжыть засапаншысь*).

Що тутъ за гвалтъ?

Петро.

Чуєте жь, панъ ідуть!

Вартоломей.

Та певже? Отъ тоби й повечерявъ у друге! (*Крычтъ и метушытця*).

Гей, вы! Чы вси вы на своихъ мисцяхъ?.. Чому бия ворить хвынари не засвичени?.. Я жь казавъ, я жь наказувавъ!.. Що за народъ бузувирный!.. Прохоре, де ты? Забувъ свое дило?.. Хвынари!..

Прохоръ.

Не забувъ, а несподиванно!.. (*Побигъ*).

Вартоломей.

Хай въ хоромахъ свитять свитло!.. Де повари, лакей?.. (*На бикъ*). А бухветчыкъ, льбонъ, у попа въ гостяхъ?.. Треба за нымъ послать... Гей, самувари ставляйте!.. А ну, живо, хутко! Не грывны на васъ, не тюкны, то й вухомъ не поворухнете!.. Тилькы жрать вамъ, та боки видлежуваты. Я жь вамъ казавъ, я жь вамъ наказувавъ!.. Старалыся бы такъ, якъ я що-дня стараюсь!..

Я в а 21-я.

Пидгайный и Вартоломей

Пидгайный (*зъ хоромивъ*).

Гей, Вартоломею!

Вартоломей.

Чы-ба, панъ вже й дома! Тутъ, пане. Здравія жалаемъ! (*Уклонився и поцелувавъ руку*).

Пидгайный.

Порядкуешъ?

Вартоломей.

Такъ тошно! Стараюсь, щобъ все по хворменній какуратности!

Пидгайный.

Де управляющий?

Вартоломей.

Позавчера поіхалы на ярмарокъ, ка-
залы, що якъ не въ неділю, то въ по-
неділокъ вернутця.

Пидгайный.

Въ хазяйстві все благополучно?

Вартоломей.

Слава Господови! Такъ все благопо-
лучно, якъ краще й не треба.

Пидгайный.

А въ дому якъ?

Вартоломей.

По всій хворменій правыли.

Пидгайный.

Гей, нянько! Позвать мени няньку.

Я в а 22-я.

Т и ж ь и нянька.

Нянька.

Я тутъ, ваша мылость. (*Тимъ ча-
сомъ сходятьця двірськи, кланяют-
ця, цилують Пидгайному руку*).

Пидгайный.

Де панна? Невже такъ рано лягла
спаты? Чы може... въ гости куды по-
іхала?

Нянька.

Ни, вони дома.

Я в а 23-я.

Т и ж ь и Диброва.

Диброва (*зъявляетьця на ганку*).

Арыстархъ Рафаиловычъ прыхавъ!..
(*Тремтыть*).

Нянька.

Воны трошки не здужають.

Пидгайный.

Якъ?.. Ну, стара кочерго, ты мени
одвнть дасы за все! Ковальскими кли-
щами звелю тоби останни зубы повысмы-
куваты!..

Я в а 24-я.

Т и ж ь и Орыся.

Орыся (*пересылюе себе*).

А, татусь, зъ щаслывымъ поворо-
томъ... А я гуляла въ саду, чую якыйсь
лементъ...

Пидгайный.

Здрастуй, здрастуй, моя пташко, моя
провынцялочко!.. Якъ же ты тутъ безъ
мене? Чого нечае млява?...

Орыся.

Отъ выгадки!.. Пропасныця трусыла,
теперь кынула... (*Цилуетця*).

Пидгайный.

Щожъ, посылала за ликаремъ?

Орыся.

Ни... Писля трехъ пароксызмивъ пе-
рестала трусуть.

Нянька (*на бикъ*).

Сердешна, ледве на ногахъ стоять!..

Орыся.

Я така рада, що вы прыхалы, що
хочъ и заразъ пишла бъ у танецъ.

Пидгайный.

Справди? (*Цилуе її и голубыть*).
А мени сказали...

Орыся (*тривожно*).

Що?... Хто?...

Пидгайный.

Але жъ я теперь цилкомъ заспокоився... Радію, втихо моя, моя лялечко, що ты не хвора... Та яка жъ ты гарненька. Нянько, скоричь мени чаю!

Нянька (*иде шепочучы*).

Боже, змылуйся надъ нами!

Пидгайный.

Ну, моя провинціалочко... За місяць т.ньцивъ, я за чаемъ хочу послухаты твое гранне... Я багато привизъ тоби новыхъ нотъ...

Орыся.

Гараздъ заграю.

Пидгайный.

Прывизъ тоби ще одну новыну. (*До людей*). Идить по своихъ місцяхъ. (*Люде тишлы*). Мы, серденько, на сблыженни великон реформы.

Орыся.

Я чытала де що...

Пидгайный (*тыхо*).

Мусымо задалегидь зважыты и обмиркуваты ти видносныны въ яки не забаромъ станемо зъ тымы, котрыхъ до цего часу жытте и смерть булы въ нашій владі, въ нашій воли... Треба выробыты такі умовы, котри бь допомоглы намъ, не опынытысь раптомъ въ безвыходнимъ и фальшивимъ становыщи.

Орыся.

Найкраще задалегидь проявыты людскіє и мылосердіє.

Пидгайный.

Такъ, такъ... Гей, Вартоломею!

Вартоломей (*зъявляеця*).

Я тутъ, пане.

Пидгайный.

Тутъ повинна быты у подвирьи Сохвія.

Вартоломей.

Такъ тошно, вони тутъ.

Пидгайный.

Нехай иде геть зъ двору... Ни, посадовы ии въ лехъ!

Вартоломей.

Сохвію, стало быть?.. Мыкола...

Пидгайный.

Я по двичи не загадую!

Вартоломей.

Слухаю, пане. (*На бикъ*). Отъ тоби и дубкы!.. (*Пишовъ*).

Пидгайный.

Та заразъ поклыкаты до мене Юрка.

Диброва (*скрыкнувъ*).

Юрка?.. Ахъ!.. (*Захытався и ставъ*).

Орыся (*зъ лякомъ*).

Боже мій!

Пидгайный.

Що, що такє?

Орыся.

Не знаю... Тамъ, Петро Петровычъ...

Пидгайный.

Що тамъ трапылось?

Прохоръ (*пидбигъ до Дибровы*).

Погане дило, папе. Господынь ка-
польмейсторъ...

Пидгайный (*хутко иде до домка*).

Що зъ вамы, Петро Петровычъ? Роз-
ступитесь, дайте витру... (*Пидійма Диб-
рову зъ Прохоромъ, Орыся и двирьски
навкругы*).

Диброва (*ледве промовля*).

Слава Богу, що диждавъ... Приіхалы...
Жытте мене покидае... Путь пройденъ...
Наставъ финаль... А Юрка... Его я по-
славъ по ликаря, не гнивайтесь...

Пидгайный.

Вы малы на те право, за вищо жъ
гниватись!

Диброва.

Спизнытця ликарь... Арыстархъ Ра-
файловычъ, простить... не догодывъ...

Пидгайный.

Я завжды вамы бувъ задоволенный...

Диброва.

Свить въ очахъ гасне... Де панна
Орыся?.. Не бачу...

Орыся (*пидходе*).

Я тутъ, Петро Петровычъ.

Диброва.

Вповайте на Бога... Арыстархъ Ра-
файловычъ, Юрко... талантъ надзвычай-
ный!.. Рады таланта, Богомъ закльнаю...
Талантъ... (*Помирае*).

Пидгайный.

Перомъ тоби земля не втомный робит-
ныку! Однести же небижчыка въ ким-
нату, та прыберить его въ Божу дорогу.
Вартоломею! Худчий послать до попа,
щобъ ударывъ у дзвинь, по номершому,
дякъ, щобъ заразы ишовъ чытаты псалтыря.
Скажи, щобъ трое день по селу не чутно
було не спививъ, ни таньчивъ, це пре-
ставылась правдыва и щыра душа!...
(*Иде*).

Орыся (*падае батькови на плече*).

Охъ, я слизь здержаты не могу!..

Пидгайный.

Поплачь, поплачь... Винъ стоить того,
щобъ его оплакаты!..

З а в и с а.

Д і я 3 - я.

*Садъ. Зъ правого боку бесидка густо заросла виноградомъ, по середыни
тополева дорижка, зъ ливого боку, на першимъ плану, прыччлохъ панського
будынку. Внызу, у пидвальнымъ этажи, невеличке вконце, зъ залызымы
гратками.*

Я в а 1 - я.

Сохвія, Палажка и хлопецъ.

Сохвія (*у вилни*).

Бигай та скажи мойй сестри Прысьци,
що я вже четвертый день сыжу въ леху
замкнена.

Хлопецъ.

Заразы побижу. (*Побигъ*).

Сохвія.

Невже Мокрына мени набрехала про
панночку? За вищо жъ вона пидвела

мене пидъ панській гнивь? Пиды, роспытай ии, Палазю!

Палажка.

Не пиду. Годи вже тоби зъ мене дурочку строити, не пиду!

Сохвія.

Кажу жъ тоби, що такъ любо панъ зо мною розмовлявъ, якъ зустріла его на великимъ шляху, такъ щильно прыгортавъ, цилувавъ, мылувавъ!... А теперъ мене закинуто въ лехъ, якъ злодійку, або душогубку!..

Палажка.

Ось до речи Якивъ иде, его попрохай; а мене бильшь и не клычь до себе, не згожусь я тоби ни на яку послугу, бо боюсь!.. Прощай! (*Побигла*).

Я в а 2 - а.

Якивъ и Сохвія.

Якивъ (*пидходе до вкна*).

Сыдышь. пташко-кинарко? А чому жъ голосно не поешь?.. Мене те жъ позавчора посадовылы, потимъ ослобонылы. Ослобонылы и не были, отъ такъ штука!.. Вартоломей и лозы намочывъ и зубамы скрипывъ... Щожъ воно оце означа, що завжды были, а теперъ не бють? Загадка та ще й не проста! А тебе за вищо держать?

Сохвія.

Не знаю, мени зовсимъ не втямки!..

Якивъ.

А я тоби скажу за вищо. Панська ласка до порога, розуміеш? Сегодня ты любя, а завтра геть зъ очей!... А каполь-мейстера вчора поховалы,—чула? Пивчи спивалы, музыкы гралы... Вен byly зо-

дигнони въ чорне, въ брузументы... Сумно, такъ сумно було!.. Пивчи и музыкы плакалы, зъ двирськихъ де-хто тежъ плакавъ... А спытай чого вони плачуть? Ничае, на цимъ свити краще, чы що? Я не плакавъ, не змигъ... Ще видтоди, якъ виддалы мене въ обученіе у городъ, такъ ще видтоди выбыто зъ мене вси слезы. Дома я бувъ у матери одынчыкъ, пестованый, а хазяинъ попався мени катюга!.. Охъ, сколько винъ сылы зъ мене взявъ. ажъ страшно згадать!.. Мене двичи зъ петли выратовувалы... Такъ одынъ пидмастерій мене навчывъ, каже: „выпный Яшка и не буде такъ бійка дошкулять“. Съ того разу я почавъ пьть, зъ чотырнадцаты лить пью... Чымъ бильшь мене хазяинъ бывъ, тымъ бильшь я пывъ. Вернувся зъ обучения и думавъ покинуты горилку. ажъ и тутъ мене зразу за грубиянство выхворостылы та такъ, що зъ мисяць прокачався... Видтоди я що дня заливаю за галстукъ. Давно заливаю, мене бють. деруть, а я заливаю за галстукъ!... А теперъ ни вчора, ни позавчора мене не были,—правда, загадка?

Сохвія.

А панъ вчора бувъ на кладовыщи?

Якивъ.

Бувъ, такый сумный!.. Все помремъ... И я помру, и панъ помре... Може панъ того й сумовавъ?.. Сумуй не сумуй, а не одвертыся. Ну, я згоденъ хочъ и заразы руки скласты. Нема мени кого покидать. нема за кымъ и жалкувать... И за мною ни хто не пожалкуе. Стало быть, кругомъ квыть. Тилькы одна думка ще цікавить мене. Що буде, якъ люде й справди джудутця воли? Пэдуріють, показатця!.. Хотивъ бы я хочъ одынъ день дыхнуты волею, а тоди вже й смерты!..

Сохвія.

Вы чулы про панночкынь грихъ?

Якивъ.

Про який грихъ?

Сохвія.

Невже ничого не чулы?

Якивъ.

Ни!

Сохвія.

А панна не хвора?

Якивъ.

Здоровисенька, сегодня ии бачывъ. Правда, що вчора на кладовыщи ии не було...

Сохвія.

Де заразъ панъ?

Якивъ.

Поіхавъ до когось у гости, ще вчора на ничъ поіхавъ!..

Сохвія.

Якове, зробіть мени одну ласку, я знаю, у васъ щыра душа!..

Якивъ.

Горе мени зъ тією душею. Отъ колыбъ мени Вартоломеева душа.

Сохвія.

Зробіть мени ласку?

Якивъ.

Зроблю, дви, або й тры. Кажы яку?

Сохвія.

Мени треба бачыты бабу Репыху. Натэ вамъ ось карбованця, виднеситъ Репыси и скажитъ, щобъ заразъ прыйшла сюды.

Якивъ.

Ты чы не чарувать часомъ задумала пана? Я не згоджусь на такую послугу. Правдою все зроблю, а брехнею-ни! Мій вхваль такой: „по правды роботы, по правды й очи вылизутъ“.

Сохвія.

Бороны мене Боже чаруваты!.. Ни, мени треба правды довидатысь про одне дило.

Якивъ.

Гляды жъ, не обдуры мене. Пиду и заразъ прытаскаю тоби Репыху. Слухай, Сохвіе!.. Ты може хочешъ втекты, такъ я тоби и безъ бабы дамъ пораду: сокыра, або терпугъ и на воли!..

Сохвія.

Эпершу мени треба зъ бабою порадытысь.

Якивъ.

Якъ знаешъ. А я тоби и шляхъ покажу, куды и якъ втикаты. Ну, пиду по бабу. *(Взявъ карбованця и пишовъ).*

Я ва 3-а.

Дося *(иде черезъ садъ).*

Що це й досы не выдко Репыхы? Видколы панночка ии дожыдають... Може дытя заслабло?.. Якъ на голкахъ мы зъ нянькою день и ничъ. И колы цему край буде?

Сохвія.

Здрастуй, Дося!

Дося:

Цуръ тоби, якъ злякала!

Сохвія.

Пидійды блыжче.

Дося.

Щобъ хто побачывъ?

Сохвія.

Боисся?

Дося.

Кого?

Сохвія.

Вартоломея.

Дося.

Ну, це ще хто его зна, хто тутъ старшій,—чы Вартоломей. чы мои дядё, бухветчыкъ?

Сохвія.

Чы вже панъ довидався про панночкынь грихъ?

Дося.

Про якый грихъ? Слухай, Сохвіе! Я тоби не титка Мокрына, отъ що. У мене языкъ коротчый! Може бувъ грихъ, а теперъ его нема!

Сохвія.

Хиба панночка задавила дытynu?

Дося.

Пыпотъ тоби на языка, бешыха тоби на мордяку!.. Ачъ, зъ якого краю забигла!.. (*Хутко пишла*).

Сохвія.

Ага!.. Е грихъ, е!..

Я в а 4-я.

Вартоломей и Сохвія.

Вартоломей.

Такъ онъ яка новына: Юрко втикъ? Я такы завжды, якъ гляну було на него,

заразъ такъ и подумаю: втече! И отъ на мое й вышло.

Сохвія.

Вартоломею.

Вартоломей.

А дали якъ? (*Одвертається*).

Сохвія.

Це вы такъ зо мною поводитесь?

Вартоломей.

А ты жъ хто така? (*Дивиться*). А, я й не признавъ вашого свынятельства, выбачайте!.. (*Кланяється*). Така примитна парсона, а я й шапки не знявъ... Ще разъ выбачайте!

Сохвія.

Отакои чести диждалась!

Вартоломей.

Кому честь, а кому й по потылицы. Я й руки цилувавъ, а вона онъ якъ мѣни виддячыла!.. Що ты таке панови наплела, що вони тебе зненавидылы?... И я теперъ тебе тежъ ненавидю!.. А дубки выпрохала? Я тоби дубкивъ по викъ не забуду!...

Сохвія.

Воно, мабуть, и завжды такъ, що пры лыхій годыни и прыятели стають ворогами?...

Вартоломей.

Ну, ну, ты мени такого не кажи!... Докы ты була полюбовныцею, доты я тебе й почитувавъ; а теперъ, якъ ты панови спротывылась, то й я тобою гыдую, по всій хворменій правылы гыдую!... Ось пострывай, завтра мы тебе зодягнемо у пистреву спидныцю та въ лычаки; обмажемо косу смолою, ще й перьямъ попры-

сыпымо, якъ колысь Прысьци, та й гайда на хутирѣ гндычать та гусой доглядаты!..

Сохвія.

Та швидчѣ удавлюсь, ніжъ дамся на знущене!.. Не диждете!..

Вартоломей.

Побачымо. Будуть тоби не разъ дубкы гыкатысь!.. (Пишовъ).

Сохвія.

О, шроде, выпортку чортачый!..

Я в а б - а.

Яквивъ, згодомъ Репыха.

Яквивъ.

Сохвіе, плачешъ?

Сохвія.

Не до плачу мени. Де баба Репыха?

Яквивъ.

А я, Сохвіе, выпывъ... Осьдечкы и видьма повзе.

Репыха (*надходе*).

Самъ ты видьмакъ.

Яквивъ.

Дывы, дывы, якъ очи вырѣчыла!... Хочешъ мене стрискать? Чортового батька вгрызешъ!..

Репыха.

Скаженимъ бувъ змалку, такимъ зоставсь и до останку.

Яквивъ.

Гадюка миняе шкуру, а я не гадючого кодла... Пиду бунтовать!.. Бый

шкуру барабанную, на те вона й шкура! Пидмочуй та дужчѣ выколочуй!... (Пишовъ).

Репыха (*Сохвіи*).

Це жѣ за вицо на тебе напасть? Була полюбовницею, теперъ стала колодницею?..

Сохвія.

Лыхо не по деревахъ ходыть, а по людяхъ... Рятуйте мене, бабуся!..

Репыха.

У чимъ же ты провныла?

Сохвія.

Скажете вы мени правду?

Репыха.

Чы людську правду, чы Божу? У котрій хати правда стоить за порогомъ, тамъ ий и на языци нема мисця.. Божу жѣ правду кажуть тилькы одному Богови...

Сохвія.

Мени вы скажете правду?

Репыха.

Яку зручно, таку й скажу.

Сохвія.

Скажить мени про панночкынѣ грихъ.

Репыха (*жахнуласть*).

Якый грихъ?

Сохвія.

Де панночкына дытына?

Репыха.

Ты певно збожевилила? Цуръ тоби, пекъ! Тикаты видѣ тебе мерщій!..

Сохвія.

Ага, ховаете очи?.. Мокрыпа казала!

РЕПЫХА.

Бодай Мокрыни послыпыло! Брехня, симсотъ десять-сотъ разъ брехня!..

СОХВІЯ.

Докажу, я на всихъ докажу, не выхováетесь!

РЕПЫХА.

Навиженна, неприторенна!.. На, тоби твого карбованьця, хай ему врагъ!.. Брехня, симсотъ десять-сотъ разъ брехня! (*Вынула въ вѣкно гроши и пишла*).

СОХВІЯ.

Е, е грихъ, я певна въ тимъ!... Треба швидчъ вызволытись зъ леху!..

Я в а 8 - а.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*подає въ вѣкно Сохвіи пирога*).

На! Сестра прислала тоби пирога, тилькы никому не кажи, що я принисъ, чуешь?

СОХВІЯ.

Дядьку, Прохоре! Чы памятаете вы, що я була до васъ доброу?

ПРОХОРЪ.

Памятаю и николы не забуду. Добра я николы не забувавъ. Ты завжды мене частувала... молодця!

СОХВІЯ.

Я дамъ вамъ пять карбованьцивъ, ось, нате карбованьця на завдатокъ. (*Дає*).

Прохоръ (*дывитьця на гроши*).

Справди карбованецъ!..

СОХВІЯ.

Допоможить мени утекты звидцы.

ПРОХОРЪ.

Хи!.. (*Ажъ присивъ зо страху*). Втекты? Таке страшне кажешъ... Пять карбованьцивъ дасы?

СОХВІЯ.

Принесить мени сокыру, або терпуга.

ПРОХОРЪ.

Я принесу сокыру, або терпуга, ты вызволыся; а потимъ якъ тебе ушймають—выкажешъ на мене?

СОХВІЯ.

Щобъ я не диждала святого прычастя, щобъ мене земля не прыняла, колы выкажу!..

ПРОХОРЪ.

Дасы, кажешъ, ще пять карбованьцивъ, чы зъ оцымъ пять?

СОХВІЯ.

Дамъ шість ще!..

ПРОХОРЪ.

Ого! Колы такъ, стій!.. Я заразъ принесу сокыру и терпуга!.. Та якъ же ты втечешъ? Я цилый вѣкъ збираюся у бига и вже скилькы разивъ зовсимъ бувъ зибрався, а отъ ни разу не втикъ... Якъ люде втикалы, такъ и мене що разу пидмовлялы, а я такы не втикъ... А разъ умовылы такы и я зайшовъ зъ ними ажъ за село... Колы це раптомъ, веначе що поперебивало мени ноги, ей-ой!... Не могу зъ мисьця ступыты!.. Чы не штука, скажешъ? Упавъ на шляхъ та й кажу: що хочте робить зо мною, а я дали не пиду. Вони вылаялы мене гарненько, ще й быть хотылы, та не було часу... Люде пишылы, а я полежавъ-полежавъ на шляху, та якъ схоплюсь, якъ дремену назадъ въ село!.. Отаке бува зъ людною!.. Гляды жъ, симъ цилковыхъ!.. (*Пишовъ*).

Сохвія.

Вывольсь и всихъ выведу на свижу воду!.. И Вартоломееви утру носа!..

Я в а 9-а.

Репыха и Орыся (*проходятъ въ бесидку*).

РЕПЫХА.

Кажу жъ вамъ, що такъ и галаснула: „докажу, на всихъ докажу!“

ОРЫСЯ.

Що жъ, нехай доказуе... Не сегодня-завтра выявтыця... Бабусю!.. Якъ тилькы смеркне прынесы мени сына: якъ я его не бачу, то мени выжаетця нибы винъ померъ, або занедужавъ...

РЕПЫХА.

Не бійтесь, живисенькый-здоровисенькый!..

ОРЫСЯ.

Я хочу его бачыты. Зъ учорашнёго вечора не бачыла его и скучыла,—прынесы!..

РЕПЫХА.

Охъ, лыбонь, слидкують вже де-котри!..

ОРЫСЯ.

Що буде, то буде—прынесы! Я не могу такъ довго его не бачыты!..

РЕПЫХА.

Ваша воля... Зустричайте жъ насъ въ киньци дорижкы, на мистку. (*Пшла*).

ОРЫСЯ (*сама*).

Ни, треба все це скинчыты и якъ найскорищъ. Я мушу все выявтыты отце-

ви, нехай судыты мене... Дали терпиты не стача здоровля... Надломыльсь мои сылы, знемоглась я, знервничалась... А де жъ я сыль визьму на боротьбу зъ тимъ, що попереду мене чека?.. Може отецъ вже догадуецця?.. Може и винъ мучытыця?.. О, певно! Учора обмовылся: „якъ бы, каже, була тому правда, що мени про тебе наплелы“... И такъ страшно и жалбно глянувь на мене!... Догадуецця, певно догадуецця!.. Ну щожъ, нехай... Колыбъ Репыха швидчъ прыпесла сына; колы мій сынъ буде зо мною я зразу осылю, и страхъ и соромъ одлынуть видъ думокъ... А що я вчыныла соромлявого, що вдіяла страшного?... Хйба серцемъ любыты грхъ, хйба серцемъ любыты соромъ?.. Ни, я не боюсь, бо я не преступна... Що покохала я неривню, то хйба въ тимъ мій соромъ, хйба въ тимъ мій и грхъ?.. Чый судъ справедлывищій, и чыего суда я повинна страшытыся—людського, чы Божого? Я жъ не задавыла моен дытыны и не струила, не видреклась я видъ неи и не выкынула въ прирву, якъ слипе щеня!.. И Бога я тимъ не прогнывила!.. А людський судъ?.. Нехай люде судяты мене, нехай отецъ судыты,—Богъ за мене!.. Ухылятыся и выховуватыся дали нема змогы!.. Я повинна швидчъ прызнатыся, щобъ жыты вкупи зъ сыномъ, рады сына!.. Ще е у мене тяжкый обовязокъ: я мушу Юрка обороныты видъ отця, бо надъ нымъ отецъ може проявыты свою владу въ страшенній сылы!.. Ось що страшыты мене и я, не мовъ падаю духомъ... А може отецъ пожаліе мене, пожаліе мого сына, може змылуецця и надъ Юркомъ?.. Я жъ одна у отця!.. Одна!.. (*Заплакала*). Охъ, таточку жъ мій риднесенькый, пожалій же свою безшасну едынчку!.. Де жъ ты барыся? Прыбувай же мерщій до домоньку, пожалій ты свою доненьку!..

Я в а 10-а.**Дося и Орыся.**

Дося (*выбигає зь хоромивз*).

Панночко! Панъ прыхалы зь гостей и таки сердыти. Мабуть багато грошей програлы?..

Орыся.

Прыхалы?.. Досю, стій! На вицо ты поросказувала людымъ? Не добра ты!..

Дося.

Я жъ тилькы Мокрыни...

Орыся.

Не хороше ты зробила!..

Дося.

Воны жъ мени титка!..

Орыся.

Не хороше, не хороше! (*Прислухаетця*). Таткивъ голосъ... (*На бикъ*). Чы теперь признатись, чы згодомъ? (*До Доси*). Досю! Бижи до бабы Репыхы, скажи, щобъ швидчъ несла мени сына!..

Дося.

Ще рано, постережуть... Нехай, якъ смеркне!..

Орыся.

Ни, пора! Ходимъ до мистка, може вже вона несе? (*Пшлы*).

Я в а 11-а.**Пидгайный и Вартоломей.**

Пидгайный (*на балконн*).

Такъ въ городи Юрка нема?

Вартоломей.

Нема!.. Я завжды думавъ що Юрко неодминно втече, було гляну на него, тай кажу соби: втече!..

Пидгайный.

Не повинно-бъ?.. Г-мъ. (*Помовчавъ*). А ты набрежавъ мени, що въ хазяйствн все благополучно.

Вартоломей.

Якъ? Благополучно, именно благополучно по всій хорми и какуратно...

Пидгайный.

Тадже виль рябий здохъ?

Вартоломей.

Тошно, що одійшовъ... И Богъ его зна зъ чого винъ: чы павука зывъ, чы такон росы вхопивъ?..

Пидгайный.

И лошыця, що одъ каплаухон?

Вартоломей.

Тошно... росчыхнулась... Ожеледа, пидскобзнулась... Куповалы цыгане, давалы девять карбованьцивъ, такъ управляющій не продаль.

Пидгайный.

А лошакъ видъ буланон?

Вартоломей.

Лошакъ?.. То вже, звисно... Проты него чоловикъ сылы ни которон... Ежели не злюбыть, зведе усяку товарыну, хорменно зведе.

Пидгайный.

Що ты варнякаешъ?

Вартоломей.

Це вже кого завгодно спытайте. На те винъ хазяинъ.

Пидгайный.

Якый хазяинъ?

Вартоломей.

Домовый, стало быть. Сказать, прямо не злюбывъ лошака и затыривъ его у ясла... Я скильки разивъ казавъ управляющому: убийте, кажу, пожалуста, сороку. Высила-бъ на бантыни сорока, не посмивъ-бы...

Пидгайный.

Про яку ты мени сороку торочышь, чортова ты ворона?

Вартоломей.

Та я хочъ и заприсягну!.. Не прыступе тоди, ни за що не прыступе, якъ сорока выситыме на бантыни.

Пидгайный.

Не мишало-бъ тебе повисыты на бантыни, щобъ трохы одтухъ!..

Вартоломей.

Я старався, ночей не досыпавъ, хлеба не доідавъ...

Я в а 12 - а.

Ти жъ и Якивъ.

Якивъ (за лаштунками).

Бый кожухъ—буде теплищъ, бый мужыка—буде дурнищъ!.. (Побачывъ Пидгайного). Здравія желаемъ, зъ похмилля помираемъ! Вы панъ наши, а мы пидданки ваши; а колысь прыйде воля и усмихнетьця доля!.. А докы воли нема, пане, велить Вартоломееви спустыть мени кровь, бо бунтуе!.. Бый шкуру барабанную!..

Пидгайный.

Зновъ назюкався?

Вартоломей (тыхо).

Винъ тутъ безъ вашои мылосты, що ддя напывався та все про волю бекавъ... Бунтовавъ!.. Прыкажить всыпать ему 25-ть.

Пидгайный.

Чы не свербыть у тебе спына?

Вартоломей (тыхо).

Винъ бунтаръ. Хорменный!..

Пидгайный.

Мовчы.

Якивъ.

Ваше высокоблагородіе! Кажуть, що Юрко втикъ? И добре зробывъ!.. Це я его навчывъ втикать. Втикай, кажу, и шабашъ!.. Торикъ Дмитро втикъ, Петро каларнытысть,—я й тихъ навчывъ. Втикайте, кажу, хлопци!..

Пидгайный (Вартоломее).

Скажы, щобъ его взяли звидцы!

Якивъ.

И щобъ выхворостылы!

Вартоломей.

Гей, визьмить его! (Два чоловика подбигаютъ до Якова и берутъ его).

Якивъ.

Бый шкуру барабанную! Вартоломее! Я и тебе навчу якъ втекты!.. Барынь! Прыкажыть Вартоломееви, щобъ лозы намочывъ, та видличывъ!..

Пидгайный.

Замкнутъ его зновъ въ лехъ!..

Якивъ.

А быть не треба? Отъ такъ штука: ведуть и не бьютъ! Я такъ не согласенъ!.. (Его повелы). Бый шкуру!.. (Спива):

Куды мене поведете?
 Пидь лотоки.
 А що мени постелете?
 Спнишь осоки!..

Пидгайный (до Вартоломея).

Визьмы двоохъ чоловікивъ и идь шукать Юрка. Тилькы я тоби Вартоломею, забороняю быть его,—чуешъ? Щобъ ты и пальцемъ его не зачепывъ! (*Пишовъ въ хоромы*).

Вартоломей (*здывованно*).

Щобъ и пальцемъ?.. Що воно таке? Лыбонь, це и нашъ панъ и нибы не нашъ?!.. Яшку не звелилы быты, Юрка щобъ и пальцемъ не зачепыты!.. (*Пишовъ дычучысь*).

Я в а 13 - а.

Прохоръ и Сохвія.

Прохоръ (*дае Сохвіи теруга*).

На, вызволяйся! Тилькы памьятай, що висемь карбованьцивъ—чуешъ? (*Пишовъ*).

Сохвія.

Колыбъ швидчъ вже смеркало. (*Почына пылять граткы и прислухытысь*). Охъ, клята неволе, умицны мои сылы, допоможи вызволытысь, а воля настальты мій розумъ и загартуе помсту!.. (*Смеркае. Въ аллеи зъявляютьця Репыха, Орыся и Дося. У Орыси дытына на рукахъ. Дося иде въ хоромы, а Орыся и Репыха въ бесидку*).

Я в а 14 - а.

Репыха и Орыся.

Орыся (*сила у бесидци*).

Мое янголяточко, мое немовляточко!
 О, колыбъ ты змогло промовыты, ты бь

найкраще и пайщырше порадыло твою маму! (*Туле дытыну до сердца*). Охъ, якъ же хороше мени зъ тобою, мій еднчыку!.. Якимъ чаривнымъ тепломъ зогриваєшь ты мене!.. На вицо жъ я, моя дытыно, съ тобою такъ на довго розризняюсь, на вицо виддаю тебе чужымъ людямъ, въ чужу хату?... Чому жъ ты, мій сыночку, мусышь буты не въ свой, а въ чужій хати? Осьдочки жъ и наша хата, а тебе въ ній нема!.. Голубьяточко мое! Тулю тебе до сердца и сердце трипоче, радіе, сповняетця сыламы и надіа-мы!.. Та чы довго жъ я ще крадькома тулытыму тебе до лоня, выховуватыму по закуткахъ таемныхъ?.. Охъ, не сыла жъ моя зъ тобою бильшь розризнитысь!..

Репыха.

Не сыла, та мусыте!..

Орыся.

Та я жъ зтеряюсь безъ тебе, занедужаю, помру, колы ще хочъ на день розризняюсь зъ тобою!.. Та що я за маты буду, колы видъ тебе видречусь? Нехай же иде сюды отецъ, нехай вси идуць, я пры всихъ голосно вымовлю, що ты мій сынъ!

Репыха.

Що-бо вы говорыте? А соромъ, а глумъ?

Орыся.

Я швидчъ переможу соромъ и глумъ, нижъ розлученне зъ моимъ сыномъ!

Репыха.

Розлученне лехче перемогты, нижъ те, що воно й досы не хрещене? Колыбъ его намъ якъ у хрестъ увесты? А то, якъ бороны Боже, обминуть у ночи!

Орыся.

Хто обминуть?

РЕПЫХА.

Не знаете хто? Я цилисенькы noci не сплю та все стережу, всю колысочку хрестыкамы та божкамы обвешала...

ОРЫСЯ.

Я не пойму, про вищо вы кажете?

РЕПЫХА.

Адже розказують, що о тутъ десь не подалечку, та черезъ якийсь тамъ случай, не вспилы дытны охрестыты, все, бачте, видкладалы зо дня на день; ажъ воно й пришло, якъ разъ у пивночи, якъ вси хатни поснулы та й переминыло... У раньци дырляця, ажъ за мисць дытны лежить въ колысци, не мовъ кошени, або не мовъ цуденя, щось таке... А цытьте, що воно? Чуєте, нибы щось стукнуло? (*Прислухаютьця*).

ОРЫСЯ.

То вамъ вчулося!..

Сохвiя (*Вылазитъ кризь вiкно*).

У бесидци панна и Репыха!.. А що то у панны на рукахъ?.. Дытгна!.. (*Шобыла въ хоромы*).

РЕПЫХА.

Давайте вже мени парубка, пора намъ и до дому. Хто его зна, якъ мы й греблю перейдемъ, що вже зовсимъ стемнило, а воно не хрещене!.. У досвита зновъ прийдемо въ гости, а теперъ проведить насъ до мистка.

ОРЫСЯ.

Пождить ще!..

Я в а 15-а.

Ти жъ Пидгайный и Сохвiя.

Сохвiя (*показуе*).

Ондечкы, въ бесидци!

ОРЫСЯ (*побачыла*).

Татко?!..

РЕПЫХА.

Давайте мерщiй дытну!..

ОРЫСЯ.

Пизно вже! (*Репыха зныкае*).

Пидгайный (*до Орыси*).

Такъ тому правда?

СОХВИЯ.

Бачте, пане, що я не сплетныця!..

ОРЫСЯ.

Сохвiе, геть звидцы!.. Межъ батькомъ и дочкою полюбовныця не свидокъ!.. (*Сохвiя зныка*).

Пидгайный.

Такъ ось воно що?

ОРЫСЯ.

Я передъ вами зъ усiєю моею провыною!

Пидгайный.

Такъ ось якъ ты виддячыла за выхование и все пеклуванне! А де жъ герой цего срамотного роману, де винъ? Сховавала? О, хаме, гадыно! Я жъ на тоби помщусь за весь мiй соромъ!..

ОРЫСЯ.

Я одна вынна! Помщайтесь на мени одний!.. Кленусь могылою матери, одна я вынна!

Пидгайный.

Не смiй тревожиты праха твоеи матери твоимъ гыдкимъ вчынкомъ, ты заплямыла его на выкы!

ОРЫСЯ.

За те вы завжды были святы передъ моею мамою, не тилькы пры житти iн, а й пiсля смерти...

Пидгайный.

Ты смієшь мене дорикаты? Геть, зъ очей моихъ?

Орыся.

Вы корыстаєтесь правомъ батька, сы-
лоу державця, чы владоу рабовладильця,
що прогоните мене?..

Пидгайный.

Ты... Ты найлютіиший мій ворогъ!..
(*Вхопывся за голову*).

Орыся.

Вы смилыво такъ ображаєте мене...
Вы потаскухоу мене вельчаєте... А хіба
въ мене нема сылы и права сказаты
вамъ, що то неправда? Ни, е! Богъ моя
сыла и мое право! Вертаю вамъ ваше слово...
Що я непокирлыва, невдячна, своевольна—
все це може й правда, тилькы я не по-
таскуха!.. Я не виддала мои дытны
людямъ, не видреклась видъ неи, не
струила їи и не задавила,—совість моя
свитла передъ Богомъ!..

Пидгайный.

О, краще бь ты неродылася на свить
Божій!..

Орыся.

Про це вамъ зручнищъ знаты!.. Ну,
сыну, жєнуть насъ, ходимъ, пора... (*Ды-
тына почи нахыкать*).

Пидгайный.

А, цей мени пискъ!.. Стій, куды ты?
Ты дытынячимъ плачемъ згвалтуєшь всю
двирню!.. Ничь вже!..

Орыся.

Теперь мени и въ ночи вся шляхы
видни!..

Пидгайный.

Такой соромъ, такой позоръ!..

Орыся.

Не плачь, сыну! Дамо слезамъ волю
якъ опынымость на простори,—межь небомъ
та землю. Прощайте, тату... На выкы!
(*Захыталась и вхопылась за стовпъ,
дытына падає зъ рукъ*).

Пидгайный (*пидхоплює дытыну*).

Божовильна, ты вбєшь дытыну!.. Що
зъ нею? Гей, нянько!.. Нянько, скорій
сюды!..

Я в а 16-а.

Ти жь и нянька.

Нянька.

Я тутъ, ваша милость.

Пидгайный.

Визьмы ось цєго... вылупка!.. (*Даетъ
й дытыну*). Це ты, ты вынна! Це ты
такъ доглядила!.. (*Пиддержує Орысю*).

Нянька. (*взяла дытыну*).

А вжежь що я! Хто жь бильшь и
выненъ, якъ не я? Я була що разу вынна
и за покійну паню, котру выглядила и
выпєстыла... Вы мене й за неи докорялы,
а теперь...

Пидгайный.

Мовчы! Принєсы мерщій воды!.. (*Нянь-
ка побигла и черезъ мить вертаєтця
зъ шклянкою воды*). Вона не дыше!..
Ось до чого своя воля довела!.. (*До
нянькы*). Жыва, дыше!.. Мерщій постылъ
приготуй!

Нянька.

Такъ бы й спочатку... А то хвору,
немощну дытыну, дорикаты почалы... Їи и
такъ сердешній тяжко.

Пидгайный.

Мовчы беззуба!.. Тебе годылось бы
провчыты!.. Доглядила?

Нянька.

Треба жъ вамъ на комусь здієсть зир-
ваты, а то іжа не така смашна буде, то
зирвить на мени...

Пидгайный.

А, замовчы!.. За ликаремъ треба-бъ...
Прыйдетця привселюдно вьявты хатній
соромъ!.. А погы що, за бабкою якою
послаты? Яка у насъ бабка найкраща?

Нянька.

Яка жъ, якъ не Репыха? Найкорыст-
нищи ликы будуть, якъ вы прыголу-
быте ии й пожалієте.

Пидгайный.

Вчы, вчы мене!.. Поможы несты! (*Не-
сутъ Орысю*). О такой каламутъ, о тако
позорыще!.. (*До нянькы*). Ты хочъ ни
кому не розбовтуй!..

Зависа.

Д і я 4 - а.

*Писчаный берегъ Днипра. Кущи, лозы, дали очереты. Въ глыбыни ры-
балський куринь и неводы, блыжче примистъ до порома.*

Я в а 1 - а.

Васылъ и Семень.

Васылъ (*пидплыва до берега*).

Дно, дно, я намацавъ ногою дно, ста-
вай смилыво!..

Семень (*пидплыва*).

Невже переплывлы? Слава Господеви!
(*Выходитъ на берегъ, важко дыха,
дали сида; на ногахъ у него пута*).

Васылъ (*Выходе зъ воды*).

Спочынь, докы я знайду каменюку,
розибьемо кайданы та й заразы дали
майнемъ, бо тутъ довго засыжуватысь не
безпечно. Генъ, генъ тамъ, у плавняхъ спо-
чынемо, та на всю ничъ и дременеми у
Херсонщину. Мени тутъ уси шляхы зна-
еми. (*Шука*).

Семень (*ледве дыха*).

Охъ, якъ сердце стука! На середыни
якъ пидхопыло мене быстрею, я ажъ зля-
кавсь... Думаю: закрутыть, потягне на дно...

тутъ мени жаба и пыть дасть... Почавъ
вже, „отчу нашу“ проказуваты... А що
воно ото за курени?

Васылъ (*несе каменя*).

Рыбалськи! А ну, попрубуемо лань-
цюга, чы мишно загартованый? (*Почына
розбывать*).

Семень.

Може-бъ не тутъ, а дали?... Курени
блызько?..

Васылъ.

Та про межъ рыбалокъ нашего брата
бурлачны сыла; а що въ херсонщыни та
въ бассараби, такъ тамъ однимъ нашимъ
братомъ блатнимъ тилькы й роблять. У
рыбалокъ тилькы ничего не зачепай, такъ
и воны тебе не зачеплять; а пидцупышь
що--бытымуть, доженуть и виддубасять!..
Воны завжды на ничъ, биля куреня, кла-
дуть окраецъ хлиба, а часто й кулишу
зоставляють, щобъ який мандривецъ по-
годувався...

СЕМЕНЬ.

И що воно зъ тымъ човномъ сталося, що винъ розвалився?

ВАСЫЛЬ.

То не човенъ, а душогубка проклята! Лытвынкы кинулы, якъ ничемныцю, а мы поласылись на неи. Доки по течіи пльылы — держалася, а якъ повернули проты воды — зразу и розвалилася. За себе я певенъ бувъ, що вырятуюсь, а за тебе, що ты въ зализахъ, страхъ боявся!..

СЕМЕНЬ.

Ге, я ще змалку здорово пльваю. Якъ бувъ ще за пидпасыча биля панського яливныка, то якъ прыженемъ було яливныкъ на тырло, то я, якъ улизу въ ставокъ, то пльваю ажъ до полудня. Я можу й горилицы, и зъ вымахомъ и бокаса и стовбуна... А що пирнаю, такъ бывало черезъ увесь ставокъ перепирну!...

ВАСЫЛЬ.

А за що це тебе спуталы?

СЕМЕНЬ.

Хотилы у москали запакуваты, а я и втикъ...

ВАСЫЛЬ.

А я, братъ, вже шостый разъ втикаю, пять разивъ втикавъ все весною, а це попробувавъ ще въ осены. Мени дома не сыдытця. (*Розбывъ ланцюгы*). Готово! Иды жъ, ланцюже, къ чортамъ на вырынкы!.. (*Жбурля въ ричку*). Якъ тилькы весною зазеленіе по проталынахъ травця, якъ тилькы защебече жайворинокъ, то такъ мене и занудыть мандривка. Хотилы мене батько оженыты и дивчыну вже посваталы и таку дивчыну окуратну... Завтрабъ намъ до винця іхаты... Ото я й пишовъ у вечери до неи. Сыдымо соби, балакаемо, ажъ чую хтось спива:

Та немає въ свити гиршъ никоМУ,
Якъ бурлаци молодому...

Мене неначе щось невыдыме такъ раптомъ и видсунуло видъ неи. Глянувъ я на дивчыну, нобы вже то не та, а якась друга... Дывывсь, дывывсь я на неи, а дали й кажу: гарна ты дивчына, та не тоби я женышына. Тоди пружогомъ видъ неи. Оглянувся вже якъ наша дзвинця ледве маячила... Оттаке! Пора намъ пидгодуватысь тай мандруваты дали. А де жъ твоя торба?

СЕМЕНЬ.

На жъ тоби, згубывъ! Отъ и пиджывылись пырогамы, що маты дали на дорогу. Певно мотузка перервалася и торба пишла на дно.

ВАСЫЛЬ.

У мене тилькы и е шматокъ цвилого сухаря та ложка. (*Выйма сухарь и ложку*).

СЕМЕНЬ.

Та й у мене зосталыся тилькы ложка то голодный жывить.

ВАСЫЛЬ (*Грызе сухарь*).

А добрячий сухарь, якъ брусь, скилькы мокъ у води и не розмокъ. Мабуть винъ позаторишний? Посербаемо хочъ водыци, за мисць борщу. Ов-ва! (*Маца въ кишени*). И солы нема, а ни дрибка!

СЕМЕНЬ.

Безъ солы не кортитыме пыты и згага не пектыме.

ВАСЫЛЬ.

На жъ и тоби половыну, пиджывысь. (*Перебыва каменемъ сухаря и дае*). Я вже не впершъ такъ обидаю. (*Бере зъ ричкы ложкою воду и заіда сухаремъ*). А правда тутъ смачна вода?

СЕМЕНЪ.

На воли и вода смачнищъ видь борщу.

ВАСЫЛЬ.

Ця ричка тече зъ вильного краю, черезъ те и вода въ ній солодка. А цыть! Що воно гупотыть?

СЕМЕНЪ (*пиднявся*).

Сюды бижыть щось киньмы!

ВАСЫЛЬ.

Въ шелюгы мерщій, за мною!.. (*Побиглы въ шелюгы*). Падай на землю!... (*Помовчавшы пидводе голову*). Що воно? Трое коней, а одынъ тилькы вершныкъ? Стій, це нашъ чоловикъ, ей-ей нашъ!.. А ну, гукну. Остапе! О, оглянувся. Винъ и е, Остапъ. Остапе, куды поспишаешъ, чы не на ярмарокъ?

ОСТАПЪ (*гука*).

А ты жъ хто такой?

ВАСЫЛЬ.

Прыдывысь.

ОСТАПЪ.

Нѣвже Васыль? Ты зновъ втикъ?

ВАСЫЛЬ.

А ты по якому былету?

ОСТАПЪ.

Стрывай, роскажу. Осъ тилькы коней прышну!

ВАСЫЛЬ.

Щось мени и кони ци познаку.

Я в а 2 - а.

Ти жъ и Остапъ.

ОСТАПЪ.

Здоровъ! Давно тутъ?

ВАСЫЛЬ.

Оце свижо переплывлы, бачъ и досы не обсохлы.

ОСТАПЪ (*на Семена*).

А цей звидкы?

СЕМЕНЪ.

Зъ Блыгадыровой.

ОСТАПЪ.

По воли?

СЕМЕНЪ.

Ни, на вздогынцы за волею.

ОСТАПЪ.

Стало быть, намъ по дорози? Ну, здоровъ? (*Чоломкаютця*).

ВАСЫЛЬ.

Чы іство у тебе е яке?

ОСТАПЪ.

Два хлиба и чотыри тарани.

ВАСЫЛЬ.

А мы голодни!

ОСТАПЪ.

Я васъ пидгодую. (*Хутко пишовъ за лаштункы*).

СЕМЕНЪ.

Выдко, що Остапъ друзьяга.

ВАСЫЛЬ.

Въ неволи найщырище товаришуванне.

ОСТАПЪ (*вертаецця зъ крайцею хлиба и двома таранямы*).

Нате, годуйтесь. Колюбъ ты знавъ, Васылю, якъ я ускочывъ бувъ у капканъ.

Василь.

Невже? (*Ість*). Оце такъ хлибъ.

Сементъ.

И тарань ловка.

Остапъ.

Прокрадався я въ наше село, щобъ побачитись зъ жинкою та зъ дитьми та й наризався на самого пана? Бачу, не перельвки, упавъ на вколюшки и ставъ прохаты, щобъ помылувавъ. Такъ винъ гукнувъ на людей и звеливъ забыть мене у зализа. Э, думаю, колы ты такъ зо мною, то я жъ тоби не пидданокъ... У ночи продеръ стриху въ леху, въ який мене замкнулы, та въ конюшню, бачу, стоять гарни кони, такъ я за мисць одніи конякы зачепывъ ажъ трое. Проїзду по узъ хоромы, ажъ це панъ кризь викно й пита: „а хто то іде?“ Це я кажу, пане. Спокойной вамъ ночи, приятного сва. Та якъ дремену. Вже свитаты почало, якъ я прыпынывъ коней, доїзжаючи до Днипра. А оце тилькы що переплывъ.

Василь.

Що жъ ты теперь робытимешъ зъ киньмы?

Остапъ.

А те, що оце заразъ вси трое сядемо та й поїдемо, а тамъ десь коней продамо й будуть у насъ гроши. Колы товаришувать, то товаришувать по правди!

Василь.

Оце але!

Сементъ.

Отъ спасена душа!

Остапъ.

И ничого бильшь и часу гаяты, пидгодувальсь, такъ и гайда. (*Пшшлы*).

Я ва 3-я.

Юрко и два гребця.

Юрко (*зійшовъ зъ човна*).

Спасыби, що перевезлы. Ось вамъ и плата за перевизъ. (*Дає гроши*).

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Два семыгрывенныка, чы не малувато?

Юрко.

Такъ же договорялысь.

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Що жъ, що договорялысь? Мало чого не бува... Договорялысь. Договоръ договоромъ... А правда, Андрію, що малувато?

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Ще бъ не малувато?.. Воно якъ що той... неначе такъ, що й зовсимъ малувато.

Юрко.

Скільки жъ вамъ набавить?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Скільки жъ?.. У такимъ, скажемо, випадку, то вже коженъ мусить тямты... Бачте, виходить такъ, що мы оце перевезлы, а щобъ якъ пиде дило на опытъ, то й не знаемо кого перевезлы?.. На случай набижить началство: „кого перевезлы?..“ Звисно, опаска бере... Чы такъ, Андрію?

2-й ГРЕБЕЦЬ.

А вже жъ... И опаска и началство... Якъ же можна?.. Недзя!..

Юрко.

Скільки жъ, пытаю, набавить?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Набигають бува начальныкы и берутъ опытъ: „што, реблята, не перевозылы како-такого?“ А мы й не знаемо.

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Эге жь... А мы й не знаемо. Звисно якъ бы мы знали.

Юрко.

Я жь вамъ сказавъ, що я чыновныкъ.

1-й ГРЕБЕЦЬ.

А чого жь воно неначе не выдко, щобъ вы были чыновныкъ? Чы правда, Андрию?

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Не выдко... Выходыть, скилькы не вдывляйся, а не выдко...

Юрко.

Вы грамотни?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Богъ мылувавъ.

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Безъ надобности!..

Юрко.

Якъ же вы розберете мій документъ?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Тамъ е печати: одна зверху, друга зъ исподу.

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Безъ печативъ не можна. Началство прыказуе, щобъ по печатяхъ...

Юрко.

Такъ мы й до вечора не порозуміємось. Кажить, скилькы вамъ набавыть?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

А що, Андрию, якъ мы оце звьяжемо его та й повеземо назадъ?

2-й ГРЕБЕЦЬ.

А такы звьяжемо.

Юрко.

Що, звьяжете? (*Гризно*). Та якъ вы смієте?

1-й ГРЕБЕЦЬ (*не смилыво*).

А ну, Андрию, берысь за него.

2-й ГРЕБЕЦЬ (*тыхо*).

Може у него пидстолець захованый, або шпада?

Юрко.

А ну, ну, попробуйте.

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Якъ сами не подужаемо, гукнемо, ондечкы, до куренивъ, рыбалкы допоможуть.

Юрко.

И я гукну, побачымо кому допоможуть?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Андрию, чы гукать?

Юрко.

Гукайте, гукайте!

2-й ГРЕБЕЦЬ.

А що, якъ воно справи чыновныкъ?

Юрко.

Ну, гукайте жь, або я гукну?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Може й справи?.. Разъ гримне, неначе чыновныкъ, а вдруге вже й ни?..

2-й ГРЕБЕЦЬ (*тихо*).

Ще, щобъ не креснувъ бува по зубакъ?

1-й ГРЕБЕЦЬ.

Та вже дайте намъ якого тамъ грывенника.

ЮРКО.

Не стояло бь даваты... (*Дає*). Соромъ вамъ отакечкы робыты, соромъ!.. А ще й людьмы звутьця!..

1-й ГРЕБЕЦЬ (*до другого*).

Тикаймо!

2-й ГРЕБЕЦЬ.

Прощавайте...

ЮРКО.

А якъ васъ звать?

1-й ГРЕБЕЦЬ (*видступа до човна*).

Якъ звать?..

2-й ГРЕБЕЦЬ (*сизъ въ човна*).

Худчий, Мытрохване!.. (*Болы першый гребецъ сизъ*). Не, братъ, не покурышь!.. (*Хутко поплылы*).

ЮРКО.

Ачь, дряпизныкы!.. (*Помовчавъ*) Доки бувъ на тимъ боци—хапався переплыты, а переплывши—почуваю вже, що сумъ и отчай обступають мене... Одынокый, видкнутый далеко видь усего дорогого и ридного... И навкругы тутъ такъ сумно: писокъ, шелюгы, верболозь... Витерь гуде!.. А той берегъ якый зеленый, якъ тамъ сонечко ясно свите!.. Ондечкы й шляхъ, котрымъ я іхавъ, якъ повывся пидъ гору; а тамъ дали, межъ вербами, то счезне, то зновъ стежечкою замаячїе... Село Писчане мріе, генъ Ганнивка... У Покотылові тилькы

крыла витрякивъ маячать... А наше село тамъ десь далеко, ныбы потонуло въ синій мгли. Я тутъ вольный, а душа моя не мовъ закута въ тяжкы кайданы!.. Та чы переживу жь я розлученнє зъ Орысею? А сына мого я й не бачывъ!.. Я тутъ стеряюсь, помру!.. (*Ухопывся за голову*).

Я в а 4-а.

Пысарь и Десятныкъ.

ПЫСАРЬ.

Треба поспизаты до порома, бо вже ондечкы наблыжається. А докы що, зробымо и на цимъ боци опрось.

ДЕСЯТНЫКЪ.

Вы, лыбонь, зовсимъ залылы слыш!.. Намъ же велено не зъ сегобочныхъ опыты браты, а зъ тогобочныхъ.

ПЫСАРЬ,

Мовчы... (*Пидходе до Юрка*). А позволте васъ спытать, хто вы будете?

ЮРКО.

Якъ? А вамъ на вищо?

ПЫСАРЬ.

Желаю опросыть.

Десятныкъ (*тихо до пысаря*).

Та не чепайте! (*На бикъ*). Придетця тягты его до Днипра та голову змочыть... (*До пысаря*). Не чепайте...

ПЫСАРЬ (*десятныкови*).

Ць-сь!.. Мовчать!.. (*До Юрка*). Хто вы такый и яке ваше званіе?

ЮРКО.

Я чыповныкъ.

ДЕСЯТНЫКЪ.

О, бачыте!

ПЫСАРЬ (*десятникови*).

Ц-сь! (*До Юрка*). Чыновныкъ?
Ого-го! Которого класса?

Юрکو.

Класса?.. Хйба вамъ не однаково?

Десятныкъ.

Та не прысикуйтесь.

ПЫСАРЬ.

Не розсуждай! Розсужденіе положено
власти, сиречь мени, а подчынному—еди-
ное повывоженіе! (*До Юрка*). Я те жъ
чыновныкъ. Якый на васъ чынь?

Юрکو.

Той... Губернскій Регистраторъ.

ПЫСАРЬ (*радисно*).

Нѣвже? И азъ въ тимъ же чыни
обритаюсь. Губернскихъ Регистраторивъ
не багато чыслытця на лыце, лыбонь, на
всю Россію насъ тилькы двое и е. Поз-
вольте зъ вами почоломкаться. (*Чолом-
каютця*).

Десятныкъ.

Ну, якъ що той, то... (*До Юрка*).
Доброго здоровьяча? (*Простяга руку*).

ПЫСАРЬ.

Осады! Подчынненіе и безмолвствіе!
(*До Юрка*). Де прохождение службы
совершалы?

Юрکو.

Тамъ, де треба було.

ПЫСАРЬ.

А именно?

Юрکو.

Служывъ я въ Полтави... Годи вже
балакаты, мени никола.

ПЫСАРЬ.

А знавалы вы тамъ Тытулярнаго Со-
витныка Ныкодима Порхвыровича Ку-
лябку?

Юрکو.

Ни, не знававъ.

ПЫСАРЬ.

Не може буты... То бувъ чоловікъ—
ума палата! А знавалы вы Коллежского
ассесора Тыховія Васылевича Жарка?

Юрکو.

Не знававъ.

ПЫСАРЬ.

И Жарка не знавалы? Та хто жъ
Жарка не знававъ? Мала дытына знала...
А знавалы вы?

Десятныкъ.

Ондечкы вже поромъ пидходить. Хо-
дите, я вамъ трохы намочу голову, бо вы
уже здорово росхыталысь.

ПЫСАРЬ.

Пиды и намочы соби мордяку! Мовчы
товстолобий истуканъ! (*До Юрка*) А
позвольте заглянуть у вашъ документъ.

Юрکو (*выйма карбванця и дае*).

Ось вамъ.

ПЫСАРЬ.

Ага!.. Теперъ выдко хто вы... (*От-
ходитъ зъ десятникомъ*).

Я ва 5-а.

(*До прымиста пидходе поромъ, зъ
берега сунувъ людъ; на пороми гра
музыка*).

Кучеръ.

Ондечкы нашъ панъ, а за нимъ цила
юрба панивъ.

Завойко (*гука зъ порома*).

Чы кони е?

Кучеръ.

Е, пане!

Завойко.

А скильки троекъ?

Кучеръ.

Чотыри, пане!

Завойко.

И хургонъ е?

Кучеръ.

А якъ же. Карета, натычанка, довгуша, шарабанъ и дви пидводы прости.

Завойко.

О, розмистымось вси! Панивъ въ экипажи, а музыку на просту пидводу.

Юрко (*вдывляється*).

Панъ Завойко! Колыбъ мене не примитывъ? (*Одвертається*). Пиду, пидводу пошукаю. (*Иде*).

Завойко (*бижить зъ порома*).

Юрку, пидожды. Я тебе ще здалеку впизнавъ. (*За Завойко идуть паны, дали музыки, народъ. Пысаръ и десятникъ про межъ народомъ ходять и берутъ хапаныну*).

Юрко.

Отъ халепа! (*На бикъ*). Треба буты смилитимъ. (*До него*). Помилаетесь... Вы мене не знаете.

Завойко.

Що, я помиляюсь? (*До гостей*). Панове! Я васъ потишу дымомъ, якого вы ще й не чулы! Гей, а подайте сюды скрипку! Ось хто намъ заграе!.. (*При-*

носять скрипку). На, грай мени заразъ варьяци: „ой не ходы Грыцю“... Або Варшавьского марша заграй. Оцей, панове, грае, такъ грае!

Юрко.

Кажу жъ, що вы помилаетесь...

Завойко.

Винъ такъ грае, щс я ажъ плакавъ...

Юрко.

Выбачайте, мени нема часу бавытись...

Завойко.

Ни, Юрку, я тебе не пушу!.. (*Хана его за руку*). Ты мени заграешъ. Не хочешъ грать Грыця, грай Кармалюка. (*Спива*).

Повернувся я зъ Сибири,
Нема жъ мени доли,
Ой здаеця не въ кайданахъ
А все у неволи...

Юрко.

Що це за напастъ?

Деревьянка (*зъ пидввязанымъ окомъ*).

Слухай, не зачепай-бо кожного!... Може на два ока и мени винъ здався бъ за Юрка.

Завойко.

Та хйба жъ це не Юрко?

Деревьянка (*до Юрка*).

Выбачте ему, винъ трохи пидпыльий!... Зъ пьяну трохи мени ока не выбывъ!..

Завойко.

Юрку, це ты, чы не ты, призывайся?

Юрко (*крыкомъ*).

Це напастъ!

Завойко.

Ну, похожий же на Юрка, якъ колесо на колесо.

Деревьянка (до Юрка).

Знаете, якъ кажутъ: „звернить дурный пьяному“... Выбачайте, мы вси елыко можаху!...

Помпеенко (гука виддаля).

Ходимъ, ходимъ, пора іхать.

Завойко.

Отъ штука!

Помпеенко.

Ідемъ, ідемъ, а то я такый, що розгниваюсь и заразы назадъ голобли поверну!..

Завойко (до Юрка).

Ну й схожий же зъ Юркомъ, якъ дви крапли горилкы! Ты граєшь на скрыпци?

Юрко.

Зъ роду—вику не гравъ!..

Помпеенко.

Отъ же я вернусь на порома!

Завойко.

Ну, якъ що такъ, то выбачайте!.. Гей, музыкы! Грайте марша!.. Трумъ, трумъ, трумъ!.. (Бере пидъ руку Деревьянку). Ходимъ, канцуре, я тоби друге око пидобью!.. (Шилы, музыка грає).

Пысарь (пидходе до Юрка зъ десятикомъ).

Онъ якъ наше дворянство гуляе! И такъ юрбою цилу осень и зиму видъ одного до другого іздять: полюють, у карть грають, бенкетуютъ!..

Юрко.

А скільки буде звидцы до Павлыша?..

Пысарь.

До Павлыша? Заразы вамъ выщытаю. (Личыть на пальцяхъ).

Поромщыкъ (гука).

А ну, сходьтесь до порома, хто іде на той берегъ, сходьтесь, бо заразы рушымо!

Юрко.

Заразы рушыть?.. (Іде до порома).

Пысарь.

Куды жъ вы? До Павлыша онъ куды. Ходимъ, тамъ за горбомъ е корчма... Пидводу наймете до Павлыша... (Зновъ личе).

Я ва 6-а.

(Вартоломей иде видъ куренивъ зъ двома чоловикамы).

Вартоломей.

Пидгодувались у рыбалокъ. теперь поідемо дали. А стійте, чы то не Юрко?

Чоловикы.

Винъ и е! (Хутко пидходятъ до Юрка).

Вартоломей.

Здоровъ будь, Юрку.

Юрко (зъ лякомъ).

Варто... Чого вамъ треба?

Вартоломей.

Тебе намъ треба, хорменно тебе... А давайте путо, замкнемо его!

Юрко.

Якъ сміете!.. Я вильный чоловикъ!..

Пысарь (до Юрка).

Оборонимо!.. (До Вартоломей). По якому праву?

Юрко (*писареві*).

Ось, прочитайте мій документъ!.. (*Дає бумагу и карбованця*).

ПИСАРЬ (*заглянувъ у документъ*).

Такъ, врно и безперечно! Отставный губернский регистраторъ!

ВАРТОЛОМЕЙ

Помыслите, винъ нашъ, биглый!

ПИСАРЬ.

Мовчатъ! Ты хто такой?

ВАРТОЛОМЕЙ.

Началство его! Я отаманъ!

ПИСАРЬ

Иды жъ отаманувать до своего папа, а тутъ я началство! Забью тебе въ кайданы и пошлю такимъ этапнымъ путемъ, що ты и въ три роки не дійдешъ до своего села.

ДЕСЯТНИКЪ.

Мы, братъ, це можемо!

ВАРТОЛОМЕЙ,

Якъ, мене, началство?

ПИСАРЬ.

Я тобі покажу началство! Присякався до губернского регистратора. Ты знаешъ, що насъ тильки двое на всю Россію!.. (*Розмовля зъ Юркою*).

ВАРТОЛОМЕЙ (*до чоловікивъ*).

Штука!

Чоловики.

Дывына!

ВАРТОЛОМЕЙ.

Дви дывыны! Одна, що началство на началство наперлося, а друга, що думалы, що то Юрко, ажъ то не Юрко.

Я в а 7-а.

(*Зъ горы иде Перепичка зъ Васылыною и кучеромъ, его тягне за полу Завойко*).

ПЕРЕПИЧКА..

Пусты-бо, а то вылаю!

Юрко (*на бикъ*).

Панъ Перепичка! Нова халепа!..

ЗАВОЙКО.

Идемъ-бо до мене.

ПЕРЕПИЧКА.

Не поїду, пусты!..

ЗАВОЙКО.

Все тильки съ своею Васылыною возытця!..

ПЕРЕПИЧКА.

Кажу жъ тобі, що не маю часу!

ЗАВОЙКО.

Теперь я розгнивався на тебе такъ, що вже мы зъ тобою розбрато—брато, на выи вични!.. (*Пишовъ*).

ПЕРЕПИЧКА.

Про мене, якъ соби хочешъ. Скорій, скорій, Васылыно. Чы ты наливку взяла? Свырыде, несы покупки на порома. Отъ тобі и здрастуй, поромъ вже видчалывъ. (*Гука*) Пидожды! Вернысь, прычалъ до берега!.. Га? Скильки? А дули зъ макомъ не хочешъ? Беры самыгрывонного!..

Га? Ни, пивкарбованьця не дамъ? Свырыде, забирай покупки до корчмы, подождемо до завтра. (*Свырыдъ пшиовъ*). Чого намъ хапатысь, хиба надъ нами капа? (*Побачыгъ Юрка*) Знаема людына!..

Юрко (*на бикъ*).

Теперь вже никуды?

Перепичка (*до Юрка*).

Ты це куды? Васылыно, пизнаешъ?

Пысарь.

Це губернский регистраторъ!

Перепичка.

Це, тоби пысарю, зъ перепкою регистратыть въ очахъ. Винъ пидданный мого сусида, пана Пидгайного.

Юрко.

Помиляетесь, пане!..

Вартоломей.

И намъ здалось зпершу, що це нашъ Юрко!

Перепичка.

Це винъ и е!

Пысарь (*до Юрка*).

Дайте вашъ документъ.

Юрко (*дае*).

Ось...

Пысарь (*чыта*).

Губернский регистраторъ въ отставкѣ, Петръ Петровычъ Диброва.

Перепичка.

Диброва? Ха-ха-ха!

Вартоломей.

Це бь-то нашъ капольмейстеръ? Такъ винъ вже пятый день якъ померъ.

Юрко.

Померъ!!

Перепичка (*до Вартоломея*).

А ты въ погоню?

Вартоломей.

Та оце жъ насъ трое.

Перепичка.

Такъ и берить его.

Вартоломей.

Давайте швыдчъ путо!

Перепичка.

Хочъ ты, Юрку, и гарный музыка, а втикать зась... Подзвоны жъ за те кайданами. Дисциплина, субординация и повиновение властемъ прыдержажымъ! Ходимъ, Васылыно. (*Пшилы. На Юрка надивають путо*).

Пысарь.

Я думавъ, що ты справи губернский регистраторъ, а ты рабъ, смердъ?.. Выходить, що я тилькы одынъ на всю Россію и зостався.

Зависа.

Дія 5-а.

Кимната Орыси.

Я ва 1-а.

Орыся и нянька.

Орыся (*пыше бляя столу, нянька качае люльку*).

Напысала отцеви все, що пидказало серце, все на що навивъ мене розумъ, бо дали терпихъ не сыла... Я повинна розшукаты и Юрка и обрятуваты его. Може винъ де въ тюрьми уже? Певно. Винъ такий не хитрый!.. Може вже де упіймалы и знуцаютця надъ нымъ?.. Ни, такъ дали не можна... Юрко мій мужъ передъ Богомъ и передъ моимъ сыномъ и мусыть быты моимъ мужомъ и передъ людьмы. Нянько! Якъ тилькы татко прыде до дому, вы однесете ему отъ сей лысть.

Нянька.

Воны зновъ мене проженуть и не дадутъ ны якои видповиди.

Орыся.

Тоди я сама пиду до него! Доки жъ терпихому?

Нянька.

И васъ не допустятъ на свои очи. Хиба я ихъ не знаю? Оттакъ було вони и зъ покойною панею, вашою мамою, якъ розгниваютця на ныхъ, то цилый мисяць, або й бильшь, слова до ныхъ не промовлять. А спытайте, за вищо розгниваютця? Було мама ваша плачуть—плачуть, ажъ занедужають... „Краще бъ винъ, кажуть, мене вылаивъ, або побывъ, а то мовчыть“...

Орыся.

Прытерпила моя мама?..

Нянька.

И-и! Та мабутъ и вамъ не краща доля судылася. Поласылыся ваши мама на мундыра та на чорни вуса... Выйшы замижъ проты воли своихъ родителей... Нигде правды диты, папаша ваши були красыви на всю округу... Ото жъ, якъ скоро поженылыся, то щось зъ годъ жылы дуже гарно, такъ гарно, що й сказать... Тыхо, любо та хороше. Все було цилуютця та мылуютця. Ухоплять було маму папаша на руки та й носятъ по кимнатахъ, якъ дытину... Бо такы дытиною й были, наврядъ чы було имъ и шістьнадцать годивъ, якъ ихъ винчали... На другой рикъ, мамаша ваши поїхалы погостюваты до родителей. Охъ, краще бъ було имъ не издыты! Воны гостюють тамъ, а папаша тутъ бенкетуютъ, та въ картъ грають... Найбильшь любылы у картъ граты... А шо вони тихъ грошей попрогравалы!.. И хто ихъ тилькы не оббиравъ?.. Бувало день и ничъ музыка реве, пивчи деруть горлянку!.. Насклькають парубкивъ та дивчатъ... Оттоди чортъ пиднясь и Луньку—красыва була, ну и вподобалась панови... Ажъ ось прыхалы и пани до дому, якъ разъ тоди вони важки ходылы вами... Панъ зпершу выховувалы Луньку, а дали якось все й выявылося... Видтоди и почалась сварка, слезы, дориканне... Писля Лунькы, зъявылась Пашка, дали Мотря... Та всихъ ихъ и не переличышь. И почалы ваши мама побыватись. Було прыбижать у спальню, ухлопютця за груди, та якъ закрывчатъ: „охъ серце, серце!“.. Ажъ ось и вы знайшылся, папаша ныбы трохы й схаменулыся; але черезъ скилькы мисяцивъ зновъ пишло по старому. Скилькы разивъ хотылы мама покы-

нуты папашу, такъ родытели ихъ, стало быть, ваши дидушка й бабушка, якъ почнутъ стыдаты ихъ та вговорюваты. „Хиба, кажуть, можна законъ ломать? Нихто тебе не слыувавъ, сама пишла за него; а колы пишла, такъ и жывы“. А дидушка, ще було й додадутъ поговирку: „бачылы очи що куповалы“.. Онъ що! „Якъ тамъ кажуть, не жытымешъ зъ мужомъ, та все жъ у закони; а покынешъ его, то таке тоби призывце прылиплять, що мы того сорому й не пережывемо!..“

Орыся.

Выходьте: хочъ живцемъ пропадай, а жывы зъ чоловикомъ, котрый надъ тобою знущаетця, зневажае?..

Нянька.

Авже жъ. И въ церкви промовляють, якъ винчають, щобъ жона боялася мужа.

Орыся.

Боятись тоди, якъ е за що боятись.

Нянька.

Хто его зна, якъ тамъ воно означа!.. Законъ вже такый.

Орыся.

Ни, нянько, колы чоловикъ лома прысягу й жону миняе на другихъ, то та жона мае владу покынуты такого мужа.

Нянька.

Ни, недзя, законъ!..

Орыся.

Мама дуже любыла папу и черезъ те це могла его покынуты; певно вона дуже шанувала и своихъ родытелихъ, не хотила ихъ, зневажыты и прынесла себе въ жертву.

Нянька.

Може й такъ... А тилькы, що проты закону ни якъ не можна, великый грихъ!.. Почалы ваши мама хвориты та сохнуты... Найбилшь жалувалыся на сердце, що все воно имъ нимило... Разъ якось у литку взяли вони васъ за ручку и пишлы въ садъ проходытись.

Орыся.

Це я прыгадую... Якыйсь тоди трапывся надзвычайный випадокъ, бо мама плакала дуже, потимъ хутко повела мене въ домъ...

Нянька.

Панъ бавылыся съ Хроською, у бесидци, а мама й побачылы... Якъ убиглы вони въ спальню, якъ ухопылыся за сердце, то не мовъ замерлы... Видтоди вже вони й не всталы зъ лижка... А черезъ тыждень и Богу душу виддалы. Царство небесне, вичный покой ихъ душечци!

Орыся (зъ жахомъ).

Цего я не знала!... Такъ ось що?... Вы таки новыны мени розказалы, про котри мени и въ думкахъ не верзлося... И писля цього я мушу почытуваты мого отця?

Нянька.

О, що це вы кажете? А звисно мусяте!..

Орыся.

За вищо?

Нянька.

Та Господь зъ вамы, що це вы кажете, вони жъ вамъ отець!..

Орыся.

Винъ доконавъ мою матиръ, винъ! Ни, бильшь нема мени за що его почытуваты!.. Вы жахааетесь? Жахааетесь черезъ те, що не вмiете всего того розумомъ обсягнуты, про вищо заразъ сами мени розказалы?

О, колыбъ вси люде заразомъ прозрили и змогли зрозумити, що про межъ ныхъ е таки, у котрыхъ пидъ овечюю шкурою ховаеця звиряча душа та жорстоке серце,—певно тоди на свити вчынывся-бъ великый гвалть!..

Нянька.

Та воно мабутъ такы оце чы не кинець свита?

Орыся.

Страшно, страшно подумать що творитця про межъ людьмы!..

Нянька.

За те жъ ховалы паню зъ якою пыхою, такъ неначе у казци я те чула, або у снї бачыла. Вси музыкы, пивчи и двирськи булы зодягнени у чорне, зъ билимы брузументаы. А попивъ, попивъ, лыбонь, ажъ шистъ ихъ було!... Зъ усїи околыци позъїздылысь паны, вси дывува-лыся... Якъ прынеслы на кладовыще та по-становылы домовыну быля склепу, заразы одынъ пипъ вынявъ зъ кешени бамажочку и почавъ чытатъ, довго, довго щось вычы-тувавъ, а паны все слухалы, та хыталы головаы... У мене ажъ ноги зомлилы стоючы... Якъ проспивалы: „со святымы!“ то папаша якъ прыпалы до домовыны та якъ почалы голосоыты!.. Ледве, ледве видорвалы ихъ видъ труны. Все крычалы: „просты мене, Мархвынько!“...

Орыся.

Яке лицемирство, яка малевныча забавка почуттемъ, яке лжыве повед-женне!.. (*Зарыдала и впаала на по-думкы*). Страшно, страшно!..

Нянька.

Оттакон! А чого жъ плакаты? Не тревожте вже ихъ кисточокъ!.. Вы думаете легко ихъ душепыци, якъ вы оце голо-

сыте?.. Нехай имъ на тимъ свити полех-кись та спокій!..

Орыся (*сирко усмихаеця*).

А таткови на цимъ?

Нянька.

Не кажить такъ, голубонько! Може папаша каютця, онъ якъ каютця!.. По-чимъ знать?..

Я ва 2-а.

Ти жъ и Дося.

Дося.

Панночко! Тамъ прыйшовъ до васъ Якивъ башмашныкъ!

Орыся.

Чого ему?

Дося.

Каже: „пиды скажы, щобъ дозволылы доступыты?“

Орыся.

Пьяный певно?

Дося.

Ни, не выдко щобъ... Балака якъ слидъ.

Орыся.

Впусты его. (*Дося пишла*).

Нянька.

А я бъ не пустыла, завжды чортъ зна-що варняка, про волю, то що... Ажъ боляче слухаты!.. А що его сердешного пополупылы за ту волю, отъ же не каеця!.. Запекла людына! На мою думку, ни яка скотына не выдержала бъ стилькы бійкы, скилькы его полосуваы!

Орыся.

Що це вы кажете? Невже его такъ багато были?

Нянька.

Хиба тилькы его? Кого тутъ не были?

Я в а з - я.

Ти жъ и Якивъ.

Якивъ.

Панночко! Подозвольте промовыть до васъ слово. Якъ мы пиддани ваши, бо мы за вашою мамашою прыйшлы у прыдане, то надъ нами найвышча воля ваша. Такъ подозвольте мени постраждать, я волю прыйняты всю кару!..

Орыся.

Яку кару?

Якивъ.

За Юрка! Нехай мене панъ закажутъ на смерть, а Юрка нехай помилуютъ.

Орыся.

Ни, Якове, коженъ чоловікъ самъ повиненъ нести кару за свою провину.

Якивъ.

Якъ теперь Юрка упіймалы...

Орыся (*зъ страхомъ*).

Хто це вамъ сказавъ?

Якивъ.

Заразъ Прохоръ прыйхавъ зъ города и бачывъ своимы очыма, що Юрка вже ведуть.

Орыся.

Ведуть? О Боже, щожъ це буде?..

Якивъ.

Въ зализахъ ведуть.

Орыся (*крычыть*).

Въ зализахъ? У васъ, Якове, дороге, безцинне серце... Але не вы, а я мушу захыстыты Юрка. Далеко его ведуть?

Якивъ.

Ось-ось скоро и въ двиръ уведуть.

Орыся.

Досю! Бижы на зустрічъ и скажы, щобъ Юрка заразыт суды вель. Скажы, що я такъ велью, я ваша господиня! Чуешъ?

Якивъ.

Именно господиня наша, прырожденна господиня.

Орыся.

Скажы, що хто тилькы посміе не послухаты мене, тому буде горе,—чуешъ?

Дося.

Чую, панночко! (*Хутко пишла*).

Якивъ.

Вси мы першъ усего васъ повинни слухаты. Звелилы-бъ вы мени, що завгодно зробить, васъ послухаю, вамъ скорюся и все зроблю; а щобъ надо мною показувавъ владу Вартоломей, чы бухветчыкъ?.. Ни! (*Пада на вколюшкы*). Ще разъ благаю, подозвольте за Юрка постраждаты! Нехай влиплять мени 750 лозъ и буде якъ разъ десять тысячъ. Я вси удары переличывъ, все у мене закарбовано!

Орыся (*зъ лякомъ*).

Що вы говорыте? Десять тысячъ?.. (*Пидводытъ его*). Встаньте, Якове, встаньте заразыт!.. Я дуже вдячна вамъ, за вашу щыристь, але жертвы вапои я не прыйму. Юркова провина—моя провина и мы мусымо вдвохъ одбуты кару!..

Я ва 4-а.

Ти жь и Дося.

Дося (*вбигла*).

Ведуть, ведуть Юрка.

Я ва 5-а.

Ти жь, Юрко (*въ зализахъ*), Вартоломей, два чоловіка и де хто зь двирни.

Орыся.

Геть заразъ ланцюгы!

Якывъ (*Вартоломееви*).

Ты чуешъ, катюго? Панночка, прырожденна твоя господня, прыказують зализа знять?

Вартоломей.

Щобъ не втикъ.

Юрко.

Пидіймы Вартоломею очи до горы та глянь людямъ въ вичи. Хиба я зугарень утекты? Ты хотивъ показаты надо мною свою владу и сылу!..

Орыся.

Здійнять заразъ зализа!

Вартоломей.

Ежели што... (*До людей*). Одимкнить! (*Здіймають зализа*).

Орыся.

До мене, Юрку. Ты мій мужъ, я це привселюдно скажу. Не выховався ты?.. Все ривно, я скоро сама бъ тебе видшукала!.. Ховатысь дали даремно!..

Юрко.

Куды мени втикать? Зразу впизналы и...

Я ва 6-а.

Ти жь и Сылыхвонъ.

Сылыхвонъ.

Панъ прыхалы!

Орыся.

Прыхавъ?.. Стій, Юрку, тутъ бия мене...

Я ва 7-а.

Ти жь и Пидгайный.

Пидгайный (*входьтъ*).

А, впіймалы! Зачимъ привелы его въ хоромы? Въ холодну его!.. (*Люде кыдаютця до Юрка*).

Орыся.

Стійте! (*Заступа Юрка*). Тату! Его тутъ мисце, бия мене.

Пидгайный.

Що? Ты сміешъ такъ казаты? Ведить его въ холодну.

Орыся (*хапае кыжжалъ*).

Ни, не поведете! Тату, схаменитця! Кого кажете весты? Мужа вашой дочкы, батька мого сына?—Не попущу!..

Пидгайный.

Винъ мій пидданный! Винъ мій найлютищый ворогъ!.. Берить его!..

Орыся.

А ни зь мисця! Я ваша прырожденна господня, велю вамъ не чепать Юрка!

Пидгайный.

Такъ ты ось якъ?.. Ты тутъ господня, а не я?.. (*Пидбига до Юрка и хоче его вхопыты*).

Яквивъ *(кыдаецця ему въ ноги)*.

Пане! Быйте мене, а Юрка помылуйте!.. Вбыйте мене!..

Пидгайный *(видкыда ногою Яквива)*.

Геть!.. *(Бъе Юрка по щоци)*.

Орыся.

Ахъ! Карай мене Боже!.. *(Заносытъ надъ батькомъ кыжалгъ и падае мертвою)*.

Юрко.

Що зъ нею?.. *(Прыпада)*. Мертва!.. Померла!.. Вона померла!..

Пидгайный.

Померла?.. Не може быть!.. *(Прыпада до Орыси)*. Не дыше!.. Холоне!.. *(Схопывся)*. Що жъ це?..

Нянька.

Це кара Госпoдева!.. Убылы жинку, убылы дочку, убыйте жъ ще и онука!.. *(Кыдаецця до люльки, бере дытыну и пидносытъ до него)*. А потимъ и насъ всихъ закатуйте!..

Пидгайный.

Боже! Гнивъ Твій праведный и кара Твоя занадто мала!..

Я ва 8 - а.

Ти жъ и бухветчыкъ.

Бухветчыкъ.

Становый прыхавъ, каже: по „неотложному дилу“.

Я ва 9 - а.

Ти жъ и становый.

Становый.

Прошу прощеня! Чиновникъ отъ Министерства прыглашаетъ васъ пожаловать завтра, въ 10-ть часовъ утра, въ церковь для присутствованя при чтеня Высочайшаго Манифеста объ освобожденя крестьянъ.

Пидгайный.

О, колыбъ вы зъявились хвильною раницъ, я може не бувъ бы прычыною смерти моеи единой дочкы!..

Становый.

Какъ? Неужели?..

Крестьяне *(встали на вколюшкы)*.

Мылосердный Боже Ты зглянувся надъ нами бидными!

Юрко.

На вищо мени теперъ воля?.. *(Ломае руки)*. Орысю, Орысю!.. *(Ханае кыжалгъ)*. Не хочу я безъ тебе жыты!..

Пидгайный *(одійма у него кыжалгъ)*.

Ты мусышь жыты за для твого сына, и мого онука!..

Юрко *(прыпада до трупа)*.

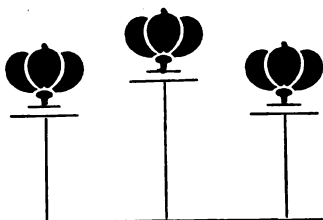
Орысю, Орысю!..

Зависа.

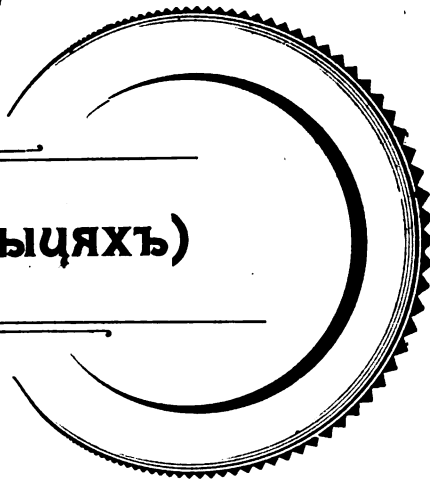

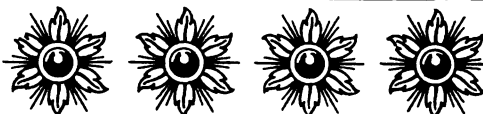
Залеты
соцького **Мусія**

(Лисьни въ лыцяхъ)

Оперетта-дивертисментъ у 3-хъ діяхъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ.

Яцько, селянинъ.

Яцьха, его жинка.

Галына, ихъ дочка.

Стецько, селянинъ.

Стецьха, его жинка.

Максымъ, парубокъ, коханецъ Галыныны.

Ганна, подруга Галыныны.

Мусій, соцький, удивецъ.

Сельскый пысаръ.

Дивчата, парубки, диты и народъ.

(Діється въ осени, на сели).

Д і я 1-а.

Зъ правого боку хата Яцька, зъ ливого перелазъ зъ огороду; вуголъ хаты Максимовои; въ глыбини кону прорвана гребля, черезъ котру перекынуто кладку. Сутеніе.

Я в а 1-а.

(Зъ ливого боку чутно спивъ парубочый, а потимъ вчувається зъ правого и дивочый. Зпершу зъявляються на гребли парубкы).

Парубкы (хорз).

Вылиталы орлы
Зъ за крутой горы,
Вылиталы, буркоталы,
Роскоши шукалы!

Скільки жъ не литаты,
Треба внизъ спустытысь,
Ой, у поли тры дороги,
Треба розлучытысь.

Дивчата.

Дивчата, скорій,
Сестрыци, мерщій,
Будемъ тутъ стоять,
Хлопцивъ дратувать!

Здымаймо кладку и колоду,
Нехай бредуть черезъ воду.

(Здіймають кладку и колоду).

Парубкы.

Онечкы дивчата—гу!
Дивчата до насъ?

Дивчата.

Знаемо мы васъ!
Шкода, насъ вы не обманете,
До себе не переманете.
Пошукайте краще броду,
Або бредить черезъ воду,
А мы кладку заховаемо,
Краще безъ васъ погуляемо!

Парубкы.

Сонце нызенько,
Вечиръ блызенько,
Выйды до мене,
Мое серденько.

Дивчата (сміючысь).

Нызенько?
Блызенько?
До тебе?
Мое серденько.

Черезъ риченьку,
Черезъ болото,
Подай рученьку,
Мое золото!

Разомъ.

Тай оженимось,
Тай будемъ жыты,
Зъ тобою, серденько,
Бога хвалыты!

Ганна.

Ой ты дубе кучерявий,
 Лысть на тобі рясний,
 Ты козаче уродливый,
 Словами прекрасний.
 Слова твои ласкавыи,
 Та чортова думка,
 Доки тебе не любила,
 Гула якъ голубка!

Парубокъ.

Чы це жъ не соромъ вамъ, дивчата,
 Тако надъ нами вьтворятъ?
 А якъ пидемс вь салдаты,
 Будете безъ насъ скучаты!

Дивчына.

И справди, дивчата, яки мы дурни,
 Це жъ у останне гуляють вони,
 Це жъ все наши новобраньци,
 Завтра зъ села выйдуть вь раньци.

Здамося, сестрыци, на ихъ благанне
 Тай погуляймо на прощаванне!

*(Вси збигаютъ зъ гребли и стають
 вз коло).*

Ну ставаймо вь коло,
 До млынивъ у гору
 Поведемъ танецъ,
 Веселый ралець!

(Мала дивчына стае у коло).

Чомъ сиренький горобчычокъ
 Тай зажурывсь, тай засмутывсь?
 Горобчычокъ дыбъ-дыбъ-дыбъ,
 Сиресенький стрыбъ-стрыбъ-стрыбъ!
 Болять вь мене ниженьки
 Поломани кисточки!

Горобчычокъ дыбъ-дыбъ и т. д.
 Болять вь мене крылечка
 Обскубалы пирьячка!

Горобчычокъ дыбъ и т. д.

(Вси бижать за лаштункы).

Ява 2-а.

Яцько и Стецько *(пидъ чаркою).*

Ой куме, куме, добра горилка,
 Выпьемо, куме, мы зъ понедилка!
 Складимось, куме, шагивъ по сорокъ,
 Выпьемо, куме, ще й у вивторокъ!
 Продаймо, куме, рябу тельцю,
 Выпьемо, куме, щеи у пятныцю!

Стецько.

Адже вь тебе е дочка?

Яцько.

Такъ якъ квиточка!

Стецько.

А у мене, куме, сынъ.

Яцько.

Якъ же, знаю: Гарасымъ?

Разомъ.

Отъ бы вдарить по рукахъ,
 Оце було бь саме вь смакъ!
 А що наши бабы скажуть,
 Чы вони на тее важуть?

Яцько.

Моя Хивря кароока,
 Тамъ якъ засокоче,
 Тамъ якъ заскрегоче,
 Достоимитно, мовъ сорока!

Стецько.

Та й моя пацекувата,
 Якъ розверещытця,
 Якъ распорошытця,
 То тисна бува и хата!

Разомъ.

Горе намъ зъ бабамы,
 Колюбъ мы це сами,
 Заразъ якъ зійшлыся,
 Цупко бь напылыся!

Яцько.

Треба Хиврю попытати!

Стецько.

То гайда до мене въ хату,
Вона въ мене вже давно,
Товче просо на пшоно!

Яцько.

Невже? а я й не знавъ!

Стецько.

Ага... А ты й не знавъ?

Разомъ

То ходимъ, чога жъ дриматы,
Може вдастця поладнаты,
Може Богъ поможе,
То все буде гоже!
Горе намъ зъ бабами... и т. д.

Яцько.

Зайдемъ кумонёчокъ
Въ новенькый шинёчокъ,
Смыкнемо восьмуху,
Щобъ набратись духу!

Стецько.

Богъ зна чы диждемо,
Вдруге того свята!

Яцько.

Люблю тебе, куме,
Якъ ридного брата! (*Циллюютьця*).

Разомъ.

Горенамъ зъ бабами... и т. д. (*Пишлы*).

Я в а 3-я.

(*Галына зъявляетьця на порозы*).

Вже й смерка, а Максима й досы
немае? Невже за те розгнивався, що вчора
трохы его подратувала? Може й не прыйде

сегодня зовсимъ? (*Чутно сопилку*). Хтось
гра! (*Прыдывляетьця*). Винъ! Та якый
насуплений та смутный! Втечу въ хату!..
(*Побигла въ хату*).

Я в а 4-а.

Максымъ (*зъявляетьця на перелази
зъ сопилкою, догравшы стива*).

Гыля, гыля сири гусы
Та на тыху воду,
Клыче козагъ дивчыноньку,
Къ соби на розмову!

(*Галына выглянула и зновъ захо-
валась*).

Порадь мене, дивчынонько,
Якъ ридная маты,
Ой чы мени женытсы,
А чы тебе ждаты?

Галына (*зъявляетьця на порозы*).

Ой я жъ тебе, козаченьку,
И ражу й не ражу:
Я зъ тобою вечеръ стою,
На инчого важу!

Максымъ.

Бодай тебе, дивчынонько,
Зъ твоею радою,
Я до тебе зъ щырымъ сердцемъ,
А ты зъ неправдою.

Максымъ.

Бодай же ты, дивчынонько,
Та такъ замижъ выйшла,
Якъ пры бытій дориженьци
Яра рута зійшла.

Галына.

Бодай же ты, козаченьку,
Та такъ оженився,
Якъ у млыни на камени
Кукиль уродыся!

РАЗОМЪ.

Помылуйте мою душечку, душечки мои благодущныи! Жывъ я соби смырно та тыхо, якъ належыть всякому хрыстыянынови и богобоязному чоловікови: у будень на работи,—у степу, чы у подвирьн; а въ неділю, або въ празнычокъ,—до храму Господнего. Писля обидни пообидаетшь, потимъ спочынешъ... А писля спочынку куды жъ бильшь, якъ не до шынку? Бувъ бы я жонатый, инча-бъ и розмова була; а то удивецъ та ще й бездитный! Пройшовъ такъ рикъ, пройшовъ и другый, а на третій почавъ я сумуваты, та такъ засумувавъ, що ажъ зъ лыця змарнивъ!.. Отъ ридня моя и почала радытысь, що щобъ тутъ таке вдіяти, щобъ задопомогты мени, щобъ я зъ сумоты не роспывся, або не здуривъ!.. Думалы, думалы, а дали зробылы ршённы: оженыты мене. Що жъ, кажу, я можу! И заразъ же накынувъ соби окомъ дивчыну... Оттуть вона и живе, Галыною звется: батько ии Яцько, маты Яцьха, ото вся родословня и сословня!.. Э, пострывайте, каже дидъ Мыкола! Першь нижъ оженымо, давайте настановымо его соцькимъ! Я й подумавъ соби заразъ: якъ соцькимъ зроблюсь, тоди певно Галына безъ суперекы пиде за мене замижъ. „Що жъ, пытають, согласной?“—Согласной, кажу. Охъ, мыленьки мои, душечки мои благодущныи и не легко жъ того чына носыты. Вирыте, тилькы що я зъиздывъ въ городъ, купывъ оцего гедзета и брукы, почепывъ оци клейноды, запылы мы мого-рычу, якъ и почалы мене ганяты по селу, якъ жеребця на аркани. Хто іде, хто йде, тилькы й чуешъ: „подавай лошадевъ!“ Спрявныкъ іде: „подавай лошадевъ!“ Становый іде: „подавай лошадевъ!“ Дохтуръ, хвершалъ: „подавай лошадевъ!“ На що вже кушарка, и та репетуе: „подавай лошадевъ!“.. Прямо нема тоби супокою, а ни Боже мой! О, лыбонь вже щось бижыть зъ дзвинкомъ! (*Прислухається*). Ни, то Явтухова корова реве! За чотыри мися-

ця зовсимъ одбигавъ ноги; помылуйте, що дня, якъ скажений, пужаю по селу. О, вже зъ цего боку щось дзвеныть! (*Прислухається*). Ни, то Свырыдова собака дзявка. Видъ дзвинкывъ, та видъ талабончыкывъ дзвеныть у вухахъ, не мовъ, на дзвиньци. Помылуйте, я такъ не согласной! ось и заразъ, люде добри вже спочывають, а я гасаю по селу, якъ нависный, бо прыйшла бумага видъ урадныка, за лумеромъ першымъ, чы за 25-имъ, не розберу?..

Урадныкъ ще вчора звеливъ,
Щобъ заразъ я всимъ обявывъ,
Шо е бумага видъ самого,
Видъ прыстава станового.

„Щобъ хлопци не смылы:
А ни у карть граты,
А ни жартуваты,
Ни писень спиваты,
По вулицяхъ не ходылы
Та все по хатахъ сыдылы.

„Надинь, каже, бляху
Та завдай всимъ страху“.

Думавъ, якъ здобуду я чына,
Мене покохае дивчына,
Галыною ось що зовется,
А вона ще гиршь сміється.

„Не ходы до хаты,
Собакъ дратуваты,
Убирайся къ бису,
Чортывъ дармовисе,

Выбый, каже, хвистъ обь тынь,
Плювать мени на твій чынь!“..

Отъ и надивъ бляху,
Соби завдавъ страху! (*Помовчавъ*).

Одначе Гали щось не выдко!
Не вже жъ не выйдешъ, моя рыбка?

(*За лаштунками гукають: говъ-говъ!*)

Гукають зновъ! (*Гукають*).
А де вы говъ? (*Помовчавъ*).

Колы засунувъ въ ярмо шыю,
То, мабуть, ничого робыть,

Ходимъ, голубчыку, Мусію!..
 Пиду, хлопцивъ розгову,
 Тай знову сюды майну.

(Иде и натыкаеця на Яцыху).

Стрывай, а що жь оце лежить?
 Пьяна!.. це протывъ закона!
 Та що жь вою це за парсона? *(Тягне)*
 А ну, вставай, лышень, небого,
 Та ну жь, спынайсь мерщій на ноги!..
 Та це жь Галюсына пакъ маты,
 Сердешна, не дійшла й до хаты!

Яцыха *(пидводытця сонна).*

Спасыби, свашко, вдоволнылась,
 И напылася, и наілася!
 А соцький, винъ свыця пыката,
 Нехай мынае мою хату!..

Мусій.

Якъ по закону поступаты,
 То слидь ін арештуваты:
 Началство въ вичи зневажаты,
 Цего не можна попускаты!
 Ходимъ, старенька, до росправы,
 Тамъ протверезыся ты на славу!

Яцыха.

Свахо, іжте, ось цыбуля,
 А соцькому пидь нисъ дуля!
 Та колыбъ не мы та не вы,
 То бь мы тута не булы,
 То бь мы тута не булы,
 Горилочки бь не пылы.

Мусій.

Пострывай же ты, псяюхо,
 Наклепаю тоби вуха!

Яцыха.

Высушылы ти живкы
 Що не пьютъ горилкы!

*(Соцький тягне Яцыху, вона почына
 опынатысь, а дали одбыватысь,
 соцький збыва зъ неи очипокъ).*

Я в а 8 - а.

*(Парубкы и дивчата выбыгають зъ
 реготомъ).*

Ось гляньте, братця, яка чудасія,
 Яцыха вхопыла за чуба Мусія!
 Ха-ха-ха, ха-ха-ха, отъ такъ молодыця,
 Вона ему надае ляпасивъ по пыци!

Максымъ.

Ну жь, гукнемъ на все село,
 Щобъ видъ спививъ загуло
 У соцького въ голови,
 Мовъ у пьяного чмели!

Вси.

Ха-ха-ха, ха-ха-ха-ха, у соцького въ
 голови,
 Ха-ха-ха... Мовъ у пьяного чмели!
 Намъ сегодня нагулятьця,
 Завтра будемъ прощаватьця,
 Завтра, братця, не одынь
 Изъ насъ стане пидь аршынь!

(Почынаютця таньци).

З а в и с а.

Дія 2-а.

Середина Яцькової хати, чепурна але не багата. Зправа пичъ, зліва вхідні двері, по середині хати проти вікна стилъ, дали мысникъ, жердка, скриня и т. и. Смеркає, горить свитло.

Ява 1-а.

Галына (*сидячи біля вікна, сумує*).

Ой у саду, на вишеньци,
Соловейко щебетавъ;
Пидь вишнею козаченько
Дивчиноньку улецавъ:
„Не йды, мыла, за другого,
Пожды мене молодого“.
Дивчинонька гирко плаче,
Соловейко все те баче
Та щебече: тѣхъ, тѣхъ, тѣхъ!
„Чого тужышь, чого плачешъ,
Серце розриваешъ?
Чы вже жъ мене молодого
Не вирно кохашъ?
Не плачь, мыла, я вернуся,
Тоди зъ тобой одружуся“...
Дивчинонька гирко плаче,
Соловейко все те баче... и т. д.
Не вернувся козаченько,
Померъ на чужини,
Поховалы чужи люде,
Въ чужій домовини.
А дивчына якъ зачула,
У садочокъ улынула,
Тужыть, вяне, гирко плаче: и т. д.

Максымъ (*спива за вікномъ*).

Та по пидь мостомъ трава росте,
Щука хвилью гоне,
Товарышу, вирный брате,
Чомъ дивчына не говоре?

Галына.

Прийшовъ такы, а я сумую,
Прыкнуса, мовъ-бы й не чую!

Максымъ.

Ой, дивчыно моя мыла,
Говоры зо мною,
Якъ не будешъ говорыты,
Умру, серце, за тобою!

Галына.

Ни, не хочу бильше драгуваты,
На що жалю завдаваты?
Ой ты умрешъ изъ вечора,
А я умру въ ранци,
Нехай же насъ поховають,
Зъ тобою, серце, въ одній ямци!
*(Пры останнихъ двохъ стричкахъ
входе Максымъ).*

Ява 2-а.

Максымъ.

Галыно, що чую? Я серця не чую!
Промовъ же, промовъ же, ще словечко,
Нехай же забється мое сердечко?

Галына.

Люблю, люблю, люблю!

Разомъ.

Люблю тебе ^{дивчыно} _{козаче},
Прыслухайсь, якъ серце у грудихъ
скаче,
То жъ видъ кохання, то жъ не зъ
роспuky,
Поможы намъ, Боженьку, звязаты
руки!

Максымъ.

Вирю тобі, мое серце,
А шо скаже маты?
Не видасть тебе за мене,
Бо я не багатый!

Галына.

Завтра стану я благаты
Неньку свою любу,
Щобъ не сылвала мене
Замижъ за нелюба!

Разомъ.

Люблю тебе ^{дівчино}_{козаче} и т. д.

Галына.

Скоро вже й пивничня доба,
А матери и досы нема,
Пишлы просо потовкты,
Пора бь уже имъ и прыйты.

Максымъ (*наслуха*).

Стрывай-бо, нибы щось спива? (*Пид-
бига до вкна*). Лыбонь двое?.. Йдутъ
сюда!..

Галына.

Невже? Охъ, лихо!

Максымъ.

Цыть, Галю, тыхъ!
Свитло, погасы мершій,
Тай гайда звидциль худчій!

Галына.

Не чуть?

Максымъ

Ба йдутъ! Ц-сь, ц-сь!
Люблю тебе ^{дівчино}_{козаче} и т. д.

Я в а 3-я.

Яцько, Стецько и Стецыха (*спивають
'за лагитунками*).

Та напыймося, родыно,
Щобъ намъ жыто родыло,
И жытечко, и овесь,
Щобъ зибрався ридь увесь.
Свахо, видченая, та гостей впускай,
Ну жь-бо, ворущысь, устань, пробудысь!

Яцько.

Жинко, видчыйнай, та гостей впускай.
Чы ты жинко спышь? (*Входятъ
у хату*).

Отъ тоби кпышь!

Свате, це вы свичку погасылы?

Стецько.

Ня!

Яцько.

Навожденные!

Стецько.

Скушеные!

Стецыха.

Попущеные!

Яцько.

Темно въ хати, мовъ въ печи,
А ну, свате, дужчь крычы.

Стецько.

Гей, хто въ хати озовыся,
Гей, хто у темній оклыкныся,
Та выкрышемъ вогню
Та засвitemь свичку, не журыся!

Яцько (*спиткнувся на мишокъ и
впавъ*).

Стовкла, бачу, Хымка просо,
Колыбъ не набыты носа!

Стецько и Стецыха.

Куды насъ ты прытысь?

Яцько.

Мовъ бы въ леху темно.

Стецько и Стецыха.

Та нехай же тоби бись!

Яцько.

Не лайтесь даремно,
Намацаю заразы свичку,
А ты, свате, давай швыдче шпычку!

Стецько.

Хто жь шануе такъ кумивъ?

Стецьха.

Певно, куме, ты здуривъ.

Яцько.

Не гнивайтесь, кумы любі,
Заразь и порадокъ буде,
Тилькы бь мени знайты свичку,
А ты, свате, давай швыдче шпычку!

Стецько.

Ой ты люба моя жинко,
Гайда краще мы до шпынку.

Стецьха.

Яцько збывся зь панталыку,
Наплюй, сердце, ему вь пыку!

Яцько.

Ось, намацавъ вже я свичку,
А ты, свате, давай швыдче шпычку.

Стецько.

Та продавъ чоловікъ бугая...

Стецьха.

Жинка корову й теля.

Ой, мужу, та напыймося,
Та покаймося,
Зь горилкою розпрощаймося.

Стецько.

Друже мій, я жь мужь твій!

Стецьха.

Дружно моя, я жь жона твоя!

Яцько.

Давай, давай, свате, шпычку,
Я засвѣтю свичку!

Стецько.

Та продавъ чоловікъ хату...

Стецьха.

Жинка рогачь и лопату.

Ой, мужу, та напыймося,
Та покаймося,
Зь горилкою розпрощаймося!

Стецько.

Друже мій, я жь мужь твій!

Стецьха.

Дружно моя, я жь жона твоя!

Яцько.

Давай, давай, свате, шпычку,
Я засвѣтю свичку!

Стецько.

Та продавъ чоловікъ овечать...

Стецьха.

Жинка квочку и курчать,

Ой мужу, та напыймося,
Та покаймося,
Зь горилкою розпрощаймося.

Стецько.

Друже мій, я жь мужь твій!

Стецьха.

Дружно моя, я жь жона твоя!

Яцько.

Давай, давай, свате, шпычку,
Я засвѣтю свичку!

(Стецько и Стецьха виходять зъ хаты).

Чого вь хати стало тыхѣ?

Де вы, Стецьку и Стецьхо?

Не чуть! чы не мара, у лехь мене
це завела?

(Свѣтитъ сирныка).

Та це не свичка, а ломака! *(Кыда качалку).*

Чы не бисова маряка,
Ачъ, чога тутъ натворыла?!

Я в а 4-а.

Яцыха (*за лаштункамы*).

Пыку всю ему побыла!

Яцько.

Стрывай, це жинка галасае!

Яцыха.

Де жъ це мій Яцько блукае?
Колыбъ швыдчъ вернувсь до хаты,
Серце на ему зирваты!

Яцько.

Буде, Яцьку, лыхо, сыды краще тыхо!

Яцыха.

Та щобъ я та за Мусія
Свою Галю виддала,
Не загляне бильшъ и въ хату,
Прожену дрючкомъ зъ двора,
И Яцькови задамъ чосу,
Натовчу, якъ кишку носомъ!

Яцько.

Ото гаспидська лычына,
Начувайсь теперь чупрына.
Отъ же йде вже, йде сюды,
Де сховатись видъ биды?
Куды, куды, куды?... (*Бигае по хати*).

Це чортячий лехъ, бо й пичъ
Та ще и тепленька,
А ну, Яцьку, лизь мерщій
Та лизь потыхеньку. (*Вылазять на пичъ*).

Яцыха (*вбига*).

Ахъ ты гайдамако!
Ахъ ты розбишако!
Соцький, бачъ, велька птыця!
А що, зъивъ ляща по пыци? (*Свите*).
Шожъ це въ хати нема Гали?
Вже вси люде полягали.

Яцько (*роздывляється*).

Моя хата, чы не дыво!

Яцыха.

Тилькы въ шыньку свитло блыма
Та въ росправи ще блещыть...
Де жъ це Яцько?

Яцько (*засовуетця дали на пичъ*).

Яцько спыть!

Яцыха.

Хто тамъ на печи?

Яцько.

Яцьку, мовчы!

Яцыха.

Нужъ-бо, озовысь?

Яцько.

Цыть, не ворущысь!

Яцыха.

Чы це, Яцьку, ты? (*Дѣрга его*).

Нужъ-бо, швыдче пробудысь,
Мій любый розмаю,
Чы давно ты спочываешъ,
А я тебе лаю?
Не гнивайся, мій ты мужу,
Що лаяла тебе дуже!

Яцько.

Ну тай спавъ же оце цупко! (*По-зыха*).

Ты давно прыйшла, голубко?

Яцыха.

Чы ты знаешъ що вчынылось,
Я зъ Мусіемъ заразы былась!
Я на прызби, бачъ, заснула,
А винъ, чортова мачула,
Прычепывся тай въ росправу...
Хиба мае винъ те право?

Яцько.

Казавъ тоби разъ,
Казавъ тоби два,
Ой, не пий ты горилочки,
Бо зведе зъ ума!
А ты мене дорикаешъ,
Сама жъ що-дня кулкаешъ!

Яцыха.

Сватавъ Гальку, дзускы бисе,
Рябий канпуръ, дармовисе!..

Яцько.

Робы такъ, якъ я,
Пий та не що-дня,
А звычайно, въ свято
Выпый не багато.
А ты мене дорикаешъ,
Сама жъ що-дня кулкаешъ!

Яцыха.

Годи, годи вже повчать,
Пора тоби й замовчать!

Яцько.

Мовчы ты, то краще буде,
Скажешъ слово—война буде!

Яцыха.

Що?! Зъ просоння ты, чы може зъ
перепую?
Чы довго будешъ мене дратувати?
Я тебе протурю зъ хаты!

*(Кыдається на него зъ коцюбою,
Яцько схопивъ макогона).*

Я в а 5 - а.

Мусій, пысарь и два чоловика.

Мусій.

Пане пысарю, пышы протокола!

Пысарь.

Позвольте, сяду я за стола?
Во-первыхъ, што пысать?

Мусій.

Я заразъ буду дыхтувать.
Пышы! За чуба соцького вхопыла
И прысульствіе зъ джергета збыла!

Пысарь.

Якый законъ тутъ пидвесты?

Мусій.

Щобъ заразъ ризокъ прынести,
Оттуть гарненько розипьять,
Тай всыпать двадцать пять!

Яцько и Яцыха.

По якому праву?

Мусій.

Це не вамъ пытать,
Ни слова, мовчать!..
Прыйдете въ росправу,
Тамъ и прочытаемъ,
Перше жъ видшмагаемъ,—
Пысарю пышы!

Пысарь.

Во-первыхъ, што пысать?

Мусій.

Якъ тоби не знать?

Пысарь.

Положымъ, знаю во-первыхъ,
Но што же будетъ во вторыхъ?

Мусій.

Берить Яцыху, розипнить!.. *(Галы-
на входе).*

Галына.

Люде добри, пидождите,
Не соромте ненькы, (2)
Пры старосты литъ!
Визьмить краще, замистъ ненькы,
Мене розипнить,
За матирь не страшно
И житте згубыты!

ПЫСАРЬ.

Во-первыхъ, што пысать?

МУСІЙ.

Пышы такъ. Якъ що Яцыха соглас-
нія виддаты замижъ свою дочку Галыну,
за пана соцького Мусія, тобъ-то за мене,
то я Яцysi, выбачаю!

ПЫСАРЬ.

Цего закона я не знаю! (*Входе
Максымъ*).

Максымъ (*тыхо Мусію*).

Пане соцький, видкыньтеся видъ Га-
лыны, колы вамъ шкода своихъ реберъ,
нась тутъ зибралось бильшь пивсотни...
А за такую честь, я вамъ роблю ось яку
честь: клычу васъ до себе за старосту!

Я в а б - а.

Входять парубны и дивчата.

МУСІЙ.

А чого сюды зибралысь,
Чы я вамъ ще не казавъ,
Чы бамагы не чытавъ,
Щобъ въ ночи вы не тынялысь?
Геть, заразъ звидциль, геть!
Геть, кажу вамъ, геть!

ХОРЬ.

Ой ты, брате, ты Мусію,
Чы бачывъ ты чудасію,
Шо чоловікъ за столомъ,
Пошывъ кожухъ постоломъ?
Ай да Мусій, ай да чудасій!

МУСІЙ.

Геть, кажу вамъ, звидцы, геть!

ХОРЬ.

Ой ты, брате, ты Мусію,
Чы бачывъ ты чудасію:

Шо чоловікъ за хатою,
Ловывъ рыбу лопатою?
Ай да Мусій, ай да чудасій!

МУСІЙ.

Я соцький тутъ, кому завгодно,
Заразъ одведу въ холодну!

ХОРЬ.

Який соцький ты безъ бляхы!
Геть же, швыдче на вси шляхы,
Геть же, къ бису убирайся,
Въ другой разъ не попадайся,
На цей разъ иды не бытый. (*Драж-
нять*).
Гаръ-гаръ-гаръ, який еердытый!

МУСІЙ.

Таке поношеные!
Я заразъ напишу отношеные, про-
шеные, доношеные!..

(*Его и пысаря выпыхають*).

ЯЦЫХА.

Мене ты, доню, захыстыла,
Видъ сорому и видъ зневагы,
Цилкомъ ты сердце полоныла,
И я не маю бильше звагы:
Хто до мысли йды за того,
Не сушы ты сердца своего!

Галына (*бере за руку Максыма*).

Це жъ той, мамо, соловейко,
Що въ садочку щебетавъ,
Це жъ той, тату, козаченько,
Що зо сну мене жахавъ.

МАКСЫМЪ.

Це жъ та сыза голубонька,
Що я зъ нею воркувавъ,
Це жъ та любя дивчынонька,
Що я щыро покохавъ!

Максымъ и Галына.

Спаруйте насъ до купонькы,
Щобъ щастя мы зазналы,
Та щобъ усн добри люде,
На насъ дывувалы!

*(Хоръ у друге співа ці жъ слова,
Максымъ и Галына кланяються)*

*батькови и матери по тричи въ
ногы. Передъ цымъ Яцыха, порадыв-
шысь зъ Яцькомъ, бере рушныкъ и
простиля доли, а Яцько бере хлїбъ
и благословля).*

З а в и с а.

Д і я 3-я.

*Та жъ хата, передъ вїкномъ стилъ, кругомъ лавы, за столомъ Галына,
прыбрана по весильному, кругомъ неи дружкы; на столи гильце, коровай
и страви.*

Я в а 1-а.

Галына, дружкы, Яцько и Яцыха.

Дружкы.

Гусла гудуть,
У двірѣ идуть,
Та рано, рано
Та ранесенько!
Та наряджайся,
Дивко Галыно,
Та рано, рано, и т. д.

Ганно.

Ну жъ, Галыно, уставай,
Гостей дорогихъ витай,
Молодого зъ буярамы,
Свѣтлоньку изъ свашкамы!

Яцько и Яцыха.

Вже буяре бїля ворить зупыняются,
Вже зовыци у свѣтлоньку задыв-
ляются!

Дружкы.

А вже гости на перемости,
А Галына не йме виры,
До Бога рученькы зносять,
Свого батенька просятъ.

Галына.

Захочай мене, ты мїй батеньку,
За стїны камьяныи,
Обсады жъ мене, ты мїй батеньку,
Запашненькимъ васылечкомъ.

Яцько и Яцыха.

Сховаю тебе, донечко моя,
За столы тесови,
Обсажу тебе, донечко моя,
Пышнымы дружкамы,
Обмыю тебе, донечко моя,
Дрибенькымы слизонькамы!

Дружкы.

Грайте музыкы, грайте,
Та въ двірѣ не вїзжайте,
Ще жъ Галына не ваша, а наша,
Бо ще жъ вона тай не зряжена,
На посади не посажена!

Гости *(на подвірїи)*.

Ой, докы мы та стоятымемъ,
Сыру землю та топтатымемъ,
Червонымы чобиточкамы,
Золотымы пидкнвочкамы.

Дружкы.

А у синечкахъ три верхы
Та нукуды Максымови ввїты,
Треба ему соколовкомъ летиты,
Щобъ бїля Галыны сѣдиты.

(За лаштунками).

Пусты, свате, въ хату,
Тутъ насъ не багато,
Четверо, чы пятеро,
А всихъ девьятеро;
А якъ же мы оглянемся,
То и въ хату не вберемся.

Яцько и Яцьха.

Годи-бо вамъ гостей дратуваты,
Пора вже ихъ гречно частуваты.

Дружкы.

Просымо, буяре, въ хату,
Годи травыцю топтаты,
Червонымы чобитками,
Золотымы пидкивками.

Яцько.

Просымо въ госпуду вступыты,
Хлиба-солы поісты
И меду-вына попыты.

Я в а 2 - а.

Мусій (старостою, за нымъ свитыл-
ка, потимъ Максимъ, 2-й староста,
буяре и гости).

Мусій.

Якъ маемо грызтысь та сварытьця,
Давайте будемо краще мырытьця,
Чы такъ, Яцьку, та Яцьхо? (Частуе).

Яцько.

Якъ такъ, то й такъ!

Яцьха.

Авже жъ що такъ!

Вси.

Нехай тій сварци лыхо!

Мусій.

Вирьте, сваты, що я не ворогъ вамъ,
Весилле на славу спорядкую самъ.
Чы такъ, Яцьку, та Яцьхо? и т. д.

Пидстароста.

Старосто, пане пидстаросто!

Мусій.

А мы ради слухаты!

Пидстароста

Благословить молодому въ госпуду
вступыты, молоду звеселыты? Разъ!

Мусій.

Богъ благословить!

Пидстароста.

И вдруге?

Мусій

Богъ благословить!

Пидстароста.

И втрете?

Мусій.

Богъ благословить! Вси тры разы
Богъ благословить!

Дружкы.

Ой ишовъ Максимъ на посадъ,
Зустріча его Господь самъ,
Зъ долею щасливою,
Зъ доброю годиною!

Дружкы.

Здвынулысь стины, якъ буяре силы,
Ще гирше здвинутця, якъ горилки
напьютця.

Ой вы, старосты, вы люде ста-
тецкіи,

А вы, буяре, вы сыны отецькіи,
Де жъ вы, старосты, коныкивъ
здобувалы,

А вы, буяре, жупанивъ позычалы?

Старосты и буяре.

Ой вы, дружочки, вы наши голубочки,
Десь вы, дружечкы, сорому не маете,
А що вы-бо насъ за коней пытаете?
Забарыла насъ та Максимова маты,

Ласкавымы словамы,
Солодкымы медамы,
Былымы калачама,
Выражала насъ
Зъ скрипкамы, зъ цымбаламы.

1 Дружка.

Свитылочко панно,
Вечеряй ты зъ намы,
Та не будь така пышна,
Якъ у саду вышня.

Свитылка.

Ой, якъ бы жъ я панна,
Не сыдила бъ зъ вами,
Сыдила бъ зъ панамы,
Зъ кращымы, якъ зъ вами.
Не велила маты
Зъ вами вечеряты,
А велила маты
Зъ вами погуляты! (*Сила за стиль*).

Дружки.

Одъ столу до прыпичка,
Утоптана дорижечка,
Матинка утоптала,
Вечеряты подавала.

Галына и Максимъ (*кляняються*).

Частуй, батеньку, частуй,
Щастямъ, долею даруй,
А якъ же $\frac{\text{я}}{\text{вона}}$ жыва $\frac{\text{буду.}}{\text{буде}}$
 $\frac{\text{я}}{\text{вона}}$ тебе не $\frac{\text{забуду.}}{\text{забуде}}$.

Дружки.

Ой, ходыла та Галына по городу,
Та садыла садъ-выноградъизъприходу,
Та й забула воритечка зачыныты
Та й мусыла свого батенька розбудыты.

Галына.

А я жъ тоби нызенько уклонюся,
Дрибненькымы слизонькамы умыюся.

Пиду, пиду, мій батеньку, та й видь
тебе,
Зостанеться рута-мята вся у тебе.

Дружки.

Старосто старесенький,
Голубчыкъ сывесенький,
Выведы насъ изъ хаты
На двирь погуляты,
Выведы изъ за-столу
У хатыноньку простору.

Мусій.

Чы не криви вы, чы не горбати,
Чы вміете хочъ потанцюваты.

Дружки.

Мы не криви, мы не горбати,
Уміемо танцюваты,
Ударымо пидквивкамы,
Заморгаемъ бривонькамы,
Пане старосто,
Пане пидстаросто.

Вутка йде, вутеняты веде:
И на рясочку и на попасочку,
На холодную водыцю,
На зеленую травцыю.

Максимъ и Галына.

Просымъ дорогихъ гостей,
За стиль захожаты,
Нашого хлиба' солы,
Досыть ужываты.

Чымъ Богъ пославъ, годуйтеся,
Нашимъ щастемъ дывуйтеся.

Всему роду вклоняемось,
Просымъ веселытеся,
До нашего ублагання
Серцемъ прыхылытеся.

Чымъ Богъ пославъ и т. д.

Мусій.

Розступитеся, мыряне,
Молодыта погуляють:
Сегодня до схочу нагулятеся,
Завтра рано до виньця споряжатыся.

Сваты, диды, батькы,
Сидайте за чаркы,
Сидайте за стиль въ рядъ,
Кохайтеса на молодягъ.

Вси.

Музыкы, почынайте граты!

Мусій.

Нальвайте чаркы, свате.

Вси.

Грайте скрипки и цымбалы,
Гудить басы на пропале!

Дружка.

Нумъ, дружечкы, нумъ, сестрычкы,
Паруймося,
У Галыны, на весили,
Натанцюймося.
Це жъ останне ии дивуванячко,
Завтра прыйде зъ нею розставанячко.

Вси.

Ну жъ, гукнемо на все село
Та выведемъ голосницъ,
Грайте музыкы дрыбницъ!

Ой, полола горлыця лободу, ло-
боду,

Та послала прыпотня по воду,
по воду,

Леты, леты, прыпотню, не барысь,
На чужіи голубонькы не дывысь!

Летивъ, летивъ прыпотень та й вто-
мысь,

На пивъ шляху дориженькы зупы-
нысь,

А на тее горлыця не дбае,
Ледацюгу прыпотня все лае.

Бодай тоби прыпотню сто бисивъ,
Що полетивъ по водыцю та й
засивъ,

Я жъ тоби чубчычокъ обскубу,
Я жъ тоби крылечка обирву!

Вже не будешъ бильше ты литаты,
Та чужіи горлыци кохаты,

Сыдитымешъ у куточку на печи,
Та істымешъ гречаныи калачи!..

*(Нисля стиву буярынъ зъ дружкою
танцюють).*

З а в и с а.

Головни друкарські помилки.

Сторінка.	Строчка.	Надруковано.	Повинно бути.
3	11	не треба	не треба
9	31	щастя	щасте
9	34	така жь помилка	
10	29	за	зь
12	19	нись	нись
—	20	видчений	видчений
15	25	юсне	ясне
—	29	знаеть	знаеть.
16	13	высохнуть	высхнуть
18	19	талану	талане
21	11	Някого	Някого
—	25	а у тебе	а у тебе жь
22	25	постривай	постривай
23	19	похавъ	похавъ
26	22	якъ	Якъ
—	27	цялюю	цялюю
—	13	всего	все
28	24	зажте	заїжте
29	11	рышывъ	рышывъ.
30	20	новеселищаю	повеселищаю.
—	22 и 23	повоженне	поводженне
33	6	и т. п.	и т. п.
33	и 34 сторінки въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
34	23	тепла	тепло
—	29	невже	Невже
36	26	Няково	Няково
37	3	играшку	ыграшку
—	17	предытели	прылетели
38	1	3-а	3-я
—	19	познаку	по знаку
39	1	приголубе	прыголубе
—	34	въ зализо	въ зализа
44	14 и 15	То то-жь бо	Тото жь-бо
45	38	3-а	3-я
46	17	помыляюсь	помыляюсь
47	21	свить	свить,
52	23	найзручнись	найзручнись
—	29	пригорнуты	прыгорнуты
54	7	мабудъ	мабудъ
55	16	ну щожъ	ну, щожъ
58	5	розгдумачывъ	розгдумачывъ
—	7	почина	почина
—	19	враньци	въ ранци
68	35	чолонкаются	чолонкаютця.
—	28	цялуется	цялуецця
73	13	роднаго	ридного
74	14	Задвлятысь.	Задвлятысь:
75	29	терчытъ	стерчытъ
80	27	жахається	жахаецця

Сторінка.	Строчка.	Надруковано.	Повинно бути.
80	32	прывдвляется	прывдвляецця
81	20	найпершый	найпершымъ
—	32	усни	у снѣ
82	16	побачывъ	побачывъ
86	1	позтому	по этому
—	25	что бы	чтобы
87	26	исты	істы
89	20	что бы	чтобы
—	32	что бы	чтобы
99	30	что бы	чтобы
112	17	чокаются	чокаютця
114	14	прыблыжмлы	прыблыжылы
115	33	нашои паночки	нашои панночки.
116, 117, 118, 119, 120 и 121	въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
123	23	граеть	граешъ
124	1	2-я	2-а
—	2	вскрытый	вкрытый
124, 125 и 127	сторінки въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
128	7	мабудъ	мабудъ
129, 130, 132, 134 и 135	стор. въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
135	22	зысы	зысы
—	29	17-я	17-а
136	1	18-я	18-а
137, 138 и 139	стор. въ усихъ явахъ за мисць: я, повинно бути: а.		
141	9	не втомный	невтомный
—	29	1-я	1-а
143	23	3-а	3-я
144	29	4-я	4-а
147	2	здоровля	здоровья
149	29	помираешъ	померашъ
150	21	висемъ	висимъ
151	30	тревожиты	тревожыты
154	38	винця	виньця
156	35	спасена	спасенна
159	24	здоровьача	здоровьачка
—	18 и 19	ходате	ходимте
161	2	похожий	похожий
—	6	сходьтесъ	сходьтесъ
164	21	Ны	Нѣ
—	—	видповиди	видовиди
165	35	ихъ.	ихъ
—	5	Найбилшь	Найбильшъ,
173	7	вчуается	вчуаетця
—	8	зъявляются	зъявляюцца
176	11	привикаты	прывыкаты.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ

А. С. КЕТЛЕРОВОЙ,

*Николаевская пл., 29 * Екатеринославская ул., 34*

въ Харьковѣ.

107 3947

.K73

1095

v. 1-2

